

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

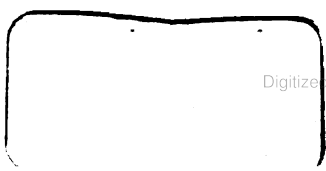
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

6

* 9/27

*QCA

РУССКОЕ СЛОВО.

VII.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО - УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОНЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ БЕЗВОРОДКО.

1859.

И Ю Л Ъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМПА.

252888

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 8 Юля 1859 года.

Ценсоръ С. Палаузовъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН	
Благодѣтели. Романъ. Часть вторая. М. МИХАЙЛОВА . . .	1	✓
Диссонансъ. Я. ПОЛОНСКАГО	91	
Присоединеніе Амура къ Россіи. Статья третья. Д. РО- МАНОВА	93	✓
Геденъ. ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО	137	
Современныя германскія тѣмсты. Статья первая. П. Л. ЛАВРОВА	141	/

ОТДѢЛЪ II.

Критика. О значеніи романа нравовъ въ наше время, по поводу новаго романа Г. Гончарова «Обломовъ». К. Б.	1	✓
HISTOIRE DES RÉVOLUTIONS D'ITALIE OU GUÉLFES ET GIBEL- LINS, par J. Ferrati. В. ПОПОВА	37	

ОТДѢЛЪ III.

Сивъсъ. Александръ фонъ-Гумбольдтъ	1	
О первоначальномъ (элементарномъ) обученіи, какъ ис- ходномъ моментъ основательнаго образованія. Статья первая. Ф. ТОЛЯ	34	
Прежнія и будущія пути сообщенія Кавказа	69	
Опера и ея новѣйшее направленіе въ Германіи. Крити- ческій вступъ. Статья вторая. А. СЪРОВА	88	
Письмо изъ Берлина. В. И. ВОДОВОЗОВА	113	
Московскія скачки 1859 года. О. П—Й.	118	

Общественная жизнь въ Петербургѣ. Сборы. — Кулербергъ до 12-ти часовъ вечера. — Кулербергъ за полночь. — Открытіе памятника Императору Николаю I. — Баронъ Клодтъ и Рамазановъ. — Художественныя выставки г. Зміоски. — Гулянья по водѣ. — Гонка судовъ. — Новый яхтъ-клубъ. — Гулянья на землѣ. — Смерть Фалъева. — Два слова о Дюпре. — Отстройка Театра-Цирка. — Благотворительное гулянье въ Полюстровѣ. ЕГОРА МОЛЛЕРА	147
--	-----

Отъ Редаціи	160
------------------------------	-----

Шахматный листокъ. Нѣсколько словъ въ видѣ вступленія. — Разсужденіе о распространеніи шахматной игры въ Европѣ и Америкѣ. — Торжество въ Нью-Йоркѣ по случаю возвращенія Морфи. — Партіи: Ланге съ Зиккелемъ и Эліасономъ; Лондонскаго клуба съ Парижскимъ; Лабурдоне съ Макдошелемъ; Стаунтона съ Андерсеномъ. — Примѣчаніе къ <i>проблемъ коня</i> . — Руководство къ изученію шахматной игры, соч. кн. Урусова (статья 5-я). Рѣшеніе задачъ. — Задачи. ВИКТОРА МИХАЙЛОВА	159
---	-----

Записки Мелкотравчатого. Глава VII—X. Е. Э. ДРИАНСКАГО. Въ приложеніи.

БЛАГОДѢТЕЛИ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Сегодня какъ вчера и завтра какъ сегодня, шла жизнь Васи подъ благодѣтельной кровлей Платона Николаевича. Вася очень скучалъ и, не смотря на свою лѣнь, съ надеждой смотрѣлъ на будущее свое ученье въ гимназiи, и нетерпѣливо ожидалъ времени экзаменовъ. Что онъ зналъ, было совершенно достаточнo для перваго класса, и потому Платонъ Николаевичъ смотрѣлъ сквозь пальцы на не всѣмъ-то прилежныя занятiя его дома. Кромѣ того, задавать и просматривать ариметическiя задачи такъ надoблo Платону Николаевичу, что съ наступленiемъ теплыхъ весеннихъ дней онъ пересталъ и спрашивать Васю о нихъ. Возвратившись въ потѣ лица (не столько отъ трудовъ, сколько отъ жару) изъ палаты, Платонъ Николаевичъ спѣшилъ облачиться въ халатъ, пообѣдать и лечь отдохнуть. Разумѣется, и вечеромъ было ему не до Васи. Напившись чаю, онъ тотчасъ же собирался въ гости, или гулять, по прежнему, если не болѣе, возбуждая какiя-то таинственныя подозрѣнiя въ Агаофѣ Максимовнѣ, которыя и оканчивались обыкновенно извѣстною развязкой за ужиномъ.

Передъ самымъ поступленiемъ Вася въ гимназiю, Платонъ Николаевичъ получилъ отъ Анны Васильевны письмо.

Отд. I.

1

которое произвело неприятное впечатлѣніе и на него, и въ особенности на Агаею Максимовну. Письмо было написано не собственноручно Анной Васильевной, а только подъ ея диктовку. Сама Анна Васильевна не вставала съ постели по случаю серьезной болѣзни. Въ началѣ лѣта она отправилась пѣшкомъ на богомолье верстъ за сто отъ города, страшно истомилась дорогой, а на возвратномъ пути ее вымочило холоднымъ дождемъ, и она пріѣхала въ монастырь почти безъ памяти. Въ письмѣ Анна Васильевна выражала опасеніе за свою жизнь, и просила Агаею Максимовну и Платона Николаевича призрѣть по смерти ея неприютную спотку Пашеньку, пока не возьметъ ее къ себѣ, какъ обѣщала, другая тетка, Лидія Петровна Дубровская. Просьба эта вывела изъ себя Агаею Максимовну.

— Да чтожъ это такое? восклицала она, показывая зубъ: — на смѣхъ это, что ли? Вотъ, достались имъ какіе дураки! Мало, что одного на шею себѣ навязали, помнѣ, кормимъ, обуваемъ, одѣваемъ; еще возьми и другую! Миліончиковъ какихъ нашли, право.

— Вы напрасно огорчаетесь заранѣе, маменька, стараясь утѣшить ее Платонъ Николаевичъ, хотя въ душѣ вполне раздѣлялъ ея образъ мыслей: — вѣдь Анна Васильевна, слава Богу, еще жива, да притомъ и Дубровская хотѣла быть въ К. нынѣшнимъ лѣтомъ. Еслибъ и случилось такое несчастіе, какъ смерть Анны Васильевны, такъ вы знаете — Лидія Петровна давно ужъ съ нею списывалась, хотѣла все Пашеньку къ себѣ взять. Она только не соглашалась — жаль было разстаться съ дѣвочкой.

— Всегда была дура, сердито замѣтила Агаея Максимовна: — душой видно и въ могилу сойдетъ. Экая богачка какая! Жаль разстаться съ ребенкомъ! Нѣжности тоже при нашей-то бѣдности.

— Чувство, маменька, понятное.

— Будетъ тебѣ понятное, какъ еще обуза навяжется!

— Да Лидія Петровна возьметъ.

— Хотѣла взять, а теперь хочетъ ли еще, тебѣ вѣдь не сказывала. Знаемъ мы эти обѣщанья-то — вилами это на водѣ писано.

Платонъ Николаевичъ вздумалъ было возражать и спорить, но и самъ былъ не радъ: Агаея Максимовна пуше разсердилась, разбранила его, на чемъ свѣтъ стоитъ, разсердила и его самого, и переговоры кончлись тѣмъ, что Платонъ Николаевичъ плюнулъ, сказалъ: «тьфу! говорить-то съ вами — только воду толочь!» и ушелъ изъ комнаты, громко хлопнувъ дверью, причемъ Агаея Максимовна, раззѣбется, не преминула назвать его извергомъ рода чело-вѣческаго.

Шумѣтъ много было не изъ-за чего: въ то время, какъ пришло въ Н. это письмо, такъ разстроившее Агаею Максимовну, петербургская тетка Пашеньки была уже въ К. и подтвердила Аннѣ Васильевнѣ желаніе свое взять дѣвочку къ себѣ.

Лидія Петровна Дубровская была еще молодая женщина, лѣтъ двадцати пяти, и довольно красивая. Она воспитывалась въ Петербургѣ въ институтѣ, и въ первый же годъ по выходѣ изъ него вышла замужъ за гвардейскаго офицера. Гвардейскій офицеръ, женившись, справедливо разсудилъ, что въ яркомъ мундирѣ и въ эполетахъ особенной надобности теперь не оказывается, и потому вышелъ въ отставку, и принялся за разныя торговыя операціи. У него было прекрасное состояніе, и онъ любилъ при случаѣ упомянуть, что женился безъ всякихъ расчетовъ, единственно по влеченію сердца. Лидія Петровна вышла за него, какъ большею частію выходятъ въ шестнадцать лѣтъ: она почти не знала, какъ это случилось; ей казалось, что она его любить; всѣ говорили, что онъ страстно влюбленъ въ нее; онъ богатъ и красивъ, а она хоть и хорошенькая, но у нея ничего нѣтъ. Въ Лидіи Петровнѣ не было особенной суетности, и возможность жить роскошно и блистать въ свѣтѣ мало привлекала ее; но общій голосъ о любви Дубровскаго по неволѣ заставилъ ее думать о немъ все чаще и чаще; она рѣшила на основаніи этихъ думъ, что любить его, и вышла за него замужъ. Съ того времени, какъ ее отвезли въ институтъ, Лидія Петровна не выѣзжала изъ Петербурга. Въ послѣдніе годы она часто бывала больна, и отчасти чтобы провести нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ, на чистомъ

воздухъ, отчасти чтобы повидаться съ племянницей и можетъ быть взять ее съ собой, отпросилась у мужа въ К. Она прѣѣхала какъ-разъ кстаги: Анна Васильевна была при смерти.

Послѣднія минуты ея были бы очень темны, еслибъ у постели ея не сидѣла добрая женщина, которой она довѣрчиво передала свое единственное сокровище. Пашенька любила Лидію Петровну почти съ перваго разу, можетъ быть потому, что невольно въ каждомъ словѣ ея, обращенномъ къ племянницѣ, въ каждой ласкѣ ея просвѣчивалась любовь къ дѣтямъ, которыхъ такъ страстно хотѣлось имѣть Лидіѣ Петровнѣ.

Восемь лѣтъ замужства очень измѣнили ее, и Анна Васильевна, знавшая ее только по портрету, снятому въ годъ ея выхода изъ института, вѣрно не узнала бы ея сразу. На портретѣ было полное, свѣжее, почти дѣтское личико, окруженное свѣтлыми золотистыми локонами; и во взглядѣ, и въ улыбкѣ выражалось беззаботное веселье. Казалось, эти ясные глаза неспособны плакать, эти маленькія губки могутъ только смѣяться и шутить. Лидія Петровна, явившаяся въ тѣсную келью Анны Васильевны, была непохожа на эту безпечную веселую дѣвочку. Она была очень худа и блѣдна; глаза стали какъ-будто темнѣе и задумчивѣе; въ самой улыбкѣ было что-то грустное. Ея тихія манеры и кроткій голосъ невольно располагали къ ней всякого. Катерина съ вѣчнымъ своимъ скептицизмомъ не вѣрила рассказамъ Анны Васильевны о добротѣ Дубровской и о искреннемъ участіи, принимаемомъ ею въ маленькой племянницѣ. «Всѣ онѣ такъ издали-то, да на словахъ-то,» замѣчала она: «а на дѣлѣ и нѣтъ ничего. Вонъ и Агаѣю Максимовну послушать-то, такъ подумаешь, что чуть не распинается за ребенка; а его бы спросить сердечнаго — такъ, поди, житья нѣтъ.» Анна Васильевна, конечно, не возражала, потому-что, наслушавшись мрачныхъ предположеній Катерины, побаивалась иногда и сама за будущую судьбу своей ненаглядной Пашеньки. «Оно точно,» прибавляла подчасъ Катерина: «деликатности, чай, больше будетъ, чѣмъ у Агаѣи Максимовны; воспитана тоже

не такъ. Ну, такъ гордости, поди, сколько! Люди богатые; сама — дама петербургская. Видала я тоже петербургскихъ-то! Нафрантить, пыли въ глаза пустить — на это ихъ взять; тоже стелятъ-то мягко, да жестко спать». Катерина заранѣе смотрѣла враждебно на Лидію Петровну; она составила себѣ идеальный образъ какой-то неприступной, гордой и расфранченной столпной барыни, и нѣсколько разъ говорила, что даетъ правую руку на отсѣченіе, если она не такова. По пріѣздѣ Лидіи Петровны, Катерина, разумѣется, не вдругъ созналась въ несправедливости своихъ предположеній, не тотчасъ поддалась; но съ перваго же разу она увидала, что ей придется сдѣлать нѣсколько уступокъ изъ своего строгаго суда въ пользу Лидіи Петровны. Не столько ласковый тонъ, съ которымъ обратилась пріѣзжая къ нянькѣ Пашеньки, сколько общее впечатлѣніе ея разговоровъ и обхожденія подкупили Катерину. Катерина была не на столько самолюбива, чтобъ быть недовольною своею непроницательностью; напротивъ, она отъ всей души радовалась, что ошиблась въ мнѣніи своемъ о Лидіи Петровнѣ. Особенно пріятно было Катеринѣ, что Лидія Петровна, какъ только увидала ея воспитанницу, сказала: «Зачѣмъ это вы водите ее въ черномъ? Вѣдь она ребенокъ еще. Да къ тому-жъ лѣто теперь — ей, я думаю, и жарко такъ, и целовко». — «Не моя воля, Лидія Петровна,» отвѣчала Катерина: «воля тетеньки. Я имъ тоже говорила.» — Не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе произвели на Лидію Петровну и манеры Пашеньки, которыя еще страннѣе казались при ея черномъ костюмѣ: она научилась какъ-то особенно низко и церемоніально кланяться, какъ кланялись монахини, странно сидѣтъ вытянувшись на кончикѣ стула, ходя складывать руки подъ сердцемъ. Въ этихъ привычкахъ, кромѣ обыкновенной дѣтской подражательности, была отчасти виновата и сама Анна Васильевна: этотъ отгѣнокъ подобострастія въ пріемахъ казался ей чрезвычайно приличнымъ, особенно въ ребенкѣ. Пашенька усвоила себѣ эти монастырскія манеры постепенно и безъ всякаго принужденія, не изъ желанія понравиться теткѣ, а потому, что сужденіе Анны Васильевны казалось ей неопровержимымъ закономъ. Лидіи Петровнѣ показалось даже, что

дѣвочка и говоритъ какъ-то странно — на о, какъ говорило большинство въ монастырѣ.

Ни объ чемъ этомъ Лидія Петровна не сказала Аннѣ Васильевнѣ, потому-что застала ее уже въ очень опасномъ, почти безнадежномъ положеніи. Она ограничилась тѣмъ, что старалась успокоить больную относительно судьбы ея любимой племянницы. Анна Васильевна, казалось, только и думала, что о Пашенькѣ. Что ни говорила она, едва внятно и черезъ силу, все касалось Пашеньки.

Послѣдніе дни тетки остались навсегда въ памяти дѣвочки, какъ что-то и торжественное, и таинственное, и мрачное. Смерть отца не произвела на нее такого впечатлѣнія; ее только изрѣдка водили въ комнату, гдѣ онъ лежалъ; домъ, въ которомъ они жили, былъ великъ, и отца, когда онъ и здоровъ, дѣти видали не часто; Пашенька узнала, что онъ умеръ, когда его положили уже на столъ въ залъ подъ образами, а до того она и не думала, что онъ можетъ умереть. Смерти тетки, напротивъ, она ждала, потому что и сама Анна Васильевна говорила, что умраетъ, и Катерина подтверждала это, да и всѣ въ монастырѣ какъ-то особенно покачивали головами, спрашивая о больной. Анна Васильевна исповѣдалась и причастилась передъ смертью, и пособоровалась. Обрядъ соборованія, во время котораго всѣ стояли съ зажженными свѣчами, показался Пашенькѣ почти похоронами. Она горько расплакалась, и долго не могла утѣшиться. Послѣ соборованія Анна Васильевна совсѣмъ притихла, только попросила читать надъ ней отходную, и уже не говорила ни слова. Она скончалась незамѣтно.

Лидія Петровна взяла Пашеньку къ себѣ, и сказала Катеринѣ: «Я вижу, ты очень привязана къ свой питомцѣ; тебѣ вѣрно грустно будетъ разстаться съ ней. Я взяла бы тебя къ себѣ, еслибъ ты согласилась». Катерина уже думала объ этомъ, только не рѣшалась сказать Лидіи Петровнѣ и просить ее, потому-что все еще какъ-то ей не довѣряла. Благодарныхъ слезъ и признательныхъ словъ было безъ числа.

Схоронивши Анну Васильевну, Дубровская поѣхала съ

Пашенькой и Катериной къ себѣ въ деревню, въ сорока верстахъ отъ К.

Изъ четырехъ стѣнъ монастыря, изъ узкаго, сыраго и глухаго сада Пашенька перешла къ деревенскому простору; вмѣсто мѣрной, какъ заведенные часы, жизни, она отдалась волѣ безотчетнаго сельскаго житья. Ея не будилъ по утрамъ глухой звонъ колокола, не слышалось постоянно въ ушахъ церковное пѣнье, и не окружали ея черныя тѣни, отказавшіяся отъ свѣта жизни ради мрака молитвы. Пашеньку не тѣснила уже черная меринсовая ряса, въ которой она никакъ не могла пріучиться не путаться; черная остроконечная бархатная шапочка тоже была навсегда сброшена. Пашеньку одѣли въ коротенькое легкое платьице, обстригли ей волосы, которые ужъ заплетались въ косу, и дѣвочкѣ стало какъ-то и легче, и свѣтлѣе, и веселѣе. Катерина едва-ли не больше питомицы своей радовалась перемѣнѣ ея костюма.

Въ нѣсколько дней Пашенька привыкла къ Лидіи Петровнѣ почти такъ-же, какъ къ покойницѣ-теткѣ. Она звала ее «мамъ», и была при ней почти безотлучно.

Лидія Петровна не могла натѣшиться своей дочкой. Она не скучала по цѣлымъ часамъ разговаривать съ ней, слушать ея дѣтскій лепетъ и рассказывать ей что-нибудь. Рассказы были такъ-же непохожи на слышанные Пашенькою въ монастырѣ, какъ и самая обстановка была непохожа на монастырскую. Изъ рассказовъ Лидіи Петровны она знакомилась съ нуждами и интересами окружающаго міра, а не съ темными картинами какой-то мистической области. И надо правду сказать, гораздо болѣе сердечнаго участія возбуждали въ дѣвочкѣ разныя мелочи крестьянской жизни, къ которой такъ близко подошла она теперь, чѣмъ дикая судьба какого-нибудь Ивана Яковлевича, такъ тѣсно принятая всѣми къ сердцу въ монастырѣ. Въ полтора мѣсяца, прожитые въ деревнѣ, Пашенька отвыкла и отъ всѣхъ странныхъ пріемовъ, которые такъ поразили въ ней Лидію Петровну. Это сдѣлалось тоже какъ-то само собой, почти безъ всякихъ замѣчаній со стороны Лидіи Петровны.

Катерина была совершенно счастлива, видя, какъ любятъ ея Пашеньку, и каждый разъ, передъ тѣмъ какъ раздѣвать

и укладывать ее въ постель, заставляла дѣвочку молиться о новой своей маменькѣ, причѣмъ обыкновенно разсыпалась въ похвалахъ доброму сердцу Лидіи Петровны и желала ей всякого счастья. Это желаніе было едва-ли лишнее: Лидія Петровна, казалось, не была счастлива. Даже Пашенька замѣчала по временамъ затаенную грусть и сдержанныя слезы въ глазахъ Лидіи Петровны. Изъ разсказовъ лакея и горничной, пріѣхавшихъ съ нею, Катерина узнала, что Лидія Петровна не особенно хорошо живутъ съ мужемъ; ссорь, правда, большихъ не бываетъ, но онъ все больше по гостямъ разѣзжается, а она сидитъ дома и рѣдко-рѣдко когда поѣдетъ въ театръ или куда-нибудь.

И въ деревнѣ Лидія Петровна не измѣнила своему домо-сѣдству: не познакомилась рѣшительно ни съ кѣмъ изъ сосѣдей, которыхъ было немало и неподалеку, и единственнымъ развлеченіемъ ея было чтеніе, да довольно большія прогулки за околицу, въ поля и въ ближнюю рощу.

Деревенская жизнь не поправила здоровья Лидіи Петровны: такъ-же худа и блѣдна поѣхала она въ Петербургъ, какъ пріѣхала оттуда.

Незадолго до отъѣзда пришла къ ней Катерина съ просьбой взять и ее съ собой.

— Да я такъ и думала, отвѣчала Лидія Петровна: — хотѣла, чтобы ты осталась при Полѣ.

— Матушка Лидія Петровна! какъ мнѣ благодарить васъ! Благодарѣтельница вы наша! Да еще у меня просьбица къ вамъ, матушка.

— Чтò такое?

— Да вотъ все душа у меня не на мѣстѣ на счетъ Васеньки-то. Не возьмете-ли, матушка, и его къ себѣ.

— Я и рада бы, голубушка, да мужъ мой не согласенъ на это; мы ужь съ нимъ говорили объ этомъ. Теперь Вася, я думаю, поступилъ ужь въ гимназію; пусть пока тамъ учится, а потомъ, какъ кончить, мы постараемся, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, въ университетъ.

— Вы, матушка, хоть напишите Платону-то Николаичу, чтобы извѣщалъ васъ, какъ у нихъ дитя живетъ; а то теперъ, какъ Анны-то Васильевны нѣтъ — царство ей

небесное! — они думаютъ, чай, что и спросу съ нихъ не будетъ: Богъ знаетъ, какое Василькъ-то у нихъ будетъ житье. Какъ подумаешь только, вся душа сокрушается.

— Я напишу сегодня же, чтобы они хоть разъ въ мѣсяцъ извѣщали меня объ немъ, здоровъ-ли, и какъ учится.

— Покорно васъ благодарю, матушка.

Письмо Лидіи Петровны очень обрадовало и Платона Николаевича и Агаею Максимовну, потому-что убѣдило ихъ наконецъ, что нечего бояться имъ новыхъ хлопотъ, что Пашенька не попадетъ къ нимъ въ руки. И Катерина поѣхала въ Петербургъ съ болѣе спокойнымъ сердцемъ, зная, что будетъ имѣть отъ времени до времени извѣстія о Васѣ.

Лидія Петровна пріѣхала въ Петербургъ въ половинѣ сентября.

II.

Дорога занимала дѣвочку, какъ занимала каждого изъ насъ въ дѣтствѣ: все было ей и ново, и странно, и Пашенька почти не чувствовала дорожной усталости. Зато очень устала Лидія Петровна, и когда экипажъ остановился передъ большимъ домомъ на Литейной, гдѣ была квартира Дубровскихъ, ее почти на рукахъ подняли по лѣстницѣ.

Самого Дубровскаго не было дома: онъ уѣхалъ куда-то на обѣдъ. Лидія Петровна переодѣлась и легла на кушетку въ своей комнатѣ. Пашенька сѣла около нея.

— А ты не устала? спросила ее Лидія Петровна.

— Нѣтъ, отвѣчала Пашенька.

— А что же ты не походишь по комнатамъ, не посмотришь, какъ у насъ?

Пашенька пошла.

Квартира Дубровскихъ была не роскошная, но полная изящнаго комфорта. Пашенька не только не жилава, но и не бывала въ комнатахъ, убранныхъ съ такимъ вкусомъ, и потому все показалось ей верхомъ великолѣпія. Она обошла всѣ комнаты, и снова воротилась къ теткѣ, когда въ прихожей послышался звонокъ.

— Вотъ вѣрно и мужъ, сказала Лидія Петровна.

Пашенькѣ стало почему-то неловко; она какъ-будто боялась знакомства съ дядей.

Это былъ точно Егоръ Александровичъ. Онъ тотчасъ же вошелъ въ комнату, гдѣ лежала жена. Лидія Петровна шла уже ему на встрѣчу. Они поцаловались.

— Давно-ли?

— Сейчасъ.

— Что же не послала за мной?

— Зачѣмъ?

— Ну, какъ здоровье твое?

— Все такъ-же.

— Это и видно. Племянницу привезла?

— Какже. Вотъ она!

Ничего изъ этого разговора Пашенька не поняла, потому-что все было сказано по-французски.

— Поля! обратилась къ ней Лидія Петровна уже по-русски: — подойди къ папѣ.

Пашенька подошла. Егоръ Александровичъ поднялъ ее на руки и расцаловалъ въ обѣ щеки. Она вовсе не такимъ воображала дядю. Ей думалось почему-то, что онъ долженъ быть суровый, сумрачный господинъ, и притомъ старый, сѣдой. Оказалось; что Егоръ Александровичъ вовсе не таковъ. Онъ былъ высокъ, строенъ, моложавъ и даже очень красивъ. Въ густыхъ черныхъ волосахъ его, обстриженныхъ и завитыхъ по модѣ, и въ длинныхъ усахъ не замѣтно было и слѣда сѣдины; притомъ темные глаза смотрѣли очень ласково и привѣтливо на ребенка. Стало быть, и бояться было нечего. Егоръ Александровичъ былъ одѣтъ очень щеголевато, въ модномъ фракѣ, въ отлично повязанномъ галстухѣ; здороваясь съ женой, онъ не успѣлъ снять съ лѣвой руки своей палевою перчатку, безукоризненной чистоты.

— Ну, что, какъ тебѣ дяденька понравился? спрашивала вечеромъ Катерина, раздѣвая и укладывавая спать Пашеньку.

— Онъ добрый, отвѣчала Пашенька.

— Приласкалъ тебя?

— Да, взялъ на руки, поцаловалъ; говорилъ, что на этой недѣлѣ повезетъ меня въ театръ.

— А вотъ народъ толковалъ — слушай ихъ только! — онъ, говорили, нелюдимъ; не житье съ нимъ Лидія Петровна.

Скептицизмъ Катерины начиналъ по-видимому уступать мѣсто болѣе довѣрчивому взгляду на людей.

Спальня Пашеньки была рядомъ съ комнатою Лидіи Петровны; когда Катерина укладывала спать свою питомицу, Егоръ Александровичъ сидѣлъ у жены, разговаривая по-французски. Это былъ вообще обыкновенный въ домѣ языкъ.

Только одинъ этотъ вечеръ, кажется, и провелъ дома Егоръ Александровичъ въ теченіе зимы, если не считать двухъ вечеровъ, когда у него были гости. Почти всякой день, когда Пашенька собиралась уже идти ложиться спать и прощалась съ Лидіей Петровной, часу въ десятомъ, Егоръ Александровичъ являлся въ комнату жены уже во фракѣ и съ шляпой подъ мышкой. Перебросившись нѣсколькими французскими фразами съ женой, онъ пожималъ, а иногда и цаловалъ ей руку, и уѣзжалъ. Они сходились уже на другое утро, за завтракомъ.

Пашенька замѣчала, что иногда слова Егора Александровича, сказанныя имъ женѣ передъ уходомъ изъ дому, какъ-будто разстраивали Лидію Петровну; но она не понимала ни полслова, и потому иногда думала, что ошиблась.

Однажды, когда Егоръ Александровичъ простился и вышелъ изъ комнаты, дѣвочка такъ пристально устремила глаза на лицо Лидіи Петровны, что Лидія Петровна невольно спросила ее:

— Что ты такъ смотришь на меня, Поля?

— Ничего, отвѣчала Пашенька, но потупила глаза и покраснѣла.

— Поди ко мнѣ, дитя мое, сказала Лидія Петровна, взявъ дѣвочку за руку: — сядь тутъ.

И когда Пашенька сѣла около нея на диванѣ, Лидія Петровна стала гладить ее по головѣ и спросила:

— Ну, скажи мнѣ, Поля, о чемъ ты думала, какъ смотрѣла на меня?

— Я не знаю, мамѣ.

— Не правда, отвѣчала Лидія Петровна, какъ-будто желая хоть въ ребенкѣ найти себѣ повѣреннаго.

— Право, не знаю, сказала дѣвочка, робко взглядывая въ лицо Лидіи Петровны: — я думала, ты хочешь плакать.

Пашенька думала это и теперь: въ голосѣ Лидіи Петровны слышались слезы.

— Да, моя душечка, сказала Лидія Петровна: — я хочу плакать.

— Отчего, мамà?

— Оттого, дитя мое, что мнѣ больно, грустно, что я одна.

— Что ты въ гости не поѣдешь, мамà?

Но на этотъ вопросъ Пашенька не получила отвѣта, потому-что Лидія Петровна ужь плакала, закрывши лицо платкомъ. Пашенька тоже не могла удержать слезъ, хотя не понимала конечно, отчего онѣ наплывали ей на глаза. Слезы ребенка заставили Лидію Петровну придти немного въ себя; но послѣ двухъ-трехъ словъ утѣшенія, обращенныхъ къ Пашенькѣ, она еще больше расплакалась. Она обнимала и целовала продолжавшую плакать дѣвочку, и казалось находила какое-то странное утѣшеніе въ томъ, что дѣвочка на вопросы ея: «жалъ тебѣ меня, Поля?» отвѣчала: «жалъ!»

Заплаканная ушла Пашенька и въ свою спальню, и только понапрасну встревожила свою няньку.

— Что это съ тобой, моя радость? Объ чемъ это ты? спрашивала Катерина. — Кто тебя обидѣлъ?

— Никто, отвѣчала Пашенька.

— Чтожъ у тебя глазки-то красные? Объ чемъ плакала?

— Мама плакала, мнѣ и стало ее жалко, отвѣчала дѣвочка.

— Э! полно, радость ты моя! всѣхъ не пожалѣешься? У мамы можетъ горе какое есть; ну поплачетъ немножко— и все пройдетъ. А тебѣ-то что плакать? Вотъ развѣ самой скучно.... Скучно вѣдь тебѣ, родная? И подружекъ-то нѣтъ, поиграть-то не съ кѣмъ.... Скучно? а!

— Нѣтъ.

— Ужъ какое нѣтъ! Знаю я.... Надо вотъ Лидіи Пет-

ровнѣ сказать, чтобъ тебѣ товарку хоть какую нашла. Куклы.этакія у тебя хорошія, дорогія; а играть не съ кѣмъ.

Куклы у Пашеньки въ самомъ дѣлѣ были ужь не такія жалкія, какъ въ монастырѣ; но всю зиму проиграла она въ нихъ одна, большею-частію около Катерины, сидѣвшей въ спальнѣ ея за какою-нибудь работой.

Любовь Лидіи Петровны къ Пашенькѣ была самая бездѣятельная любовь. Въ первое время она почти не отпускала дѣвочку отъ себя; сама шила ей платица, сама причесывала и завивала ей волосы, однимъ словомъ тѣшилась ею, какъ куклой. Но потомъ она стала рѣже говорить съ нею, меньше ею заниматься, и даже не подумала о томъ, чтобы хоть учить Пашеньку читать. Въ теченіе зимы Пашенька, что и знала, все позабыла.

Все время, которое Лидія Петровна не сидѣла за книгой или за какою-нибудь работой, она занималась музыкой, и надо сказать правду, она отлично играла на фортепіано. Въ музыкѣ Лидія Петровна находила въ одно и тоже время и исходъ и пищу своей постоянной печали. Съ этой печалью нянчилась она какъ со своимъ любимымъ дитятей. Проводивъ мужа, Лидія Петровна садилась за фортепіано и начинала пѣть. Пашенька обыкновенно засыпала подъ это пѣнье. Лидія Петровна пѣла чуть не до истерки, и ложилась въ постель почти всегда въ жару и съ красными отъ слезъ глазами.

Вскорѣ послѣ того вечера, какъ Пашенька расплакалась, глядя на слезы Лидіи Петровны, дѣвочкѣ пришлось опять быть свидѣтельницей сцены, которая можетъ-быть тоже заставила бы ее плакать, еслибъ она понимала, въ чемъ дѣло, и еслибъ Лидія Петровна въ самомъ началѣ не уснула ея спать. Но Пашенька, и улегшись въ постель, долго не спала и все тревожно прислушивалась къ разговору въ комнатѣ рядомъ.

Егоръ Александровичъ съ шляпой въ рукахъ ходилъ по комнатѣ скорыми шагами; Лидія Петровна сидѣла прижавшись въ уголкѣ дивана. Голосъ ея переходилъ иногда какъ-будто въ плачь; Егоръ Александровичъ возвышалъ свой голосъ почти до крика. У Пашеньки духъ захватывало, словно

она ждала какой-то бѣды. Понимай она по-французски, она услышала бы вотъ какой разговоръ:

— Я тебѣ понять не могу, чего ты наконецъ хочешь, чего тебѣ недостаетъ, говорилъ Егоръ Александровичъ. — Проси, требуй, чего тебѣ нужно! Кажется, я никогда тебѣ ни въ чемъ не отказывалъ.

— Я ничего не хочу, слезливо отвѣчала Лидія Петровна.

— Ничего! Да вѣдь тошно видѣть этакую фигуру унынія постоянно передъ собой. Иной разъ дома бы остался, такъ бѣжишь, чтобы только не видать этихъ постоянно красныхъ глазъ. Кажется, всевозможныя развлеченія къ твоимъ услугамъ; средства есть, слава Богу. Нѣтъ, надо разыгрывать изъ себя какую-то непризнанную героиню à la Жоржъ Зандъ.

— Я ничего не разыгрываю, и прошу только, оставь меня въ покоѣ.

— А я и не оставляю, потому-что это наконецъ чортъ знаетъ что такое! это отравя всей жизни. Изъ-за тебя я почти со всѣми знакомыми разошелся. Скажи пожалуйста, какого тебѣ еще общества надо? Можетъ быть въ романахъ твоихъ пишутъ о какомъ-нибудь другомъ обществѣ, или во Франціи тамъ особенные люди... Ну, поѣзжай за границу! Возьми денегъ — сколько хочешь, я не жалѣю. Найди себѣ тамъ Манфреда какого-нибудь! Я, повѣрь, и ревновать не буду, только бы онъ осушилъ твои вѣчныя слезы.

— А ты часто ихъ видишь?

— Жаль, что не каждую минуту. Вотъ толковала тоже, что скучаешь оттого, что дѣтей нѣтъ. Ну, взяли дѣвочку. И что же? Занялась два дня, а потомъ и бросила. Ужь ты бы лучше совсѣмъ въ кухнѣ ее поселила. Ея и не видать что-то нынче. Видно мы въ мечтахъ только на все горазды. Вотъ было бы мило, еслибъ по просьбѣ твоей, я тогда согласился и брата-то ея взять. Нечего сказать, дали бы ему образованіе, было бы за что поблагодарить въ послѣдствіи.

Лидія Петровна молчала, потому-что чувствовала много правды въ словахъ мужа; а между-тѣмъ сердце въ ней кипѣло досадою и по щекамъ катились слезы.

— Мы только на одно способны, продолжалъ Егоръ

Александровичъ, бѣгло взглянувъ въ лицо жены:—проливать слезы надъ своимъ небывальшимъ несчастіемъ. Я бы, право, самъ готовъ отыскать кого-нибудь, чтобъ ты хоть влюбилась, что ли; можетъ быть заняло бы тебя что-нибудь, изсякъ бы твой слезный источникъ. Хочешь, я тебѣ десятка два офицеровъ привезу, выбирай любаго.

Лидія Петровна ужъ рыдала.

— Впрочемъ, и то сказать, продолжалъ, не останавливаясь и не смущаясь этими рыданіями, Егоръ Александровичъ:—ты и любить также способна, какъ дѣтей воспитывать. Жаль мнѣ, право, смотрѣть, что выйдетъ изъ этой дѣвочки. Не только образованія какого-нибудь — этого ужъ и ждать нечего, а пожалуй и грамотѣ не выучать. Некогда — слезы все время отнимаютъ. И я дуракъ! кажется, довольно знаю твой милый характеръ; нѣтъ, нужно было согласиться взять воспитанницу.

— Да вѣдь она еще совсѣмъ ребенокъ, учить ее рано, проговорила чуть слышно Лидія Петровна.

— Конечно! Тебѣ и тѣмъ некогда заняться, чтобы она хоть слово по-французски знала. Когда же плакать-то станешь? А тамъ, будетъ дѣвочка побольше, сунемъ ее въ пансіонъ куда-нибудь—и прекрасно. Взяли на себя обязанность воспитать, и воспитали; чего же еще больше? Я какъ вспомню, что ты рассказывала, какъ собиралась взять дѣвочку, такъ у меня вся жолчь подымется. Только оттого, видите, и слезы были, и недовольство, что не на кого обратить своего пламеннаго, любящаго сердца. Вотъ и доказательство теперь есть. Образовывайте изъ нея такую плаксу, какъ сами; будетъ вамъ весь вѣкъ благодарна. Смотрѣть-то тошно! Такъ и бѣжалъ бы изъ дому на край свѣта.

Егоръ Александровичъ ударилъ шляпой по столу и ушелъ; на этотъ разъ онъ и руки не подалъ Лидіи Петровнѣ.

Во всемъ, что онъ говорилъ, Егоръ Александровичъ былъ неправъ развѣ только потому, что собирался ѣхать въ этотъ вечеръ къ какой-то камелии. Но Лидія Петровна этого не знала, и могла бы кажется признать достоинство справедливости за каждымъ словомъ, высказаннымъ ей мужемъ. Къ несчастію малодушныя натуры убѣждаются всегда только на

половину: рядомъ съ сознаниемъ въ своей виновности въ нихъ возникаютъ обыкновенно всевозможныя оправданія, которыми подчасъ и совершенно уничтожается сознание. Лидія Петровна, оставшись одна, принялась передумывать каждую фразу мужа, и, не умѣвши оправдаться передъ нимъ, оправдала себя передъ собой до такой степени, что причислила себя къ несчастнѣйшимъ въ мірѣ женщинамъ. Это, разумѣется, не способствовало къ осушенію ея слезъ. Увы! даже особенно мѣткія замѣчанія Егора Александровича не произвели желаннаго дѣйствія; наврѣмѣрь хоть бы замѣчаніе объ опредѣленіи дѣвочки въ пансіонъ. Лидія Петровна забыла напомнить себѣ, что она уже раза два объ этомъ думала.

Тѣмъ не менѣе черезъ день или черезъ два (а никакъ не на другой, потому-что это было бы сознаниемъ своей виновности) Лидія Петровна вздумала заняться съ Пашенькой ученіемъ. Это была минутная вспышка; черезъ нѣсколько дней учить дѣвочку Лидіи Петровнѣ наскучило такъ-же, какъ наскучило Платону Николаевичу просматривать и провѣрять ариметическія задачи Васи.

Изъ всего, что до-сихъ-поръ знаетъ читатель о Лидіи Петровнѣ, можно, пожалуй, заключить, что она ни съ кѣмъ не зналась въ городѣ. Но это не совсѣмъ такъ. Кромѣ знакомыхъ ея мужа, большею частью военныхъ, отставныхъ или на службѣ, да разныхъ откупщиковъ и спекулянтовъ, которые посѣщали часто Лидію Петровну по утрамъ, а иногда и обѣдали у Дубровскихъ, у нея было нѣсколько знакомыхъ дамъ, и между ними даже двѣ пріятельницы, которымъ Лидія Петровна повѣряла свои страданія. Особенно довѣренностію и дружбой ея пользовалась дѣвушка одного съ нею выпуска, Мари Шумская, хорошенькая, полненькая блондинка, къ которой какъ-то вовсе не шло плаксивое сочувствіе къ несчастіямъ Лидіи Петровны. Можетъ-быть впрочемъ Мари и не особенно сочувствовала ей, и только потому съ такимъ вниманіемъ слушала свою пріятельницу, что ей и самой нужно было повѣренную для своихъ горестей. Мари была дѣвушка бѣдная, жила у дяди, и терпѣла, по ея словамъ, ужасы.

Какъ-то подѣ конецъ зимы она пріѣхала къ Лидіи Петровнѣ совсѣмъ разстроенная.

— Ты не повѣришь, Лиди, что я терплю! заговорила она, бережно снимая шляпку и поправляя пышно взбитые волосы. — Это наконецъ невыносимо!

— Что съ тобой, Мари? спрашивала Лидія Петровна.

— *Imagine toi, chère amie*, отвѣчала Мари, усаживаясь и расправляя свое платье: — сегодня *mon cher oncle* не постыдился упрекнуть меня тѣмъ, что я живу у него, не выхожу замужъ. Ты не повѣришь, ма *chère*, какъ я плакала. Я убѣжала поскорѣе изъ дому. Мнѣ такъ противно, такъ гадко тамъ, что я не знаю, чтò бы съ собою сдѣлала.

— Бѣдная моя Мари! простонала Лидія Петровна, чувствовавшая едва-ли не болѣе Мари ея горе.

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать! Я не хочу оставаться въ этомъ противномъ домѣ! говорила Мари. — Научи меня, *chère amie*, что мнѣ дѣлать?

— Что я могу тебѣ сказать?... Ты знаешь...

— Я хочу пойти въ гувернантки. Чтожъ! нечего дѣлать. Конечно тогда ужъ я не могу рассчитывать на хорошую партію (голосъ у Мари нѣсколько дрогнулъ); но...

— Знаешь, что, Мари, воскликнула вдругъ Лидія Петровна, какъ-бы внезапно осѣненная гениальною мыслью: — какъ бы я желала, чтобы ты жила со мной — кстатѣ бы ты занималась немножко съ Полей... Я рѣшительно не могу... *Tu serais enfin comme gouvennante*, потому-что иначе какъ же тебѣ переѣхать отъ дяди.

— Ахъ, душа моя, воскликнула въ восторгѣ Мари: — какъ бы я была рада! *Mais je ne voudrais rien de mieux*. Мы бы всегда были вмѣстѣ. *Ah! que cela serait charmant!*

— Одно, *chère amie!* ты знаешь... Еслибъ это зависѣло отъ меня одной.

— Егоръ Александрычъ не *dira pas un mot contre*.

— Ахъ, душа моя, ты не знаешь его.

— Онъ будетъ радъ, что ты не будешь вѣчно одна; онъ и такъ желаетъ доставить тебѣ развлеченіе. Ты только скажи, *et tu verras...*

— Я и сказать-то боюсь, Мари. Онъ и такъ нападаетъ на меня, что я не учу дѣвочку сама. А тутъ...

— Ты сама не можешь, ma chère; развѣ это не видно? Для этого надо совсѣмъ другой характеръ. И притомъ Поля — *c'est comme si c'était ton propre enfant...* Свою какъ-то и учить не умѣешь. Вотъ и я съ сестрой никакъ не могу заниматься... *Avec tout le bon vouloir je ne fais rien.*

Это неожиданное предположеніе очень обрадовало Лидію Петровну, и она съ большимъ удовольствіемъ представляла себѣ время, когда Мари будетъ ея постоянною собесѣдницей. Она только сомнѣвалась, осуществится ли это, и какъ-то боялась заговорить съ мужемъ.

Наконецъ она выбрала удобную минуту и сказала о своемъ желаніи Егору Александровичу. Противъ всякого ожиданія, Егоръ Александровичъ согласился, хотя притомъ пожалъ плечами и какъ-то странно улынулся.

III.

Егоръ Александровичъ мало обращалъ вниманія на пріятельницу своей жены до переѣзда ея къ нему въ домъ, хотя она и была, по собственнымъ словамъ его, въ его вкусѣ: онъ вообще любилъ полненькихъ, кругленькихъ блондинокъ съ большими веселыми глазами. Когда Марья Павловна поступила въ гувернантки Пашеньки, Дубровскій побольше всмотрѣлся въ нее, и сталъ съ нею любезенъ, какъ прежде никогда не бывалъ. Это происходило, должно полагать, изъ признательности за то, что Марья Павловна нѣсколько оживила постоянно господствовавшій въ домѣ мракъ. Бывало, когда у Дубровскихъ не обѣдало гостей, трудно было представить что-нибудь непріятнѣе обѣда вдвоемъ Егора Александровича и Лидіи Петровны (Пашеньку конечно нечего считать); во все продолженіе обѣда супруги или натянуто молчали или вели еще болѣе натянутый разговоръ. Теперь живой разговоръ не умолкалъ за столомъ. И Лидія Петровна значительно повеселѣла. Марья Павловнѣ удавалось довольно часто увлекать ее въ театръ; разъ увлекла она ее даже въ маскарадъ. Лидія Петровна совсѣмъ потерялась въ толпѣ,

потеряла и свою пріятельницу (которая поѣхала въ маскарадъ вѣроятно не безъ цѣли) и такъ соскучилась, что дала себѣ слово въ другой разъ никогда не надѣвать маски и домино.

Въ томъ, что Лидія Петровна стала меньше прежняго плакать, была главная польза присутствія въ домѣ Дубровскихъ Марья Павловны. Спеціальная цѣль ея, воспитаніе Пашеньки, достигалась плохо. Марья Павловна была едва-ли способнѣе Лидіи Петровны для занятій съ дѣвочкой. Все ученіе Пашеньки заключалось въ томъ, что каждое утро она читала по двѣ страницы изъ русской и изъ французской книги, и учила наизусть по четыре строчки какихъ-нибудь стиховъ. По-французски Пашенька выучилась довольно скоро, потому-что на другомъ языкѣ Марья Павловна съ пей не говорила.

Пришло лѣто. Дубровскіе переѣхали на дачу. При ней былъ довольно большой садъ, общій съ смежною дачей, и Пашенька могла играть теперь съ дѣтьми сосѣдей, двумя дѣвочками почти однихъ съ нею лѣтъ. По случаю лѣта Марья Павловна находила не лишнимъ сократить отчасти учебныя занятія, и заставляла ее читать уже по одной страницѣ, а стихи повторялись только прежде выученные.

— Знаешь, что, ма снѣге, сказала какъ-то вскорѣ послѣ переѣзда на дачу Марья Павловна своей пріятельницѣ: — я нахожу, что ты совсѣмъ несправедлива къ Егору Александрычу.

— А что? спросила Лидія Петровна.

— Ты жаловалась постоянно, что онъ не живетъ дома, что ты для него какъ-будто не существуешь.

— Да развѣ это не правда? стремительно перебила Лидія Петровна.

— Конечно, нѣтъ; вотъ сколько времени уже онъ не выѣзжалъ.

— Да, потому-что теперь лѣто, что мы живемъ на дачѣ. Къ кому онъ станетъ ѣздить въ городъ? Et puis...

Лидія Петровна замялась.

— Что, что такое? вскричала Марья Павловна.

— Я хотѣла сказать, что и это не надолго, отвѣчала не

совсѣмъ увѣренно Лидія Петровна: — что ему скоро надоѣсть... сидѣть на дачѣ.

— Нѣтъ, ты не то хотѣла сказать, возразила Марья Павловна, глядя испытующимъ взглядомъ на Лидію Петровну: — ты говоришь не то, что думаешь. Я этого не ждала отъ твоей дружбы.

— Божусь, я не думала ничего другаго, отвѣчала Лидія Петровна, какъ-будто нѣсколько смущаясь.

— Вѣрю, сказала съ явной досадой Марья Павловна.

— Не сердись, Мари! воскликнула умоляющимъ тономъ Лидія Петровна: — ради Бога, не сердись! я такая, право, глупая: иногда я Богъ знаетъ что придумываю, что воображаю.

— Я и не сержусь, отвѣчала Марья Павловна, замѣтно сердясь.

Лидія Петровна взяла ее за руку.

— Я скажу тебѣ, изволь, что я думала; но это у меня такъ только въ головѣ мелькнуло; я этому не вѣрю, не хочу вѣрить.

— Ты ревнуешь меня къ Егору Александрычу, сказала Марья Павловна, пристально глядя на Дубровскую.

— Non, non, с'ète amie, я только думала, что Жоржъ потому нынче сидитъ больше дома, чѣмъ прежде, что ему уже не такъ скучно, что ты умѣешь лучше меня занять его.

— Продолжай! продолжай! сказала Марья Павловна, когда пріятельница ея замолчала.

— Только, и больше ничего, отвѣчала Лидія Петровна.

Глаза Марьи Павловны приняли грустное выраженіе.

— Отчего не скажешь ты мнѣ прямо, что тебѣ непріятно мое присутствіе въ твоемъ домѣ? спросила она. — Кажется, мы достаточно дружны. Впрочемъ теперь нечего и говорить объ этомъ. Я не могу оставаться у тебя...

— Мари, что ты? полно! Мари!

— Я думала, что, живя съ тобой, доставлю тебѣ удовольствіе, развлеченіе, вышло на оборотъ. Что дѣлать! Я не знала тебя до-сихъ-поръ.

Лидія Петровна уже плакала. Она жала руки Марьи Павловны и умоляла ее забыть ея глупыя слова.

— Нѣтъ, душа моя, отвѣчала Марья Павловна: — Я не могу оставаться у тебя, я должна искать себѣ другаго мѣста... Боже мой! и зачѣмъ я была такъ глупа! Еслибъ я только знала...

Дѣло впрочемъ черезъ пять минутъ уладилось. Пріятельницы объяснились и помирились. Марья Павловна осталась.

Надо правду сказать — прелестная Марья Павловна сильно кокетничала съ Егоромъ Александровичемъ, и онъ былъ не совсѣмъ равнодушенъ къ ея кокетству. Послѣ переданнаго нами разговора между двумя пріятельницами, Мари вдругъ накинула на себя непрístupную холодность. Она мало и какъ-будто неохотно говорила съ Егоромъ Александровичемъ; даже, казалось, стала избѣгать частыхъ съ нимъ встрѣчъ. Вечерами, послѣ чая, когда Лидія Петровна, боясь петербургской дачной сырости и простуды, сидѣла въ комнатѣ, Марья Павловна гуляла по саду, и Егоръ Александровичъ былъ обыкновенно ея кавалеромъ. Тутъ она вдругъ прекратила свои прогулки.

Это было сдѣлано не совсѣмъ ловко; но на замѣчаніе Лидіи Петровны, отчего это она не гуляетъ, Марья Павловна отвѣчала: «ты права, та снѣге; Егоръ Александровичъ точно интересуется мной; поэтому я и не хочу ходить въ садъ. Зачѣмъ давать ему поводъ? Когда онъ отвыкнетъ видѣть меня по вечерамъ въ саду, тогда, пожалуй, я стану опять ходить».

Егоръ Александровичъ былъ по видимому не только не доволенъ, но и озабоченъ такою переменною въ поведеніи Марьи Павловны. Не знаю, спрашивалъ ли онъ ее, почему она не ходитъ въ садъ, и объяснила ли ему что Марья Павловна; только въ теченіе слѣдующихъ десяти дней Егоръ Александровичъ разъ пять проводилъ вечера не у себя на дачѣ: то ему въ городъ было нужно, то на дачу къ знакомымъ его звали. Марья Павловна говорила Лидіи Петровнѣ:

— Вотъ видишь, та снѣге! А ты еще говорила мнѣ...

— Ахъ, прости меня, Мари! Я вижу, что была глупа. Онъ никогда и не ухаживалъ за тобой.

— Не ухаживалъ — точно, но все-таки я замѣчала...

— Ахъ, нѣтъ! ты ошибалась! Онъ со всѣми такъ любезень.

— Изъ-за чего же ты такъ огорчалась тогда?

— Ахъ! я говорю тебѣ, что я была глупа.

И Марья Павловна опять стала гулять вечерами въ саду. Въ первый же вечеръ къ ней присоединился Егоръ Александровичъ, и они долго ходили и вели самый оживленный разговоръ о чемъ-то. Въ саду не было никого, но тѣмъ не менѣе разговоръ этотъ происходилъ довольно тихо, чуть не шопотомъ.

Егоръ Александровичъ пересталъ впрочемъ быть постояннымъ собесѣдникомъ Марьи Павловны. Раза два, а иногда даже и три въ недѣлю, онъ не сопровождалъ ее въ садъ, а уѣзжалъ съ дачи.

Лидія Петровна окончательно успокоилась, и такъ время шло мирно до самой осени.

Не за долго передъ отъѣздомъ съ дачи случилось, однакожь, происшествіе, не совсемъ пріятное для нѣжнаго сердца Лидіи Петровны.

Осень въ этотъ годъ была не по-петербургски хороша. Темные вечера были часто такъ теплы, что Лидія Петровна не закрывала оконъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ она подошла къ окну, подъ которымъ шла тропинка изъ сада къ террасѣ дачи. Она услышала шаги. Егоръ Александровичъ и Марья Павловна возвращались изъ сада. Ничего бы, еслибъ она услышала только шаги; но она слышала и слѣдующія слова, проговоренныя полу-шопотомъ:

— Что у нихъ? спрашивала Марья Павловна вѣроятно про дачныхъ сосѣдей.

— Вѣрно именины или что-нибудь подобное.

— Сколько гостей собралось!

— Et pas un seul petit baiser aujourd'hui!

— Тсс... завтра.

Это «тсс...» было сказано поздно. Егоръ Александровичъ и Марья Павловна застали Лидію Петровну уже въ истерикѣ.

Черезъ день гувернантки у Пашеньки не было. Лидія Петровна по-прежнему стала плакать и не учила дѣвочку.

Послѣ года бездѣйствія Пашенька поступила въ пансіонъ. На этотъ разъ Егоръ Александровичъ не только не противорѣчилъ Лидіи Петровнѣ, опъ даже ни слова не сказалъ.

IV.

Вася былъ уже въ шестомъ классѣ гимназій, когда съ благодѣтельницаею его случилось несчастье — отпалась правая нога. Несчастье это не произвело, кажется, никакаго непріятнаго впечатлѣнія ни на Васю, ни на Платона Николаевича. Горько было оно только для Агаѣи Максимовны. Ей приходилось сидѣть цѣлый день на мѣстѣ, и не только на антресоли, даже въ кухню не могла она заглядывать. Кажется, и причинъ сердиться было меньше теперь, но Агаѣя Максимовна стала сердиться чуть ли не вдвое чаще и больше прежняго.

Особенно рѣзкихъ переменъ въ домашнемъ быту Платона Николаевича въ теченіе этихъ шести слишкомъ лѣтъ не происходило; а что и переѣнилось, переѣнилось исподволь, постепенно, почти незамѣтно. Незамѣтно выросъ Вася и норовилъ скоро сравняться ростомъ съ благодѣтелемъ; незамѣтно забралась сѣдина въ бакенбарты Платона Николаевича, и незамѣтно клонился съ каждымъ днемъ къ упадку его локонъ, завной съ праваго виска, и утрачивалъ свое подобіе съ сосиской. Вася просидѣлъ въ четвертомъ классѣ два года, и сколько ни увѣрялъ Платона Николаевича въ пользѣ, которую принесетъ ему лшній годъ, проведенный въ классѣ, Платонъ Николаевичъ не повѣрилъ, и выразился очень жолчно: «Какая тутъ польза! Полезно было бы, кабы ты годомъ раньше вышелъ. А то — чортъ знаетъ какую тамъ пользу нашель. Въ профессора, что ли, собираешься идти, съ твоей-то лѣнью? Оно и кстати! Полезно, полезно! Пора бы и честь знать — на чужихъ-то плечахъ сидѣть. Могъ бы ужъ и самъ хлѣбъ добывать». Платонъ Николаевичъ сталъ гораздо строптивѣе въ послѣднее время, и часто нападалъ на племянника, обыкновенно попрекая его своимъ благодѣніемъ и его неблагодарностью. Вася никогда не отвѣчалъ на эти попреки, и только зло косился на своего бла-

годѣтеля; но трудно представить, какая ненависть къ Платону Николаевичу кипѣла у него въ сердцѣ: онъ готовъ-бы былъ броситься на него и растерзать его на части. Почти такъ-же враждебно смотрѣлъ Вася и на Агаею Максимовну; къ непріязненному чувству его, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ могъ защищать темный пушокъ надъ верхней губой, прибавилось еще и презрѣніе. Само собою разумѣется, такое пріятное чувство не могло возбуждать и въ Агаеѣ Максимовнѣ особой симпатіи къ племяннику; но и ей было главнымъ образомъ досадно, что племянника такъ долго приходится кормить обѣдомъ и пить чаемъ, а тамъ, что онъ чувствуетъ — все равно. Впрочемъ еще одно злило ее въ племянникѣ. Какъ нѣкогда сына, стала она теперь и Васю подозрѣвать въ нѣжной склонности къ Василисѣ, которая стала тѣмъ-временемъ толще печи и, кажется, не представляла особенной привлекательности. Справедливость требуетъ сказать, что Вася, встрѣчаясь иногда съ Василисой въ узкомъ корридорѣ, сталкивался съ нею очень близко; но это происходило вѣроятно только отъ толщины Василисы и отъ узости корридора; хихикала же она при подобныхъ встрѣчахъ только по глупости. Вася, чѣмъ больше выросталъ, становился все некрасивѣе, и все худѣлъ. Отчего онъ худѣлъ, неизвѣстно, можетъ-быть отъ росту, а можетъ-быть и оттого, что курилъ очень много и за неимѣніемъ денегъ курилъ самый дешевый, крѣпкій кучерской табакъ, конечно потихоньку. Учился онъ довольно плохо, и изъ числа товарищей главными пріятелями его были только два отъявленные лѣнтяя и негодяя. Одинъ, Алеша Пирожковскій, былъ единственный сынъ совѣтника казенной палаты по питейному отдѣленію, баловень и всегда съ полнымъ бумажникомъ. Другой, Андриуша Канюковъ, такой-же сирота, какъ и Вася, отличался наравнѣ съ Шавровымъ совершеннымъ равнодушіемъ относительно своей будущей судьбы: учился кой-какъ и никогда не думалъ, что изъ него выйдетъ современемъ. Съ нимъ Вася былъ дружнѣе, чѣмъ съ Пирожковскимъ, и оба старались извлекать всевозможныя выгоды изъ богатаго пріятеля: погулять на его счетъ, признаться у него денегъ или обыграть его въ карты. Почти при каждомъ свиданіи

происходила между ними картежная игра; всѣ трое сильно къ ней пристрастились. Богатый товарищ обыкновенно оставался въ проигрышѣ, оттого ли, что всегда черезъ-чуръ горячился, или оттого, что два партнера его играли вдвое лучше, чѣмъ онъ. Въ дружеской компаніи Вася былъ вовсе не такой дикарь, какъ подъ родственной кровлей Платона Николаевича: онъ не только участвовалъ въ разныхъ забавахъ своихъ друзей; но и самъ иногда изобрѣталъ разныя похощенія. Глядя на него, можно было предположить, что со временемъ онъ можетъ быть для извѣстнаго круга даже «душою общества». Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ могъ выходить изъ дому безъ провожатаго, онъ уже и не заглядывалъ на Новыя-мѣста, къ знакомымъ Евграфа.

Одною изъ самыхъ замѣтныхъ переменъ въ домашнемъ быту Войлоковыхъ было исчезновеніе Евграфа. Не даромъ съ давнихъ поръ, куда бы ни посылали его, онъ сворачивалъ съ дороги и хоть на минутку забѣгалъ на Новыя-мѣста; не даромъ засматривался онъ тамъ на хорошенькую горбылевскую Машу и употреблялъ всевозможныя старанія поправиться ей. Старанія были безплодны, потому-что въ Евграфѣ и нравиться-то было нечему; но онъ не унывалъ, ежедневно почти, пренебрегая бранью Агаѣи Максимовны и Платона Николаевича, отправлялся на Новыя-мѣста, покупалъ ленточки, платочки и тому подобныя обновки хорошенькой Машѣ, потчивалъ ее орѣхами и пряниками. Года черезъ два послѣ того, какъ Вася былъ въ первый разъ въ домѣ старика Горбылева, солдатъ захворалъ и умеръ. Въ немъ Евграфъ видѣлъ главнаго своего доброжелателя, и рассчитывалъ, что какъ дѣвочка подростетъ, отецъ непрекословно выдастъ ее за него замужъ. Съ матерью Евграфъ былъ тоже друженъ; но въ ней приходилось теперь заискивать больше прежняго. Само собою разумѣется, смерть хозяйна много измѣнила въ домѣ. Горбылиха, какъ баба молодая еще и свѣжая, не осталась конечно безъ утѣшителей, и это было не совсѣмъ по праву Евграфу. Однажды онъ рѣшился даже замѣтить ей это.

— Подрастаетъ дѣвушка-то, Фекла Алексѣвна, сказалъ онъ: — скоро придется замужъ отдавать.

— А чтожь! и ладно. Ее отдамъ, да и сама замужъ выду.

— Не поздно ли будетъ?

— Что за поздно? Развѣ я старуха по твоему?

— Старуха не старуха, а вонъ ужь дочь-то какая.

— Чтожь! дочери-то всего шестнадцатый годокъ — не Богъ знаетъ сколько.

— Семнадцатый.

— Ну, семнадцатый. И то не много.

— Скорѣе бы ее замужъ-то выдавать.

— Куда торопиться-то? Не бойсь, не засидится. Али плоха дѣвка-то, по твоему? Никакъ и глаза-то на нее проглядѣль.

— Чтò и говоритъ! всякой скажетъ — красавица. А все бы — дѣло это такое — все бы замужъ-то вышла, лучше бы.

— А дома-то чтò?

— Балуется.

— Чѣмъ балуется-то?

— Примѣръ все-таки, значить, Оекла Алексѣвна.

— Чтò-о? Примѣръ? Ужь не я ли по твоему ей примѣръ даю дурной? Да съ какого ты мнѣ резону сказать-то это смѣль? А! Чтò ты мнѣ за указчикъ?

— По дружеству я больше, Оекла Алексѣвна, началъ оправдываться Евграфъ.

— Да пропадай ты и съ дружествомъ своимъ! велико сокровище! Вишь, указывать пришелъ. Да чтò, любовники у меня, что ли, завелся какіе?

— Кто про это говоритъ, Оекла Алексѣвна! Какіе любовники?

— Ну такъ чегожь ты тутъ про примѣръ-то?

— Я больше на счетъ сосѣдей, а не то, чтобы въ домѣ.

— Не бойсь, прежде-то не было сосѣдей?

— Быть-то были, да у Машеньки возрастъ былъ не тотъ.

— Полно ужь ты вилить-то! И тогда, бывало, орѣхи дѣвчонка грызеть, али пряникъ ѣсть, такъ ты только и норовишь распросить, кто далъ да откуда. Женсь, коли больно ужь полюбилась!

— Чтожь, я отъ этого не прочь, отвѣчалъ съ разстановкой Евграфъ: — и не токмо-что не прочь, давно присматриваюсь, и тѣмъ было желательно дѣло покончить.

— Чѣмъ жену кормить-то будешь?

— Это напрасный спросъ, Оекла Алексѣвна. Вамъ известно....

— Чтó мнѣ известно? Мало ли ты чего наболтаешь — языкъ-то безъ костей. А тамъ, какъ сдѣлается дѣло, глядишь, самъ въ навозники, а жену въ судомойки.

— Этого зараньшс говорить нечего. Было бы дѣло на мази, показалъ бы, чтó есть, же на однихъ на словахъ.

— Больно, поди, много!

— Много не много, а есть пятьсотъ на ассигнаціи. Хотя бы лавочку, примѣромъ, открыть — съ полнымъ можемъ удоблетвореніемъ.

— Чтожь, женись!

— И радъ бы, Оекла Алексѣвна, въ рай....

— Такъ въ чемъ же грѣхи-то?

— За собой грѣховъ не вижу; только со стороны Машеньки никакаго пріятства нѣтъ. На всякое мое слово поровнѣть больше супротивное чтó сказать.

— Не на шею же тебѣ повѣситься?

— Сами знаете, Оекла Алексѣвна, что этого и въ мысляхъ не имѣю; желательнѣе одно, чтобы въ женѣ любовь къ себѣ видѣть, а не то чтобы....

— Вольно жъ тебѣ ни слова не сказать. Самъ виноватъ. Сколько ходишь — хоть бы какъ промежъ другой рѣчи.

— Можно было, кажется, понимать, Оекла Алексѣвна.

— Все это дѣло неавственное.

Немедленно послѣ этого разговора, какъ только ушелъ Евграфъ, Оекла Алексѣвна сообщила дочери все, что было между ними сказано.

— Ни за что не пойду, отвѣчала на слова матери Маша: — съ лица противный, зубы выбиты.

— Эку бѣду какую пашла! возразила Горбылиха. — За то, слышь, деньги есть; изъ услугъ бы вышелъ, лавочку бы открылъ. Ждла бы во все свое удовольствіе.

— Пуще всего, не найду я другаго-то жениха! Слава Богу, не клиномъ свѣтъ сошелся; есть и не ему чета.

— Смолоду-то все этакъ говорятъ: этотъ нехорошъ, тотъ неладенъ, а потомъ, глядишь, и не знай за кого рада выйти.

— Развѣ года-то мои ушли, что ли?

— Ну, не столкуешь съ тобой! Хоть-то ты на мысль возьми — сидите чуть не цѣлыя ночи за воротами, по улицамъ разгуливаете — того и гляди, грѣхъ еще какой случится.... И не убережешься.... А тамъ и покрывай его! отыскивай, поди, мужа! И этотъ же самый Евграфъ Семёнычъ отъ тебя рыло отворотить, даромъ что у самого зубы выбиты.

— Ну, а выдешь за него — какая отъ этого корысть?

— А та корысть, что вольный будешь человекъ. Что только на умъ пришло, что вздумала — никто тебѣ ни въ чемъ не помѣха. Баба значить, а не дѣвка.

— Вѣдь вотъ ты, маменька, за батюшку-то выходила — поди, любила его тоже!

— Какая любовь! боялась больше. Потомъ — нешто, привыкла.

Вечеромъ пришелъ къ Ѳеклѣ Алексѣевнѣ гость, который каждый день объ эту пору ходилъ. Какъ придетъ, Ѳекла Алексѣевна обратится къ дочери и скажетъ: «шла бы ты, Маша, за ворота — погуляла.» Маша уйдетъ, да до полночи и пропадетъ. Такъ и въ этотъ разъ.

V.

Дѣло было лѣтомъ. Поелѣ жаркаго дня наступалъ прохладный вечеръ; солнце садилось за облака, но дождя ждать надо было развѣ къ утру.

Маша накинула себѣ на голову шелковый платочекъ, подвязала его бантикомъ на шеѣ, надѣла какую-то мантилью, купленную у торговки ношенными вещами, и пошла, тихо напѣвая, къ сосѣднему дому, о трехъ низенькихъ окнахъ, въ которыя очень было легко влѣзть съ улицы. Они были всѣ затворены. Въ одно Маша постучалась.

- Кто тамъ? раздался женскій голосъ.
- Ты что заперлась? Пойдемъ гулять! крикнула Маша.
- А вотъ погоди! сейчасъ! зайди въ горницу.
- Нѣту, я тутъ подожду. Да ты гдѣ? спрашивала Маша, приближая лицо къ окну.
- А вотъ я гдѣ; видишь, въ какомъ приборѣ! отвѣчала подошедшая къ окну молодая и недурная дѣвушка.
- Она оправляла на себѣ и зашнуровывала платье.
- Ты куда, Стеша, собралась? спросила Маша.
- А въ гости.
- Къ кому?
- Хочешь, вмѣстѣ пойдемъ, такъ и увидишь, къ кому.
- А я, было, думала, что мы пойдемъ, такъ, по улицамъ ходимъ.
- Чего такъ-то ходить? Пойдемъ со мной въ гости — звали меня... Весело будетъ.
- Да ты скажи, куда?
- Скажешь тебѣ, такъ ты, пожалуй, не пойдешь. Да погоди, я выйду сейчасъ.
- Да ты поскорѣе!
- Мигомъ.

И точно, Стеша мигомъ очутилась за воротами, въ пошеной шляпкѣ и въ бурнусѣ. Она была старше Маши годами пятью, и не смотря на пригожее личико, много проигрывала рядомъ съ нею. У Маши щеки были какъ румяное наливное яблочко — кажется, не ущипнешь; Стеша ужь завяла немножко.

- Ну, идемъ, сказала она, выходя.
- Да куда же? спросила опять Маша.
- Я тебѣ такъ нарочно только сказала, отвѣчала Стеша: — я не въ гости вовсе, просто погулять; и за тобой хотѣла забѣжать.
- Ну, пойдемъ.
- Дѣвушки пошли.

У Стеши была какая-то заученая походка: она выступала плавно, слегка покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону. Машѣ очень нравилась эта походка, и она стара-

лась подражать ей. Ей казалось, что какъ станешь-такъ выступать, всякой подумаетъ — барышня идетъ.

— Ахъ, когда это у меня шляпка будетъ! воскликнула, пройдя нѣсколько шаговъ, Маша.

— Не Богъ знаетъ сколько на это нужно, отвѣчала Стеша: — особенно на такую-то, какъ моя. Да купи ее у меня: я не дорого возьму. Миѣ на новую обѣщали.

— Кто?

— А вотъ куда я тебя въ гости-то звала. Пойдемъ, что ли?

— Вотъ ужъ ты и опять! Да скажи толкомъ, въ гости ты идешь, или такъ?

— Маша, голубушка, пойдемъ со мной. Кабы ты видѣла, человѣкъ-то какой!

— Мужчина?

— Не то, что просто мужчина. — офицеръ.

— Ахъ, ни за что не пойду къ мужичиѣ.

— Да что онъ, съѣстъ тебя, что ли?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, боюсь.

— Вѣдь не звѣрь, и притомъ мой знакомый.

— Ты была ужъ у него?

— Была, и объ тебѣ сказывала.

— Обо миѣ-то что?

— А онъ спрашиваетъ: «Есть у васъ подруга?» Я говорю: есть. — «Приходите, говорить: вмѣстѣ съ подругой. Мы чаю напьемся, на гитарѣ поиграемъ.» — Какъ онъ на гитарѣ играетъ, кабы ты слышала.

— Ахъ, страхъ какой!

Стеша расхохоталась.

— Что на гитарѣ-то играетъ — страхъ.... Этакая ты право, чудная. Коль будешь все дома сидѣть, только одурѣешь — больше ничего; и обращенія никогда не будетъ такого, какъ прилично — по модѣ.

— Я, Стеша, вернусь, сказала Маша, останавливаясь на углу улицы.

— Полно! что ты, Маша! возразила Стеша, взявъ ее за руку. — Ну, не хочешь идти въ гости, такъ меня хоть проводи туда; а потомъ и пойдешь домой.

— Какъ я одна пойду — собакъ еще, пожалуй, нападутъ.

— Развѣ ночь, что ли, теперь? И не Богъ знаетъ дорога-то какая далекая.

— А гдѣ онъ живетъ?

— Да вонъ, въ Кривомъ переулкѣ — пятой домъ отъ угла. Пойдемъ.

— Ахъ, право, какая ты! проговорила Маша, но пошла съ своею пріятельницей.

Онѣ повернули въ Кривой переулокъ.

— Только ужъ я ни за что не пойду.

— Да чего ты боишься-то?

— Стыдно.

— Да развѣ я на что дурное тебя зову? Посидѣть-то, чаю-то выпить стыдно?

— А вдругъ кто увидитъ, что я тамъ была.

— Увидать некому, а и увидятъ, не бѣда: тутъ во дворѣ знакомая моя торговка живетъ; такъ будто къ ней ходили.

— Какъ бы, Стеша, не вышло чего?

— Нечему выйдти-то.

— Вдругъ обидитъ.

— А я-то на что буду? Развѣ я дамся въ обиду. Я ужъ не впервой иду.

— Стыдно все.

— Вотъ пустяки! Иди знай!

— Далеко еще?

— А вонъ домишко-то — трубка-то изъ окна торчатъ. Тутъ и есть.

Маша и шла и не шла. Она безпрестанно замедляла шагъ. Ей и хотѣлось пойдти, и страшно было. Лицо у нея все разгасилось.

Трубка въ окнѣ исчезла. Вскорѣ послышалось брянчанье гитары, и звучный баритонъ нѣсколько въ носъ запѣлъ:

Съ ней я зимой вечерами дѣлился,

Ею одною дышалъ я и жилъ;

Съ нею блаженство мое схоронилъ.

Онъ произносилъ: «съ нэй» и «дѣлился».

— Это онъ что ли поетъ? спросила Маша.

— Онъ.

— А какъ его звать-то?

— Викторъ Михайлычъ.

— А по фамилиі?

— Алексѣевцевъ.

— Молодой?

— Лѣтъ тридцати.

— Ахъ, я все боюсь, Стеша!

Онѣ стояли уже у воротъ дома.

— И посмотри ты, въ какомъ я платьѣ. Какъ я пойду? Кабы знать, я бы новое надѣла.

— Платье какъ платье; и смотрѣть-то никто не станетъ.

— Право, я не знаю, какъ....

— Чего тутъ толковать-то! Пойдемъ, что ли!

— Погоди, Стеша!

Но Стеша взяла свою пріятельницу за руку и увлекла ее въ калитку. Тутъ Маша перестала возражать, и пошла не говоря ни слова за Стешей. Сердце у нея немножко замирало. На крыльцѣ и въ сѣняхъ не было никого. Стеша съ фамилярностью домашняго человѣка отворила не большую дверку на право, и обѣ дѣвушки очутились въ прихожей.

«Дайте жъ скорѣй налитой мнѣ бокалъ!»

распѣвалъ тотъ же голосъ. Онѣ дѣлали какое-то особенное усиліе, произнося: «покалъ», а не «бокалъ».

Маша чувствовала, что хорошо бы убѣжать; но было уже поздно.

Прихожая была крошечная горенка, наполненная разнымъ домашнимъ хламомъ, сапогами, пустыми бутылками, нечищенымъ самоваромъ, щетками для платья и сапоговъ. Все это лежало и стояло на полу. Въ углу, на колченогомъ столѣ, былъ подносъ съ нѣсколькими стаканами и чайникомъ. Только и было тутъ мебели.

Маша оправляла на себѣ платье и мантилью, а Стеша отворила дальнѣйшую дверь, и пѣніе прекратилось.

— А! воскликнулъ хозяинъ, идя на встрѣчу гостей:— а ужъ я думалъ, ты не придешь. Заждался совсѣмъ.

— А я не одна, отвѣчала Стеша.

— Не одна, ну, тѣмъ лучше. Кстати Сеня хотѣлъ придти.

— Маша! крикнула Стеша.

Маша опустила глаза, и вошла съ пылающими щеками.

— Милости прошу! милости прошу! приглашалъ Викторъ Михайлычъ. — Садитесь, да снимайте ваши салопы!

— Ничего-съ, проговорила Маша, мелькомъ взглянувъ на Виктора Михайлыча.

— Ахъ, да какая красавица, воскликнулъ онъ, и подско- чилъ къ ней. — Ну, а поцаловать можно?

— Какъ вамъ нестыдно! что вы? промолвила Маша, уклоняясь.

Смѣлая и не дававшая никому спуску, будь дѣло на улицѣ, она теперь не на шутку струсила.

— Вотъ ужъ и цаловаться сейчасъ!

— Вѣдь я извѣстный цаловальникъ.... ха! ха! ха! съос- трилъ Викторъ Михайлычъ.

— А то поцалуй его, Маша! Экая важность! Не убу- деть тебя отъ этого.

— Нѣтъ, полноте! продолжала говорить Маша, уверты- ваясь отъ объятій Виктора Михайловича.

Онъ однакожъ расправилъ свои густые черные усы и съ чрезвычайно ловкостью чмокнулъ Машу прямо въ горя- чія губы.

— Ахъ, что это, право! Я уйду! вскричала она.

— Ну, ничего, ничего! больше не буду, успокоилъ ее Викторъ Михайлычъ, и отошелъ.

Маша посмотрѣла на него.

Это былъ господинъ съ весьма незначительной смуглой физиономіей, съ нѣсколько вившимися черными волосами, гу- стыми усами, и заплывшими глазками, небольшого роста, плотный и насквозь прокуренный жуковскимъ табакомъ. На немъ были широчайшіе нанковые шаровары, перетянутые туго ремнемъ и старенькій военный сюртукъ безъ эполетъ. Сюртукъ былъ растегнутъ и обнаруживалъ розовую клѣт- чатую холстинковую рубашку, безъ галстука.

Стеша между-тѣмъ распорядилась какъ дома, она сбро- сила съ себя бурнусъ, сняла шляпку и оправила волосы пе-

редь маленькимъ круглымъ зеркальцемъ на ножкѣ, стоявшимъ на одномъ изъ оконъ. Волосы на вискахъ были у нея накануне заплетены въ тонкія косички, и теперь пышно кудрявились.

— Что же ты-то не снимешь платка? обратилась она къ Машѣ.

— Нѣту, зачѣмъ? Я пойду сейчасъ.

— А я и не пушу! замѣтилъ мелькомъ Викторъ Михайлычъ, закуривая трубку.

Стеша подошла къ Машѣ, и начала съ нею шептаться. Эти таинственные переговоры кончились тѣмъ, что Маша сняла съ головы шелковый платокъ, сняла и мантилью.

Викторъ Михайлычъ сѣлъ къ окну, выставилъ трубку въ окно и пускалъ клубами дымъ.

— Чѣмъ же мнѣ васъ потчивать? сказалъ онъ, когда дѣвушки перестали шептаться.

Онъ свиснулъ.

— Главное, надо чаю велѣть сдѣлать.

Онъ ущемилъ трубку въ зубахъ, высвободилъ руки и захопалъ въ ладоши.

— Да что это Сени нѣтъ? Обѣщался быть.

— Придетъ еще, замѣтила Стеша.

Викторъ Михайлычъ отставилъ трубку въ сторону, и опять засвисталъ и захопалъ въ ладоши.

— Савка! крикнулъ онъ наконецъ нетерпѣливо и съ досадою: — Савка!

Никто не являлся.

— Фу, дьяволъ! проговорилъ онъ и пошелъ изъ комнаты.

— Ну, чего ты все ежишься, Маша! сказала Стеша. — Посидимъ, напьемся чаю, и пойдемъ. Нечего и бояться было.

— Все чего-то боязно, проговорила Маша. — У него одна горница-то? спросила она, оглядываясь въ комнатѣ.

— Нѣтъ, еще вонъ рядомъ спаленка маленькая, отвѣчала Стеша.

Комната, въ которой сидѣли дѣвушки, не представляла ни особеннаго изящества, ни комфорта. Стѣны были выклеены плохими обоями, которыя мѣстами отстали, потолокъ былъ выбѣленъ по дереву, полъ некрашеный; мебели-

ровка состояла изъ двухъ небольшихъ столовъ, стараго дивана безъ пружинъ и десятка плетеныхъ стульевъ. На одномъ изъ столовъ помѣщалась библіотека, состоявшая изъ оборваннаго до нельзя тома «Ста русскихъ литераторовъ» и разрозненной части сочиненій Марлинскаго. Между оконъ висѣла раскрашенная литографированная картина, изображавшая женщину въ чалмѣ, съ открытыми, несоразмѣрной величины грудями, и съ подписью *Одалиска*. Надъ одалиской болтался на гвоздикѣ черкесскій кинжалъ.

Викторъ Михайлычъ не заставилъ себя долго ждать, онъ черезъ минуту воротился, выбранилъ заочно Савку, сказалъ, что завтра же прогнать его, и вынулъ изъ стола синюю бумажку.

— Ну, вотъ, вѣдь слышалъ каналья, проговорилъ онъ сердито: — а нейдетъ. Савка!

Наконецъ явился и Савка. Это былъ малый лѣтъ двадцати, пухлый и лоснящійся, весь вымазанный сажей, въ сѣромъ холщевомъ казакнѣ.

— Гдѣ ты пропадаешь, болванъ? прикрикнулъ на него Викторъ Михайлычъ: — гдѣ это рожу-то раскрасилъ себѣ? Трубы, что ли, чистилъ?

— Самоваръ грѣю.

— На вотъ тебѣ деньги, сбѣгай, купи мадеры бутылку, да мушкетелю бутылку для барышень.

Савка покосился на нихъ.

— Ахъ, не надо! вскричали въ одинъ голосъ и Стеша и Маша: — зачѣмъ?

— Мушкетелю бутылку, слышишь? продолжалъ Викторъ Михайловичъ, не обращая вниманія на это возраженіе: — да сладкаго чего-нибудь...

— Чего прикажете?

— Ну, финиковъ тамъ, что ли, ягодъ какихъ-нибудь, чего знаешь. Да зайди къ Крутикову. Ромъ есть у насъ?

— Есть еще немного.

— Ну такъ зайди къ Крутикову, скажи: баринъ, молъ, васъ ждетъ. Барышни у нихъ въ гостяхъ. Маршъ да живо!

— Слушаю-съ.

И Савка удалился.

— Хоть бы вы на гитарѣ сыграли, Викторъ Михайлычъ, да спѣли, сказала Стеша:— вотъ Маша охотница такая музыки послушать.

— Охотница? Я съ моимъ удовольствіемъ, согласился Алексѣевцевъ, и взялся за гитару.— А сами не поете? Какъ имечко?

— Маша.

— Не поете сами?

— Нѣтъ-съ, такъ, развѣ что для себя.

— И на гитарѣ не умѣете?

— Нѣтъ-съ.

— Хотите, стану учить? Мигомъ выучу.

— Вы, Викторъ Михайлычъ, чувствительное спойте, сказала Стеша.

— Развѣ «Гусарь на саблю опираясь»? Это, по твоему, чувствительная что ли?

— Нѣтъ, про гусара же, да другую.

— Съ моимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Викторъ Михайлычъ, заколотилъ по струнамъ гитары и запѣлъ:

«Вчера, за чашей пуншевою,
Съ гусаромъ я сидѣлъ,
И молча съ мрачною душою
На дальній путь глядѣлъ.»

Еслибъ пѣсня и не такъ была чувствительна, Алексѣевцевъ способенъ бы былъ тронуть ею кого угодно — съ такимъ чувствомъ онъ пѣлъ. И безъ того маленькіе, глазки его совсѣмъ исчезли; онъ наклонялъ голову то въ ту, то въ другую сторону, а когда дѣло дошло до того, что «слеза повисла на рѣсницѣ, и канула въ бокалъ» (опять таки въ бокалъ, а не въ бокалъ), Викторъ Михайловичъ впалъ въ острѣвненіе какое-то. Онъ совсѣмъ закинулъ голову назадъ, такъ что показывалъ слушательницамъ только источникъ обворожительныхъ звуковъ, смуглое горло свое съ огромнаго размѣра адамовымъ яблокомъ, и билъ по струнамъ всею ладошью. Понятно, какъ хорошо вышли въ такомъ художественномъ пѣньи чувствительныя слова:

«Оставь, гусарь! Ахъ, сердцу больно!...

Ты, знать, не горевалъ.

Увы! одной слезы довольно,

Чтобъ отравить покаяль.»

Послѣ этого пѣнія Маша опять начала шушукаться съ своею подругой, уговаривая Стешу отпустить ее домой; та едва уговорила ее остаться до чаю. Машу начиналъ ужъ страхъ брать: если и трезвый Викторъ Михайлычъ въ такой азартъ входитъ, чтожъ будетъ, какъ онъ попотчуетъ себя мадерой, за которой пошелъ Савка.

Семень Андрейчъ Крутиковъ не замедлилъ явиться по приглашенію. Этому юному прапору съ весьма скудной растительностью на верхней губѣ, приличіе какъ-то было именоваться просто Сеней, какъ и называлъ его другъ его штабсъ-капитанъ. Сеня былъ малый скромный, тихій, со всѣмъ не подстать отважному Виктору Михайлычу; но тѣмъ не менѣе между ними были самыя пріятельскія отношенія. Черноусый капитанъ и рюмки водки не могъ выпить, не пославъ предварительно за Сеней, если только тотъ не въ караулѣ. Росту Сеня былъ очень небольшого, довольно щедушный, рыжеватый, весь въ веснушкахъ, съ безцвѣтными глазами и толстыми губами, часто откашливался и плевалъ, и не выпускалъ изо рта трубки.

— Вотъ, имѣю честь представить моего друга, отрекомендовалъ Викторъ Михайлычъ. — Изволь куртизанить.

— Очень пріятно-съ, отвѣчалъ, усмѣхаясь, Сеня, и сѣлъ около Маши.

Куртизанить, впрочемъ, онъ и не начиналъ; только спросилъ Машу, гдѣ она живетъ, и замолкъ.

Пока Савка хлопоталъ въ передней съ чаемъ и съ прочимъ угощеньемъ, Викторъ Михайлычъ пропѣлъ для услады своихъ гостей еще пѣсенки двѣ-три — и съ особеннымъ одушевленіемъ «Въ горахъ я встрѣтила Черкеса» на тотъ же впрочемъ голосъ, что и «Вчера за чашей пуншевою».

Рому оказалось достаточно на пуншевую чашу и сегодня; съ помощью пунша и мадеры, Сеня сталъ поразвязиѣе, началъ заигрывать съ Машей, и когда Маша, выпивъ на скоро чашку чая и отказавшись отъ вина, не смотря на увѣ-

ренія Виктора Михайловича, что вино сладкое, дамское, изъявила рѣшительное желаніе идти домой, Сеня непремѣнно хотѣлъ отправиться провожать ее.

— Нѣтъ ужь, извольте остаться, возразила ему Стеша.
— Я сама ее провожу.

— А ты-то какъ-же? спросилъ Викторъ Михайлычъ: — вѣдь ты придешь?

— А развѣ приходитъ?

— Разумѣется.

— Ну, ладно.

Маша стала повязывать платокъ.

— Вотъ вы, Семень Андрейчъ, крикнула Стеша:—куртизанить-то васъ взять, а вотъ купили бы у меня шляпку да подарили Машѣ; а я себѣ новую сошью.

— Перестань! что ты? останавливала ее Маша.

— А то вы на словахъ только, продолжала Стеша:— а какъ до дѣла дойдетъ, такъ вы и на понятный дворъ.

— Что жъ ничего-то не видя! возразилъ довольно храбро Сеня.—А впрочемъ пожалуй. Вотъ получу жалованье и куплю.

— Э! отвѣчала Стеша, махнувъ рукой: — я до вашего жалованья и шляпку-то изношу. — Ну, пойдемъ, Маша. Я мигомъ ворочусь.

— Прощайте-съ, сказала Маша хозяину.

— Прощайте, барышня! отвѣчалъ Викторъ Михайлычъ.
— Милости просимъ опять какъ-нибудь. Да не придете, пожалуй. Больно ужь вы недотрога.

— Это она съ непривычки больше, Викторъ Михайлычъ, извинила ее Стеша.

И дѣвушки ушли.

VI.

Труденъ только первый шагъ, да и не всегда еще особенно труденъ; а тамъ и пойдетъ все какъ по маслу. Маша не ограничилась однимъ посѣщеніемъ къ Виктору Михайлычу: пошла и въ другой разъ, и въ третій, не такъ уже увертывалась отъ его поцѣлуевъ, попробовала однажды, какое

такое это сладкое дамское вино, отъ котораго не отказывается Стеша, и даже стала просить новаго знаконца своего, чтобы онъ поучилъ ее играть на гитарѣ. Викторъ Михайловичъ согласился, разумѣется, «съ моимъ удовольствіемъ» и урока въ четыре Маша могла уже акомпанировать себѣ «Гусара». Этимъ, впрочемъ, и ограничивались отношенія ея къ Виктору Михайлычу. Что касается Сени, Маша на него и вниманія не обращала. Да и не стоило: человѣкъ-то онъ былъ очень ужъ ничтожный; нечего и говорить, что объ обѣщаніи купить шляпку въ другой разъ и помину не было.

Стеша оказалась вскорѣ почему-то очень-недовольною своимъ штабс-капитаномъ, бранила его, на чемъ свѣтъ стоитъ, и вмѣсто того, чтобы идти вечеромъ къ нему, стала ходить съ Машей на публичное гулянье, въ загородный садъ, куда было рукой подать отъ Новыхъ-мѣстъ. Тамъ дѣвицы свели новыя знакомства, которыя вполнѣ вознаградили Стешу за неблагодарность Виктора Михайлыча. Какъ побывали онъ въ гостяхъ у одного молодаго человѣка, жившаго на Дворянской улицѣ, въ своемъ домѣ, и попробовали у него петербургскихъ конфетъ и шампанскаго, то рѣшили къ Алексѣевцеву и не заглядывать. Пуще всего — не видали его финиковъ да дамскаго вина!

Вскорѣ послѣ этого знакомства у Маши явились и новая шляпка, и нѣсколько новыхъ платьевъ, и франтовскіе сапожки, и зонтикъ. Изъ недавней простенькой мѣщаночки она превратилась разомъ въ барышню. Окля Алексѣевна была очень этимъ довольна, потому-что дочь не разъ приносила ей денегъ.

Евграфъ, какъ извѣстно, могъ посѣщать горбылевскій домикъ на Новыхъ-мѣстахъ только въ послѣ-обѣденную пору, во время отдыха господъ; онъ заставлялъ Машу всегда дома, и ничего не могъ замѣтить. Маша, до разрыва Стеши со штабс-капитаномъ, была даже какъ-то особенно любезна съ Евграфомъ. Съ непривычки это сначала поразило его такъ, что онъ совсѣмъ растерялся, а потомъ онъ просто таять сталъ отъ каждаго милаго слова Маши, и кажется, въ петлю бы полѣзъ, еслибъ она дала ему хоть разокъ поцѣловать себя. Онъ былъ влюбленъ не на шутку.

— Что это, Евграфъ Семенычъ, сказала разъ Маша, когда Евграфъ засталъ ее дома одну и такъ смутился, что чуть тотчасъ-же не ушелъ: — что это вы сидите всегда да молчите? Хоть-бы слово когда сказали.

— Что жъ мнѣ говорить, отвѣчалъ Евграфъ: — когда слова мои не берутся во вниманіе?

— Словъ-то нѣтъ, такъ значить и во вниманіе брать нечего.

Евграфъ собрался съ духомъ и прямо бухнулъ:

— Одно мое слово есть до васъ, и на него-бы желательно слышать отвѣтъ.

— А какое это слово?

— Такое, Марья Кириловна, что коли не видалъ васъ день — значить, все едино, не жилъ.

Маша засмѣялась; а у Евграфа сердце замерло.

— Будто ужъ я такъ вамъ понравилась?

— Всѣмъ своимъ дыханіемъ къ вамъ пристрастился, Марья Кириловна, проговорилъ Евграфъ, вытирая у себя потъ на лбу: — одно слово сказать — не жилъ бы безъ васъ.

Онъ махнулъ рукой, и добавилъ:

— Уста запекаются — говорить не могу.

Маша продолжала улыбаться, показывая Евграфу свои бѣлые и ровные, какъ жемчугъ, зубы.

— Что жъ! проговорила она наконецъ: — и я васъ люблю.

Чего еще болѣе! Евграфъ никакъ этого не ожидалъ. Хоть уста у него и запекались, какъ онъ говорилъ, однако онъ собрался съ духомъ и немедленно объяснилъ Машѣ свои намѣренія и передалъ ей свой разговоръ съ Ѳеклой Алексѣвной. Маша прямо объявила ему, что не прочь выйдти за него замужъ, только-бы онъ подождалъ до осени, побылъ-бы женихомъ покамѣстъ, а то такъ вдругъ и обвѣнчаться — страшно. Евграфъ былъ готовъ хоть годъ ждать; онъ не вѣрилъ своему счастью. Ему сильно хотѣлось поцаловать въ этотъ разъ Машу въ румяную щеку; но онъ не рѣшился ни прямо высказать желанія своего, ни даже намекнуть о немъ, — такъ и ушелъ домой.

На другой день онъ засталъ Ѳеклу Алексѣвну дома.

— Ты что безъ меня дѣвку-то сомущаешь? сказала она ему шутливо: — чего вы тутъ вчера толковали?

— Дѣло законное, отвѣчалъ Евграфъ съ радостной улыбкой: — по любовному согласію, Ѳекла Алексѣвна.

— Когда-жъ свадьба-то?

— Я готовъ во всякую минуту.

— Вишь, больно торопливъ. Хоть-бы сваху заслагъ. А то, пожалуй, на свадьбѣ и въ дружкѣ самъ пойдешь.

Евграфъ изъявилъ-было желаніе хоть обручиться пока, чтобы дѣло было вѣрнѣе, но Ѳекла Алексѣвна замѣтила на это, что «когда рожь, тогда и мѣра».

— А, поди, вчера всѣ губы истрепали, цаловавшись? спросила она.

— И не прикасался, Ѳекла Матвѣвна, отвѣчалъ Евграфъ.

— Охъ, врешь, быть этого не можетъ.

— Вѣрите Богу!

— Ну-ка, при мнѣ попробуй! я посмотрю.

— На что, маменька? возразила Маша.

— Ну, безъ спору! ну!

Евграфъ благоговѣнно подступилъ къ Машѣ и нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ промолвилъ:

— Можно, Марья Кириловна?

— Что жъ не можно-то? отвѣчала Маша улыбаясь и подставила ему свои алыя губы.

Евграфъ поцѣловалъ ихъ, и сердце у него, кажется, совсѣмъ биться перестало.

— Не по-жениховски чего-то! замѣтила опытная Ѳекла Алексѣвна: — ну, да на первый разъ ладно.

Евграфъ ушелъ домой, замирая отъ блаженства.

Все шло такимъ-образомъ отлично, пока у Маши не завелись новыя знакомства. Она немедленно охладѣла къ мысли выйдти замужъ за Евграфа, и стала обращаться съ нимъ почти такъ же, какъ до извѣстнаго объясненія; о поцѣлуняхъ ужъ и помину не было. Въ ослѣпленіи любви Евграфъ не замѣчалъ ни новыхъ платьевъ, ни новыхъ манеръ Маши, и только огорчался однимъ — что она не даетъ ему поцѣловать себя. Ослѣпленіе это было такого рода, что онъ

разъ принесъ ей нарочно заказанные козловые башмаки, тогда-какъ Маша носила нынче прюнелевыя ботинки.

— Это ужъ ты маменькѣ подари, или какой другой невѣстѣ! сказала она Евграфу, наморщивъ лобъ и съ презрительною гримасой.

— Развѣ плохи башмаки? спросилъ Евграфъ.

— Можетъ, и хороши кому, да не мнѣ.

— Да отчего-жь?

— Стану я этакую дрянъ носить! у меня вонъ какія!

И Маша приподняла немного платье. У Евграфа въ глазахъ зарябило, когда онъ увидалъ маленькую ножку, обтянутую бѣлымъ какъ снѣгъ, тонкимъ чулкомъ, и въ щегольской ботинкѣ. Онъ завернулъ свои башмаки опять въ бумагу, въ которой принесъ ихъ, положилъ ихъ въ задній карманъ скюртука, неловко и на-скоро распрощался съ Машей и пошелъ какъ убитый въ Московскую улицу.

Подозрѣнія, которымъ давно-бы пора было пробудиться, закипѣли теперъ разомъ. Онъ началъ гнать отъ себя мысль о Машѣ, рѣшился и не заглядывать больше на Новыя-мѣста, и такимъ-образомъ все покончить. Но всѣ эти старанія и рѣшенія были напрасны: Евграфъ ни о чемъ, кромѣ Маши, думать не могъ, и каждое послѣ-обѣда порывался сходить посмотрѣть на нее. Три дня онъ, однакожь, вытерпѣлъ.

Тѣмъ временемъ Оекла Алексѣевна сдѣлала порядочный нагоняй Машѣ, что она отвадила отъ дому Евграфа. По ея словамъ, одно другому не мѣшало — можно было и платья новыя, и ботинки прюнелевыя носить, а Евграфомъ все-таки не пренебрегать.

— Да онъ неопрятный этакой! возразила Маша: — даже противно.

— Пуще всего! Экія нонче причуды у тебя. Не бойсь, чистенькіе-то твои на тебѣ жеңятся?

— Да я вовсе и не хочу замужъ. Развѣ такъ-то не проживу?

— Ай! и думать этого не могли! слышишь? Да на что это похоже будетъ? какая это жизнь?

— Ну, другой женихъ найдется.

— Какъ-же! жди! такъ вотъ и кинутся всѣ на тебя. Одинъ этотъ-то со злобы на весь городъ мораль пустить.

— Да онъ придетъ, маменька; вотъ, увидишь — придетъ.

— Кто его знаетъ! онъ вѣдь преупрямый.

— Придетъ.

Маша не ошиблась.

Евграфъ, явившись, выразилъ желаніе переговорить наединѣ съ Ѳеклой Алексѣвной, и она выслала Машу.

— Какія еще тайности? спросила Ѳекла Алексѣвна.

— Дѣло выходитъ совсѣмъ неладное, Ѳекла Алексѣвна.

— Про чтò говоришь?

— Про одно могу только говорить — на счетъ Машеньки.

— Что Машенька?

— Кажись, не доглядѣли, Ѳекла Алексѣвна. Послѣ этого, значить, мнѣ надо въ отставку.

— На это вся твоя воля; плакать не станемъ. Ну, а какъ вѣтъ ничего? Что тогда скажешь?

Евграфъ совсѣмъ смутился: этого онъ до-сихъ-поръ и въ мысляхъ не имѣлъ. Чтò, какъ, въ-самомъ-дѣлѣ, вѣтъ ничего?

— Тò мнѣ сумнительно, возразилъ онъ однакожъ: — откуда вдругъ у Машеньки всякія обновы являются. Богатство ваше мнѣ извѣстно.

— А откуда оно тебѣ извѣстно? давала я тебѣ деньги считать?

— Кто про это говорить!

— Такъ и не болтай зря! Ну, не по нраву тебѣ дочь, не бери ее; никто не нудить. Найдемъ и безъ тебя жениховъ. Вишь, разборчивый какой выискался!

Евграфъ, умѣвшій такъ сильно злиться на Агаею Максимовну и Платона Николаевича, совсѣмъ пасовалъ, когда дѣло касалось Маши, и потому принялся просить у Ѳеклы Алексѣвны прощенія въ своихъ сомнѣніяхъ.

Все вскорѣ уладилось, хотя въ душѣ Евграфа часто закипали ревнивыя подозрѣнія. Осенью онъ женился.

Агаея Максимовна, при безпрестанной перемѣнѣ прислуги, стала часто поминать его добромъ. Никто изъ лакеевъ не уживался у Войлоковыхъ долѣ мѣсяца.

VII.

Почти въ одно время съ Евграфомъ затѣялъ жениться и Платонъ Николаевичъ. Женитьба была у него постоянно на языкѣ, потому-что нельзя было не чувствовать пустоты въ той жизни, которою онъ жилъ. Но говорить не такъ трудно, какъ рѣшиться на подобный важный шагъ. Когда Платонъ Николаевичъ обдумывалъ свое намѣреніе прискаты себѣ подругу жизни, главнымъ препятствіемъ представлялась ему достопочтенная его родительница, которая способна была раздуть въ домѣ цѣлый адъ разныхъ непріятностей. Правда, Агаѣя Максимовна очень часто и сама говорила, что Платону Николаевичу непременно слѣдуетъ жениться, что жить такимъ бобылемъ ему не приходится; но это говорилось обыкновенно только тогда, какъ Платонъ Николаевичъ заставлялъ маменьку подозрѣвать, что у него есть нѣкоторые не совсѣмъ законные амуры. Съ каждымъ днемъ Агаѣя Максимовна становилась подозрительнѣе, особенно какъ принуждена была сидѣть въ своей спальнѣ, не сходя съ мѣста и не могла успокоивать немного свое сердце хоть звуками органа. Платонъ Николаевичъ поддерживалъ эти подозрѣнія, возвращаясь часто очень-поздно вечеромъ и съ измятою манишкой. Нерѣдко случалось также, что онъ заставитъ старуху прождать себя къ ужину, а пріѣдетъ поужинавши, и съ раскраснѣвшими щеками.

— Ты ужь нынче и пьянъ никакъ! воскликнетъ Агаѣя Максимовна, показывая свой желтый зубъ, все больше и больше клонящійся къ упадку.

— Ну, пьянъ! отвѣтитъ Платонъ Николаевичъ: — а вамъ что за дѣло?

— Ахъ, Боже мой! аспидъ какой! завопитъ Агаѣя Максимовна: — слова ему нельзя сказать.

Платонъ Николаевичъ хлопнетъ дверью и уйдетъ.

Немилое житье! Но едвали бы оно было веселѣе, еслибъ Платонъ Николаевичъ и женился.

Кромѣ помѣхи въ лицѣ маменьки, важное препятствіе къ вступленію въ приличный бракъ заключалось въ самомъ общественномъ и политическомъ положеніи Платона Николае-

вича. Къ несчастію, онъ былъ происхожденія не дворянскаго. Когда онъ вступалъ на службу, дворянскій дипломъ сіялъ ему вдалькѣ путеводною звѣздой; но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ ней, звѣзда отодвигалась все дальше и дальше. Только-что онъ дослужился до желаннаго коллежскаго ассесора, оказалось необходимымъ дослужиться до статскаго совѣтника, чтобы быть дворяниномъ. Хоть бы образованіемъ, по крайней мѣрѣ, взять; но и тутъ бѣда! Платонъ Николаевичъ особенно сокрушался незнаніемъ французскаго языка. Даръ краснорѣчія, которыми онъ обыкновенно старался блеснуть, не могъ замѣнять этого важнаго недостатка.

Конечно, нашлись бы въ городѣ невѣсты, которыя почли бы за честь выйдти за Платона Николаевича, и не обратили бы вниманія на его недостатки; но — 'увы! на этихъ-то именно невѣстѣ Платонъ Николаевичъ и смотрѣть не хотѣлъ. Ему нужно было (а почему, онъ кажется и самъ не звалъ) барышню высокаго полета, то-есть, во первыхъ, принадлежащую къ лучшему губернскому кругу, и, во вторыхъ, образованную, чтобы по-французски рѣзала, какъ на родномъ языкѣ, играла на фортепьяно и даже пѣла пріятные романсы. Съ такими требованіями, разумѣется, дѣло присканія невѣсты оказывалось труднымъ. Мы забыли притомъ сказать, что Платонъ Николаевичъ и относительно наружности былъ чрезвычайно разборчивъ въ этомъ случаѣ — хотѣлъ непременно молоденькую и хорошенькую. Правда, со времени полученія бесплоднаго чина коллежскаго ассесора, Платонъ Николаевичъ, потерявъ всякую надежду на дворянство, сдѣлалъ одну уступку изъ своихъ требованій; но уступка была слишкомъ скупая: невѣста, видите ли, могла и не пѣть романсовъ — только.

Нѣсколько лѣтъ уже присматривался Платонъ Николаевичъ къ одной барышнѣ, удовлетворявшей, за исключеніемъ пѣнія, всѣмъ его требованіямъ; но все почему-то не рѣшался сдѣлать предложеніе. То ему казалось, что она еще молода, то, что не достаточно солидна. Можетъ-быть этимъ хотѣлъ онъ разсѣять нѣсколько въ своихъ глазахъ неувѣренность, пойдетъ ли за него барышня и отдадутъ ли ее родители.

Платонъ Николаевичъ не дѣлалъ ни шага, чтобы понравиться избранной имъ особѣ, и до времени считалъ это, кажется, даже излишнимъ.

Владимиръ Павловичъ Станковъ, дочь котораго, Ольга Владиміровна, имѣла счастье понравиться Войлокову, былъ помѣщикъ пятисотъ душъ, не служилъ, лѣто проживалъ въ деревнѣ и только на зиму приѣзжалъ въ городъ, гдѣ жилъ довольно открыто и давалъ всегда два бала, на святкахъ и о масленицѣ. Кромѣ того, какъ большой любитель музыки и самъ хорошій скрипачъ, онъ соединялъ около себя всѣхъ губернскихъ дилетантовъ, и у него въ домѣ устраивались трио и квартеты. Ольга Владиміровна играла обыкновенно партію на фортепіано. На музыкальныхъ вечерахъ Платонъ Николаевичъ у Станковыхъ былъ всего раза два, и находилъ, что эти трио и квартеты—тоска, и что онъ не понимаетъ, какъ люди могутъ слушать эту канитель. Спрашивается, на что нужна ему была жена непременно музыкантша? Но это, впрочемъ, ностороннее! Мать Ольги Владиміровны, Софья Степановна, была очень добрая, очень толстая барыня, съ необыкновеннымъ радушіемъ принимавшая всѣхъ своихъ гостей. Это радушіе происходило можетъ быть и отъ ея чрезвычайной болтливости: она была рада всякому, чтобы только поговорить въ волю. Въ разговорѣ она безпрестанно путала русскія слова и фразы съ французскими. Забывая, что Платонъ Николаевичъ по-французски не знаетъ, она не оставляла этой привычки и въ разговорѣ съ нимъ. Платонъ Николаевичъ при французскихъ фразахъ считалъ обязанностію или улыбаться или дакать, какъ бы желая показать, что онъ очень хорошо понимаетъ слова Софьи Степановны. У Станковыхъ, кромѣ дочери, было и два сына, служившіе въ военной службѣ въ Петербургѣ.

Желаніе жениться было у Платона Николаевича не постоянно-сильно; оно проявлялось въ немъ какъ-то періодически, и потомъ на время затихало. На это были особыя причины, и, надо признаться, причины странныя. Что таиться? Агаея Максимовна была совершенно права въ своихъ подозрѣніяхъ: Платонъ Николаевичъ зачастую обманывалъ ее, когда, возвратясь поздно вечеромъ домой, увѣрялъ, что онъ

игралъ въ карты тамъ-то или сидѣлъ въ клубѣ. По сильной слабости къ женскому полу, большую часть вечеровъ Платонъ Николаевичъ проводилъ у какой-нибудь барышни, которой нанималъ квартирку въ отдаленной улицѣ и доставлялъ нѣкоторыя средства жизни. Въ теченіи времени, прожитаго у Платона Николаевича Васей, такихъ подругъ у него можно было послѣдовательно насчитать пять. Нельзя въ этомъ случаѣ не отдать полной справедливости любящему сердцу Войлокова: онъ обыкновенно привязывался искренно къ этимъ, для другихъ легкимъ, интрижкамъ, и никогда не былъ самъ причиною разрыва. Къ несчастію избранныя имъ красавицы не удовлетворялись ни любовью Платона Николаевича, ни матеріальными выгодами, имъ предлагаемыми; рано или поздно Платонъ Николаевичъ, посредствомъ разныхъ шпионовъ и шпионокъ, открывалъ таки черную измѣну, и, конечно, приходилось разставаться. Вотъ послѣ такихъ-то разставаній начинало всегда томить Войлокова желаніе жениться. «То ли дѣло жена! думалъ онъ: жена ужъ не измѣнитъ. А если бъ и вздумала, всегда можно присмотрѣть: ближе; притомъ и всякой соблазнъ можно отстрапить заранѣе—отвадить только отъ дому эту молодежь, этихъ шаркуновъ паркетныхъ, которые только и дѣлаютъ, что ухаживаютъ за чужими женами да сбиваютъ ихъ съ толку.»

Послѣдній разрывъ былъ особенно горекъ Платону Николаевичу. О любви его нечего и говорить; достаточно упомянуть вотъ о какомъ обстоятельстве: сегодня Платонъ Николаевичъ подарилъ вѣтренной подругѣ своей бурнусъ въ сорокъ дѣлковыхъ; а завтра она изволила ускакать совсѣмъ изъ города вонъ съ какимъ-то офицеромъ. — «Вотъ, и вѣрь послѣ этого этому народу!» задумался Платонъ Николаевичъ. «Постоянно выказывала ко мнѣ привязанность; ни одна со мной такъ нѣжна не была... И вдругъ! И кажется до сихъ поръ только меня и знала; ничего ни самъ, ни черезъ другихъ не замѣчалъ. Кабы на деньги, что-ли, жадная была — и того нѣтъ. А жалко сорока рублей, жалко! Вотъ вызнай ихъ послѣ этого! Чортъ развѣ имъ въ душу загѣзетъ. — Одно средство — жениться надо; и чѣмъ скорѣе — тѣмъ лучше.»

Къ этому дѣлу нельзя было приступить безъ совѣта съ маменькой.

Въ первый-же день, какъ ему оказалось некуда ѣхать вечеромъ, Платонъ Николаевичъ за чаемъ объявилъ Агаеѣ Максимовнѣ:

— Маменька, я хочу жениться.

Маменька покосилась на него.

— Слышали ужь это — тысячу разъ.

— Нѣтъ, я вамъ сурьезно это говорю.

— Ну, сурьезно; мнѣ-то что за дѣло?

— Боже мой! что это за несноснѣйшая женщина! воскликнулъ съ досадой Платонъ Николаевичъ. — Кому-жъ до этого дѣло? скажите! кому? Хочешь съ ней посовѣтоваться — приходишь какъ къ матери... Ахъ! кажется въ Ег-рашкѣ — и въ томъ было больше сочувствія.

Платонъ Николаевичъ злобно отодвинулъ отъ стола свой стулъ, и ушелъ изъ комнаты. Онъ разъ десять молча и пасмурно прошелся изъ угла въ уголь по залѣ, потомъ подошелъ къ органу и принялся его вертѣть. Въ органѣ двѣ три дудки уже давно что-то разстроились, и онъ началъ очень плачевно гудѣть «Ѣхалъ казакъ за Дунай.» Слабонервная дворняшка, заслышавъ эту музыку, завыла въ источникъ голоса подъ самымъ окномъ. Платонъ Николаевичъ бросилъ ручку органа. Грустно ему стало. Опять принялся онъ ходить изъ угла въ уголь. «Не знаю, куда-бы радъ дѣться, а некуда!» думалъ онъ.

— Платоша! кликнула его Агаея Максимовна.

Платонъ Николаевичъ пошелъ въ спальню маменьки.

— Что вамъ? спросилъ онъ, остановясь передъ старухой.

— Что-же ты чай-то не пьешь? сказала Агаея Максимовна довольно кротко.

— Пойдетъ-ли тутъ кусокъ въ горло? отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ: — кромѣ непріятностей, ничего не видишь. По службѣ — непріятности, дома — непріятности... Это, наконецъ...

Онъ сѣлъ опять на прежнее мѣсто, и налилъ себѣ стаканъ чаю.

— Поставилъ бы я васъ въ свое положеніе — любопытно, чтобы вы сказали?

Непріятности по службѣ были, кажется, изобрѣтены Платонъ Николаевичемъ только для красоты слога. Поговаривали, правда, о какихъ-то преобразованіяхъ по вѣдомству, въ которомъ онъ служилъ, но это было дѣло далекое да еще и не вѣрное.

— Поѣдешь, что ли, куда нынче? спросила Агаоля Максимовна, сбивая по видимому разговоръ на свою всегдашнюю тему.

Она не мало изумилась и обрадовалась, когда сынъ отвѣчалъ:

— Куда мнѣ ѣхать!

— Кто тебя знаетъ! сказала старуха: — вѣдь каждый вечеръ куда-то ѣздишь.

— Некуда мнѣ ѣхать; я сегодня цѣлый вечеръ дома.

— Давно бы пора! Совсѣмъ нынче бездомникомъ какимъ-то сталъ. И у насъ-то никогда никого. Всякой думаетъ — что и ѣхать? вѣрно дома нѣтъ.

Мать и сынъ помолчали.

— Ты что давеча началъ говорить? спросила немного погодя Агаоля Максимовна, справедливо полагая, что ужъ если сынъ остался на цѣлый вечеръ дома, значить — чтонибудь задумалъ не на шутку.

— Вѣдь вы и слушать не хотѣли, отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ.

— Да вѣдь кто тебя знаетъ! Я думала — такъ, языкомъ только бьешь.

— Кажется, я сказалъ вамъ сурьѣзно, маменька, что хочу жениться.

— Хотѣть-то не трудно, я ужъ это давно слышу: «хочу» да «хочу»; да на комъ?

— Я вамъ до сей поры этого не говорилъ, а часто такъ думалъ: «вотъ бы мнѣ жена, какъ нельзя лучше!»

— Кто такая?

— Станкова Оленька.

— Не видала.

— Да слышали до крайней мѣрѣ?

Отд. I.

— Когда-жъ не слышать! Говорять, хорошая дѣвушка; только ужъ, я думаю, гордости и невѣсты какой!

— Да отчего же ей гордой быть?

— Мало-ли отчего! Такъ ужъ воспитываютъ нынче... И ничего-то не имѣють, такъ носъ деруть; а ужъ какъ состояніе-то есть, такъ и приступу нѣтъ. Вѣдь приданое, чай, за ней хорошее?

— Не думаю, чтобы много было, но, разумѣется...

— Справиться бы падо.

— У нихъ душъ пѣтьсотъ всего; но два брата еще есть. А денегъ у старика — это навѣрное можно сказать — нѣтъ; все проживають.

— Какъ она послѣ баловства-то да нѣги и здѣсь захочетъ такъ-же жить — вотъ и выйдетъ складъ!

— Ахъ, не говорите этого, маменька! вы ее не знаете — прескромная дѣвушка — этакая солидная...

— Всѣ онѣ до поры до времени скромницы.

— И вся семья нравственная, религиозная. Я убѣжденъ, и вамъ будетъ пріятно породниться.

— Ну, обо мнѣ тутъ нечего толковать! Нѣ для меня ты женишься. А, конечно — что говорить! — Желала-бы видѣть тебя степеннымъ человѣкомъ. Слава Богу, пора! Чѣмъ Богъ знаетъ съ кѣмъ водиться — тратиться Богъ знаетъ на кого... Жена — все совсѣмъ другое дѣло: и тратить на нее, такъ все же въ домъ, а не изъ дому..

Рѣшеніе Платона Николаевича пробыть весь этотъ вечеръ дома, по видимому, совсѣмъ покорило сердце Агаоы Максимовны: въ словахъ ея не было ни тѣни строптивости, не смотря на щекотливость предмета.

— У меня это, маменька, твердое намѣреніе, сказали Платонъ Николаевичъ послѣ краткаго молчанія. — Такъ вы благословляете?

— Нечего заранѣе-то благословлять, отвѣчала Агаоы Максимовна: — падо сначала это дѣло подготовить... Не такъ же, съ бухта-барахта пріѣхалъ да и грянулъ; хочу, моль, женишься!

— Конечно.

— Вѣдь ты, поди, и трехъ разъ въ зиму-то у нихъ не былъ?

— Да, точно, всего разъ пять.

— Этакъ нельзя же. Надо, чтобы дѣвушка видѣла—человѣкъ ей интересуется. Ну, бывать надо чаще, говорить.

— Это такъ, такъ...

— И присмотрѣться тоже, какъ у нихъ все—принаровиться.

— Да, да.

— Ну, и потомъ... конечно...

— По здоровомъ разсужденіи...

— Само собой!

— Ваша правда, маменька, ваша правда. Такъ я и начну дѣйствовать.

— Да не торопись, съ толкомъ. Вѣдь не вдова—поспѣешь. И о приданомъ можешь все разузнать.

— Одно меня, маменька, беспокоитъ...

— Что такое?

— А не пойдетъ за меня...

Такое предположеніе показалось Агаоѣ Максимовѣ просто нелѣпымъ.

— Вотъ вздоръ какой! воскликнула она.— Да вѣдь у нея жениха нѣтъ.

— Жениха нѣтъ, отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ: — а все-таки это, маменька, не вздоръ. Очень можетъ случиться и очень вѣроятно, что не пойдетъ.

— Да отчего?

— Во-первыхъ не дворянинъ.

— Дослужишься.

— Да, какъ-же! дослужишься при нынѣшнихъ-то порядкахъ. Вотъ, сколько времени ляжку теръ до коллежскаго ассесора — и что же взялъ! Это называется: Улита ѣдетъ, да когда-то она будетъ.

— А вспомни-ка, какъ на службу ты поступаешь, думаешь ли, что и до этого дослужишься. Такъ и теперь.

Соображеніе это очень утѣшило Платона Николаевича; онъ подумалъ: «А что жъ, въ самомъ дѣлѣ! отчего мнѣ и

статскимъ совѣтникомъ не быть!» но вскорѣ охладился и возразилъ маменькѣ:

— Требуется, чтобы теперъ былъ дворянинъ.

— Да на это не посматрять! Главное — средства бы были; а всѣ знаютъ, ты человѣкъ небѣдный. Нынче деньги выше всего.

— Они и сами съ состояніемъ.

— Все-таки за такого-то отдать, у котораго у самого ничего нѣтъ, надо и дочь больше наградить... Разсчитать тоже...

— А по мнѣ хоть бы и ничего за женой не было, такъ неважность; только бы дѣвушка образованная...

— Вотъ ужъ это глупо! вотъ этого слышать не могу! сердито вскричала Агафья Максимовна: — этакое мотовское какое-то разсужденіе. Точно миліонщикъ какой разсуждает!

— Это я такъ только, маменька, въ разсѣянности, успокоилъ ее Платонъ Николаевичъ: — объ деньгахъ я никогда не забывалъ и не забуду. А признаюсь — все-таки мнѣ сомнительно, выдадутъ ли за меня Олешку.

— А я такъ объ этомъ и думать не хочу: только бы ты сталъ почаще бывать у нихъ, старикамъ угождать, съ ней тоже любезничать, и какъ разъ дѣло сдѣлается.

На слѣдующій же вечеръ Платонъ Николаевичъ отправился къ Станковымъ, и какъ разъ попалъ на квартетъ. Музыка происходила въ залѣ; расшаркавшись передъ хозяиномъ и Ольгой Владиміровной, Платонъ Николаевичъ прошелъ въ гостиную къ хозяйкѣ.

Софья Степановна сидѣла одна, и встрѣтила Войлокова словами:

— Ахъ, очень рада васъ видѣть.

— Давно собирался къ вамъ, Софья Степановна, какъ нибудь вечеркомъ. Вашъ домъ для меня всегда...

— Ахъ очень рада, очень рада, повторила Софья Степановна.

Она говорила совершенную правду, потому-что томилась безмолвіемъ, на которое обрекала ее музыка. Теперь она могла говорить, сколько душѣ угодно, и заговорила. Платонъ Николаевичъ при французскихъ фразахъ, какъ водится, улы-

бался, или замѣчалъ: «Да, это точно... Гм... Вы правы... Да-съ, да, да!» или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Наконецъ онъ улучилъ какъ-то минутку, когда Софья Степановна переводила духъ, и промолвилъ, какъ бы прислушиваясь къ музыкѣ:

— Скажите, какъ прекрасно играетъ Ольга Владиміровна! сколько души! Это истинное наслажденіе слушать ея игру.

— Она вѣдь брала уроки у Гензельта. Мужъ мой всегда былъ ужасный любитель музыки. Когда мы жили въ Петербургѣ и онъ былъ еще въ гвардіи...

И начался опять безконечный разсказъ.

Платонъ Николаевичъ слушалъ повидимому съ большимъ вниманіемъ; но въ сущности съ страстнымъ нетерпѣніемъ выжидалъ хоть краткой паузы.

Дождался, и опять ввернулъ свое словечко:

— Ахъ, право, я въ такомъ восхищеніи, что словъ не нахожу. Какъ прелестно, какъ обворожительно играетъ Ольга Владиміровна.

И Платонъ Николаевичъ обратилъ правое ухо къ двери залы. Фортепіано совсѣмъ не было слышно за скрипкой, альтомъ и віолончелью.

Но Софья Степановна, будто и не слыхала лестнаго замѣчанія гостя, принялась разсказывать что-то совсѣмъ постороннее. «Надо будетъ еще разокъ похвалить!» подумалъ Платонъ Николаевичъ: «а то она слишкомъ ужъ увлеклась и не слыхала.» И при первомъ случаѣ похвалилъ. На этотъ разъ Софья Степановна сказала, что ей очень пріятно это слышать, и Платонъ Николаевичъ въ душѣ одобрилъ свое тонкое умѣнье вести дѣло.

Скоро квартетъ кончился, и всѣ пришли въ гостиную.

Платонъ Николаевичъ былъ очень доволенъ, что музыка кончилась и что Софью Степановну развлекутъ другіе гости, и немедленно направилъ стопы свои на встрѣчу къ Ольгѣ Владиміровнѣ.

— Я заслушался вашей игры, Ольга Владиміровна, произнесъ онъ съ пріятной улыбкой: — давно не испыталъ я такого наслажденія. Вы съ такою... съ такимъ совершенствомъ исполняете...

— Ахъ, я никогда, кажется, такъ дурно не играла, какъ сегодня, возразила, улыбаясь, Ольга Владиміровна: — папа ужасно сердился на меня, и я два раза всѣхъ сбивала.

— Я не говорю въ тонкости, я профанъ, тонко замѣтилъ Платонъ Николаевичъ:—но музыка—это страсть моя, и я просто заслушался васъ.

И къ Владиміру Павловичу подошелъ Платонъ Николаевичъ и тоже счелъ необходимымъ сказать:

— Какъ пріятно послушать такую артистическую музыку — особенно какъ это страсть моя. Съ какимъ наслажденіемъ слушалъ я игру Ольги Владиміровны. Безъ лести можно сказать — первоклассная артистка.

Владиміръ Павловичъ улыбнулся проницательно, и сказалъ:

— А вы сами ни на чемъ не играете?

— Начиналъ какъ-то учиться, но разныя обстоятельства, служба...

— На чемъ?

— На гитарѣ.

— Напрасно бросили, инструментъ пріятный.

— Я думаю опять какъ-нибудь приняться; но гитара нынче какъ-то не въ употребленіи въ обществѣ.

— Нѣтъ, ничего; чтожъ! займитесь.

Платонъ Николаевичъ рѣшительно вралъ, чтобы только понравиться своему предполагаемому тестю: онъ и гитары никогда въ руки не бралъ.

Музыканты не удовольствовались однимъ квинтетомъ. Войлоковъ нашелъ, что первый шагъ сдѣланъ удачно, и потому откланялся со Станковыми, когда Ольга Владиміровна шла съ отцомъ въ залу, чтобы начать играть.

— Что-жъ вы не останетесь, Платонъ Николаевичъ? сказалъ, прощаясь съ нимъ, хозяинъ: — вы такой любитель музыки и даже отчасти музыкантъ; а мы собираемся Моцарта коверкать.

Платонъ Николаевичъ никогда не слыхивалъ про Моцарта; но отвѣчалъ:

— Это доставило бы мнѣ большое удовольствіе — притомъ пьеса такая превосходная... Но — къ сожалѣнію, не могу — далъ слово...

Совравши такимъ образомъ, Платонъ Николаевичъ отправился домой. Весело потирая руки, вошелъ онъ въ душную комнату маменьки, и радостно промолвилъ:

— Ну, маменька, дѣло, кажется, идетъ наладь!

Агабья Максимовна сопѣла надъ вязаньемъ.

— Что нахохлилась, старуха! а? что нахохлилась? продолжалъ ласковымъ, заигрывающимъ тономъ Платонъ Николаевичъ.

— Ничего не нахохлилась, отвѣчала Агабья Максимовна.

— Такъ чтожь не похвалите?

— За что? Больно ужь у тебя скоро все! Не успѣлъ разъ съѣздить — и дѣло ужь у него идетъ наладь. Глупости одни! Что можетъ сразу быть? Еще только напуталъ, пожалуй!

— Напутать предоставляю кому-нибудь другому, а я такого ловкаго брандера запустилъ, что просто, я вамъ скажу...

— Чтò запустилъ?

— Брандера... намекъ этакой, знаете.

— Ну, и чтò же?

— Ничего, разумѣется; но всё такъ мило, радушно — и Владиміръ Павловичъ и Софья Степановна...

— А барышня?

— Тоже въ такихъ любезностяхъ рассыпалась!

— Что-то ужь очень скоро! скептически замѣтила Агабья Максимовна.

— А вамъ бы эту исторію нѣсколько лѣтъ тянуть. По моему, знаете, маменька, въ этихъ дѣлахъ, напротивъ, надобно дѣйствовать рѣшительно, быстро... Это своего рода военная наука, тактика, такъ сказать... По-суворовски тутъ надобно дѣйствовать. Смѣлость города беретъ — сами знаете.

Маменька, вопреки обычаю своему, не сердилась на этотъ разъ отъ противорѣчій Платона Николаевича: онъ очень смягчилъ ее сердце тѣмъ, что оставался остальное время вечера дома.

Съ этого времени Платонъ Николаевичъ сталъ все чаще и чаще заѣзжать къ Станковымъ, и всякой разъ сообщалъ маменькѣ, что дѣло подвигается быстрыми шагами впередъ,

что старики Станковы носятъ его на рукахъ, и что Ольга Владиміровна имъ интересуется.

— Чтожъ никогда самъ-то къ тебѣ не заѣдетъ?

— Занять все.

— Со мной бы познакомились.

— Погодите, маменька, будетъ время. Я очень хорошо вижу, что и онъ, и Софья Степановна проникли мой планъ, и видятъ расположеніе ко мнѣ Оленьки... А потому... кажется... однимъ словомъ — наша возьметъ!

Быль-ли Платонъ Николаевичъ самъ увѣренъ въ томъ, въ чемъ увѣрялъ Агаою Максимовну — опредѣлительно сказать трудно. Съ точки зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя дѣло подвигалось мало. Всѣ отношенія Платона Николаевича къ Станковымъ ограничивались во время частыхъ его посѣщеній только разговорами въ родѣ приведеннаго нами выше.

Черезъ мѣсяцъ или полтора послѣ того вечера, какъ Платонъ Николаевичъ назвалъ Моцарта превосходною пьесой, ему удалось впрочемъ начать объясненіе своихъ плановъ Софьѣ Степановнѣ. Въ какой мѣрѣ эти объясненія были полезны для Платона Николаевича въ его сердечномъ дѣлѣ, читатель сейчасъ увидитъ.

Платонъ Николаевичъ случайно попалъ опять на такую же музыку, какъ тогда. Софья Степановна опять сидѣла одна и опять была очень рада собесѣднику, или, лучше сказать, слушателю. На этотъ разъ Платонъ Николаевичъ, выждавъ удобную минуту, уже не хвалилъ игру Ольги Владиміровны: похвалъ ей было имъ расточено въ послѣднее время немало, и всѣ новыя похвалы показались бы только повтореніемъ; требовалось запустить, по выраженію Платона Николаевича, брандера подѣйствительнѣе.

— Вы не повѣрите, Софья Степановна, сказалъ онъ при первой возможности: — какое меланхолическое расположеніе духа преслѣдуетъ меня часто!

Софья Степановна посмотрѣла на Платона Николаевича съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Отчего же это? спросила она.

— Я и самъ не могу разъяснить себѣ въ точности.

— Но вѣдь есть же причина какая-нибудь?

— Позвольте мнѣ, Софья Степановна, началъ не безъ волненія Платонъ Николаевичъ: — позвольте мнѣ рассказать... подѣлиться съ вами тѣмъ, что такъ... такъ подвергаетъ меня въ меланхолю... и просить... просить вашего совѣта... такъ какъ мое уваженіе къ вамъ... почтеніе...

Софья Степановна такъ растерялась отъ этого страннаго приступа, что куда и говорливость ея дѣлась!

— Если я только могу совѣтовать вамъ что-нибудь, Платонъ Николаевичъ, отвѣчала она въ смущеніи: — я, право, не знаю... но во всякомъ случаѣ...

— Позвольте говорить съ вами, Софья Степановна, какъ говорилъ бы я съ моей матушкой! произнесъ Войлоковъ почти торжественно.

— Благодарю васъ за довѣріе ко мнѣ, Платонъ Николаевичъ, отвѣчала все еще растерявшаяся Софья Степановна: — если только я могу...

— Меланхолія моя, началъ, покачиваясь на стулѣ, Платонъ Николаевичъ: — происходитъ, сколько я могу судить, изъ одного источника — отъ моей одинокой жизни, отъ совершеннаго моего одиночества. Конечно, маменька, которую я люблю и уважаю, услаждаетъ въ нѣкоторой степени... Но, согласитесь сами, Софья Степановна, въ мои года, когда человѣкъ, можно сказать, начинаетъ вполнѣ чувствовать... сознавать... въ положеніи человѣка солиднаго, такъ сказать... Притомъ и безбѣдное обезпеченіе... Все это въ совокупности... Согласитесь, Софья Степановна, тяжело! тяжело!... Ищешь передать свои ощущенія, сообразить планы для будущаго... Самая служба даетъ какъ бы крылья для... для приведенія жизни къ должному знаменателю. Не правда-ли?

Софья Степановна сказала «гм...» и кивнула головой — должно быть въ знакъ согласія.

— Вотъ и вы раздѣляете мое мнѣніе, Софья Степановна, продолжалъ Платонъ Николаевичъ: — теперь мнѣ остается одно — просить вашего добраго совѣта... какъ?.. какая въ глазахъ образованнаго общества моя роля?

Софья Степановна посмотрѣла на Платона Николаевича какими-то странными глазами, и сказала:

— Извините меня, Платонъ Николаевичъ, я-все какъ-то не вполне понимаю васъ.

— Позвольте говорить съ вами прямо, Софья Степановна, отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ, покраснѣвшій какъ ракъ отъ своего ораторства: — позвольте предложить вамъ прямой вопросъ. Такъ-какъ вы уже знаете, что главное, что томить меня въ этой жизни, это — одиночество; то скажите мнѣ откровенно: могу ли я надѣяться, чтобы... чтобы молодая дѣвица изъ хорошаго дома, образованная, захотѣла... вышла за меня?

— Отчего же нѣтъ?.. я думаю... отвѣчала Софья Степановна.

— Принимая, конечно, въ соображеніе мою роль въ обществѣ, карьеру по службѣ, обстановку моего домашняго быта, надежды на... на улучшеніе по всѣмъ этимъ частямъ.

— Я въ этомъ даже увѣрена, подтвердила Софья Степановна.

— Благодарю васъ, благодарю, почтеннѣйшая Софья Степановна, воскликнулъ почти восторженно Платонъ Николаевичъ: — вы даете мнѣ такъ сказать новую жизнь. Позвольте!

И къ крайнему изумленію Софьи Степановны гость подставилъ ей свою ладонь, желая поцаловать ея руку. Отказать было, разумѣется, нельзя.

— Благодарю васъ, благодарю, повторялъ Платонъ Николаевичъ: — вы въ нѣкоторомъ родѣ окрыляете меня вашими словами, Софья Степановна.

Когда музыка кончилась, Платонъ Николаевичъ какъ-то особенно развязно подлетѣлъ къ Ольгѣ Владиміровнѣ, и началъ говорить ей краснорѣчивые комплименты о ея игрѣ.

Воротаясь домой, Платонъ Николаевичъ не менѣе развязно и бойко влетѣлъ въ комнату Агаѣи Максямовны и воскликнулъ:

— Побѣда, маменька! побѣда!

Агаѣя Максимовна была на этотъ разъ не въ духѣ, и злобно отвѣчала на эти радостныя слова возгласомъ:

— Ну, что кричишь-то! Оглушилъ совѣмъ! Какія еще глупости выдумалъ!

— Маменька, продолжалъ Платонъ Николаевичъ, не замѣчая по-видимому дурнаго расположенія духа старухи: — маменька, все покончено. Завтра я сдѣлаю предложеніе.

Какъ ни сумрачна была Агаоья Максимовна, она увѣдала, что надо разсудить о такомъ серьезномъ предметѣ какъ слѣдуетъ.

— Сядь, проговорила она сыну: — Расскажи толкомъ. А то стоить, руками машеть, ореть во все горло! Испугалъ только.

Платонъ Николаевичъ сѣлъ и сказалъ, весело потирая руками:

— Я вамъ, маменька, всегда говорилъ, что на эти дѣла я мастеръ перваго сорта. Анну съ бантомъ слѣдовало бы дать за отличие. Незамѣтнымъ этакъ образомъ — а все почти покончилъ.

— Да говори ты по порядку! вскричала Агаоья Максимовна, начиная терять терпѣніе. — Богъ знаетъ, что породить! Ничего разобрать нельзя. Точно полоумный какой.

— А порядокъ вотъ какой! началъ Платонъ Николаевичъ: — что я сегодня тонкимъ образомъ спрашиваю Софью Степановну: отдалибъ они за мся Оленьку или нѣтъ? И оказывается, что отдали бы.

Агаоья Максимовна, такъ по-видимому желавшая, чтобы Платонъ Николаевичъ оставилъ наконецъ безпутную холостую жизнь, тутъ вдругъ какъ-будто испугалась.

— Ахъ, Боже мой! промолвила она: — какъ же это такъ?

— Дѣло, значитъ, намази, продолжалъ Платонъ Николаевичъ: — завтра же по утру облачаюсь во фракъ, ѣду къ Владиміру Николаевичу и дѣлаю формальное предложеніе. Пора, наконецъ! А то тянешь, тянешь, инда одурь беретъ.

— Какъ же это такъ? повторила Агаоья Максимовна.

— А такъ-же! отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ. — Согласитесь маменька, годить нечего. Куй желѣзо, покуда горячо, говорить пословица. Того и гляди, что еще и другой кто-нибудь перебьетъ.

— Я все думаю, Платоша, ладное-ли это выйдетъ дѣло,

заговорила очень мягко и кротко Агаея Максимовна: — хорошая ли она будетъ жена? Какъ родители теперъ — какъ съ ними сойдешься?

Платонъ Николаевичъ принялся увѣрять маменьку и доказывать ей всѣми доступными ему аргументами, что не только его, но и ее, Агаею Максимовну, ожидаетъ полное счастье и домашнее согласіе, потому что Ольга Владиміровна дѣвушка не только образованная и музыкантша, но и религіозная, и нравственная, и преисполненная уваженія къ старшимъ, и прочее. На возраженіе Агаеи Максимовны относительно увеличенія расходовъ, Платонъ Николаевичъ отвѣчалъ, что за Оленькой все-таки будетъ приданое — и приданое порядочное, и наконецъ средства его самого должны въ скоромъ времени увеличиться, такъ-какъ онъ рассчитываетъ на значительное повышеніе въ службѣ.

— Сами вы знаете, маменька, заключилъ Платонъ Николаевичъ: — что на человѣка женатаго вообще смотрятъ не такъ, какъ на холостаго. Притомъ-же родство съ такимъ семействомъ.... Вѣдь это по всей губерніи уважаемое семейство.... Все это мнѣ, навѣрное, дастъ ходъ.... Вы одно вспомните — у нихъ и губернаторъ нерѣдкій гость. Все будешь больше на виду.

Доводы Платона Николаевича были очень убѣдительны; но Агаея Максимовна все-таки находилась въ нѣкоторой тревогѣ, и когда ее уложили въ постель, долго не могла уснуть, и все сопѣла, и все ворочалась съ боку на бокъ. Платонъ Николаевичъ тоже долго думалъ съ подушкой. Храбрость, выказанная имъ въ разговорѣ съ маменькой, совѣмъ его покинула: онъ сильно трусилъ завтрашняго свиданія и объясненія съ Владиміромъ Павловичемъ. Тѣмъ неменѣе онъ заснулъ съ твердымъ намѣреніемъ видѣться съ нимъ на слѣдующее утро и объясниться. «Дѣлать дѣло, такъ дѣлать!»

Утро, какъ извѣстно, мудренѣе вечера, и всѣ трусливыя колебанія Платона Николаевича исчезли. Напрасно Агаея Максимовна говорила ему какимъ-то особенно-кроткимъ, почти плачевнымъ голосомъ: «Ахъ, Платоша! Платоша! право-бы ты погодилъ немного. Куда торопиться? Дѣло такое — на вѣкъ вѣдь это! Страшно все что-то.» Платонъ

Николаевичъ ничего и слышать не хотѣлъ; онъ на-скоро на-пился чаю и пошелъ одѣваться. Мечты его разыгрывались. Онъ ужъ воображалъ, какъ Владиміръ Павловичъ и Софья Степановна подведутъ къ нему Оленьку, и онъ заключитъ ее въ свои объятія и поцѣлуетъ. Свѣжія губки ея — настоящій розанчикъ; такія такая, что можно, кажется, обхватить ее двумя четвертями. Представляя себѣ эти прелести, Платонъ Николаевичъ нашелъ нелишнимъ съ особенной щедростью надушить себѣ фракъ подъ мышками; потомъ онъ налилъ себѣ духовъ на ладонь, и обтеръ ею себѣ губы. «Надо, чтобъ и тутъ былъ этакій букетъ», проговорилъ онъ чуть не вслухъ. Локонъ, обильно умащенный восковою помадой, пришелъ какъ будто въ прежнее нормальное состояніе; нѣсколько наиболее видныхъ сѣдыхъ волосковъ изъ бакенбартъ и два черныхъ волоса изъ носу Платонъ Николаевичъ тщательно выдернулъ щипчиками. Манишка и воротнички были снѣжной бѣлизны и безукоризненной гладкости; часовая цѣпочка какъ-то особенно-празднично горѣла въ этотъ разъ на глянцовитомъ черномъ жилетѣ. Платонъ Николаевичъ надѣлъ даже палевыя перчатки.

Настоящимъ женихомъ, во всеоружіи своей мужественной красоты, вошелъ онъ твердою, нѣсколько-торжественною поступью въ комнату Агаѣи Максимовны, и приблизился къ маменькѣ со словами:

— Благословите, маменька.

У Агаѣи Максимовны задрожали губы, закапали слезы, и она плачевнымъ, куринымъ какимъ-то тономъ залепетала:

— Ахъ, право, Платоша.... какъ-же это?... ахъ.... Погодишь бы.... Платоша.

Но Платоша проговорилъ тихимъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ:

— Рѣшился я, маменька, и рѣшеніе мое неизмѣнно. Да будетъ воля Божія! Не противорѣчьте.

Агаѣя Максимовна застонала, захныкала, и наконецъ произнесла едва-внятно посреди вздоховъ и рыданій:

— Господь.... Господь тебя благослови!

Платонъ Николаевичъ поцѣловалъ руку маменьки, по-

молился на передній уголъ и отправился. Сердце его тревожно билось.

Было еще довольно-рано, и Платонъ Николаевичъ, какъ разсчитывалъ, засталъ Станкова одного, въ кабинетѣ, за французскими газетами.

Владиміръ Павловичъ былъ, повидимому, очень-изумленъ такимъ раннимъ визитомъ, и такимъ праздничнымъ видомъ Платона Николаевича. Благоуханія «букета императрицы» наполнили весь кабинетъ, и сидя близко къ гостю, можно было упасть въ обморокъ. Станковъ отложилъ газеты въ сторону, пожалъ руку Платону Николаевичу, просилъ его садиться и справился о его здоровьѣ. Глядя на лицо Платона Николаевича, можно было опасаться удара: такъ было оно красно отъ внутренняго волненія, возраставшаго въ немъ по мѣрѣ приближенія къ дѣлу.

Платонъ Николаевичъ сѣлъ, и рѣшился, не томя себя долго, начать дѣло прямо.

— А я къ вамъ переговорить, Владиміръ Павловичъ, сказалъ онъ, вертя шляпой.

— Что такое-съ? спросилъ хозяинъ: — чѣмъ могу служить?

— Дѣло мое, началъ, запинаясь чуть не на каждомъ словѣ, Платонъ Николаевичъ: — дѣло мое столько-же.... касается.... относится къ вамъ, Владиміръ Павловичъ, какъ и ко мнѣ. Вашъ радушный привѣтъ.... моя служебная карьера.... положеніе въ обществѣ.... Притомъ обнадуженный Софьей Степановной.... Позвольте просить у васъ руки Ольги Владиміровны.

Владиміръ Павловичъ широкими отъ удивленія глазами посмотрѣлъ на гостя, и что-то скользнуло по лицу его въ родѣ сдержаннаго смѣха; онъ, однакожь, очень-серьезно отвѣчалъ:

— Вы меня удивили, Платонъ Николаевичъ. Хорошо-ли вы обдумали ваше намѣреніе? Не шутите-ли вы?

Еще - бы не обдумать! Платонъ Николаевичъ и на-кануи, да и нынче дорогой обдумалъ даже и вступительную рѣчь къ своему объясненію, неуступавшую въ краснорѣчіи Цицерону, и только отъ сердечнаго трепета забылъ ее.

— Помилуйте, Владиміръ Павловичъ! отвѣчалъ онъ на замѣчаніе хозяйна: — какъ можно шутить въ подобныхъ вещахъ?

Лицо Владиміра Павловича сдѣлалось очень-серіозно, и онъ строго сказалъ:

— Нѣтъ-съ, вы изволите шутить. А шутить — и я нахожу — въ подобныхъ вещахъ нельзя. Да вы подумали-ль только, что выйдетъ изъ вашего сватовства? Вы не перебивайте меня, позвольте мнѣ все сказать. Я можетъ-быть скажу вамъ кое-что и не совсѣмъ пріятное для вашего самолюбія, но это необходимо. Во первыхъ, вы сами вызываете меня, а во вторыхъ, то, что я вамъ выскажу, можетъ пригодиться вамъ и въ другой разъ.

Платонъ Николаевичъ сидѣлъ, какъ на горячихъ угляхъ.

— Если вамъ нравится моя дочь, то вы хоть-бы справились, нравитесь-ли вы ей хоть сколько-нибудь. Наконецъ, если ужъ вамъ она такъ нравится (чего, впрочемъ, вовсе нѣтъ), что вы безъ нея жить не можете, то вамъ слѣдовало бы пообдумать, годитесь-ли вы ей въ мужья. Что мы принимали васъ радушно — изъ этого еще ничего не слѣдуетъ: мы всѣхъ такъ принимаемъ. Вы тутъ что-то сказали о своемъ положеніи въ обществѣ.... Да какое-жъ у васъ положеніе?... Но не въ немъ дѣло, впрочемъ; еслибъ въ васъ былъ какія-нибудь другія достоинства.... Всякой ищетъ себѣ пары по образованію, по развѣтцію.... Ну, скажите пожалуйста, положи руку на сердце, неужели вы думаете, что дочь моя можетъ любить васъ?

Платонъ Николаевичъ промывчалъ что-то.

— За что? Согласитесь, не за красоту же вашу и молодость? Вѣдь ни того, ни другого нѣтъ. Извините меня, что я высказываю вамъ все это; но дѣлаю именно потому, что мои слова очень могутъ вамъ пригодиться. И даже больше вамъ скажу, хоть вы и не знаю какъ сердитесь на меня. Не только въ моихъ глазахъ, но и въ глазахъ большей части того общества, къ которому я принадлежу, вы — совершенное ничтожество во всѣхъ отношеніяхъ, и напрасно мечтаете о себѣ много.

— Послѣ этого, сказалъ Платонъ Николаевичъ, подымаясь съ мѣста:—мнѣ остается только раскланяться съ вами.

И голосъ его, и самъ онъ весь дрожалъ отъ беспильной злобы и сознанія справедливости словъ Владиміра Павловича.

— Нѣтъ-съ, позвольте, остановилъ его Станковъ:—вы сказали сейчасъ, что васъ обнадежила моя жена; она передавала мнѣ съ удивленіемъ вашъ вчерашній разговоръ и выразила даже подозрѣніе, что вы думаете свататься за Ольгу. Признаюсь, я немало хохоталъ надъ этимъ. — На прощанье позвольте вамъ сказать, что, если вы всякое слово умѣете перетолковывать въ свою пользу, я не желаю видѣть васъ въ другой разъ въ моемъ домѣ. Мое почтеніе!

— Мое почтеніе-съ, проговорилъ Платонъ Николаевичъ и поспѣшно вышелъ изъ кабинета.

Въ этотъ день онъ и въ палату не поѣхалъ; за обѣдомъ, когда Агаоья Максимовна спросила его, что было у Станковыхъ, онъ вмѣсто отвѣта принялся кричать, чтобы его оставили въ покоѣ, что минуты у него не проходятъ безъ непріятностей. Въ свою очередь и Агаоья Максимовна, разумѣется, начала вопить, что это не сынъ, а разбойникъ какой-то, каторжникъ. Вася, упрямывая подъ шумокъ жареную говядину, едва держался, чтобы не фыркнуть отъ смѣха.

Къ вечеру Платонъ Николаевичъ послалъ за цырюльникомъ и велѣлъ поставить себѣ двадцать пять пивокъ къ поясницѣ.

VIII.

Неудачное сватовство очень непріятно подѣйствовало на Платона Николаевича. Цѣлую недѣлю не выходилъ онъ изъ дому; даже въ присутствіе не заглядывалъ. Онъ вдругъ какъ-то опустился, осовѣлъ и даже словно постарѣлъ. Разумѣется, не въ томъ было его горе, что судьба не соединила его съ Ольгой Владиміровной. Нѣтъ, главное — самолюбіе его было сражено такъ беспощадно въ первый еще разъ въ жизни. Съ этого знаменательнаго утра Платонъ Николаевичъ какъ будто и самъ утратилъ вполне вѣру въ себя. Агаоья Максимовна не утерпѣла, конечно, чтобы не подлить еще желчи

въ его огорченное сердце своими разспросами, замѣчаніями и такъ далѣе. Даже злыя выходки ея противъ нынѣшняго свѣта, противъ гордости, противъ нечѣпости воспитанія, которое ведетъ къ одному разврату и безчувствію, и проч., даже такія выходки бѣсили Платона Николаевича. Онъ чаще прежняго началъ ссориться съ мамешкой. Къ другимъ браннымъ словамъ, которыя Агабья Максимовна обращала обыкновенно къ сыну въ минуты раздраженія, прибавилось теперь новенькое: «пьяница», вслѣдствіе того, что Платонъ Николаевичъ, въ первые дни послѣ неудачи своей, пилъ передъ обѣдомъ рюмки по три душегрѣйки, и раза два спрашивалъ водки даже между супомъ и слѣдующимъ блюдомъ. Это новое словечко выводило Платона Николаевича изъ себя, и Агабья Максимовна не рада была, что изобрѣла его; а между тѣмъ слабъ человѣкъ—нѣтъ, нѣтъ, да и вырвется у нея это словечко.

— А! пьяница я? крикнетъ Платонъ Николаевичъ:—пьяница?.. Эй! кто тамъ? Водки подай! живо!.. Ну, пьяница, такъ пьяница.

Водку подадутъ, Платонъ Николаевичъ нальетъ себѣ огромную рюмку, выпьетъ залпомъ, крикнетъ и скажетъ:

— Я вѣдь пьяница.

— Извергъ ты этакой! завопитъ Агабья Максимовна:—ужь лучше бы ты меня въ землю живую зарылъ. Господи! сними ты съ меня это испытаніе!

Когда Платонъ Николаевичъ выѣхалъ въ первый разъ изъ дому послѣ своего пораженія, всѣ знакомые его замѣтили переизмѣну въ его наружности. Локонъ Платона Николаевича въ день сватовства былъ въ послѣдній разъ завязъ съ праваго виска на подобіе сосиски. Войлоковъ сталъ чесаться гладко, вѣроятно потому, что откинулъ отъ себя всякую мысль о женитьбѣ.

Утѣшиться, однакожь, надо было; и гдѣ-жъ, разумѣется, искать утѣшенія, какъ не въ любви? Коварной измѣнницы, бѣжавшей съ офицеромъ, воротить уже было нельзя, и требовалось приискать новый предметъ для своей привязанности. У Платона Николаевича была одна знакомая почтенная ста-

рушка, неразъ уже выручавшая его изъ подобнаго настоящему положенія, и онъ обратился за совѣтомъ къ ней.

— Помоги, доброжелательница!

— Есть у меня, Платонъ Николаичъ, одна дѣвица на примѣтъ, отвѣчала доброжелательница:— бѣдненько живетъ только, не имѣетъ ни одежды особенной какой, ничего такого; зато скромная, смиренная. И малымъ будетъ довольна, потому небогатая.

— Вотъ этакую-то мнѣ и нужно, согласился Платонъ Николаевичъ:— безъ всякихъ шиковъ. Только бы вѣрна была.

— Насчетъ этого и не сумнѣвайтесь, успокоила доброжелательница:— какъ дѣвица бѣдная, то и будетъ дорожить. Все равно, за благодѣтеля ей будете.

— И прекрасно.

Вскорѣ послѣ этого разговора Платонъ Николаевичъ сталъ ежедневно проводить вечера въ сосѣдствѣ горбылевскаго дома на Новыхъ мѣстахъ. Не больше какъ черезъ мѣсяцъ послѣ знакомства съ Войлоковымъ, и у Стешы явился такой же бурнусъ, какъ у многоупоминаемой измѣнницы.

Стеша жила съ какою-то теткой, и обѣ были очень довольны приобрѣтеніемъ покровителя въ лицѣ Платона Николаевича. Разумѣется, и Платонъ Николаевичъ былъ доволенъ, что можетъ гдѣ-нибудь забыться. Знакомство съ сосѣдкой Машей произвело одно замѣтное измѣненіе въ домашнемъ быту Платона Николаевича. Послѣ нѣсколькихъ упрековъ маменьки, что онъ слишкомъ поздно возвращается вечерами домой и слишкомъ часто заставляеть понапрасну ждать себя къ ужину, онъ объявилъ на отрѣзъ, что— если такъ— сего никогда не слѣдуетъ дожидаться къ ужину, и онъ никогда дома ужинать не будетъ. И, не смотря на вопли и брань маменьки, Платонъ Николаевичъ не перемѣнилъ своего рѣшенія. Агаоля Максимовна нашла, что ужь если самъ хозяинъ не ужинаетъ, то домочадцамъ и думать объ этомъ не слѣдуетъ: поэтому и Вася принужденъ былъ ложиться спать безъ ужина. Онъ не особенно былъ этимъ огорченъ, потому что рѣдкій вечеръ проводилъ дома.

Весело ли проводилъ Платонъ Николаевичъ время на Но-

выхъ-мѣстахъ — положительно неизвѣстно; но должно думать, что весело: иначе, зачѣмъ бы ему являться туда каждый день въ извѣстный часъ и оставаться такъ долго. Тетка Стеши обыкновенно готовила ужинъ, и Платонъ Николаевичъ никогда не возвращался домой съ тощимъ желудкомъ. Онъ не могъ нахвалиться вѣрностью и привязанностью Стеши, и мало по малу забылъ свое пораженіе у Стапковыхъ.

Такъ прошло больше года.

Однажды мирная бесѣда Платона Николаевича съ его новой подругой жизни вдругъ была нарушена какимъ-то страннымъ крикомъ и шумомъ въ сѣняхъ.

— Что это? спросилъ удивленный Платонъ Николаевичъ.

— Тетенька! крикнула Стеша: — бѣгите! поглядите, что это тамъ дѣлается такое.

Тетка побѣжала, и крикъ и шумъ удвоились.

— Это пьяный какой-то, замѣтилъ Платонъ Николаевичъ.

— Должно быть сосѣдъ, отвѣчала Стеша: — онъ все, какъ напьется, сюда лѣзетъ...

— Зачѣмъ?

— Жену все ищетъ.

— Чиновникъ, что ли?

— Какой чиновникъ! мѣщанинъ; прежде въ лакеяхъ былъ.

Тетка воротилась и сказала:

— Насилу выпроводила. Вынь да выложи ему его Машку.

А она, поди, на томъ краю города.

Слово за слово, и Платонъ Николаевичъ узналъ, что пьяный, потревожившій его спокойствіе, есть не кто иной, какъ бывший его служитель, Евграфъ.

— А вѣдь онъ прежде вина въ ротъ не бралъ, сказалъ Войлоковъ.

— Не было печали, такъ и не бралъ, рассказала Стеша: — какъ женился-то, думалъ — онъ первый. А вышло, что, можетъ, ужь десятый. Онъ съ другого-же дня и запилъ. Потомъ повоздержался было немного, а тамъ и опять пошелъ. Почти-что каждый день безъ просыпу пьняъ.

— Развѣ дурно съ женой живутъ?

— Какое житье! Она и дома-то рѣдко бываетъ. И мать то у нея этакая же гулящая... Сначала-то онъ хотѣлъ, го-

ворять, торговать начать, да видно отъ домашней-то жизни — какъ запилъ, это ужъ у него и изъ головы вонъ.

— Какъ только это онъ поддался! Вѣдь онъ злой презлой!

— Что его зло-то? Алексѣвна развѣ уступить — теща-то? Пьянаго-то всякой разъ избьетъ, да и спать уложить.

Платону Николаевичу было очень любопытно взглянуть на жену Евграфа, тѣмъ болѣе, что Стеша говорила о ней, какъ о красавицѣ.

— Погодите, я вамъ ее покажу, сказала она: — позову къ себѣ. Она славно на гитарѣ играть и поеть.

Уроки штабсъ-капитана Алексѣвцева, видно, не пропали даромъ.

Недалеко, какъ черезъ нѣсколько дней, Стеша встрѣтила Платона Николаевича такими словами:

— А у васъ бѣда-то какая случилась!

— А что такое?

— Да Маша-то овдовѣла.

— Какъ такъ?

— Просто ужаси! Мужъ-то у нея разбился до смерти. Вчера съ напился, да видно съ пьяныхъ-то глазъ и дороги не видалъ. Пошелъ къ оврагу тутъ за Новыми мѣстами, да чѣмъ бы на мостъ, а онъ видно прямо. Обрывъ этакой страшный — полетѣлъ туда внизъ головой, объ камни въ дребзги расшибся.

— Да вѣдь видѣлъ же кто-нибудь — какъ-же его не остановили?

— Чего видѣть! Ночью было дѣло-то. Давеча, только мы встали, Алексѣвна прибѣгаетъ: «не видали-ль, говорить, нашего-то сокола? Дома и не ночевалъ нынче.» А къ намъ онъ и не заходилъ. Какъ ушла она, слышимъ: привезли его — полицейскій нашель.

— А что жена?

— Что ей! говорить: по-дѣломъ! зачѣмъ пилъ?.. Я бѣгала посмотрѣть, да и не рада — страхъ нида взялъ: весь разбитый, снѣй, да въ крови. Выйду вотъ въ сѣни въ потемкахъ — все мерещится. Кабы знала, не ходила бы лучше.

Платонъ Николаевичъ, хоть и не питалъ особой любви къ Евграфу, вздохнулъ о его судьбѣ и сказалъ:

— Жаль его, жаль! Много было мнѣ отъ него неприятностей, какъ онъ у меня жилъ; а все-таки жаль! И какъ это, я понять немогу, былъ человѣкъ такой трезвый... вдругъ такъ запить!

Маша, хоть и не особенно была огорчена смертью мужа, поплакала - такъ на его похоронахъ; а Фекла Алексѣевна, какъ выносили покойника изъ дому, голосила даже и причитала: на кого онъ, соколъ ясный, ихъ спроть покинулъ, кто ихъ будетъ понть, кормить, и проч.

IX.

Вася кончалъ курсъ. Въ послѣдніе мѣсяцы своего ученья онъ былъ гораздо прилежнѣе, потому что сознавалъ необходимость увѣнчать свое образованіе чиномъ четырнадцатаго класса. Не смотря на всю нелюбовь свою къ Платону Николаевичу, онъ началъ заискивать въ немъ: говорилъ съ благодѣтелемъ своимъ какимъ-то особенно подобострастнымъ тономъ, просилъ его совѣтовъ, какъ ему устроиться по окончаніи курса въ гимназіи. Объ университетѣ Вася и не думалъ — не потому, чтобы раздѣлялъ мнѣніе Платона Николаевича, высказанное имъ когда-то объ университетскомъ образованіи въ письмѣ къ покойной Аннѣ Васильевнѣ, а единственно потому, что и въ гимназіи учиться ему надобно — хотѣлось поскорѣе вырваться на свободу. Платонъ Николаевичъ принималъ нѣжности Васи за чистую монету, и обѣщалъ ему опредѣлить его на службу въ палату, гдѣ и самъ процвѣталъ. Независимо отъ просьбы Васи, Платону Николаевичу и самому хотѣлось устроить спроту поскорѣе и повыгоднѣе, чтобы избавиться наконецъ отъ заботъ и хлопотъ объ немъ. Платонъ Николаевичъ, размягченный лестью Васи, былъ даже на столько благосклоненъ, что объяснялъ ему заранѣе нѣкоторыя тонкости служебныя, и приводилъ ему, ради примѣра, факты изъ собственнаго своего опыта. Вася слушалъ совѣты родственника съ искреннею признательностью, и они сразу напечатлѣвались въ его памяти и

соображеніи, не то что латинскія спряженія, которыя Вася зубрилъ какъ-будто для того только, чтобы черезъ три-четыре дня опять позабыть.

Наступили наконецъ экзамены. При нѣкоторомъ счастьѣ и не особенной строгости испытателей, они сошли хорошо съ рукъ Васи, и онъ съ сияющимъ отъ радости лицомъ явился домой — объявить Платону Николаевичу и его до-стопочтенной родительницѣ о полученіи вожделѣннаго чина коллежскаго регистратора. Послѣ должнаго поздравленія Платонъ Николаевичъ сказалъ:

— Какъ получишь аттестатъ, мы тебя пристроимъ. Надѣюсь, что ты мою рекомендацію оправдаешь.

— Да чего-жъ мнѣ и ждать болѣе? отвѣчалъ Вася: — вѣдь если я теперь не стану заботиться о себѣ, такъ и толку изъ меня никакого не выйдетъ.

Платонъ Николаевичъ вполне одобрилъ такой благородный образъ мыслей.

— А гдѣ же онъ жить-то теперь будетъ? спросила Агаѣя Максимовна: — у насъ все?

— Да, мы объ этомъ еще и не переговорили съ тобой, Вася, сказалъ Платонъ Николаевичъ. — Если ты хочешь, можешь оставаться и у насъ, только, разумѣется, какъ ты будешь имѣть теперь свои средства, такъ конечно не захочешь жить даромъ. Мы бы разочли, сколько ты намъ стоишь — столъ, прислуга, чай, бѣлье, и проч. — и ты сталъ бы мнѣ платить изъ своего жалованья.

«Знаемъ мы васъ!» подумалъ Вася, котораго впрочемъ приличнѣе называть отпунѣ Васильемъ Петровичемъ. «Ты разочтешь такъ, что мнѣ и на табакъ ничего не останется. Возьмешь за всѣ года, сколько я у тебя прожилъ.»

— Это, по моему, песовсѣмъ удобно, Платонъ Николаичъ, возразилъ онъ.

— Отчего такъ?

— Мнѣ, разумѣется, было-бы пріятнѣе остаться у васъ; но и самое помѣщеніе на этой квартирѣ не такое... Какъ поступлю на службу, иногда понадобится тому-другому ко мнѣ зайти. А это и вамъ безпокойство, да и неловко вообще — всякой черезъ ваши комнаты поидеть.

— Да что, ты балы собираешься дѣлать, что ли? Какіе еще къ тебѣ гости станутъ ходить? возразила Агаеья Максимовна, которой очень улыбнулась мысль, что племянникъ будетъ отнынѣ платить за свое прокормленіе и содержаніе.

— Балы не балы, тетушка, отвѣчалъ Василій Петровичъ: — а все же это не удобно. Иной и не въ гости, а по дѣлу, по службѣ придетъ. Я увѣренъ, и Платонъ Николаевичъ согласится со мной.

— Дѣ, дѣ, подтвердилъ Платонъ Николаевичъ: — неудобно, неловко.

— Тебѣ бы только потакать! заворчала недовольнымъ тономъ Агаеья Максимовна. — Дебоширничать-то здѣсь нельзя — вотъ это главное.

— У васъ вѣдь одна пѣсня, сказалъ Платонъ Николаевичъ: — только и на умѣ, что всякого подозрѣвать...

— У! самъ-то дебоширъ, такъ и радъ всякому дебошу потакать! замѣтила уже совсѣмъ злобно Агаеья Максимовна.

Ея однакожь не послушали, и все устроилось по желанію Васьки Петровича.

Стараніями Платона Николаевича ему немедленно по поступленіи на службу назначено было небольшое жалованье. Для перваго обзаведенія платьемъ и всѣмъ необходимымъ Войлоковъ далъ облагодѣтельствованному имъ родственнику двѣсти пятьдесятъ рублей взаймы, уплату которыхъ изъ жалованья разложилъ на два года. Шавровъ «окапировался» нанялъ себѣ скромную комнатку съ мебелью и со столомъ у какой-то мѣщанки въ Кривомъ переулкѣ (томъ самомъ, гдѣ жилъ извѣстный штабсъ-капитанъ), и перебрался туда изъ дому своихъ благодѣтелей. Одновременно съ нимъ вышли изъ гимназій товарищи его, Пирожковскій и Канюковъ; оба тоже поступили на службу, и остались пріятелями съ Шавровымъ.

Съ перваго же утра, проведеннаго въ присутственномъ мѣстѣ, Шавровъ почувствовалъ, что у него гораздо больше склонности къ служебнымъ занятіямъ, чѣмъ было къ ученію. Дѣло шло у него хорошо и быстро, и черезъ недѣлю онъ былъ уже замѣченъ столоначальникомъ, какъ малый, подающій надежды.

Домашній бытъ его устроился тоже ладно. Пожилая мѣщанка, хозяйка его, кормила его порядочно, и держала въ большомъ опрятствѣ двѣ его комнаты, почти ничѣмъ не отличавшіяся, ни мебелью, ни стѣнами, отъ комнатъ жившаго не подалеку Виктора Михайлыча. Только вмѣсто изображенія одалиски съ непомянутыми грудями висѣлъ въ простѣнкѣ портретъ Кутузова, да не было гитары и черкесскаго кинжала. По вечерамъ, когда Шавровъ бывалъ дома, къ нему нерѣдко заѣзжали Пирожковскій съ Каянукowymъ, и между ними происходили картежныя ратоборства. Шавровъ такъ наметался въ игрѣ, что былъ постоянно въ выигрышѣ; поэтому денегъ у него было всегда довольно, и вычетъ изъ жалованья въ пользу Платона Николаевича нисколько его не стѣснялъ. Пирожковскій, по окончаніи ученія и по вступленіи на службу, сталъ разумѣется богаче, чѣмъ былъ въ гимназій, и размѣръ игры постепенно и понемногу возросъ значительно.

Событіе съ Евграфомъ случилось какъ разъ во время экзаменовъ. Платонъ Николаевичъ, рассказывая за обѣдомъ подробную исторію его смерти и порицая дурное поведеніе его жены, напомнилъ Васѣ о хорошенькой Машѣ, которую онъ не видалъ такъ давно, что можетъ быть и не узналъ бы ея. Шавровъ тогда же рѣшилъ, что, какъ экзамены кончатся, онъ отыщетъ старую свою знакомку. Хлопоты по поступленію на службу, по устройству квартиры и проч. отдалили это намѣреніе недѣли на двѣ, на три; но однажды, когда, возвратясь изъ должности и сытно пообѣдавъ, онъ не зналъ, что дѣлать, и притомъ чувствовалъ нѣкоторое стремленіе къ женскому обществу, Шавровъ надѣлъ фуражку, взялъ палку и отправился на Новыя мѣста.

Какъ ни давно былъ Шавровъ въ домѣ Горбылева, онъ тотчасъ же нашелъ его и узналъ по забору, отдѣлявшему его отъ улицы. Въ самой калиткѣ встрѣтился онъ съ толстой, нѣсколько набѣленной бабой, которая остановила его вопросомъ:

- Вамъ кого?
- Машу, отвѣчалъ Шавровъ.
- Отъ кого вы?

— Ни отъ кого, самъ по себѣ.

— На что вамъ ее?

— А тебѣ что за дѣло?

— Какъ мнѣ что за дѣло? Да развѣ я не мать ея, что-ли?

Шавровъ посмотрѣлъ на нее, и тутъ только нашелъ лицо ея знакомымъ. Она, впрочемъ, показала ему много измѣнившейся: какъ-будто ниже ростомъ стала, какъ-будто моложе (можетъ-быть отъ бѣлилы); только зубы почернѣли.

— А ты не узнала меня? спросилъ Шавровъ.

— Развѣ знакомы? спросила Фекла Алексѣевна, всматриваясь.

— Давно не видались, такъ можно и не узнать. Вотъ и я тебя не узналъ.

— Да вы кто такой?

— Шавровъ.

— Съ Семенычемъ-то къ намъ ходили?... Гдѣ-же васъ узнать! Гляди-ко-сь, вы поднялись-то какъ! Тогда вѣдь еще совсѣмъ ребенокъ были. Милости прошу.

— Маша дома?

— Дома, дома. Вы идите, да посидите, а я вернусь уже: мнѣ надо вотъ сюда, за уголь, въ переулокъ.

Шавровъ пошелъ къ дому. На громкій лай дворняжки въ сѣняхъ, изъ комнаты послышался окликъ:

— Кто тамъ?

— Я, отвѣчалъ Шавровъ, отворяя дверь.

— Ахъ, батюшки! на что я похожа? вскричала Маша, скрестивъ на груди руки и кидаясь за ситцевый пологъ кровати.

Сверхъ рубашки у нея была подвязана только юбка; сидя на полу, Маша разглаживала что-то утюгомъ на обитой сукномъ доскѣ, прилаженной на двухъ стульяхъ, когда послышался лай собаки. Полныя, круглыя, свѣжія груди почти совсѣмъ выкатились наружу изъ-подъ широкаго и распущеннаго ворота рубашки. Бѣлыя руки и голыя плечи такъ обольстительно сверкнули передъ гостемъ, что сердце у него ёкнуло.

— Ничего, ничего, сказалъ онъ: — что ты прятешься? вѣдь я старый знакомый.

Маша взглянула изъ-за полога.

— А кто вы такой? я васъ не знаю.

— Выходи, такъ скажу.

Маша пристально смотрѣла на Шаврова, въ недоумѣніи раскрывъ большіе глаза и румяныя губы. Разгорѣвшееся отъ работы лицо ея было такъ хорошо, что гость былъ готовъ кинуться къ ней и начать цѣловать ея. Разбившіеся волосы упали ей на глаза; придерживая одною рукою пологъ, другою она поправила волосы, и будто ненарочно опять показала гостю бѣлое плечо.

— Что, не узнала? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; да вы нарочно. Я никогда васъ не видывала.

— Выйди-же сюда! и узнаешь.

— Дайте мнѣ хоть пріодѣться, что-ли.

— Зачѣмъ? Выходи такъ!

— Какъ это можно! Пойдите, я хоть платокъ накину.

И Маша вышла изъ-за занавѣски, вся завернувшись въ большой платокъ, подошла къ Шаврову и стала опять смотреть на него.

— Все-таки не узнаешь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.... Гляжу — въ-самомъ-дѣлѣ, какъ будто.... Да нѣтъ!... Я васъ никогда не видывала.

— А помнишь, я ходилъ сюда съ Евграфомъ?

— Ахъ, батюшки! Васенька! Василій.... Какъ васъ по батюшкѣ-то?... Я-бы и совѣмъ не узнала. Вѣдь сколько лѣтъ.

— Старога знакомаго и поцѣловать, я думаю, можно, сказалъ гость, взявши ея за плечи.

— Ахъ, полноте! что вы? проговорила Маша, увертываясь: — что вы, Василій....

— Петровичъ, подсказалъ Шавровъ.

— Не надо, Василій Петровичъ; зачѣмъ, право? продолжала она, освобождаясь.

Но Василій Петровичъ ужъ крѣпко держалъ ее въ объятіяхъ, и цѣловалъ ее и въ глаза, и въ щеки, и въ шю; наконецъ, вся разгорѣвшись отъ борьбы, она закинула немного назадъ голову и подставила ему свои губы.

— Господи! спохватилась она: — опять я вся раскрылась; платокъ-то свалился.

Она стала снова закутываться; но Шавровъ не давалъ ей сдѣлать это: онъ щекотилъ ее, вырывалъ у нея платокъ, наконецъ вырвалъ его совсѣмъ, и бросилъ въ сторону.

— Ну, что вы дѣлаете? говорила Маша, придерживая рукой воротъ рубашки: — на что я этакъ похожа?

— Ахъ ты, красавица! прелесть! только и повторялъ Шавровъ, не уставая обнимать и цѣловать ее.

— Полноте, Василій Петровичъ! упрашивала Маша: — сядемте лучше, поговоримте.

— Не могу я ни объ чемъ говорить, отвѣчалъ Шавровъ.

— Ну, поцѣлуй меня еще! поцѣлуй, да хорошенько.

— Что вы дѣлаете? что вы дѣлаете? повторила Маша.

— Такъ люблю тебя... Развѣ ты не любишь меня?

— Ахъ, нѣтъ, люблю, отвѣчала Маша, прижимаясь къ Шаврову. — Помните, пряниками-то какъ кормила.

— Я-бы самое-тебя съѣлъ теперь, какъ пряникъ.

Х.

Не смотря на недавнюю опытность свою, Маша съ удивительной ловкостью умѣла долго водить за носъ всякого, кто интересовался ею, и весьма-немногіе пользовались ея благоклонностью, тогда-какъ очень и очень-многіе бросали на нее деньги, ничего не достигая. Случай съ Шавровымъ былъ поэтому совершенной неожиданностью для Ѳеклы Алексѣевны. Она, впрочемъ, узнала о немъ только, когда увидала его послѣдствія.

На другой день, только встала, Маша стала на-скоро одѣваться, отказалась отъ завтрака, и поспѣшно ушла изъ дому. Напрасно кричала ей Ѳекла Алексѣевна:

— Да куда ты? что загорѣлось?

— Надо.

Только и отвѣчала Маша.

— Что она? рехнулась никакъ? говорила, разводя руками, Ѳекла Алексѣевна: — право, рехнулась.

Маша торопливо шла уже по Кривому переулку, прямо къ дому мѣщанки Конотоповой, у которой занимала квартиру Василій Петровичъ.

И съ этого дня, каждую минуту, когда только онъ былъ дома, проводила она у него. Что возбудило въ ней такую сильную любовь къ Шаврову — трудно понять. Онъ тоже страстно отдался первой своей привязанности.

Гитара Маши совсѣмъ переселилась въ квартиру Шаврова, и часто по вечерамъ прохожіе останавливались передъ окнами послушать, кто это такъ хорошо распѣваетъ. Викторъ Михайловичъ Алексѣевцевъ выучилъ Машу пѣть и два романса про гусаря, и «Что ты замолкъ»; но эти пѣсни ей не нравились, она ихъ не пѣла и выучилась другимъ. Любимая была у ней «Что отуманилась, зоренька ясная?» Пирожковскій и Канюковъ таяли отъ восторга, слушая ее, и завидовали счастьемъ товарища. Пирожковскій затѣялъ даже вѣроломство противу своего друга.

Однажды онъ засталъ Машу у Шаврова, когда его самого не было дома, и разсыпался передъ нею въ увѣренія, что просто чуть не озолотитъ ее, если она не откажется полюбить и его такъ, какъ Василья Петровича.

Маша только качала головой и говорила:

— Ни, ни, ни!

Пирожковскій подбѣлъ къ ней по-ближе.

— Вы что очень ужъ близко? Смотрите! вѣдь я и укушу, пожалуй.

— Нужды нѣтъ! укуси, только сначала поцѣлуй!

— О-го! чего захотѣли!

— А что жъ?

— Не много-ли будетъ?

— Будто ужъ и нельзя? сказала Пирожковскій, при-двигаясь еще.

— Послушайте! проговорила Маша такъ серьезно и съ такимъ строгимъ лицомъ, что онъ по неволѣ опять отодвинулся: — если вы меня только тронете противъ воли — вотъ, ей-Богу же, ей-Богу, сами будете жалѣть. Ужъ я близко тогда къ вамъ не подойду.

— Ну, хорошо, только поцѣлуй!

— За что это, скажите?

— А ты развѣ и цѣлуешься только за деньги?

— Еще-бы!

- Ну, и много Вася тебѣ плотить?
- Будеть съ меня.
- Такъ такъ и не поцѣлуешь?
- Говорятъ вамъ, нѣ за что.
- Ну, я подарю тебѣ что-нибудь.
- Подарите.
- Тогда поцѣлуешь?
- Поцѣлую.... Только что-нибудь хорошее подарите!
- Шляпку хочешь?
- Э! проговорила съ презрительной миной Маша. —

Шляпки-то у меня три-п.

— Ну, платье!

— Какое вы платье подарите? Вы въ платьяхъ толку не знаете.

— Такъ что-же?

— А послушайте! вы въ-самомъ-дѣлѣ хотите мнѣ подарить?

— Разумѣется.

— Такъ знаете, что — подарите мнѣ часики.

— Вотъ ужъ и я теперь тебѣ скажу: много захотѣла.

— Ну, какъ знаете!

— А если бъ я подарилъ, что-бы тогда?

— Поцѣловала-бы.

— И больше ничего?

— Такой уговоръ былъ. Чего-жъ еще больше?

— Этого мнѣ мало....

— Ну — тамъ-бы еще посмотрѣли.

— Куплю, рѣшилъ Пирожковскій.

И точно, «въ надеждѣ сладостныхъ наградъ», купилъ часы и подарилъ Машѣ. Поцѣлуй онъ получилъ; но дальше не пошелъ.

— Ахъ ты, цыганка! цыганка! говорилъ онъ послѣ этого ей при каждой встрѣчѣ.

— Я по уговору все исполнила, отвѣчала Маша очень-серіозно, и втихомолку хохотала съ Шавровымъ надъ его тароватымъ пріятелемъ.

Едва-ли не такое-же сильное впечатлѣніе произвела Маша и на Платона Николаевича, который видѣлъ ее разъ у Стеши.

Она такъ понравилась ему, что онъ готовъ былъ разыграть съ своей пріятельницей такую-же роль, какую разыгрывали прежде съ нимъ особы въ родѣ Стеши.

Послѣ перваго свиданія съ Машей, Платонъ Николаевичъ сталъ довольно-часто спрашивать:

— Да что это, Стеша, Маши у тебя такъ давно не впадать?

— Да зачѣмъ вамъ?

— Такъ.

— А развѣ ее залучишь когда! Она все день-то деньской Богъ знаетъ гдѣ рыщетъ.

Надо замѣтить, что дружба Стеши и Маши давно уже охладѣла — съ тѣхъ почти самыхъ поръ, какъ онѣ стали гулять вмѣстѣ въ загородномъ саду. Между ними тогда-же началось соперничество, въ которомъ выигрывала, разумѣется, всегда Маша. Гдѣ ужъ было тутъ держаться дружбѣ?

Платонъ Николаевичъ прибѣгъ опять къ своей доброжелательницѣ; но и доброжелательница не помогла дѣлу. На всѣ ея предложенія Маша только и отвѣчала:

— Ни за чтò на свѣтѣ, ни за чтò.

Василій Петровичъ узналъ, разумѣется, отъ Маши объ искательствѣ Платона Николаевича, и очень былъ радъ подсмѣяться надъ неудачей своего благодѣтеля.

Съ того самаго времени, какъ Войлоковы рѣшили пріютить у себя Васю, а Анна Васильевна уѣхала съ племянницей въ монастырь, между братомъ и сестрой не существовало никакихъ сношеній, кромѣ приписокъ Васи въ письмахъ Платона Николаевича къ Аннѣ Васильевнѣ. Со смертью тетки и эти приписки прекратились.

Ни пока былъ въ гимназій, ни по выходѣ изъ нея, Шавровъ никогда и не вспоминалъ о сестрѣ. Онъ былъ совершенно спокоенъ относительно ея положенія: зналъ, что у Дубровскихъ жить ей не можетъ быть дурно, и думалъ, что родственники вѣроятно выдадутъ ее и замужъ, и ему нечего будетъ хлопотать о ней. Ему никогда не приходило даже желанія повидаться съ сестрой, не то, чтобы начать съ нею переписку. Совсѣмъ не такъ думала и не то чувствовала Пашенька.

Вотъ какое письмо получилъ отъ нея Василій Петровичъ черезъ годъ по вступленіи своемъ на службу:

«Меня давно огорчаетъ, дорогой мой Вася, что мы съ тобой какъ чужіе и не знаемъ ничего другъ про друга. Пока мы были дѣтьми, это еще было простиительно и понятно; а теперь пора намъ познакомиться и стать ближе. Вѣрно меня не обманываетъ мое сердце, и тебѣ самому хочется этого. Ты помнишь меня конечно больше, чѣмъ я тебя. Ты былъ и старше, и умнѣе, когда мы разстались. Годы, проведенные мною въ отцовскомъ домѣ, почти совсѣмъ исчезли изъ моей памяти; я не могу даже вообразить себѣ твоего лица, и очень бы хотѣла имѣть твой портретъ. У меня все была твердая надежда, что мы увидимся скоро. Я думала, ты приѣдешь, окончивъ курсъ въ гимназіи, сюда, поступишь въ здѣшній университетъ, и мы будемъ постоянно вмѣстѣ. Вышло не такъ. Чтò дѣлать? Я не знаю, лучше это, или хуже, но отъ всего сердца желаю тебѣ успѣховъ въ жизни и счастья. Когда-нибудь встрѣтимся же, и какъ было бы хорошо, еслибы мы встрѣтились съ тобой друзьями. Я тебя очень люблю, мой дорогой Вася, и надѣюсь, ты полюбишь меня. Отвѣчай мнѣ поскорѣе на это письмо, и расскажи мнѣ все, все подробно, что было съ тобой послѣ того, какъ мы не видались. Это такъ меня интересуеть. Я тебѣ тоже про себя все опишу. И будемъ писать другъ къ другу какъ можно чаще... Не правда-ли? Чтобы ты зналъ все, чтò со мной, а я все, чтò съ тобой. Съ кѣмъ же и подѣлиться каждой радостью, каждымъ горемъ, какъ не съ братомъ и съ сестрой? Милый мой Вася, какъ бы хотѣлось мнѣ начать съ тобой поскорѣе дѣятельную переписку. Вѣдь ты тоже будешь радъ? А потомъ, можетъ-быть, Богъ дастъ и увидаться. Ахъ! какое это счастье будетъ! какая радость!

«На первый разъ хочу рассказать тебѣ про себя только главное, а потомъ и все, все опишу; отвѣчай только мнѣ скорѣе.

«Ты знаешь, мой другъ, что я поступила было въ пансіонъ; но оставалась тамъ очень недолго, всего одинъ годъ. Наша добрая М. Шуазель умерла, и всѣ пансіонерки разошлись по домамъ. Хотя я и недолго была въ пансіонѣ,

а очень ему благодарна: онъ принесъ мнѣ большую пользу. Дома я почти не училась до поступленія въ пансіонъ; да и по выходѣ оттуда опять пришлось почти все время быть безъ серьезныхъ занятій. Учить меня было некому, тетенька все больна. Хотѣли взять мнѣ гувернантку, но не взяли. Только къ чтенію я пристрастилась, и читала что попадалось подъ руку, да занималась еще музыкой. Я бы все, чему успѣла научиться въ пансіонѣ, забыла, еслибъ года три тому назадъ тетенька не пригласила давать мнѣ уроки одного студента, Николая Ивановича Темникова. Ты вѣрно любишь бы его отъ всей души, милый Вася! У него такая прекрасная душа и такой свѣтлый умъ! Я могу сказать, что ему одолжена всѣмъ моимъ воспитаніемъ, всѣмъ развитіемъ. До уроковъ его я блуждала какъ въ потемкахъ. Какъ жаль, что ты не былъ здѣсь въ университетѣ; онъ однихъ лѣтъ съ тобой, ты былъ бы его товарищемъ — и навѣрное другомъ. Въ послѣднее время къ сожалѣнію онъ разошелся съ дядей Егоромъ Александровичемъ — они что-то повздорили, и я уже не видала его по окончаніи курса. Теперь онъ уѣхалъ въ провинцію.

«Прости меня, милый мой Вася, что я такъ безсвязно пишу. Хотѣлось рассказать много, очень много, а теперь, какъ взяла перо, не могу ничего связать. Ты не повѣришь, какъ бы я желала видѣть тебя! Тогда, на словахъ, все рассказала бы гораздо лучше. Напиши же мнѣ поскорѣе, радъ ли ты моему письму, и какъ ты живешь, да подробнѣе, не такъ, какъ я.

«Крѣпко тебя обнимаю и цѣлую.»

Письмо это не произвело никакого особенно пріятнаго впечатлѣнія на Василья Петровича. Онъ даже поставленъ былъ имъ отчасти въ тупикъ. О сестрѣ онъ и не вспоминалъ никогда — словно ея не существовало. Теперь пришлось начинать съ нею переписку, и это казалось Шаврову дѣломъ очень труднымъ. Написать отвѣтъ на первое письмо сестры собирался онъ цѣлыя двѣ недѣли; принявшись писать, перемаралъ нѣсколько листовъ бумаги, и все-таки написалъ всего двѣ странички — сухія и оффиціальныя. Между прочимъ онъ говорилъ, что жалѣетъ о своемъ не довольно

прочномъ еще положеніи, чтобы выписать сестру къ себѣ на житье; но въ то же время выражалъ надежду, что это скоро будетъ возможно.

Какое впечатлѣніе произвело на Пашеньку письмо брата, мы еще увидимъ; а теперь займемся пока судьбою Платона Николаевича.

XI.

Давно уже, какъ мы упомянули, ходили слухи о разныхъ преобразованіяхъ по тому вѣдомству, въ которомъ служилъ Платонъ Николаевичъ. Слухи эти то усиливались, то на время совсѣмъ почти смолкали. Усиливаясь, они производили, разумѣется, нѣкоторую тревогу во всѣхъ, кого должны были коснуться, а въ числѣ прочихъ и въ Платонѣ Николаевичѣ. Тѣмъ не менѣе всѣ, а онъ по преимуществу, думали, что дѣло обойдется безъ перемѣнъ и все останется по старому: потолкуютъ, потолкуютъ, да тѣмъ и ограничатся.

Вдругъ пріѣхалъ, совершенно неожиданно, чиновникъ изъ Петербурга въ качествѣ ревизора.

Это событіе всѣхъ озадачило. Не говоря уже о тѣхъ, кому приходилось стать лицомъ къ лицу съ пріѣзжимъ, даже родственники и близкіе ихъ знакомые были въ нѣкоторомъ смятеніи. При извѣстіи о пріѣздѣ ревизора, у Агаѣи Максимовны вдругъ онѣмѣли два пальца на правой рукѣ. Платону Николаевичу слѣдовало утѣшить маменьку.

— Богъ дастъ, все обойдется ладно, сказалъ онъ, не вѣря самъ тому, что говоритъ: — засталъ, правда, въ распложъ, да вѣдь не камень же какой! Пойдетъ, я думаю, на нашу удочку.

— Ахъ, Платоша! возразила плачевнымъ тономъ Агаѣя Максимовна: — кто ихъ нынче разберетъ? Все стало не по старому. Гордости этой одной....

— Гордости точно нѣсть числа, согласился Платонъ Николаевичъ. — Что воспитывался въ университетѣ — такъ каждый думаетъ, ему и чортъ не братъ. О честности толковать мода у нихъ проявилась....

— Боюсь я все за тебя, Платоша, проговорила съ соболѣзнованіемъ Агаея Максимовна.

— Что за меня бояться! отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ: — не я одинъ. На людяхъ, вы знаете, маменька, и смерть, говорить, красна.

— Ахъ, не говори! не говори! завопила встревоженная Агаея Максимовна, махая рукой, на которой онѣмѣли два пальца.

— Вотъ что-то завтра намъ скажетъ, заключилъ Платонъ Николаевичъ.

На слѣдующее утро онъ уѣхалъ изъ дому очень рано.

Пришелъ часъ обѣда; а Платонъ Николаевичъ все еще не возвращался. Агаея Максимовна сидѣла на сундукѣ у окна, и то и дѣло посматривала на улицу, не ѣдетъ ли сынъ. «Все нѣтъ! все нѣтъ!» повторяла она по временамъ вслухъ. Нельзя не замѣтить приэтомъ, что Агаея Максимовна издавна, съ самаго начала служебной карьеры Платона Николаевича, принимала самое горячее участіе въ удачахъ и неудачахъ его по службѣ. Участіе это основывалось не на одномъ материнскомъ чувствѣ или опасеніи за свои матеріальныя удобства и выгоды; въ Агаею Максимовну въ самой сидѣло нѣчто чиновничье: ей доставляло крайнее удовольствіе слѣдить за ходомъ многоколесной машины губернской администраціи, и она разспрашивала сына обо всѣхъ ея подробностяхъ. Съ теченіемъ времени у Агаеи Максимовны явились даже заклятые враги, которые не знали даже о ея существованіи. Они были врагами Агаеи Максимовны не потому, чтобы находились въ враждебныхъ отношеніяхъ къ Платону Николаевичу; часто между Войлоковымъ и ими не существовало и вовсе никакихъ отношеній. Виною враждебнаго взгляда Агаеи Максимовны были самыя принципы.

Неуклюжая Василиса накрыла на столъ, и спросила, ждать ли барина.

— Разумѣется, отвѣчала Агаея Максимовна.

Она велѣла поставить на столъ графинчикъ съ водкой, и выпила рюмочку ради подирѣзленія.

— Не видала, спросила она Василису: — не проходили палатскіе домой?

— Не видала.

— Сбѣгай-ка къ кому-нибудь изъ нихъ, хоть къ Чекушпну, что ли — онъ всѣхъ ближе живетъ — спроси, воротился отъ должности, или нѣтъ. Да поживѣе!

— Сейчасъ.

Василиса ушла.

Агао́ья Максимовна ждала не дождалась ее, и справедливо предполагала, что дѣвка вѣрно заболталась съ кѣмъ-нибудь на улицѣ: такой ужъ характеръ противный. Въ ожиданіи, Агао́ья Максимовна рѣшилась еще подкрѣпиться рюмочкой. Пальцы на правой рукѣ такъ опѣмѣли, что она не чувствовала ихъ, и потому принуждена была лѣвою рукой пальть себѣ изъ графина водицы и лѣвою же рукой поднести рюмку ко рту.

Наконецъ-то воротилась Василиса.

— Ну, что?

— Чекушинъ домой еще не бывалъ.

— Гдѣ ты сидѣла-то?

— Мнѣ гдѣ сидѣть? сбѣгала — да и только.

— Цѣлый часъ пропадала. Поди, ласы съ кѣмъ-нибудь точала на улицѣ?

— У васъ, извѣстно... Развѣ близко къ Чекушинымъ-то?

— Ну, молчи, грубиянка! пошла вонъ отсюда!

— Вы вѣчно Богъ-знаетъ за что бранитесь.

— Вонъ, тебѣ говорятъ! вонъ!.. Ахъ, ты подлая!

На улицѣ загремѣли дροжки, и отвлекши вниманіе Агао́ьи Максимовны отъ грубой дѣвки. Платонъ Николаевичъ возвращался наконецъ изъ присутствія.

— Васютка! крикнула Агафья Максимовна: — неси обѣдать! Платоша ѣдетъ.

Василиса пошла въ кухню.

Агао́ья Максимовна находилась въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи. У нея даже голова тряслась, и она никакъ не могла удержать ее прямо. Слово предчувствіе какое охватило тяжелой лапой ея сердце.

Громкіе шаги Платона Николаевича послышались въ залѣ. Онъ приближался молча къ комнатѣ маменьки, и не пѣлъ: «Соловей мой соловей!» какъ пѣвалъ обыкновенно, возвращаясь отъ должности. Казалось, тяжелая лапа еще крѣпче сдавила сердце Агаѣи Максимовны.

Она ни слова не спросила; только взглянула въ лицо Платона Николаевича. Довольно было и этого: онъ былъ мраченъ какъ туча, готовая разразиться громомъ и молніей.

— Все кончено! крикнулъ онъ, отодвигая стулъ отъ стола и тяжело опускаясь на него.

— Нѣтъ! закричала вдругъ какъ-то дико Агаѣя Максимовна.

— Чего нѣтъ? да, когда я говорю...

Онъ ударилъ кулакомъ по столу, такъ что все на столѣ жалобно задрезжало.

— Нѣтъ! нѣтъ! визгнула опять Агаѣя Максимовна, и покатилась, какъ спопъ, съ сундука на полъ.

Платонъ Николаевичъ бросился къ маменькѣ, и съ трудомъ поднялъ ее подъ мышки и дотащилъ до постели. На крикъ его прибѣжала Василиса и лакей. Лакей немедленно умчался за лекаремъ; а Василиса принялась помогать Платону Николаевичу раздѣвать и укладывать въ постель Агаѣю Максимовну.

Лицо у старухи совсѣмъ перекошило; она слабо только владѣла лѣвой рукой.

— Что съ вами, маменька? спрашивалъ Платонъ Николаевичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала съ напряженіемъ Агаѣя Максимовна.

— Параличъ, должно быть, хватилъ, замѣтила Василиса.

— Нѣтъ, нѣтъ, вопила Агаѣя Максимовна.

— Да что это, маменька, вы все говорите «нѣтъ» да «нѣтъ», сказалъ Платонъ Николаевичъ, наклоняясь къ старухѣ: — развѣ вы ничего больше не можете произнести?

— Нѣтъ, нѣтъ, только и отвѣчала старуха.

— Да вы попробуйте что-нибудь сказать. Скажите: да.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Ахъ, матушки мои! изумлялась Василиса.

Приѣхалъ лекаръ, и сказалъ, разумѣется, что Агафья Максимовна поражена ударомъ. Поставили ей пивокъ — не подѣйствовало; кровь пустили — тоже. Старуха оставалась при своемъ: нѣтъ! нѣтъ!

Платонъ Николаевичъ пообѣдалъ безъ всякаго аппетита: супу съѣлъ всего ложки двѣ, жаренаго только одинъ кусокъ, тогда-какъ блюдо сносили обыкновенно со стола пустымъ.

Наступилъ вечеръ. Спать послѣ обѣда Платонъ Николаевичъ совсѣмъ не могъ, даже и не ложился, и все ходилъ изъ угла въ уголъ по залѣ. На душѣ у него было очень темно, и онъ хотѣлъ бы подѣлиться своимъ горемъ, рассказавши его кому-нибудь. Маменька не говоря уже о томъ, что больна, можетъ быть и не понимаетъ ничего. Ктѣ ее знаетъ?

Тѣмъ не менѣе Платонъ Николаевичъ отправился въ спальню старухи, постоялъ около постели, потомъ подвинулъ къ ней кресло и сѣлъ. Агафья Максимовна глядѣла на него понятливыми глазами, хотя и говорила только: нѣтъ! нѣтъ!

— Вы одно мнѣ скажите, маменька, произнесъ Платонъ Николаевичъ: — можете ли вы меня понимать? Понимаете ли, что я говорю?

— Нѣтъ! нѣтъ! отвѣчала Агафья Максимовна, впрочемъ такимъ тономъ, какъ-будто хотѣла сказать: да! да!

Тонъ этотъ нѣсколько утѣшилъ Платона Николаевича: значитъ, у маменьки осталось еще на столько сознанія, что ей можно рассказать о происшествіяхъ этого утра — конечно, осторожно, чтобы не разстроить ее больше.

Платонъ Николаевичъ началъ такъ:

— Напрасно, маменька, вы такъ огорчились. Бѣда вѣдь вовсе не такъ велика.

— Нѣтъ! нѣтъ! радостно воскликнула Агафья Максимовна.

«Все понимаетъ», подумалъ Платонъ Николаевичъ, и продолжалъ:

— Съ помощію Божіею все можетъ устроиться лучше прежняго даже. Конечно, я долженъ теперь буду оставить службу.

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Но я и самъ, даже до этого происшествія, думалъ перемѣнить мѣсто. Давно уже начались разныя непріятности, интриги. Я вамъ ничего этого не говорилъ, потому-что не хотѣлъ огорчать васъ. А теперь, право, какъ обсудилъ я, такъ даже радъ, что буду уволенъ.

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Право, маменька, и вамъ не слѣдуетъ вовсе огорчаться. Для меня можетъ теперь открыться даже гораздо шире карьера. Вотъ, какъ я ходилъ по залѣ, я все это очень дѣльно обдумалъ. И коммерціей можно заняться.

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Это вовсе не унижительно: въ наше время многіе и очень уважаемые люди пускаются въ коммерцію. А по службѣ теперь ничего не выиграешь, потому-что нынче все новыя какія-то основанія. А подъ нихъ поддѣлываться — тяжело. И поэтому, вѣрьте моей совѣсти, я даже радъ, что увольняюсь.

— Нѣтъ! нѣтъ!

Единственное словечко, оставшееся въ распоряженіи у языка Агаѣи Максимовны, очень ясно выражало ея чувства, и въ послѣдній разъ произнесла она его, обливаясь горькими слезами. Видимо было, что она не вѣрила убѣжденіямъ Платона Николаевича. Да вѣрилъ ли и самъ онъ тому, что говорилъ? Такой разладъ чувства и слова былъ въ немъ очень обыкновеннымъ явленіемъ.

Бесѣда съ маменькой, прерываемая ея односложными восклицаніями, неудовлетворила Платона Николаевича. Онъ считалъ необходимымъ говорить съ нею тономъ утѣшенія, и не хотѣлъ тревожить ее изліяніями своей желчи. Оттого и не удовлетворился онъ, и даже въ то время, какъ говорилъ съ Агаѣей Максимовной, думалъ, съ кѣмъ бы ему повидаться и высказать все, что у него на душѣ. Между сослуживцами у Платона Николаевича не было друзей, да и всѣ они были столько же встревожены какъ онъ самъ, кромѣ низшихъ регіоновъ, съ которыми у Войлокова, разумѣется, не было ничего общаго. Развѣ поѣхать къ Стешѣ? Но Платонъ Нико-

лаевичъ и безъ того охладѣлъ къ ней нѣсколько въ послѣднее время, а теперь, въ такихъ обстоятельствахъ, ѣхать къ ней—значило не успокоить себя, а только еще больше раздражить: что можетъ понять Степа въ непріятномъ положеніи Платона Николаевича?

Онъ невольно припомнилъ Васю, и рѣшилъ пойти къ нему—отвести душу. Платонъ Николаевичъ былъ у родственника всего разъ, чтобы посмотрѣть, какъ онъ устроился, а потомъ только приглашалъ его, какъ младшаго, къ себѣ. Василій Петровичъ не считался съ благодѣтелемъ своимъ визитами, и заходилъ къ Войлоковымъ иногда разъ, иногда два въ недѣлю. Веселья особеннаго эти визиты ему не доставляли, но какъ дѣлать дома нечего, такъ отчего же и не зайти? Надо при этомъ отдать справедливость и маменькѣ, и сыну. Съ тѣхъ поръ, какъ Шавровъ сталъ отъ нихъ дальше, они оказывали ему больше ласки и радушія. Василій Петровичъ все-таки ихъ не долюбивалъ, и въ это утро почувствовалъ даже какую-то странную радость тому, что надъ головой Платона Николаевича стряслась такая бѣда. Платонъ Николаевичъ, разумѣется, не чуялъ этого, собрался къ Шаврову и посоветовалъ маменькѣ успокоиться, уснуть немного. Маменька завопила было: «нѣтъ! нѣтъ!» Но Платонъ Николаевичъ, справедливо думая, что это «нѣтъ» значитъ можетъ быть и «да», не обратилъ на него вниманія, велѣлъ только Василіисъ зажечь въ спальнѣ Агаонъ Максимовны лампадку и сидѣть тутъ безотлучно, и ушелъ.

Онъ и не ожидалъ, что вечеръ, проведенный у Шаврова, такъ его успокоитъ. Василій Петровичъ встрѣтилъ его такимъ радушнымъ восклицаніемъ: «Ба! Платонъ Николаевичъ! вотъ не ждалъ! Какъ я радъ, какъ я радъ!» При разсказѣ Платона Николаевича о горѣ, постигшемъ его маменьку, Шавровъ выразилъ глубокое, истинно родственное сочувствіе, и упрекнулъ своего благодѣтеля, что онъ тотчасъ же не далъ ему знать о приключившейся бѣдѣ: признательный племянникъ примчался бы на крыльяхъ вѣтра, чтобы раздѣлить заботы Платона Николаевича о больной. Но какое участіе принялъ Шавровъ въ служебной неудачѣ родственника! Не смотря на все свое раздраженіе, Платонъ Николаевичъ вѣрно

не нашель бы такихъ горькихъ и желчныхъ словъ, какими Василий Петровичъ говорилъ о разныхъ нововведеніяхъ и преобразованіяхъ, не ведущихъ ни къ какой цѣли.

Но все это утѣшило Платона Николаевича не такъ, какъ появленіе Маши. Игривыя мечты его часто обращались къ ней въ послѣднее время, и Войлоковъ не терялъ надежды — рано или поздно сблизиться съ хорошенькой вдовушкой. До него доходили слухи о дружбѣ ея съ Васей; но этимъ Платонъ Николаевичъ не особенно тревожился: не вѣкъ же такъ будетъ? Сегодня дружны, а завтра нѣтъ. Да, наконецъ, одно другому и не мѣшаетъ.

— Рекомендую моего родственника и благодѣтеля, сказалъ Машѣ Шавровъ, подводя ее къ Платону Николаевичу.

— Я ихъ знаю, отвѣчала, улыбаясь, Маша: — мы у Стеши видѣлись.

— А вы все прячетесь отъ меня, замѣтилъ шутливо Платонъ Николаевичъ: — сколько я Стешѣ говорилъ, чтобы она васъ позвала, а вы все отказываетесь.

— А вамъ меня зачѣмъ? Вѣдь ужъ есть у васъ своя Стеша?

— Чтò Стеша! возразилъ съ сладкой улыбкой Платонъ Николаевичъ.

— Вотъ всѣ вы, мужчины, такіе измѣнники! засмѣялась Маша.

— А вы еще не знаете, Платонъ Николаевичъ, сказалъ Шавровъ: — какая она артистка! Покажи-ка свое искусство, сыграй да спой!

Онъ подалъ ей гитару.

— Вотъ! не успѣла носъ показать, ужъ и пой!

Не смотря, однакожъ, на возраженіе, она взяла гитару, и стала щипать на ней струны.

— Ты вспомни, что Платонъ Николаевичъ мой родственникъ и благодѣтель, сказалъ не безъ нѣкоторой ироніи Шавровъ: — и ты должна ему угодить.

Ироническаго отгѣнка Платонъ Николаевичъ не замѣтилъ и слова Васи пролились бальзамомъ на его сердце.

— Какую вамъ? спросила гостя Маша.

— А что ни споете, отвѣчалъ Войлоковъ: — мнѣ все будетъ пріятно.

— «Зореньку», Маша! сказалъ Шавровъ.

— Надоѣла «Зоренька», отвѣчала Маша. — А вотъ...

Она заиграла и запѣла:

«Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ!»

Платонъ Николаевичъ былъ въ совершенномъ восторгѣ.

Немедленно послѣ чаю на столѣ явился подносъ съ разными закусками, съ водкой и съ двумя бутылками мадеры.

— Ну-ка, Платонъ Николаевичъ, пригласилъ Василій Петровичъ: — выпьемъ за здоровье ревизора.

— Чтобы ему ни дна ни покрышки! промолвилъ Платонъ Николаевичъ, подходя къ столу. — Вотъ мы за чье здоровье выпьемъ!

И онъ показалъ на Машу.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразила Маша. — Налей мнѣ, Вася, полрюмочки мадеры, я хочу выпить за здоровье Платона Николаевича.

— Вотъ и прекрасно! согласился Платонъ Николаевичъ: — я за ваше, а вы за мое.

И выпилъ.

Бесѣда сдѣлалась развязнѣе: гость, по приглашенію Шаврова, «повторилъ» разъ и два, и совсѣмъ разнѣжился.

Маша еще пропѣла романса два-три, и Платонъ Николаевичъ ощутилъ непреодолимое желаніе поцаловать ее въ румяныя губы. Она стала было отказываться, но Василій Петровичъ рѣшилъ дѣло такъ:

— Поцалуй его, Маша! Это не бѣда. Вѣдь Платонъ Николаевичъ и родственникъ мнѣ, и благодѣтель.

— Развѣ ужъ по этому, согласилась Маша.

Платонъ Николаевичъ совсѣмъ раскраснѣлся отъ волненія и «повтореній».

— Ну, еще! еще! просилъ онъ Машу.

— Будетъ съ васъ! отвѣчала она.

Было около часу, когда Платонъ Николаевичъ отправился домой. Сидя на дрожжахъ, онъ немножко покачивался, и все

хотѣлъ свиснуть, но никакъ не могъ совладѣть со своими губами. У него было также больше желаніе поговорить съ самимъ собой; но присутствіе кучера удерживало его.

Только воротясь домой и войдя въ свой кабинетъ, Платонъ Николаевичъ далъ волю своему языку.

— Вася славный малый, говорилъ онъ, ложась въ постель: — а я пьянъ... и Маша славная... «Будеть, говорить, съ васъ!...» Штука... А я пьянъ.

Съ тѣмъ онъ и уснулъ.

И. Михайловъ.

ДИССОНАНСЪ.

На чердачкѣ она жила кой-какъ работой, —
Какъ свѣтскій человѣкъ и онъ былъ не богатъ,
И были для него мучительной заботой
Перчатки, галстуки, визиты, маскарадъ,
Какъ бѣса — Божій крестъ, его пугала бѣдность —
Всѣмъ видная нужда, понятная всѣмъ блѣдность.
Огарокъ на столѣ, лоскутья на полу,
Постель и образокъ съ лампадкою въ углу...
Какъ всякій модный франтъ, онъ былъ богатъ мечтами,
Не равнодушный къ ней, онъ думалъ о другой,
Женитьбой думалъ онъ расправиться съ долгами
И рыскать по базамъ съ богатою женой.
Все это онъ скрывалъ, — но и она скрывала
Волненія души и плакала тайкомъ.
За ней онъ весело ухаживалъ сначала
И съ лихорадочнымъ участіемъ потомъ.
Вчера, весь вспрыснутый духами, передъ баломъ
Онъ постучался къ ней, — она свѣчу зажгла;
Вошелъ онъ въ комнату, и на его усталомъ
Лицѣ безпечная улыбка замерла.
И сталъ онъ говорить: — ужели ты не видишь,
Что за тебя я радъ послѣдній рубль отдать,
За что-же ты меня какъ-будто ненавидишь,
Робѣешь и молчишь — я не могу понять.
— Меня легко понять, ему въ отвѣтъ сказала
Бѣдняжка, поблѣднѣвъ, и отклонивъ рукой
Ту горсть, которая съ волненіемъ подавала
Ей все, что было за душой.
— Чего-же хочешь ты?

— Мнѣ ничего не надо.

(И слезы градомъ хлынули изъ глазъ.)

Меня вы любите, но я любви не рада,
Я васъ люблю, но избѣгаю васъ.
Мнѣ ваше тягостно горячее участие,
Я знаю, вы добры; но — сердце мнѣ твердить,
Моя любовь не принесетъ вамъ счастья,
И ваша страсть меня не воскресить.
Быть можетъ, я стою надъ бездною разврата;
Но вамъ меня въ ту бездну не столкнуть....
И если я себя рѣшусь продать за злато, —
Продамъ себя не вамъ, — продамъ кому-нибудь.
Молчите! Пусть меня болванъ, — злодѣй погубить,
Я буду думать: — чтожь, пускай!
Я не люблю его, и онъ меня не любить —
Возьму себѣ на хлѣбъ, скажу ему прощай,
И если ворочусь домой ночной порою,
Съ рыданьемъ бросившись на жесткую кровать,
Я прокляну не васъ, вы — человѣкъ съ душою,
Я васъ могла бъ любить — но.... но не проклинать!

И. Мелецкий.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ АМУРА КЪ РОССІИ.

ПЕРІОДЪ Ш.

ВОЗВРАЩЕНІЕ АМУРА.

(1847 — 1858 г.)

Статья третья.

*«Что же касается до русской рѣки Амуръ,
то объ этомъ рѣчь впереди.»*

Слова Императора Николая I.

6-го сентября 1847 года, въ Бозѣ почившій Императоръ Николай I-й, во время своего путешествія по Россіи, прибылъ на станцію Сергіевскую (третью отъ г. Тулы), и здѣсь изволилъ принимать тульского военнаго губернатора Николая Николаевича Муравьева. Послѣ нѣсколькихъ словъ Государь объявилъ ему, что онъ назначилъ его генераль-губернаторомъ въ восточную Сибирь, причемъ упомянулъ о развитіи нашей золотопромышленности, о нѣкоторыхъ безпорядкахъ по этой части, о кяхтинской торговлѣ; выразивъ, что она, повидимому, не уменьшается, что Китайцы, какъ кажется, привыкли къ сношеніямъ съ нами, дорожатъ ими и, въ заключеніе своихъ разсужденій, изволилъ прибавить слѣдующее замѣчательное изрѣченіе: *«что же касается до русской рѣки Амуръ, то объ этомъ рѣчь впереди»*. Напутствуемый такою высокою мыслію державнаго Императора, Николай Николаевичъ отправился въ С. Петербургъ, гдѣ, не теряя времени, тотчасъ-же приступилъ къ ознакомленію съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находилось въ то время дѣло объ Амурѣ.

Государь Императоръ какъ-бы предъугадывалъ, что только человекъ съ такой неутомимой энергіей и настойчивой силой воли, какъ генералъ Муравьевъ, способенъ выпутаться изъ подобнаго хаоса свѣдѣній, мнѣній и предположеній о рѣкѣ Амурѣ, который существовалъ въ концѣ 1847 года, и въ этомъ случаѣ слѣдовалъ правилу, что à bon entendeur — peu de parler. Съ другой стороны, и Николай Николаевичъ съумѣлъ отгадать, въ мѣтко-сказанной фразѣ, мысли и желанія незабвеннаго монарха, направленные къ осуществленію видовъ Россіи на рѣку Амуръ, и не могъ не понять ее иначе, потому-что въ противномъ случаѣ не было-бы никакого повода выражаться подобнымъ образомъ о рѣкѣ Амурѣ, не имѣя никакой, даже и отдаленной, цѣли.

Во время пребыванія своего въ С. Петербургѣ, Николай Николаевичъ познакомился съ капитанъ-лейтенантомъ Геннадіемъ Ивановичемъ Невельскимъ, назначеннымъ въ то время командиромъ строившагося въ Гельсингфорсѣ транспорта «Байкалъ», отправлявшагося изъ Кронштадта въ кругосвѣтное плаваніе, для обыкновеннаго періодическаго доставленія въ Камчатку различныхъ грузовъ и припасовъ отъ морскаго вѣдомства. Геннадій Ивановичъ издавна уже помышлялъ объ изслѣдованіи Амура, а потому весьма-естественно, что, послѣ бесѣды съ генераломъ Муравьевымъ, идея эта укрѣпилась въ немъ окончательно, получила полное основательное развитіе и сдѣлалась лучшею, задушевною его мечтою. Пылкій, воспримчивый и дѣятельный капитанъ Невельской не могъ далѣе откладывать дѣла! Послѣ отъѣзда генерала Муравьева въ Сибирь, онъ сталъ хлопотать о скорѣйшемъ окончаніи строящагося транспорта и вооруженіи его, чтобы имѣть возможность выйдти по-ранѣе изъ Кронштадта, придти въ началѣ весны 1849 года въ Петропавловскъ, сдать тамъ грузъ, и остающееся время навигаціи употребить на опись и изслѣдованіе юговосточныхъ береговъ Сибири и лимана Амура. Въмѣстѣ-съ-тѣмъ, зная уже сочувствіе къ этому дѣлу генералъ-губернатора восточной Сибири, онъ отправилъ къ нему въ Иркутскъ *первое* свое письмо, отъ 10-го февраля 1848 года, которое такъ интересно и вмѣстѣ-съ-тѣмъ составляетъ такое важное начало въ ряду совершившихся въ

послѣдствіи событій, что помѣщается здѣсь въ возможной полнотѣ:

«Ваше превосходительство, милостивый государь, Николай Николаевичъ! Зная ваши благія намѣренія сдѣлать все полезное для страны вамъ ввѣренной и бывши столь много обласканъ вашимъ превосходительствомъ, я долгомъ поставилъ себѣ увѣдомить васъ, что, судя по ходу работъ, надѣюсь непременно выгнати въ море въ самыхъ первыхъ числахъ августа и при такомъ раннемъ выходѣ я твердо увѣренъ, что буду имѣть возможность идти кругомъ мыса Горна и потому въ самыхъ первыхъ числахъ мая 1849 года бытъ въ Петропавловскомъ портѣ, гдѣ, чтобы сдать петропавловскій и охотскій грузы, достаточно было простоять 2½ недѣли, слѣдовательно я буду имѣть впереди все лѣто 1849 года, т. е. іюнь, іюль и августъ мѣсяцы. Это время смогло-бы быть употреблено съ величайшею пользою, а именно на *осмотръ и опись* юговосточныхъ береговъ Охотскаго моря, начиная отъ Тугурской губы и далѣе къ востоку до лимана р. Амура, на изслѣдованіе и опись самыхъ устьевъ этой рѣчки и пространства между остр. Сахалинымъ и матерымъ берегомъ Азіи. Но въ настоящемъ случаѣ вѣжу, что безъ ходатайства вашего превосходительства здѣсь никто о томъ ни не думаетъ, а безъ предписанія я, самъ собою, не посмѣю дѣйствовать.

«Между-тѣмъ случай и время, дорогое время, будутъ потеряны!... Однако, имѣя постоянно въ виду ваши благія намѣренія касательно этого предмета, я съ своей стороны принялъ всѣ мѣры, чтобы быть готовымъ къ исполненію; стоитъ только приказать. Такимъ-образомъ я достигъ уже того, что по избранію моему, ко мнѣ назначили офицеровъ дѣятельныхъ и имѣющихъ теоретическія и практическія свѣдѣнія въ наукахъ, собственно къ познанію природы относящихся, и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ большую практику въ описи береговъ. Я достигъ уже того, что ко мнѣ отпускаютъ всевозможные и лучшіе инструменты. Постигая же всю важность познаній для Россіи страны этой, я употребилъ-бы всю мою дѣятельность, всѣ мои способности, чтобы представить подробную и добросовѣстную картину

«мѣсть, мракомъ доселѣ отъ насъ сокрытыхъ, представить «не для одного любопытства науки, но главное, для практической пользы, т. е. гдѣ и съ какими удобствами и средствами можетъ быть основанъ портъ, какіе находятся лѣса, «растенія и качество земли, и что и въ какой степени без- «опасности можно совершать плаванія, какія можно встрѣ- «тить препятствія отъ климата, теченія, мелей и т. п., сло- «вомъ сказать, представить полную картину береговъ этихъ, «принимая главнымъ основаніемъ практическую пользу и «представляя вещи какъ онѣ дѣйствительно есть и добро- «совестно. А при такомъ изслѣдованіи, кто можетъ теперь «исчислить всѣ важныя послѣдствія, какія для блага Россіи «произойти могутъ? Пусть официально помѣстятъ мнѣ въ «инструкціи: «что я въ Петропавловскѣ долженъ сдать и «охотскій грузъ и постараться въ исходѣ мая выйти изъ «Петропавловскаго порта и слѣдовать къ описи новой В. К. «губы и къ востоку лежащаго отъ нея берега, и что если «въ продолженіи лѣта и осени 1849 года не будетъ воз- «можности окончить опись эту, то на зимніе мѣсяцы идти «въ Петропавловскій портъ, а буде-же, по позднему времени, «или по какимъ-либо причинамъ, взойти въ Петропавловскъ «будетъ невозможно, то на это время идти на остр. Тихаго «океана, гдѣ я найду болѣе удобнымъ провести зимніе мѣ- «сяцы, съ тѣмъ, чтобы съ раннею весною воротиться опять «къ описи и по окончаніи уже которой слѣдовать въ Охотскъ «и сдать судно» и секретно: «не давая подозрѣній, подъ ка- «кимъ-либо предлогомъ, отъ случайностей происходящимъ, «напримѣръ туманъ, буря, теченіе и т. п. постараться зайти «въ лиманъ Амура, изслѣдовать устье этой рѣки и простран- «ство между материкомъ и остр. Сахалиномъ до предѣла къ «югу сколь возможно большему». При такомъ предписаніи, «я распорядился-бы слѣдующимъ образомъ: 1) на пути въ «Петропавловскъ на Сандвичевыхъ островахъ заготовилъ-бы «провизіи на 8 мѣсяцевъ, 2) придя въ Петропавловскъ, сдать- «бы охотскій грузъ (за которымъ изъ Охотска можно было-бы «отправить въ продолженіи лѣта судно) и постарался-бы не- «премѣнно въ исходѣ мая выдти изъ Петропавловска, и 3) пошелъ-бы прямо въ лиманъ Амура, между Сахалиномъ

«и матерымъ берегомъ, разумѣется, официально меня за-
«чесли-бы туда туманъ или течение и проч., и по такимъ-же
«официально представленнымъ причинамъ не выщель-бы от-
«туда до-тѣхъ-поръ, пока подробно все не изслѣдовалъ-бы,
«предлоговъ можно найти, самыхъ убѣдительныхъ, весьма-
«много и такихъ, противу которыхъ ничего и сказать нельзя,
«стоитъ только *завратъ*; и 4) оттуда уже отправился-бы я
«въ новую губу и началъ-бы подробную опись берега, по
«окончаніи которой, если успѣлъ-бы въ 1849 году, а въ
«противномъ случаѣ въ 1850 году пришелъ-бы въ Охотскъ
«и сдалъ судно. И долженъ сказать вашему превосходитель-
«ству и невозможно въ портахъ этихъ снабдить такъ судно,
«какъ снабженъ транспортъ, на которомъ я отправляюсь, и
«наконецъ, для блага отечества, смѣю откровенно сказать
«вашему превосходительству, что при подобныхъ случаяхъ
«надобно, чтобы дѣйствовало лицо совершенно-постороннее,
«независимо отъ начальника охотскаго порта. . . . .
«Затѣмъ, по окончаніи всего этого, я могу быть въ Иркутскѣ
«зимой 1849 года или 1850, а дабы зиму и слѣдующее лѣто
«провести съ пользою, если ваше превосходительство най-
«дете нужнымъ, можно употребить меня и моихъ офицеровъ
«(съ которыми, какъ мнѣ извѣстно, я долженъ изъ Охотска
«возвратиться) на изслѣдованіе озера Байкала и верховья
«р. Амура, о чемъ доселѣ не имѣется хорошихъ, настоящихъ
«свѣдѣній. А наконецъ я, по отвѣтѣ вашему, могъ-бы взять
«съ собою изъ Петербурга чертежи испытанныхъ грузовыхъ
«и другихъ рѣчныхъ и озерныхъ судовъ и въ продолженіи
«зимы и весны въ Иркутскѣ легко можно было для примѣра,
«подъ моимъ присмотромъ, выстроить и вооружить хотя одно
«подобное судно, а лѣтомъ мы-бы его испытали — тѣмъ
«болѣе, что въ этихъ странахъ подобные образцы весьма-
«важны.

«Ваше превосходительство! мнѣ-бы гораздо, конечно
«гораздо-легче было, какъ доселѣ предполагается, отвести
«грузъ въ Петропавловскъ и Охотскъ, сдать судно и пре-
«спокойно воротиться, нежели имѣть на своей отвѣтствен-
«ности подобную работу. Но я вполнѣ понимаю, сколь важны
«для нашего отечества подобныя изслѣдованія, священнымъ

«долгомъ поставилъ-бы себѣ представить о всемъ этомъ добросовѣстно и такъ, какъ оно дѣйствительно есть. Чувствую, что дѣятельности, знанія и способностей моихъ достанетъ, и средства и время есть. У меня и прекрасно-снабженное, совершенно-новое судно, здоровая и хорошая команда, прекрасные офицеры.

«Какъ Русскій, какъ преданный моему отечеству, смѣю представить о томъ вашему превосходительству, уповая на Господа, не щадя ни правъ своихъ, ни здоровья, ни самой жизни, надѣюсь исполнить, но безъ ходатайства вашего превосходительства ничего не будетъ, — надобно, чтобы наше начальство мнѣ вмѣнило это въ обязанность, а безъ того вы сами изволите знать, могу-ли я дѣйствовать? Смѣю надѣяться, что ваше превосходительство не оставите своимъ ходатайствомъ и почтите меня до отхода вашимъ приказаніемъ и увѣдомленіемъ. Въ ожиданіи этого, съ глубочайшимъ уваженіемъ и проч.»

Въ это-же время морское министерство спрашивало мнѣніе генераль-губернатора относительно перенесенія Охотскаго порта въ новооткрытую, на Сегнекинскомъ полуостровѣ, у Тугурской губы, Константиновскую бухту и проведенія сухопутнаго сообщенія отъ этой бухты въ Забайкалье, предложеннаго начальникомъ Охотскаго порта, капитаномъ Вонлярлярскимъ.

Генераль-губернаторъ, пользуясь представившимся поводомъ, отвѣчалъ начальнику главнаго морскаго штаба, что проектированная г. Вонлярлярскимъ сухопутная дорога къ Константиновской гавани невозможна, и что, по его мнѣнію, предварительно слѣдовало-бы подробнѣе осмотрѣть и описать юговосточный берегъ Сибири, отъ Тугурскаго залива до устья Амура; почему онъ и проситъ дать приказаніе командиру, отправляющагося изъ Кронштадта въ Камчатку судна, сдавъ грузъ въ Петропавловскѣ, отправиться къ описи означенныхъ береговъ, снабдивъ его для этого надлежащими инструкціями. Князь Меншиковъ нашелъ это ходатайство уважительнымъ, и по его настоянію и содѣйствію, предъ отправленіемъ капитана Невельскаго въ кругосвѣтное плаваніе, ему дано было приказаніе, по сдачѣ груза въ Петро-

павловскѣ, осмотрѣть юговосточный берегъ Охотскаго моря отъ Тугурской губы, между тѣми мѣстами, которыя были видимы или усмотрѣны прежними мореплавателями, и по приходѣ въ сибирскіе порта состоятъ въ распоряженіи генераль-губернатора восточной Сибири.

Въ этомъ-же 1848 году прибылъ въ Иркутскъ Англичанинъ Остенъ, желавшій путешествовать по Сибири, въ особенности-же по Забайкалью, и по рѣкамъ Ингодѣ и Шилкѣ спуститься къ устью Амура. Генераль-губернаторъ, имѣя въ виду, что всѣ прежнія русскія попытки, къ изслѣдованію Амура и открытію плаванія по этой рѣкѣ, были отклоняемы нашимъ правительствомъ, считалъ тѣмъ болѣе неумѣстнымъ содѣйствовать отправленію по этой рѣкѣ иностраннаго изслѣдователя, отчего могли-бы возникнуть непріятныя для насъ столкновения съ Китайцами. Поэтому, назначенный сопутствовать Остену, корпуса топографовъ подпоручикъ Вагановъ проѣхалъ съ нимъ лѣтомъ 1849 года по Забайкалью до Нерчинскаго завода и успѣлъ отклонить совершенно его намѣреніе плыть по Амуру. Послѣ этого Остенъ возвратился въ Иркутскъ и отсюда зимою, въ началѣ 1850 года, въ С. Петербургъ.

Это обстоятельство привело къ важнымъ послѣдствіямъ. Генераль-губернаторъ двумя письмами, въ томъ 1848 году, сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ Льву Алексѣевичу Перовскому, что проѣзжающіе чрезъ всю Сибирь подъ видомъ ученыхъ розысканій иностранцы имѣютъ совѣмъ другую цѣль,—въ чемъ онъ убѣдился совершенно. Одни изъ нихъ желаютъ видѣть Камчатку и сообщеніе ея съ жилою Сибирью, другіе изслѣдовать новый путь сообщенія Сибири съ Восточнымъ океаномъ. При этомъ генераль-губернаторъ присовокуплялъ, что эти соображенія давно занимаютъ его, и давно онъ собираетъ свѣдѣнія объ этихъ важныхъ для Россіи предметахъ.

Отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ, приготовленный въ проэктѣ, но еще не подписанный, былъ поднесенъ имъ Государю Императору и по высочайшему повелѣнію вмѣстѣ съ выпискою изъ помянутыхъ двухъ писемъ переданъ государственному канцлеру.

Далѣ, основываясь на миѣнїи академика Миддендорфа о независимости Гиляковъ и о согласїи ихъ уступить часть земли для поселенїя, за нѣсколько пудовъ табаку, министръ Перовскїй полагалъ удобнымъ поселить на приобрѣтенныхъ такимъ способомъ мѣстахъ часть Бурятъ, Тунгусовъ, или иное преданное намъ, надежное и притомъ мирное, племя.

Между тѣмъ министръ иностранныхъ дѣлъ, разсмотрѣвъ выписку изъ двухъ писемъ генерала Муравьева и прозктъ отвѣта на нихъ министра внутреннихъ дѣлъ, счелъ необходимымъ составить предположенїя объ установленїи сношенїй съ Гиляками, обитающими близъ устья Амура (на сѣверной его стороны), и о наблюденїи въ тѣхъ мѣстахъ за движенїями иностранцевъ. Распоряженїе это было удостоено высочайшаго утвержденїя.

Вмѣстѣ съ этимъ въ департаментѣ генеральнаго штаба, по распоряженїю военнаго министра князя Чернышева, были собраны всѣ имѣвшїяся до того времени свѣдѣнїя о границѣ нашей съ китайскими владѣнїями и составлено соображенїе о точнѣйшемъ опредѣленїи этой границы. — Въ докладѣ департамента по этому предмету упоминалось, что часть границы отъ р. Горбицы до Охотскаго моря остается неизвѣстною, ибо объ ней никакихъ положительныхъ топографическихъ свѣдѣнїй во все не имѣется, и все показанное на картахъ въ этомъ пространствѣ не заслуживаетъ никакого довѣрїя. Но вмѣстѣ съ этимъ тутъ же приводились свѣдѣнїя, сообщенныя академикомъ Миддендорфомъ о независимости Гиляковъ и объ открытыхъ имъ въ 1844 году четырехъ пограничныхъ знакахъ (амвонахъ), поставленныхъ китайскими чиновниками южнѣ предполагаемой нами границы, на основанїи послѣдняго пункта трактата 1689 года; въ слѣдствїе чего г. Миддендорфъ, принявъ эти знаки за пограничные столбы, исчислилъ, что пространство російскихъ владѣнїй должно увеличиться 50-ю тысячами квадратныхъ верствъ дикой и непроходимой мѣстности, забывая что подобное бесполезное приобрѣтенїе навсегда отрѣзывало бы насъ отъ Амура. — Поэтому департаментъ генеральнаго штаба для рекогносцировки этого пространства полагалъ назначить особую комиссію изъ офицеровъ генеральнаго штаба и то-

пографовъ, на которую вмѣстѣ съ тѣмъ возложить и переговоры съ Гиляками, о приведеніи ихъ въ подданство Россіи, или по крайней мѣрѣ для приобрѣтенія у нихъ части земли для основанія складочнаго торговаго мѣста, безъ чего по мнѣнію г. Миддендорфа на этихъ берегахъ весьма легко могутъ основаться иностранцы, и тѣмъ захватить въ свои руки всѣ выгоды водянаго сообщенія Сибири съ моремъ по р. Амуру. Что-же касается до свѣдѣній доставленныхъ г. Миддендорфомъ о томъ, что р. Амуръ отлично способна къ пароходству, не имѣетъ нигдѣ пороговъ и отмелей и массою своихъ водъ равняется самымъ значительнымъ рѣкамъ Соединенныхъ-Штатовъ, то для удостовѣренія въ этомъ департаментъ генеральнаго штаба предлагалъ произвести особую рекогносцировку всего теченія Амура, поручивъ извѣстному лицу спуститься въ лодкѣ, въ видѣ партикулярнаго путешественника, съ верховья рѣки до устья и выплыть къ Аянскому или Тугурскому заливу.

Государь Императоръ, разсмотрѣвъ 12 января предложенія департамента генеральнаго штаба, изволилъ найти ихъ полезными и приказалъ сообщить графу Нессельроде.— Въ слѣдствіе этого государственный канцлеръ передалъ военному министру свои соображенія по этому предмету, удостоившіяся въ проэктѣ высочайшаго утвержденія. — Въ нихъ графъ Нессельроде, находя показанія г. Миддендорфа объ открытыхъ имъ 4 пограничныхъ столбахъ неудовлетворительными, сомнѣвался чтобы столбы эти могли въ глазахъ Китайцевъ дѣйствительно означать границу ихъ съ Россією, потому что въ послѣднемъ пунктѣ нерчинскаго трактата ничего вообще не говорится о границахъ и о постановленіи какихъ-либо пограничныхъ знаковъ, которые по его мнѣнію иначе не могли бы быть поставлены, какъ обоюдными комиссарами. Но вмѣстѣ-съ-тѣмъ онъ однако полагалъ, что осмотръ означеннаго пространства, по отдаленности его отъ обитаемыхъ мѣстъ Китая, могъ бы быть совершенъ безъ особенныхъ неудобствъ въ политическомъ отношеніи, если все будетъ сдѣлано съ осторожностію и если начальнику экспедиціи поставлено будетъ въ непремѣнную обязанность не приближаться къ Амуру и избѣгать всякихъ

столкновений съ Китайцами. Отношеніе свое графъ заключалъ тѣмъ, что Государю Императору благоугодно было, чтобы предположенія по этому предмету были рассмотрѣны въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ военнаго министра, генераль-адъютантовъ князя Чернышева и Берга, министра внутреннихъ дѣлъ и его.

Составившійся такимъ образомъ въ началѣ 1849 года комитетъ, рассмотрѣвъ предположенія изложенныя въ запискѣ департамента генеральнаго штаба и мнѣнія по этому предмету министерства иностранныхъ дѣлъ, призналъ полезными слѣдующія главнѣйшія мѣры:

1) Отправленному въ 1848 году изъ Кронштадта къ берегамъ Охотскаго моря капитанъ-лейтенанту Невельскому поручить сдѣлать осмотръ всего берега отъ новооткрытаго залива *Константинъ* до устья Амура, а также и сѣверныхъ береговъ Сахалина. — Цѣль сего осмотра, кромѣ описанія всѣхъ сихъ мѣстъ въ морскомъ отношеніи, состояла бы въ отысканіи на означенномъ пространствѣ — и по возможности не въ дальномъ разстояніи отъ устья Амура — удобнаго и выгоднаго пункта.

2) Если морское начальство признаетъ возможнымъ возложить на капитанъ-лейтенанта Невельскаго подобное порученіе, то съ обычною почтою Р. А. компаніи, въ мартѣ мѣсяцѣ послать ему нужныя обо всемъ наставленія трипликатами въ Петропавловскій портъ, въ Охотскъ и въ Аянъ. Въ сихъ наставленіяхъ объяснить и какія мѣры осторожности онъ долженъ принять, дабы при произведеніи осмотра не возбудить подозрѣній и особенно вниманія Китайцевъ.

3) Свѣдѣнія, какія въ слѣдствіе сего порученія соберетъ г. Невельской, укажутъ уже дальнѣйшій планъ дѣйствія.

4) Крейсерство же въ тѣхъ мѣстахъ учредить по занятіи нами пункта, и для сего можно бы въ послѣдствіи назначить особое небольшое судно, принаровненное къ плаванію въ тѣхъ моряхъ и которое бы постоянно находилось при нашемъ укрѣпленіи.

5) Засимъ въ видахъ установленія сношеній съ Гиляками предоставить Р. А. компаніи, чтобы онъ сдѣлала опытъ

подобныхъ съ ними сношеній *сухимъ путемъ* (изъ Аяна), стараясь по возможности сблизиться съ сими народомъ и привлечь его къ Россіи. — Компания уже вошла въ тѣсныя связи съ Тунгусами, обитающими за р. Удью, посылая къ нимъ *сухимъ путемъ* изъ Аяна своихъ промышленниковъ. — Теперь желательно, чтобы она продолжала далѣе подобныя попытки, въ самыя земли Гиляковъ, тѣмъ же способомъ и путемъ. Черезъ людей, которые будутъ по распоряженію компании посланы къ Гилякамъ, можно собрать подробныя о нихъ свѣдѣнія, а также объ отношеніяхъ ихъ къ Китаю, и на основаніи сихъ свѣдѣній и тѣхъ, кои будутъ собраны предполагаемою сухопутною экспедиціею, можно сообразить потомъ дальнѣйшія средства упроченія надъ ними нашего вліянія и проч.

На основаніи таковыхъ заключеній особаго комитета главное правленіе Россійско-Американской компаніи получило предложеніе послать изъ Аяна *сухимъ путемъ* небольшую торговую экспедицію въ землю Гиляковъ, обитающихъ къ сѣверу отъ устья Амура, и генераль-губернатору восточной Сибири было сообщено по высочайшему повелѣнію о предпріятомъ отысканіи близъ устья Амура на сѣверъ отъ этой рѣки удобнаго пункта, и о посылаемой Россійско-Американской компаніею въ эту страну торговой экспедиціи; причеиъ предложено было генераль-губернатору оказать этой экспедиціи въ случаѣ надобности свое содѣйствіе.

Такимъ-образомъ, въ слѣдствіе положенія особаго комитета, капитану Невельскому послано было наконецъ то предписаніе, котораго онъ добивался въ бытность свою въ С. Петербургѣ. Морское министерство препроводило къ генераль-губернатору въ Иркутскъ инструкцію капитану Невельскому на изслѣдованіе устья Амура и выборъ пункта къ сѣверу отъ него, удобнаго для занятія и устройства торговаго поселенія. Такъ-какъ зимняя камчатская почта изъ Охотска въ Петропавловскій портъ въ это время уже отправилась, то генераль-губернаторъ, получивъ помянутую инструкцію, отправилъ ее съ своими наставленіями изъ Иркутска съ нарочнымъ курьеромъ штабсъ-капитаномъ Корсаковымъ, которому приказано было по прибытіи въ Охотскъ

дождаться тамъ открытія навигаціи и тотчасъ по очищеніи льда отправиться на суднѣ моремъ въ Петропавловскій портъ, стараясь застать тамъ капитана Невельскаго съ транспортомъ «Байкаль».

Одновременно, съ порученіемъ капитану Невельскому описать устья Амура, въ С. Петербургѣ, согласно съ представленіемъ департамента генеральнаго штаба, рѣшено было отправить особую экспедицію для изслѣдованія пространства, заключающагося между означаемою на картахъ границею съ китайскими владѣніями и открытыми академикомъ Миддендорфомъ къ югу отъ нея 4-мя пограничными столбами. Экспедиція эта была составлена изъ горныхъ инженеровъ Кованько и Меглицкаго, нѣсколькихъ топографовъ, астронома Шварца и ввѣрена начальству генеральнаго штаба полковника Агте, находившагося уже нѣсколько лѣтъ въ Сибири и производившаго рекогносцировку другихъ частей китайской границы. Вмѣстѣ съ топографическою рекогносцировкой, экспедиціи этой поручалась развѣдка минеральныхъ богатствъ на этомъ пространствѣ, и открытіе золота на южныхъ склонахъ Становаго хребта.

Генераль-губернаторъ, получивъ приказаніе о содѣйствіи отправляющейся экспедиціей подполковника Агте, донесъ въ С. Петербургъ, что по его мнѣнію рекогносцировка южныхъ покатоствей Становаго хребта не можетъ привести къ полезнымъ результатамъ, а поиски золота въ этомъ краѣ, даже и въ случаѣ ихъ особаго успѣха, по дикости и недоступности этой мѣстности, не могутъ доставить никакой практической пользы, а возбуждать только опасенія Китайцевъ, и послужатъ имъ предлогомъ къ проведенію тамъ пограничной черты. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ генераль Муравьевъ указалъ на болѣе полезную въ практическомъ отношеніи цѣль экспедиціи, именно на обслѣдованіе Удскаго края и сопредѣльной ему мѣстности, лежащей къ юговостоку. Отъѣзжая весною того же года въ Охотскъ, генераль-губернаторъ не могъ ожидать въ Иркутскѣ отвѣта изъ С. Петербурга, а потому рѣшился своею властію остановить экспедицію, о чемъ оставилъ пужныя приказанія губернатору г. Иркутска Г. Зорину. Въ слѣдствіе этого подполковникъ

Агте, по прибытіи своемъ въ Иркутскъ, былъ тамъ задержанъ, а къ генералъ-губернатору былъ посланъ въ Якутскъ съ этимъ извѣстіемъ курьеръ.

Такимъ образомъ въ началѣ 1849 года дѣла приняли такой оборотъ, что капитанъ Невельской, успѣвъ въ маѣ прибыть изъ Кронштадта въ Петропавловскій портъ, нашелъ тамъ почтальона присланнаго зимою курьеромъ отъ генералъ-губернатора къ начальнику Камчатки Машину съ приказаніемъ о скорѣйшемъ принятіи груза съ транспорта «Байкаль», слѣдующаго какъ въ Камчатку, такъ и въ Охотскъ, и съ письмомъ къ капитану Невельскому, въ которомъ генералъ Муравьевъ предлагалъ ему идти къ описи устья Амура, увѣдомляя, что по его ожиданію объ этомъ вѣроятно скоро послѣдуетъ высочайше утвержденная инструкция изъ С.-Петербурга, капитанъ Невельской рѣшился дѣйствовать, не ожидая полученія изъ С. Петербурга этой инструкции, и потому нисколько не теряя времени сдалъ въ Петропавловскѣ грузъ и 31 мая 1849 года направился съ своимъ транспортомъ «Байкаль» къ восточному берегу острова Сахалина чтобы оттуда начать свои изслѣдованія *). Подойдя на видъ острова Сахалина, около половины его длины именно въ широтѣ 51° 35', онъ имѣлъ возможность убѣдиться въ невѣрности этого берега (относительно долготы), показанной Крузенштерномъ на своихъ картахъ, открылъ здѣсь шхеры Благополучія и слѣдуя вдоль этого берега къ сѣверу обогнулъ сѣверную оконечность острова Сахалина. Здѣсь, повѣривъ опредѣленные Крузенштерномъ мысы Маріи и Елизаветы, капитанъ Невельской нашелъ ихъ совершенно правильными и затѣмъ направился съ сѣвера въ проливъ между материмъ берегомъ и островомъ Сахалиномъ. — Туманы и неправиль-

---

*) Экипажъ транспорта «Байкаль» составляли: командиръ капитанъ-лейтенантъ Геннадій Ивановичъ Невельской (нынѣ контръ-адмиралъ), старшій офицеръ лейтенантъ Петръ Васильевичъ Казакевичъ (нынѣ контръ-адмиралъ, военный губернаторъ Приморской области и командиръ Сибирской флотиліи и портовъ Восточнаго океана), лейтенантъ Гревенсъ (нынѣ капитанъ 2-го ранга), мичмана: Геймсаръ и Гротъ (нынѣ капитанъ-лейтенанты), корпуса штурмановъ поручики: Хализовъ (нынѣ подполковникъ) и Поповъ (нынѣ капитанъ), докторъ Бергъ и нижнихъ чиновъ 26 человекъ.

ное теченіе весьма не благоприятствовали въ первое время плаванію транспорта, который, держась берега Сахалина, зашелъ въ тотъ же заливъ *Обмана*, который ввелъ въ ошибку посѣщавшаго этотъ берегъ въ 1846 году подпоручика Гаврилова. Назвавъ этотъ заливъ именемъ своего транспорта, капитанъ Невельской продолжалъ путь далѣе къ югозападу, но встрѣтилъ 24 іюня у мыса *Головачева* отмели, сталъ на якорь, спустилъ шлюпки и послалъ на нихъ мичмана Грота и подпоручика Попова отыскивать фарватеръ. Поиски были неудачны, и потому капитанъ Невельской, не успѣвъ въ этомъ мѣстѣ пробраться прямо въ лиманъ Амура (подобно г. Гаврилову перескочившему съ своимъ бригаомъ эти отмели при полной водѣ), поворотилъ отъ мыса *Головачева* на сѣверо-западъ вдоль песчаной отмели къ матерому берегу. Здѣсь при прочистившемся туманѣ увидѣли гористый берегъ *Маньчжуріи*, не доходя до него около 4 миль, обогнули банку и слѣдуя къ югу въ недалекомъ разстояніи отъ этого берега, между имъ и банкою, 28 іюня вошли въ лиманъ Амура. — Здѣсь капитанъ Невельской сталъ на якорь и на шлюпкахъ началъ промѣръ и изслѣдованія сѣверной части Лимана. Но для составленія карты этого пространства и плана дальнѣйшихъ изслѣдованій нужно было опредѣлить и связать между собою оба берега лимана, для чего капитанъ Невельской послалъ на шлюпкахъ мичмана Грота вдоль сахалинскаго берега, а лейтенанта Казакевича вдоль матерого берега. Первому было приказано осмотрѣть западный берегъ Сахалина, собрать свѣдѣнія о пути къ югу въ Японское море и изслѣдовать не существуетъ ли прямаго сообщенія залива *Байкаль* съ лиманомъ Амура; а второму кромѣ того поручалось зайти въ устье Амура. — Лейтенантъ Казакевичъ направился сначала къ виднѣвшемуся вдали гористому матерому берегу и, приблизившись къ нему, поворотилъ вдоль его на югъ, огибая при этомъ всѣ мысы и осматривая внутренности всѣхъ бухтъ, принимая каждую изъ нихъ за отыскиваемое устье. — Наконецъ чрезъ нѣкоторое время предъ нимъ открылась на западъ обширная и длинная бухта, въ которой теченіе замѣтно было сильнѣе: это было устье Амура.

Войдя въ рѣку и слѣдуя подѣ лѣвымъ (сѣвернымъ) ея берегомъ, лейтенантъ Казакевичъ чрезъ нѣкоторое время присталъ къ гилиякской деревнѣ Чадбахъ. — Гилияки по видимому были весьма изумлены при видѣ Русскихъ, ихъ костюма и особой конструкціи лодки. Въ особенности обратилъ на себя ихъ вниманіе блестящій секстантъ, которымъ лейтенантъ Казакевичъ дѣлалъ въ виду ихъ наблюденія и который потомъ они съ любопытствомъ передавали другъ другу *). Г. Казакевичъ поднялся на своей шлюпкѣ до деревни Чныррахъ, оттуда истощившійся провіантъ принудилъ его вернуться обратно и вездѣ встрѣчалъ тоже простодушное изумленіе Гилияковъ.

На обратномъ пути лейтенантъ Казакевичъ всходилъ на вершину мыса Табахъ (лѣвый входной мысъ при устьѣ Амура) и отсюда при отливѣ увидалъ все видимое пространство лимана, наполненное мелями и изрѣзанное протоками и озерами воды. — Возвратясь на транспортъ, на которомъ въ это время продолжали изслѣдованіе сѣверной части лимана, лейтенантъ Казакевичъ представилъ капитану Невельскому отчетъ о своемъ плаваніи. Вмѣстѣ съ этимъ и мичманъ Гротъ возвратился на транспортъ и донесъ, что вдоль берега Сахалина къ югу идутъ сплошныя отмели, и что прямаго сообщенія залива Байкаль съ лиманомъ не существуетъ. Оставивъ лейтенантовъ Казакевича, Гревенса и поручика Хализова на транспортѣ продолжать изслѣдованія лимана подаваясь къ югу, самъ капитанъ Невельской со всѣми прочими офицерами на 3-хъ шлюпкахъ направились въ устье Амура. Лейтенантъ Казакевичъ, возвратясь на транспортъ,

*) Какъ доказательство того, что до прихода Русскихъ Гилияки не имѣли никакого понятія даже объ весьма употребительныхъ предметахъ и състныхъ припасахъ, напр. соли, можно привести здѣсь слѣдующій забавный случай. Приставъ къ деревнѣ Чадбахъ, гребцы г. Казакевича начали варить себѣ кашу. Гилияки, нѣсколько уже ознакомившись съ ними, осмотрѣвъ ихъ костюмы и пуговицы, присѣвъ кругомъ на корточки, съ любопытствомъ слѣдили за процессомъ приготовленія гречневой каши и когда матросы принялись ѣсть, то одинъ изъ Гилияковъ попросилъ знаками дать ему отвѣдать. Г. Казакевичъ показалъ ему подставить пригоршни и положилъ ему въ нихъ цѣлую ложку горячей каши. Гилиякъ вскочилъ отъ обжора, однако не бросилъ изъ рукъ каши, а, припрыгивая, перекидывалъ ее съ одной ладони на другую, пока она остыла совершенно.

между прочимъ сообщилъ, что р. Амуръ на пройденномъ имъ разстояніи такъ широка, что неспособна для защиты ея съ берега. По этому капитанъ Невельской съ офицерами, производя на пути промѣры и изслѣдованія фарватера рѣки, идущаго надъ ея сѣвернымъ берегомъ, поднялся такимъ образомъ выше Чныррахъ до мѣста, гдѣ рѣка стуживается въ одно русло именно до деревни Алягамъ (Аломъ) на правомъ берегу, и до неизменнаго прибрежья на лѣвомъ, названнаго капитаномъ Невельскимъ, Кочстаптиновскимъ полуостровомъ. Мѣсто это по его мнѣнію представляло ближайшій къ устью рѣки пунктъ, удобный для защиты рѣки съ берега, и потому осмотрѣвъ его капитанъ Невельской направился обратно къ выходу изъ рѣки, слѣдуя вдоль южнаго ея берега по фарватеру. — Но, выйдя изъ рѣки и направляясь къ югу, онъ проходилъ мѣстами по отмелямъ и мѣстами попадалъ на глубокой каналъ, составляющій въ настоящее время главный фарватеръ для входа въ Амуръ съ моря. Слѣдуя же далѣе по лиману на югъ, капитанъ Невельской чрезъ нѣсколько дней подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ матерой берегъ сближается съ противоположнымъ западнымъ берегомъ острова Сахалина, и здѣсь у мысовъ названныхъ имъ *Лазаревымъ* и *Муравьевымъ*, вѣсто воображаемаго Лаперузомъ, Бротонемъ, Крузенштерномъ и Гавриловымъ перешейка, онъ открылъ проливъ, въ которомъ наименьшая глубина была 5 сажень. Пройдя южиѣ той параллели, до которой въ прошломъ столѣтіи доходилъ капитанъ Бротонъ, отъ мыса матерого берега (названнаго Невельскимъ) капитанъ Невельской, повернулъ обратно на сѣверъ и, пройдя тѣмъ же открытымъ имъ проливомъ, а послѣ того, слѣдуя вдоль сахалинскаго берега по глубокому каналу, возвратился на транспортъ, послѣ 30 дней своего отсутствія.

На пути изъ устья Амура къ югу капитанъ Невельской старался слѣдовать глубокимъ фарватеромъ лимана, восходящимъ изъ рѣки къ югу въ море, но свѣжіе вѣтры принуждали его часто придерживать берега, и при этомъ сходить съ глубокаго мѣста и идти по отмелямъ. Поэтому, хотя капитанъ Невельской и не успѣлъ прослѣдить всего фарватера и опредѣлить точнымъ образомъ его направленіе, но

тѣмъ неменѣе, пополняя не обследованныя мѣста его распросами мѣстныхъ жителей, онъ пришелъ къ выводу — въ послѣдствіи оказавшемуся вполне правильнымъ, — что фарватеръ Амура, ниже его устья отъ мыса Пронге, направляется къ югу въ близкомъ разстояніи отъ берега. Но, желая въ этомъ убѣдиться болѣе положительнымъ образомъ и имѣть фактъ могущій вполне убѣдить другихъ, капитанъ Невельской вознамѣрился войти съ своимъ транспортомъ въ рѣку Амуръ. Но такъ-какъ направленіе канала, ведущаго въ Амуръ, не было еще положительнымъ образомъ изслѣдовано; тѣ транспортъ, попавъ въ лабиринтъ мелей лимана, долженъ былъ подвигаться такъ сказать ощупью, встрѣчая сильное и неправильное теченіе и становясь нѣсколько разъ на мель. Съ самаго ранняго утра вся команда транспорта работала безсмысленно и неутомимо до поздней ночи, завозя якоря, выгружая тяжести, вытягивая завезенныя якоря, и при всѣхъ этихъ стараніяхъ были дни, въ которые транспортъ едва успѣвалъ подвинуться на завозахъ до 200 сажень. Эта тяжелая и продолжительная работа въ позднее осеннее время утомляла команду до чрезвычайности, и только благодаря энергіи и настойчивости такого командира, каковъ былъ капитанъ Невельской, она могла продолжаться 45 дней. Но при всемъ томъ, будучи обязанъ инструкціями непременно айти въ Константиновскую губу, описать юговосточный берегъ Сибири и придти въ Охотскъ не позже сентября чтобы доставить туда часть груза слѣдовавшаго на транспортѣ «Байкаль» изъ Кронштадта, капитанъ Невельской долженъ былъ оставить свое намѣреніе обследовать болѣе подробнымъ образомъ фарватеръ лимана и войти въ рѣку съ транспортомъ. Къ этому побуждало его кромѣ того еще и убѣжденіе, что съ имѣющимися у него ничтожными средствами не представляется никакой возможности изслѣдовать весь лиманъ, занимающій площадь до 2500 квадратныхъ верстъ, и что главный вопросъ, заключающійся въ томъ, что рѣка Амуръ имѣетъ сообщеніе и съ Охотскимъ моремъ и съ Татарскимъ заливомъ (проливомъ), разрѣшенъ имъ достаточно вѣрно. Поэтому, оставивъ изслѣдованія лимана, онъ направился обратно къ сѣверу въ Охотское море.

Въ это же время Россійско - Американская компанія, для исполненія порученной ей торговой экспедиціи въ землю Гилляковъ, нашла гораздо удобнѣе отправить ее моремъ, нежели сухимъ путемъ. Поэтому лѣтомъ 1849 года, находившійся на службѣ компаніи, прапорщикъ корпуса штурмановъ Дмитрій Ивановичъ Орловъ, на двухъ байдаркахъ, былъ отправленъ изъ Аяна къ югу вдоль берега моря. Ему между прочимъ было поручено отыскать транспортъ «Байкаль», который между тѣмъ, выйдя изъ лимана и исполняя данное ему назначеніе описать матерой берегъ отъ устья Амура до Тугурской губы, слѣдовалъ вдоль этого берега и около гиллякской деревни *Искай* открылъ заливъ, закрытый съ моря песчаною неизменною косою. Капитанъ Невельской назвалъ его *заливомъ Счастія*. Продолжая опись берега далѣе къ сѣверу, транспортъ «Байкаль» впервые обследовалъ матерой берегъ и далъ ему правильное начертаніе, ибо по имѣвшимся тогда картамъ почти весь путь транспорта приходился по сухому пути. — Подойдя къ мысу Мухтеля капитанъ Невельской замѣтилъ открывшееся на югъ углубленіе, и для обследованія его послалъ на шлюпкѣ мичмана Грота, а самъ съ транспортомъ направился въ Константиновскую губу, осмотрѣвъ которую возвратился къ усмотрѣнному прежде заливу.

Зайдя въ это углубленіе, составлявшее Ульбанскую губу и принявъ посланную прежде шлюпку, капитанъ Невельской описалъ его и назвалъ заливомъ Св. Николая. Выходя изъ него и зашилѣвъ у мыса Мухтеля, онъ здѣсь чрезъ нѣкоторое время замѣтилъ двѣ черныя точки приближавшіяся къ транспорту отъ берега. Это были байдарки г. Орлова, который слѣдуя вдоль берега доходилъ до деревни *Коль* (лежащей въ 20 миляхъ къ сѣверозападу отъ залива Счастія), вступалъ въ сношенія съ туземцами, спрашивалъ ихъ объ нашемъ суднѣ, составилъ по ихъ рассказамъ карту залива Счастія и наконецъ, подойдя къ мысу Мухтеля, примѣтилъ вдали въ море судно, къ которому и направился пользуясь тихой погодой.

Принявъ на транспортъ байдарки г. Орлова, капитанъ Невельской продолжалъ дальнѣйшее плаваніе къ Охотску,

намѣриваясь на пути зайти въ Аянъ, чтобы высадить тамъ г. Орлова и отправить свое донесеніе.

Между тѣмъ посланный отъ генералъ-губернатора съ полученною изъ С. Петербурга инструкціею капитану Невельскому на опись устья Амура курьеръ, штабсъ-капитанъ Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ *) былъ задержанъ въ Охотскѣ льдами до іюня, а потому, выйдя въ началѣ этого мѣсяца на ботѣ «Кадьякъ» подъ командой подпоручика Гаврилова въ море, направился прямо къ сѣвернымъ берегамъ Сахалина, рассчитывая, что въ это время онъ не можетъ уже застать транспорта «Байкаль» въ Петропавловскомъ портѣ. Разошедшись съ транспортомъ «Байкаль» у сѣверныхъ береговъ Сахалина и выдержавъ здѣсь нѣсколько свѣжихъ вѣтровъ ботѣ «Кадьякъ», крейсируя между этимъ и матерымъ берегомъ, два раза заходилъ въ Константиновскую гавань, но не отыскавъ транспорта «Байкаль» отправился въ обратный путь и пришелъ въ Аянъ.

Предъ отправленіемъ генерала Муравьева въ 1848 году изъ С. Петербурга въ восточную Сибирь, Государь Императоръ, отдавая ему свои повелѣнія, между прочимъ изволилъ выразить, что въ Камчаткѣ онъ вѣроятно не будетъ, потому что туда, говорятъ, нельзя проѣхать. Генералъ-губернаторъ отвѣчалъ, что онъ постарается быть и тамъ, и по приѣздѣ въ Иркутскъ, на слѣдующій же 1849 годъ весною, отправился съ своей супругою **) въ Якутскъ и далѣе въ Камчатку. Преодолявая всѣ трудности верховаго пути по тропинкѣ, проложенной чрезъ болотистыя тундры, лѣсистыя тайги и чрезъ быстрыя рѣки, претерпѣвая всевозможныя лишенія, въ особенности чувствительныя для супруги Николая Николаевича, онъ благополучно и весьма скоро достигъ Охотска, откуда на транспортѣ «Иртышъ» направился къ берегамъ Камчатки. Посѣтивъ Петропавловскій портъ, генералъ-губернаторъ на обратномъ пути подходитъ къ сѣвернымъ берегамъ острова Сахалина, гдѣ свѣжій вѣтеръ

---

*) Нынѣ генералъ-маіоръ свиты Его Императорскаго Величества, военный-губернаторъ Забайкальской области и наказный атаманъ Забайкальскаго казачьяго войска.

**) Екатериною Николаевною Муравьевой.

не позволилъ ему съѣхать на берегъ для занятія острова. Отсюда транспортъ «Иртышъ» направился прямо въ заливъ Аянъ.

Такимъ-образомъ генералъ Муравьевъ былъ первый изъ генералъ-губернаторовъ восточной Сибири, который посѣтилъ Камчатку и Петропавловскій портъ. До него всё считали это весьма труднымъ, если не совсѣмъ невозможнымъ, а можетъ быть и бесполезнымъ. Николай Николаевичъ, прежде того чтобы рѣшиться на перенесеніе въ другое мѣсто Охотскаго порта и предпринять какія-либо мѣры относительно Камчатки и Петропавловскаго порта, хотѣлъ все видѣть своими глазами и лично во всемъ убѣдиться. Обратный путь въ Якутскъ онъ совершилъ чрезъ Аянъ, чтобы видѣть вновь устроенный Россійско-Американскою компаніею аянской трактъ и сравнить его съ охотскимъ трактатомъ.

Вскорѣ послѣ прибытія генералъ-губернатора въ Аянъ, вошелъ туда ботъ «Кадьякъ» съ штабсъ-капитаномъ Корсаковымъ, который здѣсь отдалъ отчетъ генералъ-губернатору въ своемъ неудавшемся порученіи. Вскорѣ послѣ того 2-го сентября въ виду залива показался идущій въ Охотскъ транспортъ «Байкаль», который, замѣтивъ въ глубинѣ залива двухмачтовое судно (транспортъ «Иртышъ») съ адмиральскимъ флагомъ на стеньгѣ, догадался что здѣсь долженъ быть генералъ-губернаторъ, — почему и направился въ заливъ. При входѣ въ оный онъ былъ встрѣченъ катеромъ, на которомъ прибылъ на транспортъ генералъ Муравьевъ съ своимъ штабомъ, нетерпѣливо желавшій узнать результатъ порученія. Капитанъ Невельской привѣтствовалъ его со шканцевъ крикомъ. «Господь Богъ намъ помогъ.... главное кончено.... все благополучно.... рѣка съ сѣвера и съ юга открыта для судовъ.... Сахалинъ островъ!....» Въ небольшой каютѣ транспорта «Байкаль» столпились всѣ спутники генералъ-губернатора, съ жадностью слушая рассказы Геннадія Ивановича и съ любопытствомъ разсматривая карты невѣдомыхъ доселѣ береговъ рѣки.

Генералъ-губернаторъ отсюда-же отправилъ донесеніе въ С.-Петербургъ о результатахъ экспедиціи капитана Невельскаго съ курьеромъ штабсъ-капитаномъ Корсаковымъ. Транс-

портъ «Байкаль» между тѣмъ отправился въ Охотскъ, гдѣ капитанъ Невельской, сдавъ его, вмѣстѣ съ своими офицерами отправился сухопутьемъ въ С.-Петербургъ.

Результаты изслѣдованій капитана Невельскаго были весьма важны. Хотя онъ и не успѣлъ опредѣлить точно направленіе главнаго фарватера Амура среди отмелей лимана, однако онъ доставилъ данныя, изъ которыхъ можно было убѣдиться, что фарватеръ этотъ существуетъ и что онъ не забросанъ песками, какъ полагали до этого времени. Поэтому, чтобы окончательно убѣдить въ этомъ прочихъ, онъ означилъ этотъ фарватеръ на своей картѣ и въ донесеніи утверждалъ положительно, что фарватеръ въ устьѣ Амура существуетъ и имъ обслѣдованъ, въ слѣдствіе чего и самая рѣка получаетъ полное значеніе относительно сообщенія Сибири съ океаномъ. Но величайшая заслуга Геннадія Ивановича Невельскаго, приводившая къ нечисленнымъ послѣдствіямъ, состояла въ разсѣяніи заблужденія, увѣковѣченнаго именами Лаперуза, Бротона, Крузенштерна, о существованіи, никѣмъ изъ нихъ не видѣннаго, низменнаго, песчаннаго перешейка, соединявшаго Сахалинъ съ материкомъ. Капитанъ Невельской открылъ на мѣстѣ этого фантастическаго перешейка проливъ, до 5 саж. глубиною, которому по всѣмъ правамъ слѣдуетъ придать названіе *пролива Невельскаго*, вмѣсто ничего не выражающаго, бессмысленнаго, повторяемаго всѣми русскими картами названія *Татарскаго пролива* *). Заслуга въ этомъ случаѣ капитана Невельскаго передъ наукою землѣвѣдѣнія состояла въ томъ: — онъ доказалъ, что Сахалинъ есть островъ, что рѣка Амуръ имѣетъ прямое естественное водяное сообщеніе съ Японскимъ моремъ, и что чрезъ открытый проливъ существуетъ сообщеніе двухъ морей — Японскаго съ Охотскимъ. Въ смыслѣ политическомъ заслуга капитана Невельскаго была еще важнѣе. Открытый имъ проливъ показывалъ, что устье рѣки Амура точно также доступно для военныхъ судовъ и съ юга изъ Японскаго моря, какъ

*) *Татарскій* проливъ и Татарскій берегъ Маньчжуріи получили эти названія отъ Лаперуза, потому-что ему угодно было смѣшать прибрежныхъ жителей: Орочей, Мангуновъ, Анновъ и др. съ Татарами, а другимъ націямъ — безусловно повторять эту ошибку.

и съ сѣвера изъ Охотскаго; что поэтому наблюденіе за этимъ устьемъ съ одного сѣвернаго берега недостаточно, потому что тогда другія націи могутъ подойти съ юга изъ Японскаго моря и утвердиться на южномъ берегу этого устья еще въ то время, когда оно съ сѣвера изъ Охотскаго моря недоступно отъ льдовъ. Въмѣстѣ-съ-тѣмъ этотъ проливъ указывалъ на удобную связь устья Амура съ Маньчжурскимъ берегомъ Японскаго моря, и на зависимость этого побережья отъ устья Амура. При существованіи этого пролива Маньчжурскій берегъ Японскаго моря и всѣ находящіяся на немъ гавани составляли какъ-бы необходимое дополненіе Амурской рѣчной области, и самая рѣка Амуръ приобрѣтала огромное значеніе относительно Японіи, Кореи и морскаго побережья даже самага Китая.

Такимъ-образомъ еслибы кругосвѣтное плаваніе капитана Невельскаго имѣло цѣлю, подобно большей части его предшественниковъ, только одно доставленіе въ Камчатку грузовъ, и еслибы благородное рвеніе и пастойчивыя старанія его на полученіе права идти къ устью Амура не были уважены, — то это обстоятельство могло бы привести къ плачевнымъ послѣдствіямъ и недалѣе какъ въ минувшую войну. Безъ этой экспедиціи мы бы оставались при тѣхъ свѣдѣніяхъ объ устьѣ Амура, какія доставлены были Лаперузомъ, Бротомомъ, Крузенштерномъ и подтверждены въ 1846 году Россійско-Американской компаніей, т. е. что устье рѣки заперто мелью около 3 футъ глубиною и къ югу идутъ мели, подтверждавшія свидѣтельство Крузенштерна, такъ что мы бы оставались увѣренными, что устье рѣки доступно только для шлюпокъ и что входъ въ эту рѣку съ юга изъ Японскаго моря невозможенъ, потому что онъ запертъ низменнымъ песчанымъ перешейкомъ, соединяющимъ Сахалинъ съ материкомъ. При такихъ убѣжденіяхъ устье рѣки Амура, какъ бесполезное, не могущее по своимъ гидрографическимъ условіямъ имѣть какое-либо значеніе для Сибири, даже въ отдаленномъ будущемъ, — вѣроятно въ началѣ нынѣшняго десятилѣтія еще не было-бы нами занято, и поэтому, во время минувшей войны, весьма легко могло бы быть обследовано и даже занято — съ юга изъ Японскаго моря — непріа-

тельскою эскадрою, крейсеровавшею въ Тихомъ океанѣ въ 1854, 1855 и 1856 годахъ. Но даже и при возможности входа въ это устье военныхъ судовъ, мы, убѣжденные въ существованіи перешейка показаннаго на картахъ г. Крузенштерномъ, ожидали бы появленія испріятельскихъ судовъ только съ сѣвера, и по всѣмъ этимъ доводамъ безъ настоячивыхъ стараній и своевременныхъ изслѣдованій капитана Невельскаго устья Амура, рѣка эта можетъ быть была бы навсегда потеряна и для Сибири, и для Россіи.

Но авторитетъ Крузенштерна былъ такъ великъ, что въ С.-Петербургѣ не повѣрили открытію капитана Невельскаго, точно также какъ за 120 лѣтъ предъ симъ не повѣрили Берингу, открывшему проливъ между Азіей и Америкой. Надобно было чрезъ нѣсколько десятилѣтій пребыть въ эти моря англійскому мореплавателю Куку, чтобы увѣрить даже и самихъ Русскихъ въ справедливости и вѣрности открытія сдѣланнаго русскимъ морякомъ и увѣковѣчить его имя названіемъ *Берингова пролива*. Такъ точно въ наше время нужно было чрезъ 4 года (въ 1853 г.) пройти, въ слѣдствіе открытій г. Невельскаго въ 1849 году, вдоль западнаго берега Сахалина военной шкунѣ «Востокъ», чтобы въ С.-Петербургѣ повѣрили, что открытый капитаномъ Невельскимъ проливъ существуетъ, и что въ немъ дѣйствительно глубина простирается не менѣе 5 сажень.

Генераль-губернаторъ, отправившись съ своею супругою изъ Аяна, вновь проложеннымъ компаніею аянскимъ трактомъ, въ Якутскъ, и оттуда въ Иркутскъ, представилъ въ С.-Петербургъ свое заключеніе о неудобствахъ Охотскаго порта и о необходимости перенесенія его въ Петропавловскій портъ, который при этомъ получилъ бы значеніе главнаго русскаго порта на Восточномъ океанѣ. Для сообщенія же Камчатки съ побережьемъ Охотскаго моря въ Якутской области, генераль-губернаторъ предполагалъ пользоваться факторіею Россійско-Американской компаніи въ заливѣ Аялъ, которую предлагалъ при этомъ возвести на степень правительственнаго порта, а для болѣе удобнаго и правильнаго сообщенія его съ Якутскомъ основать по рѣкѣ Маѣ, впа-

дающей въ рѣку Алданъ (притокъ Лены), земледѣльческія поселенія.

Въ это же время генераль-губернаторъ получилъ высочайшее разрѣшеніе употребить экспедицію подполковника Агте по своему усмотрѣнію, — въ слѣдствіе чего она въ весною 1850 года и начала свои дѣйствія отъ Горбицы вдоль Становаго хребта къ Удскому краю.

При проѣздѣ генераль-губернатора чрезъ Якутскъ, онъ тамъ вторично встрѣтился съ капитаномъ Невельскимъ, слѣдовавшимъ съ офицерами транспорта «Байкалъ» изъ Охотска. Здѣсь капитанъ Невельской представилъ генераль-губернатору, что для наблюденія за вскрытіемъ отъ льда устья Амура и состояніемъ въ это время залива Счастія, какъ ближайшаго на сѣверѣ къ лиману Амура закрытаго мѣста, весьма полезно бы было командировать изъ Аяна зимнимъ путемъ прапорщика Орлова. Представленіе это было найдено генераль-губернаторомъ уважительнымъ и по его приказанію начальникъ Аянскаго порта немедленно отпривилъ для этой цѣли прапорщика Орлова весновать къ Гилякамъ, предупредивъ, что весною за нимъ будетъ прислано туда судно.

Исслѣдованія и открытія капитана Невельскаго побудили правительство не откладывать далѣе исполненіе предложенныхъ имъ видовъ на южное побережье Охотскаго моря. Для этого по представленію генераль-губернатора восточной Сибири была утверждена особая Амурская экспедиція, имѣвшая главною цѣлю, подъ видомъ торговаго предпріятія Россійско-Американской компаніи, основать на берегахъ Охотскаго моря близъ лимана Амура зимовье. Поэтому было предложено Россійско-Американской компаніи раскрыть расторжку съ Гиляками и содержать Амурскую экспедицію съ тѣмъ, что если она по истеченіи 3-хъ лѣтъ понесетъ отъ этого убытокъ, то правительство уплатитъ ей недостающую по счетамъ сумму. При этомъ капитанъ Невельской назначенъ былъ состоять по особымъ порученіямъ при генераль-губернаторѣ восточной Сибири, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сдѣланъ начальникомъ Амурской экспедиціи. Вмѣстѣ съ этими предначертаніями представленіе генераль-губернатора о перенесеніи Охотскаго порта и объ устройствѣ аянскаго тракта

было утверждено, и ему было поручено привести все это въ исполненіе.

Капитанъ Невельской при отъѣздѣ изъ С.-Петербурга получилъ повелѣніе на основаніе зимовья близъ лимана Амурса, на установленіе сношеній и торговли съ Гляками и на развѣдываніе края, не касаясь ни подъ какимъ предлогомъ устья Амурса. Капитанъ Невельской, возвратясь въ началѣ 1850 года въ Иркутскъ, немедленно отправился въ Аянь, а оттуда вмѣстѣ съ командою, назначенною для занятія новаго пункта, на транспортѣ «Байкаль» прибылъ въ заливъ Счастья. Здѣсь онъ нашелъ прибывшаго еще зимнимъ путемъ прапорщика Орлова, и вмѣстѣ съ нимъ на узкой и низменной песчаной кошкѣ *) далеко вытянувшейся въ море, близъ гляцкой деревни Искай, 29-го іюня 1850 года, заложили зимовье, названное *Петровскимъ* и послужившее основнымъ опорнымъ пунктомъ для нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ низовьяхъ Амурса. Заброшенная на этотъ пустынный и дикій берегъ Амурская экспедиція состояла въ это время только изъ 40 человекъ матросовъ и якутскихъ казаковъ. Имѣя намѣреніе занять пунктъ на самомъ берегу Амурса, какъ для ознакомленія съ жителями, такъ и для дальнѣйшаго изслѣдованія самой рѣки, капитанъ Невельской послѣ основанія Петропавловскаго зимовья отправился на вельботѣ къ устью Амурса, причемъ промѣрилъ открытый весною того-же года г. Орловымъ сѣверный фарватеръ, представлявшій ближнее сообщеніе рѣки Амурса съ Охотскимъ моремъ. Войдя въ рѣку и поднявшись по ней вверхъ около 100 верстъ, именно до Тыра (утесъ съ китайскими памятниками и гляцкая деревня на правомъ берегу рѣки Амурса, напротивъ устья рѣки Амгуни), капитанъ Невельской изслѣдовалъ при этомъ протоку Маю (Пальво) и другія сосѣднія, съ цѣлю отыскать близъ устья рѣки удобное мѣсто для зимовки судовъ. Подойдя къ Тыру, онъ встрѣтилъ на берегу маньчжурскаго купца съ большою толпою Гляковъ, какъ было видно озадаченныхъ появленіемъ невиданныхъ до сего времени людей и лодки. Съ капитаномъ Невельскимъ было всего 6 человекъ греб-

*) Низменный песчаный мысъ, вытянувшійся отъ берега въ море.

цовъ, подъ банками у нихъ были подвязаны ружья, а самъ же онъ подъ видомъ купца въ сопровожденіи одного только Гиляка Позвейна изъ деревни Коль (близъ Петровскаго) вышелъ на берегъ. Маньчжурскій купецъ, желая показать свое значеніе предъ Русскими и свое вліяніе надъ Гиляками, важно спросилъ г. Невельскаго: зачѣмъ онъ здѣсь? Геннадій Ивановичъ въ свою очередь спросилъ Маньчжура: а зачѣмъ онъ здѣсь? Тотъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ право торговать здѣсь; на что г. Невельской точно также возразилъ ему, что и онъ имѣетъ точно такое же право торговать здѣсь. Маньчжуръ надменно отвѣчалъ, что онъ не допуститъ его производить здѣсь торговлю, что ихъ здѣсь много, показывая на окружающую его толпу, а что у Невельскаго только 6 человѣкъ. При этихъ угрозахъ Геннадій Ивановичъ, выхвативъ изъ кармана пистолетъ и подскочивъ къ Маньчжуру, поднесъ дуло прямо къ его носу и объявилъ ему, что «я одинъ, но у меня есть вотъ какой товарищъ, при которомъ если кто-нибудь здѣсь пошевелится, то тебѣ будетъ плохо». При видѣ пистолета вся окружавшая толпа мгновенно отхлынула, маньчжурскій купецъ струсиль и тотчасъ-же вступилъ въ дружескіе разговоры съ г. Невельскимъ. При этомъ онъ сообщалъ Геннадію Ивановичу, что устье Амура никогда Маньчжурами не считалось своимъ, что туда имъ даже запрещено и спускаться, а что если маньчжурскіе купцы или чиновники иногда и приплываютъ къ Гилякамъ, то это или для недозволеннаго торга или по самовольному распоряженію мелкихъ начальниковъ, для обираянія инородцевъ соболями подъ видомъ ясака въ свою пользу, и т. п. Переводчикъ Позвейнъ во все время угрозъ Маньчжура держался за свой ножъ.

Получивъ эти свѣдѣнія капитанъ Невельской пустился въ обратный путь и, не доходя до устья рѣки, остановился въ заливѣ Личь-ду, на окопечности низменнаго мыса *Куэды*. Здѣсь 6 августа 1850 года (въ день Преображенія Господня) капитанъ Невельской впервые поднялъ на свободныхъ берегахъ Амура русскій военный флагъ, — при крикахъ «ура» бывшихъ съ нимъ матросовъ и объявилъ притомъ Гилякамъ сосѣдней деревни *Куэды*, что отнынѣ они поступаютъ подъ русскую защиту и покровительство. Такъ соверши-

лось первое занятіе Русскими устья Амура. Поставивъ здѣсь постъ изъ 5 человекъ своихъ гребцовъ, капитанъ Невельской назвалъ его *Николаевскимъ*, и на оленяхъ отправился сухопутьемъ въ Петровское, чтобы имѣть случай лично осмотрѣть этотъ перевалъ отъ залива Счастія къ берегамъ Амура, о которомъ онъ имѣлъ только отрывочныя свѣдѣнія по однимъ рассказамъ Тунгусовъ и Гиляковъ деревни Искай. По наступленіи осени оставленные на Куэгдѣ 5 человекъ гребцовъ, составлявшіе Николаевскій постъ, спустивъ флагъ поднятый на мысѣ, возвратились на вельботѣ обратно въ Петровское.

Положивъ основаніе первому русскому пункту въ низовьяхъ Амура, избравъ мѣсто для другого и ознакомившись нѣсколько съ характеромъ приморскаго края, капитанъ Невельской осенью того же года на транспортѣ «Охотскъ» возвратился въ Аянъ, чтобы оттуда сухопутьемъ слѣдовать въ Иркутскъ. Транспортъ «Охотскъ» прибылъ въ это время въ Петровское зимовье съ продовольствіемъ и на немъ капитанъ Невельской привезъ вмѣстѣ съ собой въ Аянъ Гиляковъ Позвейна и Падхина, которые засвидѣтельствовали начальнику Аянскаго порта и находившемуся въ то время здѣсь архіепискому Камчатскому свою просьбу, чтобы Русскіе не уходили съ Амура, потому что иностранные корабли все чаще и чаще начинаютъ показываться въ Татарскомъ проливѣ. Въ слѣдствіе этого капитанъ Невельской, избѣгая въ своихъ донесеніяхъ слова «Амуръ», изложилъ это обстоятельство такимъ образомъ, что онъ, съ согласія и по просьбѣ мѣстныхъ жителей, поставилъ *Николаевскій постъ* при двухъ рѣкахъ *Камати* и *Личи*, какъ оно въ дѣйствительности и было. Николаевскій постъ былъ заложенъ тамъ, — гдѣ онъ и теперь находится, — именно на берегу залива р. Амура *Личь-ду*, въ который впадаютъ рѣки *Камать* и *Личь*. Изъ Аяна капитанъ Невельской отправилъ транспортъ «Охотскъ» обратно въ Петровское, предписавъ командиру онаго мичману Гаврилову остаться тамъ подъ разными предлогами на зимовку. На этомъ транспортѣ прибыло въ Петровское семейство г. Орлова и вернулись бывшіе въ Аянѣ Гиляки Позвейнъ и Падхинъ.

Капитанъ Корсаковъ въ этомъ же году былъ командированъ генераль-губернаторомъ въ Охотскъ для приведенія въ исполненіе высочайше утвержденнаго перенесенія Охотскаго порта въ Петропавловскъ. Поэтому, прибывъ весною того же года въ Охотскъ, капитанъ Корсаковъ на транспортѣ «Байкалъ» вмѣстѣ съ казеннымъ имуществомъ прибылъ въ Петропавловскій портъ; тою же навигаціею возвратился въ Охотскъ, и отсюда въ Иркутскъ, гдѣ съѣхался съ капитаномъ Невельскимъ. Генераль-губернаторъ еще ранѣе того выѣхалъ изъ Иркутска въ С. Петербургъ, почему гг. Корсаковъ и Невельской отправилсъ туда же курьерами съ своими донесеніями.

Капитанъ Невельской по приѣздѣ въ С. Петербургъ представилъ генераль-губернатору подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ и въ немъ между прочимъ упомянулъ, что онъ поставилъ на Амурѣ *флагъ* и *пушку*. Генераль-губернаторъ, разсмотрѣвъ дѣйствія и предположенія г. Невельскаго, исходатайствовалъ себѣ по этому случаю докладъ у Императора въ Царскомъ Селѣ. Государь, изволивъ со вниманіемъ выслушать словесныя изложенія генераль-губернатора о дѣйствіяхъ Невельскаго на Амурѣ, о столкновеніи его съ Маньчжуромъ у Тыра, о свѣдѣніяхъ собранныхъ имъ о независимости устья Амура и обитающихъ тамъ Гиляковъ, объ основаніи Николаевскаго поста на устьѣ Амура и проч., остался всѣмъ этимъ доволенъ, назвалъ капитана Невельскаго молодцомъ, соизволилъ пожаловать ему орденъ св. Владиміра 4 степени, и приказалъ представить ему о всѣхъ предположеніяхъ на Амурѣ особую записку. Она чрезъ нѣсколько дней была генераль-губернаторомъ представлена и по высочайшему повѣленію была препровождена на разсмотрѣніе особаго комитета.

Комитетъ, выслушавъ доводы и изложенія генераль-губернатора, не призналъ необходимымъ занимать устье Амура, а потому положилъ поставленный на устьѣ Амура Николаевскій постъ снять. Государь Императоръ, разсмотрѣвъ составленный по этому случаю журналъ особаго комитета, изволилъ положить резолюцію: «комитету собраться вновь въ присутствіи Наслѣдника-Цесаревича.» Въ слѣдствіе этого ге-

нераль-губернаторъ имѣлъ счастье представляться Государю Наслѣднику, нынѣ благополучно царствующему Императору Александру Николаевичу, и докладывать ему о начинающихся дѣйствіяхъ и своихъ предположеніяхъ въ Приамурскомъ краѣ. Такимъ образомъ красующійся и развивающійся нынѣ на устьѣ Амура портовый и областной городъ Николаевскъ, при самомъ зарожденіи своемъ, былъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ уничтоженія высокому покровительству нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра Николаевича.

Особый комитетъ во вторичномъ засѣданіи, подъ августѣйшимъ предсѣдательствомъ Наслѣдника-Цесаревича, положилъ Николаевскій постъ на Амурѣ оставить въ видѣ лавки Россійско-Американской компаніи, но дальнѣйшихъ распространеній не предпринимать, — каковое мнѣніе удостоилось высочайшаго утвержденія.

Для предупрежденія же китайскаго правительства о нашемъ наблюденіи за устьемъ Амура, въ пекинскій трибуналъ внѣшнихъ сношеній былъ посланъ отъ нашего Сената листъ, отъ 5 февраля 1851 года.

Въ началѣ 1851 года капитанъ Невельской снова возвратился въ Охотскъ и отсюда на транспортѣ «Байкаль» въ сопровожденіи баркаса Россійско-Американской компаніи «Шелеховъ» прибылъ въ Петровское зимовье. Въ этомъ путешествіи Геннадія Ивановича сопровождала его молодая 19 лѣтняя супруга *), рѣшившаяся переносить съ нимъ всѣ трудности и лишенія пустынной жизни въ дикомъ и негостеприимномъ краѣ, отброшенномъ за *десять-тысячъ верстъ* отъ образованнаго міра. Перенеся съ геройскимъ самоотверженіемъ и безъ малѣйшаго ропота всѣ ужасы и лишенія верховой ѣзды по топкимъ болотамъ и дикимъ гористымъ тайгамъ Охотскаго тракта, сдѣлавъ этотъ переѣздъ верхомъ 1200 верстъ въ 20 дней, молодая супруга Геннадія Ивановича въ первыя минуты своего прибытія въ Петровское показала необыкновенное присутствіе духа и стоическое хладнокровіе. Баркасъ «Шелеховъ», подойдя къ берегамъ залива

---

*) Екатерина Ивановна Невельская.

Счастія, сталъ тонуть по случаю мгновенно открывшейся течи. Г-жу Невельскую стали уговаривать первой съѣхать на берегъ «командиры и офицеры съѣзжаютъ послѣдними» говорила она «и я съѣду съ баркаса тогда, когда ни одной женщины и ребенка не останется на суднѣ.» Такъ она и поступила; между тѣмъ баркасъ уже лежалъ на боку *). По прибытіи въ Петровское г-жа Невельская нашла уже тамъ супругу прапорщика Орлова *), которая была первая русская дама, поселившаяся въ Петровскомъ зимовьѣ. Оставшійся за отъѣздомъ капитана Невельскаго комендантомъ Петровскаго г. Орловъ, хотя успѣлъ выстроить къ этому времени 3 дома, однако на первое время семейству Геннадія Ивановича пришлось раздѣлить флигель въ 3 комнаты вмѣстѣ съ семействомъ Г. Орлова.

Согласно съ данными капитаномъ Невельскимъ приказаніями, прапорщикъ Орловъ весною 1851 года до расхода льда, съ командой изъ 7 человекъ отправился по пройденной прошлаго года г. Невельскимъ тропинкѣ на Амуръ, чрезъ сухопутный переваль и лоцины рѣчекъ Иски и Камать. Выйдя на лѣвый берегъ Амура, по выше деревни Куэгды, на то мѣсто, гдѣ находился поставленный прошлаго года Николаевскій постъ, онъ началъ рубить лѣсъ для постройки зимовья около брошенной гиляцкой юрты Чорбахъ, на берегу залива Личь-ду. Гиляки сосѣдней деревни Куэгды встревожились таковымъ близкимъ сосѣдствомъ Русскихъ и, видя ихъ малочисленность, начали открыто объявлять, что какъ только вскрыется рѣка, то они соберутъ жителей окрестныхъ деревень и перерѣжутъ всѣхъ Русскихъ. Прапорщикъ Орловъ во избѣжаніе всякихъ непріязненныхъ столкновеній, могущихъ замедлить успѣхъ нашихъ дѣйствій на Амурѣ, счелъ за лучшее прекратить рубку лѣса и вернуться въ Петровское.

Каптанъ Невельской по прибытіи изъ Охотска въ Петровское употребилъ сначала всю команду изъ 50 человекъ вмѣстѣ съ командою подошедшаго тогда изъ Камчатки кор-

---

*) М. Сб., т. XXXIX.

**) Харитина Михайловна Орлова.

вета «Оливуца» *) на разгрузку затонувшаго баркаса. Управившись съ этимъ дѣломъ, онъ 5-го августа въ вельботѣ въ сопровожденіи байдары, съ лейтенантомъ Бошнякомъ и 25 человекъми его команды, отправился изъ Петровскаго въ устье Амура. Подойдя къ мысу Куэгда капитанъ Невельской 9-го августа 1851 года занялъ окончательно тотъ же пунктъ на берегу залива Личь-ду, близъ брошенной гиляцкой юрты Чорбахъ, и тѣмъ положилъ начало существующему нынѣ городу Николаевску, для занятія котораго былъ оставленъ лейтенантъ Богинякъ съ компанейскимъ прикащикомъ Березинымъ, горнымъ — Штейгеромъ и съ 25-ю человекъми команды, замѣченной еще въ Охотскѣ въ неоднократныхъ попыткахъ къ побѣгу. Капитанъ Невельской въ тотъ же день отправился на вельботѣ обратно въ Петровское **). Лейтенантъ Бошнякъ вошелъ въ дружескія сношенія съ окрестными Гиляками, одарилъ ихъ товарами, и въ тоже время продолжалъ рубить лѣсъ и на берегу залива Личь-ду, на мѣстѣ существующаго до настоящаго времени дома конторы надъ портами Восточнаго океана, заложилъ юрту по якутскому образцу. По окончаніи постройки ее обложили со всѣхъ сторонъ и сверху дерномъ, а на верху поставили пушку. Таково начало Николаевского поста.

Послѣ этого положеніе наше на Амурѣ приняло совсѣмъ другой оборотъ. Окрестные Гиляки не только что не возобновляли своихъ угрозъ и притязаній, но, видя вооруженную команду и въ особенноти наводящую на нихъ страхъ пушку, стали смотрѣть на Русскихъ съ боязнію и уваженіемъ. Осенью впервые появились на берегу Амура лошади и рогатый скотъ, доставленные сухопутьемъ изъ Петровскаго, и едва при этомъ не завязшіе въ болотѣ. Въмѣстѣ съ этимъ прибыли въ Николаевскій постъ на зимовку двѣ первыя русскія женщины, жены нижнихъ чиновъ. Къ октябрю были

---

*) Корветъ «Оливуца» прибылъ изъ Кронштадта съ остальною частію сформированнаго для камчатской флотиліи 47 экипажа, и назначался послѣ того въ крейсерство для наблюденія за иностранными китоловами въ русскихъ моряхъ Тихаго океана, но, присоединившись къ японской эскадрѣ, состоялъ одно время въ распоряженіи вице-адмирала Путятіна.

**) М. Сб., т. XXXVIII.

готовы двѣ юрты, наскоро срубленная баня и загородъ для скота обнесенная частоколомъ. Такимъ-образомъ первая зимовка Русскихъ на Амурѣ съ 1851 на 1852 годъ прошла благополучно, хотя не безъ лишеній и непріятностей, отъ мокроты пробравшейся сквозь крыши и отъ несмѣтнаго множества появившихся крысъ. Первые русскіе офицеры, проводившіе по очередно эту зиму въ Николаевскомъ посту, были лейтенантъ Бошнякъ и мичманъ Чпхачевъ.

Дальнѣйшія дѣйствія Амурской экспедиціи и постепенное распространеніе и утвержденіе въ этихъ дикихъ и недоступныхъ пустыняхъ русскаго вліянія, выказываютъ такое высокое самоотверженіе, геройскую рѣшимость и бодрость духа всѣхъ неутомимыхъ труженниковъ, бывшихъ въ составѣ оной, и составляютъ такой важный своимъ послѣдствіями эпизодъ въ исторіи присоединенія Амура, что заставляютъ по всей справедливости изложить ихъ здѣсь въ возможной подробности.

Убѣдившись опытомъ, что льды, туманы и вообще климатическое состояніе Охотскаго моря не представляютъ возможности къ основанію на берегахъ его удобнаго и надежнаго порта, капитанъ Невельской обратился съ этою цѣлю къ изслѣдованію береговъ Татарскаго пролива, — къ чему кромѣ того его побуждало самое удобство входа въ рѣку съ юга изъ Японскаго моря. Зная изъ прежнихъ картъ о существованіи на этихъ берегахъ открытаго Лаперузомъ залива *де-Кастри*, капитанъ Невельской, собирая о немъ свѣдѣнія отъ Гиляковъ, изъ рассказовъ ихъ узналъ, что заливъ этотъ замерзаетъ гораздо позже, а вскрывается гораздо раньше устья Амура, что рѣка Амуръ должна проходить недалеко отъ этого залива и что къ югу отъ него есть другія лучшія бухты. вмѣстѣ-съ-этимъ изъ рассказовъ же онъ собралъ свѣдѣнія, что рѣки *Амунь* и *Горынъ*, и другія лѣвые притоки нижней части Амура, вытекаютъ изъ того же самаго хребта, изъ котораго берутъ начало рѣки *Зей* и *Бурей*, что вершины первыхъ двухъ рѣкъ близко подходят къ вершинамъ послѣдней (Бурей), на которой есть русская часовня, что рѣки эти текутъ отъ запада-юго-запада на востокъ-сѣверо-востокъ и что находящійся въ вершинахъ

ихъ хребетъ есть продолженіе того же Яблоноваго или Стаповаго хребта, заворачивающагося къ югу и пересѣкающаго р. Амуръ въ средней его части. По всѣмъ этимъ даннымъ капитанъ Невельской предположилъ изслѣдовать рѣки *Амгунь* и *Горынь*, собрать свѣдѣнія о находящемся въ вершинахъ ихъ хребтѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ основными пунктами своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій береговъ Татарскаго пролива сдѣлать заливъ де-Кастри и ближайшее къ нему селеніе на р. Амурѣ. Поэтому для изслѣдованія этой послѣдней мѣстности опъ приказалъ зимою съ 1851 на 1852 годъ компанейскому прикащику Березину съ топографомъ Поповымъ пробраться съ р. Амуръ въ заливъ де-Кастри, и по возвращеніи оттуда въ ближайшее къ заливу селеніе на р. Амурѣ, дожидаться тамъ мичмана Чихачева. — Офицеру этому было приказано сначала отправиться на р. Амгунь, а оттуда на р. Горынь, осмотрѣть и изслѣдовать направленія ихъ теченія и собрать свѣдѣнія о хребтѣ находящемся въ ихъ верховьяхъ, а по окончаніи этого слѣдовать въ ближайшее къ заливу де-Кастри селеніе на Амурѣ, гдѣ соединившись съ Березинымъ и Поповымъ слѣдовать въ заливъ, — остаться тамъ весновать, наблюдать за дѣйствіемъ льдовъ при вскрытіи залива, осмотрѣть въ подробности берега его, собрать отъ жителей всевозможныя свѣдѣнія о берегахъ Татарскаго пролива, а затѣмъ по открытіи навигаціи возвратиться на туземной лодкѣ чрезъ лиманъ въ Петровское. Мичманъ Чихачевъ, окончивъ свою экспедицію на рѣки Амгунь и Горынь, прибылъ въ деревню Кызи и здѣсь нашелъ компанейскаго прикащика Березина отправлявшагося въ Петровское. — Пославъ съ нимъ къ капитану Невельскому свои донесенія и собранныя свѣдѣнія, вполне подтвердившія рассказы Гляковъ объ этой странѣ, вмѣстѣ съ донесеніемъ топографа Попова о видѣнномъ имъ въ морѣ изъ залива де-Кастри двухмачтовомъ суднѣ, Мичманъ Чихачевъ приступилъ ко второй части своего труднаго порученія, которое и исполнилъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ. Не упоминая уже о тѣхъ лишеніяхъ, которыми этотъ достойный офицеръ подвергался вмѣстѣ съ топографомъ Поповымъ, во время страшнаго веснованія въ дикомъ, безиріютномъ краѣ, — трудно принскать препятствій

болѣе того, сколько выпало на его долю, во время исполненія имъ долга службы. Какъ рѣдкій примѣръ ихъ присутствія духа и любви къ полезному труду, нельзя не привести здѣсь слѣдующій случай. Пробираясь къ лиману изъ залива де-Кастри на простой гиляцкой лодкѣ, они внезапно были окружены льдами, которыми раздавило ихъ лодку. Съ немощными трудностями, подвергаясь опасности погибнуть каждую минуту, — эти труженики успѣли выбраться на пустынный скалистый матерой берегъ, по которому шли въ продолженіи 10 дней, питаясь одною выбрасываемою моремъ гнилою нерпкою (тюленемъ). Мичманъ Чпхачевъ, возвратясь 7-го іюня 1852 года въ Петровское, подтвердилъ своими донесеніями справедливость рассказовъ Гиляковъ, и привезъ свѣдѣніе, что жители деревни *Нятмаръ*, въ заливѣ де-Кастри, ежегодно ходятъ на своихъ лодкахъ для торговли въ большую бухту *Хаджи*, лежащую на Татарскомъ берегу на 10 дней пути, на югъ отъ залива де-Кастри.

Капитанъ Невельской, получивъ съ прикащикомъ Березинимъ донесеніе мичмана Чпхачева и топографа Попова изъ Кызи, представилъ ихъ въ іюнѣ 1852 года подлинниками генераль-губернатору и при этомъ донесилъ, что, основываясь на данныхъ и свѣдѣніяхъ собранныхъ мичманомъ Чпхачевымъ, все пространство отъ хребта, пересѣкающаго р. Амуръ въ средней его части, изъ котораго текутъ рѣки Амгунь и Горынь до моря, по существующимъ трактатамъ должно принадлежать Россіи. Доводы свои капитанъ Невельской подтверждалъ собранными г. Чпхачевымъ свѣдѣніями, что Яблоновый, или Становой хребетъ не продолжается на востокъ до моря, — какъ полагалъ до сего времени, а отъ верховья р. Уды поворачиваетъ къ югу и пересѣкаетъ р. Амуръ.

Въ началѣ этого же 1852 года капитанъ Невельской свѣдалъ отъ Гиляковъ о находеніи по берегамъ острова Сахалина угля, который горитъ, причемъ одинъ Гилякъ Заковонъ принесъ маленькій кусочекъ угля и пуговицу сдѣланную изъ него. — Для развѣдки этого, онъ отправилъ туда изъ Петровскаго 20 февраля на собакахъ лейтенанта Бошняка. Офицеръ этотъ обслѣдовалъ западный берегъ Сахалина

къ югу отъ узкаго пролива отдѣляющаго его отъ материка, перевалилъ на восточный берегъ острова, гдѣ открылъ заливъ *Ний*, и вездѣ встрѣчалъ признаки и обнаженія каменнаго угля. На обратномъ пути припайки льда отъ береговъ были уже оторваны, и г. Бошнякъ, будучи не въ состояніи ходить отъ образовавшихся на погѣ нарывовъ, весь ободранный и голодный, долженъ былъ пробираться по острымъ утесамъ. Наконецъ только 3 апрѣля онъ успѣлъ благополучно прибыть въ Николаевской постъ, земляныя юрты котораго, по словамъ его, показались ему тогда дворцами, «а баня, свѣжій хлѣбъ и русскій обѣдъ освѣжили его; бѣлье, котораго онъ не смѣнялъ 40 дней, ибо не взялъ съ собою перемѣшъ изъ опасенія лишней тяжести,—онъ не скинулъ, а оно развалилось!» *)

Черезъ двѣ недѣли послѣ этой экспедиціи именно 19 апрѣля того же 1852 года, лейтенантъ Бошнякъ по распоряженію капитана Невельскаго снова отправился на собакахъ вверхъ по Амуру въ селеніе Ухтръ (на лѣвомъ берегу Амура въ 200 верстахъ выше Николаевскаго поста) для изслѣдованія впадающей здѣсь въ Амуръ рѣки или протоки Уй, и озера Удыль (Удгиль), изъ котораго она вытекаетъ. Лейтенантъ Бошнякъ прибылъ въ Ухтръ дождался здѣсь вскрытія рѣки и въ лодкѣ поднялся по протоку Уй въ озеро Удгиль, осмотрѣлъ его, сдѣлалъ промѣръ и пришелъ къ тому заключенію, что мѣстность эта неудобна для расположенія порта и адмиралтейства. Выйдя на Амуръ г. Бошнякъ продолжалъ изслѣдованіе его лѣваго берега до селенія Кызи и мыса Джай и 17 іюня возвратился обратно въ Николаевскій постъ, а 20 въ Петровское, гдѣ встрѣтился съ мичманомъ Чихачевымъ, только за недѣлю до него возвратившимся изъ своего 4 мѣсячнаго путешествія къ заливу де-Кастри и лиману Амура **).

Возвратившись изъ Петровскаго въ свое мѣстопребываніе Николаевскій постъ, лейтенантъ Бошнякъ занялся постройкою первыхъ жилыхъ зданій на устьѣ Амура, заложен-

*) Экспедиція на Сахалинъ лейтенанта Бошняка. М. Сб., т. XXXVIII.

***) Экспедиціи въ Приамурскомъ краѣ. М. Сб., т. XXXIX.

ныхъ весною этого года на возвышенномъ лѣсистомъ берегу залива Личь-ду, вблизи устроенныхъ уже русскихъ юртъ. Эти первыя строенія Николаевского поста сохранились до настоящаго времени и въ то время были: флигель для офицеровъ (нынѣшній домъ, гдѣ квартируютъ чиновники Шумовъ и Ивашевскій), казарма для нижнихъ чиновъ (нынѣшняя школа юнговъ) и лазаретный флигель (нынѣшній домъ бывшей аптеки). Къ осени дома эти успѣли кое-какъ окончить и въ нихъ размѣстились на вторую зиму первые обитатели нынѣшняго Николаевска. Какъ только Амуръ покрылся льдомъ комендантъ Николаевского поста лейтенантъ Бошнякъ 12-го ноября опять отправился на собакахъ въ новую экспедицію на р. Амгунь. Поднявшись по ней вверхъ до озера Чукчагпра, имѣющаго до 40 верстъ въ окружности, онъ развѣдалъ о существующемъ отсюда зимнемъ перевалѣ на протоки р. Горынь и, окончивъ свои распросы и изслѣдованія этого края, тѣмъ же путемъ возвратился 22 декабря въ Никольскій постъ *).

Капитанъ Невельской, донося генераль-губернатору объ изслѣдованіяхъ гг. Бошняка и Чихачева, представлялъ, что для ближайшаго наблюденія надъ судами подходящими съ юга и для изслѣдованія Татарскаго (Маньчжурскаго) берега, необходимо занять заливъ де-Кастри и сосѣдственное съ нимъ на Амурѣ селеніе Кызы. Но дабы не упустить благоприятнаго времени въ ожиданіи разрѣшенія, капитанъ Невельской, въ противность данныхъ ему приказаній, счелъ необходимымъ съ лѣта же 1852 года имѣть въ с. Кызы постоянно прикащика Россійско-Американской компаніи съ небольшимъ числомъ занасовъ и товаровъ, а въ заливѣ де-Кастри устроить зимовье. Исполненіе послѣдняго дѣла возложено было на лейтенанта Бошняка.

Г. Бошнякъ, согласно съ данными ему приказаніями, поставилъ въ заливѣ де-Кастри зимовье и прозимовалъ въ немъ; 2 мая 1853 года отправился на гиляцкой лодкѣ съ 3 человѣками, вдоль матераго берега на югъ, производя опись. 23 мая онъ достигъ бухты *Хаджи*, лежащей по его наблю-

*) Экспедиціи въ Приамурскомъ краѣ. М. Сб., т. XXXIX.

девятъ въ ширинѣ 49°, и назвалъ ее заливомъ *Императора Николая I*, а внутренія ея развѣтвленія заливами *Крестовый*, *Марин*, *Олин*, *Александры* и бухтами *Александровскою*, *Константиновскою*, *Владимирскою*, *Александровскою* и *Михайловскою*. Недостатокъ провіанта не дозволилъ лейтенанту Бошняку продолжать свой путь далѣе къ югу, и потому онъ, собравъ свѣдѣнія отъ жителей бухты Хаджи, что южнѣе ихъ, на 12 дней пути въ лодкѣ, впадаетъ въ море большая рѣка *Самалла*, при устьѣ которой есть закрытая бухта, а далѣе къ югу другой заливъ, что по берегамъ этой рѣки растетъ дубовый лѣсъ, и что вершины ея близко подходятъ къ рѣкѣ *Усури*, — возвратился обратно въ заливъ де-Кастри.

Изъ разказовъ жителей залива Императора Николая I онъ узналъ также, что жители береговъ Амура прѣзжаютъ къ нимъ зимою по р. Тумчинъ (Тумжи), впадающей въ море нѣсколько сѣвернѣе этого залива.

12-го іюля того же 1853 года прибылъ изъ Аяна въ Петровское транспортъ «Байкаль» и передалъ капитану Невельскому, при предписаніи генералъ-губернатора, высочайшее повелѣніе занять островъ Сахалинъ, заливъ де-Кастри и селеніе Кызи. Занятіе острова Сахалина было предложено министромъ иностранныхъ дѣлъ, чрезъ посредство Россійско-Американской компаніи, которой на этотъ предметъ было выдано 50,000 руб., за что она обязалась содержать тамъ безсрочно не менѣе 100 человекъ. По этому поводу капитанъ Невельской на томъ же транспортѣ «Байкаль» отправился къ острову Сахалину, для обзора его береговъ и выбора на нихъ удобнаго для занятія пункта, прошелъ съ сѣвера вдоль восточнаго берега Сахалина и, обогнувъ южную его оконечность, чрезъ проливъ Лаперуза, на обратномъ пути къ сѣверу подошелъ къ самой узкой части, именно къ устьѣ р. Кусунай. Находя этотъ пунктъ удобнымъ для наблюденія за дѣйствіями ожидаемой американской эскадры, капитанъ Невельской 21 іюля поставилъ здѣсь постъ *Ильинскій* и оставилъ въ немъ 6 человекъ съ гилляцкой лодкой. Отправившись отсюда въ Императорскую гавань и находя, что она представляетъ весьма важный пунктъ въ Татар-

Отд. I. 9

скомъ проливѣ, капитанъ Невельской счелъ необходимымъ немедленно занять этотъ заливъ. Такимъ образомъ, 1-го августа 1853 года, въ самой большой изъ внутреннихъ гаваней, именно Константиновскій, онъ поднялъ военный флагъ и поставилъ постъ, названный имъ въ честь генераль-адмирала *Константиновскимъ*. Слѣдуя далѣе къ сѣверу, капитанъ Невельской зашелъ въ заливъ де-Кастри и на берегу его, 5-го августа, поднялъ флагъ и поставилъ постъ, названный имъ *Александровскимъ*. Перейдя послѣ того на озеро Кызи, онъ 7-го августа у деревни *Котовъ*, при выходѣ изъ озера, поднялъ флагъ и поставленный здѣсь постъ назвалъ *Маринскимъ*. Такимъ образомъ, построенный капитаномъ Невельскимъ въ Гельсингфорсѣ и приведенный въ 1849 году изъ Кронштадта, транспортъ «Байкалъ» положилъ въ 1853 году первое начало плаванію русскихъ судовъ по Татарскому проливу.

На обратномъ пути изъ залива де-Кастри транспортъ «Байкалъ», подойдя къ Ильинскому посту, высадилъ здѣсь подпоручика Орлова съ 8-ю человѣками, и чрезъ проливъ Лаперуза, прибылъ кругомъ острова Сахалина въ Петровское. Прибывшій сюда изъ залива де-Кастри, чрезъ Кызи, капитанъ Невельской, получивъ отъ генераль-губернатора увѣдомленіе, что весною слѣдующаго 1854 года придутъ въ составъ Амурской экспедиціи еще 250 человѣкъ, счелъ нужнымъ озаботиться заготовленіемъ для нихъ продовольствія, а потому предписалъ транспорту «Байкалъ» идти въ Аянъ, а оттуда въ Петропавловскій портъ, тамъ зимовать и раннею весною, нагрузившись провіантомъ, прибыть въ заливъ де-Кастри. Такимъ образомъ транспортъ «Байкалъ», прибывъ въ Аянъ, взялъ тамъ грузъ, заготовленный для Камчатки, и отправился на зимовку въ Петропавловскій портъ. Транспортъ «Иртышъ», взявъ въ Аянѣ грузъ для Сахалинской экспедиціи, направился, согласно предписанію капитана Невельскаго, въ заливъ Аниву, на островъ Сахалинѣ.

Между-тѣмъ, состоящій для особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ, маіоръ Буссе, прибывъ на кораблѣ Россійско-Американской компаніи «Николай» изъ Аяна въ Петро-

павловскъ, взялъ тамъ команду, назначавшуюся въ Сахалинъ, и на томъ же суднѣ прибылъ въ Петровское 26-го августа. Здѣсь капитанъ Невельской, найдя, что взятое маіоромъ Буссе въ Петропавловскомъ портѣ продовольствіе для сахалинской команды весьма недостаточно, отправился вмѣстѣ съ нимъ на кораблѣ «Николай», сначала въ Аянъ для пополненія запасовъ, а послѣ того къ южной оконечности острова Сахалина, въ заливъ Аниву. Здѣсь, у селенія *Томара-Анива*, были свезены 80 человекъ сахалинской команды, продовольствіе и другіе предметы. Маіоръ Буссе и лейтенантъ Рудановскій, оставшіеся здѣсь съ своею командою на зимовку, построили близъ этого селенія деревянный острожекъ съ башнями, названный *Муравьевскимъ* постомъ. По позднему времени года корабль «Николай» нашелся вынужденнымъ зайти въ Императорскую гавань и тамъ зимовать въ Константиновской бухтѣ.

Оставленный въ Ильинскомъ посту, подпоручикъ Орловъ по инструкціи капитана Невельскаго долженъ былъ отсюда идти въ лодкѣ вдоль западнаго сахалинскаго берега на югъ къ мысу Крильонъ, въ проливѣ Лаперуза, и здѣсь ожидать нашего судна, которое должно было идти изъ Анивы и здѣсь его взять. Но подпоручикъ Орловъ, проведя въ Ильинскомъ посту около мѣсяца, занимаясь изслѣдованіями окрестной мѣстности и жителей, рассчиталъ, что по позднему времени онъ не можетъ застать нашего судна у мыса Крильонъ, и свѣдавъ кромѣ того отъ жителей объ иностранномъ суднѣ, крейсирующемъ около южныхъ береговъ Сахалина, перешелъ черезъ узкую часть этого острова—отъ устья Кусуная на восточный берегъ, купилъ тамъ у жителей лодку и въ ней направился въ заливъ Аниву. Не доходя мыса Анива, онъ изъ залива Мордвинова перетащилъ свою лодку черезъ материкъ въ заливъ Буссе, и самъ съ частію команды пѣшкомъ пришелъ въ Муравьевскій постъ 30 сентября. — 1 октября сюда пришелъ транспортъ «Иртышъ» слѣдовавшій изъ Аяна въ Камчатку, принялъ къ себѣ подпоручика Орлова и выйдя изъ Анивы за позднимъ осеннимъ временемъ и сильными противными вѣтрами, не могъ попасть въ Петропавловскій портъ,—почему и спустился на зимовку въ Императорскую гавань.

Отсюда подпоручикъ Орловъ на собакахъ отправился зимою по рѣкамъ: Тумджинъ, Хаянь и Яй (Ай) на озера Кызи и прибылъ благополучно въ Маринскій постъ.

Таковы были первые дѣйствія первыхъ сподвижниковъ Амурской экспедиціи, положившія прочное начало русскому влиянію въ низовья Амура и сопредѣльныхъ ему берегахъ Татарскаго пролива. Горсть людей, выброшенная въ 1850 году въ дикую пустыню на Петровской кошкѣ вмѣсто предназначеннаго ей основанія простаго зимовья для расторжки съ Гиляками, успѣла, не смотря на всевозможныя лишенія и нужды, въ теченіи двухъ лѣтъ обследовать пустынную мѣстность низовья Амура, утвердиться на главныхъ пунктахъ, распространить русское влияніе на все окрестное народонаселеніе. Твердость духа и отчаянная рѣшимость начальника экспедиціи повели къ тому, что по истеченіи только двухъ лѣтъ Русскіе стали твердою ногою въ устья Амура на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь красуется Николаевскъ, открыли, что рѣка въ 300 верстахъ выше устья весьма близко подходитъ къ единственному близъ лимана заливу де-Кастри, почему и заняли селеніе Кызи, и составляющій какъ бы второе устье Амура заливъ де-Кастри, сдѣлавшійся въ настоящее время непремѣнною станціею для судовъ идущихъ съ юга въ устье Амура. Вмѣстѣ съ этимъ открыты были мѣсторожденія каменнаго угля на Сахалинѣ и одна изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ — заливъ Императора Николая I. Собраны были положительныя данныя о независимости жителей материка берега и острова Сахалина, доставлены свѣдѣнія о р. Усури и ея важности въ отношеніи близкаго сосѣдства ея съ незамерзающими портами Маньчжурскаго берега, и получены были основательныя доказательства того, что край, отъ меридіана верховьевъ рѣки Уды къ востоку до моря, составляетъ неотъемлемую принадлежность Россіи. Вотъ, что сдѣлала въ Приамурскомъ краѣ ничтожный экипажъ транспорта «Байкаль» въ 1849 году и горсть людей, брошенная въ 1850 году, на дикое побережье среди непроходимыхъ пустынь за 10,000 верстъ отъ образованнаго міра. Претерпѣвая невыразимыя лишенія, зимою холодъ, часто и голодъ, отъ неприсылки судовъ изъ Камчатки, подвергаясь опасности быть потоплен-

ными наводненіемъ *), эти добровольные изгнанники изъ образованнаго круга, не унывали среди окружавшихъ ихъ опасностей, не падали духомъ подъ бременемъ выпавшихъ на ихъ долю тяжкихъ трудовъ и испытаній, но во всѣхъ случаяхъ бодро шли впередъ, подкрѣпляемые упованіемъ на волю и милосердіе Всевышняго и сознаніемъ высокихъ, общественныхъ цѣлей, предназначенныхъ имъ осуществить на пользу отечества. Руководимая своимъ достойнымъ начальникомъ, дѣйствующимъ часто внѣ повелѣній подъ ежеминутнымъ опасеніемъ, при малѣйшей неудачѣ, подвернуться строгой отвѣтственности, эта горсть людей, не страпаясь ни голодной смерти, ни ножа дикаря, скромно въ безмолвной тишинѣ пустынь собирала камни, изъ которыхъ начальникъ ея создавалъ твердый фундаментъ для событій, совершившихся въ послѣдствіи на отдаленномъ востокѣ нашего отечества.

Съ-тѣхъ-поръ прошло уже 8 лѣтъ, но еще до-сихъ-поръ всѣ эти подвиги самоотверженія и самопожертвованія остаются неизвѣстными, равно какъ и имена первыхъ русскихъ сподвижниковъ на Амурѣ. Еслибы подобныя дѣйствія были совершены гдѣ-либо иностранцами, то мы давно бы затвердили имена ихъ наизусть, боясь показаться варварами предъ образованной Европой. Тогда весь міръ удивлялся бы имъ и провозглашалъ бы подвиги ихъ, подобно подвигамъ Росса, Парри, Франклина и др. — Но мы до-сихъ-поръ не знаемъ тѣхъ русскихъ именъ, которымъ отечество обязано водвореніемъ русскаго вліянія на пустынныхъ и негостепримныхъ прибрежьяхъ Амура и Восточнаго океана. Перечислимъ же здѣсь съ признательностію эти историческія имена, по времени ихъ поступленія въ составъ Амурской экспедиціи:

---

*) Низменная песчаная кошка, на которой стояло Петровское зимовье, неоднократно подвергалась наводненіямъ. Разъ зимою вода подступила почти подъ самыя строения, и затопила единственный колодезь съ пресною водою, такъ, что нѣсколько дней всѣ живущіе въ Петровскомъ пользовались сѣгомъ для варенія пищи, для питья и даже для чая. Послѣ оставленія Петровскаго зимовья и по переселеніи всѣхъ его жителей въ Николаевскій постъ, зимою вода поднялась до такой высоты, что затопила всю к ошку вышла въ пустые дома и замерзла тамъ толстымъ слоемъ поверхъ полова. Конечно, подобное наводненіе могло бы случиться и во время жительства въ Петровскомъ зимовьѣ чиновъ и семействъ Амурской экспедиціи.

Въ 1850 и 1851 годахъ. Капитанъ 1 ранга Невельской, начальникъ экспедиціи, подпоручикъ Орловъ *), лейтенантъ Бошнякъ, мичманъ Чихачевъ, докторъ Орловъ, подпоручикъ Воронинъ, подпоручикъ Семеновъ, прикащикъ Р. А. ком. Березинъ. Нижнихъ чиновъ 50 человекъ.

Въ 1852 году: кромѣ Семенова и Чихачева всѣ остальные и кромѣ того: мичманъ Петровъ, мичманъ Разградскій, прикащикъ Р. А. комп. Бауровъ. Нижнихъ чиновъ 65 человекъ.

Въ 1853 году: кромѣ помянутыхъ: священникъ Гавриилъ, капитанъ-лейтенантъ Бачмановъ, лейтенантъ Рудановскій. Нижнихъ чиновъ 75 человекъ.

При этомъ перечисленіи нельзя не вспомнить и не отдать должной справедливости тѣмъ женщинамъ, которыя добровольно и бодро раздѣляли труды несвойственныя своему полу, воспитанному совершенно не такъ, какъ пришлось имъ здѣсь жить. Имена г-жи Невельской и г-жи Орловой по всей справедливости должны занять почетное мѣсто въ исторіи Амурской экспедиціи. Поэтому здѣсь пристойнѣе всего будетъ привести слова одного изъ первыхъ участниковъ этой экспедиціи г. Бошняка, о первыхъ на Амурѣ русскихъ дамахъ, г-жахъ Орловой и Невельской **).

«Послѣ роскошныхъ залъ и гостиныхъ, недавней воспитанницѣ Смольнаго монастыря (г-жѣ Невельской), со средствами и возможностью жить иначе, пришлось пріютиться «въ 3-хъ-комнатномъ флигелѣ, раздѣливши его съ семействомъ г. Орлова. Толпы грязныхъ Гиляковъ, Тунгусовъ, «и рядъ встрѣченныхъ непріятностей, — не утрашила ее. «Мы откровенно сознаемся, что многимъ обязаны ея внимательной любезности ко всѣмъ и прямо скажемъ, что ея «примѣръ благотѣльно дѣйствовалъ на тѣхъ,—можно ска-

*) Дмитрій Ивановичъ Орловъ, продолжающій до настоящаго времени свою службу въ Приамурскомъ краѣ, былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ капитана Невельскаго. Изъ числа совершенныхъ имъ подвиговъ, сопряженныхъ съ невообразимыми трудами и лишениями, достаточно упомянуть о томъ, что онъ прошелъ моремъ на шлюпкѣ и байдарѣ отъ 59-го до 47-го градуса сѣв. широты, т. е. 12 градусомъ по меридіану, или болѣе 1200 верстъ между Охотскомъ и южной частью острова Сахалина.

**) Экспедиціи въ Приамурскомъ краѣ. М. Сб., т. XXXIX.

«затѣ несчастливца, — изъ женъ нижнихъ чиновъ, которыхъ судьба забросала вмѣстѣ съ своими мужьями на горькую долю. Часто находясь въ обществѣ г-жи Невельской, мы никогда не слышали отъ нея ни одной жалобы или упрека «напротивъ, мы всегда замѣчали въ ней спокойное и гордое «сознаніе того горькаго, но высокаго положенія, которое «предназначило ей Провидѣніе. Занятія по устройству новаго «хозяйства и книги прогоняли отъ нея скуку. Во всемъ обнаруживалась твердость ея характера, привычка къ занятіямъ, «и способность обходиться безъ баловъ и вечеровъ, — способность, столь рѣдко встрѣчаемая въ наше время!

«Наконецъ поспѣлъ и губернаторскій домъ, — 5 саж. «длины и 3 саж. ширины, въ 5 конурокъ; наступила зима и «съ нею вмѣстѣ и тѣ страшныя вьюги, въ продолженіи которыхъ погубило нѣсколько человѣкъ. Вездѣ холодъ страшный, все замело глыбами снѣга, такъ что для прохода «вынуждены были разгрѣбать снѣжные корридоры, а въ казармахъ иногда выходъ былъ черезъ чердакъ.

«И г-жа Невельская проводила зиму одна (всѣ мы были въ командировкахъ), въ комнатахъ съ 5 градусами тепла, «и дрожа отъ холода продолжала оставаться съ тою же стоическою твердостью убѣжденій. Наконецъ наступилъ 1852 «годъ. Неприсялка изъ Камчатки судовъ ставило насъ въ «положеніе болѣе чѣмъ отчаянное. Для грудныхъ дѣтей не «было молока, больнымъ не было свѣжей пищи, и нѣсколько «человѣкъ легло въ могилу отъ цынги *).

«И тутъ этотъ чудный женскій инстинктъ нашелся, чтобы «подать руку помощи страданіямъ низшихъ и слабыхъ. Единственная корова изъ хозяйства г. Невельскаго, завезенная «въ 1851 году, снабжала молокомъ несчастныхъ дѣтей, а солонина явилась за столомъ начальника экспедиціи. Все, что «было свѣжаго, дѣлилось пропорціонально частями, и опять «ни одной жалобы, ни одного упрека. Въ такихъ дѣйствіяхъ,

*) Этотъ ударъ не миновалъ и семейства самого г. Невельскаго. Страданія г-жи Невельской, происшедшія въ слѣдствіе претерпѣваемыхъ ею лишеній, имѣли пагубное вліяніе на здоровье ея малолѣтней дочери, и до-сихъ-поръ на Петровской кошкѣ замѣтна могла младенца, отлѣгшаго, какъ жертва искушенія, въ лучшій міръ.

«по моему мнѣнію, заключаются главные заслуги Амурской «экспедиціи; они поддерживали духъ покорности и терпѣнія, «безъ чего она должна была рушиться. Спросимъ теперь, по- «слѣ этого очерка, многіе ли бы мужчины согласились на «подобную жизнь? Конечно немногіе. А это женщина 19 лѣтъ. «Скажутъ, можетъ быть, что много было такихъ примѣровъ. «Да, но всё-таки въ мѣстахъ болѣе многочисленныхъ и гдѣ не «было такихъ лишеній, которыя предстояли для женщины въ «Амурскомъ краѣ. Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ г-жа Не- «вельская вышла побѣдительницею, не смотря на то, что ко- «нечно нажила многихъ враговъ, — какъ это обыкновенно «бываетъ въ нашихъ заголустьяхъ и закоулкахъ».

Д. Романовъ.

ГЕДЕОНЪ.

(Изъ книги Судей Израилевыхъ.)

I.

Семь лѣтъ подъ гнетомъ Мадіана
Израиль въ рабствѣ изывалъ:
Въ стѣнахъ поруганнаго краиа
Замокъ отверженный кимвалъ —
И скрылся въ дебри горъ Ливана
Народъ безъ судій, безъ главы —
И падалъ ницъ предъ истукана,
Поправъ завѣтъ Іеговы.

Бывало, нивы-ли дозрѣютъ —
Какъ туча жадной саранчи,
Враги съ-налету ихъ усѣютъ —
И только по полю бѣгутъ,
Какъ крылья птицъ, ихъ эагачи.
Но вотъ, мигнулъ огонь зарницы —
Притупленъ серпъ, въ зубахъ мечи —
И гнутся ѣмкія конницы
Подъ гнетомъ прѣса и пшееницы —
А къ утру дань принесъ Еврей:
Вино, фиіташки и елеи —
И сборъ поклнченъ.... и до срока
Уходитъ медленно къ востоку,
Въ лилово-розовый туманъ,
Ихъ безконечный караванъ....

II.

Все — смерть.... безлюдье.... Какъ руина,
 Спала въ обломкахъ Палестина;
 А зной удушливый мертвилъ
 Всю землю.... Сохъ по русламъ илъ;
 И лишь змѣя, шипя отъ злости,
 Скользила межъ кремнистыхъ грудъ,
 Да чахъ неугнанный верблюды,
 А по степи бѣгли кости
 И черепъ сорванный голодалъ
 Голодный пёсъ или шакалъ....
 И только ночью тихолунной,
 Одинъ непризнанный пророкъ,
 Съ укоромъ глядя на Востокъ,
 Бряцалъ на лирѣ семиструнной;
 Да звукамъ тѣмъ, порой, въ отвѣтъ,
 Сквозь плещъ разрушеннаго зданья,
 Какъ откликъ скорби тяжкихъ лѣтъ,
 Дрожало робкое рыданье....

III.

Но чаша выпита до дна....
 Воскресъ угасшій духъ народа —
 И вновь, какъ Божія весна,
 Нисходитъ къ страждущимъ свобода.
 Разбить дряхлѣющій кумиръ —
 И въ покаянномъ хорѣ снова,
 Въ волнахъ лаванны, въ стонѣ лиръ,
 Псаломъ внимаешь Іегова.
 Народъ съ молитвой и постомъ
 Скорбитъ и ждетъ —

Во время оно

Отиѣтилъ Богъ своимъ перстомъ
 На бой свободы — Гедедна.

IV.

Въ зловѣщихъ тучахъ Гагаадъ
 На даль наброшена завѣса —

И мутно катитъ изъ-за гѣса
 Волну свинцовую Арадъ.
 А триста воиновъ въ засадѣ,
 Въ глуши пещеръ, на Галаадѣ,
 Сурово ждутъ, пока съ вершинъ
 Слетаетъ мгла во глубь долинъ.

Сливается ночь и долгъ, и кручи
 Въ одну безжизненную тѣнь —
 И въ горы прячется олень,
 Почуявъ гнѣтъ нависшей тучи.

А за вершиной Аморé,
 И подъ горой, и на горѣ,
 И вдоль полей — нахмурясь дико,
 Заснули стражи Амалика,
 А тамъ, за ними, по холмамъ
 Шатры раскинулъ Мадіамъ;
 И звякъ, и молвь, и конскій топотъ
 Слились въ одинъ невнятный ропотъ. —
 Но сонъ слетаетъ на шатры —
 И гаснутъ яркіе костры.

V.

Раздался громъ глухимъ ударомъ....
 Звукъ мѣдныхъ трубъ разсѣкъ поля —
 Вздогнула сонная земля
 И озарилася пожаромъ....
 Грозой пронесся мощный крикъ:
 «Мечъ Богу Силъ и Гедену!» —
 И всталъ средь ужасу и стону
 И Мадіамъ, и Амаликъ....
 Смятенье.... шумъ.... Несутся кѣни....
 Визжатъ мечи, тупясь о брѣни....
 Туманитъ скорбь врагамъ глаза —
 И ошалѣлый въ ночь отъ страха,
 Братъ брата бьетъ мечемъ съ размаху....
 Еще ударъ.... еще гроза —
 И дрѣгнулъ врагъ, и до разсвѣта
 Бѣжалъ къ пустынямъ Виносѣтта....

А утромъ, солнце лишь взошло —
 Багрянымъ свѣтомъ облило:
 Запасовъ брѣшныя груды:
 Оружье, ткани да сосуды,
 И подъ конемъ произенный трупъ,
 Межъ киннамодами степными,
 И рядъ застывшихъ, мертвыхъ группъ,
 И стаю коршуновъ надъ ними...

VI.

Ликуетъ радостно народъ,
 Съ возвратомъ древняго закона,
 И громко славить Гедеона,
 И ужъ царемъ своимъ зоветъ,
 И въ даръ несетъ кошицы дѣни —
 Но вождь, отбросивъ гордый мечъ,
 Простеръ къ народу въ страхъ длани —
 Народъ замолкъ — и льется рѣчь:

«О, нѣтъ!... Да узрять-же потѣмкѣ
 Родной страны одни обломки,
 Когда возсядетъ хоть одинъ
 Надъ нами дерзкій властелинъ!...
 Не ты ль, народъ, изъ рода-въ-роды
 Предъ Богомъ былъ — Народъ Свободы?...
 Изъ вѣка-въ-вѣкъ — среди тревогъ,
 И въ мирный день, и предъ врагами —
 Надъ нами царь — единый Богъ —
 И Богъ да царствуетъ надъ нами!»...

Исавладъ Крестовскій.

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕРМАНСКІЯ ТЕНЕТЫ.

Статья первая.

Общая характеристика писателей этого направленія. — Фихте (младшій). — Вейссе. — Брониссъ. — К. Ф. Фишеръ. — Католическіе философы: Трокслертъ, Зенглеръ, Штауденмайеръ. — Гермесъ и Гюнтеръ. — Дробишъ. — Лопе. — Дроссбахъ. — Фюллеборнъ. — Ромбергъ. — Цейзингъ.

«Есть же вѣра, уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ» сказано въ посланіи къ Евреямъ 11,1 и когда разумъ человѣка хотѣлъ замѣнить эту вѣру, когда онъ хотѣлъ своими средствами и своими путями придти къ «обличенію невидимаго» онъ всегда падалъ въ безсиліи, потому что всѣ его орудія, все его могущество, существуетъ лишь для предметовъ, подлежащихъ его изслѣдованію, *видимыхъ* для внѣшнихъ чувствъ или для сознанія. Поэтому наука, основанная на фактахъ, росла вѣчно, накапливая факты и группируя ихъ въ болѣе или менѣе стройное цѣлое, а метафизическія системы смѣнялись, оставляя слѣды не въ наукѣ, а въ жизни, завѣщая человѣчеству не новыя истины, но только новое возбуждательное начало къ научной, эстетической и общественной дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія эти системы составляли великія явленія въ исторіи развитія человѣчества, и тотъ, кто пренебрегаетъ философскими созданіями исторіи, тотъ, кто считаетъ бесполезною тратою общественныхъ силъ

метафизическія разысканія, — тотъ не понялъ исторіи чело-
вѣчества. Результатъ челоѳческаго развитія есть научная
истина, художественное произведеніе, личная доблесть, граж-
данское устройство, но безъ философскихъ созерцаній (по-
жалуй, грѣзь) не было бы ни науки, ни искусства, ни доблести,
ни закона. Все это есть историческое осуществленіе въ практи-
кѣ стремленій, которыхъ цѣль лежала далеко за возможностью
осуществленія. Эта вѣчно недостижимая призрачная цѣль была
истиннымъ двигателемъ исторіи, истинною сущностью фак-
товъ развитія челоѳчества.

Тѣмъ не менѣе, когда въ каждую отдѣльную эпоху раз-
смотримъ результатъ метафизическихъ изслѣдованій, внѣ его
движущаго, развивающаго значенія, когда этотъ результатъ
подчинимъ критериуму науки, то онъ покажется жалокъ и ни-
чтоженъ; самое стремленіе рѣшать размышленіемъ вопросы
недоступныя ни внѣшнимъ чувствомъ, ни сознанію получаетъ
болѣзненный характеръ, и сердце сжимается, читая фантасти-
ческія созданія уважаемаго ученаго, какъ оно сжимается у по-
стели больнаго, вамъ милаго, когда вы замѣчаете, что его
слова навѣяны ему горячечнымъ бредомъ. «Какъ это почтен-
ный профессоръ не замѣчаетъ», думаетъ читатель, «что объ
этихъ вопросахъ нельзя разсуждать, что они недоступны раз-
сужденію? Объ нихъ можно сказать только: я *впрую* тому-
то и *тому-то*.»

И между-тѣмъ эти вопросы влекутъ къ себѣ неотразимо
умы, часто самыя свѣтлыя, и страницы, главы, цѣлыя томы
сочиненій относимыхъ къ ученой литературѣ, наполняются
изслѣдованіями о предметахъ, которые по сущности своей
внѣ науки, потому что составляютъ неотъемлемую собствен-
ность религіи.

Одинъ изъ подобныхъ вопросовъ, недоступныхъ наукѣ и
рѣшаемыхъ только съ помощью вѣры, составляетъ вопросъ
о сущности, существованіи и свойствахъ Бога. Большой час-
ти философвъ, даже каждому мыслящему челоѳку, это ве-
ликое слово являлось съ неотразимою силою, требуя объяс-
ненія. Немногіе способны были отвернуться отъ него, огра-
ничиваясь лишь областью челоѳческаго разума. Большая

часть рѣшала вопросъ такъ или иначе, положительно или отрицательно. Всѣ рѣшали его не иначе, какъ на основаніи вѣры; но одни сознательно вѣрили преданію, откровенію, слову церкви; другіе воображали, что рѣшаютъ вопросъ путемъ науки, орудіемъ размышленія, но бессознательно вѣрили въ созданія собственной фантазіи, или въ преданіе дѣтства, которое возникало невольно предъ ихъ воображеніемъ, какъ-будто оно было результатомъ ихъ собственнаго, назависимаго мышленія. Къ сожалѣнію должно сказать, что въ этомъ случаѣ сознательная дѣятельность вѣры принадлежала массѣ, на которую съ презрѣніемъ смотрѣли князья науки: а бессознательное, болѣзненное состояніе духа оказывалось именно въ корифеяхъ знанія. Она называли себя разумно-вѣрующими, деистами, тенстами, пантеистами, атеистами, старались придать своимъ вѣрованіямъ научную форму и художественную стройность, смѣялись надъ противурѣчивыми, неосновательными (по ихъ мнѣнію) вѣрованіями массы, но весьма часто ихъ построенія не превосходили народныя вѣрованія ни въ стройности, ни въ правдоподобіи, а скорѣе уступали послѣднимъ. Что касается до живости, до общедоступности подобныхъ построеній, то въ большей части случаевъ они могли жить только въ ученыхъ кабинетахъ, въ которыхъ родились. Отвлеченности и хитросплетенія логическихъ догматовъ отзывались придуманнымъ, дѣланымъ, а массѣ нужна жизнь и простота. Исторія выработала для массы представленія, которыя жили въ обществѣ, независимо отъ книжныхъ спекулятивовъ. Объясненія и толкованія, имена и эпитеты, мѣнялись въ официальныхъ фольянтахъ, на кафедрахъ профессоровъ и проповѣдниковъ, на фронтонахъ храмовъ, въ мнѣніи меньшинства, но въ массѣ жили тѣ же желанія и воплощались въ тѣ же представленія подъ новыми словами и формами.

Конечно, въ нѣкоторыхъ ученіяхъ было болѣе стройности и простоты, менѣе дико-фантастическихъ созданій, въ другихъ болѣе, но можно замѣтить, что въ этомъ отношеніи ученіе имѣло тѣмъ менѣе недостатковъ, чѣмъ менѣе оно рѣшалось изслѣдовать подробности вопроса, недоступнаго человѣческому пониманію, чѣмъ болѣе держалось въ области на-

блюдаемыхъ явленій и ограничивалось изслѣдованіемъ чело-
вѣка. Это составляло силу и привлекательность вѣхъ отри-
цательныхъ системъ, потому что отрицаніе, хотя бездоказа-
тельное, проще утвержденія, требующаго дальнѣйшаго раз-
витія. Немудрено поэтому, что ученіе Демокрита, Диагора, Гоб-
беса, Гольбаха, Фогта, Фейербаха имѣло значительный кругъ
дѣйствія и нельзя согласиться съ авторомъ философскаго лек-
сикона ¹⁾, что «только пустотѣ и легкомыслію свойственно увле-
каться лжеученіемъ атеизма.»— Эта же человѣческая сто-
рона ученія, хотя въ меньшей мѣрѣ, составляла изящество
Гегелизма, принимавшаго, что безусловное лишь въ человѣкѣ
дѣлается сознательнымъ и сознаеть себя какъ безусловнаго
духа въ человѣческомъ духѣ.— Но чѣмъ тщательнѣ мета-
физическая теорія хочетъ отдѣлиться отъ всего человѣче-
скаго, чѣмъ подробнѣе она очерчиваетъ свое созданіе, чѣмъ
убѣдительнѣе она призываетъ на помощь силлогизмъ и ана-
логію, нравственное чувство и свидѣтельство исторіи, тѣмъ
страннѣе выходило ее созданіе, тѣмъ яснѣе на него ло-
жится печать болѣзненнаго настроенія духа, тѣмъ ближе оно
подходить къ видѣніямъ Сведенборга, Якова Бэма и ихъ
единовѣрцевъ.

Подобное явленіе представляетъ школа современныхъ гер-
манскихъ теистовъ. Многіе изъ нихъ обладаютъ глубокою
ученостью; большею частью это люди, въ чистотѣ побужде-
ній которыхъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго права сомнѣ-
ваться; нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны по своему лич-
ному характеру, какъ по своей ученой и общественной дѣ-
ятельности. Ихъ стремленія прекрасны, ихъ книги красно-
рѣчивы и заключаютъ множество полезныхъ и прекрасныхъ
фактовъ, и между-тѣмъ невольно сочиненія большей части
изъ нихъ получаютъ какой-то странный, схоластическій не-
современный характеръ, имѣютъ весьма мало значенія внѣ
тѣснаго кружка специалистовъ, потому что большая часть
изъ нихъ смѣло берется за рѣшеніе основныхъ вопросовъ
теологіи путемъ разума, когда рѣшеніе этихъ вопросовъ по
самой сущности требуетъ только вѣры. Оттого въ обще-

1) Томъ I, стр. 220. Кіевъ 1857.

ществѣ преобладаютъ ихъ соперники: съ одной стороны супранатуралисты, смѣло опирающіе свое сѣдо на свидѣтельство, съ другой стороны матеріалисты, доводящіе свою метафизику до самой малой величины. Конечно, и въ этой школѣ существуетъ постепенность, оттѣнки. Одни смѣло бросаются въ область метафизическихъ построений «невидимаго», другіе держутся возможно ближе науки. Сочиненія Фихте-младшаго и Буззена имѣютъ совершенно различное значеніе для науки, но всё они имѣютъ нѣчто общее: это мечту соединенія въ одно науки и большей или меньшей части религіознаго преданія. Супранатуралисты стоятъ исключительно на точкѣ зрѣнія послѣдняго, матеріалисты отреклись отъ него совсѣмъ; теисты употребляютъ всё усилія, чтобы сплавить эти два начала. Въ послѣдующемъ мы по возможности воздержимся отъ критики и большею частью ограничимся изложеніемъ ученія различныхъ представителей этой школы; изложеніе будетъ болѣе или менѣе подробно, смотря потому, придаемъ-ли мы сочиненію большее или меньшее значеніе въ развитіи разсматриваемаго вопроса. Читатель самъ увидитъ, на сколько мы правы, говоря, что для большей части изъ этихъ авторовъ системы ими созданныя не превосходятъ стройностью и уступаютъ въ жизненности вѣрованію массы, которая очень хорошо сознаетъ, что не мыслить а вѣруеть.

Начало школъ, о которыхъ мы будемъ говорить, восходитъ къ тридцатымъ годамъ, когда въ Германіи господствовала проповѣдь безусловнаго разума, когда Гегелизмъ царилъ надъ раздробленными остатками другихъ школъ, возвѣщая, что безусловное существо сознаетъ себя, воплощаясь въ человѣческомъ разумѣ. Гегель, Гэшель, Моргейнеке полагали, что они достигли примиренія науки и вѣры; лютеранскіе догматы вытекали изъ логическихъ категорій какъ необходимыя слѣдствія; старанія схоластиковъ, Лейбница—казались выполненными въ новомъ ученіи. Но для вѣрующихъ была дерзка подобная игра догматами и они не узнавали своей святыни послѣ того, какъ она прошла чрезъ горнило діалектики; приобрѣтая разумность, она теряла свою мистическую, успокоивающую привлекательность для массы. Строгіе теологи видѣли пантеизъ и атеизмъ въ ученіи, которое

доказывало дѣйствительность существованія Бога, выходя изъ начала, что единственная дѣйствительность есть дѣйствительность идеи, понятія. Въ самыхъ рядахъ учениковъ господствующей школы явились отступники, которые не могли довольствоваться метафизическимъ верховнымъ существомъ дѣйствительнымъ лишь въ идеѣ, сознательнымъ только въ человеческомъ разумѣ, и захотѣли удержать внѣ-мироваго владыку міра, но надѣялись построить его изъ началъ мышленія какъ Гегельянцы строили свое мистическое безусловное. Замѣчательнѣйшими двигателями въ этомъ отношеніи были Фихте (младшій) и Вейссе. Еще съ 1829 г., при жизни Гегеля, они выступили противниками знаменитаго философа, первый въ своихъ «статяхъ для характеристики новой философіи»¹⁾; второй въ сочиненіи «о современной точкѣ зрѣнія философской науки особенно въ отношеніи къ системѣ Гегеля». Первому отвѣчалъ Мишлэ²⁾; второму собирался отвѣчать самъ Гегель, но отложилъ или не успѣлъ до своей смерти (1831)

---

1) Beiträge zur Charakteristik der neuern Philosophie. — Эмануилъ Германнъ Фихте род. въ 1797 г. Въ 1820—1821 г. онъ былъ приватъ-доцентомъ въ Берлинѣ и придерживался кантіонизма. До 1836 г. преподавалъ въ училищахъ Саарбрюкенскомъ и Дюссельдорфскомъ. Въ 1837 г. началъ издавать журналъ, о которомъ сказано въ текстѣ и который дошелъ теперь до 34-го тома. Это изданіе называлось прежде «Журналомъ для философіи и умозрительнаго богословія». Въ 1839 г. Фихте былъ приглашенъ профессоромъ философіи въ Боннъ; въ 1842 году перешелъ въ Тюбингенъ. Изъ прочихъ сочиненій его замѣтимъ:

Sätze der Vorschule zur Theologie. 1826.

Religion und Philosophie in ihren gegenseitigen Verhältnissen. 1834.

Ueber die Bedingungen eines speculativen Theismus. 1835.

Ueber Gegensatz, Wendepunkt und Ziel heutiger Philosophie. I. Kritischer Theil. 1832. II. Grundzüge zum System der Philosophie: 1. Das Erkenntniß als Selbsterkenntniß. 1833. 2. Ontologie. 1836. Die speculative Theologie. 1846—1847.

System der Ethik. I. Die philosophischen Lehren von Recht, Staat und Sitte. 1850. II. 1. Die allgemeinen ethischen Begriffe. 1851. 2. Die Lehre von der rechtssittlichen und religiösen Gemeinschaft. 1853.

Die Religion und Kirche als wiederherstellende Macht der Gegenwart. Zeitschrift für Philosophie etc. 1852.

Antropologie. 1856.

Zur Seelenfrage. 1859.

2)В ъJahrbücher für wissenschaftliche Kritik. 1830. Mai.

и Розенкранцъ сдѣлалъ это уже позже ¹⁾. Ихъ называли псевдо-Гегельянцами, школа Гегеля видѣла въ нихъ безсильныхъ борцовъ: «Это полнѣйшее самоистязаніе умственного эгоизма, который хочетъ быть оригинальнымъ»,—говоритъ Розенкранцъ о Вейссе. «Они только давились пищею феноменологін, но не могли ее проглотить»,—говоритъ Мишле о всѣхъ участникахъ этого направленія ²⁾. Но между-тѣмъ, какъ внутри Гегелизма начинались раздоры въ слѣдствіе появленія сочиненій Штраусса, Бруно-Бауэра, Фейербаха, испуганные умы охотно примыкали къ примирительной успокоивающей школѣ. Съ 1837 г. Фихте началъ издавать свой «Журналъ для философіи и умозрительнаго богословія», выходящій нынѣ подъ заглавіемъ «Журналъ для философіи и философской критики.» Этотъ журналъ образовалъ центръ умѣренной школы философіи, которую ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать философскою системою, потому что связь ея заключалась не въ методѣ и не въ общемъ направленіи, не въ особенномъ способѣ понимать истину или передавать ее, а въ догматѣ умозрительнаго теизма. Всякій, принимавшій внѣ-міровое верховное существо, но не отвергавшій умозрительнаго построенія истины, принадлежалъ по праву къ новой школѣ, происходилъ-ли онъ по мысли отъ Гербарта какъ Дробишъ, отъ Шеллинга какъ Стеффенсъ, или отъ Гегеля какъ Вейссе. Девизъ школы заключается въ догматѣ, не имѣвшемъ значенія для чистой философіи. Вопросъ былъ не въ построеніи а въ примиреніи, въ удержаніи одного верховаго начала заимствованнаго изъ историческихъ вѣрованій, которое бы прикрывало собою свободныя формы умозрительныхъ теорій въ ихъ разнообразіи. Какъ іюльская монархія во Франціи стремилась примирить роялистовъ и республиканцевъ въ королѣ, царствующемъ но не управляющемъ, такъ теисты Германіи и Франціи стремились примирить свободу разума и уваженіе къ религіознымъ привычкамъ въ умозрительномъ теизмѣ. Первые не удовлетворили ни послѣдовательныхъ легитимистовъ съ Генрихомъ V и бѣлыми лиліями, ни послѣдова-

1) Тамъ же, 1836. Juni.

2) Geschichte der letzten Systeme der Philosophie. 2. Th. 1838. S. 631.

тельныхъ республиканцевъ съ требованіями свободы, равенства и братства; но большинство буржуазіи, поклонники порядка и спокойствія, охотно приняли короля-буржуа и трехцвѣтное знамя, не какъ принципъ (у нихъ не было принциповъ), но какъ символъ успокоенія и примиренія, при которомъ можно было не разрывать связи ни съ привычками двора ни съ формами свободы. Въ подобномъ же положеніи была школа Фихте между строгими консерваторами преданія и демагогами Гегелизма втораго періода, перешедшаго въ фейербахово поклоненіе челоуѣку ¹⁾. Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ партія свободной критики выступала смѣлѣе и смѣлѣе въ своихъ отрицаніяхъ, а новый матеріализмъ подавалъ ей руку; съ тѣмъ вмѣстѣ какъ партія строгихъ лютеранъ шла ближе къ католическому понятію о церкви, съ тѣмъ вмѣстѣ яснѣе выдѣлялась группа теистовъ-идеалистовъ, державшихся за умозрѣніе и за догматъ внѣ-міроваго верховнаго существа, какъ партіи умѣренныхъ либераловъ за конституціоннаго короля. Около Фихте и его журнала группировались болѣе или менѣе тѣсно Вейссе, Ульричи, Виртъ ²⁾, Карлъ Филиппъ Фишеръ, Каррьеръ, Апельтъ, Дробишъ, Гельферихъ, и многіе другіе. Съ одной стороны эта школа примыкаетъ къ послѣдователямъ Шеллингизма въ его послѣдней формѣ, съ другою къ католическимъ писателямъ-мыслителямъ, наконецъ къ личностямъ подобнымъ Бунзену, Мейеру, Ромеру, Цейсигу, которые ищутъ истины въ болѣе тѣсной связи съ современною наукою.

Фихте еще въ 1829 г. отвергъ для челоуѣческаго разума возможность познанія безусловной истины. Вѣчность, говоритъ онъ, недостижима во времени. Всѣ созерцаютъ истину въ видѣ искаженномъ личностью каждаго. Философія Гегеля не примирила высшихъ противоположностей, именно требованій настроенія духа (*Gemüth*) и выводовъ разума. Сред-

1) Французскіе эклектики, особенно молодое поколѣніе ихъ, чувствуютъ естественное сочувствіе къ школѣ Фихте. Таланде недавно еще его высказалъ въ *Révue des deux mondes* 15 oct. 1858, въ статьѣ: *La philosophie et l'histoire en Allemagne*.

2) Послѣдніе два писатели участвуютъ въ послѣдніе годы въ редакціи журнала.

ство для этого примиренія заключается только въ слѣдующемъ: тамъ, гдѣ нить умозрѣнія прервана, отвлеченное понятіе должно принять въ себя другое начало знанія, именно философія должна перейти въ жизнь и сдѣлаться самою живою опытною наукою ¹⁾. Въ Онтологіи (1833) Фихте пробовалъ употребить методъ Гегеля для построенія метафизической системы, служащей дополненіемъ «отрицательной діалектикѣ Гегеля», но для всей науки чистаго разума (à priori) онъ принялъ какъ существенное дополненіе положительное христіанское откровеніе. Цѣль основаннаго имъ въ 1837 г. журнала, какъ и всѣхъ его теологическихъ сочиненій, заключалась въ разработкѣ этой опытной философіи, съ помощью которой откровеніе должно было быть воспринято и подтверждено отдѣльнымъ лицомъ. Вся философія Фихте, по собственному его выраженію, заключается въ томъ, что духъ сознаетъ первоначально въ него вложенную истину ²⁾. Фихте полагалъ, что своимъ умозрительно-опытнымъ методомъ, совпадающимъ въ результатахъ съ божественнымъ откровеніемъ, онъ оставилъ за собою и своего великаго отца и Гегеля.

Фихте раздѣляетъ философію на метафизику, антропологию и практическую философію. *Метафизика* разсматриваетъ міръ, какъ послѣдовательный рядъ средствъ и цѣлей, которыя человѣкъ сознаетъ какъ внѣшнія для него (objectiv geworden) и которыя заключаются одною окончательною цѣлью. Въ системѣ существъ, находящихся во взаимныхъ отношеніяхъ, помощью этихъ отношеній поддерживается какъ связь цѣлаго міра, такъ каждое существо въ его отдѣльности, являющееся такимъ образомъ одновременно средствомъ и цѣлью. Но въ то же время всѣ посредствующія цѣли (Mittelzwecke) стремятся къ одной высшей цѣли, къ совершеннѣйшему существу, составляющему конечную цѣль всѣхъ прочихъ существъ;

1) Beiträge etc. S. 17—19, 371, 407, 413. — Jahrb. für wissenschaft. Kritik. Mai, 1830: S. 707—728.

2) Eine Selbstorientirung des Geistes über den ursprünglichen, in ihm niedergelegten Besitz der Wahrheit.

нимъ завершается все сущее ¹⁾. Для точки зрѣнія наблюдателя человѣка, высшее земное существо и цѣль всѣхъ низшихъ процессовъ природы есть человѣкъ, какъ человѣчество, и высшая цѣль земнаго бытія осуществляется въ исторіи. Человѣкъ данъ непосредственно, какъ порода, какъ животное; онъ развивается въ человѣчество. Онъ является истиннымъ человѣкомъ не въ отдѣльности отъ другихъ людей, но въ отношеніи своемъ къ другимъ людямъ, дополняя ихъ и дополняясь ими. Въ явленіи, человѣчество есть сумма единицъ, по сущности оно есть замкнутая единица одной духовной породы, въ которой выражается высшая единица — духовное существо Божіе. Въ Богѣ находятъ свое единство всѣ міровыя существа. Въ Божіемъ духѣ находятъ свое единство всѣ конечные духи ²⁾. Единство всѣхъ людей въ Богѣ и выходящее отсюда общество всѣхъ людей, дополняющихъ одинъ другого, отражается неволью въ сознаниіи и въ волѣ отдѣльныхъ людей. Здѣсь лежитъ начало нравственности. Самый нравственный процессъ съ метафизической точки зрѣнія есть сознательное выработываніе общества взаимнаго дополненія (*ergänzende Gemeinschaft*), которое само въ себѣ существуетъ, какъ единство всѣхъ духовъ въ Богѣ, но должно осуществиться въ сознаниіи человѣчества и въ исторической дѣйствительности. Такимъ образомъ, по теоріи Фихте, человѣкъ является орудіемъ и участникомъ воли Божіей для всего земнаго. Отсюда Фихте получаетъ тождественность понятій единства человѣка съ Богомъ, и единства человѣческаго рода ³⁾.

Антропология, по мнѣнію Фихте, должна доказать, что въ понятіи человѣческаго духа примиряется понятіе человѣка какъ животной породы и человѣка какъ человѣчества. Въ

---

1) Это и слѣдующее изложено въ *Ontologie*, § 256—265. — *Speculative Theologie*, § 31—64, § 189—204, § 216—227, *Ethik*, II, § 5.

2) Фихте говорить и о единствѣ человѣческаго рода, принадлежащаго не только землѣ, но и вселенной. Здѣсь онъ примыкаетъ къ фантазіямъ Краузе на этомъ поприщѣ, хотя и ограничиваетъ ихъ, отказываясь отъ существованія взаимодѣйствія міроваго человѣчества. Краузе, *Lebenslehre und Philosophie der Geschichte*, S. 156 ff.

3) *Speculative Theologie*, § 226, 227. § 260—263.

геніи человѣка находить Фихте его особенную духовную личность, не зависящую отъ случайностей пола, расы, народности, жизненныхъ привычекъ. Геній человѣка есть особенное, принадлежащее каждой личности, выраженіе сущности Божественнаго духа, идей. Но человѣкъ можетъ удовлетворить этой сущности только развивая въ себѣ ея сознаніе, слѣдовательно собственной свободною дѣятельностью; только приближаясь къ цѣли этой дѣятельности, человѣкъ вполне вырабатываетъ въ себѣ свой геній, также какъ способность и потребность взаимнаго дополненія съ другими людьми. Антропология составляетъ одинъ изъ послѣднихъ трудовъ Фихте (1856), но въ ней слишкомъ отражается жизненный вопросъ современной философіи, вопросъ матерьялизма. Быстрое возрастаніе матерьялистической литературы, ея огромное вліяніе на германскую молодежь, вызвали всѣхъ современныхъ идеалистовъ на битву со страшнымъ врагомъ. Фихте не побоялся сойти на самое поприще противниковъ и въ своей антропологии подвергнуть критикѣ вопросы спеціальныя для естество-знанія. Ловкая діалектика, ясная (для нѣмецкаго философа) рѣчь и не слишкомъ плодovitое изложеніе сдѣлали его сочиненіе однимъ изъ существеннейшихъ въ литературѣ направленной противу матерьялизма. Писатели его лагеря и даже многіе супранатуралисты аплодировали его критикѣ матерьялизма, но разборъ Ноака ¹⁾ доказалъ, что эти возраженія не ударяютъ въ самое сердце противниковъ, что идеалисты безсильны предъ метафизикой Малешотта и Фогта, и что Фихте есть не болѣе какъ «романтикъ въ психологіи». Пылъ борьбы съ опаснымъ врагомъ проникаетъ всю книгу, начиная съ посвященія сыну, котораго отецъ призываетъ къ битвѣ за единство науки и вѣры, «за истинную науку противу науки лживой» до фантастическихъ мечтаній о существованіи душъ безъ тѣла, о ихъ до-земной и послѣ-земной жизни, о томъ, что души въ больномъ тѣлѣ искупаютъ прежніе проступки и т. п.

Практическая философія, по теоріи Фихте, должна изучать выраженіе идей (божественнаго духа) и генія (личнаго

1) *Psyche*, 1858, № 5.

духа) въ явленіи. По внутренней природѣ идей она раздѣляется на четыре науки. Знаніе стремится къ цѣльному организму науки, создаваемому умозрительнымъ *ученіемъ о наукѣ* (Wissenschaftlehre). Оно заключается въ слитіи (einswerden) личной познавательной дѣятельности съ предметомъ, съ тѣмъ, что само-по-себѣ существуетъ, въ переходѣ отъ единичнаго и случайнаго къ вѣчному и общему, отъ человѣческаго мышленія къ начальной системѣ вещей въ Божественномъ мышленіи. Знаніе осуществляетъ идею истины. — Чувство, одушевленное свободной творящей фантазіей, воплощается въ художественное произведеніе, осуществляя идею красоты. Это область *умозрительной эстетики*. Третья часть практической философіи есть умозрительная *этика*, которая изучаетъ идею добра въ начальной волѣ (Grundwille) человѣка, т. е. въ волѣ очищенной отъ случайныхъ себялюбивыхъ цѣлей, въ волѣ такъ, какъ она въ сущности присутствуетъ и должна присутствовать въ каждомъ человѣкѣ. Въ идеяхъ истины, красоты и добра совершается въ частности откровеніе Божественнаго духа въ человѣческомъ гениі. Соединяющее сознаніе этихъ идей есть сознаніе безусловнаго, какъ всеобщаго начала, пребывающаго въ глубинѣ духа, — это религиозное чувство. Только это чувство вноситъ единство въ разрозненныя и ограниченныя стремленія человѣка. Умозрительное *ученіе о религіи* (Religionslehre) должно прослѣдить развитіе религиознаго чувства, начиная съ низшей до высшей его формы, и его воплощеніе въ различныя ему соотвѣтствующія общественныя единицы (церкви), долженствующія слиться въ одну общую церковь человѣчества ¹⁾. Предыдущая систематика наукъ, принятая Фихте, уже обрисовываетъ его точку зрѣнія. Для уясненія послѣдней, остановимся на этикѣ, именно на тѣхъ частяхъ ея, которыя наиболѣе относятся къ предмету нашей статьи.

Мы видѣли, что отдѣльный человѣкъ есть не природная особь и не отвлеченный духъ, общій во всякомъ человѣкѣ, но *гений*, обособленное выраженіе идей, составляющихъ пол-

---

1) Ethik, II, § 8.

ноту Божественнаго духа. Этотъ геній находится въ взаимодѣйствіи съ прочими геніями и всѣ они другъ друга дополняютъ въ одно цѣлое. Геній пребываетъ въ человѣкѣ, какъ способность, скрытая для самого себя и для другихъ. Нравственная дѣятельность и цѣль земнаго существованія заключается въ томъ, чтобы человѣкъ созналъ свой геній самъ и внесъ его въ общее сознаніе. Каждый человѣкъ имѣетъ равное право на полное развитіе своей особенной личности, своихъ общечеловѣческихъ и частныхъ способностей, помощью общества и внутри его. Эта особенность есть вѣчная сущность каждаго человѣка, и она открываетъ присутствіе Божіе въ исторіи ¹⁾. Выраженіе, въ обществѣ и для общества, этого духовнаго содержанія, вложеннаго Богомъ въ человѣка, составляетъ безусловную цѣль бытія, и это лишь имѣетъ цѣнность; все остальное есть не болѣе, какъ средство и условіе для этой цѣли. Понятіе общества, выходящее изъ этого начала, даетъ систему нравственныхъ идей. Равное право личностей на развитіе въ общественной средѣ есть источникъ *права*. Взаимное дополненіе особенныхъ геніевъ, находящихъ единство лишь вмѣстѣ съ прочими, и вырабатывающихъ въ себѣ это высшее единство, выражается въ взаимномъ благоволеніи (*Wohlwollen*) и въ стремленіи къ совершенствованію. Отсюда идея *дополнительнаго общества* (*ergänzende Gemeinschaft*). Единство человѣчества въ Богѣ, проникающее въ сознаніе человѣка, выражается въ чувствѣ присутствія Божія въ человѣкѣ (*Gottinnigkeit*), въ желаніи подчиниться волѣ Божіей, въ смиреніи и въ стремленіи соединиться съ Богомъ. Лишь въ этой идеѣ присутствія Божія, человѣкъ и человѣчество находятъ оправданіе началъ своей общественности ²⁾. Идея права или справедливости есть представленіе условій современнаго существованія единицъ въ обществѣ; идея дополнительнаго общества есть выраженіе условій совершеннаго существованія самаго общества; идея присутствія Божія есть представленіе основ-

1) Die Eigenthümlichkeit des Genius ist das eigentliche Ewige in Jedem und das einzig Gottoffenbarende in der Geschichte.

2) § 9.

наго условія, ручающагося за прочность и за непрерывное возрастание этих обоюдныхъ совершенствъ (Vollkommenheiten) ¹⁾.

Мы не остановимся на идеѣ права и замѣтимъ только, что, по предъидущему, самое понятіе справедливости заключаетъ требованіе высшаго общества, чѣмъ общества, основаннаго на одной законности; поэтому право и государство, какъ юридическое учрежденіе, не могутъ быть ни вообще ни въ частности конечною цѣлью, они должны подчиняться требованіямъ высшаго общественнаго понятія ²⁾.

Идея дополнительнаго общества является въ формѣ стремленія дополнять другія личности, какъ любовь, благоволеніе; или въ формѣ потребности быть дополненнымъ другими личностями. Въ первомъ видѣ она увлекаетъ волю въ ея начальномъ видѣ (Ursprünglichkeit), уничтожаетъ въ ней все себялюбивое, возвышаетъ ее до безкорыстныхъ побужденій, проникаетъ человѣка истинною, вдохновляетъ его и удовлетворяетъ его геній, доставляя чувство совершеннаго наслажденія. Это могущество чувства благоволенія заключается въ томъ, что послѣднее пробуждаетъ въ человѣкѣ любовь, соединяющую все человѣчество въ его первоначальномъ источникѣ, любовь, которую Богъ любитъ самого себя въ душѣ человѣка. Взятая въ своей отдѣльности эта начальная воля, источникъ всякаго самоотверженія, всякой нравственности, независима ни отъ какихъ убѣжденій, отражается сама на себѣ, и есть поэтому самостоятельное царство нравственности. Въ потребности дополненія другими лежитъ начало общественности, ассоціаціи, взаимнаго усовершенствованія. Въ обоихъ этихъ началахъ заключается процессъ выработки человѣчества изъ человѣческой породы. Поэтому всякое дѣятельное соединеніе людей, въ мгновенномъ-ли чувствѣ жалости или уваженія или въ разрастающихся общественныхъ формахъ семейства, общественности (Geselligkeit), государ-

---

1) § 10, S. 38.

2) § 10, 11, 12.

ства, церкви, есть въ частности или въ цѣломъ начало и попытка осуществить идею человѣчества ¹⁾.

Но единство человѣчества неосуществимо въ дѣйствительности для каждаго человѣка; такимъ образомъ идея человѣчества, осуществляемая въ частности въ каждой удавшейся попыткѣ взаимнаго дополненія людей, есть съ другой стороны идеаль, не осуществимый въ своей цѣлости. Отсюда требованіе человѣчности дѣлается для человѣка ограниченіемъ, страданіемъ, независимо отъ его воли. Онъ видитъ несчастія, несправедливости и не можетъ имъ помочь; онъ самъ нуждается въ помощи, и не можетъ ее получить. Для устранения этого ограниченія, этого страданія человѣкъ долженъ возвыситься до высшей идеи, поглощающей въ себя идею дополнительнаго общества; то—идея присутствія Божія (*Gottinnigkeit*). Съ ея помощью понятіе единства человѣчества является осуществленнымъ въ своемъ идеаль; человѣчество дѣйствительно соединяется въ настроеніи духа и въ мысли каждаго человѣка; всѣ недостатки и пробѣлы человѣческихъ отношеній разрѣшаются въ чувствѣ религіознаго смиренія. Въ слѣдствіе этого идея присутствія Божія является нравственнымъ началомъ (т. е. такимъ, которое должно имѣть мѣсто въ системѣ этики). Изъ этой идеи вытекаетъ единство человѣчества и равенство всѣхъ людей предъ Богомъ. Изъ нея вытекаетъ *любовь* къ человѣчеству. Только въ любви къ Богу можно любить человѣчество, потому-что только въ немъ мы можемъ его постигнуть какъ единое цѣлое. Но любовь къ Богу можетъ выражаться лишь дѣлами любви къ человѣчеству. Первая проявляется лишь тогда, когда вторая переходитъ въ дѣло, и лишь первая ручается въ дѣйствительности второй. Точно также идея присутствія Божія, какъ идея Провидѣнія, которому мы довѣряемъ, необходима для утвержденія нравственной воли, нравственной дѣятельности, при сознаніи человѣка, что онъ не можетъ помочь всякому, и не можетъ найти всегда въ людяхъ помощи ему необходимой. Такимъ образомъ вторая форма идеи присутствія Божія есть *вера* въ Бога и въ единство человѣчества, охра-

1) § 13, 14, 15, 16.

няемаго Провидѣнiемъ. Наконецъ третья форма этой идеи есть *надежда*, увѣренность, что недостатки человѣческаго существованiя постепенно разрѣшаются и что окончательно добро восторжествуетъ надъ зломъ ¹⁾).

Названныя три нравственные идеи составляютъ сущность нравственнаго существа человѣка вообще. Изъ нихъ вытекаетъ *основная воля* человѣка, то, что онъ дѣйствительно хочетъ и что долженъ хотѣть, но частныя, случайныя, себялюбивыя стремленiя закрываютъ эту основную волю, которую приходится человѣку и обществу воспитывать въ себѣ. Этика есть именно наука основной воли человѣка, или система практическихъ идей въ ихъ теорiи и въ ихъ осуществленiи ²⁾). Какъ общiя всѣмъ людямъ, какъ составляющiя сущность человѣческой воли, эти идеи врождены человѣку; какъ болѣе или менѣе сознательныя, онѣ доступны развитiю, совершенствованiю; и человѣкъ обязанъ развивать ихъ въ себѣ и въ другихъ. Онѣ выражаются въ отдѣльномъ духѣ какъ внѣшнее явленiе (объективно) въ видѣ нравственности (*Sittlichkeit*) совершенства воли; какъ внутреннее явленiе (субъективно) въ видѣ сознанiя своего совершенства, въ видѣ блаженства; въ волѣ общества ими соединеннаго, въ видѣ приобрѣтеннаго нравственнаго блага. Такимъ-образомъ сущность этики Фихте, на которую онъ самъ обращаетъ вниманiе читателя, заключается въ признанiи двойственности воли въ человѣкѣ. Онъ находитъ, внѣ личныхъ, себялюбивыхъ, мгновенныхъ побужденiй человѣческой личности, въ послѣдней всегда присущую, но не всегда сознанную, основную волю, въ которой заключено нравственное начало. Въ этой основной волѣ Фихте признаетъ сверхъ-человѣческiй источникъ, присутствiе вѣчнаго, соединяющаго, человѣчнаго начала. Безъ него не было бы нравственности. Когда оно наполняетъ человѣка, то *дѣлаетъ* послѣдняго нравственнымъ, но самъ человѣкъ не можетъ сдѣлать себя нравственнымъ. Эта воля, освящающая человѣка, есть присутствiе въ насъ и подтвержденiе Божественнаго духа и Божественной воли,

---

1) § 17, 18.

2) § 1.

такъ-какъ тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ въ себѣ вѣчное и первоначальное, тамъ мы находимся на священной почвѣ, подъ высшимъ вліяніемъ. Отсюда слѣдуетъ (докторъ Фихте), что нравственность въ ея совершенствѣ не мыслима безъ религіи, безъ яснаго сознанія своего источника въ Богѣ, и вся этика не мыслима безъ основанія ея въ умозрительномъ ученіи о Богѣ ¹⁾.

Для опредѣленія системы нравственности, Фихте разбираетъ процессъ, помощью котораго изъ человѣка, какъ животнаго, вырабатывается нравственное существо. Онъ отвергаетъ свободу воли какъ произволь, но видитъ въ дѣйствіяхъ необходимое выраженіе нравственнаго развитія человѣка, и потому допускаетъ отвѣтственность человѣка за низшую или высшую степень нравственности, которую онъ въ себѣ выработалъ ²⁾. — Въ волѣ человѣка Фихте рассматриваетъ двѣ ступени: естественныя склонности (*das Naturell*) и характеръ. Естественными склонностями называетъ онъ врожденную способность каждой личности быть возбужденною извѣстными чувствами и побужденіями (*Trieb*) имъ соответствующими, причемъ эта способность различнымъ образомъ обособлена въ каждой личности. Это геній человѣка въ полусознательномъ и естественномъ состояніи. На этой ступени человѣкъ на столько-же добръ, на сколько золъ, но объ немъ можно сказать, что онъ способенъ нравственно совершенствоваться (*er ist ethisierbar*). Всѣ общества, точно также какъ отдѣльные лица, начинаютъ съ этой ступени. Нравственное развитіе человѣка заключается въ переходѣ отъ ступени естественныхъ склонностей къ свободной и сознательной формѣ воли — къ характеру; нравственный процессъ всемірной исторіи заключается въ подобномъ-же переходѣ, совершающемся въ цѣломъ человечествѣ, во всѣхъ общественныхъ формахъ. Каждое побужденіе ограничено, частно; тѣмъ не менѣе всѣ они выходятъ изъ человѣческой природы. Удовлетвореніе побужденія есть наслажденіе, но оно бываетъ двухъ родовъ. Наслажденія, вытекающія изъ

---

1) § 2, 8.

2) § 19—21.

удовлетворенной потребности, пополненного недостатка, со-
отвѣтствуютъ насыщенію побужденія, и потому такія на-
слажденія мгновенны. Наслажденіе, вытекающее изъ потреб-
ности дѣйствовать, удовлетвореніе самою дѣятельностью
растетъ, возвышается вмѣстѣ съ дѣятельностью, переходитъ
съ нею на высшую и свободнѣйшую ступень, и дѣлается
продолжительнѣе, сознательнѣе; такія только наслажденія
могутъ быть удержаны на ступени характера. Высшая сте-
пень подобнаго наслажденія дѣятельностью, удовлетворяющею
геній человѣка, нераздѣльна съ дѣятельнымъ совершенствомъ
человѣка (*thätige Vollkommenheit*) и добродѣтелию; чѣмъ
подобное наслажденіе продолжительнѣе и сильнѣе, тѣмъ
ближе оно подходитъ къ блаженству ¹⁾.

Блага, къ которымъ стремится человѣкъ, недостижимы
на степени естественныхъ наклонностей; проникая ихъ со-
знаніемъ, человѣкъ дѣлаетъ ихъ благами для себя и на сту-
пени характера; они дѣлаются наконецъ нравственными бла-
гами, когда съ ними сливается сознательная нравственная
цѣль. — Характеръ есть духъ мыслящій, желающій и дѣйствующій
на основаніи причинъ. На этой лишь ступени воля сво-
бодна, т. е. обуславливается изнутри человѣка, потому-что
лишь на этой ступени она проникается мыслию. На этой лишь
ступени можно говорить объ отвѣтственности и нравствен-
ности, потому-что блага получаютъ тѣмъ высшее значеніе
для характера, чѣмъ болѣе они проникнуты мыслию; является
различіе должнаго и недолжнаго, добра и зла, и наука лич-
ной нравственности (личная этика) можетъ быть названа
наукою объ истинномъ характерѣ, сообразномъ своему по-
нятію, и о развитіи такого характера. — Здѣсь является по-
нятіе высшаго блага. Психологически, высшее благо пред-
ставляетъ полную дѣятельность нравственныхъ идей въ ха-
рактерѣ отдѣльнаго человѣка и всѣхъ людей вмѣстѣ. Въ
нравственномъ отношеніи, высшее благо cadaго заключается
въ освобожденіи вѣчнаго начала личной воли. Какъ совер-
шенное состояніе воли, проникнутой мыслию и ее проникаю-
щей, — это добродѣтель. Какъ художественно-нравственная

---

1) § 22, 23.

дѣятельность, это — долгъ. Здѣсь высшее благо доставляетъ духу высшее блаженство (Glückseligkeit). Но внутреннее блаженство, чтобы быть блаженствомъ дѣйствительнымъ, требуетъ два внѣшнихъ условія: соответствующую ему сферу дѣятельности и отсутствіе стѣсненія. Это лежитъ внѣ чело-вѣка, въ обществѣ, и потому формы общества должны со-отвѣтствовать нравственнымъ идеямъ личности. Чѣмъ сво-боднѣе въ обществѣ можетъ истинный характеръ достигнуть блаженства, и чѣмъ лучше въ немъ люди могутъ содѣйство-вать взаимному усовершенствованію и воплощенію въ цѣломъ нравственныхъ идей, тѣмъ лучше общество. Итакъ, для личности, высшее благо заключается въ удачномъ развитіи генія, ему присущаго, изъ Бога истекающаго; для массы людей подобное общество есть самое многостороннее и со-вершеннѣйшее. Для всего человѣческаго рода, это единство человѣчества — царство Божіе въ духѣ чело-вѣка ¹⁾.

Между чело-вѣкомъ, движимымъ естественными склонно-стями и вполне нравственнымъ характеромъ, находятся сту-пени. Сначала сознательныя цѣли чело-вѣческой дѣятельности направлены на личность, потомъ на особенную форму нрав-ственной идеи и только на высшей ступени чело-вѣкъ стре-мится къ высшему благу, проникается сознательной нрав-ственностью. Последняя ступень имѣетъ еще нѣсколько под-раздѣленій. Сперва чело-вѣкъ сознательно борется со своими частными себялюбивыми побужденіями, развивая въ себѣ нравственность. Этой ступени можетъ достигнуть чело-вѣкъ собственными силами, искренностью мысли и доброю волею. Но чтобы идти далѣе, его свобода должна быть одушевлена его геніемъ, т. е. собственно Божественными, вѣчными си-лами; онѣ продолжаютъ начатый нравственный процессъ; онѣ составляютъ внутреннее откровеніе, которому долженъ покориться чело-вѣкъ. Увлеченный этою точкою зрѣнія, чело-вѣкъ отрицаетъ законность побужденія, чувства, всего лич-наго, и преклоняется предъ неумолимымъ, неизмѣннымъ за-кономъ. Это точка зрѣнія ригористовъ, нетерпимости. Но личность въ минуты энтузіазма сознаетъ, что ея высшія

---

1) § 30—34.

побужденія, чистѣйшія чувства едины съ нравственнымъ закономъ, что этотъ законъ вложенъ въ нее присутствіемъ божественнаго генія. Тогда она становится на высшую нравственную точку. Борьба и подчиненіе закону переходятъ въ отсутствіе себялюбія; всякое принужденіе исчезло, всякій долгъ сдѣлался побужденіемъ любви. Геній человѣка дѣйствуетъ свободно; его воля едина съ вѣчною волею; присутствіе въ человѣкѣ высшей, вѣчной воли, покоряющей міръ и самого человѣка, служитъ доказательствомъ бытія безконечнаго, святаго духа, волѣ котораго мы служимъ орудіемъ. Нравственность сдѣлалась религіей. Высшая нравственность не допускаетъ колебанія, потому что она есть соединеніе съ Богомъ въ свободномъ воодушевленіи воли, и сознаніе этого соединенія. Здѣсь пріобрѣтается убѣжденіе въ возможности будущаго блаженства человѣчества, и силы для его совершенствованія. Всякое дѣйствительно нравственное общество должно стать на эту высшую точку: оно не должно поддерживаться лишь закономъ, оно должно воспитывать членовъ своихъ къ свободному признанію своихъ началъ. Добро можетъ быть увѣрено въ своемъ внутреннемъ совершенствованіи лишь тогда, когда оно сдѣлалось художественно, и когда дѣйствуетъ педагогически. Отъ послушанія человѣкъ долженъ перейти къ свободной любви, отъ вѣры въ авторитетъ къ свободному знанію. Но въ этомъ и лежитъ источникъ совершенствованія человѣчества: добро не нуждается ни въ чемъ внѣ себя, чтобы побѣдить и быть любимымъ, какъ присущее каждому человѣку. Законъ всякого совершенствованія заключается въ воспитаніи любовью для любви. Нравственный процессъ заключается дѣятельною любовью: любовью къ Богу, т. е. всегдашнимъ чувствомъ нашего съ Нимъ единства; любовью къ человѣчеству, т. е. дѣятельнымъ чувствомъ единства всѣхъ людей въ Богѣ. Оба эти чувства вмѣстѣ составляютъ любовь къ добру; какъ идея дополнительнаго общества, вмѣстѣ съ идеею присутствія Божія, есть идея добра. — Самъ человѣкъ можетъ лишь постепенно освобождать себя отъ себялюбивыхъ побужденій; его развиваетъ вѣчная воля Добра; совершить свое единство съ Добромъ онъ можетъ лишь, сознавая это единство на

степени религіи. Но истинное благочестіе нераздѣльно отъ человѣчности (Humanität); они составляютъ одно цѣлое.— Вся нравственность завершается чувствомъ и сознаниемъ человѣка, что его нравственность есть не иное что, какъ любовь Божія, дѣйствующая въ человѣкѣ, и нравственность человѣка является доказательствомъ бытія Божія, развивающаго нравственность въ человѣкѣ. «Но это, говоритъ Фихте, педагогическое доказательство, состоящее въ ряду нагроможденныхъ силлогизмовъ. Оно основано на внутреннемъ опытѣ жизни, оно есть указаніе (Erweisung). Пусть каждый пойметъ начальное явленіе нравственной любви, во всемъ глубокомъ значеніи этой любви, и онъ имѣетъ это доказательство, потому-что оно не-трансцендентно и не-гипотетично. Если-же кому-нибудь это человѣчное чувство вполнѣ чуждо, тотъ не имѣетъ права судить въ нравственныхъ вѣщахъ, какъ духъ совершенно уродливый и выродившійся» 1).

Послѣ этого Фихте приступаетъ къ особенной части этики къ ученію о добродѣтели, о долгѣ, и о нравственныхъ благахъ. — Добродѣтель, по его опредѣленію, есть непреходящая способность личности подчинять свою волю идеѣ Добра, или доброй воли. Она отличается отъ долга неопредѣленностью своей цѣли, отъ нравственныхъ благъ тѣмъ, что волеится въ сознаніи. Добродѣтель недѣлима; она не врождена, а пріобрѣтается; она есть художественная способность нравственнаго искусства жизни. Ей можно учить и учиться, но только при условіи ея перехода въ дѣйствіе, и добрыя дѣла дѣйствительно таковы лишь тогда, когда они опираются на ученіе и саморазвитіе. Добродѣтель есть Божій даръ, но всѣ одинаково призваны къ добродѣтели, а различное развитіе ея въ людяхъ есть результатъ различной самостоятельности личностей, способныхъ свободно разрабатывать этотъ даръ. Съ научной точки зрѣнія ученіе о добродѣтели есть изложеніе процесса преобразования личности, какъ органически-духовнаго недѣлимаго, подъ вліяніемъ нравственной идеи и своего призванія, сообразнаго частнымъ обстоятельствамъ жизни. При этомъ стремленіе къ добродѣтели есть уже до-

1) § 30—50. Также Speculative Theologie, § 227, 255—257, 261—264.

бродѣтель. — Безъ нѣкотораго воодушевленія (любви), безъ нѣкоторой твердости характера, безъ нѣкоторой мудрости, и нѣкотораго благоразумія, добродѣтель — невозможна. Но при полнѣйшей добродѣтели воодушевленіе прѣникаетъ одинаково въ частныя дѣйствія и относитъ ихъ органически къ центру нравственной идеи. Полезнѣйшая добродѣтель есть та, при которой всякое дѣло совершается съ одинаковой твердостью, исполненіе каждаго долга одинаково важно. Дѣло тѣмъ болѣе нравственно, чѣмъ съ большею мудростью относится каждое дѣйствіе къ высшей единицѣ нравственной идеи, чѣмъ болѣе въ немъ присутствуетъ стремленіе къ художественному совершенству, и чѣмъ благоразумнѣе выбраны средства для его исполненія ¹⁾.

Добродѣтель дѣлается производительною только на ступени долга. Онъ есть выраженіе во внѣшнемъ дѣйствіи добродѣтельной воли человѣка. Сознаніе долга есть сознаніе двойственности человѣческой личности: человѣка въ сущности (*homo pauper*), обязывающаго исполнить долгъ, и человѣка въ явленіи (*homo phenomenon*), обязываемаго исполнить его; отсюда могущество совѣсти. — Долгъ, на разныхъ ступеняхъ характера, проявляется иначе. Онъ сначала внѣшняя заповѣдь, обязательный законъ, которому человѣкъ подчиняется со внутреннею борьбою. Потомъ онъ нравственно оправданъ, но все-таки составилъ нѣчто внѣшнее, неоднородное человѣку. Наконецъ воля примиряется съ содержаніемъ долга и послѣдній обращается въ самую природу воли. Тогда содержаніе долга есть добро какъ внѣшній предметъ (*objektiv Gute*), и выражается въ дѣйствіи непрерывно и гармонически. Долгъ имѣетъ общеобязательное значеніе. Каждое частное исполненіе долга должно быть выраженіемъ общаго начала. Въ частности онъ есть нравственное дѣйствіе, необходимое для удовлетворенія опредѣленной нравственной потребности ²⁾.

Для добродѣтели высшее благо заключалось въ неопредѣленномъ, трудно достижимомъ идеалѣ, во внутреннемъ со-

---

1) § 51—59.

2) § 60—62.

вершенствѣ; но самый источникъ всякаго добраго дѣла, воодушевленіе, не можетъ существовать, не имѣя опредѣленной цѣли; можно воодушевляться лишь опредѣленнымъ благомъ (Gut). Это относится въ нѣкоторой степени и къ долгу, потому что и тутъ самое важное заключается въ томъ, чтобы дѣятельность была сообразна долгу, но самое содержаніе долга еще не опредѣлено. Только въ ученіи о нравственныхъ благахъ, идеаль получаетъ опредѣленность и лишь это ученіе завершаетъ этику. Въ ней примыряются внутреннія требованія человѣка со внѣшними данными; счастье и совершенство возможны въ каждомъ положеніи, когда мы прониклись его нравственнымъ значеніемъ и поняли присутствіе въ немъ высшаго блага. Этимъ путемъ этика обращается въ настоящую теодицею, проникающую всю дѣйствительность жизни, ею объясняемую, и потому вполне убѣдительную. — Разсматривая различныя общественныя формы, мы видимъ, что онѣ частью воплощаютъ нравственныя идеи, частью извращаютъ ихъ. Всякое нравственное благо представляется намъ какъ уже существующее, но въ тоже время допускающее совершенствованіе. Нравственныя идеи являются какъ постоянно дѣйствующія въ обществѣ, но въ различной степени, и своимъ содѣйствіемъ опредѣляющія общественность. Право, благоволеніе, стремленіе къ совершенствованію и религіозность развиваются одновременно, параллельно въ сознаніи человѣка и человѣчества, но какъ метафизически (по мнѣнію Фихте) религіозная идея завершаетъ прочія, такъ мы видимъ въ исторіи, что она преобладаетъ надъ ними и ихъ обуславливаетъ ¹⁾.

Согласно предмету нашей статьи, мы не остановимся на первыхъ двухъ отдѣлахъ ученія о благахъ. Предметъ перваго есть право, причемъ права личности, собственности, права истекающія изъ общественныхъ отношеній и нарушеніе права, разсматриваются въ особыхъ главахъ. Предметъ втораго отдѣла есть дополнительное общество въ видѣ семейства, государства, и общества въ его общечеловѣческомъ значеніи (humane Gemeinschaft). Каждое изъ этихъ подраз-

---

1) § 77—80.

дѣлений заключаетъ въ себѣ главы, въ которыхъ разобраны подробно всѣ вопросы сюда относящіяся.

Теистическое направленіе Фихте всего яснѣе выражается въ послѣднемъ отдѣлѣ ученія о благахъ, въ воплощеніи идеи присутствія Божія въ общественную единицу. Это единица, обнимающая все человѣчество, и дѣлающая его понятіе дѣйствительностью, есть церковь; въ религіозномъ чувствѣ совершается это соединеніе. «На религію, говоритъ Фихте, не должно смотрѣть какъ на особенную область нравственнаго существованія; она должна проникать всѣ юридическія и общественныя отношенія. Она не заключается въ какомъ либо дѣйствиіи или запрещеніи, она есть освящающій духъ всякаго дѣйствія. Всѣ выраженія любви къ Богу осуществляются въ дѣйствіяхъ, относящихся къ людямъ. Самое простое выраженіе жизненной мудрости: *молись и работай!* не заключаетъ въ себѣ двойственности, потому что молитва лишь призываетъ силы на жизненную работу и настоящая работа невозможна безъ внутренней молитвы. Истинная повѣрка религіознаго настроенія заключается въ преобразованіи мысли въ освященіи ея любовью (къ Богу и къ людямъ)». Фихте признаетъ Христіанство единственною истинною религіею и единственною возможною въ будущемъ, потому что оно есть единственная религія, въ которой любовь выступаетъ безъ всякаго ограниченія, но, какъ практическое начало, какъ приложеніе къ жизни, Фихте находитъ, что оно еще только начинаетъ рѣшать свою задачу, и весьма далеко отъ ея окончательнаго рѣшенія ¹⁾.

Въ общечеловѣческомъ обществѣ, гдѣ всѣ силы человѣка развиваются свободно, человѣкъ чувствуетъ свою ограниченность своею безсиліею. Онъ останавливается лишь на томъ, что принимаетъ вещи какъ онѣ есть, потому что не можетъ ихъ сдѣлать иными ²⁾. Но это признакъ нездороваго состоянія, а неразрѣшеннаго противурѣчія. Ему нехорошо на этой точкѣ, гдѣ далѣе его нѣтъ ничего. Добродѣтель и блажен-

1) § 18, 174, 175. Die Religion und Kirche etc.

2) Auf dem Standpunkte der Resignation.

ство, это идеаль и желаніе, недостижимыя для человѣческихъ силъ. Въ собственной волѣ человѣкъ сознаетъ зло. Между тѣмъ ему нечего больше дѣлать, какъ покориться, потому что самъ, своими силами, онъ можетъ дойти только до отрицанія зла, до стремленія къ добродѣтели. Дополненіе нравственнаго процесса, дополненіе необходимое для человѣка, даетъ ему только религія. Она даетъ добродѣтели опредѣленную, достижимую форму, вносятъ блаженство въ душу человѣка, смываетъ съ него зло, какъ грѣхъ, и освящаетъ его волю. Для своего осуществленія, религія недостаточно проникнуть въ душу каждаго человѣка: это доставить ему только внутреннее блаженство. Для внѣшняго блаженства необходима форма общества, соотвѣтствующая требованіямъ религіи: эту форму называетъ Фихте церковью. Ея основаніе и связь находится не въ какой-либо человѣческой способности, но въ силѣ Божественнаго духа, который обнимаетъ духъ человѣка, преобразуетъ и освящаетъ его мысль. Церковь невозможна безъ вдохновеннаго пророка, собирающаго около себя вѣрующую общину. Повѣрка истинной церкви есть обращеніе и освященіе воли, спасительная сила въ ней заключающаяся: каждая церковь должна привести доказательство духа и силы, что освящающая сила Божія въ ней пребываетъ и чрезъ нее дѣйствуетъ. Она не можетъ заключаться лишь въ религіозномъ настроеніи единицъ. Ей нужно внѣшнее, историческое проявленіе силы Божіей въ человѣкѣ, чтобы получить единство и завершеніе. Поэтому церковь образуется лишь съ появленіемъ Бого-человѣка. Соединенная вѣрою въ Него, церковь составляетъ особенное общество, отличное отъ всѣхъ прочихъ, но допускающее существованіе каждаго изъ нихъ. Какъ государство доставляетъ обществу защиту и гармонію, такъ церковь вноситъ въ него нравственность. Она есть самая широкая общественная форма; въ ней всѣ люди равны, но въ нее входитъ человѣкъ во всей цѣлости своихъ способностей и свойствъ. Ея сила убѣжденія должна быть выше всякой личности, всякаго духовнаго сопротивленія и сомнѣнія, безъ этой силы она не есть церковь. Она должна опираться не на свидѣтельство, но на убѣжденіе свободнаго духа въ томъ, что онъ

внутренно пережилъ. Только пережитое такимъ образомъ составляетъ сущность вѣры; она не можетъ противурѣчить знанію; она не должна съ нимъ слиться; она должна лишь искать въ немъ подтвержденія. Поэтому церковь должна не только мирить съ общимъ развитіемъ; она должна идти впередъ этого развитія, въ твердомъ убѣжденіи, что свободный анализъ можетъ только подтвердить ея начала. Никакая церковь и никакая вѣра несовмѣстимы съ началами двойственности вѣры и знанія, недоступности догматовъ пониманію и съ требованіемъ подчиненія разума. Церковь есть учрежденіе для спасенія (Heilesanstalt), опирающееся на положительное (объективное) понятіе Божественнаго искупленія, съ цѣлью чтобы процессъ искупленія все сильнѣе совершался въ отдѣльныхъ членахъ общины, и чтобы онъ все болѣе распространялся въ человѣчествѣ. Ея соединяющія начала составляютъ ея символъ, безъ котораго церковь невозможна; но символъ церкви есть тогда лишь дѣйствительно начало соединяющее, когда онъ свободно воспринять вѣрою каждаго члена общины. Поэтому онъ долженъ быть таковъ, чтобы всѣ его подробности могли быть увѣрованы сознательно, и долженъ измѣняться съ умственнымъ развитіемъ общины. Что въ вѣрѣ неизмѣнно и вѣчно, тому люди вѣрятъ и будутъ вѣрить по необходимости, это самое служитъ ему доказательствомъ. Все, безъ чего можетъ обойтись истинно вѣрующій, этимъ самымъ доказываетъ свое временное бытіе. Самое понятіе церкви, какъ воспитательницы общества къ высшей нравственности помощію вѣры, предполагаетъ классъ лицъ воспитывающихъ, сильнѣе вѣрующихъ, — духовныхъ, и классъ лицъ воспитываемыхъ, слабѣе вѣрующихъ, — свѣтскихъ. Это раздѣленіе тѣмъ рѣшительнѣе, и неподвижнѣе чѣмъ менѣе полна и свободна форма церкви, и на оборотъ, но оно никогда не можетъ исчезнуть ¹⁾.

Въ церкви должно существовать общество ученыхъ богослововъ-ислѣдователей, доказывающее, передающее и развивающее начало вѣры. Ихъ изслѣдованія должны быть вполне свободны. Ихъ цѣль не должна заключаться въ све-

---

1) § 176—178.

деніи религіознаго ученія на философско-разумныя истины, или на правила нравственности, но они должны выходить изъ историческаго факта Божественнаго искупленія, чтобы на немъ построить свою философію исторіи, независимую отъ научной философіи исторіи, но совпадающую съ послѣдней. Духовное лицо есть учитель религіозной истины, руководитель общественнаго Богослуженія, духовный попечитель общины. Составленіе общины вѣрующихъ есть цѣль духовнаго процесса и повѣрка его силы. Она соединяется общественнымъ Богослуженіемъ, и духовнымъ попеченіемъ (Seelsorge). Убѣжденіе въ личномъ безсмертіи человѣка и въ царствѣ Божіемъ, считаетъ Фихте соединяющимъ и вдохновляющимъ догматомъ нашего времени. Будущность религіи онъ находитъ въ обращеніи всего міра явленій и случайности, въ бытіе вѣчныхъ непроходящихъ сущностей, помощью ясной и сознательной мистики (?). Духовное попеченіе обращается къ лицу, развивается въ семействѣ, расширяется помощью духовныхъ миссій. Въ свободномъ покаяніи и во взаимномъ нравственномъ наблюденіи заключается духовное попеченіе о лицѣ. Семейство, соединенное чувствомъ вѣрности и нравственно-религіознаго согласія, есть самое высшее, но и самое индивидуальное проявленіе полного человѣческаго бытія. Во внутренней и внѣшней миссії проявляется жизненность церкви, ея стремленіе къ общечеловѣческому значенію, и это стремленіе оправдывается успѣхомъ миссій. Но эти миссії не должны ограничиваться формальнымъ введеніемъ обряда догмата: онѣ должны обращать, возвышать всего человѣка. Онѣ получаютъ всемірно-историческое значеніе въ томъ смыслѣ, что въ нихъ просвѣщенная (erleuchtete) часть человѣчества является воспитательницей другой части, находящейся во тьмѣ, пока во всѣхъ водарится одинъ духъ—духъ Божій. Духовная миссія должна стараться внести во всѣ общественныя учрежденія сильнѣе и сильнѣе духъ религіи, связать общество союзомъ дружества; она должна быть всемірной пропагандой развитія и просвѣщенія. Всѣ церкви должны слиться въ одну высшую церковь, и въ самой исторіи лежить свидѣтельство развитія человѣчества, ручающееся намъ за это соединеніе въ будущемъ и свидѣтельствующее при-

существованіе Божіе. Общечеловѣческія идеи суть первое ручательство будущаго единства. Второе свидѣтельство Божественнаго воспитанія человѣческаго рода заключается во всегдашнемъ возбужденіи въ немъ гениевъ именно тогда, когда ихъ появленіе необходимо. Наконецъ религія и настоящая вѣра есть высшее свидѣтельство. Религія и церковь есть практическая теодицея, непрерывно доказывающая своею дѣятельностью бытіе Божіе. Отдѣльный человѣкъ не есть истина; она осуществляется лишь въ человечествѣ; ее осуществляетъ исторія. Но человѣкъ не можетъ дойти до нея собственными силами; онъ достигаетъ ее лишь съ помощью Божіею и постояннымъ Его содѣйствіемъ. Это содѣйствіе, совершающееся ежеминутно предъ нашими глазами, есть истинное, осязательное чудо, открытое таинство присутствія Божія въ человечествѣ. Окончательное торжество вѣры заключается въ побѣдѣ надъ послѣднимъ врагомъ человѣческаго блаженства, надъ врагомъ, который гложетъ сердце человѣка, не смотря на новую любовь къ человечеству—это страхъ смерти. Истинная вѣра должна вмѣстѣ съ будущей наукою доказать личное безсмертіе человѣка ¹⁾.

Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи «по поводу вопроса о душѣ», сочиненіи вызванномъ возраженіями Лоце, въ «полемическихъ статьяхъ» Фихте еще опредѣлительнѣе ставитъ свой теистическій взглядъ. Въ отвѣтъ на замѣчанія Вейссе ²⁾, онъ говоритъ, что вопросъ о Созданіи считаетъ неразрѣшимымъ наукою и потому обходитъ его въ своихъ сочиненіяхъ. Наука должна опираться на существующій міръ наблюденія и черпать основанія умозрительной теологіи, не изъ наблюденія внѣшняго міра, который ведетъ къ фантастическимъ постройкамъ, а изъ внутренняго сознанія своего нравственнаго развитія. Здѣсь идея мірозданія преобразуется въ идею Провидѣнія, Промысла. Этотъ Промыслъ, присутствующій въ цѣлой природѣ для породъ, обращается на личность человѣка, потому что каждый отдѣльный человѣкъ, въ своей

1) § 180—187.

2) Der Kampf des Glaubens gegen den Materialismus, dritter Artikel (Protest. Kirchenzeitung, 1857, N° 23, 24).

личности, равнозначителенъ цѣлымъ породамъ міра, видъ его находящагося. Въ геніи, направляющемъ человѣка къ лучшему, проявляется уже этотъ Промыслъ. Въ идеѣ Богочеловѣка заключается его историческое доказательство и замѣна прежнихъ космологическихъ теорій, несомѣстныхъ съ современною положительною наукою. Поэтому идея Богочеловѣка должна быть введена философіею какъ необходимая основа, и Хринологія есть необходимое завершеніе умозрительнаго ученія. Задачею теизма Фихте считаетъ указаніе самого процесса этого Промысла и допускаетъ посредство невидимыхъ духовъ охраняющихъ и направляющихъ дѣятельность человѣка, такъ что весь духовный міръ, отъ низшаго его проявленія, до высшаго существа, находится въ постоянномъ взаимодѣйствіи, и единство человѣчества осуществляется не только въ живущемъ человѣчествѣ, но и въ духахъ человѣчества всѣхъ временъ.

Мы передали въ предъидущемъ главныя черты теоріи Фихте. Безспорно въ его сочиненіяхъ встрѣчаются превосходныя частности. Его главная сила заключается въ пониманіи историческаго значенія ученій предшественниковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Гегелизмъ утвердилъ въ умахъ мыслителей сознаніе, что каждый фазисъ исторіи имѣетъ въ себѣ свое оправданіе, что безправный предъ потомками, всякій мыслитель выражаетъ свою болѣе или менѣе значительную сторону истины; съ тѣхъ поръ историческое изученіе всякаго предмета розысканій получило преобладающее значеніе въ философскихъ наукахъ. На произведеніе великаго писателя прежняго времени перестали смотрѣть съ обожаніемъ какъ на всю истину, или съ презрѣніемъ какъ на неудачную попытку, которую надо начать съязнова. Изъ древнихъ писателей старались высосать истину, чтобы внести ее въ новое органическое построеніе. Фихте глубоко усвоилъ себѣ этотъ методъ: всякое большое сочиненіе онъ начинаетъ историческимъ разборомъ существовавшихъ мнѣній и эти историческія введенія большею частью заслуживаютъ полнаго вниманія. Такъ своимъ основаніямъ системы философіи Фихте предпослалъ критическую часть; этикъ — разборъ всѣхъ нравственно-юридическихъ системъ, начиная съ середины XVIII

вѣка; антропологию — исторію психологическихъ теорій. Какъ осторожный наблюдатель, онъ внимательно изучалъ достоинства и недостатки предшественниковъ, собиралъ то, что казалось ему достоинствомъ и вмѣстѣ съ убѣжденіями, внесенными изъ жизни или современныхъ обстоятельствъ, сближалъ все это и строилъ изъ этого одну цѣльную систему. Конечно, этимъ путемъ онъ избѣжалъ тѣхъ рѣзкихъ выходовъ, которыя поднимали бурю возгласовъ противъ его отца, противъ первыхъ сочиненій Шеллинга, противъ Гегеля, Фейербаха. Его система гладко обдѣлана, обчищена; всѣ части, ласкающія убѣжденія и предразсудки большинства въ наше время, выставлены очень выпукло. Кстати приводится свидѣтельство того или другого знаменитаго мыслителя, сказавшаго почти тоже, что авторъ, но всегда обойденнаго авторомъ, который умѣетъ показать, что его мысль несравненно полнѣе и точнѣе предшественника. Слогъ Фихте чистъ и гладокъ, читается довольно удобно; ученіе весьма утѣшительно: на немъ могли бы, при желаніи, сойтись и теологи и мыслители-раціоналисты; съ весьма многими положеніями въ отдѣльности трудно не согласиться. Но при всемъ томъ отъ этого ученія вѣетъ холодомъ, оно отдаетъ потомъ и кабинетнымъ трудомъ. Оно сдѣлано. Оно не построилось органически въ мысли автора изъ переработанной пищи доставленной исторіей науки: мысль автора лишь клеила, сглаживала шероховатости, пополняла пустоты, сплавляла разнородныя матеріалы, строила автомата а не организмъ. Этотъ автоматъ имѣетъ лишь форму живаго существа.

Оттого его система не вдохновляетъ, не увлекаетъ какъ поэтическія построенія безусловнаго идеализма, какъ могущественная критика Канта и Фейербаха. Подъ шероховатостями и эксцентричностями великихъ мыслителей прошедшихъ школъ, подъ неумолимымъ стремленіемъ къ разрушенію новыхъ атеистовъ, читатель и слушатель чувствуетъ живое человеческое сердце; его чаруетъ художественная фантазія одного, дерзкая сила другого, и онъ не хочетъ знать ихъ непоследовательности. Если онъ вѣритъ ихъ ученію, то потому, что вѣритъ людямъ, потому что видитъ въ нихъ не эрудистовъ-собираателей, но поэтовъ науки, проникающихъ

ея факты жизнью, переработывающих ихъ въ свою мысль, въ свое воззрѣніе. Они были въ большей или меньшей мѣрѣ проповѣдники новыхъ религій, и около нихъ на время собирались вѣрующая община учениковъ. Они обладали пророческимъ энтузіазмомъ, потому что сами вѣрили, и вѣрили сильно, самоотверженно въ свое ученіе, не боялись результатовъ его, и не назначали себѣ сознательно цѣли, къ которой должны были придти. Этой силы, этой смѣлости, этой поэтической самоувѣренности въ Фихте нѣтъ и тѣни. Онъ поставилъ на своемъ пути вѣхи, назначилъ себѣ, что должно быть доказано, выписалъ изъ разныхъ авторовъ (преимущественно Капта, Шлейермахера, Гербарта) цитаты и пригоняетъ свои размышленія къ назначенной дорогѣ, боязливо оглядываясь по сторонамъ, не слишкомъ-ли далеко онъ отошелъ отъ лютеранскаго богословія, не слишкомъ-ли много уступилъ ему, не даетъ-ли потачки страшнымъ врагамъ — матерьялистамъ, не отступаетъ-ли отъ данныхъ точной науки? слышишь, какъ онъ перелистываетъ цѣлую бібліотеку; видишь, какъ онъ прислушивается къ общественному мнѣнію, боясь насмѣшки ученыхъ, боясь неудовольствія богослововъ.

Но для живой молодежи, желающей видѣть въ профессорѣ силу и смѣлость, этого не достаточно. Можетъ-ли ее увлечь учитель вѣчно оглядывающійся? можетъ-ли ее удовлетворить эта двойственность, проникающая всю теорію Фихте и миренная лишь на словахъ? Что за искусственное существо духъ и особенный отъ тѣла и съ нимъ нераздѣльный? Что за несчастный *genій*, заключенный вмѣстѣ съ непокорными побужденіями человѣка, и въ большей части случаевъ остающійся безъ сознанія? Что за неопредѣленная свободная воля, обусловленная необходимостью и между тѣмъ метафизически (не только субъективно) отвѣтственная? что за доказательства, основанныя на желаніи и на потребности исполненія желаній? Тотъ, кто можетъ подчинить разумъ желанію успокоенія, тотъ успокоится всего лучше въ таинствахъ вѣры, въ «обличеніи вещей невидимыхъ», которое открыто на каждомъ алтарѣ. Тотъ, кто наслѣдовалъ отъ современной науки безотвязную критику, тотъ остановится на скептицизмѣ науки, или подчинится простой метафизикѣ Фейербаха и Молшотта.

Тотъ же, кому нужно поэтически-идеальное построение всего сущаго, кто не можетъ отказаться отъ наслѣдства идеализма, отъ призраковъ любимыхъ съ колыбели, но вѣрить въ разумъ, тотъ станетъ искать другого исхода, другого построения, сходнаго съ его личностью. Въ самомъ дѣлѣ изъ теоріи Фихте весьма легко перейти къ какой угодно школѣ, стоитъ только понажать на одинъ изъ пунктовъ системы, передвинуть фразы и мы вышли, а все остальное осталось неизмѣннымъ. Напримѣръ припомнимъ, что при стремленіи къ единству человѣчества, человѣкъ остается на желаніи, потребности, неудовлетворимой дѣйствительностью: ей удовлетворяетъ религиозное чувство; оно есть завершеніе нравственности и по мнѣнію Фихте представляетъ внѣшнее (объективное) дополненіе желанію человѣка. Остановитесь на внутреннемъ (субъективномъ) дополненіи желанія человѣка; перенесите въ поэтическую фантазію человѣка то, что Фихте смутно видитъ какъ внѣшнюю сущность: вы на два шага отъ теогоніи Фейербаха ¹⁾. Эта возможность легко перейти къ совершенно другому ученію, измѣняя весьма немного въ данной теоріи, есть одно изъ доказательствъ малой органической связи между частями системы.

Мы остановились съ большею подробностью на Фихте, потому-что онъ составляетъ ихъ официальный центръ и потому-что наиболѣе характеризуетъ собою это направленіе. Скажемъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ ближайшихъ его сотрудникахъ.

Вейссе ²⁾; котораго мы уже назвали, возсталъ противу

---

1) *Theogonie nach den Quellen des classischen, hebräischen und christlichen Alterthums*, 1857 (Sämmtliche Werke, B. IX).

2) Христіанъ Германъ Вейссе род. въ Лейпцигѣ 1801 г. Онъ былъ назначенъ тамъ же адъюнктомъ философіи въ 1828 г. Съ 1837 до 1845 г. онъ не занимался преподаваніемъ и былъ съ самаго начала журнала Фихте однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ этого изданія. Его имени нѣтъ въ кievскомъ философскомъ Лексиконѣ 1857 г. Не указывая эстетическихъ и археологическихъ его сочиненій, замѣтимъ слѣдующія, относящаяся къ предмету нашей статьи:

Ueber den gegenwärtigen Standpunkt der philosophischen Wissenschaft mit besonderer Beziehung auf das Hegelsche System. 1829.

Die Idee Gottes. 1833.

Гегелизма, какъ ученія міровой необходимости, противопоставляя ему начало свободы, точнѣ произвола. Онъ признавалъ методъ Гегеля безсмертною заслугою ¹⁾, но отрицалъ его ученіе о Богѣ: «Самое бытіе Божіе,—говоритъ онъ,—должно понимать какъ Его *дѣло*, а не какъ безусловную необходимость. Отъ Божества бы зависѣло не быть имъ, если бы оно не хотѣло быть; но отъ него не зависѣло бы измѣнить или уничтожить логическія законы и формы понятія о бытіи» ²⁾. «Предъ созданиемъ міра содержаніе Божества должно было быть таково, что оно побудило его дать созданію извѣстный составъ въ противоположность другимъ составамъ» ³⁾. Вейссе отвергаетъ отрицательную сторону философіи Гегеля, улетучивающую все въ понятіе. Онъ видитъ въ этомъ нигилизмъ. Въ своей метафизикѣ ⁴⁾ онъ приходитъ лишь къ отрицательному безусловному, и потому ищетъ положительныхъ началъ внѣ умозрѣнія. Въ «основаніяхъ метафизики», составляющихъ, по его собственнымъ словамъ, «основаніе и ключъ» его философіи, онъ говоритъ: «Діалектическая философія должна еще сдѣлать возможнымъ истинное опытное ученіе (*eine wahrhafte Empirie*), опытное ученіе въ высшемъ смыслѣ. Заключеніе всего составляетъ понятіе, въ которомъ умозрѣніе и опытъ вполнѣ совпадаютъ: т. е. въ которомъ умозрѣніе само себя уничтожаетъ со всею полнотою своего содержанія, и на свое мѣсто ставитъ общій и всемірный предметъ опыта» (Бога). Онъ называетъ метафизикою науку, которая разсматриваетъ лишь отрицательныя свойства высшаго существа, отрицательныя условія его существованія, не будучи въ состояніи проникнуть до положительныхъ ⁵⁾. Далѣе: «Понятіе о Богѣ; получаемое изъ этой

Grundzüge der Metaphysik. 1835.

Das philosophische Problem der Gegenwart. 1842.

Philosophische Dogmatik. 1855.

1) Die Idee der Gottheit. Vorwort. S. III.

2) System der Aesthetik. 1830. Th. I, S. 19, 20, примѣчаніе. Мышле замѣчаетъ, что послѣднее было бы необходимымъ слѣдствіемъ перваго. Geschichte der letzten Systeme etc. B. 2, S. 634.

3) Die Idee der Gottheit, S. 302.

4) Grundzüge der Metaphysik.

5) S. III, IV, 88, 89. Мышле, Geschichte etc. B. 2, S. 635.

науки, еще лишено содержания и отвлеченно. Она не отрицает возможности свойствъ, даже непримиримыхъ и противурѣчивыхъ со свойствами истиннаго Бога, того Бога, который можетъ быть узнанъ лишь опытомъ, именно опытомъ христіанской вѣры» ¹⁾). Такимъ образомъ Вейссе рѣшительнѣе повернулъ въ сторону догматизма и авторитета. Мишле въ 1838 году признавался, что изъ Гегельянцевъ никто не шелъ далѣе въ этомъ направленіи.

Къ предъидущимъ двумъ писателямъ близокъ по мысли Брониссъ ²⁾ ученикъ Шлейермахера, но проникнутый методъ Гегеля. Онъ началъ съ критики своего учителя ³⁾ и потомъ возсталъ противъ Гегеля, обѣщая дать самостоятельную философію. Обширныя знанія и ловкое употребленіе различныхъ формъ языка доставляли Брониссу значительное вліяніе на университетскихъ слушателей, но онъ не избѣгъ дуализма, которымъ страждетъ все направление, къ которому онъ принадлежитъ. Во главу своей системы онъ ставитъ теологію, которая должна описать начальное дѣйствіе безусловнаго (actus purus), этимъ самымъ должно наполнить внѣ-міровое бытіе, которое Гегель оставилъ безъ содержанія, и должна представить Бога, какъ внѣ-міровое существо. Безусловное дѣйствіе (Thun) есть для Бронисса выраженіе идеи и начало системы; такимъ-образомъ онъ хочетъ начать съ понятія весьма-важнаго, но которое заключаетъ въ себѣ какъ предположеніе цѣлую метафизическую теорію. Теологія Бронисса заключаетъ въ себѣ понятія: безусловнаго дѣйствія, безусловнаго бытія, безусловнаго сознанія. Безусловный духъ получается какъ тожество этихъ трехъ началъ. Рядомъ съ теологіей стоитъ космологія, отдѣльная отъ нея по точкѣ

1) S. 562, 563. Розенкранцъ, Jahrbücher für wissensch. Kritik, Juni, 1836. Мишле.

2) Христіанъ Юлій Брониссъ род. въ Бреславлѣ 1792 г. Онъ профессоръ въ Бреславлѣ съ 1825 г. Онъ не указанъ въ кievскомъ Лексиконѣ. Изъ сочиненій его замѣтимъ, какъ относящихся къ предмету этой статьи:

Grundriss der Logik 1830.

System der Metaphysik. 1834.

Die wissenschaftliche Aufgabe der Gegenwart. 1841.

3) Ueber Schleiermachers Glaubenslehre. 1824.

исхода, какъ міръ внѣ Бога. Непосредственное знаніе Бога есть въ этой системѣ жизненное начало философіи. Метафизика приходитъ въ дилемму: или міръ непосредственно завершается въ своемъ твореніи, и тогда онъ есть слѣдствіе собственныхъ силъ, или его совершенство заключается въ его спасеніи, и тогда онъ есть Божіе созданіе. Брониссъ, конечно, приходитъ къ послѣднему рѣшенію. Космологія его заключаетъ ученіе о сущности вещей (онтологію) и ученіе о нравственности (этикологію), которое, къ удивленію, разсматриваетъ послѣдовательно вещество, жизнь и духъ. Брониссъ, какъ и Вейссе, сильно склоняется къ поклоненію авторитету.

Весьма-много томный писатель, также бывшій Гегельянецъ, это Карлъ Филиппъ Фишеръ ¹⁾, еще пропитанный методой и вопросами тридцатыхъ годовъ. Какъ въ его метафизикѣ 1834 г., такъ и въ послѣднемъ томѣ своей энциклопедіи философскихъ наукъ, вышедшемъ въ 1855 г., Фишеръ видитъ въ Гегелѣ и въ его ученіи главный философскій вопросъ нашего времени. Его метафизика начинается съ природы въ космологіи, и переходитъ чрезъ психологію, пневматологію къ Богу въ теологіи. Онъ вездѣ противопоставляетъ свой дѣйствительный (конкретный) теизмъ пантеизму Гегеля. «Поверхностная философія, — говоритъ онъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи — удаляетъ отъ религіи, болѣе-глубокая ведетъ къ ней; это начало есть сводъ всѣхъ розысканій Кеплера и Ньютона, Бэкона и Лейбница. Въ Германіи довольно такъ-называемыхъ мыслителей, полагающихъ, что независимость философіи заключается въ безусловномъ отрицаніи религіи. Мы имѣемъ право сказать, что они не подозрѣваютъ даже, что такое философія и религія. Странные психологи, для которыхъ религіозное чувство есть обольщеніе ума или болѣзнь сердца! Что касается до насъ, то,

---

1) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Куно Фишеромъ, изящнымъ историкомъ философіи, тоже бывшимъ Гегельянцемъ. Карлъ Филиппъ Фишеръ профессоръ въ Эрлангенѣ. Изъ его сочиненій замѣтимъ:

Die Wissenschaft der Metaphysik im Grundrisse. 1834.

Die Idee der Gottheit. 1839.

Grundzüge des Systems der speculativen Theologie. 1855.

зная изъ исторіи и изъ собственнаго опыта, что религіозное чувство есть законное слѣдствіе здороваго и сильнаго сознанія, мы безъ страха вопрошаемъ философію религій, и если бы, при концѣ нашихъ розысканій, мы сошлись съ положительнымъ Христіанствомъ, мы не перестанемъ быть философами, потому-что мы методически и свободно отыскиваемъ истину.» Разобравъ идею Бога и необходимость живаго и свободнаго Божества, Фишеръ ищетъ всѣ черты этого Божества въ исторіи человѣчества. Онъ въ ней отыскиваетъ царство Отца, царство Сына и царство Духа Святаго, три великіе періода развитія человѣческаго духа, которые для Фишера суть слѣды, оставленные Творцомъ на Его твореніи, и отраженіе неба на землѣ. Здѣсь очевидно сближеніе съ Шеллингомъ и съ средневѣковыми мистиками.

Сюда-же относится Ульрици ¹⁾, замѣчательный своими прежними произведеніями о древней поэзіи и Шекспирѣ ²⁾, но не совсѣмъ удачно поднявшій знамя противъ Гегеля, возобновляя нападенія Бахмана, давно опровергнутыя Розенкранцомъ и Фейербахомъ. Въ прошедшемъ году появилось его сочиненіе противъ матерьялизма, ограничивающееся изученіемъ человѣка, въ-особенности духовной стороны его. Въ этомъ сочиненіи, какъ и въ предъидущихъ, Ульрици является рѣшительнымъ текстомъ. Въ послѣднее время онъ участвуетъ въ редакціи журнала Фихте.

Предъидущіе писатели примыкаютъ къ группѣ католическихъ философовъ, которые, по самому своему исповѣданію, связаны несравненно-болѣе своихъ протестантскихъ товарищей. Это Трокслеръ, Зенглеръ, Штауденмайеръ ³⁾, въ-особен-

---

1) Германъ Ульрици род. въ Пфедтенѣ 1806 г. Онъ профессоръ въ Берлинѣ съ 1833 г., въ Галле съ 1834 г. Изъ его сочиненій, сюда относящихся, замѣтимъ:

Ueber Princip und Methode der Hegelschen Philosophie. 1841.

Das Grundprincip der Philosophie. 1845—1846.

System der Logik. 1852.

Glauben und Wissen. 1858.

2) Geschichte der griechischen Dichtkunst. 1835.

Ueber Schakspeares dramatische Kunst. 1839.

3) Изъ сочиненій названныхъ авторовъ замѣтимъ:

ности Гюнтеръ. Можно-бы, пожалуй, назвать еще Штэкля ¹⁾ и другихъ, но уже это философы XIX вѣка лишь по имени и могли-бы смѣло жить въ среднія вѣка. Ихъ точка отправления — отрицаніе умозрѣнія, какъ самостоятельнаго орудія. Въ этомъ отношеніи они несравненно послѣдовательнѣе всѣхъ остальныхъ лицъ нами названныхъ, но.... ихъ точка зрѣнія лежитъ совершенно внѣ нашего предмета. Въ Трокслерѣ еще видны остатки Шеллингизма и даже слѣды учения Гегеля, но онъ предпочелъ имъ мистику преданія. Въ своей философской теоріи онъ порицаетъ Якоби, который допустилъ непрерывное внутреннее откровеніе въ духѣ чело-вѣка: Трокслеръ допускаетъ лишь внѣшнее откровеніе въ постановленіяхъ церкви, и въ совпаденіи вѣры съ этими постановленіями видитъ единственный истинный авторитетъ. Рядомъ съ этимъ положительнымъ источникомъ знанія, Трокс-леръ принимаетъ формальную логику въ ея полномъ раз-витіи. Зенглеръ и Штауденмайеръ, редакторы фрейбург-скаго католическаго «Журнала для философіи», подчиняютъ всѣ существующія системы строгой критикѣ, защищаютъ скептицизмъ на столько, чтобы поколебать довѣріе въ без-условную силу разума, и потомъ построить на поклоненіи авторитету формальный союзъ между разумомъ и догматомъ. Но самое замѣчательное явленіе, какъ по своему діалекти-ческому искусству, такъ и по вліянію, представляетъ Антонъ Гюнтеръ. Странная, съ перваго взгляда, судьба этого чело-вѣка и его ученія, есть повтореніе другаго событія, от-носящагося къ тридцатымъ годамъ этого вѣка, и теперь полузабытаго, но въ свое время волновавшаго умы въ Ев-ропѣ. Мы говоримъ здѣсь о Гермесѣ и его ученія. Хотя

Logik von Troxler. 1829—1830.

Geist des Christenthums von Standenmeyer. 1835.

Его же: Geist der göttlichen Offenbarung. 1837.

Philosophie des Christenthums. 1840.

Die Idee Gottes, von Sengler. 1845—1847.

Ueber das Wesen und die Bedeutung der speculativen Theologie. 1834.

Его же.

Erkenntnisslehre, 1 B. 1858. Его же.

1) Die speculative Lehre vom Menschen. B. 1, 2. 1858.

Отд. I.

12

по времени эта попытка уже не можетъ быть названа современною для нашего поколѣнія, живущаго такъ быстро, но, по связи этихъ фактовъ съ нашимъ предметомъ, читатели позволяютъ небольшое отступленіе.

Въ то время, когда Гегелизмъ основывалъ въ Берлинѣ свой престолъ безусловнаго разума ¹⁾, когда всѣ школы идеалистовъ умолкали предъ діалектикой системы, объявившей себя наслѣдницею и завершеніемъ всѣхъ системъ, въ католической части прусскихъ владѣній основанъ былъ, согласно обѣщанію прусскаго короля, католическій университетъ въ Боннѣ и, какъ главная опора новаго храма науки, былъ приглашенъ изъ Мюнстера богословъ уже знаменитый, окружившій себя школою учениковъ, Георгъ Гермесъ ²⁾. Онъ еще студентомъ богословія въ 1794 г., не могъ устранить вопросы, которые вносила критика Канта во всѣ основы человѣческаго духа. Принявшись за преподаваніе, онъ не могъ принять начало слѣпой вѣры, и не хотѣлъ остановиться на скептицизмѣ. Онъ задалъ себѣ слѣдующую задачу: начать съ безусловной критики Канта, съ научнаго сомнѣнія не только въ ученіи католичества, не только въ догматѣ теизма, но даже въ дѣйствительности нашего познанія внѣшняго міра; послѣ того доказать истину основаній католической теоріи: истину новозавѣтныхъ книгъ, католическаго преданія и словеснаго ученія; и тогда уже приобрести неоспоримое убѣжденіе въ этихъ основахъ, построить на нихъ зданіе католическаго богословія. Его преподаваніе отличалось ясностью, основательностью и послѣдовательностью. Онъ былъ правдивъ и добродушенъ въ частной жизни; вѣчно боролся съ весьма-неблагоприятными экономическими обстоятельствами,

---

1) См. Гегелизмъ (Библ. для Чтенія, 1858, май, сентябрь). Практическая философія Гегеля (тамъ же, 1859, апрѣль, май).

2) Г. Гермесъ род. въ 1775 г. и былъ сынъ крестьянина. Начавъ съ деревенской школы, онъ въ 1798 г. былъ преподавателемъ въ Мюнстерской гимназіи. Въ 1819 г. онъ перешелъ профессоромъ въ Боннѣ. Изъ его сочиненій главное есть: *Einleitung in die christcatholische Theologie*, 1819, но его напечатано только первое отдѣленіе. Алерфельдъ издалъ послѣ его смерти: *Christ-Catholische Dogmatik*. Браунъ и Эльвенихъ защищали дѣло Гермезіанства въ родѣ латинскихъ и нѣмецкихъ брошюръ.

не дозволяя имъ никогда имѣть вліяніе на его оффиціальное положеніе. Немудрено, что онъ приобрѣлъ горячихъ приверженцевъ, учениковъ, вѣрныхъ ему даже послѣ смерти. Онъ былъ убѣжденъ, что доказательства для его ученія существуютъ; и онъ желалъ найти ихъ: немудрено, что для него они были убѣдительны. Онъ полагалъ, что исполнить требованіе, имъ самимъ поставленное. «Для-того, чтобы идти съ увѣренностью впередъ, богословъ долженъ прежде-всего увѣриться въ твердости философскихъ основаній своего построенія и по-крайней-мѣрѣ здѣсь долженъ слѣдовать только принужденію разума.» Анализируя католическую систему какъ данную, Гермесъ восходитъ къ основанію нашего знанія. Онъ убѣждается, что отъ нашего знанія нельзя еще заключить о дѣйствительности познаваемыхъ предметовъ, но принимаетъ за основаніе психологическій фактъ, по которому въ человѣкѣ, вмѣстѣ съ мыслию и съ знаніемъ, происходитъ явленіе духа, въ слѣдствіе котораго онъ признаетъ дѣйствительнымъ сознаваемое. Это явленіе невыдѣлимаго признанія дѣйствительности сознаваемого онъ считаетъ теоретическимъ основаніемъ своей начальной философій, началомъ разумной вѣры.

Отсюда, на основаніи извѣстнаго начала достаточной причины, Гермесъ восходитъ отъ бытія міра къ бытію Божію. Далѣе подобнымъ же путемъ доказываетъ истину откровенія вообще и католическаго откровенія въ особенности. Во второй части вышедшаго отдѣла своего введенія Гермесъ доказываетъ истину новозавѣтныхъ книгъ ¹⁾; въ слѣдующихъ отдѣлахъ должно было заключаться доказательство истины католическаго преданія и словеснаго ученія.—Когда его пригласили профессоромъ въ Боннъ, Гермесъ считался однимъ изъ столбовъ католическаго ученія, но онъ при этомъ обладалъ нетерпимостью въ отношеніи къ лицамъ другого мнѣнія, нетерпимостью, которая есть довольно обыкновенное, хотя и болѣзненное, слѣдствіе сильнаго религіознаго убѣжденія.

1) Такъ какъ это сочиненіе вышло раньше 1835 г., знаменитаго въ развитіи этихъ розысканій, то оно теперь имѣетъ мало значенія, не смотря на ученость автора.

Гермесъ съ своими учениками и послѣдователями находился въ Боннѣ между двумя крайними партіями. Ученіе свободныхъ мыслителей представляли Грацъ и Зеберъ, ученіе католическихъ мистиковъ Виндишманъ. Первые были удалены вслѣдствіе дружественныхъ отношеній между Гермесомъ и кельскимъ архіепископомъ графомъ Шпигелемъ. Вскорѣ большая часть кафедръ университета, и преподаваніе въ гимназіяхъ и семинаріяхъ, перешло въ руки Гермезіанцевъ. Когда Гермесъ умеръ въ 1831 г., въ одинъ годъ съ великимъ берлинскимъ философомъ, его ученіе преобладало, Виндишманъ и его приверженцы преподавали предъ пустыми аудиторіями.

Но зависть въ партіи пренебреженныхъ теологовъ всегда умѣетъ прикрыться личиной защиты святыни. Въ Римъ стали являться доносы на Гермеса и его преверженцевъ. Они признавали авторитетъ Рима *только* потому, что разумъ ихъ подтверждалъ его; значить они подчиняли догматъ разуму, значить они отступали отъ истиннаго ученія.—Этимъ доносамъ помогли политическія обстоятельства. Гермесъ и Шпигель поддерживали прусскую партію, государственное начало, но въ рейнскихъ провинціяхъ, обманутыхъ невыполненными обѣщаніями центральнаго правительства относительно народнаго представительства, устройства суда присяжныхъ и т. п. начиналось глухое броженіе. Этимъ воспользовались истые католики. Они представляли Гермезіанцевъ на Рейфѣ, какъ партію поддерживаемую изъ Берлина, Риму какъ людей, жертвующихъ интересами церкви интересу государства. Пока Шпигель былъ живъ, его берегли въ Римѣ, но онъ умеръ 2 авг. 1835 г. и 28 сентября того же года обрушилось на Гермезіанцевъ папское посланіе. *Dum aurbissimas*, въ которой порицалось вообще и въ частности ученіе Гермеса. Съ вступленіемъ въ должность новаго архіепископа барона Дроста Фишерингъ, крайняя католическая партія вступила въ управленіе; Гермезіанцы подверглись формальному гоненію; самый боннскій университетъ и семинарія должны были вынести инквизиціонное наблюденіе архіепископа; преподаваніе было поколеблено въ своихъ основаніяхъ ¹⁾. Напрасно Гермезіан-

1) Дѣло о смѣшанныхъ бракахъ повело чрезъ нѣсколько лѣтъ Дроста-

цы отписывались, напрасно профессоръ Біуде уничтожилъ возраженіе іезуита Перроше; напрасно они отправили въ Римъ депутацію изъ Брауна и Эльвениха. Совершенный случай во Франціи доставилъ имъ правда хорошій аргументъ. Страсбургскій профессоръ Ротенъ, въ то время сильный противникъ разума, былъ осужденъ своимъ архіепископомъ за то, что онъ не признавалъ правъ разума, между тѣмъ какъ Гермеса обвиняли за уваженіе къ разуму. Но какъ будто папѣ римскому надо быть послѣдовательнымъ, чтобы оставаться непогрѣшимымъ. Въ Римѣ приняли просителей весьма ласково и — носмѣялись надъ добродушными Нѣмцами. «Ошибаются и тѣ, которые приписываютъ все вѣрѣ, не оставляя ничего разуму, и тѣ, которые отдаютъ все разуму, такъ что вѣрѣ ничего не остается» сказалъ Эльвениху Григорій XVI. Гермезіанизмъ какъ школа изчезъ и остался только какъ личное убѣжденіе нѣсколькихъ богослововъ.

Подобная исторія повторилась въ послѣдніе годы съ австрійскимъ богословомъ Антономъ Гюнтеромъ.

Ему теперь 76 лѣтъ, онъ прошелъ чрезъ философское ученіе въ первое дѣсятилѣтіе нашего вѣка, но изъ этого ученія вынесъ рѣшимость отказаться отъ духовнаго званія, къ которому назначалъ себя. Потомъ жизнь его повернула въ другую сторону, и онъ сдѣлался священникомъ, потомъ къ іезуитамъ, оставилъ ихъ и сдѣлался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ католическихъ мыслителей нашего времени. Сначала онъ писалъ рецензіи въ «Вѣнскихъ лѣтописяхъ», потомъ въ 1828 издано его первое теологическое сочиненіе ¹⁾).

Фишерингъ къ явному возстанію противъ прусскаго правительства. Онъ былъ насильственно схваченъ, отвезенъ въ Минденъ, и остался въ ссылкѣ до конца царствованія Фридриха Вильгельма III. Возвратясь въ Кельнъ онъ тамъ умеръ.

1) *Vorschule zur speculativen Theologie.*

Изъ прочихъ его сочиненій замѣтимъ:

Peregrins Gastmahl. 1830.

Süd- und Nordlichter am Horizonte speculativer Theologie. 1832.

Jannsköpfe etc. 1834 (вмѣстѣ съ Пабстомъ).

Thomas a scrupulis. 1835, и т. д.

Его ученіе изложено у Мертена: *Grundriss der Metaphysik*, 1848, и краткѣ въ: *Unsere Zeit*, 1857, S. 609 ff.

Быстро послѣдовали за этимъ сочиненіемъ другія. Съ 1849 по 1854 онъ издавалъ журналъ «Лидію». Съ неумолимой критикой, съ рѣзкой насмѣшкой, разсѣкалъ Гюнтеръ всѣ системы философовъ прежняго времени, всѣ попытки ихъ современныхъ послѣдователей; ни за одинъ вопросъ метафизики онъ не принимался иначе, какъ разобравъ и по возможности ушчтоживъ всѣ рѣшенія противниковъ. И тогда, очистивъ мѣсто, онъ принимался строить свое зданіе, котораго завершеніе должно было заключаться въ полномъ оправданіи католичества въ его основаніяхъ и его выводахъ. — Гюнтеръ начинаетъ свою философію съ анализа самосознанія. Онъ доказываетъ невозможность единства сознающаго *я* и сознаемаго *я*, слѣдовательно доказываетъ, что человѣкъ въ сущности двойственъ. Сознаваемое *я* не можетъ быть сознано непосредственно, но сознаются лишь состоянія (Zustände) перваго, которыя въ своемъ разнообразіи состоятъ изъ воспринятія дѣйствія и изъ воздѣйствія. Но воспримчивость человѣка отлична отъ его чувства, потому-что его развиваетъ не природа, не вѣщный міръ, а люди существующимъ въ нихъ самосознаніемъ, и его самосознаніе заключается въ свободной дѣятельности, слѣдующей за воспримчивостью или въ сознательной воспримчивости впечатлѣнія. Различая въ себѣ эти два состоянія воспримчивости и дѣятельности (Spontaneität), и сознавая ихъ единство въ себѣ человѣкъ сознаетъ свое бытіе, которое есть ничто иное, какъ единство этихъ силъ.

Но сознание имѣетъ начало; оно пчезаетъ и возвращается, а человеческое *я* продолжаетъ существовать, и въ первое мгновеніе сознанія открываетъ, что оно уже имѣло прошедшее: значитъ, въ человѣкѣ сознание есть не сущность сего *я*, но человѣкъ только *способенъ* быть сознательнымъ. По этому состоянію двойственности силъ предшествуетъ состояніе, при которомъ эта двойственность только возможна (potenziel). Итакъ человеческое *я* есть первоначально бытіе, которое имѣетъ назначеніе сдѣлаться самосознательнымъ, но не имѣетъ силы развить въ себѣ самосознаніе, а для этого требуетъ содѣйствія и помощи другихъ самосознательныхъ существъ. Принимая впечатлѣніе и противудѣйствуя ему, духъ сознаетъ себя

какъ единство того и другого, и сознаетъ свое *я*. При этомъ *я* представляется не какъ отвлеченное *понятіе*, заключающее общія черты разныхъ дѣйствительныхъ явленій, но какъ живая *идея* того, что не измѣняется въ человѣкѣ, что пребываетъ дѣйствительнымъ и постояннымъ во всѣхъ впечатлѣніяхъ имъ принимаемыхъ и во всѣхъ его воздѣйствіяхъ. Все, что человѣкъ узнаетъ какъ дѣйствительное, должно такимъ же образомъ носить на себѣ характеръ не понятія, но идеи. Поэтому знаніе внѣшняго міра выходитъ для человѣка изъ самосознанія.

Изъ предъидущаго видно, что для Гюнтера духъ есть не только мыслящая личность (*субъектъ*) но и мыслимый предметъ (*объектъ*). Онъ составляетъ особое цѣлое. Природа, отдѣльная отъ него, должна тоже заключать въ себѣ эти двѣ стороны существованія. Природа не можетъ быть представлена безъ вещества и безъ силъ, но сущность ея должна заключать эти два различныхъ начала какъ нераздѣльные и въ этомъ должна заключаться истинная философія природы. Какъ духъ, такъ и природа знаетъ о себѣ, но различно. Знаніе духа есть *идея духа*, т. е. знаніе, что духъ дѣйствителенъ и единъ въ разнообразіи явленій. Знаніе природы есть *понятіе природы* какъ общаго внѣшняго отвлеченнаго начала, обнимающаго разнообразіе явленій. При построеніи природы человѣкъ идетъ отъ представленій путемъ отвлеченія къ простѣйшимъ представленіямъ, понятіямъ, и шагъ за шагомъ восходитъ къ понятію отвлеченнаго бытія вообще. Здѣсь дѣйствительная раздѣльность находитъ формальное единство. При построеніи своего *я*, своего духа, человѣкъ поступаетъ прямо противоположнымъ образомъ, какъ уже видѣли. Въ формальномъ раздѣленіи проявленій воспріятія и воздѣйствія человѣкъ находитъ дѣйствительное единство. Отсюда Гюнтеръ заключаетъ, что сущность этихъ двухъ существъ, столь различнымъ способомъ построенныхъ, вполне различна и что человѣкъ въ своемъ знаніи долженъ остановиться на двойственности природы и духа.

Въ человѣкѣ соприсутствуютъ оба эти начала, и человѣкъ является какъ ключъ свода вселенной, ключъ, въ которомъ сходятся два міра существенно противоположные. По си-

стемъ Гюнтера природа сознательна, одушевлена, и соединеніе двухъ началъ въ человѣкѣ есть не подчиненіе бессознательнаго тѣла сознательному духу, между которыми не можетъ быть ничего общаго, но подчиненіе понимающей природной души разумному, созидающему духу.—Изъ предъидущаго видно, что Гюнтеру легко признать тройственность существъ: природу одаренную душою, царство чистыхъ духовъ, человѣка одареннаго душою и духомъ.

Человѣкъ сознаетъ дѣйствительность своего бытія, но въ то же время свою ограниченность, невозможность собственными силами выработать самосознаніе, свою зависимость отъ окружающаго. Отсюда, по мнѣнію Гюнтера, онъ необходимо восходитъ въ бытію сознательному и независимому, къ безусловному существу, къ Богу. Это безусловное существо является ему обуславливающимъ природу въ ограниченности ея частей, создающимъ ее.—Итакъ, по Гюнтеру, идея Бога точно также необходимо является въ человѣкѣ, какъ его самосознаніе и есть слѣдствіе послѣдняго. Изъ воспріятія и воздѣйствія родилась идея я. Изъ сознанія своей дѣйствительности и отрицанія своей безусловности родится идея безусловнаго бытія. Чтобъ построить всѣ свойства безусловнаго существа Гюнтеръ употребляетъ подобный же ходъ. Онъ въ свойствахъ человѣческаго духа отрицаетъ неполноту и восходитъ такимъ образомъ къ свойствамъ Божіимъ.

Въ переходѣ человѣка изъ отсутствія самосознанія къ самосознанію открываетъ Гюнтеръ и начало этики. Пока существо дѣйствуетъ подъ побужденіемъ другихъ, оно сознаетъ но еще не имѣетъ ни самосознанія, ни совѣсти; дѣйствія ему назначаются извнѣ; оно несвободно и неотвѣтственно. Съ возбужденіемъ самосознанія въ человѣкѣ просыпается и стремленіе опредѣлять свои дѣйствія по собственному побужденію — свобода воли; пробуждается сознаніе, что эти дѣйствія суть его свободныя дѣйствія — совѣсть, и человѣкъ дѣлается отвѣтственнымъ за свои свободныя дѣйствія. Дѣйствуй, какъ свободное существо, сознавая себя свободнымъ! покоряйся совѣсти изъ уваженія къ ней!—вотъ первое правило этики. Такъ какъ человѣкъ есть соединеніе природы

и духа, но достоинство его лежитъ въ послѣднемъ; то для него получаютъ правила: проявляй въ своихъ дѣйствіяхъ, что въ тебѣ соединены природа и духъ! веди по возможности природу въ себѣ и внѣ себя къ ея совершенству! не позволяй духу уступать природѣ свое первенство! Тѣмъ не менѣе, хотя духъ непосредственно сознаетъ себя, какъ свободный источникъ нравственнаго закона, но посредствомъ сознанія безусловнаго существа, какъ источника всѣхъ законовъ, онъ и относитъ дѣйствительное начало нравственности къ Богу, видитъ въ требованіяхъ своего духа волю св. Духа и заключаетъ этику требованіямъ: не поддавайся искушенію считать себя за существо, не подлежащее никакому внѣшнему авторитету.

Гюнтеръ не оставилъ безъ вниманія вопросы права и эстетики, но съ особенною любовью обращался къ вопросамъ богословскимъ. Живѣйшее его желаніе заключалось въ пробужденіи умозрительнаго направленія въ богословіи и въ содѣйствіи этимъ путемъ католической церкви. Онъ старался опредѣлять отношеніе вѣры къ знанію такимъ образомъ, чтобъ утвердить непогрѣшимый авторитетъ церкви и въ то же время охранить авторитетъ разума, хотя подверженнаго ошибкамъ, но не выдѣлимаго. Для Гюнтера философія не должна быть только привозницею богословія, но и послѣднее не должно питаться лишь крохами философій. Всѣ догматы католичества онъ вывелъ изъ своей философіи, рѣшительно опиравшейся на двойственность внутри и внѣ челоука.

Судьба этого замѣчательнаго мыслителя и ревностнаго католика, который тому два вѣка былъ бы поставленъ на ряду съ Боссюэтомъ, была подобна судьбѣ Гермеса, съ тою разницею, что Гюнтеръ испыталъ благодарность римской курии при жизни, и что въ столицѣ австрійской имперіи, давно изуродованной въ умственномъ отношеніи, не нашлось группы смѣлыхъ защитниковъ ученія, заслужившаго порицаніе. 8 января 1857 г. всѣ сочиненія Гюнтера внесены въ римскій Index librorum prohibitorum. 15 іюня того же года Пій IX подтвердилъ осужденіе Гюнтера въ посланіи къ кардиналу Гейсело; это посланіе обнародовано 1 сентября того же года.

Гдѣ причина этого явленія, по видимому страннаго, что католичество отталкиваетъ и осуждаетъ лучшихъ своихъ защитниковъ. Ослѣпленіе? интрига другихъ католическихъ профессоровъ? случайность? — Для нѣкоторыхъ личностей, дѣйствовавшихъ при этомъ всѣ эти причины могли имѣть мѣсто, но истинная причина лежитъ глубже. Можетъ быть нѣкоторые писатели правы, говоря, что вѣчно дѣятельный орденъ іезуитовъ былъ главнымъ двигателемъ въ обомъ этихъ осужденіяхъ, какъ въ осужденіи Расмини въ Италіи, Гиршера въ Фрейбургѣ, Бреннера въ Баваріи ¹⁾, но въ этомъ случаѣ интересъ іезуитовъ былъ соединенъ съ невыдѣлимимъ требованіемъ, съ жизненною необходимостью католическаго вѣроученія. Цѣль католичества заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобы богословъ доказалъ вполне всѣ догматы его ученія на основаніи разума; но главное, чтобъ ученый смирился предъ авторитетомъ папы, чтобы призналъ недостаточность своего орудія. Ничего, если онъ немножко отступилъ отъ догмата, лишь бы сказалъ: впрочемъ, если ошибаюсь, то покоряюсь вполне словамъ главы церкви: ему позволено тогда сказать и напечатать весьма многое. Но тотъ, кто опирается на разумъ и считаетъ его неизблемою опорою, этимъ самымъ есть противникъ Рима, хотя бы подерживалъ всѣ его положенія въ частности. Что разумомъ построено, то можетъ быть имъ же и опровергнуто. Изъ началъ разума вышли Абельаръ и Лютеръ, Спиноза и Фейербахъ. Разумъ долженъ смириться предъ изреченіемъ папы, долженъ служить католическому догмату, постоянно помнить, что онъ слуга, что онъ долженъ сейчасъ выйти вонъ, когда вздумается его господину остаться одному. Разумъ можетъ видѣть, но сквозь очки преданія; онъ можетъ летать, но на привязи римской куріи ²⁾, и когда она произнесла свое рѣшеніе, онъ долженъ смиренно выслушать слова Августина,

---

1) *Unsere Zeit*, 1857, S. 631.

2) Мишле (французскій) довольно ловко очертилъ это состояніе ума, говоря о средневѣковыхъ схоластикахъ во введеніи перваго тома своей *Исторіи Франціи въ XVI вѣкѣ: Renaissance. La formation du peuple des vots*; хотя, конечно, онъ, съ своей точки зрѣнія, не могъ допустить, что это для католичества вполне послѣдовательно.

которыя кардиналъ Ламбускини привелъ на память Эльвениху: «Roma locuta, causa finita ¹⁾»).

Съ другой же точки зрѣнія Гюнтеръ, при всей силѣ своей критики, при энергіи своей мысли, не удовлетворить критическому требованію современности. Въ заключеніи отъ отрицанія безусловности своего я, къ положенію дѣйствительнаго осуществленія безусловной идеи, скачокъ дѣлаетъ не мысль автора, а его желаніе, этотъ теогоническій дѣятель создающій всѣ мнѣя. Отъ различія въ образованіи идеи духа и понятія о природѣ заключить о существенномъ ихъ различіи также слишкомъ рѣшительно. Вообще дуализмъ Гюнтера есть весьма искусное построеніе, которое бы весьма высоко было оцѣнено современными мыслителями, если бы онъ не связалъ его съ дряхлою практическою идеею папства ²⁾, но это ни болѣе, ни менѣе какъ еще теорія, между прочими, подтверждающая еще разъ невозможность выйти изъ міра явленій иначе, какъ по пути созидающей поэзіи, или смиренной вѣры.

Несравненно проще въ этомъ отношеніи поняли свое положеніе нѣсколько мыслителей, о которыхъ мы теперь скажемъ нѣсколько словъ, не останавливаясь на нихъ особенно, потому что они лишь въ малой мѣрѣ принадлежатъ къ созидателямъ богословскихъ истинъ помощью разума.

Первый изъ нихъ, Дробишъ ³⁾ вышелъ изъ школы Гербарта, самой научной изъ школъ начала нынѣшняго вѣка. Но именно потому эта школа имѣла мало вліянія. Общество увлекается не истинною, но стройностію, не точностію отдѣльныхъ свѣдѣній, а цѣлостію всей системы. Когда Шеллингъ въ поэтическомъ восторгѣ обѣщалъ міру построеніе

1) Римъ изрекъ; дѣло кончено.

2) О возможности соединенія одной и той же теоретической философіи съ весьма разнообразными практическими ученіями, см. Практическая Философія Гегеля, статья первая, Библи. для Читенія, 1859, апрѣль.

3) Морицъ Вильгельмъ Дробишъ род. въ Лейпцигѣ 1802 г., сдѣлался въ 1827 г. профессоромъ математики въ Лейпцигѣ, а въ 1842 г. профессоромъ философіи. Изъ его сочиненій замѣтимъ:

Grundlehre der Religions-Philosophie. 1840.

Онъ также доставилъ много статей въ журналъ Фихте.

цѣльной всеобъясняющей теоріи, когда Гегель создалъ свое гигантское зданіе энциклопедіи однимъ діалектическимъ процессомъ, кому охота была слушать Гербарта съ его нѣсколькими несоединимыми началами знанія, съ его нерѣшительностью въ самыхъ задумевныхъ вопросахъ человѣчества, съ его монадами. Между тѣмъ въ его ученіи скрывалось много точныхъ психологическихъ розысканій, много глубокихъ замѣтокъ относительно практической философіи. Почти всѣ мыслители нашего времени отдали ему справедливость въ этомъ отношеніи и многіе заимствовали у него или основныя начала или совсѣмъ готовые результаты. Конечно и его ученіе проникнуто метафизическимъ направленіемъ, присутствующимъ во всѣхъ его современникахъ и которому подчинился самъ Кантъ въ «Критикѣ практическаго разума», но говоря выше, что теорія Гербарта научѣ Шеллингизма и Гегелизма, мы хотѣли только выразить относительное, а не безусловное ея значеніе для науки. Онъ смѣло отдѣлилъ вѣру отъ знанія, отказался отъ возможности построить на основаніи разума рѣшеніе вопросовъ, касающихся до безусловнаго существа, и самъ остановился на точкѣ зрѣнія скептицизма въ этомъ отношеніи. Но его ученики не хотѣли или не могли этимъ удовольствоваться. Тауте бросился въ рационализмъ, Дробишъ — въ супранатурализмъ. Но главная дѣятельность Дробиша относится къ области психологіи, въ которую онъ старался внести характеръ положительныхъ наукъ, и даже опереться на математику.

Лоце ¹⁾ объявилъ себя печатно нисколько не связаннымъ со школой Гербарта ²⁾, но тѣмъ неменѣе слѣды этого направленія видны въ его ученіи и самая полемика

---

1) Рудольфъ Германъ Лоце род. въ 1801 г. въ Бауценѣ и преподавалъ философію въ Лейпцигѣ и въ Геттингенѣ. Изъ его сочиненій замѣтимъ:

Metaphysik. 1841.

Pathologie. 1842.

Allgemeine Physiologie. 1851.

Medicinische Psychologie. 1852.

Streitschriften. 1856.

Microkosmos, B. 1. 1856.

2) Streitschriften, S. 8.

его противъ частностей теоріи Гербарта, безпрестанно возобновляемая, показываетъ, что онъ чувствуетъ здѣсь что-то близкое себѣ, относительно чего положеніе его, Лоце, должно быть ясно опредѣлено. Не говоримъ о его психологическихъ и вообще антропологическихъ трудахъ, гдѣ онъ является точнымъ наблюдателемъ, ловкимъ, спокойнымъ диалектикомъ и довольно осторожнымъ идеалистомъ. Въ своей «Патологіи» онъ вооружался противъ жизненной силы, въ своихъ «Полемиическихъ статьяхъ» противъ Фихте, въ своей «Медицинской Психологіи» и въ «Микрокосмѣ» противу материалистовъ. Онъ доказываетъ, что механическая теорія должна господствовать при изученіи средствъ явленій, но что она должна быть служебною при оцѣнкѣ ихъ значенія, и цѣлю котораго служатъ лишь цѣли. Онъ полагаетъ начало метафизики въ этикѣ, и высказываетъ убѣжденіе, что изучая то, что должно быть по нравственнымъ началамъ, мы получаемъ указаніе на то, что дѣйствительно есть. Онъ назначаетъ цѣлью философіи, преслѣдующей зависимость всего существующаго отъ единства высшаго начала, открытіе безконечной сущности, творящей, образующей и связывающей все конечное. Это высшее начало должно имѣть въ высшемъ содержаніемъ всѣ нравственныя идеи, внутреннимъ содержаніемъ блаженство и святость, и форма ему соответствующая есть форма личнаго высшаго существа. Впрочемъ Лоце при этомъ отрицаетъ всякую мифологію преданія, и высказываетъ свое мнѣніе осторожно, какъ личное вѣрованіе, а не какъ результатъ разумнаго построенія. Личное вѣрованіе есть фактъ, не подлежащій разбирательству, и святыня каждаго человѣка, до которой нѣтъ дѣла критикѣ.

Подобную же точку зрѣнія, весьма осторожно обставленную разными ограниченіями человѣческаго знанія занимаетъ Апельтъ ¹⁾ въ своей метафизикѣ (1857). Онъ объявляетъ себя продолжателемъ Канта и Фриза. Безпрестанно опира-

1) Эрнстъ Фридрихъ Апельтъ профессоръ въ Гемб. Изъ его сочиненій, принадлежавшихъ метафизикѣ, замѣчательны:

Theorie der Induction.

Die Epochen der Weltgeschichte.

ясь на великаго критика, развивая и дополняя его методъ, приводя примѣры изъ положительныхъ наукъ, Апелътъ шагъ за шагомъ приходитъ къ области раздѣленія человѣческихъ мнѣній. Изъ нравственнаго начала человѣка онъ получаетъ необходимость для послѣднаго перенести нравственное понятіе достоинства и цѣли внѣ себя и допустить мировое господство нравственныхъ идей. Отсюда религіозное ученіе. Изъ начала личнаго достоинства вырастаетъ начало безсмертія души. Изъ начала отвѣтственности выходитъ безусловное значеніе добра и зла, грѣха и осужденія. Изъ начала лучшаго міра получается представленіе Божественнаго управленія міромъ. Но тутъ же Апелътъ признаетъ, что назначеніе человѣка, причина зла въ мысли человѣка и въ мірѣ, не доступны мысли человѣка по самой сущности послѣдней. Въ вышеприведенныхъ религіозныхъ идеяхъ авторъ видитъ религіозныя таинства. Ограниченіе нашей мысли уничтожается лишь вѣрою. Но вступая въ эту область человѣкъ поневолѣ становится на эстетическую точку зрѣнія и на вопросы религіи отвѣчаетъ представленіями прекраснаго и возвышеннаго. Высшее благо составляетъ цѣль религіознаго стремленія, но для метафизики высшее благо, цѣль міра, лежитъ лишь въ вѣчной красотѣ. Отсюда художественное воззрѣніе на природу, религіозная символика и религіозная поэзія или мнѣологія. Апелътъ кончаетъ свою метафизику изложеніемъ своего вѣрованія, которое онъ находитъ наиболѣе согласнымъ съ современною наукою и съ нравственными стремленіями человѣка. Оно заключается въ вѣрѣ въ Бога, какъ Создателя міра и Отца людей; въ вѣрѣ въ міръ духовъ, управляемый Божественною любовью и къ участию въ которомъ призваны всѣ люди; въ упованіи на вѣчное очищеніе и освященіе нашей воли; наконецъ въ надеждѣ на вѣчное блаженство, получаемое помощью самостоятельности духа и чистоты сердца. По самымъ началамъ метафизики Апелъта, это не научная истина, даже не нравственно-необходимое убѣжденіе, но эстетическое воззрѣніе. Въ слѣдствіе этого самаго оно не можетъ удовлетворить всѣхъ. Для большей части читателей это эстетическое воззрѣніе весьма недостаточно, они найдутъ его мертвымъ и

неполнымъ. Имъ нужны большія подробности, большая отдѣлка картины и они легко найдутъ въ преданіи источникъ для всего, что имъ нужно. Меньшинство можетъ найти, что Апелътъ слишкомъ боязливо оглядывается, какъ-бы не оскорбить современнаго человѣка въ томъ, что послѣдній принимаетъ за душевную потребность. Но весьма вѣроятно, что Апелътъ найдетъ и единомышленниковъ.

Съ главнымъ предметомъ нашей статьи конечно связана борьба, поднятая въ Германіи противъ распространяющейся пропаганды матерьялизма. Большая часть писателей упомянутыхъ выше, посвятили этой борьбѣ отдѣльныя сочиненія или значительныя части сочиненій большаго объема. Мы имѣли случай подробнѣе говорить объ этомъ вопросѣ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Но теперь упомянемъ объ одномъ новомъ сочиненіи, относящемся къ этому вопросу, потому что въ немъ высказался крайній теистическій идеализмъ нашего времени, и оно служитъ какъ-бы основаніемъ чистаго вѣмѣроваго теизма. Мы говоримъ здѣсь о сочиненіи Дроссбахъ: «Согласіе результатовъ изслѣдованія природы съ требованіями человѣческаго духа или личное безсмертіе, какъ слѣдствіе атомистическаго устройства природы» ²⁾. Авторъ признаетъ огромное вліяніе новѣйшихъ успѣховъ естественныхъ наукъ на развитіе человѣчества, но сожалеетъ, что эти науки нисколько видимо не содѣйствовали облагороженію нравовъ и удовлетворенію потребностей духа (Gemüth) ³⁾. Дроссбахъ полагаетъ, что вина этого лежитъ въ матерьялистическомъ возрѣніи и хочетъ доказать, что оно не только не есть необходимое слѣдствіе изученія природы, но что послѣднее ведетъ къ прямо противоположному міросозер-

1) Отеч. Записки, 1859, № 4. Механическая теорія міра.

2) Die Harmonie der Ergebnisse der Naturforschung mit den Forderungen des menschlichen Gemüths, oder die persönliche Unsterblichkeit als Folge der atomistischen Verfassung der Natur, von Maximilian Drossbach, 1858.

3) Подобныя же сожалѣнія, и подобный же взглядъ на основныя условія естествознанія мы встрѣтили въ статьѣ г. Пѣвницкаго (изъ Кіева): Недостатокъ и потребность современнаго естествознанія (Русская Бесѣда, 1859, № 2). Этой статьѣ мѣсто не въ Русской Бесѣдѣ, а развѣ въ какой-либо другой, имѣющей свой специальный кругъ читателей. И редакція еще гашла возможность въ одномъ пунктѣ сойтись съ мнѣніемъ автора!

цанію. «Вещество, говоритъ Бюхнеръ, есть мать всего сущаго, и начало (Urgrund) всякаго бытія; вещество есть единственное неуничтожающееся во всемъ существующемъ; безъ него немислимо и невозможно ни бытіе ни жизнь. Все, что есть, происходитъ и мыслить, изъ него рождается и въ него возвращается. Оно не увеличивается и не уменьшается, и такъ какъ оно произвело изъ себя всякое отдѣльное существованіе, такъ оно снова принимаетъ въ себя все до послѣдней пылинки» ¹⁾. Дроссбахъ возражаетъ на это, что при основательномъ изслѣдованіи дѣла можно напротивъ отрицать «всякое вещество, всякое вещественное начало или сущность, которая бы вмѣстѣ съ силами производила тѣла». Тѣла по его мнѣнію суть явленія, выдаваемые дѣйствіемъ силъ безъ всякаго другого начала. Дроссбахъ основываетъ этотъ результатъ на положеніи, что начало всего сущаго должно имѣть возможность существовать отдѣльно и самостоятельно, но сами материалисты признаютъ, что нѣтъ вещества безъ силъ, и безъ нихъ оно немислимо. Въ самомъ дѣлѣ, если изъ даннаго вещества мысленно удалить всѣ силы, то ничего не останется. Но, могутъ возразить, и сила не мыслима безъ чего-нибудь, съ чѣмъ она соединена. Правда, отвѣчаетъ Дроссбахъ, но то, съ чѣмъ соединена сила, есть другая сила. Отдѣльныхъ силъ нѣтъ; но всякая сила соединена со множествомъ другихъ силъ во единое нераздѣльное цѣлое; начальныя частицы вещей, то, что обыкновенно называютъ атомами, суть именно такія единицы группъ силъ, какъ существа состоящія изъ силъ (Kraftwesen). Силы могутъ вступать въ отношенія только съ силами, дѣйствовать только на силы, и вмѣстѣ могутъ образовывать лишь силы, но ничего страдательнаго, недѣятельнаго, никакого вещества. Принимать существованіе вещества совершенно излишне; конечно всякое существо въ тоже время дѣйствуетъ и принимаетъ дѣйствіе, но эти два свойства нераздѣльны. Не вещество приводится силою въ движеніе, но сама сила движется. Начало самодвижимости присуща каждой вещи. Но, спрашиваетъ самъ авторъ, какъ же изъ не-

1) Критику этого воззрѣнія см. въ вышеприведенной статьѣ.

вещественной, чистой силы, можетъ произойти нѣчто ощутительное, то, что мы называемъ вещественнымъ? Онъ отвѣчаетъ, что нѣтъ ничего въ самомъ дѣлѣ вещественнаго, но только есть предметы доступные и недоступные чувствамъ. Что послѣдніе могутъ дѣлаться доступны чувствамъ и наоборотъ, въ этомъ насъ убѣждаетъ ежедневный опытъ при переходѣ тѣлъ изъ газообразнаго состоянія въ капельно-жидкое и твердое, и по всей вѣроятности вселенная была первоначально въ газообразномъ состояніи, т. е. недоступна чувствамъ, и потомъ сдѣлалась доступна имъ. Все, что мы называемъ веществомъ, есть только слѣдствіе взаимодѣйствія силъ въ большемъ числѣ и на меньшемъ разстояніи, въ данномъ пространствѣ. Конечно, на основаніи подобныхъ воззрѣній, можно вывести все, что угодно, и отвергнуть все, что угодно. Дроссбахъ желалъ связать съ этой фантастической теоріей міра представленіе личнаго безсмертія души и конечно достигаетъ своей цѣли. Но остается вопросъ, на сколько подобное отсутствіе критики въ основномъ понятіи автора, въ понятіи о силѣ, можетъ служить возраженіемъ матерьялистамъ?

Несравненно ближе къ нашему предмету сочиненіе Фюллеборна: «Какая цѣль нашего такъ-называемаго земнаго существованія?»¹⁾ Его цѣль заключается въ доказательствѣ согласія существенныхъ догматовъ Христіанства съ истинами науки, соотвѣтствующими дѣйствительному міру и при этомъ авторъ старается не нарушить права ни того ни другого. Мы разсмотримъ лишь начала его, которыя могутъ дать понятіе объ общемъ характерѣ сочиненія. Фюллеборнъ считаетъ дѣйствительнымъ лишь то, что воспринято (*wahrgenommen*) въ сознаніе, и что сознается какъ воспринятое извнѣ. Все, что создаетъ сознаніе изъ самого себя, принимаетъ авторъ за призракъ. Истинное знаніе предполагаетъ нѣчто существующее внѣ сознающей личности, нѣчто доставляющее сознанію содержаніе, отъ послѣдняго независящее.

1) Was ist der Zweck unseres sogenannten irdischen Daseyns? von Dr. F. L. Falleborn, 1857.

Такимъ образомъ дѣйствительность для Фюллеборна обусловлена двояко: дѣйствительно лишь то, что существуетъ внѣ сознанія, и что сознается. Сначала человѣкъ сознаетъ отдѣльные предметы какъ дѣйствительные; потомъ восходитъ къ дѣйствительности ихъ взаимной зависимости и ихъ группировки, къ дѣйствительности органическихъ цѣлыхъ единицъ, состоящихъ изъ частей. Потомъ восходитъ къ сознанію дѣйствительности своего сознанія и своего стремленія къ единству представленій. Видя въ своемъ существѣ начало этихъ понятій, соединяющихъ и группирующихъ предметы, оно не можетъ отрицать дѣйствительности своего существа. Точно также въ дѣйствительномъ мірѣ онъ возвышается до идеи существа, служащаго началомъ дѣйствительности, слѣдовательно наиболѣе дѣйствительнаго, и убѣждается въ дѣйствительности бытія Божія. Приэтомъ авторъ видитъ въ этомъ высшемъ существѣ начало и причину связи и единства міра и выводитъ познаніе этого единства, изъ наблюденія, какъ непрерывный процессъ осуществленія (*Verwirklichungshergang*), открывающій дѣйствіе вѣчнаго двигателя въ непрерывномъ движеніи. Для изслѣдованія дѣйствительности нужно ее разсматривать въ ея цѣлости, не допуская себя устранять одну часть ея. Такъ въ дѣйствительности человѣка какъ цѣлаго должно разсматривать одинаково его тѣлесныя свойства, какъ его духовную дѣятельность. Изъ предъидущаго видно, что Фюллеборнъ понялъ вполне задачу современнаго мышленія, но, задавъ себѣ точку, къ которой онъ долженъ былъ придти, онъ тѣмъ самымъ невольно долженъ былъ прибѣгнуть къ натяжкамъ и къ неточностямъ. Заключивъ, вмѣстѣ съ большинствомъ мыслителей, что человѣкъ необходимо приходитъ къ сознанію дѣйствительности своего бытія изъ самаго факта сознанія, онъ приложилъ этотъ-же процессъ къ цѣлому міру, и выводъ получился слишкомъ смѣлъ, потому-что міръ для человѣка составляетъ нѣчто внѣшнее, и причину дѣйствительности міра человѣкъ не можетъ уже сознать, а можетъ только ее предполагать, создавая ее въ собственномъ сознаніи; но для Фюллеборна послѣдній процессъ есть отрицаніе дѣйствительности, слѣдовательно онъ впадаетъ въ противурѣчіе съ самимъ собою.

Вообще сочиненіе его слишкомъ коротко и недовольно развито въ подробностяхъ.

Замѣчательнѣе обоихъ предъидущихъ авторовъ Фридрихъ Ромбергъ, который недавно умеръ и сочиненія котораго ¹⁾ появлялись при жизни безъ имени автора, но заключали въ себѣ много самостоятельности и смѣлыхъ воззрѣній, хотя онъ не избѣжалъ увлеченія и частной непослѣдовательности. Въ сочиненіяхъ, послѣ него оставшихся, Ромбергъ старается рѣшить особеннымъ способомъ вопросы метафизики, философіи природы и религіи.

Въ своей «Критикѣ современныхъ понятій о верховномъ существѣ» авторъ разбираетъ только недостаточность существующихъ теогоническихъ теорій, полагая, что этотъ результатъ, хотя исключительно отрицательный, важенъ, потому-что служить къ уясненію нашего духовнаго положенія. Онъ впрочемъ отрицаетъ заключеніе, что въ этомъ случаѣ недостижимая цѣль есть цѣль достижимая. Ромбергъ вѣритъ въ способность и назначеніе человѣческаго духа разрѣшить эту загадку и полагаетъ, что она «составляетъ основной общественный вопросъ, узелъ европейскихъ дѣлъ, и важнѣйшую современную практическую задачу». — «Кто размышляетъ, говоритъ Ромбергъ, тотъ ищетъ общую причину (Grund) для различныхъ существованій, имъ воспринятыхъ, ищетъ связь, ихъ соединяющую. Эту общую причину и связь люди всѣхъ временъ называли Богомъ или Божественнымъ началомъ (das Göttliche)». Приступая къ разбору существующихъ мнѣній онъ допускаетъ лишь двѣ партіи: пантеистовъ и теистовъ. Первые принимаютъ міръ за безконечное и вѣчное существо, внѣ котораго нѣтъ ничего. Это существо имѣетъ свою причину и свои условія въ самомъ себя. Всѣ части міра суть только проявленія жизни этого существа; самый міръ, существующій непрерывно въ измѣненіи явленій, есть верховное существо. Теизмъ допускаетъ внѣ-міровое

1) Kritik des Gottesbegriffs in den gegenwärtigen Weltansichten. 3-te Auflage. 1858.

Gott und seine Schöpfung. 1857.

Der natürliche Weg des Menschen zu Gott. 1858.

высшее существо, независимое отъ міра, создавшее и поддерживающее послѣдній своимъ всемогуществомъ и свободною волею. Ромбергъ отрицаетъ крайній матеріализмъ, какъ умозрительную теорію, говоря: если человѣкъ хочетъ себѣ представить все сущее, какъ случайную встрѣчу и смѣсь безчисленнаго множества вещественныхъ сущностей, то ему нельзя этого запретить, но онъ еще не мыслить (*speculirt nicht*), потому что мышленіе заключается въ отысканіи внутренней связи. Онъ отрицаетъ и крайній идеализмъ, говоря: точно также, если человѣкъ полагаетъ, что весь внѣшній міръ, включая туда его собственное тѣло, все видимое и осязаемое, есть только личный (субъективный) призракъ его мысли и не имѣетъ никакой дѣйствительности, то и этого нельзя ему запретить, но и онъ не мыслить, потому что мышленіе есть пониманіе дѣйствительности, лежащей внѣ человѣка. Ромбергъ не говоритъ ни слова о теоріяхъ современныхъ теистовъ, которыя составляютъ предметъ нашей статьи, потому-ли, что видѣлъ въ нихъ склонность слиться съ той или другой партіей, имъ признанной за главныя, потому-ли, что считалъ ихъ неполными, нерѣшительными попытками, не дающими опредѣленнаго результата, или потому, что ихъ значеніе въ обществѣ ничтожно, а онъ имѣлъ въ виду только партіи дѣйствительно оказывающія вліяніе на общественную мысль.

Приготовивъ себѣ такимъ образомъ противниковъ въ опредѣленной формѣ, Ромбергъ начинаетъ доказывать недостаточность обонихъ взглядовъ какъ въ логическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Первая изъ названныхъ теорій никогда не удовлетворяла, по его мнѣнію, человѣческаго сердца, послѣдняя — человѣческаго разума; первая въ особенности недостаточна въ научномъ, вторая въ нравственномъ отношеніи. Если пантеистъ видитъ Божественное начало въ дѣлности міра, то единицы обращаются въ призраки, если онъ переноситъ это начало въ самыя единицы, то цѣлое дѣлается лишь собраніемъ единицъ, отвлеченностью лишенною всякой дѣйствительности. Въ первомъ случаѣ вещество принесено въ жертву духу, во второмъ духъ — веществу. Въ первомъ случаѣ личность — ничто, во второмъ — все. Первый способъ воззрѣнія приводитъ необходимо, какъ у Буддистовъ, къ

безусловному самоумерщвлению, второй, какъ у европейскіхъ пантеистовъ, къ самообожанію. Буддисты приходятъ къ логической невозможности, къ окончательному разрѣшенію конечнаго въ безконечномъ; европейскіе пантеисты, въ своей матерьялистической партіи, не отвѣчаютъ на вопросъ о причинѣ всего, — въ идеалистической, не уясняютъ противоположности органическихъ и неорганическихъ существъ. Слѣдовательно, для пантеизма, во всѣхъ его формахъ, міръ необъяснимъ.

Вторая теорія такъ-же неудовлетворительна. Ни онтологическое, ни космологическое, ни физико-теологическое доказательство ¹⁾ не рѣшаетъ вопроса въ пользу теизма или пантеизма, не говоря уже о безусловной недостаточности этихъ доказательствъ. Кромѣ того разсматриваемая теорія допускаетъ видъ безграничности и безконечности пространства и времени, еще безграничность и безконечность, что не мыслимо, потому что сказанныя предположенія взаимно исключаютъ другъ друга. Въ этой теоріи допускается справедливо безконечное сознаніе, но это сознаніе дѣлается въ тоже время невозможнымъ, потому что существо, которому оно приписывается, не имѣетъ въ себѣ ничего, что могло бы служить основаніемъ мышленію, а слѣдовательно сознанію. Безконечное существо не можетъ ничего имѣть *вне себя*, но всякое сознательное существо должно *въ себя* имѣть ту двойственность, которая въ конечныхъ организмахъ называется различіемъ духа отъ тѣла. Въ этой теоріи появленіе неорганическаго вещества не мыслимо. Послѣднее не можетъ быть разсматриваемо какъ отрицаніе высшаго существа (его *не я*), потому что его отрицаніе есть ничто. Но это ничто не могло быть переведено въ дѣйствительность началомъ бытія, не уничтожая самое бытіе. Вся дѣятельность послѣдняго можетъ быть представлена только какъ приданіе особенной жизни нѣкоторымъ частямъ въ него входящимъ. Точно также необъяснима въ этой теоріи цѣль происхожденія существъ. Точно также необъяснимо и движеніе вещества. Духъ можетъ дѣйствовать лишь на духъ, и потому приходится

1) См. Weigelt: Ueber die sogenannten Beweise etc. Predigten.

принять съ Платономъ міровую душу, въ слѣдствіе которой міръ самодѣятеленъ. Но тогда начало существъ безконечно удалено отъ человѣка, и человѣкъ дѣлается рабомъ подобнаго себѣ созданія, его гнетущаго. Вообще личность безъ жизни, безъ движенія, безъ измѣненія, безъ душевныхъ впечатлѣній, есть не личность, а пустой призракъ. Раздробленіе единого существа на лица не придаетъ первому дѣйствительности и приводитъ къ новымъ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ. Подобнымъ-же образомъ авторъ доказываетъ нравственную недостаточность этого воззрѣнія въ объясненіи зла, въ отношеніи между необходимостью и свободою, между высшимъ всевѣдѣніемъ и личнаго инициативою человѣка, между высшею справедливостью и человѣческою отвѣтственностью, и т. д.

Выказавъ неудовлетворительность обѣихъ господствующихъ взглядовъ и ихъ взаимное противорѣчіе авторъ рисуетъ картину вліянія этого противорѣчія на современное общество. «Единство человѣческаго бытія, говоритъ онъ, согласіе сердца и разума въ продолженіе послѣднихъ ста лѣтъ разрушено такъ, какъ не могли себѣ даже вообразить люди прежняго времени. Лучшіе люди, какъ Лессингъ, разлагаютъ разумомъ бытіе Бога, Которому поклоняются въ глубинѣ сердца, или, какъ Фридрихъ Великій, распространяютъ въ исторіи невѣріе, о практическихъ слѣдствіяхъ котораго сами сожалеютъ. Прежде люди чувства (Gemüths-menschen) и люди разсудка могли понимать другъ друга, потому-что стояли на одной почвѣ вѣры въ Бога; теперь они смотрятъ другъ на друга, какъ враги по природѣ. Скептикъ смотритъ съ презрѣніемъ на вѣрующаго, вѣрующій со страхомъ на скептика. Содѣйствіе различныхъ силъ сдѣлалось невозможнымъ; общество не имѣетъ общей цѣли, общаго лозунга. Въ слѣдствіе этого въ наше время особеннымъ образомъ отравлено естественное и полезное противоположеніе общественныхъ партій... Паптеизмъ, какъ защитникъ человѣческаго стремленія къ свободному изслѣдованію, слился съ прогрессомъ; теизмъ, какъ представитель преданія въ религіи и въ нравственности, сросся съ привязанностью къ существующему. Это слитіе борьбы европей-

скихъ партій съ противоположною вѣрованій дѣлаеть эту борьбу ожесточенною и опасною. Партія прогресса признаеть автономію міра и человѣчества, т. е. принимаетъ что послѣднее въ себѣ должно искать своихъ законовъ. Партія существующаго порядка вещей принимаетъ, что міръ и человѣчество управляются извнѣ данными правилами, которыя должны служить послѣднему единственною нормою. — Въ европейскихъ исповѣданіяхъ католицизмъ связанъ съ теизмомъ, протестанство представляетъ преимущественно начало свободнаго изслѣдованія. Въ гражданскомъ мірѣ теизмъ, прилагая свои начала не только къ нравственности каждаго лица, но и къ государству, становится поперегъ всего современнаго общества. Пантеизмъ, признавая государство, какъ міръ, самостоятельнымъ, признаеть авторитетомъ лишь свободное рѣшеніе личностей составляющихъ государство, закономъ — лишь волю большинства, правомъ — лишь человѣческое право. Въ теизмѣ личность имѣеть лишь обязанность, а не право предъ поставленною властью, какъ твореніе предъ высшимъ своимъ началомъ, но кромѣ того источникъ закона лежитъ внѣ человѣка, во внѣ-мировомъ источникѣ всего бытія. Это, подчиняеть государство одному сословію и ведеть къ теократіи. Современное государство не можетъ принять этого вывода, но въ другихъ большею частію сходится съ теистами, и потому въ немъ самомъ является дѣйствительность. Оно соединяется съ защитниками авторитета, защищая свой авторитетъ противъ частныхъ лицъ, подданныхъ. Оно провозглашаетъ начало автономіи въ защиту своей автономіи, на которую нападаютъ приверженцы теократіи. Послѣдніе все еще смотрять на государство какъ на тѣло, на церковь какъ на душу. Государство можетъ удержать ихъ стремленіе физическою силою, но, чтобы стать во главу современной жизни, оно должно убѣдить личности въ своемъ правѣ, и для этого рѣшить вопросъ о высшемъ существѣ. Устранить этотъ вопросъ оно не можетъ, потому-что онъ неотразимо входитъ въ основаніе собственности, семейства, присяги, а принимать данное рѣшеніе безъ убѣжденія изъ политической необходимости, прямо противно религіи. — «Итакъ, говоритъ Ромбергъ, современное состоя-

ніе дѣль представляетъ кучу политическихъ и нравственныхъ задачъ, разрѣшенныхъ болѣе или менѣе только послѣ рѣшенія основнаго вопроса, именно послѣ научнаго устраненія борьбы пантеистическаго и теистическаго воззрѣній. Если этотъ основной вопросъ не будетъ рѣшенъ, то будущее весьма мрачно. Если побѣдитъ пантеистическій радикализмъ, то связь съ прожитою исторіею разорвана, человечество предано нравственному разрушенію и общественной анархіи, пзъ которой въ самомъ выгодномъ случаѣ можетъ быть спасено лишь человѣческимъ деспотизмомъ. Если побѣдитъ теистическій абсолютизмъ, то уничтожены всѣ стремленія къ свободѣ и зрѣлости, къ общественному и политическому освобожденію, и вся ихъ исторія отброшена назадъ. Если же борьба продолжится какъ рядъ безконечныхъ и бесполезныхъ судорогъ обѣихъ крайностей, то это самое колебаніе должно погубить насъ». Спасеніе заключается въ примирительномъ рѣшеніи задачи.

Авторъ предложилъ опытъ подобнаго рѣшенія въ своихъ сочиненіяхъ «Богъ и его твореніе» и «Естественный путь человѣка къ Богу». Посмотримъ, въ чемъ онъ полагалъ найти это рѣшеніе. Когда человѣкъ ищетъ основаніе какого-нибудь предмета, то онъ принимаетъ, что этотъ предметъ еще не перешелъ въ дѣйствительность, т. е. онъ мысленно его отбрасываетъ. Если человѣкъ ищетъ основаніе для всего сущаго, то онъ мысленно отбрасываетъ все сущес. Этимъ путемъ, исключенія пзъ мысли всего что можетъ быть мыслимо, человѣкъ приходитъ къ неограниченному существу, которому даетъ разныя названія, смотря по пути имъ избранному. Одинъ получаетъ въ результатъ *ничто*, другой пустое *пространство*, третій *покой*, четвертый *мракъ*, пятый *безразличіе*, шестой *основу* (Unterlage) *бытія*. Это все различныя названія для одного и того же вѣчнаго начала (Grund) всего сущаго. Полученная такимъ образомъ основа бытія есть еще не бытіе, не дѣйствительное вещество, и не дѣйствительная сила, но безразличіе вещества и силы. Это еще не живое Божественное существо, но мыслимая основа Божества (Unterlage Gottes). — Отсюда выводитъ Ромбергъ, что бытіе не можетъ быть мыслимо, какъ простое существо, но какъ

соединение противоположностей. Каждое бытие двойственно: въ немъ къ первому, мыслимому, не существующему началу (Grund), присоединяется слѣдствие этого начала и только въ этомъ соединеніи заключается переходъ къ дѣйствительности ¹⁾. Такимъ образомъ бытие есть «безконечное развитіе неограниченнаго начала (Anlage)». Последнее для Ромберга тождественно съ совершенствомъ, первое съ вѣчнымъ совершенствованіемъ. Совершенство есть основа бытія, совершенствованіе его свойство. Въ первомъ покоится вѣчная сила, основа духа, которая является во времени, въ различіи, какъ *идея*, какъ движущій духъ. Когда свойство присоединилось къ основѣ, безразличіе перешло въ различіе, идея выказала свое начало, тогда вѣчное бытие сдѣлалось самосознательнымъ. Поэтому безконечная жизнь вѣчнаго бытія есть непрерывно развивающееся самосознаніе. Идея времени (измѣненія), соединенная съ началомъ неопредѣленнаго протяженія, приводитъ къ идеѣ *качества*; пространство, опредѣляемое въ своихъ частяхъ качествами послѣднихъ, даетъ начало идеѣ *количества*. Такимъ образомъ происходятъ *тѣла*, какъ дѣйствіе духа на безграничное начало бытія. Поэтому вещество какъ бездушная основа бытія лишь мыслимо, а не дѣйствительно, но вещество дѣйствительно какъ наполненное пространство, изъ котораго не выдѣлимъ духъ, невыдѣлима идея. Нѣтъ самостоятельныхъ (неорганическихъ) составныхъ частей вещества, по всѣмъ онѣ суть части одного тѣла, безконечнаго бытія, и часть дѣйствительна лишь въ цѣломъ. Это единое бытие безконечно развивается, и потому есть организмъ. Внутри этого единаго органическаго существа существуетъ множество малыхъ организмовъ, которые нельзя разсматривать ни какъ недѣйствительныя части, ни какъ самостоятельныя существа. Остается ихъ принять, въ отношеніи къ первоначальному бытію, за

1) Ромбергъ приводитъ цѣлый рядъ категорій бытія: бытие есть соединеніе основы и свойства, ничего и происхожденія (Werden), пространства и времени, мрака и свѣта, безразличія и различія, причины (Grund) и слѣдствія, сущности и дѣйствія, протяженія и концентрации, начала (Anlage) и развитія. Далѣе: способности и исполненія, души и духа, вещества и духа, необходимости и свободы, возможности и осуществленія, страдательнаго и дѣятельнаго, равенства и измѣненія, сущности и формы.

производных существа, творенія. Такимъ образомъ бытіе представляеть два рода существованій различныхъ между собою: начальное, безграничное, безконечное существо, макрокосмъ, есть Богъ. Множество производныхъ, ограниченныхъ существъ, микрокосмовъ, Божіихъ твореній. Макрокосмъ природы есть не дѣло, но «необходимое саморазвитіе». Созданіе микрокосмовъ есть дѣйствіе свободнаго духа. Первый развился; вторые сотворены. Первый безконеченъ; послѣдніе конечны. Первый единъ; послѣднихъ много.

Итакъ по теоріи Ромберга высшее существо едино и дѣйствительно: міръ въ своей цѣлости его-тѣла, недѣйствителенъ безъ духа его оживляющаго, какъ и духъ безъ этого тѣла. Бытіе этого существа двойственно. Это необходимое, согласное съ его сущностью, развитіе въ цѣломъ; это свободная передача своей дѣятельности отдѣльнымъ частямъ своего тѣла, которыя такимъ образомъ изъ недѣйствительныхъ частей дѣлаются дѣйствительными организмами, получаютъ самостоятельность и свободу какъ цѣльные организмы, но ограничены, и сознають эту ограниченность, потому что онѣ суть лишь оживленныя части одного великаго организма: онѣ суть творенія Божіи.

Нельзя отвергать, что въ этомъ міросозерцаніи есть много изящнаго и оригинальнаго въ частностяхъ, но тѣмъ неменѣе и это воззрѣніе не имѣеть особеннаго преимущества предъ отрицаемыми имъ воззрѣніями. Что недѣйствительно и невыдѣлимо, того и передать нельзя, поэтому въ чемъ состоитъ особенное оживленіе маленькихъ микрокосмовъ въ великомъ макрокосмѣ? почему эта часть сдѣлалась въ эту минуту микрокосмомъ, а другая нѣтъ? отчего не все оживлено? и какъ понять свободу микрокосма необходимо развивающагося въ своемъ цѣломъ? Вѣрованіе автора есть одна изъ теорій, которыя можно предложить; она не хуже да и не лучше другихъ и, какъ всѣ онѣ, лѣжитъ внѣ разума, въ области фантазіи.— Но авторъ напрасно полагалъ, что рѣшеніе имъ отыскиваемое имѣеть такое огромное общественное значеніе. Это кажется тоже призракъ. Нынче существующія метафизическія теоріи заключили союзъ съ такими-то партіями, завтра общественные вопросы измѣнятся, и тѣже

Фантастическіе девизы явятся на знаменахъ людей, одушевленныхъ другими практическими стремленіями. А можетъ быть создадутся новыя міросозерцанія, которыя сдѣлаются въ будущемъ удобны для защитниковъ идей, нынче современныхъ, тогда устарѣлыхъ. Зависимость между вѣрованіями и желаніями, между міросозерцаніями и практическими идеями не такъ близки, какъ полагаетъ Ромбергъ. Конечно тѣ и другія связаны между собою, но непрямо; ихъ связь заключается въ общей ихъ зависимости отъ развитія человѣческаго духа въ его цѣлости. Онъ въ своей потребности пониманія и удовлетворенія своихъ желаній создаетъ тѣ и другія; потомъ ихъ бросаетъ чтобъ создать новыя; въ данное мгновеніе степень его развитія обуславливаетъ стройность и простоту его метафизики, красоту его мнѳовъ, точно также какъ и общественныя формы жизни. Но каждое изъ этихъ явленій духа можетъ развиваться дряхлѣть и умирать раньше или позже другихъ, и время жизни каждаго изъ нихъ можетъ быть весьма различно отъ прочихъ. Ожесточенная борьба идетъ всегда за практическія идеи, за блага; а метафизическія міросозерцанія суть лишь знамена, правда священныя, за которыми идутъ толпы воиновъ. Лишь знаменосцы могутъ биться и умирать только за свое знамя.

Мы заключимъ эту статью мыслями по этому предмету одного изъ новѣйшихъ мыслителей Германіи, мало занимавшагося чистою философіею, но трудившагося на поприщѣ эстетики и пришедшаго этимъ путемъ къ построенію своей метафизической теоріи и своей теодицеи. Мы говоримъ о Цейзингѣ ¹⁾. Онъ самъ не претендуетъ на совершенную новизну своей системы, но въ самомъ стремленіи къ примиренію существующихъ взглядовъ есть у него нѣчто свое, дающее ему право стать на ряду съ другими теистами нашего времени, къ числу которыхъ онъ самъ себя причисляетъ. Въ своей «Критикѣ высшихъ понятій» онъ излагаетъ довольно опредѣлительно свою систему.

Высшимъ понятіемъ называетъ Цейзингъ такое, которое

1) Aesthetische Forschungen.

Kritik der höchsten Begriffe (Kritische Monatshefte, 1858, 1 B., 4, 5 Heft).

заключаетъ въ себѣ всѣ понятіи, и конечно такое понятіе можетъ быть только одно, но принято называть высшими понятіями тѣ, которыя ближе подходятъ къ самому высшему, и наука объ этихъ высшихъ понятіяхъ есть метафизика. Часто полагаютъ, что эти понятіи лежатъ внѣ обыкновеннаго мышленія, но напротивъ: именно понятія, входящія въ метафизику, суть самыя обыкновенныя, самыя ежедневныя понятія, безъ которыхъ нельзя сдѣлать ни шагу. Всѣ ихъ употребляютъ, какъ вполнѣ доступныя, но къ сожалѣнію, большою частью, не отдавая себѣ отчета въ истинномъ ихъ значеніи, и это справедливо не только для массы, но для большинства образованныхъ людей, даже для многихъ специалистовъ.

Дѣло метафизики заключается именно въ уясненіи истиннаго значенія словъ, относящихся къ этимъ понятіямъ. — Всякое понятіе выходитъ изъ группировки представленій, слѣдовательно уясненіе представленій необходимо для уясненія понятія. Вообще наука начинается составленіемъ понятій изъ представленій, и понятія составляютъ ея существенный элементъ. Группируя понятія въ новыя понятія, объемлющія большее и большее число представленій, мы возвышаемся въ ряду понятій, и наконецъ доходимъ до того, что называемъ высшимъ понятіемъ, т. е. далѣе котораго идти не можемъ. Если различными путями мы придемъ къ двумъ различнымъ высшимъ понятіямъ, заключающимъ въ себѣ всѣ остальные, то изъ самой сущности ихъ слѣдуетъ, что они должны быть тождественны. Такія высшія понятія, по мнѣнію Цейзинга, это *бытіе* и *Богъ*. Авторъ подвергаетъ анализу сначала первое, потомъ второе.

Результатъ критики перваго понятія, на которомъ мы не остановимся, получается слѣдующій: Бытіе не должно разсматривать какъ неизмѣнное, мертвое существованіе, но какъ самодвиженіе (*Selbstbewegung*; вѣрнѣе-бы сказать самоизмѣненіе) живое и никогда не прекращающееся. Оно представляется въ трехъ формахъ: какъ *чистое бытіе* (*Sein*), какъ *сущее* (*Seiendes*), и какъ *то, что есть* (*als Ist*). Разсматривая бытіе какъ чистое бытіе (*Sein*), мы обращаемъ вниманіе на его общее, безразличное качество, на то, что

остаётся тождественнымъ въ измѣненіи, на единство мыслящей личности съ мыслимымъ предметомъ въ самосознаніи, на бытіе каждаго предмета для себя. Разсматривая бытіе какъ сущее (Seiendes), мы видимъ въ немъ сущность, разлагающуюся на безчисленное множество отдѣльныхъ частей, соединеніе движущаго и движимаго, вмѣщающаго и вмѣстимаго, различіе мыслимаго отъ мыслящаго, бытіе всякаго предмета отъ другаго, бытіе въ явленіи. Разсматривая бытіе, какъ то, что есть (als Ist), мы обращаемъ вниманіе на дѣйствительность бытія, проявляющуюся въ мѣстѣ, занимаемомъ отдѣльнымъ предметомъ въ цѣломъ, на различіе частей въ безразличіи всего; сущность предмета опредѣляется въ этомъ случаѣ качествомъ; противоположности движущаго и движимаго, вмѣщающаго и вмѣстимаго безпрестанно сглаживаются; мыслимое и мыслящее соединяются въ процессъ мышленія; это бытіе для цѣлаго, развитіе, происхожденіе (Werden), совершеніе (Geschehen).

Замѣтимъ въ особенности, что, въ первой формѣ бытія, мы не обращаемъ вниманія на различіе, заключающесся въ понятіи бытія, во второмъ обращаемъ на это различіе исключительное вниманіе, съ третьимъ безпрестанно уничтожаемъ это различіе, переходя отъ частныхъ случаевъ къ общему, заключающему всѣ ихъ въ себѣ.

Прилагая эти три формы бытія къ понятію о верховномъ существѣ Цейзингъ говоритъ, что оно должно быть по необходимости мыслимо въ этихъ трехъ формахъ и, чтобы не быть одностороннимъ, должно его мыслить во всѣхъ трехъ означенныхъ формахъ.—Дѣйствительно, божество было мыслимо въ каждой изъ показанныхъ формъ бытія, и односторонность теологическихъ теорій произошла именно отъ того, что каждая изъ нихъ остановилась лишь на одной формѣ бытія.

Денсты ¹⁾ разсматриваютъ высшее существо, какъ всеобъемлющее совершенное бытіе, но такъ, что не могутъ со-

1) Должно замѣтить, что Цейзингъ называетъ денстами тѣхъ, кого Ромбергъ называлъ тенстами. Последнее названіе онъ удерживаетъ для школы Фихте, Вейссе и вообще тѣхъ писателей, которые составляютъ предметъ нашей статьи.

гласить съ нимъ отдѣльное, несовершенное бытіе. Они дѣлаютъ односторонній выводъ: что всеобъемлюще, то не можетъ быть отдѣльною частью, и что совершенно, не можетъ быть несовершеннымъ; между тѣмъ дѣйствительный выводъ таковъ: что всеобъемлюще, то можетъ обнять только самого себя; вмѣстимое должно быть въ этомъ случаѣ тождественно со вмѣщающимъ; поэтому все несовершенное вмѣстѣ взятое должно совпасть съ совершеннымъ, и совершенное должно быть не мертвымъ, безусловно готовымъ совершенствомъ, но живымъ вѣчно развивающимся совершенствованіемъ. Указанная теорія ошибается, полагая одно внѣ другого то, что должно лежать одно внутри другого; точно также она ошибается, противопоставляя цѣлое суммѣ частей: первое со вторымъ тождественно; но, говоря о цѣломъ, мы обращаемъ вниманіе на единство всего, говоря о суммѣ частей, — на то, изъ чего состоитъ это все.

Для пантеиста Божество тоже есть совершенное, всеобъемлющее бытіе, но разсматриваемое какъ все *сущее*, какъ сумма частей, и пантеистъ забываетъ, что собраніе частей есть только то, что должно быть соединено, но еще не то что ихъ соединяетъ. Первая теорія дѣлала логическую разницу между цѣлымъ и суммою частей существеннымъ безусловнымъ различіемъ; вторая теорія не хочетъ видѣть этой разницы, которая хотя заключается лишь въ логической формѣ, но тѣмъ не менѣе существуетъ. Въ первой теоріи понятія верховнаго существа и міра раздвоены, и образуется неразрѣшимый дуализмъ. Во второй они смѣшаны, и происходитъ безпрестанная запутанность. Обѣ теоріи впадаютъ необходимо въ противурѣчіе, не только между собою но и съ собственными понятіями. Въ первой Божество есть все бытіе и для міра ничего не остается. Но міръ данъ, и требуетъ себѣ признанія. Если денстъ признаетъ его, то признаетъ твореніемъ. Но твореніе должно исходить изъ творца, заключать часть его сущности, слѣдовательно не воплѣтъ противоположно ему, и теорія нарушена, или мыслитель впадаетъ въ нескончаемыя противурѣчія и запутанности. Если же онъ, стремясь къ послѣдовательности, не признаетъ ви́шній міръ за дѣйствительное бытіе, то впадаетъ въ невозможность со-

гласить совершенство верховнаго бытія съ міромъ живыхъ призраковъ, окружающихъ человѣка. Точно также пантеистъ, выходя изъ идеи міра, какъ высшаго существа, впадаетъ въ противурѣчіе съ самимъ собою, изслѣдуя идею божества, которая исторически дана и требуетъ особенной обработки, ей принадлежащей. Если онъ даетъ ей дѣйствительное значеніе, то мало-по-малу она поглощаетъ всю дѣйствительность міра, и онъ переходитъ къ противоположной теоріи, впадая во всѣ ея противурѣчія. Если онъ приметъ ее за призракъ, то переходитъ къ атеизму, и самая идея верховнаго существа дѣлается необъяснимымъ явленіемъ въ исторіи человечества.

Это взаимное несогласіе и внутреннее противурѣчіе двухъ основныхъ теорій давно уже бросалась въ глаза мыслителямъ. Древній міръ, христіанскіе проповѣдники, и философы новаго времени, искали исхода изъ этихъ затрудненій, примиренія этихъ противурѣчій. Въ особенности въ теистической школѣ ¹⁾ проявилось это стремленіе, и многіе мыслители полагали найти рѣшеніе задачи, принимая для верховнаго существа третью форму бытія, форму того, что есть (als Ist), форму измѣненія и развитія, форму жизни, допускающей къ себѣ и вещество и силу. Въ этой системѣ Божество является живою связью всего сущаго, процессамъ міровой жизни.

Но какъ бытіе во всѣхъ трехъ формахъ своихъ есть одно и тоже бытіе, и для полноты изслѣдованія должно быть мыслимо во всѣхъ этихъ формахъ, такъ и верховное существо получаетъ для человѣка истинное значеніе, когда онъ, не останавливаясь ни на одной изъ формъ его бытія, исключительно придаетъ ему мысленно всѣ ихъ. Поэтому одностороннія системы деизма, пантеизма и неполнаго теизма совокупаются въ одну всестороннюю, а въ слѣдствіе этого единственно истинную систему полнаго теизма. Верховное существо должно быть мыслимо одновременно: какъ безразличное бытіе (деизмъ), какъ собраніе всего сущаго (пантеизмъ) и какъ процессъ жизни всего, что есть (теизмъ).

1) См. предъидущее примѣчаніе.

Это достигается, мысля безконечное самонзмѣненіе личности, сознающей себя во всѣхъ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ (Selbstentäußerung).

Въ первой формѣ можетъ проявиться сознание верховнаго существа тогда, когда человѣкъ забываетъ себя и все отдѣльно существующее, когда въ порывѣ благоговѣйнаго настроенія духа, онъ погружается въ потокъ единого бытія. Это точка зрѣнія релігіознаго чувства, и въ науку она можетъ войти только, какъ воспоминаніе о мгновениі релігіознаго настроенія. Если наука приметъ это воззрѣніе за единственно истинное, то впадетъ въ мпожество противорѣчій и должна отрицать дѣйствительность міра. Тѣмъ не мене это воззрѣніе доставляетъ наукѣ великую идею единства цѣлаго въ разнообразіи явленій. Понятіе чистаго бытія и Божества деиство въ высшій результатъ способности обобщенія, строящей изъ особей виды и роды; въ немъ эта способность успокоивается, выражая однимъ словомъ единство всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ воспріятій. Это единство рисуется внезапно въ нашемъ воображеніи каждый разъ, когда мы произносимъ слова *бытіе* и *Богъ*, все равно вѣруемъ-ли мы или не вѣруемъ. Эта идея присутствуетъ въ нашемъ духѣ, когда въ научномъ изслѣдованіи мы ищемъ неизмѣнный единый законъ въ разнообразіи случайныхъ явленій. Поэтому безъ нея нѣтъ ни философіи, ни науки. Правда, эта идея имѣетъ лишь личную (субъективную) дѣйствительность; она осуществляется лишь въ сознаниі мыслящаго человѣка. Но внутреннія явленія сознания неменѣе дѣйствительны, говоритъ Цейзингъ, какъ внѣшнія воспріятія чувствъ. А единство, согласіе всего сущаго, есть истина не только личная, но и внѣшняя (объективная), по мнѣнію самихъ матерьялистовъ. Конечно нельзя изъ этого заключить еще (по физико-теологическому доказательству) о внѣшней дѣйствительности разсматриваемой идеи, и здѣсь мы имѣемъ указаніе недостаточности перваго воззрѣнія для науки.

Вторая форма мышленія верховнаго существа встрѣчается тогда, когда мы не различаемъ цѣлаго отъ суммы частей, когда части для насъ составляетъ существенное, а цѣлое есть лишь собраніе ихъ. Это воззрѣніе опирается на

чувственную истину, на опытъ, но съ помощью фантазіи видить въ каждомъ отдѣльномъ явленіи нѣчто самостоятельное, безусловное. Это религіозный элементъ пантеизма, но вмѣшательство фантазіи есть слѣдствіе безсознательнаго вліянія теистическаго начала на пантеистическое построение. Чѣмъ менѣе фантазія вмѣшивается въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе человѣкъ подходитъ къ научному, естественнo-историческому взгляду на міръ, и міръ является ему какъ явленіе. Тогда человѣкъ или признаётъ Божественное начало лишь въ самомъ себѣ, или его совершенно отрицаетъ. Это точка зрѣнія чистой науки, но, при всемъ своемъ стремленіи къ отдѣльному изученію фактовъ, наука не можетъ выдѣлить изъ себя деистическаго (какъ видѣли выше) стремленія къ группировкѣ, къ единству воззрѣній, точно также какъ философія, при всевозможномъ стремленіи къ построению единого цѣлаго, по необходимости беретъ въ соображеніе (пантеистически) самостоятельное, особенное значеніе явленій входящихъ въ цѣлое. Этотъ невольный переходъ отъ одного воззрѣнія къ другому показываетъ, что человѣкъ не можетъ остановиться ни на томъ, ни на другомъ, но что истина заключается въ ихъ примиреніи.

Въ слѣдствіе этой потребности является теистическое воззрѣніе на высшее существо. Здѣсь мы беремъ въ соображеніе и единство цѣлаго и значеніе частей, но на первое мѣсто ставимъ примирительный процессъ, въ которомъ части безпрестанно соглашаются въ единое цѣлое. Здѣсь мы отдѣльнымъ явленіямъ придаемъ дѣйствительное значеніе, заключая, что безъ нихъ и самое бытіе вообще сдѣлалось бы пустымъ, отвлеченнымъ понятіемъ. Но въ безпрестанномъ измѣненіи явленій, мы признаемъ нѣчто единое, пребывающее, придающее этимъ измѣненіямъ связь и сущность. При разработкѣ деистическаго и пантеистическаго воззрѣнія мыслитель невольно вноситъ въ нихъ начало теизма, примиряющее и сглаживающее рѣзкія противоположности первыхъ воззрѣній; по этому цѣльную и послѣдовательную систему можно выработать только на этой точкѣ зрѣнія. Но большая часть мыслителей, становясь на нее, видятъ въ ней одну необходимость примиренія, соглашенія, и, совершенно пре-

небрегая первыми двумя теоріями, придаютъ своимъ построениямъ односторонній утѣшительный характеръ. Но борьба и столкновение есть столь-же существенное условіе всего что есть, какъ и примиреніе. Наука не можетъ быть оптимизмомъ, теорією блаженнаго бытія; она не должна останавливаться только на гармоническихъ явленіяхъ міровой жизни, но должна брать въ соображеніе и встрѣчающіеся диссонансы.

Наука должна, къ этому, принять въ себя всѣ три воззрѣнія, не останавливаясь ни на одномъ изъ нихъ исключительно. Отсюда слѣдуетъ, что всякое приобрѣтеніе въ наукѣ, относится ли оно къ цѣлому, или къ одной изъ частей его, содѣйствуетъ развитію въ человѣкѣ идеи высшаго существа, но что рѣшенію задачи наиболѣе содѣйствуютъ тѣ части знанія, которыя полнѣе обнимаютъ всѣ стороны развитія и признаютъ значеніе всѣхъ приобрѣтеній науки.

Это воззрѣніе не ново; напротивъ, оно лежитъ въ сознаніи человѣчества, въ языкахъ его, весьма-давно. Во всѣ времена человѣкъ видѣлъ въ мірѣ *проявленіе* Божіе, въ исторіи *промыслъ* Божій, въ самомъ верховномъ существѣ чистое, неизмѣнное *бытіе* Божіе. Итакъ эти три формы бытія всегда связывались съ представленіемъ верховнаго существа, но въ разныя времена то одна, то другая получала преобладающее, исключительное значеніе. Преимущественно мыслители послѣдняго времени останавливались на первой изъ формъ, изложенныхъ выше, считая, что совершенство не можетъ допускать развитія. Но это справедливо лишь въ такомъ случаѣ, когда развитіе, совершенствованіе истекаетъ изъ началъ, приобрѣтенныхъ извнѣ. Если-же существо развивается изъ самого себя, то это не только не отнимаетъ у него совершенства, а напротивъ, безъ развитія мы имѣли бы мертвое, неподвижное существо, которое не мыслимо какъ совершенное, и самое-понятіе котораго несогласно съ данными, получаемыми изъ опыта. Между-тѣмъ измѣненіе не отрицаетъ неизмѣнности, потому-что, во всякомъ движеніи, измѣненіи, есть нѣчто постоянное, пребывающее, неизмѣнное; это законъ движенія, законъ измѣненія, который и составляетъ сущность всякаго явленія, его чистое бытіе.

Въ этой теоріи каждый отдѣльный предметъ имѣетъ въ себѣ нѣчто Божественное, въ слѣдствіе этого онъ есть необходимое условіе, ограничивающее какъ другіе отдѣльные предметы, такъ и все бытіе. Въ этомъ смыслѣ каждый предметъ свободенъ. Но съ другой стороны тотъ-же предметъ обусловленъ всѣми остальными и единствомъ цѣлаго; въ этомъ отношеніи онъ подчиненъ необходимости. Цѣлое обуславливается каждою своею частью, но, такъ какъ это *части* его, то оно обуславливается лишь самимъ-собою, и потому — оно свободно. Отдѣльный человекъ свободенъ, когда его желанія согласны съ его дѣйствительнымъ, Божественнымъ значеніемъ въ цѣломъ, потому-что тогда его желанія согласны съ условіями цѣлаго и ничѣмъ неограничены. Человекъ не свободенъ, когда его желанія несогласны съ мѣстомъ, имъ занимаемымъ въ цѣломъ бытіи, слѣдовательно, когда онъ что-либо жаждетъ несогласное съ собственнымъ бытіемъ. Его жизнь заключается въ борьбѣ этихъ двухъ родовъ стремленій. Сознавая себя частью цѣлаго, онъ тѣмъ самымъ стремится быть дополненнымъ прочими частями, направляетъ на нихъ свою дѣятельность и дѣлается отвѣтственнымъ предъ своею совѣстью и предъ обществомъ за свою дѣятельность. Въ соглашеніи отдѣльныхъ, личныхъ, часто противурѣчивыхъ стремленій проявляется историческій промыслъ Божій, какъ въ самостоятельной дѣятельности лица проявляется отдѣльное бытіе всего сушаго. Но въ дѣйствительности то и другое тождественно и «всемирная исторія есть всемирный судъ».

Но дѣйствительно-ли существуетъ нѣчто, соотвѣтствующее этому тройному понятію въ его единствѣ? такъ могли бы спросить, говорить Цейзингъ и отвѣчаетъ: — это все-равно что спросить: есть-ли бытіе? Въ бытіи заключается лишь ничто, а, по предыдущему, верховное существо тождественно съ бытіемъ. Вопросъ о бытіи Божию рѣшается, говорить онъ, тѣмъ, что Богъ есть самое бытіе.

Читатели могли замѣтить совпаденіе мысли Цейзинга въ нѣкоторыхъ частностяхъ съ мыслию теистовъ, о которыхъ мы говорили выше, напримѣръ, въ послѣдней теоріи свободы и отвѣтственности человека легко найти отголосокъ Фихте. Но въ цѣломъ нельзя отнять у Цейзинга права занять мѣсто

на ряду съ другими строителями теорій верховнаго существа. Тѣмъ неменѣе и эта система страдаетъ недостаткомъ удовлетворительности для большинства. Сознательность цѣлаго, свобода личности, самая дѣйствительность цѣлаго, не только какъ логической, но какъ отдѣльной, самосознательной единицы, едва-ли доказаны такъ, чтобъ чувство человѣка было удовлетворено. Умъ останавливается предъ фразою: бытіе есть, потому-что оно бытіе; но для цѣльнаго человѣка этого недостаточно: онъ не знаетъ, находится-ли въ мірѣ формуль или въ мірѣ живыхъ существъ. Оттого большинство остается холоднымъ и слушатели профессора не дѣлаются вѣрующими членами общины. Не съ помощью діалектики понятій восторжествуютъ теисты; они побѣдятъ, когда заставятъ вѣрить.

И. А. Лавровъ.

К Р И Т И К А.

О значеніи романа нравовъ въ наше время, по поводу
новаго романа г. Гончарова «Обломовъ».

(Посвящено Аполлону Александровичу Григорьеву.)

Въ нашъ вѣкъ, общепризнанный практическимъ, когда поминутно возникаютъ, поминутно разбираются новые вопросы, — вопросы затрагивающіе всѣ частные интересы — появленіе романа, какъ произведенія чисто-художественнаго, кажется многимъ несовременнымъ явленіемъ.

Многіе смотрятъ на литературу съ извѣстнымъ пренебреженіемъ, видятъ въ ней только средство развлеченія, и не признаютъ за ней того несомнѣннаго вліянія, которое она всегда и во всѣ времена имѣла на развитіе общества, на развитіе, распространеніе и, въ особенности, уясненіе тѣхъ именно жизненныхъ вопросовъ, которые теперь занимаютъ всѣхъ.

Между тѣмъ, всякое художественное литературное произведеніе, несомнѣнно имѣетъ прямою цѣлью, разбирая частную жизнь избраннаго героя, открыть, уяснить или обличить тѣ незамѣченныя доселѣ свойства этой частной жизни, которыя, заявленныя романомъ въ частномъ лицѣ, уже примѣняются впоследствии къ цѣлому сословію, а иногда ко всему народу.

Главнымъ образомъ, за романомъ нравовъ мы должны признать эту заслугу. Вотъ, почему необходимо въ этомъ родѣ романовъ, чтобъ герой или *типъ* выбранный авторомъ

✓ былъ прежде всего современенъ. Типъ давнишній, уже знакомый читателю, или можетъ быть даже исчезнувшій изъ современнаго общества, не можетъ возбудить сильнаго сочувствія, потому что свойства его уже не применимы къ современнымъ нравамъ, и чрезъ то этотъ типъ теряетъ свою цѣнность, утрачивая свою полезность.

Основываясь на приведенномъ нами главномъ качествѣ романа нравовъ — изученіи частной жизни человѣка въ извѣстномъ обществѣ, и сознавая, что въ каждой средѣ, которая постоянно и безостановочно развивается, также точно безостановочно проявляются новыя соотношенія, новыя свойства, качества и недостатки этого же развитія, мы смѣло скажемъ, что романъ нравовъ никогда не можетъ быть несовременнымъ явленіемъ (мы говоримъ о настоящемъ романѣ нравовъ). Напротивъ того, появленіе его есть лучшее доказательство большаго и успѣшнѣйшаго общественнаго развитія, развитія и проявленія новыхъ жизненныхъ вопросовъ имъ вызванныхъ.

Всѣ главныя преобразования были, можно сказать, указаны, возбуждены нашею литературою. Многое измѣнилось въ нашемъ обществѣ послѣ появленія гениальныхъ произведеній Гоголя. Въ 20 лѣтъ измѣнились самые крупные недостатки нашей соціальной жизни, которые были замѣчены имъ; тѣ, которые не могли еще быть преобразованы, измѣнены, по крайней мѣрѣ обратили на себя всеобщее вниманіе. Можетъ быть еще черезъ 20 лѣтъ возбудятся новые вопросы, о которыхъ мы теперь и не думаемъ, а нынѣшніе вопросы, занимающіе всѣхъ и каждого, будутъ навѣрно рѣшены людьми спеціально занявшимися имп. Таковъ обычный ходъ просвѣщенія.

Изъ этого мы заключаемъ, что романъ, появляющійся въ наше время и ожидающій для себя славы классическаго произведенія, долженъ, рассматривая *statu quo* нашей соціальной жизни и изслѣдуя во всѣхъ подробностяхъ всѣ выгодныя и вредныя ея свойства, открывать новые еще нетронутые можетъ быть вопросы, которые въ свое время поступятъ какъ и прежніе на судъ и разборательство спеціалистовъ дѣла.

Открытие этихъ вопросовъ не есть конечно прямая цѣль искусства, и не можетъ быть почти таковою. Эти открытия, какъ почти всѣ открытія, дѣлаются авторомъ безсознательно. Писатель долженъ только рассмотреть и разъяснить предъ читателемъ выбранный имъ *типъ*, выбранное общество, въ этомъ изслѣдованіи всѣхъ свойствъ своего типа, всегда держаться строго истины, т. е. показать намъ его такимъ, какии онъ его встрѣтилъ въ обществѣ со всѣми его качествами или недостатками, — и тогда это описаніе, мы убѣждены, возбудитъ новые вопросы о возможномъ развитіи показанныхъ намъ качествъ, объ уничтоженіи заявленныхъ недостатковъ.

Мы хотѣли этимъ высказать то, чего, по нашему мнѣнію, прежде всего слѣдуетъ требовать отъ романа нравовъ, истиннаго и современнаго описанія частной жизни въ обществѣ. Мы далеко не желали выразить этимъ, что мы требуемъ дагерротипнаго снимка съ природы, какъ этого желали поклонники, уже впрочемъ отжившей школы, такъ-называемой натуральной.

Не отступая отъ пзясненной нами главной задачи писателя не отклоняться никогда отъ истины, отъ природы — остается за авторомъ еще быть художникомъ. Также точно какъ живописецъ не списываетъ природы, а пишетъ ее на полотнѣ, возсоздаетъ ее, также точно и романистъ долженъ не списывать выбранный типъ, а возсоздать его, развить даже его, не забывая однако того, что новое развитіе этого типа должно быть естественно, должно быть не только возможно, но и правдоподобно.

Свойства и качества, необходимыя для художника, слишкомъ извѣстны каждому, чтобъ о нихъ распространяться — это, во-первыхъ, способность творить образы, которые бы живо вставали передъ глазами читателя, затѣмъ умѣнье владѣть языкомъ, чтобъ придать художественность своему описанію, и еще главное — *сердце*, готовое сочувствовать тому, что рисуешь, что описываешь. Никогда безъ этого собственнаго сочувствія и горячей любви къ своему же описанію, авторъ не сумѣетъ возбудить сочувствія въ постороннемъ лицѣ.

Мы обозначили теперь главные требованія отъ каждаго романа нравовъ для того, чтобы разсмотрѣть на этихъ основаніяхъ вновь вышедшій романъ г. Гончарова «Обломовъ». Мы постараемся, разбирая этотъ романъ, опредѣлить, на сколько онъ оправдалъ наши требованія касательно идеальнаго романа нравовъ. Постараемся уяснить, *первое* — современенъ ли выбранный г. Гончаровымъ типъ Обломова и всѣхъ лицъ окружающихъ его и составляющихъ его общество, возможенъ ли этотъ типъ и прочія дѣйствующія лица романа въ наше время, т. е. естественны ли они? *Второе*, — художественно ли выработано произведеніе почтеннаго автора, какъ въ отношеніи слога, такъ и въ отношеніи чувствъ, въ различныхъ положеніяхъ возникающихъ между дѣйствующими лицами.

Давно уже слухи носились о замѣчательномъ романѣ, надъ которымъ г. Гончаровъ (все по тѣмъ же слухамъ) работаетъ уже 10 лѣтъ. Появлялись нѣкоторые отрывки этого романа, въ альманахѣ 1846 года «Вчера и сегодня», въ Атеней 1858, и всѣ съ любопытствомъ прочитывали ихъ и старались возсоздать по нимъ идею о цѣломъ романѣ. Словомъ, романъ «Обломовъ» занялъ почти всю читающую публику до появленія своего въ печати. Всѣ ожидали его съ нетерпѣніемъ.

Ожиданіе, любопытство всѣхъ къ обѣщанному новому произведенію автора «Обыкновенной исторіи», нисколько насъ не удивляетъ. Мы сами раздѣляли это чувство и, съ чисто-сердечнымъ нетерпѣніемъ скорѣе познакомиться съ этимъ произведеніемъ, раскрыли первую книжку «Отечественныхъ записокъ» нынѣшняго года.

Но слава, предупредившая самое изданіе романа, участіе нашей образованной публики къ новому произведенію, обязываетъ насъ еще глубже, еще строже разсмотрѣть этотъ романъ.

Типъ Обломова, выбранный г. Гончаровымъ, долженъ быть подробно разобранъ критикою, тѣмъ болѣе, что почтенный авторъ, какъ намъ кажется, желаетъ вывести въ немъ вполне современный типъ, не только отдѣльнаго числа

лицъ, но дѣлаго поколѣнія. Задача чрезвычайно важная, но вмѣстѣ-съ-тѣмъ весьма трудная.

Самыя слова: *Обломовщина*, *Обломы*, показываютъ, что г. Гончаровъ желаетъ доказать намъ, что выбранный имъ *типъ*, не есть одно только частное лице, но что въ немъ сосредоточены свойства всѣхъ насъ, дѣлаго поколѣнія, что мы всѣ страдаемъ болѣе или менѣе этою *Обломовщиною*.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ настоящему разбору всего романа, да позволено намъ будетъ замѣтить еще, вскользь, что насъ истинно удивило это безпрестанное и, можно сказать, упорное усиліе автора повторять при всякомъ возможномъ случаѣ слова: *Обломы*, *Обломовщина*. Намъ кажется, что такое чрезмѣрное стараніе автора дать этимъ словамъ генерическое значеніе, доставить имъ, такъ сказать, право гражданства, — не могло достигнуть желаемой авторомъ цѣли.

Гоголь не упоминалъ ни о Чичиковыхъ, ни о Чичиковщицѣ, ни о Плюшкиныхъ, ни о Тентетниковыхъ, а между тѣмъ эти типы остались живыми для всѣхъ, кто только ихъ изучилъ въ твореніяхъ нашего гениальнаго писателя. Чичиковы, Плюшкины существуютъ, вы ихъ встрѣчаете до-сихъ-поръ, вы сами невольно придаете имъ названіе типа Гоголя, который они вамъ напомнили.

Но не станемъ распространяться объ этомъ. Возьмемся лучше прямо за представленный г. Гончаровымъ *типъ*. Замѣченное нами излишнее и можно сказать усиленное стараніе автора обратить вниманіе читателя на общность *типа*, не можетъ повредить самому типу; это — только недостаточно художественный приѣмъ.

Съ первой страницы романа, мы знакомимся съ Ильей Ильичемъ Обломовымъ: «человѣкомъ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ отъ роду, средняго роста, приятной наружности, съ темно-сѣрыми глазами, но съ отсутствіемъ всякой опредѣленной идеи, всякой сосредоточенности въ чертахъ лица....»

«Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ ни румяный, ни смуглый, ни положительно блѣдный, а такъ безразличный, или казался такимъ можетъ быть потому, что Обломовъ

какъ-то обрюзгъ не по лѣтамъ: отъ недостатка ли движенія или воздуха, а можетъ быть того и другого.»

Таковъ нашъ новый знакомый. Онъ лежитъ въ своемъ кабинетѣ, просыпается, опять засыпаетъ, и никакъ не можетъ собраться встать. Наканунѣ онъ получилъ письмо отъ своего старосты изъ деревни, и это письмо его очень озаботило. Онъ все мечтаетъ, какъ и какимъ образомъ принять мѣры, чтобъ остановить безпрестанные беспорядки въ имѣннѣ.—Онъ кликнулъ Захара, своего камердинера. Захаръ одно изъ лучшихъ лицъ всего романа; видно ясно, что почтенный авторъ имѣлъ случай изучить этотъ типъ. Обломовъ спрашиваетъ у Захара, куда положилъ онъ письмо отъ старосты.—Какое письмо? спрашиваетъ Захаръ—я никакого письма не видалъ. — Ты же отъ почтальона принялъ его грязное такое, говоритъ ему баринъ.—Куда жъ его положили, почему мнѣ знать, — отвѣчаетъ Захаръ.

Нѣсколько разъ Захаръ возвращается на свою лежанку, нѣсколько разъ Обломовъ его зоветъ къ себѣ и все спрашиваетъ о судьбѣ письма старосты, и наконецъ это письмо отыскивается въ складкахъ одѣяла самого Обломова.

Когда пробило 11 часовъ, Обломовъ рѣшается уже непременно встать со своего ложа, но слышенъ звонокъ и входитъ нѣкто Волковъ.

Не принимая на себя труда передать вамъ полный перечень всего содержанія романа и желая только высказать наше личное мнѣнiе о достоинствахъ этого произведенія, мы не станемъ обрисовывать каждое изъ тѣхъ лицъ, которыя навѣщаютъ Обломова; мы даже удивляемся, съ какою цѣлю почтенный авторъ привелъ эти три или четыре разнородныя лица? Развѣ Тарантьевъ былъ нуженъ для хода романа? Онъ представляетъ въ противоположность Штольцу, доброму гению Обломова, начало зла, которому подчиняется какъ бы пассивно Обломовъ, нѣчто въ родѣ древней судьбы (фатума) появлявшейся въ концѣ трагедій Эсхила, Софокла и Эврипида, чтобы покорить все таки своему влиянію человѣка, силившагося во все время освободиться отъ этого ярма.

Мысль какъ видите неновая, но надо отдать ей справедливость, мысль глубокая и къ сожалѣнiю вѣрная.

Какъ ни силится человекъ измѣнить свою природу, переродиться, онъ все же большею частiю остается подъ гнѣтомъ своей судьбы.

Похваставъ вдоволь своимъ новымъ рейтъ-фракомъ, своими брелоками, своими перчатками, Волковъ прощается съ Обломовымъ и отправляется къ какому-то князю Тюменеву; ни о немъ, ни о Тюменевѣ далѣе въ романѣ ни поль-слова, стало бытъ это лице лишено для насъ всякаго интереса.

Только что онъ вышелъ, входитъ новый гость Судьбинскiй, чиновникъ, недавно назначенный начальникомъ отдѣленiя, и очень доволенъ, даже гордъ этимъ повышенiемъ. После нѣкоторыхъ мало интересныхъ разсказовъ о службѣ — онъ уходитъ. Является тотчасъ же третiй, заросшiй весь бакенбардами, усамъ и эспаньолкой, это какой-то литераторъ *Ленкинъ*. Разговоръ конечно обращается тотчасъ же къ литературѣ. Обломовъ проповѣдуетъ, что надо болѣе сердца для писателя, что нынѣшняя литература забываетъ совершенно *человѣка*, и занимается только ростовщиками и мошенниками — «гдѣ же человѣчность-то? прошипѣлъ онъ, — гдѣ же искусство, гдѣ же поэзiя?»

И этотъ оставляетъ Обломова и отправляется на Екатерингофское гулянье какъ и прежнiе, потому-что сегодня 1 мая. Обломовъ недолго остается одинъ, къ нему входитъ самый странный изъ его знакомыхъ, Алексѣевъ, нѣкто весьма неопредѣленной наружности, характера, лѣтъ; даже впоследствии вы узнаете, что и фамилiя его весьма неопредѣлительна для многихъ, и что ее путаютъ безбожно на всѣ лады.

Всѣ эти лица, посѣщающiя Обломова въ одинъ и тотъ же день изъ чистой дружбы къ нему, приглашающiя его погулять въ Екатерингофъ вмѣстѣ, болѣе не являются къ своему другу во всю его жизнь, и самъ Обломовъ о нихъ даже и не вспомнитъ.

Для чего, съ какою цѣлью они всѣ столпились 1-го мая отъ 11-ти до 3-хъ часовъ пополудни у Обломова? — вотъ задача, заслуживающая внимательнаго разсмотрѣнiя, но ни-

какъ не рѣшаемая простымъ читателемъ романа. Типы эти ни довольно новы, ни довольно занимательны, чтобъ одинъ намекъ о нихъ, какой существуетъ въ выше описанныхъ сценахъ, былъ удовлетворителенъ. Они, стало быть, сами по себѣ не имѣютъ настоящаго значенія. Можетъ-быть, они обрисовываютъ, уясняютъ собою главный типъ, типъ Обломова, но и послѣднй все время валяется на своей постели, просить каждаго изъ нихъ не подходитъ къ нему, потому-что они съ холоду, отказывается постоянно поѣхать съ ними въ Екатеринбургъ, что только выказываетъ его лѣнливый характеръ; развѣ только этимъ способомъ (т. е. этою панорамною разнородныхъ лицъ) почтенный авторъ хотѣлъ заявить, на сколько мучить Обломова полученное имъ отъ старосты письмо. Да, и этого можно было бы достигнуть несравненно легчайшимъ способомъ, хотя, конечно, въ меньшемъ количествѣ печатныхъ листовъ.

Кстати о письмѣ старосты. Мы позволимъ выписать его здѣсь:

«Доношу твоей барской милости, что у тебя въ вотчинѣ, кормилецъ нашъ, все благополучно. Пятую недѣлю нѣтъ дождей: знать, прогнѣвали Господа Бога, что нѣтъ дождей. Эдакой засухи старики не запомнятъ: яровое такъ и палитъ, словно полынемъ. Осимъ, ино мѣсто червь сгубилъ, ино мѣсто раннѣе морозцы сгубили: перепахали-было на яровое, да не знамо, уродится ли что? Авось милосердый Господь помилуетъ твою барскую милость; а о себѣ не заботимся: пусть издохнемъ. А подъ Ивановъ-день еще три мужика ушли: Лаптевъ, Балочовъ, да особо ушолъ Васька, кузнецовъ сынъ. Я бабъ погналъ по мужей: бабы тѣ не воротились, а проживаютъ, слышно, въ Челкахъ, а въ Челки поѣхалъ кумъ мой изъ Верхлева: управляющй послалъ его туда: соху, слышь, заморскую привезли, а управляющй послалъ кума въ Челки оную соху посмотреть. Я наказывалъ куму о бѣглыхъ мужикахъ; исправнику кланялся, сказалъ онъ: «подай бумагу, и тогда всякое средство будетъ исполнено, водворить крестьянъ ко дворамъ на мѣсто жительства,» и oprичъ того, ничего не сказалъ, а я палъ въ ноги ему и слезно умолялъ; а онъ закричалъ благимъ матомъ:

«пошлое, пошлое! тебѣ сказано, что будетъ исполнено — подай бумагу!» А бумаги я не подавалъ. А нанять здѣсь некого: всё на Волгу, на работу, на барки ушли — такой нынче глупый народъ сталъ здѣсь, кормилецъ нашъ, батюшка Илья Ильичъ! Холста нашего сей годъ на ярмонкѣ не будетъ: сушильню и бѣлильню я заперъ на замокъ и Сычуга приставилъ денно и ночью смотрѣть: онъ тверезый мужикъ; да чтобы не стянулъ чего господскаго, я смотрю за нимъ денно и ночью. Другіе больно пьютъ и просятся на оброкъ. Въ недоимкахъ недоборъ: нынѣшній годъ изъ вотчины пошлемъ доходцу; будетъ, батюшка ты нашъ благодѣтель, тысячи яко двѣ поменѣ противъ того года, что прошелъ, только-бы засуха не разорила въ конецъ, а то вышлемъ, о чемъ твоей милости и предлагаемъ.»

«Затѣмъ слѣдовали изъявленія преданности и подпись: староста твой, всенижайшій рабъ Прокофій Вытягушкинъ собственной рукой руку приложилъ. За неумѣніемъ грамотѣ поставленъ былъ крестъ. А писалъ со словъ онаго старосты шуринъ его, Демка Кривой.»

Въ этомъ письмѣ насъ нѣсколько удивила жалоба старосты, которая вовсе не вѣроятна: во первыхъ, *пятую недѣлю дождей нѣтъ — эдакой засухи старики не запомнятъ.* Обломовъ получалъ письмо это за нѣсколько дней до 1-го мая — полагая, что на почтѣ оно осталось по-крайней-мѣрѣ одну или полторы недѣли. За пять недѣль до отсылки письма изъ имѣнья еще было начало марта мѣсяца, въ это время, какъ кажется, дождей нельзя ждать, только-бы морозы кончились, да рѣки всё прошли, и то ладно. Потомъ староста толкуетъ о побѣгѣ въ Ивановъ день, т. е. 24-го іюня, нѣкоторыхъ крестьянъ и пишетъ объ этомъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Стало-быть, онъ предугадываетъ побѣгъ? онъ не только мошенникъ, но даже колдунъ!

Но мы не станемъ останавливаться долго на этихъ, хотя странныхъ, но мелкихъ промахахъ почтеннаго автора, которыхъ, между прочимъ, найдется довольно много въ четырехъ частяхъ романа. Возвратимся къ разбору главнаго типа, къ нашему любезному Обломову.

Обломовъ, проводивъ, какъ выше уже сказано, всёхъ

своихъ незванныхъ гостей на гулянье, и пожаловавшись имъ въ то-же время на безпорядки въ его имѣнїи, донесенные ему старостой, проводивъ даже послѣ всѣхъ ихъ Тарантьева, одного изъ ближайшихъ его знакомыхъ, который всегда имѣлъ большое вліяніе на его жизнь, на его дѣйствія, и котораго мы уже назвали олицетвореніемъ несносной судьбы, всегда тяготѣющей надъ человѣкомъ, хотѣлъ-было рѣшительно встать и одѣться, но почтенному автору необходимо было еще разъ его бросить въ объятія Морфея, и послушный, безхарактерный герой нашъ приказываетъ *закрѣпить ставни* (?), спустить занавѣси — и ложится отдохнуть опять на свою постель, съ которой онъ не вставалъ съ прошлаго вечера. И все это онъ дѣлаетъ для того, чтобъ доставить г-ну Гончарову возможность помѣстить тотъ «Сонъ Обломова» (отрывокъ изъ этого романа), который былъ напечатанъ и который вызвалъ въ свое время столько заслуженныхъ похвалъ.

Этотъ отрывокъ, всѣмъ кажется извѣстенъ. Въ немъ г. Гончаровъ уже давно намъ доказалъ весь свой талантъ, все свое умѣнье владѣть русскимъ языкомъ. Нѣкоторыя картины деревенской жизни, такъ и врѣзываются въ память; того онъ вѣрны и изящно обрисованы.

Одно только замѣчаніе мы могли бы сдѣлать. Намъ кажется, что этотъ сонъ немного длиненъ. Нѣтъ никакой возможности человѣку увидѣть всю свою жизнь въ такой подробности и въ такой *последовательности* во снѣ. Этотъ недостатокъ въ особенности замѣчается теперь, когда для этого сна, почтенный авторъ, усыпилъ насильно Обломова послѣ 12-ти часоваго непрерывнаго сна, еще покрайней-мѣрѣ на 3 часа самаго упорнаго тяжелаго сна. Такой необыкновенно громаднѣйшій сонъ, какъ намъ кажется, неправдоподобенъ. И мы истинно жалѣемъ о томъ, что г. Гончаровъ не обратилъ должнаго вниманія на это обстоятельство, потому что часто мелкія подробности совершенно измѣняютъ характеръ всего романа, придаютъ ему какой-то тяжелый видъ, который не можетъ нравиться массѣ читателей. А для кого же мы пишемъ, если не для читателей?

Еще намъ кажется, что свойства Обломова, какъ маль-

чка живаго, рѣзваго, который постоянно наровить, какъ-бы пробѣжать по разрушающейсѣ галереѣ, куда его не пускаютъ, или убѣжать въ оврагъ, о которомъ такъ много чудеснаго и страшнаго онъ слышалъ отъ своей няни, вовсе не соответствующую характеру нынѣшняго Обломова, который спитъ безъ просыпки 15 часовъ въ сутки и нѣсколько часовъ спустя, опять готовъ заснуть. Эти живыя черты, положимъ, могли на время заглухнуть, но когда-нибудь, по общему психологическому закону, должны были въ жизни Обломова проявиться, чего мы не видимъ въ романѣ, гдѣ Обломовъ является какъ лице отвлеченное.

Въ началѣ второй части разбираемаго нами романа — мы знакомимся съ новымъ лицомъ, *Андреемъ Ивановичемъ Штольцомъ*. Это другъ Ильи Ильича, другъ дѣтства его и единственный мудрый его совѣтникъ.

Штольцъ — сынъ ученаго агронома, который занимался управленіемъ имѣнія не подалеку отъ имѣнія Обломовыхъ. Тутъ-то въ деревнѣ оба мальчика, почти однихъ лѣтъ, познакомились, подружились, учились, играли вмѣстѣ, — и вскорѣ Обломовъ сталъ считать Штольца единственнымъ своимъ другомъ.

Молодость и образованіе Штольца, — хотя они чрезвычайно занимательно описаны въ самомъ романѣ, не могутъ насъ остановить. Намъ хотѣлось бы только обозначить, хотя бы нѣкоторыми выраженіями самаго автора, характеръ этого замѣчательнаго человѣка, но и это чрезвычайно трудно.

Почтенный авторъ не можетъ никакъ, говоря о своемъ любимцѣ по учености, Штольцѣ, не завлечься самъ въ обороты единственно свойственные нѣмецкой философіи, и мы отказываемся рѣшительно передать вамъ объясненіе этихъ темныхъ но по всѣмъ вѣроятностямъ премудрыхъ изреченій. Посудите сами.

«Онъ весь составленъ изъ костей, мускуловъ и нервовъ, какъ кровная англійская лошадь. Онъ худощавъ; щекъ у него почти вовсе нѣтъ, т. е. есть кость да мускулъ, но ни признака жирной округлости; цвѣтъ лица ровный, смугловатый и никакого румянца; глаза хотя немного зеленоватые, но выразительные. Движеній лишнихъ у него не было. Если

онъ сидѣлъ, то сидѣлъ покойно, если же дѣйствовалъ, то употреблялъ столько мимики, сколько было нужно. Какъ въ организмѣ нѣтъ у него ничего лишняго, такъ и въ нравственныхъ отправленияхъ своей жизни онъ искалъ равновѣсія практическихъ сторонъ съ тонкими потребностями духа. Двѣ стороны шли *параллельно, перекрещиваясь* (?) и перевиваясь на пути, но никогда не запутываясь въ тяжелые, неразрѣшаемые узлы. Онъ шелъ твердо, бодро; жилъ по бюджету, стараясь тратить каждый день, какъ каждый рубль, съ ежеминутнымъ никогда недремлющимъ контролемъ издержаннаго времени, труда, силъ души и сердца. Кажется, и печалью и радостями онъ управлялъ какъ движеніемъ рукъ, какъ шагами ногъ, или какъ обращался съ дурной и хорошей погодой. Онъ распускалъ зонтикъ, пока шелъ дождь, т. е. страдалъ, пока длилась скорбь, да и страдалъ безъ робкой покорности, а больше съ досадой, съ гордостью, и переносилъ терпѣливо только потому, что причину всякаго страданія приписывалъ самому себѣ, а не вѣшалъ, какъ кафтанъ, на чужой гвоздь. И радостію наслаждался, какъ сорваннымъ по дорогѣ цвѣткомъ, пока онъ не увялъ въ рукахъ, не допивая чаши никогда до той капельки горечи, которая лежитъ въ концѣ всякаго наслажденія. Простой, т. е. прямой, настоящій взглядъ на жизнь — вотъ что было его постоянною задачею, и, добираясь постепенно до ея рѣшенія, онъ понималъ всю трудность ея и былъ внутренно гордъ и счастливъ всякій разъ, когда ему случалось замѣтить кривизну на своемъ пути и сдѣлать прямой шагъ. «Мудрено и трудно жить просто!» говорилъ онъ часто себѣ и торопливыми взглядами смотрѣлъ, гдѣ криво, гдѣ косо, гдѣ нить снурка жизни начинаетъ заворачиваться въ неправильный, сложный узелъ. Больше всего онъ боялся воображенія, этого двуличневаго спутника, съ дружескимъ на одной и вражескимъ на другой сторонѣ лицомъ, друга — чѣмъ меньше вѣришь ему, и врага — когда уснешь довѣрчиво подъ его сладкій шопоть. Онъ боялся всякой мечты, или, если входилъ, какъ входятъ въ гротъ, съ надписью: *ma solitude, mon hermitage, mon geros*, зная часъ и минуту, когда выйдешь оттуда. Мечтѣ, загадочному, таинственному, не было

мѣста въ его душѣ. То, что не подвергалось анализу опыта, практической истины, было въ глазахъ его оптической обманъ, то или другое отраженіе лучей и красокъ на сѣткѣ органа зрѣнія, или же, наконецъ фактъ, до котораго еще не дошла очередь опыта. У него не было и того дилетантизма, который любитъ порыскать въ области чудеснаго, или подонкихотствовать въ полѣ догадокъ и открытій за тысячу лѣтъ впередъ. Онъ упрямо останавливался у порога тайны, не обнаруживая ни вѣры ребенка, ни сомнѣнія фата, а ожидалъ появленія закѣна, а съ нимъ и ключа къ ней.

«Такъ же тонко и осторожно, какъ за воображеніемъ, слѣдилъ онъ за сердцемъ. Здѣсь, часто оступаясь, онъ долженъ былъ сознаваться, что сфера сердечныхъ отправленій была еще terra incognita. Онъ горячо благодарилъ судьбу, если въ этой невѣдомой области удавалось ему заблаговременно различить нарумяненную ложь отъ блѣдной истины; уже не сѣтовалъ, когда отъ искусно прикрытаго цвѣтами обмана онъ оступался, а не падалъ, если только лихорадочно и усиленно билось сердце, и радъ-радѣхонекъ былъ, если не обливалось оно кровью, если не выступалъ холодный потъ на лбу и потомъ не ложилась надолго длинная тѣнь на его жизнь. Онъ считалъ себя счастливымъ ужъ и тѣмъ, что могъ держаться на одной высотѣ и, скача на копытѣ чувства, не проскакать тонкой черты, отдѣляющей міръ чувства отъ міра лжи и сентиментальности, міръ истины отъ міра смѣшнаго, или, скача обратно, не заскакать на песчаную, сухую почву жесткости, умничанья, недовѣрія, мелочи, оскотленія сердца.»

Мы съ своей стороны должны смиренно признать слабость, безсиліе нашего разума, — мы и половины этого описанія не могли понять и только постоянно перескакивали отъ удивленія къ новому удивленію, при появленіи, напримѣръ, грота съ надписью: *ma solitude, mon hermitage*, или при описаніи о томъ, какъ оный г. Штольцъ, скача на копытѣ чувства, не проскакалъ тонкой черты, отдѣляющей міръ чувства отъ міра лжи, сентиментальности, міръ истины отъ міра смѣшнаго, или скача обратно не заскакалъ на песчаную сухую почву жесткости, умничанія, недовѣрія, мелочи, оскотленія сердца.

Поистинѣ, мы никакъ не можемъ понять, что это за конекъ чувства, что это за скачка, что это за тонкая черта, — и наконецъ, что это за *осколение сердца*?

Мы рѣшительно удивляемся, какимъ образомъ тотъ же авторъ могъ написать такія роскошныя картины природы, такія упительныя описанія частной жизни, и тутъ же въ этомъ же романѣ, такъ темно, такъ неизящно обрисовать характеръ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ!

Г. Гончаровъ, какъ кажется, слишкомъ упорно старается возможно — явственно передать выбранную имъ для своего романа, основную мысль; и эти-то старанія затемняютъ, холодятъ и его описанія, и самый его романъ. Онъ все старается олицетворить свою мысль. Онъ опутываетъ ее въ какую-нибудь оболочку, и такимъ образомъ полагасть, что онъ создалъ характеръ. Еслибы напротивъ, почтенный авторъ изучилъ въ настоящей жизни занимающій его характеръ, нашель наконецъ послѣ долгихъ трудовъ, настоящій живой типъ — тогда бы только онъ развилъ это живое существо. Мы убѣждены, что всѣ лица, представленныя въ этомъ романѣ, были бы несравненно естественнѣе, а потому возбудили бы гораздо болѣе интереса.

А въ романѣ г. Гончарова, почти всѣ дѣйствующія лица, какія-то оживленныя философскія умозаключенія, и вовсе не люди. Они не говорятъ, а всегда читаютъ философскіе трактаты, словно по тетрадамъ.

Обломовъ—олицетвореніе доброй, нерѣшительной, лѣнивой натуры, которая много задумываетъ, много желаетъ сдѣлать добраго, умнаго, но отчасти отъ безхарактерности, отчасти отъ лѣни — не можетъ рѣшиться даже приняться за задуманное дѣло. Этотъ типъ, по мнѣнію почтеннаго автора, типъ почти общій нашему современному обществу. Мы не отвергаемъ вполнѣ этого убѣжденія, въ особенности, что касается до безхарактерности, нерѣшительности большинства изъ насъ. Но мы истинно жалѣемъ, что эти явные недостатки развиты въ описанномъ типѣ недовольно естественно, что Обломовъ не представленъ намъ какъ живой человѣкъ взятый изъ среды насъ самихъ, а является только какимъ-то умозаключеніемъ придуманной для него авторомъ философской теоріи. Онъ

спитъ такъ, какъ люди никогда не могутъ спать — болѣе 18 часовъ въ сутки. Онъ говоритъ такъ, какъ тоже никто не говоритъ, развѣ съ кафедръ, когда проповѣдуютъ свою философскую теорію. Онъ влюбляется, и въ этой любви только старается развить свою же философію.

Штольцъ тоже не живой человѣкъ. Это противоположная теорія Обломова съ нѣкоторыми качествами, съ нѣкоторыми недостатками, теорія очень подробно разсмотрѣнная авторомъ и даже, можно сказать, чрезвычайно поучительная, какъ доказывающая пользу истиннаго разумнаго труда — необходимость этого рычага; — но къ сожалѣнію это тоже не человѣкъ. Вы навѣрно никогда не встрѣчали Штольца; вы замѣчали въ нѣкоторыхъ ниня его качества, ниня его недостатки, но никогда не видали этого воплощеннаго практическаго разума, одѣтаго съ ногъ до головы въ философскія изреченія. Такого человѣка не только нѣтъ на землѣ, но даже, какъ кажется, не можетъ быть.

Послушайте, напримѣръ, на выдержку отрывокъ изъ разговора Обломова со Штольцемъ.

«— Все, вѣчная бѣготня въ запуски, вѣчная игра дрянныхъ страстишекъ, особенно жадности, перебиванья другъ у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки другъ другу, это оглядыванье съ ногъ до головы; послушаешь, о чемъ говорятъ, такъ голова закружится, одурѣешь. Кажется, люди на взглядъ такіе умные, съ такимъ достоинствомъ на лицѣ, только и слышишь: «этому дали то, тотъ получилъ аренду.» «Помилуйте за что?» кричитъ кто-нибудь. «Этотъ проигрался вчера въ клубѣ; тотъ беретъ триста тысячъ!» Скука, скука, скука!... Гдѣ же тутъ человѣкъ? Гдѣ его цѣлость? Куда онъ скрылся, какъ разиѣнялся на всякую мелочь?»

«— Что-нибудь да должно же занимать свѣтъ и общество, сказалъ Штольцъ: — у всякаго свои интересы. На то жизнь...»

«— Свѣтъ, общество! Ты вѣрно нарочно, Андрей, посылаешь меня въ этотъ свѣтъ, въ это общество, чтобъ отбить больше охоту быть тамъ. Жизнь: хороша жизнь! Чего тамъ искать? интересовъ, ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это: нѣтъ его, нѣтъ

ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, хуже меня, эти члены свѣта и общества! Что водить ихъ въ жизни? Вотъ они не лежатъ, а спуютъ каждый день, какъ мухи, взадъ и впередъ, а что толку? Войдешь въ залу и не налюбуешься, какъ симметрически расажены гости, какъ смирно и глубокомыслено сидятъ — за картами. Нечего сказать, славная задача жизни! отличный примѣръ для ищущаго движенія ума! Развѣ это не мертвецъ? Развѣ не спятъ они всю жизнь сидя? Чѣмъ я виноватѣе ихъ, лежа у себя дома и не заражая головы тройками и валетами?»

«— Это все старое, объ этомъ тысячу разъ говорили, замѣтилъ Штольцъ. — Нѣтъ-ли чего поновѣе?»

«— А наша лучшая молодежь, что она дѣлаетъ? развѣ не спитъ, ходя, развѣзжая по Невскому, танцуя? Ежедневная, пустая перетасовка дней! А посмотри, съ какою гордостію и невѣдомымъ достоинствомъ, отталкивающимъ взглядомъ смотрятъ, кто не такъ одѣтъ, какъ они, не носятъ ихъ имени и званія. И воображаютъ, несчастные, что еще они выше толпы: «мы-де служимъ, гдѣ кромѣ насъ никто не служить; мы въ первомъ ряду кресель, мы на балѣ у князя N., куда только насъ пускаютъ...» А сойдутся между собой, перепьются и передерутся, точно дикіе! Развѣ это живые, не спящіе люди? Да не одна молодежь: посмотри на взрослыхъ. Собираются, кормятъ другъ друга: ни радушія, ни доброты, ни взаимнаго влеченія! Собираются на обѣдъ, на вечеръ, какъ въ должность, безъ веселія, холодно, чтобъ похвастать поваромъ, салономъ, и потомъ подъ рукой осмѣять, подставить ногу одинъ другому. Третьяго дня за обѣдомъ, я не зналъ куда смотрѣть, хоть подъ столъ залѣзть, когда началось терзаніе репутацій отсутствующихъ: «тотъ глупъ, этотъ низокъ, другой воръ, третій смѣшонъ» — настоящая травля! Говоря это, глядятъ другъ на друга такими же глазами «вотъ уйди только за дверь, и тебѣ то-же будетъ...» Зачѣмъ же они сходятся, если они таковы? Зачѣмъ такъ крѣпко жмутъ другъ другу руки? Ни искренняго смѣха, ни проблеска симпатіи! Стараются залучить громкій чинтъ, имя. «У меня былъ такой-то, а я былъ у такого-то», хва-

стають потомъ... Чтожъ это за жизнь? Я не хочу ея. Чему я тамъ научусь, что извлеку?»

«— Знаешь что, Илья? сказалъ Штольцъ: — ты разсуждаешь точно древній: въ старыхъ книгахъ вотъ такъ все писали. А впрочемъ и то хорошо: по-крайней-мѣрѣ разсуждаешь, не спишь. Ну, что еще? продолжай.»

Самъ авторъ нѣсколько изумленный мудреностію оборотовъ выбранныхъ его героемъ заставляетъ Штольца замѣтить, что Обломовъ разсуждаетъ точно древній — въ старыхъ книгахъ вотъ такъ все писали. И подлинно, такъ писали въ старыхъ книгахъ, но такъ даже и въ старину, мы убѣждены, никогда не разговаривали въ дружескихъ бѣсѣдахъ.

Далѣе въ этомъ же разговорѣ, Обломовъ передаетъ Штольцу предположенный имъ планъ жизни въ деревнѣ, и хотя мы снова должны замѣтить, что это описаніе жизни деревенской скорѣе могло быть написано въ дружескомъ письмѣ, чѣмъ передано такъ на словахъ, но не можемъ не выписать хотя нѣсколько строкъ изъ этого описанія, чтобы еще разъ восхититься истинно поэтическимъ описаніемъ вечера въ деревнѣ, напримѣръ.

«Потомъ, какъ свалитъ жара, отправили бы телѣгу съ самоваромъ, съ десертомъ, въ березовую рощу, а не то такъ въ поле, на скошенную траву, разостлали бы между стогами ковры, и такъ блаженствовали бы вплоть до окрошки и бифтекса. Мужики идутъ съ поля съ косами на плечахъ; тамъ возъ съ сѣномъ проползетъ, закрывъ всю телѣгу и лошадь; вверху изъ кучи торчатъ шапка мужика съ цвѣтами да дѣтская головка; тамъ толпа босоногихъ бабъ, съ серпами, голосятъ.... Вдругъ завидѣли господь, притихли, низко кланяются.... Одна изъ нихъ, съ загорѣлой шеей, съ открытыми локтями, съ робко опущенными, но лукавыми глазами, чуть-чуть, для виду только, обороняется отъ барской ласки, а сама счастлива.... тс!..., жена чтобъ не увидѣла, Боже сохрани!»

Какая граціозная, какая вѣрная картинка! Намъ кажется, что каждый художникъ невольно взялся бы за кисть, чтобъ передать на полотно всю эту картину: и эту березовую ро-

щину, и самоваръ, все семейство, сидящее на коврахъ между стогами свѣжей скошенной травы, и этихъ мужиковъ, и эту загорѣлую молодицу съ серпомъ.

Эти картинки деревенской тихой жизни кажутся Обломову идеаломъ счастья въ жизни. Штольцъ, напротивъ, видитъ въ этой тихой спокойной жизни только новую лѣнь, новое бездѣйствіе. Онъ начинаетъ изъяснять Обломову свои убѣжденія о цѣль жизни и впадаетъ невольно въ недостатки, замѣченный имъ за нѣсколько только времени, онъ тоже начинаетъ разсуждать точно древній, — вотъ такъ точно, какъ писалъ въ старыхъ книгахъ.

Онъ желаетъ оживить Обломова, обратить его къ болѣе разумному, по его убѣженію, образу жизни. Для этого кромѣ философскихъ изреченій, онъ знакомитъ Обломова съ молодою дѣвушкой *Ольгою Ильинскою*, въ которую онъ старается влюбить Обломова, и, что всего удивительнѣе, тотчасъ же покидаетъ своего друга, и уѣзжаетъ за границу.

Еслибы Штольцъ былъ живой человѣкъ, а не воплощеніе философской теоріи, онъ можетъ быть былъ бы другомъ Обломова, и тогда для счастья своего друга, онъ отложилъ бы свою поѣздку, постарался петнино возбудить какую-нибудь энергію въ своемъ другѣ, и, можетъ быть, успѣлъ бы въ этомъ. Обломовъ женился бы на Ольгѣ и былъ бы вполне счастливъ. Но Штольцу нужно не счастье Обломова, нужно только опровергнуть философскую теорію Обломова, нужно заставить послѣдняго принять безусловно его теорію; — притомъ съ бракомъ Обломова и Ольги, кончился бы естественно и весь романъ, — а обѣ философскія теоріи Штольца и Обломова еще недовольно разъяснены, развиты. Стало быть Штольцъ не можетъ на это рѣшиться, и онъ покидаетъ своего друга и уѣзжаетъ по своимъ частнымъ дѣламъ за границу.

Съ этого времени Ольга отчасти заступаетъ мѣсто Штольца; она переняла отъ него главныя основы его философской теоріи и теперь начинаетъ развивать ихъ на практикѣ съ новымъ ся знакомымъ Обломовымъ.

Невольно, читая романъ г. Гончарова, какъ-то отрадно останавливаешься при первомъ знакомствѣ съ Ольгой. Послѣ

холоднаго анализа теоретическихъ героевъ этого романа, каждый желаетъ отдохнуть немного на описаніи милого, граціознаго созданія, ожидаетъ найдти въ немъ источникъ живаго чувства, который бы оживилъ собою всѣ эти философскія умозаключенія. Невольно поэтому чувствуешь въ себѣ что-то симпатическое къ этому новому лицу, къ этой миловидной, граціозной дѣвушкѣ. И если почтенный авторъ, намѣренно продолжилъ до половины второй части этотъ холодный анализъ философскаго значенія жизни, чтобы усилить впечатлѣніе читателя при первомъ появленіи Ольги, то мы должны признаться, что онъ мастерски достигъ своей цѣли. Не смотря на всю неопредѣленность положенія и характера Ольги, не смотря на странныя ея отношенія отчасти къ Штольцу, отчасти къ Обломову, отчасти тоже къ своей теткѣ, — отношенія, которыя и составляютъ настоящую завязку романа, не смотря на то, что часто негодуешь на ея образъ мыслей, на ея обхождение съ Обломовымъ, которое губить окончательно послѣдняго, не смотря на все это, — личность Ольги содержитъ въ себѣ что-то привлекательное, что-то отрадное, и по окончаніи всего романа, эта личность все еще пріятно остается въ памяти читателя, не какъ настоящій типъ, а какъ какое-то видѣніе, доставившее вамъ нѣсколько отрадныхъ минутъ.

Странно одно: чего-то недостаетъ въ этомъ миломъ граціозномъ образѣ. Вы только что обрисовали въ вашемъ воображеніи ея личность и характеръ, — вы убѣдились напрямѣрь, что Ольга не только влюблена въ Обломова, но даже искренно любитъ его, она даже говоритъ ему между прочимъ въ саду, во время своего свиданія съ нимъ: «умрете вы, я буду носить вѣчный трауръ по васъ и никогда болѣе не улыбнусь въ жизни.» И послѣ всѣхъ доказательствъ неподдѣльнаго чувства своего къ Обломову, та же Ольга трунить надъ нимъ, смѣется надъ нѣкоторою его неловкостію. Наконецъ послѣ окончательнаго признанія въ любви Обломова, послѣ ея согласія считать себя его невѣстою, которое она какъ бы подтверждаетъ страстнымъ поцѣлуемъ — послѣ всего этого она противится желанію Обломова идти прямо къ теткѣ и официально просить ея руки. Она говоритъ ему, что прежде надо заняться дѣломъ, надо прежде идти въ па-

лату, чтобъ приготовить довѣренность, потомъ заняться квартирой, еще съѣздить въ деревню: тамъ устроить всѣ дѣла, выстроить домъ, завести школу, словомъ—все то сдѣлать, что совѣтовалъ Штольцъ. Такъ что Обломовъ самъ становится въ тупикъ и невольно говоритъ: «какая странная эта Ольга?»

И подлинно странная женщина, а все тому причина философская теорія Штольца, которой она должна подчиниться, которой она должна слѣдовать.

Ольга забылась немного, была нѣкоторое время женщиной, и романъ уже поканчивался и Обломовщина исчезала и теорія Штольца, погибала еще неразъясненной; Ольга знаетъ хорошо нерѣшительный слабый характеръ Обломова, она могла бы теперь помочь ему сама во всѣхъ его дѣлахъ, устроить все, попросить кого-нибудь изъ ея знакомыхъ пособить Обломову, котораго бы она называла женихомъ. Если бы она любила его, она бы поняла, что этимъ она упрочиваетъ его счастье, что для такого нерѣшительнаго лѣниваго характера нѣтъ ничего вреднѣе, какъ нехорошо обозначенное, даже фальшивое, положеніе. Она знаетъ все это, но для дальнѣйшаго развитія романа вовсе не нужно счастье Обломова, потому что Обломовъ не человѣкъ, какъ мы уже сказали, Обломовъ олицетвореніе философской идеи, теоріи, а потому и Ольга не должна быть женщиной, она тоже не должна забывать, что во все время отсутствія Штольца, она обязана замѣнить, олицетворить его теорію.

Требованія Ольги совершенно разстроили Обломова, къ довершенію всего горя, является еще послѣ долгаго отсутствія Тарантьевъ. Это — зловѣщій наставникъ Обломова, который постоянно противудѣйствуетъ добрымъ видамъ Штольца, грабитъ бѣднаго Обломова, и Обломовъ изъ слабости характера и изъ доброты сердечной, понимая хорошо самъ, сколь вредно ему знакомство съ этимъ человѣкомъ, все-таки подчиняется ему и не смѣетъ гласно ему противиться.

Тарантьевъ перевезъ уже все имущество Обломова въ какой-то деревянный домъ на Выборгской сторонѣ къ своей кумѣ, какъ онъ ее называетъ. Эта квартира, по описанію, прежде очень правилась Обломову, онъ наслаждался мысленно уже тою невозмутимую тишиной, которая будетъ постоянно

его окружать въ этой новой квартирѣ и дозволить ему довести свое умѣнье спать, можетъ быть уже за 20 часовъ въ сутки. Правилась она особенно самому Тарантьеву, который уже здѣсь вполне былъ увѣренъ въ своей добычѣ.

Теперь Обломовъ измѣнился, ему болѣе не хочется ѣхать въ эту глушь; ему не то теперь нужно. Нужно хорошенькую, мило убранную квартиру для милой Ольги, думаетъ онъ. Но какъ сказать это все Тарантьеву, — землякъ (такъ онъ его называетъ) ни за что не откажется отъ своего плана. Онъ заключилъ, по порученію Обломова, контрактъ, и этотъ контрактъ подписанъ самимъ Обломовымъ. Деньги уже частію выданы: что дѣлать? приходится Обломову ѣхать на Выборгскую сторону, самому переговорить съ хозяиномъ дома и постараться уничтожить совершенный на три года контрактъ.

Описаніе этого маленькаго домика въ какомъ-то закоулкѣ Выборгской стороны, очень вѣрно. Тутъ вы тотчасъ же узнаете несомнѣнный талантъ г. Гончарова.

Агаоля Матвѣвна Пшеницына, хозяйка этого дома, чрезвычайно искусно описана; она живо представляется вамъ съ своимъ свѣжимъ и полнымъ сложеніемъ, съ своимъ пухлымъ и бѣлымъ лицомъ, съ голой шеей и локтями, которые въ особенности обратили вниманіе Обломова и произвели на него сильное впечатлѣніе.

Пшеницына, добрая, какъ кажется, женщина; она занята исключительно своимъ хозяйствомъ, не имѣетъ никакого образованія, и сознаетъ въ себѣ этотъ недостатокъ, она совершенно подчиняется своему брату, мелкому чиновнику, господину въ родѣ ходатая по дѣламъ, хитрому, развратному, грязному человѣку, готовому всегда на всякую мерзость, если онъ видитъ въ ней явную выгоду себѣ.

Жизнь семейства Пшеницыныхъ чрезвычайно вѣрно описана; много жизненной правды, а между тѣмъ есть и художественность въ описаніи.

Уничтожить совершенный Тарантьевымъ контрактъ не удалось Обломову, притомъ онъ самъ, мало-по-малу отделяется отъ семейства Ильинскихъ, и если не забываетъ совершенно Ольгу, то по-крайней-мѣрѣ находитъ въ ней много сухаго, много страннаго въ характерѣ, мало слыш-

комъ сердца во всемъ, т. е. сердца не заученнаго, не развитаго философическими теоріями, а простаго, естественнаго, чувства истинно человѣческаго, и мы не смѣемъ упрекнуть въ этомъ Обломова, удивляемся даже, что онъ такъ человѣчно понялъ все это и отдалился отъ этой сухой теоріи жизни.

Но не даромъ Илья Ильичъ переѣхалъ на Выборгскую сторону, не даромъ его такъ плѣнили бѣлыя, пухлыя локти съ ямочками. Все это было устроено для того, чтобы Обломовъ могъ окончательно разъяснить исходъ своей философской теоріи. Онъ забываетъ мало-по-малу прежнюю свою страсть — Ольгу, плѣняется уже совершенно другимъ образомъ хозяйкой своей квартиры, увлекается окончательно этими пухлыми локтями съ ямочкой и пирогомъ съ цыплятами или съ грибами, который готовится по воскресеніямъ и праздникамъ, и наконецъ рѣшается жениться на вдовѣ Пшеницыной!

Впрочемъ, все это случилось не разомъ, а весьма исподволь. Въ началѣ Обломовъ все еще мечталъ съѣздить въ деревню и тамъ все устроить по совѣту Штольца и Ольги, а потомъ прійти официально сдѣлать свое предложеніе. Нѣкоторыя свиданія съ Ольгою поддерживали еще его страсть. Ольга какъ кажется сама поняла, что несовсѣмъ благоразумно поступила съ Ильей Ильичемъ, что она могла его отдалить отъ себя. Ей хочется поправить дѣло, она кокетничаетъ съ нимъ, назначаетъ ему свиданіе въ лѣтнемъ саду, которое совершенно растроиваетъ Обломова; онъ не знаетъ рѣшительно какъ и чѣмъ объяснить такое странное свиданіе, но рѣшается отправиться въ назначенный часъ въ лѣтній садъ. Тамъ новое удивленіе: онъ по-крайней-мѣрѣ думалъ, что Ольга будетъ съ теткою своею, а она одна пришла къ нему въ три часа, убѣжала изъ дому. Онъ все старается разъяснить себѣ: какимъ образомъ благовоспитанная дѣвушка могла рѣшиться на такой поступокъ. Но Ольга не слушаетъ его, она тащитъ его за собою изъ саду, и проситъ прокатиться съ ней въ лодкѣ. Обломовъ нѣхотя соглашается. Холодъ и вѣтеръ, при томъ боязнь о томъ, что вся эта выходка Ольги будетъ на другой день всѣмъ извѣстна, все это неслыханно тревожитъ Обломова, и онъ спѣшитъ, какъ только можетъ скорѣе, по-

кончить эту прогулку по Невѣ и довести Ольгу на противоположный конецъ лѣтняго сада, гдѣ уже поджидаетъ ее лирейный лакей. Ольга обижается этою поспѣшностію Обломова. Она замѣчаетъ съ неудовольствіемъ, что холодный вѣтеръ на Невѣ окончательно охолодилъ сердце Ильи Ильича.

Но холодность Обломова только разжигаетъ страсть Ольги. Она не хочетъ вѣрить своему предчувствію, она все еще думаетъ, что Илья Ильичъ страстно влюбленъ, она невольно какъ бы съ радостью объясняетъ его рѣдкія посѣщенія, то болѣзнію его, то тѣмъ что развели мосты.

Ольга уже много измѣнилась во все это время; философскія ея убѣжденія о долгѣ, о цѣли жизни во многомъ стали не прежнія. Она уже не хочетъ требовать отъ Обломова ни поѣздки въ деревню, никакихъ особыхъ приготовленій, она просто ждетъ его къ себѣ въ это воскресенье, чтобъ сказать ему, что теперь болѣе нѣтъ никакихъ препятствій, что ему уже можно прямо объясниться съ теткой, что сегодня же можно будетъ назначить день свадьбы. Она мечтаетъ о томъ, какъ обрадуется Обломовъ при этой вѣсти. И, о ужасъ! Обломовъ не пріѣхалъ. Долго она мучилась, стараясь объяснить себѣ причину, наконецъ заключила, что онъ болѣнъ — и уже спокойнѣе съ рѣшимостію встала утромъ.

Въ тотъ же день она таинственно вышла изъ своего дома съ одной горничной и отправилась къ Обломову.

Илья Ильичъ, совершенно растерялся, — что ему дѣлать, какъ быть? Онъ уже въ это время успѣлъ почти совершенно охладиться къ Ольгѣ. Лѣтняя, первобытная его природа уже стала снова развиваться въ немъ и достигала даже небывалаго апогея. Философія Штольца не могла побѣдить философію Обломова.

Всѣ эти многообразныя фазисы любви, Обломова и Ольги, доставилъ почтенному автору случай выказать нѣсколько разъ свой неподдѣльный талантъ.

Конечно, конецъ второй части и вся третья, есть лучшій отдѣлъ всего романа. Въ глубокомъ анализѣ этой любви Обломова и Ольги, очень много мастерски подмѣченныхъ сторонъ, которыя всегда будутъ живы, потому что онѣ вѣрны. Нѣкоторые разговоры Обломова со своимъ человѣкомъ Заха-

ромъ, котораго онъ хочетъ обмануть, предъ которымъ онъ хочетъ скрыть свою страсть къ Ольгѣ, очень мѣтко ведены.

Хитрая, и вмѣстѣ съ тѣмъ наивная, даже пошлая, улыбка стараго камердинера, слушающаго съ извѣстнымъ почтеніемъ сзоего барина, не лишена настоящаго юмора. Но къ сожалѣнію мы должны и тутъ еще замѣтить, что многое и въ этомъ развитіи страсти Обломова, страсти Ольги въ ея эксцентрическихъ выходкахъ, въ ея пренебреженіи всякихъ общепринятыхъ условій, многое, говоримъ мы, несовершенно естественно, несовершенно правдоподобно, и всему источникъ самая основная мысль романа — желаніе олицетворить созданную авторомъ теорію жизни, а не подмѣтить въ нашей обычной жизни эту теорію.

Почему французскіе классики, весьма не классическаго времени, Расинъ, Корнель, Вольтеръ и многіе ихъ послѣдователи, совершенно утратили ту славу, которою они прежде пользовались? Почему Шекспиръ, напротивъ не понятый, не оцѣненный въ свое время, теперь служитъ всѣмъ народамъ какъ бы идеаломъ?

Расинъ, Корнель и пр., въ подражаніяхъ своихъ греческимъ трагедіямъ, хотѣли тоже олицетворить однѣ страсти. Они не обращали никакого вниманія на человѣка, они только пользовались оболочкою его, чтобъ сдѣлать понятнѣе выставляемую ими страсть. И чтожь? лица представленныя ими не живутъ, они двигаются, декламируютъ очень громкіе, хорошо построенные стихи, но вмѣстѣ съ тѣмъ они на насъ не имѣютъ никакого вліянія, потому что мы въ нихъ себя не узнаемъ.

Шекспиръ, напротивъ, постоянно разсматриваетъ человѣка, отыскиваетъ въ немъ страсти, развиваетъ ихъ, заставляетъ жить этого человѣка движимаго этою страстью, — и мы невольно раздѣляемъ вмѣстѣ съ Гамлетомъ его страхъ при видѣ тѣней, мы сочувствуемъ дикой ревности Отелло, мы презираемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ понимаемъ жадность къ деньгамъ, страсть къ металлу Шейлока. Почему? потому что все это люди, живущіе какъ и мы, хотя въ другомъ вѣкѣ, съ другимъ образованіемъ, съ другими нравами, но все же люди, а не простые философскіе этюды.

Четвертая часть романа несравненно менѣе интересна предъидущихъ. По содержанію своему, это только неизбежный эпилогъ, въ которомъ авторъ устроиваетъ судьбу каждаго изъ дѣйствующихъ въ романѣ лицъ и пародируетъ, какъ обыкновенно это дѣлается провидѣніе, воздавая каждому по его заслугамъ.

Съ другой стороны, это только исходъ уже обозначенныхъ и развитыхъ философическихъ теорій, выраженныхъ въ лицѣ *Обломова*, *Штольца* и *Ольги*.

Стало быть, эта часть мало можетъ занять читателя.

Для полноты нашего бѣглаго просмотра содержанія романа, скажемъ, что Обломовъ сперва заболѣваетъ отъ всѣхъ многообразныхъ фазисовъ его любви къ Ольгѣ, которая вполне расшатала его нервы. Агаѣя Матвѣевна Пшеницына постоянно ходила за больнымъ, и еслибы не ея заботы, то можетъ быть Обломовъ бы и не выздоровѣлъ. Все это Илья Ильичъ узналъ послѣ.

Уже съ перваго дня его переѣзда на эту квартиру, локти Агаѣи Матвѣевны на него имѣли огромное вліяніе; теперь же эта слабость къ локтямъ вдовы Пшеницыной усиливается все болѣе и болѣе. Сама Агаѣя Матвѣевна, мало по малу и не отдавая даже себѣ отчета, влюбляется въ Илью Ильича.

Постепенность развитія этой страсти простой женщины, болѣе всего занятой своимъ хозяйствомъ, чрезвычайно ловко подмѣчена, неумовѣрно искусно передана. Мы не можемъ лишиться себя удовольствія выписать въ этомъ мѣстѣ хотя страницу или даже двѣ. По нашему мнѣнію, это одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ всего романа, потому именно, что тутъ застигнута и понята природа. Здѣсь не вымыселъ, а истина, притомъ очерченная художникомъ.

«Постепенная осадка дна морскаго, осыпанье горъ, наносный илъ, съ прибавкой легкихъ вулканическихъ взрывовъ, все это совершилось всего болѣе въ судьбѣ Агаѣи Матвѣевны, и никто, всего менѣе она сама, не замѣчалъ это. Это стало замѣтно только по обильнымъ, неожиданнымъ и безконечнымъ послѣдствіямъ.»

«Отчего она съ нѣкоторыхъ поръ стала, сама не своя? Отчего прежде, если поджоритъ жаркое, переварится рыба

въ ухѣ, не положится зелени въ супъ, она строго, но съ спокойствіемъ и достоинствомъ сдѣлаетъ замѣчаніе Акулинѣ и забудетъ, а теперь, если случится что-нибудь подобное, она выскочитъ изъ-за стола, побѣжитъ на кухню, осыплетъ всею горечью упрековъ Акулину и даже надуется на Анисью, а на другой день присмотритъ сама, положена ли зелень, не переварилась ли рыба. Скажутъ, можетъ быть, что она совѣстится показаться неисправною въ глазахъ посторонняго чело-вѣка въ такомъ предметѣ, какъ хозяйство, на которомъ сосредото-чивалась ея самолюбіе и вся ея дѣятельность? Хорошо. А по-чему прежде, бывало съ восьми часовъ вечера, у ней спадаютъ глаза, а въ девять, уложивъ дѣтей и осмотрѣвъ, потушены ли огни на кухнѣ, закрыты ли трубы, прибрано ли все, она ложится — и уже никакая пушка не разбудитъ ее до шести часовъ? Теперь же, если Обломовъ поѣдетъ въ театръ или засидится у Ивана Гарасимовича и долго не ѣдетъ, ей не спится, она ворочается съ боку на бокъ, крестится, взды-хаешь, закрываетъ глаза — нѣтъ сна, да и только. Чуть за-стучать на улицѣ, она поднимаетъ голову, иногда вскочитъ съ постели, отворитъ форточку и слушаетъ, не онъ ли. Если застучать въ ворота, она накинетъ юбку и бѣжитъ въ кух-ню, расталкиваетъ Захара, Анисью и посылаетъ отворить ворота. Скажутъ, можетъ быть, что въ этомъ выказывается добросовѣстная домохозяйка, которой не хочется, чтобъ у ней въ домѣ былъ беспорядокъ, чтобъ жилецъ ждалъ ночью на улицѣ, пока пьяный дворникъ услышитъ и отопретъ, что, наконецъ, продолжительный стукъ можетъ перебудить дѣ-тей.... Хорошо. А отчего, когда Обломовъ сдѣлался болѣнъ, она никого не впускала къ нему въ комнату, устлала ее вой-локами и коврами, завѣсила окна и приходила въ ярость, она такая добрая и кроткая, если Ваня или Маша чуть вскрик-нуть или громко засмѣются? Отчего по ночамъ, не надѣясь на Захара и Анисью, просиживала у его постели, не спу-ская съ него глазъ, до ранней обѣдни, а потомъ, накинувъ салопъ и написавъ крупными буквами на бумажкѣ «Илья», бѣ-жала въ церковь, подавала бумажку въ алтарь помянуть за здравіе, потомъ отходила въ уголь, бросалась на колѣни и долго лежала, припавъ головой къ полу, потомъ послѣшно

шла въ рынокъ и съ боязнію возвращалась домой, взглядывала въ дверь и шопотомъ спрашивала у Анисьи «что?» Скажутъ, что это ничего больше, какъ жалость, состраданіе, господствующіе элементы въ существѣ женщины. Хорошо. Отчего же, когда Обломовъ, выздоравливая, всю зиму былъ мраченъ, едва говорилъ съ ней, не заглядывалъ къ ней въ комнату, не интересовался, что она дѣлаетъ, не шутилъ, не смѣялся съ ней — она похудѣла, па нее вдругъ палъ такой холодъ, такая нехоть ко всему: мелеть она кофе — и не помнитъ, что дѣлаетъ, или наладетъ такую пропасть цикорія, что пить нельзя — и не чувствуетъ, точно языка нѣтъ. Не доваритъ Акулина рыбу, разворчатся братецъ, уйдутъ изъ-за стола: она, точно каменная, будто и не слышитъ. Прежде, бывало, ея никто не видалъ задумчивой, да это и не къ лицу ей: все она ходитъ да движется, не все смотритъ зорко и все видитъ, а тутъ вдругъ, со ступкой на колѣняхъ, точно заснетъ и не двигается, потомъ вдругъ такъ начнетъ колотить пестикомъ, что даже собака залаетъ, думая, что стучатся въ ворота. Но только Обломовъ ожилъ, только появилась у него добрая улыбка, только онъ началъ смотрѣть на нее, по прежнему, ласково, заглядывать къ ней въ дверь и шить — она опять пополнѣла, опять хозяйство ея пошло живо, бодро, весело, съ маленькимъ оригинальнымъ отгѣнкомъ: бывало, она движется цѣлый день, какъ хорошо устроенная машина, стройно, правильно, ходитъ плавно, говоритъ ни тихо, ни громко, намелеть кофе, наколетъ сахару, просѣетъ что-нибудь, сядетъ за шитье, игла у ней ходитъ мѣрно, какъ часовая стрѣлка; потомъ она встанетъ не суетясь; тамъ остановится на полдорогѣ въ кухню, отворитъ шкафъ, вынетъ что-нибудь, отнесетъ — все какъ машина. А теперь, когда Илья Ильичъ сдѣлался членомъ ея семейства, она и толчетъ и сѣетъ иначе. Свои кружева почти забыла. Начнетъ шить, усядетъ покойно, вдругъ Обломовъ кричитъ Захару, чтобъ кофе подавалъ — она, въ три прыжка, является въ кухню и смотритъ во всѣ глаза такъ, какъ будто прицѣпляется во что-нибудь, схватить ложечку перельетъ на свѣту ложечки три, чтобъ узнать, уварился-ли, отстоялся-ли кофе, не подали бы съ гущей, посмотритъ, есть-ли пѣнки

въ сливкахъ. Готовится-ли его любимое блюдо, она смотритъ на кастрюлю, поднимаетъ крышку, понюхаетъ, отвѣдаетъ, потомъ схватитъ кастрюлю сама и держитъ на огнѣ. Третъ-ли миндаля, или толчетъ что-нибудь для него, такъ третъ и толчетъ съ такимъ огнемъ, съ такой силой, что ее броситъ въ потъ. Все ея хозяйство, толченье, глаженье, просѣванье и т. п. — все это получило новый, живой смыслъ: покой и удобство Ильи Ильича. Прежде она видѣла въ этомъ обязанность, теперь это стало ея наслажденіемъ. Она стала жить по своему, полно и разнообразно. Но она не знала, что съ ней дѣлается, никогда не спрашивала себя, а перешла подъ это сладостное иго безусловно, безъ сопротивленій и увлеченій, безъ трепета, безъ страсти, безъ смутныхъ, неясныхъ намековъ, предчувствій, томленій, безъ игры и музыки нервъ. Она какъ-будто бы вдругъ перешла въ другую вѣру и стала исповѣдывать ее, не разсуждая, что это за вѣра, какіе догматы въ ней, а слѣпо повинаясь ея законамъ. Это какъ-то легло на нее само собой, и она подошла точно подъ тучу, не пятясь назадъ и не забѣгая впередъ, а подлюбила Обломова просто, какъ будто простудилась и схватила неизлечимую лихорадку. Она сама и не подозрѣвала ничего: еслибъ это ей сказать, то это было бы для нея новостію — она бы усмѣхнулась и застыдилась. Она молча приняла обязанности въ отношеніи къ Обломову, выучила физиономію каждой его рубашки, сосчитала протертые пятки на чулкахъ, знала, какой ногой онъ встаетъ съ постели, замѣчала когда хочетъ сѣсть ячмень на глазу, какого блюда и по сколько сѣдаетъ онъ, веселъ онъ или скученъ, много спалъ или нѣтъ, какъ будто дѣлала это всю жизнь, не спрашивая себя, зачѣмъ, что такое ей Обломовъ, отчего она такъ суетится. Еслибъ ее спросили, любить ли она его, она бы опять усмѣхнулась и отвѣчала утвердительно, но она отвѣчала бы такъ и тогда, когда Обломовъ жилъ у нея всего съ недѣлю.»

Склонность Обломова къ вдовѣ Пшеницыной, и полногрудой вдовы къ Обломову — скоро замѣчены братомъ Агаѳей Матвѣевны, о которомъ мы уже упомянули какъ о величайшемъ мошенникѣ. Онъ придумываетъ извлечь изъ этого случая себѣ выгоду, пугаетъ Обломова тѣмъ, что слухи уже

носятся вездѣ о его страсти къ сестрѣ, что эти слухи даже много вредятъ его сестрѣ, что уже сватался какой-то богатый купецъ и потомъ отказался, узнавъ о близкихъ сношеніяхъ Обломова со вдовою Пшеницыной. Обломовъ очень хорошо знаетъ, что всѣ эти слухи невѣрны, но онъ — чрезвычайно скромнаго трусливаго характера, онъ не знаетъ какъ и чѣмъ поправить дѣло. Братъ вдовы подсовываетъ ему въ это время бумагу, прося его подписать заемное письмо въ 10 т. р., и обѣщаетъ теперь все устроить, просить даже болѣе не беспокоиться.

Дѣло обдѣлано весьма ловко, но мы никакъ не понимаемъ какъ Обломовъ могъ попасться на эту ловушку? Еще нѣкоторое время — и Тарантьевъ со своимъ другомъ, Иваномъ Матвѣевымъ, братомъ вдовы, совершенно бы раззорилъ бѣднаго Обломова. Илья Ильичъ опять уже впалъ въ свою первобытную апатію и сонно подчиняется всякому вліянію, лишь бы оно не заставляло его сбросить старый изодранный халатъ и измѣнить тихій, сонный образъ жизни.

Тутъ возвращается Штольцъ изъ-за границы, онъ узнаетъ всѣ дѣла Обломова, тотчасъ же старается устроить ихъ по возможности, беретъ имѣніе Обломова въ аренду на нѣсколько лѣтъ, объясняетъ ему, что его обманывали, выгоняетъ и Мухоярова, брата вдовы, и Тарантьева, хочетъ увезти и самого Обломова изъ его квартиры, но на это послѣдній никакъ не соглашается.

Штольцъ уже въ это время женатъ и женатъ на Ольгѣ. Обломовъ слышитъ эту вѣсть нѣсколько смущенный, но онъ радъ и за Ольгу, и за Штольца, онъ чувствуетъ, что она была не по немъ.

Штольцъ, устроивъ такимъ образомъ дѣла Обломова, освободивъ его отъ его грабителей, самъ уѣзжаетъ съ женою своею на южный берегъ Крыма.

На пять лѣтъ такимъ образомъ разстались снова оба друга. Штольцъ со своею женою на берегу моря, на своей маленькой дачѣ, разросшейся плющемъ и виноградомъ, они пользуются счастіемъ жизни на точныхъ основаніяхъ своей философіи.

Обломовъ все на Выборгской сторонѣ, лѣнливо спитъ,

ѣсть, слѣдить за движеніемъ локтей Агаоны Матвѣевны, и наконецъ даже рѣшается жениться на ней.

Черезъ пять лѣтъ пріѣзжаетъ Штольцъ въ Петербургъ, отыскиваетъ Обломова, и послѣдній сначала даже *не смѣетъ признаться въ томъ, что онъ женатъ, что у него есть уже даже сынъ (?)* Конечно, въ концѣ разговора, онъ открываетъ всю истину своему другу Штольцу, и Штольцъ, измѣнившись въ лицѣ при этой вѣсти, можетъ только *прошептать* «погибъ.» Возвращается Штольцъ къ Ольгѣ, она спрашиваетъ у него вѣстей объ Обломовѣ, хочетъ ѣхать сама навѣститъ его, но Штольцъ отвѣчаетъ *«нельзя!»*

— Чтожь тамъ дѣлается? съ испугомъ спрашивала Ольга: — развѣ *«бездна открылась?»* Скажешь ли ты мнѣ?

Онъ молчалъ.

— Да что такое тамъ происходитъ?

— Обломовщина! мрачно отвѣчалъ Андрей и на дальнѣйшіе распросы Ольги хранилъ до самаго дома угрюмое молчаніе.

Обломовъ, отъ усленнаго сна и постоянной лѣни, нажилъ себѣ припадки паралича. Отъ перваго у него отнялась лѣвая нога, отъ втораго — онъ умеръ.

Разъ какъ-то Штольцъ, идя съ пріятелемъ своимъ, *литераторомъ*, по Выборгской сторонѣ, замѣтилъ въ числѣ нищихъ, стоящихъ на помосткахъ у церкви, одного старика. Это былъ Захаръ. Одряхлѣвъ отъ годовъ и лишившись всякой возможности получить себѣ мѣсто при комъ-либо, онъ сталъ жить подаеніемъ. Горькая участь: Штольцъ предлагаетъ взять его къ себѣ и увезти въ деревню, но Захаръ предпочитаетъ бродяжничать, пить и просить подаеніе, но не отходить отъ могилы Ильи Ильича, его барина.

Литераторъ, удивленный этою любовью стараго слуги къ своему господину, спрашиваетъ Штольца про Обломова и про его судьбу.

— Погибъ, пропалъ ни за что. А былъ не глупѣ другихъ, душа чиста и ясна какъ стекло. Благороденъ, вѣрепъ, — а погибъ!

— Отчего же? какаѣ причина?

— Причина... какая причина! *Обломовщина!* сказалъ Штольцъ.

— Но что это такое Обломовщина? спрашиваетъ въ недоумѣніи литераторъ.

Мы считаемъ своимъ долгомъ здѣсь искренно признаться, что, дочитывая послѣднюю страницу романа Обломова, мы совершенно раздѣляли недоумѣніе этого литератора, касательно настоящаго значенія слова *Обломовщина*. Наше любопытство заставило даже долго обдумывать смыслъ этого слова, и отыскивать для него какого-нибудь болѣе точнаго опредѣленія. Но мы до-сихъ-поръ видимъ только въ этомъ словѣ названіе какой-то философской теоріи, по которой жилъ и дѣйствовалъ Илья Ильичъ Обломовъ. Теорія, имѣющая, какъ и всѣ такія теоріи, очень много правильныхъ, вѣрныхъ основъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ много ложныхъ или преувеличенныхъ положеній, отъ развитія которыхъ естественно зависѣлъ не всегда разумный образъ мысли и дѣйствія Илья Ильича Обломова. Но въ такомъ случаѣ, почему же, почтенный авторъ не называетъ систему Штольца, во всемъ противоположную системѣ Обломова, и которая, какъ намъ кажется, несравненно окончательнѣе имъ была развита,— почему онъ не называетъ ее тоже *Штольцовщиной*? Названіе это, конечно, въ музыкальности уступить во многомъ названію *Обломовщина*, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, намъ кажется, что система Штольца скорѣе заслуживала такое генерическое названіе, какъ болѣе сродная человѣчеству. Эта самоувѣренность Штольца, во всѣхъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, этотъ холодный взглядъ на всю жизнь и на все человѣчество, какъ на какую-то громадную паровую машину, которая постоянно въ движеніи своемъ должна достигать своей матеріальной цѣли, — всѣ эти качества несравненно болѣе распространены, несравненно болѣе общи всѣмъ намъ.

Сколько такихъ людей какъ Штольцъ стараются всегда дѣйствовать подъ руководствомъ одного своего разума? Сколько въ особенности такихъ, которые воображаютъ о себѣ это и картинно рисуются своимъ разумно-практическимъ направлениемъ. Это скорѣе порокъ нашего общества, чѣмъ

лѣтняя безопасная теорія Обломова, которая исчезаетъ все болѣе и болѣе и скоро сама по себѣ уже скроется. Мы растратили уже давно нашу наивность, наше простодушіе, безъ чего эта теорія не можетъ жить.

Да не подумаютъ однако, что мы бы желали поставить на пьедесталь убѣжденія, образъ жизни Илья Ильича, и возвести Обломова до идеала счастливаго и полезнаго для общества человѣка, мы очень хорошо знаемъ всѣ недостатки этой безопасной, лѣтней жизни, но не можемъ не сказать при этомъ, что теорія Штольца намъ еще менѣе по сердцу. Этотъ холодный расчетъ во всемъ, даже въ ощущеніяхъ сердечныхъ, какъ-то странно непріятно отзывается. Въ человѣкѣ не одно только тѣло—есть и душа; въ правильномъ соотношеніи постояннаго удовлетворенія, какъ матеріальныхъ такъ и душевныхъ потребностей человѣка, и состоитъ его настоящее счастье. Такъ же точно, какъ трудно себѣ представить счастье на землѣ, безъ удовлетворенія настоящихъ матеріальныхъ потребностей, также точно невозможно настоящее счастье, когда душа будетъ вполне подчинена одному благу тѣла.

Почтенный авторъ самъ сознается, какъ кажется, въ этой истинѣ. Онъ нѣсколько разъ, въ своемъ романѣ, старался обозначить, и у Штольца и у Ольги, душевныя, сердечныя побужденія, которыхъ удовлетвореніе могло бы доставить имъ истинное счастье. Но въ то же время, сколько разъ ему пришлось уничтожить однимъ взмахомъ пера эти душевныя качества, для того, чтобъ довести свой романъ до предназначенной цѣли.

Еслибъ Штолецъ былъ истинный другъ Обломова и человѣкъ чувствующій, что такое истинная дружба, — онъ бы не покидалъ такъ часто своего друга въ самыя критическія минуты. Онъ не довольствовался бы наводнять его пышными, можетъ быть весьма глубокомысленными, философическими изреченіями, а скорѣе постарался бы ему на дѣлѣ доказать свою дружбу, направивъ его на путь истины. Онъ бы не довольствовался просто растолкать соннаго Обломова и поставить его на время на поги. Онъ бы остался при немъ во все время, пока его присутствіе было необходимо для его друга;

онъ бы пожертвовалъ своими матеріальными выгодами, своимъ дѣлами, старался бы приучить Обломова къ этой новой жизни, чтобъ отдалить его отъ его прежней сонной жизни, которую онъ называетъ Обломовщиной, чтобъ тотъ и не подумалъ вернуться къ ней. И тогда, когда уже онъ убѣдился бы, что Обломовъ крѣпко стоитъ на своихъ ногахъ, тогда онъ могъ бы его оставить и приняться за свои дѣла.

Но тогда Штольцъ былъ бы человѣкомъ живымъ, чувствующимъ, но не былъ бы уже олицетвореніемъ простой философской теоріи.

Ольга съ своей стороны, еслибы истинно любила сердце Обломова, никогда не *придумала бы* послѣ этого чуднаго свиданья въ рошѣ, когда она дала Обломову вѣтку сирени, когда неволью вырвалось у обоихъ признаніе въ обоюдной любви — потребовать отъ Обломова устройства своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, поѣздки въ деревню, постройки дома и т. п., прежде чѣмъ сдѣлать офіціальное предложеніе, прежде чѣмъ сказать объ этомъ ея теткѣ. Она бы хорошо поняла, что Обломовъ слишкомъ безпеченъ по характеру, слишкомъ лѣнивъ, слишкомъ сонливъ по природѣ, чтобъ все это устроить скоро и безъ постояннаго понуканія, она бы пожелала сама, чтобъ именно въ этихъ занятіяхъ, и постоянно подъ ея надзоромъ, Обломовъ, будучи уже ея мужемъ, переродился, нашелъ бы удовольствіе, отраду въ этой полезной дѣятельности. Но опять, Ольга была бы тогда живая женщина, — женщина съ сердцемъ, женщина, взятая изъ нашей обыденной жизни, хотя рѣдкая конечно по своимъ качествамъ, но все же существующая между нами. Почтенный же авторъ, желалъ, какъ кажется намъ, представить совершенно другое. Ему хотѣлось показать намъ такую женщину, которая никогда не существовала, которая все дѣйствуетъ на основаніи принятыхъ ею философскихъ основаній.

Теперь, разобравъ, такимъ образомъ, все содержаніе новаго романа *г. Гончарова*, мы позволимъ себѣ отвѣтить на предложенныя нами, въ самомъ началѣ этой статьи, нѣкоторыя требованія для осуществленія идеальнаго, по нашему же понятію, романа нравовъ. Прежде всего, намъ нужно вы-

сказать наше мнѣніе о томъ, возможны ли выставленные типы этого романа и современны ли они?

На этотъ вопросъ, мы, кажется, уже достаточно отвѣтили во всей нашей статьѣ: объяснивъ довольно подробно, что типы Обломова, Штольца, Ольги — вообще неправдоподобны. Нѣкоторыя качества, нѣкоторые недостатки каждаго лица — существуютъ непремѣнно въ человѣчествѣ, но существованіе чертъ въ такомъ совокупленіи и въ такомъ развитіи, намъ кажется — не совсѣмъ естественнымъ. Еще Обломовъ можетъ быть признанъ за типъ степнаго помѣщика стараго времени, но въ то-же время жизнь его въ Петербургѣ постоу дѣлается страннымъ, или весьма-рѣдкимъ исключеніемъ, которое лишаетъ его всякаго права на типичность.

Штолецъ тоже, сынъ управителя, нажившаго своими торговыми оборотами (какими?) — довольно-значительное состояніе, со своимъ практическимъ взглядомъ на жизнь, разбѣзжающій по чужимъ краямъ, отчасти чтобъ учиться, отчасти чтобъ погулять, а отчасти чтобъ увеличить свое состояніе; потомъ отправляющійся на южный берегъ Крыма съ молодою женою, покупающій тамъ дачу и живущій въ этомъ благословенномъ климатѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ, не изъ чисто-меркантильныхъ видовъ, цѣлыхъ пять лѣтъ, потомъ еще разъ переселяющійся въ Петербургъ, вѣчно занятый своими дѣлами и вѣчно философствующій со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Все это, конечно, не типъ, а только исключеніе, и исключеніе до того рѣдкое, что оно во многихъ случаяхъ можетъ быть неправдоподобно.

Теперь— Ольга, дѣвушка молодая, довольно умная, довольно начитанная, съ горячимъ пылкимъ сердцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ холоднымъ разумомъ, начиненнымъ разнородными философскими умствованіями, которыя подчиняютъ вполнѣ это пылкое сердце своимъ положеніямъ. При этомъ, дѣвушка рѣшающаяся покинуть свой домъ, отправиться прежде на свиданіе въ лѣтній садъ, потомъ и въ самую квартиру Обломова. Она живетъ у своей тетки, но кто эта тетка?— пожилая, добрая женщина, говорятъ намъ. Но этого недоста-

точно. Откуда она, — почему она живетъ лѣтомъ на дачѣ, почему она имѣетъ довольно большое состояніе, почему этотъ Штольцъ, другъ дома и такъ близокъ, даже безцеремоненъ въ этомъ домѣ? Почему, почти съ перваго разу, при первомъ знакомствѣ съ Обломовымъ, такъ ухаживаютъ всѣ за нимъ, словно уже прочать его въ женихи? Почему и на какомъ основаніи, Ольга съ перваго же дня готѣва остаться наединѣ съ едва знакомымъ ей человѣкомъ, пойти съ нимъ гулять словомъ, кто эта Ольга? дочь ли помѣщика, чиновника, купца? У насъ, до сихъ поръ, въ Россіи всѣ сословія отдѣляются довольно рѣзкими чертами. Этихъ чертъ никакъ не должно опускать изъ виду искусство. Всѣ эти промахи или недостатки, не уничтожая многого, что граціозно, что чрезвычайно мило, привлекательно въ личности Ольги, лишаютъ ее вполне возможности быть типомъ.

Мы впрочемъ убѣждены, что г. Гончаровъ даже не былъ намѣренъ обрисовать рядъ живыхъ типовъ; онъ предпочтительно желалъ передать въ живой формѣ романа нѣкоторыя свои философскія убѣжденія, олицетворить ихъ и въ этомъ онъ вполне достигъ своей цѣли. Но романъ нравовъ необходимо нуждается въ этихъ современныхъ, въ этихъ естественныхъ типахъ, почерпнутыхъ изъ настоящей обыденной жизни, а потому въ самомъ романѣ этотъ недостатокъ долженъ непремѣнно чувствоваться. Мы потому еще болѣе считаемъ за собою право предположить, что почтенный авторъ, навѣрно не позаботился о естественности этихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, что мы въ тоже время искренно восхищались въ простотію и яркостію правдивыхъ причинъ въ очертаніяхъ и обрисовкахъ прочихъ, болѣе второстепенныхъ, типовъ этого же романа. Такъ на примѣръ, личность Захара прямо врѣзывается въ вашей памяти своимъ оригинальнымъ юморомъ, своею самобытностію. Также точно, личность Агафьи Матвѣевны, образъ жизни ея, образъ мыслей, все это необыкновенно вѣрно подмѣчено, все это описано рукою истиннаго художника. Даже братъ этой вдовы, хотя очерченный только нѣсколькими строками, ярко рисуется предъ вами. Одинъ Тарантьевъ немного преувеличенъ, какъ намъ кажется, и это мы объясняемъ тою ролюю, которую

онъ долженъ играть въ самой драмѣ, вслѣдствіе чего и онъ долженъ на время потерять свою естественность.

На второй нашъ вопросъ, художественно ли выработано все произведеніе, намъ кажется даже не умѣстнымъ отвѣчать. Талантъ г. Гончарова, какъ писателя, истинный, не поддѣльный и самобытный, давно уже извѣстенъ всѣмъ и каждому. Мѣсто его въ ряду нашихъ первокласныхъ писателей давно уже ему назначено общимъ голосомъ всей Россіи.

Нѣсколько словъ, отъ насъ, въ похвалу этимъ качествамъ истиннаго художника — могли бы показаться какъ бы извиненіемъ, предлагаемымъ только нами за высказанныя нѣкоторыя убѣжденія, а мы желаемъ избѣгнуть этого подозрѣнія. Мы хотѣли высказать искренне, правдиво наше мнѣніе, и полагаемъ, что этимъ только исполнили свой долгъ. Многие можетъ быть не согласятся съ нами въ нѣкоторыхъ нашихъ положеніяхъ. Конечно, всякому суждено ошибаться, но потому-то и необходимо всегда высказывать искреннюю правду, и эта правда — мы убѣждены — всегда отличится отъ злословія.

М. В.

Кораллово. 5 іюня 1859 г.

HISTOIRE DES RÉVOLUTIONS D'ITALIE OU GUELFES ET GIBELINS,
par J. Ferrari. 4 vol. Paris. 1858.

Древняя Греція передала часть своей цивилизаціи желѣзному Риму. Трудно принялась она на этой почвѣ, назначенной питать могучее дерево всемірной монархіи. Квириты, воспитанные на суровыхъ началахъ первыхъ временъ республики, преданные вполнѣ завоевательной системѣ, не понимали ни прелести греческаго генія, ни красоты античныхъ формъ, ни жизненности государственныхъ началъ Аттіки.

Въ послѣдствіи времени, когда безпрестанныя побѣды собрали несмѣтные богатства въ стѣны вѣчнаго города, когда республика издыхала въ рукахъ талантливыхъ честолюбцевъ — граждане познакомились со всей роскошью Востока, со всей изящной внѣшностью Греціи, они приняли языкъ ея за языкъ высшаго общества, они изучали греческую философію, восхищались греческими поэтами, но не могли достигнуть гармоническаго, всесторонняго развитія жителей древней Эллады.

Суровый духъ основателей Рима, казалось, все еще таился въ сердцахъ ихъ развращенныхъ потомковъ. Невѣжественная чернь съ жадностью стремилась въ амфитеатры смотрѣть на невинныхъ жертвъ, раздираемыхъ звѣрями, наслаждаться боемъ гладіаторовъ.

Римъ палъ отъ роскоши, говорили многіе историки, — можно прибавить: отъ роскоши нѣкоторыхъ и отъ бѣдности всѣхъ остальныхъ! Съ Августа начинается рядъ императоровъ, которые постепенно убили демократическій элементъ древней республики, систематически развратили гражданъ и для поддержки себя собрали буйныя толпы преторіанцевъ.

Никакого сильного нравственного начала не было въ сердцахъ Римлянъ время Имперіи. Мужество ихъ упало; интрига, лесть, подкупы сдѣлались единственными средствами для достиженія высшихъ мѣстъ; мятежное войско располагало престоломъ. Съ тупымъ равнодушіемъ принимали граждане императоровъ, которыхъ имъ давали войска, и лили за нихъ кровь свою, не помышляя ни о приобрѣтеніи новыхъ правъ, ни объ утвержденіи старыхъ.

Языческая философія внушала имъ только презрѣніе къ смерти, и лучшіе люди римской имперіи хладнокровно убивали себя. Никто не думалъ о тѣхъ правилахъ паганизма, которыя требовали постоянной борьбы за истину и возводили защитниковъ ея на степень полубоговъ.

Но въ то время, когда языческая философія оказалась несостоятельною, явилось новое ученіе, ученіе любви и братства, оно говорило сердцу, а не разуму; оно было понятно массамъ, и равняло ихъ съ знатнѣйшимъ патриціатомъ вселенной; оно рождало непобѣдимую энергію и вскорѣ легіоны мучениковъ запечатлѣли своей кровью истину индивидуальнаго начала. Такимъ образомъ еще въ нѣдрахъ имперіи зародился тотъ дуализмъ, на основаніи котораго предстояло развиваться Италіи.

Власть императоровъ, соединившихъ въ себѣ высшее значеніе свѣтское и духовное, непремѣнно должна была столкнуться съ новой религіей, которая торжество духа ставила на первомъ мѣстѣ, освобождала совѣсть изъ-подъ опеки свѣтской власти и потрясала старое общество въ важнѣйшихъ его основахъ.

Время появленія новой религіи было самое удобное для пропаганды: умъ человѣческой, обуреваемый языческимъ скептицизмомъ, блуждалъ безъ опоры; современное положеніе вещей было слишкомъ тяжело, чтобъ сострадательное сердце не чувствовало бѣдствій ближняго; вся прелесть классическаго паганизма пропала, и на мѣсто его явились туманныя толкованія неоплатонизма, непонятныя для массы. Какъ всегда, послѣ сильнаго сомнѣнія наступила реакція; всѣ бросились въ мистицизмъ, а христіанство какъ нельзя болѣе

удовлетворяло этой потребности. Вме́стѣ съ тѣмъ оно было ученіе прогрессивное, выражающее идеи, которыя до тѣхъ поръ смутно ощущало общество.

Итакъ въ первые вѣка христіанства являются два начала: одно отживающее, языческое, поддерживаемое императорами; другое новое, христіанское, твердое истинно.

Мечъ императоровъ переломился предъ живымъ словомъ, пассивное мужество жертвъ утомило палачей; Константинъ понялъ жизненность началъ христіанства, и оно сдѣлалось господствующимъ вѣроисповѣданіемъ въ имперіи.

Въ рукахъ императора соединилась высшая власть свѣтская и духовная, потому что ему были подчинены главы церкви.

Идея имперіи тождественна съ идеей единства, древній Римъ такъ и понималъ ее, стремясь ко всемірной монархіи. Но, съ другой стороны, законами природы опредѣлено низшимъ разрядамъ стремиться къ уравниенію съ высшими, къ развитію національности и личности.

Повинуясь этому неотразимому опредѣленію, разныя націи римской имперіи при всякомъ удобномъ случаѣ заявляли свою національность.

Римъ сознавалъ законность этихъ требованій, давая право гражданства покореннымъ народамъ; но по мѣрѣ того, какъ провинціи становились драгоцѣннѣе для императоровъ, составляя настоящій источникъ ихъ силы, значеніе Рима упадало; онъ сдѣлался городомъ преданія, центромъ, живущимъ на счетъ подвластныхъ ему земель.

Чувствуя всю чудовищность такой централизаціи, римскіе императоры рѣшились ослабить ея дѣйствіе раздѣленіемъ имперіи. Потребность въ этомъ была такъ сильна, что самый Константинъ, соединивъ подъ власть свою всю имперію, черезъ короткое время принужденъ былъ раздѣлить ее.

Итакъ въ лицѣ императора выражались два противоположныя направленія единства и разъединенія, преданія и прогресса. Естественно, что, сочувствуя одному, онъ отрицалъ другое; представитель обоихъ — онъ не могъ въ одно и

тоже время развивать их; иногда онъ склонялся на сторону преданія, иногда на сторону прогресса — отсюда непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ императоровъ: одни приносили все въ жертву Риму, другіе Римомъ жертвовали провинціямъ; всякій дѣйствовалъ сообразно личному своему характеру; этимъ объясняются и варварства кесарей, и покушеніе правителей отдѣльныхъ областей на престолъ. Намъ кажется, г. Феррари ошибается, предполагая, что Калигула, Неронъ и Коммодъ были демократы, нововводители. Всѣ выходы ихъ происходили отъ разнузданной фантазіи, отъ самопоклоненія, а не отъ какой-нибудь опредѣленной политической цѣли. Если выходы ихъ нравились народу, то потому, что давали ему *«хлѣбъ и зрѣлища»* и приучали къ праздности.

Со введеніемъ христіанства свѣтская власть императоровъ должна была пошатнуться, но ее подкрѣпило духовенство: однако въ скоромъ времени ереси начали подкапываться и подъ власть духовную. Императорамъ надо было поддержать ее, и они вполне предалися богословскимъ спорамъ. Въ это время Римъ началъ возвращать отчасти свое прежнее значеніе, потерянное со времени перенесенія столицы въ Византію.

Римскій первосвященникъ возвысился при защитѣ Рима отъ нападений варваровъ, постоянно стремившихся въ Италію, но тѣмъ не менѣе тогдашнее положеніе вещей возвысило Миланъ и Равенну, два центра враждебные Риму. Наконецъ возникаетъ королевство Одоакра, потомъ Теодорика. Но оба они были поборниками прошедшаго до такой степени, что требовали утвержденія своихъ завоеваній отъ византійскаго двора. Это ставило ихъ въ ложное положеніе: ариане по вѣрѣ, они принуждены были подчиняться эдиктамъ папъ и соборнымъ опредѣленіямъ, которыя осуждали арианство. Хотя гоненіе на него во владѣніяхъ готскихъ королей никогда не доходило до положительныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе оно существовало въ теоріи (*de jure*).

За королевствомъ Готскимъ слѣдуетъ Лонгобардское, и въ нѣдрахъ Италіи оказываются новые признаки разложенія. «Королевство возвышается единствомъ, монархіей, военной

аристократіей — напротивъ того Римъ развивается свободой и идеями. Это республика общественная (*sociale*) и религиозная» (Ferrari t. 1 p. 41).

Естественнымъ образомъ между ними должна была возникнуть борьба. Она кончилась паденіемъ королевства, торжествомъ римской федераціи и договорами Пепина и Карла Великаго.

Но уничтоженіе королевства Лонгобардовъ не уничтожило противоположныхъ началъ. Нашествіе варваровъ образовало военные центры, Павію, Туринъ и другіе постоянно враждебные римскимъ городамъ; Византія имѣла Равенну, Неаполь и Капую. Венеція развивалась самостоятельно, хотя византійскій элементъ былъ въ ней преобладающимъ. Г. Феррари полагаетъ всю Италію въ папствѣ и имперіи; союзъ ихъ составляетъ счастье полуострова; все, что выходитъ изъ папства и имперіи, — оппозиція, переходное состояніе, несчастье. Основываясь на этомъ, онъ видитъ краеугольный камень итальянскаго благоденствія въ договорѣ Карла Великаго съ папою. «Папа и императоръ, говоритъ онъ, оба — созданія итальянскихъ революцій. Италія — престолъ, залогъ, жизнь папы и императора; въ этомъ ея слава и преимущество предъ другими націями; онѣ повинуются военнымъ королямъ — она же имѣетъ двухъ властителей: одного безоружнаго, другого отсутствующаго, и остается землей безпрерывныхъ революцій» (Ferrari t. 1 p. 128).

На всѣ эти революціи авторъ смотритъ съ точки зрѣнія фаталиста. Можетъ быть, онъ и правъ, но мы предпочитаемъ точку зрѣнія исторической философіи.

Римскій архіепископъ, вслѣдствіе перенесенія столицы на востокъ и иконоборской ереси, увеличилъ свое значеніе. Поставленный обстоятельствами въ необходимость защищать интересы Италіи, онъ приобрѣлъ огромное вліяніе на народъ и сдѣлался представителемъ единства духовнаго, какъ императоръ былъ представителемъ единства политическаго.

Возможенъ-ли былъ союзъ ихъ, когда папа становился владѣтельнымъ княземъ, а императоръ захватывалъ себѣ духовныя права? Разумѣется, нѣтъ! Между ними должны

были безпрестанно случаться столкновения. Когда же объ власти соединялись въ одномъ лицѣ, прогрессъ былъ возможнѣе, но всегда въ ущербъ какому-нибудь изъ этихъ началъ.

Намъ кажется, этотъ договоръ императора съ папою послужилъ источникомъ бѣдствій Италіи. Едва начинала она развиваться, какъ приходила въ столкновение съ интересами котораго-нибудь изъ единствъ и возбуждала реакцію. Папы помѣшали итальянской народности сформироваться (*Quinet les révol d'Italie. p. 20*). Императоры постоянно противились ея государственному устройству. Напрасно г. Феррари думаетъ, что папы были безоружны; на дѣлѣ мы видимъ, что они часто являются въ главѣ арміи и нисколько не затрудняются казнить противниковъ. Напрасно онъ думаетъ, что императоръ отсутствовалъ — онъ былъ постоянно въ Италіи въ лицѣ своихъ графовъ.

Время доказало несбыточность утопій всемірной монархіи и всемірнаго католицизма...

Имперія, основанная Карломъ Великимъ, распалась по его смерти, вслѣдствіе стремленія разныхъ народностей къ самостоятельности. Папство напротивъ того усилилось. Отдѣленіе западной церкви отъ восточной, новыя земли, подаренныя императорами, простодушіе вѣрующихъ доставили римской церкви значительную матеріальную силу; право суда, данное Константиномъ и распространенное Карломъ, еще болѣе увеличило ее. Но за то папы были почти бессильны въ Римѣ; гений древней республики парилъ надъ ними и держалъ ихъ въ безпрестанномъ страхѣ.

Такимъ образомъ договоръ Карла Великаго нисколько не уничтожилъ причинъ къ раздору. Развитие Италіи должно было выйти изъ борьбы. Она была неизбѣжна, во-первыхъ потому, что въ Италіи существовали центры византійскіе, военные и римскіе. Всякая политическая перемѣна, всякое движеніе прогресса, переносили ихъ, обогащали однихъ, раззоряли другихъ и заставляли биться до конца за первенство прогресса или отсталости. Во-вторыхъ, не менѣе важная причина къ войнѣ состояла въ значеніи тогдашняго католицизма: онъ стоялъ выше политическихъ учрежденій имперіи, про-

грессъ совершался съ помощью его, слѣдовательно во имя духовнаго единства надо было вооружиться противъ единства политическаго, которое въ формѣ королевства папы ненавидѣли постоянно. Оно стѣсняло ихъ, ставило на второй планъ, уменьшало вліяніе. Никогда въ затруднительныхъ обстоятельствахъ папы не обращались за помощью къ королямъ, но всегда искали ее за Альпами у императоровъ. Эти же причины заставляли ихъ постоянно помогать мятежнымъ маркизамъ, стремившимся къ самостоятельности. Наконецъ, казалось, несогласія прекратились договоромъ Оттона I. Но вышло иначе.

Этотъ императоръ дотогу увеличилъ богатство духовенства, что почти въ каждомъ городѣ архіепископъ превосходилъ могуществомъ графа, представителя императора. Военное управленіе графовъ тяготило города, и они возстали. Всякій хотѣлъ имѣть властителемъ архіепископа, котораго судъ милостивѣе и подати умѣреннѣе. Графы изгнаны. Архіепископы, покровительствуя революціи, покровительствовали прогрессу.

Первымъ слѣдствіемъ побѣды архіепископа было завладѣніе королевскимъ судопроизводствомъ, уничтоженіе военнаго суда графа и замѣна его *ордалиями*, вторымъ — истребленіе рабства и образованіе *перваго народа* (*primo popolo*). Это слово имѣло въ то время другое значеніе въ сравненіи съ нынѣшнимъ. Первый народъ состоялъ изъ соединенія знатнѣйшихъ фамилій графства и архіепископства, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась вся власть; масса-же считалась собраніемъ одушевленныхъ вещей; она управлялась консулами, которые, хотя и занимались всей внутренней администраціей коммуны, однако не играли никакой политической роли. По изгнаніи графа, никто не думаетъ требовать равенства — этого даже не подозрѣваютъ. Желанія массы весьма-умѣренны, и она достигаетъ ихъ осуществленія, благодаря архіепископской революціи.

Теократія является въ формѣ маленькаго королевства. Силы его состоятъ изъ архіепископа, народа, массы и консуловъ. (Ferrari, t. 1, p. 281.)

Изгнанные графы обращаются къ императору. Начинается реакція, но вскорѣ изнемогаетъ предъ вѣчно-живой силой идеи. Тѣмъ не менѣе она успѣла поставить архіепископовъ въ зависимость отъ императора, предоставивъ назначеніе ихъ его произволу. Руководимый аристократіей, онъ давалъ инвеституру людямъ, приверженнымъ къ прежнему порядку вещей — и этимъ самымъ возбудилъ новую революцію.

Архіепископства съ помощью народа стали противъ архіепископовъ, выбранныхъ безъ согласія капитула. Итакъ снова прогрессъ столкнулся съ единствомъ. Папа и императоръ вооружились. Оба мечтали о всемірномъ владычествѣ, о безпредѣльномъ абсолютизмѣ. Города отгадали угрожающую имъ опасность и, становясь попеременно то на сторону папы, то на сторону императора, умѣли добиться свободнаго избранія архіепископовъ.

Итакъ революція торжествовала, и вслѣдствіе торжества ея являются въ каждомъ городѣ два лица, архіепископъ и народъ; два существа съ самыми противоположными тенденціями. Торговля и промышленность возбуждаютъ духъ независимости, развиваютъ индивидуальность, заставляютъ искать новыхъ правъ, тогда какъ архіепископы стремятся подчинить себѣ интересы коммуны, заставить ее отречься отъ благъ міра сего въ ихъ пользу. Но самое это стремленіе носитъ въ себѣ противорѣчіе. Духовенство требуетъ податей, слѣдовательно граждане должны быть богаты; а если они богаты, они не могутъ подчиниться этимъ требованіямъ, потому что богатство есть слѣдствіе прогресса, точно также, какъ прогрессъ есть слѣдствіе богатства. Италия представляла олицетвореніе этой истины. Консулы торжествуютъ вездѣ, не смотря на раздѣленіе полуострова на двѣ партіи. Одна, испытавшая злоупотребленія папской власти, сдѣлалась императорскою; другая, тѣсняемая императорами, постоянно стремилась къ союзу съ папами. Въ первой является побѣдителемъ папа, во второй — императоръ. Единство побѣждаетъ тамъ, гдѣ становится на сторону прогресса.

Графы, это звѣно, связывавшее Италію съ имперіей, были сокрушены. Настала очередь архіепископовъ, связы-

вавшихъ ее съ папою. Италія постоянно стремилась къ освобожденію себя отъ договора Карла Великаго.

Интересы папы и императора были затронуты. Наступила реакція, но она кончилась утвержденіемъ консуловъ.

Вслѣдъ за тѣмъ возникла война между городами.

Консулы еще болѣе, чѣмъ архіепископы, отодвинули назадъ военные города, которые, желая возвратитъ прежнее свое значеніе, вступили въ бой съ торговыми и промышленными городами. Прибавьте къ этому стремленіе подчиненныхъ коммунъ пріобрѣсти самостоятельность, столкновение коммерческихъ выгодъ, споры за границы — и вы безъ труда поймете причину безконечности муниципальныхъ войнъ.

Мы уже сказали, что было время, когда единство папское стало выше единства императорскаго и совершило революцію въ пользу прогресса. Теперь революція стала выше обонхъ единствъ. Императоръ и папа не поняли, что мнимый беспорядокъ въ ихъ итальянскихъ владѣніяхъ былъ только временнымъ выраженіемъ прогрессивной идеи; не поняли, что идею можно побѣдить только идеями. Папа, призваншій императора противъ Арнольда Бресціанскаго, принужденъ былъ потомъ сражаться противъ своего защитника, съ которымъ соединились города военные, въ надеждѣ торжества надъ городами римскими.

Такимъ-образомъ война, начатая во имя архіепископовъ, велась противъ главы католической церкви; съ другой стороны, папа противодействовалъ движенію юга; слѣдовательно оба единства противорѣчили сами себѣ....

Усилія Фредерика Барбаруссы сокрушились передъ ломбардской лигой. Военные города, разрушивъ Миланъ, убѣдились, что реакція направлена противъ самостоятельности Италіи и возстали въ защиту ея. Разрушенныя города возникли снова; констанцскій миръ призналъ ломбардскую лигу, слѣдовательно, всѣ предшествовавшія революціи и прогрессъ.

Этотъ миръ ясно показалъ папѣ всю слабость его въ Италіи. Самъ-по-себѣ онъ не могъ сдѣлать ничего. Значеніе его падало съ каждымъ днемъ отъ поднявшихся со всѣхъ

сторонъ обличеній. Попытка Арнольда не осталась безъ послѣдователей. Папа рѣшился подкрѣпить падающій католицизмъ учрежденіемъ новыхъ монашескихъ орденовъ. Доминиканцы и Францисканцы увлекають толпу своимъ фанатизмомъ, нищенствомъ и невѣжествомъ. Масса радуется, что исповѣдники ея стоятъ на одной съ ней степени просвѣщенія, и заставляють преклоняться предъ собой надменныхъ бароновъ....

Но успѣхъ консульской революціи былъ непрочень, пока города были окружены замками. Торговля страдала; граждане были не безопасны за городомъ; кастеляны всегда представляли точку опоры для императорской реакціи.

Города возстають, и замки падаютъ одинъ за другимъ. Коммуны обѣщаютъ рабамъ свободу, конституцію, самоуправленіе — и владѣтели гибнуть въ безпрестанныхъ возмущеніяхъ. Не зная, что дѣлать, они рѣшаются быть либеральнѣе городовъ и предлагаютъ рабамъ конституцію въ болѣе-широкихъ размѣрахъ, предоставляя имъ возможность отдѣльнаго существованія, безъ поглощенія городской общиной.

Война эта кончилась освобожденіемъ рабовъ и переселеніемъ кастеляновъ въ города, не смотря на реакцію папы и императора.

Но едва это совершилось, какъ война приняла другой характеръ. Переселившіеся кастеляны не хотѣли отстать отъ своихъ феодальныхъ привычекъ, выстроили въ городахъ укрѣпленные замки и безпрестанно враждовали съ гражданами.

Власть консуловъ оказалась слабою въ этихъ распряхъ; кастеляны не хотѣли признать суда людей, которые заставили ихъ выселиться въ города.

Сознавая справедливость этого требованія, граждане рѣшились поставить сановника, который былъ-бы довольно-силенъ, чтобъ обуздывать обѣ партіи, довольно-знатенъ и справедливъ, чтобъ граждане и кастеляны могли охотно подчиняться его опредѣленіямъ.

Этотъ сановникъ, называемый подестой, соединялъ въ своихъ рукахъ всю судебную и политическую власть консу-

ловъ, которые были низведены на степень его совѣтниковъ, подъ именемъ пріоровъ, ректоровъ, старшинъ и т. п.

Подеста обыкновенно выбирался дружественнымъ городомъ или самими гражданами — новое доказательство связи между городами во имя идеи.

При всей неограниченности своей власти, подеста не могъ овладѣть республикой. Онъ выбирался не болѣе какъ на годъ; свита его была опредѣлена заранее; онъ не могъ привезти въ городъ свое семейство, не смѣлъ ни ѣсть, ни пить ни съ кѣмъ изъ гражданъ; народъ сохранялъ оружіе и, по окончаніи срока управленія подесты, требовалъ отъ него отчета.

Папа и императоръ борются и съ этимъ учрежденіемъ, потому-что подесты выражаютъ узаконеніе войны противъ замковъ.

Не смотря на то, что представители обѣихъ единствъ замѣшаны въ этой войнѣ, они поставлены снова другъ противъ друга — такъ оба эти начала противны прогрессу; императоръ представляетъ въ себѣ подесту южной Италіи, папа — сѣверной.

Революція торжествуетъ. Она проникла даже въ партію кастеляновъ и раздѣлила ихъ (Faugiel. Dante, t. 1. Leç. IV—V), но за то внесла идею единства въ обѣ республиканскія партіи. Одна изъ нихъ хотѣла преобладать, пользуясь католицизмомъ, представляя папу главой всемірной демократіи; другая видѣла въ императорѣ покровителя аристократическихъ республикъ, гдѣ все предоставлено кастелянамъ и ничего народу. Одна изъ этихъ партій — Гибеллины, стоявшая, по образованію своему, выше Гвельфовъ, защищала начала ретроградныя; другая, стоявшая по началамъ выше Гибеллиновъ, отличалась невѣжествомъ и фанатизмомъ.

Эта вражда еще болѣе усилила вражду городовъ. Вся Италія раздѣлилась на Гвельфовъ и Гибеллиновъ. Обнаружилось стремленіе къ единству, противное прогрессу, хотя обѣ партіи признавали его могущество. Торговля и промышленность развились до высокой степени, не смотря на непрерывную войну; онѣ служили источникомъ доходовъ, и ненависть неумолимо пользовалась ими.

Ненависть партій приготовила тирановъ. Папа, безсильный противъ движенія, ищетъ союзниковъ вѣ Итали. Выборъ его падаетъ на Карла Анжуйскаго. Съ помощью его онъ надѣется побѣдить непріятелей и царствовать надъ всей Италией въ видѣ подесты. Но ожиданія его не сбылись. Карлъ становится во главѣ Гвельфовъ, какъ чловѣкъ, дающій имъ возможность побѣдить. Обманутый первосвященникъ строитъ козни противъ призваннаго союзника, который изображаетъ собой королевство, постоянно ненавистное папамъ....

Но всѣ эти войны нисколько не уменьшили прогресса. Повсюду возникали великолѣпныя зданія; науки и искусства начали быстро развиваться, и національная поэзія сбросила наконецъ узы трубадуровъ и заговорила живымъ, страстнымъ языкомъ въ «комедіи» Данте. Национальность, развившаяся подъ вліяніемъ ненависти, дорогою цѣною заплатила за свое развитіе. Вражда партій была такъ сильна, что онѣ позволяли все людямъ, посредствомъ которыхъ достигали торжества, съ однимъ только условіемъ преслѣдовать побѣжденную партію до конца. Эти люди сдѣлались тиранами для одной партіи и неограниченными государями для другой. Они представляли искаженіе благороднаго образа подесты.

Въ скоромъ времени типъ тирана перешелъ въ синьора. Послѣдній понялъ, что пора дикой силы миновалась, что надо господствовать хитростью, совершать злодѣйства только необходимыхъ, не противиться папѣ и императору, но обманывать ихъ.

Эпоха тирановъ, централизируя силы городовъ, доставляла имъ болѣе средствъ къ защитѣ, но за то подрывала главный принципъ итальянскаго прогресса — свободу.

Эпоха синьоровъ была еще вреднѣе: она окончательно убила демократическій элементъ, она развила еще болѣе презрѣніе къ нравственнымъ законамъ; она породила кондотьеровъ.

Италія расплачивалась за уклоненія отъ началъ разума при стремленіи къ индивидуализму; за то, что не хотѣла отрѣшиться отъ преданій на пути прогресса; за то что ста-

вила его подъ защиту призраковъ.... Гдѣ слабѣетъ личность (Personnalität), тамъ является единство.

Синьоры начинаютъ войну для завоеваній; они стараются превратить полуостровъ въ одно королевство; но силы ихъ слишкомъ слабы для этого гигантскаго предпріятія; папа и императоръ постоянно противодѣйствуютъ то имъ, то другъ другу, война длится безъ конца, тѣмъ болѣе, что ее ведутъ кондотьеры. Синьоры, похитившіе народную свободу, не рѣшаются довѣрить свою защиту народу; имъ нужны люди, не имѣющіе никакихъ убѣжденій, какъ кондотьеры.

Жадность войскъ скоро истощила казну, и кондотьеры вели войну отъ своего имени и сами дѣлались синьорами.

Въ Англіи отсутствіе большихъ національныхъ армій способствовало свободѣ страны; въ Италиі — порабощенію. Причина тому — та, что въ Англіи сильно чувство патріотизма, тогда какъ въ Италиі синьоры, папа и императоръ всѣми силами старались убить его. Въ Англіи это учрежденіе вытекло изъ національности, въ Италиі изъ расположенія къ преждевременному космополитизму, возникшему изъ ранняго развитія и художественнаго чувства итальянцевъ.

Между тѣмъ католическому единству повсюду грозила опасность. Виклефъ и Гуссъ потрясли его въ самыхъ основахъ. Авиньонскій папа представлялъ поразительное раздвоеніе католицизма; классическая древность мало-по-малу подкапывалась подъ папскій тронъ, а на стогнахъ древняго Рима Ріенци громилъ первосвященниковъ во имя Великой Республики.

Политическое единство имперіи было нестрашно. Занятая внутренними борьбами, она не могла принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ полуострова. Императоры являлись за тѣмъ только, чтобъ собрать какъ можно болѣе денегъ, показать свое безсиліе и удалиться со стыдомъ.

Казалось, все предвѣщало синьорамъ мирное владѣніе захваченными областями; казалось, они могли спокойно наслаждаться жизнію — но вышло иначе.

Блестящая одежда покрывала раны Италиі; наружная красота скрывала жестокою болѣзнь.

Отд. II.

Наружное благосостояніе не могло вознаградить недостатка нравственныхъ началъ. Геніальнаго Данте смѣнили сухіе схоластики; юмористическаго Боккаччіо — латинскіе новеллисты; послѣдніе энергическіе звуки итальянская муза извлекла изъ лиры Петрарки. За нимъ слѣдуютъ Пульчи Полиціано, Аріосто; но ихъ льстивыя пѣсни звучать въ честь синьоровъ. Въ волшебныхъ вымыслахъ они ищутъ забвенія настоящихъ золъ, въ подвигахъ паладиновъ — нравственныхъ началъ и торжества справедливости, чего не было тогда въ Италіи. Печальной эпитафіей звучитъ энергическое слово Маккіавелли. Одинъ онъ видитъ свою родину въ настоящемъ свѣтѣ. Она отвергла многое въ своемъ скептицизмѣ, но не дошла до полного отреченія, съ помощью котораго она могла возродиться. Ей предстояло отвергнуть преданіе римское и германское, папу и императора; но она не рѣшилась на это. Она надѣялась противопоставить единство папское единству императорскому, — и вотъ Цезарь Борджіа, подкрѣпляемый папою, хочетъ соединить Италію въ одно цѣлое, въ королевство, учрежденію котораго папы постоянно противились, а теперь только въ этомъ видѣли свое спасеніе.... Расчеты ихъ были ошибочны. Для Европы снова наступила пора утопій всемірной монархіи, завоевательная система развилась въ громаднхъ размѣрахъ; силы Франціи и Испаніи превосходили силы папы, и единство его оказалось ничтожно предъ единствомъ Франціи; федерація Италіи безсильна предъ федеративною монархіею Карла V. Католицизмъ папъ безъ значенія предъ католицизмомъ Лойолы. Всѣ попытки воскресить Италію посредствомъ католицизма были тщетны. Напрасно Саванарола пытался возбудить католическій энтузіазмъ и любовь къ родинѣ въ сердцахъ флорентинскихъ гражданъ; напрасно онъ доводилъ воззрѣнія свои до фанатическаго пуританизма — эти начала не могли принятись на итальянской почвѣ: Саванарола встрѣтилъ въ Александрѣ VI не помощника, но синьора и палъ жертвой своихъ благородныхъ, но несвоевременныхъ усилій. Напрасно Юлій II думалъ освободить Италію отъ ига варваровъ, предводительствуя самъ войскомъ; время Крестовыхъ походовъ прошло, и воинственный старикъ только увеличивалъ

бѣдствія своей родины. Напрасно Левъ X почти протестовалъ противъ католицизма во имя искусства — надо было протестовать во имя Лютера, что, разумѣется, папа не могъ сдѣлать.... Для Италіи настали новыя времена. Монополія ея образованности исчезла со введеніемъ книгопечатанія; монополія ея торговли уничтожилась съ открытіемъ пути въ Америку и въ Остъ-Индію; коммунальныя права, добытыя во имя римскаго права, стерлись предъ политическими требованіями реформаціи; великолѣпныя зданія были разрушены, жатвы вытоптаны, каналы засыпаны, и къ довершенію всего на долю Италіи выпалъ испанскій протекторатъ, геній истребитель свободы совѣсти, индивидуальности и мысли!...

Другія націи должны были вести человѣчество путемъ прогресса. Поставленная подъ покровительство Испаніи, Италія должна была бороться съ прогрессомъ, представшимъ предъ ней въ формѣ Реформаціи. Выработываніе правъ было тѣсно связано съ протестантствомъ: идеи религіозныя и политическія были почти тождественны. (*Edinb. Review.* 1857. N° 1). Но Реформація не могла привиться къ Итальянцамъ: въ началахъ ея было мало художественности, она разрушала эстетическое чувство и говорила больше уму, чѣмъ сердцу.

Процессъ отрицанія совершался въ Италія путемъ языческаго классицизма, стоявшаго по развитію гораздо выше Реформаціи.

Такимъ образомъ Италія по неволѣ должна была погрузиться въ летаргію. Дальнѣйшій прогрессъ ея былъ возможенъ только извнѣ; но подозрительная тиранія папы и императора постоянно мѣшала ему; тѣмъ не менѣе развитіе, хотя медленно, но продолжалось. Никакія полицейскія мѣры, никакія казни не могли убить идеи. Правительство погружало массу въ невѣжество, но всегда являлись люди, которые пытались вырвать ее изъ этого положенія. Ни католицизмъ, окрѣпшій съ помощью Лойолы, ни Австрія, этотъ воплощенный іезуитизмъ, не могли остановить ихъ....

Изъ цѣлаго полуострова одна Венеція сохранила свою самостоятельность. Византійское начало слишкомъ глубоко

запало въ грудь ея, чтобъ она могла подчиниться папѣ; географическое положеніе отдаляло ее отъ материка, духъ коммерціи и аристократіи былъ слишкомъ развитъ, чтобъ она могла повиноваться императору. Она развилась въ формѣ олигархической республики—это и погубило ее. Народъ, постоянно удаляемый отъ управленія, избираемый правительствомъ, которое всегда устрашало его и старалось развратить, оказался безсиленъ въ минуту политическаго кризиса....

Таково, по нашему мнѣнію, было развитіе Италіи до испанскаго протектората включительно.

Смѣемъ надѣяться, что читатели убѣдились, что все совершилось по законамъ разума, а не фатализма, какъ полагасть г. Феррари. Вездѣ одни старались сохранить несправедливо пріобрѣтенныя права; вездѣ другіе стремились освободиться отъ угнетеній и сравняться въ правахъ съ высшими. Дѣйствія, казавшіяся часто безсознательными, теперь признаны разумными; народъ, дѣйствуя по инстинкту, очень часто поступалъ также рационально, какъ-бы дѣйствовалъ по сознанию. Врожденное человѣку желаніе улучшить свое положеніе служить источникомъ дѣйствій его въ различныхъ сферахъ. Это желаніе—разумно, слѣдовательно и проявленія его разумны и неизбѣжны, какъ слѣдствія первой причины, хотя иногда неразумны какъ нарушенія счастья другихъ.

Намъ кажется, г. Феррари, признавая фатализмъ, становится слишкомъ жаркимъ поклонникомъ Гизо, у котораго это воззрѣніе составляетъ слабую сторону его системы. (Guizot. Civil. en Europe. Lec. XI.)

Весьма вѣроятно, что г. Феррари принялъ исторію, какъ рассказъ о *развитии абсолютной идеи въ формѣ человеческихъ обществъ*. Основываясь на этомъ, онъ опредѣлилъ неизмѣнныя формулы для жизни каждаго народа: для Германцевъ—сеймъ; для Англичанъ—парламентъ; для Французовъ—абсолютизмъ; для Итальянцевъ—постоянную борьбу папъ съ императорами. Мы думаемъ, что всякая нація жизнію своею выражаетъ всестороннее развитіе общечеловѣческаго прогресса. Бываютъ обстоятельства, которыя выставляютъ иногда одну сторону рельефнѣе, чѣмъ другую, тѣмъ не менѣе

онѣ не умираютъ и въ свое время являются преобладающими. Всѣ учрежденія, названныя г. Феррари, — созданія, образовавшіяся въ послѣдствіи; между-тѣмъ и до нихъ націи развивались самостоятельно. Всякій народъ состоитъ изъ личностей, а всякой личности свойственно стремленіе къ улучшенію своего быта, къ заявленію своихъ индивидуальныхъ правъ. Это стремленіе иногда быстро подвигается впередъ, иногда-же сдерживается реакціей — и, такимъ образомъ, исторія всякой націи всегда представляетъ борьбу прогресса съ обскурантизмомъ. Въ этомъ случаѣ г. Феррари правъ, сопоставляя исторію другихъ государствъ съ исторіей Италіи, но онъ часто ошибается въ формахъ проявленія этой борьбы, особенно когда говоритъ о Россіи.

Другой недостатокъ г. Феррари состоитъ въ ложномъ взглядѣ на итальянскихъ историковъ и на многія замѣчательныя личности.

Вотъ, что говоритъ онъ объ исторіи: «...criste et indiscrete, la presse pénètre dans tous les recoins, elle sollicite tous les oisifs, elle tente toutes les médiocrités, elle leur offre des collections de phrases classiques, d'élégances stéréotypées, de lieux communs à l'usage de toutes les joies, de toutes les douleurs, et nous ne rencontrons plus que de lettrés dont l'intarissable bavardage menace de rendre l'histoire impossible. La touche naïve, l'inimitable vétusté, la barbarie solennelle, les passions accentuées et l'intelligente sobriété de ces vieux chroniqueurs, qui ne prenaient leur plume éraillée que lorsque la violation des lois souveraines faisait crier tout un peuple, ces notations que le moyen âge seul avait pu faire pour compter les heures dans l'éternité chrétienne, ne sont compensées ni par le nombre des nouveaux écrits, ni même par les chefs-d'oeuvres politiques dus à Machiavel ou à Costanzo. Ces nombreux écrits, ces chefs-d'oeuvres n'offrent plus le caractère mystérieux de l'unicité qui faisait d'un pauvre moine ou d'un solitaire oublié le représentant unique de sa patrie, en présence de la postérité tout entière (t. IV, p. 297). Les médiocrités triomphent, les hommes de génie ont tort... » (t. IV, p. 299). Это пристрастіе г. Феррари къ темнымъ хроникарамъ вовлекло его въ ложныя сужденія о нѣкоторыхъ

бодно и стремиться къ развитію индивидуализма; только тогда прорытіе Суэзскаго перешейка принесетъ свою пользу, и итальянскіе флоты покроютъ моря, только тогда Италия возвратитъ свое прежнее значеніе и внесетъ свою долю въ общее развитіе человѣчества!...

Изложеніе г. Феррари отличается излишнимъ фразерствомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ темно, что съ трудомъ можно понять, что хотѣлъ сказать авторъ; тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ недостатки, книга его составляетъ замѣчательное явленіе въ литературномъ мірѣ по обилію фактовъ и по многимъ удачнымъ соображеніямъ. Нѣкоторыя главы обработаны мастерски, особенно исчисленіе революцій; эта глава, сколько намъ извѣстно, встрѣчается у него, у перваго.

В. Ионовъ.

С М Ъ С Ь.

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ-ГУМБОЛЬДТЪ.

«Mein Leben sucht in meinen Schriften!»
(Мою жизнь ищите въ моихъ сочиненіяхъ.)

СЛОВА АЛЕКС. ГУМБОЛЬДА.

Баронъ Александръ Георгъ фонъ-Гумбольдтъ родился въ 1720 году и служилъ долгое время въ Финкенштейнскомъ драгунскомъ полку. По окончаніи семилѣтней войны (1765 г.) Фридрихъ Великій сдѣлалъ майора Гумбольдта своимъ камергеромъ и камергеромъ принцессы прусской Елизаветы, только-что вступившей тогда въ бракъ; послѣднее званіе принудило Гумбольдта жить въ Потсдамѣ. Когда принцесса Елизавета развелась съ своимъ супругомъ и была отвезена въ Штетинъ, то и ея бывшему камергеру пришлось переѣхать въ Берлинъ. Съ этихъ поръ онъ жилъ то въ Берлинѣ, то въ своемъ родовомъ замкѣ Тегель, и продолжалъ пользоваться расположеніемъ принца, въ послѣдствіи короля, Фридриха Вильгельма II. Майоръ фонъ-Гумбольдтъ женился на вдовѣ барона фонъ-Гольведе, урожденной фонъ-Коломбъ (двоюродной сестрѣ князя фонъ-Блюхера и племянницѣ престарѣлаго президента въ Аурихѣ фонъ-Коломба). Отъ перваго брака, у нея былъ сынъ, который служилъ въ жандармахъ. Отъ брака съ майоромъ фонъ-Гумбольдтомъ, у нея было два сына: Карлъ Вильгельмъ, родившійся 22-го іюня 1767 года въ Потсдамѣ, въ послѣдствіи министръ короля прусскаго, и Фридрихъ Генрихъ Александръ, родившійся 14-го сентября 1769 года въ Берлинѣ. Надо замѣтить, что въ этомъ-же году родились Наполеонъ I и Кювье.

Старый замокъ Тегель, съ превосходнѣйшимъ садомъ, окруженный лѣсами, стоялъ у озера и славился своими великолѣп-

ными окрестностями. Какъ каждый замокъ того времени, и Тегель, рсзумѣется, имѣлъ свое таинственное, романическое преданіе, которымъ Гете воспользовался въ Фаустѣ; но сказка не пугала сосѣдей, радушныя ворота замка были широко раскрыты гостямъ и гостей собиралось въ немъ многое множество. Самъ принцъ неразъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ почтеннаго камергера; между гостями можно было встрѣтить и толпу блестящихъ офицеровъ, и мирныхъ гражданъ, и ученыхъ. Гете былъ у майора фонъ-Гумбольдта. Лаская двухъ рѣзвыхъ мальчиковъ, думалъ-ли, князь поэтовъ, что дѣти эти будутъ со временемъ его достойными друзьями? Въ такой обстановкѣ провели братья Гумбольдтъ большую часть своего дѣтства; нѣтъ сомнѣнія, что она имѣла вліяніе и на ихъ умъ, и на воображеніе.

Первое воспитаніе дѣтей Гумбольдта относится къ тому времени, когда педагогика и изученіе археологій и древнихъ языковъ было всеобщимъ, насущнымъ вопросомъ. Педагогическая система Руссо увлекла все тогдашнее лучшее общество, она была въ модѣ; каждый изъ родителей старался или отдать своихъ дѣтей въ училище, устроенное по этой системѣ, каково было, напримѣръ, училище Базедова въ Деллау, или взять къ себѣ - на домъ наставника той же школы. Знаменитѣйшими послѣдователями педагогической системы Руссо были въ то время: Роховъ, Гедике и Іоакимъ Генрихъ Кампе. На послѣдняго палъ выборъ майора фонъ-Гумбольдта и онъ пригласилъ его въ 1775 году въ наставники къ своимъ дѣтямъ. Хотя Александру Гумбольду было въ это время только шесть лѣтъ, но и на немъ отразилось въ послѣдствіи впечатлѣніе первыхъ уроковъ знаменитаго наставника. Кампе не довольствовался общепринятою тогда въ Германіи методою развивать только память дѣтей; но старался, сверхъ того, подѣйствовать и на ихъ умъ и на впечатлительность. Это ясно видно изъ его столь извѣстныхъ сочиненій: *Робинзонъ Крузе* и друг. Они-то, эти сочиненія, и положили, можетъ-быть, въ душѣ гениальнаго творца космоса, зародышъ будущей любознательности и страсти къ путешествіямъ. Кампе, впрочемъ, оставался у Гумбольдта недолго; онъ былъ приглашенъ въ директоры училища Базедова; откуда черезъ годъ уѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ основалъ собственный, частный институтъ.

Надо было искать новаго учителя. Майоръ фонъ-Гумбольдтъ пригласилъ къ себѣ, въ 1777 году, молодого человѣка двадцати лѣтъ — Христіана Кунта. Выборъ былъ какъ нельзя болѣе уда-

ченъ; Христіанъ Кунтъ сѣумѣлъ сдѣлаться истиннымъ другомъ своихъ воспитанниковъ, внушить неограниченную къ себѣ довѣренность и любовь и не упускалъ изъ виду ничего, что могло бы развить его юныхъ друзей. Оба брата Гумбольдты привязались искренно къ своему наставнику и сохранили это чувство до самой его смерти (1829 г.); оба они, конечно, очень много обязаны этой благородной и умной личности.

Въ 1779 году семейство Гумбольдтъ было поражено страшнымъ ударомъ, — старикъ умеръ и братья остались сиротами. Съ этого-то времени и начинается, собственно, главная роль достойнаго Христіана Кунта. Мать поручила ему своихъ дѣтей, какъ отцу, и онъ употребилъ въ дѣло всѣ свои силы и способности, чтобы оправдать такую безграничную родительскую довѣренность. Стараніе Кунта увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, онъ исполнялъ дѣло свое добросовѣстно и прекрасно, но одиннадцатилѣтній Александръ приводилъ въ отчаяніе и мать, и своего наставника; онъ былъ постоянно болѣнъ, развивался медленно, по-крайней-мѣрѣ, сравнительно съ быстрыми успѣхами старшаго брата, и, по-видимому, не подавалъ никакихъ надеждъ.

Въ 1783 году оба брата, вмѣстѣ съ наставникомъ, были отправлены въ Берлинъ, для расширенія, какъ говорится обыкновенно, круга своихъ познаній. Они не посѣщали здѣсь общественныхъ учебныхъ заведеній, а занимались дома, подъ руководствомъ учителей, выбранныхъ все тѣмъ же Куптомъ. Старшій Гумбольдтъ шёлъ такъ быстро, что на слабого и сильно отстающаго Александра почти не обращали никакого вниманія. Но, вдругъ, отроческій умъ его просвѣтился и онъ сталъ заниматься съ невѣроятными успѣхами и успѣхами, чтобы догнать брата. Въ послѣдствіи говорили, что самое нездоровье Александра Гумбольдта должно приписать слишкомъ раннему развитію глубокаго и серьезнаго ума. Въ старшемъ Гумбольдтѣ развивалась любовь къ языкознанію; въ младшемъ — къ естественнымъ наукамъ и путешествіямъ.

«Я въ своей молодости, — говоритъ самъ Александръ Гумбольдтъ, — имѣлъ всегда пламеннѣйшее желаніе ѣхать въ отдаленнѣйшія страны, неизвѣстныя еще Европейцамъ. Это желаніе характеризуетъ тотъ счастливый періодъ нашей жизни, когда она кажется намъ безпредѣльнымъ горизонтомъ, когда все имѣетъ для насъ особую прелесть, когда нѣтъ ничего лучше сильныхъ ощущеній души и картины физическихъ опасностей. Взросшій въ странѣ, не имѣющей никакихъ сношеній съ коло-

ніями обѣихъ Индій, а за тѣмъ обитатель горъ, отдаленныхъ отъ береговъ и замѣчательныхъ только горнымъ производствомъ, я чувствовалъ въ себѣ живѣйшее влеченіе къ морю, къ продолжительнымъ морскимъ путешествіямъ, и влеченіе это постоянно развивалось во мнѣ. Живыя описанія путешественниковъ представляютъ для насъ особенную прелесть; все неясное и неопредѣленное пріятно дѣйствуетъ на наше воображеніе. Наслажденія, которыхъ мы лишены, для насъ гораздо выше тѣхъ, которыя встрѣчаются намъ въ узкомъ кругу нашей обыденной жизни. Любовь къ ботаническимъ экскурсіямъ, изученіе геологій и небольшія поѣздки въ Англію, Голландію и Францію съ знаменитымъ Георгомъ Форстеромъ, который имѣлъ счастье сопутствовать капитану Куку, въ его второмъ кругосвѣтномъ путешествіи — все это дало вѣрное и точное направленіе моимъ планамъ путешествій».

По собственному желанію Александра Гумбольдта, извѣстный молодой ученый Вильденовъ училъ его ботаникѣ; наука эта особенно нравилась младшему Гумбольдту. Сверхъ того, вмѣстѣ съ братомъ и графомъ Арнимомъ, онъ слушалъ лекціи политическихъ наукъ публициста Дома. Проводя, такимъ образомъ, часть времени въ Берлинѣ, братья Гумбольдты бывали иногда и въ Тегелѣ у матери. Различное направленіе братьевъ обозначилось теперь еще явственнѣе.

Въ 1787 году они рѣшили поступить въ какой-нибудь изъ университетовъ и отправились во Франкфуртъ-на-Одерѣ, такъ какъ это было недалеко отъ матери. Александръ оставался здѣсь до Святой 1788 года, зиму и лѣто, за тѣмъ, провелъ въ Берлинѣ, чтобы изучить фабричную технику, заняться съ Вильденовымъ ботаникой и, какъ онъ говорилъ самъ, заняться серьезно греческимъ языкомъ.

Весной 1789 года онъ переселился въ Геттингенъ, потому что здѣсь процвѣтала его любимая наука, здѣсь жилъ и училъ знаменитый естествоиспытатель Блюменбахъ, здѣсь жили: Бекманнъ, Лихтенберхъ, Лникъ, Гейне и Эйхгорнъ. Здѣсь подружился онъ съ Георгомъ Форстеромъ, который, какъ извѣстно, имѣлъ на него очень хорошее вліяніе. Однакожъ, и здѣсь Александръ Гумбольдтъ оставался недолго.

Въ 1790 году онъ, съ Георгомъ Форстеромъ, отправился, черезъ Голландію, на нижній Рейнъ. Послѣ этого путешествія онъ издалъ первое свое сочиненіе: «*Mineralogische Beobachtungen über einige Basalte am Rhein*». За тѣмъ, онъ отправился въ

Гамбургъ, чтобы слушать лекціи въ Торговой Академіи, процвѣтавшей въ то время, подъ управленіемъ знаменитаго Буша. Въ Гамбургѣ онъ прожилъ недолго; слава Вагнера, преподававшего тогда въ Горной Академіи въ Фрейбергѣ, манила Гумбольдта. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ Тегель и Берлинѣ, въ обществѣ матери, брата, Кунта и Вильденова, съ которыми сдѣлалъ нѣсколько ботаническихъ экскурсій, онъ въ іюніѣ 1791 года отправился въ Фрейбергъ. Въ это время написано имъ нѣсколько статей въ журналъ, издаваемый Устеріемъ.

Здѣсь, кстати привести нѣсколько словъ о Гумбольдтѣ его школьнаго товарища Фрейслебена, словъ, которыя были, конечно, отголоскомъ общаго мнѣнія.

«Главные черты милаго характера Александра Гумбольдта, — говорить Фрейслебенъ: — безмѣрная доброта, простосердечіе, привѣтливость и безкорыстная готовность оказать услугу; теплое чувство къ друзьямъ и природѣ, непринужденность, простота и откровенность; даръ постоянно-оживленнаго и занимательнаго изложенія, веселое, юморстическое и подчасъ даже насмѣшливое настроеніе духа. Эти-то черты и дали ему въ послѣдствіи ту неотразимую силу обаянія, которую онъ выказывалъ не разъ даже надъ дикарями и которою, въ обществѣ образованныхъ людей, возбуждалъ постоянно удивленіе и симпатію; эти-то черты и привлекли ему любовь и преданность школьныхъ товарищей въ Фрейбергѣ. Озлоблялся онъ только противъ грубости, несправедливости и жестокости; сентиментальность и аффектація — огорчали его; вялость и педантство — онъ не прощалъ».

Въ 1792 году Александръ фонъ-Гумбольдтъ былъ сдѣланъ, по распоряженію прусскаго правительства, ассессоромъ горнаго департамента въ Берлинѣ; а въ 1793 году оберъ-бергмейстеромъ и генералъ-директоромъ рудниковъ въ Бэйрутѣ и Анспахѣ. Въ Стевелѣ онъ учредилъ горную школу. Къ этому же времени должно отнести и первые его опыты гальванизма.

Въ 1795 году онъ уже отказался отъ своего мѣста, чтобы нѣтъ возможность удовлетворить жаждѣ путешествій и собственными опытами расширить кругъ своихъ знаній. Въ этомъ же году онъ предпринималъ нѣсколько путешествій; онъ объѣхалъ часть Швейцаріи. Въ 1796 году Гумбольдтъ потерялъ свою мать. Затѣмъ онъ хотѣлъ съ Хавтеномъ отправиться въ верхнюю Италію, съ тѣмъ, чтобы изучить свойства вулканической почвы; но предпріятіе это не удалось. Такимъ образомъ,

желаніе изслѣдовать огнедышашія горы не было удовлетворено, и потому онъ, въ ноябрѣ 1797 года, съ Л. Бухомъ, предпринялъ вторично путешествіе въ Неаполь; но и въ этотъ разъ ему помѣшали открывшіяся тогда военныя дѣйствія. Александръ Гумбольдтъ и Л. Бухъ ограничились собираніемъ растений въ Вѣнѣ и небольшими поѣздками по горамъ Зальцбурга и Штейермарка, которыя принесли имъ значительную пользу, какъ занятія приуготовительныя.

Еще прежде этого Александру Гумбольдту предлагали сдѣлать путешествіе въ верхній Египетъ, въ обществѣ челоуѣка, уже нѣсколько разъ посѣтившаго берега Илліріи и Греціи и страстно любившаго изящныя искусства. Путешествіе это должно было продлиться не болѣе восьми мѣсяцевъ; главнѣйшею цѣлью его предполагалось изученія памятниковъ по теченію Нила. Гумбольдтъ былъ въ восхищеніи и, нисколько не колеблясь, принялъ предложеніе, съ условіемъ однакожь, что на возвратномъ пути изъ Александріи, онъ уже одинъ предприметъ путешествіе въ Палестину и Сирію.... Но политическіе перевороты того времени разрушили и этотъ планъ.

Одушевляемый все тѣмъ же величіемъ изученія природы Александръ фонъ-Гумбольдтъ, съ братомъ своимъ, министромъ короля прусскаго, въ 1798 году, приѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ удостоился чести быть приглашеннымъ парижской Медицинской Школой принять участіе въ предположенномъ уже кругосвѣтномъ путешествіи съ капитаномъ Баудиномъ. При этомъ онъ познакомился съ тогдашнимъ воспитанникомъ Медицинской Школы и Ботаническаго Сада — Александромъ Эме Гужу Бонпланомъ, превосходнѣйшимъ молодымъ челоуѣкомъ, преодолѣвшимъ съ удивительнымъ самопожертвованіемъ всевозможныя опасности ученыхъ путешествій, которыя онъ совершилъ и которыми обогатилъ науку. Судьбѣ угодно было опять помѣшать Гумбольдту; въ то самое время, какъ онъ уже долженъ былъ, съ своимъ новымъ другомъ Бонпланомъ, отправиться въ Гавръ, вспыхнула снова война между Франціею и Австріею и недостатокъ въ деньгахъ, за военными издержками, принудили французское правительство отложить предполагаемое путешествіе капитана Баудина до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ.

Затѣмъ Гумбольдтъ три раза собирался отправиться въ Египетъ, а оттуда въ Индостанъ; но судьба словно преслѣдовала великаго челоуѣка — каждый разъ война являлась препятствіемъ къ осуществленію завѣтнаго желанія. Много надо было имѣть

силы воли и твердаго желанія, чтобы столько неудачъ ни мало не охладили жара и благородной страсти.

Счастлирое стеченіе обстоятельствъ вознаградило наконецъ терпѣніе Александра Гумбольдта, искупило всѣ перенесенныя имъ неудачи и дало ему возможность исполнить столько лѣтъ желѣянное намѣреніе отправиться въ Америку и, главное, въ тропическія страны, чтобы обогатить физическія науки. Странно, что двое великихъ людей, какъ Колумбъ и Гумбольдтъ, которые сдѣлали болѣе всѣхъ въ дѣлѣ открытія Америки въ географическомъ и ученомъ отношеніяхъ, оба обязаны Испаніи.

Вторичное предпріятіе Гумбольдта *объѣздить* сѣверную Америку было снова разрушено, по случаю войны, въ то самое время, какъ онъ съ Бонпланомъ ожидалъ въ Марсели прибытія корабля, на которомъ они должны были плыть. Тогда путешественники наши отправились въ Испанію и тамъ, при ходатайствѣ саксонскаго посланника, барона Фореля, въ маѣ 1799 года, получили позволеніе *объѣздить* испанскую Америку, съ правомъ дѣлать различныя изслѣдованія. 4-го іюня уѣхали они изъ Корусии и 19-го того же остановились въ гавани Санта-Круцъ, на Тенерифѣ. Путешественники взобрались на вершину и, въ нѣсколько дней своего пребыванія на столь мало еще извѣстномъ въ то время островѣ, успѣли сдѣлать много новыхъ изслѣдованій. Безъ особыхъ приключеній перерѣзали они потомъ океанъ и 16 іюля были уже на почвѣ Америки, въ Корусьѣ. Восемнадцать мѣсяцевъ употребили они на поѣздку по провинціямъ нынѣшней республики Венесуэлы; а въ февралѣ 1800 отправились въ Каракасъ.

Въ Пуэрто-Кабелло они покинули берегъ, чтобы осмотрѣть замѣчательныя южныя степи Колобоцо, рѣку Апуръ и по ней отправиться въ Ореноко.

На Апурѣ туземцы рассказывали Гумбольдту о безчисленномъ множествѣ несчастныхъ жертвъ кровожадности крокодиловъ. — Не проходитъ года, говорили они, чтобы здѣсь не погибло двухъ, трехъ человѣкъ; чаще всего крокодилы пожираютъ женщинъ, которыя приходятъ за водой. Одна молодая дѣвушка изъ Уритуку показала, однакожъ, необыкновенное присутствіе духа и тѣмъ спаслась отъ ужасной смерти. Въ ту страшную минуту, когда голова ея уже была въ пасти крокодила, она схватила его за глаза и такъ сильно сжала ихъ, что крокодилъ выпустилъ свою жертву. По словамъ туземцевъ, это единственное средство спасенія. Смѣлая дѣвушка, поплатившись только одной рукой, благополучно доплыла до берега.

Отъ Индѣйскихъ пороговъ, путешественники наши поплыли къ южнымъ границамъ Испаніи, воротились по Кашкаоэру въ Орешоко, поѣхали по Ангостуру и достигли, наконецъ, Куманы, которая бѣжитъ, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ миль, по безлюднымъ мѣстамъ.

«Здѣсь 27 октября—разсказывалъ Гумбольдтъ—мы, по обыкновенію, гуляли съ Бонпланомъ по берегу залива. Было восемь часовъ вечера, морской вѣтеръ еще не давалъ себя чувствовать; небо заволокло тучами и, при совершенно спокойномъ воздухѣ, жаръ стоялъ нестерпимый. Вдругъ слышу я, что кто-то идетъ за нами; оглядываюсь и вижу человѣка огромнаго роста, до пояса нагаго, цвѣта Цамбо. Онъ уже взмахнулъ надъ моею головою огромною палкой; но я успѣлъ увернуться отъ удара. Бонпланъ же, шедшій справа подлѣ меня былъ, менѣе счастливъ; онъ позже меня замѣтилъ Цамбо и тотъ ударомъ въ високъ свалилъ его съ ногъ. Мы были одни, безоружны, въ позмили отъ жилья. Цамбо, вмѣсто того чтобы напасть снова на меня отправился прехладнокровно подымать шляпу Бонплана, которая отчасти ослабила ударъ и лежала теперь въ нѣкоторомъ отдаленіи. Ошеломленный паденіемъ моего путника, который нѣсколько минутъ оставался безъ чувствъ, я исключительно былъ занятъ имъ. Боль и чувство гнѣва подняли его на ноги. Мы кинулись на Цамбо, который, или по свойственной его кастѣ трусости, или потому что увидѣлъ на берегу нѣсколько человѣкъ, кинулся въ кустарникъ. Во время бѣгства онъ упалъ, Бонпланъ, пользуясь этимъ, наскочилъ на него и едва не подвергся еще большей опасности. Цамбо выхвативъ изъ своего нижняго платья *большуцій* ножъ и мы, конечно, сильно потерпѣли бы въ этомъ неравномъ бою, если-бы бискайскіе купцы, гулявшіе на берегу, не кинулись къ намъ на помощь. Какъ только Цамбо увидѣлъ себя окруженнымъ, то не сталъ болѣе защищаться. Онъ попытался-было дать тягу, но тщетно; его поймали и посадили въ тюрьму».

Бонпланъ былъ всю ночь въ лихорадкѣ. Ударъ по головѣ грозилъ опасностью и въ будущемъ; но она, по счастью, миновалась. Жители Куманы выказали нашимъ путешественникамъ трогательное участіе. Цамбо въ тюрьмѣ торжественно объявилъ на допросѣ, что онъ не могъ устоять противъ желанія нанести вредъ людямъ, говорившимъ по-французски. Судъ и въ новомъ свѣтѣ, какъ и въ старомъ, тянется не безъ проволочекъ; осужденному приходится нерѣдко ждать рѣшенія лѣтъ

семь, восемь, виновный или сгнѣтъ въ тюрьмѣ до приговора, или убѣжить.... Неизвѣстно, что случилось съ ненавистникомъ французскаго языка.

За-тѣмъ путешественники наши отправились въ Гаванну, прожили тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и торопились добраться до гавани Южнаго океана. Въ это время до нихъ дошелъ слухъ, что капитанъ Баудинъ, съ которымъ они общались соединиться, прибудетъ на восточный берегъ южной Америки. Изъ Батибано, что на южномъ берегу Кубы, они, въ 1801 году, поплыли моремъ въ Карагенъ, чтобы оттуда отправиться въ Панаму. Но такъ какъ неблагоприятное время года не дозволило исполнить этотъ планъ, то они поднялись вверхъ по р. св. Магдалины до Хонда и избрали своимъ мѣстопребываніемъ Боготу, съ тѣмъ, чтобы отсюда дѣлать свои ученныя экскурсіи по всѣмъ замѣчательнымъ мѣстностямъ страны.

Съ сентября 1801 года, не смотря на наступившее дождливое время, они продолжали свое путешествіе на югъ. Перерѣзали Кордильеры де-Киндью, прошли долину Коука и съ немпоѣрными усиліями при Кали, черезъ Альмагеръ и Пасто, 6-го января 1802 года, достигли Кито.

Восемь мѣсяцевъ прошло въ изслѣдованіи этой прелестнѣйшей долины и цѣпи, окружающихъ ее, грозныхъ вулкановъ. Путешественникамъ нашимъ удалось взобраться на нѣкоторыя изъ вулкановъ до высоты, какой до-сихъ-поръ не достигалъ еще никто. На Чимборазо поднялись они, 23-го іюня 1842 года, на высоту 19,300 футовъ, слѣдовательно 3485 футовъ выше Кондомина (1745 г.). Такимъ образомъ, какъ уже сказано, они были на величайшей высотѣ, какой возможно достичь человѣку, и только пропасть помѣшала имъ добраться до высочайшей точки, которая была отъ нихъ въ 2,140 футахъ. Карлосъ Монтуфаръ, сынъ маркиза Сельваегръ, молодой человѣкъ, жившій только для науки и въ послѣдствіи павшій, какъ и многіе изъ его лучшихъ соотечественниковъ, жертвой революціи, присоединился въ Кито къ нашимъ путешественникамъ и сопутствовалъ имъ до конца ихъ продолжительнаго путешествія по Перу и Мексикѣ. Черезъ Локсу, Жанъ де-Бракоморусъ, Каксомарку и цѣпь Андовъ (12,000 ф. в.), они достигли, у Труксилы, берега Великаго океана и пошли по маловодной песчаной пустыни нижняго Перу до Лимы.

Чтобы попасть въ Мексику, они въ январѣ 1802 года отправились изъ Калао въ Гуаквилъ и, послѣ утомительнаго путеше-

ствія, высадились въ Акапулко. Черезъ Таско и Куэрнарику, они достигли въ апрѣлѣ столицы Мексики, гдѣ и пробыли нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ, направились на югъ; посѣтили Гуанаксуато и Валадалиде, объѣздили провинцію Мехоаканъ; опять приблизились, у Юруо, къ берегу Великаго океана и, черезъ Толуко, возвратились въ Мексику.

Вторичное пребываніе въ этомъ городѣ, богатомъ образованностью высшаго круга своихъ жителей, они употребили на приведеніе въ порядокъ всѣхъ матеріаловъ и многостороннихъ наблюденій.

Въ январѣ 1804 года путешественники наши отправились принятымъ путемъ въ Вера-Круцъ; счастливо избѣгли свирѣпствовавшей здѣсь желтой лихорадки и поплыли въ Гаванну, гдѣ снова остались два мѣсяца, а оттуда въ Филадельфію, гдѣ провели также два мѣсяца въ сравнительныхъ наблюденіяхъ.

Въ августѣ 1804 года Александръ фонъ-Гумбольдтъ и его спутникъ Бонпланъ, высадились въ Гаврѣ, гдѣ, болѣе чѣмъ какой-либо другой путешественникъ, обогатились новыми наблюденіями въ обширной области естественныхъ наукъ, географіи, статистики и этнографіи. Кромѣ богатыхъ собраній растительнаго царства и минералогіи; удивительныя результаты принесли ихъ наблюденія въ зоологическомъ, астрономическомъ и атмосферическомъ отношеніяхъ.

Теперь настало для Гумбольдта время отдыха, который онъ употребилъ на приведеніе въ порядокъ всѣхъ своихъ свѣдѣній и наблюденій. Гумбольдтъ избралъ своимъ мѣстопробываніемъ Парижъ; потому-что ни одно мѣсто континента не представляло такого богатства ученыхъ вспомогательныхъ средствъ и нигдѣ не было такого множества ученыхъ изслѣдователей.

Плодомъ трудовъ его, въ 1808 году вышло первое изданіе его прекраснѣйшаго сочиненія: «*Ansichten der Natur*»; въ 1826 году, въ Тюбингенѣ, вышло второе, исправленное изданіе того же сочиненія; въ 1850 году — третье, совершенно передѣланное.

Къ этому же времени (1811 г.) должно отнести предложеніе, сдѣланное Гумбольдту русскимъ правительствомъ, черезъ государственнаго канцлера графа Румянцова, принять участіе въ экспедиціи, черезъ Кашкаръ въ Тибетъ, предначертанной покойнымъ императоромъ Александромъ I. Гумбольдтъ готовъ былъ принять это предложеніе, тѣмъ охотнѣе, что видѣлъ возможность посѣтить знаменитыя горы Индіи и сравнить ихъ съ Кордильерами

новаго свѣта. Вотъ, что писалъ онъ, между прочимъ, по этому поводу барону Рененкампу въ Петербургъ :

«Я не могу достаточно выразить, какъ лестна для меня-память человѣка, познанія и высокая степень образованія котораго давно уже интересовали меня. Осмѣливаюсь отвѣчать вамъ на французскомъ языкѣ потому, что вы, вѣроятно, захотите сообщить это письмо тѣмъ лицамъ, которымъ менѣе доступенъ языкъ нѣмецкій. Кромѣ изданія моихъ сочиненій объ Америкѣ, я въ настоящее время приготавливаю къ экспедиціи. Я имѣлъ это намѣреніе еще до возвращенія моего въ Европу и увѣренъ, что приведу его въ исполненіе; но раньше не уѣду изъ Парижа пока, не кончу все мое изданіе, $\frac{3}{4}$ котораго уже окончены совершенно. Я уже издалъ «*Aequinoctialpflanzen*,» 2 тома, in F°; «*Melastomen*,» 1 т., in F°; *Beobachtungen über Zoologie und vergleichende Anatomie*, 1 т., in 4°; *Abhandlung über die Pflanzen-Geographie*, 1 т.; *Monumente der amerikanischen Geborenen mit denen des asiatischen Orients verglichen*, 1 т., in F°; *Politische Abhandlung über Mexiko*, 2 т. in 4°, съ атласомъ и 20 картами; *Astronomische Beobachtungen, Barometermessungen auf den Cordilleren*, 2 т., in 4°; — въ настоящее время печатаются: *Species der Pflanzen*, гдѣ помѣщено 1800 новыхъ родовъ, которые мы привезли съ собою; одинъ томъ *Beobachtungen über die Abweichung der Magnetnadel und die Stärke des Magnetismus* и 4 тома *Historischer Bericht* — также въ печати. Цѣль моего азіятскаго путешествія — изученіе большой цѣпи горъ отъ источниковъ Индуса до источниковъ Ганга. Мнѣ хочется увидѣть Тибетъ; но страна эта не главный предметъ моихъ изслѣдованій; я, по всей вѣроятности, отправлюсь также на мысъ Доброй Надежды. Мысль заняться уклоненіями (вертикальной отлогости отъ экватора) южныхъ созвѣздій — прельщала меня давно. Я остался бы въ Бенаресѣ или Тибетѣ и тогда имѣлъ бы возможность посѣтить Индѣйскій полуостровъ, Малакскія берега, островъ Цейлонъ, Яву или Филиппинскіе острова.

Предпочитаю Индію потому, что тамъ, я увѣренъ, мнѣ предстоитъ путешествіе, богатое открытіями. Политическое положеніе Европы таково, что я поѣхалъ бы немедленно, еслибъ могъ ѣхать черезъ Константинополь, Бассору и Бомбей. Но такъ какъ главная цѣль — Индія и горы центральной Азіи, лежація подъ 35—38 град. широты, то я довольно равнодушно гляжу на предстоящую мнѣ дорогу. Вотъ взгляды и планы, дорогой другъ, которыми я теперь занятъ. До-сихъ-поръ у меня еще достаточно

средствъ для исполненія моихъ намѣреній. Радуюсь весьма участію, какое оказываетъ мнѣ Петербургъ. Имена Сперанскаго и Уварова не безъизвѣстны тѣмъ, кто слѣдитъ за успѣхами наукъ на сѣверѣ. Графъ Румянцевъ, министръ торговли, во время пребыванія своего въ Парижѣ, удостоилъ меня предложеніемъ; я отвѣчалъ не уклончиво; а, напротивъ, выразилъ искреннее желаніе содѣйствовать той великой и благородной цѣли, которая одушевляла императора Александра. Я приму охотно предложеніе которое сдѣлаетъ мнѣ русское правительство официальнымъ образомъ, если будутъ расположены прислать мнѣ географическія данныя тѣхъ странъ, какія я захочу изслѣдовать. Мнѣ тяжело будетъ отказаться отъ надежды увидѣть берега Ганга съ ихъ бананами и пальмами; мнѣ теперь 42 года, а экспедиція, которую я желаю предпринять, продолжится отъ 7—8 лѣтъ; но, чтобы пожертвовать тропическими странами Азіи, надобно дабы планъ, предначертанный мнѣ, былъ широкъ. Кавказъ не такъ меня тянетъ, какъ Байкальское озеро и вулканы полуострова Камчатки. Можно ли пробраться въ Самаркандъ, Кабуль и Кашемиръ? Развѣ нѣтъ надежды измѣрить Мустагъ и плоскую возвышенность Шамо? Есть ли хоть одинъ человекъ въ російской имперіи, который будучи въ Ласса и Тибетѣ не прошелъ по обыкновеннымъ дорогамъ Тегерана, Камана, Герата и Калькутты? Россія начала войну со всѣми народами на южной границѣ; можно ли будетъ сдѣлать что-нибудь для науки посреди шума оружія?

Геогнозія, наука трактующая о слояхъ горъ и однообразіи ихъ образованія, батаническая географія, метеорологія, наблюденія надъ пенделемъ, теорія магнетизма — вотъ предметы нашихъ изслѣдованій. Изученіе людей, породъ, языковъ; надежда открытъ на югъ торговыя дороги и тысячи другихъ предметовъ, представляются нашимъ изслѣдованіямъ. Чтобы тотчасъ получить общій вѣрный взглядъ на наше предпріятіе, я бы желалъ позволенія сначала *изъѣздить* всю Азію отъ 58 до 60 град. широты, черезъ Екатеринбургъ, Тобольскъ, Енисейскъ, Якутскъ до вулкановъ Камчатки и на берегъ Южнаго океана. Земля эта возвышена на сѣверѣ, и здѣсь можно было бы замѣтить всѣ новѣйшія образованія горъ; или же можно было бы повернуть съ востока на западъ подъ 48 град. широты, къ Байкальскому озеру, чтобы сдѣлать здѣсь изслѣдованія, которыя начались бы на югѣ этого параллельнаго круга и продолжались бы отъ 4—5 лѣтъ. Эти поѣздки воевѣ недороги, хотя и необходимы инструменты, по конструкціи легкіе и удобоперевозимые и притомъ, все таки,

вѣрные. Я бы желалъ, чтобы мнѣ сопутствовали *русскіе* ученые, они не такъ скоро падаютъ духомъ, переносятъ съ большимъ терпѣніемъ трудности и не такъ скоро захотятъ возвращенія домой. Я не понимаю ни слова по-русски, но сдѣлаюсь Русскимъ, какъ сдѣлался Испанцемъ, потому что предпринимаемое мною исполняю съ рвеніемъ.

Нѣсколько важныхъ цѣлей могли бы быть достигнуты вдругъ: во 1-хъ, успѣхи въ точныхъ наукахъ: общей физикѣ, геологій и ботаникѣ и по всѣмъ другимъ частямъ естественной исторіи; въ ученіи о магнитной стрѣлкѣ, метеорологій; во 2-хъ, исправленіе картъ, при посредствѣ астрономическихъ наблюденій, безъ пособія обременительной тригонометрій; барометрическія измѣренія; начертаніе разрѣза возвышеній земной поверхности, какъ сдѣлано это въ моемъ мексиканскомъ атласѣ; въ 3-хъ, собраніе точныхъ свѣдѣній объ экономическихъ, политическихъ и торговыхъ отношеніяхъ въ странахъ, малоизвѣстныхъ правительству; въ 4-хъ, историческія изслѣдованія о народахъ и языкахъ, какъ матеріалы для всеобщаго, сравнительнаго словаря; въ 5-хъ, обогащеніе русскихъ коллекцій естественной исторіи, въ систематическомъ порядкѣ породъ камней, распределенномъ по провинціямъ, на пространствѣ 1500 миль.

Какъ ни прекрасны, какъ ни полезны труды Гмелина, Палласа, Крашенинникова и Германна, они могли бы быть развиты и расширены при современномъ взглядѣ на природу. Если только подумаешь о всемъ, что можно было бы сдѣлать при совокупномъ усиліи ученыхъ лицъ, одушевленныхъ добрымъ желаніемъ, снабженныхъ точными инструментами, подъ руководствомъ и покровительствомъ щедраго, твердаго въ своихъ планахъ и довѣрившагося правительства—легко убѣдиться, что кругосвѣтныя путешествія болѣе всего способствуютъ развитію науки. Я весьма тщательно разсмотрѣлъ описаніе путешествія Крузенштерна. Въ предисловіи къ первому тому моихъ астрономическихъ изслѣдованій, я отдалъ честь этому ученому и опытному мореплавателю. Онъ служитъ лучшимъ украшеніемъ царствованія императора Александра, который при самомъ вступленіи на престолъ показалъ, двумя большими, учеными экспедиціями, благородное сочувствіе къ успѣхамъ просвѣщенія въ своемъ обширномъ государствѣ.

Итакъ вы видите, милостивый государь, что я былъ бы очень радъ принять предложеніе, которымъ меня почтили, еслибъ планъ былъ начертанъ въ большихъ размѣрахъ, достойныхъ, по

моему мнѣнію, монарха, управляющею самою большою частью стараго материка. Опасенія на счетъ войны на сѣверѣ отдалять, можетъ быть, исполненіе большихъ плановъ; но я твердо надѣюсь, что эта часть Европы еще долго будетъ наслаждаться миромъ. Если же надежда моя не оправдается, то должно предполагать, что послѣ войны правительства, съ умѣренными денежными пожертвованіями, сумѣютъ сдѣлать все, чтобы поддержать внутреннее благосостояніе. Я не могу быть въ Петербургѣ раньше зимы 1814 года; но это промедленіе не помѣшаетъ дѣлу, потому что надо болѣе года для изготовленія физическихъ и астрономическихъ инструментовъ, которые можно заказать у Фортена, Брегета или Лемуара въ Парижѣ, у Тровтона, Рудже, Рамздена сына въ Лондонѣ или у Рейхенбаха въ Мюнхенѣ; нужно также время, чтобы собрать ученыхъ и художниковъ и болѣе точныя свѣдѣнія о томъ, можно ли обратиться на югъ Европы.

Ослабленіе правой руки, которое я получилъ въ Оренко, отъ сырости, дѣлаетъ мой почеркъ неяснымъ, и потому смѣю ли просить васъ, чтобы вы, когда вздумаете сообщить письмо мое кому нибудь изъ вашихъ друзей, приказывали переписывать его.

Я говорю съ вами съ тою-же откровенностью, съ какою говорилъ въ 1799 году, при Дворѣ въ Арангуэцо. Я желалъ-бы болѣе подробныхъ объясненій по этому дѣлу; не требую ничего положительнаго; но пусть это будетъ хоть что-нибудь приблизительное. Я понимаю, что, при теперешнемъ политическомъ положеніи, правительству не до того; но зная впередъ, что монархъ желаетъ, чтобы я началъ путешествіе съ азіатской Россіи, я-бы избѣжалъ лишнихъ издержекъ. Соглашаюсь на всѣ условія, лишь-бы служить столь полезной цѣли и готовъ отправиться изъ Тобольска до мыса Коморина, если-бы зналъ даже, что изъ девяти лицъ хоть одно возвратится оттуда съ успѣхомъ. Умѣренный въ своихъ потребностяхъ, вооруженный нравственною независимостью, поддерживаемый силою воли, я иду своимъ путемъ твердо и спокойно. Я измѣнилъ бы своему характеру, если-бъ, вмѣсто-того, чтобы отвѣчать на предложенія, сталъ ихъ дѣлать самъ.

Можете-ли вы сказать точно, подъ какимъ градусомъ широты лежитъ въ Сибири самое сѣверное селеніе, обитаемое зимой; подъ селеніемъ я разумѣю хотя два, три домика? Было бы очень интересно узнать ежечасное измѣненіе магнитной стрѣлки и силу магнетизма при сѣверномъ сіяніи, длинною ночью.»

Письмо это, какъ согласится, вѣроятно, каждый, весьма-много характеризуетъ Александра фонъ-Гумбольдта; онъ почти весь самъ высказывается здѣсь. Какъ много говорятъ, напримѣръ, эти простыя, но полныя глубокаго значенія слова: «*Умъренный въ своихъ потребностяхъ, вооруженный нравственною независимостью, поддерживаемый силою воли, я иду своимъ путемъ твердо и спокойно*». Сколько величія въ образѣ этого всемірнаго апостола науки, сколько благороднаго смиренія въ другихъ его словахъ: «*соглашаюсь на все условія, лишь-бы служить столь полезной цѣли!*»

Вспыхнувшая война между Россіею и Франціею помѣшала намѣренію Гумбольдта ѣхать въ Россію. Не отказываясь, однакожь, совершенно отъ этой мысли, онъ изъ Вѣны отправился въ Парижъ, чтобы заняться тамъ изданіемъ своихъ сочиненій объ Америкѣ и обдумать обстоятельно планъ путешествія по Азін.

Въ 1817 году Гумбольдтъ, въ соединеніи съ Ге-Люссакомъ, уяснилъ вопросъ о положеніи магнитнаго экватора и представилъ парижской Академіи Наукъ свою карту о своеобразномъ теченіи Ореико. Посѣтивъ, въ 1818 году, въ сообществѣ Ге-Люссака, Италію и Лондонъ, Гумбольдтъ, въ 1826 году, поселился въ Берлинѣ и находился постоянно при покойномъ королѣ, который не могъ обойтись безъ его общества. Въ это время его произвели въ дѣйствительные тайные совѣтники. Съ чисто-возвышенною цѣлью, Гумбольдтъ достигъ сильнаго вліянія. На него возлагали нѣсколько политическихъ миссій, которыя были такого рода, что, по общему мнѣнію, только личное посредство такого ученаго и высокопочитаемаго мужа, какъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ, могло оказать существенную пользу, какой не достигли бы другіе посредники-дипломаты.

Между-тѣмъ завѣтное, давно желѣемое имъ желаніе *объѣздить* Индію, чтобы сравнить возвышеннѣйшія горы — Анды и Гималаи, не исполнялось, не смотря на то, что сначала французское правительство обѣщало вспомошествованіе, а потомъ, въ ноябрѣ 1818 г., въ Ахенѣ, король прусскій обѣщаль Гумбольдту выдавать ежегодно 12,000 талеровъ и составить ученую экспедицію.

Въ декабрѣ 1826 года Гумбольдтъ, по дорогѣ изъ Берлина въ Парижъ, посѣтилъ въ Веймарѣ Гёте и просидѣлъ у него нѣсколько часовъ. Въ тотъ-же день къ Гёте зашелъ Экерманнъ и засталъ его чрезвычайно-взволнованнымъ.

— Что съ вами? спросилъ Экерманнъ съ дружескимъ участіемъ.

Гёте отвѣчалъ ему:

— Сегодня утромъ пробылъ у меня нѣсколько часовъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ. Что это за человѣкъ! Я знаю его давно, но пораженъ имъ снова. Можно сказать: нѣтъ ему подобнаго въ научныхъ познаніяхъ и въ знаніи жизни; это такая многосторонность, какой я до-сихъ-поръ не встрѣчалъ еще нигдѣ. Чего ни коснись, онъ вездѣ дома и осыпаетъ васъ богатствомъ идей. Онъ похожъ на колодезь со многими водопроводными трубами; стоитъ только подставить сосудъ и въ него польется освѣжительная и неисчерпаемая струя. Онъ остается здѣсь на нѣсколько дней, и я чувствую, что мнѣ покажется, будто я прожилъ нѣсколько лѣтъ.

Зимой 1827 года Гумбольдтъ показалъ собою прекрасный примѣръ. Онъ показалъ торжественно, что не считаетъ нисколько унизительнымъ для званій барона, камергера и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, явиться публично учителемъ и толкователемъ своей любимой науки. Въ самой большой аудиторіи берлинскаго Университета онъ читалъ лекціи физической географіи и собраніе слушателей изъ высшаго сословія было до того многочисленно, что Гумбольдтъ принужденъ былъ повторить эти лекціи въ залѣ Академіи пѣнія (Singakademie). Какъ истинный, честный жрецъ науки, доблестный мужъ этотъ считалъ свое призваніе выше почестей, титула, происхожденія и связей; служить наукѣ и открывать ея тайны тысячамъ — считалъ онъ духовной потребностью и своею священною обязанностью. Превосходныя лекціи Гумбольдта о предметахъ возвышенныхъ, изложенныя съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, навсегда останутся неизгладимыми въ памяти его слушателей. Всѣ эти лекціи вошли, позднѣе, въ составъ «Космоса».

Причиною замедленія изданія этихъ лекцій было путешествіе, предпринятое Гумбольдтомъ, въ 1829 году, по предложенію и подѣ покровительствомъ покойнаго императора Николая Павловича. Въ 1828 году Александру фонъ-Гумбольдту было сдѣлано, черезъ бывшаго тогда министра финансовъ, графа Канкринна, предложеніе совершить, на казенный счетъ, путешествіе по Россіи: по Уралу и Алтаю, по китайской Джунгаріи и Каспійскому морю. Въ предложеніи этомъ высказывалась, между прочимъ, та мысль, что польза, какую могло-бы извлечь русское правительство изъ путешествія Гумбольдта, въ матерьяльномъ отношеніи, по части горнозаводства и промышленности, должна оставаться на второмъ планѣ; главнѣйшею-же цѣлью должен-

ствовала быть польза науки. Гумбольдтъ читалъ въ это время публичныя лекціи и потому, не отказываясь совершенно отъ лестнаго и нѣкоторымъ образомъ желаннаго предложенія, не могъ да и не хотѣлъ воспользоваться имъ тотчасъ-же, а отложилъ до будущаго года. Весь-же текущій годъ онъ посвятилъ наукѣ и приготовленіямъ къ путешествію.

Годъ этотъ былъ тяжелымъ годомъ для Александра Гумбольдта; судьба нанесла страшный ударъ его благородному и нѣжному сердцу. Въ этомъ году онъ потерялъ свою невѣстку, Каролину Гумбольдтъ, жену старшаго брата. То была единственная женщина, которую, послѣ матери своей, любилъ Гумбольдтъ горячо и нѣжно. Легко представить себѣ его горестъ и отчаяніе....

12 апрѣля 1829 года, простившись съ братомъ, Александръ Гумбольдтъ выѣхалъ изъ Берлина, въ сопровожденіи гг. Эренберга и Густава Розе. Черезъ Кенигсбергъ, Мемель, Ригу и Дерить, гдѣ Гумбольдтъ познакомился съ нашимъ знаменитымъ астрономомъ В. Струве, путешественники прибыли, 1-го мая, въ Петербургъ, гдѣ въ теченіе 20 дней осматривали все достопримѣчательное и были приняты нашимъ обществомъ необыкновенно радушно и гостепрѣмно. Изъ Петербурга Гумбольдтъ съ своими спутниками отправился въ Москву; здѣсь они были встрѣчены и принимаемы съ тѣмъ-же радушіемъ, какъ и въ Петербургѣ, и оставались только нѣсколько дней. Отсюда, черезъ Владиміръ, они поѣхали въ Нижній-Новгородъ, гдѣ къ нимъ присоединился графъ Полье. Изъ Нижняго-Новгорода они отправились по Волгѣ, съ намѣреніемъ осмотрѣть Казань и татарскіе древности въ Болгарахъ, потомъ черезъ Пермь въ Екатеринбургъ, по азіатской отлогости Урала. Затѣмъ они посѣтили центральную и сѣверную части Урала, столь богатаго золотомъ и платиною, малахитныя копи, большую магнитную Блогодатскую гору и знаменитое мѣсторожденіе топаза и берила въ Мурзинскѣ. Въ Нижне-Тагильскѣ найденъ имъ самородокъ платины въ 16-тъ фунтовъ. Изъ Екатеринбурга отправились они черезъ Тюмень къ Тобольску, а оттуда въ Барабинскую степь, Барнаулъ, къ живописному Колыванскому озеру, Змѣиной горѣ и Зырянску, югозападной отлогости Алтая, черезъ Бухтарминскъ, до китайской границы; потомъ, назадъ, черезъ Усть-Каменогорскъ, гдѣ на берегахъ Иртыша Гумбольдтъ увидѣлъ страшную массу скалъ, на пространствѣ болѣе 16000 футовъ, изъ гранита, положеннаго горизонтальными слоями; явленіе это было весьма полезно Гумбольдту въ его ученіи объ образованіи гранита. Затѣмъ путе-

пешенники отправились через Семипалатинскъ, Омскъ, вдоль Ишима и Тобола; достигли южнаго Урала, Оренбурга, Черкасса, Саратова, Сарепты, и, через Астрахань, землю Донскихъ казаковъ, Воронежъ, Тулу и Москву, 13 ноября 1829 года, прибыли въ Петербургъ.

Здѣсь императорская Академія Наукъ составила изъ своихъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго президентомъ Академіи графа Уварова, чрезвычайное собраніе въ честь барона Александра фонъ-Гумбольдта, засѣданіе это было почтено присутвіемъ ихъ имп. высочествъ вел. княг. Елены Павловны и принца Александра Виртембергскаго, министровъ, членовъ государственнаго совѣта, ученыхъ, литераторовъ и множества лицъ изъ высшаго петербургскаго общества, обоюга пола. Засѣданіе открылось рѣчью президента, приличною случаю; затѣмъ нѣкоторые изъ академиковъ (Гессъ, Купферъ и Остроградскій) читали свои записки, и наконецъ самъ Гумбольдтъ прочиталъ записку о своемъ послѣднемъ путешествіи. Въ заключеніе, Гумбольдту была вручена золотая медаль, а его спутникамъ гг. Эренбергу и Густаву Розе дипломы на званіе членовъ-корреспондентовъ Академіи.

Разсказываютъ, что Гумбольдтъ, отправляясь изъ Петербурга на Уралъ, сказалъ шутя императрицѣ:

«Я не явлюсь передъ ваше импер. величество безъ русскаго брилліанта».

Предположеніе его касательно существованія у насъ брилліантовъ оправдалось. Графъ Поле дѣйствительно нашелъ брилліантъ и подарилъ его Гумбольдту, а ученый камергеръ въ свою очередь, въ бытность императрицы въ Берлинѣ, поднесъ ей этотъ *первый* русскій брилліантъ.

Отблагодаривъ дворъ и правительство и отдавъ отчетъ въ своей экспедиціи, Гумбольдтъ уѣхалъ въ Берлинъ, куда и прибылъ 22 декабря 1829 года. Въ девять мѣсяцевъ своего путешествія Гумбольдтъ проѣхалъ двѣ съ половиною тысячи географическихъ миль; считая это пространство по прямой линіи, выйдетъ почти половина окружности земнаго шара. Путешествіе это принесло такую-же пользу физико-математическимъ наукамъ, какъ и путешествіе въ Америку. Результаты его такъ обширны, что трудно да почти и невозможно представить полную ихъ картину въ тѣсныхъ рамкахъ нашей небольшой статьи.

Описаніе этого путешествія должно было явиться въ трехъ отдѣленіяхъ. Гумбольдтъ взялъ на себя изображеніе сѣверо-за-

падной Азии, въ географическомъ и физическомъ отношеніяхъ, наблюденія надъ земнымъ магнетизмомъ и результаты астрономической географіи. Густавъ Розе долженъ былъ обработать результаты химическаго анализа минералогіи и путевыя замѣтки. Эренбергу предоставлялось зоологическая и ботаническая части. Отъ такого триумвирата наука имѣла право ожидать всего лучшаго и полезнѣйшаго. Прежде всего, въ 1831 году, явились въ свѣтъ: «*Fragmens de Geologie et de Climatologie Asiatique*, 2 vol. 8. Paris», Гумбольдта и составили какъ бы начало позднѣйшаго, обширнаго сочиненія. Они раздѣлялись на три главные отдѣла:

Первый заключаетъ въ себѣ описаніе цѣпи горъ и вулкановъ центральной Азии, съ дополнительными примѣчаніями о горячихъ ключахъ Алагута; о газовыхъ — грязныхъ и огненныхъ изверженіяхъ въ разныхъ мѣстахъ внутренней Азии и Америки.

Второй — разсужденія о температурѣ и гигрометрическомъ состояніи воздуха въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Азии.

Третій отдѣлъ составили изслѣдованія причинъ отклоненія изотермовъ. Все это сочиненіе обработано Левенбергомъ и вышло на нѣмецкомъ языкѣ.

Путешествіе Гумбольдта по Азии имѣетъ большое значеніе и въ томъ отношеніи, что, кромѣ его собственныхъ изслѣдованій и наблюденій, онъ умѣлъ возбудить дѣятельность и въ другихъ, указывая имъ мѣста и предметы, заслуживающіе вниманіе науки. Такъ въ проѣздъ свой по Сибири онъ раздавалъ барометры и термометры разнымъ лицамъ, преимущественно горнымъ чиновникамъ, приглашая ихъ дѣлать наблюденія. Затѣмъ предложилъ петербургской императорской Академіи Наукъ устройство обсерваторій въ разныхъ мѣстахъ имперіи, подъ главнымъ вѣдѣніемъ центральной физической обсерваторіи, которая находится нынѣ подъ дирекцію знаменитаго физика А. И. Купфера, для провѣрки метеорологическихъ и магнетическихъ наблюденій. Мысль эта была принята и приведена въ исполненіе.

Двѣнадцать лѣтъ прошло за тѣмъ, въ теченіи которыхъ Гумбольдтъ, оставаясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ петербургскою физическою обсерваторіею, имѣлъ случай собрать много новыхъ матеріаловъ и издалъ въ 1843 году, въ Парижѣ, новое сочиненіе: «*Asie centrale, Recherches sur les chaines des montagnes et la climatologie comparée*, въ трехъ томахъ.

Результаты путешествія по Азии, изложенные Гумбольдтомъ въ этомъ сочиненіи, весьма разнообразны; но всѣ имѣютъ связь

и приводятъ къ одному и тому же выводу. Къ самымъ главнымъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ этомъ сочиненіи принадлежать отдѣлы о средней высотѣ большого материка; далѣе, о плоской возвышенности центральной Азіи, о системѣ горъ Куэнлуна; о низменности Каспійскаго моря и его прибрежій противъ уровня океана; затѣмъ, историческо-географическое изслѣдованіе о тогдѣшнемъ теченіи Оксы; равно какъ и свѣдѣніе о сѣжной линіи. Къ сочиненію этому приложены таблицы, показывающія среднюю температуру болѣе 300 различныхъ мѣстностей. Кромѣ весьма богатыхъ географическихъ свѣдѣній объ Уралѣ, волканахъ; о мѣсторожденіи золота, равно какъ и о добываніи золота промывкою на Уралѣ и въ Сибири, и объ алмазахъ въ горахъ; сочиненіе это пополнено пояснительными статьями Станислава Жюльена, относительно китайскихъ историческихъ источниковъ; прибавленіями Клапрота о волканахъ; примѣчаніями Валансьена о тюленяхъ Каспійскаго моря и проч. Сочиненіе вообще весьма богато изслѣдованіями по исторіи и лингвистикѣ и снабжено картою центральной Азіи, начертанной самимъ Гумбольдтомъ и основанной на новѣйшихъ астрономическихъ наблюденіяхъ и измѣреніяхъ возвышенностей. Исчисленіе астрономическихъ наблюденій въ Сибири, вошедшихъ въ это сочиненіе, было послѣдней работою сотрудника Гумбольдта Ольтмана, который, по окончаніи этого труда, умеръ.

Изданіе этого сочиненія требовало присутствія Гумбольдта въ Парижѣ, гдѣ жили его друзья и ученые, въ содѣйствіи которыхъ онъ нуждался; но все таки любовь къ родинѣ манила его и въ Берлинъ и съ конца 1829 года Гумбольдтъ жилъ то въ Парижѣ, то въ Берлинѣ.

Въ 1830 году Европа была потрясена духомъ французской революціи; всѣ народы желали политическихъ переменъ. Пруссія, какъ и вся Германія, была въ весьма затруднительномъ положеніи. Александръ фонъ-Гумбольдтъ въ строгомъ смыслѣ никогда не мѣшался въ политику; но, пользуясь довѣренностью короли Фридриха Вильгельма III и принадлежа въ ученой сферѣ двумъ націямъ — Германіи и Франціи, былъ одинъ способенъ явиться, въ эти критическія минуты, посредникомъ между двумя націями, равно имъ гордившимися и считавшими его своимъ. Вотъ, почему король Фридрихъ Вильгельмъ III и послалъ его, въ сентябрѣ 1830 года, въ Парижъ, привѣтствовать Луи-Филиппа и новую династію.

Исполнивъ это порученіе, Гумбольдтъ въ 1831 году вернулся

въ Берлинѣ, гдѣ встрѣтился съ братомъ, который былъ въ это время въ немилости. Весьма правдоподобно предположить, что Александръ Гумбольдтъ воспользовался королевскимъ расположеніемъ къ нему и своимъ вліяніемъ возвратилъ милость короля брату, которому былъ пожалованъ даже орденъ чернаго орла.

Въ этомъ же году Александръ Гумбольдтъ былъ, вѣроятно, въ Веймарѣ у Гёте; такъ можно, по крайней мѣрѣ, заключать изъ письма Гёте къ Вильгельму Гумбольдту, отъ 1 декабря 1831 года.

«Вашему брату, пишетъ между прочимъ Гёте, котораго незнаю уже какъ и величать, я обязанъ наслажденіемъ, которое онъ доставилъ мнѣ своею дружескою и въ высшей степени внимательною бесѣдою. Хотя его взглядъ на способъ изображенія геологическихъ предметовъ не сходится со моею церебральною системою: но, все таки я убѣдился съ душевнымъ удовольствіемъ и удивленіемъ, какъ даже и то, съ чѣмъ я несогласенъ, все связано у него логически и составляетъ цѣлое въ громадной массѣ его познаній, скрѣпленныхъ его рѣдкою даровитостью.»

Братья Гумбольдты жили въ нѣжнѣйшей дружбѣ, такъ что въ Берлинѣ называли ихъ *нѣмецкими діоскурами*; друзья Вильгельма, какъ напримѣръ: Гёте, Вольфъ, г-жа Варнгагенъ, Корефъ, Котта, Генцъ, и друг. были друзьями и Александра. Послѣднему суждено было пережить большую часть изъ нихъ; такъ: Нибуръ и Штейнъ умерли въ 1831 году, Гёте и Генцъ — въ 1832 году, за ними Гегель и Шлейермахеръ и, наконецъ, 8 апрѣля 1835 года, на рукахъ его умеръ лучший другъ и братъ Вильгельмъ. Еще во время предсмертной агоніи своего брата Александръ Гумбольдтъ писалъ Варнгагену. Въ письмѣ этомъ видна вся сила нѣжной братской любви и отчаяніе скорби; вотъ оно:

«Вы, мой дорогой Варнгагенъ, вы, который не испугаетесь скорби; а разсудительно загляните въ глубину этого чувства, вы, въ это печальное время, должны принять слова любви, которую приносятъ вамъ въ дань оба брата. Страданія его еще не кончились. Я оставилъ его вчера въ 11 часовъ вечера и спѣшу опять туда. Вчерашній день былъ менѣе потрясающъ. Состояніе полудремоты; постоянный, но не безпокойный сонъ и при пробужденіи слова любви и утѣшенія; все таже ясность великаго ума, всеобъемлющаго и сознающаго свое положеніе. Голосъ его былъ очень слабъ, силенъ и дѣтски высокъ; ему поставили на горло пивки. Совершенное сознаніе! — «Вспоминайте обо мнѣ часто, — сказалъ онъ третьяго дня — но радостно. Я былъ очень

счастливъ и нынѣшній день для меня прекрасенъ, потому что любовь выше всего. Скоро я буду у матери и познаю десницу, правящую міромъ.» — Нѣтъ и тѣни надежды; я не думалъ, чтобы мои старые глаза могли пролить столько слезъ. Это продолжается уже восемь дней.»

По смерти брата Александръ Гумбольдтъ, 10 апрѣля, писалъ къ Араго, въ Парижъ: И въ этомъ письмѣ высказывается неменѣе, какъ много потеряло пережившее братское сердце:

«Je suis dans le plus profond abattement. Dans les plus grandes douleurs on pense à ceux, qui nous sont les plus chers; je me sens un peu soulagé en vous écrivant..... Je reste bien isolé.— J'espère, que j'aurai enfin le bonheur, de vous embrasser cette année.....»

Цѣлый годъ послѣ смерти брата, Александръ Гумбольдтъ занимался изданіемъ его обширныхъ изслѣдованій объ языкѣ-Кави. Въ тоже время однимъ изъ главныхъ предметовъ его занятій были, какъ уже сказано, описаніе его путешествія по Азіи, которое требовало дѣятельной переписки съ друзьями въ Россіи и въ Парижѣ. Сверхъ того, онъ былъ занятъ продолженіемъ своихъ давно-начатыхъ «Критическихъ изслѣдованій.»

Въ 1838 году Гумбольдтъ напечаталъ въ журналѣ Котта «Vierteljahrsschrift» политико-экономическую статью «Объ измѣненіи добыванія золота» — примѣненіе къ изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ имъ на Уралѣ.

Въ 1839 и 1840 годахъ онъ нарисовалъ новую гипсометрическую карту цѣпей горъ и вулкановъ въ центральной Азіи, замѣчательную по удивительной точности черченія и состава, которая и приложена къ совершенно передѣланному изданію его изслѣдованій объ Азіи. Появленіе въ свѣтъ этого изданія замедлили отчасти поѣздки Гумбольдта то въ Парижъ, то въ другіе главные европейскіе города; отчасти же, сильно тронувшая его, смерть любимаго и уважаемаго имъ короля прусскаго Фридриха Вильгельма III.

Впрочемъ, отношеніе его ко двору нисколько не измѣнилось и при возшествіи на престолъ Фридриха Вильгельма IV. Новый король, еще будучи кронъ-принцемъ, привыкъ къ сообществу Гумбольдта и потому, тотчасъ же, приблизилъ къ себѣ уважаемаго имъ ученаго, сдѣлавъ его своимъ довѣреннымъ лицомъ и постояннымъ собесѣдникомъ. Не смотря на преклонныя лѣта и множество занятій, Гумбольдтъ принужденъ былъ сопутствовать королю по всюду; въ Санъ-суси, въ Потсдамѣ, вездѣ, куда уѣз-

жалъ король, Гумбольдтъ былъ съ нимъ неразлучно, хотя это и отнимало у него немало драгоцѣннаго времени.

Гумбольдта постоянно занимала астрономическо-математическая географія, которая никогда еще не дѣлала такихъ блистательныхъ успѣховъ какъ въ это время. Своими открытіями Гумбольдтъ проложилъ этой наукѣ совершенно новый путь и неутомимою дѣятельностью воодушевлялъ достойныхъ сподвижниковъ. Это сроднило его съ географіею Америки и съ исторіею навигаціонной астрономіи XV и XVI столѣтій. Онъ является жаркимъ и ученымъ защитникомъ Колумба, котораго не оцѣнили ни современники, ни потомство и, въ своихъ «Критическихъ изслѣдованіяхъ», доказываетъ, что только гениальному уму и призванію Колумба міръ обязанъ открытіемъ Новаго Свѣта.

Приготовивъ, въ 1840 году, къ печати свои диссертациі «О восхожденіи на Чимборазо» и «О средней высотѣ материка», а равно и критическія изслѣдованія о главнѣйшихъ мѣстностяхъ Гвианы, Гумбольдтъ принялся за прерванный въ 1828 году трудъ по «Космосу» и передѣлалъ его совершенно. Въ то же время онъ не прекращалъ занятій по издапію посмертныхъ сочиненій своего брата и, какъ членъ Академической Комиссіи, принималъ дѣятельное участіе въ изданіи сочиненій Фридриха Великаго.

Король Фридрихъ Вильгельмъ IV, въ 1842 году, пригласилъ Александра фонъ-Гумбольдта, въ видѣ особенной чести и отдыха отъ занятій, сопутствовать ему въ поѣздкѣ въ Лондонъ, по случаю имѣющихъ тамъ быть крестинъ принца Валійскаго. Почтенный особенною милостію короля Гумбольдтъ, въ свою очередь, составилъ лучшее украшеніе его свиты; дворъ лондонскій и вся образованная нація отдавала почетъ и оказывала уваженіе знаменитому ученому.

Въ маѣ 1842 года, король Фридрихъ Вильгельмъ IV почтилъ Александра фонъ-Гумбольдта новымъ отличіемъ. Королевскимъ повелѣніемъ была установлена новая степень (Friedens-classe) ордена «Pour le merite», основаннаго Фридрихомъ Великимъ исключительно въ награду отличившимся на войнѣ. Орденъ новой степени назначался ученымъ и художникамъ, и канцлеромъ его былъ сдѣланъ баронъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ.

Замѣчательный человекъ этотъ пользовался не только расположеніемъ своего короля, но и расположеніемъ многихъ высочайшихъ особъ; онъ былъ осыпаемъ отличіями; но звѣзда его гениальности и славы блесгла ярче всѣхъ орденскихъ звѣздъ,

она ихъ затѣвала. Всѣ возможные Академіи и различныя ученныя корпораціи считали за честь назвать своимъ членомъ Александра фонъ-Гумбольдта; каждое ученое предпріятіе, каждое дѣло во имя науки не могло обойтись безъ благословенія и одобренія этого пастыря ученой паствы.

Послѣднее время онъ жилъ постоянно въ Берлинѣ, не разлучаясь съ своимъ коронованнымъ другомъ, которому посвящалъ большую часть своего времени. Всѣ жители Берлина и его окрестностей знали Александра фонъ-Гумбольдта также хорошо, какъ и короля, и отдавали ему почти такія же почести. Гумбольдтъ ходилъ твердыми и мѣрными шагами, съ наклоненной головой, полной мысли; лицо его, добродушное, было полно выраженія достоинства и кротости. Онъ или шелъ опустивъ глаза въ землю или смотрѣлъ на всѣхъ кротно и привѣтливо, безъ всякихъ притязаній гордости, и вѣжливымъ поклономъ отвѣчалъ на всякое привѣтствіе. Въ простомъ, неизысканномъ нарядѣ, иногда съ брошюрой въ заложенныхъ за спину рукахъ, гулялъ онъ вездѣ, одинъ, скромно и безпритязательно; но вездѣ, гдѣ ни показывался, встрѣчалъ знаки уваженія и почетъ; нерѣдко встрѣчныя сворачивали съ дороги, чтобы не помѣшать мысли великаго человѣка. Даже простолюдинъ смотрѣлъ на Гумбольдта съ благоговѣніемъ и, указывая на него, говорилъ товарищамъ:

— Вотъ идетъ Гумбольдтъ!

Кто хоть однажды говорилъ съ нимъ, тотъ никогда не забудетъ впечатлѣнія его легкой, ясной, естественной и простой рѣчи. Во всемъ, что говорилъ онъ, просвѣчивали: глубина, основательность, ясность и положительное знаніе. Нигдѣ не является онъ *нѣмецкимъ*, надутымъ ученымъ и надменнымъ педантомъ. Гумбольдтъ воспитался въ большомъ свѣтѣ; обращеніе его было благородное, открытое, французское, свободное и гибкое; находясь въ сношеніи со всѣми націями, онъ сумѣлъ усвоить только благородныя формы общежитія и гармонически соединить ихъ въ себѣ.

Даже въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ Гумбольдтъ охотно посѣщалъ школьныя скамьи, чтобы здѣсь, какъ говаривалъ онъ самъ студентамъ, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, наверстать то, что онъ упустилъ въ молодости. Зимой 1834 — 1835 г. каждое утро, въ 9 часовъ, можно было найти его въ аудиторіи N VIII; тамъ Глѣкъ читалъ лекціи исторіи греческой литературы и древностей. Гумбольдтъ садился на четвертой или пятой скамьѣ, вынималъ изъ простенькой папки бумагу и

прилежно записывалъ лекцію. Однажды здѣсь случилось съ нимъ довольно забавное происшествіе. Опоздавшіе студенты не узнали Гумбольдта и вытѣснили его со скамьи. Точно также посѣщалъ онъ и лекціи Карла Риттера объ общемъ землевѣдѣніи; даже дурная погода не измѣняла его обыкновенія. Неразъ случалось, что Риттеръ при геогностико-физическихъ вопросахъ цитировалъ Гумбольдта или упоминалъ о немъ; тогда всѣ студенты улыбались сѣдому слушателю, и его присутствіе какъ бы сближало съ нимъ всю аудиторію.

При имени Гумбольдта каждому образованному человѣку открывается цѣлый міръ. Невольно видишь ученаго старца на высотѣ Кордильеровъ и Алтая, заглядывающимъ, подобно пророку, въ неизмѣримую даль неба и въ глубину морскую. Своей дѣятельностью онъ уподобляется ученому солнцу, которое льетъ свои лучи на всю землю, и все соприкосновенное наукѣ затрогиваетъ, согрѣваетъ и оживляетъ. Со всѣми министерствами и учеными академіями онъ былъ въ дѣятельной и постоянной перепискѣ. Этому, конечно, способствовало и его счастливое происхождение; какъ сынъ знатной и богатой фамилии, занимающей почетное мѣсто при дворѣ умнаго государя, онъ пользовался услужливостью почти всѣхъ правительствъ; такіе успѣхи и возможны только знатному и гениальному человѣку. Потому-то только Гумбольдтъ могъ своимъ настояніемъ окружить земной шаръ поясомъ магнитныхъ обсерваторій. Исполненіе его дальнѣйшихъ требованій о наблюденіи надъ измѣненіями магнитной стрѣлки, дѣлаетъ честь правительствамъ. Его ходатайства достаточно было, чтобъ, черезъ весь средній поясъ стараго материка, отъ Пекина до Лондона, устроить рядъ обсерваторій, который увеличился съ 1840 года и былъ проведенъ черезъ каждое полушаріе земли до границъ южнаго полярнаго круга.

Поврбуемъ теперь еще разъ взглянуть на этотъ грандіозный образъ, въ общихъ его очертаніяхъ. Во многія отрасли науки онъ, первый, внесъ ясность и пониманіе. Вообще про него можно сказать, что онъ, первый, привелъ въ порядокъ хаосъ разьединенныхъ изслѣдованій, какъ предковъ нашихъ, такъ и современниковъ, и поставилъ все на свое мѣсто, чтобы составить одно стройное, цѣлое и общее. Что не имѣло закона сдѣлалось подъ его критическимъ взглядомъ положительнымъ; уединенное нашло свои родственныя группы и, такимъ образомъ, общая, соединенная жизнь природы подчинилась пытливому уму человѣка. Гумбольдтъ былъ основателемъ сравнительнаго землеопи-

санія, основателемъ новаго ученія объ образованіи земли; онъ съ другомъ своимъ Леопольдомъ Бухомъ, указалъ на постоянную вулканическую дѣятельность, которая имѣла самое большое вліяніе на образованіе земли; отринувъ ученіе своего наставника Вернера (Neptunismus), такъ какъ оно не согласовалось съ его изслѣдованіями. Онъ былъ основателемъ ботанической географіи, совершенно новаго ученія о законахъ умноженія растений; онъ открылъ новый свѣтъ, съ новыми формами явленій, съ новой жизнью, новыми нравами, языкомъ и говорящими остатками неизвѣстныхъ древностей. За тѣмъ онъ былъ реформаторъ и учитель новой картографіи въ точнѣйшемъ и обширнѣйшемъ представленіи величайшихъ земель; онъ былъ представителемъ совершенно новой, имъ созданной, а теперь уже развитой, естественной науки. Онъ былъ основателемъ новой школы, которая соединяетъ исторію человѣка съ физическими науками. Наконецъ, ему обязана математическая, точная метода изслѣдованій. Если мы взглянемъ на его способъ изложенія въ описаніяхъ и на художественную ихъ сторону, и здѣсь признаемъ справедливость извѣстнаго изреченія: «le style, c'est l'homme.» Всѣ его сочиненія отличаются прекраснымъ увлекательнымъ слогомъ, хотя часто въ нихъ трактуется о предметахъ, по сущности своей, довольно сухихъ и серьезныхъ. Слогъ Гумбольдта всегда и вездѣ простъ, неизысканъ, легокъ, плавенъ, ясенъ и изященъ. Всѣ ученія его сочиненія внушаютъ невольное довѣріе; его изображенія природы, безъ лишнихъ словъ, представляютъ вѣрныя картины мѣстности. Нигдѣ впечатлѣнія не преувеличены. Посреди повѣствованія часто встрѣчаются: остроты, игривость, доходящая до юмора; вездѣ юный, свѣжій взглядъ на предметъ, возводящій простыя сцены природы и жизни до поэзіи. Только Гумбольдтъ умѣетъ представить возвышенныя сцены, безъ всякихъ риторическихъ фигуръ, однимъ вѣрнымъ изображеніемъ природы; все равно, — идетъ ли рѣчь о бурномъ океанѣ, о саваннахъ въ средней Америкѣ, тропическихъ, дремучихъ лѣсахъ; о пустыняхъ или пропастяхъ въ перуанскихъ или мексиканскихъ цѣпяхъ горъ; о совершенно голыхъ, снѣжныхъ вершинахъ или, наконецъ, о высокихъ и страшныхъ водканахъ.

Гумбольдтъ такъ увлекателенъ въ изображеніяхъ тропическихъ странъ, что читатель забываетъ, самъ-ли онъ видѣлъ всѣ эти картины природы, или знаетъ ихъ только по живому описанію. Гумбольдтъ не любилъ выставляться; онъ всегда откровенно и ясно показывалъ и плоды собственныхъ наблюденій,

и то, что онъ заимствовалъ изъ чужихъ источниковъ или взялъ какъ вспомогательное своему объясненію. Такой характеръ сочиненій совершенно согласуется съ личною откровенностью Гумбольдта и его ученою добросовѣстностью. Въ счастливой памяти этого великаго ученаго хранилось такое множество знаній, что онъ, садясь за сочиненіе, едва справлялся съ этимъ богатствомъ, вѣчно неистощимымъ источникомъ. Почти всѣ свои сочиненія Гумбольдтъ писалъ на французскомъ языкѣ, какъ болѣе принятомъ въ образованномъ мірѣ; такимъ образомъ они сдѣлались извѣстны всѣмъ народамъ и съ удивительною быстротою проникли въ отдаленнѣйшія страны. Сочиненія Гумбольдта переведены и переводятся почти на всѣ европейскіе языки; такъ: Виммеръ и Левенбергъ перевели ихъ на нѣмецкій языкъ; Вильямсъ и Макгильорей на англійскій; нѣкоторыя изъ сочиненій Гумбольдта были переведены на нѣмецкій языкъ, подъ его собственнымъ руководствомъ.

Трудно, да едва ли и возможно, отдать полный и точный отчетъ о долговременныхъ, часто прерывавшихся и измѣнявшихся трудахъ Александра Гумбольдта. Онъ справедливо считается вторымъ Колумбомъ и весьма вѣроятно, что, безъ его путешествій, эманципация испанскихъ колоній отдалась бы на нѣсколько вѣковъ. Плоды шестилѣтняго путешествія Гумбольдта по тропическимъ странамъ вышли подъ разными названіями и учеными подраздѣленіями, съ присовокупленіемъ картъ и гравюръ. Вотъ ихъ перечень:

«Essai sur la Géographie des Plantes», 1 т. in 4°; подробнѣе:

«Prolegomena de distributione geographica plantarum secundum coeli temperiem et altitudinem montium», 1817, 1 Vol. 8°.

Tableau des plantes équinoxiales depuis le niveau de l'Océan jusqu'à 400 mètres de hauteur. 1809. 2 m. in f°.

Monographie des Rhexia et des Melasthones, 2 m. in f°.

Famille des Mimosacées et autres plantes légumineuses 1 m. in f°.

Graminées rares de l'Amérique équinoxiale. 2 m. in f°.

Nova Genera et Species plantarum. 7 m. in f°.

Géographie des plantes, rédigée d'après la comparaison des phénomènes que présente la végétation dans les deux continens.

Observation de Zoologie et d'Anatomie comparée 2 m. in 4.

Observation Astronomique. 2 m. in 4.

Essai sur le gisement des roches dans les deux hémisphères. 1 m. in 8°.

Tableau physique des régions équinoxiales. 1 m. in 4.

Atlas pittoresque или Vues des Cordillères et des monuments des peuples indigènes de l'Amérique. 1 m. in f°.

Essai politique sur le royaume de la nouvelle Espagne, 1811, 2 m. in 4°.

Atlas géographique et physique. 19 тетрадей.

Examen critique de l'histoire de la géographie du Nouveau Continent et des progrès de l'Astronomie nautique dans le XV et XVI siècles. Paris. 1836 — 1838. 5 m. in 8°.

Essai politique sur l'île de Cuba, avec une carte et un supplément, qui renferme des considérations sur la population, la richesse territoriale et le commerce de l'Archipel des Antilles et de Colombie. 1827, 2 m. in 8°.

Tableau statistique de l'île de Cuba, pour l'années 1825 — 1829, 1 m. in 8°.

Relation historique du voyage aux régions équinoxiales du nouveau Continent 3 m. in f°.

Въ дополненіе къ этому перечню должно прибавить, наконецъ, нѣсколько словъ о вѣнцѣ творчества Александра фонъ-Гумбольдта, о произведеніи, которое было плодомъ его шестидесятилѣтней дѣятельности и которое завѣщалъ онъ, какъ вѣчный памятникъ по себѣ, всей германской націи. Каждый пойметъ, что дѣло идетъ о «Космосъ». Началомъ этого безсмертнаго сочиненія послужили лекціи Александра Гумбольдта. Онъ читалъ ихъ, какъ извѣстно, безъ записокъ и только по неотступнымъ просьбамъ всѣхъ слушателей рѣшился написать ихъ и издать. Онъ принялся за дѣло еще въ 1827 году, но по разнымъ обстоятельствамъ долгое время намѣреніе это не удавалось ему и только съ 1844 года стало, наконецъ, выходить огромное сочиненіе, которое едва кончилось за годъ до кончины гениальнаго автора.

Космосъ — очеркъ физическаго описанія вселенной. Сочиненіе это, отличаясь общепонятнымъ языкомъ и глубокими учеными изслѣдованіями, представляетъ въ одномъ цѣломъ всѣ труды Гумбольдта и стоитъ на такой высотѣ, что нѣтъ произведенія ему равнаго. При составленіи его, Гумбольдтъ взялъ въ образецъ «Exposition du système du monde» Лапласа, какъ упоминаетъ онъ самъ.

«Наши сосѣди по ту сторону Рейна, говорятъ онъ, имѣютъ безсмертное сочиненіе Лапласа о системѣ міра, въ которомъ онъ приводитъ результаты глубокомысленнѣйшихъ математико-астрономическихкихъ изслѣдованій прошедшихъ столѣтій; не смотря на

нѣкоторыя доказательства, строеніе неба представляется ему простымъ рѣшеніемъ большой проблемы механики.

Хотя и правда, что сочиненіе Лапласа безсмертно и прекрасно, всякій безпристрастный судья, сравнивая образецъ съ подражаніемъ, сознаетъ, однакожь, что «Космосъ» Гумбольдта далеко выше сочиненія Лапласа.

Сочиненіе Лапласа, во 1-хъ, не такъ удобопонятно, не такъ доступно дилетанту въ естественныхъ наукахъ, а болѣе писано для специалиста; во 2-хъ, оно отстало отъ изслѣдованій на цѣлые полвѣка, въ теченіи котораго естественныя науки расширились, усовершенствовались и обогатились многими открытіями въ химіи; въ 3-хъ, Лапласъ собиралъ свои свѣдѣнія въ кабинетѣ; въ 4-хъ, наконецъ, у Лапласа всѣ отрасли естественныхъ наукъ, всѣ его изслѣдованія и открытія минувшихъ столѣтій поставлены въ тѣсную зависимость отъ астрономіи и математики.

Напротивъ, весь «Космосъ» Гумбольдта почерпнуть изъ житренещущей жизни; онъ показываетъ намъ и самую астрономію во всей ея цѣлости, но только какъ часть природы и говорить о землѣ и дѣйствительной жизни, какъ о предметахъ возвышенныхъ. Гумбольдтъ не идетъ ни отъ точки трансцендентальной, ни отъ точки спекулятивной, стаю быть ни отъ точки пристрастной; но придерживается дѣйствительности и изслѣдованій, изъ сравненія которыхъ извлекаетъ общіе законы, и, такимъ образомъ, составляетъ систематическій порядокъ и цѣлое. Онъ самъ говорить объ этомъ такъ:

«Содержаніе всѣхъ опытныхъ знаній и философія природы, которая закончена во всѣхъ своихъ частяхъ (если такая законченность возможна) не могутъ противорѣчить другъ другу, если философія природы, по своему назначенію, есть разумное пониманіе дѣйствительныхъ явленій во вселенной. Гдѣ же оказывается противорѣчіе, вина падаетъ на пустоту спекуляцій или на самонадѣянность экспериментаторовъ, которые придаютъ опытамъ значенія болѣе, чѣмъ они заслуживаютъ. Но злоупотребленія и ложное направленіе умственнаго труда не должны вести насъ къ взгляду, оскорбительному для разума, представляющему міръ мысли областью фантастическихъ вымысловъ и допускающему, что философія можетъ грозить сокровищницѣ изслѣдованій, основанныхъ на опытѣ и собранныхъ въ теченіи многихъ столѣтій. Духу нашего времени не подобаетъ отвергать популяриность мысли и опыта, основаннаго на индукціи и аналогіи, какъ безосновательную гипотезу. Не подобаетъ осуждать ни разума,

доискивающегося связи между отдѣльными проявленіями природы, ни живости воображенія, необходимой во всѣхъ открытіяхъ и во всякомъ творчествѣ».

Въ заключеніе заставимъ опять самого Гумбольдта высказать его опредѣленіе природы и взглядъ на задачу возможности и трудности изслѣдованій и пониманія природы; никто, конечно, не выскажетъ это лучше безсмертнаго автора «Космоса».

«Для мыслителя природа есть единство въ многосложности, соединеніе разнообразнѣйшаго по формѣ и составу, совокупность силъ и предметовъ, какъ живое и цѣлое. По этому важнѣйшій результатъ всякаго разумнаго физическаго изслѣдованія знаковъ: признавать въ многосложности—единство, не упускать изъ виду частныхъ, переданныхъ намъ изслѣдованій послѣднихъ столѣтій, оцѣнивать ихъ и распредѣлять, сохраняя власть подъ массою матеріаловъ и сознавая высшее назначеніе человѣка, отыскивать смыслъ природы, затаенный въ ея явленіяхъ. Стремленіе этимъ путемъ переносить насъ за предѣлы тѣснаго круга чувственности и, понявъ природу, мы можемъ подчинить нашей мысли эти неразработанные матеріалы опытной наглядности».

Не дерзая принять на себя критическаго разбора великихъ произведеній великаго человѣка, мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько словъ, сказанныхъ, въ память его, ординарнымъ академикомъ Бэротъ.

«Не только современники признавали его корифеемъ: то же сдѣлаетъ и отдаленнѣйшее потомство. Если спросимъ, въ самомъ дѣлѣ, какіе люди заслуживаютъ наименованіе *великихъ*? то, конечно тѣ, которые оставили по себѣ глубокой и продолжительный слѣдъ: отвѣтъ едва ли можетъ быть инаковъ. Тѣхъ государей искони называли великими, дѣятельность которыхъ надолго оставалась плодотворной: это мѣрило одинаково примѣнимо и въ другихъ кругахъ дѣятельности. А по этому мѣрилу величіе Гумбольдта, съ теченіемъ времени, все ярче будетъ выступать предъ глазами потомства, потому что истинное величіе, въ умственномъ мірѣ, какъ и въ физической природѣ, не теряетъ отъ разстоянія, а только выигрываетъ. Каждая тропинка, по которой проходилъ онъ, скоро становилась широкою дорогою научнаго изслѣдованія, потому что каждую онъ направлялъ туда, откуда должно было ожидать свѣта.

«Его разсужденіе объ изотермахъ, заброшенное въ журналъ, до-тѣхъ-поръ мало извѣстный, сдѣлалось зародышемъ всѣхъ новѣйшихъ, обширныхъ и основательныхъ изысканій о метеоро-

логии. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія точныя метеорологическія наблюденія обыкновенно считались, даже истинно учеными людьми, за невинное, но вмѣстѣ и бесполезное занятіе; теперь весь шаръ земной опоясанъ сѣтью метеорологическихъ станцій. Эта сѣть есть твореніе *Гумбольдта*, и можетъ-быть недалеко то время, когда способность странъ производить полезныя растенія будутъ опредѣлять термометромъ и гигрометромъ, ибо произрастеніе есть процессъ химико-физическій.

«Почти стольже обильны были послѣдствіями въ-теченіе полустолѣтія *Гумбольдтова* «Идеи о географіи растеній».

«Точно также есть цѣлые потоки ученаго изслѣдованія, которыми продолжается вліяніе покойнаго, и многіе слѣдуютъ потоку, не вспоминая о томъ, кто первый открылъ шлюзы. Нынѣ самыя недалёковидныя умы понимаютъ, что исторію народа составляютъ не именныя списки его влестителей, не число выигранныхъ или проигранныхъ сраженій, а духъ народовъ въ связи съ окружающею ихъ природою; но и теперь, быть-можетъ, лишь немногіе сознаютъ, что живое изображеніе вліянія вѣшной природы на жизнь народовъ, изложенное въ «Картинахъ Природы», много содѣйствовало тому, что изъ сухихъ гѣтописныхъ сказаній возникла исторія развитія человѣческихъ обществъ.

«Послѣ того, какъ *Гумбольдтъ* въ цвѣтѣ лѣтъ, съ свѣжими силами молодости, съ богатымъ запасомъ познаній и еще съ большимъ даромъ проникательности, изъ конца въ конецъ прошелъ по обширнымъ испанскимъ владѣніямъ Америки, которыя считались до-тѣхъ-поръ умышленно-замкнутыми для иностранцевъ, послѣ того, какъ онъ со всѣхъ сторонъ изобразилъ эти страны въ отношеніи къ природѣ и человѣку въ своихъ сочиненіяхъ, снискавшихъ уваженіе даже въ высшихъ слояхъ общества, ни одно изъ европейскихъ правительствъ не держится болѣе той мысли, что ученое изслѣдованіе страны противно интересамъ государственнымъ. Съ-тѣхъ-поръ этотъ взглядъ предоставленъ лишь татарскимъ и китайскимъ государствамъ Азіи.

«Въ исторіи ученыхъ путешествій, вслѣдствіе странствованій *Гумбольдта*, явилось два стремленія: во-первыхъ, рядъ многостороннихъ наблюденій, иногда даже выходившихъ за предѣлы ихъ назначенія, и во-вторыхъ, сильное стремленіе путешественниковъ въ Америку, тагда-какъ до тѣхъ поръ они были направлены, по преимуществу, на новѣйшую часть свѣта. Въ Америку влекло путешественниковъ частію величественное изображеніе грандіозной природы у *Гумбольдта* и желаніе испытать ея впечатлѣнія на

себѣ самомъ, а частію желаніе изслѣдовать на югѣ и сѣверѣ страны, не посѣщенные знаменитымъ путешественникомъ. Теперь Америка, послѣ Европы, наиболѣе извѣстная часть свѣта и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже извѣстнѣе Европы.

«Если мы нынѣ гораздо-опредѣлительнѣе представляемъ себѣ Азію, по-крайней мѣрѣ ея западную половину, не Гумбольдту ли особенно мы тѣмъ обязаны? И кромѣ большихъ путешествій, совершенныхъ имъ самимъ, сколько другихъ, по всѣмъ частямъ свѣта, состоялось только благодаря его участію? Всѣ помнятъ великія экспедиціи въ область Нила и въ центральную Азію; но исчислить всѣ путешествія, осуществленные при содѣйствіи *Гумбольдта*, не легко даже будущему его биографу.

«Разширимъ-ли мы взглядъ еще больше, и тамъ увидимъ, что Гумбольдтъ поспрыгалъ всякое ученое стремленіе, какъ едва-ли кто другой. Онъ былъ отцомъ всѣхъ посвящавшихъ себя наукѣ, и въ нашемъ кругу, конечно есть люди, которые чувствуютъ себя ему обязанными. Высоко ставилъ Гумбольдтъ всякое серьезное стремленіе въ пользу науки. Какъ-бы ни казалось оно по мнѣнію другихъ мелочнымъ и одностороннимъ, ему, привыкшему обозрѣвать совокупность вещей въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, было ясно, что всякое изслѣдованіе ведетъ къ истинѣ. Исканіе истины признавалъ онъ за самое высшее *преимущество* человѣка и вмѣстѣ за высшую его *задачу*. Какъ высоко цѣнилъ онъ науку, такъ онъ чувствовалъ потребность высоко ставить и назначеніе человѣка. Это, можетъ быть, не столько результатъ изслѣдованія, сколько внушеніе высокаго прозрѣнія, которое можно назвать *опшнмъ*. Если-бы отъ насъ потребовали изображенія его въ краткихъ чертахъ, мы сказали-бы, что онъ многостороненъ и точенъ, какъ наблюдатель, глубокъ и дальновиденъ, какъ мыслитель, и возвышенъ въ своихъ прозрѣніяхъ.

«Все ученое его поприще, дѣйствительно, представляется стремленіемъ къ великому и высокому. Двадцатилѣтнимъ юношей онъ началъ свою жизнь для науки изслѣдованіемъ базальта и перешелъ къ первымъ слабымъ слѣдамъ органической растительности въ темныхъ *Фрейцбургскихъ* шахтахъ; въ зрѣломъ мужествѣ онъ обогатилъ содержаніемъ и часто новымъ направленіемъ физіку, химію, географію, ботанику, зоологію, физиологію и исторію человѣчества; 90 лѣтнимъ старцемъ, онъ закончилъ свое поприще изображеніемъ мірозданія съ его небесными свѣтилами.

«Такъ невѣдомая сила, называемая нами судьбою, поставила его въ благопріятное общественное положеніе, съ средоточіе

нѣмецкой науки, надѣлила обильнѣйшими дарами ума и сердца, и для употребленія ихъ даровала ему долголѣтнюю жизнь. Прекраснѣйшее развитіе всѣхъ этихъ даровъ въ теченіе долгой жизни — вотъ *его* заслуга!

«Но всѣ плоды, какіе только принесли эти дарованія и его труды, онъ всегда считалъ достояніемъ всего человѣчества, а не свою личную собственность: потому-то изъ всѣхъ родовъ литературной дѣятельности полемика была такимъ поприщемъ, на которое ему противно было выступать.

«Чистъ, безъ малѣйшаго пятна, переходитъ въ потомство его образъ. Дѣло потомства понять и воспроизвестъ этотъ образъ во всехъ его величіи.»

Еще въ началѣ нынѣшняго года Александръ Гумбольдтъ почувствовалъ себя нездоровымъ; это встревожило и заняло всю образованную Европу; съ волненіемъ справлялись почитатели великаго человѣка (а кто изъ просвѣщенныхъ людей не былъ его почитателемъ) о состояніи его здоровья; то оживала, то слабѣла надежда... Съ конца апрѣля (н. с.) Гумбольдтъ впалъ въ состояніе полудремоты и черезъ двѣ недѣли, 6-го мая, уснулъ сномъ непробуднымъ на 90 году своей необыкновенно-дѣятельной и полезной жизни...

10 мая въ берлинскомъ кафедральномъ соборѣ отпѣли Александра Гумбольдта, съ величайшими почестями, какія только государь и народъ могли оказать великому человѣку, составляющему гордость націи. Рассказываютъ, что здѣсь чья-то святотатственная рука похитила съ груди покойника алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго.

11-го мая бранные останки его перевезены на наслѣдственное кладбище, въ Тегель. На церковномъ торжествѣ присутствовали или участвовали въ погребальномъ шествіи принцъ-регентъ, всѣ проживающіе здѣсь члены королевской фамиліи, министры, высшіе сановники, генералы, академія, университетъ, гимназіи и городскія начальства.

Въ этомъ доблестномъ мужѣ Пруссія потеряла свою гордость и славу въ ученomъ мѣрѣ, которыя оспаривала у нея Франція; въ этомъ знаменитомъ старцѣ Европа потеряла высокаго представителя своей учености; въ этомъ великомъ человѣкѣ наука потеряла солнце, которымъ озарялась она болѣе полулѣта!...

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ (ЭЛЕМЕНТАРНОМЪ) ОБУЧЕНИИ, КАКЪ ИСХОДНОМЪ МОМЕНТЪ ОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(Посвящается матерямъ и отцамъ семействъ.)

Статья первая.

Каждому изъ насъ случалось слышать отъ умныхъ и свѣтски-образованныхъ людей сѣтованія на поверхностность полученнаго ими образованія, на недостатокъ въ немъ глубины и основательности.

Мы всѣ учились по-немпогу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь...

сказалъ Пушкинъ, который, во всякомъ случаѣ, воспользовался не сравненно лучшимъ образованіемъ, нежели каково образованіе, выпадающее на долю большинства изъ его соотечественниковъ.

Нерѣдко вчужѣ поражаетъ насъ неосновательность образованія даже въ людяхъ съ глубокими спеціальными познаніями, съ нѣкоторымъ именованіемъ въ наукѣ или на гражданскомъ поприщѣ. Такъ и мечется въ глаза случайность, отрывочность, разладъ ихъ познаній съ жизнью. Такъ и сквозятъ швы этой искусственной оболочки, въ которую зашитъ нравственный міръ ихъ, независимо и часто вопреки дѣйствительнымъ потребностямъ ихъ духа, по одному стеченію случайныхъ обстоятельствъ или по предразсудку, по капризу родителей или родственниковъ.

Иногда встрѣчаются намъ образованные люди, которые не умѣютъ устроить своей внѣшней жизни и ведутъ свои дѣла ничѣмъ не лучше безпомощныхъ пдіотовъ или совершенныхъ невѣждъ. Образованіе ихъ, каждый разъ, когда должно быть приложено къ жизни, оказывается бесплоднымъ, непримѣннымъ, негоднымъ. Но имъ и въ голову, большею частію, не приходитъ обвинять образованіе: по ихъ мнѣнію, виновата во всемъ жизнь!.. Особенно часты примѣры такого недостатка практическаго смысла между, такъ-называемыми, учеными, т. е. людьми, которыхъ масса познаній, въ сравненіи съ количествомъ познаній каждаго изъ ихъ согражданъ, громадна, и изъ которыхъ многіе, съ нашего позволенія, не умѣютъ порядкомъ носа высморкать. Вслѣдствіе частаго повторенія примѣровъ такого ученаго юродства, въ толпѣ людей неученыхъ и даже необразованныхъ утвердилось понятіе, что наука не только не приноситъ пользы, напротивъ, раздвужая съ пракческою жизнью, вредитъ матеріаль-

ному благосостоянію и дѣлаеть чудакомъ. Чувствуете? здѣсь слово «чудакъ» есть родъ комплимента.

Также почти каждый день случается намъ видѣть людей, окончившихъ курсъ образованія, даже имѣющихъ ученые степени, но въ которыхъ не замѣтно гуманное вліяніе науки на нравы. Особенно часты такіе примѣры тамъ, гдѣ домашнее воспитаніе не могло приготовить къ принятію очеловѣчивающаго вліянія науки. Здѣсь аттестатъ не мѣшаетъ ни взяточничеству, ни казнокрадству, ни самому отвратительному цинизму въ отношеніяхъ съ другими людьми, ни пристрастію къ сивухѣ и т. д. Тутъ наука, въ сыромъ не переваренномъ состояніи, уживается рядомъ съ самыми дикими понятіями, воззрѣніями и поступками.

Наконецъ, на каждомъ шагѣ мы видимъ и слышимъ въ обществѣ отрицаніе того, чтобы наука была обязательна для жизни. Всякій изъ насъ слышалъ, а многіе и сами повторяли выраженія въ родѣ слѣдующихъ:

— Да, вѣдь, это только говорится! Нельзя же жить какъ по нотамъ. Все хорошо на своемъ мѣстѣ: философія не дастъ мнѣ куска хлѣба. То, что вы называете недостатками, болѣе ничего, какъ уступки требованіямъ вѣка, условіямъ нашего гражданского быта... и проч. и проч.

Лучше всего мы убѣдимся въ разладѣ современнаго образованія съ жизнью, если примемся за добросовѣстную повѣрку самихъ себя, за разборъ того, чѣмъ мы обязаны цивилизаціи своего времени. Разсмотримъ ли мы массу своихъ познаній, свое умственное достояніе, добытое мозольнымъ трудомъ дѣтства и юности, безпрестанно встрѣтимся съ пробѣлами, недостатками, безсвязностію, безпричинностію и неясностію своихъ понятій о предметахъ, преподанныхъ намъ. Между нашими познаніями очень часто встрѣчаются такія, которыхъ мы, добровольно, по внутреннимъ побужденіямъ, никогда не приобрѣли бы, потому что они ни къ чему равно не пригодны намъ. А между тѣмъ, приобретеніе этихъ ненужныхъ познаній отняло у насъ много драгоценнаго времени, которое пригодилось бы на приобретеніе существенно необходимыхъ свѣдѣній, которыхъ намъ не достать. Безпрестанно попадаютъ намъ, въ нашей памяти познанія, которыя не согласны съ нынѣшнимъ состояніемъ науки, устарѣлы, отстали, приняты на слово, на вѣру, потому что сообщены намъ въ дѣтствѣ, когда отъ насъ требовали слѣпago довѣрія авторитету учителя, и потомъ удержались по свойственной намъ лѣни и равнодушію къ наукѣ. Сужденія наши о пред-

метахъ, большею частью, не окритикованы, множество словъ, выражений употребляются нами на угадъ, безъ яснаго сознанія принадлежащаго имъ вѣса. Часто намъ кажется, что мы знаемъ какой-нибудь предметъ, а начнемъ говорить о немъ, и выходитъ какой-то хаосъ словъ, терминовъ, громкихъ фразъ. Отсюда вытекаетъ для насъ невозможность опредѣлить: на чемъ мы остановились въ наукѣ, съ чего намъ начать, чтобы пополнить свое образованіе въ извѣстномъ отношеніи, что, изъ существеннаго, забылось и должно быть реставрировано въ памяти, что, какъ не существенное, можетъ остаться въ забвеніи. Ибо, во всей нашей наукѣ, существеннымъ всегда жертвовали блестящему или случайно-нужному.

Точно то-же увидимъ мы, если захотимъ повѣрить благотворное вліяніе науки на наше нравственное бытіе. У одного изъ насъ ученіе развило умъ въ ущербъ сердцу и воображенію; на воображеніе другаго оно дѣйствовало на подобіе того, какъ дѣйствуетъ наглухо замазанная крышка на чанъ, въ которомъ кипятятъ воду: когда паровъ сопрется подъ крышкою достаточное количество, пары срываютъ крышку, или даже разрываютъ весь чанъ.

Всякій изъ насъ чувствуетъ, что могъ лучше, полиѣе, совершеннѣе развиться, что домашняя и школьная наука многое подавила, помяла въ немъ, на многое не обратила вниманія, многому хорошему даже намѣренно не дала ходу. Во многихъ изъ насъ она родила несоразмѣрное, щекотливое самолюбіе, въ другихъ совершенно подавила самоувѣренность нужную для практической дѣятельности.

— Я былъ гениальнымъ ребенкомъ! твердитъ господинъ N, меня не умѣли повести свойственною мнѣ дорогою.

— Я былъ бы министромъ, если бы мнѣ дали надлежащее образованіе! говаривалъ одинъ знакомый моего отца, и эта мысль заставила его впоследствии запыться до смерти.

— Чтò я! при всякомъ случаѣ твердитъ мнѣ человекъ одаренный отъ природы огромными способностями, но лѣнивый по темпераменту и вслѣдствіе воспитанія. Помилуйте, такіе-ли у насъ есть люди, да все-таки ничего не успѣваютъ сдѣлать. А я человекъ съ самыми джужинными способностями. Вѣдь я самъ лучше знаю, чего стою. Конечно, тутъ въ провинціи, на безлюдья, еще кое-какъ сльвешъ человекомъ, а пустись-ко туда, въ Петербургъ... забросаютъ шапками.

И этотъ господинъ, который вездѣ занялъ бы замѣтное мѣсто, сидитъ въ своемъ уѣздномъ городишкѣ, довольствуясь тѣмъ, что его выбрали въ исправники.

Случалось ли вамъ, читатель, въ рѣшительныя минуты жизни, когда вамъ предстояло избрать новую или перемѣнить прежнюю карьеру, обращаться къ самому себѣ съ вопросомъ: — Къ чему я пригоденъ вслѣдствіе своего образованія, которымъ такъ горжусь!

И если, сдѣлавъ этотъ вопросъ, вы всматривались въ самого себя, то случилось ли вамъ быть пораженнымъ картиною хаоса въ вашихъ познаніяхъ, вкусахъ, наклонностяхъ и потребностяхъ, порожденныхъ образованіемъ, доставшимся на вашу долю. Не были ли вы поставлены, въ эту минуту, въ положеніе пловца, у котораго нѣтъ ни карты, ни компаса. Не убѣдились ли вы, вслѣдствіе этого, что наука, приобрѣтенная вами, какъ то странно раздвоена съ жизнью, въ разладѣ съ нею и не приложима къ ней. Но если такъ, то къ чему же служить наше образованіе? Неужели мы учились только для того, чтобы слыть образованными людьми и кичиться этимъ передъ такъ-называемымъ необразованнымъ народомъ! Неужели наше образованіе имѣетъ единственной цѣлью придать намъ наружный лоскъ, а до внутренняго человѣка ему дѣла нѣтъ? Что въ этой наукѣ, которая не приложима къ жизни, бесплодна для практическаго быта? Что въ этой наукѣ, когда въ такія минуты, о которыхъ мы выше сказали, мы принуждены бываемъ отдаваться на волю случая и общественной рутины, въ надеждѣ, что они донесутъ насъ до какого-нибудь результата. Донесутъ — но какъ? Чтò, въ теченіи этого бессознательнаго пути, станется съ нашимъ внутреннимъ человѣкомъ! Рутинна, которой мы безпрекословно ввѣряемся, поглотитъ насъ, лишивъ и послѣдней тѣни самоопредѣленія, сгладивъ самобытныя черты нашей нравственной физиономіи, убивъ благородныя стремленія, возвышенныя побужденія нашихъ поступковъ, сдѣлавъ изъ насъ одну изъ тѣхъ безличныхъ личностей, одно изъ тѣхъ существъ безразлично, почти бессознательно, во всякомъ случаѣ, безъ магійшаго призванія, помогающихъ вертѣться колесамъ общественной машины. Изъ человѣка, мечтающаго объ улучшеніяхъ въ общественномъ быту, стремящагося къ добру, къ истинѣ, сострадающаго язвамъ, недостаткамъ общества, озабоченнаго своею ролью въ немъ, рутина сдѣлаетъ эгоиста-чиновника, бережливаго помѣщика, завистливаго ученаго, или, такъ-называемаго, свѣтскаго человѣка, проводящаго дни и

ночи въ обществѣ хорошаго тона и утрачивающаго въ самомъ себѣ всякій тонъ, всякую самобытность. Впрочемъ чего же большего и ожидать отъ рутины?

Но почему же мы принуждены вѣряться ей? Потому-что избраніе самостоятельнаго пути предполагаетъ подготовленность, ясный взглядъ на наше призваніе, безпристрастную оцѣнку всѣхъ многообразныхъ общественныхъ профессій, и прежде всего, предполагаетъ твердую точку отправленія, однимъ словомъ, предполагаетъ въ насъ основательное образованіе.

Скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что мы понимаемъ подъ основательнымъ образованіемъ.

Основательное образованіе, по нашему мнѣнію, отличается отъ блестящаго тѣмъ, что не бросается въ глаза своимъ метеорическимъ блескомъ, — отъ много-сторонняго тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ ничего незаключеннаго, несведеннаго (*flottant*); — отъ спеціальнаго тѣмъ, что даетъ намъ ключъ ко всѣмъ жизненнымъ профессіямъ, — отъ современнаго тѣмъ, что имѣетъ корень и цѣль въ жизни, въ человѣческой природѣ вообще, а не въ извѣстномъ условномъ порядкѣ вещей, и не въ соглашеніи нѣсколькихъ ученыхъ или даже ученыхъ корпорацій. Основательное образованіе не двоится съ жизнью, а напротивъ входитъ въ нее, какъ необходимый элементъ, какъ сознаніе самой жизни. Конечная цѣль его — всестороннее развитіе человѣка и приведеніе для него въ сознаніе его собственной жизни и отношеній его къ остальному міру.

Къ этой цѣли основательное образованіе идетъ такъ прямо и вѣрно, что, на всѣхъ точкахъ своего пути, заключаетъ въ самомъ себѣ, въ своемъ планѣ, масштабъ пройденнаго и остающагося непройденнымъ пути и указаніе направленія, которому должно слѣдовать для достиженія цѣли. Изъ этого слѣдуетъ, что основательное образованіе, когда бы ни было прервано случайными обстоятельствами, не можетъ стать ни полуобразованіемъ, ни поверхностнымъ образованіемъ, ибо ученикъ, на всякой точкѣ своего стремленія къ нему, имѣетъ полный, завершенный въ себѣ кругъ основательныхъ познаній, съ которыми безпрепятственно можетъ самъ продолжать свое образованіе. Потому основательно образованнымъ можетъ быть человѣкъ, и не окончившій своего образованія. Мало того, основательное образованіе, какъ только въ человѣка вложены первыя сѣмена его, становится силою въ нравственномъ мірѣ, силою, въ самой себѣ имѣющею

свои побужденія и неустанно стремящемуся къ расширенію горизонта нашего знанія, къ развитію нашего духа.

Основательное образованіе не гонится за много-сторонностью, потому что ходъ его строго опредѣленъ цѣлью; не смотря на то, оно, во всѣхъ точкахъ своихъ, представляетъ замкнутое цѣлое самыхъ разнородныхъ познаній. Основательное образованіе должно привести большинство людей къ совершенной специальности, потому что, съ одной стороны, обнаруживаетъ пробѣлы, недомолвки и несовершенства, оставшіеся въ наукахъ, искусствахъ и промышленности, съ другой, пробуждаетъ въ насъ голосъ внутренняго призванія и потребность слѣдовать ему. Наконецъ, основательное образованіе современно, но только въ томъ смыслѣ, что оно результатъ всего дознаннаго и прожитаго прежними поколѣніями, и точка отправленія для будущихъ.

Будучи приготовленіемъ къ спеціальному образованію, оно, въ то же время, дѣлаетъ насъ способными не только къ одному опредѣленному поприщу, не только къ тому, чтобы мы стали хорошими воиномъ, ученымъ, чиновникомъ, ремесленникомъ или купцомъ, а къ тому, чтобы, на всякомъ изъ этихъ поприщъ, которое мы, согласно своему призванію, ни избрали бы, были добросовѣстнымъ и полезнымъ членомъ человѣческаго общества. Основательное образованіе пригодно человѣку ко всему и во всѣхъ положеніяхъ, потому что оно солнце жизни. Оно не только освѣщаетъ жизненный путь, но и согрѣваетъ весь нравственный составъ нашъ, пробуждая и утверждая въ насъ міръ прирожденныхъ понятій, идеалъ нравственной высоты, этотъ краеугольный камень нравственнаго совершенствованія нашего.

Образованіе отличается отъ воспитанія вообще тѣмъ, что преимущественно занимается развитіемъ познавательной способности, между тѣмъ какъ воспитаніе вообще обнимаетъ развитіе всѣхъ сторонъ личности питомца. Съ другой стороны, основательное образованіе различается съ собственно, такъ называемымъ, обученіемъ тѣмъ, что не отрѣшаетъ познавательную способность отъ прочихъ сторонъ нравственнаго міра, напротивъ признаетъ всецѣлость этого міра и взаимодѣйствіе всѣхъ способностей.

Основательное образованіе беретъ ребенка въ ту пору жизни, когда умъ его, запасшись фактами въ окружающей средѣ, впервые ощущаетъ потребность восхожденія отъ фактовъ къ причинамъ, и даже нѣсколько ранѣ этого времени, ибо къ его же сферѣ относится и пробужденіе сказанной потребности. Слѣдо-

вательно, весь предшествующій період дѣтства исключительно принадлежит къ области собственно воспитанія. Зато, основательное образованіе продолжается далѣе воспитанія, въ тѣсномъ смыслѣ, ибо обнимаетъ весь курсъ, такъ называемаго, высшаго, университетскаго обученія, въ теченіе котораго молодой человѣкъ уже предоставленъ самовоспитанію.

Главная существенная черта, отличающая основательное образованіе отъ нынѣшняго, не только нашего, но и того, которое дается въ самыхъ образованныхъ государствахъ, состоитъ въ томъ, что первое стремится къ осуществленію умственнаго идеала человѣка вообще, независимо отъ условій и потребностей общества, въ которомъ питомецъ будетъ жить, въ томъ предположеніи, что общественный бытъ создается людьми, и не долженъ быть почитаемъ за нѣчто извнѣ данное, имѣющее безпрекословную законность. Напротивъ, нынѣшнее образованіе во всемъ сообразуется съ требованіями поставляемыми образованію современнымъ обществомъ, слѣдовательно имѣетъ цѣлью осуществленіе современнаго идеала образованности. Поэтому основательное образованіе можетъ быть только одно для всѣхъ сословій и всѣхъ званій. Вся разница въ немъ относительно лицъ будетъ заключаться только въ томъ, что для однихъ оно будетъ оканчиваться ранѣе, нежели для другихъ. Но такъ какъ по вышесказанному, раннее прерваніе обученія не можетъ быть помѣхою полнотѣ основательнаго образованія, такъ какъ всякій, получившій только первоначальное основательное образованіе, въ силу этого самаго уже непремѣнно долженъ продолжать стремиться къ расширенію своихъ познаній, то всѣ люди, получившіе основательное образованіе, къ какому бы званію ни принадлежали, и когда бы ни было прервано ихъ обученіе, въ существенной части своего умственнаго преуспѣянія, будутъ находиться почти на одной и той же степени. — Съ другой стороны основательное образованіе и тогда, когда приведетъ отдѣльнаго человѣка къ избранію спеціальности, не дастъ ему впасть въ односторонность, ибо будетъ возбуждать и поддерживать въ немъ и общіе интересы, отъ которыхъ люди спеціальные очень легко отчуждаются своимъ *фаломъ*. Норма, масштабъ основательнаго образованія — въ личномъ идеалѣ познающаго и сознающаго человѣка. Поэтому, какъ въ нормальномъ отношеніи, оно имѣетъ въ виду личное всестороннее умственное развитіе человѣка, независимо отъ временныхъ и преходящихъ интересовъ общества, такъ въ ма-

теріальномъ отношеніи оно ставитъ себѣ задачею, преимущественно знакомитъ съ тѣмъ, что въ преходящемъ есть вѣчнаго, неизмѣннаго съ законами природы и духа.

На эту сторону основательнаго образованія я желалъ бы главнымъ образомъ обратить вниманіе читателя. Постараюсь сдѣлать это посредствомъ критическаго взгляда на нынѣшнее обученіе.

Какъ я уже сказалъ: задача основательнаго образованія начинается съ той поры жизни, когда умъ ребенка, запасшись, въ окружающей сферѣ, фактами, ощущаетъ потребность восхожденія отъ фактовъ къ причинамъ, и даже нѣсколько ранѣе этого времени, ибо къ его же сферѣ относится и пробужденіе сказанной потребности. Посмотримъ сперва, какъ нынѣшніе образователи и образовательницы юности поступаютъ съ цѣлью пробужденія любознательности своихъ питомцевъ; потомъ подвергнемъ критикѣ все нынѣшнее первоначальное обученіе, и наконецъ установимъ начала первоначальнаго обученія, какъ исходнаго момента основательнаго образованія. Въ изслѣдованіи нынѣшняго первоначальнаго обученія мы, не полагаясь на собственный опытъ, обратились къ сочиненію, въ которомъ рутина его такъ сказать увѣковѣчена, окристаллизирована. Книга Эта (читатель, вѣроятно, уже догадался) называется: *Education maternelle. Simples leçons d'une mère à ses enfants, par madame Amable Tastu. Paris, etc.* Написанная женщиною умною, съ добросовѣстнымъ желаніемъ принести пользу матерямъ семействъ, занимающимся первоначальнымъ обученіемъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, эта книга заключаетъ въ себѣ сколокъ, болѣе того: типъ, идеалъ современной рутины въ этомъ отношеніи. Заслуга г-жи Тастю заключается въ томъ, что въ ея книгѣ всѣ недостатки рутины ярко бросаются въ глаза и не могутъ быть скрыты, не смотря на отчетливость и добросовѣстность въ обработкѣ подробностей.

Уже неразъ было высказано педагогами сомнѣніе въ томъ, что практическое воспитаніе, въ обширномъ смыслѣ, только въ такомъ случаѣ можетъ безошибочно достигать своей цѣли, если въ основаніе его положены результаты современной науки. Но до-сихъ-поръ это убѣжденіе свойственно только однимъ ученымъ педагогамъ, между-тѣмъ какъ масса практическихъ воспитателей и въ особенности воспитательницъ, — какъ по причинѣ недостатка ознакомленія съ педагогическою наукою, такъ и по свойственному имъ безразличію къ дѣлу и по привычкѣ къ

рутинѣ — не только не хочетъ согласиться съ первыми, но еще и тономъ самодовольнаго невѣжества осмѣиваетъ теорію. Какъ будто для того, чтобы вполне остаться вѣрною своему идеалу рутинѣ, г-жа Тастю, въ посвященіи своей книги матерямъ семейства, очень наивно высказываетъ эту мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я сообразовалась въ этомъ сочиненіи съ собственнымъ опытомъ и съ опытомъ знакомыхъ мнѣ матерей семейства. Я воспользовалась мнѣніемъ людей, пользующихся авторитетомъ въ практическомъ обученіи, принявъ къ свѣдѣнію и труды моихъ предшественниковъ по этой части, и искала не самой ученой или остроумной, а самой ясной и удобопримѣнимой методы».

Такимъ образомъ, въ основаніи плана и методы лежитъ у г-жи Тастю опытъ. Тоже самое найдемъ мы и у всѣхъ практическихъ воспитателей и воспитательницъ съ немногими исключеніями. Но опытъ идетъ ощупью, на угадъ, и въ результатахъ своихъ совершенно зависить отъ случая. Слѣдовательно планъ, основанный на опытѣ, совершенно случаенъ и можетъ быть опровергнутъ другимъ планомъ, также основаннымъ и подтвердившимся на опытѣ. Метода, дознанная однимъ опытомъ, не имѣетъ еще никакой разумной гарантіи за себя. Розги и подарки долго играли важную роль въ воспитаніи, и опытъ до-сихъ-поръ доказываетъ ихъ полезность въ одномъ отношеніи, а между-тѣмъ они изгнаны изъ раціональнаго воспитанія, какъ абсолютно-вредное средство для достиженія односторонно-полезной цѣли.

Если извѣстная метода и достигаетъ той цѣли, которой добивается учитель, то остается еще рѣшить 1) какова, вполне раціональна-ли эта цѣль? и 2) какъ самая метода дѣйствуетъ на цѣлый нравственный составъ ученика? Если подъ словами: «метода, дознанная опытомъ», «планъ подтвердившійся на опытѣ», понимать такую методу и такой планъ, которые, *coûte que coûte*, научаютъ ребенка тому, чему хотятъ научить его, то и мы, пожалуй, согласимся съ этимъ; но въ тоже время не можемъ не сдѣлать оговорки, что не одна эта метода, и не одинъ этотъ планъ способны привести къ такому результату, а что, можетъ быть, еще и много плановъ и методовъ, которые такъ же легко научаютъ ребенка тому, чему, въ данномъ случаѣ, хотятъ научить его. Но приэтомъ въ умѣ cadaго мыслящаго воспитателя необходимо долженъ родиться вопросъ: «Да, полно! неире-мѣнно-ли нужно, чтобы ребенокъ научился всему этому? и для

чего это нужно? Для развитія-ли его способностей и какихъ именно? Или потому, что безъ этихъ знаній нельзя прожить на свѣтѣ? Другими словами: нужны-ли ребенку эти познанія въ формальномъ или въ матерьяльномъ отношеніи!... При всей легкости методы и при всей основательности плана, по которому мы научимъ ребенка даннымъ предметамъ, не будетъ-ли это ученье бесполезною тратой времени или не нанесетъ-ли даже вреда общему нравственному составу дитяти? *Какъ* данный предметъ долженъ подѣйствовать на извѣстныя способности его и *какъ* на всецѣлый духовный организмъ? Будетъ-ли развитіе, которое достигнется по этому плану, гармонично, какъ требуетъ того разумъ, или, достигая въ одномъ отношеніи до невѣроятныхъ результатовъ, оно совершенно оставитъ неразвитыми нѣкоторыя способности дитяти? А въ послѣднемъ случаѣ, не будетъ-ли и самый планъ и пресловутая метода штуркмейстерствомъ, фокусъ-покусомъ для удовлетворенія самолюбія воспитателей, родителей и самого питомца? Можетъ-ли кто-нибудь взяться за гармоническое развитіе духовнаго міра другаго человѣка, не имѣя яснаго воззрѣнія на весь духовный міръ и на отдѣльныя способности духа въ ихъ взаимодѣйствіи и по относительной важности каждой изъ нихъ?»

Правильно развивать каждую способность въ особенности, можетъ только тотъ, кто знаетъ законы ея. А вы, господа-практики, хотите обойтись безъ науки, безъ тысячелѣтнихъ изслѣдованій, и положиться на опытъ одного, двухъ или хотя десяти современныхъ вамъ практическихъ фокусниковъ въ обученіи.

Принимаясь за воспитаніе какого-нибудь ребенка — воспитатель или воспитательница (въ данномъ случаѣ ею будетъ, чаще всего, мать) не можетъ въ полной мѣрѣ знать его способностей. Но и для самаго первоначальнаго, и для позднѣйшаго воспитанія необходимо, чтобы передъ внутреннимъ взоромъ воспитывающаго носился фізіологическій типъ дитяти, такъ точно какъ практическій врачъ непремѣнно всегда долженъ хранить въ памяти анатомическій типъ человѣка. Чтò скажали бы вы о врачѣ, который не знаетъ анатоміи? Или какъ назвали бы вы человѣка, который, отбросивъ въ сторону всѣ книги, захотѣлъ бы сдѣлаться врачомъ, только опираясь на одинъ свой опытъ? Перваго вы, вѣроятно, назвали бы шарлатаномъ, втораго безумцемъ. Но развѣ это не тоже самое, чтò начинать учить ребенка, не зная дѣтской природы въ общихъ чер-

тахъ, или изучивъ её въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ обращенія съ извѣстнымъ ребенкомъ?

Этого мало? А законы развитія способностей какъ узнать по собственному опыту, когда изслѣдованія самыхъ умныхъ людей въ теченіи тысячелѣтій привели еще только къ удовлетворительнымъ, но никакъ не къ совершеннымъ, результатамъ въ этомъ отношеніи.

Впрочемъ объ этомъ предметѣ уже столько говорено, что мы можемъ и освободить себя отъ дальнѣйшаго разъясненія его *); а между тѣмъ о немъ можно еще столько говорить, что мы не кончили бы, если бы захотѣли исчерпать его. Посмотримъ лучше какъ практическіе воспитатели, основываясь на своемъ пресловутомъ опытѣ, поступаютъ при развитіи въ дѣтяхъ потребности ученія, при элементарномъ обученіи ихъ. Обращаемся къ книгѣ г-жи Тастю, какъ дагерротипу практической рутины.

Мысль дать матерямъ руководство, могущее замѣнить для нихъ многотомную библіотеку дидактическихъ сочиненій, въ которой онѣ, безъ руководителя, растерялись бы, — эта мысль сама по себѣ прекрасна. Она отвѣчаетъ насущной потребности многихъ тысячъ молодыхъ, неопытныхъ и увы! несвѣдущихъ матерей семействъ. Выполненіе этой мысли г-жою Тастю — дѣло другого рода. Въ этомъ отношеніи книга ея заслуживаетъ вниманія не положительною, а отрицательною стороною своею, а именно: тѣмъ, что обнаруживаетъ, дагерротипируетъ и увѣковѣчиваетъ всѣ недостатки нынѣшняго практическаго обученія, начиная отъ общепринятаго плана до методы примѣненія этого плана. Эти недостатки въ книгѣ тѣмъ рѣзче и тѣмъ яснѣе, что не скрадываются непосредственною, мгновенностью устнаго преподаванія, а вездѣ обнаруживаютъ нѣкоторую обдуманность, стремленіе къ систематизированію, къ оправданію опыта разумомъ.

Обученіе начинается молитвою въ стихахъ, въ которой дитя проситъ у Бога благословенія на предстоящій путь. Потомъ приступаютъ къ азбукѣ... или нѣтъ виновать! прежде нежели приступаютъ къ азбукѣ, г-жа Тастю дѣлаетъ намекъ на то, какъ мать должна стараться возбудить въ дитяти потребность къ ученію. Въ чемъ же состоитъ этотъ намекъ? какъ вы думаете, читатель? матери совѣтуютъ обѣщать малюткѣ, что если

---

*) Вопросъ этотъ довольно ясно и хорошо обсужденъ въ «Журналѣ для воспитанія» изд. Чумаковымъ, въ статьѣ: Что такое воспитаніе?.

онъ будетъ хорошо учиться, то ему подарятъ красивую книжку, съ чудесными исторійками и премиленькими картинками. Слышите! дитя отрываютъ отъ игрушекъ для занятій, къ которымъ оно не чувствуетъ ни малѣйшаго собственнаго влеченія и чтобы заохотить его къ этому скучному дѣлу, обѣщаютъ ему вещь, которой цѣны онъ пока еще не можетъ понимать, ибо не умѣетъ читать, или которую онъ желаетъ имѣть только потому, что ему нравятся въ ней картинки. Здѣсь цѣль ученія, съ самаго перваго шага, полагается внѣ самой науки, въ картинкахъ, не имѣющихъ никакого или имѣющихъ очень отдаленное отношеніе къ самой азбукѣ. Чтоже касается до исторіекъ, о которыхъ упоминаетъ мать, то и онѣ въ данномъ случаѣ играютъ роль такую же, какъ и картинки, т. е. своею привлекательностію для воображенія ребенка, должны подкупить его любознательность въ пользу изученія азбуки. Такимъ образомъ ребенокъ дѣлаетъ первый шагъ на пути долга и науки съ своекорыстною цѣлью, съ цѣлью наслажденія предметомъ, обѣщаннымъ ему въ награду за такой подвигъ. Хорошо понятіе, которое послѣ этого получить дитя о своихъ обязанностяхъ, о томъ, что всякій человѣкъ долженъ заниматься дѣломъ, если оно даже и непріятно, чтобы имѣть право пользоваться плодами трудовъ своихъ согражданъ и всего человѣчества, создавшаго настоящій моментъ нашей цивилизаціи. Хорошо понятіе о наукѣ, къ которой нельзя приступить иначе, какъ имѣя въ виду награду, такъ точно, какъ приступаютъ къ горькому лекарству, имѣя въ виду не пользу отъ леченія, а *карамелью*, которую маменька держитъ въ рукѣ, чтобы положить на языкъ больнаго дитяти, когда оно приметъ лекарство.

Но вѣдь это подкупъ, ведущій къ тому, чтобы, съ одной стороны, совершенно подавить сознаніе святости долга, а съ другой—отодвинуть науку въ сферу противныхъ, горькихъ сладобій, отъ которыхъ никакъ нельзя отдѣлаться.

А между тѣмъ посмотрите, какъ изобрѣтательны матушки на такого рода подкупы. Не всегда для этого употребляются книги съ картинками и исторійками; гораздо чаще: игрушки, лошадки, прогулки, отдохновеніе послѣ ученія, наконецъ страхъ наказанія тѣлеснаго, унижительнаго наказанія, страхъ—остаться безъ обѣда, безъ чаю, становится побужденіемъ къ ученію, къ исполненію долга. Какъ удивляться тому, что такъ немногіе люди исполняютъ свои обязанности изъ одного побужденія удовлетворить нравственный законъ, который внутри ихъ; послѣ

того, какъ чувство долга съ нѣжнаго дѣтства замѣнено въ нихъ своекорыстіемъ въ самыхъ многоразличныхъ видахъ! Какъ не убѣдиться въ томъ, что наша метода виновна въ томъ, что такъ мало дѣйствительно любознательныхъ людей, что наука, въ большой части случаевъ, только средство для достиженія существенныхъ житейскихъ выгодъ: вѣдь съ самаго перваго шага, она пріобрѣтается только въ видахъ награды или избѣжанія наказанія.

А между тѣмъ, каждый воспитатель обладаетъ двумя могучими рычагами для преодоленія трудностей первоначальнаго обученія. Эти рычаги въ самой натурѣ ребенка, эти рычаги — я уже назвалъ ихъ: чувство долга и любознательность. Пусть воспитательница всюду, и въ природѣ, и въ человѣческомъ обществѣ, будетъ указывать своему питомцу на коллизію между животнымъ инстинктомъ къ покою и наслажденію съ закономъ, вымогающимъ дѣятельность. Пусть она, при случаѣ, укажетъ ему эту коллизію на муравьѣ, который чрезъ силу тащитъ соломинку длиною въ одинъ дюймъ; на лошади, которая пыхтя везетъ тяжелый возъ; на птичкѣ, которая хлопотливо ищетъ корму для своихъ птенцовъ; на блѣднолицомъ сосѣдѣ, который, покашливая, бредетъ въ свою должность, гдѣ просидитъ все утро, не смотря на грудную боль и боль въ поясницѣ, не смотря на то, что ему хочется и поѣсть, и отдохнуть; на бѣдной служанкѣ, которая рано подымается съ теплой постели своей возлѣ печи, чтобы въ холодъ и вьюгу сбѣгать въ булочную и на рынокъ. При каждомъ удобномъ случаѣ, указывайте дитяти на самого себя, объясняйте ему: почему, въ то время, когда вамъ хотѣлось бы ѣхать въ гости, вы остаетесь дома, чтобы окончить возложенный на васъ обязанностью трудъ. Наконецъ, въ иную минуту, когда дитя пользуется предметами, доставляющими ему удобство, напоминайте ему: какого труда стоило изобрѣтеніе и производство этихъ предметовъ. Для большей наглядности, вы можете даже иногда свести ребенка къ столяру, чтобы показать, съ какимъ мозольнымъ трудомъ сопряжено сдѣланіе стула или кровати, на которыхъ такъ сладко отдыхается, и въ послѣдствіи сказать дитяти:

«Ты пользуешься всѣми этими предметами, доставшимися съ такимъ трудомъ.... Не чувствуешь ли ты, что только тотъ вполне заслуживаетъ этихъ удобствъ, кто и самъ дѣлаетъ что-нибудь? Стыдно же заставлять другихъ трудиться для себя, а самому ничѣмъ не отплативъ имъ за эти одолже-

нія... Конечно не всякій непременно долженъ быть столяромъ, чтобы имѣть право пользоваться издѣліями столярнаго ремесла. Но всякій долженъ дѣлать что-нибудь полезное, въ замѣнъ тѣхъ благъ, которыми чужой трудъ надѣляетъ его. Чтобы приобрести этотъ стулъ, я долженъ былъ заплатить столяру за трудъ его деньгами, а чтобы имѣть, чѣмъ заплатить ему, я долженъ былъ самъ заработать деньги, потому что никто даромъ не даетъ ихъ. Слѣдовательно я за сдѣланіе стула долженъ былъ работать. Поэтому я имѣю право на стулъ: онъ мой, моя собственность, и можетъ служить для отдохновенія моего, когда я утомленъ работою. Такимъ образомъ всякое удобство только тогда по праву достается намъ, если мы заплатили за него своимъ трудомъ.»

Послѣ такого разговора, если ребенокъ, по впечатлительности и удобовозбудительности дѣтской природы, тотчасъ захочетъ взять на себя какой-нибудь трудъ, то заставьте его дѣлать что-нибудь дѣйствительно полезное. Вообще съ ранней поры приучайте и самого ребенка къ исполненію, сначала легкихъ, потомъ постепенно все труднѣйшихъ, обязанностей, и вы до такой степени пробудите въ немъ чувство долга, что одного этого чувства будетъ достаточно, чтобы побудить его, безъ сопротивленія, приняться за ученіе.

А съ другой стороны педагогическое начало: не давать ребенку того, чего не требуетъ его натура, а въ нравственномъ отношеніи — не удовлетворять потребностей, которыя еще не пробуждены въ немъ, или другими словами: сперва пробуждать потребности, а потомъ уже удовлетворять ихъ, это начало, которое вытекаетъ изъ закона нравственной природы, въ тоже время, будучи приложено къ практикѣ, подтверждается самыми блестящими результатами. Дѣти, въ которыхъ умѣли пробудить охоту къ знанію, желаніе читать, знакомятся изъ книгъ съ предметами, занимающими ихъ умъ и воображеніе, такія дѣти не нуждаются въ книгахъ съ картинками, въ игрушкахъ или розгахъ, чтобы начать учиться. Напротивъ они сами приходятъ къ маменькѣ съ азбукою, и просятъ показать имъ, какъ это читаютъ, научить ихъ буквамъ. Предположивъ даже, что слабая дѣтская воля, на первыхъ порахъ, испугается трудностей этого дѣла. Но если мать сумѣетъ все болѣе подстрекать любознательность дитяти, то оно вскорѣ одолѣетъ первыя трудности. Въ такомъ случаѣ оно научится читать, съ цѣлью получать

изъ книгъ отвѣтъ на вопросы, безпрестанно возникающіе въ головѣ его.

Во всемъ обученіи нѣтъ ничего скучнѣе механизма заучиванья буквъ. Поэтому невольно согласишься съ писателемъ, который сказалъ: что умѣющій читать уже прошелъ болѣе половины пути, раздѣляющаго невѣжду отъ образованнаго человека. Но поэтому-же самому, если мать не сумѣетъ пробудить въ ребенкѣ потребности къ этому дѣлу, а захочетъ принуждать его къ скучному и мозольному труду, то уроки чтенія на долго, если не на всегда останутся въ памяти его препятствіемъ къ сближенію съ книгою.

А между-тѣмъ книга, въ наше время, стала почти такимъ-же сильнымъ дѣятелемъ, какъ и самое живое слово. Еслибы мы могли сосчитать всѣ часы и дни, которыя придется нашему ребенку провести за книгою, то убѣдились бы въ необходимости — сколько можно заохотить его къ ней. Только средство для заохочиванья должно лежать не внѣ самой книги, не во внѣшней оболочкѣ, не въ картинкахъ и исторійкахъ, не имѣющихъ для ребенка никакого другаго интереса, кромѣ новизны, а въ той увѣренности, что книга отвѣтитъ ему на насущные вопросы объ окружающемъ мірѣ и о немъ самомъ.

Здѣсь читатель въ правѣ сдѣлать мнѣ вопросъ: чѣмъ, какимъ способомъ пробудить въ дитяти такую степень любознательности, какая необходима для того, чтобы книга стала для него потребностью?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ — я намѣренъ дать тамъ, гдѣ буду развивать начала основательнаго элементарнаго обученія.

Здѣсь скажу только, что, желающая облегчить себѣ трудъ обученія дитяти чтенію, мать или воспитательница имѣетъ тысячи случаевъ, съ самаго ранняго дѣтства, обращать вниманіе ребенка на явленія въ окружающей его природѣ и въ немъ самомъ. Если она, при этомъ, каждый разъ будетъ имѣть въ виду свою цѣль заохочиванья къ книгѣ, то не будетъ устно разрѣшать вопросовъ дитяти, а будетъ обращаться за рѣшеніемъ ихъ къ дѣтской энциклопедіи или къ дѣтскому руководству, въ которомъ говорится объ этомъ предметѣ. Нѣкоторые вопросы она даже будетъ оставлять вовсе неразрѣшенными, говоря дитяти:

— Когда ты будешь умѣть читать, то самъ прочтешь объ этомъ. А мнѣ некогда читать для тебя.

Такіе и подобные приемы заставляютъ ребенка сначала смутно желать научиться чтенію, а потомъ и принятыя за азбуку. Не-

чего бояться, что книга оторветъ отъ жизни, что чтеніе превратится въ страсть.... Во-первыхъ, это случится только съ рѣдкими дѣтьми, а во-вторыхъ, если и случится съ вашимъ ребенкомъ, то не въ слѣдствіе одного вашего заохочиванья, а въ слѣдствіе призванія его къ книжной дѣятельности. Если этого призванія нѣтъ, то книга скоро займетъ въ жизни приличное ей мѣсто, и практическая дѣятельность вступитъ въ свои права.

Высказавъ наше мнѣніе о нынѣшнемъ способѣ заохочиванья дѣтей къ ученію и указавъ болѣе-раціональный способъ для достиженія той-же цѣли, прежде нежели приступимъ къ критикѣ отдѣльныхъ частей курса первоначальнаго обученія, бросимъ общій взглядъ на планъ г-жи Тастю, который, какъ мы сказали, есть ничто иное, какъ рабскій сколокъ съ господствующей въ наше время рутины.

Первое, что въ этомъ планѣ непріятно поражаетъ насъ, это — недостатокъ необходимости, связи, органической причинности между составными частями его. Г-жа Тастю, какъ и большая часть родителей и наставниковъ, по видимому, не считаетъ такой связи чѣмъ-нибудь существеннымъ: она нигдѣ и не ищетъ связующаго звѣна, всюду удовлетворяясь однимъ разсужденіемъ, что такъ всегда дѣбалось. Всегда, послѣ упражненій памяти, слѣдовала, въ практическомъ преподаваніи, ариѳметика, потомъ грамматика, за нею географія, и наконецъ священная исторія. Всегда, для упражненія памяти, заучивались стихи и басни, стихи, большею частію непонятные дѣтямъ, басни, большею частію проповѣдующія весьма условную мораль, всегда въ ариѳметикѣ считались милліоны и мильярды; всегда грамматика *учила* говорить и писать правильно, а между-тѣмъ не научала никого ни тому, ни другому; всегда, не зная ничего объ окружающей мѣстности, ребенокъ узнавалъ о миріадахъ свѣтилъ, о величинѣ солнца, о млечномъ пути, о тропикахъ и полюсахъ, объ экваторѣ и меридіанахъ, о парижской обсерваторіи и вандомской колоннѣ, о числѣ жителей въ Нью-іоркѣ и теченіи рѣки Амазонки; всегда, не имѣя ни малѣйшаго понятія о чистомъ ученіи Христа и о святой его жизни, дитя знакомилось съ братоубійствомъ Каина и уловкою Іакова для стяжанія первородства.

Какъ-же отступать отъ того, что всегда дѣбалось? Да еще какъ дѣбалось и дѣляется? Очень-часто, какъ только дитя научится читать и писать, вмѣсто одной отечественной грамматикѣ, начинаютъ учить его двумъ, тремъ, да, въ то же время, даютъ ему механически рѣшать математическія задачи, въ которыхъ

милліоны такъ и сыплются, какъ изъ рукава, да, не дожидаясь долго, заставляютъ его учить наизусть политическую географію и греческую мѣологію; и мало-ли что еще творять съ нимъ.

Предположивъ прекрасныя способности въ ученикѣ и хорошую методу въ изложеніи всѣхъ этихъ предметовъ, къ какому результату придетъ ребенокъ? на какіе вопросы, возникшіе въ немъ, найдетъ онъ отвѣтъ въ преподанныхъ ему наукахъ? какой связанный циклъ понятій создастся въ его головѣ и на сколько гармонически разовьется его нравственный міръ вслѣдствіе этихъ набытыхъ понятій?

Взгляните на пройденный путь: малютка узналъ законы языка (одного или нѣсколькихъ), самаго высшаго изъ всѣхъ, ибо духовнаго организма, прежде нежели даже заподозрилъ, что языкъ можетъ имѣть законы, прежде нежели получилъ понятіе о самомъ простомъ организмѣ, о снѣжинкѣ, о цвѣткѣ, о деревѣ.

Вспомните наше начало, по которому сперва должна родиться потребность, а потомъ уже должно удовлетворять ее, и согласитесь, что вы не въ состояніи въ пятилѣтнемъ или даже семилѣтнемъ дитяти возбудить потребность къ грамматикѣ. Пять, шесть лѣтъ уже говоритъ вашъ малютка, и вдругъ вы хотите увѣрить его, что ему необходимо учиться говорить правильно. И потомъ, вмѣсто того, чтобы прямо, практически указывать ему на его ошибки и поправлять ихъ, ведете его въ скучный лабиринтъ грамматической терминологіи; потомъ влечете по безконечнымъ склоненіямъ, спряженіямъ, степенямъ сравненія и, только черезъ два-три года, начинаете излагать словосочиненіе. И все это вы облакаете для него какою-то таинственною важностью новизны; какъ-будто до-тѣхъ-поръ, пока онъ не началъ учиться грамматикѣ, онъ никогда не произносилъ именъ существительныхъ, никогда не склонялъ и не спрягалъ, никогда не возводилъ въ степени прилагательныхъ именъ. Какъ примыкаетъ ваша наука къ первымъ проблескамъ родившейся у дитяти любознательности? Задастъ-ли себѣ дитя вопросъ: что за слово птица? какъ склоняется: конь? какая степень сравненія: прекраснѣйшій? какой видъ: разыгрывать? Тревожитъ-ли его мысль: къ какому склоненію принадлежитъ существительное: лѣсъ? или къ какому различію относится глаголъ: бѣгать? А если нѣтъ, то какъ-же вы хотите, чтобы онъ полюбилъ вашу гнилую науку, никакою стороною не примыкающую къ его цвѣтущей, дѣтской жизни?

А далѣе: вы учите его ворочать на аспидной доскѣ без-

предметными мнѣніями.... А между-тѣмъ убѣдились-ли вы, что онъ въ состояніи вообразить себѣ отвлеченное число, даже отвлеченную единицу. Вы заставляете его учить наизусть имена множества странъ, государствъ, рѣкъ, горъ прежде нежели онъ познакомился съ роднымъ городомъ, съ сосѣднею деревнею; онъ узнаеть о Финистерре прежде нежели ему растолковали, что выдававшаяся на ближнемъ озерѣ часть земли называется мысомъ. Онъ слышитъ о памятникахъ, музеумахъ, находящихся въ Парижѣ и Лондонѣ, а не знаетъ достопримѣчательностей роднаго города. Неужели потребность — знать всѣ эти вещи, была въ вашемъ ребенкѣ?

Но для того, чтобы показать всю произвольность и безоглядность этого плана, необходимо разсмотрѣть его въ подробности. Вотъ составныя части его: «Чтеніе и письмо, какъ средства ученія; заучиванье стиховъ и басень, для упражненія словесной памяти; ариѳметика для усвоенія точности мышленію; грамматика для... для... ну, хоть для развитія отвлеченнаго мышленія; письмо подѣ диктовку для упражненія въ правописаніи; математическая, физическая и политическая географія для развитія воспроизводительнаго воображенія и мѣстной памяти; священная исторія ветхозавѣтная для развитія фактической памяти, и кромѣ того, для образованія сердца и наполненія воображенія образцами, достойными подражанія.

Что за сбивчивость понятій? Что за порядокъ, могущій быть замѣненъ совершенно противнымъ порядкомъ? Почему упражненіе памяти, способности, которая и безъ того много упражняется въ дѣтствѣ, поставлено во главѣ угла собственно ученія? Не потому-ли, что самолюбіе воспитательницы бываетъ польщено тѣмъ, что малютка повторяетъ наизусть затверженное стихотвореніе или басеньку, причемъ возбуждаетъ въ слушателяхъ смѣхъ своею интонаціею, жестами и декламаціею? Слушатели смѣются, вскрикиваютъ: «charmant! délicieux! восхитительно!» Я назвалъ бы эти упражненія поощреніями самолюбія, для развитія тщеславія въ дѣтяхъ; ибо никакъ не вижу необходимости упражнять память дитяти заучиваньемъ стиховъ и басень, которые предназначены къ тому, чтобы быть забытыми въ весьма непродолжительномъ времени. Притомъ, въ самомъ-ли дѣлѣ, стихи и басни развиваютъ память предпочтительно предъ другими предметами ученія? Противъ этого возразимъ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ всѣми самыми знающими педагогами: что чѣмъ болѣе наполнять память вещами не пер-

вой важности и неизбежно часто повторяющимися, тѣмъ болѣе память слабѣетъ. Люди, много начитавшіеся, въ своей юности, романовъ, чувствуютъ ослабленіе памяти. Есть предѣлъ наполненію памяти и упражненію ея. Излишнее напряженіе и переполненность вредятъ ей, какъ вредитъ желудку слишкомъ пряная и обильная пища. Дѣтская память — чистый листокъ, на которомъ многое должно быть написано, и потому надо обходиться съ нею бережно: писать только то, что необходимо, что должно остаться въ ней и стать матеріаломъ для упражненія другихъ способностей духа. Стиховъ же дитя, большею частію, не понимаетъ, а басенъ — хорошо сдѣлаетъ, если не пойметъ; черезъ годъ оно забываетъ и тѣ и другія, потому-что, при позднѣйшихъ занятіяхъ, нѣкогда становится повторять заученное. Еслибы, по-крайней-мѣрѣ, содержаніе этихъ стиховъ годилось для облегченія позднѣйшей науки. Напримѣръ, если бы стихи были историческаго содержанія, въ родѣ пѣсни о вѣщемъ Олегѣ, Пушкина; тогда фактъ оставался бы въ памяти, хотя форма и утрачивалась бы. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мы были поборниками средневѣковыхъ переложеній наукъ въ стихи. Такія антипоэтическія произведенія еще вреднѣе, ибо, оставаясь безплодными въ отношеніи изученія предмета, въ то же время притупляютъ въ дитя тѣ поэтическое чувство. Но можно бы составить цѣлый сборникъ стихотвореній, въ которыхъ гениальные поэты вдохновлялись особенно рельефными фактами исторіи своего и чуждыхъ народовъ, чертами нравовъ и обычаевъ, или красотами извѣстныхъ мѣстностей. Конечно, эти стихотворенія были бы гораздо полезнѣе для развитія памяти, которая, кромѣ того, повторяю, вовсе не нуждается въ особыхъ, исключительно для нея, предпринятыхъ упражненіяхъ, потому-что она упражняется на каждомъ шагу и всѣмъ, что преподается дитяти.

Притомъ, нельзя смотрѣть на развитіе одной способности совершенно отрѣшенно отъ другихъ. Способности не отдѣлены одна отъ другой перегородками; это различныя проявленія одной и той же нравственной силы, такъ точно, какъ свѣтъ и теплота различныя проявленія силы огня. Всецѣло развивается человекъ въ каждую минуту жизни, и, какъ нельзя, на время размысленія, остановить кровообращеніе и пищевареніе, такъ нельзя воспрепятствовать, чтобы пища, предлагаемая уму или памяти, не сообщалась и сердцу, чтобы урокъ чтенія не сталъ урокомъ и морали. Поэтому надо удивляться выбору, сдѣланному

г-жею Тастю, нѣкоторыхъ пьесокъ, какъ въ книгѣ для чтенія, такъ и въ упражненіяхъ памяти. Напримѣръ, какая необходимость рассказывать (въ книгѣ для чтенія) дитяти о томъ, какъ нѣкоторая дѣвочка, со злости, оторвала своей куклѣ руку, или подавать ему мысль — ловить бабочекъ, или, указывая на мышку, тономъ шутки напоминать ему о томъ, что кошка скупила ее къ ужину. Всѣ такіе недосмотры проистекаютъ изъ того, что практическія воспитательницы, желая научить ребенка чтенію, имѣютъ въ виду одну только эту цѣль, и теряютъ изъ виду общую природу дитяти, ансамбль его нравственного состава. По нашему мнѣнію, лучше было бы, еслибы злость оставалась для ребенка непосредственнымъ движеніемъ, о которомъ онъ даже стыдится говорить, и тѣмъ менѣе долженъ бы читать съ удовольствіемъ. Бабочка, какъ живое существо, должна бы быть для него неприкосновенною и отнюдь не должна рождать желанія воспользоваться для забавы ея слабостью. Жестокій, хотя очень естественный, поступокъ кошки съ мышью долженъ бы вызвать сожалѣніе, а не насмѣшку.

Глубоки впечатлѣнія дѣтства, какъ краеугольные камни, на которыхъ позже создается зданіе нравственного міра, и ничѣмъ нельзя поправить зла, причиненнаго ребенку, не кстати сказаннымъ, въ иную минуту, словомъ. Лучше пусть дитя вырастетъ, не умѣя читать, нежели чтобы урокъ чтенія повредилъ чистотѣ его непосредственнаго чувства. Много зла человѣкъ увидитъ въ жизни; но если сердце его въ дѣтствѣ развито въ добрую сторону, то онъ приметъ встрѣченное зло, какъ грустный фактъ, и постарается поправить его, или, по-крайней-мѣрѣ, пожалѣетъ о немъ. Но горе человѣку, котораго слухъ съ дѣтства привыкъ внимать разговорамъ о дѣйствіяхъ насиія и злобы, котораго сердце привычкою приобрѣло способность эгоистическаго равнодушія и насмѣшливаго злорадованія страданіямъ. Онъ на шагъ отъ того, чтобы отъ злорадованія перейти къ причиненію зла. И не помогутъ ему, въ этомъ случаѣ, ни примѣры доблестныхъ и человѣколюбивыхъ подвиговъ, совершенныхъ историческими или вымышленными лицами, ни нравственныя сентенціи, ни цѣлая нравственная философія и догматическая религія.

Сердце дитяти должно развиваться всѣмъ строемъ его жизни, практически, при случаѣ, а не примѣрами, не проповѣдями, не разсужденіемъ. Ежедневный опытъ доказываетъ, что примѣры и разсужденія безсильны противъ привычекъ сердца. Чувство

легко оскорбить, замарать неосторожнымъ словомъ; но развить его можно только упражненіемъ въ дѣйствительной жизни.

Чувство есть самая субъективная изъ способностей человѣческой природы, и потому должно быть вызываемо фактомъ, а не показываемо въ проявленіяхъ своихъ на примѣрахъ. Научиться — быть добрымъ изъ книгъ, такъ же невозможно, какъ и научиться пѣть по нотамъ, когда не имѣешь ни слуха, ни голоса. Случай — сдѣлать доброе дѣло, облегчить тяжелую долю ближняго, или хотъ пролить слезу надъ его бѣдствіемъ, такой случай болѣе разовьетъ чувство добра въ дитяти, нежели десятки нравственныхъ повѣстей и цѣлыя томы сентенцій. Любовь къ ближнимъ, прилежаніе, порядочность, всѣ субъективныя добродѣтели внушаются, а не преподаются; но насмѣшки надъ этими добродѣтелями, тонъ пренебреженія въ отзывахъ о нихъ, легко могутъ родить въ сердцѣ привычку къ противоположному, къ соотвѣтственнымъ порокамъ, или, по-крайней-мѣрѣ, къ индифференцизму въ дѣлѣ добра.

Въ томъ-то и заключается важная ошибка воспитателей, которые думаютъ, что такъ-же легко поправить моральное зло, какъ и нанести его. Особенно бесплодны и даже часто положительно вредны, въ этомъ отношеніи, нравственныя сентенціи и басни, которыми наполнена у г-жи Тастю книга для упражненія памяти, и которыя обыкновенно имѣютъ назначеніе — замѣнять практическое воспитаніе сердца, требующее отъ воспитателя слишкомъ большихъ усилій надъ самимъ собою. Чтò касается, во-первыхъ, нравственныхъ сентенцій, то онѣ, по нашему мнѣнію, развиваютъ въ дитяти страсть къ резонерству о нравственныхъ качествахъ, которыхъ оно, можетъ-быть, и не имѣетъ вовсе, но которыя, по его мнѣнію, не худо бы имѣть. Резонеръ въ морали никогда не будетъ глубоко нравственнымъ человекомъ, хотя можетъ и не быть ни безнравственнымъ, ни тартюфомъ. Въ большей части случаевъ, резонеры бываютъ дилетантати нравственности. Кой-когда они дѣлаютъ и добро, но только-когда сдѣлать его нетрудно. Въ противномъ случаѣ, они стараются отдѣлаться отъ суроваго нравственнаго долга словами, которыя достаются дешевле, и между-тѣмъ, въ нѣкоторой степени, удовлетворяютъ нравственное чувство.

Но прямой вредъ нравственному чувству дитяти паносятъ басни и стихи, непримѣненныя къ дѣтскому возрасту, и, по своему содержанію, могущія быть превратно истолкованными ребенкомъ. Если изъ числа, обыкновенно заучиваемыхъ дѣтьми,

стихотвореній и басенъ исключить тѣ, которыя вовсе непонятны дитяти, и слѣдовательно приучаютъ его повторять звуки, лишеныя смысла, и тѣ, которыя оно можетъ превратно уразумѣть, слѣдовательно обоюдоострые или двусмысленные, то остальныхъ, безвредныхъ, весьма немного.

Во-первыхъ, басня, какъ поэзія разсудка, какъ выраженіе житейскаго ума, практической мудрости, очень часто діаметрально расходящейся съ абсолютною, безусловною мудростью, вовсе не должна, по настоящему, появляться въ дѣтской бібліотекѣ. Мы инстинктивно любимъ въ ребенкѣ наивность, восхищаемся свободою его отъ узъ тяготящаго насъ условнаго общественнаго быта, потому-что слышимъ въ этомъ голосъ непосредственной природы, голосъ безотносительной, объективной нравственности. Мы чувствуемъ, что наша житейская мораль, плодъ опыта и эгоистическихъ столкновеній со свѣтомъ, многимъ ниже этихъ первоначальныхъ необдуманнхъ движеній юнаго сердца. И что-же? вмѣсто того, чтобы, сколько можно, продлить для нашего питомца пору этихъ прекрасныхъ непосредственныхъ движеній, мы даемъ ему басни, въ которыхъ проповѣдуются, какъ признаки благоразумія: — безжалостность къ несчастному собрату, впавшему въ бѣду вслѣдствіе своего легкомыслія (басня: Стрекоза и Муравей), хитрость (басня: Ворона и Лисица), гасконская находчивость (басня: Лисица и виноградъ), своекорыстное злоупотребленіе силы (басня: Левъ въ сообществѣ съ Лошадью, Козою и Овцою), мстительность относительно безсильныхъ враговъ (басня: Левъ въ старости), насмѣшливое смиреніе (басня: Два Осла), неблагодарность (басня: Волкъ и Журавль), недоверчивость къ друзьямъ и дружбѣ (Parole de Socrate). А кромѣ такихъ, относительно нравственныхъ, басенъ, обучающихъ дѣтей — быть маленькими эгоистами и практическими людьми, сколько есть басенъ, которыхъ направленіе совершенно безнравственно. Приведемъ, для примѣра, только три изъ нихъ. Кто не знаетъ басни «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ». Не проповѣдуются ли въ ней, косвеннымъ образомъ, немилосердая жестокость къ безвреднымъ хвастунамъ? А изъ басни: «Сверчокъ», не прямо ли можно вывести оправданія для безжалостности къ животнымъ? Кто поручится, что басня: Дитя и Школьный учитель (l'Enfant et le Maître d'École) не родитъ въ ребенкѣ сомнѣнія въ авторитетѣ старшихъ и не сдѣлаетъ его насмѣшливымъ?

Вы рассчитываете на то, что дитя только выучитъ на па-

мать эти басни, что онѣ только послужать къ упражненію этой способности. Но почему-же, въ такомъ случаѣ, въ видахъ нравственной пользы, вы запрещаете говорить при дѣтяхъ о безнравственныхъ вещахъ. Почему вы четырнадцати-лѣтней дочери вашей, для упражненія во французскомъ языкѣ, не даете читать романовъ Жоржъ-Занда, Поль-де-Кока или даже *Rucelle d'Orléans* Вольтера? или потому, можетъ-быть, что вы боитесь болѣе тѣлеснаго, нежели нравственнаго, растлѣнія вашихъ дѣтей?... Или потому, что басни дитя учить въ раннѣйшемъ возрастѣ? Да, вѣдь, если оно основательно заучить ихъ, то эти басни останутся у него въ памяти, по-крайней-мѣрѣ по содержанію, и въ позднѣйшемъ возрастѣ. А если дитя, не смотря на свой возрастъ, пойметъ и усвоитъ изъ нихъ именно ту мораль, на которую мы указали и которая косвеннымъ образомъ заключается въ нихъ, то не получитъ ли его сердце неминуемой склонности къ жесткости, безчеловѣчію и глумленію надъ всѣмъ, что непосредственно, безъискусственно нравственно.

Сказаннаго достаточно, чтобы доказать то, что мы имѣли въ виду; а именно: что заучиванье такого рода сочиненій, какъ помѣщенные г-жою Тастю въ отдѣлѣ упражненія памяти — 1) несвоевременно, въ томъ возрастѣ, для котораго составлена ея книга, (отъ 4 до 9 лѣтъ), потому-что не отвѣчаетъ потребностямъ дитяти; 2) не необходимо, потому-что память дитяти упражняется всѣмъ, что преподается ему, и кромѣ того должна быть упражняема на предметахъ, имѣющихъ абсолютную важность въ обученіи; 3) вредно общей экономіи нравственнаго состава дитяти.

Послѣ втораго урока письма и восьмага урока чтенія, г-жа Тастю, въ часы отдохновенія, играючи, учить дѣтей цыфрамъ, счисленію до ста и объясняетъ — какъ смотрѣть на часы. Въ этомъ уже сказывается нѣкоторый проблескъ пониманія того, что наука должна быть приведеніемъ въ сознаніе жизни. Жаль только, что г-жа Тастю, какъ и большая часть практическихъ воспитательницъ, не понимаетъ, что именно наука, такимъ образомъ, при случаѣ, преподаваемая, наиболѣе развиваетъ дѣтскій умъ и рождаетъ въ немъ истинную любознательность, не удовлетворяющуюся одними занимательными для воображенія фактами, а требующую раскрытія сущности ихъ. Впрочемъ мы не хотимъ сказать этимъ, что случай долженъ быть всегда выжданъ: воспитатель вправѣ создавать его, только нужно, чтобы, на первыхъ порахъ, наука была тѣсно связана съ жизнію, что-

бы въ ребенкѣ утвердилось убѣжденіе, что учебные предметы имѣютъ цѣлью раскрыть для него то, что прежде являлось ему непонятнымъ, безсвязнымъ и безпричиннымъ въ окружающемъ мірѣ и въ немъ самомъ.

Ариѳметика слѣдуетъ у г-жи Тастю непосредственно за упражненіями словесной памяти, которыя мы уже оцѣнили по достоинству. Въ изложеніи ариѳметики г-жа Тастю придерживалась передѣлки песталоцціевой ариѳметики Бонифасомъ; оттого у нея эта часть обработана почти удовлетворительно. По песталоцціеву методу, занятія дѣтей вычисленіями могутъ начаться очень рано: исходною точкою къ нимъ обыкновенно будетъ случай, который встрѣтится на каждомъ шагу. Дѣти очень скоро и почти безъ труда выучиваются простымъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ. Нужно только, чтобы, передъ тѣмъ, какъ приступить къ показыванію ихъ, въ дитяти естественно родилась, или искусственнымъ образомъ была порождена потребность въ этомъ знаніи. Но и здѣсь мы желали бы поменьше послѣдственности, побольше послѣдовательности и сообразности съ дѣтскими понятіями въ преподаваніи. А именно: намъ кажется, что г-жа Тастю ошибается, думая, что, уже въ самомъ началѣ обученія ариѳметикѣ, можно отвлекать число отъ конкретирующаго его названія. Переходъ отъ конкретнаго числа къ абстрактному вовсе не такъ легокъ и удобопонятенъ для дѣтей, какъ это кажется практическимъ воспитательницамъ, которыя нисколько не затрудняются, даже безъ мажйшаго приготовленія, прямо начинать дѣйствія съ абстрактными числами. Правда, дитя довольно скоро научается ариѳметическимъ дѣйствіямъ съ отвлеченными числами, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно поняло, что такое отвлеченное число.

Конкретность дѣтскихъ представленій есть физиологическій фактъ, основанный на законѣ развитія нашего нравственнаго міра. Абстрактное, только мало по малу, по мѣрѣ развитія, становится доступнымъ сознанію; а есть такія абстрактныя понятія, которыя требуютъ весьма продолжительнаго подготовленія, чтобы сдѣлаться понятными.

Въ данномъ отношеніи рутина, опытъ увлекательнѣе и обманчивѣе, нежели въ какомъ-либо другомъ. Вышепоказаннымъ способомъ, какъ мы сказали, дѣти дѣйствительно выучиваются ариѳметическимъ дѣйствіямъ съ отвлеченными числами, даже приобрѣтаютъ нѣкоторую степень ловкости, быстроты въ комбинированіи ихъ, и, по видимому, совершенно понимаютъ, что дѣ-

лаютъ. Чтобы открыть намъ глаза на нашу ошибку, надо, чтобы встрѣтился какой-нибудь простой случай, гдѣ дитятѣ пришлось бы на дѣлѣ доказать свое пониманіе сущности дѣла. Но и тогда, рѣдкая воспитательница останавливается въ механическомъ преподаваніи ариметики. Большая часть утѣшаютъ себя тѣмъ, что чего дитя не понимаетъ теперь, то пойметъ позже.

И дитя привыкаетъ къ этому механизму комбинацій, въ которыхъ числа являются ему чѣмъ-то, въ родѣ уродливыхъ призраковъ. Призраки появляются на аспидной доскѣ, отплясываютъ танецъ, который называется сложениемъ, вычитаніемъ, умноженіемъ или дѣленіемъ, потомъ исчезаютъ и замѣняются новыми призраками.

Ужъ если необходимо отступить отъ метода Песталодди относительно времени перехода отъ конкретныхъ къ абстрактнымъ числамъ, то я предложилъ бы сначала обучать дитя всѣмъ ариметическимъ дѣйствіямъ по купеческимъ счетамъ. Здѣсь мысль ребенка опиралась бы, по крайней мѣрѣ, на конкретную единицу, которою была бы косточка счетовъ, до тѣхъ поръ, пока голова ученика не созрѣла бы до того, чтобы представить себѣ отвлеченное число. Косточка счетовъ сначала будетъ для дитяти конкретомъ, единичнымъ предметомъ, потомъ замѣною, представительницею того или другаго предмета, наконецъ представительницею всякаго предмета и совокупностей предметовъ, мѣръ и вѣсовъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, хотя преподаваніе ариметики и можетъ быть умѣстнымъ въ томъ возрастѣ, для котораго назначается книга г-жи Тастю (отъ 4 до 9), потому что потребность въ ней можетъ родиться въ умѣ дитяти, однако рутинна, и въ этомъ отношеніи, заставляетъ желать важныхъ переменъ.

Но вотъ, мы дошли до преподаванія грамматики дѣтямъ, имѣющимъ отъ 4 до 9 лѣтъ отъ роду. Грамматики? Не ужели это не покажется несообразностью, даже нецѣпостью? Нисколько. Рутинна освятила эту нецѣпость, которая держится, какъ обычай, отъ поколѣнія до поколѣнія, уже нѣсколько сотъ лѣтъ.

Я вспоминаю одинъ случай, доказывающій силу привычки. У меня есть знакомый, уже болѣе 20 лѣтъ, зиму и лѣто, проживающій въ деревнѣ. Построивъ домъ, этотъ господинъ имѣлъ странную мысль сдѣлать на всѣхъ дверяхъ надписи, согласно назначенію комнатъ, въ которыя двери ведутъ. Будучи холостымъ, мой знакомый любилъ читать; въ послѣдствіи, вступивъ въ сады Гименея, онъ утратилъ охоту къ чтенію; за то сталъ

очень регулярно, съ утра до вечера, пить различныя настойки и наливки. Такъ какъ домъ строился еще въ пору его пристрастія къ чтенію, то одна изъ комнатъ, въ которой на полкахъ разставлена была небольшая библіотека, получила названіе храма наукъ. Это названіе, написанное масляною краскою на дверяхъ комнаты, сохранилось до сего дня, хотя комната съ тѣхъ поръ получила совершенно иное назначеніе, а именно: въ ней помѣщается камердинеръ изъ дворовыхъ, не умѣющій ни читать, ни писать, такъ же какъ и баринъ очень пристрастный къ крѣпкимъ напиткамъ и имѣющій совершенную антипатію къ чистоплотности. Такимъ образомъ, прежняя библіотека, изъ которой книги вынесены куда-то на чердакъ и большею частью съѣдены мышами, превратилась въ грязную конурку съ отвратительнымъ запахомъ жилья, въ которой, съ утра до утра, раздается храпъ и сопѣніе барскаго камердинера, никогда не устающаго спать. Но что во всемъ этомъ самаго смѣшнаго, комната Антипа продолжаетъ называться, по надписи на дверяхъ, храмомъ наукъ.

Но что же вы находите несообразнаго, нелѣпаго въ преподаваніи грамматики дѣтямъ, имѣющимъ отъ 4 до 9 лѣтъ отъ роду? спрашиваетъ послѣдователь или послѣдовательница рутины, съ улыбкою торжества опираясь рукою о плечо одного изъ своихъ учениковъ, который превосходно знаетъ грамматику вдоль и поперекъ. А вотъ что!

Грамматика, какъ и всѣ науки, порождена потребностью мыслящаго ума отдавать себѣ отчетъ въ сущности и законахъ явленій, какъ физическаго, такъ и нравственнаго порядка. Она основана на томъ, что наше слово, такъ же какъ и мысль, которой оно служитъ выраженіемъ, есть организмъ, подчиненный извѣстнымъ неизмѣннымъ законамъ, которые мы можемъ привести въ свое сознаніе. Поэтому грамматика есть наука о законахъ слова, такъ же, какъ логика — наука о законахъ мышленія. Опредѣленіе грамматики, какъ руководства къ правильному употребленію словъ въ разговорѣ и письмѣ, справедливо только относительно иностранныхъ языковъ, которыхъ мы не можемъ изучать практически. Польза отечественной грамматики менѣе непосредственна: эта польза, заключается въ томъ, что отечественная грамматика убѣждаетъ насъ, что употребленіе, которое мы дѣлаемъ изъ словъ въ разговорѣ и письмѣ, основано не на произволѣ, а на законахъ, источникъ которыхъ заключается въ логикѣ человѣческаго мышленія и въ духѣ извѣстнаго языка

Сама г-жа Тастю, въ предисловіи къ книгѣ правописанія, заключающей въ себѣ рядъ статей, назначенныхъ для диктованья, говоритъ, что научиться правописанію можно только съ помощью продолжительнаго письма подъ диктовку. А въ томъ, что правильное употребленіе словъ въ разговорѣ зависитъ отъ привычки, приобретенной человѣкомъ въ дѣтствѣ, безъ содѣйствія грамматики, въ слѣдствіе одного того, что первые наставники исправляли его ошибки и сами правильно говорили, въ этомъ всякій, вѣроятно, убѣжденъ столько же, сколько и г-жа Тастю. Спрашивается: для чего же служить грамматика въ томъ возрастѣ, въ которомъ умъ еще не можетъ имѣть потребности отдавать себѣ отчетъ въ законахъ языка.

Синтетическое мышленіе, идущее отъ частнаго, конкретнаго къ общему, абстрактному, развивается у дѣтей гораздо ранѣе аналитическаго мышленія, которое слѣдуетъ противоположному пути, т. е. отыскиваетъ въ общемъ составныя его части, конкретны.

Слово есть выраженіе общаго понятія о предметѣ, свойствѣ, дѣйствіи или отношеніи. Образовать слово можетъ только тотъ, у кого представленіе о предметѣ, свойствѣ, дѣйствіи или отношеніи, отрѣшившись отъ всѣхъ своихъ конкретныхъ признаковъ, стало въ сознаніи общимъ понятіемъ. Какъ медленъ процессъ этого образованія словъ, видно изъ того, что онъ продолжается еще и тогда, когда уже люди давно выражаются на извѣстномъ нарѣчій. По мѣрѣ того, какъ народъ умственно преуспѣваетъ, понятія, выражаемыя словами, становятся все общѣе, и многообъятнѣе; слѣдовательно количество словъ становится меньше. Такъ въ языкахъ народовъ дикихъ и необразованныхъ слова выражаютъ еще довольно-конкретныя представленія, которыя современемъ все болѣе обобщаются. Когда, такимъ образомъ, изъ нѣсколькихъ общихъ представленій, составилось у народа одно общее понятіе, тогда слѣдовательно нѣкоторыя слова становятся лишними и забываются или сохраняются въ однихъ мѣстныхъ идиомахъ. Такъ въ языкахъ дикарей Тихаго океана встрѣчаются по нѣскольку десятковъ словъ для выраженія инаго самаго будничнаго понятія, потому-что это понятіе еще не успѣло въ ихъ мышленіи отрѣшиться отъ конкретирующихъ его признаковъ.

Ребенокъ не создаетъ словъ, а получаетъ ихъ готовыми, поэтому, для него, органическая связь между понятіемъ и словомъ, связь, состоящая въ томъ, что второе есть продуктъ сознанія

общности перваго, нарушена. Дитя долго приписываетъ слово конкретному представленію, потому что, большею частью, получаетъ его ранѣе, нежели составило себѣ соотвѣтствующее общее понятіе, а между тѣмъ не въ состояніи еще анализировать его. Поэтому, и объяснить ему общее понятіе невозможно иначе, какъ замѣнивъ его сначала конкретнымъ представленіемъ. Только мало-по-малу, съ лѣтами, умъ ребенка усваиваетъ себѣ процессъ создаванія общихъ понятій, а еще позже процессъ анализированія ихъ.

Очевидно, что, до этого времени, дитя учитъ грамматику наизусть и хотя достигаетъ механической ловкости въ угадываніи частей рѣчи, въ измѣненіяхъ ихъ и пр., однако, съ другой стороны представленія его получаютъ самую странную сбивчивость. Большею частію, рѣчь дитяти бываетъ комбинаціею частныхъ представленій. Слово и конкретный предметъ, къ которому дитя относитъ его, составляютъ для него одно и то же. Въ грамматикѣ слово разсматривается само-по-себѣ, какъ выраженіе абстракта, понятія, какъ объектъ духовнаго порядка. Подъ словомъ: «столъ» дитя понимаетъ выражаемый имъ предметъ и именно тотъ столъ, который передъ нимъ. А въ грамматикѣ самое слово: «столъ» есть предметъ, который подвергается разсмотрѣнію и изслѣдованію. Здѣсь вы самое слово, выражающее общее понятіе, которое, какъ я сказалъ, для ребенка пока еще есть только конкретное представленіе, обобщаете на основаніи однихъ законовъ мысли и языка; т. е. совершенно субъективно, безъ прямого отношенія къ свойствамъ самого понятія, выраженного словомъ, къ объективной сущности его. Посмотрите, какой скачокъ вы дѣлаете: ребенокъ еще не можетъ услѣдить за вами въ составленіи общаго понятія о предметѣ, и принужденъ, до поры, замѣнить его частнымъ представленіемъ, которое и соотвѣтствуетъ, по его мнѣнію, слову, а вы хотите, чтобы онъ, изъ этого плохо понятаго слова, независимо, или почти независимо отъ объективной сущности выражаемаго имъ понятія, сдѣлалъ предметъ разсмотрѣнія. Въ грамматикѣ «чистота и грязь» суть имена существительныя нарицательныя, женскаго рода, единственнаго числа. А для ребенка чистота есть качество, которое придается предмету чищеньемъ, мытьемъ, скобленьемъ; а грязь есть та жидкая масса, которая происходитъ изъ смѣшенія земли съ водою. Какая сбивчивость должна произойти въ его головѣ отъ сближенія такихъ противоположныхъ представленій. Грамматика говоритъ, что «красный» есть имя прилагательное а «красота»

есть имя существительное а «красно» есть нарѣчіе, что «ложь» есть имя существительное, а «лгать» есть глаголъ; и сама же отказывается объяснить ребенку — почему все это такъ, а заставляетъ принимать свои изрѣченія на слово. Какъ объяснить ребенку субъективное основаніе грамматическаго дѣленія словъ на части рѣчи, не говоря о вещахъ еще недоступнѣйшихъ дѣтскому уму?

Но если-бы это и было возможно, то не смѣшно-ли начинать съ субъективнаго значенія словъ, тогда какъ объективное значеніе ихъ еще не вполне понятно дитяти. Повторяю: ребенокъ принимаетъ слово за выраженіе частнаго представленія о предметѣ. Но и въ конкретномъ предметѣ онъ знаетъ одну только наружную сторону, а не сущность, которая, какъ извѣстно всякому, познается только чрезъ сравненіе и противоположеніе. И вотъ, вмѣсто-того, чтобы помочь ему въ этомъ трудѣ познаванія сущности предметовъ посредствомъ сравненія и противоположенія ихъ другъ-другу, чѣмъ вы много способствовали бы образованію правильныхъ понятій, вы начинаете съ того, что принимаете слова въ субъективномъ значеніи ихъ. А такъ-какъ слова для ребенка суть выраженія представленій о тѣхъ-же предметахъ, даже въ большей части случаевъ, суть, просто, тѣ-же предметы, то онъ въ этомъ хаосѣ и не разберетъ ничего. Конкретныя представленія, добываемыя самимъ дитятею, вслѣдствіе ознакомленія съ окружающимъ міромъ — въ явномъ разладѣ съ грамматическою классификаціею выражающихъ эти представленія словъ. Какъ согласить такія противурѣчія, истекающія изъ того, что грамматику преподаютъ дѣтямъ не въ свое время. Дѣло рѣшаютъ, повидимому, очень-просто. Такъ-какъ непосредственный дѣтскій умъ еще неспособенъ къ субъективнымъ воззрѣніямъ, то и стараются относить то къ объективной сущности понятій, что, на самомъ дѣлѣ, относится къ субъективной сущности выраженій. Вообразите себѣ теперь хаосъ, который держится въ дѣтской головѣ до-тѣхъ-поръ, пока мысль достигнетъ въ ней той степени упругости, которая необходима для анализа самой себя и своего продукта — слова... Вообразите себѣ странное міровоззрѣніе, которое вы сообщаете малюткѣ, вмѣсто объясненій предметовъ по ихъ внутренней объективной сущности, давая ему классификацію ихъ на основаніи субъективной сущности словъ.

Въ познаваніи окружающаго міра, мысль развивается органически: отъ познанія особей она переходитъ къ познанію вида,

отъ познанія вида къ познанію рода и т. д. Чѣмъ органичнѣе, т. е. существенно необходимѣе, объективно истиннѣе этотъ процессъ обобщенія въ мысли, тѣмъ и самое развитіе мышленія, основанное на повтореніи этого процесса, строже и органичнѣе.

Логика природы совершенно тождественна съ логикою человѣческой мысли, потому-что первая есть объективное проявленіе закона, который во второй подтверждается субъективно. Если начать съ того, что познакомить ребенка съ объективною логикою природы, идущей отъ частнаго къ общему и совершенно-сходной съ логикой непосредственнаго дѣтскаго ума, если показывать дитяти — какъ особь въ природѣ, въ объектѣ, становится видомъ, видъ родомъ, семействомъ и классомъ, на основаніи существенныхъ признаковъ, отличающихъ одни особи отъ другихъ, одинъ видъ отъ другаго, одинъ родъ, одно семейство и классъ отъ другихъ, тогда общія понятія о предметахъ, видахъ, родахъ и пр. создадутся въ головѣ дитяти необходимо, органически, такъ-какъ они позже создались бы, при счастливыхъ обстоятельствахъ, изъ самомышленія.

Насильственное перенесеніе умственной точки зрѣнія изъ міра фактовъ и явленій одиночныхъ въ міръ абстрактной мысли есть такой скачокъ, въ слѣдствіе котораго умъ дитяти однажды навсегда утрачиваетъ свою непосредственность и естественность, и навсегда лишается объективнаго критериума въ своихъ сужденіяхъ о вещахъ. Преждевременность понятій, сообщаемыхъ ребенку грамматикою и которыя онъ принужденъ принимать на слово, безъ повѣрки, усваиваетъ ему привычку руководиться чужою мыслью и не только не развиваетъ, но еще облѣбниваетъ его умъ. Сближеніе общихъ понятій, которыхъ дитя само еще не въ состояніи органически создать, съ конкретными представленіями, по мнѣнію дитяти, лежащими въ основаніи словъ, производитъ въ дѣтской головѣ странный хаосъ, въ которомъ іероглифическія грамматическія формулы перемѣшаны съ представленіями о предметахъ окружающаго міра.

Теперь оглянемся на пройденный дитятею досегѣ путь и постараемся воспроизвести кругъ познаній, сложенныхъ въ головѣ его. Положимъ, ребенокъ выучилъ наизусть всѣ басни и стихи, содержащіеся въ книгѣ г-жи Тастю, онъ знаетъ четыре ариѳметическія дѣйствія и грамматику.

Что существеннаго узналъ онъ изъ окружающаго міра? На какіе вопросы пробудившейся любознательности отвѣтила ему

наша наука? Можетъ-ли онъ ощутить чувство удовлетворенной потребности и полюбить за это книгу?

Онъ узналъ, какъ говорили-бы звѣри, еслибы умѣли говорить; узналъ, пожалуй, изъ этого, какъ поступаютъ люди съ различными индивидуальными характерами и свойствами, зачлѣвъ возвышенныя мысли поэтовъ о Богѣ, о природѣ, о вѣчной истинѣ въ противоположеніи съ временною ложью, узналъ самыя простыя численныя отношенія, въ которыя могли быть поставлены предметы, или, лучше сказать, абстрактныя единицы, между собою. Во всемъ этомъ еще не заключается ни одного положительнаго знанія о сущности предметовъ самихъ въ себѣ.

Объ этой сущности онъ узналъ только то, что дошло до него случайно.

Но можетъ быть грамматика знакомить съ этою сущностью, съ объективною истиною? Мы доказали противное. Она и не касается области объективной истины въ природѣ. Ея дѣло раскрыть законы слова: она разсматриваетъ внѣшній міръ въ его отраженіи въ мысли, въ субъектѣ.

Розовому ребенку, погруженному въ ознакомленіе съ окружающимъ міромъ, имѣющему настоящую потребность воспріять связь между разнородными явленіями со всѣхъ сторонъ напирющей на него дѣйствительности, грамматика толкуетъ о связи между словами, о классификаціи словъ, объ измѣненіи словъ и пр. и пр. и пр. Какова логика обученія, основаннаго на опытѣ и пренебрегающаго научнымъ основаніемъ?

Прежде, нежели ребенокъ узнаетъ, что этотъ камень есть кремень, а этотъ — гранитъ, а этотъ — песчаникъ, что это растеніе есть дерево, а это — кустарникъ, а это — былинка, а это — злакъ, что это животное — млекопитающее, а это — пресмыкающееся, а это — птица, грамматика учитъ его, что всѣ эти названія, принадлежація предметамъ, суть имена существительныя. Прежде нежели ребенокъ убѣдится, что въ предметахъ природы есть признаки существенные и случайные, грамматика скажетъ ему, что названія всѣхъ признаковъ суть имена прилагательныя, и что эти прилагательныя бываютъ: качественныя, числительныя, притяжательныя и обстоятельственныя, и что числительныя бываютъ количественныя и порядочныя и т. д. Потомъ грамматика еще будетъ увѣрять его, что между названіемъ признака, приписываемаго предмету, и названіемъ признака, взятаго отвлеченно, въ томъ видѣ, какъ онъ только можетъ быть представленъ въ нашемъ мышленіи, но не суще-

ствуетъ въ природѣ, есть существенное различіе, что первое есть имя прилагательное, а второе имя существительное. И многое подобное узнаеть онъ изъ грамматики о названіяхъ предметовъ, и ничего не узнаеть о самихъ предметахъ, съ которыми ему такъ хотѣлось-бы познакомиться. Ему хотѣлось-бы знать, какъ это летаетъ птица, и почему не летаетъ лошадь? А грамматика глубокомысленно твердитъ ему, что птица въ творительномъ падежѣ единственнаго числа имѣетъ окончаніе *ю*, что летать есть глаголъ средній перваго спряженія и различія, неокончательнаго неопредѣленнаго вида, неокончательнаго наклоненія; что этотъ глаголъ, въ изъявительномъ наклоненіи наст. врем., имѣетъ летаю и т. д.

Дитя хотѣло-бы знать — какъ живетъ этотъ цвѣтокъ, который такъ радуеть его взоръ роскошною чашечкою, а его заставляютъ склонять слово «цвѣтокъ».

Неужели вы думаете, что ребенка не поразитъ это несогласіе между его потребностями и тѣмъ, что даетъ ему наука; что онъ будетъ охотно слѣдовать за преподавателями по этому морю словъ, предложеній и періодовъ, тогда какъ онъ предчувствуетъ, что есть другая наука, которая прямо вводитъ въ прекрасный Божій міръ и показываетъ сокровенныя чудеса его.

Но необходима-ли грамматика, по-крайней-мѣрѣ, какъ дополненіе къ обученію и письму! Научаетъ-ли она ребенка правильному употребленію словъ въ разговорѣ и письмѣ, и совершенно-ли неизбѣжна она въ этомъ отношеніи? Наконецъ: есть-ли въ томъ возрастѣ, въ которомъ нашъ питомецъ, надобность — говорить и писать грамматически вѣрно!

Мы уже выше сказали, что практика въ этомъ возрастѣ можетъ довести дитя до безошибочнаго употребленія словъ въ разговорѣ и письмѣ. Кромѣ-того, ребенокъ еще долго послѣ того, какъ выучитъ грамматику наизусть, а можетъ-быть и никогда не привыкнетъ прилагать эту груду грамматическихъ правилъ къ живому слову и письму. Но еслибы грамматика дѣйствительно была въ состояніи непосредственно научать правильному употребленію словъ въ разговорѣ и письмѣ, то стоитъ-ли эта цѣль такихъ успій и напряженій, какія грамматика заставляетъ дѣлать дѣтскій умъ! Неужели такъ важно, чтобы нашъ питомецъ никогда не ошибался, никогда не ставилъ *e* вмѣсто *ь* или *ъ* вмѣсто *з*? Неужели стоитъ тратить драгоценныя годы первой науки, когда еще ребенокъ не имѣетъ матерьяла для разговора и письма, на то, чтобы онъ, въ своей болтовнѣ, или въ чужихъ

словахъ, изреченіяхъ, періодахъ, которые пишетъ подъ диктовку, не дѣлалъ грамматическихъ ошибокъ?

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что преподаваніе грамматики въ возрастѣ, продолжающемся отъ 4-хъ до 9-ти лѣтъ, совершенно неумѣстно, потому что 1) вовсе не соответствуетъ первымъ проблемамъ рождающейся любознательности; 2) не развиваетъ, а мѣшаетъ правильному развитію мышленія; 3) не сообщаетъ никакого положительнаго знанія ребенку, ибо то знаніе, которое грамматика сообщаетъ, не имѣетъ еще для него положительнаго значенія; 4) бесполезно отнимаетъ время, которое могло-бы быть употреблено на ознакомленіе съ объективною сущностью предметовъ; наконецъ 5) вредно для общей нравственной экономіи дитяти.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ послѣднемъ вліяніи преподаванія грамматики въ раннемъ дѣтствѣ.

Грамматика можетъ быть названа анатоміею языка. Для того, чтобы опредѣлить законы языка, необходимо признать извѣстный моментъ развитія его за неизмѣнный и на немъ основать свои изслѣдованія. Для того-же, чтобы разсмотрѣть извѣстныя формы языка, надо вырвать эти формы изъ живой фразы, или, лучше сказать, разбить, убить фразу, и потомъ уже разсматривать ея составныя части.

Способъ обученія грамматикѣ, чѣмъ онъ практичнѣе, тѣмъ болѣе напоминаетъ такую работу надъ трупомъ. Разбираемая фраза должна утратить всю свою жизненность, чтобы подвергнуться грамматическому разсмотрѣнію. Ученикъ не долженъ интересоваться содержаніемъ ея, для того, чтобы не развлекаться отъ формы, которой законы учитель толкуетъ ему. Онъ долженъ смотрѣть на эту форму, какъ на отвлеченную, бессодержательную, или, по-крайней-мѣрѣ, не интересную по содержанію. Сколько сухости, отвлеченной формальности въ такой работѣ! И какъ должна она противурѣчить потребностямъ воображенія, этой жизненной способности, воздѣйствующей па весь ходъ нравственнаго развитія дитяти! Въ этомъ отношеніи грамматика приноситъ столько-же вреда, сколько пользы могли-бы принести первому возрасту естественныя науки.

Естественныя науки приучаютъ дитя обуздывать фантазію фактами дѣйствительности, доступной дѣтскому уму, не отвлеченной, и способной, въ то же время, доставлять здоровую пищу фантазіи. Жизнь растенія или животнаго, рассказанная живо и увлекательно, оставляетъ фантазіи широкое поле дѣятельности,

а вмѣстѣ съ тѣмъ, уточняетъ представленія ея о природѣ, даетъ имъ почву, основаніе низводитъ ихъ изъ сферы дѣтской мечты, въ которой они вращались вслѣдствіе невѣдѣнія. Напротивъ составъ мертвой фразы пригнетаетъ воображеніе дитяти въ видахъ развитія ума. Если мы хотимъ, чтобы предметы перваго обученія заохотили дитя къ наукѣ, то надо, чтобы они благотворно дѣйствовали на воображеніе. Благотворнымъ можетъ быть названъ только такой образъ дѣйствія на фантазію, который, уточняя ее, въ то-же время, будетъ питать ее здоровою пищею. Искривленіе же наукою непосредственной дѣтской природы чрезъ подавленіе одной способности другою, смотря по тому — сильна или слаба нравственная организація дитяти, поведетъ или къ тому, что дитя будетъ смотрѣть на науку, какъ на своего врага и убѣгать отъ нея, какъ отъ чумы, или къ тому, что оно сдѣлается сухимъ, пошлымъ педантомъ, любящимъ самый процессъ науки, независимо отъ содержанія ея. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда наука не успѣваетъ подавить фантазіи — эта послѣдняя, втихомолку произвольно развиваясь въ видѣ реакціи налагаемому извнѣ деспотизму ума, получитъ неестественное, искривленное направленіе, перейдетъ въ мечтательность, въ болѣзненные сны на яву, и можетъ даже получить вредный перевѣсъ надъ другими способностями. Такимъ образомъ именно то, что должно было развитъ умъ, послужитъ къ ослабленію его. Хорошо еще, если развитіе нравственнаго чувства не даетъ фантазіи принять дурнаго направленія: въ противномъ же случаѣ — бездна открывается подъ ногами вашего питомца; ибо кто опредѣлитъ мѣру безпорядочности, до которой можетъ дойти въ своихъ картинахъ фантазія, необуздываемая благотворнымъ вліяніемъ даваемой ей пищи, и потому извлекающая себѣ пищу изъ всего, что встрѣчается.

Едва-ли еще не хуже послѣдствія несвоевременнаго преподаванія такихъ предметовъ, какъ грамматика, на ребенка съ слабою фантазіею, на натуру мелкую, будничную. Здѣсь обученіе грамматикѣ проходитъ по душѣ какъ самумъ или сирокко по степи, сжигая и искореняя весь доставшійся на ея долю цвѣтъ, и разомъ надолго лишая ее послѣдней надежды на оплодотвореніе. Подъ вліяніемъ этой разрушительной науки, дитя вскорѣ дѣлается старцемъ, песноснымъ резонёромъ, бездарнымъ, холодно-расчетливымъ, разсудочно-гордымъ анатомомъ жизни. Чувство его, неразширяемое, неохраемое воображеніемъ, заглохнетъ, умъ слузится, и воля, не встрѣчая сопротивленія ни въ чемъ,

съ державною гордостью воспарить надъ кладбищемъ нравственнаго міра.

Посмотрите вокругъ: къ чему приводитъ современное первоначальное обученіе? Что видимъ мы въ молодожъ поколѣній, вскормленномъ наукою, оторванною отъ жизни и чуждающею ея? Это поколѣніе состоитъ изъ мечтателей и сухихъ богатырей воли, между которыми, только очень рѣдко, мелькнетъ человѣкъ съ гармонически развитымъ нравственнымъ міромъ, мелькнетъ, какъ странный метеоръ и скорѣ исчезнетъ, ибо не найдетъ въ окружающей толпѣ отвѣтнаго себѣ существа.

Но неужели, спросятъ меня, вовсе не должно учить грамматикѣ? Напротивъ! Я только намѣренъ доказать, что всякая вещь полезна на своемъ мѣстѣ; что всякая наука должна быть преподаваема тогда, когда отвѣчаетъ нравственной потребности учащагося и сообразна съ его силами. Я думаю, что потребность въ общей грамматикѣ можетъ явиться только вслѣдствіе потребности въ частной. Изъ частныхъ же грамматикъ отечественная, менѣе всякой другой, можетъ стать потребностью въ дѣтскомъ возрастѣ. Теоретическое-же обученіе иностраннымъ и древнимъ языкамъ мы желали бы отодвинуть сколько можно далѣе отъ возраста дѣтства, въ возрастъ отрочества или даже юности, что не могло-бы быть помѣхою практическому обученію имъ. Тогда уже, когда первоначальная наука познакомила юношу съ объективною истинною природою, съ сущностью вещей и явленій, развила умъ до той степени, которая нужна для наблюденія надъ явленіями субъективнаго міра, когда потребность изученія иностранныхъ или древнихъ языковъ родится вслѣдствіе особенно развитой лингвистической способности, или какъ средство для полнѣйшаго уразумѣнія исторіи народовъ, изученіе грамматикъ будетъ умѣстно, своевременно, и потому полезно. Но и тогда она должна преподаваться иначе, нежели у насъ, а именно: изложивъ на отечественномъ языкѣ общую грамматику, преподаватель долженъ приступить къ грамматикѣ иностраннаго языка въ сравненіи съ отечественною. Такой сравнительный методъ много сократитъ время, нужное для ознакомленія съ грамматикою, дастъ яснѣйшее, нагляднѣйшее понятіе о свойствахъ языковъ, выставя наружу точки, въ которыхъ сходятся и расходятся языки, и родитъ воззрѣніе на языкъ, какъ на органическое цѣлое, которое, при общихъ свойствахъ, имѣетъ еще и индивидуальныя черты, зависящія отъ нравственной физіономіи народа, говорящаго на немъ.

Въ видѣ отступленія, скажу, что въ настоящее время, когда отечественная литература все болѣе обогащается сочиненіями и переводами по всѣмъ отраслямъ наукъ, когда и классики уже могутъ частью быть прочтены въ русскомъ переводѣ, пора бы быть по-менѣе пристрастными къ языкамъ и пошире проходить науки, обогащающія умъ матерьялами, ибо *ars longa, vita brevis*.

По моему мнѣнію, въ наше время можно быть основательно образованнымъ человѣкомъ, зная одинъ свой отечественный языкъ. Подтверженія этому встрѣчаются между Англичанами, которые даже древніе языки не считаютъ обязательными для полного образованія.

Ф. Толст.

Прѣжніе и будущіе пути сообщенія Кавказа.

Уже дробить камни молотъ!...

А. С. ПУШКИНЪ.

Съ самаго начала русскаго владычества на Кавказѣ, путевыя сообщенія этой страны составляли главную заботу нашего правительства. Связуя Грузію съ Россіей, хорошо-устроенныя дороги служатъ однимъ изъ существенныхъ средствъ къ утверженію нашего значенія на Кавказѣ, къ облегченію его защиты и къ будущему развитію какъ тамошняго народнаго богатства такъ и государственныхъ доходовъ. Съ давнихъ поръ всѣ главноначальствовавшіе Грузіей употребляли для этого всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, но въ особенности, чтобы осуществить вѣковую мысль и превратить надежду въ дѣйствительность, приняты рѣшительныя средства въ настоящее время. Первымъ проявленіемъ этого намѣренія было развитіе пароходства по морьямъ Каспійскому и Черному, а равно и по немногимъ судоходнымъ горнымъ рѣкамъ какъ то: Курѣ, Кубани и Ріону, по которому пароходы ходятъ уже до Кутаиса. Мысль эта впрочемъ не нова; она занимала уже умъ Великаго Петра и входила въ его политическія соображенія, когда онъ бросалъ свой всеобъемлющій взглядъ на дѣла Персіи, посредствомъ которой стремился осуществить еще болѣе великій планъ — «торговлю съ Индіей.» Но исполненіе этого плана казалось ему еще не совсѣмъ полнымъ; онъ сознавалъ непостоянство и недостаточность исключительно одного морскаго пути и замышлялъ бо-

лѣе прочное сообщеніе— сухопутное. И точно, всѣ водяныя сообщенія, какъ бы ни были они усовершенствованы, не могутъ устранить необходимости удобнаго и надежнаго пути чрезъ Кавказскій хребетъ, потому во-первыхъ, что въ извѣстное время года навигація по обоимъ морямъ очень затруднительна, а иногда и вовсе прекращается; во-вторыхъ потому, что въ случаѣ войны Черное море для насъ закрыто, и наконецъ потому, что сообщеніе кавказской линіи съ Грузіей не иначе можетъ производиться какъ чрезъ главный хребетъ, помимо котораго нѣтъ пнаго сообщенія для передачи военныхъ извѣстій изъ Тифлиса на правое и лѣвое крыло. Итакъ, проложеніе горнаго пути всегда почиталось главною необходимостію, и всегда двѣ мѣстныя физическія преграды представляли множество затрудненій правительству; то — Кабардинская плоскость и первозданныя горы, возвышающіяся мѣстами до 7,728 футъ надъ уровнемъ моря.

Площадь Кабарды, великолѣпная равнина, занимающая уголъ между Тереккомъ, Малкою и сѣверными отлогостямъ Черныхъ горъ, перерѣзана множествомъ рѣчекъ, впадающихъ въ Мару, Хасаутъ, Маку, Терекъ, Сунжу и Камбилейку. При таяніи снѣговъ мелководныя рѣчки эти выступаютъ изъ береговъ, съ шумомъ и ревомъ prorѣзываютъ себѣ ходъ въ нѣдрахъ горъ и, разрушая все, что только слабо противится ихъ стремительному напору, образуютъ глубокіе овраги и ущелья, въ глубинѣ которыхъ, иногда не доступной для глаза, катятся ихъ мутныя волны. Почитаю при этомъ уже не нужнымъ распространяться о разлитіи самого Терека. Поэтъ выразился какъ нельзя вѣрнѣе, сказавъ, что «онъ воетъ между утесистыхъ громадъ своихъ».

Кавказскій хребетъ, подымающійся отъ устья Кубани до Апшеронскаго полуострова и представляющій единственный путь въ Грузію, чрезъ узкое ущелье, извѣстное изъ древности подъ названіемъ Алаунскихъ воротъ,—представляетъ до-сихъ-поръ еще болѣе физическихъ препятствій. Снѣговые и земляные завалы, засыпающіе иногда цѣлыя ущелья, громадныя лавины, періодически падающія съ горы Казбекъ, и еще другое страшное явленіе, называемое туземцами *селью* или *слѣдью*, противустояли до настоящаго времени всѣмъ усиліямъ науки и трудовъ человѣческихъ. Они всегда были роковою грозой жителей, разрушали ихъ жилища и зачастую самую жизнь.

Лавины и снѣговые и земляные завалы болѣе или менѣе понятны каждому, и потому распространюсь нѣсколько о *сели* —

засоренія сухихъ и глубокихъ овраговъ, нмѣющихъ свое начало близъ хребтовыхъ вершинъ.

Трудно себѣ представить, какія ежегодныя опустошенія производитъ эта *сель*, когда, скопившіяся въ котловинахъ, послѣ дождя, массы воды и грязи, встрѣчая преграды своему стремленію, переполняютъ овраги и разрушивъ натуральный оплотъ, образовавшійся отъ обвалившейся земли, деревьевъ и камней, падаютъ потомъ внизъ съ огромной высоты.

Мѣстный феноменъ этотъ въ особенности поразителенъ, близъ Степань-Цминда, на выпадающей въ Терекъ рѣчкѣ Куро. Въ періодъ таянія снѣговъ изъ истока Куро, начинающагося въ высочайшихъ мелкослопстыхъ шиферныхъ горахъ, стремится—обыкновенно въ маѣ и юнѣ мѣсяцѣ — разжиженная глиняная лава (п это сравненіе не будетъ преувеличеннымъ), обрывая на пути своемъ огромнѣйшіе камни, которыми заваливается дорога. Къ счастью подобныя изверженія продолжаются весьма короткое время—почти всегда не болѣе трехъ часовъ, но все-таки онѣ задерживаютъ сообщеніе и требуютъ долгихъ и усиленныхъ работъ.

Горный путь, проторенный еще въ древности Александромъ Македонскимъ на походѣ его къ Каспійскому морю и нашимъ тугатараканскимъ княземъ Мстиславомъ Удалымъ, былъ уже извѣстенъ русскимъ войскамъ съ 1769 года, когда они въ первый разъ, въ числѣ 400 человекъ при четырехъ орудіяхъ, сѣвшили въ Имеретію, подъ командою генераль-маіора графа Тотлебена *). Этотъ-то малый отрядъ и долженъ почитаться первымъ основателемъ нынѣшней военно-грузинской дороги, занимающей 288 1/2 верстное пространство отъ Екатеринодара до Тифлиса, раздѣляющей, по мѣстному характеру, на двѣ совершенно противоположныя части, именно — отъ Екатеринодара, лежащаго на лѣвомъ

---

*) Графъ Тотлебенъ родился въ Германіи и первоначально служилъ въ нидерландскихъ войскахъ, изъ которыхъ императрицею Елизаветой Петровной принятъ въ русскую службу съ чиномъ генераль-маіора. Онъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, находился въ 1759 году въ сраженіи при Франкфуртѣ, а въ слѣдующемъ году привудилъ генерала Рохова сдать Берлинъ, на который наложилъ контрибуцію. Въ царствованіе императрицы Екатерины II, Тотлебенъ былъ преданъ въ 1763 году, по политическимъ причинамъ, суду и приговоренъ къ лишенію чиновъ и знаковъ отличій (по инымъ — сосланъ даже въ Сибирь). Въ 1768 году онъ былъ уже, впрочемъ, на Кавказѣ и за оказанную храбрость удостоенъ прощенія. Годъ его смерти неизвѣстенъ. *Прим. редакціи.*

берегу Малки въ пяти верстахъ отъ слиянія ея съ Терекомъ, до Владикавказа, находящагося при самомъ Терекѣ (на разстояніи 107 $\frac{1}{2}$ верстъ) по Кабардинской плоскости, и отъ Владикавказа до Тифлиса (на разстояніи 180 $\frac{1}{2}$ верстъ) чрезъ Кавказскій хребетъ.

Вступивъ въ горы въ позднюю октябрьскую пору, смѣльчаки пролагали себѣ дорогу по отвѣснымъ скаламъ, чрезъ пропасти и стремительныя горныя ручьи, встрѣчая по всюду неблагоприятную мѣстность, пересѣкаемую только тропинками, проложенными туземцами, для взаимнаго сообщенія, или вьючными караванами армянскихъ и грузинскихъ купцовъ, съ которыхъ Осетины или брали большую пошлину или просто грабили. Ничто не остановило солдатъ Тотлебена—ни лабиринтъ разсѣлинъ, угрожавшій смертію отъ малѣйшаго невѣрнаго шага на скользкомъ пути, ни нечаянныя вьюги «на Чертовомъ полѣ», ни неожиданныя снѣговыя и гранитныя лавины, падающія съ высотъ Казбека. Сопутствуемые ненадежными вожаками (проводниками) они строили кое-гдѣ фашинные плотины; на пройденныхъ рѣкахъ, чтобы дать водамъ должное направленіе въ этомъ единственно и состояло все улучшеніе пройденнаго ими пространства.

Съ неменьшими трудностями перешли чрезъ горный хребетъ въ 1784 году два баталіона при четырехъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Бурнашева *), посланнаго графомъ Зубовымъ на помощь грузинскому царю Ираклію Таймуразовичу противъ нашествія Омаръ-Хана аварскаго, опустошившаго Сомхетію и ахалцыхскаго паши Сулеймана, угрожавшаго Тифлису.

Въ 1795 году переправились чрезъ Кавказскій хребетъ также два баталіона, подъ командою полковника Сиржѣева, посланные на помощь Тифлису, окруженному отрядомъ Ага-Махмедъ-Хана, но межъ тѣмъ опоздавшіе предупредить раззореніе этого города по причинѣ путевыхъ преградъ. Въ 1798 году, по тому же пути и при такихъ же невыгодныхъ условіяхъ, прошелъ чрезъ Кавказскій хребетъ, подъ командою генераль-маіора Лазарева, 17-й

---

*) Степанъ Даниловичъ Бурнашевъ, въ послѣдствіи курскій губернаторъ, сенаторъ и тайный совѣтникъ, долго жилъ въ Грузіи и своимъ вліяніемъ немало содѣйствовалъ къ признанію царемъ Иракліемъ русскаго подданства. Обративъ особенное вниманіе на тамошнюю страну въ географическомъ, статистическомъ и политическомъ ея отношеніи, онъ оставилъ послѣ себя много записокъ и кромѣ этого издалъ замѣчательную книгу, которую теперь нельзя найти въ книжной торговлѣ подъ заглавіемъ: «Описаніе областей Азербиджанскихъ въ Персіи и ихъ политическое состояніе». Книга эта издана была имъ въ Курскѣ.

Прим. редакціи.

Егерскій полкъ (нынѣ Лейбъ-Гренадерскій Его Величества Ериксонскій) при 4 орудіяхъ, послѣдовавшій въ Грузію по просьбѣ послѣдняго Грузинскаго Царя Георгія XIII. Наконецъ въ 1800 году въ сентябрѣ, перешелъ чрезъ горный перевалъ Кабардинскій полкъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Гулякова, приведшаго въ русское подданство, въ главнокомандованіе Грузіей князя Цицикова, Джиро-бѣлоканскихъ Лезгинъ.

Всѣмъ этимъ отрядамъ кажется удалось избѣжать, при своемъ слѣдованіи, самой важной и гибельной случайности—паденія тѣхъ громадныхъ обваловъ, которые періодически, чрезъ нѣсколько лѣтъ, спадаютъ съ вершинъ Казбека, наводя ужасъ на все окрестное народонаселеніе Горцевъ, и въ особенности—ближайшаго аула Гулетъ, не смотря на то, что они давно уже привыкли, по измѣненію цвѣта воды въ горныхъ ручьяхъ и потокахъ предугадывать предстоящую имъ опасность и вѣрно угадывать время низверженія снѣговыхъ массъ, отзывающихся громовымъ гуломъ на десятки верстъ въ окружности. Нужда и опасность всегда почти вызываютъ на отважные подвиги. Истина эта подтверждается жителями Гулета. Не дождавшись вызова многіе смѣльчичи добровольно поднимаются на высь Казбека и, пользуясь ночными заморозками, осматриваютъ вблизи нависшую лавину, опредѣляютъ ея положеніе и тотчасъ потомъ даютъ знать въ аулъ для принятія мѣръ къ безопасности домашняго скота и самихъ жителей, которые немедленно перебираются въ благонадежныя мѣста, иногда верстъ за шесть и дагѣе.

Со времени русскаго владычества на Кавказѣ, кромѣ ежегодныхъ незначительныхъ обваловъ съ вершины Казбека упали только три громадные завала. Это случилось въ 1808, 1817 и 1832 годахъ. Въ особенности губителенъ былъ заваль тридцать втораго года. Онъ засыпалъ на протяженіи до трехъ верстъ все ущелье льдомъ, снѣгомъ, камнями, осколками сѣраго гранита и зеленой яшмы и на восемь часовъ приостановилъ стремительное теченіе Терека, образовавъ близъ станціи Казбекъ, находящейся въ ложбинѣ, между отлогостями горъ довольно большое озеро. Заваль, скопившійся въ 1842 году и отремительно разогнавшій окрестныхъ жителей, остановился на одной изъ площадокъ Казбека и мало-по-малу раздробился и растаялъ. Заваль, обрушившійся въ 1854 году между Пассанауромъ, находящимся въ узкомъ ущельи на правомъ берегу Арагвы, и Буслачирскимъ постомъ, застигъ драгунскій Его Высочества Николая Николаевича полкъ, при слѣдованіи его на турецкую границу, и прикрылъ 45

человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ штабъ- и трехъ оберъ-офицеровъ и 60 лошадей, такъ что, не смотря на быструю помощь военно-рабочихъ командъ, расположенныхъ по тракту слѣдованія войскъ, 11 человѣкъ нижнихъ чиновъ и 15 лошадей погибли. Этотъ несчастный случай не произвелъ впрочемъ особеннаго впечатлѣнія на туземцевъ. Грузины, Гудомакарцы и Хевсурь, живущіе въ окрестности, съ дѣтства привыкли къ такимъ случайностямъ и не разъ бывали свидѣтелями какъ маловажные завалы, падающіе ежегодно и иногда по нѣскольку разъ, занесли цѣлые караваны верблюдовъ вмѣстѣ съ *черводарами*—погонщиками; засоренія же снѣгомъ дороги, прекращающія сообщеніе на десятки дней, не смотря на усиленные работы инженерныхъ командъ и до тысячи человѣкъ вольно-наемныхъ Осетинъ — такъ обычны, что не составляютъ даже на Кавказѣ особенно важнаго предмета для разговоровъ. Послѣдній заваль, ожидаемый въ 1855 году, хотя и былъ приостановленъ огромнымъ выступомъ скалы, но все-таки до 1858 года не переставалъ угрожать опасностію Военно-Грузинской дорогѣ.

Съ появленіемъ перваго русскаго отряда на высотахъ кавказскихъ прошло девяносто лѣтъ, и въ теченіе этого времени, путь пройденный имъ успѣлъ сдѣлаться почтовымъ и коммерческимъ. Не простыя предпріятія частныхъ лицъ, а обширныя промышленныя, торговые и военные виды требовали учрежденія горнаго пути сообщенія. Первое правильное сухопутное сообщеніе съ Грузіей, основаніе которому положилъ командиръ Кавказской линіи генералъ-поручикъ Потемкинъ *), обстановлено было въ 1784 году многими укрѣпленными постами; но это сообщеніе чрезъ два года было опять оставлено и только въ 1800 году, русское правительство снова приступило къ учрежденію военнаго пути между Моздокомъ и Тифлисомъ, на который императоръ Александръ I приказалъ отпустить сумму до 100,000 рублей серебромъ. Въ 1803 году было приступлено уже къ работамъ, подъ наблюденіемъ офицеровъ разныхъ полковъ, служившихъ въ войскахъ расположенныхъ на Кавказѣ. Такая разработка

---

*) Павелъ Петровичъ, въ послѣдствіи графъ и генералъ-аншефъ, двоюродный братъ князя Потемкина-Таврическаго, замѣчательнъ, кромѣ своихъ военныхъ подвиговъ и высшей гражданской служебности, сочиненіемъ нѣсколькихъ поэмъ «на побѣды Россіянъ», «Исторіей Пугачева» и «Описаніемъ кавказскихъ народовъ». Все это до-сихъ-поръ осталось неизданнымъ. Графъ П. П., какъ и князь таврической, воспитывался въ московскомъ университетѣ. Онъ скончался въ Москвѣ, скоропостижно, въ 1796 году.

дороги продолжалась до 1811 года. Проводимая не-специалистами, мало знакомыми съ инженернымъ дѣломъ, дорога исправлялась безъ всякой системы, въ особенности же мѣста представлявшія наиболѣе трудностей. Только въ этомъ году, по распоряженію главнокомандующаго кавказскими войсками, князя Цицианова, Военно-Грузинская дорога перешла изъ военнаго вѣдомства подъ распоряженіе инженеръ-генераль-маіора Кенсона, приступившаго тотчасъ же къ общему обзору и совершенной перетрассировкѣ всей линіи пути и даже къ измѣненію его направленія. Полковникъ Апухтинъ, смѣнившій Кенсона, занялся изслѣдованіемъ мѣстности по Гудомакарскому и Гудомаурскому ущельямъ, чрезъ Квидамскій переваль, съ намѣреніемъ проложить кратчайшій путь между станціями Пассанауромъ и Казбекомъ.

Планъ этой новой объѣзжей дороги представлялъ важныя преимущества: съ исполненіемъ его избѣгалось семидесяти-перстное пространство, на которомъ путнику встрѣчалось все—и Казбекскіе завалы, и горные потоки и водопады со всѣми ихъ разрушительными явленіями, и мятели и вьюги Крестовой горы—Апухтинъ увѣдомилъ о своемъ предпріятіи главное управленіе путей сообщенія, и оно немедленно командировало подполковника (впослѣдствіи извѣстнаго своимъ замѣчательными проэктами и постройками инженеръ-генерала) Дестрема, для составленія проэкта дороги, по направленію предположенному Апухтинымъ. Незнакомленный хорошо съ природою Кавказа, требующей внимательнаго изученія, не сдѣлавъ подробныхъ изысканій, Дестремъ почти-что наглядно повелъ линію новопроектированнаго пути отъ Пассанаура, по старому руслу рѣчки Черной-Арагвы, довелъ ее до Квидамской горы и, поднявшись зигзагами, трассированными подъ завалами, на вершину, спустился такимъ же образомъ по сѣверному склону до рѣчки Цно, назначивъ полотно по старому руслу этой рѣчки до станціи Казбекъ, отъ которой тѣснины, пробитыя Терекомъ начинаютъ постепенно раздвигаться. Дестремъ упустилъ при этомъ изъ виду, что горныя, обыкновенно мало-водныя рѣчки, какъ уже было сказано, отъ проливныхъ дождей, такъ-часто выпадающихъ въ горахъ нерѣдко поднимаются отъ своей нормальной, двух-футовой глубины до семи и даже до десяти футовъ, несутъ воды съ необыкновенною быстротою, размываютъ берега и прокладываютъ новое русло, межъ тѣмъ какъ прежнее заносится иломъ и пескомъ и скоро покрывается богатою растительностію травъ и кустарниковъ, которая хотя и бываетъ очень заманчива, по легкости работъ и изобилію подъ ру-

кой матеріаловъ, и все таки межъ тѣмъ безпрерывно можетъ подвергаться разрушенію. При этомъ нужно добавить, что извилины дороги, какъ на подъемѣ такъ и на спускѣ назначены были Дестремомъ подѣ снѣговыми и каменными завалами, паденія которыхъ на проэктированной мѣстности избѣжать было не возможно.

Проектъ подполковника Дестрема оставался безъ исполненія двадцать лѣтъ, но протяженіе Военно-Грузинской дороги все таки подвигалось впередъ и въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ главнокомандованіе Грузіей генерала-отъ-артиллеріи Ермолова исполинскій трудъ былъ довершенъ вполнѣ. Штыкъ и кирка пробили сердцевику Кавказа и на всемъ протяженіи горнаго пути возникли многочисленныя укрѣпленія, способствующія безопасности проѣзда отъ нападенія горцевъ.

Начинаясь у Екатеринодара, Военно-Грузинская дорога пролегаетъ чрезъ быстро-широкую Малку, по равнинѣ малой Кабарды, и продолжается по ней до самаго Владикавказа, почти постоянно гранича слѣва Терекѣмъ и пересѣкаясь на протяженіи рѣкою Урукомъ и рѣчками — Лезгинкой, Арданомъ и Черной. Посты—Пришибъ, при Терекѣ, Урухъ, замыкающій Урухское ущелье, способствующее нечаяннымъ набѣгамъ Горцевъ, Арданъ (при рѣкѣ этого же имени) и Архонскъ, при рѣкѣ Черной, служатъ для помѣщенія отрядовъ конвоирующихъ проѣзжающихъ и постоянно наблюдающихъ за неприязненными движеніями горныхъ хищниковъ. За этими постами возвышается Владикавказская крѣпость и новый редутъ, въ недалекомъ разстояніи отъ котораго, при вѣздѣ въ Тагаурское ущелье, виднѣются развалины башни Фухтысъ, куда выѣзжали довѣренные тагаурскихъ старшинъ для наблюденія за проѣздомъ купцовъ, изъ которыхъ каждый, провозившій товаръ, по обыкновенію введенному бывшимъ главноначальствующимъ Грузіей, графомъ Гудовичемъ, долженъ былъ платить имъ по десяти рублей. Отъ этого мѣста до селенія Балты дорога змѣится по крутизнамъ скалъ, устроенная на лѣсахъ или висячихъ плотинахъ изъ булыжнаго камня и хворосту. Отсюда берега Терека начинаютъ сближаться, стѣсная ущелье. Отвѣсныя крутизны, по которымъ высѣчена дорога вдоль береговыхъ скалъ, образуютъ висячій сводъ. Въ такомъ видѣ дорога идетъ до Ларскаго укрѣпленія, проходя, по тѣснотѣ ущелья мѣстами въ руслѣ Терека, на каменныхъ плотинахъ, мѣстами же въ скалахъ взорванныхъ порохомъ, извиваясь какъ лабиринтъ до самаго Дарьяла, по причинѣ крутыхъ изгибовъ Терека.

Дарьяльскій постъ, составляющій рубежь Грузин и Кавказа, построень межъ голыхъ, высочайшихъ скалъ, обезмечивалъ въ прежнее время переходъ каравановъ и проѣзжихъ отъ нападенія Кистинцевъ, выходившихъ нерѣдко на грабежь изъ смѣжнаго Кистинскаго ущелья. За Дарьяломъ дорога переходитъ на другую сторону Терека чрезъ мостъ, одинъ устой котораго высѣченъ въ гранитной скалѣ, и тянется до станціи Казбекъ по изсѣченнымъ каменнымъ косогорамъ и насыпнымъ каменнымъ дамбамъ, мимо натуральной арки извѣстной съ незапамятнаго времени подъ названіемъ Тронцкихъ воротъ. Подъ этой аркой, поддерживающей огромный утесъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія проходила еще дорога, а потомъ пробѣгала Терекъ, также мѣняющій часто свое русло. За Казбекомъ и слѣдующей за нимъ станціей Коби, мимо селенія Степанъ-Цминда, до рѣчки Бѣлой, путь идетъ по расчищенной отъ камней равнинѣ и только за мостомъ, перекинутымъ чрезъ Бѣлую, опять входитъ въ тѣсное ущелье, то извиваясь въ просѣченыхъ скалахъ, то подымаясь по изсѣченнымъ косогорамъ, до вершины Крестовой горы, отъ которой, по такъ-называемому Чортову полю, спускается къ подошвѣ Гудъ-горы, возвышающейся надъ морскимъ уровнемъ на 1238 туазовъ.

Гудъ-гора, начинающаяся отлогою покатостію отъ Садзельскаго хребта, круто спускается къ почтовой дорогѣ и къ рѣкѣ Арагвѣ. Ея завалы или сдвигъ снѣга имѣютъ свое начало только съ того пункта, гдѣ покатость принимаетъ значительную крутизну. Уклоны покатостей этой горы, обращенныхъ къ дорогѣ и Чортову полю, хотя почти и равны, но однако заваловъ съ нихъ не падаетъ. Эта особенность и подала мысль размыслить, какъ причины произхожденія заваловъ, такъ и средства къ ихъ уничтоженію. Нужно замѣтить при этомъ, что на этой же мѣстности, надъ селеніемъ Арагветы, находится красивая роцца, называемая жителями Священной; она также защищаетъ это селеніе отъ заваловъ и потому, ни подъ какимъ предлогомъ, гдѣсь въ ней рубить не дозволяется.

Отъ Гудъ-горы дорожная линія опять подымается болѣе нежели на 400 сажень и потомъ, понижаясь мало-по-малу, идетъ на протяженіи двухъ верстъ, шириною отъ шести до девяти аршинъ, по краю глубокой и обрывистой бездны, огороженной деревянными перилами. Иногда пространство это заносится снѣгомъ на нѣсколько сажень выше перилъ, такъ что надъ бездною видѣется только одна узенькая тропинка. Спускаясь все посте-

пенно до Кашаурскаго укрѣпленія, по насыпнымъ стремнинамъ полуобрушенныхъ горъ къ рѣкѣ Арагвѣ, дорога переходитъ на другой берегъ и идетъ вдоль гористыхъ береговъ до самаго Пассанаура, расположеннаго въ узкомъ ущельи. Отъ Пассанаура путь пролегаетъ по правому берегу Арагвы, пересѣкая множество горныхъ ручьевъ и рѣчекъ и дѣлаясь часто непроѣзжаемымъ отъ глинистаго свойства нѣкоторыхъ окружающихъ горъ, которыхъ размоченная дождями поверхность высоко заливаема грязью проложенное полотно. Отдаляясь отъ береговъ Арагвы за Анануромъ, дорога поворачиваетъ вправо, противъ теченія рѣчки Арналы, и тянется большою частію по высокимъ горамъ до самаго Душета, обращеннаго изъ деревни въ уѣздный городъ, вмѣсто упраздненнаго Ананура. Предъ глазами путешественника въ первый разъ тогда, въ продолженіе всего проѣханнаго пути, начинаютъ растпаться поля и зеленѣть рощи и виноградники, перерѣзанные селеніями и небольшими крѣпостями, построенными еще во времена Ермолова для защиты жителей отъ тогдашнихъ набѣговъ Осетинъ и Лезгинцовъ. Вы уже предчувствуете Грузію, на васъ вѣетъ ея воздухомъ, душа спокойнѣе, всѣ опасности остались уже позади васъ. Изогнувшись около незначительнаго Шишабурскаго поста, дорога опять приближается къ берегамъ Арагвы до Гарпискара, расположеннаго на плодоноснѣйшей равнинѣ Мухранскаго поля, отъ котораго, частію косогорами, частію ровными мѣстами, доходитъ до Мухета, бывшей столицы Грузіи, и перебѣгая близъ древняго женскаго монастыря, чрезъ неменѣе древній мостъ, построенный близъ слиянія Куры и Арагвы, довольно ровною, широкою полосою доходитъ до Тифлиса.

Таково было протяженіе Военно-Грузинской дороги до 1836 года, въ которомъ главнокомандующему Грузіей, барону Розену, припомнился давно позабытый проэктъ Дестрема, пользовавшагося тогда уже справедливою извѣстностію. И точно, пора было подумать объ удобствѣ и безопасности пути, по которому, помимо морскаго сообщенія, провозились товаровъ изъ Азіи въ Европу и обратно, ежегодно въ сложности до трехъ милліоновъ рублей. По распоряженію барона Розена, тогдашній директоръ военныхъ сообщеній Кавказа инженеръ-генераль-маіоръ Гозіушъ получилъ средства для разработки проэктированной дороги. Работы начались и подвигались, но чрезъ четыре года приказано было, поступившему на мѣсто Гозіуша полковнику Эспехо, новымъ главнокомандующимъ Грузіей генералъ-какъ Головиннымъ, прекратить дальнѣйшее производство работъ въ составъ новый проэктъ проч-

ной дороги, которая бы не была подвержена никакимъ несчастнымъ случайностямъ. Приказаніе незамедленно исполненіемъ и не прошло году, какъ требуемый проектъ былъ уже готовъ и представленъ на разсмотрѣніе. Особенно новаго въ этомъ проэктѣ было только то, что преимущественно и по возможности избѣгались старыя русла рѣки Черной Арагвы. Туземцы, до которыхъ дошелъ слухъ о предполагаемой объѣздной дорогѣ, недовѣрчиво качали головами, почитая подобную мысль несбыточною, по причинѣ значительной высоты и главное крутизны горнаго хребта, чрезъ который долженъ былъ проходить новый путь; но работы были все-таки начаты, и когда въ началѣ 1847 года, одинъ отчаянный армянскій купецъ проѣхалъ въ объѣздъ съ караваномъ вьючныхъ лошадей, надежда на возможность сообщенія по новой дорогѣ перестала казаться невозможною и самимъ Горцамъ. И въ самомъ дѣлѣ, при преемникѣ Эспехо, инженеръ-генералъ-майорѣ Зеге-фонѣ-Лауренбергѣ, часть дороги отъ Пассанаура до Георгіевскаго укрѣпленія была довольно отчетливо устроена; черезъ переваль до Казбека расчищена и вчернѣ разработана, а въ октябрѣ 1847 года открытъ былъ и первый зимній поѣздъ. Этимъ однакожъ все и покончилось. Князь М. С. Воронцовъ приказалъ приостановить все дальнѣйшее производство и поддерживать только открытый проѣздъ, перенося линію дороги изъ старыхъ руслъ на косогоры, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полотно проходило возлѣ высокихъ скалистыхъ обрывовъ и гдѣ требовалось или взрывать утесы порохомъ или поднимать линію дорожнаго полотна, и наконецъ — дѣлать стѣнки изъ каменной кладки или изъ фашинь съ камнемъ для укрѣпленія отдѣльныхъ участковъ, болѣе подверженныхъ дѣйствию подмыва и прекращенію постоянного сообщенія.

Очень понятно, что подобная дорога, при часто переменяемыхъ исполнителяхъ, имѣвшихъ каждый свой собственный взглядъ на дѣло и дѣйствовавшихъ съ малыми средствами, не могла содержаться въ удобо-проѣзжемъ видѣ. Дорога отъ Тифлиса до перевала Крестовой горы, подымаясь на протяженіи 115¹/₂ верстъ, на 6,607 футъ надъ уровнемъ моря, и спускаясь къ Владикавказу, на протяженіи 65¹/₂ верстъ, на 5,724 фута, при самомъ неправильномъ распредѣленіи уклоновъ, не могла не имѣть крутыхъ подъемовъ и крутыхъ спусковъ, какъ на примѣръ подъемъ Квишетскій, разработанный въ скалѣ, еще при самомъ началѣ и имѣющій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крутизну въ одну треть цѣлаго протяженія горы. При такихъ условіяхъ, не говоря уже

о неудобствѣ пути, содержать дорогу въ исправности было невозможно. Послѣ перваго дождя скала обнажалась, верхняя одежда дорожнаго колотка уносилась водою, образуя уступы и ямы, а въ хрящеватомъ грунтѣ рѣшительно размывалось все.

Для расчищенія снѣжныхъ заваловъ, ложившихся на косогору, въ особенности въ зимнее время ущелья Гудомакарское и Гудомаурское представляли болѣе удобствъ предъ узкимъ Байдарскимъ ущельемъ, которое слѣгъ застигаетъ на значительную высоту. Подъемы на этой мѣстности не такъ круты, какъ на старой дорогѣ, и потому и въ лѣтнее время путь былъ удобнѣе, хотя послѣ всякаго выпавшаго дождя она становилась непроходимой. Часть дороги, отъ Пассаура до Георгіевскаго укрѣпленія, разработанная въ 1847 году, вся почти разрушилась, потому что по необходимости ведема была въ руслѣ рѣки на стѣнкахъ изъ сухой каменной кладки. Разрушенію этому еще болѣе способствовала быстрая разлагаемость шифернаго камня отъ дѣйствія атмосферическихъ переѣнъ.

Проложеніе прочной и удобной дороги чрезъ Квинамтскій перевалъ оказывалось невозможнымъ даже и съ огромными издержками. Еслибы даже для проложенія ея въ косогорѣ взорваны были самыя высокія скалы, то и тогда оставалось бы пройти прочными крытыми галереями семнадцать заваловъ, падающихъ между десятой верстой отъ Пассаура къ Буслачирскому посту. Для защиты Квинамскаго перевала отъ заваловъ, потребовалось бы пробить тоннель на весьма значительную длину. Въ Гудомаурскомъ ущельи не было также никакой возможности вести дорогу иначе какъ по старому руслу рѣки Цно. Крутыя же скалы Гудомакарскаго ущелья не давали возможности развернуться дорогѣ зигзагами, внѣ заваловъ, для приданія уклона, который могъ бы соотвѣтствовать навыводнѣйшей тягѣ живаго двигателя.

Однимъ словомъ, путь черезъ Кавказскій перевалъ былъ до настоящаго времени до того труденъ, что сухопутная доставка влады изъ Россіи въ Грузію, по дороговизнѣ, медленности и даже опасностямъ, устранила не только купцовъ но и простыхъ проѣзжихъ, по самой необходимой надобности. Не было ни удобныхъ станцій, ни достаточной провизіи, и, при случаѣ даже маловажныхъ заваловъ, путешественникамъ приходилось оставаться по недѣлямъ, потому что иногда—даже пѣшкомъ идти, не было никакой возможности. Почта, курьеры и даже фельдъегеря подвергались той же участи—кавказская природа являлась деспотомъ и не подчинялась никакимъ требованіямъ необходимости. Въ осо-

бенности мѣстныхъ трудности представляла всегда станція отъ Коби до Кашаура, и даже до Квишета, гдѣ всегда нужно было перетаскивать самые легкіе экипажи, на девяти и болѣе парахъ воловъ. Отрадная особенность для людей недостаточныхъ, ѣдущихъ на Кавказъ, или въ Грузію, за неуловимую случайностію почестей или безкорыстной славы!.

Чтобы привести Военно-Грузинскую дорогу въ исправность и придать ей тѣ необходимыя условія, отъ которыхъ зависятъ благонадежность и быстрота сообщенія, необходимо было рѣшиться на выборъ одного изъ двухъ сказанныхъ направленій, или отыскать новый перевалъ для проложенія пути и перетрассировать всю линію дороги, по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства, начиная отъ Тифлиса до Владикавказа. Съ этой цѣлью назначена была, въ 1855 году, особая коммиссія, главною обязанностію которой было положено: осмотрѣть всѣ прилегающія ущелья и перевалы, и выбрать изъ нихъ наивыгоднѣйшіе. Осмотръ окончился, но чтобы убѣдиться вполне, что собранныя изысканія вѣрны, учреждена была вторая коммиссія для повѣрки представленныхъ съемокъ и собранныхъ наблюденій. Какъ по первой такъ и по второй свѣркѣ, признано было полезнымъ произвести изысканія черезъ перевалъ Садзели, оба ската котораго, какъ южный, идущій ровною покатостію къ селенію Кумлициху и къ Кашаурской станціи, такъ и сѣверный, довольно круто спускающійся къ Байдаръ-Дону и Безыменной рѣчкѣ—оба имѣютъ направленіе къ существующей почтовой дорогѣ и не подвержены снѣговымъ заваламъ. Оставалось только найти возможность проложить дорогу чрезъ этотъ перевалъ, пройдя его небольшими тунелями и тогда бы все его протяженіе было безопасно отъ заваловъ; но изысканія доказали, что дорога чрезъ Садзели потребуетъ тунеля болѣе чѣмъ въ пять верстъ длины, и потому снова приступлено было къ отысканію другаго направленія. Обязанность эта возложена была на инженеръ-капитана Статковскаго, при участіи штабсъ-капитана князя Ходжиминасова и поручика Погоскаго, подъ наблюденіемъ управляющаго VIII округомъ путей сообщенія полковника Альбранда, въ самой трудной части мѣстности, именно—чрезъ главный Кавказскій хребетъ между Квишетомъ и Коби.

Въ тоже время приступлено было къ изысканіямъ и на остальномъ протяженіи Военно-Грузинской дороги, между Коби и Владикавказомъ, гдѣ предстояло бороться какъ съ періодически падающими лавинами Казбека, такъ и съ ложбной Бѣшеной

Балки, часто прерывающей своимъ запруженіемъ надолго путевое сообщеніе. Для болѣе успѣшнаго хода работъ отряжено было два батальона. Всѣ расходы экспедиціи условлено было покрыть средствами обыкновенной ремонтной суммы.

Какъ солдаты такъ и офицеры этой новой экспедиціи, не говоря уже о встрѣчаемыхъ трудностяхъ, рисковали и самою жизнью. Требовалось большаго присутствія духа, хладнокровія и рѣшимости, чтобы спускаться, для произведенія нивелировки, на веревочной перевязи, въ глубокія бездны отвѣсныхъ скалъ, въ гранитѣ которыхъ солдаты, опускаемые предварительно на такихъ же перевязяхъ, ломомъ и киркою изсѣкали въ гранитѣ нѣсколько вершковыя уступы, служившіе точкой опоры для ноги ихъ начальниковъ. Поэтому новому изслѣдованію тоннели казались необходимы, а такъ какъ устройство ихъ и сопряженные съ ними работы новы въ Россіи, особенно въ значительныхъ размѣрахъ, да и необходимые машины и усовершенствованія въ нихъ извѣстны у насъ только по описаніямъ, то по распоряженію князя Барятинскаго капитанъ Статковскій съ штабсъ-капитаномъ Богушевичемъ посланы были за границу съ порученіемъ—подробно изучить все касающееся до тоннельныхъ работъ и опредѣлить, какой именно способъ можетъ быть примѣненъ съ болѣею пользою, при устройствѣ тоннелей, предполагаемыхъ на новомъ протяженіи Военно-Грузинской дороги.

Желая убѣдиться—нельзя-ли какъ-нибудь избѣжать построенія тоннелей, капитанъ Статковскій, до отправленія своего за границу, испросилъ дозволеніе прорѣзать въ видѣ опыта, на участкѣ дороги огибающемъ Гудъ-гору, по скату которой обыкновенно спускались завалы—горизонтальныя площадки, которыя представляя рядъ уступовъ не допускали бы снѣгъ скользять внизъ. Зима съ 1856 на 1857 годъ показала, что тамъ, гдѣ по скату Гудъ-горы прорѣзаны были такія площадки, снѣгъ остался на мѣстѣ. Въ 1857 году этой недорого стоящей работѣ данъ былъ уже надлежащій ходъ и зима съ 1857 на 1858 годъ еще болѣе убѣдила, что Гудъ-гора, на которой, по нѣсколько разъ каждой зимой и весной, завалы неоднократно прерывали сообщеніе и даже были причиной несчастныхъ случаевъ, съ построеніемъ площадокъ совершенно прекратилась. Къ нарубкѣ ихъ привело слѣдующее наблюдение: всѣ покатоности горъ, какой бы крутизны онѣ ни были, но только поросшія кустарникомъ, или имѣющія довольно значительно выдающіеся камни, не допускаютъ заваловъ. Снѣгъ по снѣгу скользить не можетъ, и потому достаточно удер-

жать нижній слой, чтобы воспрепятствовать всей массѣ, какой бы толщины она ни была, двигаться внизъ. Эта система укрѣпленія скалъ признана невозможной только въ оврагахъ, имѣющихъ начало у горныхъ вершинъ, обнаженныхъ отъ земли и дерна, и въ скалахъ шиферной породы, которыя, отъ атмосферическихъ перемѣнъ, какъ бы тѣ ни были угловаты, превращаясь въ мелкіе осколки, скоро дѣлаютъ всю поверхность гладкою. Въ этихъ оврагахъ и скалахъ, предположено было сдѣлать крытыя галереи.

По отбытіи Статковского и Богусевича за границу въ началѣ 1857 года, разрѣшено было полковнику Альбранду обратитъ часть ассигнуемой ежегодно ремонтной суммы на болѣе прочныя работы: на устройство новаго подъема на Кашаурскую гору отъ селенія Земолеты, въ замѣнъ существовавшаго страшнаго Квишетскаго подъема, продолжать нарѣзки по Гудъ-горѣ и начать устройство шоссе чрезъ горы Душетскія, по проэку инженера-поручика Гавриленко.

Во время продолженія этихъ работъ Статковскій возвратился изъ-за границы. Изучивъ тщательно, въ теченіе болѣе года, способы сообщенія на всѣхъ горахъ Альпійскихъ — Вормсеръ-Иокъ (8,400 ф.), Бальдо (6,858 ф.), Сенисъ (6,465 ф.), Симплонъ (6,172 ф.), дорога на которомъ, оконченная въ 1807 году, служитъ образцомъ для всѣхъ прочихъ альпійскихъ дорогъ, Сплугенъ (5,962 ф.), дорога на которомъ проведена австрійцами въ 1820 году, и другія дороги, капитанъ Статковскій въ особенности обратилъ вниманіе на дорогу: Монсенскую, ведущую изъ Женевы въ Туринъ, Симплонскую, изъ Брюга въ Миланъ и Сплугенскую, идущую изъ Сплугена къ озеру Комо, замѣчательныя по средствамъ придуманнымъ на нихъ для защиты пути отъ заваловъ.

На Монсенской, Симплонской и Сплугенской дорогахъ, въ мѣстахъ, гдѣ спускаются обыкновенно завалы, путь защищенъ отъ нихъ галереями, прикрытыми каменными сводами, подъ которыми производится ѣзда. На Стельвійской дорогѣ, изъ Ломбардіи въ Тироль, построены прочныя деревянныя крыши, по которымъ снѣгъ скользитъ не касаясь горы. Этотъ-то способъ защиты и предпринялъ привести въ дѣйствіе Стеловскій, противъ заваловъ Байдарскаго ущелья, еслибы даже крытыя галереи пришлось исполнить на всемъ протяженіи. Первоначальная мысль о построеніи тунеля была оставлена какъ неудобноисполнимая и убыточная; ибо тунель приходилось тянуть на протяженіи 930 сажень и притомъ постоянно освѣщать его днемъ и

ночью, для колесной ѣзды, межъ тѣмъ какъ крытыя галлерей, кромѣ удобства исполненія и меньшаго времени, могутъ освѣщаться съ боку дневнымъ свѣтомъ, не имѣя надобности въ освѣщеніи искусственнымъ.

Къ осуществленію всѣхъ плановъ уже дѣятельно приступлено.

Проектированная въ настоящее время дорога отклоняется отъ существующей, въ верстѣ ниже Квишетской гостинницы, и слѣдуя вверхъ, по правому берегу Арагвы доходитъ довольно ровной мѣстностію хрящеватаго грунта до селенія Зимомлеты, за которымъ предполагается перекинуть, чрезъ близкосходящіеся скалистые берега Арагвы, стрѣльчатый мостъ изъ тесаннаго камня. Направленіе по правому берегу этой рѣки, не подверженному на этомъ пространствѣ заваламъ, по легко разрабатываемому грунту, дало возможность подняться отъ Квишета до Зимомлетъ на высоту 420 футъ. Отъ точки избранной для построенія моста предстояло проложить дорогу по шпфернымъ скаламъ высотой до 1200 футъ надъ мостовыми арками, и то зигзагами до Кашаурской долины, но исполненіе этого представляло чрезвычайныя затрудненія. Необходимо было вырубать въ скалахъ ступени и подыматься на возвышенную плоскость не иначе, какъ съ помощію людей привѣшенныхъ на канатахъ, какъ и при первомъ нивелированіи мѣстности; благодаря впрочемъ инженерному искусству всѣ трудности однакоже преодолѣны и новая линія проложена прочно и безопасно. Дорогѣ дано сначала направленіе внизъ, по теченію рѣки, а потомъ, на второмъ зигзагѣ, назадъ, вверхъ противъ теченія, чѣмъ—помощію перваго зигзага проведеннаго подъ уклономъ $\frac{1}{2}$, полотно дороги поднято надъ самыми обрывистыми скалами. Второй зигзагъ, длиною въ двѣ версты тринадцать сажень, подъ тѣмъ же уклономъ, доходитъ до скалистаго оврага, далѣе котораго вести дорогу было бы очень затруднительно; поэтому сдѣланъ поворотъ, составляющій третій зигзагъ, и идущій снова внизъ по теченію до мѣста удобнаго для новаго заворота. Подобными шестью зигзагами дорога поднята на Кашаурскую равнину; но такъ-какъ крутые повороты на горныхъ дорогахъ составляютъ непреодолимыя препятствія для движенія тяжелой артиллеріи, гдѣ всѣ шесть лошадей, запряженныя цугомъ, должны тянуть при подъемѣ орудія на гору, то для опредѣленія самаго крутаго поворота, который можетъ сдѣлать пушка, при переходѣ батарейной-батареи, произведенъ былъ опытъ окончившійся самыми выгодными результатами.

Не имѣя возможности обойти заваловъ Гудъ-Горы сдѣланы

были на ней, какъ было уже сказано выше, вмѣсто прежде предположеннаго тунеля въ 350 сажень, вырубленныя площадки, длиною до 20 сажень и шириною до $1\frac{1}{2}$, расположенныя въ шахматномъ порядкѣ. Для обхода заваловъ, падающихъ на Чортово поле, а равно завала Крестовой горы, линія дороги направлена вгѣбо отъ существующей, подъ легкимъ уклономъ до Байдарской станціи, у которой построены будетъ мостъ чрезъ рѣку Байдаръ-Донъ. Чрезъ 719 сажень отъ этого пункта опять никакъ невозможно миновать заваловъ, падающихъ на дорогу съ обѣихъ сторонъ ущелья съ такимъ сильнымъ сотрясеніемъ воздуха, что низверженіе одного всегда вызываетъ и низверженіе другого; пространство это предположено пройти тунелемъ, длиною по прямому направленію въ 874 погонныхъ сажени, а по ломанной линіи въ 974 погонныхъ сажень. Послѣдній тунель выгоднѣе кратчайшаго потому, что при ломанной линіи, легко могутъ быть проведены къ тунелю горизонтальныя галереи со стороны Байдарскаго ущелья, не только полезныя для раздѣленія работъ, но и для стока массы воды, которая хотя и не должна быть, судя по плотной шиферной формациіи хребта, слишкомъ велика, но все-таки нельзя ручаться, чтобы при разработкѣ не открылось какихъ-нибудь хотя и незначительныхъ горныхъ ключей. На незначительность ключей на этой мѣстности можно рассчитывать тѣмъ вѣрнѣе, что изъ наблюдений замѣчено, что на Садзельскомъ кражѣ снѣгъ не держится долѣе мая мѣсяца и при таяніи снѣговъ вода быстро скатывается внизъ по крутизнѣ; слѣдовательно въ этомъ кражѣ большихъ водоемовъ не существуетъ.

Линія дороги за 719 сажень ниже Байдарской станціи будетъ входить по каменному мосту, длиною въ $52\frac{1}{2}$ сажени, о трехъ аркахъ, изъ которыхъ каждая по восьми сажень, проложенному чрезъ р. Байдаръ-Донъ въ тунель, который предположено пробить съ уклономъ въ $\frac{1}{100}$, въ правомъ скатѣ Садзельскихъ горъ, ограничивающемъ Байдарское ущелье. Выходъ изъ тунеля будетъ находиться на 1115 футъ надъ станціей Коби и спускаться семью зигзами съ уклономъ, не превышающимъ $\frac{1}{100}$ до каменнаго моста чрезъ ту же рѣку; а отсюда съ уклономъ $\frac{1}{100}$ до станціи Коби. Земляное полотно дороги предположено въ 34 фута ширины съ щебеночной насыпью въ 35 футъ. Такая толщина щебеночной насыпи допущена потому, что на Военно-Грузинской дорогѣ, кромѣ простыхъ поѣздовъ постоянно, двигается кавалерія и артиллерія.

Такъ какъ, кромѣ снѣжныхъ заваловъ, частыя снѣжныя мя-

тели составляют весьма важныя препятствія для сообщенія въ зимнее время, въ особенности на девятиверстномъ пространствѣ отъ Байдара до Гудъ-горы, то по всему этому участку предположено поставить по одной сторонѣ дороги 180 деревянныхъ столбовъ, вышиною каждый до трехъ сажень, на разстояніи 25 саж. одинъ отъ другаго, чтобы во время самой сильной мятели слѣдуя отъ одного столба къ другому, можно было безопасно совершать путь по заносимой мятелю тропѣ. Кромѣ этого, на томъ же участкѣ предположено устроить пять казармъ, въ разстояніи 900 сажень одна отъ другой, для помѣщенія въ каждой двадцати человекъ нижнихъ чиновъ, обязанность которыхъ будетъ состоять, въ разчисткѣ лежащагося неправильными слоями снѣга, въ обиваніи снѣжныхъ сугробовъ, въ заравниваніи выбоекъ, въ расчищеніи канавъ для скорѣйшаго стока воды и въ подсыпкѣ щебня. Такихъ казармъ на всемъ протяженіи отъ Коби до Квишета предполагается пятнадцать, изъ которыхъ двѣ, при селеніи Кумлескихъ и при станціи Чертово-поле, опредѣлены для помѣщенія инженерныхъ офицеровъ, обязанностію которыхъ будетъ высшее наблюденіе за исправнымъ состояніемъ новопроектированной дороги.

По первоначальному, приблизительному исчисленію одинъ участокъ отъ Коби до Квишета долженъ обойдтись не менѣе милліона руб. сер. а вся новая объѣздная дорога, отъ Тифлиса до Екатеринодара, которую можно будетъ исполнить не ближе какъ черезъ пятнадцать лѣтъ, до трехъ, а можетъ быть и болѣе милліоновъ руб. сер. Сумму эту можно извлечь изъ мѣстныхъ доходовъ, не прибѣгая къ пособію государственнаго казначейства; дорога можетъ также окупаться самими же работами.

Первоначальный доходъ можетъ доставить существующій съ давняго времени денежный сборъ, отъ Екатеринодара до Дарьяла, на протяженіи 140 верстъ, который до настоящей поры не имѣлъ постояннаго назначенія и взимался безъ надлежащей отчетности. Нынѣ, по приказанію главнокомандующаго Грузіей, составлено предположеніе объ учрежденіи правильнаго шоссейнаго сбора, по всей дорогѣ, отъ Екатеринодара до Тифлиса, сборъ этотъ имѣется въ виду немедленно передать въ вѣдѣніе VIII округа путей сообщенія. Есть данныя, по которымъ можно надѣяться, что даже не увеличивая таксы, шоссейный сборъ значительно возрастетъ чрезъ одно водвореніе порядка и правильной отчетности. Все предполагаемое колоссальное предпріятіе, по

всѣмъ примѣрнымъ расчетамъ окупится само-собою по истеченіи сорока восьми лѣтъ.

Для приведенія въ исполненіе работъ, по вновь проэктированному шоссе, на первоначальномъ участкѣ отъ Коби до Квишета, полагается:

Вынуть крѣпкой глинистой земли 39.420,7 кубическихъ сажень.

Разорвать порохомъ каменистаго грунта 33.234,46 кубическихъ сажень.

Утробовать и разравнять землю полученную отъ копки въ количествѣ 8024,36 кубическихъ сажень.

Выпланировать поверхность дороги подъ рейку 84.864,7 квадратныхъ сажень.

Вымостить боковыхъ канавъ 345,96 квард. сажень.

Разсыпать и разравнять песокъ на протяженіи 38 верстъ 163 саж. толщиною въ 4 дюйма и шириною въ 25 ф. всего 3259 кубическихъ сажень.

Разбить камня 4.655,7 куб. саж. въ щебень для устройства щебеночной насыпи толщиною въ 6 дюймовъ.

Собрать рваныя порохомъ камни въ количествѣ 1977,304 кубическихъ сажень.

Заготовить для добыванія извести 300,35 куб. сажень известковаго камня. Вырубить для обжиганія камня 300,35 куб. сажень дровъ. Собрать 17,29 куб. саж. булыжнаго камня и другія работы включая казармы и упомянутый тоннель на протяженіи 930 погонныхъ сажень.

На построеніе одного землянаго полотна и щебенчатой насыпи, на протяженіи 38 верстъ 163 погонныхъ сажень полагается болѣе 250,990 руб. сер. Стоимость тоннеля окончательно не исчислена, но приблизительно полагается до 700,000 рублей серебромъ.

Мосты, которые вообще предполагаются каменные изъ мѣстнаго камня съ тесанною облицовкой, соображаясь съ высотой поверхности дороги, частію съ полукруговыми арками, частію стрѣльчатая, а для нѣкоторыхъ коробковыя, должны приблизительно обойдтись:

Главный мостъ въ 52½ у входа въ тоннель, чрезъ Байдаръ-Донъ, безъ устройства щебенчатой насыпи до 129,552 р. Второй мостъ, чрезъ ту же рѣку въ 17½ верстахъ отъ станціи Коби обь одной аркѣ, въ шесть сажень длиною до 50,000 тысячъ. Мостъ у выхода изъ тоннеля до 70,400 руб. Мостъ чрезъ Байдаръ-Донъ въ 617 верстахъ отъ станціи Коби, до 14,000 руб. сер. Чрезъ ту же рѣку у Байдарской гостиницы до 5,000 руб. Мостъ чрезъ

рѣку Арагву до 11,000 руб. На всѣ мосты полагается приблизительно до 290,000 руб.

На исполненіе всѣхъ работъ потребно уже болѣе 1,247,771 рублей серебромъ.

ОПЕРА И ЕЯ НОВѢЙШЕЕ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ ГЕРМАНИИ.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Статья вторая.

«Опера прежде всего должна быть драмою».

А. В. Марксъ.

Die Oper ist vor Allem ein Drama.

А. В. Маркс. Musik des XIX Jahrhunderts. S. 165. 108. 184.

Результатомъ, сдѣланнаго въ предъидущей статьѣ, бѣлаго очерка разнородныхъ до вагнеровскихъ оперъ является вопросъ, уже обозначенный въ прошлой статьѣ:

«Тѣмъ-ли можетъ и должна быть опера, чѣмъ ее сдѣлали?» Положительный отвѣтъ на этотъ существенный вопросъ находимъ во мнѣніи берлинскаго профессора музыки, перваго изъ современныхъ намъ музыкальныхъ критиковъ, Маркса, — во мнѣніи, которое за тѣмъ и выставляемъ здѣсь эпиграфомъ и девизомъ,

«Опера должна быть прежде всего — драмой.»

«Но» — въ правѣ замѣтить читатели — «въ этой мысли нѣтъ ровно ничего новаго для насъ! Мы всѣ знаемъ, что опера есть музыкально-драматическое представленіе. Мы знаемъ также, что вся исторія оперы, отъ Пери и Каччини до вчерашняго дня, есть лѣтопись бѣльшаго и мѣньшаго сближенія музыки съ цѣлями драматическими.»

Кромѣ того сейчасъ являются возраженія въ слѣдующемъ родѣ:

«Опера должна быть драмой, — но чѣмъ доказать *необходимость* самой оперы въ такомъ смыслѣ? Для чего нужна драма съ музыкой или музыкальная драма, когда и драма, сама-по-себѣ, очень легко обходится безъ пособія музыки, — и музыка, сама-по-себѣ, въ своемъ высшемъ свободномъ проявленіи, въ симфоніи, обходится не только что безъ драмы, но даже вовсе безъ словъ?»

«Для чего — когда есть на свѣтѣ Шекспиръ, есть на свѣтѣ Бетховенъ — искать смѣшенія ихъ искусствъ? Для чего необходима эта *прикладная* музыка или *прикладная* драма?»

«Не есть-ли опера, — эта «будто-бы драма» изъ людей, которые, во всѣхъ случаяхъ жизни, не говорятъ, а поютъ — явленіе прихотливое, случайное въ области театральныхъ зрѣлищъ, столько-же въ своемъ ходѣ негѣпое и условное, какъ балетъ съ его *иллюми* дѣйствующими лицами? Идеалъ сцѣненія во едино идею и равновѣсія трехъ искусствъ (поэзіи, музыки и мимики) въ одною произведеніи — не есть-ли изобрѣтеніе кабинетное, а на практикѣ — несбыточная мечта?»

Всѣ эти вопросы, взятые до глубины корней своихъ, принадлежатъ къ труднѣйшимъ по части философіи искусства. Отвѣчать на нихъ слѣдуетъ, по настоящему, не журнальными статьями, а цѣлыми томами эстетическихъ изслѣдованій (что и сдѣлалъ гениальный Рихардъ Вагнеръ, какъ мы увидимъ).

Между тѣмъ, не затрогивая этихъ вопросовъ вовсе, не возможно пояснить существа совершенной Вагнеромъ реформы въ области оперы, невозможно оправдать мнѣнія Маркса, убѣжденія идеальнаго, но выработавшагося вслѣдствіе историческаго развитія оперы, включая туда и вагнеровы завоеванія.

Вотъ, почему задача наша требуетъ, чтобы мы присмотрѣлись поближе къ свойствамъ музыки вообще, со стороны ея *драматическаго* элемента, и изъ этихъ свойствъ сначала «а priori» вывели возможность и необходимость *музыкальной драмы*.

Исторія музыки въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ представляетъ любопытные примѣры борьбы, врождованія партій, руководимыхъ взаимно-противуположнымъ пониманіемъ сущности музыкальнаго искусства. Въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія посѣтители парижской оперы дѣлились на два лагеря и вели между собою значительную войну — устно и печатно. Одна партія, къ которой принадлежалъ король Лудовикъ XVI (Le coin du Roi) — ратовала за автора Дидоны, итальянскаго маэстро Пиччини, за сладкогласіе его мелодій, выгодныхъ для пѣвческой виртуозности; — другая партія, покровительствуемая королевою Марією Антуанетою, стояла за автора Ифигеніи и Альцесты, нѣмецкаго музыканта Глука, за его блестящія завоеванія на полѣ *драматической правды*. Каждый журналистъ, публицистъ, словесникъ, литераторъ, ученый, каждый аббатъ, каждый придворный щеголь былъ непременно или Глукистъ или Пиччинистъ. (Хотя большая часть изъ этихъ господъ рѣшительно *ничего* не

понимали въ музыкѣ и, слѣдовательно, полемика велась жарко, но отнюдь неразумно, — кромѣ немногихъ исключеній, это были выстрѣлы по воробьямъ — или война Донъ-Кихота съ мельницами).

Въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка почти такая-же вражда, но уже съ бѣльшимъ пониманіемъ дѣла, осуществилась въ журналахъ, особенно нѣмецкихъ — по случаю соперничества славы Вебера со славою Россини.

Приверженцы Танкреда не находили никакихъ достоинствъ въ Фрейшюцѣ и трунили надъ неловкостью веберовыхъ мелодій въ отношеніи пѣвческомъ. Энтузіасты къ чудесамъ веберовой музыки, полной правды и романтизма, жестоко подсмѣивались надъ контральными руладами паладиновъ, надъ стереотипными каденцами и кабалеттами, надъ приторностью мелодій въ самыхъ патетическихъ моментахъ, надъ концертностью всего поворота пьесы и совершеннымъ отсутствіемъ правды выраженія къ очень многихъ сценахъ россиниевскихъ оперъ.

Однимъ словомъ, это была борьба школы *нѣмецкой* со школою *итальянской*. (Замѣтитъ надо, что Моцартъ, Керубини, Спонтини и Мегюль считались принадлежащими прямо къ нѣмецкой музыкѣ, наравнѣ съ Веберомъ, Шпоромъ, Вейглемъ и Винтеромъ; — о Глукѣ тогда мало вспоминали).

Партія Россинистовъ, партія итальянскаго сладкогласія и ушегодія, поддерживаемая такими могучими «союзниками» какъ Паста, Кодзари, Лаблашъ, — была до того сильна, что только чрезмѣрная нѣмецкая популярность музыки Фрейшюца могла на нѣсколько времени оставить побѣду на сторонѣ Веберистовъ.

Веберова-же зрѣлѣйшая опера, Эврианта, уже не могла имѣть успѣха въ Вѣнѣ, въ то время, когда самъ великій Титанъ, Бетховенъ, въ этомъ городѣ, который сдѣлался для него второю родиною, въ городѣ, гдѣ стяжалъ онъ столько лавровъ своими безсмертными сонатами, квартетами, симфоніями — былъ почти забытъ, оставленъ въ тѣни за лучезарнымъ сіяніемъ моднаго Россини.

Девятая симфонія и вторая месса Бетховена, эти чудеса искусства, исполненныя въ *одномъ* концертѣ, въ пользу автора, — не могли привлечь публики, которая бѣжала толпами на представленія Семирамиды и Итальянки въ Алжирѣ...

Прошло болѣе четверти вѣка. Пониманіе музыкальное значительно развилось въ нѣмецкихъ столицахъ. Послѣднія произведенія Бетховена перестали считаться исчадіями глухоты и безумія, а начинаютъ быть повсемѣстно признаваемы за высшее

выраженіе высшей геніальности. Вѣна, не одѣвившая Эвріанты въ 1825 г., восторгается теперь операми Вагнера, въ которыхъ тотъ-же строго драматическій стиль Эвріанты развитъ послѣдовательнѣе, могущественнѣе, шире, и безъ мажѣйшихъ уступокъ легкому вкусу большинства. На ряду съ Вагнеромъ, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ даются Травиаты и Трубадуры; но критика знаетъ имъ цѣну, отводитъ имъ подобающее мѣсто и, конечно, въ наше время соперничество итальянскихъ оперъ не только съ Веберомъ, Вагнеромъ, но даже съ Мейерберомъ не можетъ быть принято съ серьезной стороны.

Однако борьба принциповъ музыкальныхъ и въ наше время существуетъ, и, можетъ быть, еще ожесточеннѣе, нежели война Глукистовъ и Пчинистовъ, Веберистовъ и Россинистовъ. Она только — сообразно прогрессу современному — приняла другой характеръ. Она выказывается въ видѣ злой, систематической оппозиціи большихъ европейскихъ журналовъ противъ новѣйшаго музыкальнаго направленія, котораго героями, вслѣдъ за Гекторомъ Берлиозомъ и Робертомъ Шуманомъ, блестятъ теперь на музыкальномъ горизонтѣ, Рихардъ Вагнеръ и Францъ Листъ. Нынѣшнюю борьбу можно назвать ожесточеннѣе прежнихъ, потому-что обѣ враждующія партіи обладаютъ несравненно большимъ запасомъ пониманія и свѣдѣній, теоретическихъ и практическихъ; сущность предмета — временемъ, опытностью, прогрессомъ критики весьма уяснилась. Теперь подходятъ къ предмету всегда съ разумной, философской стороны — и отстаиваютъ свои убѣжденія логически, послѣдовательно, со всеоружіемъ примѣровъ и доказательствъ. Въ прежнее время бывало много выстрѣловъ холостыми зарядами; теперь перестрѣливаются исправно-начиненными бомбами, гранатами и конгрововыми ракетами. Для примѣра — стоитъ сравнить музыкально-полемическія статьи Ж. Ж. Руссо въ его музыкальномъ словарѣ, весьма дѣльные для того времени, — жалкія нападенія Мармонтеля (!) и Лагарпа (!) на великаго Глука, насмѣшки умнаго, поэтического, но не философски-подготовленнаго К. М. Вебера надъ итальянскими операми *), разнокалиберныя статьи по этому предмету въ Лейпцигской музыкальной газетѣ 20-хъ годовъ и т. д. съ нынѣшними перестрѣлками въ родѣ горячей и мастерски-написанной брошюрки одного ученика Листа Ганса Бронсара, въ защиту новѣйшей

*) Въ особо-изданныхъ литературныхъ сочиненіяхъ Вебера. *Hinterlassene Schriften. Gesammelt und herausgegeben v. Theodor Hell.*

школы противъ нападеній Аугсбургской газеты (Allgemeine Zeitung) *) — или цѣлаго трактата даровитаго Ганслика «о музыкальной красотѣ» **), гдѣ ученый, остроумный и весьма свѣдущій по музыкѣ, авторъ силится доказать разными парадоксами, что для музыки смыслъ, поэтическая задача, драматическое выраженіе — будтобы вовсе не существуютъ, что все музыкальное изящество, вся прелесть, все очарованіе музыки состоитъ единственно въ искусномъ, красивомъ сочетаніи, сплетеніи красивыхъ звуковъ, въ музыкальныхъ, если такъ выразиться, узорахъ. Если всѣ эти разнохарактерныя враждованія окинуть однимъ общимъ взглядомъ, если выжать изъ нихъ самую сущность вопросовъ, можно всѣ эти полемики привести къ одному знаменателю. Дѣло идетъ объ *основныхъ* свойствахъ самой музыки, о *дуализмъ* неразлучномъ съ ея сущностью.

Музыка есть — игра звуками, игра ихъ кристаллическимъ сочетаніемъ, одновременными (акордъ) или чередующимися (мелодія, гармонія съ мелодіей), — при условіяхъ симметричности движенія (ритмъ).

Это — одна сторона, которая, конечно, дѣйствуетъ на душу, чрезъ впечатлѣнія слуха, — нѣжитъ насъ, ласкаетъ — улаживаетъ, волнуется до нѣкоторой степени.

Но это еще не — *вся* музыка; точно какъ узоръ, сочетаніе линий и красокъ, игра линиями и красками, свѣтомъ и тѣнью *интегрально* входитъ въ искусство живописи, но еще не есть — *вся живопись*.

Музыка, кромѣ игры звуками, *есть* — языкъ души, сердца, отчасти совпадающій со словесною рѣчью, отчасти съ нею несоизмѣримый, довыражающій, досказывающій душевныя волненія, тайны душевнаго міра, которыя слову, съ его разсудочнымъ символизмомъ, — недоступны.

Историческій ходъ развитія музыкальнаго искусства — отъ первыхъ начатковъ его у разныхъ народовъ до нынѣшней нашей музыки, дочери христіанской вѣры — показываетъ преобладаніе то одного, то другого изъ двухъ началъ.

При первыхъ зародышахъ музыкальнаго искусства (и теперь, въ народахъ и классахъ общества необразованныхъ) — музыка является въ видѣ пѣсни, большею частію вмѣстѣ и съ пляскою; неразлучно, слѣдовательно, со словами пѣсни (съ поэзією) и съ

*) Hans von Bronsart. Musikalische Pflichten. Leipzig. 1858.

**) Dr. Hanslick. Vom Musikalisch-Schönen.

тѣлодвиженіями (мимикою). Слѣдующимъ началомъ является — ритмъ, — элементъ общій поэзіи звуковъ — поэзіи словесной и поэзіи тѣлосложеній.

Эта естественная связь трехъ родственныхъ между собою искусствъ, вытекающая изъ ихъ свойствъ, лежала въ основѣ зрѣлищъ и богослужебныхъ празднествъ у самаго поэтического народа въ свѣтѣ, у древнихъ Грековъ.

Эта естественная связь музыки съ поэзіею и мимикою никогда, въ проявленіяхъ искусства, не можетъ быть совершенно-затемнена, утрачена.

«Море разлучаетъ и соединяетъ земли: такъ музыка разлучаетъ и, вмѣстѣ, соединяетъ двѣ противоположныя стороны человѣческаго искусства, — пляску и поэзію.

«Музыка — сердце; кровь, начиная отъ него бѣгъ свой, общаетъ внѣшности тѣла его теплую, живую краску, — нервамъ мозга, кнутри обращеннымъ, даетъ пищу и внутреннюю жизнь. Черезъ сердце разумъ становится родственнымъ всему тѣлу, — черезъ сердце чувственность человѣка связуется съ умственной дѣятельностью.

«Органъ сердца есть звукъ; художественно-сознательный языкъ сердца есть музыка. Она — полная дыханіемъ жизни, сердечная любовь, которая возвышаетъ, облагораживаетъ чувственные впечатлѣнія и придаетъ плоть и кровь отвлеченнымъ мыслямъ.

«Черезъ музыку, поэзія и пляска понимаютъ другъ друга: въ ней соприкасаются, взаимно собою проникаются органическіе законы каждаго изъ этихъ искусствъ; черезъ музыку — метръ поэзіи и тактъ пляски становятся однимъ и тѣмъ-же ритмомъ, необходимымъ какъ біеніе сердца».

Такъ выражается Рихардъ Вагнеръ *), глубоко философствуя въ поэтическихъ образахъ, и дѣлая вѣрнѣйшія эстетическія сближенія, которыя до него никому въ голову не приходили — хотя были у всѣхъ передъ глазами.

Проводя послѣдовательно аллегорическую параллель музыки съ моремъ, Вагнеръ продолжаетъ:

«Элинь, пускаясь на своемъ весельномъ кораблѣ въ открытое море, никогда не покидалъ изъ виду берега: для него море было надежнымъ сообщеніемъ отъ земли къ землѣ, онъ плылъ подъ мелодическій ритмъ своихъ вѣселъ, — то нѣжа зрѣніе пляскою

*) Das Kunstwerk der Zukunft. Leipzig. 1850. S. 68.

прибрежныхъ нѣмѣ, то прислушиваясь къ гимну, котораго строфы въ стройномъ хореводѣ приносились къ нему вѣтеркомъ изъ ближняго храма. На поверхности воды, окаймленные лазурью неба, отражались во всей вѣрности берега съ утесами, долинами, деревьями, пѣвцами, людьми: и въ этомъ колеблющемся зеркалѣ жизни Элинъ понималъ — гармонію».

«Отъ береговъ мірской жизни отдалился — Христіанинъ.

«Онъ уплывалъ дальше и дальше въ широкое море — остался наконецъ уединеннымъ между моремъ и небомъ въ безпредѣльномъ океанѣ. Слово, слово религій, вѣры было для него компасомъ, обращая его постоянно — къ небу. Небо разстилось надъ нимъ вездѣ, вездѣ горизонтомъ полагая видимыя границы океану; но мореплаватель никогда не достигалъ этихъ границъ, отъ вѣка до вѣка онъ стремился къ вождѣнной и недостижимой новой отчизнѣ»....

Говоря безъ метафоръ и аллегорій, которыя легко могутъ показаться читателемъ странными, такъ какъ несовѣмъ приходятся къ духу нашего языка, — скажемъ, что древній міръ не понималъ музыки иначе, какъ въ соединеніи со словами (пѣсней, гимномъ, декламациею въ родѣ речитатива) или со словами и съ пляскою.

Отдѣленіе, высвобожденіе музыки до ея *самостоятельнаго* значенія, какъ особаго искусства, является только у христіанскихъ народовъ и преимущественно — на западѣ Европы.

Понятно, что при «эманципаціи» музыкальнаго искусства отъ поэзіи и мимики, собственно-музыкальное построеніе, кристалличность музыкальныхъ формъ, свободная *игра* изящнымъ сочетаніемъ музыкальныхъ звуковъ должна была развиваться самостоятельно, сложиться въ свои особые организмы, вызвать эстетическіе элементы новые, небывалые ни въ поэзіи словесной, ни въ поэзіи тѣлодвиженій. Ясно, что такимъ образомъ *одно* изъ эстетическихъ началъ музыки — свободная игра звуками, архитектоника звуковъ въ тысячѣ случаевъ могла брать перевѣсъ надъ другимъ столькожъ существеннымъ для музыки началомъ — отраженіемъ психическаго міра въ звукахъ, т. е. надъ языкомъ души, сердца.

Но оба начала въ самомъ существѣ музыки слиты неразрывно и въ идеально-совершенныхъ созданіяхъ этого искусства *сегада* водворяется равновѣсіе между обоими его началами.

Въ простыхъ, безыскусственныхъ организмахъ музыки, — въ народныхъ пѣсняхъ — мелодіи, высказывается одно, давное на-

строение души, одинъ психическій моментъ, большею частію согласованный съ первою строкою, съ первымъ стихомъ текста пѣсни. — Далѣе, на повтореніе *той-же* мелодіи ложатся уже всѣмъ другія слова, иногда—въ подробностяхъ вовсе не подходящія подъ характеры мелодіи. Но *наивно* народное творчество объ этомъ нисколько не заботится, и именно въ господствѣ одного, единичнаго «лирическаго» настроенія души и заключается одна изъ главнѣйшихъ прелестей этого рода музыки.

Если музыкантъ-сочинитель беретъ данный народный напѣвъ (какъ это дѣлалъ чрезвычайно часто-Гайднъ въ своихъ квартетахъ, симфоніяхъ, какъ дѣлалъ Глинка въ своей Камаринской) и развиваетъ его подъ вдохновеніемъ собственной, инстинктивно-музыкальной фантазіи, т. е. избравъ этотъ напѣвъ темой, строитъ изъ нея *свои* музыкальныя зданія, — эта «игра звуками» — хотя-бы безъ малѣйшей, опредѣленной программы, безъ заранѣе условленной задачи поэтической — будетъ сама-по-себѣ вызывать въ душѣ длинную цѣпь разнообразныхъ настроеній, имѣющихъ только большую или меньшую родственность первообразному лирическому моменту темы.

Въ музыкѣ такъ-созданной является, почти безъ умысла автора, *смыслъ драматическій*; мелькаютъ такія и такія картины, такіе и такіе аффекты души; все это является, конечно, *неясно, неопредѣленно* — потому-что къ такой ясности, къ такой опредѣленности, какъ въ разсудочныхъ понятіяхъ, музыка и стремиться не должна, зная, что это вовсе не ея дѣло.

Словами разсудочнаго языка невозможно *пояснить* самыхъ элементарныхъ ощущеній въ музыкѣ: разницу, напримѣръ, въ впечатлѣніи акорда минорнаго и мажорнаго. Тѣмъ менѣе можно ожидать разсудочной опредѣленности отъ безконечно-разнообразныхъ сочетаній музыкальныхъ формъ.

Еслибъ всѣ движенія души, всю внутреннюю таинственную, психическую жизнь можно было передать «словомъ», музыка во-все-бы и не существовала.

Она несоизмѣрима со словесною рѣчью и въ этомъ — главное ея очарованье.

Вникая въ свойства музыки, не будемъ упускать изъ-виду, что въ чисто-инструментальной музыкѣ самъ-собою, невольно, иногда независимо отъ намѣреній автора, проявляется элементъ *драматическій*.

Сколько есть анданте, адажіо въ сонатахъ, квартетахъ и симфоніяхъ, съ характеромъ гимна, молитвы.

Сколько есть минуэтовъ, скерцо, въ которыхъ рѣзкіѣ, опредѣленный, веселый ритмъ живо представляетъ пляску.

Сколько есть страстныхъ аллегро, въ которыхъ слышатся взрывы гнѣва, жалобы, мольбы, стоны, слезы — есть мелодическія фразы, какъ нельзя ближе напоминающія речитативъ, патетическую декламацію....

Все это вызываетъ поэтическій смыслъ, будто просится подь *дѣйствіе.... подь слова....*

Музыка, въ глубинѣ своей сущности, не перестаетъ быть въ соединеніи съ родственными ей искусствами: поэзіею и мимикою. По парадоксальной теоріи Ганслика поэтическое значеніе совершенно-лишнее, постороннее дѣло для инструментальной музыки. Онъ убѣжденъ, что на увертюру къ Коріолану можно было бы надписать «Эгмонтъ»; на увертюру къ Эгмонту «Коріоланъ»; на симфоніи героической надписать «пасторальная», надъ пасторальной надписать «героическая», — и впечатлѣніе будтобы нисколько не пострадаетъ! А мы скажемъ, что если героическая симфонія или пасторальная восхищаютъ насъ собственно-музыкальными своими прелестями — кристаллическою и органпческою красотою сочетанія звуковъ, то это очарованіе нисколько не утрачивается, а *безконечно разрастается*, когда мы ставили воображеніе наше въ *ту сферу*, въ ту область впечатлѣній, которая обозначена въ заглавіи — самимъ авторомъ.

Бетховенъ выразилъ свои ощущенія, навѣянные ему сельскою природою; съ дивнымъ искусствомъ изобразилъ эту природу, какъ она отразилась въ душѣ его и немногими «словами» заглавіи завѣщалъ намъ свою мысль.

Такъ и въ героической симфоніи, такъ и въ Эгмонтѣ, такъ и въ Коріоланѣ, поэтическое содержаніе музыки въ главныхъ чертахъ опредѣлено. А насъ хотятъ увѣрить, что тутъ, въ этихъ нотахъ, будтобы нѣтъ никакого значенія, что это все просто «игра звуками»—т. е. пустые забавы слуха! Унизительно для музыки!

Величайшій изъ героевъ музыки инструментальной, величайшій въ свѣтѣ симфонистъ, Бетховенъ, овладѣвъ всѣми формами оркестровыхъ сочетаній до могущества волшебнаго, сталъ яснѣе и яснѣе сознавать *тлѣтніе* инструментальной музыки къ поэтическому смыслу. Начиная съ героической (III), всѣ дальнѣйшія шесть его симфоній имѣютъ внутреннюю *программу* (все

равно, высказана-ли она въ заглавіи или не высказана), что можно доказать фактически; но, не довольствуясь такимъ *внутреннимъ*, идеальнымъ сближеніемъ свободного сочетанія звуковъ съ цѣлями музыкально-поэтическими, сближеніемъ, проявляющимся и кромѣ симфоній во многихъ сонатахъ его для одного фортепiano и въ послѣднихъ шести квартетахъ, Бетховенъ двумя своими твореніями уже «реально» соединилъ міръ *симфоніи* съ областью пѣвня, слова человѣческаго — именно: въ фантазіи для ф. п. съ оркестромъ и хоромъ (ор. 80) и въ послѣдней своей симфоніи (ор. 125), съ финаломъ на слова шиллеровой оды «Къ радости» (An die Freude).

Должно-ли считать девятую симфонію Бетховена крайнимъ, высшимъ предѣломъ симфонической музыки вообще, — послѣднимъ ея словомъ (какъ считаетъ Вагнеръ) или нѣтъ, — намъ необыкновенно-важно то явленіе, что величайшему симфонисту для воплощенія идей, его переполнявшихъ, — міръ инструментовъ, міръ *безсловесный*, оказался недостаточнымъ. Изъ внутреннихъ потребностей своего симфонического мира Бетховенъ возжаждалъ — *слова человеческого*.

Музыка, прихотливо, эгоистически отдѣлившаяся отъ словесной поэзій и самостоятельно разработавшая свои элементы, почувствовала, что пора ей опять возвратиться къ родной сестрѣ — и снова протянула ей руку.

Остановивъ такъ долго вниманіе читателей на предметѣ, имѣющемъ съ нашею темою связь непрямую, т. е. на музыкѣ инструментальной, симфонической, я не считаю однако этихъ разсужденій вводными, эпизодическими.

Цѣлью сказаннаго была та мысль, что музыкѣ, хотя-бы и безъ словъ, постоянно-присущъ элементъ *драматическій*, элементъ *языка душевнаго*, даже когда создающій музыку не задаетъ себѣ ни какого преднамѣреннаго поэтического содержанія; — тѣмъ болѣе, тѣмъ явственнѣе элементъ *выразительности драматической присущъ музыкѣ*, когда въ идеѣ автора поэтическое содержаніе *сливалось* съ музыкальнымъ, одно другимъ обуславливалось, наконецъ, что были въ искусствѣ факты удостоверяющіе, что музыка симфоническая *тяготеетъ* къ слову, въ немъ органически нуждается, имъ *разрѣшается*.

Взвѣсивъ съ этой стороны на музыку, можно сказать, съ Маркомъ, что сущность *всей* на свѣтѣ музыки, въ ея высшемъ развитіи, есть *драматизмъ*.

(Schon die Natur der Musik ist in ihrer höhern Entwicklung dramatisch *).

Если въ безднѣ случаевъ инструменты бетховенскаго оркестра (напримѣръ *любой* въ одной ферматѣ перваго аллегро симфоніи C-moll) совершенно превращаются въ индивидуальную личность, въ дѣйствующее лицо, съ его живымъ голосомъ, съ голосомъ, который говоритъ — безъ слова; если вообще законы мелодической формы, просодіи музыкальныхъ фразъ въ сущности *тѣже самыя*, что и законы просодіи *стиха*, то ясно, что музыка заключаетъ въ себѣ полнѣйшую способность сливаться съ поэзіею словесною, проникаться ею, нисколько не утрачивая своей свободы, а напротивъ привнося въ словесно-поэтическій міръ свои новые элементы, *дополняя* рѣчь разсудочно-символическую таинственною прелестью неопредѣлительнаго, но непосредственно психическаго языка музыкальныхъ звуковъ.

Итакъ — «a priori» — музыка, не утрачивая своей прелести, а еще возвышая, усиливая ее, очень *можетъ* состоять въ тѣсномъ дружественномъ сліяніи съ поэтическимъ содержаніемъ, съ поэзіею словесною.

Разумѣется, что и *конкретно* — мы очень часто находимъ эту связь, если даже — до времени — еще вовсе не коснемся *сценическихъ* музыкальныхъ произведеній, какъ-будто ихъ нѣтъ на свѣтѣ.

Три главные типа музыки, проявляющіеся съ самыхъ первыхъ ея зачатковъ — *ими* религиозный, *пѣсня*, какъ лирико-драматическое изліяніе, и *плясовая пѣсня* (съ преобладаніемъ ритмики) могутъ быть прослѣжены, въ основныхъ чертахъ своихъ, сквозь *все* неимовѣрно-богатое развитіе музыки отъ первыхъ ея начинаній до нашей эпохи. Не коснемся пока и плясовыхъ напѣвовъ, этого сближенія музыки съ мимикою, замѣтимъ только, вскользь, что при эманципаціи музыки отъ «слова», танцы, мелодіи плясовые играли всегда чрезвычайно-значительную роль въ развитіи музыки инструментальной. Многія части сонатъ, квартетовъ, симфоній въ прямомъ, ближайшемъ родствѣ съ народными плясовыми напѣвами отъ пассакалій, сарабандъ, жигъ, до менуэтовъ, полонезовъ и мазурокъ.

Совершенно оторваться отъ родственныхъ ей искусствъ, отрѣзать всякую связь съ ними музыка никогда не могла.

*) Musik des XIX Jahrh. S. 190.

Въ исторіи церковной музыки мы найдемъ постепенный ходъ отъ строго-аскетическаго, однообразнаго лиризма въ неразрывномъ соединеніи съ условными, обрядными формами до большаго и большаго проникновенія музыки индивидуально-драматическимъ чувствомъ. Въ католической церкви явились обѣдни съ аріями, дуэтами, терцетами и всѣми виртуозными ухищреніями свѣтской музыки.

Въ протестантской церкви образовался особый родъ музыкальныхъ произведеній (Passions-Müsiken, Oratorien), гдѣ уже создавалось эпико-лирико-драматическое цѣлое изъ выбранныхъ библейскихъ текстовъ. Великій Себастьянъ Бахъ положилъ на музыку все повѣствованіе о страданіи Спасителя и совершилъ это двукратно: однажды по Евангелію Маттея, въ другой разъ по Евангелію Іоанна. Рѣчи народа и лирическія строфы на прибавленный стихотворный текстъ изучены хоромъ; Евангелисты и самъ Иисусъ Христосъ вѣщаютъ речитативою. Музыка какъ нельзя ближе слѣдитъ за всѣми измѣнами текста.

Ораторія, низведенная съ настоящаго своего мѣста, — съ церковныхъ хоровъ, на эстраду концертной залы, — утратила свое первоначальное, благочестивое значеніе и стала болѣе и болѣе превращаться въ что-то ложное, не имѣющее цѣли.

Наивныя ораторіи Гайдна — Сотвореніе міра, Четыре времени года собственно-кантаты, въ широкихъ размѣрахъ, кромѣ общаго благоговѣйнаго настроенія въ нѣкоторыхъ гимнахъ, не имѣютъ уже въ себѣ нисколько церковныхъ элементовъ, и значительною частью своей славы одолжены музыкальному живописанію (Tonmalerei), которое встрѣчается въ нихъ на каждомъ шагѣ.

Мендельсонъ, стараясь въ своихъ ораторіяхъ возобновить музыкальныя формы Генделя и Баха, не взиралъ на то, что самый родъ такихъ произведеній вовсе не вызывался потребностями нашего времени; между-тѣмъ, независимо быть можетъ отъ собственныхъ намѣреній, во многихъ мѣстахъ ораторіи «Св. Павелъ» и еще больше въ ораторіи «Пророкъ Ізія», допустилъ полный драматизмъ, которому только недостаетъ — сцены.

Ко всѣмъ этимъ формамъ музыканты и публика привыкли, но если отрѣшиться отъ существующаго, принятаго, не странно-ли эти лица Ветхаго и Новаго Заветъа на концертныхъ подмосткахъ, эти ангелы, святые и пророки, олицетворенные пѣвицами и пѣвцами въ нынѣшнихъ бальныхъ костюмахъ? Потомъ, не странно-ли видѣть отдѣльныя лица и массу лицъ, поющихъ съ

большимъ одушевленіемъ иногда съ драматическою страстностью, при отсутствіи игры и жестовъ?

Или не надобно-ли постоянно держать свои глаза закрытыми, чтобъ ничто не нарушало прелести въ сущности похожихъ на «мистеріи» этихъ странныхъ музыкальныхъ представленій среднихъ вѣковъ?

Ораторіи или полу-ораторіи, содержанія несвященнаго, драматизированныя кантаты и легенды (напримѣръ «Рай и Пери» Шумана) свободнымъ смѣшеніемъ средствъ симфоническихъ и вокальных (въ хорахъ и соло, речитативахъ и сплошномъ пѣніи), совершенно сблизилась съ тѣми свободными симфонико-вокальными произведеніями, которыя въ дѣятельности Бетховена были вызваны потребностями самой инструментальной музыки въ сліяніи ея съ поэтическимъ смысломъ.

Союзъ музыки съ поэзію, съ словесно-поэтическими задачами, воплѣ оправданъ конкретнымъ своимъ проявленіемъ.

О народныхъ пѣсняхъ мы упоминали съ той точки, что въ нихъ музыка выражаетъ только общее, преобладающее лирическое настроеніе, не слѣдитъ за изгибами текста, не ищетъ выраженія подробностей; но и это отношеніе въ судьбахъ искусственаго развитія этого типа — измѣнилось.

Въ пѣсни, создаваемыя не народомъ уже, а отдѣльными, со знательными художниками, мало-по-малу вошли многіе чисто-драматическіе элементы, явились эпизоды речитативные, — наивная куплетность стала пзчезать за формами болѣе сложными, акомпанментъ получилъ болѣе самостоятельности, разросся до симфоническихъ движеній.

Большинство *Lieder* Франца Шуберта, Роберта Шумана и другихъ новѣйшихъ германскихъ пѣснопѣвцевъ, пѣсня «Маргариты» изъ Фауста, какъ ее создалъ Глинка, вообще всѣ, такъ называемыя «*Durchcomponirte Lieder*» — уже нисколько не *пѣсни* собственно, а цѣлыя драматическія сцены, цѣлыя «монодрамы», исполненныя у фортепiano, которое во всѣхъ такихъ случаяхъ только «исправляетъ должность» оркестра.

И съ этой стороны, значить, музыка, незамѣтно для самой себя, какъ нельзя ближе подошла къ *драмѣ*.

Теперь — еслибъ мы совершенно не знали ни о существованіи оперныхъ театральныхъ представленій, ни объ исторіи оперы изъ одного развитія разныхъ музыкальныхъ формъ, мы могли бы

быть наведены на мысль: *перенести симфонію, кантату и драматическую пьесу — на театр.*

Мы разсуждали бы такъ: въ музыкѣ кромѣ игры кристаллическими и безконечно-разнообразными сочетаніями звуковъ несомнѣнно заключается другая сторона: языкъ души, душевнаго волненія, душевнаго настроенія — въ свою очередь нескончаемо-разнообразный какъ вся область міра психическаго.

Какое искусство лучше передать страшную, предсмертную борьбу въ душѣ Коріолана — когда мы *знаемъ*, что Бетховенъ именно эту борьбу изобразилъ?

Какое искусство въ состояніи такъ живописать ликованіе *любды освобожденія*, какъ это ликованіе выражено въ побѣдныхъ звукахъ *конца* увертюры къ Эгмонту и *финала* пятой симфоніи?

Въ музыкѣ, кромѣ того, есть много элементовъ, чудно-сближающихъ ее съ другимъ душевнымъ языкомъ, съ мимикою взгляда и тѣлодвиженій, съ оживленною пластикою.

Скерцо пасторальной симфоніи одними звуками рисуетъ движенія пляшущихъ нѣмецкихъ поселянъ, совершенно становитъ насъ посреди ихъ простодушной, дубоватой веселости. Мы различаемъ комическія, теньеровскія группы пляшущихъ, видимъ взмахи ихъ платьевъ и деревянныхъ башмаковъ.

Въ музыкѣ, наконецъ, кроются могучія силы — *черезъ отраженіе* внѣшней природы со всѣми ея явленіями въ душѣ человѣка живописать *и самую природу* — лучше живописи, потому-что въ живописи одинъ моментъ, а въ музыкѣ — рядъ, цѣль моментовъ, часть нашей жизни, погруженная въ любую поэтическую атмосферу, въ любую среду, по волшебному мановенію искусства.

Припомните опять «пасторальную симфонію» великаго заклинателя стихійныхъ силъ присущихъ музыкѣ. Припомните сцену у ручья, которая рисуетъ въ воображеніи вашемъ прелестный пейзажъ со всѣмъ дыханіемъ, со всѣмъ ароматомъ зелени, воды, чудеснаго знойнаго лѣтняго дня — когда слышатся неумолкающіе хоры птичекъ и кузнечиковъ, когда всякая травка поетъ и *мгѣть* въ восторгѣ... Припомните, какъ вдругъ, среди веселаго разгула крестьянъ, неожиданно подвинулись на лазурь темныя тучи, западали крупныя передовыя капли дождя — наступило тягостное молчаніе, не шелухнется, только дрожь пробѣжала по *листьямъ* деревьевъ — испуганные поселяне поспѣшили *спрятаться* по домамъ: и *вмигъ* — грянулъ громъ, зашумѣлъ ливень, засверкали частыя молніи, свирѣпо завылъ вѣтеръ, гроза воца-

рилась въ своемъ мрачномъ величїи.... но вотъ, катастрофа миновалась, грозная сила убываетъ, тучи быстрою вереницею несутся въ сторону, удаляются къ одному краю неба — съ другого опять засвѣтѣла лазурь.... буря прошла, сквозь послѣднія, ослабѣвшія струи дождя свѣтитъ радуга, — прекратился и дождь, все успокоилось, освѣжилось, на деревьяхъ блестятъ алмазныя слезки.... воздухъ душистъ и напоенъ влагою, съ дальнихъ холмовъ перекликаются пастушьи рога....

Живопись не можетъ дать этой *постепенности*, чередованье чудесныхъ картинъ, а тутъ въ такой постепенности — главное дѣло!...

Поэзія не обладаетъ на столько живыми красками и, собственно говоря, даетъ одно перечисленіе предметовъ, напоминаетъ ихъ «по именамъ» какъ въ «инвентаріи», между тѣмъ какъ музыка даетъ самую *жизнь* предметовъ, съ біеніемъ ея пульса, съ тысячами оттѣнковъ, недоступныхъ ни зрѣнію, ни слову съ *непосредственнымъ* дѣйствіемъ на душу....

Самыя лучшія въ свѣтѣ поэтическія «описанія» бури чтó онѣ, въ сравненіи съ бурей въ пасторальной симфонїи, гдѣ какъ-будто уже *нѣтъ музыки*, а мы лицомъ къ лицу съ самою природой?

Далѣе: съ разныхъ, съ самыхъ противоположныхъ сторонъ подходя къ музыкѣ, мы видимъ, что она, какъ *выразительнѣйшее* изъ искусствъ, какъ «*апоеозъ выраженія, высказыванія души*» тяготеетъ къ внутреннему поэтическому *содержанію*, и для такой цѣли стремится соединить, слить свои средства и силы съ силами и средствами словесно-поэтического языка, съ которыми несовершеннo-соизмѣрима, но поэтому именно чудно его дополняетъ. «Въ высшемъ своемъ развитіи вся музыка — *драматизмъ*»; но драматизмъ этотъ по неопредѣлительности музыки, безъ пособія словъ (или хоть программы), не находитъ полного своего примѣненія въ музыкѣ, какъ отдѣльномъ искусствѣ, не находитъ себѣ *точки опоры*.

Къ древнему, первоначальному, союзу своему съ поэзіею и мимикою музыка приходитъ и *нынѣ*, пройдя столько стадій своего развитія сама-по-себѣ.

Мы видѣли однако, что и при пособіи словъ, ни пѣсня, ни симфонія съ вокальными частями, ни одраматизированная кантата, не исчерпываютъ богатствъ музыки, со стороны ея *драматизма*, не даютъ *полныхъ* результатовъ.

При музыкальномъ воплощеніи драматическаго содержанія, хотя-бы и при полномъ идеальномъ раздольѣ поэзіи въ сліяніи съ музыкою тотчасъ явится сильное *неравновѣсіе* въ художественномъ музыкально-драматическомъ произведеніи чрезъ отсутствіе въ немъ стороны *наглядности*; зрѣніе не должно быть обижено, не должно довольствоваться условнымъ «ничѣмъ» (какъ въ ораторіяхъ на концертной эстрадѣ); зрѣніе и отъ *музыкальнаго* драматизма требуетъ того-же, что уже находитъ въ сопредѣльномъ музыкѣ искусствѣ драматическомъ, т. е. требуетъ *сцены* съ ея мимикою и полнымъ, могущественнымъ очарованіемъ.

Такимъ образомъ — идеаль *сценическаго* музыкальнаго представленія вытекаетъ самъ-собою изъ органическихъ свойствъ музыки.

Еслибъ *оперы* и ея историческаго развитія не было на свѣтѣ, музыкальная драма очень легко могла бы возникнуть въ наше время изъ идеи воплощенія драматическихъ свойствъ музыки на театральномъ сценѣ, съ примѣненіемъ къ дѣлу всей необъятной силы впечатлѣнія и неисчерпаемо-богатыхъ средствъ, до которыхъ развилась современная музыка въ разныхъ ея отрасляхъ, съ примѣненіемъ къ дѣлу, съ другой стороны, мимической игры и всего изящества, всей разумной художественности нынѣшней сценической постановки.

Сцена — въ свою очередь.

«Die Bretter, die die Welt bedeuten» (подмостки, которыя представляютъ свѣтъ) требуютъ прежде всего — *жизни* въ произведеніи, которое на ней дается, *жизненнаго организма* — т. е. *драмы*.

Какъ только музыка переселяется *на сцену*, она должна осуществитъ въ себѣ сценическія условія.

Вотъ, отчего Маркъ совершенно-правъ, когда говоритъ, что музыкально-сценическое представленіе (опера) должно быть прежде всего — *истинной драмой*.

Драмой — но *какой* драмой? Каждая-ли драма (въ обширномъ общемъ смыслѣ сценическаго представленія) можетъ и должна вызывать соединеніе поэзіи и театра съ музыкою, превращаться въ *музыкально-сценическое* произведеніе, т. е. въ оперу.

По самому свойству музыкальнаго языка — ни сколько не *каждая* — какъ напримѣръ, вовсе не *каждые стихи* вызываютъ переложеніе ихъ на музыку, — вовсе не *каждая* музыка непременно требуетъ объяснительныхъ словъ программы или текста, — и, на-

конецъ, не каждое даже драматическое созданіе непременно требуетъ представленія на театрѣ.

Каково именно должно быть *содержаніе* оперы, вообще чтобъ она удовлетворила всѣмъ условіямъ идеала своего: *драмы музыкальной*; это опять одинъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ философіи искусства, отвѣчать на который надобно — трактатами, книгами, а не нѣсколькими страницами журнальной статьи.

Для необходимаго намъ поясненія, остановлюсь однако на идеѣ сціянія искусствъ, которая насъ занимаетъ и попытаюсь изъ самой этой идеи вывести условія опернаго идеала.

Намъ нужна точка пересѣченія трехъ искусствъ (музыки, драматической поэзіи и театральной пластики) въ скульптурной группѣ трехъ грацій элементомъ, связующимъ три статуи, являются, конечно *руки*, которыми граціи сплетаются въ одно объятіе.

Такъ и въ нашей задачѣ надобно имѣть въ виду въ чемъ и гдѣ музыка подаетъ руку драматической поэзіи и мимикѣ, въ чѣмъ и гдѣ драматическая поэзія и сцена стремятся къ музыкѣ.

Въ драматической поэзіи, какъ въ искусствѣ дѣйствующемъ черезъ «словесныя понятія» — много элементовъ *разсудочныхъ*. Эти элементы — сатира, иронія, политика — почти или вовсе музыкѣ *недоступны*. Въ музыкальномъ языкѣ нѣтъ *органовъ* для передачи разсудочныхъ соображеній. Все, гдѣ не участвуетъ сердце, душа, живымъ, непосредственнымъ, *страстнымъ* участіемъ — для музыки чуждо. Наше «Горе отъ ума» — *драма* въ общемъ и вѣрномъ смыслѣ этого слова — для музыки ни мало не годится, потому-что въ музыкѣ на девять десятыхъ спенъ своихъ — вовсе и не нуждается.

«Свадьба Фигаро» Бомарше злая сатира на современные ему нравы и на политическое положеніе Франціи, была превращена въ оперу для музыки Моцарта. Моцартъ, свое дѣло выполнилъ великолепно, но *тѣмъ самымъ* увелъ свое созданіе совершенно *въ сторону* отъ первоначальной его идеи. Остались только блѣдныя очерки нѣкоторыхъ индивидуальностей, осталось внѣшнее сплетеніе интриги и — при всемъ геніи Моцарта создавшемъ прелести драматически-музыкальныя, содержаніе пьесы въ ея цѣломъ осталось *не музыкальнымъ* и далекимъ отъ опернаго идеала. Трилогія Шиллера «Валленштейнъ», по преобладанію въ ней историко-политическаго характера, въ оперу-бы не годилась. Умножать примѣры нѣтъ надобности.

Въ музыкѣ, въ свою очередь, какъ и въ самой поэзіи, есть много областей или слишкомъ широкихъ или слишкомъ тѣсныхъ,

итинныхъ — для театральныхъ подмостковъ. Область симфонической музыки никакъ не вся совпадаетъ съ поэзіею словесной. — Въ музыкѣ есть элементъ уносящій слушателей въ даль необозримую, въ безпредѣльность — для которой кулисы театральной сцены были бы жалкимъ ограниченіемъ. Одинъ великій поэтъ такъ выражается о музыкѣ:

«Въ музыкѣ огромнѣйшая часть ея невыразима и безотчетна. Музыкальныя страсти — не житейскія страсти; музыка иногда только выражаетъ, или, лучше сказать — поддѣлывается подъ голосъ нашихъ страстей, для того, чтобъ, опершись на нихъ, устремиться брызжущимъ и шумящимъ фонтаномъ другихъ страстей «въ другую сферу» *).

Эти горячія слова писаны, конечно, не-музыкантомъ и безъ особенно-глубокаго вниканія въ предметъ; но въ нихъ есть геніально-схваченная правда.

Музыка никогда не должна утрачивать своего стремленія къ міру идеальному.

«Она», — какъ говорить тотъ-же Гоголь **), — «вся *порывъ*; она вдругъ, за однимъ разомъ, отрываетъ человѣка отъ земли «его и погружаетъ въ свой міръ.»

Заставлять музыку спускаться до низменныхъ областей обыденной жизни, до прозаическихъ подробностей, которыя иногда отлично на мѣстѣ въ романахъ, въ драмѣ — значитъ не сознать ясно характера музыкальной поэзіи.

Насколько многіе изъ музыкантовъ, писавшихъ для театра, не вникали съ этой стороны въ условія своего искусства, по преимуществу *идеальные*, и безобразили свои произведенія подмѣсю элементовъ совсѣмъ не-музыкальныхъ; на столько, на оборотъ, многіе поэты, писатели литературные, любясь музыкою издали, сознали вполне ея главное свойство: *идеализировать* предметы, которые проходятъ чрезъ ея среду, *идеализировать жизнь*, ее въ высшей просвѣтленной сферѣ.

Мы видѣли мнѣніе Гоголя; вотъ еще вдохновенныя слова другого писателя, которыя, хотя вскользь сказанныя, obligаютъ глубокое инстинктивное пониманіе самой сущности музыкальнаго искусства. «Нѣкоторые позы на пареонскихъ барельефахъ можно назвать изысканными и именно потому, что ваятели

*) Гоголь. Петербургскія записки. 1836.

**) Арабески. Скульптура, живопись и музыка.

исключили все случайное и оставили вѣчныя спокойныя формы; жизнь, поднимаясь въ эту сферу, отрѣшается отъ всего возмущающаго красоту ея проявленія, принимаетъ *пластическій и музыкальный строй*; *тутъ движеніе должно быть граціей, слово — стихомъ, чувство — пѣнью.*» Мѣтко очерчена этими словами область музыкальнаго міра въ сліяніи съ его конкретнымъ, нагляднымъ проявленіемъ.

«Всякое движеніе, всякая группа — картина, пластика; слово — стихъ; чувство — пѣніе.»

Не въ этомъ-ли чистѣйшій идеалъ музыкально-сценическаго представленія? Не въ этомъ-ли главныя условія *оперы*?

Драматическіе моменты, не вызывающіе такой высшей, идеальной сферы, отрѣшенной отъ случайностей — недостойны музыки, не должны быть содержаніемъ оперы.

Драматическіе моменты, истинно-музыкальные, должны быть такого свойства, чтобъ, не теряя своей конкретности и ею служа *точкой опоры* для тонкаго, безтѣлеснаго искусства звуковъ — могли бы давать полную свободу музыкѣ уноситься въ свои сферы, съ свой особый міръ, съ его безконечными перспективами, съ новыми, невѣдомыми для слова горизонтами...

«Опера должна быть *драмою*»; но драма эта, чтобъ быть «оперою», должна быть драмою *особыхъ* свойствъ, драмою *музыкальною*.

Драма вообще, какъ выраженіе характеровъ въ словахъ и дѣйствіи, имѣетъ стремленіе къ быстротѣ въ сценахъ, смѣняющихъ другъ друга, къ законизму, результатной краткости, какъ проявленію *воли*.

Музыка, среди самаго разгара драматизма-требуетъ, напротивъ, частыхъ остановокъ дѣйствія, для пребыванія въ одномъ и томъ-же настроеніи, для исчерпыванія этого момента до глубины потому-что тогда только, въ недоступныхъ слову тайникахъ психическаго міра, музыка вступаетъ въ полныя права свои.

Это — крайности, стремленія, силы, другъ другу противоположныя.

Но развѣ мы не видимъ въ области физики и математики, что изъ двухъ стремленій несогласныхъ другъ съ другомъ, выходитъ третье — ихъ примиряющее?

Одна сила, напримѣръ, клонитъ къ центральной точкѣ, другая клонитъ въ сторону отъ центра, старается убѣжать отъ него, — изъ двухъ этихъ стремленій образуется движеніе *кри-волннейное*.

Развѣ поучительный оптический приборъ, стереоскопъ, не убѣждаетъ насъ фактомъ, что изъ двухъ изображеній предмета, *не совсѣмъ между собою совпадающихъ* — одно для праваго глаза, другое — для лѣваго, — для обоихъ глазъ вмѣстѣ является впечатлѣніе предмета новое, магически-выпуклое?

Развѣ таинства природы не свидѣтельствуютъ намъ, что изъ сліянія двухъ организмовъ однородныхъ, но часто очень различныхъ, почти противоположныхъ другъ другу индивидуальными качествами, рождается *новый* организмъ, соединяющій въ себѣ, конкретно-примирающій собою противоположности первообразныхъ натуръ, которымъ обязанъ жизнию?

И чѣмъ больше равновѣсія въ сліянніи элементовъ противоположныхъ, чѣмъ больше согласія, вытекающаго изъ разнорѣчія; тѣмъ совершеннѣе *новый* организмъ.

Почему-же не можетъ, не должно осуществиться подобное же явленіе въ мірѣ искусствъ?

Почему-бы не существовать сценическимъ художественнымъ произведеніямъ, рождающимся отъ *внутренняго* глубокаго сліянія музыки съ драмой, — драмы съ музыкой?

Какъ въ криволинейномъ движеніи любая точка его состоитъ въ *равной зависимости* отъ двухъ рождающихъ это движеніе силъ, — какъ въ стереоскопѣ новое магически-выпуклое впечатлѣніе предмета не позволяетъ уже различать, что именно въ немъ относится къ лѣвому изображенію, что къ правому, — точно такъ и въ идеалѣ музыкальной драмы, каждая магѣйшая часть органическаго цѣлаго, каждый пунктъ такого произведенія, должны состоять въ полнѣйшей зависимости вмѣстѣ и *отъ музыки и отъ драмы, въ ихъ взаимномъ сліянніи*, и новый этотъ живой организмъ не позволитъ прослѣдить на-себѣ что именно рождено въ немъ музыкой, — что драмой, будетъ въ *равной* степени принадлежать тремъ искусствамъ музыкѣ, драматической поэзіи и пластическому проявленію ея на театрѣ.

Ясно, что такого рода внутренней союзъ музыки съ драмой не можетъ совершиться иначе, какъ воплощеніемъ въ сценическомъ произведеніи *одной* главной глубоко-художественной, драматически-музыкальной мысли, чтобы, какъ въ организмахъ природы, *есть* части, *есть* подробности организма *необходимо* условивались одною главною цѣлью: результатною мыслию, къ которой тяготѣть должно все произведеніе, — однимъ словомъ, чтобы

творчество въ этихъ случаяхъ не было «сочиненіемъ», — искусство, но всё-таки механическимъ, сопоставленіемъ красота музыкальныхъ съ красотами драматическаго положенія, а было бы истиннымъ творчествомъ *изнутри* психической данности, было бы высказываніемъ, осуществленіемъ внутренняго психическаго содержанія, переполняющаго душу художника.

Тогда только разнородные элементы музыкально-сценическаго произведенія получаютъ законную стройность и взаимно помогая другъ-другу, въ стремленіи къ одной цѣли, дадутъ въ результатѣ впечатлѣнія очаровательныя, невѣдомыя на театрѣ, несравненно *сильнѣе*, властительнѣе охватывающія душу нежели драма не-музыкальная, или музыка не-драматическая.

Представьте себѣ драму, богатую пафосомъ внутренняго содержанія, богатую поэтическими положеніями, но очень простую въ основѣ, далекую отъ всѣхъ запутанностей и мелкихъ дразгъ, такъ-называемыхъ «интригъ», «исключающую все *случайное* жизни» — возведенную въ ту высшую сферу, гдѣ «движеніе — грація, слово — стихъ, чувство — пѣсня» — характеры дѣйствующихъ, обрисованныхъ сценическимъ дѣйствіемъ и поющимъ словомъ; душевные мотивы дѣйствующихъ, мотивы ихъ страстей и ощущеній, воплотясь въ индивидуально-очерченныхъ самостоятельныхъ мелодіяхъ, не переставая сталкиваться, взаимно пересѣкать себя въ дѣйствіи, вступать въ борьбу между собою, становятся главными пружинами цѣлаго *музыкальнаго*, разрабатываются, развиваются, сплетаются и расплетаются, *какъ главныя темы въ симфоніи*; — хоры участвуютъ въ сценическомъ дѣйствіи, когда оно вызываетъ участіе народныхъ массъ или отдѣльныхъ группъ; цементомъ всего зданія, связующимъ неисчерпаемо-богатымъ элементомъ, собирательнымъ дѣйствующимъ лицомъ, закрѣпляющимъ хоръ древне-греческой трагедіи — является *оркестръ*. Въ немъ при его безконечной гибкости, — при его все еще не довольно-извѣданныхъ силахъ къ выразительности и живописанію, съ удержаніемъ таинственной неопредѣлительности музыкальнаго языка, — въ немъ, какъ въ зеркалѣ драмы, отражаются постоянно и всѣ моменты сценическаго дѣйствія во всѣхъ его изгибахъ, и всѣ тѣлодвиженія дѣйствующихъ, и вся общая настроенность въ данный моментъ, вся атмосфера драмы, ея эпохи и мѣстности, ее окуливающей; — въ оркестрѣ происходитъ та подготовка *главныхъ* моментовъ драмы, когда они еще не дошли до степени опредѣленнаго дѣйствія, факта, когда еще блуждаютъ въ тайнахъ психическаго міра, какъ сердечныя *предчувствія*, и не позволяютъ

еще голосу человѣческому высказаться въ *мелодіи*, не допускаютъ музыку вступить въ полныя права свои. Тамъ-же, гдѣ мелодія *единичная* или общая многимъ — отъ общности главнаго настроенія — *высказалась*, тамъ оркестръ дорисовываетъ ее, украшаетъ великолѣпіемъ своихъ красокъ, ускликаетъ до крайнихъ предѣловъ.

Музыка въ каждомъ моментѣ сливается съ драмой, то — въ минуты переходныя, отступая съ собственно-музыкальными интересами на второй планъ, давая первенство изгибамъ слова и дѣйствію: то — въ моменты достаточно подготовленные предыдущимъ, въ моменты *лиризма*, исчерпывая свою сокровищницу многообразной кристаллической *иры* звукоочетаніями, пуская себя на всѣхъ парусахъ для того, чтобы, *опираясь* на данный драматическій моментъ, унести въ *свой* безпредѣльный міръ...

Поэтическая мысль, сложившаяся въ музыкальную драму, по таинственной родственной связи между искусствами, сама собою вызоветъ пластичность, картинность сценическаго дѣйствія и его обстановки, превратитъ каждую сцену, каждый моментъ драмы въ картину, и картина эта, общимъ впечатлѣніемъ чаруя зрѣніе, дѣйствуя на него то волненіемъ, то утожненіемъ, то блескомъ, то мрачностью, то нѣгою, то строгостью образовъ, въ свою очередь сольется въ одно цѣлое съ музыкою.

И нельзя будетъ отрывать музыкальных впечатлѣній отъ сценическихъ, сценическихъ — отъ музыкальных; нельзя будетъ ни наслаждаться этою музыкою, ни обсуживать ее *вне театра*; — нельзя будетъ разсматривать пьесу, какъ драму, не имѣя въ виду музыки. Каждая изъ этихъ сторонъ, отдѣльно взятая дастъ понятіе о содержаніи музыкальномъ, о содержаніи драматическомъ, но *полная* мысль созданія будетъ доступна *только* при разсматриваніи драмы *вмѣстѣ* съ ея музыкой, при воплощеніи музыкальной драмы на сценѣ.

А на сценѣ — весь организмъ собранія будетъ сильно тяготѣть къ своей *результатной* мысли, къ своему *осадку* въ душѣ слушателя-зрителя, — такъ что онъ часто забудетъ, что слушаетъ музыку, видитъ сцену; передъ нимъ лицомъ къ лицу будетъ міръ живыхъ людей съ ихъ душевными волненіями; слушатель будетъ жить съ ними, дышать *ихъ* жизнію, въ ихъ атмосферѣ, за нихъ радоваться, за нихъ страдать, пока не наступитъ разрѣшеніе, къ котороту тяготѣла драма, и не охватитъ души своимъ успокоительнымъ, все-принирающимъ акордомъ.

Предъидущая статья, гдѣ въ бѣгомъ обзорѣ пройдены были всѣ существующія оперы по разнымъ ихъ типамъ, показала читателямъ, что *всѣ* оперы, въ историческомъ ихъ развитіи, болѣе или менѣе далеки отъ *идеала* музыкальной драмы. Разсмотрѣвъ теперь самый этотъ идеалъ въ его сущности, не трудно увидѣть, что осуществленіе его на оперной сценѣ и не могло иначе проявиться какъ *по клочкамъ*, въ видѣ частныхъ случайныхъ *исключеній*.

Въ идеальномъ строеніи музыкальной драмы, какъ мы видѣли, все должно органически сложиться *изнутри*, изъ одной все-одушевляющей музыкально-поэтической мысли. Въ большинствѣ существующихъ оперъ, напротивъ, такой общей мысли и въ поминѣ не было, вся опера слагалась по требованіямъ *извне*, всѣ части оперы *подлаживались* подъ неизмѣнныя условія исторически-образовавшихся типовъ, подъ вкусъ пѣвцовъ и публики, подъ господствующее въ данное время направленіе модной поэтической литературы, подъ условія балетной руины, пошлаго ушегодія, приторной сентиментальности, напыщенной реторики!

Не было почти ни одной оперы въ свѣтѣ (не исключая ни Глука, ни Моцарта), въ которой нельзя было бы указать капитальныхъ недостатковъ, существеннаго разнорѣчія съ идеаломъ, именно вслѣдствіе этихъ жалкихъ *уступокъ* требованіямъ *извне*, условіямъ *принятаго*, — условіямъ и требованіямъ противу-поэтическимъ, противу-художественнымъ, ложнымъ въ отношеніи къ идеѣ искусства!

Какъ давно миновалась въ литературѣ эпоха похвальныхъ одъ, напыщенныхъ эпическихъ поэмъ, похвальныхъ словъ, расположенныхъ по «хріямъ»! Намъ жалко-забавны теперь рецензы реторикъ и піитикъ. Намъ нестерпима на сценѣ *ходульная неправда* псевдо-классическихъ трагедій съ тремя единствами, съ холодными, размѣренными разсказами, съ наперсниками и наперсницами.

Но на *оперной сценѣ* мы и теперь поминутно терпимъ точно такія-же негѣпости, освященныя рутинною, тупою неизмѣнностью обычая.

Насъ и донинѣ въ операхъ, какъ въ былыя времена пѣвцовъ-кастратовъ, угощаютъ аріями принцовъ и принцессъ, имѣющими только ту цѣль, чтобъ была арія съ фіоритурами для примадонны и перваго тенора; насъ, вмѣстѣ съ червонными коро-

лями на сценѣ, заставляють среди оперы любоваться нескончаемыми рутинными *дисертисментами*, имѣющими ту единую цѣль, что «такъ по штату оперы положено»; — насъ потчуютъ жалкими несообразностями кое-какъ слѣпленными въ чудовищную канву мелодрамы, подчуютъ цѣлымъ царствомъ неправдоподобія или глупостей возмутительныхъ (вспомните «Трубадура» Верди) только потому, что композитору угодно было этотъ вздоръ выдать для своего музыкальнаго мастерства.

Зная въ музыкальномъ искусствѣ полные, строго-художественные и живые организмы, какъ напримѣръ, *сонаты, квартеты, симфоніи Бетховена*, — въ оперной области мы довольствуемся произведеніями, со стороны музыки и драмы, спитыми, склееными какъ арлекинское платье изъ яркихъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ и привыкли даже такъ смотрѣть на оперу, что въ ней смысла, результатной поэтической идеи, всецѣльнаго организма будтобъ смѣшно и требовать! Почему-же, зачѣмъ-же *такъ?* Неужели всегда такъ и должно оставаться!

Между тѣмъ всѣ *средства оперныя*, въ свсемъ естественномъ развитіи, подъ руками гениальныхъ и талантливыхъ художниковъ разработались, разрослись великолѣпно.

Можно-ли лучше, естественнѣе употреблять голоса человѣческія и болѣе кристалически сочетать ихъ между собою и съ оркестромъ, какъ въ операхъ Чимарозы, Моцарта, Россини?

Можно-ли вѣрнѣе и проще достигать психологической правды выраженія въ мелодіи и въ оркестровкѣ, какъ въ безднѣ сценъ Глука, Моцарта, Керубини, Мегюля, Вебера, Мейербера? Какія неисчерпаемыя сокровища органически-музыкальной *красоты* въ хорахъ и «*chorseaux d'ensemble*» оперъ Моцарта и Россини?

Какъ разнообразно и глубоко разработана характерность драматическая въ массахъ и отдѣльныхъ лицахъ Мейерберомъ, по слѣдамъ Спонтини и Вебера, и при обогащеніи оркестровки нововведеніями Берліоза!

Прибавьте къ этому успѣхи *разумности* въ новѣйшей постановкѣ пьесъ на сцену, въ изящности и исторической вѣрности декораций и костюмовъ до самыхъ мелочей — въ маги пластичности, колорита и освѣщенія; прибавьте къ этому успѣхи критики и поэтическаго пониманія, успѣхи драматическаго искусства вообще, которое на столько выросло, на столько воспитало себя на произведеніяхъ древнихъ и Шекспира, что по настоящему

никакъ не можетъ довольствоваться скудною риторикою французскихъ же-трагедій, служившихъ канвою для Глука, для Россини, для Беллини, или нескладнымъ, пустячнымъ сборомъ разныхъ сценъ, изъ которыхъ сотканы тексты лучшихъ оперъ въ свѣтъ, какъ скоро содержаніе ихъ не-трагическое, то-есть неходульное.

Богатѣйшій арсеналъ могущественнѣйшихъ орудій впечатлѣнія музыкально-сценическаго готовъ къ услугамъ того, кто въ наше время созналъ бы ясно, *къ чему* можетъ и должна быть музыкальная драма, создаваемая вдохновенно изъ одной всецѣльной, свободно-органической мысли, какъ стихотворенія Байрона, Пушкина, какъ симфоніи Бетховена, — безъ *малѣйшихъ уступокъ*, какимъ-бы то ни было требованіямъ *онъ* самого организма творческой мысли.

Отъ одной искры *такого* плодотворнаго сознанія загорѣлась бы реформа оперы, рухнули бы всѣ гнилыя подмостки музыкально-сценическихъ представленій, доселѣ существующихъ: *идеалъ* музыкальной драмы явился бы въ своемъ лучезарномъ воплощеніи....

Но — пора наконецъ бросить условную форму, и всѣ доводы «а priori» — пора сказать, что къ счастью нашему эти стремленія уже осуществились, что въ наше время явился уже гениальный художникъ, какъ нельзя яснѣе *созмавшій* идеалъ музыкальной драмы во всей его красотѣ и какъ нельзя счастливѣе воплотившій его въ своихъ созданіяхъ, — художникъ, съ тою же чистотою стремленій, какъ Глукъ, съ тою же гибкостью драматически-музыкальнаго воображенія, какъ Моцартъ и Веберъ, съ смѣлымъ примѣненіемъ къ дѣлу всѣхъ новѣйшихъ завоеваній искусства и — что выше всего этого, важнѣе для настоящаго случая — съ глубокою и теплою вѣрою въ силу искусства, въ силу поэтической мысли, съ неисчерпаемымъ запасомъ восторженнаго сочувствія ко всему человѣческому, съ фанатическою *любовью* къ людямъ!

Онъ, какъ Бетховенъ, стремится *высказаться* въ своихъ созданіяхъ, потому-что ему *есть* что высказывать!

А. Сѣровъ.

Письмо изъ Берлина.

(Къ А. А. Г.)

11-го іюня.

Музеи, политика и всевозможныя прогулки теперь занимаютъ меня съ ранняго утра до поздней ночи, и совершенно не знаю, откуда взять времени, чтобъ удѣлать его тебѣ, любезный Ап..... Не суди строго за это первое письмо, въ которомъ, можетъ-быть, не все переварилось и усѣлось, какъ слѣдуетъ. Вотъ, приглашаютъ на «дамскіе вѣночки» (Damenkränzchen, особый родъ собраній), на лѣтніе ночные балки (Sommernachtsball), въ театры съ концертами и въ концерты съ танцами; а тутъ звучать подъ окнами трубы, мирный ремесленникъ обратился въ яраго воина и, надѣвъ новую аммуницію, не шутя грозитъ освободителю Италіи. Infandum regina jubes genevare dolum! къ чему это! — тутъ идетъ шумная бесѣда о всемірномъ призваніи Германіи, и медвѣнь не успѣваетъ подавать куфли съ пивомъ для утоленія воинственнаго жару, а какая перестрѣлка въ газетахъ! а сколько повода къ остроумію! По замѣчанію одного Нѣмца, словъ: «подумаю, сдѣлаю, возьму» не существуетъ для Наполеона, а только: «взялъ, сдѣлалъ». Но вообще Германецъ мало поддается сочувствію къ повелителю Французовъ; не одинъ Прусакъ желалъ-бы видѣть въ принцѣ регентѣ втораго Блюхера, могучаго героя битвы.

Der Neffe soll erfahren,
Dass des Regenten Hand
Gar wohl versteht zu wahren
Das deutsche Vaterland.

«Пусть узнаетъ племянникъ, что рука регента умѣетъ защитить нѣмецкое отечество, какъ нѣкогда Блюхеръ сокрушилъ силу дяди.» — Такъ гласитъ стихотворная брошюрка, продаваемая за 1 зильбергрощъ. Но не только въ этой дешевой поэзіи высказываются воинственныя идеи: многія газеты, хотя нѣсколько умѣреннѣе, возвѣщаютъ то же самое. Кладерадачъ изобразилъ Италію и Францію въ видѣ двухъ скованныхъ дѣвъ: *племянникъ* и тутъ, въ своей треугольной шляпѣ и съ маленькимъ брюшкою, сердито рветъ оковы съ женщины, стоящей влѣво а Кладерадачъ, маленькій человѣчекъ съ уморительно-грустною миной, останавливаетъ его, указывая на плачущую въ цѣпяхъ.

Францію: «Полно тебѣ», говоритъ онъ словами Гете, «метаться туда и сюда.... посмотри: добро столь близко».

Willst du immer weiter schweifen,
Sieh: das Gute ist so nah.

Съ другой стороны раздаются голоса противъ деспотизма Австріи и читаешь насмѣшки надъ ея кліентами, Виртембергомъ, Баваріей, и надъ жалкимъ германскимъ союзомъ. Все это, не правда-ли, очень любопытно, и ты можешь вообразить себѣ, какое раздолье теперь представляетъ Берлинъ сколько-нибудь наблюдательному путешественнику; особенно, при настоящей свободѣ слова въ Пруссіи. Насъ, Русскихъ, нельзя укорить въ равнодушіи къ тому, что совершается за границею. Я видѣлъ, какъ многіе изъ нашихъ, еще на переѣздѣ къ Кронштадту, разомъ заговорили на трехъ языкахъ, упражняясь напередъ въ космополитизмъ. Русскихъ здѣсь принимаютъ очень-гостеприимно за золотыя штучки (Goldstücke), ими привозимыя. Въ этомъ признаются сами Нѣмцы, рассказывая между прочимъ слѣдующій анекдотъ. Съ пароходомъ «Владиміръ» прибыла цѣлая толпа нашихъ. «Русскіе! Русскіе!» раздаюсь отъ Штеттина до Берлина. Съ прибытіемъ въ Берлинъ поѣзда желѣзной дороги, не достало дружекъ, чтобъ развозить путешественниковъ. Одинъ изъ нашихъ денежныхъ аристократовъ (а можетъ, и безденежныхъ) нѣсколько опоздалъ взять извозчика; но не хотѣлъ ждать и послалъ, во что бы то ни стало, отыскивать. Лонлакей долго бѣгалъ по городу; наконецъ гдѣ-то, у погребка, нашелъ дружку, крѣпко-сияющаго подъ грузомъ вина и нива. Напрасны были всѣ усилія, чтобы разбудить гуляку: Нѣмецъ падалъ безъ чувствъ, сколько разъ его ни подымали. Наконецъ лонлакей, что есть мочи, крикнулъ ему въ ухо: «Русскіе!» Вмигъ, какъ по волшебному слову, вспрыгнувъ жпвой мертвецъ, заоралъ во все горло: hurrah! и со всѣхъ силъ ударилъ по лошадамъ возжами. Перейдемъ къ политикѣ. Еще недавно одинъ Пруссакъ сказалъ мнѣ рѣшительно: «Русскіе пойдутъ вмѣстѣ съ нами противъ Французовъ; мы всегда были въ дружбѣ съ Русскими». Это, видите, все воспоминанія 1813-го года. Мобилизація прусской арміи и призваніе подъ знамена милиціи (Landwehr), должны принять характеръ народнаго ополченія, прославившагося въ войнахъ съ Наполеономъ I. Офиціальная прусская газета, извѣщая о мобилизаціи, не могла не употребить въ дѣло своей сорокалѣтней памяти: она указала параллель между старымъ и новымъ временемъ, между дядюшкой и племянникомъ, и тѣмъ призвала боль-

шую тревогу, поступивъ, конечно, совѣмъ не политически. Хотятъ-ли угрожать Франціи по случаю приближенія ея арміи къ предѣламъ южныхъ владѣній германскаго союза? Но этотъ союзъ уже чуть-стоитъ на одной ногѣ, съ обломанной головой, по остроумному изображенію Кладерадача. Думаютъ-ли привлечь на свою сторону нѣмецкихъ владѣтельныхъ государей, чтобъ образовать новый прусско-германскій союзъ? По видимому, къ этому клонится дѣло. Во всякомъ случаѣ, Пруссія готова воевать. Вездѣ встрѣчаются толпы ополченцевъ: одинъ Берлинъ собралъ ихъ, если вѣрить рассказамъ здѣшнихъ военныхъ, до 15,000. Любопытно видѣть, какъ посреди разныхъ семейныхъ сценъ, гдѣ-нибудь, въ углу площади, обучаютъ этихъ новобранцевъ: тутъ слышна команда и тутъ-же раздають сапоги или хлѣбъ; между-тѣмъ дѣти, служанки, ремесленники разнообразными группами окружаютъ будущихъ воиновъ, оторванныхъ отъ своихъ занятій и семействъ на три года. Военный духъ уже успѣлъ высказаться: въ Штеттинѣ недавно произошла драка между пѣхотой и кавалеріей. Словомъ, Нѣмцы готовы идти на войну вмѣстѣ съ Русскими, въ случаѣ нужды съ Австрійцами, съ Англичанами, но противъ кого? вотъ задача. Пруссія все-таки крѣпко стоитъ за свой либерализмъ. Даже «Крестовая газета» соглашается въ томъ, что поддерживать австрійскую систему, значило-бы тоже самое, что возродить Италію, утвердивши напскую власть. Эта газета видитъ огромную выгоду для Австріи въ оставленіи Папской области, — выгоду, равную выигранному сраженію. Но все-таки Наполеонъ освободитель Италиі, и за это нельзя на него сердиться. Судя по сужденіямъ здѣшнихъ политиковъ, какъ-будто выходитъ, что въ то время, когда Наполеонъ освобождаетъ Италію, Германія призвана освободить Францію! Но между множествомъ странныхъ преувеличеній *чувствительной* политики (Gefühlspolitik), какъ называютъ ее сами Нѣмцы, нерѣдко слышится и разумный голосъ. Сообщу тебѣ послѣднія сужденія двухъ здѣшнихъ либеральныхъ газетъ: національной и народной (Nationalzeitung и Volkszeitung). Національная газета, подозревая Францію въ союзѣ съ Россією, говоритъ, что политика обѣихъ державъ клонится къ раздѣленію Австріи; поэтому, для сохраненія политическаго равновѣсія, Австрію необходимо поддерживать, подобно Турціи, и еслибы эта страна не находила *внутри самой себя* никакой силы (съ этимъ согласны въ Пруссіи всѣ безъ исключенія), то надо дать ей такую силу *извне*. Не будемъ разсуждать о томъ, какую мастерскую пружину хочетъ выдумать

эта политическая фабрика, чтобы заставить двигаться неуклюжую машину. Национальная газета даже сама себя противоречит упрекая Наполеона в его политикѣ, ведущей къ сохраненію *statu quo* Папской области, по словамъ ея, болота, котораго вредныя испаренія приносятъ Италиі болѣе зла, чѣмъ само вліяніе Австріи. Представляя, по случаю мобилизаціи, краткій историческій очеркъ прусской арміи, національная газета видимо жалеетъ о долгомъ, сорокалѣтнемъ ея бездѣйствіи. Въ прошломъ столѣтіи эта армія имѣла не болѣе 40,000; притомъ была дурно организована, состоя большею частію изъ наемниковъ и находясь подъ гнетомъ дворянской, феодальной власти, и не смотря на это, она совершила много подвиговъ, участвовала въ самыхъ отдаленныхъ походахъ, словомъ, дѣйствовала подъ вліяніемъ *enpines* политики. Съ 1807 года начинается для нея новая эпоха: каждый гражданинъ, не смотря на разность состояній, обязанъ служить отечеству; 1813 годъ возбудилъ всѣ народныя силы. вмѣстѣ съ образованіемъ національнаго войска, армія до того увеличилась, что нынѣ могла-бы выставить до полумилліона человекъ. Теперь, когда и либеральныя идеи проникли въ нашу жизнь, продолжаетъ національная газета, пришла пора показать, что мы такое, пришла пора начать дѣйствовать. «Счастлива Пруссія! завидна судьба ея!» восклицаетъ Крестовая газета. «Она призвана возродить Германію!» Объ инициативѣ разсуждаетъ и офиціальныи органъ слѣдующимъ образомъ: «Цѣль мобилизаціи — защита; но защита въ стратегическомъ смыслѣ не возможна безъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ вѣдшихъ: нужно идти впередъ, а не стоять на мѣстѣ.» Куда идти? противъ кого сражаться, когда никто не грозитъ? Управляющимъ желѣзными дорогами предписано быть наготовѣ на случай, если армія вздумаетъ куда-нибудь двинуться. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ толковали и о томъ, на какомъ основаніи принцъ-регентъ можетъ быть избранъ фельдмаршаломъ союзной арміи. Большая часть нѣмецкихъ владѣній дѣйствительно склоняется на сторону Пруссіи, особенно послѣ неудачи Баваріи, заемъ которой, въ 4,000,000 флориновъ, доставилъ всего только 300,000 флориновъ, между-тѣмъ, какъ прусскій заемъ совершилъ съ блистательнымъ успѣхомъ. И такъ славы, славы жаждетъ Пруссія, нѣтъ сомнѣнія, что слава эта вскружила голову многимъ въ Берлинѣ. Не совсѣмъ такъ думаетъ провинція: въ послѣднее время одинъ номеръ «Штеттинской газеты» отобранъ полиціей за слишкомъ-рѣзкую статью противъ мобилизаціи. Семейства

бѣдныхъ ремесленниковъ вновь нуждаются въ покровительствѣ королевы. Многіе патріоты видятъ съ горемъ, сколько рукъ потеряно для работъ, сколько пострадаетъ промышленность чрезъ отозваніе въ войско лучшихъ мастеровыхъ и земледѣльцевъ. Если среднюю заработную плату считать въ 10 сереб. грошей (30 к. с.), а число ополченныхъ въ 200,000 (какъ меня увѣрили), то вотъ уже около 70,000 талеровъ ежедневной потери, не считая того, что будетъ стоить содержаніе войска. Народная газета (Volkszeitung) съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ возстаетъ противъ воинственныхъ выходовъ другихъ политическихъ органовъ. «Подумали-ли дипломаты», говоритъ она, «къ чему приведетъ насъ германскій союзъ? Станемъ-ли мы орудіемъ франкфуртскаго сейма, который своей вялостью въ дѣлахъ всегда губилъ Германію? Или образовать на время другой сеймъ? Для чего-же существуетъ франкфуртскій, если въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ онъ не сумѣетъ помочь намъ? Тяжко думать, что нашъ либерализмъ наконецъ силою событій приведетъ насъ къ войнѣ за Австрію. Но со своею двойственною политикою мы становимся пменно на эту дорогу. Намъ нѣтъ никакой нужды слишкомъ вооружаться, чтобы проводить либеральныя идеи. Кто слышалъ когда-нибудь о либеральномъ войскѣ? Кто слышалъ, чтобы, поработивъ страну, можно было потомъ дать ей свободную конституцію? Тратить лучшія силы государства на несбыточное предпріятіе — вотъ величайшее несчастіе! Дѣло кончится тѣмъ, что съ нашихъ воинственнымъ азартомъ мы останемся одни посреди чуждой намъ Германіи, посреди чуждой намъ Европы: ни Англія, ни Россія не захотятъ участвовать въ войнѣ, не согласной съ прямыми ихъ выгодами. Будемъ-же лучше заботиться о своемъ внутреннемъ развитіи, если хотимъ вполнѣ оправдать названіе либеральнаго государства. Намъ не зачѣмъ вызывать на битву тѣхъ, кто насъ не трогаетъ, и принимать участіе въ дѣлахъ, ведущихъ только къ раззоренію отчизны.» Таково въ общихъ чертахъ направленіе этой газеты, исполненной неподдѣльнаго, чуждаго всякихъ себялюбивыхъ замысловъ, патріотизма. Что всего важнѣе, она яснѣе понимаетъ, въ чемъ состоитъ истинный прогрессъ, и лучше умѣетъ защищать его. Въ томъ же духѣ разумаго либеральнаго направленія разсуждаетъ о дѣлахъ политики Берлинская газета (Königlich privilegirte Berlinische Zeitung). Не отвергая необходимости для Пруссіи временныхъ вооруженій, она все-таки защищаетъ полный нейтралитетъ. Тѣмъ, которые возросли на

старомъ ученіи о политическомъ равновѣсіи, она очень дѣльно доказываетъ, что равновѣсіе это — пустая мечта, которая никогда не осуществлялась и не осуществится. Поддерживаемое военною сплю, оно служитъ само себѣ противорѣчіемъ. Мы тогда только достигнемъ этого идеала, когда каждое государство будетъ развиваться на началахъ права, нравственности, свободы и чело- вѣчности. Въ соединеніи съ Австріею она видитъ для Пруссіи совершенное паденіе; но не отвергаетъ, что Германіи всегда нужно быть насторожѣ, чтобы поставить какую-нибудь пре- граду честолюбію Наполеона.

Вотъ бѣглый очеркъ партій и мнѣній, которыя теперь за- нимаютъ Пруссію. Мы отъ души сочувствуемъ успѣхамъ этого государства, единственнаго въ Германіи, гдѣ въ настоящее время сколько-нибудь уважается свобода мысли и вмѣстѣ съ добрыми Пруссаками готовы трепетать, чтобы оно не увлеклось мечтами о вопнякой славѣ, болѣе опасными, чѣмъ всѣ пылкія теоріи демагоговъ, въ наше практическое время совершенно безвредныя по причинѣ ихъ непримѣнимости къ жизни.

В. Неделозовъ.

Московскія скачки 1859 года.

Вчера, 21 іюня, кончились московскія скачки, и я посылаю вамъ объ нихъ подробный отчетъ. Исполняя ваше желаніе, пишу не такъ, какъ бы писалъ къ спортсману, знающему дѣло; но какъ къ человѣку, который интересуется всѣмъ, что дѣлается у насъ полезнаго; а такъ какъ вы не довольствуетесь голымъ отчетомъ о выигравшихъ и проигравшихъ лошадяхъ, о значи- тельности призовъ, и пр. и требуете объясненій на разные во- просы, то не взыщите, если письмо будетъ длинно; предметъ довольно важенъ, любопытенъ и, главное, обширенъ; такъ, что я могу теперь отвѣчать только на нѣкоторые ваши вопросы, и то вкратцѣ.

Скачки начались здѣсь 7 іюня, въ воскресенье. День праз- дничный; послѣ сильнаго дожда, бывшаго среди дня, воздухъ освѣжился, пыль прибило, и народъ съ четвертаго часа послѣ обѣда толпами потянулся на Ходынское поле; къ шести часамъ зрители пестрѣли около скаковой бесѣдки, не смотря на грязь и лужи; вереницы экипажей стучали по шоссе за Тверскою заста-

вою. Для многихъ, даже для большой части, скачки — зрѣлище, какъ и всякое другое; для иныхъ — случай показать свои наряды и посмотреть на чужіе; для заводчиковъ скачки имѣютъ важное значеніе, для нихъ онѣ — дѣла расчета и прибыли; притомъ въ нихъ много сильныхъ ощущеній, какъ въ карточной игрѣ, и наконецъ удовлетвореніе честолюбія. Немногіе понимаютъ, что эти скачки, — забава для публики, — дѣло серьезное и важное, какъ испытаніе заводскихъ лошадей и стало быть какъ выставка одного изъ предметовъ государственнаго хозяйства.

Я прѣхалъ на скаковой кругъ рано, чтобы на досугѣ разсмотреть приведенныхъ на скачку лошадей, и отправился на *маленькій кругъ*, мѣсто, очень любопытное во многихъ отношеніяхъ. Онъ расположенъ за скаковою бесѣдкою, или лучше, сзади ея, за дорогою; около него выстроено двѣ конюшни, съ шестью или осью денниками, въ которыхъ сѣдлаютъ, разсѣдываютъ, обмываютъ и осушаютъ скакуновъ; кругъ обнесенъ веревкою и при немъ находится постоянно нѣсколько блюстителей порядка и благочинія; но кругъ любопытенъ не этимъ; а тѣмъ, что туда сходятся владѣльцы скаковыхъ лошадей, тренеры *), жокеи, Англичане, знатоки и любители; тамъ-то если не ареопагъ, то форумъ скаковыхъ дѣлъ! На этомъ кругѣ водятъ лошадей, приведенныхъ для скачки.

Арзасъ, караковъ жеребецъ кн. П. В. Голицына обратилъ вниманіе всѣхъ своею классическою красотою; я говорю классическою, потому что онъ представляетъ собою типъ англійской скаковой лошади, въ лучшемъ ея видѣ; правильность, красота и даже роскошь статей предсказывали ему побѣду; такія лошади рѣдко являются у насъ на скачкахъ. Но справкамъ оказалось, что точно, прошлаго года, бывши трехъ лѣтъ, онъ выигралъ два или три приза и не проигралъ ни разу. У него нѣсколько толста шея и, говорятъ, сѣдловата спина; заключаютъ, что онъ можетъ быть быстрою, но не сильною лошадыю.

Лошадей, приведенныхъ на скачку, было много, но двѣ и по три лошади у cadaго владѣльца, а на большомъ кругу, гдѣ *выдерживаются* лошади, ихъ бываетъ каждый день по шестидесяти и семидесяти; между тѣмъ господъ коннозаводчиковъ, которые выводятъ этихъ лошадей, не больше шести или семи человѣкъ; это фактъ замѣчательный, на которомъ надобно оста-

*) Т. е. люди, приготовляющіе лошадей къ скачкѣ.

новиться; потому что въ рысистыхъ бѣгахъ мы видимъ совершенно противное: полна Москва, полна Россія рысаковъ; а на призы бѣжить ихъ очень мало.

Московскіе купцы, владѣтели безчисленнаго количества рысаковъ, своихъ заводовъ не имѣютъ (за малыми исключеніями) а покупаютъ лошадей, которая «должна бѣжать»,—по породѣ, по аттестату; съ деньгами всякій можетъ приобрести рысака, даже не имѣя никакого понятія о коннозаводствѣ и «набѣжать», т. е. приготовить къ бѣгу лошадь, — тоже небольшая наука, чтобы ни говорили противъ этого рысистые охотники. Оттого такъ много любителей, имѣющихъ рысаковъ; а рысаковъ, выигрывающихъ призы, очень мало. Кажется, надобно согласиться, что рысистой породы не существуетъ; что бѣжить лошадь, а не порода....

Предвижу возраженія и возстанія противъ этой мысли; но продолжаю. Бѣжить лошадь, а не порода, потому что изъ ста лошадей, Орловскихъ и не-Орловскихъ, приготовляются къ бѣгу развѣ десять; остальные не приготовляются по причинѣ слабой рыси; а получаетъ призъ, изъ этихъ ста, одна. — Скаковое дѣло изслѣдовано и доведено до совершенства Англичанами, первыми мастерами по этой части; у нихъ ничего не дѣлается на угадъ, на авось и кое-какъ; у нихъ есть наука произведенія, воспитанія и приготовленія къ скачкѣ лошадей; они знаютъ лошадь на основаніи разумной теоріи; у нихъ тысячу опытовъ и наблюденій; тогда какъ въ рысистыхъ заводахъ мы видимъ большею частію невѣжество, преданіе, рутину и слѣпоту....

Если вы не совершенно убѣждены въ этомъ, то поѣзжайте, или лучше, ѣздите почаще на скаковой кругъ во время выдержки лошадей; поговорите съ ихъ владѣльцами, тренерами и жокеями и вы поймете—почему одну лошадь надобно потнить, рысью или галопомъ; одной скакать двѣ версты, другой — четыре, тихо или быстро; почему у этой въ попонѣ только шея, а та во все безъ попонъ, или же вся закутана въ двѣ и три попоны; тогда вы убѣдитесь, что произведеніе и приготовленіе скаковой лошади есть наука и очень обширная. Можно прибавить даже, что одной науки, одного знанія и опыта, мало для выдержки лошади; нужна способность, талантъ, чтобы безошибочно приготовить ее къ скачкѣ; нужно видѣть то, чего не покажутъ исполнѣ ни теорія, ни опытъ; видѣть наприм. степень, до которой дошла лошадь, чтобы не передержать ее, не отягчить, сбечь ноги, не затупить ее, не уронить ея мораль.... Все это во

все не фантазія, но строгая правда, въ чемъ можно сослаться на Англичанъ, какъ на авторитетъ въ этомъ дѣлѣ. Выдерживать скаковую лошадь — тоже, что точить бритву, — говоритъ одинъ изъ коннозаводчиковъ; стоитъ только лишній разъ провести ея по оселку и бритва, доведенная до послѣдней степени остроты, уже начинаетъ тупѣть. Но мы, профаны, ничего этого не знаемъ и потому не цѣнимъ.

Въ англійскихъ кровныхъ лошадяхъ *скачетъ порода*; доказать это легко всѣми штурт-бухами, англійскими и французскими, и скаковыми календарями; отъ первоклассныхъ жеребца и кобылы всегда выходили и выходятъ если не всѣ первоклассными скакунами, то непременно хорошими, недюжинными.

Очень многихъ рысистыхъ лошадей можно обогнать рысю на простой лошади, даже на короткомъ разстояніи; но обскатать кровную англійскую лошадь не возможно ни на какой другой, ни на дальней, ни на короткой дистанціи, начиная съ версты и хотя до семидесяти верстъ и больше. На все это есть положительныя, даже оффиціальныя доказательства.

Ясно ли вамъ теперь, почему мало у насъ скаковыхъ коннозаводчиковъ и почему у нихъ лошадей такъ много, что они не знаютъ куда дѣвать ихъ?

Стоя въ центрѣ круга, по которому водили лошадей, я замѣтилъ казачьяго урядника, не сводившаго глазъ съ скакуновъ.

«Что, братъ», спросилъ я его — «эти лошади-то не ваши? чета, этихъ не догонишь?» — Что мудренаго, ваше благородіе, что эти лошади обскачутъ нашихъ? Эта куца-то, чего стоитъ, — не бойсь пятьсотъ, али тысячу рублей; ну, такъ она и скачетъ; а нашъ-то братъ, глядишь заплатилъ за свою пятьдесятъ рублей; а у другого и вовсе доморощенная; такъ гдѣжь ей противъ этой?! — Вотъ своя, особая логика! Я сказалъ ему на это, кажется очень убѣдительно, что за этихъ лошадей оттого и платятъ по 500 и по 1000 рублей, что онѣ скачутъ, что онѣ этого стоятъ, а не потому скачутъ, что за нихъ столько заплатили. «Если бы твоя также скакала, да была бы такая же большая и красивая, то вѣдь и за твою дали бы столько же». — Далъ-бы? Что говорить, конечно дали-бы; да гдѣжь!... — «То-то и есть, оттого-то эти и стоятъ дорого, что онѣ хороши. Вѣдь и все такъ: заплати сколько хочешь за дрянъ, все будетъ дрянъ, я наприм. дамъ тебѣ за твою лошадь тысячу рублей, чтожь она такъ же будетъ скакать? Отчего ты даешь напр. за это сукно два руб. сереб. за аршинъ, оттого

что оно хорошо, не такъ ли?» — Такъ, ваше благородіе, извѣстно, оттого и даю.

Не знаю однако, убѣдился ли казакъ моими доводами. Удивительно, какъ трудно измѣнить убѣжденія, укоренившіяся въ ками! Въ Россіи, гдѣ лошади не отличаются быстротою, думаютъ, что рѣзве казачьей, черкесской и всякой степной азіатской лошади, нигдѣ и быть не можетъ, и до-сихъ-поръ никого, за малыми исключеніями, нельзя увѣрить, что англійскія скаковыя лошади быстрѣе и сильнѣе всѣхъ существующихъ лошадей, и казачьихъ, и калмыцкихъ, и черкесскихъ, не исключая и арабскихъ, «обгоняющихъ вѣтръ пустыни». Между тѣмъ постоянные примѣры должны бы были убѣдить въ томъ всякого. У насъ прежде всѣ были увѣрены, что на верстѣ, на двухъ верстахъ, англійская лошадь, большая и съ длинными ногами, можетъ быть обскачетъ степную, казачью, черкесскую и проч. «но—говорили,—пусть попробуютъ гг. Англичане поскакать съ нашими степными лошадьми верстъ 20, 30, тогда мы посмотримъ, гдѣ останутся англійскія лошади!» И вотъ назначили въ Лебедяни скачку въ 30 верстъ; изъ цѣлаго табуна калмыккаго князя выбрали лучшихъ скакуновъ, тоже, вѣроятно, обгонявшихъ вѣтръ пустыни; англійскихъ лошадей явилось двѣ, вовсе незначительныхъ *), и степные скакуны стали на двадцатой верстѣ!.. Обѣ англійскія лошади прискакали благополучно и были потомъ даже въ заводѣ. Послѣ было нѣсколько такихъ скачекъ, конечно, съ такими же послѣдствіями; и не только англійскія кровныя, но даже полукровныя, вездѣ обскакивали степныхъ; но народъ, особенно казаки и даже высшее наше сословіе, до-сихъ-поръ убѣждены въ превосходствѣ своихъ лошадей. Пронгравшій пари, казакъ, калмыкъ или нашъ коннозаводчикъ, во все не увѣренъ, что лошадь его проиграла оттого, что она тупѣе и слабѣе англійской, но думаетъ, что Англичане *умляютъ* скакать, знаютъ какой-нибудь фокусъ, или что наши лошади не привыкли скакать по кругу.... Если иной въ душѣ и убѣжденъ въ истинѣ, то конечно никому этого не скажетъ, и такимъ образомъ поддерживается мнѣніе о превосходствѣ своихъ доморожденных лошадей.

У насъ даже не понимаютъ: на что нужны англійскія лошади? Думаютъ, что ихъ разводятъ для выигрышей, для призовъ; другіе воображаютъ, что скачки установлены для потѣхи

*) Что легко видѣть по скаковому календарю.

зрителей; а скачуть ради моды, какъ держать Арабовъ, левретокъ и проч. что скаковые заводы — забава, охота, а не дѣло.

Выгодно или невыгодно у насъ разводить англійскихъ кровныхъ лошадей — это другой вопросъ; теперь рѣчь о томъ, на что онѣ нужны? Въ самомъ дѣлѣ, не для призовъ-ли только, не для забавы-ли? — Даже не зная дѣла, нельзя такъ думать, потому что Англичане, Французы и Нѣмцы, люди практическіе и расчетливые, стараются разводить кровныхъ лошадей и покупаютъ ихъ не для призовъ и забавы, но для *улучшенія своихъ заводовъ*. Публика наша, можетъ быть, не слыхала объ этомъ; но мы имѣемъ свойство оуждать то, чего не знаемъ или не понимаемъ; мы не знаемъ, какъ употребить въ заводѣ англійскую лошадь, чтобы она принесла пользу, не знаемъ, что отъ нея выдетъ, — вотъ она и не годится и разводятъ ихъ другіе совершенно напрасно. Наши коннозаводчики убѣждены, что какъ для верховой ѣзды, такъ и для упряжи, для извоза, для сохи, для охоты, лошади эти неспособны: онѣ горячи, неукротимы и вмѣстѣ нѣжны, не вынесутъ ни климата нашего, ни содержания, ни трудовъ. Такъ думаютъ и всѣ, и все это совершенно несправедливо! Во время крымской компаніи лошади англійской кавалеріи выносили всевозможные труды, лишенія и непогоды; а у нѣкоторыхъ изъ нашихъ офицеровъ онѣ вынесли все не хуже казачьихъ и несравненно лучше ремонтныхъ и всякихъ заводскихъ; это фактъ, — любопытный для всѣхъ.

Еслибы кровныя лошади нашихъ заводовъ были такъ воспитаны какъ казачьи, то онѣ вынесли бы еще больше, потому что организація ихъ совершеннѣе. Воспитать же ихъ такимъ образомъ, какъ показываютъ нѣкоторые примѣры, очень можно. Если англійская кровная матка, пущенная въ табунъ на круглый годъ, не выдержитъ зимы донскихъ земель, то дѣти ея, рожденныя въ табунѣ, выдержать все точно также, какъ и казачьи лошади. У казаковъ, въ табунахъ, на всегдашнемъ подножномъ корму, лошадей падаетъ множество и, разумѣется, жеребенокъ, который вынесетъ всѣ непогоды и безкормицу суровой и снѣжной зимы, будетъ потомъ не сокрушимъ.

Чтоже касается дотого, что кровную англійскую лошадь мы не умѣемъ выѣздить, усмирить и сдѣлать покорною и годною на всякую службу, то виноваты въ этомъ не лошади. Наши заводчики кровныхъ лошадей ѣздятъ на нихъ и верхомъ, и въ тройкахъ, и въ каретахъ, и если не употребляютъ въ извозъ и соху, то это потому, что полукровныя для этого лучше и упо-

требляются у нихъ вездѣ. Профессоры въ коннозаводствѣ, Англичане, изъ *кровныхъ лошадей* составили разныя породы для всякаго назначенія: изъ нихъ составлены лошади для дилижансовъ, для каретъ, красивыя и сильныя (Кочгорсъ), для охоты (Гунтеры), для извозовъ и пр. и даже знаменитые «Элефанты», ростомъ и сложеніемъ дѣйствительно похожіе на молодыхъ слоновъ, произведены отъ тѣхъ же кровныхъ лошадей. Изъ этого мы должны убѣдиться покр. мѣрѣ въ томъ, что еслибы даже англійскихъ кровныхъ лошадей и нельзя было употреблять всюду, то онѣ улучшаютъ всякую породу лошадей, что онѣ — чистое, червонное золото: если оно не годится на всякое употребленіе, то примѣсь его улучшаетъ каждый металлъ.

Идеаломъ красоты лошади признается, совершенно справедливо, хорошая арабская лошадь (есть и дурныя лошади арабскія); къ этому идеалу конечно ближе всѣхъ подходятъ лошади кровныя англійскія; у нихъ такая же прямая голова, т. е. прямой профиль лба и носа, тотъ же большой глазъ и широкія ноздри, тонкая кожа и короткая шерсть, сухость ногъ и всего тѣла, малыя и крѣпкія копыта, отдѣлъ хвоста, — все это составляетъ отличительныя свойства той и другой породы; разница въ томъ, что англійскія лошади гораздо выше ростомъ, лбы у нихъ не такъ широки и уши больше. Скажутъ, что у арабскихъ лошадей ноги короче, станъ длиннѣе и круглѣе, шея красивѣе; но и между англійскими можно найти много лошадей такихъ же коротконогихъ и круглыхъ и лошадей съ превосходными шеями. Короче сказать, изъ кровной лошади можно произвести какую угодно лошадь — лишь бы умѣть за это взяться.

Но что сдѣлано у насъ изъ рысистыхъ?... Мы перепортили или почти всѣ заводы и уничтожили прежнихъ, старинныхъ, хорошихъ лошадей; такъ что теперь остается одна надежда — улучшить наши заводы лошадьми кровными. Рысистыя наши лошади, при весьма рѣдкихъ исключеніяхъ, некрасивы собою, часто даже безобразны; въ нихъ какъ въ моськахъ, бульдогахъ, шотландскихъ терьерахъ, и т. п. красота условная, принятая, головы у нихъ или верблюжьи, или свиныя; глазъ маленькій, съ вялымъ взглядомъ, ноздри небольшія, при большихъ губахъ, шея мясистая и рѣдко крутая; бока пашистые, задъ свислый или короткій и жирный, съ хвостомъ, какъ-будто приклееннымъ; ноги сырыя, отчего на нихъ дѣлаются наколѣбники, пипки, наросты, подсыды, мокрецы и пр., копыта рыхлыя и большія. Въ рысистой лошади только масса и мясо. Гдѣ же идеалъ, гдѣ

арабская лошадь?... Узнаемъ ли мы ее въ рысистой, — хотя по атестатамъ, всѣ онѣ происходятъ отъ знаменитаго «Сматаники» гр. Орлова?... Но изъ лучшей пшеничной муки баба бралась испечь хлѣбъ, который былъ бы хуже ржаного.

Изъ рысистыхъ лошадей бѣгутъ, дѣйствительно рѣзво, очень немногія; остальные — бѣгутъ какъ всѣ; но большихъ разстояній онѣ пробѣжать быстро не могутъ; и если нѣкоторые изъ нихъ бѣжали десять, двѣнадцать верстъ (что очень немного) на приѣзъ, то и эти лошади имѣли въ себѣ, какъ извѣстно, англійскую кровь. Итакъ, собою онѣ некрасивы, даже нелѣпы, въ сравненіи съ идеаломъ лошади; бѣжать много не могутъ, — куда же годятся онѣ, кому бы, кажется, нужны были такіа лошади? Онѣ нужны купцамъ, проѣхать отъ дому до «города», до гостиннаго двора, и потомъ выѣхать на бѣгъ, въ тележкѣ или на бѣговыхъ дрожкахъ; самому править, показать, что и у насъ есть рысакъ, почему знать — можетъ быть — и «призовой», и мечтать о приѣзѣ. Положимъ, что рысистая лошадь удовлетворяетъ вкусу и требованіямъ купцовъ; у нихъ, какъ и въ Китаѣ, есть свой идеалъ красоты, — лошади, женщины и вообще во многомъ — свой особый вкусъ; но удивительно то, что за купцами и наши господа, тоже, начали ѣздить на рысистыхъ лошадяхъ! Если имъ необходимо перенимать, то почему бы и въ этомъ случаѣ не взять моду у Англичанъ, Французовъ, Нѣмцевъ. — у которыхъ есть свои каретныя и одиночныя лошади, не нашей рысистой породы, но лошади сильныя, сносныя и красивыя?

Графъ Орловъ, принесъ пользу нашему коннозаводству выпи-сываніемъ отличныхъ арабскихъ и англійскихъ лошадей *), сдѣ-лавъ виѣстѣ, неволью, и большой вредъ. Живя въ Москвѣ, онъ соблазнилъ здѣшнихъ купцовъ своими рысаками (дѣйствительно прекрасными); купцы стали наперерывъ покупать ихъ, за куп-цами послѣдовали господа и заводчики, видя отличный сбытъ этихъ лошадей, начали готовить рысаковъ; многіе изъ нихъ по-купали и мѣшали ихъ безъ толку, безъ знанія и соображенія, и наконецъ перепортили ими почти всѣ наши заводы **).

Лошадей прежнихъ нашихъ заводовъ уже нѣтъ, или, по край-ней-мѣрѣ, найти ихъ очень трудно; а между тѣмъ въ старые годы были у насъ, и въ каретахъ и въ гвардіи, лошади превос-ходныя; мы еще помнимъ ихъ; въ нихъ не было ни капли ры-

*) У него въ заводѣ были, между прочимъ, и дѣти Эклипса.

**) Исключенія есть, но очень мало.

систой крови, онѣ были красивы, сносны, и не уступали въ ростѣ нынѣшнимъ. Тогда тоже была мода, но мода на хорошихъ лошадей...

Вотъ раздался звонокъ; повели сѣдлатъ лошадей. Публика ждетъ съ нетерпѣніемъ представленія; у всѣхъ въ рукахъ афишки, со всѣхъ сторонъ слышатся сужденія о лошадяхъ, жокеяхъ, — какія-то ребяческія сужденія, отъ которыхъ знающій дѣло невольно вертится на своемъ стулѣ *). Но публика не виновата, ей негдѣ почерпнуть другихъ сужденій.

Первый день скачекъ, 7-го іюня.

Въ афишѣ напечатано:

1-я Императорскій призь для жер. и коб. 4-хъ л. 900 р. сер. и для второй лошади изъ суммъ коннозаводства 200 р. с. *Дистанція 3 верст.* съ нормальной скоростію 4 мин. 30 сек. Вѣсъ на жер. 3 п. 20 ф., на коб. 3 п. 15 ф.

Записаны въ скачку лошади:

1) Д. П. Салтыкова, карак. жер. *Витязь* отъ Генріада и Фероны. Камзолъ розовый, картузь черный: ѣздокъ *Фордъ*.

2) К. И. Карачарова гн. коб. *Армада* отъ Бряво и Аталанты. Камзолъ и картузь черные, рукава оранжевые, ѣзд. *Терешкинъ*.

3) Кн. П. В. Голицына кар. жер. *Арзасъ* отъ Галантуса и Альвы. Камзолъ синій, рукава бѣлые, картузь малиновой, ѣздокъ *Диксонъ*.

4) Н. П. Петровскаго сѣр. жер. *Вѣстунъ* отъ Сигнала и Вѣсти. Камзолъ желтый, картузь черный, ѣзд. *Оксвилъ*.

Начало въ 6 час. 30 мин. пополудни.

Жокеи выѣхали, нарядные, пестрые; долго тянулись разныя приготовленія, публика ждала съ нетерпѣніемъ; наконецъ тронулись, поскакали.

Вѣстунъ бросился впередъ во весь махъ; видно было, что онъ несетъ: такъ шелъ онъ около версты, покамѣстъ ѣздокъ успѣлъ умѣрить его огонь; но силы лошади должны были отъ этого ослабѣть. Арзасъ былъ сзади, довольно далеко и шелъ такъ до флажной бесѣдки; здѣсь онъ обогналъ всѣхъ, скоро и легко; за нимъ скакалъ Витязь, уже обошедшій Вѣстуну. ѣздокъ его, Фордъ, употребилъ и шпоры и поводья и хлысть; но Арзасъ безъ всякаго принужденія пришелъ на полъ-корпуса впереди.

*) Одна дама увѣряла своихъ пріятельницъ, что скачетъ только пять или шесть лошадей на всѣхъ скачкахъ; другая спрашивала сосѣда: — что это все рысистыя лошади скачутъ? Правда, что все это говорили дамы; но англійскія дамы не скажутъ ничего подобнаго.

Вѣстунъ остался сажень на десять за ними. Арзасъ и Витязь — соперники съ прошлаго года; они нѣсколько разъ скакали вмѣстѣ и хотя Витязь постоянно приходилъ вторымъ и почти рядомъ съ Арзасомъ, его однако нельзя считать лошадей равною съ первымъ; потому что Арзаса никогда не понуждали, а Витязя очень сильно.

Многіе охотники утверждали, что Вѣстуну надобно было вести еще быстрѣе, чтобы измучить Арзаса; но это только предположеніе и, кажется, очень невѣрное: такихъ лошадей, какъ Арзасъ, не легко обскакать. Скакали 3 мин. 56 сек.

2-я скачка.

Призь изъ суммъ коннозаводскаго вѣдомства, для жер. и коб. 5-ти лѣтъ 900 р. сер., изъ конхъ 2-й лошади 200 р. сер. *Дистанція 4 верст. 100 саж.* съ норм. скор. 7 мин. 43 сек., вѣсъ на жер. 3 п. 20. ф., на коб. 3 п. 15 ф.

Записаны лошади:

1) Н. М. Пашкова гн. жер. *Бльково*, отъ Айтуріэля и Діаны. Камзолъ и картузь красные, рукава синіе, ѣзд. *Гецъ*.

2) Кн. П. В. Голицына кар. коб. *Леди-Флай* отъ Флайнъ-Дочмана и Леди-Луизы. Камзолъ синій, рукава бѣлые, картузь малиновый, ѣзд. *Диксонъ*.

3) Н. П. Петровскаго, сѣр. жер. *Влцій* отъ Сигнала и Вѣсти. Камзолъ желтый, картузь черный, ѣзд. *Оксвилъ*.

4) А. Ѡ. Мосолова гн. жер. *Каламбуръ* отъ Генріада и Загадки. Камзолъ голубой, рукава бѣлые, картузь черный, ѣздокъ *Я. Вудъ*.

5) П. П. Воейкова гн. коб. *Газета* отъ Вайнота и Гитары. Камзолъ зеленый, переполосье и картузь желтые, ѣзд. *Робертъ*. Скакали 5 мин. 37 сек.

Многіе держали пари за *Бльково*, другіе за *Леди-Флай*; первые основывались на прошлогодней скачкѣ лошади, вторые на происхожденіи отъ Флайнъ-Дочмана, перваго въ свое время скакуна въ Англій. Диксонъ, на Леди-Флай, пошелъ сзади всѣхъ, Каламбуръ — впереди; на третьей верстѣ Оксвилъ началъ прибавлять ходу, обошелъ многихъ, легко, и на половинѣ послѣдняго круга началъ спорить съ Каламбуромъ, то догоняя его, то отставая. У флажной бѣсѣдки, рядомъ съ ними явился незамѣтно Диксонъ на Леди-Флай, и Леди-Флай и Влцій, далеко оставивъ за собою другихъ, пришли почти рядомъ. Влцій былъ сзади меньше нежели на корпустъ.

5-я Скачка.

Призь Петровскій: И. П. Петровскаго 500 р., Н. М. Пашкова 500 р. и А. Ф. Ал. Столыпина 100 р. данный съ 1853 г. на 10 лѣтъ, для лошадей 3-хъ лѣтъ, рожденныхъ въ Россіи и за границую, всѣхъ породъ. Дистанція 2 верст. 133 саж. Вѣсъ на жер. 3 п. 15 ф., на коб. 3 п. 10 ф. Подписка отъ каждой лошади (коихъ число, принадлежащее одному владѣльцу не ограничивается) по 100 р. сер. Неустойки 25 р. сер., которая взносится при запискѣ. Срокъ закрытія подински въ послѣдній день московскихъ скачекъ и проч. *).

Записаны лошади:

1) Г. Пашкова ворон. коб. *Дафне* отъ Юріэля и Десдемоны, ѣзд. *Гецъ*.

2) Салтыкова кор. коб. *Клара* отъ Чантиклира и матери *Кларисы*, ѣзд. *Эльвайнсъ*.

3) О. О. Мосолова гн. коб. *Бозіо* отъ Генріада и Жизель, ѣзд. *Доккери*.

4) П. В. Голицына гн. коб. *Минерва* отъ Галантуса и Мери, ѣзд. *Диксонъ*.

5) А. О. Мосолова гн. жер. *Каптенъ-Кандитъ* отъ Ратника и Раптры, ѣзд. *Я. Вудъ*.

Призы «Петровскій» и «Пашковскій» (въ Тугѣ) самые значительные и доходятъ по разнымъ расчетамъ до 2-хъ и болѣе тысячъ рублей сер. Сюда записываютъ скакать лошадей отъ лучшихъ жеребцовъ и матокъ (записанныхъ за 3 года, т. е. до рожденія жеребятъ) и лошадь, выигравшая этотъ призъ, считается одною изъ лучшихъ трехлѣтковокъ; кровная порода обмывается рѣдко. Изъ множества лошадей, записанныхъ на этотъ призъ, явилось только пять. Всѣхъ повелъ за собою Эльвайнсъ на Кларѣ; за полверсты до выигрышнаго столба его началъ догонять Каптенъ-Кандитъ; поводья, шпоры и наконецъ хлысть употреблены были въ дѣло; но Клара выиграла легко, безъ малѣйшаго принужденія, оставивъ за собою Кандида на корпусъ. Скакали 2 мнн. 55 сек. Такимъ образомъ теперь за Кларомъ утверждена репутація отличнаго, первокласснаго скакуна.

Послѣ скачки я пошелъ на маленькій кругъ, чтобы видѣть лошадей послѣ скачки; это очень любопытно для всякаго, не говоря о любителяхъ и художникахъ. Что за прелесть, какое совершенство красоты животнаго! Тонкая кожа, сквозь которую

*) Особыя условія этой скачки можно видѣть въ афишахъ.

видна сѣтъ жпль, блестящая, лоснящаяся шерсть, выпуклость, ясность и игра мускуловъ при движеніи, огонь въ глазахъ, широкія ноздри, раскрытыя отъ усиленаго дыханія; легкость и грація движеній, ноги какъ-будто выточенные изъ металла, — все это вмѣстѣ составляетъ истинный идеалъ лошади и должно восхитить всякого, кому доступно чувство изящнаго. Но рысистые охотники равнодушно и даже съ насмѣшкою смотрятъ на «поджарыхъ» и «сухопарыхъ» лошадей; у нихъ другой идеалъ красоты; и у Китайцевъ тоже свои понятія о красотѣ, Аполлонъ бельведерскій и Венера Медичи имъ вѣроятно не понравятся.

Второй день скачекъ 10-го іюня.

1-я) Призъ, учрежденный обществомъ въ память кн. Д. В. Голицына, 1,000 р. с. пзъ нихъ 2-й лошади 200 р. с. для жеребца и кобылы не *молоче 4-хъ лѣтъ*; дист. 6 верст. вѣсь на жер. 4-хъ л. 3 п. 10 ф. 5-ти 3 п. 20 ф. 6-ти 3 п. 26 ф. 7-ми л. и старѣе 3 п. 30 ф. на коб. 4 ф. меньше. Лошади, рожденные въ Англии, допускаются.

Записаны лошади:

- 1) П. П. Воейкова рыж. ж. *Сатурнъ*, отъ Непира и Стразы, 7-ми л., ѣзд. *Робертъ*.
- 2) И. П. Петровскаго рыж. ж. *Ларчикъ*, отъ Сигнала и Лоттерея, 8 л., ѣзд. *О. Дей*.
- 3) Кн. Д. П. Самтыкова гн. к. *Баллада* отъ Непира и Бодрой, 6 л. ѣзд. *Фордъ*.
- 4) А. О. Мосолова гн. к. *Фейеръ-Флай*, отъ Лондона и Легенды, ѣзд. *Я. Вудъ*.

Сатурнъ, Ларчикъ и Баллада, пзвѣстные лошади, выигрывавшія по нѣскольку разъ; особенно Сатурнъ, который бывши у г. Ладыженскаго, не зналъ себѣ соперниковъ. Съ этою знаменитою лошадыю поступлено было какъ съ курпцею, которая несла золотыя яйца; два года мучили его до послѣдней степени; на немъ скакали вездѣ, гдѣ онъ только могъ скакать по своимъ лѣтамъ; съ «перескачками» ему приходилось скакать по 10-ти и по 12-ти верстѣ. Онъ не разу не проигралъ *); но съ тѣхъ поръ уже не можетъ поправиться и скачетъ какъ дюжинная скаковая лошадь. За него уже никто не держалъ пари, всѣ только сожалѣли о падшей его славѣ. Ларчикъ тоже страдалъ ногами, какъ многія скаковыя лошади послѣ сильной работы; стало быть

*) Кромѣ одного раза, по оплошности ѣздока, который остановилъ его у выигрышнаго столба и далъ время второй лошади подойти и обойти его.

выиграть должна была Балладона, теперь одна изъ первыхъ скаковыхъ лошадей въ Россіи. Она и выиграла очень легко. Ларчикъ отсталъ и захромалъ на обѣ переднія ноги; Фейеръ-Флай осталась за флагомъ; Сатурна же понуждали и шпорами и хлыстомъ, но Сатурнъ, непобѣдимый Сатурнъ, отсталъ на двѣ лошади! Sic transit gloria....

Ск. 8 минутъ — въ 1 м. 20 сек. версту.

2-я) Закладъ по 300 р. с. неустойки 100 р. с. накануне скачки. Скакать въ 3-хъ лѣтнемъ возрастѣ въ 1859 году во время московскихъ скачекъ. *Дистанція* 2 вер. 100 саж. Вѣсъ 3 п. 16 ф.

Записаны лошади:

1) Кн. Д. П. Салтыкова гн. к. *Пакрета* отъ Антика и Невелики, ѣзд. *Фордъ*.

2) А. А. Сапожникова, ворон. коб. *Ночка* отъ Немира и Наслѣдницы, ѣзд. *Диксонъ*. Камз. и корт. бѣлые.

Ночка, очень хорошенькая собою лошадь, но небольшая ростомъ, подверглась насмѣшкамъ нѣкоторыхъ знатоковъ, особенно за свою шерсть, потому что вороныхъ лошадей почти не бываетъ между кровными скакунами; шерсть эта считается признакомъ нечистой скаковой породы. Всѣ были увѣрены, что возьметъ закладъ Пакрета. Ночка поскакала однако впереди; но довольно тихо и вяло; на 2-й верстѣ Пакрета догнала ее, шла у нея на пятахъ, или какъ говорятъ на хвостѣ, легко и свободно; многіе кричали, что она затопчетъ Ночку. Пакрета сравнялась съ нею; обѣ полетѣли быстрѣе и быстрѣе, Ночка однако не отстаетъ; напротивъ, публика видитъ еще вдали какъ Фордъ побуждаетъ Пакрету; всѣ видятъ наконецъ, съ удивленіемъ, что Ночка скачетъ впереди, свободно и даже на поводьяхъ. Она выиграла корпуса на два и охотники до рысистыхъ лошадей громко кричали — ура! Ночка принадлежитъ г. Сапожникову. Скакали 3 м. 12 сек.

3-я) Призъ общества въ 300 р. с. *для продажныхъ лошадей*, *дистанція* 2 в. 100 саж. Вѣсъ на жер. 3 л. 2 п. 35 ф., 4 л. 3 п. 16 ф., 5-ти 3 п. 26 ф., 6 л. 3 п. 32 ф., 7 л. и старѣе 3 п. 36 ф., на коб. 4 ф. меньше. Лошадь продается за 600 р. с.; лошадь же, которая будетъ нести 5-ю ф. меньше опредѣленнаго вѣса продается за 500 р. с. 10-ю ф. меньше — за 400 р. 15-ю за 300 р. сер. 20-ю 200 р. с. Всякій имѣетъ право покупать выигравшую лошадь, въ теченіи получаса; если явится нѣсколько покушниковъ, то она продается съ аукціона и лишнія сверхъ объявленной цѣны деньги поступаютъ въ кассу общества.

Записаны лошади:

1) П. П. Воейкова, гн. ж. *Артистъ*, отъ Вайнота и Алины, 5 л., вѣсъ 3 п. 21 ф., цѣна 500 р., ѣзд. *Робертъ*.

2) Н. М. Пашкова вор. коб. *Гетманша* отъ Гетманы и Хоховесы, 5 л., 3 п. 2 ф., 200 р.; ѣзд. *Эльвайнсъ*.

3) И. П. Петровскаго, сѣр. коб. *Альзира*, отъ Актера и Праймъ-меръ, 6 л., 3 п. 18 ф., 400 р. с., ѣзд. *Оксвилъ*

Альзира и особенно Гетманша, очень хорошия собою лошади; у Гетманши прекрасная голова и шея; но Артистъ некрасивъ и не общалъ ничего. Скачка была быстрая, особенно въ началѣ; Альзира шла впереди и пришла впереди, очень легко; за нею Гетманша, саженьяхъ въ шести и съ сильнымъ побужденіемъ. Скакали 2 м. 49 сек. Альзира куплена г. Катеневымъ за 400 руб. сер.

Третій день скачекъ, 12 іюня.

1-я) Императорскій призъ для жер. и коб. 4, 5, и болѣе лѣтъ и для коб. 4 и 5 л. Для заграничныхъ лошадей немоложе 4-хъ л. 900 р. с. и для второй лошади изъ суммъ конно-заводства 200 р. с. *Дистанція* 4 в. съ норм. скор. 6 м. 24 сек. Вѣсъ на жер. 4 л. 3 п. 16 ф., 5 л. 3 п. 26 ф., 6 л. 3 п. 32 ф., 7 л. 3 п. 36 ф. на коб. 5-ю ф. меньше. На лошадей заграничныхъ вѣсъ тотъ-же. Старше 7-ми лѣтъ несутъ вѣсъ семилѣтній.

Записаны лошади:

1) Кн. П. В. Голицына гн. к. *Альма* отъ Галактуса и Альвы, 5 л., ѣзд. *Диксонъ*

2) И. П. Петровскаго сѣр. ж. *Влццй* отъ Сигнала и Вѣсти, 5 л., ѣзд. *Оксвилъ*.

3) О. О. Мосолова гн. ж. *Капканъ*, отъ Чудо и Небылицы, 6 л., ѣзд. *Доккери*.

4) П. П. Воейкова кар. ж. *Армяникъ*, отъ Вайнота и Армиды, 5 л., ѣзд. *Робертъ*.

5) Кн. Д. П. Салтыкова гн. ж. *Прайдэмъ* отъ Войнота и Пенелопы, 6 л., ѣзд. *Фордъ*.

6) А. О. Мосолова гн. ж. *Страусъ*, отъ Лондона и Леры, 6 л., ѣзд. *О. Дей*.

Страусъ, Капканъ и Альма извѣстныя лошади; остальнымъ тяжело было состязаться съ ними. Страусъ и Капканъ быстро пошли впереди; на первыхъ двухъ верстахъ всѣ лошади были свѣжи и рвались впередъ. Иные держали пари за Страуса, другіе за Альму или за Капкана. На послѣднемъ поворотѣ Капканъ пошелъ рядомъ съ Страусомъ, но видно было, что Доккери по-

нуждалъ Капкана, а Дей сидѣлъ смирно; оба пришли почти рядомъ, но Капканъ съ сильными побужденіями. Страусъ выигралъ на лошадей. Заними пришла Альма, потомъ Вѣщій, и пр. Скакали 5 м. 12½ сек.

2-я) Призъ общества, 300 р. с. для жеребц. и коб. 3-хъ лѣтъ. *Дистанція* 1½ версты. Вѣсъ на жер. 3 п. 14 ф., на коб. 3 п. 10 ф.

Записаны лошади:

1) Кн. П. В. Голицына, рыж. коб. *Донна-Анна* отъ Галантуса и Декораци, вѣд. *Диксонъ*.

2) И. П. Петровскаго, гн. жер. *Лисень* отъ Генріада и Любы, вѣд. *Оксиль*.

3) Кн. Д. П. Салтыкова рыж. к. *Весна* отъ Юнгъ-Аргуса и Волги, вѣд. *Эльвайнсъ*.

4) А. А. Марка гн. к. *Интрина* отъ Антика и Индустри, вѣд. *Докери*.

5) А. Ф. Мосолова т. гн. ж. *Налимъ* отъ Генріады и Проблемы, вѣд. *Я. Вудъ*.

Налимъ быстро повелъ всѣхъ за собою; прочія попеременно обгоняли другъ друга и Весна напрасно старалась догнать Налима, — онъ шелъ необыкновенно легко, свободно, какъ-будто большимъ галопомъ; отъ флажной бесѣдки Интрига обошла Весну; Докери началъ хлытать Интригу, но, не смотря на это, она отстала лошади на двѣ, Налимъ получилъ репутацію хорошаго скакуна. Скакали 1 м. 57 сек. (1 м. 18½ сек. версту).

3-я) Призъ общества для коб. 3-хъ лѣтъ, 500 р. с. съ подпискою по 50 р. с., неустойка половина за годъ впередъ, при запискѣ во время июньскихъ засѣданій общества. *Дистанц. 2 с. 100 саж.* вѣсъ 3 п. 14 ф. число скачущихъ лошадей одного владѣльца не ограничивается. Лошади рожденныя за границею допускаются съ вѣсомъ 3 п. 21 ф. (17 подписчиковъ), подписка закрыта въ послѣдній день июньскихъ засѣданій 1858 г.

Записаны лошади:

1) А. А. Саножникова вор. к. *Ночка* отъ Немира и Наслѣдницы, вѣд. *Диксонъ*.

2) Кн. Д. П. Салтыкова сѣр. *Рольми* отъ Сигнала и Реджіи, вѣд. *Фордъ*.

3) И. П. Петровскаго гн. *Ланша*, отъ Гранита и Лизы, вѣд. *Оксиль*.

4) П. П. Воейкова, гн. *Весталка*, отъ Карактакоса и Инврументъ, вѣд. *Робертъ*.

5) Н. М. Пашкова гн. *Досилити*, отъ Юріэля и Діаны, ѣзд. *Гецъ*.

6) А. Ѡ. Мосолова ворон. *Джипси*, отъ Генріада и Гиппоны, ѣзд. *Я Вудъ*,

Многіе держали пари уже за Ночку; другіе, знакомые съ тренерами и Англичанами, за Джипси, которая, какъ говорили, обскакиваетъ лучшихъ трехлѣтковъ; держали наконецъ пари за Рояльти, какъ дочь Сигнала, извѣстнаго заводскаго жеребца.

Джипси пошла впереди; Рояльти, видная издали своею красивою шерстью (свѣтло-сѣрая въ яблокахъ), на второй верстѣ быстро начала обгонять одну, другую третью лошадь; но еще раньше ее Лапша, какъ-то незамѣтно, догнала Джипси и уже скакала у ея хвоста. Рояльти не догнала ихъ, но все больше и больше отставала, потому что Джипси прибавляла бѣгу. На послѣднемъ поворотѣ Вудъ началъ понукать Джипси; между тѣмъ онъ былъ еще впереди на полъ лошади; но къ удивленію всѣхъ Оксвилъ на своей Лапшѣ скакалъ почти рядомъ съ нимъ и — крѣпко держалъ ее! Такъ доскакалъ онъ близко, очень близко, саж. за десять отъ выиграшнаго столба; публика была въ недоумѣніи... Но едва Оксвилъ далъ волю, даже не шевеля поводьями, Лапша въ три маха была уже впереди и уже у выиграшнаго столба. Оксвилъ выигралъ щегольски, блистательно, даже какъ-будто съ насмѣшкою надъ соперникамъ; такъ во время славы своей обскакивалъ Сатурнъ. Лапша сбита всѣхъ съ толку; никто не ожидалъ отъ нея такой прыти, никто не обратилъ и вниманія на нее, когда она, въ числѣ другихъ, выѣхала на кругъ. Теперь всѣ бросились смотрѣть на побѣдительницу Джипси и нашли, что лошади съ такимъ складомъ нельзя не скакать; что у нея необыкновенно развиты задъ, передъ легокъ, а ноги толсты, крѣпки, на короткихъ бабкахъ, какъ у Сатурна, одно слово похвалямъ не было конца. Между тѣмъ лошадь эта очень невелика и не отличается красотой. Ее стали считать *первымъ трехлѣткомъ* за эту славную побѣду.

Скакали 2 м. 47 сек., 1 м. 16 сек. съ дробью версту.

Четвертый день скачекъ, 14 іюня.

1-я) Императорскій призъ для жер. и коб. *не моложе 4 лѣтъ* 1000 р. с. и для второй лошади изъ суммъ Коннозаводства 200 р сер., *Дист. 3 верстъ*, съ норм. скор. 10 м. 20 сек. Вѣсъ, на жер. 4 л. 3 п. 9 ф., 5 л. 3 п. 19 ф., 6 л. 3 п. 25 ф., 7 л. и больше 3 п. 28 ф. на коб. 4 ф. меньше.

Записаны лошади:

1) К. П. Карачарова, рыж. коб. Баркароль, отъ Женераль-Шассе и Вяжконъ, 6 л., Ъзд. Терешкинъ.

2) Кн. Д. П. Салтыкова, гн. к. Баллада, отъ Немира и Бодрой, 6 л., Ъзд. Фордъ.

3) Н. П. Петровскаго, сѣр. жер. Караулъ, отъ Сальви и Калипсы, 4 л., Ъзд. Оксиль.

4) А. Ѡ. Мосолова, гн. ж. Сарказмъ, отъ Рубини и Газеты, 9 л., Ъзд. Я. Вудъ.

Никто не сомнѣвался, что Баллада или Сарказмъ возьметъ призъ; удивлялись только какимъ образомъ съ такими лошадьми записана четырехлѣтняя, Караулъ, и притомъ на 6 верстъ. Ожидали скачку интересную, потому что Сарказмъ хотя и 9 лѣтъ, но еще свѣжъ, а Баллада скакала 6 верстъ, поэтому между ними бой почти ровный. Баллада быстро понеслась впередъ, не смотря на предстоящія ей 6 верстъ и проскакала ихъ однимъ аллюромъ, какъ машина! Всѣ скакали далеко за нею, въ 10 и 15 саженьяхъ. На послѣдней верстѣ Караулъ нѣсколько приблизился къ ней, потомъ стали его обгонять Сарказмъ и Баркароль; эти обѣ пошли рядомъ, съ поводьями, шпорами; но Баллада все была на томъ же разстоянн, даже дальше въ 15 или въ 20 саженьяхъ. Споръ шелъ только о томъ, кому придти вторымъ и споръ былъ самый горячій, съ хлыстами и шпорами; обѣ пришли почти рядомъ, Баркароль впереди на полъ лошади. А прекрасная Баллада, не смотря на огромное разстоянне, отдѣлявшее ее отъ всѣхъ, не укоротила бѣга и пришла во весь махъ, со всѣмъ усердїемъ.

Баллада принадлежитъ къ числу трехъ или четырехъ первыхъ скакуновъ въ Россіи; трехъ лѣтъ она выиграла пашковскій призъ и потомъ выиграла ихъ много; по отцу она сестра Сатурна, сложена также крѣпко и даже манерою скачки нѣсколько на его похожа; но она большая и красивая лошадь, а знаменитый Сатурнъ только-что не безобразенъ. Скак. 8 м. 4 сек.

2-я) Призъ изъ суммъ Коннозаводства для жер. и коб. 4 л. 900 р. с. изъ коихъ 2 лошади 200 р. с. съ норм. скор. 2 м. 56 сек. Вѣсъ на ж. 3 п. 20 ф. на коб. 3 п. 15 ф. Дистанц. 2 вер. 100 саж.

Записаны лошади:

1) К. И. Карачарова гн. к. Армада, отъ Браво и Аталанты, Ъзд. Терешкинъ.

2) И. П. Петровскаго сѣр. ж. Вѣстунъ, отъ Сигнала и Вѣстп, Ъзд. Оксиль.

3) Кн. Е. В. Голицына кар. ж. *Арзасъ*, отъ Галантуса и Альвы, ѣзд. *Диксонъ*.

На кругъ явился опять красавецъ Арзасъ и долго рисовался передъ глазами публики, играя съ человѣкомъ, который водилъ его; то хотѣлось ему оборвать поводъ и онъ, привставъ на задніе ноги, старался передними зацѣпить его, то намѣревался укунить ѣздока, который подошелъ къ нему; но онъ не сердился, а игралъ: едва ѣздокъ вставилъ ногу въ стремя, Арзасъ вытянулся, какъ бы приглашая его сѣсть, и потомъ тихо и скромно пошелъ шагомъ. Не смотря на сильную выдержку, онъ покрытъ былъ бѣлою пѣною, столько огня въ его температурѣ! Вѣстунъ тоже очень хорошая лошадь, и по статямъ, и по скачкѣ; онъ шибко повелъ за собою Арзаса, котораго Оксвилъ думалъ утомить; но на послѣднемъ поворотѣ Арзасъ догналъ его и пошелъ съ нимъ рядомъ; Оксвилъ еще надѣялся, ударилъ Вѣстуну, но въ это время Диксонъ далъ волю Арзасу и въ два маха былъ уже впереди, на полъ-лошади, у столба. Армида осталась далеко сзади. Такимъ образомъ до-сихъ-поръ Арзасъ ни разу не былъ побѣжденъ, чего ему всѣ желаютъ и впредь,—вотъ что значитъ наружность! Скак. 2 м. 45 $\frac{1}{2}$ сек.

3-я) Подписка (продіусъ) на 10 лѣтъ (съ 1853 г.). Къ сему выдается 600 р. с. (отъ гг. К. Голицыныхъ, Столыпина и Пашкова по 150 р. с.). Скакать въ 3-хъ лѣтнемъ возрастѣ въ 4-й день московск. скачекъ. Подписка по 75 р. неустойки 25 р. (Деньги взносятся: при запискѣ матокъ 10 р., при объявленіи приплода—15 р. и съ каждой скачущей лошади 50 р. с.). *Дистанція 1 $\frac{1}{2}$ вер.* Вѣсъ на жер. 3 п. 14 ф. на коб. 3 п. 10 ф. Число скачущихъ лошадей одного владѣльца не ограничивается. Если будетъ записано 30 матокъ и болѣе, то вторая лошадь получаетъ 150 р. а третья свою подписку т. е. 75 р. с. Если 40 матокъ и болѣе, то второй выдается 200 р. с., а третьей 100 р. с. Если же будетъ записано меньше 30 матокъ, то призь не выдается, а присоединяется къ призу слѣдующаго года; лошади же скачутъ на свои подписки (24 подписчика).

Записаны лошади:

1) Кн. Д. П. Салтыкова сѣр. к. *Ролъти* отъ Сигнала и Реджиа, ѣзд. *Эльвайнъ*.

2) П. П. Воейкова гн. к. *Весталка* отъ Карактакоса и Газеты, ѣзд. *Робертъ*.

3) Кн. П. В. Голицына гн. к. *Минерва* отъ Галантуса и Мерц, ѣзд. *Диксонъ*.

Роялти, уже знакомая публикѣ, особенно по своей красивой шерсти, къ которой такъ идетъ «серизовый» камзолъ (какъ говорятъ дамы) жокея, Весталка и Минерва, — всѣ три хорошия и красивыя лошади. Роялти, послѣ нѣсколькихъ саженъ, быстро обошла соперницъ и вела ихъ до послѣдняго поворота; здѣсь начала съ нею спорить Минерва, спорила горячо, т. е. съ обѣихъ сторонъ были въ дѣлѣ и хлысты и шпоры, — что конечно очень занимаетъ зрителей. Роялти выиграла на лошадь, даже нѣсколько меньше. Здѣсь кровь Сигнала не уронила себя. Скакали 1 м. 55 сек.

Пятый день скачекъ, 17 Юня.

1-я) Императорскій призъ для жереб. и коб. не моложе 4 лѣтъ съ формами верховыхъ, 1200 р. с., изъ конхъ 200 р. заводчику, гдѣ родилась выигравшая лошадь и 200 р. второй лошади. *Дистанция 5 верстъ* съ норм. скор. 9 мин. Вѣсъ на жер. 4 л. 3 п. 16 ф., 5 л. 3 п. 26 ф., 6 л. 3 п. 32 ф., 7 л. 3 п. 36 ф. на коб. 5 ф. меньше; лошади допускаются всѣхъ породъ, по балотированію.

Записаны лошади:

- 1) Кн. П. В. Голицына рыж. ж. *Докторъ-Бартоло*, отъ Галантуса и Декораціи, 5 л., ѣзд. *Диксонъ*.
- 2) К. П. Карачарова рыж. коб. *Баркароль*, отъ Женеераль Шассе и Вижконъ, 6 л., ѣзд. *Терешкинъ*.
- 3) Кн. Д. П. Салтыкова, ги. ж. *Прайамъ* отъ Вайнота и Пенелопы, 6 л., ѣзд. *Фордъ*.
- 4) И. П. Петровскаго, рыж. к. *Цапля*, отъ Сигнала и Центурии, 6 л., ѣзд. *Оксвиль*.

Еще съ утра, въ извѣстныхъ кругахъ публики, были споры о томъ, кто возьметъ призъ, — Цапля или Д. Бартоло? потому что обѣ лошади извѣстныя, первоклассныя. На маленькомъ кругу, до скачки, Англичане, тренеры и разные дилетанты увѣрили, что Д. Бартоло испорченъ, измученъ и Цапля легко возьметъ призъ; имъ возражали, что она лошадь нервная и часто проигрывала лошадямъ хуже ея; короче сказать, скачка эта производила сильное движеніе заранѣе, какъ въ парламентѣ будущая рѣчь лорда такого-то. О другихъ лошадяхъ никто и не упоминалъ, не смотря на то, что Баркароль отъ Женеераль Шассе, и очень хорошая лошадь.

Баркароль пошла впереди; Цапля сзади всѣхъ и такъ проскакали они кругъ и другой; зрители ждали съ нетерпѣніемъ перемены порядка; наконецъ, на послѣдней верстѣ, Прайамъ бы-

стро обогналъ Баркароль и пошелъ впереди; скоро приблизилась къ нему Цапля и оба начали отдѣляться отъ другихъ, все дальше и дальше; а Бартоло, знаменитый Бартоло, отставалъ! Сравнявшись съ Праймаомъ на поворотѣ, Цапля пошла съ нимъ рядомъ; но она шла легко, безъ малѣйшаго принужденія, а Прайма сильно понуждали всеми средствами. Только за нѣсколько сажень до выигр. столба Оксвилъ далъ ей волю и она быстро, въ три прыжка, обошла Прайма. За ними, далеко, пришла Баркароль и потомъ Д. Бартоло. Какіе-то любители кричали Цаплѣ ура! и потомъ говорили, что поздравляли тренера г. Петровскаго, *Гаврилу Чикана*, который ее выдерживалъ; она и Лапша составили ему отличную репутацію. Скакали 6 м. 48 сек.

2-я) Призъ общества для жер. и коб. 3-хъ л. 500 р. с. съ подпискою по 50 р. с. Неустойки половина за годъ впередъ, при запискѣ лошадей во время июньскихъ засѣданій общества, остальные деньги вносятся наканунѣ скачки. Дистанція 2 в. 100 саж. Вѣсъ на жереб. 3 п. 14 ф. на коб. 3 п. 10 ф. Число лошадей одного владѣльца не ограничивается (16 подписчиковъ).

Записаны лошади:

- 1) Кн. Д. П. Салтыкова гн. ж. *Нобль* отъ Юнгъ-Аргуса и Наборнъ, ѣзд. *Фордъ*.
- 2) А. Θ. Мосолова гн. ж. *Каптон-Кандидъ* отъ Ратника и Раширы, ѣзд. *Оксвилъ*.
- 3) Его же, т. гн. ж. *Налимъ*, отъ Генриада и Проблемы, ѣзд. *Я. Вудъ*.

Нобль быстро пошелъ впереди; за нимъ Налимъ. Перевѣсъ былъ на сторонѣ г. Мосолова, который своими двумя лошадьми могъ измучить чужую, пожертвовавъ одною изъ своихъ и давая другой возможность сберечь силы до послѣдней минуты. Фордъ, на Нобль, побоялся этого неравнаго боя, не пустилъ никого впередъ и съ ибѣта поскакалъ очень быстро; одинъ изъ ѣздоковъ г. Мосолова сдѣлалъ было попытку обогнать его и вести за собою; но попытка не удалась, Нобль летѣлъ все время впереди и далеко оставилъ ихъ за собою. Онъ приобрѣлъ себѣ самую лучшую репутацію, потому что Налимъ, оставленный имъ далеко, выигралъ очень легко на скачкѣ 12 июня. Между тѣмъ Нобль, по наружности, обѣщалъ меньше нежели исполнилъ; даже шея у него толста и должна бы тяготить его. Скак. 2 м. 50 с.

3-я) Призъ Общества 300 р. с. для жер. и коб. не моложе 4-хъ лѣтъ. Дистанція 2 в. 100 саж. Вѣсъ на ж. 4 л. 2 п. 39 ф., 5 л. 3 п. 10 ф., 6 л. 3 п. 14 ф., 7 л. и старѣе 3 п. 16 ф. На коб.

3 ф. меньше. *Ъздоки Русскіе*, выигравшему изъ нихъ выдается отъ общества листъ и 15 р. с.

Записаны лошади:

- 1) П. А. Кошелева сѣр. к. *Альзира* отъ Актера и Праймаъ-Меръ, 6 л., ѣзд. *Паршиковъ*.
- 2) П. П. Воейкова гн. ж. *Концертъ* отъ Непира и Куницы, 5 л., ѣзд. *Кузмицевъ*.
- 3) Н. С. Мосолова гн. к. *Колибри*, отъ Кинжала и Ласточки, 4 л., ѣзд. *Кузмицевъ*.
- 4) Кн. П. В. Голицына рыж. к. *Минута*, отъ Галантуса и Мери, 4 л., ѣзд. *Чугуновъ*.
- 5) А. Ѡ. Мосолова гн. к. *Фейеръ-Флай*, отъ Лондона и Легенды, 6 л., ѣзд. *Горбуновъ*.

Скачка эта интересовала московскую публику потому, что ѣздоки назначены исключительно русскіе. Паршиковъ, надѣясь на Альзиру, пошелъ съ мѣста впередъ и не давалъ дороги никому; скачка была нарядная, быстрая и разнообразная; русскій характеръ проявился отчасти и здѣсь, въ англійской скачкѣ: то одинъ, то другой ѣздокъ шелъ впередъ, обгонялъ передоваго, отставалъ снова, или шелъ рядомъ. Между тѣмъ Альзира все была впереди. У флажной бесѣдки Минута догнала ее и пошла почти рядомъ; началась борьба; Чугуновъ на Минутѣ выходилъ изъ себя; но Паршиковъ выигралъ легко, едва понудивъ Альзиру поводьями; Минута осталась на корпусъ сзади. Альзира скакала уже у другого владѣльца, который вѣроятно не жалѣлъ, что купилъ такую лошадь. Она обошлась ему теперь только въ 100 р. с. Скакали 2 м. 48 с.

Шестой день скачекъ, 19 Июля.

1-я) Призь изъ суммъ Коннозаводства для жеребца и коб. не моложе 4-хъ лѣтъ, 1000 р. сер. изъ конхъ второй лошади 200 р. с. *Дистанція* 2¼, верст. съ норм. скор. 3 м. 45 сек. Вѣсъ на жер. 4 л. 3 п. 16 ф., 5 л. 3 п. 26 ф., 6 л. 3 п. 32 ф., 7 л. и старѣе 3 п. 36 ф. на коб. 5 ф. меньше.

Записаны лошади:

- 1) Кн. П. В. Голицына, кар. коб. *Леди-Флай* отъ Флайнъ-Дочмана и Леди Луизы, 5 л., ѣзд. *Диксонъ*.
- 2) Кн. Д. П. Салтыкова, рыж. к. *Белладона*, отъ Анника и Бодрой, 7 л., ѣзд. *Фордъ*.
- 3) П. П. Петровскаго, рыж. к. *Цапля*, отъ Сигнала и Центурицъ, 6 л., ѣзд. *Оксель*.

Цапля и Белладона, страшныя одна для другой соперницы;

обѣ считаются въ числѣ четырехъ или пяти лучшихъ скакуновъ въ Россіи. Ни одна скачка не произвела такого сильнаго движенія между охотниками, любителями и даже въ публикѣ, какъ скачка этихъ двухъ знаменитыхъ лошадей. До скачки и послѣ скачки было столько споровъ, закладовъ, толковъ, даже раздоровъ интригъ и брани, что — хоть бы въ самой Англіи! Во первыхъ, для Белладоны, записанной въ двухъ скачкахъ, перемѣнили порядокъ скачекъ, для того, чтобы она успѣла отдохнуть, — что конечно вооружило всѣхъ, державшихъ пари за Цаплю. Съ этого и началось волненіе по поводу этой скачки. О числѣ закладовъ за ту или за другую, нечего и говорить!

На скачку явилось только двѣ лошади, Цапля и Белладона. Вотъ поскакали. Белладона, какъ лошадь испытанной силы, пошла очень быстро съ мѣста; Фордъ надѣялся замучить Цаплю, боясь не силы ея, но быстроты. Цапля шла смирно сзади. По обыкновенію, при послѣднемъ поворотѣ, она стала догонять Белладону; скоро сравнялась съ нею и глаза всѣхъ устремились на нихъ. Вотъ видно ясно, какъ Фордъ старается прибавить ходу Белладонѣ, сильно дѣйствуя руками; а Оксвилъ держитъ руки неподвижно; Цапля идетъ рядомъ и еще на поводьяхъ; всѣ смотрятъ на руки Оксвиля. У державшихъ пари сильнѣе бьется сердце...

Онѣ ужъ близко; промчались мимо флажной бесѣдки, рядомъ; но Фордъ продолжаетъ работать руками и ногами; Оксвилъ сидитъ покойно; — Ура! Цапля, Цапля!.. Кричатъ въ толпѣ. Лошади скачутъ ровно; наконецъ, только за 25 или за 30 шаговъ, Оксвилъ тихо тронулъ поводьями, поднялъ было хлыстъ, но Цапля при первомъ движеніи рукъ сдѣлала два или три страшныхъ прыжка и выскочила впередъ на лошадь.... Хлопанье въ ладоши и ура раздались еще громче, Цапля выиграла! — Однако въ туже минуту всѣ видятъ, что поздравляютъ Кн. Салтыкова... Пошли вопросы, сомнѣнія; бросались внизъ узнать въ чемъ дѣло, почему эти поздравленія? Неужели выиграла Белладона, тогда какъ всѣмъ, безъ исключенія, показалось, что выиграла Цапля, да еще такъ легко, безъ хлыста, безъ шпоръ? Неужели всѣ могли такъ ошибиться? — Вѣроятно ошиблись, если призъ отдали Белладонѣ... Судьи объявили наконецъ, что когда Цапля вынеслась впередъ, Белладона уже коснулась линіи выигрышнаго столба и была на *полъ-головы* дальше Цапли, которая хотя и обогнала ее значительно слѣдующею лонсадою, но уже поздно. Такъ говорили въ судейской бесѣдкѣ; но съ этимъ никто не хотѣлъ согласиться;

даже многіе бывшіе тамъ же, говорили, что призъ слѣдуетъ Цапль; жокеи, тренеры, мальчики, даже мужики и музыканты (стоящіе прямо на лпніи столба)—всѣ утверждали положительно, что выиграла Цапля; вездѣ слышны были толки, рассказы, замѣчанія, неблагопріятныя для Белладоны; даже многія дамы спорили съ членами за Цаплю.—Движеніе было удивительное! Кто бы могъ подумать, что это у насъ, въ Россіи?

Я отправился на форумъ, т. е. на маленькій кругъ, чтобы удостовѣриться въ истинѣ; тамъ говорили тоже самое!... Почему же наконецъ отдали призъ Белладонѣ? Иные говорятъ, что Оксвилъ нечаянно, лѣвою ногою, задѣлъ шпорою Цаплю и она бросилась вправо, въ то самое время, какъ обгоняли Белладону и такимъ образомъ сдѣлала лишнее и могла заставить судей ошибиться; но если дѣло спорное, какъ оно и есть, — почему не назначено перескачки?

Опять сомнѣніе и недоумѣніе! Вообще эта скачка надѣлала много шума и была удивительна тѣмъ, что споръ вышелъ противъ очевидности. Споръ этотъ вѣроятно не рѣшится никогда; каждый останется при своемъ мнѣніи; но какъ бы ни было, — Белладонѣ отданъ призъ, а *вся слава принадлежитъ Цапль*, которая пришла безъ понужденія и при первомъ движеніи рукъ ѣздока была уже впереди *). Знатоки дѣла говорятъ, что Оксвилъ ошибся тѣмъ, что *поздно* тронулъ Цаплю и потому не успѣлъ опередить Белладону на столько, чтобы не было никакого сомнѣнія; другіе прибавляютъ къ этому, что онъ вмѣстѣ и *рано* слишкомъ началъ обгонять Белладону; онъ нѣсколько обогналъ и пройдя флажную бесѣдку, но Белладона, понуждаемая сильно, успѣла опять догнать Цаплю, а новое усиліе Цапли сдѣлано было поздно. Самъ Оксвилъ утверждаетъ, что выигралъ онъ и что въ Англіи призъ отдали бы ему. «Дѣло не въ деньгахъ, но въ славѣ,» говорятъ иные. «Кому что нужно,» — отвѣчаютъ другіе. Цапля получила славу, а Белладона деньги.

Скакали 3 мин. 12 сек.; 1 м. 16 сек. съ дробью версту.

2-я) Подписка на лошадей, родившихся въ 1856 г. *Дистанція 2 верст.* Вѣсъ на жер. 3 п. 15 ф., на коб. 3 п. 10 ф. Подписной суммы съ каждой лошади 25 р. с. и столько же за каждую скачущую; число лошадей не ограничивается. 11 подписчиковъ.

*) Послѣ скачки я слышалъ, что за Цаплю предлагали пари, кто въ 100 р., кто въ 500, въ 1000 и даже въ 5000 р. серебромъ!... Жаль, что онѣ не могли состояться.

Записаны лошади:

- 1) Д. П. Салтыкова рыж. к. *Веспа* отъ Аргуса и Волги, ѣзд. *Эльвайнсъ*.
- 2) А. О. Мосолова вор. к. *Джипси*, отъ Генриада и Гишоны, ѣзд. *Я. Вудъ*.
- 3) Его-же, гн. к. *Супплементъ*, отъ Рубини и Газеты, ѣзд. *Горбуковъ*.

Двѣ лошади г. Мосолова пошли впереди и сначала даже какъ будто смѣшали Веспу, потому что Супплементу надобно было непременно идти первому, чтобы сберечь Джипси; такъ по крайней мѣрѣ было видно по ихъ скачкѣ; а Супплементъ была буквально только Супплементомъ. Предосторожность эта была напрасна; еще у поворота видно было, что Веспа оттягиваетъ; Джипси съ необыкновенною быстротою обошла ее и Супплементъ, которая поскакала такъ тихо, что осталась за флагомъ. Веспа прибавила ходу, но осталась сажень на двадцать сзади. Публика захопала Джипси съ необыкновеннымъ усердіемъ. Скакали 2 м. 34 сек.; 1 м. 17 сек. версту.

3-я) Призъ общества 800 р. с., изъ конхъ второй лошади 200 р. с. для жереб. и коб. не моложе 3-хъ лѣтъ. *Дистанія 3 версты*. Вѣсъ на жер. 3-хъ л. 2 п. 35 ф., 4 л. 3 п. 10 ф., 5 л. 3 п. 20 ф., 6 л. 3 п. 26 ф., 7 л. и старѣе 3 п. 30 ф. на коб. 4 ф. меньше.

Записаны лошади:

- 1) Кн. П. В. Голицына гн. к. *Альма* отъ Галантуса и Альвы, 5 л. (нескакала), ѣзд. *Диксонъ*.
- 2) И. П. Петровскаго гн. ж. *Вьюнъ* отъ Грека и Верхославы, 5 л., ѣзд. *Оксиль*.
- 3) Кн. Д. П. Салтыкова рыж. к. *Белладона* (не скакала по усталости).
- 4) О. О. Мосолова гн. жер. *Капканъ*, отъ Чуда и Небышцы, 6 л., ѣзд. *Доккери*.

На скачку явилось только двѣ лошади, Вьюнъ и Капканъ; говорили, что Белладона очень устала; а Цапля, идя домой мимо рысистаго круга, играла и фыркала, какъ-будто сей часъ изъ конюшни. Капканъ извѣстная, хорошая лошадь (и очень красивая собою), а Вьюна никто не зналъ, и потому всѣ были увѣрены, что призъ возьметъ Капканъ. Дѣйствительно, онъ пошелъ впереди, отдѣлился далеко и оставилъ за собою Вьюна саж. на двадцать. Всѣ справедливо жалѣли, что не было по крайнѣй мѣрѣ

Альмы, если не Белладоны, потому что была бы борьба и скачки интереснѣе. Скакали 3 м. 53 сек.

Седьмой день скачекъ, 21 июня

1-я) Призъ общества въ честь почетнаго члена Д. П. Воейкова 1-го, сереб. 800 р. пзъ коихъ второй лошади 200 р. с. для жер. и коб. *не моложе 4-хъ лѣтъ. Дистанція 4 версты.* Вѣсъ на жер. 4 л. 3 п. 10 ф., 5 л. 3 п. 20 ф., 6 л. 3 п. 26 ф., 7 л. и стар. 3 п. 30 ф. на коб. 4 ф. меньше. Лошадь, выигравшая отъ 500 р. с. несеть лишняго вѣса 4 ф., а выигравшая 1000 р. с. и болѣе — 6 ф.

Записаны лошади:

1) Кн. Д. П. Салтыкова рыж. коб. *Белладона* отъ Антика и Бодрой, 7 л., вѣд. *Фордъ*.

2) П. П. Воейкова рыж. ж. *Сатурнъ*, отъ Непира и Стразы, 7 л., вѣд. *Робертъ*.

Въ послѣдній день московскихъ скачекъ ихъ назначено было четыре; даже пять, считая скачку мальчиковъ-скакуновъ, на простыхъ лошадяхъ. Первая скачка была не интересна, скакать должны были Сатурнъ и Белладона; на дняхъ онъ скакалъ съ Балладою и теперь всѣ были увѣрены заранѣе въ торжествѣ Белладоны и жалѣли о падшей славѣ Сатурна. Белладона поскакала шибко и первые двѣ версты Сатурнъ еще держался близко, на хвостѣ; но уже было видно, что онъ устаетъ и скоро пойдетъ тише; уже алжуръ его не походилъ на алжуръ Сатурна; на третьей верстѣ онъ сталъ оттягивать и на послѣднемъ поворотѣ отсталъ почти сажень на сто! Онъ остался бы вѣроятно за флагомъ, еслибы Фордъ не укоротилъ бѣга Белладоны; Фордъ прискакалъ тихимъ галопомъ и наконецъ рысью приѣхалъ къ выигрышному столбу. Сатурнъ былъ въ это время въ сажняхъ тридцати сзади.

2-я) Призъ въ 900 р. с. (И. Ѳ. Ладыженскаго 300 р., Ал. А., Ао. А., Дм. А. Столыпныхъ, П. И. Воейкова, Кн. Д. П. Салтыкова и П. Н. Дирина, по 100 р. сер.) данный съ 1854 г. на 10 лѣтъ, для лошадей 4 лѣтъ, рожден. въ Россіи. Подписка по 50 р. с., неустойка 15 р. с. на канунѣ скачки. *Вторая лошадь* получаетъ изъ приза 100 р. с., а третья свою подпску. *Дистанц. 4 верст.* Вѣсъ на жер. 3 п. 20 ф., на коб. 3 п. 16 ф. Лошади, которыя выиграли призами или подписками 1000 р. с. и больше, несуть 8 ф. лишняго вѣса. Записываются лошади въ двухлѣтнемъ возрастѣ. Число лошадей не ограничивается (16 подписчиковъ.)

Записаны въ скачку:

1) П. П. Петровскаго рыж. ж. *Лодарь*, отъ Сигнала и Лотте-рей, ѣзд. *Оксвилъ*.

2) Кн. Д. П. Салтыкова кар. жер. *Витязь*, отъ Генриада и Феррины, ѣзд. *Фордъ*,

3) Его же, рыж. жер. *Игорь*, отъ Юнгъ-Аргуса и Иды, ѣзд. *Эльвайнсъ*.

Двѣ лошади кн. Салтыкова противъ одной; перевѣсъ былъ натурально, на его сторонѣ; то одинъ, то другой изъ его ѣздоковъ опережали Оксвиля, сбивая его съ толку и беспокоя его лошадь. Витязь, на котораго конечно, было больше надежды, обогналъ наконецъ Лодаря и оставилъ его далеко за собою. Игорь отсталъ еще дальше и Оксвилъ, потерявъ надежду догнать Витязя, отъ флажной бесѣдки шелъ тихимъ галопомъ; въ это время Игорь догналъ его, сравнялся съ нимъ и пошелъ уже мимо; тутъ только опомнился Оксвилъ, спохватился тронулъ Лодаря и легко и быстро обогналъ Игоря.

3-я) Призъ Общества 300 р. с. для лошадей всѣхъ лѣтъ, не пришедшихъ первыми въ Москвѣ на скачкахъ 1859 г. *Дистанц.* 2 с. 100 саж. Вѣсъ на жер. 3 л. 3 п. 5 ф., 4 л. 3 п. 16 ф. 5 л. 3 п. 24 ф., 6 л. 3 п. 30 ф., 7 л. и старѣе 3 п. 34 ф.. на коб. 4 ф. меньше. Число лошадей не ограничивается. Записывать лошадей наканунѣ первой скачки до 12 ч. дня, съ подпискою по 5 р. с., а наканунѣ послѣдней скачки объявить какія лошади скачутъ, со взносомъ за кругъ по 15 р. сер.

Записаны лошади:

1) П. П. Петровскаго, гн. ж. *Вьюнъ*, отъ Грека и Верхославы, 5 л., ѣзд. *Паршиковъ*.

2) П. П. Воейкова, гн. ж. *Концертъ*, отъ Непира и Куницы, 5 л. ѣзд. *Робертъ*.

3) А. Ѡ. Мосолова, гн. к, *Фейеръ-Флай*, отъ Лондона и Легенды, 6 л., ѣзд. *Я. Вудъ*.

Фейеръ-Флай пошла впереди, за нею Концертъ и потомъ Вьюнъ. На второй верстѣ Паршиковъ началъ догонять одного и другого и скоро обошелъ ихъ. Онъ прискакалъ легко и свободно, держа Вьюна на поводьяхъ, тогда какъ Концерта поуждали сильно: Вьюнъ пришелъ впереди лошади на двѣ.

Эти три скачки только увеличивали нетерпѣніе охотниковъ и знатоковъ; потому что главная самал интересная скачка назначена была послѣднею. Здѣсь должны были выказать себя три первыхъ трехлѣтка, — *Нобль*, *Ланша* и *Клара*.

4-я) Призъ Н. А. *Яковлева*, 1500 р. с. для лошадей 3 л., рожденных въ Россіи и за границею. Всѣ на жер. 3 п. 20 ф., на коб. 4 ф. меньше. *Дистанц.* 2 в. 133 саж., скакать въ первое воскресенье послѣ 15 іюня; записка наканунѣ перваго дня московскихъ скачекъ по 150 р. с. неустойки половина наканунѣ скачки; число лошадей не ограничивается (13 подписчиковъ.)

Записаны лошади:

- 1) К. И. Карочарова гн. к. *Предестине*, отъ Сквара и Рулетъ, ѣзд. *Диксонъ*.
- 2) И. П. Петровскаго, гн. к. *Лапта*, отъ Гранита и Лизы, ѣзд. *Оксвилъ*.
- 3) Кн. Д. П. Салтыкова. кар. к. *Клара*, отъ Чантиклира и матери Клариссы, ѣзд. *Эльвайнъ*.
- 4) Его же, гн. жер. *Нобль*, отъ Юнгъ-Аргуса и Наборнъ, ѣзд. *Фордъ*.

Наконецъ на кругъ явились Клара, Нобль и Лапша и еще неизвѣстная публикѣ Предестине. Всѣ были, какъ говорится, очень заинтересованы этою скачкою; судили и рядили, — какая должна выиграть; заключали и составляли пари, кто по статямъ, по ходу лошади, кто по породѣ, по прежней скачкѣ; многіе сердились за каждое промедленіе. Но вотъ поскакали. «Опять двѣ противъ одной!» Говорили державшіе пари за Лапшу. Нобль шелъ впереди, за нимъ Лапша и рядомъ съ нею, то отставая, то обгоняя ее, — Клара. Предестине шла далеко сзади. Когда онѣ въ первый мчались мимо бесѣдки, Лапша скакала съ открытымъ ртомъ, — оттого-ли что рвалась на поводьяхъ, или желая захватить больше воздуха. На послѣднемъ поворотѣ знаменитая Лапша начала отставать, отставать, нѣсколько догнала было Нобля и Клару у флажной бесѣдки, Оксвилъ началъ работать руками, даже махнулъ раза три бичемъ; но видя вѣроятно, что не догнать переднихъ, пустилъ Лапшу вольно и прискакалъ лошадей на пять сзади, — что очень жаль, потому что мы не знаемъ, на сколько она могла бы подвинуться къ первымъ и усилить и ихъ и свою быстроту. Нобль пришелъ первымъ, за нимъ, на полкорпуса, Клара.

Такъ обманула Лапша ожиданія и надежды многихъ! отстать безъ борьбы, такъ далеко! — это казалось или тѣмъ удивительнѣе, что въ этотъ разъ она скакала шестью секундами тише прошлаго раза; стало-быть, еслибы она скакала какъ въ тотъ разъ, то пришла бы по-крайней-мѣрѣ въ 15 или 20 саженьхъ впереди Нобля и Клары; притомъ она пришла совершенно свѣ-

жею и нисколько не запыхалась, тогда какъ Клара и Нобль дышали сильно. Была-ли она въ нерасположеніи (что не рѣдко бываетъ съ лошадьми, особенно съ кобылами), или дѣйствительно тупѣ Клара и Нобль, — сказать покамѣстъ трудно; она легко обскакала Джипси, которая, говорятъ, ни мало не уступаетъ Клара; Оксвиль утверждаетъ, что она въ эти дни нѣсколько ослабѣла ногами, при выдержкѣ; но съ этимъ многие не соглашались; время покажетъ правду. Скакали 2 мин. 51 сек.

Такъ кончилисъ московскія скачки. Тутъ же, когда еще публика не разѣхалась, была еще скачка, — мальчиковъ-скакуновъ, на простыхъ лошадяхъ; эта беспорядочная и живописная скачка всегда очень интересуеетъ московскую публику, точно также какъ и самихъ мальчиковъ, которымъ дается призъ, — первому три руб. сер., остальнымъ, всѣмъ поровну, кажется 75 коп. сер. Выигралъ мальчикъ П. П. Воейкова. Потомъ составили бѣгъ мальчишекъ, тоже на призъ, — однимъ словомъ было скаковое *folle-journée!*

На маленькомъ кругу я разговорила съ однимъ господиномъ и узналъ отъ него кое-что новое и кажется дѣльное, какъ о нашихъ, такъ и объ англійскихъ скачкахъ. Истинныхъ спортсменовъ, говоритъ онъ, мало, и у насъ, и въ Англии, и вездѣ. Въ Англии — больше нежели гдѣ-нибудь, скачки сдѣлались не благородною охотою спортсменовъ, но комерческимъ расчетомъ дѣльныхъ компаний, спекуляціею барышниковъ и разныхъ промышленниковъ, которые думаютъ извлечь изъ лошади только деньги и вовсе не заботятся ни о славѣ, ни о чести, ни объ успѣхѣ дѣла. — «Теперь вѣкъ не тотъ; намъ нужны деньги и деньги; безкорыстно мы не сдѣлаемъ шагу», говорятъ, или по-крайней-мѣрѣ думаютъ, современные, не «господа», но господа промышленники. Вѣкъ все такой же, какъ и прежніе вѣка; подобные люди говорили тоже самое и во всѣ времена; и точно также есть и въ наше время люди съ душою, которые не увлеклись современнымъ корыстнымъ и промышленнымъ духомъ, и торжество науки и убѣжденія, однимъ словомъ — торжество своего дѣла, считаютъ важнѣе прибыли. Вѣкъ не оправдываетъ всего. Истинный спортсманъ, лордъ или простой фермеръ, заботится не о выигрышѣ приза; онъ радуется даже когда проиграетъ, если чужая выигравшая лошадь *по породѣ должна была выиграть*; тогда для него — торжество дѣла, знанія, науки.

Корыстное или, какъ его называютъ, поблаговзвучнѣе, — практическое, направленіе, проявляется вездѣ и въ скачкахъ и

даже въ охотѣ. Отъ цѣли скачекъ многіе отклонились безъ церемоніи; скачки для нихъ не экзаменъ лошадей для вѣрной оцѣнки будущихъ производителей; но средство достать побольше денегъ. Даже богатые люди, имѣющіе скаковыхъ лошадей, только и думаютъ о выигрышѣ... это тоже, конечно, своего рода увлеченіе. И въ этомъ увлеченіи они не пренебрегаютъ никакими дозволенными средствами чтобы получить призъ, — средствами, отъ которыхъ истинный спортсманъ откажется... Но объ томъ надобно говорить много или ничего не говорить.

Вникнувъ во все, написанное въ этомъ письмѣ, вы легко можете составить себѣ слѣдующій выводъ.

1) На призъ «съ формами верховыхъ,» куда допускаются лошади всѣхъ породъ, не явилось ни одной лошади другой породы, кромѣ англійской кровной и потому можно думать, что убѣжденіе въ ихъ превосходствѣ распространяется въ Россіи.

2) Больше всѣхъ призовъ взялъ кн. Салтыковъ, потомъ кн. Голицынъ и И. П. Петровскій и стало быть лошади ихъ, или лучше, или сбережены лучше, или совершеннѣе выдержаны.

3) Ъздоки у всѣхъ г. коннозаводчиковъ, за исключеніемъ г. Карачарова, были Англичане, что дѣлаетъ честь Англичанамъ, а не намъ, которые до-сихъ-поръ не могли выучить скакать своихъ людей *).

4) Лучшія современныя лошади, изъ трехлѣтковъ: *Нобль*, *Клара*, *Лаша* и *Джипси*; изъ четырехлѣтнихъ: *Арзасъ* и *Влстунъ*. Изъ старыхъ: *Баллада*, *Цапля*, *Белладона* и *Страусъ*. Которая же лучшая изъ этихъ лучшихъ?...

б) Происхожденіе этихъ, лучшихъ лошадей слѣдующія:

Баллада отъ Непира и Бодрой.

Белладона — Антика и Бодрой.

Цапля — Сигнала и Центурія.

Страусъ — Лондона и Леры.

Лаша — Гранита и Лизы.

Клара — Чантиклира и матери Клариссы.

Нобль — Юнгъ-Аргуса и Наборнъ.

---

*) Спѣшу замѣтить, что у кн. Голицына, И. П. Петровскаго и К. И. Карачарова — тренеры, т. е. приготовляющіе къ скачкѣ лошадей, Русскіе. У кн. Голицына *Константинъ*, у г. Петровскаго *Гаврило Чиканъ*, у Карачарова *Федоръ*; а кн. Голицынъ и г. Петровскій взяли призовъ больше другихъ, за исключеніемъ кн. Салтыкова. Константинъ и Гаврило вывели *Арзаса*, *Цаплю* и *Лашу*.

Джипси — Генріада и Гишпоны.

Арзась — Галантуса и Альвы.

Къ этому выводу я долженъ прибавить то, чего въ письмѣ не видно, а именно: что эти лучшія лошади происходятъ отъ жеребцовъ своихъ заводовъ, а не отъ англійскихъ (за малыми исключеніями) и что происходяція отъ выписныхъ изъ Англій жеребцовъ, какъ напр. отъ Женеераль-Шассе, Флай и Дочмана *), Генріада, и пр. постоянно проигрывали своимъ.

Наконецъ, нельзя не замѣтить, что молодые охотники и заводчики наши превзошли почти всѣхъ старыхъ.

О. П.-И.

Москва. 25 іюня 1859 г.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Сборы. — Кулербергъ до 12 часовъ вечера. — Кулербергъ за полночь. — Открытіе памятника Императору Николаю I. — Баронъ Клодтъ и Рамазановъ. — Художественныя выставки г. Зміоски. — Гулянья по водѣ. — Гонка судовъ. — Новый яхтъ-клубъ. — Гулянья на землѣ. — Смерть Фалѣва. — Два слова о Дюпре. — Отстройка Театра-Цирка. — Благотворительное гулянье въ Полуостровѣ.

— Каролнна Карловна! Machen sie mir eine Schleife, говоритъ Карлъ Ивановичъ Кукенгеймъ, извѣстный портной изъ Нѣмцевъ.

— Mit grossem Vergnügen, отѣчаетъ покорная супруга.

За словомъ слѣдуетъ дѣло и Карлъ Ивановичъ съ удовольствіемъ видитъ въ небольшомъ зеркалѣ, что его желтый, съ красными разводами, галстухъ повязанъ прелестнѣйшимъ бантомъ, на удивленіе всѣмъ щеголямъ портняжнаго цѣха. Видитъ Карлъ Ивановичъ, что стоитъ ему надѣть рыжеватый парикъ, сѣрое пальто и соломенную фуражку, и онъ будетъ великолѣпенъ, не смотря на кривыя ноги. Карлъ Ивановичъ готовъ; не готова еще Каролина Карловна.

— Карлъ Ивановичъ, взываетъ она, — machen sie mir das Kleid zu.

— Mit grossem Vergnügen, говоритъ Карлъ Ивановичъ и, заигрывая съ Каролинной Карловной, прибавляетъ — ви коропеньки.

*) Фл. Дочманъ не купленъ, но дѣти его скакали у насъ.

- Ви сама корошеньки.
- Нѣтъ, я не корошеньки, а, ви корошеньки.
- Ви, всегда глупости болтовать любите.

Карлъ Ивановичъ почему-то самодовольно хохочетъ, потирая руки и нѣжно поглядывая на бюстъ Каролины Карловны, развѣтый до крайнихъ предѣловъ возможности, а она, Каролина Карловна, грозитъ, но съ такимъ видомъ, по которому ясно видно, что она въ эту минуту довольна.

На дворѣ стоитъ телѣжка, нагруженная съѣстными припасами, простынями, подушками и одѣялами. Весело и мирно выходитъ счастливая чета изъ дому, Карлъ Ивановичъ съ трудомъ посадилъ Каролину Карловну въ телѣжку, самъ влѣзъ туда, тронулъ возжи и старая лошаденка поплелась, потряхивая головой и помахивая жиденькимъ хвостикомъ..... Проѣзжая по Гороховой, Карлъ Ивановичъ указалъ на большой, желтый домъ безобразнѣйшей архитектуры, какихъ въ Петербургѣ очень много, и напомнилъ Каролинѣ Карловнѣ, что тутъ живетъ Адамъ Адамовичъ Книперъ.

Адамъ Адамовичъ Книперъ — сапожникъ, длинный, сухощавый Нѣмецъ, свирѣпаго и мрачнаго характера, веселый и нѣжный только въ пьяномъ видѣ. Жена его, Дарья Ивановна, извѣстна цѣлому кварталу своимъ безобразіемъ, строптивостью и частыми драками съ мужемъ. Въ ту минуту, какъ счастливый Карлъ Ивановичъ указывалъ Каролинѣ Карловнѣ на желтый домъ, Адамъ Адамовичъ и Дарья Ивановна дрались съ ожесточеніемъ пѣтуховъ. Адамъ Адамовичъ говорилъ, что надо взять съ собой водку, а Дарья Ивановна стояла за кофе. Утомившись нѣсколько, они рѣшили взять и то и другое и перебраниваясь отправились къ заранѣ нанятой лодкѣ; тамъ Адамъ Адамовичъ въ самое короткое время пришелъ въ нѣжное и веселое расположение духа.... Плыли они туда-же, куда потащился и Кукуенгеймъ съ супругою....

Много ѣхало и шло добрыхъ Нѣмцевъ и Русскихъ по одному и тому-же направленію. Ъхалъ переплетчикъ — страшный волокита, осыпаемый укорами, предостереженіями и угрозами ревнивой жены. Ъхалъ мрачный и насупившійся булочникъ съ вертлявой женой, о которой сосѣдки рассказывали множество скандальныхъ исторій. Ъхали прикащики съ милосердными барышнями; управляющіе фабриками и заводами. Плелась такъ-называемая мастеровщина. Ъхали чиновники, артисты, студенты, гимназисты; нарумяненные барышни, съ привѣтливими и обод-

рительными улыбками.... Было 23-е іюня, т. е. канупъ Иванова дня; Крестовскій островъ предлагалъ радушіе и гостепрѣимство петербургскимъ гулякамъ — Нѣмцамъ и Русскимъ. Бывали-ли вы когда-нибудь на этомъ гуляньѣ; бывали-ли вы когда-нибудь на *Кулербертъ*? Видѣли-ли вы неустойчивую, бѣшеную веселость Нѣмца и неистовый разгулъ русскаго человѣка? Вѣроятно, нѣтъ, а жаль. Это единственное изъ всѣхъ петербургскихъ гуляній, имѣющее рѣзкій, даже чересчуръ рѣзкій и своеобразный характеръ. Тутъ уже не спросишь: кого хоронятъ?..

Часовъ съ восьми вечера и до двѣнадцати дѣло идетъ на Кулербергѣ обыкновеннымъ, офиціальнымъ, петербургскимъ порядкомъ. Гуляющіе толкуются довольно-монотонно по мѣсту подъ звуки двухъ, трехъ оркестровъ военной музыки. Развеселые господа, будущіе вожаки разгула и всякихъ неистовствъ, постепенно отравляются алкоголемъ, подготавливая себя къ предстоящему кутежу. Люди, одаренные нѣсколько-аристократическимъ взглядомъ на міръ Божій или скромные по натурѣ, благоразумно удаляются во-свои, поглазѣвъ на пеструю толпу и наслушавшись всласть военной музыки. Многое множество народа наполняетъ русскій трактиръ, наслаждаясь, смотря по вкусу и наклонностямъ, или просто чаемъ, или чаемъ, съ приправою горячительныхъ напитковъ, или этими напитками безъ чаю, или необыкновеннымъ искусствомъ извѣстныхъ канатныхъ виртуозовъ знаменитаго семейства Вейнертъ или, наконецъ, дикою музыкою арфистокъ. Съ арфистками этими повторяется вотъ уже нѣсколько лѣтъ одна и та-же исторія. Пока онѣ коверкаютъ какую-нибудь польку или романсъ, густая толпа слушателей стоитъ предъ эстрадой, но только кончилась музыка и одна изъ прелестныхъ артистокъ возьметъ въ руки ноты для собиранія добротныхъ даяній, толпа разсыпается горохомъ въ разныя стороны и каждый диллетантъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ притворяться, что онъ вовсе не слушалъ музыки. Между народомъ, наполняющимъ довольно-грязныя и дымныя комнаты русскаго трактира, особенно-рѣзко кидается въ глаза подкутившій купеческій сынокъ, окруженный прихлебателями. Тароватый амфитріонъ сыплетъ деньгами, ругательствами и сквернѣйшими остротами. Шумъ и крикъ заглушаютъ и раздражающую нервы арфу и пронзительную флейту и фальшивую скрипку. Безтолковая прислуга суетится и бѣгаетъ. Блюстители общественнаго порядка и благочинія, съ сухими, форменными физиономіями, шныряютъ съ похвальнымъ намѣреніемъ выказать свою бдительность и

усердіе. Отъ времени до времени слышатся звуки разбиваемой посуды....

Между-тѣмъ наступаетъ полночь; гулянье въ лѣсу разгарается и принимаетъ, наконецъ, свой настоящій видъ. Лѣсъ превращается въ цѣлый адъ, гудитъ и стонетъ; пѣсни, музыка, заываніе шарманки, крики, свистъ и тысяча разнообразныхъ звуковъ сливаются воедино, и надо имѣть очень-крѣпкіе нервы, чтобы рѣшиться вступить въ этотъ стенищій дикимъ разгуломъ лѣсъ. Костры, разложенные по берегу какого-то ручья, пылаютъ ярко и, мѣшаясь съ полусвѣтомъ петербургской ночи, представляютъ поразительно-эффектную картину; народъ кишитъ пестрыми муравейникомъ. Весь гуляющій людъ становится бѣсноватымъ; самая полиція опускаетъ руки, въ оуптѣніи, передъ этимъ неудержимымъ и широкимъ разгуломъ. На Кулербергъ взбираются дѣти и старики, дѣвушки и старыя бабы, сбѣгаютъ внизъ, кувыркаются, падаютъ, кричатъ и хохочутъ. Нѣсколько удалцевъ съ полнымъ усердіемъ скачутъ черезъ костры, другіе пробираются по какой-нибудь сваленной березѣ черезъ ручей, обрываются и падаютъ въ воду при неистовыхъ крикахъ, свистѣ и рукоплесканіяхъ многочисленныхъ зрителей. Въ одножъ мѣстѣ шарманкѣ вторитъ, надрываясь, кларнетъ; въ другомъ, съ цѣлю привлечь вниманіе почтенной публики, гремятъ бубны. Тамъ мужикъ, лѣтъ сорока, гигантскаго роста и геркулесовскаго сложенія, въ трико грязнаго и подозрительнаго свойства, кувыркается и ломается съ легкостью пятнадцатилѣтняго мальчишки; здѣсь маленькая дѣвочка, измученная и можетъ-быть голодная, толчется апатически на одномъ мѣстѣ, подъ слабые и наводящіе уныніе звуки шарманки. *Петрушка* потѣшаетъ толпу, передѣлывающая барана въ болвана, квартальнаго въ хватальнаго и т. п. Родительница изъ Нѣмокъ, а можетъ-быть и не родительница, тащитъ шарманку и груднаго ребенка, потому-ли, что его негдѣ оставить или съ цѣлю возбудить общее участіе. Нѣкоторыя изъ промышленницъ этого сорта доходятъ дотого, что вывозятъ, съ шарманкой, калѣкъ и уродовъ. Православный людъ закатываетъ во все горло пѣсни. Богѣ-скромные Нѣмцы импровизируютъ вокальные квартеты и квинтеты, въ которыхъ подгулявшій первый теноръ выводитъ самыя невѣроятныя нотки и вретъ съ отчаянною безсовѣстностью, въ чемъ весьма-усердно помогаютъ ему и остальные пѣвцы. Невозможно, чтобы дѣло обходилось безъ непріятныхъ исторій; порой завязывается рыцарская схватка за прелестную даму сердца; порой драка воз-

някаетъ просто изъ толчка. Тамъ, глядишь, какой-нибудь господинъ, потерявъ въ пьяномъ видѣ часы, привязывается, безъ всякаго основанія, къ бѣдняку и оборванцу, торжественно обвиняетъ его въ воровствѣ. Бѣднякъ робѣетъ, какъ не робѣтъ бѣдняку, вѣчно-обижаемому и забитому; привязавшійся ни съ того, ни съ другого господинъ даетъ невинному бѣдняку затрещину, безсмысленная толпа, жадная ко всякимъ скандаламъ и побойщамъ, принимаетъ его сторону и на заподозрѣннаго бѣдняка сыплется градъ ударовъ, подъ которымъ онъ падаетъ въ безсиліи. Правосудная полиція, не избѣгшая праздничныхъ искушений, твердая въ своихъ всѣмъ извѣстныхъ принципахъ, но нетвердая на ногахъ; накидывается на окровавленнаго бѣдняка и чинитъ надъ нимъ пьяную, неправую расправу, получивъ нѣкоторую толику отъ обвинителя. Не такъ дѣйствуетъ истинный воръ. Онъ вытаскивъ часы, его поймали и поколотили, поколотитаки порядочно; все время онъ притворялся пьянымъ; но какъ только кончилось побойще и хозяйинъ часовъ; удовлетворенный повидимому, хочетъ удалиться, сказавъ вору:

— Ну, чортъ съ тобой, ступай себѣ на всѣ четыре стороны; съ полиціею не хочу я связываться.

Воръ трезвъ и, хватая за руку хозяина часовъ, говоритъ:

— Нѣтъ, позвольте, вы не можете самоуправничать и драться; я васъ не отпущу, пусть насъ разсудитъ начальство.

И можно впередъ сказать, что обкраденный поплатится.... Вообще должно сознаться откровенно, что полиція наша не отличается особеннымъ правосудіемъ и не пользуется общественнымъ довѣріемъ.... Но, въ сторону предметы, вызывающіе на размышленіе, обратимся къ предметамъ игривымъ и веселенькимъ. Вотъ у одного изъ тѣхъ оркестровъ, которые шатаются по петербургскимъ дворамъ, собрались охотники и охотницы потанцевать. Это по большей части тѣ ловкіе кавалеры и тѣ прелестныя барышни, которыхъ такъ часто *выводятъ* изъ маскарадовъ въ шустерь-клубъ. Танцоры вносятъ музыкантамъ по 10 коп. сер. съ пары и составляютъ кадрили, кадрили весьма игривый, оживленный канканами и другими любопытными прибавленіями. Вертлявыя барышни выплясываютъ съ жаромъ, а ловкіе кавалеры ихъ выкидываютъ такія колѣнца, что зрители только ахаютъ да радуются. Нерѣдко особенно-отчаянная пара заносится съ такимъ азартомъ, что вышибаетъ инструменты у музыкантовъ, валитъ ихъ съ ногъ и сама падаетъ на землю, вызывая хохотъ и громкое одобреніе окружающей толпы. Въ

числѣ танцоровъ вы нерѣдко увидите чиновника, студента съ ботанической сумкой черезъ плечо и военнаго писаря-любезника, путающаго всѣ фигуры и сбивающагося ежеминутно на трепакъ. Танцорки представляютъ также довольно-пеструю смѣсь, напоминающую смѣсь покойника «Пантеона»: тутъ встрѣчаются и шелковыя и ситцевыя платья; шляпки и платочки; свѣженькія личики и хари густо-намазанныя бѣлками и румянами; бойкія канканерши и скромныя барышни, повидимому только-что начинающія изучать тайны кадрили. Иногда въ самомъ разгарѣ танца оскорбленная дама съ ругательствами бросаетъ своего нескромнаго кавалера и выходитъ изъ круга. Покинутый кавалеръ, принимая въ соображеніе, что онъ внесъ 10 коп. сер., доканчиваетъ кадрили одинъ, стараясь отсутствіе дамы замѣнить удвоеннымъ собственнымъ рвеніемъ. Разговоры всѣхъ этихъ дамъ и этихъ кавалеровъ подслушать трудно; только урывками долетаютъ до слуха кое-какія фразы:

- Перестаньте, пожалуйста, вы забываетесь.
- Помилуйте-съ, какъ это можно.
- Ахъ, какъ весело.
- А тамъ будетъ еще веселѣе.
- Мужчины всѣ обманщики.
- Зачѣмъ-же обманывать.
- Что ты, чортъ, толкаешься?
- Самъ шѣртъ.
- Вы ужъ, кажется, вспотѣли.
- Да-съ.
- Ach! mein Gott, mein Gott!
- Machen sie kein Scandal!
- Разступись, народъ, капитанъ идетъ!
- Ach, lassen sie mich!
- Ахъ, что это вы? ахъ, какъ вамъ не стыдно....

Такихъ кадрили вы найдете съ десятокъ, если не болѣе, ни мокрая трава, ни кочковатая почва, — ничто не останавливаетъ отважныхъ танцоровъ. Порой являются господа, желающіе отличиться оригинальностью; они нанимаютъ оркестръ музыки съ тѣмъ, чтобы онъ, играя, слѣдовалъ за ними. Подъ навѣсомъ простынь, женскихъ платковъ или просто подъ чистымъ небомъ истребляется водка, вино, кофе, чай и закуски. На круглыхъ качеляхъ, верхомъ на маленькихъ, деревянныхъ лошадкахъ пресерьезно катаются большіе и пьяные дураки. Ревность, любовь, дружба, ссоры, драки, зависть, словомъ, все изъ города перенос-

сится въ это время на Крестовскій островъ и все принимаетъ богѣе откровенный, богѣе шумный характеръ. Лѣсъ кипитъ жизнью и пьянымъ языческимъ разгуломъ. Не будетъ, кажется, и конца этому празднику!... Но вотъ, часу въ пятомъ утра, костры гаснутъ одинъ за другимъ, музыка смолкаетъ. Какъ снопы валятся пьяные на сырую землю; утомились самые неустойчивые; слышно въ разныхъ сторонахъ мычаніе и брань. Тише и тише становится съ каждой минутой. Многие уже погрузились въ глубочайшій сонъ; порой гдѣ-нибудь раздается женскій визгъ, почему онѣ визжать — Богъ ихъ знаетъ; здѣсь и тамъ, между деревьями, мелькаютъ какъ безпокойныя привидѣнія, которыхъ земля не принимаетъ, будочники, городовые и т. д. по восходящей линіи. Засыпаютъ, наконецъ, самые неугомонные гуляки; засыпаютъ съ тѣмъ, чтобы завтра, опохмѣлившись, начать кутежъ снова и только ночью уже возвратиться къ семейному очагу или къ верстаку, съ головною болью и вообще со всѣми страданіями, такъ хорошо извѣстнымъ нашему мастеровому люду. Иванъ Купало отпразднованъ, надо приниматься за работу.

Представляя этотъ слабый очеркъ этого языческаго праздника въ Петербургѣ снисходительному вниманію моихъ читателей, я обращаюсь къ своему дѣлу, т. е. перечню городскихъ новостей.

Главную и общентересную между ними составляетъ въ послѣднее время открытіе коннаго монумента Императору Николаю I-му происходившее 25 іюня. Въ художественномъ исполненіи этого монумента участвовали архитекторъ Монферанъ, профессора Императорской Академіи Художествъ — баронъ Клодтъ, Рамазановъ и академикъ Залеманъ. Первому изъ нихъ принадлежитъ каменный пьедесталъ эллиптической формы изъ краснаго финляндскаго гранита, шоханскаго порфира темно-малиноваго цвѣта и бѣлаго итальянскаго мрамора съ цоколями изъ сѣраго сердобольскаго гранита. Барону Клодту изваяніе самой статуи, г. Рамазанову барельефы, а г. Залеману колоссальныя фигуры правосудія, силы, мудрости и вѣры, изображающія необыкновенно сходныя черты вдовствующей Государыни Императрицы и Великихъ Княгинь Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ. Памятникъ этотъ, обошелся въ 753,000 руб. сер. и исполненъ чрезвычайно скоро, менѣе чѣмъ въ три года. Нельзя не удивляться этому, принимая въ соображеніе его громадность, простирающуюся до 22 аршинъ высоты, межъ тѣмъ какъ на исполненіе памятника Фридриха Великаго въ Берлинѣ, имѣющаго высоты только

19 аршинъ было употреблено двѣнадцать лѣтъ. На статую пошло до 1,300 пудовъ металла, который при первой отливкѣ прорвалъ форму, какъ случилось это и при отливкѣ Фальконетомъ статуи Петра Великаго. Я полагаю, что читателямъ будетъ не безъ интересно прослѣдить со мною вкратцѣ художественную дѣятельность главныхъ участниковъ въ исполненіи монумента, Барона Кюдта-фонъ-Юргенсбурга и Н. А. Рамазанова.

Баронъ Петръ Карловичъ Кюдтъ-фонъ-Юргенсбургъ, сынъ заслуженнаго генерала, сдѣлался художникомъ по любви и призванію еще будучи артиллерійскимъ офицеромъ, и вскорѣ своими первыми произведеніями обратилъ на себя особенное вниманіе покойнаго Государя Императора, давшаго молодому художнику средства посвятить себя на полное изученіе безкорысно любимаго имъ искусства. Баронъ вскорѣ доказалъ, что брошенное сѣмя пало не на бесплодную почву. Русская скульптура и литейное дѣло обязаны ему громадными конными статуями на Анничковскомъ мосту, огромнымъ барельефомъ, изображающимъ всѣ возрасты лошади на фронтонѣ флигеля примыкающаго къ мраморному дворцу, памятникомъ св. великому князю Владиміру, на Крещатикѣ, въ Кіевѣ, статуей баснописца Крылова въ Лѣтнемъ саду, громадными барельефами Исакиевскаго собора и, наконецъ, колоссальной статуей Императора Николая I-го.

Николай Александровичъ Рамазановъ, товарищъ Ставассера, Иванова (скульптора) и Климченко, замѣчательнѣе своими статуями Фавна съ козленкомъ и Милона Кротонскаго, Нимфой, ловящей на плечѣ своею бабочку, и группой Сатира и Нимфы, которые онъ исполнилъ въ Италіи и имѣлъ счастье представлять покойному Государю Императору, во время путешествія его по Италіи въ 1845 году. Г. Рамазанову принадлежатъ также огромные бюсты Державина и Карамзина, поставленныя на памятникахъ ихъ въ Казанѣ и Симбирскѣ. Исчислять прочія, многочисленныя скульптурныя произведенія Рамазанова не позволяютъ тѣсныя рамки нашей хроники. Для Памятника Императора Николая I-го исполнены имъ три барельефа, изображающія событія 1825, 1831, и 1851 года, возмущеніе 14 декабря, волненіе черни на Сѣнной въ холерную эпидемію и открытіе Веребинскаго моста на Николаевской желѣзной дорогѣ. Баронъ Кюдтъ и Рамазановъ, по высочайшему повелѣнію, исполняютъ теперь модели огромныхъ барельефовъ для храма Спасителя въ Москвѣ. Рамазанову, замѣчательному по таланту композиціи, предстоитъ въ настоящее время особенный случай выказать всю силу своего артистиче-

скаго дарованія надъ исполненіемъ громаднaго барельефа «Сoшествіе Христа Спасителя въ адъ»; сюжетъ этотъ до-сихъ-поръ не былъ еще трактованъ ни однимъ изъ русскихъ скульпторовъ.

Коснувшись художествъ полагаю не лишнимъ прибавить извѣстіе объ очень счастливомъ для нашихъ художниковъ предпріятіи италіянца Зміоски, флорентинскаго живописца, который устроилъ постоянную выставку картинъ въ Варшавѣ, открывшуюся перваго марта прошлаго года. Мысль эта осуществилась въ настоящее время въ большихъ и прочныхъ размѣрахъ и имѣетъ цѣлю распространить въ публикѣ вкусъ и любовь къ изящнымъ искусствамъ и давать какъ русскимъ такъ и иностраннымъ художникамъ случай и средства продавать свои произведенія; покупать картины и разыгрывать ихъ въ лоттерейхъ между подписчиками. Подписчики раздѣляются на два разряда: въ первомъ платятъ 10 руб. сер. въ годъ съ правомъ билета для входа и двухъ билетовъ на лоттерею. Подписчики втораго разряда, платяще 6 р. въ годъ, получаютъ билетъ для входа и одинъ лоттерейный билетъ. Каждый изъ подписчиковъ, имѣющій старинныя или новыя произведенія искусствъ, имѣетъ право выставить и продавать на ряду съ принадлежащими обществу. Половина денегъ, внесенныхъ подписчиками, назначается на покупку картинъ для розыгрыша въ лоттерейхъ; другая на издержки требуемыя выставкой за проданныя картины берется пять процентовъ на содержаніе заведенія. Послѣ успѣшнаго хода дѣла въ Варшавѣ, Зміоски отправился въ Кіевъ и въ залахъ Университета св. Владиміра открылъ первую провинціальную художественную выставку въ Россіи. Подобныя выставки г. Зміоски намѣренъ учредить и въ другихъ городахъ Россіи, сперва въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Государь Императоръ, Государыня Императрица и всѣ особы Императорскаго дома (какъ напечатено въ Journal de St. Pétersbourg) очастливили Зміоски, украсивъ списокъ его подписчиковъ своими именами. Давно бы пора подумать о благородной, высоко-самоотверженной кастѣ художниковъ, которымъ между могучимъ талантомъ и нищетою остается одинъ исходъ, одна спокойная приставъ — могила гдѣ-нибудь въ третьемъ болотномъ разрядѣ общечеловѣческихъ петербургскихъ непробудныхъ усыпальницъ. Выставки подобнаго рода будутъ для художниковъ также нѣчто въ родѣ того благодѣтельнаго литературнаго фонда, за который принялись было въ первое время съ такою горячностію, ограничившуюся впрочемъ только одними словами. Мы вообще богаты на затей, любимъ поговорить, а какъ

дойдетъ до дѣла — махнемъ рукой и прекрасная мысль пропадетъ безъ дѣла.

Гулянья идутъ своимъ чередомъ; гуляетъ Петербургъ и по землѣ и по водѣ. Послѣднія играютъ даже довольно важную роль въ нашей общественной жизни; они съ каждымъ годомъ, при развитіи пароходныхъ сообщеній принимаютъ болѣе и болѣе правъ гражданственности. И по моему мнѣнію это очень естественно. Какъ не развиться въ петербургскомъ жителѣ страсти къ водѣ, когда съ одной стороны города Финскій заливъ, съ другой Нева съ притоками и наконецъ Ладожское озеро, съ его ситами, конями и богомольствомъ на Коневцѣ и Валаамѣ.

Петербургъ, лѣтомъ, обращается въ временную Венецію. Давно ли было, наприимѣръ, состязаніе Невскихъ яликовъ, гдѣ первенство получили перевозчики содержателя легкаго невскаго пароходства В. И. Тайвани, какъ за ними тотчасъ послѣдовало болѣе серьезное состязаніе судовъ Яхтъ-Клуба, огибавшихъ островъ Нерву. На состязаніе были записаны яхты: Государя Императора — «королева Викторія;» «Никса,» Государя Наслѣдника Цесаревича; «Волна,» его императорскаго высочества генералъ-адмирала; «Джоржіанъ,» дворянина Берда; «Вѣтка» — гг. Метлевыхъ, «Заря» графовъ Рибопьера и Александра Григорьевича Строгонова. Гонка началась съ большаго Кронштадскаго рейда на пространствѣ по прямому пути 106 итал. миль. Призь выиграла яхта «Волна» пришедшая въ тотъ же день въ 10 часовъ, 17 минутъ, 17 секундъ по полудни. За нею слѣдовалъ Джоржіанъ, потомъ «Вѣтка», «Никса,» «Королева Викторія» и «Заря» пришедшая 16 числа въ 1 часъ 15 минутъ.

Носятся слухи, что между любителями водяныхъ путешествій устраивается еще другой частный Яхтъ-Клубъ на малыхъ судахъ, съ подпиской по 10 руб. сер. въ годъ, гдѣ будутъ преподавать основныя правила управленія парусами и всего того, что касается до научной части правильнаго управленія мелкими судами, во время бури: учрежденіе подобныхъ обществъ очень благотельно и можетъ предотвратить не мало несчастныхъ случаевъ, повторяющихся почти каждое лѣто. Съ развитіемъ любви къ рѣчной навигаціи увеличится, разумѣется, и число опытныхъ шкиперовъ, которыхъ такъ часто недостаетъ на купеческихъ судахъ, приходящихъ въ Петербургъ съ Ладожскаго озера.

Тони любимое лѣтнее развлеченіе извѣстнаго класса петербургскаго общества, преимущественно богатыхъ купеческихъ сынковъ и прикащиковъ ихъ батюшекъ. Остынетъ дневный

жарь, потемнѣеть небо и веселая толпа, въ сообществѣ прекраснаго пола, отправляется на яликахъ на самую оконечность такъ называемаго *взморья*, гдѣ (между нами сказать) почти на каждомъ шагу можно сѣсть на мель, на знаменитые «Козлы», на которыхъ, кромѣ осетра и стерляди, гостей также рѣдко выдаемыхъ въ невскихъ водахъ какъ появленіе въ Петербургѣ бѣлаго слона, — содержатели тоней преискренне желаютъ посѣтителямъ всевозможнаго счастья, въ лососяхъ, сигахъ, но болѣе всего, къ несчастію, въ мелкой рыбицѣ, отнесенной естествоиспытателями къ разряду, неупотребляемой лѣтомъ корюшки, лилипутской ряпушки и безвинно угнетаемой тенетами колюшки. И такова разгульная щедрость русской купеческой природы, что на этихъ тоняхъ оставляются за ночь по нѣскольку сотенъ рублей, изъ-за одного удовольствія полакомиться на другой день тощимъ запасомъ рыбы пойманной на счастье. Не знаю, кто пустилъ въ міръ Божій неопровержимую истину, что охота пуще неволи и эта истина какъ нельзя очевиднѣе сбывается на дачникахъ: у береговъ, подъ мостиками, на пристаняхъ, всюду встрѣтите вы добровольныхъ мучениковъ уженья, съ верблужимъ терпѣніемъ просиживающихъ долгіе часы надъ разными Невками. Да впрочемъ, что большой части изъ нихъ и дѣлать, въ ожиданіи вечера, съ его дачною музыкой, цыганами и другими разными придаточными. Вечеръ, это праздникъ для всѣхъ островитянъ; куда не повернешь ухо, отовсюду доносятся стройные звуки оркестровъ, со всѣхъ оконечностей горада несутся сплошные ряды экипажей, мелькаютъ прекрасныя и невзрачныя фізіономіи и стоитъ по дорогѣ наметъ отъ пыли. Минеральныя воды и *Monde brillant*, возстановленный предприимчивымъ г. Излеромъ, какъ и въ прежніе годы, преимущественно собираютъ обильную дань съ чающихъ лѣтнихъ увеселеній. Магнитомъ большинства служить въ нынѣшній сезонъ *Monde brillant* цыганка московскаго хора, Маша красоты довольно привлекательной въ своемъ родѣ. Что еще особенно новаго готовятъ увеселительныя заведенія острововъ неизвѣстно, но уже приближается срокъ темныхъ вечеровъ и слѣдовательно и увеселительныхъ ночей подъ разными заманчивыми названіями. Поговаривали еще будто великодушный И. И. Излеръ намѣревался самъ совершить воздушное путешествіе изъ своего сада для удовольствія публики, да, ловите ваши дни, какъ Горацій, почтеннѣйшіе петербургскіе дачники:

Пока мѣстъ наслаждайтесь ею,
Сей легкой жизнию, друзья!

ибо земное бытіе скоротечно, какъ изволите знать и вы и я. Почти каждый день истину эту подтверждаютъ примѣры неожиданныхъ утратъ людей, которые восхищали насъ или своею изобрѣтательностію или неотъемлемымъ талантомъ среди какихъ бы невзрачныхъ обстановокъ ни проявлялся онъ. Къ числу подобныхъ утратъ принадлежитъ смерть артиста Императорскихъ театровъ г. Фалѣева. А мѣсто его было неблестящее: онъ постоянно игралъ только роли слугъ, но игралъ ихъ съ такимъ совершенствомъ, что врядъ-ли скоро наши театралы увидятъ достойнаго ему преемника. Быть можетъ нѣкоторые замѣтятъ при этомъ: да чтожъ тутъ особенно труднаго выполнить роль слуги? Какой особенный интересъ можетъ придать любой піесѣ вѣрное и отчетливое воспроизведеніе такого ничтожнаго лица? Вмѣсто отвѣта на это приведу фактъ. Въ извѣстной французской комедіи «La demoiselle villageoise» роль слуги, которому приходилось сказать всего едва нѣсколько стиховъ, долго проходила незамѣченною. Однажды знаменитый Дюпре вызвался по капризу исполнить эту роль и держалъ пари, что истинный артистъ можетъ возвысить все «до перла созданія», какъ выразился Гоголь; Дюпре является на сцену и встрѣчается съ молодой крестьянкой, которой онъ долженъ былъ только замѣтить:

Ces paroles, ce langage —
Vous n'êtes pas née au village!

Его предшественники не присоединяли никакой мимики къ этой короткой фразѣ. Геній Дюпре понялъ, что этого было мало для проясненія личности главнаго лица піесы. По мѣрѣ того, какъ мнимая крестьянка начинаетъ говорить съ нимъ, вольная, безцеремонная поза стараго слуги измѣняется. Станъ его выпрямляется, руки почтительнѣй и почтительнѣй падаютъ внизъ и съ послѣднимъ словомъ онъ уже съ уваженіемъ обнажаетъ предъ бѣдно одѣтой дѣвушкой свою сѣдую лысую голову. Взрывъ рукоплесканій заглушилъ монологъ Дюпре. Піеса выиграла на сто процентовъ.

Сколько разъ такимъ же образомъ помогалъ успѣху и Фалѣевъ. Онъ умеръ въ недостаточномъ состояніи. Безкорыстно преданный своему призванію, никогда ничего не требовалъ онъ отъ дирекціи, кромѣ вставки на казенный счетъ верхней и нижней челюсти зубовъ, безъ которыхъ пришлось бы ему и голодать и шепелявить предъ александрийскою публикой. Коснувшись театровъ, добавлю, что отстройка Театра-Цирка быстро подвигается впередъ и къ зимнему сезону вѣроятно окончится, для

представлений русской оперы, а покуда на лѣтнее время, вся сценическая дѣятельность сосредоточивается въ Каменно-островскомъ театрѣ.

Я чуть было не забылъ сказать, что въ Полуостровѣ, на островѣ Тиволи было недавно устроено гулянье въ пользу пострадавшихъ отъ пожара на Пескахъ. Прелестныя обитательницы полуостровскихъ дачъ взяли на себя продажу билетовъ. Очень естественно, что билетъ изъ дамской ручки цѣнился очень дорого. Были правда грубіяны, которые не трогались ни красотою продавщицъ, ни высоко-филантропическою цѣлью гулянья и требовали законнымъ порядкомъ сдачи... Это ужасно, mesdames, не правда-ли? Мнѣ рассказывали, что кто-то изъ посѣтителей далъ двадцати-пяти рублевую депозитку.

— Вы, конечно, сказала прекрасная блондинка, кокетливо и приятно улыбаясь щедрому посѣтителю — жертвуете все это несчастнымъ; благодарю васъ отъ ихъ имени.

Посѣтитель нѣсколько поморщился и запинаясь отвѣтилъ:

— Да... жертвую... но позвольте мнѣ хоть нѣсколько мелочи на извозчика, я живу отсюда очень далеко, пѣшкомъ дойти нѣтъ возможности, даже ради такого прекраснаго дѣла, въ которомъ вы принимаете участіе.

Не знаю, сколько дали ему мелочи.

Въ заключеніе честь имѣю поздравить съ миромъ въ Европѣ.

Егоръ Меллеръ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Сочиненіе г. Романова: «Присоединеніе Амура къ Россіи» окончится въ слѣдующей книжкѣ. Надѣмся, что читатели наши не скучали обширностью этого труда — и съ другой стороны не обвиняли насъ въ невольныхъ замедленіяхъ при его печатаніи.

Напечатанною нынѣ статьею г. Лаврова, «Германскіе теисты», открывається въ нашемъ журналѣ рядъ статей о философіи, преимущественно нѣмецкой. Редакціи обѣщаны труды гг. Гогоцкаго и Юркевича по этому-же предмету.

Библиографическая хроника отлагается до слѣдующей книжки.

Графъ Григорій Кушелевъ-Безбородко.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 7.

Нѣсколько словъ въ видѣ вступленія. — Разсужденіе о распространеніи шахматной игры въ Европѣ и Америкѣ.—Торжество въ Нью-Йоркѣ по случаю возвращенія Морфи.—Партіи: Ланге съ Зиккелемъ и Элиасомъ; Лондонскаго клуба съ Парижскимъ; Лабурдоне съ Макдоннелемъ; Стаунтона съ Андерсеномъ. — Примѣчаніе къ *проблемѣ коня*. — Руководство къ изученію шахматной игры соч. кн. Урусова (статья 5—ая). Рѣшеніе задачъ.—Задачи. —

Было время когда наука, художество, литература, существовали и развивались не иначе какъ подъ покровительствомъ сильныхъ міра сего; когда всякій ученый, поэтъ, художникъ, находился въ необходимости прилѣпиться къ какому нибудь меценату, посвящать ему свои творенія, восхвалять его доблести и, что всего хуже, примѣняться иногда къ его вкусу и понятіямъ. Какъ долго существовала и какъ сильна была эта зависимость людей мысли, таланта, гения, отъ людей власти и богатства видно изъ того, что даже, французскіе писатели мпнувшаго столѣтія, — которыхъ конечно нельзя упрекнуть въ недостатокѣ любви къ независимости и въ врожденной склонности къ клиентизму, — не могли отъ нея освободиться; и они тоже принуждены были льстить, занскивать, унижаться, употреблять тысячи ухищреній, чтобы, по выраженію одного изъ нихъ, lancer la flèche sans montrer la main. Довольно вспомнить, что самъ главнокомандующей блестящею арміей энциклопедистовъ былъ въ тоже время камергеромъ короля прусскаго и, рукою написавшею философическій лексиконъ и Микромегаса, строчилъ иной разъ до безстыдства льстивыя похвалы, не только Фридриху второму, но даже герцогу Ришелье и маркизѣ Помпадуръ.

Теперь все это изменилось; ученые не имѣютъ надобности посвящать свои труды герцогамъ, князьямъ и кардиналамъ; поэты не пишутъ заказныхъ стиховъ, на свадьбы, крестины и похороны. Тѣ и другіе служатъ не отдѣльнымъ лицамъ, не избраннымъ аристократическимъ кружкамъ, а всему современному обществу, которое, — какъ ни много укоряютъ его въ матеріальности, — вознаграждаетъ произведенія ума и таланта не хуже самыхъ щедрыхъ меценатовъ. Ламартинъ получилъ за исторію жирондистовъ, если не ошибаюсь, триста тысячъ франковъ; геологъ Агаситцъ, человѣкъ не имѣвшій никакого состоянія (во время своего студенчества онъ принужденъ былъ просить у Гумбольдта денежной помощи), составилъ, въ самое короткое время, огромный капиталъ единственно своими лекціями; Рапелъ, Рубини и всѣ геніальныя артисты нашего времени не могли бы тоже, кажется, пожаловаться на недостатокъ сочувствія къ ихъ талантамъ. «Но, воскликнуть нетерпѣливые читатели, какую же связь имѣетъ все это съ гамбитами и матами, о которыхъ обязанъ рассказывать шахматный листокъ?» А вотъ, позвольте, я сейчасъ объясню.

Исторія развитія и распространенія шахматной игры въ Европѣ и Америкѣ*) имѣетъ большую аналогію съ исторіей наукъ, литературы и просвѣщенія вообще; можно даже замѣтить, что онѣ идутъ совершенно параллельно одна другой. Я вовсе не хочу сказать этимъ, что шахматная игра и ея теорія имѣли бы для человѣчества значеніе подобное значенію наукъ, литературы и другихъ существенныхъ элементовъ цивилизаціи; утверждать это, было бы безуміе. Но тѣмъ не менѣе, я думаю, что помянутая аналогія, — которую сейчасъ постараюсь доказать фактами, — никакъ не можетъ быть приписана простой случайности. Вообще надо замѣтить, что игры и всякаго рода людскія забавы совсѣмъ не столь пустая вещь какъ многіе думаютъ; онѣ часто весьма вѣрно опредѣляютъ характеръ эпохи, общества, человѣка. Турниры также приличны рыцарямъ, какъ еро-

*) Объ исторіи шахматной игры на востокѣ не имѣется почти никакихъ свѣдѣній; сверхъ того эта игра не разрабатывалась тамъ теоретически, а мы, въ настоящемъ случаѣ, имѣемъ въ виду преимущественно ея теорію и литературу. Замѣтимъ впрочемъ, что сколько намъ извѣстно, изъ всѣхъ восточныхъ народовъ Аравитяне всего болѣе занимались шахматами, и именно въ самую блестящую эпоху своего существованія; что опять таки говорить въ пользу нашего мнѣнія. Наконецъ въ Австралію игра занесена разумѣется европейцами теперь довольно быстро распространяется въ ихъ колоніяхъ.

лашь нашимъ чиновникамъ и наоборотъ, нельзя безъ смѣху представить себѣ какого нибудь риттера Тогенбурга за ломбернымъ столомъ или Чичикова съ Маниловымъ на борзыхъ, закованныхъ въ желѣзо коняхъ. Dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es, говорить французская пословица; а я скажу: расскажите мнѣ какъ проводите вы часы досуга и я разгадаю вашъ нравъ. Можно даже утверждать, что личность отдѣльнаго человѣка опредѣляется полнѣе и вѣрнѣе его удовольствіями, чѣмъ дѣловыми занятіями и официальнымъ положеніемъ, ибо послѣднія подчинены, и къ несчастію слишкомъ часто, внѣшнимъ обстоятельствамъ, тогда какъ первые зависятъ, почти всегда, отъ собственнаго выбора. Не всякій профессоръ—ноборникъ просвѣщенія; не всякій офицеръ — герой, но уже конечно всякій человѣкъ, не знающій другаго наслажденія кромѣ карточной игры и, такъ называемаго, легкаго чтенія въ родѣ романовъ Дюма и Феваля — пустой и ничтожный человѣкъ. Но обратимся къ исторіи шахматъ. Конечно не для того, чтобъ рассказывать ее въ полнотѣ и подробности—это потребовало цѣлые томы, — а только чтобъ объяснить ея характеръ, указать главные эпохи; каждая изъ этихъ эпохъ, каждый даже отдѣльный дѣятель, котораго намъ придется назвать въ этомъ бѣгломъ очеркѣ, составитъ со временемъ предметъ особой статьи нашего Листка.

Трудно было бы опредѣлить съ точностію когда именно шахматная игра занесена съ востока въ Европу, но нѣтъ сомнѣнія, что она получаетъ важное значеніе и научный характеръ, только съ того времени, когда человѣческій умъ начинаетъ пробуждаться отъ средне-вѣковаго усыпленія и прежде всего именно въ тѣхъ странахъ, гдѣ началось это счастливое пробужденіе, а за тѣмъ, переходитъ изъ страны въ страну, отъ народа къ народу, совершенно сообразно распространенію просвѣщенія. Первые основы шахматной теоріи положены въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія испанцемъ Луценомъ (1498 г.) и португальцемъ Даміано (1512 г.) Но Иберійскій полуостровъ не долго сохранялъ пальму шахматнаго первенства и, уже во второй половинѣ XVI вѣка, сильнѣйшій испанскій игрокъ, монахъ Рюп-Лопецъ, потерпѣлъ, въ присутствіи Филиппа втораго, жестокое пораженіе отъ молодаго итальянца извѣстнаго подъ прозвищемъ *il puttino**)

---

*) Въ какомъ именно году это происходило я навѣрно не знаю, но надо полагать что въ 1576, потому что рекомендательное письмо, которымъ Филиппъ второй снабдилъ сиракузянина Паоло Бои къ Донъ-Жуану австрій-

(Леонардо, уроженецъ города Кутри). Съ этого времени, въ продолженіи дѣлныхъ двухъ вѣковъ, шахматное искусство совершенствуется, шахматная теорія развивается, преимущественно, можно даже сказать почти исключительно, на Апеннинскомъ полуостровѣ; а кому не извѣстно, что этотъ періодъ былъ самой блестящею эпохой существованія Италіи? Бон, Леонардо, Каррера, Греко, Сальвіо, — современны великимъ италіанскимъ художникамъ и ученымъ, составившимъ славу своего отечества. Французы, перенявъ царственную игру отъ испанцевъ, получаютъ значеніе въ исторіи шахматной науки не раньше половины минувшаго столѣтія, то есть именно въ ту эпоху, когда Франція становится въ главѣ умственнаго движенія Европы; и основатель французской шахматной школы, Мишель Даниканъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Филлора, пишетъ свой *Analyse du jeu des échecs*, въ то самое время когда Вольтеръ, д'Аламберъ, Дидро и ихъ сподвижники трудятся надъ колоссальнымъ зданіемъ энциклопедіи.*)

Тѣсныя предѣлы настоящей статьи не позволяютъ намъ входить въ разсмотрѣніе вопроса кто болѣе подвинулъ шахматную теорію: французы или италіанцы и въ чемъ заключается различіе взглядовъ тѣхъ и другихъ, — замѣтимъ только, что ни Филлоръ, ни италіанскіе писатели, не только не разрѣшили всѣхъ вопросовъ этой теоріи, (это было бы невозможно, потому что она подлежитъ безконечному развитію) но даже не успѣли сообщить ей научной формы, которую она имѣетъ въ настоящее время**). Они положили основаніе, начертали программу; но вывести на этомъ основаніи обширное зданіе шахматной теоріи, выполнить заданную программу, суждено было XIX вѣку. И дѣло это исполнено не испанцами, не италіанцами, не французами, но нѣмцами и англичанами и, еще въ большой степени, однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ; нужно ли прибавлять, что мы разумѣемъ автора *Analyse nouvelle*? Съ появленіемъ этой

скому помѣчено 22 августомъ 1575 г; а Бон былъ въ Мадридѣ въ одно время съ Леонардо; по крайней мѣрѣ они вмѣстѣ отправились изъ Италіи.

*) Филлоръ родился 7 Сентября 1726 года, умеръ въ 1795 году; первое изданіе его анализа относится къ 1748 г.

***) Г. Янишъ совершенно правъ говоря въ одномъ изъ своихъ сочиненій... *malgré les travaux des amateurs éminents de toutes les nations depuis le XVI siècle, des Lopez, des Salvio, des Ponziani, des Philidor, c'est encore de nos jours que se sont faites les découvertes les plus étonnantes dans la théorie des échecs, sans qu'on puisse même prévoir qu'elle se trouve jamais épuisée.*

книги (1842 и 1843 г.) шахматная теорія окончательно приняла свойственную ей научную, аналитическую форму; послѣдующимъ писателямъ остается только разработывать подробности, идти по указанному г. Янишемъ пути.*)

Надо однако замѣтить, что по смерти Филидора, Французы не тотчасъ уступили шахматную славу другимъ народамъ; Дешапель и Лабурдоне поддержали ее до сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Но эти люди замѣчательны только въ отношеніи практическаго искусства, а къ теоріи они ничего не прибавили; первый не имѣлъ о ней почти никакого понятія**); второй, хотя и написалъ трактатъ шахматной игрѣ, но эта книга нисколько не соотвѣтствуетъ славѣ автора. Послѣ Дешапеля и Лабурдоне Франція не произвела ни одного первокласнаго игрока и, еще до исхода первой половины столѣтія, потеряла, въ лицѣ своего представителя Сент-Амана поражение отъ руки англичанина Стаунтона. Наконецъ, въ настоящее время, блестящіе подвиги Морфи заставляютъ думать, что скоро, можетъ быть, всѣ страны стараго свѣта принуждены будутъ уступить шахматный вѣнецъ юной, исполненной свѣжихъ силъ Америкѣ.

Теперь если обратимъ вниманіе на постепенное распространеніе благородной игры въ различныхъ классахъ общества, то и тутъ увидимъ, что оно слѣдовало распространенію просвѣщенія вообще. Въ XVI вѣкѣ любовь къ шахматной игрѣ проявляется прежде всего въ аристократіи и, можетъ быть еще въ большей степени, въ католическомъ духовенствѣ. Немногіе дошедшіе до насъ подробности о жизни знаменитыхъ игроковъ того времени дадутъ, мнѣ кажется, поводъ думать, что положеніе ихъ въ обществѣ было очень подобно положенію современныхъ имъ живописцевъ, скульпторовъ, писателей. Они тоже пользовались покровительствомъ королей, папъ, герцоговъ, кар-

*) Въ самомъ непродолжительномъ времени мы сообщимъ читателямъ подробную статью о многосложной и въ высшей степени плодотворной дѣятельности г. Яниша; эта статья докажетъ, надѣмся, что не національная гордость, а уваженіе къ истинѣ заставляеть насъ ставить такъ высоко груди нашего соотечественника.

***) Когда въ партіи игранный по перепискѣ между Парижемъ и Пестомъ, Венгерцы, послѣ ходовъ 1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$ сыграли 2) $\frac{g1-f3}$, Дешапель сказалъ: *les Hongrois ont fait une faute, dont nous devons profiter* и совѣтывалъ отвѣчать посредствомъ 2) $\frac{f7-f5}$. Судите по этому каковы были его теоретическія познанія.

диналовъ; покровительствомъ полезнымъ, пожалуй необходимымъ, но тѣмъ не менѣе иногда и нѣсколько унижительнымъ. Бон и Леонардо приняты ко двору Филиппа втораго, но играютъ передъ католическимъ величествомъ не иначе, какъ стоя на колѣняхъ; папа Пій V предлагаетъ Сиракузянину (прозвище Бон) большія выгоды, но съ тѣмъ, чтобъ онъ вступилъ въ монашеское званіе; отъ чего Бон впрочемъ отказался, *per vivere a gusto de suoi usagi*, замѣчаетъ Каррера. Странствованія Puttino и Сиракузянина, напоминаютъ походы Бенвенуто Челлини. Филidorъ тоже находитъ сильныхъ покровителей, собенно въ средѣ англійской аристократіи; въ Лондонѣ онъ часто игралъ съ лордами Сондерландомъ и Годолфиномъ; въ Ахенѣ герцогъ Кумберландскій и лордъ Сандуитчъ оказали ему важное пособіе. Узнавъ о страсти Фридриха втораго къ шахматной игрѣ, Филidorъ отправился въ Пруссію; нѣсколько разъ игралъ въ присутствіи короля и даже, почти безвыѣздно, жилъ въ Потсдамѣ, какъ узнаемъ изъ одного письма математика Эйлера къ Голдбаху.

Но вкусъ къ благородной игрѣ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе распространялся, число любителей постоянно увеличивалось, а съ этимъ измѣнилось и самое положеніе ихъ въ обществѣ. Теперь шахматные писатели не нуждаются для сбыта своихъ произведеній въ покровительствѣ англійскихъ лордовъ и италіанскихъ кардиналовъ; эти произведенія и безъ того находятъ довольно читателей: сочиненіе Гейдебранда имѣло три изданія, *Analyse Янниша* — два раза переведенъ на англійскій языкъ. Знаменитые игроки предпринимаютъ путешествія не съ тѣмъ, чтобъ выказывать свое искусство передъ герцогами и принцами, а чтобъ найти случай помѣриться силами съ достойными себя соперниками. Однако, каковы бы ни были успѣхи распространенія шахматной игры въ Европѣ, они ничтожны въ сравненіи съ распространеніемъ ея въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ она получила уже общественное значеніе въ полномъ смыслѣ этого слова; не одни записные любители и члены клубовъ, но общество во всемъ своемъ составѣ интересуется ея успѣхами; чтобъ убѣдиться въ этомъ, посмотрите что пишетъ нью-іоркскій корреспондентъ одного изъ нашихъ журналовъ о приемѣ сдѣланномъ побѣдителю Гаррвитца и Андерсена.

«Болѣе двухъ тысячъ человекъ, двѣтъ нью-іоркскаго общества, собрались въ епископальной университетской церкви, украшенной щитами съ изображеніями именъ извѣстнѣйшихъ пораженныхъ американцемъ шахматистовъ, и означеніемъ дней

его побѣдъ. Нѣсколько оркестровъ привѣтствовали вступленіе побѣдителя въ храмъ. Потомъ послѣдовали нескончаемыя рѣчи; въ продолженіи каждой изъ нихъ, Морфи, безъ сомнѣнія, успѣлъ бы дать матъ сильнѣйшему изъ своихъ противниковъ. На длинныя привѣтствія онъ отвѣчалъ и коротко и скромно, выражая глубокую признательность къ соотечественникамъ и уваженіе къ своимъ европейскимъ соперникамъ. Въ заключеніе торжества, члены нью-іоркскаго клуба поднесли ему шахматы и шахматный столъ, превосходящіе великолѣпіемъ матеріаловъ и изяществомъ отдѣлки все видѣнное доселѣ въ этомъ родѣ. Наиболѣе подходящіе къ нимъ суть шахматы королевы Викторіи, но они меньшаго размѣра. Столъ розоваго дерева, съ инкрустаціями изъ чернаго дерева и серебра; онъ окаймленъ двойнымъ рядомъ жемчуга. Самыя шашки — изъ чистаго золота и серебра; пѣшки имѣютъ три, офицеры пять дюймовъ вышины. Золотыя шашки (черныя) изображаютъ дворъ вестготскаго царя, а серебрянныя (бѣлыя) станъ сѣверныхъ варваровъ, принимавшихъ участіе въ разрушеніи западной имперіи. Историческая вѣрность строго соблюдена во всѣхъ подробностяхъ. Каждая шашка имѣетъ коралловое основаніе. Вся игра стоила тысячу шесть сотъ долларовъ. Ящикъ для храненія шашекъ осыпанъ алмазами. На крышкѣ—вензелевое изображеніе имени Морфи, надъ—нимъ корона и похвальные надписи. Описанное торжество происходило 25 Іюня; на слѣдующій день, жители Бостона поднесли побѣдителю золотой вѣнокъ.

№ 45.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ. *)

(Бѣлые.)	(Черные.)	8) c4—d5°	d8—d5°
1) e2—e4	e7—e6	9) g1—f3	c5—d4°
2) d2—d4	d7—d5	10) c3—d4°	b8—c6
3) e4—d5°(1)	e6—d5°	11) c1—e3	0—0
4) c2—c4(2)	f8—b4+(3)	12) f1—d3(6)	e7—f5(7)
5) b1—c3(4)	c7—c5(5)	13) 0—0	f8—d8
6) a2—a3	b4—c3°+	14) f1—e1(8)	g7—g6
7) b2—c3°	g8—e7	15) d3—f5°	c8—f5°

*) Къ сожалѣнію мы не знаемъ кѣмъ играна вѣтшая партія; она заимствована изъ сочиненія г. Лауге, равно какъ и игри за No No 46, 47 и 48.

16) d1—e2	f5—g4	32) e3—c5	b5—b4
17) a1—d1	d8—d7	33) a3—b4°	a5—b4°
18) d1—d2	a8—d8	34) c5—e3	b4—b3
19) e1—d1	f7—f5	35) e3—c1	c6—e7(10)
20) h2—h3	g4—f3°	36) c1—b2	e7—f5
21) e2—f3°	d5—f3°	37) b2—c1	f5—g3+
22) g2—f3°	f5—f4	38) e4—d4	e6—f5
23) e3—f4°	d7—d4°	39) d4—c4	g3—e2
24) d2—d4°	d8—d4°	40) c1—b2	f5—f4°
25) d1—d4°	c6—d4°	41) c4—b3°	f4—f3°
26) g1—g2	b7—b5	42) h3—h4	h7—h5
27) f4—e3	d4—c6	43) b2—f6	f3—g4
28) f3—f4	g8—f7	44) b3—c4	e2—f4
29) g2—f3	f7—f6	45) c4—d4	f4—g2
30) f3—e4(9)	f6—e6	и черные выигрывают.	
31) f2—f3	a7—a5		

Примѣчанія къ партіи No. 45.

(1) Подвигать королевскую пѣшку (.4—e5.) менѣе хорошо; тогда черные приобрѣтутъ атаку посредствомъ 3) $\frac{c2-c3}{b8-c6}$ 4) $\frac{c2-c3}{b8-c6}$ если теперь бѣлые сыгравтъ 5) $\frac{g1-f3}{d8-b6}$, то получимъ 5) $\frac{d4-e5^\circ}{f8-c5}$ 6) $\frac{f1-d3}{c8-d7}$ 7) $\frac{d3-c2}{a8-c8}$ 8) $\frac{0-0}{f7-f6}$ 9) $\frac{b2-b3}{c5-d4^\circ}$ 10) $\frac{c3-d4^\circ}{f6-e5^\circ}$ 11) $\frac{d4-e5^\circ}{f8-c5}$ и черныя имѣютъ превосходство положенія. Если же на пятомъ ходѣ бѣлые сыгравтъ 5) $\frac{f2-f4}{d8-b6}$, тогда 5) $\frac{d4-e5^\circ}{f8-c5}$ 6) $\frac{g1-f3}{c8-d7}$ 7) $\frac{f1-e2}{g8-h6}$ 8) $\frac{0-0}{c5-d4^\circ}$ 9) $\frac{c3-d4^\circ}{c6-d4^\circ}$ 10) $\frac{f3-d4^\circ}{h6-f5}$ и партія черныхъ лучше.

(2) Этотъ ходъ очень часто встрѣчается на практикѣ и при мажѣйшей ошибкѣ черныхъ даетъ бѣлымъ довольно сильную атаку; но если черные будутъ совершенно правильно защищаться, то не только вполне отразятъ нападеніе, но приобрѣтутъ даже превосходство положенія, какъ это совершенно ясно и несомнѣнно доказано г. Янишемъ въ приложеніи къ Analyse nouvelle des ouvertures du jeu des échecs (Т. II р. 253 et 254). Основательнѣе играть 4) $\frac{g1-f3}{g8-f6}$ послѣдствіемъ чего будетъ 4) $\frac{f1-d3}{f3-d1}$ 5) $\frac{f1-d3}{f3-d1}$ 6) $\frac{0-0}{c2-c6}$ 7) $\frac{c1-e3}{0-0}$ игра совершенно равна.

(3) Самыи лучший ходъ.

(4) Если бѣлые закроются слономъ, то 5) $\overline{d8-e7+}$

(5) Анализъ этого хода въ первый разъ встрѣчается въ Kritik der Eröffnungen Ланге; въ сочиненіи г. Яниша тутъ играется

5) $\overline{g8-e7}$

(6) Для хода 12) $\overline{f1-d2}$ см. партію № 46; 12) $\overline{a1-c1}$ имѣло бы послѣдствіемъ потерю пѣшки a3.

(7) c8—f5 представляется съ перваго взгляда кажется спльнѣе, но болѣе внимательное разсмотрѣніе обнаруживаетъ, что тогда 13) $\frac{0-0}{a3-d8}$, 14) $\frac{a1-c1}{f5-d8^\circ}$, 15) $\frac{d1-d3^\circ}{e7-f5}$, 16) $\overline{f1-d1}$, и бѣлые хорошо защитили пѣшку d4, а на нее то и направлена атака черныхъ.

(8) Это ловушка; если черные возьмутъ пѣшку, то потеряють ферзя за ладью и слона, а именно 14) $\overline{f5-d4^\circ}$ 15) $\frac{f3-d4^\circ}{c6-d4^\circ}$

16) $\frac{e3-d4^\circ}{d5-d4^\circ}$ 17) $\frac{e1-e8+}{d8-e8^\circ}$ 18) $\overline{d3-h7^\circ+}$ и черный ферзь погибъ.

(9) Если f3—g4, то 30) $\overline{h7-h5+}$ 31) $\frac{g4-h4}{f6-f5}$ 32) $\frac{f2-f3}{a7-a5}$ 33) $\frac{e3-d2}{b5-b4}$ 34) $\frac{a3-b4^\circ}{a5-b4^\circ}$ 35) $\frac{d2-c3}{b4-b3}$ 36) $\frac{e3-c1}{c6-a5}$ и черные должны выиграть.

(10) При c6—a5, игра легко могла бы кончиться розыгрышемъ.

№ 46.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Зинккель. (Бѣлые.)	М. Ланге. (Черные.)		
		12) f1—e2(2)	e7—f5
		13) 0—0	f8—d8
1) e2—e4	e7—e6	14) d1—d2(3)	c6—d4°
2) d2—d4	d7—d5	15) f3—d4°	f5—d4°
3) e4—d5°	e6—d5°	16) a1—d1	d4—e2°+
4) c2—c4	f8—b4+	17) d2—e2°	d5—a5
5) b1—c3	c7—c5	18) d1—d8°	a5—d8°
6) a2—a3	b4—c3°+	19) f1—d1	d8—e8
7) b2—c3°	g8—e7	20) e3—a7°	c8—e6
8) c4—d5°(1)	d8—d5°	21) a7—c5	e8—c6
9) c1—e3	c5—d4°	22) c5—b4	e6—d5
10) c3—d4°	b8—c6	23) f2—f3	c6—b6+
11) g1—f3	0—0	24) g1—h1	d5—c6

игра ничья.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ №. 46.

(1) $d4-c5^\circ$ было бы не хорошо ибо тогда 8) $\frac{d1-d4}{d8-a5}$ 9) $\frac{d1-d4}{b8-c6}$
 10) $\frac{d4-c3}{d5-d4}$ а если 10) $\frac{d4-g7}{h8-g8}$, то 10) $\frac{g7-f6}{d5-d4}$ 11) $\frac{g7-f6}{d5-d4}$ 12) $\frac{c1-d2}{a5-c5^\circ}$
 13) $\frac{c3-d4^\circ}{c5-d4^\circ}$ 14) $\frac{f6-d4^\circ}{c6-d4^\circ}$ 15) $\frac{f1-d3}{c8-f5^\circ}$ 16) $\frac{d3-f5^\circ}{e7-f5^\circ}$ 17) $\frac{a1-c1}{0-0-0}$ 18) $\frac{g2-g3}{g8-e8+}$
 и т. д.

(2) Въмѣсто этого можно играть $d1-a4$, съ тѣмъ, чтобъ потомъ поставить слона на кѣтку $c4$; но и въ этомъ случаѣ черные будутъ, кажется, имѣть превосходство положенія; предполагая напримѣръ 12) $\frac{d1-d4}{c8-e6}$ 13) $\frac{a1-c1}{e7-f5}$ 14) $\frac{f1-c4}{d5-e4}$ 15) $\frac{c1-c3}{c6-d4^\circ}$ или 15) $\frac{c4-e6^\circ}{f5-c3^\circ}$ и въ обоихъ случаяхъ игра черныхъ лучше.

(3) Если 14) $\frac{d1-a4}{c8-d7}$, то 14) $\frac{e2-c4}{c6-d4^\circ}$ 15) $\frac{e2-c4}{c6-d4^\circ}$ 16) $\frac{c4-d5^\circ}{d7-a4^\circ}$
 17) $\frac{d5-b7^\circ}{d4-c2+}$ 18) $\frac{g1-h1}{a8-b8}$ 19) $\frac{b7-a6}{f5-e3^\circ}$ 20) $\frac{f2-e3^\circ}{a4-b5}$ 21) $\frac{a6-b5^\circ}{b8-b5^\circ}$; игра черныхъ хороша. Если же на пятнадцатомъ ходѣ бѣлые сыгравать $a4-b5$, то черные завоюютъ пѣшку посредствомъ 15) $\frac{c4-d5^\circ}{d7-a4^\circ}$
 16) $\frac{e2-b5^\circ}{c6-d4^\circ}$. Для большихъ подробностей см. Kritik der Eröffnungen Ланге [Глава 5.] и его же Lehrbuch des Schachspiels [§ 212.]

№ 47.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Зиккель.	М. Ланге.	12) $b3-c2(6)$	$h7-h6$
(Бѣлые.)	(Черные.)	13) $0-0$ (7)	$f7-f5$
1) $e2-e4$	$e7-e6$	14) $a1-d1$	$g8-h8$
2) $d2-d4$	$d7-d5$	15) $c3-e2$	$d8-f6$
3) $e4-d5^\circ$	$e6-d5^\circ$	16) $b2-b4$	$g7-g5$
4) $c2-c4$	$c8-e6(1)$	17) $h2-h3$	$f5-f4(8)$
5) $d1-b3(2)$	$b8-c6$	18) $e3-c1$	$h6-h5$
6) $c1-e3$	$f8-b4+$	19) $c1-b2$	$g5-g4$
7) $b1-c3$	$g8-e7$	20) $h3-g4^\circ(9)$	$h5-g4$
8) $a2-a3$	$b4-a5$	21) $f3-e5$	$c6-e5^\circ$
9) $g1-f3(3)$	$0-0$	22) $d4-e5^\circ$	$f6-h4$
10) $f1-d3(4)$	$a5-b6$	23) $b2-d4$	$g4-g3$
11) $c4-d5^\circ(5)$	$e7-d5^\circ$	24) $f2-g3^\circ$	$f4-g3^\circ$

- 25) f1—f3   h4—h2+   27) d4—g1   d5—e3+
 26) g1—f1   h2—h1+   бѣлые сдаются.

Примѣчания къ партіи № 47.

(1) Выше было уже замѣчено, что лучший ходъ есть 3) $\overline{f8-b4+}$ но и 4) $\overline{c8-e6}$ заслуживаетъ вниманія. Что касается до хода 4) $\overline{c7-c6}$ то онъ положительно нехорошъ. Въ поясненіе приводимъ небольшую партію, въ которой г. Ланге, имѣвшій первый ходъ, ловко воспользовался ошибкою противника съиграва шаго 4) $\overline{c7-c6}$

4) c2—c4	c7—c6	11) c6—c7	b8—a8
5) d1—b3	f8—e7	12) f1—b5+	e8—f8
6) c1—f4	e7—f6	13) 0—0	b2—a1°
7) f4—b8°	a8—b8°	14) f1—d1	c8—e6
8) c4—d5°	f6—d4°	15) b3—a3+	f6—e7
9) d5—c6°	d8—f6	16) d1—d8+	a8—d8°
10) g1—f3	d4—b2°	17) c7—d8°.Ф*)	×

Наконецъ здѣсь представляется еще ходъ 4) $\overline{c7-c6}$, но при немъ начинавшій партію можетъ приобрести сильное положеніе посредствомъ: 5) $\frac{b1-c3}{g8-f6}$ 6) $\frac{c4-d5°}{f6-d5°}$ 7) $\frac{f1-c4}{}$. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобъ 4) $\overline{c7-c6}$ вело къ непремѣнному проигрышу; вотъ партія, въ которой г. Ланге съигралъ его и тѣмъ не менѣе одержалъ довольно блестящую побѣду.

4) c2—c4	c7—c5	11) e5—c6°	d8—d4°
5) b1—c3	g8—f6	12) c6—d4°+	c3—b5°
6) c4—d5°	f6—d5°	13) d4—b5°	f8—b4+
7) f1—b5+	b8—c6	14) c1—d2	b4—d2°+
8) g1—f3	c5—d4°	15) e1—d2°	0—0—0+
9) d1—d4°	c8—e6	16) d2—e1	e6—c4
10) f3—e5	d5—c3°	17) a1—c1	h8—e8×

(1) Для мало опытныхъ любителей не лишнимъ считаемъ замѣтить, что по новѣйшимъ уставамъ игры, пѣшка, достигшая восьмой линіи, можетъ преобразиться, по волѣ играющаго, въ любого офицера, даже и такого, который имѣется еще на доскѣ. Такимъ образомъ можно имѣть двухъ ферзей, трехъ коней, двухъ одноцвѣтныхъ (т. е. двигающихся по клеткамъ одного и того же цвѣта) слоновъ и т. п.; что впрочемъ на практикѣ встрѣчается довольно рѣдко.

Едва ли нужно придавать, что противник г. Ланге игралъ очень слабо.

(2) К. А. Янишъ признаетъ этотъ ходъ самымъ лучшимъ.

(3) Брать пѣшку b7 нельзя, ибо тогда 9) $\frac{a8-b8}{a8-b8}$ 10) $\frac{b7-a6}{b8-b6}$ и бѣлые теряютъ ферзя.

(4) 10) $\frac{f1-e2}{f1-e2}$ имѣло бы послѣдствіемъ 10) $\frac{a5-b6}{a5-b6}$ 11) $\frac{c4-d5}{e7-d5}$
 12) $\frac{b3-d1}{h7-h6}$ 13) $\frac{0-0}{f7-f5}$ 14) $\frac{h2-h3}{h2-h3}$ (чтобъ не пустить слона на клетку
 g4) 14) $\frac{f5-f4}{f5-f4}$ 15) $\frac{e3-c1}{d5-e7}$ и черные имѣютъ превосходство положенія.

(5) Этотъ ходъ необходимъ, ибо черные угрожаютъ взять пѣшку c4 и сыграть потомъ c6—a5, если же бѣлые двинуть 11) $\frac{c4-c5}{c4-c5}$, то 11) $\frac{b6-c5}{b6-c5}$ 12) $\frac{d4-c5}{d5-d4}$ и черные возвращаютъ офицера съ превосходствомъ положенія.

(6) 12) $\frac{d3-c4}{d3-c4}$ дурно, ибо черные отвѣтятъ 12) $\frac{c6-a5}{c6-a5}$

(7) Можно бы кажется d3—f5, чтобъ помѣшать движенію пѣшки f7.

(8) Черные имѣютъ славную атаку.

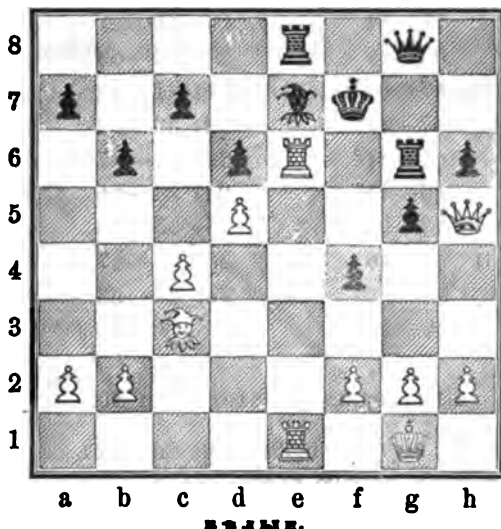
(9) f3—e5 не спасло бы партіи.

№ 48.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

М. ЛАНГЕ.	Г. ЭЛИАСОНЪ.	12) d4—d5	c6—d4
(Бѣлые.)	(Черные.)	13) c1—e3	d4—f5
1) e2—e4(1)	e7—e6	14) d3—f5°	e6—f5°
2) d2—d4	b7—b6(2)	15) e3—d4	f5—f4
3) g1—f3	c8—b7	16) g3—f3	h8—g8
4) f1—d3	f8—e7	17) a1—e1	g8—g6
5) 0—0	g8—f6	18) f3—h5	e8—f8
6) b1—c3	h7—h6	19) d4—c3	f8—g8(3)
7) e4—e5	f6—d5	20) e5—e6	d7—d6
8) c3—d5°	b7—d5°	21) e6—f7°+(4)	g8—f7°
9) c2—c4	d5—f3°	22) e1—e6	d8—g8
10) d1—f3°	b8—c6	23) f1—e1	a8—e8
11) f3—g3	g7—g5		

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Положеніе партіи послѣ 23-го хода черныхъ.

Силы обѣихъ сторонъ совершенно тождественны, но игра черныхъ до того стѣснена, что бѣлые могутъ совершенно покойно подготовить матъ и помѣшать этому нѣтъ никакихъ средствъ. Въ дѣйствительности было слѣдующее продолженіе.

24) g2—g3

g8—h7

26) g3—f4

g5—f4°

25) g1—h1

h7—g8

Бѣлые даютъ матъ въ 3 хода.

Примѣчанія къ партіи No. 48.

(1) Эта партія была играна въ берлинскомъ клубѣ, весной 1853 года, на небольшомъ турнирѣ изъ двѣнадцати человекъ.

(2) Этотъ ходъ слабѣ чѣмъ 2) $\overline{d7-d5}$, онъ, какъ можно видѣть изъ настоящей партіи, даетъ чернымъ игру весьма спертую, чисто оборонительную.

(3) Черные теряютъ много темповъ; они вынуждены къ этому своимъ стѣсненнымъ положеніемъ.

(4) Теперь игра бѣлыхъ несомнѣнно выиграна.

№ 49.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Лондонъ.
(Бѣлые.)

Парижъ.
(Черные.)

1) e2—e4

e7—e6

2) d2—d4

d7—d5

3) e4—d5°

e6—d5°

4) g1—f3

g8—f6

5) f1—d3

c7—c5

6) d1—e2+(1) f8—e7

7) d4—c5°	0—0	18) g1—f1°	f6—g4
8) c1—e3	f8—e8	19) d4—c5°	g4—e3°+
9) d3—b5	b8—c6	20) f2—e3°	e8—e3°
10) f3—d4	e7—c5°	21) b1—d2	a8—e8
11) b5—c6°(2)	b7—c6°	22) b3—b4	e3—d3
12) c2—c3	c5—d4°	23) a1—a7°(4)	d3—d2°
13) c3—d4°	c6—c5	24) b4—b5	d2—b2°
14) e2—d3	d8—b6	25) b5—b6	d5—d4
15) 0—0 (3)	c8—a6	26) b6—b7	d4—d3
16) d3—b3	b6—b3°	27) a7—a8	g8—f8
17) a2—b3°	a6—f1°		бѣлые сдаются.

Примѣчания къ партии № 49.

(1) Нехорошо сыграно; вообще, начиная съ этого хода, лондонскій клубъ ведетъ партію очень слабо.

(2) Если 11) $\frac{d8-b6}{d4-c6}$, то 12) $\frac{d8-b6}{d4-c6}$ и бѣлымъ плохо.

(3) Черезъ это бѣлые теряютъ ладью за слона, но положеніе ихъ такъ не хорошо, что всякій другой ходъ имѣлъ бы, можетъ быть, еще худшія послѣдствія.

(4) Сыграно, какъ говорится *на авось*, въ надеждѣ провести пѣшку.

№ 50.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

МАКДОННЕЛЪ.	ЛАБУРДОНЕ.	13) f4—e5°	d7—e8
(Бѣлые.)	(Черные.)	14) g3—h3	e8—h5
1) e2—e4	e7—e6	15) g2—g4	h5—g6
2) f2—f4(1)	c7—c5	16) f1—g2	g6—e4
3) g1—f3	b8—c6	17) g4—g5	h6—f5
4) c2—c3	d7—d5	18) e3—f5°	f8—f5°
5) e4—e5	f7—f6	19) c1—e3	e4—f3°
6) b1—a3(2)	g8—h6(3)	20) g2—f3°	c6—e5°
7) a3—c2	d8—b6(4)	21) f3—g4	e5—g4°
8) d2—d4	c8—d7	22) d1—g4°	a8—f8
9) c2—e3	c5—d4°	23) a1—g1	b4—d6
10) c3—d4°	f8—b4+	24) e3—c1	f5—f3+
11) e1—f2	0—0	25) h3—h4	f8—f4
12) f2—g3	f6—e5°		бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партии No 50.

(1) Это слабѣе чемъ 2) $\frac{d2-d4}{-}$.

(2) Вообще говоря надо избѣгать ставить коней на кѣтки а3 и h3, но въ настоящемъ случаѣ ходъ b1—a3 недуренъ; конь можетъ стать потомъ на c2 и подрѣшнить пѣшку d4.

(3) Отсюда конь можетъ занять кѣтку f7 и f5 и въ обоихъ случаяхъ будетъ имѣть выгодное положеніе; въ первомъ онъ атакуетъ пѣшку e5, а во второмъ d4.

(4) Во Французскомъ дебютѣ этотъ ходъ имѣетъ большую важность; онъ угрожаетъ пунктъ b2 и во многихъ случаяхъ затрудняетъ рокировку.

№ 51.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

АНДЕРСЕНЪ. (Бѣлые.)	СТАУНТОНЪ. (Черные.)		
		22) b4—c5°	d6—c5°
		23) a3—c5°	d8—e7
1) e2—e4	e7—e6	24) c5—c7	f7—d6
2) d2—d4	g7—g6(1)	25) c7—a5	h7—h5
3) f1—d3	f8—g7	26) c1—c7	h8—f8
4) c1—e3	c7—c5	27) f1—c1	a7—a6
5) c2—c3	c5—d4°	28) e2—d4	a8—c8
6) c3—d4°	d8—b6(2)	29) d4—e6	c8—c7°
7) g1—e2(3)	b6—b2°	30) c1—c7°	f8—f7
8) b1—c3	b2—b6	31) a5—b6	f7—f6
9) a1—c1	b8—a6	32) h2—h3	g6—g5
10) c3—b5	g7—f8	33) b6—b2	d6—b5
11) 0—0	d7—d6	34) d3—b5°	a6—b5°
12) d4—d5	b6—a5	35) b2—e5°	h5—h4
13) e3—d4	e6—e5	36) c7—b7°	f6—f1+
14) d4—c3	a5—d8	37) h1—h2	e7—f6
15) f2—f4	f7—f6	38) b7—b8+	e8—e7
16) f4—e5°	f6—e5°	39) d5—d6+(4)	e7—f7
17) d1—a4	c8—d7	40) b8—f8+	f7—g6
18) c3—b4	g8—h6	41) f8—f6°+	f1—f6°
19) g1—h1	h6—f7	42) e5—g5°+	g6—f7
20) a4—a3	a6—c5	43) g5—g7+	f7—e6°
21) b5—d6°+	f8—d6°	44) g7—e7×	

Примѣчанія къ партіи No 51.

(1) Въ одной изъ предъидущихъ партій мы имѣли уже нѣчто подобное, а именно 1) $\frac{e2-e4}{e7-e6}$ 2) $\frac{d2-d4}{b7-b6}$ и замѣтили, что этотъ способъ игры невыгоденъ для черныхъ.

(2) Теперь Андерсенъ долженъ потерять пѣшку d4 или b2, но за то онъ выиграетъ время и успѣетъ прекрасно развернуть свои силы.

(3) Въ настоящемъ случаѣ это лучше чѣмъ g1-f3, ибо даетъ возможность сыграть потомъ, когда черный ферзь возьметъ пѣшку b2, b1-c3.

(4) Бѣлые играютъ мастерски.

Шесть партій одного и того же дебюта способны утомить самаго сосредоточеннаго любителя, а потому перейдемъ къ чему нибудь другому, а именно къ сочиненію кн. Урусова, но прежде надо сдѣлать маленькое примѣчаніе касательно предъидущей его статьи. Читатели конечно помнятъ, что тамъ сообщено было, между прочимъ, весьма остроумное рѣшеніе такъ называемой *проблемы коня*, но при томъ не было сказано кто первый нашелъ это рѣшеніе. Оно принадлежитъ умершему австрійскому любителю Карлу Венцелидесу и напечатано въ первый разъ въ берлинской Schachzeitung 1849 года.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 5-я)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе.)

7. Сила Слона.

Для обороны слонъ лучше коня, что доказывается тѣмъ, что онъ удерживаетъ двѣ, три пѣшки, а иногда и болѣе; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, скорѣе можно отдать преимущество коню передъ слономъ.

Двѣ отдѣльныя пѣшки выигрываютъ въ положеніяхъ подобныхъ діагр. LIV, гдѣ, пожертвовавъ одною можно ступить другою на 7-ую линію; но, вообще говоря, слонъ удерживаетъ двѣ пѣшки.

Тоже самое можно сказать о двухъ соединенныхъ пѣшкахъ. Къ этому примѣръ діагр. LV, гдѣ пѣшки выигрываютъ*).

Всякая пѣшка въ концѣ игры лучше одинокаго слона, ибо она можетъ выиграть.

Въ положеніи діагр. LVI. слонъ дѣлаетъ ничью при своемъ ходѣ, но, обыкновенно, если одна изъ двухъ пѣшекъ перейдетъ 6-ую линію — слонъ проигрываетъ.

Въ положеніи діагр. LVII, не смотря на то, что при слонѣ есть пѣшка, черные, при своемъ ходѣ, дѣлаютъ ничью.

А въ полож. діагр. LVIII, слонъ съ трудомъ дѣлаетъ ничью.

---

*) Авторъ вѣроятно разумѣетъ *при своемъ ходѣ*, ибо при ходѣ черныхъ ни одна изъ пѣшекъ не пройдетъ въ ферзи.

- 1) $\frac{c4-c5}{b6-a7}$ 2) $\frac{b4-c4}{d7-d6}$ (если 2) $\frac{c7-c8}{c7-c8}$, то 3) $\frac{b5-b6}{a7-b6}$ 4) $\frac{c4-d5}{c8-d8}$ 5) $\frac{a6-a7}{a7-b6}$
и бѣлые выигрываютъ) 3) $\frac{c5-c6}{a7-b6}$ ничья.

Въ положеніи діагр. LIX, а также если бы пѣшки стояли на линіи h, а слонъ на бѣлой клѣткѣ, игра ничья.

Когда въ игрѣ только кони, слоны и пѣшки, — большею частью выигрышъ въ зависимости отъ первенства хода.

- Діагр. LX. 1) $\frac{d2-c4}{d8-a5}$ 2) $\frac{d2-c4}{a5-d8}$ 3) $\frac{c4-d6+}{c8-c7}$ (3) $\frac{b5-b6}{d8-b6^\circ}$, ничья)
4) $\frac{d6-c4}{c7-c8}$, (A) (если 4) $\frac{d6-f7}{d8-h4}$ 5) $\frac{f7-e5}{h4-f2}$) 5) $\frac{c4-d6+}{c8-c7}$ 6) $\frac{b5-b6+}{c7-b6^\circ}$
7) $\frac{d6-b5}{d8-c7}$ ничья. (A) 4) $\frac{d6-f5}{d8-g5}$ 5) $\frac{f5-d4}{g5-e3}$ 6) $\frac{d4-c6}{c7-c8}$ 7) $\frac{c6-e7+}{c8-c7}$
8) $\frac{b5-b6+}{e3-b6^\circ}$ 9) $\frac{c7-d5+}{c7-c8}$ ничья.

- Діагр. LXI. 1) $\frac{d5-e7+}{d8-a5}$ 2) $\frac{d5-e7+}{c8-c7}$ 3) $\frac{e7-f5}{a5-b5}$ (если 3) $\frac{c7-c8}{c7-c8}$, то
4) $\frac{f5-d6+}{c8-c7}$ 5) $\frac{d6-c4}{d8-a5}$ и бѣлые выигрываютъ) 4) $\frac{f5-d6}{b6-g1}$ 5) $\frac{d6-c4}{c7-c8}$
(если g1-f2, то b5-b6+) 6) $\frac{c4-e5}{g1-f2}$ 7) $\frac{e5-d7}{f2-g1}$ игра ничья.

Но при ходѣ бѣлыхъ, въ обоихъ случаяхъ игра выигрывается
діагр. LX. 1) $\frac{d2-c4}{d8-a5}$ и 2) $\frac{c4-d6+}{c8-c7}$, а въ діагр. LXI. 1) $\frac{d5-e7+}{c8-c7}$

- 2) $\frac{e7-c6}{d8-h4}$ 3) $\frac{b5-b6+}{c7-b6^\circ}$ 4) $\frac{a8-b8}{h4-g3+}$ 5) $\frac{b8-c8}{c8-c7}$.

Діагр. LXII. Кто начнетъ, тотъ и выиграетъ. Если черные, то слонъ возьметъ пѣшку и, отступивъ на e5, выиграетъ.

- Если же бѣлые: 1) $\frac{b5-d4+}{c6-d5}$ 2) $\frac{d6-d7}{b4-e7}$ 3) $\frac{d4-f5}{e3-e2}$ 4) $\frac{f5-e7^\circ+}{d5-c4}$
5) $\frac{d7-d8\phi}{e2-e1\phi}$ 6) $\frac{d8-d5+}{c4-b4}$ 7) $\frac{d5-d4+}{b4-a3}$ 8) $\frac{d7-c6}{e1-g3+}$ (A) 9) $\frac{c6-e5}{g3-g7+}$
10) $\frac{c7-b6}{g7-f6+}$ 11) $\frac{b6-a5^\circ}{f6-g5}$ 12) $\frac{d4-c5+}{a3-a2}$ (или a3-b3 13) $\frac{e5-d3}{e5-d3}$)
13) $\frac{a5-b5}{a5-b5}$ бѣлые выигрываютъ.

- (A) 8) $\frac{c7-b6}{a3-b3}$ 9) $\frac{c7-b6}{b3-a3}$ 10) $\frac{b6-a6}{e1-c1}$ 11) $\frac{c6-a5^\circ}{c1-c8+}$ 12) $\frac{a6-b6}{c8-b8}$ 13) $\frac{a5-b7}{b8-g3}$
14) $\frac{a4-a5}{g3-b3+}$ 15) $\frac{b6-c6}{b3-f3+}$ 16) $\frac{d4-d5}{b3-f3+}$ бѣлые выигрываютъ.

Если съ обѣихъ сторонъ слоны при пѣшкахъ, то, кромѣ первенства хода, выигрышъ будетъ зависѣть отъ пвѣта слоновъ: при отноцвѣтныхъ слонахъ вѣроятенъ выигрышъ, а при разноцвѣтныхъ — розыгрышъ.

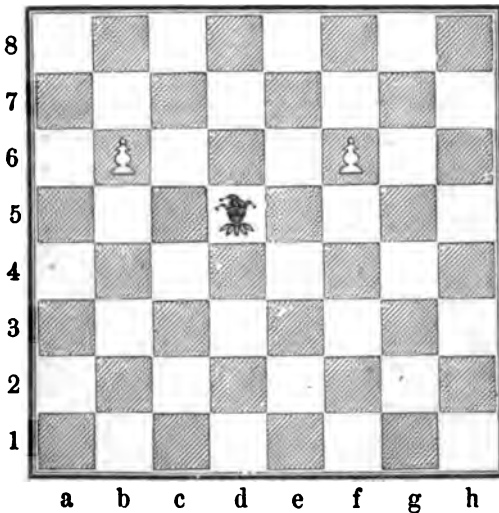
Діагр. XLIII. 1) $\frac{a5-d8}{e7-b4}$ 2) $\frac{d8-f6}{b4-a5}$ 3) $\frac{f6-c3}{a5-b6}$ 4) $\frac{c3-b4}{a5-b6}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. LXIV. 1) $\frac{a1-g7}{d8-a5}$ 2) $\frac{d6-d7+}{e8-d8}$ 3) $\frac{g7-f6}{d8-c7}$ 4) $\frac{d7-d8\phi}{e8-d8}$ бѣл. выигрываютъ; или 1) $\frac{d6-d7+}{e8-d8}$ 2) $\frac{g7-d4}{e8-d8}$ бѣлые выигрываютъ; или 1) $\frac{d6-d7+}{d8-g5}$ (если $d8-h4$, то $g7-h6$) 2) $\frac{d6-d7+}{e8-d8}$ 3) $\frac{g7-e5}{g5-h4}$ 4) $\frac{e5-f4}{h4-f6}$ (если $h4-e7$, то $f4-c7+$) 5) $\frac{f4-e3}{d3-c7}$ (если $f6-e5$, то $e3-b6+$ и, помѣнявшись слонами, $e6-e7$) 6) $\frac{e3-b6+}{c7-b6^{\circ}}$ 7) $\frac{e6-f6^{\circ}}{b6-c7}$ 8) $\frac{f6-e7}{b6-c7}$ бѣлые выигрываютъ.

Въ діагр. LXV и LXVI ничья. Въ діагр. LXVII бѣл. при своемъ ходѣ даютъ въ 3 хода матъ.

LIV.

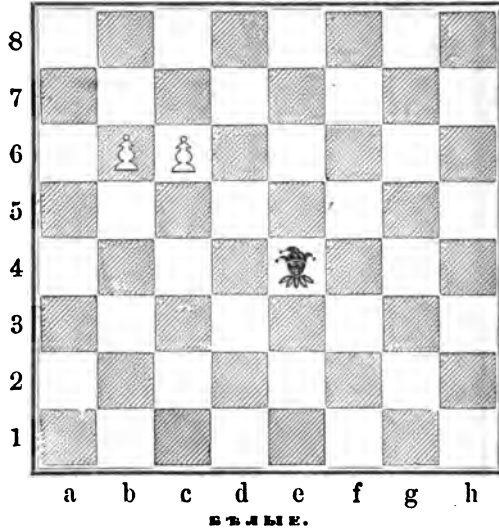
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

LV.

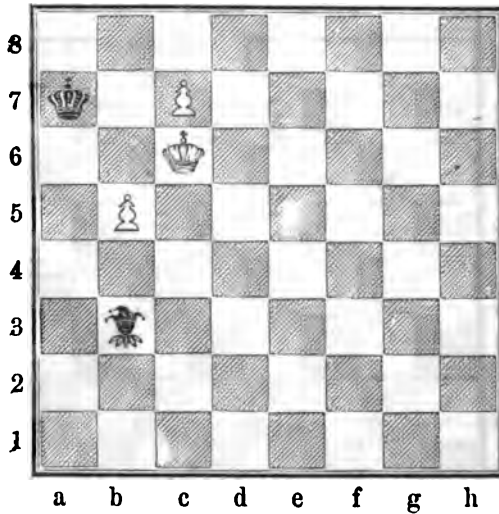
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

LVI.

ЧЕРНЫЕ.

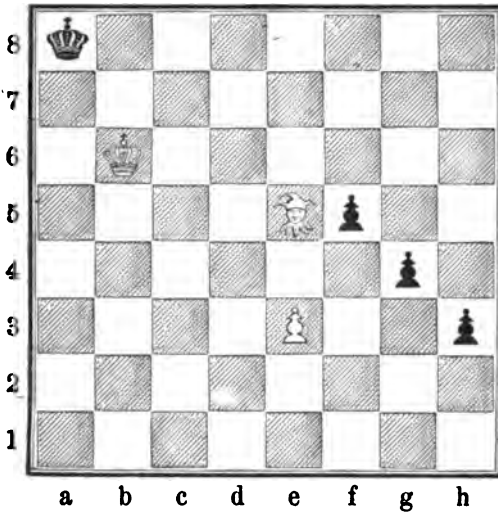

БЕЛЫЕ.

Черные начинают; игра ничья.

LVII.

ЧЕРНЫЕ.

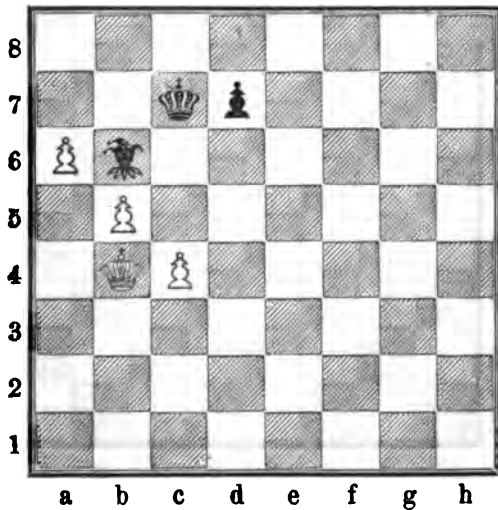

БѢЛЫЕ.

При ходѣ черныхъ — игра ничья,
а при ходѣ бѣлыхъ — бѣлые выигрываютъ.

LVIII.

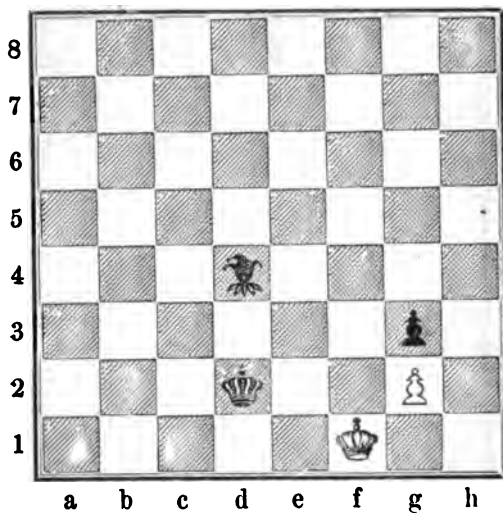
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

LIX.

ЧЕРНЫЕ.

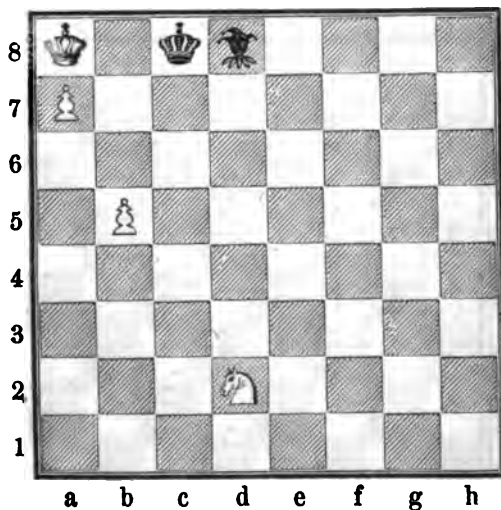

БѢЛЫЕ.

Игра ничья.

LX.

ЧЕРНЫЕ.

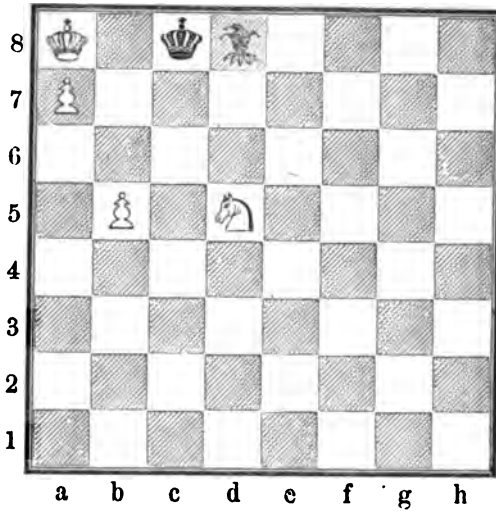

БѢЛЫЕ.

При ходѣ черныхъ — игра ничья,
а при ходѣ бѣлыхъ — бѣлые выигрываютъ.

LXI.

ЧЕРНЫЕ.

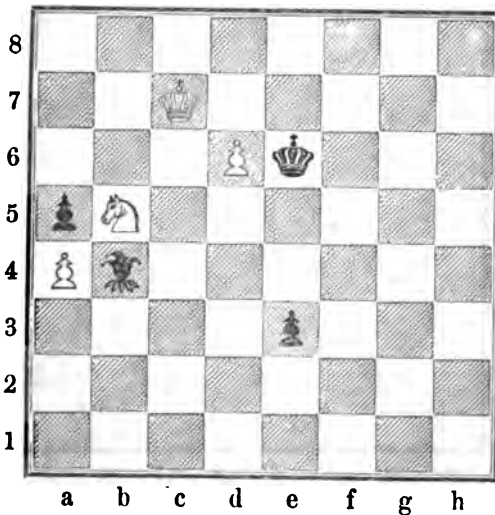

БѢЛЫЕ.

При ходѣ черныхъ — игра ничья,
а при ходѣ бѣлыхъ — бѣлые выигрываютъ.

LXII.

ЧЕРНЫЕ.

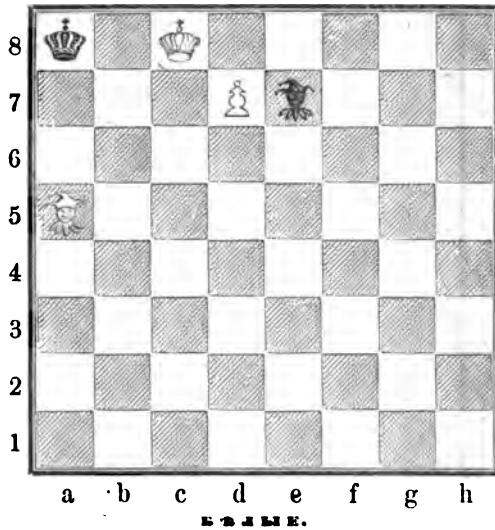
БѢЛЫЕ.

Начинающій выигрываютъ.

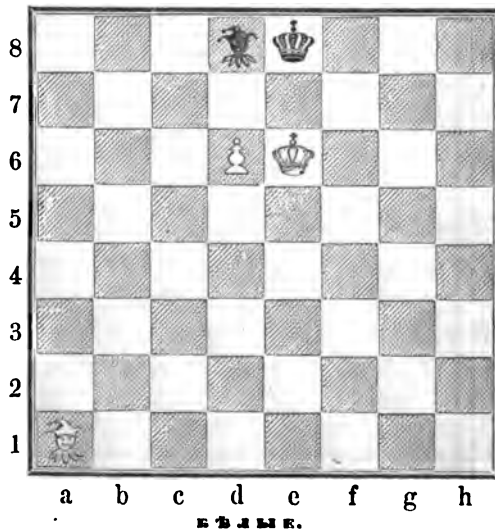
LXIII.

ЧЕРНЫЕ.

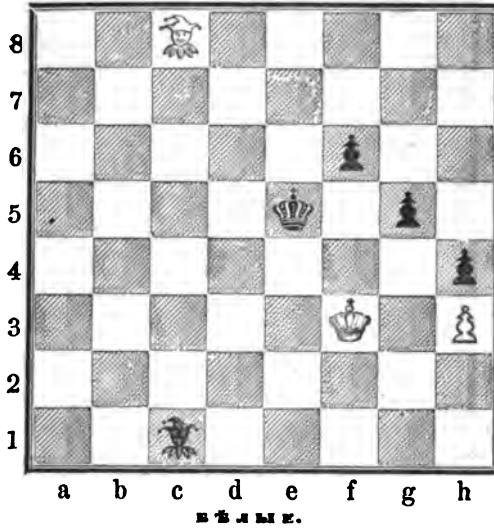
LXIV.

ЧЕРНЫЕ.

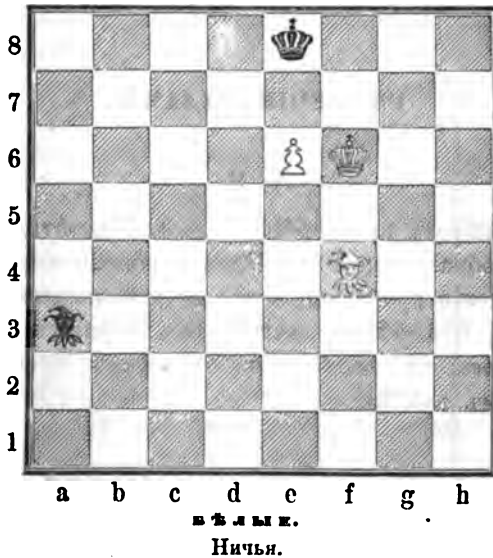
LXV.

ЧЕРНЫЕ.

LXVI.

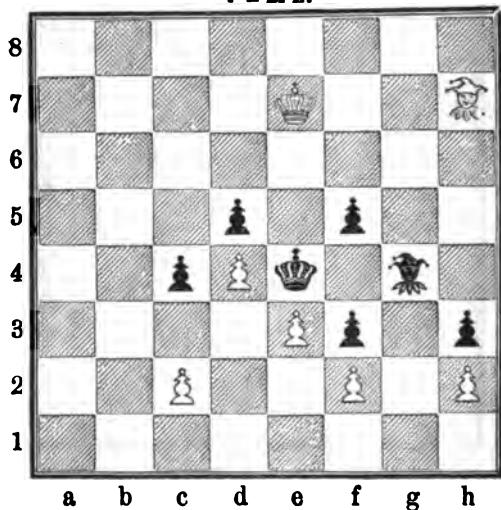
ЧЕРНЫЕ.

Ничья.

LXVII.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

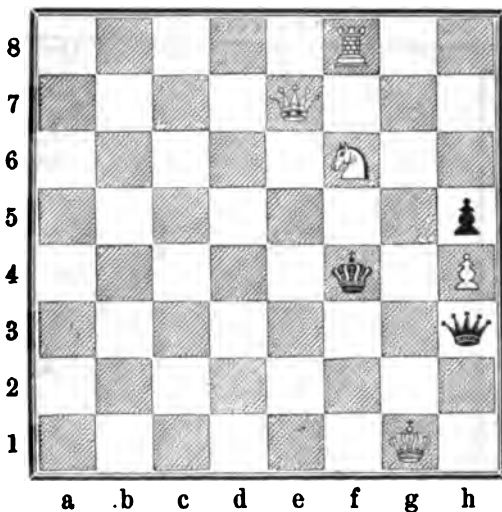
РѢШЕНИЕ ЗАДАЧЪ.

№ 9.

Къ величайшему прискорбію и досадѣ замѣтили мы, что въ діаграммѣ, изображающей эту задачу, черный ферзь, необходимый для рѣшенія проблемы, вовсе не отпечатался; сверхъ того тамъ сказано, что бѣлые заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ *въ восемь ходовъ*; это ошибка: не въ восемь, а *въ шесть*. Вотъ настоящій видъ задачи.

ФОНЪ ОППЕНА (въ Берлинѣ).
 Посвящается Н. И. Николаеву.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 6 ходовъ.

№ 10.

Прежде нежели приступимъ къ самому рѣшенію считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ, безъ которыхъ мало-опытные любители не въ состояніи будутъ оцѣнить всю трудность и замысловатость составленной М. Беццелемъ проблемы. Игрокъ, владѣющій бѣлыми шапками, обязуется заставить противника сдѣлать матъ въ двѣнадцать ходовъ, но,—какъ видно изъ помѣщенной въ майскомъ листкѣ діаграммы,—этотъ противникъ имѣетъ всего только двѣ шапки: короля и пѣшку, которая достигла уже седьмой линіи, а такъ какъ ни король, ни пѣшка находящаяся на седьмой линіи*) доски, не только мата, но даже и шаха дать не могутъ, то понятно, что бѣлые, для выполненія условій проблемы, должны пропустить пѣшку черныхъ на восьмую линію, гдѣ она немедленно вступаетъ въ права офицера. Но, согласно правиламъ игры, пѣшка эта можетъ быть, по волѣ владѣющаго его игрока, обращена въ ферзя,

*) Само собою разумѣется, что говоря «седьмая линія» мы, въ настоящемъ случаѣ, считаемъ линіи со стороны игрока владѣющаго тою пѣшкой, о которой идетъ рѣчь.

ладью, слона или коня, а следовательно, для разрѣшенія настоящей задачи, необходимо найти средство заставить черныхъ, — и при томъ непремѣнно опредѣленнымъ числомъ ходовъ, — сдѣлать матъ въ каждомъ изъ этихъ четырехъ случаевъ, (при ферзѣ, ладьѣ, слонѣ, конѣ). И такъ задача М. Беццеля состоитъ собственно изъ четырехъ проблемъ, изъ которыхъ каждая, а особенно тѣ двѣ гдѣ приходится имѣть дѣло съ чернымъ конемъ или слономъ, — чрезвычайно трудна и замысловата. Вотъ рѣшеніе.

$$1) e1-d2 \quad e2-f1^{\circ}$$

А. Черные обращаютъ пѣшку въ ферзя.

$$2) h5-c5+ \quad c4-d4$$

$$3) a3-a4+ \quad f1-c4$$

$$4) b6-d6+ \quad d4-e4$$

$$5) d6-d5+ \quad e4-f4$$

$$6) d2-d1+ \quad f4-g4$$

$$7) d5-g2+ \quad g4-h4$$

$$8) g2-h2+ \quad h4-g4$$

$$9) c5-g5+ \quad g4-f3$$

$$10) h2-e2+ \quad c4-e2^{\circ} \times$$

В. Черные обращаютъ пѣшку въ ладью.

$$2) b6-b5+ \quad c4-d4$$

$$3) c1-b2+ \quad d4-e4$$

$$4) b5-d3+ \quad e4-f4$$

$$5) d3-g3+ \quad f4-e4$$

$$6) g3-g4+ \quad f1-f4$$

$$7) g4-g2+ \quad f4-f3$$

$$8) d2-d1 \quad e4-f4$$

$$9) a3-a4 \quad f4-e3$$

$$10) e7-d5+ \quad e3-d3$$

$$11) g2-f1+ \quad f3-f1^{\circ} \times$$

С. Черные обращаютъ пѣшку въ слона.

$$2) b6-b3+ \quad c4-d4$$

$$3) a3-a4+ \quad f1-c4$$

$$4) d2-d1 \quad d4-e4$$

$$5) a4-b4 \quad e4-d4$$

$$6) a2-a3 \quad d4-e4$$

$$7) b3-g3 \quad e4-d4$$

$$8) e7-c6+ \quad d4-e4$$

- 9) g3—g4+ e4—d3
- 10) g4—e2+ d3—c3
- 11) e2—e1+ c3—d3
- 12) b4—b3+ c4—b3^o×

D. Черные обращают пѣшку въ коня+.

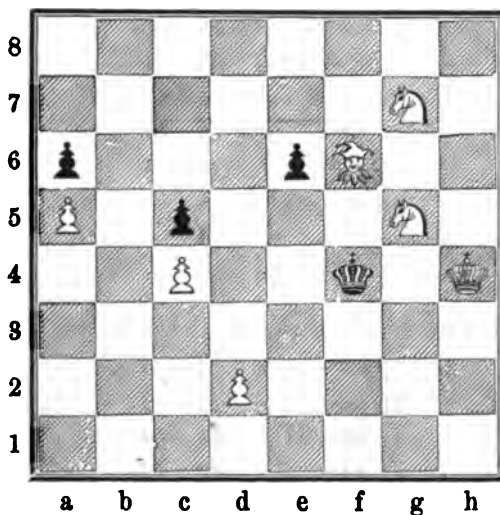
- 2) d2—e1 конь идетъ какъ угодно.
- 3) h5—h4+ конь заслоняетъ короля отъ шаха.
- 4) b6—a5 c4—d4
- 5) a3—e3 d4—c4
- 6) e1—d1 c4—d4
- 7) e7—c6+ d4—c4
- 8) e3—e1 c4—d3
- 9) a5—b5+ d3—c3
- 10) b5—b4+ c3—d3
- 11) h1—f2+ конь беретъ коня^o×

Задачи.

№ 13.

Н. НИКОЛАЕВА (изъ Клинска, въ Сибири).

ЧЕРНЫЕ.

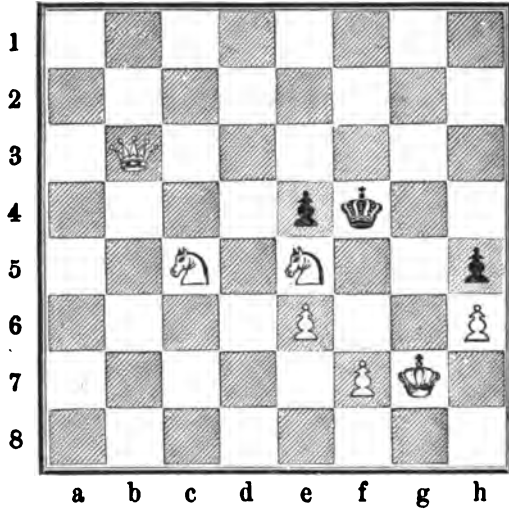
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

№ 14.

ЛИХТЕНШТЕЙНА (въ Пруссiа).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЪ ВЪ 8 ХОДОВЪ.

ЗАПИСКИ МЕЛКОТРАВЧАТАГО.

VII.

Мы на пути. — Игра въ зѣвки. — Сныть, т. е. страна, текущая млекою и медомъ. — Степь графини Отакойто. — Грозная вѣсть. — Столбъ и надпись. — Миловидный дистаночный и звѣрообразный объѣздчикъ. — Теопень какъ дипломатъ, или воръ у вора дубинку украсть. — Представительная личность. — Лестное предложеніе. — Кое-что о русскихъ глаголахъ.

Мы на пути, т. е. мы заняты нѣсколько сутокъ сряду скучнымъ дѣломъ передвиженія съ мѣста на мѣсто. Встрѣчный людъ глядитъ, разня ротъ на нашъ длинный поѣздъ, составленный изъ какихъ-то необыкновенныхъ фуръ, брыкъ, вагоновъ и проч., изъ которыхъ выглядываютъ и собачьи морды и полусонныя человѣческія физиономіи въ косматыхъ шапкахъ, или помятыхъ и сбитыхъ набокъ картузахъ. Первый день мы провели нескучно, среди общаго говора оживленнаго шутками и смѣхомъ; солнце привѣтливо глядѣло на насъ сверху и легкой вѣтерокъ чуть относилъ струи табачнаго дыма отъ экипажей. На другой день затѣялась *чичерь* и провожала насъ вплоть до мѣста. А знаете ли вы, что такое *чичерь*? Это все, что хотите, т. е. и сухая ѣдкая крупа, и крупный дождь съ мѣлкимъ снѣгомъ, и крупный снѣгъ съ дождемъ пополамъ, и опять крупа — стучить и прыгаетъ и — опять очередная.... Такъ и думалось, что настанетъ зима, подмерзнетъ, подтруситъ снѣжку и — начнутся пороши. Однакожь, не подмерзло, не запорошило; на утро переимѣнился вѣтеръ, перемежающаяся *чичерь* обратилась въ скучную однообразную слякоть.... настала тишина, обуяла лѣнь, дремота; все утихло, все пасушилось; молча, безъ мысли и желанія, глядишь какъ мелкій дождикъ сбѣчетъ по кожаному фартуку, слушаешь какъ чвакаютъ лошадиныя копыта, а тамъ уставятся глаза на ободъ колеса и тупо глядятъ, какъ клубится и плыветъ по немъ

мутная вода, потомъ перейдутъ они на лице сосѣда, а тотъ все таки держитъ между пальцами окуркъ сигары, а самъ опустилъ вѣки и клюеть носомъ по сторонамъ; улыбнешся, зѣвнешъ разъ, другой, глаза закроются и — самъ начнешъ клевать носомъ, а сосѣдъ проснулся, глядитъ на тебя, улыбается.... Итакъ отъ станціи до станціи, съ утра до ночи, одни лишь усталые кони, кажется, живутъ полной жизнью, они хлопчутъ изъ всѣхъ силъ дотащить насъ въ степь....

Сколько написано стиховъ, сколько пропѣто пѣсенъ про эту степь! Такъ и думается, что это та обѣтованная страна, гдѣ и свѣтло и тепло и просторно человѣку; такъ и чудятся эти безконечныя пампы Буэносъ-Айреса, эта ширь да гладь нашего Херсона, гдѣ «куда ѣдешь — тамъ будешь», гдѣ «поѣхалъ въ степь — ночуй въ степи, всталъ въ степи — ложись на степь!...» Ковыль да перекати-поле, да глубокое синее небо съ журавлиными рѣзкими окриками несущимися ни вѣсть откуда.... Не такова степь за-тамбовская! Вотъ, мы ѣдемъ въ степь: направо ветла — на лѣво ветла, опять ветла за ветлой, а за ними все-таки ветлы да ветлы.... Пришлось такъ, или наскучило: свернули направо, налѣво дорожка словно ленточка: тутъ черная гряда, глубокая пахать, тутъ полосами озими, опять грядки взбуравленной земли да порыжѣвшая степца съ болотными круговинами да съ вымочками.... Блѣдно, желто, бугристо, и грязь, и груда.... скирды съ сѣномъ, стога съ хлѣбомъ, какія-то подобія человѣческихъ жилищъ подъ грубою настилкой соломы, полусгнившей отъ течи, полуистлѣвшей отъ копоти, да кой-гдѣ куща горькаго осинника утыканнаго сплошь вороньими гнѣздами.... А вотъ, усталые кони начали пофыркивать и поднимаютъ уши чаще прежняго: впереди хуторокъ, непременно Свинушка или въ родѣ того.... Вотъ, и опять хутора. — Эй! Какъ зовутся ваши хуторы? — Большія Свинушки, малыя Свинушки! Вотъ вамъ и Сныть: большая Сныть, малая Сныть! Стой! добрались до мѣста; тутъ намъ ночевать! О, кого надѣлила судьба хоть одинъ разъ въ жизни ночлегомъ въ этой Сныти, тотъ навѣрное удержитъ его въ памяти наравнѣ съ пожаромъ, наводненіемъ, непріятельскимъ нашествіемъ и имъ подобными злополучіями.

- Эй, мужичекъ, поди сюда: какъ называется вашъ поселокъ?
- Сныть. Мала-Сныть.
- Ну, ладно. Что, остановиться тутъ можно?
- Какъ-становиться?
- Ну, извѣстно какъ.... На ночевку. Ночевать.

- А, ночевать.... мажно.... У насъ, у сусѣда-мажно; и-дѣ хошь.
- Овесъ ѣсть?
- Какъ не быть. Овса въ волю.
- Почемъ за четверть?
- Какъ, почемъ?
- Ну, извѣстно, какъ цѣна; почемъ продаете?
- На продажу нѣтути.
- Какъ, нѣтути? Вѣдь ты говоришь — овса въ волю! Вѣдь вы овесъ продаете?
- Продаемъ. Къ пристанямъ ставимъ, на базаръ вывозимъ.
- Ну, какъ цѣна базарная? почемъ?
- Хтошь ее.... Ономясь гривенъ семь продавали. Баютъ, сталъ дешевле... годъ овсянный.
- Ну, мы тебѣ дадимъ восемь гривенъ за четверть; давай овса.

И опять — нѣтути!

Семь, восемь гривенъ ассигнаціями за четверть овса и овса-млтутти; а у хозяина четырнадцать кладушекъ «сулѣтошнихъ» на гумнѣ — точать мыши, а на продажу все таки — нѣтути, неуправка, своихъ лошадей кормятъ снопами, а помолотиться не хватаетъ времени «возка одолѣла; хлѣба до зимы не убрать съ поля!»

— Эй, хозяйка! смети-ка со стола; что это за крошево навалено? взываетъ нашъ Артамонъ Никитичъ, войдя въ тѣсную смрадную лачугу, отъ пола до потолка набитую ребятами и поросятами. Тутъ, по его соображенію, можно было помѣстить поваровъ, потому что осмотрѣнные уже имъ двѣ лачуги были еще гаже и неопрятнѣе.

— Заразь, кормилецъ; то — хлѣбушка; робяты не поглотали, приговариваетъ одна изъ закоптѣлыхъ бабъ, сгребая локтемъ въ рѣшето крошево или, лучше сказать, ломти и крошки черного какъ уголь и черствого какъ камень хлѣба.

У хозяина десять кладушекъ непчатыхъ ржи на гумнѣ, а онъ самъ и его робяты, съ утра до ночи, лѣто и зиму, въ праздники и будни — глодаютъ это подобіе хлѣба, недоквашеннаго, недомѣшаннаго, въ которомъ запекается двѣ части всякой дряни и только третья часть чистой муки. Что это? скудость, нищета, экономія, что-ли? въ краю, гдѣ каждая десятина даетъ сорокъ четвертей хлѣба превосходнаго качества?

— Да грязь-то соскобли съ лавокъ, добавляетъ Артамонъ Никитичъ, толкая погой свинью, разсвирѣпѣвшую за свое кри-

кливое дѣтище, которому я имѣлъ неосторожность отдавить ноги; ступивши на пукъ соломы, гдѣ оно коношилось.

Вскорѣ появились наши люди и, выгнавъ бабъ съ ребятами и свинью съ поросятами въ другую избу, принялись выгребать и выворачивать скрябками и лопатами гнилую постилку и всякій соръ изъ избы, чтобъ имѣть возможность приготовить ужинъ для охотниковъ. Я пошелъ смотрѣть, какъ кучера и борзятники таскали подъ мышками немолоченный овесъ. Самъ хозяинъ усердно помогалъ раззорять сулѣтошнюю кладушку и самъ таскалъ снопы и подкладывалъ ихъ подъ морды лошадямъ. Къ величайшему нашему удовольствію, слякоть прекратилась, вѣтеръ гналъ облака въ разныя стороны, изрѣдка посвѣчивало красноватое осеннее солнце готовое спрятаться за длиннымъ ометомъ гречневой соломы, лежавшимъ на краю выгона: все предвѣщало холодную утреннюю зарю и, если не ведренный и теплый, то, по крайней мѣрѣ, сухой день. Заботливые наши ловчіе увели обѣ стаи залежавшихся гончихъ въ проводку. Освобождаясь изъ тѣсной и душной закуты, собаки радостно взвизгивали, выпрямляли ноги; катались на спинѣ и какъ-будто поздравляя съ просторомъ и свободой вылизывали одна у другой морды; всего опаснѣе въ этомъ случаѣ борзья: тѣ, послѣ обыкновенной растяжки и выправки, пускались дѣлать вольты и удивительные прыжки; тутъ безъ внимательнаго надзора и постоянныхъ окриковъ можетъ случиться то, что пять, шесть злобачей заложатся по игрунѣ, заловятъ ее и, прежде нежели псари успѣютъ подбѣжать на выручку, плясуна или плясунью изорвутъ въ клочки.

Въ надеждѣ на благоприятную перемену погоды, мы расположились на выгонѣ бивуакомъ, сдвинули экипажи какъ указывала потребность и подувавшій еще легкій вѣтерокъ, устроили логовище для стайныхъ и сворныхъ собакъ; изъ единственнаго деревяннаго топлива съ трудомъ добытаго въ Сныти, т. е. изъ стараго плетня, развели два пепелища для заварки котловъ и добыванія углей на самовары; однимъ словомъ, въ короткое время передъ Снытью образовалось что-то въ родѣ конной ярмарки: близъ двухъ котловъ, въ которыхъ псари кипятили воду для овсянки, а повара бѣжковали двухъ жирныхъ барановъ на ужинъ людямъ, собралась порядочная кучка зѣвакъ и тѣ изъ охотниковъ, которые были не прочь поточить ласы и поострить на счетъ ближняго, затѣяли тотчасъ разговоръ съ мирными обитателями Сныти.

— А что, почтенный, въ баню, чай, по субботамъ ходишь?

обратился острякъ Никита къ сиволаповому долговязову парню, который стоялъ, растопыря руки и выпуча глаза. Дѣтина этотъ былъ дотога грязень, что на него страшно было смотрѣть; волосы на головѣ у него были сухи, безцвѣтны и торчали какъ иглы.

— Кака тамъ баня! произнесъ парень, запуская пятерню къ себѣ въ чубъ и глядя въ пустоту.

— Извѣстно, какія бани бываютъ....

— И, косатикъ, мы къ этому не привычны; бань нѣтуту и въ заведеніи у насъ, вступился невзрачный клинобородый мужичонка, такой же грязный и нечесаный какъ и первый.

— Чтожъ вы, косаремъ, что-ли, скоблитесь?

— А вотъ, родимый, подъ праздникъ Миколу зимняго, бражку заваримъ, въ печку слазимъ — то и баня у насъ!

— Отъ Николы до Николы, а тамъ — николи! Ладно! заключилъ Никита.

— Оттого и дамы у нихъ всѣ таки-брунеточки, прибавилъ графскій борзятникъ, довольный своей изысканной рѣчью.

Я не сталъ больше слушать и пошелъ къ экипажамъ; тамъ, съ помощью ковровъ, попонъ и прочаго, съужили устроить что-то въ родѣ шатровъ и балагановъ съ обильнымъ количествомъ сѣна и соломы, долженствовавшихъ замѣнить для насъ и для охотниковъ пуховики и матрасы. Тутъ же на двухъ появившихся откуда-то столахъ Артамонъ Никитичъ распоряжался приготовленіемъ чая. Чѣмъ ближе были мы къ цѣли, тѣмъ сильнѣе томило всѣхъ желаніе скорѣе кончить наше скучное путешествіе; всѣ съ тоскливымъ видомъ поглядывали другъ другу въ глаза и взгляды эти, какъ нельзя яснѣе, выражали мысль каждаго. Всѣ эти Воробьевки, Свинушки, Сныти и пр., со всею ихъ грязью и копотью, блохами и тараканами, были дотога одвообразны и съ виду похожи одна на другую, что намъ, послѣ двухъ-трехъ ночлеговъ, начало уже казаться будто мы закружились въ какомъ-то водоворотѣ и вертимся на одномъ и томъ же мѣстѣ. Алексѣй Николаевичъ, котораго мы наименовали шкиперомъ, одинъ соображалъ, рассчитывалъ и распоряжался нашимъ передвиженіемъ и какъ опытный морякъ, знавшій всѣ рифы и отмели, увѣрялъ насъ, что избранный имъ ночлегъ есть лучший и удобнѣйшій и слегка подтрунивалъ надъ нашимъ нетерпѣніемъ.

И вотъ, выждавъ минуту, когда мы размѣстившись какъ по-пало начали молча прихлебывать изъ стакановъ, онъ улыбнулся

глядя на наше уныніе и объявилъ, что завтра намъ остается только одинъ короткій переходъ до мѣста. Мигомъ всѣ оживились и заговорили въ разъ.

— Да, отсюда до графской степи всего восемнадцать верстъ, а тамъ верстъ семь степью до станціи, заключилъ Алѣевъ.

Начались общія поздравленія. Второй стаканъ чаю казался для насъ вкуснѣе; графъ приказалъ налить Петрунчику пуншъ; тотъ пріосанился и выкинулъ штучку; Бацовъ подалъ Караю пол-кренделя; Владимірецъ отпустилъ малую-толику изъ пантомины глухонѣмаго .... однимъ словомъ, отъ этого ничтожнаго извѣстія у всѣхъ просіяли лица. Тотчасъ былъ призванъ одинъ изъ обозничихъ и ему приказано, съ частью легкихъ передовыхъ подводъ и поварскою фурью, выступить на разсвѣтъ и идти до мѣста на рысяхъ для занятія квартиръ.

Ни съ одной станціи не собирались мы такъ торопливо и весело въ путь, какъ это было послѣ ночлега въ Сныти. Едва разсвѣло и передовые тронулись, какъ и остальное кочевье поднялось на ноги; начали поить и впрягать лошадей, кормить собакъ, укладываться, усаживаться... и вотъ, при яркомъ сіяніи солнца на совершенно чистомъ небѣ, среди невыразимой тишины свѣжаго осенняго утра, мы тихо потянулись по ровной проселочной дорогѣ. Въ слѣдствіе ли переменъ погоды, или потому, что на душу вѣяло ожиданіемъ чего-то лучшаго, мнѣ казалось, что самая мѣстность рѣзко измѣнилась въ своихъ чертаніяхъ и что мы очутились въ другомъ краю; кругомъ насъ была эта тишь, просторъ, безлюдье; кромѣ нашего обоза полшага шагъ-за-шагомъ по ровной плоскости, мы не встрѣтили ни одного существа способнаго нарушить безмолвіе окружающей насъ пустыни: однѣ лишь бѣлогрудыя дрофы, ходя стадами по полю, сторожко насъ оглядывали; кой-гдѣ торчали не свезенныя еще копны, да расбросанныя по горизонту хуторки, словно приплюснутыя къ землѣ соломенные жгутки, разнообразили ту картину, которой нельзя было дать другого названія какъ *земля* да *небо*. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли въ даль, какъ-будто каждый изъ насъ старался увидѣть прежде другихъ что-нибудь знакомое впереди, но долго и долго передъ нами длилась одна лишь эта недостижимая черта дальнаго горизонта, которая убѣгала все дальше и дальше, становилась тонѣе и нѣжней по мѣрѣ возвышенія солнца на синемъ безоблачномъ небѣ.

Наконецъ, подобно мореходцамъ потерпѣвшимъ крушеніе, мы могли воскликнуть: берегъ, берегъ! Мы узрѣли эту завѣтную

грань, за которою по всѣмъ вѣроятностямъ ожидало насъ много сильныхъ и дорогихъ охотнику ощущений. Алексѣй Николаевичъ первый, показывая на тонкую едва замѣтную впереди черту, сказалъ: вотъ Графская! и всѣ начали напряженно смотрѣть въ даль. Для меня, мало постигавшаго значеніе этой короткой фразы, открылось впереди не что иное, какъ просторная равнина степи, законченная темною полосой лѣса, обнимавшаго полъ небосклона впереди. Мы подвинулись еще версты на три впередъ, и лѣсъ этотъ, казавшійся въ началѣ отдѣльною кущею, началъ принимать обширные размѣры, темнѣлъ и ширился.

— Ого, мы кажись ѣдемъ въ степь, а впереди насъ заснѣла цѣлая Вологодская губернія; тутъ, какъ видно, растутъ лѣса и немаленькіе! сказалъ я, обратясь къ Алѣеву.

Тотъ улыбнулся и вмѣсто возраженія встрѣтилъ меня вопросомъ.

— Вы принимаете эту черную полосу за гряду лѣса?

— Конечно. Иначе быть не можетъ. И въ добавокъ лѣсъ не шуточный; тутъ будетъ гдѣ разойдтись вашимъ пискунамъ.

— Это начались *соры*. Вы ихъ увидите здѣсь много. Вотъ, вскорѣ покажутся Синіе кусты; то лѣсъ настоящій.... И глядя на мою вопрошающую физиономію Алексѣй Николаевичъ продолжалъ:— Вотъ эта, широкая возвышенная полоса, по которой не трудно разѣхаться въ двухъ каретахъ, не что иное, какъ грань или окружная межа графской степи. Она оцоясываетъ сто двадцать тысячъ десятинъ земли отъ сотворенія міра не паханой; по ней бродятъ стадами журавли, дрофы, стрепета и обитаютъ милліоны сурковъ. Это собственность (какъ ее называетъ мой Аванасій) графини Отакойто. Купцы-гуртоправы снимаютъ часть этой степи, участками, для выкормки бойнаго скота, съ правомъ распахать третью часть участка; такимъ образомъ, поднявши часть степи плугомъ, они засѣваютъ на ней бакчи, потомъ просо, макъ, пшеницу и, снявши нѣсколько хлѣбовъ, бросаютъ вспаханную землю и поднимаютъ *новъ*; тучный черноземъ оставленный безъ обработки покрывается сорными травами: польномъ, чернобыльникомъ, девясилемъ, репейникомъ и другими; нѣкоторые стебли тянутся въ вышину аршина на два и выше и образуютъ изъ себя сорную заросль вышиною въ ростъ человѣческій: вотъ отчего издали эти соры кажутся сплошною лѣсною кущею и такъ разнообразятъ видъ степи. Тутъ появляется множество мышей, которыхъ, въ грунтѣ разрыхленномъ, легко

устраивать для себя норки и это служить приманкою для лисицъ; онѣ постоянно мышкуютъ въ сорахъ, а живутъ и выплаживаютъ по сосѣдству съ ними въ сурчинахъ. — А вотъ, и Синіе кусты показались; отсюда остается намъ проѣхать версты пять до Козихи, а тамъ Дроновы хутора, заключилъ мой опытный истолкователь.

Мы подвинулись еще версты на три впередъ; Синіе кусты показались въ полномъ объемѣ и начали уходить отъ насъ направо; стоя посреди графской степи, они являли изъ себя что-то въ родѣ оазиса среди плоскости усѣянной небольшими курганчиками, на которыхъ подобно короткимъ тумбочкамъ сидѣли сурки. Мы ѣхали рубежемъ; направо отъ насъ были земли такъ называемыя *владьльческія*, направо безконечно тянулась графская степь: тамъ-сямъ появлялись отдѣльными полосками соры; ближайшій къ намъ была не что иное, какъ рѣдкій бурьянъ, а дальніе, сливаясь въ одну гряду, обманывали глазъ, и казались сплошнымъ и густымъ лѣсомъ. Глядя на Синіе кусты и слѣдуя рубежемъ, мы подѣхали къ Козихѣ, т. е. къ круглому, заросшему мелкимъ кустарникомъ болоту, которое лежало во владѣльческихъ угодьяхъ и упирало въ графскій рубежъ. Это болото названо Козихой потому, что тутъ нѣкогда обитали дикія козы; а теперь выплаживается въ немъ страшное количество журавлей, гусей и другой дичи. За болотомъ направо показались Дроновы хутора, т. е. мѣсто нашего пристанища; надобно было подвинуться еще съ версту впередъ, повернуть направо и быть дома. Тутъ, на краю, такъ сказать, желаннаго берега, насъ ждало то явленіе, которому надлежащее названіе предоставляю дать горячимъ охотникамъ.

На рубежѣ, въ томъ мѣстѣ, откуда шла со степи дорога къ хуторамъ, мы увидѣли столбъ съ черной доской; подлѣ столба два человекъ о чемъ-то горячо разговаривали: одинъ изъ нихъ, пѣшій, стоялъ и слушалъ, вершникъ что-то объяснялъ ему, показывая рукой въ разныя стороны; наконецъ, онъ тронулся рѣзкой рысью въ степь, часто оглядываясь и зорко осматривая нашъ поѣздъ; пѣшковой пошелъ къ намъ на встрѣчу; въ немъ мы вскорѣ узнали Артамона Никитича, который на разсвѣтѣ дня отправился съ передовыми для занятія квартиръ. Трудно было угадать, что спѣшилъ онъ намъ сообщить, но судя по этой дальней встрѣчѣ нельзя было сомнѣваться, что онъ шелъ за дѣломъ.

— Ну, что? произнесъ графъ на такомъ разстояніи, съ коте-

раго можно было слышать слова и обозрѣть до крайности озабоченную физиономію его камердирера.

Вмѣсто отвѣта Артамонъ Никитичъ снялъ шапку и, не прибавляя прыжки, тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ подошелъ къ экипажу.

— Что скажешь? повторилъ графъ, ожидая слышать непременно что-нибудь новое.

— Что, ваше сіятельство, плохо... выехали нарочно, чтобъ встрѣтить васъ, началъ Артамонъ Никитичъ.

— Какъ плохо? Что такое? Что случилось?

— Да, у насъ, слава Богу, все благополучно... только, вотъ, это обстоятельство какъ вамъ покажется! добавилъ камердинеръ показывая на столбъ съ черной доской.

— Чтожъ тамъ такое? Что за доска?

— Помилуйте, какое строгое запрещеніе на все, что, кажется, птицѣ чужой не перелетѣтъ за межу; по осени вотъ ужъ четыре охоты спровадили... и мы чуть остановились, объѣздчикъ на дворъ: что вотъ онъ поѣхалъ извѣщать дистанчнаго объ нашей охотѣ. Строгость, говорятъ, да взыски съ нихъ такіе, что Боже упаси.

Выслушавъ эту новость мы успѣли выдти изъ экипажей и вмѣсто всякихъ разсужденій отправились къ столбу.

Кто ожидалъ, кому могло придти на мысль, что въ минуту прибытія нашего въ этотъ желанный край, насъ встрѣтитъ, какъ-будто нарочно для насъ приготовленное одно изъ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, передъ которымъ вся эта прошлая тоска и дремота, грязь и слякоть, всѣ эти Воробьевки и Свинушки, съ ихъ полнымъ безобразіемъ, были — ничто.

На столбѣ мы прочли, если не такъ складно, за то явственно и вразумительно написанное, объявленіе отъ главной вотчинной конторы графини Отакойто, (такъ будемъ ее называть по милости Аванасья) объявленіе, строго воспрещающее: «прогонъ на паству лошадей, скота, а главное — ружейную и псовую охоты во владѣніи графини, подъ опасеніемъ, что скотъ, лошади, овцы и ружья у охотниковъ будутъ отбираемы, собаки убиваемы, всѣ охотничьи снасти, какъ-то: капканы, дудки, силки, сѣти перепелныя и проч. уничтожаемы, а сами охотники, въ случаѣ ослушанія и ссоръ, въ контору по принадлежности представляемы...» и проч. И всѣ эти — *аемыя*, т. е. чаемыя и для насъ злополучія были читаны всѣми поочередно и по нѣскольку разъ.

Пока господа упражнялись въ чтеніи этого зловѣщаго объявленія, охотники тоже сходились, окружали Артамона Никитича

и, съ приличными въ нужныхъ мѣстахъ восклицаніями на русскій ладъ, выслушивали онъ него непріятную новость. Одинъ только Теопенъ слушалъ въ погъ-уха и сидя на козлахъ стайной фуры задумчиво похлестывалъ короткимъ кнутикомъ по сапогу; новость эта, какъ видно, была для него ни почемъ. Я подошелъ къ нему:

— Ну, Теопенъ Ивановичъ, дѣло-то вышло дрянъ, сказалъ я, любопытствуя знать, какъ это извѣстіе на него подѣйствовало.

— А что?

— Да то, что въ графскую намъ нельзя и носа сунуть... Запрещеніе строгое.

— Ни-че-вось.

— Какъ, ничего! До насъ четыре охоты были здѣсь, да съѣхали; слѣдовательно и насъ не пустятъ.

— Захотятъ, пустятъ....

— Въ томъ-то и дѣло, что не захотятъ... Объѣздные учреждены: ловятъ, ружья ломаютъ, собакъ бьютъ... Значить, нельзя же идти на проломъ. Пожалуй, непріятностей могутъ надѣлать.

— Да, што... ничево-сь...

Только и рѣчи! Какое-то странное упорство, досадная самонадѣянность, это холодное отношеніе къ интересу минуты... Чортъ знаетъ, что это за каменный человекъ, подумалъ я и отошелъ къ обществу.

Мы дошли пѣшкомъ до квартиры. Дроновы хутора разселены вдоль неправильной ложбины съ узкимъ протокомъ перепруженнымъ плотинами. Тутъ, въ ближайшемъ къ графской степи хуторѣ, суждено было намъ пріютиться. Помѣщеніе было довольно сносное; особенно для стайныхъ и сворныхъ собакъ обѣихъ охотъ нашлись два просторныхъ сарая, которые для большого удобства надлежало только разгородить жердями и устлать соломой; но мы не могли ни къ чему приступить положительно; люди ходили съ мѣста на мѣсто, спустя головы и, какъ говорится, *руки ерозь*, не зная за что взяться; господа собрались въ одной изъ довольно просторныхъ избъ, съ недавно вымытымъ дощатымъ поломъ: одни сидѣли молча какъ громомъ пораженные, другіе бѣгали въ досадѣ изъ угла въ уголь, цѣпляясь за связки и чемоданы кой-какъ брошенные при переноскѣ ихъ изъ экипажей. Это неожиданное извѣстіе дѣйствовало на всѣхъ возмутительно: кромѣ того что мы лишились одного изъ самыхъ лучшихъ и надежныхъ мѣстъ для двухнедѣльной потѣхи, мы потратили много времени на длинный переѣздъ, зашли въ про-

тивную сторону и отдалились отъ вольныхъ и обильныхъ звѣремъ мѣсть на двойное разстояніе. Алексѣй Николаевичъ вытребовалъ хозяина. Ражій мужичина, съ окладистой бородой въ видѣ лопаты и съ простодушнымъ взглядомъ, подтвердилъ наше опасеніе за будущее и предрекалъ чистую неудачу: по словамъ его уже нѣсколько охотъ прежде насъ, простоявъ сутки въ хуторахъ, должны были удалиться. «Завелси-вишь новый управляющій надъ заводами и положилъ запретъ на все... а объ охотникахъ и говорить нечего! что ружей поизломали у мужиковъ, которые охочи до дудаковъ, что сѣтей поотобрали у перепелятниковъ, ужаси! Такъ и вашей милости, я чай, не придется погадить въ степи, затѣмъ новый управляющій, сказываютъ, самъ собачаръ! До прежде его всѣмъ было споручно и на счетъ скотины было куды-вольготно! а теперь, нѣтъ! Крутыя времена пришли!» заключилъ рассказчикъ.

Сообщивъ эту нерадостную вѣсть, борода убралась восвояси.

Во время обѣда объявили намъ, что ѣдутъ объѣздчики. Всѣ обратились къ окнамъ и съ любопытствомъ смотрѣли на этихъ посланцевъ судьбы. На статныхъ коняхъ степной породы, по лемъ, прямо къ нашему хутору, ѣхали три всадника: не было сомнѣнія, что это объѣздные съ графской, ѣхали къ намъ съ извѣстіемъ, конечно нерадостнымъ. Тотчасъ былъ призванъ Артамонъ Никитичъ и ему въ пять голосовъ было приказано задержать гг. прибывшихъ, пока кончится нашъ обѣдъ, а между тѣмъ принять ихъ какъ можно ласковѣе, угостить порядкомъ, и стараться какъ можно вкрадчивѣе и искуснѣе «добыть языка», но, главное, стараться задобрить и если можно, то купить ихъ расположеніе.

Что было говорено до насъ, неизвѣстно. Послѣ обѣда велѣно впустить объѣздныхъ къ его сіятельству. Одинъ изъ нихъ остался при лошадахъ, двое вошли къ намъ въ избу и почтительно поклонившись остановились у двери. Первый изъ вошедшихъ былъ молодой, статный и красивый малый, въ синемъ тонкомъ полукафтанѣ, перетянутъ черкесскимъ поясомъ и въ козовыхъ сапогахъ; съ перваго же взгляда было ясно, что этотъ щеголь былъ неглупъ, рѣчистъ и самолюбивъ, т. е. не прочь отъ удовольствія получить особенный почетъ и при случаѣ разыграть роль проѣзжаго купчика. Онъ состоялъ въ роли старшаго объѣздчика или дистанчнаго, имѣлъ у себя подъ командой двѣнадцать человекъ верховыхъ налетовъ, которыми, какъ узнаемъ послѣ, распоряжался очень умно и не безвыгодно

для себя. Товарищъ его простой объѣздчикъ былъ что-то среднее между мужикомъ и дворовымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ среднее же между человѣкомъ обыкновеннымъ и страшилищемъ. Судя по его росту, плечамъ и этой скуластой, плоской, изрытой оспинами, съ тупымъ и звѣрскимъ взглядомъ раскосыхъ глазъ, харѣ и вообще какой-то свирѣпости во всемъ ея складѣ, значилось ясно, что для этого степнаго витязя выпить полведра съ маху, сожрать барана и приплюснуть встрѣчнаго, было дѣло нестоющимъ долгаго размышленія.

— Ну что, господа честные, зачѣмъ пожаловали? началъ Алексѣй Николаевичъ, которому, какъ опытнѣйшему и бывалому уже здѣсь, мы предоставили дипломатическую часть этого важнаго дѣла.

— Къ вашему сіятельству, явились съ покорнѣйшей просьбой, отвѣчалъ начальникъ стражи съ полнымъ уваженіемъ и заученой подчиненностью. По его голосу и выраженію надо было думать, что онъ долженъ быть или смышленнѣйшій и тончайшій плутъ, или скромный и точный исполнитель своей обязанности.

— Радъ служить. Что вамъ отъ насъ надобно?

— Мы наслышены, что ваше сіятельство изволили прибыть въ эти мѣста на счетъ охоты, такъ если вашему сіятельству неравно желательно будетъ проѣхать въ нашу степь, то мы обязаны васъ предупредить и дать объ васъ знать конторѣ, а вамъ заявить впередъ, что травить звѣря въ нашихъ дачахъ не дозволяется.

— Знаю, любезный. Мы давеча читали тамъ у васъ на межѣ запрещеніе. Кто это смастерилъ его? Для вашей графини, кажется, все равно... Что, она вернулась изъ Италіи?

— Никакъ нѣтъ. Вотъ, ужъ седьмой годъ пошелъ...

— А управляющій у васъ тотъ-же? какъ ега... Огивкинъ, Кремешковъ, что ли? Онъ былъ человѣкъ сговорчивый.

— Никакъ нѣтъ. На ихъ мѣсто назначенъ новый. Вотъ ужъ два года слишкомъ какъ они завѣдываютъ и вотчиной и заводами.

— Ага, такъ это онъ придумалъ такую строгую систему?

— Не могу знать. Намъ отъ конторы назначеніе послѣдовало. Еще съ прошлаго года учредили четыре дистанціи, человѣкъ по двѣнадцати объѣздныхъ въ каждой.

— Ого! Значить, къ вамъ теперь и муха не пролетитъ безъ вашего вѣдома...

— Муха не муха, а вотъ на счетъ бычковъ да промысловъ

никовъ разныхъ, ужъ это будетъ наше вѣщаніе... Тутъ мы должны стараться не упускать изъ вида ничего.

— Хорошо. Ну, а если намъ теперь понадобится идти къ Боброву или на Битюгъ? Тутъ какъ вы посудите? Вѣдь намъ нельзя же перелетѣть на крыльяхъ версть сорокъ... Мы не журавли!

— Это какъ вашей милости будетъ угодно; тутъ мы воспрепятствовать вамъ не можемъ; только я обязанъ о проходѣ вашему извѣстить контору и проводить васъ черезъ свой участокъ. Ужъ это моя должность... Вотъ, не угодно ли вашему сіятельству полюбопытствовать на инструкцію.

И г. дистаночный почтительно поднесъ Алѣеву перегнутый въ восьмую листъ бумаги.

Фирманъ этотъ былъ написанъ года два назадъ и такъ потертъ отъ постоянного ношенія въ карманѣ, что состоялъ изъ восьми отдѣльныхъ лоскутковъ съ буроватыми пятнами. Мы окружили Алѣева и начали читать глядя черезъ его плечи. Любопытное постановленіе начиналось такъ: Отъ вотчиннаго правленія ея сіятельства и т. д. старшему дистаночному 2-й половины колягинскихъ межъ Алексѣю Антонову Крутолобову.

Инструкція.

Тутъ слѣдовало множество пунктовъ за подписью главноуправляющаго полковника Стебакова и управляющаго конторою Клевалова, а вънизу печать.

Инструкція была полная и неумолимо строгая. Послѣ пунктовъ относившихся къ чабанамъ, гурто-правамъ и прочему люду, слѣдовалъ длинный наказъ какъ управляться съ охотниками всѣхъ сортовъ и видовъ. Тутъ было припасено, какъ говорится: «всѣмъ сестрамъ по сергамъ!» Начитавшись вдоволь о ястребятникахъ, перепелятникахъ, псовыхъ и ружейныхъ охотникахъ, мы дошли наконецъ до пункта 29-го, гдѣ было сказано: «Буди же осведомишься вѣрно о прибытіи большихъ псовыхъ охотъ для травли звѣря въ твоемъ участкѣ, то обязанъ ты прибывшихъ съ такимъ намѣреніемъ господъ предупредить, а о прибытіи ихъ контору немедленно извѣщать. Если же таковымъ охотамъ потребуются проходить степью, то обязанъ ты съ объѣздными оную охоту сопровождать черезъ свой участокъ, строго наблюдая притомъ чтобы во время слѣдованія оной охоты никакого звѣря травлю не было». Наконецъ, пунктъ 30-й гласилъ такъ: «У казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, однодворцевъ и вообще у промышленниковъ ставящихъ капканы на сурковъ, оные отбирать и

виѣстѣ съ владѣтелями таковыя орудія въ контору представлять» и проч.

По прочтеніи этой «грозы конторской», какъ назвалъ ее Владимірецъ, между нами возникла жаркая французская полемика; каждый опровергалъ чужое мнѣніе и предлагалъ отъ себя что-нибудь новое, въ свою очередь ни къ чему негодное. Стерлядкинь упорно стоялъ на томъ, что это — *quelque piége... pour atraper* — насчетъ *срыва*, и стоитъ только заискать и *купить* расположеніе дистаночнаго, то мы навѣрное будемъ травить сколько душѣ угодно. На этомъ кончили и чтобъ условиться на свободѣ какъ дѣйствовать и что намъ окончательно предпринять, Алѣевъ обратился къ дистаночному.

— Ну, любезнѣйшій, это видно, что у васъ тутъ завелись новыя порядки—и если существуетъ такое строгое запрещеніе, то мы конечно не рѣшимся сдѣлать вамъ неприятность. Спасибо, что ты извѣстилъ насъ во время. Если понадобится идти вашей степью мы тогда увѣдомимъ. А теперь, чтобъ разстаться друзьями, ступайте-ка напейтесь чайку.

Послѣ легкаго отказа г. дистаночный и его молчаливый товарищъ вышли съ Артамономъ Никитичемъ пить чай.

Въ короткій срокъ ихъ отсутствія, на свободѣ, послѣ подробнаго обсужденія всего дѣла, было условлено и положено, съобща: «Если не удастся какъ-нибудь *смахлевать* этого дѣла съ дистаночнымъ и братією, помимо конторы и властей, то писать письмо къ управляющему и просить у него дозволенія, по крайней мѣрѣ проходитьъ черезъ степь, метнуть гончихъ въ Синіе кусты». Умнѣе этого придумать, кажется, было нечего.

Черезъ часъ дистаночный явился благодарить за угощеніе, хмѣльнаго онъ ничего не употреблялъ и потому велъ себя по прежнему, почтительно и съ достоинствомъ. Задобренный ласковымъ приемомъ и какъ будто сочувствуя намъ, онъ прибавилъ: «жалъ, ваше сіятельство, лисицъ у насъ много; я, признаться, и самъ охотникъ, а *ловить ихъ не дозволено*; хоть бы на васъ посмотрѣлъ какъ бы вы стали тѣшиться....

— Да, нехудо бы... А вотъ что, любезный, нельзя ли такъ, помимо вашей инструкціи? а? Мы бы атакнули въ Синихъ кустахъ, прошлись бы по сора́мъ... Кто тамъ увидитъ? Управляющій вашъ съ конторою, тамъ, за тридевять земель....

— Никакъ нельзя, ваше сіятельство; на счетъ этого у насъ строгости большія. Народъ тоже.... дружка за дружкой, такъ вотъ — чего не было плетуть.... Помилуй Богъ, донесутъ, какъ

разъ подъ красную шапку угоднись... Управляющій же теперешній, не тѣмъ будь помянутъ, человѣкъ, куда — тяжелъ...

— Ну, а если мы отправимъ къ нему нарочнаго съ письмомъ и будемъ просить разрѣшенія поохотиться хоть въ одномъ твоёмъ участкѣ... Какъ думаешь, дозволить?

— Этого я не могу вамъ доложить... ужъ это какъ вамъ будетъ угодно... Затѣмъ, счастливо оставаться.

Замѣтно было, что послѣдняя предложенная Алѣевымъ мѣра какъ-то неблагопріятно подѣйствовала на дистаночнаго; онъ поспѣшно раскланялся и вышелъ.

Между тѣмъ, пока шли у насъ эти неудачные переговоры, Теопенъ Ивановичъ сидѣлъ на завалинѣ у крайняго двора, гдѣ помѣстился также и объѣздчикъ остававшійся при лошадяхъ. Съ первой понюшки табаку, которымъ Теопенъ Ивановичъ изволилъ попотчевать новаго знаконца, между ними возникла длинная бесѣда. Степнякъ какъ видно былъ не прочь погудорить съ добрымъ человѣкомъ, а ловчій нашъ былъ великій мастеръ слушать; неизвѣстно о чемъ толковали они, но видно было что Теопенъ Ивановичъ услышалъ для себя что-нибудь очень пріятное, потому что даже и тогда какъ степные стражи тронулись въ путь онъ долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ и, пропустивъ потомъ двойную порцію роменскаго съ передышкой, крикнулъ и примолвилъ — «ладно».

По отбытіи дистаночнаго мы остались въ болѣе сомнительномъ положеніи нежели были до его появленія. Осталась одна темная надежда на милость управляющаго... За рѣшеніемъ исполненіе не замедлило. Черезъ часъ времени хозяинъ нашъ стоялъ у избы съ парю джухихъ коней запряженныхъ въ крестьянскую телѣгу, и Аванасій, напутствуемый всѣми возможными совѣтами и приказаніями, усѣлся на мягкой постилкѣ и рѣзкой рысью отправился въ путь. Взадъ и впередъ ему предстояло сдѣлать слишкомъ семьдесятъ верстъ, и потому мы не надѣялись получить отвѣтъ ранѣе какъ на другой день къ вечеру.

За то встрѣча ему была самая почетная; на другой день во время обѣда доложили намъ, что ѣдетъ Аванасій; мы словно по командѣ вскочили съ мѣстъ и побѣжали къ окнамъ. Охотники всѣ до одного вышли къ нему на встрѣчу; даже бабы и ребята высыпали на улицу поглазѣть на происходившее. Обозрѣвши эту картину, мы снова усѣлись за покинутую трапезу. Вошелъ Аванасій и... подалъ Алѣеву его же письмо нераспечатаннымъ; при письмѣ была приложена маленькая записка.

— Чтожъ? проговорилъ Алѣевъ принимая письмо.

— Что, сударь, ѣздилъ — ни по что, привезъ — ничего.

Алѣевъ прочелъ записку сначала молча, потомъ началъ въ слухъ: «Его высокоблагородіе, г. главноуправляющій третьяго дня въ шесть часовъ пополудни изволилъ отбыть въ С. Петербургъ срокомъ на одинъ мѣсяць, а потому контора за отсутствіемъ его не можетъ дозволить охоты во владѣніяхъ ея сіятельства».

Конторщикъ Чревобитовъ.

Боже мой! На семи печатныхъ листахъ не передашь всего, что говорилось по полученіи этого окончательнаго отказа. Начали наконецъ утверждать и доказывать, что мы можемъ травить въ дачахъ графини Отакойто. Отчего, напримѣръ, во время прохода степью на насъ не могутъ напасть волки, лисицы, даже зайцы и мы, защищая свою жизнь, рубимъ ихъ, стрѣляемъ, наконецъ травимъ собаками... Бѣдную графиню надѣляли заочно такими побранками, отъ которыхъ она навѣрное упала бы въ истерику, еслибъ могла ихъ слышать; управляющему отпускалось ихъ вдвое; Бацовъ свирѣпствовалъ и грозилъ ему рѣшительнымъ побіеніемъ; наконецъ онъ приглашалъ всѣхъ слѣдовать за нимъ съ обнаженными кинжалами и въ случаѣ надобности травить самихъ объѣзчиковъ... Это породило общій смѣхъ, и бѣдный Лука Лукичъ, оставленный въ одиночествѣ при своемъ лютомъ мнѣніи, горячился пуще прежняго и началъ даже намъ самимъ угрожать кинжаломъ. Погоревавши и насмѣявшись досыта, рѣшили наконецъ — завтра же тронуться въ дальнѣйшій путь: взять въ полдень Козиху, а оттуда съ собаками на смычкахъ идти степью прямо къ Хопру.

Рѣшено. Осталось только отдать приказаніе ловчимъ.

— Фунтикъ! Кликни Теопена, сказалъ Алѣевъ случившемуся тутъ мальчику Стерлядкина, который такъ горько рыдалъ, выпрашиваясь у него въ отъѣзжее. Названіе Фунтика онъ получилъ отъ охотниковъ уже во время пути.

Вопелъ Теопенъ и по обыкновенію прилипъ у притолки.

— Завтра, началъ Алѣевъ, надо брать Козиху.

— Это какъ вамъ будетъ угодно... По моему такъ Козихи съ первоначала брать бы не слѣдовало; ее устѣемъ взять и на послѣдяхъ.

— Когда на послѣдяхъ?

— Извѣстно, къ концу, передъ выходомъ, либо такъ — между дѣла, какъ надумается. Мѣсто подъ рукой, домашнее, звѣрь — набродный.

— Ты, какъ видно, располагаешь туразитъ тутъ до зны, а я тебѣ говорю, что намъ надо завтра взять Козьку по пути; мы выступимъ отсюда къ Хопру.

— Это чтожь?... Что ни лучшія мѣста кинуть такъ! Лучше было и не ходить въ такую даль... Чтожь мы все и будемъ выступать да выступать. Отъ добра — добра не ищутъ. Мѣсто — въ свѣтъ первое! Звѣря — сила! А вчера, сидя на завалинѣ, четырехъ перевидалъ на рискѣ... лисъ выкунягъ; горитъ, грачъ грачомъ! Самая пора; только бы вотъ — тронуть, посыплютъ....

— Ты говоришь какъ-будто во снѣ... я знаю твой характеръ — вынь да положь! Слышалъ вѣдь кажется...

— Да, што.... Слушать-то нечего!

— Какъ нечего! Тебѣ говорятъ, что въ грацкую насъ не пустятъ.

— Какъ не пустить... Захотятъ, пустятъ...

— Ну, вотъ прошу толковать съ подобными людьми! проговорилъ Алѣевъ горячо. Зарубилъ одно... Теперь прошу его урезонить! Тебѣ говорятъ; русскимъ языкомъ, что мы завтра должны отсюда выступить; тутъ дѣлать нечего.

— Это воля ваша... какъ вамъ будетъ угодно... А я мекаю такъ, что дальше идти намъ не за чѣмъ. Что намъ дѣлать на Хопрѣ? Тамъ, я чай, съѣхалось охотника не въ перечетъ... Поди, подметай чужіе слѣды. А тутъ, ѣшь — не хочу! Такихъ мѣстъ вѣкъ не обыщешь, благо — дошли.

— Чтожь ты будешь тутъ дѣлать?

— А что хочу, то и дѣлаю!

— Ну, вотъ, послушайте его! обратился къ намъ Алѣевъ. — Пропшу васъ потолковать съ такими людьми. Тебя призвали сюда для того, чтобъ отдать приказаніе. Завтра мы выступаемъ; по пути возьмемъ Козьку и оттуда, сожнувши стаю, идемъ степью на Хоперь. Попятно тебѣ? Затѣмъ тебя кликнули. Теперь, ступай.

— Это попятно. Слушаю-сь.

Ѳеопень посмотрѣлъ на меня твердо, вопросительно, какъ-будто онъ хотѣлъ что-то мнѣ сказать, повернулся и какъ-то неохотно вышелъ. По отбытіи ловчачо между охотниками возникло словопрѣніе. Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ Бачовъ схватился за мысль Ѳеопена и началъ варьировать ее на разные лады. Всѣ видимо были недовольны своимъ настоящимъ положеніемъ; никому не хотѣлось трогаться съ мѣста и идти дальше, какъ говорится — на авось! и потому Лука Лукичъ

не встрѣчалъ общаго отпора, хотя на вопросъ Агѣева — для чего намъ здѣсь оставаться? и чего ждать? онъ не могъ держать никакого отвѣта. Я сидѣлъ молча и слушалъ, убѣждаясь больше-и-больше, что всѣ, словно по заказу, несли *околесную*.... Тутъ, во время общаго говора, незамѣтно для прочихъ, ко мнѣ подвернулся Фунтикъ и сказалъ шепотомъ, что Теопенъ имѣетъ надобность переговорить со мной о весьма-нужномъ дѣлѣ и просить придти къ нему такъ, чтобъ «не замѣтили господа». Увернувшись очень-ловко, я вышелъ и по указанію Фунтика отправился на таинственное свиданіе съ ловчимъ.

За хозяйскимъ гумномъ, на берегу тинистаго протока, гончія лакали запарку изъ полотнянаго походнаго корыта. Теопенъ стоялъ тутъ опершись грудью на весло; съ нимъ были два его помощника — Сергѣй и Пашка.

Я подошелъ къ обществу и попросилъ огня раскурить сигару.

— Что, сударь, вышли прогуляться? сказалъ ловчій.

— Да. Наскучило тамъ сидѣть. Всѣ горячатся, спорятъ и все-таки не сталкиются, что дѣлать.

— Да, што... Не слушалъ-бы... Дбруцъ!

Теопенъ размѣшалъ остатокъ запарки и обратился ко мнѣ.

— Это я вамъ доложу, сударь, у насъ всегда такъ ведется: съ подходомъ, да съ высоко! Вотъ и сюда пришли — за какимъ дѣломъ? на столбахъ граматы вычитывать! Ужъ это я вамъ доложу, что не выду такъ отсюда, а вырою столбъ и буду возить съ собою; куда придемъ — тамъ и поставлю; пусть-ихъ читаютъ на здоровье!

— Нельзя-же, любезный другъ; это дѣло такое — на что если пойдетъ — и столбу вѣрь. Въ чужихъ дачахъ, ты самъ знаешь, травить нельзя; а пойдешь на перекоръ, такъ, пожалуй, влетишь въ такое дѣло, что послѣ и не распутаешься...

Вмѣсто всякаго возраженія Теопенъ отвернулся къ корыту и началъ глядѣть по-своему. Эта переглядка вмѣстѣ съ молчаніемъ, для меня, начинавшаго нѣсколько понимать натуру Теопена Ивановича, значила ясно: «дескать, и этотъ городить такой-же вздоръ, какъ остальные; и этому больше нечего отвѣчать какъ — *слушаю*».

— Серега, веди. «На мѣсто!» крикнулъ онъ гончимъ. Собаки скучились и пошли за Сергѣемъ. А ты, Пашутка, снимай корыто.

Пашка принялся снимать съ колушковъ корыто, для того чтобъ развѣсить его на жердяхъ для просушки.

— Виноватъ, сударь, потревожилъ я васъ оттуда. У меня до васъ есть нужное дѣльце, началъ Теопенъ, отходя въ сторону.

— Очень-радъ служить, чѣмъ могу. Говори, что надо?

— У васъ лошади не истомлены, или налегкѣ; кучеръ вашъ — парень степенный... Нужновато-бъ съѣздить мнѣ, не далече тутъ, къ кумѣ.... Не пожадете-ли вашу тройку; лошади будутъ сохранны; ѣзды тутъ нисколько.

— Пожилуй, Теопенъ, какъ-же тебѣ не стыдно затрудниться въ такихъ пустякахъ. Самъ-бы раньше меня распорядился и съѣздить, куда надо. Лошади свѣжія, что имъ дѣлается?

— Нѣтъ, ужъ вы сами потрудитесь приказать, своимъ словомъ, это для меня вѣрнѣй. Да, тамъ, между господъ, неравно къ рѣчи придетъ, не проговоритесь какъ-нибудь. Мнѣ-бы съѣхать только такъ, чтобъ не въ домекъ нашему народу; а тамъ, пожалуй, хотъ и спохватятся, подождутъ; невелика важность.

Объяснивши въ короткихъ словахъ, какого рода приказаніе я долженъ буду отдать Игнаткѣ, Теопенъ кликнулъ своего выжлятника, которому, какъ видно, онъ довѣрялъ во всемъ больше, нежели Сергѣю.

— Пашутка, летай, сыщи нхняго кучера, да шуки ему, чтобъ посгѣшилъ сюда; только, смотри, осторожнѣй, не запри-мѣтай-бы кто.

Недолго пришлось намъ ожидать. Пашка и Игнатъ мигомъ явились.

— Игнатка, сказалъ я своему возницѣ, — въ сумерки надѣнь на тройку хомуты, только такъ, чтобъ этого не замѣтили и не было распросовъ, и какъ только народъ соберется ужинать, запряги осторожнѣе и съѣзжай со двора какъ можно тише. Теопенъ Ивановичъ съ Пашкой поѣдутъ съ тобой, куда надо. Ты теперь остаешься въ полномъ распоряженіи у Теопена Ивановича и если онъ похвалитъ тебя за усердіе, то получишь большое отъ меня спасибо.

Пожелавъ Теопену Ивановичу счастливаго пути, самъ не зная, въ какую сторону лежалъ этотъ путь, я пошелъ обратно, ни мало не затрудняя себя вопросомъ и желаніемъ разгадать затѣю нашего ловчаго. «Что будетъ, узнаемъ послѣ», думалъ я, «а теперь надо молчать». Съ этой мыслью очутился я снова въ обществѣ горемыкъ-охотниковъ. Горячій споръ и длинныя разсужденія шли у нихъ по-прежнему, но дѣло отъ этого не уяснялось и прежнее рѣшеніе оставалось во всей силѣ. Принялись наконецъ съ досады подтрунивать надъ своимъ безотраднымъ положеніемъ;

Владимирецъ въ этомъ случаѣ первенствовалъ и рѣзкими каламбурами вызывалъ общій хохотъ.

Подали уже свѣчи и, слушая въ тихомолку разныя побасенки, я преспокойно допивалъ второй стаканъ чая, какъ неожиданно рушилась гроза на мою тайну.

— Ну, если ты такъ твердо вѣришь его словамъ (словамъ Θεопена), началъ вдругъ Алѣевъ, относясь къ Бацову, — такъ ты-бы потрудился разузнать отъ него хорошенько — съ чего онъ вздумалъ утверждать....

— Однакожь, подхватилъ графъ, — я самъ почти одного мнѣнія съ Лукой. Ты знаешь вѣдь Θεопена: онъ скорѣе промолчитъ о дѣлѣ, въ которомъ самъ сомнѣвается.

— Хорошо. Если онъ докажетъ чѣмъ-бы то ни было, что для насъ лучше оставаться здѣсь, а не идти дальше, я готовъ оставаться и ждать хоть цѣлую недѣлю.

— Пожалуй. Эй, кликните Θεопена, крикнули два голоса разомъ и Фунтикъ прытко побѣжалъ изъ избы.

«Ну», подумалъ я, «что теперь лучше — быть или не быть — Θεопену?»

Прошло около получаса и Фунтикъ явился съ докладомъ, что Θεопена Ивановича нигдѣ не сыщутъ.

— Какъ, не сыщутъ? Пошли кого-нибудь по-умнѣй, чтобы спросили у выжлятниковъ, сказалъ Алѣевъ.

Прошло еще полчаса. Явился посланецъ по-умнѣй и донесъ, что ловчаго нѣтъ нигдѣ и въ добавокъ Пашка пропагъ.

— Дурачье. Послать сюда Сергѣя.

Явился и Сергѣй и доложилъ, что когда онъ уходилъ ужинать, Θεопенъ и Пашка оставались при стаѣ, вернувшись-же назадъ, онъ не засталъ ни того, ни другого.

Послѣ этого донесенія послѣдовалъ новый приказъ — узнать, гдѣ Θεопенъ и Пашка.

Вслѣдъ затѣмъ въ присутствіи моемъ было отправлено нять посланцевъ справиться уже о томъ, нашли-ли Θεопена? Наконецъ, въ половинѣ двѣнадцатаго явился самъ Артамонъ Никитичъ и доложилъ какъ-то тревожно и таинственно, что и моя тройка сбѣжала куда-то со двора.

— Ну, объ этомъ не хлопчите, отвѣчалъ я, надумавшись на свободѣ, какъ по-искуснѣе солгать. — Я еще съ утра приказалъ Игнаткѣ перековать пристяжныхъ и перетянуть шину на колесѣ. Вѣдь завтра въ походъ, такъ надо-же исправить.

Это успокоило многихъ. Спросили еще раза три о Θεопенѣ и

мирно улеглись спать. На утро мы пробудились очень-рано и первый вопрос у всѣхъ былъ — гдѣ Теопенъ? но, увы, и Теопенъ, и Пашка, и моя подкованная тройка съ Игнатомъ, какъ-будто и на свѣтъ не раживались. Вплоть до девяти часовъ только и рѣчи было, что о Теопенѣ и его спутникахъ. Я упрямно молчалъ, твердо надѣясь, что рано или поздно они явятся. Наконецъ вбѣжалъ къ намъ Фунтикъ, какъ-будто съ вѣстью о пожарѣ: «Теопенъ Ивановичъ идетъ, и лошадей ведутъ», проговорилъ онъ на-скоро.

Вмѣсто распросовъ мы вышли одинъ по одному и очутились посреди выгона.

По одной изъ окольныхъ дорогъ, не со степи, а отъ сосѣднихъ хуторовъ, тихо шелъ Теопенъ въ своемъ фризовой балахонѣ; онъ несъ что-то похожее на маленькую собачку, которая прыгала и вертѣлась у него на рукахъ; слѣдомъ за нимъ тройка, понатужась, везла грузный возъ; по сторонамъ шли Игнатъ и Пашка; у одного въ рукахъ были возжи, другой управлялся съ такимъ-же беспокойнымъ звѣркомъ, какъ и у Теопена.

Недоумѣвая на что подумать, мы молча дождались, пока Теопенъ Ивановичъ очутился отъ насъ въ десяти шагахъ; на рукахъ у него рвался и юлилъ всячески живой сурокъ; взмыленные лошади подвезли къ нашему крылечку покрытый попонами грузный возъ, въ которомъ, судя по упору тройки, было не меньше пятидесяти пудовъ клади.

— Что это? Гдѣ это? Какъ? Откуда? И множество подобныхъ вопросовъ и восклицаній встрѣтили въ одинъ разъ нашего мудреного затѣйника.

— Да, вотъ, ѣздили поглядѣть, какъ запретный звѣрь ловится, отвѣчалъ Теопенъ и, сдавши сурка одному изъ охотниковъ, которые сбѣгались со всѣхъ концовъ поглазѣть на происходившее, онъ волѣзъ на колесныя ступицы и сдернувъ попоны, покидалъ на полъ около десятка давленныхъ сурковъ. Остальная клада состояла изъ капкановъ, весьма-отчетливой и прочной работы. Судя по емкости телѣги и высотѣ вороха, надо было полагать, что тутъ ихъ было штукъ до двухсотъ, слѣдовательно, одного желѣза не меньше сорока пудовъ.

Неожиданная новость эта дотога озадачила всю честную компанію, что никто не рѣшался высказывать въ слухъ своихъ мыслей; глядя на это темное пока для всѣхъ дѣло, я какъ-то неволью припоминалъ тѣ вѣскіе слова, которыхъ смыслъ теперь только началъ по-немногу объясняться: «да што.... ничево-съ....

какъ не пустить — захотятъ, пустятъ!» думалъ я безпрестанно и полагалъ навѣрное, что вся эта продѣлка, всею ея тяжелой стороною, ляжетъ прямо на дистаночнаго и его грозную ин-струкцію. Кстати-же, думалъ я, тамъ есть кое-что о суркахъ и капканахъ.

— Чьи-жъ это капканы? спросилъ Алѣевъ.

— А кто-шъ ихъ.... Тамъ, разберутся.... Хозяинъ същется, отвѣчалъ Теопень съ свойственной ему уклончивостью.

— Какъ не найдтись, прибавилъ краснобай Никита, взвѣшивая на рукѣ одинъ изъ капкановъ, — за десяткомъ, пожалуй, не погнались-бы, а тутъ, вишь, что ихъ наворочено; рублей на тысячу будетъ.

— Тысяча, не тысяча, а за пятьсотъ не укупишь, возразилъ старикъ Андрей, самъ капканщикъ. — Работа знатная, цѣлко-выхъ полтора штука....

Стерлядкинъ и графъ посмотрѣли молча Алѣеву въ глаза и только пожали плечьями; послѣдній обратился къ своему ловчому.

— Ну, Теопень, спасибо тебѣ за сметку, а за усердіе вдвое. Теперь я вижу, что ты говоришь правду: отсюда намъ идти, видно — погодить.

— Что-жъ, денекъ, другой — время нисколько. А тамъ, какъ вамъ будетъ угодно....

— Ну, ну, ладно. Теперь это дѣло надо отдать тебѣ въ опеку; справляйся какъ знаешь. Тебѣ и книги въ руки. Мы тутъ въ сторонѣ. Пойдемте, господа.

И господа возвратились въ избу совсѣмъ не въ такомъ расположеніи духа, въ какомъ вышли изъ нее не задолго: у всѣхъ просіяли лица. Пахнуло вдругъ надеждой на благополучный исходъ испорченнаго нами-же и какъ казалось, невозможнаго дѣла.

— Что это такое! повторяли одинъ за другимъ въ раздумьи, не зная, какъ и что подумать о случившемся. — Ага! что? Я вамъ говорилъ! приговаривалъ Бацовъ, бѣгая взадъ-впередъ по комнатѣ. Онъ торжествовалъ. — Ну, братъ, Теопень твой рѣдкій человѣкъ! вторилъ графъ, и вслѣдъ затѣмъ всѣ сразу приступили ко мнѣ съ вопросомъ что значать эти сурки и капканы, съ какой цѣлью Теопень скрылся вчера и для какой надобности выпрашивалъ у меня лошадей? Я отвѣчалъ, что цѣль эту постигаю на столько-же на сколько и они, а лошадей онъ просилъ для того, чтобъ съѣздить къ — *куль*.

Всѣ громко захохотали.

— Изъ всего этого я вижу, заключилъ графъ, — что мы

цѣлые сутки городили вздоръ; одинъ только этотъ немогузнайка знаетъ дѣло, какъ оно есть. Теперь намъ остается одно: ни словомъ, ни дѣломъ не мѣшать ему ни въ чемъ.

— Пусть какъ знаетъ — такъ и кроутъ, добавилъ Стерлякинъ.

Какъ будто къ слову явился Θεопень Ивановичъ.

— Ну, что скажешь хорошаго? спросилъ Алѣевъ.

— Ничевось. Пришелъ, nebudeтъ-ли какого приказанія?

— Ну, теперь какія приказанія... А вотъ что, скажника намъ, откуда ты нацапалъ такую пропасть кашкановъ?

— Какъ, откуда? Такъ вотъ пообобралъ... Валялись кой-гдѣ по запретнымъ мѣстамъ.

— То-то, смотри, какъ-бы не явились съ обыскомъ? Тогда, знаешь, надо знать какъ...

— Да, што... ничево-съ... Какіе тамъ обыски... извѣстно — воръ у вора дубинку укралъ. Ужъ на этотъ счетъ будьте покойны. Какъ бы намъ еще не пришлось пообыскать округъ ихъ! а то... Тутъ не то дѣло! прибавилъ Θεопень, помолчавъ не много, и на лицѣ его мелькнула злая усмѣшка, какъ будто онъ припомнилъ что-то очень для себя забавное и смѣшное.

Послѣ этого, конечно, говорить было нечего.

— Тебѣ, я думаю, не мѣшаетъ теперь отдохнуть, заключилъ Алѣевъ.

— Пойду. Ночь-таки намаялись. А насчетъ того, наслучай найдутъ сюда эти брызгуны, такъ ужъ извольте приказать, чтобъ къ вашей милости ихъ никакимъ манеромъ не допускать, дескать, почиваютъ, чтоли тамъ, господа; а коли что молъ надо, такъ ступай къ ловчему, затѣмъ молъ, что ему отъ господъ приказъ отдавъ. Я такъ и ребятамъ наказалъ.

— Ладно. Дѣлай тамъ какъ знаешь.

— Затѣмъ счастливо оставаться. А телѣга пусть такъ и стоитъ передъ крыльцемъ; ее не прикажите трогать.

Едва-ли нашему ловчему удалось соснуть часъ времени; дистаночный и звѣрообразный его товарищъ не замедлили прибыть со степи; послѣ короткихъ распросовъ у охотниковъ нарочно приготовленныхъ для ихъ встрѣчи, степные стражи отправились къ нашему крыльцу, гдѣ встрѣтилъ ихъ Артамонъ Никитичъ и, объяснившись какъ подобало, отправилъ ихъ съ Фунтикомъ по принадлежности, т. е. для свиданія съ ловчимъ. По словамъ графскаго камердинера, дистаночный Крутолобовъ съ виду былъ унылъ и озабоченъ: онъ долго и навязчиво про-

силъ позволенія представиться къ графу и говорить, что крѣпѣ дѣла на счетъ «грабежа», какъ онъ называлъ подвигъ Θεопена, онъ имѣеть объяснить его снѣтательству много кой-чего «касательно охоты».

Съ прибытіемъ дистанчнаго мы были обязаны выдерживать строгій карантинъ; всѣхъ насъ мучило любопытство знать, что станетъ прорекать Θεопенъ Ивановичъ при видѣ челоуѣка, прибывшаго искать законной защиты въ дѣлѣ насилія грабежа и иныхъ золъ возмущающихъ гражданское благоустройство. Бацовъ не утерпѣлъ и пригласилъ меня сопутствовать; съ общаго согласія мы облеклись въ охотничьи камтаны, надѣли косматые шапки, пробрались огородомъ и притаились у плетневаго сарая, гдѣ послѣ ночныхъ трудовъ Θεопенъ Ивановичъ изволилъ расположиться на отдыхъ. Когда мы устроились на своемъ секретномъ постѣ и я обыскалъ щель для одного глаза, вступительныя рѣчи съ обѣихъ сторонъ были какъ видно уже кончены, потому что разговоръ перешелъ въ область тонкихъ разсужденій весьма мирнаго впрочемъ и дружелюбнаго характера. Дистанчный стоялъ, глядя пытливо на Θεопена, товарищъ его беззачно разсматривалъ ничтожныя предметы, какъ-то: сѣдлы, ножи, рога и проч. Ловчій нашъ лежалъ на кровати устроенной наскоро изъ трехъ тычинокъ съ перекладинами проткнутыми въ плетень; тонкая соломенная постилка, потникъ подъ бокомъ и сѣдельная подушка въ головахъ, вотъ и всѣ предметы, по которымъ блуждали касые глаза объѣздчика. По лицу дистанчнаго было замѣтно, что онъ былъ чѣмъ-то озадаченъ; Θεопенъ Ивановичъ достигивалъ не торопясь обильную нонюшку и началъ, глядя по своему на козловые сапоги начальника стражи:

— Оно дѣло-знамо, на что запретъ положень, до той вещи и не касайся... Птица такъ птица, а звѣрь — звѣрь. Сурокъ у насъ тоже за звѣря числится? Неравенъ случай, ябы-тово, себѣ на обшивку... вы, не бось, въ звѣрья его оточтете?

Было ясно, что дистанчнаго Крутолобова очень затрудняло разъясненіе этихъ вопросовъ, а потому, минуя ихъ, онъ двинулся къ своей цѣли, сначала окольною дорожкой:

— Коли вы насчетъ этого нужду имѣете, Θεопенъ Петровичъ (такъ именовалъ онъ Θεопена), такъ мы вамъ предоставить можемъ.

— Что вы мнѣ предоставите?

— Вы говорите вотъ на счетъ обшивки, такъ если угодно

мы вамъ парочки три-четыре, настоящихъ, выдѣланныхъ... Ужь это будьте въ надеждѣ.

— Ну, на этомъ спасибо. А теперь котикъ дорогъ сталъ, пострѣли ево-горой! Полушубокъ, что ли опушить — дай не дай два рубля, а то, такъ и весь цѣковый *).

— Это такъ-съ. Справедливо.

Прослушавъ первое спасибо дистаночный двинулся впередъ шибче.

— А нельзя ли намъ, Феногенъ Петровичъ, уладить съ вами дѣло безъ дальнихъ хлопотъ, такъ, чтобъ и намъ было не обидно, и ваши труды хлопоты не пошли задаромъ?

— Ну, моего труда тутъ нисколько. Извѣстно, дѣлай что велятъ...

— И моего интересу, признаться, тутъ нѣтъ вовсе; только что однѣ можно сказать непрятности... ребятъ жалко; изхарчились сердечные; выгоды-то имъ, почитай, никакой, а убытку, страсть что... Жалованья, по нашему дѣлу судя, почитай что на соль не дохватить.

— А на какомъ окладѣ они состоятъ?

— Рублей по сту, съ небольшимъ, выдается изъ конторы... Сами судите, лошадь, самому пить, ѣсть, одѣться, обуться надо...

— Угу...

— Такъ я вотъ, признаться, сказать, глядя на ихъ нужду, и говорю; поставьте ребята кашкановъ по пятку на человѣка все таки подспорье; ужъ о барышахъ тутъ, что толковать, а нужду покроетъ.

— Гм... Знамо господамъ служите, отъ когожь и поживиться какъ не отъ господъ.

— По справедливости такъ, Феногенъ Петровичъ, вы это говорите настоящее, какъ есть... подхватилъ дистаночный, обрадованный сговорчивостью своего собесѣдника и его, какъ думалъ онъ, незрѣлымъ пониманіемъ настоящего дѣла. — Такъ вотъ, извольте видѣть, имъ-то убытки, а мнѣ, пожалуй, непрятности не миновать изъ-за нихъ.

— Непрятности-то ни почему; не былобъ чего хуже... Оно конечно и жалъ какъ добрый человѣкъ за чужой грѣхъ пропадать станеть... Такъ вы говорите, капканы-то объѣзницкіе?

— Истинно такъ.

---

*) Сурокъ въ выдѣлкѣ называется котикомъ. Шкурка его употребляется на оторочку овчинныхъ тулуповъ и дубленыхъ полушубковъ и цѣнится очень дорого.

— Гм... какъ же это... я ужъ и понять не могу: — вы же звѣря оберегаете, вы же его и ловите?!

— Ужъ это мы оставимъ въ сторонѣ, Феногенъ Петровичъ... я вамъ сказалъ по сущей откровенности, что тутъ ничего больше, окромя съ моей стороны помощи служащему народу... А вы вотъ, Феногенъ Петровичъ, возьмитесь-ка устроить дѣльце такъ, чтобъ и намъ остаться безъ обиды, и вамъ за хлопоты... я, пожалуй, (прибавилъ красной съ приличнымъ пониженіемъ голоса) шукну ребятамъ скинутса... рубликовъ пять-десять готовы вамъ служить...

— Гм... Пятьдесятъ рублей, маловато... За совѣтъ сто возьму, а за дѣло не могу взять съ васъ тысячи. Графъ осерчалъ... передъ господами-то ему стыдно стало: затѣмъ, обнадѣжилъ! пойдѣмъ, говорить, къ маменькѣ въ степь, она, говорить, просила; тамъ, вишь, лисиць много...

— Развѣ вашъ графъ нашей графинѣ...?

— Эва, хватились! Въ племянникахъ съ поконъ вѣка числится, да онажъ ему и мать крестная притомъ. По зимѣ видались гдѣ-то тамъ въ чужихъ краяхъ, такъ она сама припросила, побывай, говорить, Миколенька, въ мою вотчину; взгляни тамъ; говорить ни ихніе порядки, да отпиши ко мнѣ — что и какъ...

Бацовъ мой чуть не фыркнулъ, слушая эту сказку; онъ закрылъ ротъ ладонью и покраснѣлъ какъ буракъ.

— Мы не знали этого... проговорилъ тревожно дистаночный.

— Да оно и знать-то вамъ не для чего.

— А то кабы ихъ сїятельству угодно было заявить сначала и къ управляющему бы посылать не для чего...

— Ну, къ управляющему-то онъ посылалъ не затѣмъ, а приказывалъ онъ ему явиться сюда на лицо; должно быть пражку хотѣлъ намылить: жапа-то у вашего управляющаго слышно, не въ мѣру загребиста, да и дѣла у васъ тутъ больно стервецкія завелись!

— Какіяжъ тутъ особенныя такія дѣла могутъ... по экономіи во всемъ какъ и прежде порядокъ одинъ... у насъ на виду ничего нѣтъ такого чтобъ ужъ очень... а если слухъ тамъ какой прошелъ неблагоприятный для управляющаго, такъ это дѣло не наше...

— Слухъ тотъ, что — мошенникъ, и подобралъ къ себѣ такихъ. Какой у васъ тутъ такой Клеваловъ есть?

— Это главный конторщикъ; человѣкъ хороший...

— Ну, этому Сибири не миновать!

— Напрасно такъ думаете. Его укорить ни въ чемъ нельзя. Дѣло свое справляетъ какъ лучше требовать нельзя. Распоряженія идутъ не отъ него... Письменная часть...

— А письменная-то часть у нихъ вотъ какая: по вѣдомостямъ пишутъ землю въ наймы полтора дѣлковыхъ, а берутъ съ купцовъ шесть; степи отдаютъ въ лѣто гуртовъ подь шестьдесятъ, а въ книгахъ ставятъ поименно пятнадцать; испанокъ атарами перегоняютъ въ низнія къ управляющему, а по книгамъ овцы дохнутъ отъ оспы да отъ глиста; въ заводѣ, что ни кровнымъ маткамъ глаза выкалываютъ, да продаютъ за бракъ, съ молотка, по три дѣлковыхъ, а съ окольныхъ заводчиковъ жарятъ за нихъ по пяти, да по семи сотъ... Мало-ли! всего не перескажешь... Вотъ и по вашей сторожевой части, тожъ дѣла дьявольскія живутъ... Вы, вотъ, какъ видно, ничего... а есть у васъ тутъ старшій дистаночный Крутолобовъ, у графа онъ записанъ Алексѣемъ Антоновымъ? И Феопенъ Ивановичъ посмотрѣлъ дистаночному въ глаза такъ дружелюбно и довѣрчиво, какъ будто Алексѣй Антоновъ Крутолобовъ былъ отъ него за тысячу версть.

Дистаночный молчалъ; лица его видѣть я не могъ, но замѣтилъ что уши у него сильно покраснѣлись.

— Вы вотъ и объ этомъ, не бось скажете, хорошій человекъ! да такъ и должно... Онъ вамъ начальникъ; а объ начальникѣ, какая онъ шельма ни есть, говорить съ покоромъ не слѣдъ, затѣмъ самъ идешь его путемъ, самъ будешь начальникомъ!

— Это ужъ, Феогенъ Петровичъ, я вамъ доложу его снательству кто-нибудь напраслину донесъ, произнесъ дистаночный неровнымъ и сильно упавшимъ голосомъ.

— Ну, вы должно быть его мало знаете, а я вамъ скажу, что и въ начальники къ вамъ попалъ онъ черезъ сестру; та, вишь, у этого мошенника Клевалова въ любовникахъ живетъ; а съ такой защитой у него и дѣла идутъ не по вашему... Вы вотъ говорите, глядя на нужду, позволяете ребятамъ по пяти капканчиковъ и то боитесь кабы неприятности не нажить, а у Крутолобова, пополамъ съ конторщикомъ, я вамъ доложу ихъ стоитъ вблизи тысячи. За прошлый годъ, вишь, снасть окупилась сразу, да тысячи по двѣ дѣлковыхъ на брата въ карманъ очистили. Ужъ это такъ, повѣрьте... Не хотите-ли табаку; какъ васъ по имени по отчеству? заключилъ Феопенъ Ивановичъ, поднося тавлинку. Дистаночный нехотя захватилъ щепоть табаку и проговорилъ какъ-то невнятно: «Алексѣемъ.»

Феофенъ Ивановичъ пропустилъ свою порцію съ храпомъ и прибавилъ видимо для того, чтобъ втянуть въ разговоръ сильно оторопѣвшаго собесѣдника:—такъ вотъ онѣ, сударь ты мой, какія дѣла случаются на бѣломъ свѣтѣ!

Какъ ни былъ Крутолобовъ рѣчиствъ и ловокъ, но послѣ такого разгрома видимо растерялся и не зналъ что начать; наконецъ онъ обратился къ своему молчаливому товарищу и выслалъ его осмотрѣть лошадей.

— Чтожъ теперь, какъ ваши господа хотятъ поступить на счетъ капкановъ?

— Хтошъ ихъ.... Въ дѣло это вступился графъ, приказалъ счесть, сликовать, да печати приложить.

— Вотъ что, Феофенъ Петровичъ, помогите, дайте совѣтъ; я вамъ, кажется, по конецъ жизни слуга.... не оставьте! взмолился бѣдный Крутолобовъ.

— Ну, вамъ тутъ трусить, я чай, нечего. Коли возмутся такъ за старшинъ да начальниковъ. Первымъ дѣломъ, управляющаго тряхнуть....

— Да нѣтъ, вы меня-то не оставьте; дайте вашъ совѣтъ какъ тутъ поступить.

— А я вамъ подамъ, вотъ какой совѣтъ. Чѣмъ тутъ по пусту языки мозолить садитесь-ка лучше на лошадь, да поѣзжайте къ своему старшинѣ Крутолобову-дескать, такъ и такъ, коли хочешь молю крутой лобъ поберечь и насъ выручить, такъ поспѣшай молю-есть у меня такой челобѣкъ, что отвораживаетъ отъ людей всякія бѣды-напасти.... да захвати молю, про запасъ десять паръ котика да сотню цѣлковыхъ.

— Батюшка, тяжеленько будетъ.

— Ну вамъ-то что чужіе достатки беречь. Можетъ я ему и подамъ совѣтъ, что двухсотъ стоитъ.

— За котики не постоимъ, а пятьдесятъ рубликовъ примите.

— Чудакъ-челобѣкъ! Говорятъ вамъ, поѣзжайте....

— Ъхать-то мнѣ некуда, Феофенъ Петровичъ, въ старшинахъ состою я, забота объ этомъ дѣлѣ на мнѣ лежитъ.

— Такъ это вы-то Крутолобовъ?! проговорилъ Феофенъ Ивановичъ очень сдѣянно.

— Доподлинно, я....

— Экъ я дура-то.... мужиковина! какого рюха далъ! Экъ, вы меня оплели, повыпытали какъ ловко! Ну, не сказалъ бы я вамъ кой-чего кабы зналъ напередъ, что вы....

— Ну ужъ и вы, Феофенъ Петровичъ, на руку охулки не

положите. Что дѣлать, сто рублей отвѣчаю, только чтобъ совѣтъ былъ въ пользу.

Столковавшись такимъ образомъ и условившись окончательно, Крутолобовъ вынулъ изъ боковаго кармана красный сафьянный бумажникъ и отсчиталъ деньги. Феопень Ивановичъ повѣрилъ, сложилъ ихъ бережно и сунулъ въ жилетный карманъ.

— Ну, теперь, Феопень Петровичъ, за вами чередъ, что вы скажете, какъ мнѣ поступить въ этомъ дѣлѣ.

— А я скажу вамъ съ первоначала, что дѣло ваше придется вамъ обломать не безъ труда.

— Какъ это такъ?

— Графъ опасенъ. Осерчалъ, упрямя: къ нему подходи теперь, ужьючи. Перво на перво съ приѣзду, онъ больно зарился на вашу степь, хотѣлъ тутъ постоять, потѣшиться... а какъ вы ему вчера задали загвоздку — теперь и спятилъ. Не пойду, говоритъ, нога моя не будетъ тамъ; заадилъ одно — мошеники, грабители! Живъ не буду, говоритъ, чтобъ не доканать ихъ. Вотъ, онъ въ ночь и послалъ своихъ двадцать человекъ снимать капканы съ сурчинъ...

— Какъ же намъ поступить теперь? перебилъ Крутолобовъ нетерпѣливо.

— Первоначала мой вамъ совѣтъ, надо втравить его въ дѣло, чтобъ позарился снова на охоту: за это я возьмусь. Есть у васъ волки?

— Есть. На Бирихинской степи, въ логахъ, видаемъ часто.

— Ладно. Такъ вы оставьте тутъ товарища, я поѣду съ нимъ, огляжу мѣста. А завтра, вернувшись и доложу ему, что волковъ спя. Онъ волковъ травить страсть любить. Лисица ему ни по чемъ.

— Ну-съ...

— Дескать, ваше сіятельство, чѣмъ въ даль забиваться, потравимъ лучше тутъ; мѣста моль сподручны и бѣгъ на чистоту. Ужъ это мое дѣло подзарить господъ.

— Ну-съ.

— А вы тѣмъ временемъ скачите... Кто тамъ у васъ старшой теперь на мѣсто управляющаго?

— Конторщикъ Клеваловъ.

— Ладно. Ну, такъ вамъ съ нимъ толковать будетъ сподручно. Дескать, такъ и такъ: дѣло не безъ опаски — такъ пусть явится съ повпнной самъ — дескать къ вашему сіятельству, узналъ моль, то и то... наши моль объѣздные отказали вамъ въ

охотѣ; наказъ моля данъ имъ строгій, на счетъ мужика, чтобъ не шлялись съ дудками по степи, да заразной скотины не вгоняли; а на счетъ васъ, дескать, приказъ у нихъ есть словесный, чтобъ дворянскому званію проѣздъ на степь былъ не возбраненъ, а я, дескать, объѣздчиковъ накажу, а дистаночнаго смѣню, то за что осмѣлились моля васъ, какъ я слышалъ, задержать. Такъ, моля, коли вашему сіятельству угодно, я моля вамъ предоставлю знающихъ людей, чтобъ указывали, гдѣ есть волки. На волковъ напирай больше; лисица ему нипочемъ. Слышь?

— Слышу. Это ужъ будьте покойны. Знаемъ, какъ сказать.

— Ну, а я въ ту пору вернусь со степи да подзужу ихъ всѣхъ; дескать, звѣрь страсть! волки и лисицы табунами ходятъ... Толькобъ намъ затянуть ихъ въ степь, да на первый разъ пооблакомить, чтобъ не пустымъ мѣстомъ, а тамъ....

— Чтожъ, мнѣ ѣхать? спросилъ торопливо Крутоголовъ, озадаченный изобрѣтательностью своего совѣтника и покровителя.

— Сейчасъ и поѣжайте, чтобъ по утру, какъ вернусь со степи, былъ отъ васъ кто-нибудь на лице, вотъ съ такимъ дѣломъ какъ я толковалъ.

— Ну, а капканы какъ?

— Объ нихъ погодить надо. Толькобъ намъ господъ вотъ залучить въ степь, да звѣря разыскать по больше, они и объ себѣ забудутъ; а то еще капканы! капканы не уйдутъ отъ насъ.

— Хорошо. Дай Богъ вамъ здоровье. Такъ я поскачу; а объѣздному дамъ приказъ чтобъ остался тутъ, да ѣхалъ съ вами показывать мѣста.

— Ладно.

Такъ разстались эти состязатели. Непзвѣстно, кто изъ нихъ считалъ себя побѣдителемъ и кто былъ довольнѣе собой, потому-что ловчій нашъ, повѣривши снова полученную сумму, призадумался, почесалъ голову и сердито сунулъ пачку въ карманъ.

Наши господа только ахали и пожимали плечьями, выслушывая отъ насъ подробное донесеніе о подвигѣ ловчаго. Многое, о чемъ мы говорили безъ прикрасъ и прибавленій, было до того ново и невообразимо для всей честной компаніи, что насъ постоянно встрѣчали возраженіями: нѣтъ! не можетъ быть, и проч. Одинъ Алѣевъ молчалъ и только въ концѣ разговора прибавилъ: — Такъ онъ еще сорвалъ съ нихъ и контрибуцію! признаюсь, этого я не ожидалъ, хотъ и былъ увѣренъ еще со вчерашняго съ нимъ свиданія, что мы будемъ атукать въ графской. Я сильно надѣялся на благопріятный исходъ дѣла именно потому, что онъ такъ

упорно не соглашался съ нами. Чтобъ повѣрить справедливость моихъ словъ и то, на сколько я изучилъ этого человѣка, замѣтите, что теперь, послѣ такого блистательнаго успѣха, онъ будетъ непремѣнно золъ, недоступенъ и недоволенъ собой; первая личность, которая должна будетъ пострадать, это-его любимецъ Пашка; онъ непремѣнно привяжется къ мальчику за какую-нибудь малость и отдуеть арапникомъ или по крайней мѣрѣ дастъ ему двѣ, три затрепичины, хотя завтра же подарить ему десять или двадцать рублей на подметки.

Мы условились хранить наше наущничество въ тайнѣ отъ Θεопена; людямъ, бывшимъ при насъ и тѣмъ охотникамъ, которымъ было извѣстно наше переодѣванье, было настрого приказано молчать.

Часу въ первомъ Θεопенъ Ивановичъ вошелъ къ намъ.

— Что скажешь хорошаго? началъ Агѣевъ.

— Да, што.... Ничево-сь. У Θεопена Ивановича фizioномiя была крайне нерадостная; какъ будто онъ былъ кѣмъ-нибудь обиженъ.

— Ты что-то не въ духѣ; не случилось ли чего-тамъ, у тебя?

— Да, што... Зачѣмъ самъ не приглядишь, того и жди, что случится. Собаки было подрылись. Пашку пощипалъ маненько. Малый лядащій.

— Ну, такъ. Чтожъ ты намъ не скажешь, на чемъ кончились твои переговоры? Пустятъ ли насъ въ степь?

— Какъ не пустить-должно быть пустятъ. Я пришельгъ доложить-прикажете кому изъ борзятниковъ побыть на два покорма при гончихъ, въ подмогу Сергѣю, а я отлучусь; Пашутку тожъ возьму съ собой, не пришлось бы гдѣ перевыть. А тутъ, на случай завтра, до меня, придутъ къ вамъ на счетъ капкановъ такъ отдавать надо погодить.

— Хорошо. Назначь, кого тамъ знаешь.

— Слушаю.

На другой день рано по утру прибылъ конторщикъ Клеваловъ. Разсчитывая время, надо думать, что онъ поднялся въ путь съ полночи и не жагѣлъ лошадей. Приѣхалъ онъ на тройкѣ въ одномъ изъ тѣхъ ресорныхъ экипажей, которыми теперь уже нѣтъ названiя и которые у богатыхъ помѣщиковъ опредѣляются для привоза и отвоза докторовъ и приказныхъ. Любой мужикъ при встрѣчѣ съ подобнымъ экипажемъ, сворачивая съ колеи непремѣнно скажетъ: «дохтура тащѣтъ» или «прутъ стракулиста.» Но, не въ томъ дѣло. Новоприбывшiй былъ не чета этимъ блю-

стителемъ народнаго здравія и благочинія. — По наружности онъ казался настоящимъ баринномъ. Ростомъ онъ былъ высокъ и красивъ собой, съ приличнымъ брюшкомъ, уважительною осанкою и вовсе не лакейскими приемами; енотовая его шуба и бархатный осенній картузь не пострашили бы головы и плечь не только судейскихъ, но даже и предводительскихъ; черная фракъная пара съ атласной жилеткой и золотой цѣпочкой отъ часовъ, такъ кажется и просились въ гостинную къ любому степному помѣщику.

Отправясь по указанію охотниковъ для свиданія съ графскимъ камердинеромъ, онъ съ любопытствомъ осматривалъ сворныхъ собакъ, которые были при охотникахъ или попадались ему на пути. Не менѣе прилично и съ достоинствомъ встрѣтилъ его и Артамонъ Никитичъ, которому доложили о приѣздѣ графскаго *управляющаго*. Камердинеръ Атукаева вышелъ по утреннему, въ шелковомъ халатѣ: объяснившись, они пожали другъ другу руки и отправились къ Артамону Никитичу, какъ оказалось-кушать чай, потому что вскорѣ одинъ изъ людей понесъ туда на серебряномъ подносѣ чайный приборъ съ лимономъ, сливками, ромомъ и сухариками въ серебряной корзинѣ. Напивши своего гостя чаемъ, Артамонъ Никитичъ, уже одѣтый, вышелъ съ нимъ на дворъ и началъ ему показывать сворныхъ-барскихъ и охотничьихъ собакъ; Клеваловъ любовался всѣмъ и дѣлалъ очень дѣльные замѣчанія, доказывавшія, что онъ хорошо понимаетъ охотничье дѣло. Къ девяти часамъ вернулся Теопень; онъ прибылъ со степи въ общество Пашки и дистанчнаго. Конторщикъ тотчасъ изъявилъ желаніе осмотрѣть гончихъ и пошелъ съ дистанчнымъ къ ловчему. Незвѣстно какого рода разговоры шли тамъ, потому что осмотръ сталъ продолжаться вплоть до десяти часовъ, послѣ чего Теопень вошелъ съ докладомъ, что управляющій конторою графини Отакойто прибылъ къ его сіятельству.

— Что ему нужно отъ меня? спросилъ графъ.

— А ктошъ его знаетъ; должно быть пардону чтоли запросить.

— Ну, зови.

Клеваловъ не замедилъ явиться.

На этотъ разъ, графъ, уже настоящій, а не подставной, отнесся къ нему съ рѣчью, въ началѣ короткой и сухой, а въ послѣдствіи очень ласковой и даже привѣтливой.

Нѣтъ надобности повторять съ какимъ искусствомъ, приличнымъ во всемъ и до крайности почтительнымъ Клеваловъ выразилъ

свое сожалѣніе о сдѣланной намъ непріятности; ко всему, что было уже продиктовано Теопеномъ и что мы знали напередъ, онъ прибавилъ отъ себя только одинъ лишній пунктъ: предъявилъ что онъ отодралъ розгами одного изъ конторскихъ писарей, который дерзнулъ въ его отсутствіе написать Аванасью записку, не имѣя на то ни отъ кого приказанія. Въ слѣдъ за тѣмъ, онъ очень униженно предъявилъ намъ о цѣли своего прибытія и приглашалъ насъ поохотиться на степи. Однимъ словомъ, все, даже то, чего никогда не пришло бы намъ въ голову требовать, было предлагаемо къ нашимъ услугамъ.

— Вашему сіятельству, я полагаю, будетъ далеконою всякій разъ ѣздить отсюда, заключилъ онъ, получая согласіе и благодарность отъ графа, а потому, не прикажете ли приготовить для васъ стоянку въ прасольскихъ хуторахъ; тамъ для васъ помѣщеніе будетъ, и опрятнѣе, и удобнѣе, и ближе къ мѣстамъ. Мы съ васъ за квартиру недорого возьмемъ, прибавилъ онъ, съ приличною улыбкой, развѣ только что дозволите и намъ взглянуть на такую отличную охоту. Признаюсь, я подобной не видывалъ!

— Прекрасно, отвѣчалъ графъ. Очень благодаренъ тебѣ за эту мысль. Мы постоимъ пока-туть, а тамъ, если въ самомъ дѣлѣ переходы покажутся велики, пожалуй, переселимся и поближе. Надѣюсь, что ваши объѣзды останутся довольны нами. А тебѣ впередъ наше общее спасибо за это предложеніе.

— Помилуйте, ваше сіятельство, я очень счастливъ, что имѣлъ честь сдѣлать что-нибудь для васъ удобное. Дистаночному я прикажу быть при васъ безотлучно или оставлять знающаго человѣка для указанія мѣстъ и, если что встрѣтится для вашего сіятельства впередъ, извольте отъ него требовать. Затѣмъ, счастливо оставайтесь.

— Надѣюсь, что мы еще увидимся, заключилъ графъ очень любезно.

Приличный и подобострастный правитель конторы ея сіятельства изволилъ раскланяться на всѣ стороны. О крестной маменькѣ и «грабежѣ» капкановъ не было и поминна. Какъ видно была во всемъ мудрая воля распорядителя и устроителя этого необыкновеннаго свиданія!

— Я васъ приглашаю, господа, любаго, взяться устроить это дѣло такъ, какъ оно теперь есть, сказалъ Атукаевъ, когда мы остались одни.

— Теопена сюда, Теопена! крикнули мы, какъ кричатъ изъ

партера при вызовалъ любимыхъ актеровъ, и при появленіи ловчаго разразился страшный громъ рукоплесканія и восторженное — браво!

— Ну, Θεопень, удивилъ ты насъ своей сметкой, сказалъ графъ, подходя къ ловчему съ серебрянымъ кушакомъ въ рукѣ. — Прими это отъ меня и носи на память о твоёмъ удалствѣ, а это тебѣ на табакъ за трудъ и усердіе. Атукаевъ подавъ Θεопену кушакъ и пятьдесятъ рублей.

По примѣру графа, Алѣевъ и мы всѣ одарили Θεопена щедро.

— Молодецъ, молодецъ! вторили всѣ, — ты обдѣлалъ это дѣло такъ, какъ никому бы изъ насъ не пришло въ голову.

— Да што.... ничево-сь.

Многое говорилось въ этомъ родѣ, съ цѣлью поковырять у Θεопена больше того, что было уже намъ извѣстно, но отвѣтомъ было постоянное «ничево-сь» или что-нибудь въ родѣ этого.

— Однакожь, мнѣ жаль бѣднаго дистанчнаго, замѣтилъ подъ конецъ Алѣевъ. — Ты съ нимъ поступилъ безпощадно: можно было его помиловать. Это, братъ, грѣшно.

— Помилуйте; сударь, какъ-же мнѣ съ нимъ поступить-то?

— Ну, все-таки полегче. Я вѣдь знаю: ты съ него сорвалъ таки-порядкомъ! добавилъ Алѣевъ сурьезнымъ тономъ.

— Это вамъ такъ кажется... А я тутъ можно сказать — большіе убытки понесъ! Они молн-Бога, что на дурака попали... другой, на моемъ мѣстѣ, ихъ не такъ бы взогрѣлъ! А мнѣ куда съ ними возжаться? Народъ рѣчистый, ловкій... они такихъ, какъ я, десятками покупаютъ и продаютъ. А грѣха тутъ, воля ваша, нѣтъ! Θεопень призадумался, потомъ какъ-будто отвѣчалъ на свой собственный вопросъ: — Тутъ знамо-дѣло, кто кого надулъ, тотъ и правъ.

— Однакожь, ты могъ кончить дѣло и безъ надувательства.

— Хм... какой-бы я былъ человѣкъ такой? Въ тѣ поры я себя долженъ передъ народомъ на смѣхъ пустить: дескать линію-то онъ подвелъ, а колѣна и не выкинулъ! Нѣтъ, вы нашихъ русскихъ коренныхъ обычаевъ не изволите знать! Тутъ, выходитъ, кто кого поддѣлалъ половчѣй, тому и почетъ, тотъ и человѣкъ есть!... Они-то сами, на чемъ стоятъ?! Что тутъ выходитъ народа округныхъ плакущаго — страсть! Теперь забрали такую силу, кто ни подвернись, привяжутся — ни къ чему, облупятъ какъ липку и суда не щипи; ни пѣший ни конный не попадайся. Вотъ, а вчера

сцапали мужичка, ѣхалъ степью-журавля везъ. Чтожъ? дай-не дай десять рублей: дичи, говорятъ, стрѣлять не велѣно... бился бился, сердечный, на семи цѣлковыхъ порѣшилъ и то еще сказалъ — спасибо... Вотъ они каковы, грабители. Жагѣй ихъ! Нѣтъ, вы изволите судить по своему, а я мекаю такъ, что я убытку много понесъ! затѣмъ, грамотѣ мало обученъ, сметки нѣтъ настоящей. Какіе мы люди!

Противъ этихъ аргументовъ всякое возраженіе было напрасно. Учите хромаго плясать. Увѣрьте русскаго человѣка, что «поддѣтъ и надуть» не долженъ онъ считать своей гражданской доблестью... О, наши завѣтные, коренные, кровные глаголы! непереводимые, неприѣмимые ни къ чему заморскому-нѣмецкому... Широко вашу смекль!... Да Нѣмцу и не понять его — провалится!

— Когдажъ мы начнемъ порскать? спросилъ графъ.

— А чегожъ будемъ гонить? Завтра, я мекаю такъ-что надо намъ взять Синіе кусты. Собаки скучать, спрашиваютъ. Выступимъ попоздѣй; сдѣлаемъ кольцо короткое, за тѣмъ — сразу какъ бы не осадить, разошатся, жирны, залежались.

— А не свалить ли намъ обѣ стаи? добавилъ Алѣевъ.

— И то не худо. Мѣсто разлетистое, кочкарникъ, гоньба полазистая. Выглятамъ же теперь только что работу давай: въ двѣ стаи гаркнемъ на радостяхъ такъ, что ковыль задрожитъ!

И Теопень Ивановичъ какъ будто забылъ о томъ, что онъ понесъ *большіе убытки*; онъ изволилъ улыбнуться и пожелалъ намъ «счастливо оставаться!»

Остатокъ дня и большая часть ночи прошли въ шумныхъ толкахъ и заманчивыхъ предположеніяхъ на счетъ будущей *потѣхи*.

Все вокругъ насъ задвигалось и засуетилось. Охотники тоже глянули веселѣе; къ вечеру они сами собой составили хоръ; давно уже неслышанныя нами пѣсни и пляска дались у нихъ до полуночи.

Чтобъ судить объ увлеченіяхъ псоваго охотника, надобно видѣть его во время его сборовъ на «Патрикѣвну».

VIII.

Два слова о томъ, что дороже для псоваго охотника. — Степь. — Сурчины. — Видъ острова. — Разстановка. — Свальная стая. — Новый родъ смерти, изобрѣтенный Фунтикомъ. — Первое поле.

Прежде нежели поставимъ ногу въ стремя и отправимся въ то мѣсто, къ которому мы донскивались доступа съ такимъ тру-

домъ и тревогой, я считаю обязанностью хоть слегка объяснить для незнающихъ причину, почему псовый, наторѣвшій въ своемъ дѣлѣ, охотникъ травлю лисицъ предпочитаетъ всякой другой потѣхѣ. Спросите у любого, только опытнаго и втравленнаго борзятника, или лучше, предложите ему право выбора и спросите потомъ, кого онъ желаетъ травить: волка или лисицу? Лисицу, подавай лисицу! крикнетъ онъ изступленно и поскачетъ ни вѣсть куда, обречетъ себя на трудъ едва выносимый, на разнородныя лишения для того только, чтобъ добыть и затравить «Патрикѣвну *)!»

За чтожь такое сильное предпочтеніе этой всемірной кумушкѣ, у которой нѣтъ даже настоящаго бѣга, потому что самая тупая изъ борзыхъ собакъ, на чистотѣ, не дастъ ей хода, а собака рѣзвая не отпуститъ лису дальше того разстоянія, на какомъ «зазрѣла.»

Умъ, хитрость, находчивость, изворотливость, сметливость и необыкновенное умѣнье въ минуту неизбежной гибели пользоваться самыми ничтожными средствами и случаями и съ помощью ихъ, въ глазахъ своего грознаго преслѣдователя извернуться, обмануть, проскользнуть какъ ртуть между пальцами и исчезнуть какъ дымъ отъ вѣтра, — вотъ качества этого проворнаго и увертливаго звѣрька, которыми такъ дорожитъ псовый охотникъ. За то съ какимъ одушевленіемъ и энергіей будетъ онъ рассказывать, пожалуй ночь на пролетъ, о тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ и продѣлкахъ, какіе выдѣлывала съ нимъ Патрикѣвна: всѣ моменты гоньбы и травли, всѣ эволюціи и увертки хитраго звѣрька будутъ передаваемы имъ съ такимъ одушевленіемъ и увлеченіемъ, что вамъ многое покажется вымысломъ и едвали вѣроятнымъ дѣломъ.

А гоньба по лисицѣ чего стоитъ? Таже самая стая, которая помкнула по волку и въ мгновеніе ока поставила сѣраго на вашъ лазъ, или, обогнувши два три раза островъ, вынесла на ~~широкъ~~ бѣляка къ вашимъ ногамъ, таже стая, уже усталая и подбитая натекла на лисій слѣдъ и вы слышите другіе голоса, чувствуетъ что-то особенное въ помычкѣ выжлять, что-то болѣе дружное, жадное, свирѣпое въ гоньбѣ всей стаи. Волкъ, при первомъ звукѣ охотничьяго рога, при малѣйшемъ признакѣ опасности,

---

*) Кстати было бы при этомъ освѣдомиться также, почему онъ, минуя всѣ нарицательныя, величаетъ бирюка — Тимофичемъ, а лису — Патрикѣвной. Пришло кому-нибудь въ голову наименовать медвѣдя — Мишкой, коша — Васькой? и т. д.

мчатся изъ острова на прямикъ и потому держать на себѣ стаю недолго, особенно если его застигли въ островѣ не при гнѣздѣ; гоньба по волку не менѣе заркая и злобная какъ и по лисицѣ, но быстрота скачки перваго и прямое направленіе избираемое имъ большею частію случайно и на проломъ, не взирая ни на какія встрѣчи и препятствія, не всегда даетъ возможность гончимъ «скутиться» и гнать стаينو. Заяцъ, преимущественно бѣлякъ, имѣетъ въ характерѣ «давать круги» и бить собакъ на одномъ мѣстѣ и потому выдерживаетъ болѣе стайную и продолжительную гоньбу, но это кушанье и для собакъ и для охотника обыденное, будничное; другое дѣло — лиса.

Застигнутая въ распахъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она задумала позавтракать вкусной зайчатиной или полакомиться тетерью, лисица, не вдругъ, не сразу пустится на утекъ; она очень хорошо знаетъ, что за всякій необдуманный шагъ впередъ или назадъ, за всякое движеніе на *аюсь* она непременно заплатитъ своею красивой и теплой шкуркой, безъ которой ей оставаться невозможно и потому Патрикѣвна начинаетъ съ искреннею заботливостью хлопотать о сбереженіи этой собственности: надѣлавши сметокъ и узловъ посреди острова, прежде нежели горластый ловчій успѣлъ накликать, а проворные выхлятники подбить стаю на ея горячій слѣдъ, смышленная кумушка успѣла уже побывать на опушкѣ и навести справки о возможности улепетнуть изъ острова безъ большаго шума и огласки; но, увы! всѣ надежные пути для нея пресѣчены, всѣ лучшія и удобнѣйшія мѣста на пролазъ грозятъ засадою и гибелью; между тѣмъ стая вѣрной тропой натекаетъ, близится, не даетъ Патрикѣвнѣ ни свободно дохнуть, ни хорошенько поразмыслить о томъ, на что ей рѣшиться. Отысканная и подбуженная снова, она мчится на другой конецъ острова, ныряетъ подъ крайній кустъ и зорко оглядываетъ и соразмѣряетъ возможность на утекъ, но и тутъ ей предстоитъ опасность горше прежней: вездѣ, гдѣ бы не слѣдовало и быть, словно выросли изъ земли и торчатъ недвижимо зоркіе борзятники, а подлѣ нихъ насторожа уши сидятъ на корточкахъ рѣзвоногія борзья: съ этими послѣдними Патрикѣвна не желаетъ встрѣтиться даже и во снѣ, не только на яву и среди чистаго поля. Какъ быть? Дѣло, куда ни поверни, выходитъ дрянъ! Осталось одно: обмануть неотвязную ораву и пробраться низиною въ камыши... и вотъ, она ринулась прямо въ собакъ, собрала всю стаю и поволокла ее за хвостомъ въ глубь острова, выгнула на право, на лѣво, разметала собакъ, скрала слѣдъ и

тишкомъ, бочкомъ, чуть дыша, гдѣ ползкомъ, гдѣ скачкомъ, добралась до желанныхъ камышей, но, и тутъ къ Патрикѣвнѣ счастье обернулось спиной: проходъ въ камыши забранъ предательской стѣнкой изъ тенеть а по крыямъ стоятъ грозные тенетчики, кто съ ружьемъ, кто съ дубинкой... а собаки сзади свирѣпѣютъ, ревуть словно повѣшенныя за языкъ, ведутъ вѣрно, близятся... и Патрикѣвна снова мчитя вдоль острова, снова скрадываетъ слѣдъ и снова бочкомъ тишкомъ прокрадась она мимо всей стаи къ ручью; тутъ, надѣлавши новыхъ петель, она, на свободѣ, побрела по теченію воды, обыскала мѣстечко по глубже и по глуше, опустилась въ воду съ ушами и, выставя кончикъ носа наружу, молча любитя какъ свирѣпая стая примчавшись съ гикомъ къ берегу, остановилась смолкла, разсыпалась и съ жалобнымъ визгомъ кружить на одномъ мѣстѣ и ищеть пропавшаго слѣда... Но и тутъ бѣдной затѣйницѣ суждено не долго наслаждаться плодомъ своего проворства и хитрости. Съ пѣной у рта, съ глазами на выкатѣ, горлани хриплымъ голосомъ и поталкивая каблуками усталого коня примчался ловчій къ тому мѣсту, гдѣ гончія «стеряли слѣдъ»: онъ подсвистываетъ измученнымъ выжлятамъ, кружить по мѣсту и зорко высматриваетъ, куда *попорила лиса*; но, ни тутъ, ни около норы не видно... Безотвязный и опытный охотникъ останавливаетъ коня и, оглянувъ мѣстность, спускается въ ручей, мутить, буравить и пѣнить воду, ближе и ближе... и вотъ, встряхиваясь и кой-какъ оправляясь на пути, Патрикѣвна опять волочить за мокрымъ хвостомъ озлобленную стаю, а ловчій трубитъ позовъ по «красному.» Тутъ только началась самая кипучая и безотвязная гоньба; стая «*варитъ*», не покидая слѣда... лисица пошла «опушничать и вывертываться на чистоту»: охотники глядятъ на нее и стоятъ словно деревянные: съ этими расправа плоха! А вотъ, одинъ изъ нихъ приглянулся Патрикѣвнѣ: онъ жадно смотритъ на нее, нетерпѣливо оправляется въ сѣдлѣ, бодритъ коня, осаживаетъ свору... Этотъ, по мнѣ думаетъ Патрикѣвна и отведя стаю далеко въ другой конецъ острова, примчалась на опушку и бѣжитъ прямо къ ногамъ горячаго охотника... Вотъ онъ дрогнувъ всѣмъ тѣломъ, не выдержавъ, собаки рванулись, свора свиснула и въ тотъ же мигъ, Патрикѣвна, увлекая пыльных борзыхъ, мчитя назадъ въ островъ и падаетъ подъ первый кустъ: собаки юркнули мимо, разметались, ищутъ, мечутся въ стаю, а Патрикѣвна тѣмъ временемъ одинокая, свободная, безъ препонъ и помѣхи, напрягая послѣднія силы, катится какъ

червонецъ по темному грунту чернозема. Бѣдный борзятникъ скачетъ за ней сломя голову, кричитъ, хлопаетъ, накинкаетъ съ плачемъ по поламъ пропавшихъ собакъ, а смышленница летитъ какъ пухъ по вѣтру все дальше и дальше... Вотъ и борзья вынеслись изъ острова за ними прорвалась и вся стая; отчаянный охотникъ, проводивъ лису, возвращается назадъ и проклиная судьбу свою, начинаетъ сбивать гончихъ.... Къ нему на встрѣчу несется ловчій, съ бранью и проклятіями: — Галокъ тутъ считаете! кричитъ онъ еще издали и пошла упреки и доказательства со всѣми возможными прибаутками такого рода и склада, что со стороны слушая по неволѣ скажешь: мастеръ русской челоуѣкъ браниться! А Патрикѣвна тѣмъ временемъ давно уже полизываетъ свои уставшія лапки и лежа на боку думаетъ... а что такое думаетъ она? ужъ тутъ присочинить трудновато.

Вотъ, почему дорога охотнику лисица: она кипятитъ въ немъ кровь, *протираетъ* ему *глаза*, т. е. учитъ его проворству, ловкости, сметливости, тонкому соображенію.

Поѣдемъ же травить лисицъ.

Пробудились мы съ разсвѣтомъ дня; никому не хотѣлось спать, не смотря на то, что у охотниковъ пѣсни, а у насъ рассказы длились далеко за полночь. День, словно на заказъ, выдался самый охотничій: въ началѣ туманъ дотога густой, что въ десяти шагахъ нельзя было видѣть ровно ничего; часа черезъ два туманъ исчезъ, сплошная бѣловатая полоса закрыла небо и повисла шатромъ надъ всею окрестностью; въ воздухѣ было тепло, влажно и тихо, что такъ необходимо и благотѣльно для иску и выслушиванія гончихъ. Къ десяти часамъ люди успѣли позавтракать и собрались на выгонѣ каждый съ своей сворой; покуривая коротенькія трубочки, охотники мало по обыкновенію занимались шутками и остротами, потому что каждый былъ крайне озабоченъ своими собаками; съ борзыми рѣшительно не было слада: отлежавшись при сытномъ кормѣ и почувявъ время своей потѣхи, онѣ съ радостнымъ визгомъ кидались на груди къ охотникамъ, вылизывали морды у своихъ лошадей, прыгали и бѣсновались такъ, что тутъ и жди общей свалки и грызни на смерть. Чтобъ судить о заманчивости охотничьяго дѣла, надо взглянуть попристальнѣе на ту оживленную картину, когда совые охотники, окруженные сворными собаками, выводятъ изъ стойла осѣданныхъ лошадей.

Оба ловчіе съ своими стаями присоединились къ группѣ борзятниковъ; мы сѣли на лошадей и тронулись въ путь.

Мы подъѣхали къ запретному столбу; Синіе кусты, бывшіе въ виду у насъ со времени выступленія изъ хуторовъ, теперь открылись явственныя и становились выше; это была продолговатая голубая куца охваченная отвсюду ровной линіей степи; глядя на эту отдѣльную полоску рѣдкаго осиноваго лѣса, которая и лѣтомъ и зимой синѣетъ на горизонтѣ, не мудрено догадаться отчего она носить названіе Синихъ кустовъ. Во всякое время года они служатъ въ родѣ маяка для проѣзжающихъ по степи.

Недалеко отъ столба намъ попались на встрѣчу дистаночный и его неразлучный товарищъ: они поспѣшали къ намъ на рысяхъ; снявши издалека шапку дистаночный подъѣхалъ къ Алѣеву.

— Вашему сіятельству не угодно ли будетъ травить волковъ? мы сейчасъ двухъ перевидѣли; должно быть останоятся и залягутъ въ широкомъ логу, сказалъ онъ принявъ по прежнему Алѣева за графа.

— Ты любезный съ этимъ отнесись къ графу, отвѣчалъ тотъ съ улыбкой, — а мнѣ пора ужъ потускнѣть; я бываю въ сіяніи только при случаѣ и на короткій срокъ. Вонъ, онъ графъ, впереди, направо; ступай къ нему. Графъ! къ тебѣ вотъ, съ докладомъ, крикнулъ Алѣевъ.

Атукаевъ приостановилъ свою лошадь; Крутолобовъ прыгнувъ съ сѣдла и подбѣжалъ къ его сіятельству пѣший; мы проѣхали мимо и не слышали, о чемъ у нихъ была рѣчь. Послѣ этого дистаночный остался съ нами и съ непритворнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на нашу потѣху.

Не смотря на то, что Синіе кусты, какъ казалось, были къ намъ очень близко, до нихъ отъ графской межи по прямой линіи считалось восемь верстъ; намъ слѣдовало проѣхать гораздо больше, потому что мы должны были огибать соры и въ пномъ мѣстѣ дѣлали большой крюкъ: по сорамъ мы не рѣшались проѣзжать потому, что тутъ навѣрное могли подбудить нѣсколько лисицъ и безъ сомнѣнія, увлекаясь травлей не скоро бы дошли до опредѣленнаго мѣста.

На пути намъ попадалось множество сурчинъ. Сурчины эти не что иное, какъ небольшіе курганчики, аршина въ два вышиною и сажени полторы въ діаметрѣ, съ тремя, четырьмя и болѣе отнорками наверху; на дальнихъ постоянно свистали сурки, сидя на заднихъ лапкахъ; при нашемъ приближеніи они тотчасъ прятались въ норы. Отъ сурчины къ сурчинѣ были протоптаны узкія тропы, на которыхъ не расла трава, признакъ постоянного сурочьяго путешествія по ночамъ. Тутъ на тропкахъ и возлѣ

отгнорковъ ставятъ капканы и, осторожные во всякое другое время, но крайне-неуклюжіе и неповоротливые, ночные путешественники попадають въ нихъ, потому-что ходять постоянно одною дорожкой и ни за что не свернуть въ сторону.

Наконецъ, мы очутились у острова. Боже мой, какое надежное мѣсто для звѣря, если онъ захочетъ укрыться отъ зоркаго глаза охотника или спастись отъ преслѣдованія. Десятинъ сто рѣдкаго осиноваго лѣса, состоящаго изъ порубей и отдѣльныхъ кущъ, окаймили собой просторную ложбину или сухое болото съ кочками и хворостомъ. Отсюда, во всѣ стороны, въ степь, выходятъ тонкими языками отвершки, или лучше сказать — рывины, по которымъ втекаетъ вешняя вода и, образовавъ во время весны что-то въ родѣ озера, лѣтомъ просыхаетъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ было озеро, остаются кочки, заростающія рѣзакомъ и другими болотными травами. Тутъ, въ лѣтнее время, кишатъ змѣи, плодятся журавли и другая дичь, а къ осени, когда болото подсохнетъ, оно наполняется лисицами, которыя бѣгутъ сюда со степи «мышковать». Весь островъ, съ лѣсомъ, кочкарникомъ и непродорнымъ хворостнякомъ, сквозь который удобно пропалзывать одинъ только змѣямъ, имѣлъ въ ширину версты полторы и былъ почти круглый. Его со всѣхъ сторонъ охватила безконечная равнина степи, на которой, словно бородавки на тѣлѣ, торчали въ безчисленномъ множествѣ сурчины, да кой-гдѣ раскиданные по горизонту скирды сѣна.

Чтобъ розыскать и выжить отсюда звѣря, особенно лисицу, надо имѣть стаю не въ десять или двадцать собакъ, а именно стаю такую, какую мы подвели теперь къ Синимъ кустамъ: у насъ было на лицо сто-восемь паратыхъ лучшей породы собакъ, и изъ нихъ почти половина такихъ звѣрогоновъ, изъ которыхъ каждая могла быть вожакомъ и править стаей. Въ добавокъ ко всему, правителями этой свальной, едва-ли виданной кѣмъ-нибудь изъ охотниковъ стаи, были двѣ такія личности, какъ Θεопенъ Ивановичъ и Игнатъ Савельичъ. Одинъ, съ вѣчно-затаенной мыслью, холодно, въ полглаза, глядѣлъ ни вѣсть куда; другой, пытливо и зорко, оглядывалъ мѣстность: онъ понималъ всю трудность предстоявшаго дѣла и соображалъ заранѣе какъ его вести.

— Зачѣмъ эти господа суются въ подобныя мѣста? сказалъ графъ, когда мы остановились въ виду острова и подъѣхали къ ловчимъ. — Здѣсь былъ Жигуновъ съ компаніей и хотѣли брать Синіе кусты. Сколько у нихъ на спуску?

— Своя стая шестнадцать собакъ, да понабрали кой у кого смычка четыре, отвѣчалъ ловчій Игнатъ.

— За то всё багрянныя — глѣбовскія по чухонскимъ русакамъ нагоняны, а бѣляка съ рожками, хоть изъ хлѣва, а добудуть! прибавилъ Теопенъ съ обыкновенною флегмой.

Всѣ громко засмѣялись, услышавъ такую ѣдкую насмѣшку.

— Что-жъ, велите разѣзжаться; время нисколько, заключилъ онъ, слѣзая съ лошади.

— Откуда думаете заводить? спросилъ Алѣевъ.

— А что тутъ заводить! Метнулъ съ поля, на духахъ, откуда ни ворвались — работа будетъ. Мѣсто, видите, какое...

Борзятники раздѣлились на двѣ половины и поѣхали на рысяхъ, занимать мѣста. Немало было споровъ и перебранки у тѣхъ, которые старались захватить мѣста въ головѣ рывтинѣ, идущихъ изъ острова; остальные протянулись линіей по чистой степи; цѣпь эта отстояла отъ острова почти на версту и охотникъ отъ охотника были расположены саженьяхъ въ двух-стахъ. Бацовъ, съ Караемъ и другими двумя собаками его своры, помѣстился въ головѣ узенькой лощины съ рѣдкими кустиками; подлѣ него устался мой безсмѣнный стремянной, Егоръ. Я и Владимірецъ, какъ праздные зрители, оставались пока при стаѣ.

Разомкнутыя гончія сидѣли въ тѣсномъ кругу, жадно поглядывали на островъ и взвизгивали отъ нетерпѣнія. Наконецъ Папучка донесъ своему дядюшкѣ, что охотники на мѣстахъ. Сдавши верхніе кафтаны въ торока, оба ловчіе въ легкихъ курткахъ, съ рогами за плечами, пошли къ острову; тутъ надобно было слышать этотъ жалобный пискъ и вой всей стаи, изъ которой, однако-жъ, ни одна собака не смѣла ступить шага впередъ. Выдержка удивительная! Но, вотъ, свистокъ и — обѣ стаи ринулись съ гикомъ, разсыпались по опушкѣ и смокли; выжлятники, раздѣлись на двѣ руки, по трое поскакали туда-жъ — и начали порскать. Въ началѣ былъ слышенъ только одинъ шелестъ опавшаго листа въ томъ мѣстѣ, гдѣ шарилы собаки, да рѣдкое взвизгиванье нетерпѣливыхъ ищеекъ, потомъ одна помкнула и залилась: «вались! къ нему!» крикнули ей въ слѣдъ два человѣческіе голоса и нѣсколько новыхъ собачьихъ голосовъ мигомъ подравнялись къ пiskuнѣ и — *повели зєрря*; минутою спустя, взревѣла вся стая и въ островѣ закипѣлъ адъ.... Слышавъ этотъ ожесточенный ревъ и стонъ, становилось страшно: подобной гоньбы ни прежде, ни послѣ этого единственнаго случая я не слыхивалъ. Я повернулъ коня, отѣхалъ далеко въ поле и

нагожь окружилъ всю линію охотниковъ; (конечно, съ тыла, потому что проѣзжать передъ носомъ охотника, стоящаго на лазу, во время гоньбы было-бы неппростительнымъ невѣжествомъ) всѣ они, даже лошади стояли недвижимо, словно, замороженные.

Смотрите на дилетанта, увлеченнаго стройнымъ, систематическимъ, разумнымъ порядкомъ волнующихъ его душу звуковъ; слѣдите за приливомъ и отливомъ его страстнаго увлеченія этими гармоническими струями.... Онъ глядитъ какъ-то торжественно, и умиленный, увлеченный, убаюканный чарующими мотивами, едва-слышно стучитъ тактъ ногой, объясняетъ себя страстнымъ взглядомъ, нетерпѣливымъ движеніемъ.... Не таковъ образъ охотника, отуманеннаго зыкомъ паратой стаи — это нѣмой, окаменѣлый человѣкъ: однѣ полураскрытыя, дрежащія губы да глаза, жадно устремленные на одинъ дорогой для нихъ пунктъ, даютъ знать, что это еще живой человѣкъ. А вотъ, дикіе, неистовые крики слились и покатались одною волной; чуткое ухо доносить охотнику, что звѣрь пошелъ — «прямика» стая ведетъ къ нему.... о, тогда не глядите охотнику въ глаза; вамъ будетъ и жалко и страшно слѣдить за этими муками въ человѣкѣ, у котораго сперлось дыханіе, остановилась кровь....

Я подѣхалъ и сталъ за спиной у Бацова; гоньба въ островѣ въ это время дошла до крайняго предѣла озлобленія и неистовства. Слушая отсюда этотъ оглушительный ревъ и завыванье, казалось, будто весь островъ съ его кущами, зарослью и кочкарникомъ сорвался съ мѣста, кружится и стонетъ какимъ-то зловѣщимъ всесокрушающимъ стономъ. Рогъ за рогомъ, порсканье и окрики выжлятниковъ подбивавшихъ въ стаю, слились въ одну нераздѣльную неумолкавшую ноту.

— Береги! шеннулъ я Лукѣ Лукичу, глядя, какъ лисица, отслушивая гончихъ «тыняла» между кустовъ, пробираясь лощинкой прямо къ его ногамъ.

Горячій охотникъ не выдержалъ и отдавъ не во время свору понесся на встрѣчу къ лисѣ, но, въ тотъ мигъ, когда Карай и прочія собаки съ нею встрѣтились, Патрикѣвка — «пала», собаки съ горяча пронеслись и она шмыгнула мимо моей лошади; я поскакалъ въ слѣдъ за нею по степи, но, увы! пока Бацовъ успѣлъ справиться и показать ее собакамъ, плутовка была уже вблизи сосѣдней сурчины и недождавшись Карая успѣла попориться. Блѣдный и растерянный подскакалъ ко мнѣ Лука Лукичъ; онъ проклиналъ и меня за появленіе не въ пору, и себя за то, что родился не въ пору на свѣтъ, и графиню благополучно обитав-

шую въ ту пору во Флоренціи и, собравши на свору собакъ, снова сталъ на лазу.

Я подѣхалъ къ Егору, который тѣмъ временемъ устѣлъ уже второчить лисицу. Выжлятники, то тамъ, то тамъ, выскакивали изъ острова сбивать прорвавшихся гончихъ; кой-гдѣ травили, вторачивали и подавали позовъ, что — «звѣрь принятъ». Ловчіе то-и-дѣло накликали своихъ послушныхъ выжлятъ на новый слѣдъ и снова въ островѣ закинула съ бѣльшей силой и съ бѣльшимъ остервененіемъ дружная, свирѣлая, неотвязная гоньба. Вотъ и негодующій сосѣдъ мой отгокалъ и второчилъ лисицу, потомъ и другую, я подѣхалъ къ нему снова и поздравилъ его съ удачнымъ полемъ: Лука Лукичъ глянулъ на меня привѣтливѣе; онъ уже не проклиналъ ни своей судьбы, ни отсутствующей графини, потому что въ торокахъ у него красовались двѣ матерья лисицы. Послѣднимъ становилось въ островѣ плохое житѣе; никакія хитрости и увертки не помогали бѣдняжкамъ, застигнутымъ въ расплохъ на ихъ сборномъ пунктѣ; ни густая заросль, ни высокія кочки, между которыми онѣ успѣвали на время скрадывать слѣдъ и затруднять гоньбу, не служили уже для нихъ убѣжищемъ и защитою: то тамъ, то сямъ, оторопѣвшая Патрикѣвна, не находя никакихъ новыхъ средствъ къ обману и уверткамъ, выносила изъ опушки прямо въ пасть къ борзымъ. Рѣдкая изъ нихъ въ этомъ крайнемъ случаѣ успѣвала обмануть бдительность охотника и увернуться отъ его своры. Вся игра Патрикѣвны оканчивалась всетаки тѣмъ, что она послѣ всѣхъ ловкихъ и граціозныхъ увертокъ, черезъ двѣ-три минуты, туго притороченная за головку къ задней лукѣ помахиwała пушистымъ хвостомъ по кожаному потнику.

— Да что ихъ тутъ у васъ, садокъ, что-ли? спросилъ Лука Лукичъ, вторачивая съ радостнымъ лицомъ третью лисицу. Этотъ вопросъ относился къ дистанчному, который подѣхалъ къ намъ на рысяхъ. Онъ, кстати сказать, былъ сильно заинтересованъ всѣмъ видѣннымъ, особенно, гоньба такой многочисленной и дружной стаи приводила его въ восхищеніе. Прибылъ же онъ къ намъ, какъ оказалось, съ извѣстіемъ нерадостнымъ. Въмѣсто отвѣта на возгласъ Бацова, онъ какъ-то торопливо проговорилъ: — а тамъ у васъ мальчикъ задохся!

— Гдѣ? Что такое? Какой мальчикъ? Какъ задохся? заговорили мы въ два голоса къ вѣстнику.

— Да вотъ, на той сторонѣ, мальчикъ, что на кавурой ло-

шадкѣ, попалъ въ сурчину за лисицей, отвѣчалъ онъ невразумительно.

Я поскакалъ на указанное мѣсто и вскорѣ на противоположной сторонѣ степи, которая была скрыта отъ насъ островомъ, на далекомъ разстояніи отъ мѣста травли, подлѣ сурчины, увидѣлъ небольшую группу людей: это были, какъ оказалось послѣ, Стерлядкинъ, Владимірецъ, два охотника и звѣрообразный стражъ. Одинъ изъ охотниковъ поддерживалъ Фунтика: мальчикъ сидѣлъ съ посинѣвшимъ лицомъ, моталъ болѣзненно головой и тупо глядѣлъ впередъ; онъ былъ какъ будто въ парализѣ. За немѣніемъ подъ рукой никакихъ медикаментовъ ему помачивали темя и виски виномъ.

На вопросъ мой, Стерлядкинъ и прочіе объяснили мнѣ, что все это значитъ.

Помѣстившись близъ того мѣста, откуда напускали гончихъ, Фунтикъ выждалъ на себя лисицу. По неопытности и съ горяча онъ показалъ звѣря не во время: лисица — пала, собаки скололись, и мальчикъ началъ ее травить степью, скрылся изъ вида и вогналъ лисицу въ сурчину. Горячему охотнику показалось, что нора неглубока и лисица близко; онъ протиснулся въ сурчину съ тѣмъ чтобъ вытащить ее за уши. Опустивъ по поясъ въ нору, Фунтикъ закупорилъ ее какъ пробка и не имѣя опоры ногамъ остался въ положеніи человѣка повѣшеннаго въ низъ головой. Онъ долженъ былъ погибнуть непременно, потому что подать ему помощь было некому: охотники стояли къ полю спиной и не обращали вниманія ни на что, происходившее вѣ острова. Обѣздчикъ, видѣвшій какъ и куда Фунтикъ травилъ лисицу, заподозрилъ его долгое отсутствіе и отправился наводить справки: увидѣвши «бѣду не мнучую» онъ поскакалъ назадъ и кликнулъ охотниковъ, которые и вынули мальчика изъ сурчины въ безпамятствѣ и съ посинѣвшимъ лицемъ.

Наконецъ Фунтика кое-какъ оттерли; онъ получилъ даръ слова и кучу наставленій, угрозъ и предостереженій, и мы вернулись къ острову. Тамъ, по прежнему шла самая свѣрѣпая гоньба; управляемая такими мастерами какъ Θεопенъ Ивановичъ и его товарищъ и подстрѣкаемая ихъ проворными помощниками, собаки «лѣзли изъ кожи» и выносили звѣря *на щипцѣ*; то тамъ, то тамъ, борзятники травили и вторачивали лисицъ; казалось, что эта гоньба и травля должны были продлиться до ночи, потому что лисицъ въ островѣ, судя по помычкѣ гончихъ, было еще много, но ловчіе вдругъ загудѣли въ рога и пошли къ

опушкѣ, а выжлятники ринулись въ средину острова и начали сбивать собакъ со слѣда. Надо было падить и сберечь усердныхъ ищеекъ, которыя съ горяча могли догоняться до изнеможенія. Борзятники не смотря на поданный сигналъ долго не оставляли своихъ мѣстъ, потому что гончіе, подваливаясь на рогъ ловчаго, поминутно натекали на звѣря и гнали зарко; болѣе полу-часу ловчіе гудѣли въ рога стоя близъ опушки; собаки валились изъ острова неохотно. Наконецъ борзятники собрались; у рѣдкаго изъ нихъ не было двухъ или трехъ лисицъ въ торокахъ; всѣхъ было взято изъ острова сорокъ-три лисицы, сверхъ того Игнатъ Савельичъ вынесъ оттуда заматаго гончимъ барсука.

Поздравивъ другъ друга съ первымъ и такимъ удачнымъ поемъ, мы сдали верховыхъ лошадей стремяннымъ, сѣли въ линейку, въ которой прибылъ за нами Петруничъ, посадили съ собой Фунтика и рѣзкой рысью поѣхали домой. Охотники съ пѣснями прибыли спустя часъ времени. Боже мой, чего не наслушался я, сидя вечеромъ за стаканомъ чая; борзятники входили къ намъ по-парно и по-трое и со всѣми подробностями рассказывали каждый о своемъ подвигѣ.

На другой день мы намѣревались брать сору и легли спать ранѣе обыкновеннаго.

IX.

Ѣзда по сорамя. — Травля оборотней. — Пережѣна квартиръ. — Могарычъ. — Учитель-сочинитель. — Занятіе, поражающее тоску и дремоту. — Опять Синіе кусты. — Смерть Фунтика. — Отъѣздъ.

На другой день дистаночный получилъ свои капканы въ видѣ награды за спасеніе Фунтика отъ вѣрной смерти, а этотъ спасенный простоялъ около получаса на колѣняхъ, выпрашивая себѣ позволеніе отправиться съ нами на охоту. Стерлядкинъ долго не соглашался, и наконецъ, какъ бы въ силу общаго нашего представительства, послѣ острастки и предостереженія на будущее время изъявилъ свое согласіе. Увы, кто изъ насъ могъ предугадать, что этотъ проворный мальчикъ, получившій такое пристрастіе къ охотничьему дѣлу, придумаетъ для себя такой родъ смерти, отъ котораго ни одному изъ старыхъ и опытныхъ охотниковъ не пришло на мысль его предостеречь.

Мы собрались и выступили ранѣе вчерашняго. Съ этого дня ловчіе начали чередоваться со стаями и мы вышли съ Игнатомъ. Ѣзда по сорамя мнѣ очень понравилась. Тутъ, на плоской и от-

крытой мѣстности, сидя верхомъ на лошади, легко было слѣдить за движеніемъ ловчаго со стаей и за успѣхомъ травли на всѣхъ пунктахъ. Подъѣзжая къ сора́мъ, которые большею частію состояли изъ продолговатыхъ четверугольниковъ содержавшихъ подъ собою десятинъ двадцать, тридцать и болѣе поднятой плугомъ степи, борзятники дѣлились на двѣ половины; тѣ, которымъ приходилось стоять въ головѣ острова заравнивались на рысяхъ и становились на мѣста: къ нимъ примыкали остальные и такимъ образомъ составлялась неразрывная цѣпь; тутъ ловчій вводилъ стаю и начиналось порсканье; собаки, разсыпавшись по бурьяну, тотчасъ причуввали слѣдъ, шли въ доборъ и натекали лисицу, которая, по обыкновенію, видя бѣду неминуемую, старалась въ началѣ притаяться гдѣнибудь подъ глыбой земли или въ густомъ бурьянѣ, но эта утайка вообще длилась недолго и, волею, неволею, Патрикѣвна, должна была пускаться на утекъ. Рѣдкая заросль мало способствовала отчаяннымъ бѣглянкамъ къ обманамъ и укрывательству; отыскавши однажды звѣря по слѣду, стая вела вѣрно и безъ отрыва, почти всегда «на зрячъ» и лисица непремѣнно выбѣгала на когонибудь изъ борзятниковъ, гдѣ уже рѣдкая пѣзъ нихъ успѣвала смастерить какую-нибудь штучку. Бывали однакожъ случаи, что и тутъ, при всей наметанности собакъ и мастерствѣ охотниковъ, этотъ хитрый звѣрекъ проскользалъ, какъ говорится, между пальцевъ и уносилъ на плечахъ не тронутую шкурку, оставя своихъ преслѣдователей въ недоумѣніи и досадѣ. Фунтикъ былъ первымъ представителемъ такой неудачи; единственную лисицу, на которую послѣ долгихъ ожиданій удалось ему спустить свою свору, онъ втравилъ обратно въ соры, гдѣ, разметавъ собакъ, Патрикѣвна вернулась къ Фунтику подъ лошадь и, на свободѣ, сопровождаемая неистовымъ крикомъ и одинокимъ преслѣдованіемъ мальчика, скрылась степью изъ вида. Съ Бацовымъ на другой день повторился тотъ же случай: гончіе вывели лисицу къ его ногамъ; собаки не успѣли заловить ее сразу, разбѣхались, пронесли и лисица юркнула въ круговину состоявшую изъ кочекъ заросшихъ густою травой, запада тамъ и, выждавъ минуту, когда борзые въ напрасномъ иску разметались въ стороны, вернулась подъ лошадь къ Бацову и исчезла въ сорахъ. Подобныя продѣлки повторялись и съ другими доѣзжачими, ежедневно; но, кромѣ этихъ обыкновенныхъ и хорошо всѣмъ извѣстныхъ случаевъ, бывало нѣсколько такихъ, которые ставили въ тупикъ самыхъ опытныхъ и знающихъ охотниковъ.

Обѣздивши въ три дня мѣста во кругъ Козихи и Спнихъ кустовъ, мы по совѣту дистанчнаго брали пятое поле въ такъ называемомъ Бурихлинскомъ участкѣ, верстахъ въ пятнадцать отъ мѣста нашей стоянки; тутъ не было вовсе соробъ; обрысканные нами въ первые дни они тянулись теперь отъ насъ на лѣво, охвативъ горизонтъ тонкою черною полоской; за то передъ глазами у насъ ширилась эта степь, сохранившая свою перво-данную дѣвственную физиономію: тишь, просторъ, безлюдье, пустыня—кругомъ! рѣдкія сурчины съ ихъ флегматическими обитателями, стада бѣлогрудыхъ дудаковъ, да эти, порождающіе какое-то тоскливое чувство, журавлиные голоса въ глубокомъ небѣ вотъ единственные представители теченія тутъ какой-то робкой, тахой, разъединенной жизни. Прощедши напрямкомъ въ глубь этой пустыни мы очутились въ лоскахъ. Для скопленія въ лѣтнее время воды на пойло быкамъ, прасолы перепружаютъ ихъ узкими плотинами, отчего образовались небольшіе прудки, а верховья ихъ заростають сплошнымъ камышемъ, который тянется узкими гривами въ разныя стороны по дну лощины. Тутъ, переходя со стаей изъ лоска въ лоскъ, Феопену Ивановичу предстояла забота гѣшить насъ постоянной травлей. Лисицъ нашлось множество, но между ними попадались такія, которыхъ охотники, не понимавшіе настоящей причины, отнесли прямо къ разряду заколдованныхъ, и послѣ двухъ, трехъ неудачныхъ попытокъ, отказывались ихъ преслѣдовать, считая ихъ, по свойственной русскому человѣку вѣрѣ въ лѣшнихъ, за оборотней и т. д., за что-то такое къ чему крещенному человѣку прикасаться не слѣдуетъ. Первый опытъ въ этомъ темномъ дѣлѣ выпалъ на долю старика Савелья; его быстроногая Красотка и другія сворныя собаки были пзвѣстны въ охотѣ какъ приваленныя въ особенности на лисицъ, которыхъ онъ успѣлъ уже пощетить въ графской больше десятка. Случилось такъ, что въ виду всѣхъ охотниковъ гончіе вывели лисицу пзъ камышей прямо къ Савелью Трофимовичу; кругомъ его была открытая степь, безъ всякихъ перемычекъ, слѣдовательно, лисицу надо было считать пойманною. Выждавъ звѣря какъ слѣдовало, старый охотникъ принялся его травить: собаки мигомъ dospѣли и съ горяча накрыли лисицу, но, въ то-же мгновение отскочили прочь и лисица, къ удивленію всѣхъ, пошла на утекъ; собаки долго не давали ей хода, окружали, опережали ее, сбивали со слѣда; Савелій горячо атукалъ, догонялъ, топталъ ее лошадыю, натравливалъ и подзаривалъ собакъ; тѣ снова заскакивали лисицу впередъ и съ боковъ, но,

притронуться къ ней не смѣла ни одна, какъ-будто на звѣрѣ, вмѣсто мягкой шерсти, торчали иглы. Долго и съ удивленіемъ смотрѣли мы на стараго охотника, который атукалъ жалобнымъ голосомъ и, кажется, плакалъ съ досады, что его надежныя собаки *оплывають* и не берутъ звѣря! Такъ скрылся онъ у насъ изъ вида и, спустя время, вернулся къ мѣсту съ пустыми тороками. Этотъ рѣдкій случай навѣрное обратилъ бы вниманіе всѣхъ охотниковъ и сталъ бы предметомъ самыхъ вычурныхъ толковъ, еслбъ ему не было суждено повториться надъ самимъ Алѣевымъ еще до возвращенія Савелья. Гончія, не перестававшія гайтѣ въ камышахъ, вывели матерую лисицу прямо на Алексѣя Николаевича. Собаки его своры, изъ которыхъ каждая способна была управиться съ лисицей, какъ кошка съ мышью, лигомъ накрыли звѣря и, какъ опаренныя кипяткомъ, отскочили отъ него прочь; освободясь изъ мяки, лисица, точно также, какъ и у Савелья, пошла на утекъ и, словно заколдованная, скрылась изъ вида нетронутая ни одной собакой. Но этимъ не кончилось: графскій охотникъ, Кондратій, у котораго собаки были тоже надежныя, точно также проводилъ лисицу степью и вернулся назадъ ни съ чѣмъ. Наконецъ выскочилъ изъ камышей четвертый оборотень въ образѣ такой же лисицы и побѣжалъ прямо на Ваську, Алѣевского стремяннаго: знаменитый его Чернопѣгій пошелъ къ ней на встрѣчу впереди всѣхъ собакъ, и глядя на этотъ самоувѣренный приѣмъ втравленного волкодава, казалось, что отъ бѣдной лисицы останутся одни ключья. Не тутъ-то было! Схватя съ разлета лисицу за спину, онъ трепнулъ ее сердито, швырнулъ отъ себя въ сторону и самъ остановился на мѣстѣ, какъ-будто у него закружилась голова; прочія собаки подоспѣвъ, накрыли бѣглянку снова и въ тотъ же мигъ бросили ее; помятая и оторопѣвшая отъ двухъ такихъ ударовъ, лисица, чуть переваливаясь, въ началѣ очень тихо, а потомъ шибче и шибче побѣжала степью; Васька, какъ видно было, разсвирѣпѣлъ отъ этой неудачи, а по охотничьему — срамоты. Онъ помчался въ слѣдъ за бѣглянкой и натравливая ее собаками, которыя, окружая и заскакивая впередъ, не давали ей надлежащаго хода, вскорѣ изловчился пристукнуть ее пульткой *), погѣвъ съ сѣдла и началъ вторачивать. Мы неотвязно смотрѣли

*) У псовыхъ охотниковъ, занимающихся травлею волковъ, въ ручку арапника вплетена полуфунтовая свинцовая гирька, которою они, взявъ за конечникъ, машутъ на скаку и стараются попасть звѣря по головѣ; однимъ ловкимъ ударомъ волка можно *ошелоить*.

на стремяннаго и ждали его возвращенія, чтобъ взглянуть поближе на того звѣря, который не дался въ зубы даже Чернопѣтому... Еще къ большому удивленію мы видѣли, что Васька, вмѣсто того, чтобъ по обыкновенію сѣсть въ сѣдло и ѣхать къ намъ съ триумфомъ, повелъ лошадь на чумбурѣ, распустивъ его во всю длину и въ добавокъ часто отмахивалъ ее отъ себя арапникомъ, какъ видно, желая быть отъ нее подальше; собаки тоже рыскали далеко отъ лошади. Причиной всего этого не замедлила объясниться: отъ лисицы, наскоро и кой-какъ притороченной къ сѣдлу, разило такимъ нестерпимымъ запахомъ, что подъ вѣтеръ нельзя было устоять отъ лошади въ пяти шагахъ.

Собравшись въ кучку и глядя на торока стремяннаго, мы долго разсуждали объ этомъ новомъ для всѣхъ явленіи; наконецъ Теопенъ Ивановичъ выѣхалъ изъ лощины.

— Ну, ты что скажешь объ этомъ? спросили его въ два голоса графъ и Бацовъ, разсказавъ въ началѣ о неудачной травлѣ прежнихъ лисицъ.

— Что тутъ сказать; дѣло знамо — змѣевка.

— Что за змѣевка? какая змѣевка?!

— А такая жъ, что змѣи ѣдятъ; тутъ, выходитъ, имъ водѣ. Я и по гоньбѣ смекнулъ: ведутъ, словно улицей закатываютъ! да какъ и не причуютъ; вишь, смердотина какая! А я вамъ доложу, добавилъ ловчій, что по лѣту ихъ и травить нельзя: не равно дастъ хватку, собака распухнетъ, а чего добраго — и околѣетъ. Изъ волковъ тожъ попадаются такіе, что съ голоду змѣи да ящерицъ похватываютъ; отъ того разить такъ, что за версту не поступишь. Одначе, пора на перевалъ, время нисколько, часъ третій, небось, есть? заключилъ Теопенъ.

Сергѣй и Пашка, вызывавшіе въ это время стаю изъ камышей, тронулись впередъ и спустились въ новую лощину; охотники, не нарушая прежняго порядка, заѣзжали и становились по мѣстамъ. Тутъ нѣкоторымъ изъ борзятниковъ суждено было повторить уже видѣнное нами, и они возвратились домой съ полной увѣренностью, что имъ выпало на долю травить — *оборотня*.

Въ это поле мы затравили лишь девять лисицъ всей охотой и вернулись на квартиру раньше обыкновеннаго, потому, что на утро мы снимались съ прежней стоянки и переходили для большаго удобства въ прасольскіе хутора. Обозъ съ тяжестими вышелъ на разсвѣтъ; мы, съ очередной стаей взяли на прощаньѣ

Козиху, гдѣ застали двухъ лисицъ и одного первый разъ встрѣченнаго нами волка, котораго однакожь пришлось травить въ угонъ и потому мы довольствовались только зрѣлищемъ настоящей волчьей скачки *)).

Прасольскіе хутора, куда мы прибыли, пройдя версть двѣнадцать степью и держась направо отъ Спихнхъ кустовъ, представили намъ жизненные удобства больше нежели прежняя стоянка, хотя мы на время должны были разъединить нашихъ охотниковъ. Въ одномъ изъ нихъ помѣстился Теопенъ съ частью общихъ тяжестей, далѣе сталъ Игнатъ со стаей и борзятниками, послѣдній заняли мы всѣмъ обществомъ. Хутора эти были ни что иное, какъ большаго размѣра плотно срубленные двѣ избы, соединенныя просторными сѣнями; къ этимъ жильямъ были пригорожены правильными четверугольниками большіе дворы съ навѣсами, подъ которыми можно было помѣстить штукъ до тысячи рогатаго скота, который откармливался въ здѣшней степи для продовольствія нашихъ столпцъ. Дворъ отъ двора были отодвинуты слишкомъ на версту, для предупрежденія всякихъ сообщеній одного гурта съ другимъ на случай заразы. Всѣ три двора были расположены по изгибамъ узкой лоцины съ ничтожнымъ ручейкомъ. Кругомъ насъ была одна эта ровная глубокая степь съ сурчинами, законченная всюду сѣроватымъ горизонтомъ, да въ одномъ углу тѣ же, нигдѣ не отстававшіе отъ насъ, Синіе кусты.

Первый день послѣ перваго ночлега на новомъ мѣстѣ былъ опредѣленъ на отдыхъ. Пользуясь этимъ Теопенъ Ивановичъ просилъ заранѣе дозволить ему сдѣлать охотничій праздникъ и поставить ребятамъ обѣщанный «могарычъ.» Отказа конечно быть не могло, и потому въ хуторѣ, гдѣ онъ помѣстился со стаей, просторная двѣнадцати аршинная изба была еще на капунѣ какъ-то щеголевато обставлена, полъ усыпанъ пескомъ, который, Богъ вѣсть, откуда добытъ въ этомъ царствѣ глубокаго чернозема. Въ одномъ углу стояло нѣсколько древесныхъ сучьевъ разыгрывавшихъ роль лѣса; тутъ же, т. е. на краю лѣса, былъ поставленъ простой столъ, усыпанный густо золой; остальную пустоту зани-

---

*) Всѣ охотники утверждаютъ, и я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что голоднаго волка травить въ угонъ невозможно. Сила скачки и широта его розмаха такъ велики, что ни одна изъ борзыхъ, какъ бы ни была она рѣзва, не въ состояніи на скаку не только достигъ, но даже приблизиться къ утскающему звѣрю.

малы два длинныя стола съ обильнымъ запасомъ разныхъ напитковъ, закусокъ и съ двумя кипѣвшими самоварами.

Часу въ третьемъ мы отправились пѣшкомъ посмотрѣть на пирующихъ, а главное, послушать охотничьихъ пѣсней, которыя, надо сказать правду, наши охотники пѣли мастерски. Пиръ былъ въ полномъ разгарѣ, когда мы появились среди ихъ веселаго общества. Въ избѣ, кромѣ пѣсельниковъ и людей, завѣдывавшихъ хозяйственною частью пирушки, было мало пьющаго народа. За столомъ, посыпаннымъ золой, сидѣли оба ловчіе, безъ кафтановъ и съ рогами за спиной; вокругъ стола, въ тѣсномъ кружку, стояли охотники, держа въ обѣихъ рукахъ по ложкѣ. Не видавшій ни разу охотничьей пирушки, конечно-бы удивился, глядя на эту странную затѣю, но для насъ это было не ново: дѣло въ томъ, что ни одна почти охотничья пѣсня не поется безъ того, чтобъ тутъ не было ѳголосоу стаи, а учащенное шмыганье ложками по столу, посыпанному золой, очень-вѣрно выражаетъ гоньбу выгнать въ островѣ, и мастера, умѣющіе сочетать звуки какъ должно, съ пятью, шестью парами деревянныхъ ложекъ произведутъ такой гамъ и пискъ, что, слушая издали, всякій приметъ его за гоньбу стаи, состоящей голосовъ изъ сорока.

Когда мы вошли, запѣвала только-что затянута:

Запл. Не пора-ли намъ, ребята,

Своихъ кониковъ сѣдлатъ?

Хоръ: Гей, гей, рам-да-да!

Своихъ кониковъ сѣдлатъ!

Запл. Скакуновъ лихихъ сѣдлатъ,

Въ чисто поле выѣзжать.

Хоръ: Гей, гей, рам-да-да!

Въ чисто поле выѣзжать!

Запл. Въ чисто поле выѣзжать,

Въ островъ гончихъ напускать.

Хоръ: Гей, гей, рам-да-да!

Въ островъ гончихъ напускать!

Запл. Ну-ка, ну-ка, заускай,

Проровняйся, запорскай!

Хоръ: Гей, гей, и проч.

Хоръ на время умолкаетъ; ловчій трубитъ сначала въ рогъ и начинаетъ во весь голосъ порекать и накликаеть на горячій: Га-эй, собаченьки! по-ди, по-ди, въ лѣсъ, въ лѣсъ! Га-эй, поди, проровняйся... и проч. Тутъ одинъ изъ охотниковъ начинаетъ шмыгать, сначала одной, потомъ двумя ложками очень-вѣрно подражая голосу собаки, попавшей на слѣдъ звѣря, а ловчій съ полнымъ одушевленіемъ подваливаетъ стаю и накликаеть на

горячій: Га-эй, дружки, чуй его, чуй! Га-эй, собаченьки — тутъ шоль, тутъ бѣжалъ — натеки, дружки! Валсь! къ нему! У-а! дошоль! дошблъ! и т. под. Тѣмъ временемъ, къ первымъ двумъ ложкамъ постепенно присоединяются остальные; гоньба закипаетъ, хоръ поетъ:

Заплъ. Чу, Камшило, чу, Громило!
Къ нимъ вся стая подвалила.
Хоръ: Гей, гей, рам-да-да и проч.
Заплъ. Звонарю обидно стало —
Какъ свалилася вся стая.
Хоръ: Гей, гей....
Заплъ. Онъ по волку тутъ погналъ,
Лихо гончихъ оборвалъ....

Тутъ, въ моментъ полнаго разгара гоньбы, ловчій подаетъ въ рогъ по красному и кричить: «Береги въ поля!»

Тѣмъ-же порядкомъ воображаемаго звѣря начинаетъ травить кто-нибудь пзъ борзятниковъ и если во время этой охотничьей оргіи въ числѣ слушателей есть кто-нибудь изъ охотниковъ-господъ, то хоръ тутъ-же, именуя любимую собаку его своры, подпѣваетъ:

Барской своры кобель Скорый
Сѣра волка подорвалъ! и проч.

И запѣвало поздравляетъ барина съ полемъ, а тотъ обязанъ положить — *золотую гризну* на смычокъ Звонарю *).

Сверхъ этой очень-длинной и однообразной пѣсни, охотники по желанію графа и прочихъ пропѣли еще любимую всѣми, превосходно-выполняемую хоромъ и одушевленную общимъ ату-каньемъ борзятниковъ пѣсню, въ словахъ которой, однако-жь, при всемъ стараніи, я не могъ доискаться надлежащаго склада; она поется протяжнымъ голосомъ и почему-то называется «Заря».

Темна ночка на проходѣ,
День красный настаетъ;
(Младой) ловчій встаетъ, —
Въ рога голосъ подаетъ.

Вы, охотнички, вставайте,
Лошадей дружки сѣдлайте,
На смычки собакъ смыкайте:
Всѣ готовыми ступайте.

---

*) Пѣсня эта очень длинна. Особенно, если запѣвало обладаетъ даромъ импровизаціи, онъ къ началу ея прибавляетъ отъ себя нѣсколько новыхъ куплетовъ, которыми восхваляетъ дѣйствительный или вымышленный подвигъ какой-нибудь удалой собаки въ охотѣ.

Выѣзжайте во поля,
Выступайте въ острова,
И по тѣмъ (темнымъ) мѣстечкамъ,
Гдѣ есть озимь и лужечки.

Тамъ бывали русанки.
Ну-жь, снимай съ собакъ смычки;
Вдоль по острову ступайте,
Проровняйся, пропорская.

Снова отпускается изрядная порція порсканья и гудѣнья въ рога, послѣ чего хоръ добавляетъ:

Хоръ: Ты, Затѣйка, натеки,
Горкалушка подхвати!
Вотъ и сталъ вся взорвала
Горячо звѣря погнала!

Ловчий: А-у! а-у! а-у!
Доберись миленькіе!
Чуй — дружки, чуй!
У-лю-лю, у-лю-лю, у-лю-лю!
Слушай! Береги въ поля!

Хоръ: Ты, Нахалушка, нагнись,
Ты, Примѣтка, растянись,
Ты разбей его, Разбой!
Ты не выдай, Дорогой!

Всѣ: Ухъ! ухъ! ухъ! Дошолоъ! Дошолоъ!
О-го-го, о-го-го, о-го-го!

Запѣв.: Баринъ, съ полемъ честь имѣемъ поздравить.

Тутъ, какъ водится, слѣдуетъ новая подачка на ошейникъ Дорогому.

Насъ подчивали чаемъ.

Въ сѣняхъ и вокругъ избы, на вольномъ воздухѣ, охмѣлѣвшіе уже охотники ходили съ чашками въ рукахъ или сидѣли группами, безопасно и весело разсуждая о суетахъ мірскихъ вообще и охотничьихъ въ-особенности; между прочимъ, въ одномъ кружку шла рѣчь о вчерашнихъ событіяхъ. Тутъ, какъ водится, не обошлось безъ спора, доказательствъ и возраженій: одни утверждали, что имъ пришлось имѣть дѣло съ нечистой силой, другіе опровергали ихъ и ловко надъ ними подтрунивали. Дистанционный былъ тоже въ числѣ почетныхъ гостей; онъ, по-видимому, былъ очень доволенъ обществомъ и оказываемымъ ему вниманіемъ. Было также замѣтно, что между начальникомъ степной стражи и нашимъ мудрецымъ ловчимъ утвердились довѣріе и пріязнь.

Вскорѣ для насъ и въ-особенности для графа Атукаева, ко-

торый, кстати сказать, былъ страстный охотникъ до людей подобныя Петрунчику, представился случай позабавиться новымъ и весьма-замѣчательнымъ явленіемъ. Передъ окнами у насъ, какъ-то внезапно, появился отрепанный господинъ въ сѣренкомъ гарусномъ пальто, въ зеленыхъ, суконныхъ брюкахъ, съ множествомъ заплатъ, пристеганныхъ кой-какъ бѣлыми нитками и въ какихъ-то сандаляхъ или лучше сказать, въ бабьихъ котлахъ, надѣтыхъ на босу ногу; подъ мышкой онъ держалъ большую пачку бумагъ, свернутыхъ трубочкой. Мусье этотъ отнесся къ группѣ охотниковъ, сидѣвшихъ у насъ подъ окномъ, и началъ велерѣчиво допытываться у нихъ, какъ ему свидѣться съ графомъ Атукаевымъ; тѣ отвѣчали какъ-то неохотно и уклончиво, но, когда вновь-появившійся прорекъ: «не менѣе того, я желаю представиться, и вы обязаны (тутъ надо было видѣть позу и повелѣвающій его видъ) доложить его сіятельству, что путешествующій ученый и благородный человекъ желаетъ...» и проч., нашъ Атукаевъ пришелъ въ восторгъ; онъ засуетился страшно: Петрунчикъ, бывшій съ нами, тотчасъ получилъ отъ него приказаніе, прикинуться графомъ и принять господина съ достоинствомъ. Хлюстиковъ приосанился, помѣстился на видномъ мѣстѣ и за господиномъ былъ отправленъ посланецъ.

— А, это Каракуля! сказалъ дистаночный, взглянувши мелькомъ въ окно. — Этотъ...

— Смотри же, Петрунчикъ, не посрамись! говорилъ Атукаевъ, не слушая Крутолобова.

Каракуля вошелъ тихо, но не робко и съ какими-то вывертами. Физиономія этого господина была такова, что взглянувши на нее первый разъ всякій начнетъ припоминать, гдѣ онъ видѣлъ такую птицу? Совершенно птичій обликъ! И носъ и ротъ и борода у него какъ-то побѣжали къ низу, согнулись и образовали что-то въ родѣ клюва.

— Кого вамъ надо видѣть? спросилъ нетерпѣливо графъ, когда тотъ снова въ глазами, стараясь угадать къ кому слѣдовало отнестись.

— Я-съ, къ его сіятельству...

— А, вамъ къ графу; вотъ графъ.

Новоприбывшій важно подступилъ къ самому носу Петрунчика.

— Честь имѣю рекомендоваться... Учитель и даже сочинитель! проговорилъ Каракуля, наклоня лѣвое плечо и вознося правую руку къ свертку бумагъ.

— Да какой ты, братецъ, сочинитель? Что ты сочинилъ? началъ Петрунчикъ, шуря одинъ глазъ.

— Помилуйте, сятельнѣйшій графъ, не позволяйте сомнѣваться въ томъ. Я сочинилъ или лучше сказать воспѣлъ въ хоренчскомъ размѣрѣ поэму, подъ названіемъ: *Мой недремлющій сонъ*.

— Да какой это сонъ, братецъ? Что въ немъ есть, въ этомъ снѣ?

— Много есть ощущеній по истинѣ вѣрныхъ, потому что сонъ этотъ я испыталъ на себѣ самолично, имѣвъ случай уснуть зимой на улицѣ въ нанковомъ сертукѣ. Онъ написанъ такъ, что еслибъ вашему сятельству угодно было прочесть всю поэму, то вы бы могли вообразить даже, что это видѣніе мертваго человѣка, поелику я былъ мертвъ: мужики оттерли-сь.

Послѣ такого вступленія учитель-сочинитель долго пояснялъ Петрунчику какого рода сны бываютъ у мертваго человѣка и подъ конецъ, какъ-то экспромтомъ, заключилъ: — а не менѣе того я васъ могу увѣрить, что для ученаго человѣка достаточно одной рюмки водки. Съ этимъ, Петрунчикъ, какъ видно былъ совершенно согласенъ, потому что не замедлилъ крикнуть къ людямъ о подачѣ бодряжки. Черезъ часъ мы оставили ихъ обонхъ пляшущихъ подъ пѣсни охотниковъ. На другой день намъ донесли, что Петрунчика и учителя-сочинителя охотники какъ-то стравили и они подрались; учителя вытолкали вонъ, а Петрунчикъ, отоспавшись, явился къ отвѣту и по общему приговору былъ обреченъ на трехдневное воздержаніе.

Послѣ этого охотники наши ѣздили въ разныя стороны по степи, въ *наѣзку*, безъ гончихъ. Нѣтъ ничего скучнѣе этой наѣздки. Это однообразное дѣло способно породить скорѣе охлажденіе и навести дремоту, нежели завлечь и пристрастить къ себѣ человѣка, еще не томящагося охотничьей лихорадкой. Ызда «на глазокъ» по степи за лисицами монотоннѣе и скучнѣе въ десять разъ ѣзды мелкотравчатыхъ на хлопки за зайцами. Тамъ по крайней мѣрѣ это круговое движеніе, крикъ, хлопанье, а больше всего постоянное ожиданіе, что вотъ-вотъ выскочитъ *косой* изъ-подъ межи или кустика, увлекаютъ охотника и онъ, подстрекаемый нетерпѣніемъ и надеждой, суетится, хлопаетъ и кричитъ: эхъ вскочи! эхъ подымись! потѣши, дружокъ! и проч. И вотъ, матерой, свѣжій русакъ прыгнулъ на сажень вверхъ, взбрыкнулъ ножками, перетронилъ, насторожилъ одно ухо и «загорѣлся какъ свѣча!» Все встрепенулось, гикнуло, помчалось въ слѣдъ за этимъ голубымъ шарикомъ... и вотъ, какой-нибудь Крылатъ

оторвался от кучки собакъ, заложился по русаку, dospѣлъ, швырнулъ косаго — разъ! два! и въ слѣдъ ему раздаются голоса полные энергій, страсти... Нѣтъ, совсѣмъ не то ѣзда за лисицами.

Выѣхавъ изъ дома охотники наши растягивались въ линію и, захвативъ большое пространство степи, двигались шагъ-за-шагомъ, все больше и больше расширяя линію и подаваясь медленно впередъ, высматривали лисицу на рыску или отаптывали попадавшіяся по пути круговины съ кочками, гдѣ она могла залечь — и все это дѣлалось какъ-то крадучись, въ тихомолку... Нужно имѣть слишкомъ острое зрѣніе чтобъ замѣтить лисицу на рыску въ степи, обыкновенно версты за двѣ и болѣе впереди себя. Тутъ начинается эта томительная *отъѣздка зѣря*: два, три охотника отдѣляются и начинаютъ заѣзжать на рысяхъ лисицу спереди и съ боковъ, стараясь въ началѣ пересѣчь ей путь, *скружить* и отѣхать отъ опаснаго мѣста и, тогда уже, послѣ продолжительной, осторожной и утомительной для лошади и собакъ отъѣздки, начинается травля такого звѣря, противъ котораго надо имѣть въ запасѣ слишкомъ много находчивости и соображенія чтобъ овладѣть его шкуркой. Разорванная такимъ образомъ линія опять сомкнулась и опять увидѣли движущуюся темноватую точку на горизонтѣ и снова, два-три зоркіе вершника отдѣляются отъ прочей братіи и ѣдутъ на рысяхъ, таща на сворѣ высунувшихъ языки собакъ и разъединяясь и кружа по степи, направо, налѣво, исчезаютъ изъ вида и пропадаютъ въ пространствѣ; снова начинается это безмолвное, устроенное на знакахъ и пантомимахъ, движеніе впередъ, преслѣдованіе навось! Ничего общаго и жизненнаго — все въ тихомолку, все врозь, и за всю эту тоску и муку, чаще всего, въ результатъ — обманутое ожиданіе, чистая неудача! Нѣтъ, ѣзда за лисицами, по чернотропу, на глазокъ, по моему дѣлу не стоящее ни времени, ни труда.

Не смотря на это наши господа кружили по степи въ продолженіе трехъ дней сряду, измучили лошадей, подбили собакъ и затравили звѣря, сравнительно съ прежней ѣздой подъ гончими, вдвое меньше.

Давъ наконецъ отдохнуть лошадямъ и отлежаться собакамъ рѣшились на *послѣдяхъ* взять Синіе кусты и проститься съ гостепріимной степью.

Идучи къ острову охотники долго подтрунивали надъ Фунтикомъ, которому не суждено было ни разу возить въ торокахъ

лисицу, хотя онъ принимался травить ихъ по нѣскольку разъ. Мальчикъ отшучивался, но по лицу его было замѣтно, что онъ досадовалъ. На этотъ разъ придали ему къ сворѣ старую хорошо притравленную собаку, потому что бывшія у него зайчатицы плохо управлялись съ лисицей. Не было сомнѣнія, что мальчикъ на послѣдяхъ утѣшится. Мѣсто для себя онъ выбралъ весьма надежное и сталъ въ головѣ лощинки на перемычкѣ, между двумя графскими охотниками. Игнать кинулъ свою стаю въ островъ и гоньба вскорѣ закипѣла. Борзятники начали травить; дошла наконецъ очередь и до Фунтика: выждавъ на себя звѣря съ полнымъ терпѣніемъ, онъ отдалъ свору, и собаки его накрыли матерую лисицу, сразу, безъ угонки. Надо было видѣть съ какой послѣпностью обрадованный новичокъ соскочилъ съ лошади, второчилъ лисицу и очутился снова на своемъ счастливомъ мѣстѣ. Я смотрѣлъ на него издали и молча порадовался его успѣху. — Ну, теперь его не достанешь рукой! примолвилъ Бацовъ, глядя въ свою очередь на Фунтика.

Долго послѣ этого пробыли охотники подъ островомъ; лисицъ въ немъ, по видимому, было меньше прежняго, однакожь борзятники не застаивались: во многихъ мѣстахъ травля шла очень успѣшно. Я собрался ѣхать къ Алѣеву на другой конецъ острова, какъ Бацовъ, взглянувъ въ сторону, вскрикнулъ: — Смотри! Фунтикъ! Что съ нимъ?

Было отчего воскликнуть Бацову. Весьма смиренная и хорошо приѣзженная лошадка, на которой сидѣлъ Фунтикъ, неизвѣстно отчего пришла въ бѣшенство. Стоя до этого на мѣстѣ очень спокойно, она, вдругъ, помчалась-зря, и начала страшно трепать задомъ. Справляя на вольты и осаживая на поводьяхъ, сколько доставало силъ, мальчикъ не трусилъ и крѣпко держался въ сѣдлѣ, но лошадь металась, взбрыкивала, приходила въ большую и большую ярость и, забравъ силу, закусивъ удила и понурия голову, помчалась прямо по степи, взмахивая высоко задомъ. Изнемогши въ борьбѣ, мальчикъ, какъ видно было, отдался на произволъ бѣшеннаго животного, но все-таки держался въ сѣдлѣ твердо. Все это произошло такъ быстро и неожиданно, что никто изъ ближайшихъ охотниковъ не вздумалъ поспѣшить къ нему на выручку; да и сдѣлать это для нихъ не было никакой возможности: скача къ Фунтику на помощь, они обязаны были спустить со сворѣ собакъ, которыя не видя передъ собой звѣря успѣли бы тѣмъ временемъ надѣлать страшной кутерьмы. Взглядывая одинъ по одному на скачущаго мальчика и не понимая

причины этой скачки, никому не приходило въ голову, что каждому изъ насъ слѣдовало, брося все, ринуться на помощь въ самомъ началѣ; теперъ же, когда всѣ поняли необходимость этого, было уже поздно: мальчикъ былъ слишкомъ далеко отъ насъ. Между тѣмъ, пока мы недоумѣвали глядя на это новое, загадочное для всѣхъ явленіе, лошадь, взмахивая высоко задомъ, уносилаь дальше и дальше... наконецъ, оступившись, она опрокинулась, подмяла подъ себя слабого сѣдока и вскопча на ноги, снова помчалась степью, таща за собой мальчика, у котораго несомнѣнно одна нога осталась въ стремени. Бацовъ, я, и одинъ изъ охотниковъ поскакали по слѣдамъ бѣдствующаго; послѣ нѣсколькихъ встрепокъ лошадь наконецъ поскакала одна, оставя несчастнаго сѣдока по среди степи. Мы вскорѣ очутились подлѣ него, но увы, это былъ уже не нашъ проворный и веселый Фунтикъ, а его безжизненный трупъ: изо рта у него обильно текла кровь съ пѣной; онъ получилъ нѣсколько ударовъ въ грудь и въ голову; на ногѣ у него осталось оторванное отъ сѣдла стремя, у пояса висѣло обрывокъ чумбура. Осмотрѣвъ все внимательно, мы подали сигналъ «на драку» и нѣсколько охотниковъ не замедлили прискакать къ мѣсту. Къ Стерлядкину и прочимъ господамъ былъ посланъ гонецъ съ извѣстіемъ о случившемся и тѣ явились вскорѣ. Неожиданная смерть Фунтика глубоко опечалила всѣхъ охотниковъ: у многихъ появлялись на глазахъ слезы; всѣ они любили мальчика, забавлялись его рѣзвостью и обращались съ нимъ какъ съ меньшимъ братомъ; даже дистанчный и его неразлучный товарищъ горевали искренне, глядя на погибшаго.

Что было причиною этой грустной катастрофы? Отчего такая благонравная и смиренная лошадь, на которой мальчикъ ѣздилъ три года въ хлопунцахъ *), вдругъ взбелѣнилась и надѣлала такихъ бѣдъ? Это были вопросы пока неразрѣшимые.

Стерлядкинъ искренне сокрушался и себя одного упрекалъ въ случившемся несчастіи; мы всѣ вообще чувствовали себя какъ-то неловко: какъ будто на каждомъ изъ насъ лежала частица обвиненій взводимыхъ на себя Стерлядкинымъ.

Послали на квартиру за линейкой для перевозки тѣла съ хутора и нѣсколько охотниковъ отправились по нашему указанію для поимки убѣжавшей лошади; но они возвратились поздно ве-

---

*) Подъ хлопунцовъ опредѣляются самыя смѣлыя и съ смиренной пріѣздой лошади.

черомъ, не найдя даже признака ея слѣдовъ, и только на другой день къ вечеру, съ помощью и содѣйствіемъ дистаночнаго, удалось на нее наткнуться объѣзчикамъ: лошадь погрязла и околѣла въ одной изъ тѣнистыхъ лощинъ, въ Бурихинскомъ участкѣ, въблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы травили оборотней; по донесенію сторожей, на ней было сѣдло, съ приторченной къ нему лисицей. Это было верстахъ въ десяти отъ нашей квартиры и мы на утро сѣли въ линейку и отправились съ нѣсколькими верховыми на мѣсто. Съ перваго же взгляда на лошадь, причина смерти горячаго и неопытнаго охотника открылась намъ со всею ясностью: этотъ рѣдкій, однакожъ не единственный въ охотѣ случай, служилъ еще большимъ дуказательствомъ тому, какъ много опытности и соображенія надо имѣть охотнику, чтобъ управиться съ такимъ звѣремъ какъ лисица. Дѣло заключалось вотъ въ чемъ:

Каждому уже извѣстно, что лисица, при ея необыкновенной изобрѣтательности средствъ къ своему спасенію, попавшись наконецъ въ руки къ охотнику, пускается на послѣднюю крайность: она ловко прикидывается мертвою. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ было и съ Фунтикомъ: принявъ лисицу отъ собакъ, обрадованный мальчикъ по неопытности или по забывчивости, не добивъ ее, приторчилъ къ сѣдлу *по заячи*, *) т. е. просто привязалъ ее за ноги къ задней лукѣ, оставя голову на свободѣ. Къ несчастію, ни одному изъ сосѣднихъ охотниковъ не пришла мысль взглянуть ближе и внимательнѣе какъ управился новичекъ съ своей добычей, а издали разсмотрѣть было невозможно; сверхъ того каждый изъ нихъ, стоя на лазу, обязанъ былъ не зѣвать и думать о себѣ одномъ. Очень естественно, что Фунтикъ, второча живую лисицу и ставъ на прежнее мѣсто, обратилъ все свое вниманіе на то, что происходило передъ нимъ въ островѣ. Лисица тѣмъ временемъ очнулась и запустила острые зубы въ пахъ лошади: нестерпимая боль и страшный испугъ послѣдней, были виновниками видѣнныхъ нами послѣдствій. Когда люди вытащили на арканѣ лошадь изъ тины и сняли съ нее сѣдло, оказалось, что правый пахъ у нее мѣстахъ въ шести былъ глубоко прокушенъ и кровь текла обильно; все это доказывало, что лисица была приторчена живая и околѣла въ болотѣ вмѣстѣ съ лошадейю.

---

*) Лисицу, какъ бы она ни была поята собаками, въ началѣ добираютъ и туго приторачиваютъ за глотку; пристегнутая на мертвой петлѣ къ лукѣ, она не можетъ ожить и движеніемъ своимъ напугать лошадь. Отъ несоблюденія этого правила случалось много несчастій съ охотниками.

Употребивъ слѣдующій затѣмъ день на отдаіе грустнаго долга нашему общему любимцу, мы изготовились въ ночь и выступили на зорькѣ въ дальнѣйшій путь. Дистаночнаго и бывшихъ при насъ объѣзчиковъ за ихъ хлопоты и усердіе одарили щедро, такъ что первый остался вовсе не въ накладѣ за «убытки понесенные Теопеномъ», а послѣдніе, допивая прощальную чарку съ охотниками, выражались искренне, что «такихъ господъ на рѣдкость встрѣтишь!»

Такъ тревожно начали мы наше полеванье во владѣніяхъ графини Отакойто, такъ весело и удачно продолжали и — такъ грустно пришлось его кончить.

Крутолобовъ съ двумя сторожами провожатъ насъ далеко степью, направляя наше слѣдованіе къ Хопру, куда мы двинулись съ цѣлью провести тамъ остатокъ осени до порошъ.

Х.

Кочевая жизнь. — Крутое. — Зима-весна. — Бугры. — Еще одна хитрость лисицы. — Необыкновенные волки. — Крылатые зѣтри. — Отъѣздъ. — Бокино. — Производство въ чинъ. — Заключение.

Теперь остается сказать немного о тѣхъ замѣчательныхъ явленіяхъ, которыя по-челу-нибудь выходили изъ ряда обыкновенныхъ и останавливали на себѣ наше общее вниманіе. По выходѣ изъ прасольскихъ хуторовъ мы повели жизнь въ родѣ наѣздничей, или лучше сказать кочевой-цыганской. За исключеніемъ Хлюстикова и людей обязанныхъ быть при обозѣ, всѣ мы сидѣли на коняхъ и растянувшись въ линію протекали мѣстность въ видѣ опустошительной лавы. Обозъ съ заводными лошадьми и порожними фурами шелъ вмѣстѣ съ нами, пробираясь гдѣ-нибудь сторонкой и былъ постоянно въ виду. Очередная стая шла тоже съ нами, и если имѣлся въ виду какой-нибудь островъ, ловчій, вводилъ туда гончихъ и проходилъ его на проломъ: борзятники заравнивались на рысяхъ, окружали островъ, гоньба закипала живо, рогъ гудѣлъ — по красному, и звѣрь выносился на счастливаго охотника, а иногда попадали на цѣлый выводокъ волковъ и тогда травля дѣлалась общею, а тамъ, снова движеніе на хлопкахъ... Часу во второмъ за полдень, по данному сигналу всѣ съѣзжались къ обозу, потомъ, пообѣдавъ въ *сухомятку* и давъ отдохнуть лошадямъ и собакамъ, шли дальше. Итакъ съ ранняго утра до позднихъ сумерекъ, когда обозничіе, прикочевавъ къ

какому-нибудь поселку и запасись фуражемъ и провiантомъ, устроивали для насъ ночлеги.

По мѣрѣ удаленiя нашего отъ графской степи, мѣстность начала рѣзко измѣняться въ своихъ очертанiяхъ; глазъ пересталъ лѣниво скользить по этой однообразной плоскости съ ея ничтожными отгѣнками; начались бугры, скаты, перелѣски, глубокия долины съ топкимъ дномъ и низкимъ кустарникомъ, такъ сильно влекущимъ къ себѣ псоваго охотника; кой-гдѣ въ сторонѣ начали поблескивать крашенныя крыши господскихъ усадьбъ, частыя поселки, шпицы колоколенъ, рѣчки съ широкими перепрадами, мостами и мельницами. Часть отъ часу наше общее движенiе начало оживляться большимъ разнообразiемъ и тревогой: стали попадаться бѣжкiе русаки, затѣвалась заркая трава, отчаянная скачка....

На четвертыя сутки передъ вечеромъ мы прикочевали къ Крутому и расположились на стоянку, для того, что тутъ намъ предстояла серьезная, или сказать лучше по охотничьи — «строгая ѣзда.» Крутое это былъ крайнiй или начальнiй пунктъ обширнаго бассейна новохоперскихъ мѣстъ, куда по осени съ разныхъ сторонъ съѣзжалось множество псовыхъ охотниковъ, и всѣ они, переходя отъ мѣста къ мѣсту и не мѣшая другъ другу, вездѣ находили обильное количество звѣря. Слѣдующiй день былъ опредѣленъ на отдыхъ, на осмотръ мѣстности и на подвывку. Пользуясь прекрасной погодой, мы расположились въ виду острова бивуакомъ: разбили двѣ палатки, устроили нѣсколько пазашей, врыли котлы, настлали логовище для собакъ, однимъ словомъ, въ два часа времени устроились, какъ нельзя лучше и удобнѣе и зажили какъ дома. Сзади насъ, на краю горизонта, стояло село Крутое съ церковью и множествомъ вѣтряныхъ мельницъ; передъ нами, черезъ рѣчку и широкое поле, тянулась сплошная куща береженаго лѣса, блистая на солнцѣ багряными и желтыми отливами; отъ него въ сторону шли бугры и буеры, поросшия мелкимъ кустарникомъ; все это заканчивалось вдали такой же волнистой и всюду неровной плоскостью. Русскiй человекъ не задумается какъ именовать то мѣсто, на которомъ онъ обитаетъ: потому ли что самое село было расположено надъ обрывистымъ скатомъ возвышенной мѣстности, или эти бугры съ крутыми боками носили названiе Крутаго, неизвѣстно, но вѣрно то, что тутъ въ необитаемой глуши, среди обширныхъ болотъ и дикой заросли, выплаживалось много краснаго звѣря, а жизнь ему тутъ была самая привольная.

На утро, послѣ перваго ночлега нашего подъ острѣвомъ, въ воздухѣ была такая тишина и солнце свѣтило дотога ярко, что насъ, поселившихся подъ сѣнью березовой рощицы, прямо на полдень, начало обдавать вешнимъ зноемъ и собаки тяжело дыша прятались подъ тѣнь. Но пословица не даромъ велитъ хвалить утро когда настанетъ вечеръ: часу въ третьемъ за полдень подулъ рѣзкій восточный вѣтеръ, и весна наша умчалась ни вѣсть куда, черезъ часъ небо заволокла сплошная сѣрая туча, посыпалъ обильный снѣгъ и къ утру его выпало слишкомъ на четверть.— Пороша! пороша! кричали наши охотники, пробуждаясь на зорькѣ и поднимая край полости, на которой лежалъ толстый пластъ снѣга. Но не надолго послужила имъ эта мимолетная зима: часамъ къ десяти, пока люди успѣли позавтракать и собраться, солнце пригрѣло по вчерашнему, бугры начали обнажаться, снѣгъ таять и къ ночи осталась только ничтожная его частица по прибоямъ и впадинамъ.

Часу въ десятомъ оба ловчіе въ легкихъ курткахъ и въ болотныхъ сапогахъ повелъ пѣшкомъ гончихъ въ бугры. Выжлятники поѣхали въ слѣдъ за ними и, спустившись въ первую ложину, разбрелись по разнымъ пунктамъ для того, чтобъ имѣть возможность сбивать и задерживать собакъ во время гоньбы. Борзятники тоже раздѣлившись по трое и по пятку, пошли занимать мѣста и скрылись въ лабиринтъ спусковъ. Не такъ-то легко было каждому изъ нихъ добраться до назначеннаго пункта: бугры, казавшіеся издали сплошнымъ, стояли одинъ отъ другого на слишкомъ далекомъ разстояніи, а низина между ними состояла изъ топн съ частыми протоками и прочими болотными принадлежностями.

Всѣми, какъ говорится, правдами и неправдами, то садясь верхомъ на лошадь, то таща ее за собой на чумбурѣ черезъ топъ и по крутому склону cadaго бугра, прихватываясь на пути за вѣтки кустарника, я взобрался наконецъ на темя одного изъ возвышеній, откуда, сидя верхомъ на лошади, было очень удобно обозрѣвать и мѣстность и дѣйствіе cadaго охотника. Цѣпляясь также за сучья и таща въ поводу лошадей, борзятники устанавливались по мѣстамъ лицомъ къ тому пункту, откуда ловчіе должны были напускать стаю. Глядя на послѣднихъ нельзя было не припоминать извѣстной всѣмъ поговорки, что охота бываетъ иногда хуже неволи! Я уже имѣлъ случай говорить о значеніи ловчаго проникнутаго страстью къ своему занятію, но едва ли сдумѣлъ бы я показать въ надлежащемъ свѣтѣ ту степень труда

и самопожертвованія, на какую обрекаетъ себя ловчій, желающій правильно, усердно и добросовѣстно вести свое трудное дѣло. За примѣрами ходить, конечно, было бы недалеко. Какъ доказательство тому, я приведу здѣсь слѣдующій, отнюдь перѣдкій и дотого обыкновенный случай, что о немъ ни одинъ изъ охотниковъ не сталъ бы и упоминать.

Подъ конецъ гоньбы въ буграхъ, гончіе у Теомена подхватили по волку и-скололись; звѣрь пошелъ прямика, низинной, минуя борзятниковъ. Игнатъ видѣлъ это, но, насадить гончихъ на слѣдъ не было никакой возможности: передъ нимъ стояло цѣлое озеро воды и бывшія съ нимъ собаки, не чуя слѣда, шли туда неохотно; недолго думая нашъ ловчій подхватилъ двухъ звѣрогоновъ подъ мышки и ринулся съ ними въ воду; сначала онъ побрелъ по поясъ, потомъ по грудь, наконецъ юркнулъ съ головой; собаки поплыли вмѣстѣ съ шапкой ловчаго. Очутясь на сушѣ, Игнатъ мигомъ насадилъ собакъ на горячій, подалъ въ рогъ и, забывъ свою плавающую шапку, принялся накликать остальныхъ собакъ и исчезъ съ ними въ камышахъ; выжлятники тѣмъ временемъ успѣли подбить нѣсколько новыхъ голосовъ, заскакали звѣря, подали его на хлопкахъ охотникамъ и волкъ былъ принятъ съ разу. Говорите послѣ этого ловчему, что принимая такія ванны онъ можетъ схватить по крайней мѣрѣ лихорадку, отвѣтомъ навѣрное будетъ «ничего-съ.»

Къ двумъ часамъ мы вышли изъ бугровъ и проходя полевъ метали гончихъ по отъемамъ; звѣря здѣсь нашли немного, однакожь не проходили попусту. Тутъ мнѣ пришлось долго любоваться на одну изъ тѣхъ продѣлокъ, на какіе можетъ быть способна только — Патрикѣвна. Въ одномъ изъ отъемныхъ болотъ, лежавшихъ посреди чистаго поля, гончія натекли на лисицу. Втравленная до двухъ разъ обратно въ болото и видя свое безвыходное положеніе, лисица ринулась въ стаю и, разметавъ гончихъ между кочками, очутилась у ногъ моей лошади стоявшей недвижимо въ частомъ кустарникѣ. Осмотрѣвъ всѣхъ борзятниковъ, стоявшихъ на чистотѣ, и незамѣченная ими, лисица прыгнула черезъ дорогу и проползла подъ межей къ толстому слою нарастающаго еще снѣга; тутъ, растѣнувшись во всю длину она начала нагребать на себя снѣгъ и такъ искусно зарылась въ немъ, что невидавшему этой продѣлки никакъ бы не пришло на мысль заподозрить здѣсь ея присутствіе. Долго простоялъ я не сводя глазъ съ того мѣста, гдѣ торчалъ одинъ только кончикъ чернаго носика затѣйницы.

Подъѣхалъ Бицовъ.

— Хочешь травить лисицу? спросилъ я.

— Гдѣ? Какъ? Говори, гдѣ она?

— У меня въ карманѣ.

— Ну, вотъ, вздоръ, пустяки...

— Ну, если пустяки, такъ ты ступай своей дорогой, я при-
служусь кому-нибудь другому.

— Нѣтъ, пожалуйста, говори правду; ты не шутишь!

— Какія тутъ шутки. Я говорю серьезно: хочешь травить,
пущу тебѣ лисицу изъ рукава, а не вѣришь, ступай на свой
лазъ.

— Ну, вздоръ, какого тамъ чорта ты выпустишь...

— Я говорю лисицу, а не чорта.

— Да, гдѣжъ она?

— У меня....

— Пустяки....

— Цари!?

— О чемъ?

— На бутылку шампанскаго; а если не дамъ тебѣ лисицы,
отвѣчаю дюжиной.

— Да гдѣжъ она, твоя лисица!

— Опять-таки говорю, въ карманѣ.

И снова разговоръ въ томъ же родѣ. Долго томилъ я бѣд-
наго Луку Лукича, наконецъ, сжалившись надъ нимъ, велѣлъ
приготовиться и, подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала лисица,
хлопнулъ разъ до трехъ арапникомъ: видя бѣду неминуемую,
Патрикѣвна какъ ни прикидывалась мертвою, однакожъ должна
была вскочить изъ-подъ копытъ моей лошади и досталась въ
жертву Караю.

На другой день по указанію мужиковъ, доставлявшихъ намъ
фуражъ, мы отыскали гнѣздо волковъ изъ одиннадцати штукъ:
одного изъ нихъ прозѣвали тенетчики, другой попалъ на слабую
евору графскаго борзятника и оттерся въ кустахъ, но затравлен-
ные въ одно время девятеро остальныхъ привели въ немалое
удивленіе почти всѣхъ охотниковъ, хотя нѣкоторые, разсматривая
добычу, утверждали, что имъ случалось и прежде видѣть подоб-
ныхъ: дѣло въ томъ, что въ гнѣздѣ этомъ оказалось волчатъ
двое черныхъ, одинъ бѣлый, два обыкновеннаго цвѣта и трое
вострыхъ (сѣропѣгихъ). Затравленная при нихъ matka была обы-
кновенной шерсти.

На обратномъ пути насъ обдало сильнымъ дождемъ; небо

обложились тучами, и дождь лилъ до полуночи. Все это ни мало не обезкураживало наших охотниковъ; въ три дня стоянки подъ Крутымъ они успѣли нагородить столько шалашей подъ густой настилкой соломы, что могли укрыть отъ слякоти не только себя, но даже собакъ; пострадали однѣ только лошади. Я спалъ въ одномъ шалашѣ съ Бацовымъ. На разсвѣтѣ дня, въ лазѣйку завѣшенную ковромъ просунулась къ намъ благополучная физиономія Игната, съ словомъ «баринъ.»

— Что тебѣ надо? спросилъ я полусердито, какъ это бываетъ съ людьми нѣхотя пробуждающимися.

— Охотники собираются. Прикажете побудить?

— Да ты ужь разбудилъ меня. Что они? Куда ѣдутъ?

— Не знаю. Лошадей засѣдлали и господъ будятъ.

— А на дворѣ что?

— Морозъ страшенный.

— Чтожь они, одурѣли что ли? проговорилъ Бацовъ тоже сердито.

— Не могу знать, отвѣчалъ Игнатка.

— Позови сюда кого-нибудь изъ охотниковъ, заключилъ я.

— Куда вы собираетесь? спросили мы новую физиономію, появившуюся на мѣстѣ Игнаткиной.

— Да вонъ, крылатый звѣрь подступилъ къ березнику, такъ хотятъ попытать счастья, отвѣчалъ тотъ какъ-то невразумительно.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже одѣты и сѣли на лошадей. Морозъ былъ препорядочный; на сучьяхъ деревь и на землѣ, облитой вчерашнимъ дождемъ, блестяла ледяная корка. Человѣкъ шесть охотниковъ и мы съ графомъ выѣхали въ поле безъ собакъ съ одними арапниками. На озимяхъ сидѣло небольшое стадо дрофъ: раздѣлясь по двое, охотники справа и слѣва поскакали въ заѣздъ стороной и вскорѣ дрофы были окружены. Видя это круговое нападеніе птицы разбѣжались врозь и направились скрыться, но лошади были рѣзвѣе ихъ и каждый изъ сѣдоковъ избравъ для себя жертву тотчасъ догонялъ ее. Причина такого успѣха заключалась вотъ въ чемъ: у дрофъ, ночевавшихъ посреди поля, размокшія крылья такъ сковало морозомъ, что онѣ не могли ихъ разнять для того чтобъ улѣтѣть отъ насъ. Мы очень легко догоняли ихъ на бѣгу, но справлялись съ ними не безъ труда. Тутъ, какъ водится, не обходилось безъ смѣха: старый дудакъ чуть не заклевалъ у насъ охотника: конецъ арапника, которымъ тотъ стегнулъ птицу, туго обвился кру-

гомъ и залеснулся у нея на шею: охотникъ полѣзъ съ лошади съ тѣмъ, чтобъ овладѣть птицей, но разсвирѣпѣвшій дудакъ перешелъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное; онъ началъ прыгать на охотника, нарочью выключнуть ему глаза, и вскорѣ спибъ съ ногъ своего преслѣдователя; борьба, повершаемая общимъ смѣхомъ, длилася пока не подоспѣли къ бѣдствовавшему на выручку. Поймавъ пять штукъ дрофъ, мы вернулись къ шалашамъ.

Глядя на колотъ охотники наши призадумались; надо было хорошенько поразмыслить, на что слѣдовало рѣшиться: идти ли дальше въ надеждѣ на «оттепину» или вернуться къ домамъ? Последнее рѣшеніе было принято почти единогласно, потому что слишкомъ поздняя осень не подавала надежды на возможность дальнѣйшей ѣзды по чернотропу, а стоять на мѣстѣ безъ дѣла и ждать порошъ было бы безразсудно; не всякая вѣдь зима бываетъ богата порошамъ, иной годъ выдается для охотника такой несчастливый, что ему во всю зиму придется взять двѣ три пороши-слыныхъ и тѣмъ забастовать. Сверхъ того къ порошамъ мы могли не спѣша поспѣть къ домамъ, гдѣ было припасено довольно *охлажденнаго* уже звѣря. Итакъ, усадивъ собакъ и размѣстившись сами какъ удобнѣе, мы тронулись наконецъ въ обратный путь.

На пятые сутки мы прибыли въ Бокино и, оставя обозъ и охотниковъ на постояломъ дворѣ, сами поспѣшили къ нашимъ радушнымъ знакомцамъ. Нежданное появленіе наше привело обѣихъ братьевъ въ восторгъ; по маршруту намъ слѣдовало пройти лѣвѣе Бокина, но мы согласились сдѣлать маленькій крюкъ, чтобъ доказать тѣмъ наше общее желаніе свидѣться съ ними. Нужно ли пояснять, съ какимъ радушіемъ мы были встрѣчены! Распросы и повѣствованіе о кочевой жизни длились до поздняго вечера, послѣ чего условлено было, пользуясь завтрешней стоянкой въ Бокинѣ, сдѣлать для охотниковъ обѣихъ охотъ прощальный пиръ; въ этой затѣ и на мою долю была частица въ общей стачкѣ, которую однакожъ постарались до времени отъ меня скрыть.

На другой день мы отправились къ охотникамъ, гдѣ уже все было подготовлено къ тому чтобъ попировать на славу; для насъ тоже былъ приготовленъ завтракъ на отдѣльномъ столѣ, гдѣ передъ однимъ изъ приборовъ лежали въ видѣ украшенія охотничій ножъ, рогъ и свора: въ силу общей стачки всѣ размѣстились за столомъ такъ, что мнѣ пришлось сѣсть прямо противъ

этихъ атрибутовъ, положенныхъ, какъ видно было, не безъ цѣли. Охотники весело и непринужденно усѣлись за длинными столами въ двухъ просторныхъ избахъ и пошли пирь-пировать; въ началѣ у нихъ шло все тихо и степенно, потомъ, когда стала, какъ говорится, у каждого летать муха передъ носомъ, говоръ и смѣхъ усилился въ одну непрерывно рокочущую ноту.

Подъ конецъ завтрака, когда мы чокнулись, чуть-ли не по четвертому разу стаканами, явился хоръ и запѣлъ какую-то поздравительную пѣсню, которой содержанія теперь не припомню, но удержался навсегда въ памяти ея припѣвъ; каждый куплетъ запѣвало, обращаясь ко мнѣ, закончивалъ такъ:

«Будь товарищъ закадычный,
Будь охотникъ ты лихой!»

По окончаніи пѣнія все объяснилось: сосѣди мои, графъ и Бацовъ чокнулись со мной и предложили вопросъ, желаю ли я быть записнымъ охотникомъ и всѣмъ имъ товарищемъ? За согласіемъ, конечно, ходить было недалеко и, вслѣдъ затѣмъ, началось при звукѣ роговъ торжественное посвященіе меня въ званіе псового охотника: Атукаевъ препоясалъ меня книжаломъ, а Бацовъ навѣшивая рогъ на плечи горячо обнималъ меня и приговаривалъ: «нѣтъ, ты, братъ, не шути этимъ: это дѣло важное; теперь ты самъ — *человѣкъ настоящій*... и проч. Алексѣй Николаевичъ подвелъ на *припѣвъ* пару породистыхъ собакъ. Въ слѣдъ затѣмъ пошли тосты поздравительные, благодарственные и всякіе иные. Такимъ образомъ, при торжественномъ звукѣ роговъ и восторженныхъ крикахъ охотниковъ, мнѣ суждено было принять на себя почетный титулъ Мелкотравчатого, какимъ имѣлъ я честь предстать предъ васъ, мой читатель, еще въ началѣ этихъ бѣглыхъ очерковъ.

На другой день мы разѣхались изъ Бокина въ разныя стороны.

Въ заключеніе мнѣ бы слѣдовало, по долгу пишущаго, сказать свое мнѣніе о пользѣ или бесполезности по преимуществу псовой охоты, такъ какъ о ней собственно шла здѣсь рѣчь, но объ этомъ предметѣ и я и вы, мой читатель, наслушались и читались столько сужденій, что мнѣ пришлось бы повторять чужія мысли и слова; отъ себя добавлю только то, что правильная и серьезная псовая, какъ и всякая другая охота, есть своего рода наука, къ которой, заключу словами ловчаго Феопена: *«надо подступать умѣючи!»*

РУССКОЕ СЛОВО.

VIII.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО - УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОНЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ БЕЗБОРОДКО.

1859.

Aug.

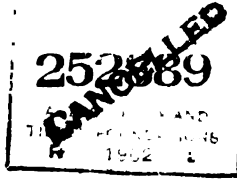

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 4 Августа 1859 года.

Ценсоръ С. Палаузовъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЬ I.

	СТРАН.	
Французская адвокатура. А. В. ЛОХВИЦКАГО	1	
Благодѣтели. Романъ. Часть третья и послѣдняя. М. МИХАЙЛОВА	36	✓
Присоединеніе Амура къ Россіи. Статья четвертая и послѣдняя. Д. РОМАНОВА	107	✓
Безнадежность. Н. П. ЛУГОВСКАГО	172	
Къ ***. Его-же	172	
Фортуна. Его-же	173	
Горе отъ ближнихъ. С. А. АНДРЕЕВОЙ	175	✓
Гроза. М. П. РОЗЕНГЕЙМА	275	
Первый годъ царствованія Елизаветы Петровны, 1741—1742. Историческій очеркъ. Статья вторая и послѣдняя. М. П. СЕМЕВСКАГО	277	✓
Стихотвореніе Н. П. КРОЛЯ	353	

ОТДѢЛЬ II.

Критика. Н. С. Тургеневъ и его дѣятельность по поводу романа: «Дворянское гнѣздо». Статья четвертая и послѣдняя. А. А. ГРИГОРЬЕВА	1	✓
Библиографія. Московское обозрѣніе. — Весна. Литературный Сборникъ на 1859 годъ. — Русскій расколъ старообрядства	41	

ОТДѢЛЬ III.

Спись. Заграничныя письма. Р. В. ОРБИНСКАГО	1	
Голось изъ югозападной Руси. Н.	19	

Старчество. В. И. ВОДОВОЗОВА	28
О первоначальномъ (элементарномъ) обученіи, какъ исходномъ моментъ основательнаго образованія. Статья вторая и послѣдняя. Ф. Э. ТОЛЯ	53
Письмо изъ Парижа. В. И. ВОДОВОЗОВА	77
Общественная жизнь въ Петербургѣ. Трогательное стихотвореніе и общаніе «Сѣверной Пчелы» по поводу скверной погоды. — Легенда о полуостровской башнѣ и героѣ тивольскомъ. — Гласъ вопіющаго въ пустынѣ. — Общество петербургскихъ водопроводовъ. — Прогрессъ и гласность. — Прелестный поступокъ г. Балашевича. — Актъ Педагогическаго Института. — Училище г. Видеманна. — Новости художественныя. — Новости военныя. — Пожаръ на Невѣ. — Будущее. Е. Ф. МОЛМЕРА	89
Шахматный листокъ. Затруднительное положеніе шахматнаго фельетониста. — О нормальномъ (французскомъ) и сицилійскомъ дебютѣ. — Шесть партій сицилійскаго дебюта. — Партія гг. Колиша и Мацдольфо. — Еггatum іюльскаго Листка. — Руководство къ изученію шахматной игры. Соч. кн. Урусова. (Ст. 6-я.) — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція. В. М. МИХАЙЛОВА . . .	191

ФРАНЦУЗСКАЯ АДВОКАТУРА.

Si non habebunt advocatum, ego dabo *).

РИМСКІЙ ПРЕТОРЪ.

Un accusé sans défenseur n'est plus qu'une victime abandonnée à l'erreur ou à la passion du juge; celui qui condamne un homme sans défense, cesse d'être armé du glaive de la loi, il ne tient plus qu'un poignard **).

ДЮПЕНЪ.

Le conseil qu'on a accoutumé de donner aux accusés, n'est point un privilège accordé par les ordonnances ni par les lois: c'est une liberté acquise par le droit naturel, qui est plus ancien que toutes les lois humaines ***).

ЛАМУАНЬОНЪ.

I.

Въ 1815 г. вторая реставрація рѣшилась во чтобы то не стало погубить своихъ противниковъ; судебныя формы, въ особенноти свободная защита адвоката, показались ей опасными, были даже люди, которые громко кричали, что адвокатъ, защищающій политическаго преступника, дѣляется

*) У кого вѣтъ адвоката, тому я его дамъ.

***) Обвиняемый безъ защитника есть жертва, отданная на произволь ошибокъ или страсти судьи; тотъ, кто осуждаетъ челоѣка безъ защитника, держитъ въ рукѣ кинжалъ, а не мечъ правосудія.

***) Обычай давать обвиняемому защитника вовсе не есть привилегія, установленная ордонансами или законами, а это есть одна изъ вольностей, получаемыхъ на основаніи права естественнаго, которое предшествуетъ всѣмъ челоѣческимъ законамъ.

его сообщникомъ въ преступленіи. Во время этого разгара страстей адвокатъ маршала Нея, вреданнаго уголовному суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ,—уже и тогда славный Дюпенъ издалъ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: *De la libre défense des accusés* (О свободной защитѣ обвиняемыхъ), сочиненіе, которое до сихъ поръ считается перломъ французской юридической литературы. Здѣсь право свободной защиты сведено къ непреложному естественному основанію. Дюпенъ въ послѣдствіи подкрѣпилъ эту превосходную статью другою, еще меньшей по объему, еще большей по логикѣ и значенію, — о процессѣ Иисуса Христа.

Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, въ Іудеѣ, гдѣ судебныя учрежденія были устроены правильно и разумно, подъ господствомъ римлянъ, законодательство которыхъ составляетъ до-сихъ-поръ предметъ благоговѣнія, Праведный былъ осужденъ, поруганъ и распятъ. Этотъ величайшій по значенію процессъ, когда либо бывшій въ родѣ человѣческомъ, начертанный со всѣми его подробностями въ сердцѣ христіанина, былъ разсмотрѣнъ Дюпеномъ съ юридической стороны съ тою цѣлью, чтобъ возбудить въ духѣ каждаго уваженіе къ святости судебныхъ формъ и свободѣ защиты обвиняемаго. «Богу угодно было, чтобы Праведный пострадалъ и былъ распятъ; но это могло случиться не иначе, какъ съ вопіющимъ нарушеніемъ всѣхъ основаній справедливаго суда.» Такова основная мысль этого сочиненія. Разсматривая съ этой точки зрѣнія процессъ Иисуса Христа на основаніи началъ тогдашняго и естественнаго права, Дюпенъ видитъ подсылку шпионовъ и поджигателей (*agents provocateurs*), подкупъ одного изъ учениковъ, нападеніе незаконное вооруженной силой, оскорбленія и побои при допросѣ, приводъ лжесвидѣтелей, измѣненіе перваго обвиненія въ богохульствѣ на другое обвиненіе въ политическомъ преступленіи (врагъ Кесаря), преступную слабость Пилата, который изъ опасенія потерять мѣсто, согласился осудить на казнь Того, Кого онъ самъ считалъ невиннымъ, и т. д. Словомъ всѣ гнусности, которыя повторяются въ большей или меньшей степени и въ наше время тамъ, гдѣ нѣтъ правильнаго судопроизводства, или гдѣ исполнительная власть всемогуща.

Мы не знаемъ ничего лучшаго, чтобъ могло возбудить въ массѣ чувство правды и сознаніе въ необходимости свободной защиты обвиняемаго, какъ эти два сочиненія Дюпена, особенно послѣднее. Мы рѣшились было ихъ перевести теперь же, — но остановились по разнымъ причинамъ, — между прочимъ потому, что первое сочиненіе имѣетъ цѣлью доказать необходимость полной свободы защиты обвиняемаго. — Поэтому оно предполагаетъ такое состояніе общества, гдѣ эта защита существуетъ, какъ ненарушимая основа правосудія, но только власть выражаетъ намѣреніе стѣснить ее. Слѣдственно уже самая постановка вопроса показываетъ, что для насъ оно не можетъ имѣть того значенія, какое для французовъ. Во Франціи адвокатура существуетъ съ незапамятныхъ временъ; защита обвиняемаго и необходимость судебныхъ формъ вошла давнымъ давно въ жизнь народа. Въ средневѣковой французской литературѣ было много сочиненій для насъ чрезвычайно странныхъ; нѣкоторыя изъ нихъ дошли до нашего времени, на пр. *Belial, id est processus Luciferi contra Jésuam coram iudice Salomone* (Беліаль, или процессъ діавола противъ Иисуса Христа предъ судьей Соломономъ); или сочиненіе Бартоля: *Processus Satanae contra D. Virginem coram iudice Jesu*. Въ первомъ представляется дьяволъ, ищущій судебнымъ порядкомъ своего права на владеніе родомъ человѣческимъ, доставшимся ему чрезъ грѣхопаденіе Адама. Здѣсь представленъ весь тогдашній судебный процессъ съ его обстановкой: дьяволы играютъ роли секретарей, гюисье (*), прокуроровъ и проч; судьей — Соломонъ; адвокатомъ Иисуса Христа — Мойсей; свидѣтели Давидъ, Исаія, Езекииль, Иоаннъ Креститель. Во второмъ — дьяволъ основываетъ свое право на дигестахъ, на правилѣ: *Spoliatus ante omnia restituendus*, и на земской давности; — но проигрываетъ процессъ также на основаніи римскаго права, а именно постановленія послѣдняго параграфа *De acquirenda possessione: Quod vi aut clam....* Какъ ни смѣшны эти юридическія фантазіи, но они указываютъ на утѣшительное явленіе: что еще въ среднемъ вѣкѣ до такой степени судебныя формы

*) Французскій *huissier* соответствуетъ нашему эскутору.

казались естественными и необходимыми, что самая священная история как бы провѣрялась ими. Никакое явленіе, гдѣ только былъ вопросъ объ осужденіи и наказаніи, и не мыслилось иначе, какъ результатъ правильнаго процесса. Приводимъ изъ перваго сочиненія Дюпена только нѣсколько мѣстъ, касающихся вообще до права защиты.

«Во всѣхъ законодательствахъ начертано неизмѣнное правило, что никто не можетъ быть осужденъ, не будучи выслушанъ.

Изъ этого начала происходитъ обязанность для судьи выслушивать обвиняемаго и давать ему все пужное для своей защиты словесно или письменно. Потому что есть другое начало, сдѣлавшееся трагическимъ отъ частаго повторенія: что защита есть право естественное.

Это законъ животныхъ, существующихъ подъ господствомъ только силы; это законъ людей, живущихъ въ обществахъ.

Этотъ законъ справедливъ въ мірѣ физическомъ. Позволительно отражать силу силою. Самое убійство перестаетъ быть преступленіемъ, если совершенно при необходимой оборонѣ. Онъ справедливъ и въ нравственномъ мірѣ; тотъ, надъ кѣмъ тяготѣетъ обвиненіе, имѣетъ право отражать удары, которыми ему угрожаютъ, защищаясь всѣми средствами ума—размышленіемъ и словомъ.

Если не подлежатъ сомнѣнію право защиты, то для того, чтобы оно не осталось безплоднымъ, надобно, чтобы обвиняемый, который часто не имѣетъ ни таланта, ни присутствія духа, необходимыхъ для защиты, могъ бы себѣ выбрать защитника. Если онъ не воспользовался своимъ правомъ, то судья долженъ ему назначить защитника, — иначе вся процедура будетъ незаконной. Такое назначеніе со стороны судьи должно имѣть мѣсто только тогда, когда обвиняемый никого самъ не выбралъ: потому что нельзя оспорить у обвиняемаго права свободы избранія человека, которому онъ долженъ повѣрить тайну своихъ мыслей, своихъ ошибокъ, своихъ слабостей, всего своего существованія.

Естественное право защиты такъ сильно, что сводъ уголовнаго судопроизводства (ст. 335) даетъ всегда послѣднее

слово обвиняемому или его защитнику. Существует также обычай, что предъ закрытіемъ преній, и сколько бы ни говорилъ адвокатъ, судья спрашиваетъ обвиняемаго: «Не имѣете ли вы еще чего нибудь прибавить къ вашей защитѣ?» Воззвание англійскаго судьи еще трогательнѣе: «Нѣтъ ли здѣсь еще кого нибудь, кто бы захотѣлъ принять на себя защиту этого несчастнаго обвиняемаго?» Конечно бываютъ случаи, когда виновность такъ очевидна, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности что нибудь сказать въ защиту. Это ничего не значитъ—защита до такой степени необходима, что законъ требуетъ ея существованія во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, — объявляя въ противномъ случаѣ приговоръ недѣйствительнымъ. Пусть защитникъ скажетъ хотя два слова, хотя только попроситъ снисхожденія судей, или представитъ другое общее мѣсто, — этого достаточно для существованія защиты. Безъ этого никогда нельзя считать приговоръ справедливымъ; всегда остается право думать, что обвиняемый былъ осужденъ только потому, что не сумѣлъ самъ себя защищать; и это мнѣніе до такой степени распространено, что смѣло можно считать защиту на столько же необходимою для интереса обвиняемаго, какъ и для интереса правосудія.

Древность оставила намъ много примѣровъ оправданія безъ выслушанія защиты. Перикла обвиняли въ растратѣ казны: «Я принимаю всѣ расходы на себя, сказалъ онъ, и на всѣхъ памятникахъ напишу свое имя!» Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ народъ, и оправдалъ его. Сципіонъ Африканскій вмѣсто всякой защиты сказалъ: «Римляне, въ этотъ день я побѣдилъ Аннибала, пойдите благодарить боговъ!» и народъ повелъ его въ триумфъ въ Капитолій. Такого рода оправданія не заключаютъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для правосудія, въ нихъ есть величіе и нравственность, служащія имъ лучшимъ основаніемъ.

Но совсѣмъ другое дѣло относительно осужденій. Какъ бы ни очевиднымъ казалось преступленіе, сколько бы ни внушалъ ненависти преступникъ, осужденіе всегда будетъ лишено нравственной силы, если судебныя формы будутъ нарушены, если обвиняемый не былъ выслушанъ или былъ оставленъ

безъ защиты. Говорятъ, что Аристидъ обвинялъ однажды предъ судомъ нѣсколькихъ злодѣевъ съ такою силою, что взволнованные судьи встали, и хотѣли произнести приговоръ, не выслушавъ защиты; но Аристидъ не могъ этого вынести, онъ подошелъ къ обвиняемымъ, вмѣстѣ съ ними палъ къ ногамъ судей, и заклиналъ ихъ не осуждать, не выслушавъ защиты: «ибо въ такомъ случаѣ, это будетъ не судебный приговоръ, а насиліе!» Надобно согласиться, что Аристидъ достойно заслужилъ наименованіе справедливаго.

Самое лучшее средство возбудить въ народѣ довѣріе къ правосудію состоитъ въ соблюденіи всѣхъ судебныхъ формъ. Когда преступленіе доказано, обвиняемые изобличены, ихъ защита была выслушана, тогда наказаніе получаетъ дѣйствительную силу, потому что народъ тогда самъ убѣждается въ виновности и къ приговору судей присоединяетъ и свое отвращеніе. Но если, на оборотъ, форма не была выполнена, если обвиняемый не былъ судимъ законными судами, если его защитникъ былъ прерываемъ,—тогда слѣдствіе будетъ не то, и народъ переходя быстро отъ гнѣва къ состраданію, перестаетъ одобрять осужденіе, и начинаетъ сожалѣть объ участи тѣхъ, на которыхъ онъ смотритъ какъ на незаконно осужденныхъ.

Все сказанное здѣсь о необходимости защиты не только для выгодъ обвиняемыхъ, но и всего общества, достаточно оправдываетъ адвокатовъ въ тѣхъ несправедливыхъ упрекахъ, которые взводятъ на нихъ невѣжество или духъ партій.

Вмѣсто того, чтобы удивляться защитѣ адвокатами обвиняемыхъ, слѣдовало бы скорѣе удивляться, если бы они отказали имъ въ помощи. И не только не слѣдуетъ ихъ упрекать въ той ревности, съ которою они защищаютъ, но надобно признать, что они этимъ показываютъ свое человѣколюбіе, чувство долга и любовь къ правосудію.

Человѣколюбіе, потому что они помогаютъ несчастнымъ: для нихъ несчастія священно: *res est sacra miser.*

Они показываютъ этимъ привязанность къ долгу, потому что, чтобы ни говорила злость, заключается много добродѣтели въ томъ, чтобы идти въ темницы, пробуждать надежду въ обвиняемомъ, приносить ему утѣшеніе. Если справедливо,

что это самая тяжкая сторона адвокатской профессіи, но за то это и самая почетная; и самые законы отдають въ этомъ справедливость адвокатамъ, говоря, что государство защищается не только солдатами, но также и адвокатами, которые сильные своимъ краснорѣчіемъ, поддерживаютъ надежду несчастныхъ, посвящая себя защитѣ ихъ чести, жизни и всего для нихъ дорогого.

Но, говорятъ противники, какія же такія великія услуги оказываютъ обществу адвокаты, которыхъ главное занятіе состоитъ въ защитѣ людей, отвергаемыхъ обществомъ? Люди несправедливые! Въ вашихъ глазахъ обвиняемый уже непременно виновенъ! Стало быть должно быть преслѣдуемымъ, чтобы быть и обвиненнымъ! О, какъ быстро вы измѣните свое мнѣніе, когда сами будете обвиняемыми! Какъ легко вы тогда поймете, что мщеніе, клевета, и часто какая-то судьба могутъ возвести на невиннаго предположенія, такъ ловко связанныя, что легче принять ихъ за доказательство, нежели разсѣять! Тогда вы сочтете себя счастливыми, что нашли опытнаго защитника въ сословіи адвокатовъ! И тогда вы бы обвинили адвокатовъ въ низости или несправедливости, если бы раздѣляя мнѣніе толпы на вашъ счетъ, никто изъ нихъ не согласился бы принять на себя тяжелую обязанность защищать васъ! Если и въ такомъ образованномъ обществѣ, каково было французское время реставраціи, могло затемниться понятіе о необходимости свободы адвокатуры, — то естественно, что въ тѣхъ обществахъ, гдѣ она не существуетъ, могутъ господствовать самыя сбивчивыя понятія объ этомъ священномъ учрежденіи. Какъ часто у насъ слышатся слова: «страшное дѣло эти адвокаты! Всякаго убійцу самаго гнуснаго, они защищаютъ. Это безнравственно!» Я долго думалъ, какимъ путемъ могло образоваться такое мнѣніе, и, кажется, открылъ. У насъ читають обыкновенно только поздніе рассказы объ уголовныхъ процессахъ, которые пишутся долго спустя послѣ окончанія дѣла. Естественно, что въ такомъ рассказѣ обвиняемаго нѣтъ, является прямо обвиненный и осужденный; съ перваго разу дѣло представляется такимъ, какимъ оно явилось только послѣ допросовъ, обвиненія, защиты, приговора и исполненія; словомъ, результатъ

дѣлается началомъ, фактъ изъ спорнаго, какимъ онъ сначала бываетъ въ дѣйствительности, является предъ неприготовленнымъ читателемъ вполне определеннымъ, доказаннымъ. О чемъ бы тутъ кажется толковать? Зачѣмъ защита, зачѣмъ даже судъ присяжныхъ?

Не такъ бываетъ въ дѣйствительности. То, что называется въ наукѣ уголовного права *corpus delicti*, т. е. всѣ обстоятельства внѣшнія и внутреннія, сопровождавшія преступленіе, или лучше сказать составляющія его фізіономію, обыкновенно не существуютъ для слѣдователя; онъ находитъ только разбросанные, несвязные члены это тѣла (*corpus delicti*) и по нимъ, на основаніи юридической логики, долженъ искусственно возсоздать картину преступленія. Одно фальшивое кольцо въ этой логической цѣпи, одна невѣрная догадка, — и вся картина принимаетъ другой видъ: или связь обвиняемаго съ преступленіемъ невѣрна, или самое дѣйствіе не есть преступленіе. Точка отправленія имѣетъ могущественное вліяніе на возсозданіе этой картины. Естественно, что обвинитель, выходя изъ желанія найти преступленіе и его виновника, можетъ придти къ ложному заключенію, или, что чаще всего бываетъ, къ преувеличенію, хотя и совершенно добросовѣстно. Противъ такого односторонняго взгляда на дѣло и такой заинтересованной совѣсти необходимо поставить другой взглядъ и совѣсть, имѣющую другой интересъ — оправданіе обвиняемаго или смягченіе его вины, и между этими двумя благородно-пристрастными совѣстями — обвинителя и защитника или адвоката — безпристрастную совѣсть присяжныхъ, которая одна должна взвѣсить «за» и «противъ», и изречь приговоръ.

По этому вполне справедливо сказалъ Дюпенъ: «обвиняемый безъ защитника есть жертва, предоставленная ошибкѣ или страсти судьи; тотъ, кто осуждаетъ человѣка, не выслушавъ его защиты, держитъ въ своихъ рукахъ не мечъ правосудія, а только кинжалъ». А въ дѣлахъ гражданскихъ? Здѣсь польза адвокатовъ еще ощутительнѣе. Все вещественное право основано не на абсолютной, а на относительной, юридической истинѣ. Можно имѣть право на наслѣдство, — и не знать его, не умѣть его доказать, по незнанію поло-

жительныхъ законовъ; можно не имѣть никакого права на имущество — и сдѣлаться законнымъ его владѣльцемъ, если настоящій собственникъ пропустилъ десятилѣтній срокъ на подачу жалобы. Здѣсь борьба идетъ не между общественнымъ обвинителемъ и обвиняемымъ (или его защитникомъ), — а между адвокатами двухъ партій, изъ которыхъ каждая присваиваетъ себѣ право. Обѣ стороны могутъ дѣйствовать вполне добросовѣстно: каждая считаетъ, что законъ говорить въ ея пользу.

«Пускай, говоритъ Дюпень *), люди поверхностные видятъ въ этихъ битвахъ слова только средство усложнять дѣло и затемнять истину; удивленные тѣмъ, что въ каждомъ процессѣ находится защитникъ, они повторяютъ вздорный упрекъ, что въ барро съ одинаковой легкостью защищаютъ и «за» и «противъ». Они не замѣчаютъ, что то, что ихъ поражаетъ въ барро, встрѣчается вездѣ, и вездѣ имѣетъ ту же причину. Пускай они взглянуть на политическую трибуну, — они увидятъ тамъ ораторовъ правительства и оппозиціи, одинъ за другимъ высказывающихъ по одному и тому же вопросу различныя мнѣнія, въ слѣдствіе различныхъ убѣжденій. Пускай они обратятся къ журналамъ, — и они услышатъ столько же различныхъ мнѣній о вопросахъ, сколько есть органовъ; наконецъ, пусть обратятся къ самымъ ничтожнымъ вопросамъ жизни, и всегда они встрѣтятъ это различіе мнѣній и чувствъ, это «за» и «противъ,» для котораго имъ кажется барро единственнымъ убѣжищемъ. Это потому, что истина одна, а мнѣнія различны; что умъ человѣческій не такъ силенъ, чтобы схватить очевидность во всѣхъ вещахъ, и что онъ на столько свободенъ, что можетъ защищать свои убѣжденія отъ противныхъ. Но и въ барро, какъ и на политической трибунѣ, отъ столкновенія различныхъ мнѣній рождается истина. На этомъ основаніи мы сотрудники судей, и мы можемъ сказать, что если они произносятъ приговоры, то мы ихъ подготовляемъ. По этому канцлеръ д'Агессо со всей силой своего краснорѣчія провоз-

---

*) Эти слова были сказаны имъ въ рѣчи, произнесенной въ 1836 году, при вступленіи въ должность старшины (bâtonnier), сословія адвокатовъ.

гласилъ, что наше сословіе также древне, какъ магистратура, также необходимо какъ правосудіе, и также благородно, какъ добродѣтель.»

Какъ часто въ уголовныхъ процессахъ, при существованіи неопровержимыхъ доказательствъ, дѣло обвиняемаго принимаетъ совершенно другой видъ, если взглянемъ на него съ другой точки! Лучшее доказательство процессъ маршала Нея, по поводу котораго Дюпенъ написалъ превосходныя сочиненія, о которыхъ мы упоминали, и произнесъ удивительную защитительную рѣчь. Лудовикъ XVIII поручилъ Нею начальство надъ арміей противъ бѣжавшаго съ Эльбы Бонапарта; маршалъ поклялся непременно захватить его, — но при Лонъ-ле-Солье собралъ военный совѣтъ, въ которомъ прочелъ проектъ прокламаціи о переходѣ къ Наполеону, — и не встрѣтивши оппозиціи, на другой день объявилъ арміи, что царствованіе Бурбоновъ кончилось, — армія съ восторгомъ воскликнула: да здравствуетъ императоръ! Дѣло Бурбоновъ было на время проиграно, — они должны были бѣжать изъ Франціи. Кажется, что обвиненіе Нея въ измѣнѣ, причинившей государственный переворотъ и неисчислимыя бѣдствія для Франціи — было ясно: онъ свободно принялъ начальство надъ войскомъ, клялся королю въ вѣрности, и первый измѣнилъ. Но дѣло принимаетъ совсѣмъ другой видъ, если посмотримъ на него съ той точки, на которую его поставилъ Дюпенъ: Ней клялся королю въ полномъ убѣжденіи сдержатъ клятву; но прибывши въ армію, онъ увидѣлъ, что она въ душѣ уже передалась Наполеону, что она вовсе не намѣрена сражаться за Бурбоновъ противъ своего героя и недавняго повелителя; что Наполеонъ былъ уже не авантюристомъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ во время пребыванія Нея въ Парижѣ, а народнымъ вождемъ: поселяне юго-западныхъ департаментовъ возстали за него, Лабудуайеръ передался къ нему съ цѣлымъ полкомъ, Гренобль взятъ, словомъ у него была армія и за него былъ народъ. Ней стоялъ какъ среди моря, — ни откуда не могъ онъ ждать сильнаго подкрѣпленія. Чтоже оставалось ему дѣлать? Отважится на битву? Но это было бы напрасное пролитіе французской крови, — онъ ясно видѣлъ, что его войска пе-

редадутся. Словомъ онъ увидѣлъ, что все за Наполеона. А какія же другія начала могли господствовать при разгарѣ политическихъ страстей въ сердцѣ политическаго человѣка, генерала, кромѣ ужаса междоусобной войны и преклоненія предъ волей массы. Если онъ и ошибался въ настроеніи Франціи, то ошибка его была вполне добросовѣстна. *Онъ также поступалъ, какъ черезъ нѣсколько дней поступилъ самъ король.* Его величество, узнавши о приближеніи Бонапарта къ Парижу, издалъ прокламацію, въ которой сказано: «Хотя вѣрность народа и войска находящагося въ Парижѣ, и преданность огромнаго большинства націи даютъ намъ всѣ средства для успѣшной борьбы съ бунтовщикомъ (Наполеономъ), но ужасаясь мысли о междоусобной войнѣ, мы рѣшились удалиться изъ отечества» и проч. Не то ли самое сдѣлалъ и Ней, не тѣ ли благородные мотивы побудили и его уступить силѣ обстоятельствъ? Могло ли быть у генерала этого времени, при быстрой смѣнѣ правительствъ, какое либо другое политическое начало, кромѣ преклоненія предъ случаемъ?

Бываютъ и другаго рода процессы, — когда и обвинитель и защитникъ выходятъ изъ одного начала, но гдѣ одному кажется бѣлымъ то, что другому чернымъ; гдѣ для одного ясна, какъ день, виновность, а для другаго также ясна невинность. Примѣромъ этого можетъ служить процессъ Ла-Ронсвера.

Въ 1834 г. въ Сомюрѣ былъ начальникомъ кавалерійской школы генералъ Морель, семейство его состояло изъ жены и дочери, молодой дѣвушки. У генерала часто бывали обѣды и вечера, на которые приглашались офицеры его команды. Въ числѣ ихъ былъ поручикъ Ла-Ронсверъ, сынъ заслуженнаго генерала; его репутація была довольно плохая, — онъ такъ дурно себя велъ, что отецъ объявилъ ему при переводѣ въ Сомюръ, что если что нибудь еще случится, то онъ его совсѣмъ оставитъ. Не смотря на этотъ приказъ, Ла-Ронсверъ и въ Сомюрѣ поставилъ себя въ самыя дурныя отношенія къ своимъ сослуживцамъ. Генералъ, сначала принимавшій его весьма ласково, на одномъ изъ своихъ баловъ велѣлъ позвать его въ кабинетъ, и тамъ въ присутствіи

одного изъ офицеровъ, предложилъ ему выдти вонъ и болѣе не являться въ его домъ. Ла-Ронсверъ, не спрашивая объясненія въ такомъ оскорбленіи, удалился; — генералъ имѣлъ на это важныя причины. Дочь сообщила ему, что Ла-Ронсверъ, сидя съ ней рядомъ за обѣдомъ, сказалъ ей: «У васъ прекрасная мать; какъ жаль, что вы на нее такъ мало похожи.» Послѣ этого стали безпрестанно появляться анонимныя письма — къ М-ше Морель съ изъясненіями въ любви, къ дочери ея съ грубыми ругательствами и съ угрозами, письма эти были подписаны начальными буквами фамиліи Ла-Ронсвера, — наконецъ одинъ изъ офицеровъ, д'Эстуньи, получилъ любовныя письма, подписанныя именемъ Маріи Морель (дочери). Общій голосъ обвинялъ въ этихъ письмахъ Ла-Ронсвера. Такъ какъ письма появлялись подброшенными во всѣхъ комнатахъ, то полагали, что негодяй имѣетъ сообщникомъ одного изъ слугъ. Послѣ изгнанія Ла-Ронсвера письма посыпались болѣе прежняго, тонъ ихъ сдѣлался болѣе и болѣе дикимъ, такъ что д'Эстуньи вызвалъ подозрѣваемаго автора на дуэль. Дуэль кончилась неудачно для д'Эстуньи. Раненный, онъ требовалъ, чтобы Ла-Ронсверъ письменно сознался въ томъ, что онъ авторъ писемъ, обѣщая предать дѣло забвенію, а въ противномъ случаѣ грозилъ формальнымъ процессомъ. Ла-Ронсверъ уступилъ этому требованію, впрочемъ протестуя о своей невинности. Черезъ нѣсколько времени разыгралась страшная сцена въ домѣ генерала: ночью дочь его была разбужена стукомъ разбитаго стекла, и при свѣтѣ луны увидѣла у окна Ла-Ронсвера, который кинулся на нее какъ тигръ, билъ ее, душилъ, и наконецъ ударилъ ножомъ въ животъ. На крикъ жертвы прибѣжала гувернанка, англичанка Алленъ, — но злодѣй, заслышавъ шумъ, бросился къ окну и исчезъ, при чемъ дѣвица Морель ясно слышала слова, сказанныя имъ, повидимому, своему сообщнику: «держи крѣпче,» слова эти безъ сомнѣнія касались веревочной лѣстницы. Г-жа Морель узнала объ этомъ происшествіи на другой день, и по совѣту съ мужемъ рѣшилась хранить все въ тайнѣ, не желая компрометировать дочери, — даже уговорила ее поѣхать на балъ. Но и этимъ не кончилось дѣло: анонимныя письма продолжали появлять-

ся въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ дома, въ письмахъ съ адскою злостью смѣялись надъ дѣвицею Морель, говоря, что она обезчещена, и что родители ея будутъ на колѣнахъ просить Ла-Ронсвера жениться на ней, въ противномъ случаѣ грозили еще большими бѣдствіями. Тогда генераль рѣшился на судебный процессъ; Ла-Ронсверъ, уѣхавшій въ Парижъ, былъ арестованъ; но любопытно, что письма продолжали появляться, дѣвица Морель находила ихъ въ каретѣ во время путешествія. Процессъ этотъ произвелъ сильное волненіе: тысячи зрителей ломились въ двери суда. Адвокатами обѣихъ сторонъ были первоклассныя знаменитости: у семейства Морель — Берье, у Ла-Ронсвера — Шэксъ-д'Эсть-Анжъ (теперь генераль-прокуроръ парижскаго апелляціоннаго суда).

Рѣчи обоихъ адвокатовъ дышатъ глубокимъ убѣжденіемъ: одного въ виновности, другаго въ совершенной невинности Ла-Ронсвера. Рѣчь Шэкса, сказанная въ защиту Ла-Ронсвера есть едва ли не самое лучшее произведеніе этого славнаго адвоката. Какимъ же образомъ два человѣка, равные умомъ, знаніями, талантомъ и сердцемъ, могли придти къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ? Это отличное доказательство погрѣшимости человѣческаго разума въ отысканіи истины. Вотъ главные пункты защитительной рѣчи Шэкса: 1) Ла-Ронсверъ не писалъ анонимныхъ писемъ: рука по свидѣтельству экспертовъ не его; для подбрасыванія писемъ нужно было имѣть сообщника въ домѣ, а такого не имѣлъ Ла-Ронсверъ; прошлаго года, когда подозрѣваемого слугу прогнали, все таки письма продолжали появляться; наконецъ для подкупа нужны деньги, которыхъ не было у Ла-Ронсвера; письма появлялись и тогда, когда Ла-Ронсверъ былъ арестованъ — ясно, что не онъ авторъ; 2) Ему нельзя было иначе войти въ комнату дѣвицы Морель, какъ по веревочной лѣстницѣ, которую прикрѣпилъ бы къ окну кто нибудь находившійся въ самой комнатѣ, — тамъ была только дѣвица Морель; 3) Какая цѣль была у Ла-Ронсвера дѣлать столько ужасныхъ мерзостей? Женитьба на богатой невѣстѣ? Но надобно быть сумасшедшимъ, чтобы идти къ этой цѣли такимъ образомъ. А безъ цѣли нельзя себѣ представить пре-

ступленія. Далѣе защитникъ представилъ свидѣтельство сосѣдей Ла-Ронсвера, утверждавшихъ, что онъ былъ дома весь вечеръ и ночь когда совершенно было преступленіе; свидѣтельство стекольщика, что стекло въ окнѣ комнаты дѣвицы Морель было разбито по всей вѣроятности отъ удара изъ комнаты, а не со двора. Отвѣтъ Берье былъ слѣдующій: «насъ спрашиваютъ, какая была цѣль у преступника? Откуда намъ знать это? Мы слишкомъ честны для этого! Есть люди такіе дьявольскіе, для которыхъ преступленіе есть наслажденіе. Ла-Ронсверъ могъ дѣйствовать и по такому адскому побужденію: меня презираютъ, ненавидятъ, — а вотъ существо чистое, весьма любимое, — я оскверню, обезславлю его! Наконецъ, если Ла-Ронсверъ невиненъ, то противникъ мой возлагаетъ на чистую дѣвицу, извѣстную своими высокими нравственными качествами страшное преступленіе: что она обвиняетъ другаго въ преступленіи. Скажите же, кто этотъ другой?» Реплика Шэкса была, по истинѣ, гениальна: «Мое дѣло доказать, что не Ла-Ронсверъ совершилъ преступленіе — далѣе этого я не обязанъ идти. Но если вы меня давите за горло, и требуете, чтобъ я непременно сказалъ, кто виновникъ преступленія, и въ случаѣ отказа выставляете чистоту дѣвицы Морель, то я вамъ скажу, кто виновникъ: виновника нѣтъ, потому что и преступленія не было!» Затѣмъ адвокатъ съ удивительнымъ краснорѣчіемъ развилъ слѣдующее положеніе. Дѣвица Морель очень мечтательна, это состояніе часто доводитъ ее до психической болѣзни; она помѣшана на трагическихъ романахъ. Однажды она видѣла, какъ какой-то господинъ, проходя мимо ихъ дома, поклонился матери: ей представилось сей часъ, что онъ влюбленъ въ г-жу Морель, она слѣдила за нимъ глазами, и потомъ съ ужасомъ сказала матери, что этотъ господинъ бросился въ рѣку; открылось, что онъ преспокойно перешелъ черезъ мостъ. Что мудренаго, что она вообразила, что Ла-Ронсверъ мрачный трагическій злодѣй, что онъ влюбленъ въ нее, что онъ хочетъ погубить её, — для чего? Такъ, безъ цѣли, — какъ это бываетъ въ старинныхъ романахъ. Анонимныя письма были писаны ею въ этой душевной болѣзни, подъ вліяніемъ чтенія старинныхъ романовъ, сцена ночью также вымыш-

лена, ранъ тяжелыхъ никакихъ небыло, были царапины которыя она легко могла сама себѣ сдѣлать. При этомъ дѣлается яснымъ отчего письма появлялись во время путешествія въ Парижѣ, даже въ то время, когда Ла-Ронсверъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, словомъ, это странный *англійскій* (NB. гувернантка была англичанка) романъ, который несчастная дѣвица Морель, въ своемъ болѣзненномъ душевномъ состояніи, разыграла съ полнымъ убѣжденіемъ въ дѣйствительности, потому что въ этомъ состояніи призракъ собственнаго воображенія принимаются за дѣйствительность.»

Присяжные осудили Ла-Ронсвера. Но достаточно взглянуть на пункты обвиненія и защиты, чтобъ увидѣть какъ много было основанийъ для личнаго убѣжденія защитника въ невинности подсудимаго!

Наконецъ, самую обыкновенную сторону пользы присутствія адвоката составляютъ такъ называемыя смягчающія обстоятельства (*circonstances atténuantes*).

На сколько бы видовъ ни раздѣляли извѣстное преступленіе, всегда остается безконечное разнообразіе фактовъ, которые никакъ нельзя подвести подъ одинъ знаменатель. Это разнообразіе не разрѣшается такъ называемымъ *minimum* (меньшей мѣрой) и *maximum* (высшей мѣрой) наказанія, наприм. катаржной работой отъ 12 до 15 лѣтъ, заключеніемъ въ смирительномъ домѣ отъ 2 до 4 лѣтъ и т. п. Бываютъ такія обстоятельства, или относящіяся до личности преступника, или до факта, которыя значительно убавляютъ преступность. Французскій уголовный сводъ опредѣляетъ за преступления степеней наказаній: 1) Казнь смертная, 2) Каторжная работа безъ срока, 3) Каторжная работа на срокъ отъ 5 до 20 лѣтъ, 4) Заключение въ смирительномъ домѣ (*réclusion*) на срокъ отъ 5 до 10 лѣтъ, 5) Заключение въ тюрьмѣ отъ 1 до 5 лѣтъ. Если присяжные объявятъ, что въ пользу виновнаго существуютъ смягчающія обстоятельства, то судъ долженъ понизить опредѣленное закономъ наказаніе на одну степень, и можетъ понизить на двѣ, на пр. за убійство съ обдуманымъ заранѣ намѣреніемъ слѣдуетъ по закону смертная казнь; но если присяжные объявятъ смягчающія обстоятельства, то судъ долженъ приговорить

къ безсрочной и можетъ приговорить къ срочной каторжной работѣ. — По этому понятно, какъ велико значеніе адвоката и въ томъ случаѣ, когда улики виновности ясны и не подлежатъ сомнѣнію. Чтобъ выполнить свою обязанность, адвокату мало имѣть юридическія знанія; онъ долженъ быть человекомъ съ сердцемъ. Только руководясь возвышеннымъ нравственнымъ чувствомъ, онъ не запутается въ массѣ фактовъ, и найдетъ блестики добра въ глубѣ самой темной жизни.

II.

Недостаточно предоставить обвиняемому право свободной защиты; необходимо дать ему свободу и возможность избрать для своей защиты человека свѣдущаго въ законахъ. Ни одно законодательство въ мірѣ не отрицаетъ права гражданина въ гражданскомъ процессѣ довѣрить вести тяжбу человеку, котораго онъ считаетъ болѣе себя свѣдущимъ. Но право избирать себѣ защитника въ уголовномъ процессѣ не признается въ нѣкоторыхъ законодательствахъ. Между-тѣмъ жизнь и честь не менѣе важны, чѣмъ имущество и умѣніе отыскать и логически выразить обстоятельства, доказывающія невинность не легче умѣнія отыскать купчую, или другой актъ, вычислить проѣсты и волокиты, протори и убытки, и подвести статья свода законовъ. Если даются обвиняемымъ опытные защитники, то половина ихъ быстро освобождается отъ всякаго обвиненія, но этимъ-то и достигается цѣль, потому-что уголовные суды не юридическія облавы, на которыя попадаютъ по малѣйшему подозрѣнію граждане, безъ возможности и возвратиться во свояси *).

Ни одинъ врачъ не лѣчитъ самъ себя. По этому и люди, самые опытные, самые свѣдущіе въ законахъ, никогда не защищаютъ сами себя отъ уголовныхъ обвиненій. Обви-

---

*) «Правда, говоритъ Ламуаньонъ, что защитникъ иногда способствуетъ обвиняемому избѣгнуть правосудія или проволочить процессъ; но если защитники спасали нѣсколькихъ виновныхъ, то безъ нихъ легко погибнетъ много невинныхъ, и во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ судебныхъ золъ самое высшее — казнь невиннаго, и что лучше освободить тысячу виновныхъ, нежели погубить одного невиннаго?»

няемый, хотя бы онъ былъ совершенно невиненъ, уже по-бѣжденъ нравственно при самомъ входѣ въ уголовный судъ. Законный злодѣй обыкновенно бодро и нагло является предъ трибуналомъ; но честный челоуѣкъ, потрясенный тяжестью обвиненія, ужасомъ преступленія, ему приписываемаго, теряется и смущается. Поэтому западное законодательство справедливо смотритъ на обвиняемаго, какъ на больного. Это до того вѣрно, что самые знаменитые законовѣдцы не защищали сами себя. Пуайе (Pouet), знаменитый законовѣдецъ и канцлеръ Франциска I, совершенно растерялся, когда его посадили на скамью обвиняемыхъ. «Страхъ меня объялъ, сказалъ онъ въ послѣдствіи, при видѣ той битвы, которую мнѣ слѣдовало выдержать; я боялся сказать, что-нибудь излишнее, мысли улетучивались изъ головы, я не находилъ словъ, и впалъ въ малодушіе *).» Старый адвокатъ Шамате, тридцать лѣтъ бывший оракуломъ своего сословія, обвиненный несправедливо въ уголовномъ преступленіи, умолялъ о защитникѣ (1765 г.). По этому современное французское законодательство, не отнимая у обвиняемаго права защищать самому себя, требуетъ, чтобы и въ этомъ случаѣ непременно былъ адвокатъ, — для того, чтобы спасти его отъ какихъ-нибудь увлеченій, дополнить пропуски и т. п. Въ гражданскомъ процессѣ также дозволяется каждому защищать свое дѣло, но требуется присутствіе повѣреннаго (avoué), для юридическаго формулированія иска или отзыва (regler les conclusions).

Право имѣть защитника въ уголовномъ процессѣ считается до такой степени необходимымъ для бытія суда, что 1) въ томъ случаѣ, когда обвиняемый, по бѣдности, по отвращенію, возбужденному его проступкомъ, по запутанности дѣла и другимъ причинамъ, не можетъ найти себѣ защитника, то судъ обязанъ ему дать изъ адвокатовъ, записанныхъ на таблицѣ, — 2) если бы онъ и не захотѣлъ имѣть защитника, то все-таки такой ему дается. Бываютъ люди, которые желаютъ погибнуть юридическимъ самоубійствомъ; бываютъ и такіе, которые по ожесточенію, или

*) Въ известномъ процессѣ англійскихъ механиковъ въ Неаполѣ, одинъ изъ нихъ впалъ въ помѣшательство при видѣ грознаго судебного аппарата.

глупости не хотять ничего говорить на судѣ, — это юридическіе больные, которыхъ не должно оставлять на собственный ихъ произволь. Цѣль суда — справедливость, — и каждому должна быть она воздана, даже и прѣтивъ его желанія. Этотъ священный обычай существуетъ во Франціи съ незапамятныхъ временъ. Еще въ 1251 г. Лудовикъ святой велѣлъ назначить адвоката (*avocat d'office*) одному дворянину, который не могъ найти себѣ защитника, потому что велъ процессъ съ Карломъ д'Анжу, братомъ короля.

Въ судѣ исправительной полиціи, гдѣ судятся не важныя проступки, судъ не обязанъ назначать отъ себя адвоката; благородное сословіе адвокатовъ никогда не отказываетъ и здѣсь въ безвозмездномъ пособіи бѣднякамъ; я не видѣлъ при частыхъ посѣщеніяхъ суда исправительной полиціи ни одного обвиняемаго бѣдняка, какъ бы ни маловажно было обвиненіе, безъ защитника. Тоже самое наблюдается и въ военномъ судѣ, — хотя нѣтъ текста закона, по которому бы предсѣдатель этого суда могъ вмѣнить адвокату въ обязанность защиту обвиняемаго. Наконецъ, во всѣхъ прочихъ судахъ, — кассационномъ, коллегіальномъ, государственномъ совѣтѣ и проч. вездѣ можетъ или даже долженъ быть адвокатъ-защитникъ.

Кто можетъ быть защитникомъ? Въ неразвитыхъ обществахъ это право принадлежитъ всякому; но чѣмъ болѣе организуется юридическая жизнь, тѣмъ болѣе чувствуется потребность въ лицахъ научно приготовленныхъ къ веденію процесса и представляющихъ для тяжущагося или обвиняемаго двойную гарантію — знанія дѣла и нравственности. Античный міръ оставилъ западу въ наслѣдство высокое понятіе объ адвокатурѣ. Въ Греціи и Римѣ ораторы приобрѣтали себѣ славу и доступъ къ государственнымъ должностямъ адвокатурой: Периклъ, Исократъ, Демосоевъ, Катонъ Великій, Цицеронъ, даже Ю. Цезарь были сначала адвокатами. Во Франціи съ 89 года барро служитъ разсадникомъ не только для судовъ, но и для политическихъ камеръ, для государственныхъ должностей; во всѣхъ законодательныхъ палатахъ всегда было огромное число членовъ изъ адвокатовъ, и при томъ они составляли большинство вліятельныхъ

членовъ. Такъ на пр. въ послѣднемъ законодательномъ собраніи (1849—51 г.) во всѣхъ партіяхъ самые вліятельные члены были адвокаты — Дюпенъ, Жюль Фавръ, Беррье, Мишель Буржскій, Баррошъ, Ледрю Ролленъ, Дюфоръ и другіе. вмѣстѣ съ тѣмъ во Францію перешло и гордое античное понятіе о трудѣ адвоката: въ древнихъ республикахъ адвокатъ не получалъ платы, — и очень понятно почему: наградой славному адвокату были государственныя должности, зависѣвшія отъ избранія народа *). Во Франціи до сихъ поръ не дается адвокату права требовать вознагражденія за труды, даже по гражданскимъ процессамъ, судебнымъ порядкомъ; а договоры, по которымъ истецъ обязывается дать адвокату извѣстную часть изъ выиграннаго дѣла, объявлены львинными, незаконными.

Адвокаты, какъ особая корпорація, существовали во Франціи съ древнѣйшихъ временъ, объ нихъ упоминается еще въ капитуляріяхъ Карла Великаго. Сначала они принадлежали къ духовенству, оттого церковные соборы дѣлали постановленія объ адвокатурѣ, на пр. Лионскій соборъ 1274 г. опредѣлилъ въ 20 ливровъ maximum адвокатскаго гонорара. Со времени образованія парламентовъ (верховныхъ судовъ) въ различныхъ провинціяхъ Франціи, адвокаты собрались при нихъ въ правильно-организованныя корпораціи. Въ этихъ корпораціяхъ образовалась великая французская адвокатура, съ юридическое возрѣніе, краснорѣчіе, независимость, наконецъ нравы, традиція. Французскіе адвокаты достойно поддерживали великое имя, оставленное имъ въ наслѣдство Римомъ. Въ средневѣковомъ обществѣ, гдѣ одинъ мечъ давалъ благородство, и тамъ смотрѣли съ уваженіемъ на адвокатскую профессію. Могущественные бароны и даже короли Франціи принимали на себя, какъ почетный титулъ, званіе адвокатовъ монастырей. Адвокатовъ называли рыцарями закона: *chevaliers de loi*, *chevaliers ès loi*. Изъ этой корпораціи выходили судьи, министры, правители; она внесла чувство законности и твердый порядокъ въ средневѣковой

*) По закону Цициля, римскимъ адюккатамъ запрещено было брать гонораръ: «*Vetitum quippe erat lege Cincea munerali, ne quis ob causam orandam pecuniam donumque acciperet* (Tacit. Annal. I. II).

хаосъ. Національное собраніе 89 года, въ своей неслышности къ корпораціямъ, уничтожило орденъ адвокатовъ *); каждый получилъ право быть защитникомъ на судѣ, — и во Франціи появилось много грязныхъ сценъ: плуты, сутяги, даже освобожденные преступники вели тяжбы, обмалывая довѣріе простыхъ людей и оскверняя святилище правосудія. Этимъ дѣло не окончилось: Терроръ уничтожилъ самое право свободной защиты. Конвентъ, по предложенію Кутона, утвердилъ самую безнравственную мѣру: Законъ даетъ защитниковъ оклеветаннымъ патріотамъ въ лицѣ присяжныхъ, — онъ отказываетъ въ этомъ заговорщикамъ.»

При восстановленіи социальнаго порядка Наполеономъ, — свободная защита и сословіе адвокатовъ снова получили жизнь и право гражданства во Франціи. Такъ какъ Терроръ не только уничтожилъ корпорацію адвокатовъ, но и закрылъ юридическія школы, то при восстановленіи нельзя было требовать отъ желающихъ быть адвокатами условія объ окончаніи курса юридическихъ наукъ; поэтому постановлено было признать адвокатами на первый разъ всѣхъ тѣхъ, которые занимались этою профессіей и могли представить одобрительное свидѣтельство суда въ нравственности и юридическихъ познаніяхъ. Впоследствии, постановленіями 1810, 1822 и 1830 годовъ адвокатура получила полную организацію. Чѣмъ либеральнѣе были французскія правительства, тѣмъ болѣе они оказывали уваженія къ сословію адвокатовъ, тѣмъ большую свободу предоставляли имъ въ отправленіи ихъ великихъ обязанностей, — и на оборотъ. Это очень естественно: судебная и политическая свобода неразрывно связаны другъ съ другомъ.

Въ настоящее время слѣдующія условія требуются отъ желающаго быть адвокатомъ: 1) желающій долженъ получить

---

*) Любопытно, что знаменитые адвокаты, бывшіе членами національнаго собранія, сами подали голосъ за уничтоженіе своего сословія. Они это сдѣлали изъ гордости. Такъ какъ національное собраніе, уничтоживши парламенты, хотѣло устроить во всей Франціи только мелкіе окружные трибуналы, гдѣ не могло собраться много адвокатовъ, и, слѣдственно, не могло образоваться ни духа, ни нравственности этого благороднаго сословія, то они предпочли лучше вовсе уничтожить имя адвокатовъ, нежели передать его потомству въ униженномъ видѣ.

учевую степень лиценціата *) правъ въ одномъ изъ юридическихъ факультетовъ Франціи, — это условіе необходимое **), 2) онъ долженъ быть французскимъ гражданиномъ. Впрочемъ это условіе основано не на положительномъ законѣ, а на истолкованіи (интерпретаціи) и судебныхъ обычаяхъ. Говорятъ, что иностранецъ, хотя-бы и получившій степень лиценціата не можетъ заниматься адвокатурой во Франціи, потому что отъ адвоката требуется присяга въ вѣрности государю и конституціи, и главное потому, что по закону въ случаѣ недостатка въ необходимомъ числѣ судей, или членовъ Паркета, адвокаты по старшинству призываются къ временному занятію этихъ должностей. Такъ по-крайней-мѣрѣ всегда рѣшали адвокатскія правленія (conseils de discipline). Но школа Даллозовъ думаетъ иначе; она требуетъ космополитизма для адвокатской профессіи; она указываетъ въ этомъ случаѣ на примѣръ Бельгіи, которая дозволяла педировать французскимъ адвокатамъ, на пр. 40-хъ годахъ Шексъ-д'Эсть Анжъ былъ защитникомъ Комартена (дуэль безъ свидѣтелей), — одинъ изъ прекрасѣйшихъ подвиговъ этого знаменитаго адвоката (теперь генераль-прокуроръ парижскаго суда), — Лашо педировалъ въ процессѣ Бокарме. 3) Третье условіе — гражданское и политическое полноправіе. Впрочемъ условіе совершеннолѣтія (21 годъ) никогда не служило препятствіемъ для желающаго быть адвокатомъ; въ ирежнее время надобно было получить разрѣшеніе правительства (dispense d'âge), — а послѣ 30 года и этого не требуется.

---

*) Лиценціатъ соотвѣтствуетъ нашему кандидату, — это первая учевая степень (званіе дѣйствительнаго студента не существуетъ), но условія для полученія этой степени ближе подходятъ къ нашимъ магистерскимъ, именно требуется печатная диссертація и защищеніе ея. За степенью лиценціанта слѣдуетъ докторская.

***) При возстановленіи адвокатуры (Наполеономъ I) правительство получило на 10 лѣтъ право дозволять вступать въ это сословіе чиновникамъ административнымъ и судебнымъ, хотя и неокончившимъ курса юридическихъ наукъ. По прошествіи этого срока никогда и никто не освобождался отъ условія представить дипломъ лиценціата. Нечего и говорить о томъ, что чиновники судебного вѣдомства (судьи и прокуроры или ихъ помощники) могутъ по выходѣ въ отставку заниматься адвокатурой, потому-что для полученія этихъ мѣстъ требуются закономъ тѣ же условія, какъ и отъ адвокатовъ.

Желающій вступить въ адвокаты представляетъ генераль-прокурору того суда, при которомъ онъ намѣренъ заниматься своей профессіей, дипломъ лиценціата. За тѣмъ въ засѣданіи онъ приноситъ слѣдующую присягу: «Клянусь въ вѣрности императору (или королю, или республикѣ, — смотря по формѣ правленія) и въ повиновеніи конституціи; клянусь, что въ качествѣ защитника или совѣтника не буду говорить и печатать ничего противнаго законамъ, добрымъ нравамъ, государственной безопасности и общественному спокойствію, и что всегда буду оказывать должное уваженіе судамъ и общественнымъ властямъ».

Кандидатъ, выполнившій всѣ эти требованія, получаетъ однако только титулъ адвоката, — для того чтобы получить право заниматься этой профессіей необходимы и другія условія. Дѣйствительными адвокатами признаются только тѣ, которые записаны на таблицѣ. Право записывать на таблицу и вычеркивать изъ нея принадлежитъ Совѣту корпораціи адвокатовъ, существующей при каждомъ судѣ. Корпорація должна охранять достоинство адвокатской профессіи, — это интересъ не только ея личный, но и публики. Поэтому она не прежде вписываетъ кандидата на таблицу, какъ послѣ удостовѣренія въ его способностяхъ, знаніяхъ, нравственности, приличномъ положеніи въ обществѣ *). Первое и необходимое условіе для желающаго попасть на таблицу (т. е. быть дѣйствительнымъ адвокатомъ) есть *стажъ* (le stage) — бытіе на испытаніи. Срокъ этого испытанія положенъ закономъ въ 3 года, но совѣтъ можетъ и продолжить его, когда найдетъ нужнымъ. Адвокатъ на испытаніи (*stagiaire*, *avocat stagiaire*) долженъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ постоянно посѣщать засѣданія судовъ, чтобы практически пріучиться къ дѣлу, — посѣщать конференціи адвокатской корпораціи **); въ теченіе этого времени онъ можетъ однако пледировать,

*) Между прочимъ требуется, чтобы адвокатъ занималъ приличную квартиру съ собственной мебелью.

**) Конференціи состоятъ въ разсужденіяхъ о какомъ-нибудь темномъ или спорномъ вопросѣ права; при этомъ, разумѣется, бывають диспуты съ оффиціальными оппонентами, — и потомъ всѣми присутствующими составляется рѣшеніе.

но только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ закономъ не требуется дѣйствительный адвокатъ. Это прекрасное правило наблюдается во Франціи издавна; еще въ 1327 году одинъ ординансъ запретилъ адвокатамъ заниматься своей профессіей, пока они не будутъ вписаны на таблицу. Выполнивши стажъ, адвокатъ проситъ о включеніи въ таблицу. Совѣтъ корпорации разсматриваетъ тогда вопросъ о нравственности кандидата; законъ не опредѣляетъ какіе именно факты считать противными чести и нравственности и слѣдственно препятствующими внесенію въ таблицу, — все принадлежитъ благоусмотрѣнію совѣта. Кромѣ того для поддержанія независимости и достоинства сословія требуется, чтобы кандидатъ не занималъ судебной или административной должности и вообще всякаго связаннаго съ жалованьемъ (*emploi à gage*) *) не только частнаго, но и короннаго занятія, онъ не можетъ заниматься торговлею. Адвокаты при каждомъ судѣ составляютъ правильно-организованную корпорацию (*l'ordre des avocats*). Съ именемъ корпорации соединяется ненавистное для современнаго человѣка воспоминаніе о привилегіяхъ, исключительности, наследственности. Но ничего подобнаго нѣтъ въ французской корпорации адвокатовъ, — да и быть не можетъ по демократическому духу французскаго законодательства. Адвокаты составляютъ общество съ одною цѣлью — хранить достоинство своей профессіи, поддерживать конференціями единство пониманія закона, наблюдать, чтобы никто изъ собратій не измѣнялъ долгу и чести, изгонять безчестныхъ, наказывать шаткихъ и нерадивыхъ, давать бесплатную помощь бѣднякамъ. Никакими личными привилегіями не пользуются адвокаты предъ другими гражданами **). Такого рода корпораций не только полезны, но и необходимы; здѣсь люди группируются по единству занятій, и цѣль соединенія — нрав-

---

*) Изъ этого дѣлается только одно исключеніе въ пользу профессоровъ юридическихъ факультетовъ.

***) Адвокаты прежде избавлены были отъ патентнаго налога, — это не было какой-нибудь особой привилегіей потому-что, на примѣръ, литераторы, художники, медики также не подчинялись патентному сбору. Но нынѣшнее правительство установило для адвокатовъ патентъ, — оно не жалуется этого сословія.

ственное возвышеніе профессіи. Если-бы медики, литераторы, ученые, художники соединялись въ такія корпораціи, — это бы могущественно подвинуло впередъ и предметъ ихъ занятій, и ихъ самихъ, и уваженіе къ нимъ общества.

Корпорація адвокатовъ при каждомъ судѣ избираетъ управу, называемую *Conseil de discipline*; предсѣдатель ея, также избирательный, называется старшиною — *Batonnier*. Число членовъ соразмѣряется съ числомъ адвокатовъ, — если ихъ 30, тогда выборныхъ всего 5, — если ихъ отъ 30 до 40, — то 7, если отъ 50 до 100, — то 9, — и 15, если число адвокатовъ превышаетъ 100; въ Парижѣ, гдѣ барро **) состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ адвокатовъ выборныхъ положено 21.

Всѣ права, предоставленныя корпораціи адвокатовъ относительно принятія въ званіе дѣйствительныхъ адвокатовъ, т. е. записки въ таблицу, и вся власть дисциплинарная, принадлежатъ управѣ или совѣту. Совѣтъ поэтому наблюдаетъ за адвокатами на испытаніи (*stagiaires*), рѣшаетъ по большинству голосовъ достойны ли они включенія въ таблицу; онъ строго смотритъ, чтобы адвокаты соблюдали относительно своихъ кліентовъ чувства умѣренности, безкорыстія, честности; онъ хранитъ преданія барро. Онъ имѣетъ право налагать наказанія: внушеніе, выговоръ, временное запрещеніе заниматься веденіемъ процессовъ (*interdiction*) и наконецъ исключеніе изъ таблицы (*radiation du tableau*), т. е. лишеніе вовсе права занимать адвокатуру. Впрочемъ эта власть вовсе не есть безапелляціонная, — иначе бы корпорація адвокатовъ могла увлечься интересами немногихъ, не принимала бы новыхъ членовъ, или выключала бы самопроизвольно. Поэтому на рѣшеніе совѣта, когда онъ отказывается вписать въ таблицу, или исключаетъ изъ нея, можно приносить жалобу апелляціонному суду, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ генераль-прокурору.

Мы видѣли, что обвиняемый въ преступленіи получаетъ бесплатно адвоката. Подобнаго рода льготы существуютъ и для бѣдняка, имѣющаго гражданскую тяжбу. Именно, при

*) Барро (*barreau*) — сословіе адвокатовъ, адвокатура.

конференціяхъ адвокатской корпораціи даются бесплатно совѣты въ дѣлахъ, и если окажется, что искъ или тяжба основательны, то корпорація назначаетъ одного изъ своихъ членовъ вести процессъ, — это учрежденіе называется *Bureau de consultations gratuites* *). Одно это достаточно оправдываетъ то чувство уваженія и ту популяриность, которыми пользуется французская адвокатура въ обществѣ.

Хотя каждый адвокатъ долженъ принадлежать къ одной изъ корпорацій, находящихся при всякомъ судѣ, — но это не лишаетъ его права пледировать при другомъ французскомъ трибуналѣ. Во время первой имперіи, для этого требовалось особое разрѣшеніе министра — впоследствии такое стѣсненіе было уничтожено, — и тяжущійся или обвиняемый можетъ избирать себѣ защитника изъ какого угодно барро. Существуетъ только одно ограниченіе: адвокаты верховнаго или

---

*) Въ гражданскомъ процессѣ расходъ на адвоката сравнительно гораздо меньше другихъ — гербовой бумаги и актовыхъ пошлинъ (*timbre, enregistrement*), по этому возможность получать дароваго защитника далеко еще не достаточна для просителя-бѣдняка. Правда, при камерахъ повѣренныхъ (*chambres d'avoués*) въ Парижѣ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ существуютъ кассы, изъ которыхъ выдаются вспомошествованія на судебные расходы тѣмъ изъ бѣдныхъ просителей, искъ которыхъ майденъ будутъ вполнѣ основательными. Но такъ какъ въ другихъ городахъ не существуетъ подобныхъ кассъ, и даже въ Парижѣ повѣренные не очень охотно рѣшаются на рискъ, то въ послѣднее время государство рѣшилось взять подъ свое пощеченіе бѣдижковъ-просителей. Для государства необходимо, чтобъ каждый получалъ справедливое удовлетвореніе, чтобы бѣднякъ не терялъ своего права только потому, что онъ бѣденъ. Въ странѣ, гдѣ частная инициатива и духъ ассоціацій развитъ, какъ въ Англіи, тамъ общество само изъ себя вырабатываетъ лекарство противъ возможности такого зла, тамъ существуютъ частныя общества для помощи бѣднымъ тяжущимся. Во Франціи въ этомъ случаѣ необходимо было внимательство правительства, потому что духъ ассоціацій почти не существуетъ. По этому закономъ 22 января 1851 г. учреждены особыя комиссіи, которыя разсматриваютъ, дѣйствительно-ли дѣло бѣдняка основательно, дѣйствительно-ли проситель бѣденъ, и согласно съ ихъ рѣшеніемъ ему или отказываютъ, или правительство беретъ на себя судебные расходы: выиграется его дѣло, — онъ обязанъ возратить истраченное. Эти комиссіи (*bureau d'assistance judiciaire*) состоятъ: 1) изъ директора или одного изъ чиновниковъ гербового казначейства, 2) чиновника отъ губернатора, 3) трехъ членовъ-законниковъ: одного адвоката, избираемого совѣтомъ этой корпораціи, одного присяжнаго повѣреннаго (*avoué*) и одного изъ дѣйствительныхъ или отставныхъ членовъ судейской магистратуры, избираемого судомъ.

кассационнаго суда составляютъ особую корпорацію, и только они одни могутъ здѣсь пледировать. Обязанность адвокатовъ пледировать, защищать, вести процессъ, — оттого ихъ называли въ среднемъ вѣкѣ *говорящими*, — вся же прочая сторона гражданскаго процесса, хожденіе по дѣламъ, составленіе бумагъ, представленіе тяжущихся предъ лицомъ суда (если они сами не пожелаютъ лично явиться) составляетъ профессію присяжныхъ повѣренныхъ (*avoué* *). Въ граждан-

---

*) Отъ желающаго быть присяжнымъ повѣреннымъ требуется: 1) возрастъ не моложе 25 лѣтъ, 2) свидѣтельство о выполненіи рекрутской повинности, 3) дипломъ бакалавра правъ (*bachelier en droit*), который выдается послѣ двухъ-годичнаго слушанія лекцій по юридическому факультету, или свидѣтельство о знаніи теоретическомъ, необходимомъ для основательнаго составленія бумагъ, — это свидѣтельство выдается по экзамену по-крайней-мѣрѣ послѣ годичнаго слушанія лекцій; 4) занятіе въ теченіи пяти лѣтъ въ конторѣ присяжнаго повѣреннаго, — это служитъ гарантіей практическаго знанія; 5) въ заключеніе подвергнутся экзамену въ совѣтѣ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ и получить отъ нея свидѣтельство въ способности и нравственности.

Присяжные повѣренные, подобно адвокатамъ, составляютъ при каждомъ судѣ и подъ его надзоромъ особую корпорацію. Для управленія своими дѣлами корпорація избираетъ совѣтъ, называемый *chambre des avoués*, — обязанности и права его тѣ же, какъ и адвокатскаго совѣта; совѣтъ избираетъ изъ среды своей президента, синдика, докладчика, секретаря и казначея. При совѣтѣ состоитъ бюро и касса для помощи бѣднымъ просителямъ.

Адвокаты имѣютъ особый историческій костюмъ: длинная черная мантия съ широкими рукавами, клобукъ, бѣлый шейный платокъ, черные панталоны, — совершенно духовный нарядъ, который потому и присвоено адвокатамъ, что они сначала принадлежали къ духовному сословію. Это общій костюмъ для всей судебной магистратуры, съ той разницею, что судьи и прокуроры имѣютъ на клобукахъ по одной или по двѣ золотыхъ тесьмы, смотря по своему рангу, и кромѣ того парадныя красныя мантии (а президенты и генераль-прокуроръ кассационнаго суда еще сверхъ красной горностаевую мантию). Костюмъ для адвокатовъ установленъ не закономъ, а обычаемъ, и, разумѣется, они надѣваютъ его только тогда, когда пледируютъ. Суды строго наблюдаютъ, чтобы адвокаты носили свой историческій костюмъ. Какъ-то одинъ молодой адвокатъ попробовалъ нѣсколько измѣнить костюмъ и явился вмѣсто черныхъ въ бѣлыхъ панталонахъ, а вмѣсто бѣлаго надѣлъ черныя галстухъ. Президентъ суда срѣзалъ его блестящей остротой. «Г. адвокатъ, сказалъ онъ: — вы бы гораздо лучше сдѣлали, если бы надѣли панталоны на шею, а галстухъ на ноги!» — Повѣренные имѣютъ тотъ же костюмъ, что и адвокаты, но съ нѣкоторымъ различіемъ. Адвокаты, въ знакъ независимости своего званія, говорятъ съ открытой головою, повѣренный всегда съ открытою.

скомъ процессѣ можно обойтись безъ адвоката если тяжущійся захочетъ самъ защищать свое дѣло, — это право не отнимается даже у женщинъ; но онъ непремѣнно обязанъ имѣть присяжнаго повѣреннаго. Это необходимо для правильности и быстроты судопроизводства; необходимо, чтобы дѣловыми бумагами составляли лица теоретически и практически знакомыя съ дѣломъ, — это избавляетъ судъ отъ слушанія бессмысленно составленныхъ бумагъ. Такъ какъ присяжнымъ повѣреннымъ можетъ быть только тотъ, кто выполнитъ всѣ условія, опредѣленные закономъ, которыя доказываютъ его знанія, опытность и честность, и такъ какъ они (повѣренные) составляютъ твердую корпорацію, заботливо слѣдующую за каждымъ изъ своихъ членовъ, — то тяжущіеся обезпечены вполне отъ ябедниковъ, — этой язвы общества, въ которомъ нѣтъ подобнаго учрежденія.

Такимъ-образомъ адвокатъ необходимъ только въ уголовномъ процессѣ, но при этомъ, какъ мы видѣли, у обвиняемаго не отнимается право самому защищаться или съ дозволенія президента суда поручить свою защиту родственнику или другу, но все-таки адвокатъ и въ этомъ случаѣ необходимъ. Въ гражданскомъ процессѣ тяжущійся можетъ, если захочетъ, самъ вести дѣло и говорить передъ судомъ, — но поручить защиту можетъ только адвокату.

Нѣтъ-ли въ этомъ стѣсненія? Не думаемъ. Никто не видитъ стѣсненія свободы въ запрещеніи заниматься медицинскою практикою всякому, кому вздумается, хотя-бы больной и захотѣлъ ему довѣриться. А веденіе гражданскаго процесса требуетъ столько-же юридическихъ свѣдѣній, какъ лѣченіе медицинскихъ. И эти ограниченія въ высшей степени полезны для общества: они спасаютъ его отъ шарлатановъ и плутовъ, медицинскихъ и юридическихъ.

III.

Законы, и въ особенности обычай, требуютъ отъ адвоката величайшей честности и нравственности въ отправленіи его великихъ обязанностей. Онъ обязанъ свято хранить тайну, ему ввѣренную. Если-бы обвиняемый проговорился ему, от-

крылъ такія слабыя стороны, которыя не были должны слѣдствіемъ и которыя совершенно его обвиняютъ, адвокат долженъ просить его въ интересъ правосудія откровенно сознаться предъ судомъ; но если тотъ не соглашается, то онъ можетъ отказать ему въ пособіи, но не долженъ его выдавать. Нѣкоторые законовѣдцы думаютъ, что въ дѣлахъ уголовныхъ большой важности, адвокатъ обязанъ сообщить президенту суда о томъ, что узналъ отъ обвиняемаго, но юридическая практика никогда не признавала этого положенія. Въ-самомъ-дѣлѣ: если обвиняемый знаетъ, что адвокатъ можетъ сообщить суду въ его невыгоду то, что было сказано глазъ на глазъ, то никогда не будетъ имѣть къ нему довѣрія, будетъ смотрѣть на него не какъ на своего друга, а какъ на слѣдственнаго чиновника, — а безъ довѣрія обвиняемаго къ защитнику, защита лишается нравственнаго характера, и часто бываетъ невозможна. Нехраненіе тайны въ гражданскомъ процессѣ составляетъ для адвоката преступленіе, за которое онъ не только исключается изъ корпорации, но и подвергается тюремному заключенію *).

Чтобы защита имѣла нравственный характеръ, для этого адвокатъ долженъ имѣть полную свободу принять ее и не принять. Въ предисловіи къ ординансу 20-го ноября 1822 г. сказано: «Если адвокаты не будутъ имѣть права свободно принимать защиту, то они перестанутъ внушать довѣріе судьямъ, и унизятъ свою профессію. Судъ всегда будетъ

---

*) Кассационный судъ въ одномъ приговорѣ 1826 г. высказалъ слѣдующее положеніе: «Адвокаты принадлежатъ къ разряду тѣхъ лицъ, которымъ по ихъ профессіи довѣряются секреты, но этому они не могутъ ихъ открывать за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ.» Изъ этого рѣшенія Лаграверанъ выводитъ для адвоката обязанность открывать тайны въ важныхъ уголовныхъ процессахъ. Корпорация адвокатовъ никогда не признавала этой доктрины, и въ 1826 г. коммиссія изъ 26 адвокатовъ кассационнаго суда объявила себя за полную неприкосновенность секрета. «Законъ, сказала коммиссія, даетъ обвиняемому защитника; возможно ли превратить его въ свидѣтеля или доносителя? Такая система несправедлива, безнравственна, негѣсна, она ставитъ законъ въ противурѣчіе съ самимъ собою. Неприкосновенность секрета есть не только дѣло чести адвоката, но и необходимое условіе для выполненія обязанностей; безъ этого не будетъ довѣрія, а безъ довѣрія адвокатъ не можетъ знать дѣла, не можетъ риделоповать.»

сомнѣваться въ ихъ добросовѣстности, не будетъ знать, вѣрять-ли они сами тому, что говорятъ, и правосудіе будетъ лишено той гарантіи, которую представляетъ ему честность и опытность адвокатовъ». Но въ томъ-же самомъ ординансѣ находится другая статья, сильно ослабляющая эти слова: «Адвокатъ, назначенный судомъ (avocat d'office), для защиты обвиняемаго не иначе можетъ отказать отъ этой обязанности, какъ представивши суду о причинахъ, и если судъ найдетъ ихъ неуважительными, а адвокатъ будетъ унорствовать, то онъ подвергается исправительному наказанію».

Противъ этого положенія возстаютъ адвокаты, говоря, что оно стѣсняетъ ихъ свободу, что часто для выгодъ самаго обвиняемаго нельзя сказать суду о причинахъ отказа. Но Даллозъ справедливо замѣчаетъ, что послѣдняя опасность не существуетъ, потому-что такое объясненіе дѣлается судьями (а не присяжными), при закрытыхъ дверяхъ; если здѣсь и есть нѣкоторое стѣсненіе для адвоката, то развѣ не болѣе опасности, оставить бѣдняка обвиняемаго безъ защитника, вследствие каприза или корыстолюбія адвоката?

Отъ адвоката требуется полная добросовѣстность въ защитительной рѣчи (plaidoie), — онъ не долженъ говорить ничего такого, въ чемъ самъ не увѣренъ, хотя-бы обвиняемый настаивалъ. Адвокатъ не машина обвиняемаго, у него есть своя совѣсть, свой взглядъ. Отъ этого обвиняемый ничего не теряетъ, потому-что послѣ рѣчи адвоката президентъ обязанъ спросить его: «Не можете-ли вы чего-нибудь прибавить въ свою защиту?» и тогда обвиняемый можетъ представить тѣ объясненія и оправданія, которыя его защитникъ не счелъ слишкомъ вѣскими. Въ этомъ случаѣ въ судебной сферѣ повторяется политическій вопросъ объ отношеніи депутата къ избирателямъ. Долженъ-ли депутатъ быть простымъ передатчикомъ мнѣній своихъ избирателей во всѣхъ вопросахъ, хотя-бы его личное убѣжденіе было другое? И здѣсь и тамъ вопросъ рѣшенъ одинаково: нельзя никого заставить говорить противъ совѣсти.

Въ 1834 г. одинъ законовѣдецъ (Ромягье) въ публичной рѣчи сказалъ: «Откровенность должна быть неизмѣннымъ правиломъ адвоката. Но я говорю здѣсь не о той откровен-

ности, которая переходит въ простоту, и которая заключается въ открытіи всѣхъ слабыхъ сторонъ дѣла. Судъ есть поле битвы, судоговореніе — бой, гдѣ можно, не нарушая законовъ чести, пользоваться своими преимуществами, употреблять остроуміе, набрасывать на факты благоприятный свѣтъ, не извращая ихъ, однако, стараться избѣгать приложенія невыгодныхъ началъ и всего болѣе пользоваться разногласіемъ ученыхъ о какомъ-нибудь вопросѣ. Адвокатъ долженъ разсуждать не столько на основаніи своего убѣжденія, сколько на основаніи тѣхъ фактовъ, которые открыты.» Но такое фарисейство, если и случается на практикѣ, съ негодованіемъ отвергается доктриной адвокатовъ. «Законъ», говорятъ они, «требуетъ, чтобъ адвокатъ ничего не говорилъ противъ совѣсти, адвокатъ приноситъ въ этомъ присягу, — отъ того судьи и имѣютъ уваженіе къ его словамъ, иначе онъ будетъ, какъ выразился Мирабо, только торгашемъ слова (*vil marchand de paroles*). Набрасывать благоприятный свѣтъ, значитъ ложный. Что такое — невыгодныя начала? Есть только истинныя и ложныя начала. Если въ гражданскомъ процессѣ адвокатъ будетъ говорить не такъ, какъ понимаетъ, а какъ это выгодно кліенту, то онъ не болѣе, какъ комедіантъ».

Есть только одно исключеніе изъ этой строгой морали — для адвоката, назначеннаго официально быть защитникомъ обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи, и когда судъ или не призналъ уважительными причины отказа, или, когда нѣсколько адвокатовъ отказалось, надобно наконецъ кому-нибудь принять на себя защиту, потому-что безъ защитника не можетъ быть суда. Но и въ этомъ случаѣ защитникъ не долженъ измѣнять своему убѣжденію: если обвиняемый утверждаетъ, что онъ невиненъ, а защитникъ убѣжденъ въ виновности, то долженъ говорить только о смягчающихъ обстоятельствахъ, если онъ ихъ находитъ хотя отчасти, — если-же виновность ему кажется полной и обвиняемый не заслуживаетъ снисхожденія, то онъ долженъ говорить какъ-бы по его уполномоченію и отъ его имени: «обвиняемый на это можетъ возразить то-то и то-то». Мы приводили примѣръ одного адвоката, который всталъ, поклонился судьямъ,

и не произнеся ни одного слова, сѣлъ на свое мѣсто, потому-что виновность безъ смягченія казалась ему очевидной. Хотя кассационный судъ призналъ, что этотъ адвокатъ исполнилъ свой долгъ, но генераль-прокуроръ Дюпенъ былъ противнаго мнѣнія. Рѣчь адвоката пользуется полною свободой. Это единственное слово, которое теперь осталось свободнымъ во Франціи. Наполеонъ I сказалъ: «До-тѣхъ-поръ, пока я буду носить шпагу, я не позволю адвокатамъ говорить противъ правительства».

Другое ограниченіе рѣчи адвоката — недозволеніе критиковать законъ, или говорить противъ нравственности и смысла закона, противъ несоразмѣрности наказанія съ преступленіемъ, и даже вообще говорить присяжнымъ о наказаніи, которое можетъ послѣдовать отъ ихъ приговора (потому что присяжные, по словамъ закона, не должны думать о послѣдствіяхъ своего приговора). Приводимъ для объясненія нѣсколько примѣровъ. Въ 1825 г. въ Лозьерѣ судили какого-то Фора за грабежъ съ оружіемъ въ рукахъ на большой дорогѣ; защитникъ его сказалъ, и это было справедливо, что Форъ остановилъ на дорогѣ двѣ кареты и требовалъ выдачи всѣхъ денегъ, угрожая въ противномъ случаѣ смертью, но потомъ согласился взять всего шесть франковъ; защитникъ находилъ, что эта сумма такъ ничтожна, что было-бы нелѣпо подобное дѣйствіе подводить подъ статью о грабежѣ съ оружіемъ въ рукахъ, которая назначаетъ за такое преступленіе безсрочную каторжную работу. Президентъ остановилъ его, и не дозволилъ больше говорить; кассационный судъ одобрилъ этотъ поступокъ. То же случилось съ другимъ адвокатомъ, который хотѣлъ доказывать, что нѣтъ отягчающаго обстоятельства — перелѣзанія чрезъ заборъ (эскалада), когда нѣсколько кольевъ было поломано, и обвиняемый прошелъ чрезъ свободное пространство; — съ третьимъ, который началъ развивать мнѣніе, что нельзя обвинить человѣка въ поддѣлкѣ векселя, если есть доказательства, что онъ хотѣлъ впоследствии выкупить его. Наконецъ адвокатъ долженъ соблюдать уваженіе къ суду и не позволять себѣ личныхъ выходокъ.

Хотя президентъ ассизовъ имѣетъ право дѣлать замѣча-

нія адвокату и даже отнять у него слово въ случаѣ приведенныхъ проступковъ, и наконецъ предать его суду совѣта корпораціи адвокатовъ, — но пользуется этимъ правомъ съ крайней умѣренностью, потому-что адвокатъ не стоитъ беззащитнымъ: кромѣ жалобы въ кассационный судъ, у него есть еще возможность принести протестъ суду своего словія. Былъ примѣръ, что парижскіе адвокаты, недовольные дурнымъ тономъ судей, отказались всѣ, въ массѣ, являться въ судъ, пока не получили удовлетворенія.

Законъ не полагаетъ предѣловъ рѣчи адвоката, — но, конечно, на практикѣ нельзя давать безграничной свободы въ этомъ отношеніи, потому, что тогда дѣло тянулось-бы бесконечно. Законъ Помпея давалъ два часа обвинителю и три защитнику; впоследствии постоянно наблюдалось у римлянъ правило, что защитникъ имѣетъ право говорить на $\frac{1}{2}$ долѣе нежели обвинитель. Въ 1817 г. кассационный судъ, вследствие одного частнаго дѣла, выразилъ мнѣніе, что адвокатъ, говоривши два часа, могъ достаточно развить положенія. Но если этого времени часто даже слишкомъ-много для защиты, то въ другихъ случаяхъ оно недостаточно. Впрочемъ, некогда французскій судъ не думалъ пользоваться упомянутымъ мнѣніемъ кассационнаго суда. Намъ случалось слышать въ парижскихъ ассизахъ защиту, продолжавшуюся четыре часа, и даже и такія, окончаніе которыхъ отлагалось до слѣдующаго дня.

Адвокаты особенно жалуются на то, что нѣкоторые суды позволяютъ себѣ прерывать ихъ замѣчаніями. Тѣ же права и тѣ же обязанности принадлежатъ тяжущимся и обвиняемымъ, которые сами себя захотятъ защищать. При этомъ президентъ долженъ обращать особенное вниманіе, чтобы они по неопытности сами себѣ не повредили, и долженъ ихъ остановить; вообще президентъ имѣетъ надъ ними гораздо болѣе власти, нежели надъ адвокатами. Трибунъ Форъ при докладѣ законодательному корпусу устава о судопроизводствѣ (1806 г.) сказалъ: «Если кодексъ дозволяетъ тяжущимся самимъ защищаться, то онъ предполагаетъ, что они могутъ уяснить дѣло судьямъ, и что они никогда не переступятъ границъ должнаго къ суду уваженія. Если тотъ, кто хочетъ самъ быть

своимъ защитникомъ, вмѣсто того, чтобъ уяснить дѣло, разсѣять туманъ, вмѣсто того, чтобъ говорить хладнокровно, увлечется страстью, то судья долженъ его остановить. Мы не сомнѣваемся, что судья съ горестью будетъ исполнять эту обязанность; но онъ долженъ это сдѣлать въ интересѣ правосудія и самаго тяжущагося».

Что касается до формы защитительныхъ рѣчей,—то обычай требуетъ чтобы онѣ соответствовали важности суда: онѣ должны быть ясны, строгой чистоты стили. Приводимъ любопытный случай вмѣшательства суда и его неодобренія формы защитительной рѣчи. Въ 1834 г. Бастидъ, редакторъ журнала *Tisiphone* былъ преданъ уголовному суду за оскорбленіе короля письмомъ. Онъ вызвался самъ себя защищать и началъ произносить защитительную рѣчь *въ стихахъ*. Но едва онъ произнесъ первый стихъ:

Heureux l'homme garant et coustu de bassesee!

Президентъ прервалъ его словами: я не позволяю вамъ продолжать защиту въ этой неприличной формѣ.—Адвокатъ подсудиماго замѣтилъ, что во время реставраціи Бартелеми защищался въ стихахъ. «Это было предъ судомъ исправительной полиціи,» отвѣчалъ президентъ, и посовѣтовавшись съ другими членами, отнялъ слово у обвиняемаго, на томъ основаніи, что обвиняемый, защищающій, себя, долженъ раздражать адвокату, что его стихъ долженъ быть простъ, важенъ и строгъ (*simple, grave et sévère*). Бастидъ принесъ жалобу кассационному суду на стѣсненіе права свободной защиты; но верховный трибуналъ не призналъ ее основательною, прибавивъ впрочемъ, — что въ настоящемъ случаѣ право свободной защиты не было нарушено, потому что адвокатъ защищалъ обвиняемаго, и у послѣдняго спросили, не имѣетъ ли онъ еще чего нибудь прибавить въ свою защиту. Далозъ говоритъ, что въ настоящемъ случаѣ президентъ могъ прервать обвиняемаго только потому, что первый стихъ былъ неприличенъ, — а не потому что защита была въ стихахъ, — потому что и стихи могутъ быть также строги, просты и важны, какъ и проза.

При существованіи адвокатуры каждый обвиняемый можетъ быть спокоенъ; онъ получаетъ опытнаго и честнаго

защитника. Но конечно обвиняемый бѣднякъ не можетъ пригласить знаменитаго адвоката. Это обстоятельство не нравится людямъ, требующимъ отъ адвокатуры чѣго-то идеальнаго. Намъ случалось часто слышать такія слова: «Все это прекрасно. Но вотъ что нехорошо: богатый можетъ пригласить знаменитаго адвоката, какого нибудь Берье или Жюля Фавра, и будетъ оправданъ; а бѣднякъ, хотя бы дѣло его было и не совсѣмъ плохо, проиграетъ его, попавшись неискусному адвокату.» Въ этомъ аргументѣ одна сотая правды.

«Il n'y a de bon avocat dans une mauvaise cause!» (въ дурномъ дѣлѣ никто не можетъ быть хорошимъ адвокатомъ). Не надобно преувеличивать силу краснорѣчія; оно ничего не можетъ сдѣлать противъ истины. Да, и что такое истинное краснорѣчіе? Величайшій ораторъ современной Франціи Берье вѣрно замѣтилъ: «Говорить краснорѣчиво значитъ сознать умомъ и сердцемъ правоту дѣла и выразить ее какъ можно проще.» Безъ этого убѣжденія всякое дарованіе, какъ бы оно ни было велико, ни къ чему не приведетъ. Слава великихъ адвокатовъ основана не на томъ, что они успѣвали затемнять истину, а на томъ, что въ процессѣ, гдѣ истина была загромождена обстоятельствами, сцѣпленіе которыхъ для простого взгляда дѣлало невиннаго виновнымъ, умѣли распутать узелъ, разсѣять туманъ, отдѣлать случайную примѣсь и показать правду во всемъ ея блескѣ. Въ такихъ запутанныхъ дѣлахъ дѣйствительно огромная разница для обвиняемаго защищаетъ ли его знаменитый адвокатъ, или посредственный, и въ этомъ случаѣ богатый подсудимый стоитъ въ болѣе выгодномъ положеніи, нежели бѣдный. Но замѣтимъ, что именно въ такихъ запутанныхъ и слѣдственно юридически-интересныхъ процессахъ, о которыхъ толки ходятъ въ журналѣ и въ Palais de Justice за долго до открытія суда, никто изъ адвокатскихъ знаменитостей не откажетъ бѣдняку въ помощи. И это онъ сдѣлаетъ не изъ одного только челоуѣколюбія, а потому что такіе процессы, на которые съѣзжаются тысячи слушателей и за которыми слѣдятъ журналы всей Европы, доставляютъ адвокату славу, — слѣдственно въ результатѣ—деньги. Мы уже и не говоримъ о процессахъ политическихъ, или уголовныхъ, хотя нѣсколько свя-

занныхъ съ политикой.—Но если за всѣмъ тѣмъ и бываетъ много случаевъ, гдѣ бѣднякъ обвиняемый въ худшемъ положеніи, нежели богатый, то это нисколько не падаетъ на адвокатуру и ея организацію, а есть общій социальный недостатокъ. Богатый больной находится также въ несравненно выгоднѣйшемъ положеніи, нежели бѣдный, — онъ можетъ пригласить знаменитаго врача, доступъ къ которому для бѣдняка весьма труденъ. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что медицина существуетъ только для богатыхъ, что всѣ богатые больные вылѣчиваются, а бѣдные умираютъ; при хорошей общественной организаціи и бѣднякъ больной получаетъ помощь. То же самое и относительно адвокатуры, но еще въ большей степени. Безнадежнаго медицинскаго или юридическаго больнаго ничѣмъ нельзя спасти; есть высшая сила, рѣшающая ихъ жизнь или смерть: въ первомъ случаѣ природа, во второмъ присяжные.

АЛЕКСАНДРЪ ЛОХВИЦКІЙ.

БЛАГОДѢТЕЛ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Въ пансіонѣ, гдѣ училась Пашенька, большая часть дѣвицъ вели дневникъ. Какъ ни однообразна и бѣдна событіями была пансіонская жизнь, но записками о ней, листокъ за листкомъ, наполнялись цѣлыя тетрадки, обыкновенно очень красиво оклеянные цвѣтной бумажкой. Пашенька, по примѣру другихъ, завела такую-же тетрадку, и каждый день вписывала въ нее по нѣскольку строкъ о томъ, что занимало ея дѣтскую голову и дѣйствовало на ея сердце. Мало-по-малу, записывать всѣ случаи своей жизни — сдѣлалось у нея привычкой, и привычки этой не оставила она и по выходѣ изъ пансіона. По мѣрѣ того, какъ дѣвушка развивалась, дневникъ приобреталъ для нее все большее и большее значеніе. Потребность высказывать свои задушевные думы, повѣрять свои затаенные чувства, не находила другаго исхода. Лидія Петровна съ теченіемъ времени становилась все равнодушнѣе къ племянницѣ, и не могла, разумѣется, возбудить въ ней дружбы и довѣрія. Больше сочувствія видѣла Пашенька въ старой нянцѣ своей Катеринѣ, которая по прежнему не могла надыхаться и налюбоваться на свою питомцу; но и чувства, и мечты питомицы не могли быть понятны старухѣ,

а потому нечего было и дѣлиться ими съ нею. И Пашенька повѣряла все своему дневнику. Изъ этого-то дневника слѣдуютъ здѣсь отрывки. Они лучше передадутъ все, что тревожило и волновало, радовало и печалило Пашеньку, нежели могли бы мы сдѣлать это, рассказывая отъ своего лица. Первый отрывокъ относится ко времени полученія Пашенькою письма отъ брата, въ отвѣтъ на первое письмо ея къ нему.

10 августа 18..

Сколько плакала я сегодня, и какъ трудно мнѣ и теперь удержать слезы! Мнѣ все хочется увѣрить себя, что я ошибаюсь, что братъ можетъ любить меня и любить; но немогу. Я безпрестанно перечитываю его письмо, и мнѣ послѣ каждаго раза становится все грустнѣе и грустнѣе. Что-то чуждое, холодное слышится въ этомъ письмѣ. Но можетъ-быть иначе и быть не должно: вѣдь мы столько лѣтъ не видались, мы какъ-будто и вовсе никогда не видались; стало-быть, мы чужіе, незнакомые. Но отчего же мнѣ такъ хотѣлось дать ему вѣсточку о себѣ, и узнать, какъ живеть онъ, счастливъ ли, доволенъ ли? Отчего такъ огорчаетъ меня его письмо? Отчего такъ дрожали у меня отъ радости руки, когда мнѣ подали конвертъ со штемпелемъ Н.? Нѣтъ, Вася мнѣ не чужой. Значить, я ему чужая? Катерина рассказывала мнѣ, что въ дѣтствѣ онъ часто обижалъ меня; но развѣ это значить что-нибудь? Дѣти всегда ссорятся между собой, и это не мѣшаетъ дружбѣ потомъ, когда выростутъ. Мнѣ все хочется припомнить свое письмо къ брату. Не сама ли я виновата? Не было ли холодно и недружелюбно мое письмо? Я ничего изъ него не могу припомнить; но когда я писала его, у меня все сердце захватывало отъ желанья видѣть брата и высказать ему всю мою любовь. Неужто перо можетъ написать не то, что чувствуешь? Оно не выразитъ всего, всей полноты чувства, но и не обманетъ. Я ужь опять плачу. Писать ли мнѣ къ Васѣ еще?

11 августа.

И мамѣ, и Егоръ Александровичъ спрашивали меня, отчего я такая печальная. Я сказала о письмѣ брата, не могла удержаться отъ слезъ, и ушла въ залу.

Я стояла тамъ у окна и плакала. Егоръ Александровичъ вышелъ вслѣдъ за мною, сталъ около меня и взялъ за руку.

— Полноте, не плачьте! уговаривалъ онъ меня, и цѣловалъ мнѣ руку.

Я насилу могла отнять ее. Мнѣ всегда такъ неприятно, когда онъ оказываетъ мнѣ такія ласки; я какъ-будто боюсь его — особенно съ тѣхъ-поръ, какъ онъ сталъ мнѣ говорить «вы», а я перестала называть его papà. Я ушла поскорѣе къ себѣ въ комнату.

Зачѣмъ я называю и тетеньку мамà? Мнѣ часто кажется это странно. Какъ хотѣла бы я называть такъ кого-нибудь, кому можно было-бы открыть все свое сердце. Я часто спрашиваю Катерину о моей покойной матери; но изъ рассказовъ ея у меня не составляется въ головѣ никакого образа. Всякой разъ, какъ я думаю о матери, мнѣ вспоминается почему-то тетенька Анна Васильевна, и мнѣ становится такъ жаль, что она умерла. Она любила меня, какъ мать, и какая была это славная жизнь въ монастырѣ. Я какъ теперь вижу эту темную, старинную церковь, эти памятники вокругъ нея, рѣчку за стѣной; мнѣ какъ-будто слышится и монастырское пѣнье, и крики на рѣкѣ. Всякой разъ, при звукѣ церковнаго колокола, воскресаютъ у меня въ памяти эти милыя, далекія картины. Отчего это не могу я припомнить нашего дома въ Н. и брата Васи?

Я рѣшилась написать ему еще: можетъ-быть я сама своимъ письмомъ виновата, что онъ отвѣчалъ мнѣ такъ холодно. И развѣ не бываетъ такъ-же въ жизни? Встрѣчаешься холодно, а расстаешься друзьями.

Каждый день жду я письма отъ Николая Ивановича, и все нѣтъ. А въ коротенькой запискѣ, присланной имъ передъ самымъ отъѣздомъ, онъ обѣщалъ писать мнѣ скоро. Ужь здоровъ ли онъ? Не случилось ли съ нимъ чего? Какъ бы хотѣла я получить отъ него поскорѣе письмо? Я пишу это, и готова бы сдѣлать съ собою Богъ знаетъ что! Какая я гадкая! Печаль, которую принесло мнѣ письмо брата, заставила меня какъ-будто позабыть о моемъ добромъ другѣ. Не правда, дорогой мой другъ, я не забыла васъ, я люблю такъ же, какъ любила... больше!

14 августа.

Съ письмомъ, которое отправила я сегодня къ брату, какъ-будто тяжесть какая сиялась у меня съ сердца. Теперь у меня другое горе. Я досажую на себя, зачѣмъ во всѣхъ хочется мнѣ видѣть любовь къ себѣ, зачѣмъ хочется всѣхъ любить самой. Развѣ нѣтъ сердца, которое такъ горячо меня любить, и такъ понимаетъ, и развѣ мало мнѣ моей любви къ моему далекому другу?... Гдѣ-то онъ теперь, и что съ нимъ? Писемъ отъ него все нѣтъ, а я незнаю, куда писать ему. Когда мнѣ приходитъ на мысль, что съ нимъ можетъ случится что-нибудь недоброе, все сердце обливается у меня кровью. И отчего онъ не пишетъ; Вотъ уже скоро мѣсяць, какъ онъ уѣхалъ. Забыть, разлюбить меня онъ не могъ. Я этому горячо вѣрю? а вѣра моя никогда меня не обманывала. А братъ? Но можетъ-быть я ошибаюсь въ немъ. Что-то напишетъ онъ мнѣ теперь?

17 августа.

У меня до-сихъ-поръ дрожать отъ досады руки. Какъ могъ Егоръ Александровичъ угадать, что я думала? или какъ это случилось, что слова его, сказанныя можетъ-быть безъ безъ всякаго умысла, оказались такъ кстати?

Я стояла въ залѣ, облокотясь о роля, и перебирала ноты, чтобы сыграть что-нибудь. Мнѣ попалась тетрадь мазурокъ Шопена. Третью изъ этой тетради такъ любилъ Николай Ивановичъ. Я развернула тетрадь на ней, и невольно задумалась.

— О комъ это вы такъ задумались? спросилъ меня, подходя, Егоръ Александровичъ.

Я вся вздрогнула, потому-что не слыхала и шаговъ его.

— О Темниковѣ? сказалъ онъ.

Я отвѣчала:

— Да.

— Это, кажется, любимая его мазурка была?

— Да, отвѣчала я опять, и досада кипѣла во мнѣ.

— Сыграйте! сказалъ Егоръ Александровичъ: — я тоже очень люблю ее.

Но я сложила ноты и ушла.

Отчего это я такъ не люблю Егора Александровича? не-

ужто за то, что онъ рассорился съ Николаемъ Ивановичемъ, и отказалъ ему отъ дому? Но развѣ онъ виноватъ?... Впрочемъ я тутъ ничего не понимаю.

1 сентября.

Какъ я рада, и какъ хочется мнѣ плакать! Чтò за милое, чтò за дорогое письмо! Онъ не забылъ меня, онъ любитъ меня по прежнему. Дѣла его устроиваются такъ хорошо, что можетъ-быть намъ не долго уже быть въ разлукѣ. Боже мой! какое счастье! Какъ хотѣлось бы мнѣ побѣжать теперь вездѣ, и всѣмъ, всѣмъ рассказать о моей радости. Сердце у меня такъ полно. Когда я перечитываю это милое, дорогое письмо, мнѣ кажется, онъ близко. Онъ спрашиваетъ меня, вспоминаю ли я его. Каждый часъ, каждую минуту, дорогой мой другъ.

Я безпрестанно переживаю въ памяти то свѣтлое время, когда мы были вмѣстѣ. Всѣ мелочи, всѣ незамѣтныя тогда подробности теперь такъ живо представляются мнѣ — мимо-летное слово, жестъ, взглядъ. Я развернула какъ-то книгу, въ которой нашла его отмѣтку карандашомъ — просто крестикъ на полѣ, и засмотрѣлась на этотъ крестикъ и умчалась мечтами за тысячи верстъ. Чтò-бы я ни дѣлала, мысль о немъ не покидаетъ меня. Читать я нынче совсѣмъ не могу: смотрю въ книгу, перевортываю страницу за страницей, а мысли Богъ знаетъ гдѣ. Чтò я прочитала, не помню, не понимаю. Иногда попадется фраза, похожая на сказанную имъ, или страница, на которой описано какъ-будто мое чувство, и только эту фразу, эту страницу въ книгѣ перечитываешь по нѣскольку разъ; но все находишь, какъ-будто это не совсѣмъ то, не совсѣмъ такъ. Музыка заставляетъ меня еще больше думать о немъ; все время, пока я играю, сердце у меня тихо поетъ, какъ-будто обливается слезами, и я вѣрно играю плохо. Но играть доставляетъ мнѣ такое удовольствіе, что я готова бы цѣлый день не вставать изъ-за рояля, если-бы не боялась всѣмъ наскучить. Иногда мнѣ хочѣтся нѣсколько разъ сряду играть его любимую мазурку Шопена, но я позволяю это себѣ только когда нѣтъ дома ни мамѣ, ни Егора Александровича. Мнѣ кажется, при Егорѣ Александровичѣ я теперь не могла бы сыграть ее и одного раза.

Онъ сегодня какъ-то странно смотрѣлъ на меня: ему какъ-будто хотѣлось сказать мнѣ что-то, но одной; а я одна не оставалась.

Что значуть эти слова въ письмѣ: «Если вы не поняли еще, отчего я долженъ былъ перестать видѣться съ вами, то дай Богъ, чтобъ это и не объяснилось вамъ; я желалъ бы обманываться, но кажется не обманываюсь». Что хотѣлъ онъ сказать этимъ? Я боюсь догадываться, и мнѣ кажется, этого быть не можетъ. Я увѣрена, что этого не можетъ быть. Но отчего же мнѣ нынче всегда такъ неловко съ Егоромъ Александровичемъ? Точно будто я виновата передъ нимъ и прячу отъ него свою вину, или будто онъ замышляетъ на меня что-то злое. Я рада бы не встрѣчаться съ нимъ, не видать его — такъ я стѣсняюсь, такъ теряюсь въ его присутствіи. А онъ будто нарочно такъ любезенъ, такъ предупредителенъ. Неужто онъ въ самомъ дѣлѣ не ошибается?

2 сентября.

Какое горе опять, и какъ я зла! Я не ошиблась вчера, замѣтивши, что Егору Александровичу хочется и не удается сказать мнѣ что-то.

Какъ не избѣгаю я оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ, а это нынче случилось.

Онъ тотчасъ же спросилъ, отъ кого я получила письмо. У меня почему-то не достало силы сказать правду, и я отвѣчала:

— Отъ брата.

— Нынче вы ужъ не плачете, сказалъ Егоръ Александровичъ: — видно братъ вашъ исправился, и письмо ужъ не такое холодное.

А слезы уже готовы были Богъ вѣсть отчего хлынуть у меня изъ глазъ. Я собралась, впрочемъ, съ духомъ и отвѣчала сколько могла спокойно:

— Да, нынче письмо его родственнѣе.

— Зачѣмъ вы меня обманываете? спросилъ вдругъ Егоръ Александровичъ.

— Какъ обманываю?

— Вѣдь письмо не отъ брата.

— Отъ кого же?

— Я знаю, отъ кого.

И онъ такъ гадко улыбулся, что сердце у меня перевернулось. Я не могла удержать слезъ.

Тутъ онъ бросился ко мнѣ, схватилъ меня за руку, и началъ говорить:

— Простите меня! я не зналъ, что огорчу васъ. Я хотѣлъ только, чтобы вы не имѣли отъ меня тайнъ... Для вашей же пользы... Вы такъ молоды, вамъ нужно предостереженіе... А между-тѣмъ вы, какъ на чужаго, смотрите на человѣка, который...

Богъ знаетъ, что онъ говорилъ, и все цаловалъ мнѣ руки, какъ я ни отнимала ихъ.

Мнѣ стало такъ грустно и вмѣстѣ такъ противно, что я убѣжала поскорѣе къ себѣ, и до-сихъ-поръ зло кипитъ во мнѣ. Перечту опять дорогое письмоце; отъ него вѣетъ такимъ счастьемъ и такой любовью.

Отчего это каждый разъ, какъ перечитываю, я нахожу въ письмѣ что-нибудь новое, чего какъ-будто не замѣтила? Дорогой мой другъ, когда же мы увидимся, чтобы ужъ не разставаться болѣе? Онъ описываетъ мнѣ, какъ распредѣлень у него день, и я безпрестанно стараюсь вообразить, чѣмъ онъ занятъ тогда-то, гдѣ тогда-то, въ такую-то минуту. Теперь онъ вѣрно дома, и собирается ложиться спать: ужъ очень поздно. Когда получить онъ мое письмо, и когда отвѣтить? Почта ходитъ двѣ недѣли. Я сегодня послала. Нынче второе. Боже мой! Еще цѣлый мѣсяцъ ждать. А я бы хотѣла каждый день получать отъ него вѣсти.

8 октября.

День сегодня хмурый, печальный, съ утра не перестаетъ лить дождикъ, и мнѣ такъ грустно, что я не знаю, куда дѣться? И во всемъ домѣ какая-то тоска и скука. Мама больна и лежитъ. Егоръ Александровичъ ходитъ мрачный, и какъ-будто дуется на меня. Этому, впрочемъ, я рада: по-крайней-мѣрѣ онъ не заговариваетъ со мной, не говоритъ о своемъ

сочувствіи къ моей печали, не требуетъ у меня откровенности и довѣрія и не цалуешь мнѣ рукъ.

Вотъ и мѣсяць прошелъ, а письма все нѣтъ. И вчера, и сегодня могло придти, а не пришло. Всякой разъ, какъ позвонять въ прихожей, я все думаю — не письмо ли?

10 октября.

Письма все нѣтъ, и я не знаю, что думать? Здоровъ ли онъ? Напишу ему сегодня. Я все время въ такомъ волненіи, въ такой тревогѣ, что боюсь заболѣть. Ужъ не предчувствіе ли это чего дурнаго? Я давно не молилась, и давно не плакала. На сердцѣ у меня такъ тяжело. Еслибъ помолиться, да поплакать, стало бы легче, но я немогу почему-то ни плакать, ни молиться. И братъ не пишетъ.

17 октября.

Сегодня получила письмо отъ брата. Оно лучше, добрѣе прежняго; а я на него сердилась. Но мнѣ кажется, все-таки мы не похожи другъ на друга, и намъ трудно было бы сойтись. Въ каждомъ словѣ у него что-то сдержанное, несвободное. Впрочемъ я можетъ-быть и ошибаюсь. Письмо отдалъ мнѣ Егоръ Александровичъ. У меня сердце замерло, когда я брала его: я ждала другаго письма, котораго все нѣтъ и нѣтъ. Отчего это Васино письмо какъ будто подпечатано?

8 декабря.

Цѣлый день нынче не выходить у меня изъ головѣ прошлогоднее лѣто и наша дача въ Павловскѣ. Какое счастливое было это время, и меня беретъ страхъ, что ему не вернуться. На два письма мои нѣтъ отвѣта, и я боюсь писать еще. Можетъ-быть все ужъ кончено между нами. Страшно думать объ этомъ. Но что, если такъ? Въ минуты сомнѣнья и горя я такъ часто думаю о глухомъ монастырѣ, гдѣ прошли мои дѣтскіе дни, и мнѣ кажется тамъ такъ тихо, такъ хорошо для больнаго сердца. Тамъ все бы заснуло — и любовь, и горе, и надежда. Больше всего жаль было мнѣ надежды.

Отчего это я не свободна дѣлать, что хочу? Я сама бы поѣхала къ нему — хоть узнала бы, живъ ли онъ, счастливъ ли. Если онъ счастливъ съ другой, я поселилась бы въ монастырѣ — и забыла бы все, кромѣ молитвы о немъ и о его счастьи.

10 декабря.

Неужто письма пропадают? Я сегодня послала опять. Мнѣ попалась подъ руку газета, и я случайно увидела фамилию: Темниковъ. Онъ все тамъ же и получилъ новое мѣсто, Боже мой! или все точно кончено?

Егоръ Александровичъ подарилъ мнѣ сегодня браслетъ. На что мнѣ его подарки? Всѣ они лежатъ у меня безъ употребленія. Мнѣ иногда даже странно становится, что я такъ не люблю, даже больше чѣмъ не люблю, человѣка, которому обязана всѣмъ, и воспитаніемъ, и средствами къ жизни. Я непремѣнно хочу выдержать экзаменъ въ университетѣ, и пойду въ гувернантки.

5 января 18..

Зачѣмъ я писала къ нему? Это меня мучитъ теперь; а между-тѣмъ мнѣ хотѣлось бы еще написать ему, и пожелать ему много, много счастья. Но если это неправда, что онъ женится? Какъ бы хотѣла я не вѣрить. Но Егоръ Александровичъ говорилъ такъ утвердительно. Я не только писать, и думать, кажется, не могу. Что мнѣ теперь остается?... Голова у меня горитъ, глаза горятъ, а слезъ нѣтъ.

3 февраля.

Почти мѣсяцъ не развертывала я этой тетради, и почти мѣсяцъ не вставала съ постели. Сегодня я въ первый разъ встала, и вышла изъ своей комнаты. Какой нынче яркій день! и какъ странно показались мнѣ всѣ комнаты. Точно я цѣлый годъ ихъ не видала. И въ тоже время мнѣ такъ живо воображалось, что еще недавно, точно будто вчера, мы сидѣли и ходили тутъ вдвоемъ. А гдѣ это вчера?

Катерина отнимаетъ у меня свѣчу и гонитъ въ постель.

8 февраля.

Я сказала, что ѣду въ монастырь. Мама принялась плакать, а Егоръ Александровичъ уговаривать. До весны проживу у нихъ, а весной поѣду. Меня ничто не удержитъ. Катерина тоже расплакалась, когда я ей сказала. Теперь тамъ снѣгъ ровень со стѣнами, и такъ тихо, тихо.

16 февраля.

Странное желаніе у меня, и я не знаю, какъ бы исполнить его. Мнѣ хотѣлось бы побывать въ Павловскѣ, на той

дачѣ, гдѣ я была такъ счастлива. Единственные счастливые дни въ моей жизни! Что пужды, что все занесено снѣгомъ? Я и подъ снѣгомъ угадала бы каждую дорожку, каждую тропинку, гдѣ мы гуляли вмѣстѣ, гдѣ онъ говорилъ мнѣ столько милого! При его словахъ такъ свѣтло, все въ счастіи и въ лучахъ, представлялось мнѣ мое будущее — будущее вмѣстѣ, неразлучно съ нимъ. И давно ли это было? И все вокругъ темно, и впереди темно. Свѣтлый лучъ падаетъ ко мнѣ только изъ прошлаго. Но прошлымъ нельзя жить. Это не жизнь, а изныванье. Хоть бы скорѣе весна! Мнѣ не жалко разставаться съ свѣтомъ. Я не знаю его, да никто и меня не знаетъ въ немъ. А кто зналъ — забылъ, все равно, что и не зналъ. Боже мой! какъ мнѣ грустно! Я желала бы, чтобы вокругъ меня были уже эти мрачныя, глухія стѣны, которыя такъ пугали меня когда-то. И за чѣмъ пришлось мнѣ покидать ихъ? Лучше бы съ дѣтства остаться тамъ, и не знать, что бываетъ свѣтлаго въ жизни. Я знаю, что грѣхъ роптать, но не могу побѣдить своего ропота. Иногда я думаю, что вѣдь была же я счастлива, что другимъ не достается на долю и того, что досталось мнѣ, что надо быть за то благодарной судьбѣ; а я ропщу... Да, я желала бы лучше, чтобы и позади меня лежала такая же печальная тьма, какая глядитъ мнѣ на встрѣчу изъ моего будущаго. Было бы легче. Приходи скорѣе, весна! Опять я буду въ той тѣсной келейкѣ, гдѣ такъ гудѣли окна отъ благовѣста. Въ молитвѣ и въ слезахъ утонетъ мое горе. Старыя поросшія мохомъ могилы будутъ напоминать мнѣ, что все проходитъ на свѣтѣ. На одной могилѣ, помню, была тамъ надпись, въ которой гробъ названъ тихимъ домомъ. Видно недаромъ еще бессмысленнымъ ребенкомъ учила я паизусть эту надпись. Мнѣ хотѣлось бы поскорѣе въ этотъ тихій домъ. — А онъ? вспомнить ли хоть когда нибудь обо мнѣ?

3 марта.

Боже мой! только этого не доставало. И я была такъ слѣпа. Мнѣ надо бы давно бѣжать изъ этого дома. Онъ упалъ передо мной на колѣни, умолялъ меня. Скорѣе отсюда!.. Катерина поможетъ мнѣ, и завтра же меня не будетъ здѣсь.

II.

— Возьми все это, говорила Пашенька Катеринѣ, отдавая ей всё свои золотыя вещицы, браслеты, брошки, кольца, часы: — завтра поутру, потихоньку, заложки, продай, хоть за пол-цѣны; только чтобы никто не видалъ.

Катерина стояла передъ питомницей своей какъ окаменѣлая, и насилу смогла спросить:

— Пашенька! голубушка! да на что тебѣ деньги? Успокойся, матушка! Сколько тебѣ нужно? Вѣдь у меня есть деньги. Возьми у меня.

— Мнѣ надо завтра же уѣхать отсюда, я не могу здѣсь оставаться, говорила Пашенька.

— Да кто тебя обидѣлъ, голубушка?

— Ахъ, не спрашивай, няня! Я тебѣ говорю, что не могу здѣсь оставаться. Дня здѣсь не останусь.

— Пашенька! да скажи ты мнѣ свою бѣду! скажи, что съ тобой случилось? кто обидѣлъ тебя?

— Не могу, няня!

Катерина стала гладить Пашеньку по головѣ и прослезилась.

— Что это, голубушка ты моя? будто я нынче ужъ и не няня тебѣ? заговорила она сквозь слезы: — развѣ не я тебя вынянчила?.. Мнѣ-то ты горя своего сказать не хочешь! И горе-то вѣдь вдвоемъ легче.

— Тяжело мнѣ, няня.

— Скажи — легче будетъ... что такое?

— Егоръ Александрычъ... начала-было Пашенька и остановилась.

— Это онъ сдѣлать посмѣлъ? вскричала Катерина: — да я...

— Тише, няня, тише! остановила ее Пашенька: — вотъ ты какая! хочешь, что бы всё услышали.

— Ахъ, прости меня, голубушка! Забылась я. Это ужъ больно меня изъ себя вывело: что онъ сдѣлать посмѣлъ?

— Ничего, няня; но только я не могу въ этомъ домѣ оставаться.

— Да скажи, что?

— Ахъ, няня!

— Полно, матушка, не таись; что такое? что онъ?

— Преслѣдуетъ меня, няня, все о любви своей говорить.

— Ахъ, онъ, злодѣй! ахъ, безстыдный!

— Тише, няня, опять ты!

— Да я бы глаза ему выцарапала!

— Полно объ этомъ, няня; ты постарайся только, чтобъ деньги у меня были.

— Да вѣдь не одна же ты, Пашенька, поѣдешь вѣдь и я съ тобой.

— Разумѣется, няня.

— Куда-жъ мы поѣдемъ?

— Къ брату.

— Да какъ же однѣ-то, Пашенька?

— А что же намъ сдѣлается? Только я боюсь, денегъ нужно будетъ много.

— У меня полтораста рублей есть. На эти деньги до Сибири доѣхать можно. Да ты бы, голубушка, сказала имъ, они на дорогу-то дали бы тебѣ, и совсѣмъ бы какъ должно снарядили.

— Ахъ, что ты, няня! ни за что! Непремѣнно надо потихоньку. А то они не пустятъ меня; всячески стануть задерживать.

— Да какъ утаиться-то, Пашенька? Вѣдь укладываться надожъ. Поклажи не мало будетъ. Платьевъ однихъ что!

— Ничего съ собой не возьмемъ — только бѣлья немного. Ты свяжешь въ узелокъ, будто къ прачкѣ отнести.

— Что ты, Пашенька! какъ же безъ платьевъ-то? Новья надо же будетъ шить.

— Новыхъ венадо будетъ: отъ брата поѣду въ монастырь. Тамъ ужъ ничего не нужно.

— Огяты ты, Пашенька, за свое! полно ты, моя радостная. Такіе-ли твои года, чтобы въ монастырь идти? Тебѣ только-что жить да веселиться.

— Что мнѣ въ жизни-то, няня!

— Ахъ, не слушала бы тебя... Ну не было счастья, — придетъ.

Я ужъ такъ рѣшилась.

Я не могу отговорить; братецъ, можетъ, отговорить. А все жаль, Пашенька, платица-то.

— Иначе нельзя, няня.

Старуху было трудно убѣдить; но Пашенька переспорила таки ея. Во время этихъ переговоровъ и спора, Катерина не разъ горько всплакнула. И вообще поѣздка Пашеньки казалась ей дѣломъ страннымъ и ненадежнымъ: пора зимняя, и дорога такая дальняя. Только свиданіе съ Васей, котораго Катеринѣ такъ давно хотѣлось повидать, нѣсколько озарило передъ нею темную перспективу. Посреди самыхъ мрачныхъ мыслей о разныхъ дорожныхъ бѣдствіяхъ и неудобствахъ у нея безпрестанно вертѣлись на умѣ вопросы: «каковъ-то онъ сталъ теперъ, голубчикъ? Узнаетъ ли меня, старуху? Помнить ли? Какъ встрѣтитъ? Радъ ли будетъ?» Но только-что припоминала Катерина рѣшеніе Пашеньки поступить въ монастырь, слезы ручьями бѣжали по ея широкому, очень постарѣвшему лицу.

Ни Катерина, ни Пашенька не подозрѣвали затрудненій, какія представились имъ въ ихъ таинственныхъ сборахъ. На слѣдующее утро няня Пашеньки ходила справляться, какъ имъ удобнѣе и лучше ѣхать, и принесла неприятное извѣстіе, что для выѣзда изъ Петербурга нужно Пашеньки имѣть какойнибудь письменный видъ, а у нея его не было. Послѣ слезъ и долгихъ колебаній Пашенька рѣшилась, однако, дѣйствовать прямо и открыто.

Она пошла въ комнату Лидіи Петровны, гдѣ застала и Егора Александровича, и объявила имъ, что хочетъ непременно ѣхать теперъ же къ брату.

— Ты хотѣла остаться до весны, Поля, заговорила Лидія Петровна: — весной было бы гораздо лучше; я поѣхала бы въ деревню и отвезла бы тебя. За что ты насъ нынче такъ разлюбила?

— Неправда, мама, я васъ люблю по прежнему, но братъ такъ убѣдительно зоветъ меня. Я ему нужнѣе, чѣмъ здѣсь.

— А когда писалъ вамъ братъ? спросилъ Егоръ Александровичъ.

— Я вчера получила отъ него письмо, отвѣчала Пашенька.

— Отчего же вы такъ вдругъ понадобились ему?

Пашенька все обдумала заранѣе.

— Ему нужна хозяйка въ домѣ; онъ занятъ службой, и потому самъ не можетъ за всѣмъ присмотрѣть.

— Такъ вы хотите въ экономки къ нему?

— Не смѣйтесь, Егоръ Александровичъ! Это нехорошо. Для меня было бы пріятно быть у брата и эконожкой. Я по крайней мѣрѣ буду тамъ полезна; а здѣсь я ничего не дѣлаю, и мнѣ наконецъ тяжело, что я все на чужихъ рукахъ.

— Поля, зачѣмъ ты обижаешь меня? воскликнула Лидія Петровна, и при этомъ удобномъ случаѣ заплакала: — грѣхъ тебѣ!

— Простите меня, мама, если въ словахъ моихъ было что-нибудь обидное; но я думаю — вы сами желаете мнѣ добра, и потому прошу васъ отпустить меня.

— А я въ этомъ добра для васъ не вижу, сказалъ Егоръ Александровичъ: — и потому считаю обязанностью своей не отпускать васъ.

Онъ не радъ былъ, что сказалъ это. Обращенные къ нему глаза Пашеньки сверкнули такимъ негодованіемъ, что надо было ждать — она выскажетъ все, чего такъ не хотѣлось бы слышать Егору Александровичу въ присутствіи жены.

Пашенька, впрочемъ, сказала только:

— Все равно; если вы не хотите отпускать меня прямо къ брату, я найду себѣ здѣсь мѣсто гувернантки, и съ этого мѣста все-таки уѣду. Я не могу оставаться здѣсь — говорю это рѣшительно.

Лидія Петровна и плакала, и стонала, и жаловалась, и спрашивала Пашеньку; но Пашенька твердила одно, что хочеть ѣхать, что оставаться не можетъ, и больше ничего не объясняла.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого разговора, Пашенькѣ предстояло объясненіе наединѣ съ Егоромъ Александровичемъ. Дѣвушка, не смотря на враждебное къ нему чувство, спльно кипѣвшее въ ней, была рада этому объясненію. Вся пылая гнѣвомъ, она высказала ему всю глупость своего презрѣнія.

— Миѣ больно, заключила она:—что я должна говорить такія горькія слова человѣку, которому такъ много обязана; но какъ быть? Вы сами вызвали меня на это.

Егоръ Александровичъ чувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ. Довольно несвязно началъ онъ извинять себя, говоря, что чувство его невольное, что сердцу нельзя запретить любить; но видя, что глаза Пашеньки опять горятъ негодованіемъ и что она, вѣроятно, снова осыплетъ его справедливыми и меткими упреками, Егоръ Александровичъ поспѣшилъ перемѣнить тонъ, и сказать, что онъ не только не станеть удерживать Пашеньку, но постарается облегчить для нея сборы и самую поѣздку.

Отъ денегъ, предложенныхъ Егоромъ Александровичемъ Пашенька отказалась, и черезъ три дня ея не было уже въ домѣ.

III.

Дорога была не безъ хлопотъ и неудобствъ, потому-что Пашенька поѣхала только вдвоемъ съ Катериной и никакъ не согласилась взять человѣка отъ Дубровскихъ, какъ ни убѣждали ее къ тому и Лидія Петровна, и Егоръ Александровичъ. Съ разными остановками, путешественницы наши доѣхали однакожъ до города Н. ровно черезъ двѣ недѣли послѣ выѣзда своего изъ Петербурга. Пашенькѣ очень хотѣлось извѣстить брата о скоромъ свиданіи съ нимъ; но все дѣло рѣшилось съ такою быстротой, что письма отправить было уже некогда: оно прибыло бы къ Василю Петровичу вѣроятно въ одно время съ Пашенькой.

Шавровъ, разумѣется, и неподозрѣвалъ, что ему придется такъ неожиданно познакомиться съ сестрой. Онъ былъ очень удивленъ, когда по утру, въ то время, какъ онъ собирался въ должность, передъ крыльцомъ квартиры его оставилась дорожная повозка, изъ которой вышли двѣ женщины, спрашивавшія Шаврова. Онъ на скоро надѣлъ вицмундиръ, и выбѣжалъ въ сѣни.

Пашенька шла уже къ нему на встрѣчу.

— Вася! ты?

— Пашенька!

Пока Пашенька снимала съ себя дорожное теплое платье, Катерина обнимала, обливаясь слезами, своего бывшего питомца, и спрашивала дрожащимъ голосомъ, помнитъ ли онъ ее.

— Какъ это ты надумала ко мнѣ, Пашенька? говорилъ Василій Петровичъ.

— Все расскажу послѣ, отвѣчала Пашенька:— а' теперь скажи мнѣ только, не стѣсно ли я тебя, если пробуду у тебя нѣсколько дней.

— Нисколько, нисколько, хоть у меня, какъ ты видишь, тѣсненько-таки.

Василій Петровичъ говорилъ, впрочемъ, не правду. Первою мыслью его, какъ увидалъ онъ сестру, было, что вотъ неожиданно-негаданно ему навязывается на шею новая обуза, и онъ, разумѣтся, не былъ доволенъ. Пашенька утѣшила его не много только тѣмъ, что сказала ему, что она на нѣсколько дней пріѣхала.

— Ужъ я сегодня и въ должность не пойду, сказалъ онъ сестрѣ:— надо наговориться съ тобой. Вѣдь легко сказать, сколько мы не видались! Случись встрѣтиться на улицѣ, я думаю, разошлись бы въ разныя стороны, какъ чужіе.

— Вѣдь ужъ какъ измѣнился! заговорила Катерина:— изъ малаго ребенка совсѣмъ сталъ большой человекъ; а, кажись, гдѣ бы ни встрѣтилась съ тобой — все бы узнала: больно ужъ на покойницу Анну Васильевну съ лица-то похожъ.

Послѣ первыхъ непослѣдовательныхъ распросовъ и замѣчаній, Василій Петровичъ захотѣлъ узнать подробнѣе обстоятельства сестры.

— Расскажи мнѣ, Пашенька, все по порядку, говорилъ онъ:— вѣдь по письмамъ ни объ чемъ нельзя было и судить.

— Я такъ рада, что вижу тебя, Вася, отвѣчала сестра:— что у меня совсѣмъ путаница какаля-то въ головѣ. Я, кажется, ничего и связать не могу. Ты спрашивай меня, что тебѣ хочется знать, и я стану тебѣ отвѣчать. А то самая я, право, не знаю, что и говорить; только бы смотрѣла на тебя, да вспоминала старину. Вѣдь и ты радъ мнѣ, Вася? да!

— Еще бы, Паша! конечно!

— Ну, что же тебѣ рассказать? Спрашивай!

— Во-первыхъ, скажи мнѣ, ты вѣдь не совсѣмъ оставила Дубровскихъ? опять къ нимъ воротиться?

— Ахъ, нѣтъ, мой другъ, мы навсегда простились; я ужъ къ нимъ не поѣду.

— Отчего же? спросилъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ Василій Петровичъ:— развѣ ты недовольна ими?

— Мнѣ тяжело и говорить про эти отношенія, но отъ тебя нечего скрывать.

И Пашенька рассказала брату о преслѣдованіяхъ Егора Александровича.

— Ахъ, подлець! вскричалъ Шавровъ, выслушавъ рассказъ сестры.— И это было поводомъ, что ты уѣхала?

— Да.

— Но, надѣюсь, онъ хоть обезпечилъ тебя? хоть этимъ вознаградилъ свою обиду?

Пашенька не совсѣмъ поняла брата.

— Что ты хочешь сказать, Вася? спросила она.

— Вѣдь онъ не съ пустыми же руками тебя отпустилъ! отвѣчалъ братъ:— далъ тебѣ денегъ?

— А все-таки не понимаю тебя, братъ, возразила Пашенька:— о какомъ обезпеченіи ты говоришь, о какихъ деньгахъ? Развѣ мало того, что они воспитали, образовали меня? Мнѣ особенно горько, что съ людьми, которымъ я такъ много обязана, мнѣ пришлось разстаться почти враждебно.

— Да ужъ за одно-то, что онъ обидѣлъ тебя, возразилъ Василій Петровичъ:— онъ долженъ былъ тебѣ дать хоть небольшія средства къ жизни. Вѣдь жить тебѣ надо же чѣмъ-нибудь. Не случись этой исторіи, вѣдь ты осталась бы по прежнему въ ихъ домѣ.

Щеки у Пашеньки вспыхнули.

— Развѣ подобныя обиды оплачиваются? сказала она:— можетъ быть онъ думалъ тоже, что ты, когда предложилъ мнѣ денегъ передъ отъѣздомъ; но....

— А онъ предложилъ-таки?

— Да; но я не взяла.

— Какъ не взяла?

— Мнѣ казалось, что я поступлю противъ совѣсти, если возьму.

— Ну, этого я не понимаю, сказалъ Василій Петровичъ: — чѣмъ же ты жить станешь?

— У меня есть руки, есть голова.

— Что-жь ты станешь дѣлать?

— Я и прежде думала поступить въ гувернантки куда-нибудь; если останусь въ свѣтѣ, поступлю; но мнѣ хочется въ монастырь.

— Что ты, Паша? Въ твои-то лѣта?

— Мнѣ не для чего жить.

— Это откуда у тебя такое отчаяніе? За мужъ выйдешь — я тебѣ и жениха найду.

— Напрасно, мой другъ, я ни за кого не выйду.

— Да почему-жь?

Пашенька опустила глаза. Ей было какъ-то страшно говорить о своей любви къ Темникову. Братъ, какъ ей казалось, не пойметъ ея чувства: она уже начинала сомнѣваться въ возможности дружбы и довѣрія между имъ и ею.

Побѣдивъ, однакожь, свои колебанія, Пашенька отвѣчала:

— Я писала тебѣ, Вася—помнишь?—о студентѣ, который училъ меня.

— Да, помню; что-жь! ты въ него влюблена?

У Пашеньки какъ-то болѣзненно сжалось сердце отъ этого рѣзкаго вопроса.

— Вѣдь онъ — ты, кажется, писала — въ провинціи гдѣ-то теперь?

— Да.

— И вы переписываетесь?

— Нѣтъ, сначала переписывались, но потомъ онъ пересталъ писать — и я слышала, онъ женился.

— Надулъ, значитъ?

Пашенька готова уже была плакать: каждымъ словомъ братъ ее кололъ въ самое сердце.

— Такъ объ чемъ же тутъ печалиться? продолжалъ онъ:—вѣдь свѣтъ не клиномъ сошелся. Найдутся и еще женихи. Изъ за этого въ монастырь еще не стоитъ идти.

Дѣло это для тебя не давнее — поэтому ты такъ горячо и принимаешь его къ сердцу. Но вѣдь не цѣлый же вѣкъ будешь помнить — забудешь.

Пашенька заплакала.

— О чемъ ты, сестра? Ну, полно! я объ этомъ и говорить больше не стану, началъ успокоивать ее братъ.

— Да, не будемъ лучше говорить объ этомъ, сказала Пашенька сквозь слезы.

— Хорошо; только не плачь, ради Бога! прости меня, если я сказалъ что-нибудь неосторожно. Столько лѣтъ не видались: не ссориться-же намъ въ первое свиданіе!

— Не сердись на меня, Вася, что я заплакала отъ твоихъ словъ, просила съ своей стороны и Пашенька. — Мы не будемъ больше говорить объ этомъ предметѣ. Расскажи мнѣ лучше что-нибудь о себѣ. Какъ дѣла твои? что твоя служба?

— Служба идетъ ладно, и я надѣюсь скоро попасть въ столоначальники.

— А теперь какая у тебя должность?

— Теперь я еще помощникъ столоначальника.

— Ну, а что Войлоковы?

— Ахъ, да, я вѣдь тебѣ про нихъ ничего и не говорилъ. У нихъ очень-плохи дѣла.

— А что?

— Платона Николаевича исключили изъ службы; сначала онъ еще держался кое-какъ — было накоплено; но потомъ принялся кутить, и весь промотался. Пьетъ горькую теперь. У него и всегда къ этому наклонность была; но какъ постигло его это несчастіе, что онъ мѣсто потерялъ, совсѣмъ предался вину. Жалкій человѣкъ.

— Ахъ, какъ грустно это слышать! какъ жаль!

— А я такъ вовсе его не жалѣю. Такая скотина! Ты и не знаешь, что за житье мнѣ было у нихъ. Скупость нестерпимая, брань и крикъ съ утра до вечера.

— Что мать-то?

— Она лежитъ безъ рукъ, безъ ногъ — давно ужъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Платона Николаевича выгнали. И

языкъ тоже отнялся; говорить только одно слово: «нѣтъ». Если ты хочешь, съѣдимъ къ нимъ. Старуха обрадуется.

- А ты бываешь у нихъ?
- Хожу, да рѣдко — тоска.
- Я-бы желала ихъ видѣть.
- Поѣдемъ завтра.
- Хорошо.

Относительно рѣшенія сестры ѣхать въ монастырь, Василій Петровичъ замѣтилъ, что объ этомъ надо еще подумать, и сталъ просить ее, чтобы она погостила у него съ мѣсяцъ. Пашенька согласилась, и поэтому хозяйка дома, мѣщанка Конопотова, должна была очистить для помѣщенія Пашеньки комнату, примыкавшую къ квартирѣ Шаврова. Такъ-какъ жилецъ, занимавшій эту комнату, давно уже не платилъ хозяйкѣ, то дѣло мигомъ устроилось.

Катерина, при первомъ случаѣ, какъ могла переговорить съ питомцемъ своимъ наединѣ, кинулась ему въ ноги, и стала молить его, чтобы онъ отговорилъ ея ненаглядную Пашеньку идти въ монастырь.

— Мнѣ и самому не хотѣлось-бы этого, няня, говорилъ Василій Петровичъ, хотя думалъ совершенно-противное.

Ему казалось очень-удобнымъ, что Пашенька поселится въ монастырѣ, стало-быть не будетъ требовать отъ него никакой помощи, тогда-какъ, оставаясь въ свѣтѣ, она, вѣроятно, долго еще будетъ у него на рукахъ.

— Такъ ужъ ты уговори ея, родной! просила Катерина.

— Уговорю, няня, уговорю, успокоивалъ старуху Василій Петровичъ.

IV.

На другой день Василій Петровичъ повезъ сестру къ Войлоковымъ. Пашенька, разумѣется, не помнила вовсе ни Агаѣи Максимовны, ни Платона Николаевича. Посѣщеніе это произвело самое невеселое впечатлѣніе на дѣвушку.

Войлоковы жили все въ той-же московской улицѣ, все въ домѣ той-же коллежской секретарши Бакалѣевой. Хозяйка Платона Николаевича успѣла уже выдать за-мужъ двухъ

старшихъ дочекъ своихъ, тѣхъ, которыя нѣкогда, забавы ради, щекотали юнаго воспитанника постояльцевъ. Подросла и третья дочка у Бакалѣевой, бывшая тогда еще безсмысленнымъ ребенкомъ. Теперь она была ужъ почти невѣста и такая хорошенькая, что всѣ любители изящнаго засматривались на нее, когда она шла, принарядившись, къ обѣдни въ воскресенье, или на гулянье, или когда сидѣла подъ окошкомъ въ своемъ флигелѣ, между кустомъ бальзамина и кустомъ ерани. Никто не обращалъ вниманія на эти цвѣты, и всякой любовался только на свѣжій «розанчикъ», который выглядывалъ изъ-за нихъ.

Отношенія самой коллежской секретарши Бакалѣевой къ ея постояльцамъ нѣсколько измѣнились. Какъ прежде считала она Платона Николаевича самымъ надежнымъ человѣкомъ и самымъ вѣрнымъ плательщикомъ и роптала иногда только на его строптивую маменьку, такъ теперь находила она, что Агаѣя Максимовна — женщина пресмирная (благо, Богомъ убита!), но что Платонъ Николаевичъ совсѣмъ сталъ какъ-то свихиваться и положиться на него теперь нельзя. Прежде, бывало, присылалъ деньги за квартиру задолго до срока, а теперь и послѣ срока не допросишься, чтобы заплатилъ.

Если-бы Пашенька помнила то время, когда бывала она у почтенныхъ родственниковъ, въ дѣтствѣ своемъ, съ покойной теткой Анной Васильевной, и когда Агаѣя Максимовна угощала дѣвочку и брата ея червивыми яблоками и пыльными, сухими финиками, — если-бы Пашенька помнила эту давнюю пору, она замѣтила-бы большую перемѣну въ домѣ. Года прошли надъ нимъ не даромъ, и на все наложили свою печать; къ суровости времени прибавилась и небрежность хозяевъ. Закоптѣвшіе потолоки ни разу не подбѣливались съ того самаго времени, какъ поселился въ домѣ Платонъ Николаевичъ; стѣны тоже потемнѣли или полиняли; обои мѣстами отстали — или подымались бугромъ, или, завернувшись, обнаруживали газетную бумагу, подклеенную подъ ними. Особенный видъ новизны и опрятства былъ прежде у гостиной, гдѣ мебель покрывалась всегда бѣлыми чехлами. Съ того достопамятнаго дня, какъ у Агаѣи Максимовны отнялась нога и ей нельзя уже было двинуться съ

мѣста изъ своей спальни, чехлы не снимались и не мылись, а въ послѣднее время никто не заботился даже и пыль съ нихъ стирать. И пыль лежала на нихъ толстыми слоями, и когда кто скоро проходилъ по комнатѣ, его щекотило въ носу, и съ непривычки чихалось. Только у Платона Николаевича носъ притерпѣлся. На всемъ въ домѣ лежала, кромѣ слоя пыли, печать какой-то ветхости, дряхлости; все клонилось незамѣтнымъ образомъ къ упадку. Про органъ, такъ услаждавшій нѣкогда слухъ и сердце маменьки и сына, нечего и говорить: онъ издавалъ теперь только какой-то предсмертный храпъ и шипѣнье, да изрѣдка взвизгивалъ, такъ что самъ даже Платонъ Николаевичъ не могъ различить «Бхалъ казакъ за Дунай» отъ своей любимой польки-мазурки. Комната Агаѣи Максимовны, по-прежнему, напичканная всякою всячиной, не представляла уже болѣе того уюта, какъ встарь. Никто не прибиралъ ея какъ слѣдуетъ; приказанія Агаѣи Максимовны, ограниченныя неопредѣленнымъ словечкомъ «нѣтъ», не исполнялись, и беспорядокъ въ комнатѣ возрасталъ не по днямъ, а по часамъ. Казалось, скоро негдѣ будетъ ни стать, ни сѣсть. И большое нужно было самоотверженіе, чтобы стоять тутъ, или сидѣть. Воздухъ былъ такого свойства, что продышать имъ полчаса — хотъ у кого разболѣлась-бы голова. Василиса, всё еще процвѣтавшая въ домѣ и все болѣе и болѣе толстѣвшая и оплывавшая, не отличалась, какъ извѣстно, особеннымъ самоотверженіемъ и преданностью интересамъ Агаѣи Максимовны и Платона Николаевича, и сидѣла у постели старухи только по нѣскольку минутъ съ часовыми и двухчасовыми антрактами, хотя приказаніемъ Платона Николаевича и было поставлено ей въ обязанность — не отходить ни на шагъ отъ постели больной. Но такъ-какъ Платонъ Николаевичъ самъ рѣдко сидѣлъ дома, то и не трудно было не исполнять его приказаній. Старуха и рада-бы пожаловалась, да не можетъ. Даже и то прошло Василисѣ безнаказанно, что она, кормя старуху, вышибла ей ложкой (впрочемъ, безъ намѣренія) единственный ея зубъ, давно уже переставшій служить термометромъ кипучаго сердца Агаѣи Максимовны. Старуха пыталась, правда, передать своему Платошѣ постигшую ее

непріятность; но изъ «нѣтъ, нѣтъ», Платонъ Николаевичъ ничего не понималъ, и наконецъ только, какъ озаренный, воскликнулъ: «А! зубъ у васъ, маменька, выпалъ!» Маменька, разумѣется, отвѣчала: «нѣтъ!» и на этотъ разъ совершенно-справедливо, потому-что зубъ у нея не выпалъ, а она проглотила его по милости Василисы. Василиса улыбалась, и улыбкой своей только увеличивала-безсильное и бесполезное раздраженіе Агаеи Максимовны. — Постарѣлъ и измѣнился и Платонъ Николаевичъ, — и какъ измѣнился! На мѣстѣ горделиваго локона, завившагося съ праваго виска на подобіе сосиски, теперь изъ-подъ рѣдкихъ волосъ предательски сквозила лысина; опухшее лицо его, на которомъ проступилъ какой-то сизый румянецъ, давно уже не вызывало ни въ комъ прежняго чувства, того чувства, которое заставляло нѣкогда барынь и барышень средней руки именовать Платона Николаевича «красавцемъ-мужиной». Вообще весь онъ какъ-то опустился и былъ очень подстать пыльной мебели въ своей гостиной и охрипшему органу. Къ тому-же, мало-по-малу Платонъ Николаевичъ совершенно утратилъ склонность къ щегольству, такъ выгодно отличавшую его когда-то. Куда дѣлись и бѣлоснѣжные воротнички и манишки, и тщательно вычищенные сюртукъ и сапоги? Духовъ и въ поминѣ уже не было; отъ Платона Николаевича пахло теперь не «букетомъ императрицы», не эссенціею изъ тысячи цвѣтовъ», а большею частью водкой.

Шавровы пріѣхали подь-вечеръ. Между прочимъ Василій Петровичъ рассчитывалъ, что, отдохнувъ послѣ обѣда, Платонъ Николаевичъ бываетъ обыкновенно свѣжѣе, чѣмъ въ остальное время дня, кромѣ развѣ ранняго утра, и слѣдовательно произведетъ на Пашеньку менѣе-непріятное впечатлѣніе. Онъ и не ошибся. Правда, Платонъ Николаевичъ успѣлъ уже выпить послѣ сна бутылку пива, но его еще не разобрало съ нея.

Онъ уже совсѣмъ одѣлся, чтобы идти со двора, когда вошелъ Василій Петровичъ и представилъ ему сестру.

— Пашенька.... Прасковья Петровна, воскликнулъ Платонъ Николаевичъ: — какъ вы выросли, какъ похорошѣли!

Позвольте поцѣловать вашу ручку. Вѣдь мы старые знакомые — когда-то на рукахъ васъ носилъ.

Пашенька, не безъ нѣкотораго отвращенія, прикоснулась губами къ колючей щекѣ Платона Николаевича, когда онъ цѣловалъ ея руку.

— Вы хорошѣете и расцвѣтаете, а мы ужъ въ землю растемъ, продолжалъ Платонъ Николаевичъ: — я-то еще ничего, а вотъ маменька совсѣмъ ужъ плоха. Конечно, васъ не узнаетъ, если не сказать. А какъ скажемъ — вотъ увидите, какъ обрадуется.

— Пойдемте къ ней, перебилъ его Василій Петровичъ.

Пашенька чувствовала какую-то неловкость и рѣшительно не находила словъ, чтобы поддержать разговоръ съ Платономъ Николаевичемъ.

Отворивъ дверь въ душную спальню, Платонъ Николаевичъ крикнулъ шутливымъ тономъ:

— Старуха! спишь?

● — Нѣтъ, нѣтъ, раздалось въ отвѣтъ съ постели.

— Знаешь-ли, кто къ намъ пріѣхалъ? а! Посмотри-ка! Пашенька подошла къ постели старухи, и сказала:

— Здравствуйте, тетенька.

При довольно-скудномъ свѣтѣ салнаго огарка, еле теплившагося въ углу на столѣ, старуха съ любопытствомъ и удивленіемъ всматривалась въ дѣвушку, и все тихо повторяла: «нѣтъ, нѣтъ!»

— Не узнали, маменька? началъ опять Платонъ Николаевичъ. — Да вѣдь это Пашенька — Прасковья Петровна.

— Нѣтъ! нѣтъ! воскликнула радостнымъ голосомъ Агафья Максимовна.

— Чего нѣтъ! возразилъ Платонъ Николаевичъ: — да. Ужъ я-жъ вамъ говорю, что это Пашенька. Изъ Петербурга вчера пріѣхала.

— Нѣтъ! нѣтъ! тѣмъ же радостнымъ тономъ повторила Агафья Максимовна.

И опять таки Платонъ Николаевичъ возразилъ ей:

Да, а не нѣтъ, вамъ говорятъ. Изъ Петербурга пріѣхала, хотѣла съ вами повидаться. А вы, нѣтъ да нѣтъ?

— Нѣтъ! нѣтъ! плаксиво воскликнула Агафья Максимовна.

— Ахъ, ты, Боже мой! затвердила свое «нѣтъ». Да, вамъ говорятъ, да.

— Нѣтъ! нѣтъ! вопила Агаѣя Максимовна, ужъ всхлипывая.

Слезы катились у нея по худымъ и блѣднымъ щекамъ.

— Платонъ Николаевичъ! сказала Пашенька: — какъ вамъ не грѣхъ? Вѣдь тетенька ничего больше не можетъ сказать; зачѣмъ же вы ее раздражаете?

— Хе, хе! засмѣялся Платонъ Николаевичъ, котораго начинало ужъ, по видимому, разбирать пиво: — я, знаете, все думаю, Прасковья Петровна, какъ этакъ примешься съ ней спорить, она разсердится, да и брякнетъ вдругъ, вмѣсто своего «нѣтъ» — «да!» Право.

— Нѣтъ! нѣтъ! всхлипывала между тѣмъ Агаѣя Максимовна.

— Какъ вамъ не стыдно! сказала Платону Николаевичу Пашенька.

Ей было такъ тяжело видѣть эту сцену, что она поспѣшила сократить визитъ, и шепнула брату.

— Поѣдемъ, Вася.

— Поѣдемъ, согласился Василій Петровичъ: — здѣсь просто дышать невозможно.

— Что же вы не посидѣли, Прасковья Петровна? говорилъ, провожая ее въ прихожую Платонъ Николаевичъ: — а вѣдь старуха моя какъ вамъ обрадовалась! я того и ждалъ, что она скажетъ: «да», вмѣсто «нѣтъ».

Пашенька торопливо покрывала себѣ голову теплымъ платкомъ и надѣвала салопъ: ей хотѣлось на воздухъ — подъ кровлей Платона Николаевича такъ стѣснялось дыханіе.

— Какъ можетъ упасть человѣкъ! сказала она брату, садясь въ сани: — у него, кажется, ужъ никакого чувства не осталось. Такъ мучить бѣдную старушку! Вѣдь она мать его.

— Онъ совсѣмъ человѣкъ потерянный! Замѣтилъ Василій Петровичъ.

— А вѣдь, мнѣ помнится, покойная тетенька Анна Васильевна говорила, что онъ и умень, и....

— А я тебѣ скажу, перебилъ ее братъ: — что онъ всегда

былъ глупъ. Вороваль на службѣ, правда; да вѣдь на это большаго ума ненужно: тутъ ужъ все заранѣе устроено — только не зѣвай.

— Все-таки мнѣ жаль его, сказала Пашенька.

— Жалѣй не жалѣй — не можешь, заключилъ Василій Петровичъ: — онъ совсѣмъ человѣкъ потерянный.

При этомъ Шавровъ, разумѣется, умолчалъ, что одного изъ главныхъ причинъ настоящаго бѣдственнаго положенія благодѣтельнаго родственника былъ онъ, Василій Петровичъ, и именно вотъ какъ.

Платонъ Николаевичъ, какъ извѣстно, отличавшійся вообще большою слабостію къ женскому полу, особенно плѣнился въ послѣднее время службы своей, время неудачъ и непріятностей, вдовою Евграфа. Маша, какъ мы говорили уже, пренебрегала исканіями Платона Николаевича — и пренебрегала бы можетъ быть долго, еслибъ Василій Петровичъ не взялъ на этотъ разъ стороны своего благодѣтеля. Дѣло это сдѣлалось не совсѣмъ безкорыстно. Шавровъ какъ-то сильно проигрался въ карты, и обратился къ Машѣ, чтобы она достала ему денегъ. Маша, конечно, была не мало удивлена такимъ требованіемъ, и не знала, какъ его удовлетворить; но Василій Петровичъ сказалъ, что все уладить, только бы она ему не перечила. Нечего много рассказывать, какъ онъ это уладилъ. Платонъ Николаевичъ по-прежнему чувствовалъ нѣжное влеченіе къ Машѣ, и готовъ былъ очень дорого купить ея расположеніе. Какъ во всѣхъ своихъ похожденіяхъ (за единственнымъ исключеніемъ исторіи съ Васей), и тутъ Маша поддалась не вдругъ, и Платону Николаевичу пришлось усадить не мало денегъ, прежде чѣмъ онъ могъ назвать себя счастливымъ. Но едва ли не больше сталъ онъ тратиться послѣ своего счастья. Маша, при посредствѣ своего пріятеля, пріучила Платона Николаевича еще болѣе къ вину, отъ котораго онъ и всегда былъ не прочь. Что ни день, новая прихоть Маши извлекала деньги изъ бумажника Войлокова и что ни день, больше и больше привязывался Платонъ Николаевичъ къ хорошенькой вдовѣ. Онъ уже ничего не жалѣлъ для нея, принялся просто сорить деньгами; благоразуміе усыпилось въ немъ ви-

номъ. Владѣй еще языкомъ Агаея Максимовна, можетъ-быть ея протестъ хоть сколько-нибудь удерживалъ сына въ границахъ; но съ ея единственнымъ «нѣтъ», нельзя было ничего сдѣлать.

V.

Въ первое воскресенье Пашенька пошла съ братомъ въ соборъ, къ обѣдни. Отъѣздъ ея изъ Петербурга произошелъ безъ всякой таинственности, и потому ненужно было бросать платевъ, о которыхъ такъ жалѣла Катерина. Изящный петербургскій костюмъ Пашеньки, разумѣется, обратилъ на нее вниманіе многихъ барынь въ церкви.

Когда Василій Петровичъ явился въ понедѣльникъ къ должности, одинъ изъ совѣтниковъ, Михаилъ Мироновичъ Флоринскій, среднихъ лѣтъ холостякъ, подозвалъ его къ себѣ и спросилъ, съ кѣмъ онъ былъ вчера въ соборѣ.

— Это сестра моя, Михаилъ Мироновичъ, отвѣчалъ Шавровъ.

— Давно пріѣхала?

— На дняхъ-съ.

— Я слышалъ, она воспитывалась въ Петербургѣ. Говорить по французски?

— Какже.

— И на фортепьянахъ играетъ?

— Да-съ, она хорошая музыкантша.

Это пріятно слышать. Я надѣюсь, вы не будете держать ее въ четырехъ стѣнахъ. Такая прекрасная, образованная дѣвушка была бы пріобрѣтеніемъ для общества.

— Покорно васъ благодарю за такое доброе мнѣніе о моей сестрѣ, Михайло Мироновичъ; она, впрочемъ, не хочетъ почему-то заводить здѣсь знакомствъ.

— Напрасно, напрасно; я увѣренъ, она, при ея образованіи, была бы вездѣ принята съ удовольствіемъ. — Есть у васъ фортепьяны?

— Нѣтъ-съ, Михайла Мироничъ.

— Вотъ хоть бы и для одного этого.... Этакъ она и музыку забудетъ. Въ обществѣ, знаете, все и поиграла бы.

Для музыки необходима практика. Да и для французскаго языка — тоже. Вѣдь вы по французски не говорите?

— Нѣтъ-съ.

— Вотъ видите! Значить, дома ей не будетъ никакой практики.

— Можетъ быть, Михайла Миронычъ, она и перемѣнитъ намѣреніе свое сидѣть дома.

— Да, да, и вамъ надо стараться, чтобы перемѣнила. Я не говорю — знакомиться со всѣмъ городомъ. Это и тяжело, и.... Но покрайней мѣрѣ съ нѣкоторыми — съ избранными.... Это необходимо. — Вотъ хоть бы матушка моя.... Она будетъ очень рада видѣть у себя вашу сестрицу. И рояль у насъ есть. Ну, а тамъ еще два-три дома — вотъ и довольно. Она могла бы и выѣзжать съ матушкой. А то кстати ли молодой дѣвушкѣ сидѣть запершись въ четырехъ стѣнахъ? Когда же и повеселиться, какъ не теперь?

— Я передамъ сестрѣ ваше желаніе, Михайла Миронычъ, и вѣроятно она на дняхъ будетъ у вашей матушки.

— И вы тоже заѣзжайте!

— Покорно васъ благодарю.

Флоринскій ласково кивнулъ Шаврову головой, и ушелъ въ присутствіе.

— Что онъ съ тобой говорилъ? спрашивали Василья Петровича товарищи.

— Такъ, ничего; въ гости къ себѣ звалъ.

— Въ гости?!

— Да.

— Э! да ты, братъ, нынче въ гору лѣзешь! Совѣтникъ его въ гости къ себѣ зоветъ!

— Удивительно важное кушанье!

— Да вѣдь вотъ насъ не зоветъ же.

— Вы совсѣмъ другое дѣло.

Вопросами своими Михайлъ Мироновичъ обличалъ нѣкоторое сходство съ Платономъ Николаевичемъ — разумѣется, не съ нынѣшнимъ Платономъ Николаевичемъ, который возбуждалъ только жалость или отвращеніе, а съ прежнимъ Платономъ Николаевичемъ, съ тѣмъ, который еще гордо носилъ свой локонь, закрученный съ праваго виска, и меч-

талъ о приличной партіи. Прежній Платонъ Николаевичъ не могъ бы конечно распрашивать объ Ольгѣ Владиміровнѣ иначе, чѣмъ распрашивалъ теперъ Михаилъ Мироновичъ о Пашенькѣ.

Только впрочемъ желаніемъ жениться на образованной дѣвушкѣ, говорящей по французски и играющей на фортепьянахъ, и ограничивалось сходство, да развѣ тѣмъ еще, что и у Михайлы Мироновича была маменька, которая жила съ нимъ.

Между маменькой и имъ существовали однакожъ совѣмъ инныя отношенія, чѣмъ между Платономъ Николаевичемъ и его почтенной родительницей. Въ домѣ Флоринскаго господствовалъ полный миръ; взгляды маменьки и сына были во всемъ согласны. Если же этотъ миръ и смущался иногда, очень впрочемъ рѣдко, легкимъ, мимолетнымъ облачкомъ, то ни одинъ посторонній глазъ не могъ этого замѣтить.

Наружность Михаила Мироновича была изъ числа очень обыкновенныхъ, если выключить огромную лысину, начинающуюся прямо со лба. Флоринскій и не думалъ прикрывать ее парикомъ; напротивъ, онъ даже какъ-будто гордился недостаткомъ волосъ, вѣроятно какъ свидѣтельствомъ неусыпныхъ трудовъ по службѣ. При томъ лысина въ ранніе года, какъ извѣстно, считается полезною для служебной карьеры: никто не скажетъ, что человѣкъ, обладающій такимъ украшеніемъ, слишкомъ молодъ, если бы ему случилось хлопотать о полученіи почтеннаго и виднаго мѣста.

Всѣ въ городѣ считали Михаила Мироновича очень выгоднымъ и приличнымъ женихомъ. Не говоря уже о быстромъ ходѣ его по службѣ, какъ было не обратить особеннаго вниманія на его чрезвычайно порядочныя манеры, вѣроятно плодъ тонкаго воспитанія и свѣтской столичной жизни.

Маменька его считалась тоже очень умной и образованной дамой, и занимала одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ губернскомъ обществѣ.

Такое положеніе Флоринскіе заняли въ городѣ сразу, какъ только переселились сюда изъ Петербурга, гдѣ Миха-

илъ Мироновичъ началъ свое поприще въ одномъ изъ департаментовъ.

Шавровъ въ тотъ же день сообщилъ сестрѣ о вниманіи къ нему совѣтника и о его приглашеніи.

— Мы къ нему отправимся въ будущее воскресенье, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ? спросила Пашенька.

— Какъ зачѣмъ? Не все же тебѣ дома сидѣть!

— Я ужъ говорила тебѣ, братъ, что мнѣ гораздо пріятнѣе быть одной, или съ тобой. Что я буду дѣлать въ гостяхъ?

— Тоже, что другіе дѣлаютъ. Мнѣ, право, странно смотрѣть на тебя: ты точно старуха какая-то. Вѣдь этакъ жить въ свѣтѣ нельзя, запершись отъ всѣхъ на замокъ.

— Да я и не желаю жить въ свѣтѣ, я говорила тебѣ объ этомъ.

— Ну, опять ты за свою пѣсню! Неужто такъ поправилось тебѣ съ тетушкой покойницей въ монастырѣ?

— Да, я бы желала опять туда.

— Не понимаю! Но положимъ, что и такъ; все же неловко, я думаю, отвѣчать людямъ на ихъ ласку грубостью. Тебѣ оказываютъ вниманіе, приглашаютъ тебя, а ты отворачиваешься. Да что ты, спрашивается, за важная птица?

— Я вовсе не горда, и только не хотѣла бы заводить лишнихъ знакомствъ. Поѣзжай одинъ, Вася, а я останусь дома!

— Покорно васъ благодарю, сказалъ Василій Петровичъ, и въ голосѣ его слышалась сильная досада.

— Ты сердилъ, Вася? спросила его сестра.

— И не думаю, отвѣчалъ онъ тѣмъ же тономъ, и сталъ ходить по комнатѣ.

Пашенькѣ хотѣлось заплакать.

— Развѣ это такъ нужно? спросила она наконецъ послѣ напряженнаго молчанія.

— Нѣтъ, ненужно, отвѣчалъ Василій Петровичъ все съ такою же досадою въ голосѣ. — Что за дѣло, что на брата будутъ коситься, будутъ даже, пожалуй, всячески притѣснять его! Было бы намъ спокойно.

Пашенька кинулась къ брату.

— Вася, прости меня! заговорила она умоляющимъ тономъ: — я не знала, что это можетъ повредить тебѣ; я думала, это такіе пустяки.... Прости меня. Я поѣду, куда ты хочешь и къ кому ты хочешь, только бы ты мнѣ сказалъ, что это тебѣ нужно. Ну, погляди же на меня не такъ сердито! Въ воскресенье мы поѣдемъ съ тобой.

Въ знакъ примиренія, Василій Петровичъ обнялъ сестру и поцѣловалъ ее въ щеку.

— Ты этого и не знаешь, началъ онъ спокойнѣе: — что отъ одного его слова можетъ-быть вся моя участь зависить. Онъ у насъ знаешь какое лицо важное. Это вѣдь онъ честь мнѣ дѣлаетъ, что приглашаетъ меня съ тобой. Пренебреги я его приглашеніемъ, да онъ никогда не проститъ.

— Ну, полно же, полно! успокоивала его сестра: — я поѣду, и все будетъ ладно. А вѣдь онъ это, вѣроятно, такъ сказалъ, не придавая своимъ словамъ особеннаго значенія.

— Все равно, возразилъ братъ: — какъ бы ни было сказано, хоть на вѣтеръ — пренебрегать нельзя.

Михаилъ Мироновичъ на вѣтеръ не любилъ говорить. Для черезъ четыре онъ опять напомнилъ Васи о своемъ приглашеніи.

— Что же сестрицы вашей у насъ не видно, Шавровъ? спросилъ онъ, встрѣтивъ Василія Петровича.

— Она собирается къ вамъ въ воскресенье, Михайло Миронычъ, отвѣчалъ Шавровъ. — По буднямъ я занятъ, а она одна ѣхать не хочетъ.

— Приѣзжайте-ка къ намъ съ нею сего дня обѣдать. Маменька будетъ очень рада.

— Очень хорошо-съ, Михайло Миронычъ.

— Сегодня погода скверная, я за вами пришлю экипажъ. Мы обѣдаемъ въ четыре. Будете?

— Непремѣнно-съ.

— Изъ присутствія можете немного пораньше уйти — сказать дома.

— Покорно васъ благодарю.

— Да послушайте! сказалъ, понижая голосъ, Михаилъ Мироновичъ: — что это у васъ за страсть къ этимъ матер-

чатымъ жилеткамъ съ цвѣточками? Ихъ только мѣщане носятъ. Развѣ у васъ нѣтъ чернаго?

— Есть, Михайло Миронычъ.

— Носите черный; а то это ужасный мовежанръ. Такъ до свиданья!

И Михайлъ Мироновичъ кивнулъ Шаврову еще ласковѣе.

Только-что Флоринскій удалился, Василій Петровичъ подошелъ къ одному изъ товарищей, отъявленному франту, рябому и неказистому, но занимавшему собой не хуже знаменитаго Нарцисса. Шавровъ распахнулъ передъ нимъ свой фракъ, и спросилъ, похлопывая обѣими ладонями по груди:

— Что, какъ по твоему эта жилетка?

Франтъ только махнулъ рукой.

— Плоха? спросилъ Шавровъ.

— Прелесть! отвѣчалъ товарищъ:— я ужъ давно думаю, какъ бы себѣ этакую соорудить; да дорого.

— Хочешь, продамъ? Тебѣ въ самую будетъ пору.

— А тебѣ развѣ не въ пору?

— Подъ мышками не много тѣснить.

— Вырѣзать можно.

— Нѣтъ, ужъ я лучше новую сошью. Хочешь, такъ покупай!

— Дорого мнѣ.

— Я уступлю.

— Полно?

И Василій Петровичъ тутъ же сбылъ свою жилетку, разсрочивъ уплату чуть не на полгода.

Пашенькѣ очень не хотѣлось ѣхать обѣдать къ Флоринскимъ; но дѣлать было нечего. Василій Петровичъ обѣщалъ быть, и въ половинѣ четвертаго у воротъ остановился экипажъ Михаила Мироновича.

— Одѣнься получше, Поля! сказалъ сестрѣ Василій Петровичъ.

Пашенька надѣла черное платье, которое чрезвычайно шло къ ней. Братъ тоже принарядился: надѣлъ черный жилетъ и черный фракъ.

Маменька Михаила Мироновича сидѣла въ гостиной на

диванѣ, съ книгой въ рукахъ, когда пріѣхали гости. Лакей отворилъ дверь, доложилъ, и Шавровы вошли.

Василій Петровичъ видѣлъ госпожу Флоринскую только разъ, и то мелькомъ, такъ что она была для него почти такое же новое лицо, какъ и для Пашеньки.

Каролина Богдановна была когда-то очень хороша; не смотря на ея пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, это всякой бы сказалъ, глядя на нее: яркіе каріе глаза, правильныя черты, бѣлые ровныя зубы, можетъ-быть впрочемъ вставныя. Вечеромъ всякой нашелъ бы очень свѣжимъ и цвѣтъ ея лица; но днемъ на полныхъ щекахъ Каролины Богдановны были слишкомъ замѣтны слѣды пудры и румянъ. Къ чести ея слѣдуетъ сказать, что волосъ, по которымъ уже сильно прошла сѣдина, она не красила. Густыя сѣрыя локоны, всегда очень тщательно завитые спускались изъ подъ кружевнаго чепца по обѣимъ сторонамъ лица и падали чуть не до самыхъ плечъ. Брови были почти совсѣмъ еще черныя.

И въ это утро, какъ всегда, Каролина Богдановна была одѣта очень щеголевато и со вкусомъ, въ толстомъ шелковомъ коричневомъ платьѣ, въ черной бархатной мантильѣ. Изъ подъ широкихъ рукавовъ платья падалъ цѣлый каскадъ кружевъ на ея еще довольно красивыя, бѣлыя и полныя руки. Сбросивъ съ себя мантилью, госпожа Флоринская могла бы похвалиться и своей таліей, которую очень стройно обнимало поверхъ корсета платье. Если на Каролинѣ Богдановнѣ не было кринолинъ, то единственно потому, что это гениальное изобрѣтеніе не существовало еще даже и въ головѣ знаменитаго изобрѣтателя, имени котораго я къ сожалѣнію не знаю.

Пашенькѣ Каролина Богдановна не понравилась; она почувствовала сразу какую-то неловкость въ ея присутствіи, не смотря на самый ласковый, самый радушный пріемъ.

— Садитесь пожалуйста сюда, на диванъ, около меня, сказала густымъ контральто хозяйка, когда гостя хотѣла сѣсть рядомъ съ диваномъ на кресло. — Monsieur Шавровъ, je vous prie! обратилась она и къ Василью Петровичу, указывая на кресла и несправившись, понимаетъ ли онъ что-нибудь по французски.

Василій Петровичъ сѣлъ подалѣе.

И ему Каролина Богдановна не понравилась: онъ все глядѣлъ на нее и думалъ, что она должна быть жидовскаго происхожденія и вѣрно очень весело провела свою молодость.

— Я такъ рада, мадемуазель Полинъ.... Кажется, я не ошибаюсь? продолжала Флоринская.

Пашенька утвердительно кивнула головой.

— Я такъ рада, что сынъ доставилъ мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами. Знаете ли вы, что вы обратили на себя всеобщее вниманіе въ соборѣ?

Пашенька покраснѣла.

— А Мишель мой говорилъ, что вы не хотите ни съ кѣмъ знакомиться въ городѣ. Признаюсь, это меня очень огорчило. Да и не одну меня. Всѣ такъ интересовались вами. Только и говорили: вотъ новая дѣвица пріѣхала — невѣста. Вся молодежь такъ и встрепенулась. Здѣсь общество бѣдно дѣвицами — просто на рѣдкость бѣдно. Я, разумѣются, говорю о дѣвицахъ de la bonne société. Нѣтъ, вы непременно должны выѣзжать. Съ вашимъ личикою, съ вашимъ образованіемъ....

— Вы заставляете меня краснѣть, перебила Пашенька, и точно покраснѣла еще больше.

— Вѣдь я вамъ не льщу, продолжала Каролина Богдановна: — нельщу ни на волосокъ. Хотите, скажу вамъ даже какой у васъ большой порокъ? Хотите?

— Пожалуйста, отвѣчала смущенная Пашенька.

— Ваше домосѣдство, ваше желаніе прятаться отъ всѣхъ — большой порокъ. Всѣ въ городѣ помнятъ еще вашихъ папа и тата; всѣмъ будетъ такъ пріятно, если вы займете въ обществѣ ихъ мѣсто. Они пользовались такимъ уваженіемъ. Вотъ не дальше, какъ вчера, говорила мнѣ прокурорша про вашу маменьку: какая, говоритъ, это была милая, веселая женщина; ее, говоритъ, называли душой общества. И прибавила къ этому: я была бы, говоритъ, очень очень рада, если бы мадемуазель Полинъ вспомнила, какъ я была дружна съ ея матерью и навѣстила меня. Надо вамъ заѣхать къ ней....

— Я, право, не знаю... проговорила Пашенька, все бо-

лѣе и болѣе смущаясь этимъ быстрымъ потокомъ любезныхъ и праздныхъ словъ.

— Знаете, что? Вы вѣдь никогда не соберетесь сами. Я это по глазамъ вижу. Я поѣду нынче въ воскресенье съ визитами, заѣду за вами, и мы вмѣстѣ отправимся къ Аннѣ Михайловнѣ. Согласны?

Пашенька поблагодарила.

— Да вамъ бы надо еще познакомиться съ губернаторшей, продолжала Каролина Богдановна: — она такая милая, такая радушная женщина. Притомъ у нихъ такъ пріятно бывать по вторникамъ: танцы, музыка...

— Братъ мой, кажется, не бываетъ у губернатора, рѣшилась возразить Пашенька.

Каролина Богдановна быстро обернулась къ Василью Петровичу.

— Вы не бываете? спросила она.

— Нѣтъ-съ, вѣжливо отвѣчалъ Василій Петровичъ.

— Да, точно я не встрѣчала васъ тамъ. Но отчего же и вамъ не бывать? Мой Мишель съ удовольствіемъ представитъ васъ. Это будетъ очень ловко: онъ вашъ начальникъ. Вѣдь вы танцуете?

— Очень плохо, отвѣчалъ Шавровъ.

— Ахъ, это непростительно для молодаго человѣка! воскликнула Каролина Богдановна. — Нынче вся молодежь какая-то стала вялая, не умѣетъ веселиться. Нѣтъ, вамъ надо учиться танцовать. Что вы не берете уроки у Дотти? говорятъ, у него въ танцклассѣ очень порядочное общество бываетъ.

— Два нашихъ чиновника у него учатся, замѣтилъ Василій Петровичъ.

— Вотъ и вамъ бы съ ними, посовѣтовала Флоринская. — Видно, и у васъ такой же характеръ, какъ у сестрицы? Это нехорошо. Молодому человѣку надо быть живымъ, развязнымъ, веселымъ. — Вѣдь вы теперь прямо изъ Петербурга, мадемуазель Полинъ? обратилась Каролина Богдановна къ Пашенькѣ.

— Да, изъ Петербурга, отвѣчала Пашенька.

— Ахъ, Петербургъ — это страсть моя, продолжала

Флоринская. — Вы не повѣрите, какъ тяжело мнѣ было привыкать къ провинціи послѣ петербургской жизни. Вѣдь я постоянно тамъ жила, тамъ и родилась, и замужъ вышла, тамъ и Мишель мой воспитывался и началъ свою карьеру. Я и до сихъ поръ не могу отучиться отъ смѣшной привычки говорить: «у насъ въ Петербургѣ».

Каролина Богдановна засмѣялась. Пашенька для приличія тоже улыбнулась.

— Вы, я слышала, такая отличная музыкантша, заговорила опять Флоринская: — вѣрно часто бывали въ оперѣ. Это моя страсть была — итальянская опера. Скажите, Рубини все еще тамъ? Что это за чудный голосъ! Помните его въ «Пуританахъ?»

Въ то время, какъ Пашенька отвѣчала, въ гостинную вошелъ Михайлъ Мироновичъ, только-что воротившійся домой.

Василій Петровичъ всталъ со стула; по мѣсто его было въ сторонѣ, и Флоринскій прошелъ прямо къ переддиванному столику съ ковромъ и лампой, за которымъ сидѣла съ своей гостьей Каролина Богдановна.

— Сынъ мой, отрекомендовала Каролина Богдановна: — мадемуазель Шавровъ.

— Давно желалъ имѣть счастье представиться вамъ, проговорилъ съ утонченной вѣжливостью и раскланиваясь, Михайлъ Мироновичъ. — Братецъ вашъ вѣрно говорилъ вамъ объ этомъ. Да гдѣ же онъ?

— Вотъ онъ, показала Пашенька.

— А! здравствуйте! воскликнулъ Флоринскій, поворачиваясь. — Извините, я и не замѣтилъ васъ, входя.

— Ничего-съ, отвѣчалъ Шавровъ.

— Здравствуйте! повторилъ Михайлъ Мироновичъ, подавая ему руку, или, правильнѣе сказать, два пальца.

Затѣмъ Михайлъ Мироновичъ подселъ къ столу, и началъ занимательную бесѣду вопросами, какъ нравится Пашенькѣ городъ, помнить ли она его съ дѣтства или онъ показался ей совершенно новымъ, и т. п. Пашенька отвѣчала довольно коротко.

Наконецъ Михайлъ Мироновичъ не утерпѣлъ, чтобы не

заговорить о томъ же, о чемъ говорила уже такъ долго и скучно его маменька, именно о домохозяйствѣ Пашеньки, о желаніи ея знакомиться и проч. Еслибъ онъ зналъ, какъ неприятна Пашенькѣ эта болтовня, онъ разумѣется лучше бы молчалъ.

— Вотъ я говорила мадемуазель Полинъ, сказала между прочимъ Каролина Богдановна: — что ей надо непременно познакомиться съ губернаторшей. У нихъ такъ приятно по вторникамъ.

— Да, да, согласился Михаилъ Мионовичъ: — всѣ проводятъ у нихъ время съ большимъ удовольствіемъ. Вы вѣдь вѣрно большая охотница до танцевъ? обратился онъ къ Пашенькѣ.

— Напротивъ, отвѣчала она: — я танцовать не люблю.

— Можетъ быть вы думаете, что послѣ петербургскаго общества, здѣшнее, провинціальное... началъ было Михаилъ Мионовичъ.

— Я вовсе не знаю петербургскаго общества, перебила его Пашенька: — я тамъ никуда почти не выѣзжала.

— Мадемуазель Полинъ говоритъ, сказала Каролина Богдановна: — что ей неловко бывать у губернатора, потому что тамъ не бываетъ ея братецъ. Я съ этимъ согласна; но говорю, что ничего нѣтъ легче, какъ бывать тамъ и москѣ Шаврову. Ты можешь представить его... какъ своего подчиненнаго, какъ чиновника, который служитъ у тебя... Не правда ли?

Михаилъ Мионовичъ посмотрѣлъ, какая жилетка на Шавровѣ, и отвѣчалъ:

— Да, отчего-жъ не представить? Разумѣется... съ удовольствіемъ.

Тутъ слуга доложилъ, что кушанье подано, и всѣ пошли въ столовую.

Столъ былъ накрытъ на пять приборовъ, и около него стояла уже особа женскаго пола, лѣтъ за тридцать, съ смуглымъ, очень непривлекательнымъ, кислымъ и подобострастнымъ лицомъ. На ней было старенькое, обдерганное черное шелковое платье и на шеѣ красная косыночка, завязанная на подобіе бабочки.

При входѣ гостей и хозяйвъ, эта особа закатила нѣсколько глаза, причемъ обнаружила огромныя какъ у негрятки бѣлки, затѣмъ сладко улыбнулась и медленно, съ разсчитанной граціей, присѣла. Лицо ея изображало такую невинность, что Василью Петровичу захотѣлось ее прибить. Пашенька сразу почувствовала къ ней антипатію.

— Это Аграфена Ивановна... Черепкова, сказала мелькомъ Каролина Богдановна.

Передъ фамиліей она немного запнулась, словно немогла вдругъ ее припомнить. Это вовсе неудивительно: Аграфена Ивановна была извѣстна просто подъ именемъ Аграфены Ивановны; многіе были знакомы съ нею лѣтъ двадцать, но на вопросъ: «вы знаете Черепкову?» отвѣчали обыкновенно отрицательно; стоило впрочемъ прибавить: «Аграфену Ивановну,» и всякой восклицалъ: «А! Аграфену Ивановну! какъ ея не знать?» И точно не было, я думаю, человѣка въ городѣ, который бы не зналъ ея.

Пашенька помѣстилась за столомъ между ею и хозяйкой.

Тотчасъ же послѣ супа, Аграфена Ивановна обратилась къ Пашенькѣ со словами:

— А вы вѣрно совсѣмъ не помните меня, Праксовья Петровна?

Пашенька довольно пристально посмотрѣла на свою соседку и отвѣчала:

— Я уѣхала отсюда, когда мнѣ было всего шесть лѣтъ.

— Ахъ, да! точно! согласилась Аграфена Ивановна: — какъ время-то идетъ! А мнѣ такъ это живо представляется, словно вчера... Маменька ваша, тетенька Анна Васильевна... Я имъ такъ много обязана! онѣ такъ меня ласкали!

— Вы бывали у насъ? спросила Пашенька, чтобы что нибудь спросить.

Какъ-же! какъ-же! отвѣчала Аграфена Ивановна. — Анна Васильевна покойница такъ была ко мнѣ добра. Бывало, увидить меня въ воскресенье у обѣдни въ соборѣ, или въ крестовой — она больше въ крестовой любила бывать — тотчасъ подойдетъ. «Поѣдемте, говоритъ, Аграфена Ивановна, къ намъ; вы вѣдь, я думаю, тоже, говоритъ, чайку не

пили.» Если никуда не отозвана, я, бывало и поѣду. Часто и объѣдывала у васъ.

— Вообще о семействѣ вашемъ, вѣшался Михаилъ Мироновичъ, обращаясь къ Пашенькѣ: — особенно о батюшкѣ, сохранилась самая добрая память. Я думаю, вамъ очень приятно это слышать?

— Конечно, отвѣчала Пашенька, хотя всѣ эти похвалы и рассказы очень казались ей похожими на лесть.

Она одного только непонимала, съ какою цѣлью хотять ей льстить.

— Если бы вы измѣнили ваше рѣшеніе, продолжалъ Михаилъ Мироновичъ: — и стали бы выѣзжать, увидали-бы наше общество, вы отъ всѣхъ услышали бы тоже, что отъ меня.

— А я такъ была огорчена, вы не повѣрите, что мнѣ не удалось отдать послѣдній долгъ вашему батюшкѣ, начала опять Аграфена Ивановна. — Въ то время, какъ онъ скончался — это такъ чезожданно случилось — въ то время меня въ городѣ не было: я гостила у Марьи Максимовны Любимцевой... въ деревнѣ у нихъ, версть отсюда за сорокъ... Я у нихъ была принята, можно сказать, какъ родная. Вы вѣрно и Марья Максимовны непомните, а онѣ были очень дружны съ вашей маменькой...

Въ этомъ родѣ разговоръ шелъ во все продолженіе обѣда. Обѣдъ былъ очень хорошъ; къ десерту Михаилъ Мироновичъ купилъ самыхъ лучшихъ конфетъ: самъ выбралъ, захавши въ кондитерскую по дорогѣ изъ должности домой.

Послѣ обѣда онъ обратился къ Пашенькѣ съ просьбой сыграть чтонибудь на фортепьяно.

— Вы вѣрно много играете изъ итальянскихъ оперъ, сказала Каролина Богдановна. — Не играете ли вы послѣдней аріи изъ «Лучіи?» Я такъ ее люблю. Помните, какъ чудно пѣлъ ее Рубини.

— Я почти ничего не знаю наизусть, сказала Пашенька.

— Не найдете ли вы тутъ чего-нибудь знакомаго, сказала Флоринская, подвигая къ Пашенкѣ цѣлый ворохъ старыхъ нотъ на крышкѣ рояля. — Впрочемъ, прибавила она: — это все самая легкая музыка — больше все танцы... Я ужь

давно не играю, совсѣмъ какъ-то отстала... Есть и романсы тутъ. Вы не поете?

— Почти нѣтъ, отвѣчала Пашенька.

Она стала перебирать ноты. Это было жалчайшее старье, разныя польки и вальсы, давно вышедшія изъ моды, да двѣ-три плохія французскія pièces de salon, годныя для шестилѣтнихъ пьянистокъ. Каролина Богдановна тѣмъ не менѣе хвалила многое изъ этой дряни.

— Ахъ! вотъ романсъ «Бывало! бывало!» Вы вѣрно его знаете. Неправда ли, прелестный? А вотъ полька «La plus jolie.» Я помню, какъ она только-что вышла, всѣ въ Петербургѣ съ-ума отъ нея сходили. Сыграйте пожалуйста. Вы вѣрно разыграете ноты à livre ouvert.

— Нѣтъ, ужъ я лучше сыграю вамъ что-нибудь наизусть, сказала Пашенька.

— Можно послать къ вамъ, за вашими нотами, предложилъ Михайлъ Мироновичъ.

— Ахъ, не беспокойтесь пожалуйста! возразила ему Пашенька: — я вамъ и такъ что-нибудь сыграю.

Михайлъ Мироновичъ открылъ фортепяно, и Пашенька стала играть каприччио Мендельсона.

— Ахъ, какъ мило! ахъ, какъ мило! хвалила Каролина Богдановна, обращаясь къ Василью Петровичу, который тоже въ первый разъ слышалъ игру сестры. — Какой тушь! бѣглость какая!

— Души какъ много! вотъ что мнѣ ужасно нравится! замѣтила Аграфена Ивановна, вся превратившаяся въ подобоострастную улыбку.

— Да, вы артистка, артистка! повторялъ отъ времени до времени Михайлъ Мироновичъ, слегка наклоняя голову.

У Пашеньки горѣли щеки, и она играла отъ всѣхъ этихъ похвалъ хуже обыкновеннаго.

Когда она кончила, похвалы посыпались на нее въ еще большемъ обиліи. Михайлъ Мироновичъ утверждалъ, что Пашенька первоклассная артистка и что такой игры, какъ ея, онъ не слышалъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ бывалъ въ лучшихъ концертахъ.

— Ну скажите, маменька, заключилъ онъ: — есть ли

возможность сравнивать эту игру съ игрой старшей Картошовой? А еще она считается здѣсь первостепенной пьесткой.

Каролина Богдановна только презрительно улыбулась, промолвила: «ахъ!» и махнула рукой.

— Съ какой душой вы играете, Прасковья Петровна! съ какой душой! приставала, продолжая сладостно улыбаться, Аграфена Ивановна. — Душа, по моему, главное въ музыкѣ; а я ни у кого не слыхала такой души. Вотъ Михаилъ Миронычъ говорятъ о мамзель Карташовой... Сравненья никакого нѣтъ. У той хоть бы на волосъ души; а у васъ — ахъ, какая душа!

— И какая это пьеса миленькая! говорила Каролина Богдановна. — Скажите, это изъ оперы какой нибудь, или такъ, салонная пьеса?

— Да, это pièce de Salon, отвѣчала Пашенька.

— Чья?

— Мендельсона.

— Очень мило! А я ничего его не слыхала. Вѣрно изъ новыхъ композиторовъ?

— Нѣтъ, не очень новый.

— Не слыхала, не слыхала. А Кажинскаго вы ничего не играете? Тоже прекрасный композиторъ.

— Нѣтъ.

— Я очень люблю его «Арабскую польку;» только очень трудная пьеса: я ее не могла играть. Но вы бы отлично сыграли. У васъ такая бѣглость въ рукахъ, такъ выработанъ механизмъ!

Пашенька не знала, куда дѣться отъ этихъ похвалъ и разсуждений.

Ей очень хотѣлось уйхать поскорѣе домой; но это было дѣло не совсѣмъ легкое: и Каролина Богдановна, и Михаилъ Мироновичъ оставляли ее до вечера. Надо было придумать что-нибудь особенное, чтобы вырваться изъ этого омута любезностей, и Пашенька стала жаловаться на головную боль.

— Знаете, что? Сказала на это Каролина Богдановна: — поѣдемте кататься. Это васъ освѣжитъ. Ну, а если не прой-

детъ ваша головная боль, я завезу васъ домой. Аграфена Ивановна, распорядилась она: — скажите, чтобы заложили лошадей, пару, въ новыя сани.

Пашенькѣ поневолѣ пришлось согласиться.

Василій Петровичъ все время игралъ страдательную роль. Къ нему лишь изрѣдка обращались съ незначительными вопросами, и только Аграфена Ивановна, по склонности своей къ сердечнымъ изліяніямъ, пристала къ нему съ какими-то рассказами, которые вовсе не развлекли его.

Тѣмъ не менѣе онъ не былъ не доволенъ: независимо отъ вниманія Михаила Мироновича, человѣка очень важнаго для его служебныхъ отношеній, нельзя было пренебрегать и сытнымъ и вкуснымъ обѣдомъ. Шавровъ давно не обѣдалъ такъ хорошо.

Можетъ-быть отъ этого, а можетъ быть и просто по привычкѣ, его началъ клонить послѣ обѣда сонъ, и только-что услышалъ онъ, что Каролина Богдановна сама проведить домой сестру, тотчасъ же откланялся и пошелъ пѣшкомъ въ свой переулокъ.

На прощанье Михаилъ Мироновичъ подалъ ему кажется ужъ не два, а три пальца, и сказалъ:

— Ни забываютъ же насъ!

Шавровъ, разумѣется, поблагодарилъ.

Дома онъ тотчасъ же легъ въ постель и минуты черезъ двѣ уже крѣпко спалъ.

Онъ еще не просыпался, когда Каролина Богдановна завезла Пашеньку съ катанья.

VI.

Въ мѣтѣнн своемъ о Флоринскихъ братьяхъ и сестра совершенно расходились — по крайней мѣрѣ на словахъ. Пашенька находила ихъ скучными и несносными; Василій Петровичъ говорилъ напротивъ, что у нихъ пріятно бывать. Пашенька называла Каролину Богдановну ханжой и пустой женщиной; Василій Петровичъ называлъ ее милой и образованной дамой. Пашенькѣ не хотѣлось повторять визита къ Флоринскимъ; Василій Петровичъ утверждалъ, что никакъ

не слѣдуетъ пренебрегать этимъ знакомствомъ, а напротивъ стараться всѣми мѣрами поддерживать его.

— Да зачѣмъ же? Спрашивала Пашенька.

— А хоть бы затѣмъ, что онъ мой начальникъ, отвѣчалъ братъ: — и можетъ мнѣ повредить, если я стану пренебрегать его вниманіемъ.

— Да вѣдь ты прежде не бывалъ у него?

— Не бывалъ, оттого что былъ глупъ: онъ меня много разъ приглашалъ, а я все собирался только.

Василій Петровичъ на этотъ разъ лгалъ.

— Можетъ-быть, у меня бы ужъ давно другое мѣсто было, еслибъ я держалъ себя иначе.

— Неужто тебѣ было у нихъ весело?

— А неужто же скучно? Обѣдъ прекрасный; и онъ, и она такіе радушные.

— Мнѣ показалось, что самъ онъ какъ-то холоденъ къ тебѣ.

— Не обниматься же ему со мной! Ты вспомни, что я его подчиненный — неважная птица.

Пашенька какъ-то не совсѣмъ понимала все это. Что касается Василья Петровича, онъ отлично понималъ, что любезность и ласки Михаила Мироновича и его маменьки ему не слѣдуетъ принимать на свой счетъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ придавалъ имъ большую цѣну, и нисколько не горчался предпочтеніемъ, оказываемымъ сестрѣ.

Скоро и Пашенька стала догадываться, что она единственный предметъ какого-то особеннаго благоволенія Флоринскихъ, а что братъ ея тутъ не при чемъ.

На третій день послѣ обѣда у Михаила Мироновича къ Шавровымъ зашла Аграфена Ивановна. Василій Петровичъ только-что отправился къ должности, и Пашенька была одна. Она вовсе не ожидала визита дѣвицы Черепковой.

— А я никакъ не утерпѣла, чтобы не побывать у васъ, дорогая Прасковья Петровна! воскликнула самымъ сладкимъ голосомъ Аграфена Ивановна, кидаясь обнимать и целовать Пашеньку. — Иду мимо; какъ, думаю, не завернуть? Вспомнила, какъ бывало, при покойницѣ Аннѣ Васильевнѣ, заходила къ ней по утрамъ. Она, бывало, всегда скажетъ: «Вотъ

хорошо-то, что зашли, Анна Васильевна; я, говорить, одна кофею не могу пить; а какъ есть компанія, я и рада.»

— Не хотители ли и теперь? спросила Пашенька, которой было и досадно на непрошенную гостью, и въ тоже время хотѣлось улыбнуться.

— Ахъ! что вы? Развѣ для того я это говорю? вскричала Аграфена Ивановна, спохватившись.

— А что же? теперь не мѣшаетъ выпить кофе, возразила Пашенька. — Сегодня очень холодно, и вы вѣрно озябли.

— Озябла-таки, озябла, отвѣчала Аграфена Ивановна: — только если для меня, Прасковья Петровна, такъ не безпокойтесь пожалуйста!

— Что за безпокойство!

И Пашенька кликнула Катерину. Аграфена Ивановна пришла въ совершенный экстазъ, узнавши, что и Катерина приѣхала съ Пашенькой. Она съ такою же радостью, чуть не со слезами на глазахъ, кинулась обнимать старуху и припоминать ей разныя происшествія изъ давнишней старины.

Катерина сначала тоже какъ будто обрадовалась; но потомъ, словно и сама припомнила что-то, какъ-то вдругъ охладѣла къ ласкамъ Аграфены Ивановны и очень нелюбезно сказала посреди самаго пыла разказовъ Аграфены Ивановны:

— Вы меня извините, Аграфена Ивановна, я пойду кофею варить.

— Ахъ, какая это у васъ безцѣнная женщина, Прасковья Петровна! воскликнула Аграфена Ивановна, когда Катерина удалилась. — Я думаю, она на васъ не даетъ вѣтерку дунуть.

— Да, отвѣчала Пашенька: — она такъ меня любитъ, и я къ ней такъ привязана. Я и вообразить этого не могу, чтобы разстаться съ ней.

— Да вѣдь и она-то, я думаю, ни за что бы съ вами не разсталась. Вынянчила васъ, выростила.

И Аграфена Ивановна пустилась въ нескончаемыя воспоминанія и разказы.

Только на время прекратилъ ихъ кофе, на который она

начала съ жадностью, отличающей всѣхъ лнзоблюдокъ, про-
бавляющихся чужими обѣдами.

Двѣ чашки кофе настроили Аграфену Ивановну еще при-
ятнѣе. Отъ воспоминаній о старинѣ она перешла къ настоя-
щему, и принялась разсыпаться передъ Пашенькой въ са-
мой приторной лести. Какъ ни непрятны были Пашенькѣ
льстивыя похвалы гостыи, она не знала, какъ остановить ихъ.

Между-прочимъ многое въ нихъ не только непрятно по-
ражало ее, но и удивляло. Чуть не послѣ каждаго десяти
словъ Аграфена Ивановна упоминала о Флоринскихъ, то о
маменькѣ, то о сынкѣ, преимущественно впрочемъ о по-
слѣднемъ.

— Я вамъ это скажу за тайну и прошу васъ, не выдайте
какъ нибудь меня, сказала она наконецъ: — а Михаила Ми-
ронычъ совѣмъ, что называется, совѣмъ влюбленъ въ васъ.
Съ перваго же разу, какъ увидалъ васъ въ соборѣ, только
у него и разговоры, что о васъ. Я у нихъ обѣдала въ тотъ
день; я же ему и сказала, кто вы такая. Въ церкви я тоже
была, видѣла васъ тамъ и тотчасъ же справилась. Какъ ска-
зала я ему, кто вы, онъ и говоритъ мнѣ: «вѣрите ли вы
мнѣ, говоритъ, Аграфена Ивановна! Я, говоритъ, въ жизнь
мою не видалъ такого ангела!» Я, разумѣется, тутъ ему
отвѣчаю: «вы, говорю, всѣ такъ, нынешние молодые люди,
а ужъ особенно петербургскіе, какъ увидите хорошенькое
личико, такъ и говорите: «ангелъ, ангелъ!» А черезъ два
дни, глядишь, и забыли.» А онъ мнѣ на это: «нѣтъ, гово-
ритъ, Аграфена Ивановна, не такія ужъ мои лѣта, чтобы
вспыхивать какъ порохъ.» Оно и такъ; а все же ужъ со-
лидный, не вертопрахъ какой и мѣсто занимаетъ важное.

Тутъ слѣдовало цѣлое похвальное слово важному обще-
ственному и государственному значенію Михаила Мироно-
вича.

— Потомъ, какъ онъ началъ ужъ очень васъ расхва-
ливать, продолжала Аграфена Ивановна: — я и говорю ему:
хотите, говорю, Михаила Миронычъ, я вамъ посватаю? «А
онъ мнѣ на это: «разумѣется, говоритъ, еслибы я попра-
вился Прасковѣ Петровнѣ такъ-же, какъ она мнѣ понрави-
лась, я бы и минуты не подумалъ — женился.» «Да какъ

вамъ наоправиться-то? говорю я ему: и видѣ у васъ та-
мой, и воспитаніе, и мѣсто. Только кличь кликнуть, такъ
всѣ что есть невѣсты въ городѣ, самыя что ни лучшія,
сбѣгутся.»

— Ахъ, Аграфена Ивановна! сдѣлайте одолженіе, пре-
кратите этотъ разговоръ, перебила Пашенька своею слово-
охотливую гостью: — вы не повѣрите, какъ мнѣ непріятно
это слышать.

Аграфену Ивановну слова эти взволновали до глубины души.

Она бросилась къ Пашенькѣ съ объятіями и воскликнула
умоляющимъ тономъ:

— Прасковья Петровна: душенька! родная! не сердитесь
на меня, ради Христа! Вѣдь это я такъ только, по
простотѣ своей сказала, больше оттого, что ничего, кромѣ
добра и счастья, вамъ не желаю, помня всѣмъ благодѣанія и
ласки папеньки вашего и маменьки и тетеньки покойницы
Анны Васильевны. Ну простите же меня, ангельчикъ мой!
скажите, что не сердитесь на меня.

Пашенька поневолѣ улыбнулась.

— За что же мнѣ на васъ сердиться? сказала она.

— Вѣрите мнѣ, Прасковья Петровна, начала опять увѣ-
рять Аграфена Ивановна: — клянусь вамъ всѣмъ на свѣтѣ,
что только по дружбѣ моей сказала эти слова, потому же-
лала бы вамъ отъ всей души всякаго счастья. Вѣрите ли вы
мнѣ въ этомъ, Прасковья Петровна?

— Вѣрю, отвѣчала Пашенька.

Аграфена Ивановна поблагодарила и сказала при этомъ,
какъ дорого ей вниманіе и расположеніе всѣхъ, какъ только
съ такимъ вниманіемъ и расположеніемъ и можно жить на
свѣтѣ ей, бѣдной сиротѣ.

— Вы меня поймете, Прасковья Петровна, продолжала
она: — вы сами сирота и выросли безъ родительской ласки.
Прежде, какъ была я молода, бывало, совсѣмъ иначе смо-
тришь на свѣтъ: тѣмъ пренебрежешь, другимъ пренебрежешь.
Личико же было хорошенькое.

Пашенька посмотрѣла на Аграфену Ивановну и какъ-то
невольно подумала, что она вретъ и хорошенькаго личика у
нея никогда не было.

— Потомъ и спохватиться, да поздно, продолжала она. — Вѣдь вотъ вы, пожалуй, не повѣрите мнѣ; а сколько жениховъ у меня было!

— Отчего же не повѣрить? возразила Пашенька.

— Пропастъ было за мной ухаживателей, рассказывала, не останавливаясь, Аграфена Ивановна: — тогда то не понравится, другое, и откажешь жениху. А теперь, какъ посмотришь, какъ была глупа тогда, думаешь.

Аграфена Ивановна вздохнула, и на этотъ разъ, по видимому чистосердечно.

— Сватался ко мнѣ одинъ молодой человѣкъ, Тихвинцевъ, Валерьянъ Васильчъ, служилъ онъ тогда въ губернскомъ правленіи столоначальникомъ. Прекрасный такой молодой человѣкъ, видный. У меня прежде какая-то это страсть была, чтобы носъ былъ съ горбомъ; а у него прямой. Только изъ-за этого дѣло и разошлось. А теперь Валерьянъ-то Васильчъ вицегубернаторомъ, да!

И Аграфена Ивановна опять вздохнула.

— А чтó не собираетесь ли вы какъ-нибудь къ Каролинѣ Богдановнѣ? спросила она, помолчавъ.

— Нѣтъ пока, отвѣчала Пашенька.

— Вы и Каролинѣ Богдановнѣ ужасно какъ понравились. А она такая дама умная, образованная! И души прекраснѣйшей, добрѣйшей. Я у нихъ сегодня обѣдать буду.

Аграфена Ивановна стала надѣвать свой коричневый капоръ.

— То-то будетъ мнѣ распросовъ отъ Михайла Мироньча, какъ онъ узнаетъ, что я была у васъ, сказала она, вставая. — Прощайте, Прасковья Петровна, голубушка. Благодарю васъ за ваши ко мнѣ ласки. Прикажете кланяться отъ васъ Каролинѣ Богдановнѣ, Михайлу Мироньчу?

— Пожалуй, если зайдетъ обо мнѣ рѣчь, отвѣчала Пашенька.

— Чтобы объ васъ да рѣчь не зашла! воскликнула Аграфена Ивановна, и вѣрно всплеснула бы руками, еслибъ не надѣвала въ это время свой старенькій салопчикъ. — Вотъ вы все мнѣ не вѣрите, а я васъ совѣстью завѣряю: влюбленъ въ васъ Михайла Мироньчъ, влюбленъ такъ, что...

— Опять вы, Аграфена Ивановна! остановила Пашенька.

— Ну, не буду, не буду! забылась опять. Простите, ради Христа, голубушка!

Когда она ушла, Пашенька спросила Катерину, помнить ли она Аграфену Ивановну.

— Какъ не помнить! отвѣчала Катерина: — мало ли она у насъ пороги-то оббивала!

— Она говоритъ, что тетенька Анна Васильевна очень любила ее.

— Вреть все, Пашенька; разумѣется, какъ придетъ, бывало, изъ дому не гоняли; вотъ и вся любовь.

— Да кто она такая?

— Такъ, ходитъ изъ дому въ домъ да вѣсти переноситъ. Папенька, покойникъ терпѣть ее не могъ. Бывало, какъ увидать ее, «зачѣмъ, говоритъ, эта язва сибирская опять сюда залетѣла?» Она родомъ-то сама изъ Сибири.

Аграфена Ивановна прямо отъ Пашеньки направилась стопы свои къ Флоринскимъ.

Каролина Богдановна принимала ее, кормила обѣдомъ, пила чаемъ и кофеемъ, но вообще держала въ черномъ тѣлѣ, и Аграфена Ивановна питала нѣкоторый страхъ къ ней и къ Михаилу Мироновичу. Съ Каролиной Богдановной она еще начинала иногда разговоръ сама, потому-что госпожа Флоринская была не прочь послушать ея сплетенъ. Но съ Михаиломъ Мироновичемъ говорила она, только когда онъ самъ обращался къ ней съ какимъ-нибудь вопросомъ. Для этого нужно было, чтобы Михаилъ Мироновичъ былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа.

На этотъ разъ Михаилъ Мироновичъ былъ почему-то очень веселъ и обратился къ Аграфенѣ Ивановнѣ не съ обыкновеннымъ своимъ холоднымъ кивкомъ, а съ такимъ вопросомъ:

— Ну, что вы подѣлываете, Аграфена Ивановна?

Чуть ли даже не сказалъ онъ: «почтеннѣйшая Аграфена Ивановна».

— Да что мнѣ подѣлывать, Михаилъ Мироновичъ? отвѣчала Аграфена Ивановна, ошачливленная такимъ рѣдкимъ вниманіемъ. — Была у обѣдни сегодня въ крестовой, потомъ

зашла узнать о здоровьи нѣ кой-кому изъ добрыхъ знакомыхъ. Прасковья Петровна Шаврова кофейкомъ меня попотчивала. Чтѣ это за милая, за благовоспитанная дѣвица!

— Потому что кофеемъ-то попотчивала? спросилъ, подшучивая, Михайлъ Мироновичъ, и весело засмѣялся.

— Ахъ, полноте, Михайлъ Мироновичъ! За кого вы меня принимаете? отвѣчала полу-обиженнымъ, полу-веселымъ тономъ Аграфена Ивановна.

— Ну новенькаго чего нѣтъ ли? спросилъ Михайлъ Мироновичъ.

— На счетъ чего изволите спрашивать? спросила въ свою очередь Аграфена Ивановна.

— Такъ, вообще.

— Ничего не слыхала, Михайла Миронычъ. Три ложки серебряныхъ вотъ пропало у штейнаго управляющаго.

— Ну это не важная новость.

— А то вотъ у отца Григорія, у рождественскаго протопопа, младшій мальчикъ при смерти лежитъ — въ корн.

— Какия у васъ новости всегда глушны! замѣтилъ безцеремонно Михайлъ Мироновичъ.

Аграфена Ивановна и сама знала, что рассказывать Михайлу Мироновичу вещи вовсе для него не интересныя, а потому и носѣвшила поправиться.

— Слышала еще кое-что про васъ, Михайла Миронычъ, сказала она: — да боюсь вамъ сказать.

— Отъ чего?

— Боюсь, что рассердитесь.

— Развѣ очень что-нибудь дурное?

— Ахъ, нѣтъ! Какъ можно!

— Ну, такъ рассказывайте.

— Была я сегодня, какъ и докладывала ужъ вамъ, у Прасковьи Петровны у Шавровой...

— И кофей тамъ пили.

— Точно тамъ. Вотъ за кофеемъ-то и зашелъ разговоръ объ васъ. Наслушалась же я вамъ всякихъ похвалъ.

— Отъ кого?

— Да отъ Прасковьи Петровны: только мы двое и были.

— Что же она говорила?

— Я ужь теперь и не припомню всего, а одно вамъ только скажу, Михайла Миронычъ — голову свою отдамъ на отсѣченье, если она да не влюблена въ васъ.

— Чтò это скоро такъ? Да изъ чего же вы это заключаете?

— А изо всего, Михайла Миронычъ. Сначала стала говорить, какой вы радушный, какой обходительный, образованный какой челоуѣкъ; а потомъ говорить: лицо, говорить, у него такое прекрасное; вся, говорить, душа его на лицѣ видна. И при этомъ вся разгасилась, какъ уголекъ.

— А вы, я думаю, надъ лысиной моей подсмѣялись?

— Ахъ, чтò вы! Какъ это вамъ не грѣхъ, Михайла Миронычъ? Что я за неблагодарная такая!

— Ну, и больше ничего?

— Нѣтъ-съ, потомъ и говорить: я, говорить, во снѣ Михайла Мироновича видѣла. Такой, говорить, сонъ пріятный. Готова была плакать, какъ проснулась. А я и говорю ей на это: «чтò это, говорю, Прасковья Петровна, вы все о Михайлѣ Миронычѣ рассказываете? Видно очень онъ вамъ понравился». «Да развѣ, говорить, можетъ онъ кому не понравиться: этакой видный, пріятный мужчина». А я ей на это: «кто, говорю, противу этого спорить? Только вы такъ объ немъ говорите, словно какъ влюблены въ него». Еслибъ вы только видѣли, Михайла Миронычъ, какъ я ее сконфузила этими словами! Раскраснѣлась она какъ розанъ, закрыла глаза руками и говорить: «Ахъ, не говорите этого, Аграфена Ивановна! ахъ, не говорите!» Вы простите меня, Михайла Миронычъ, что я вамъ это все рассказываю. Такъ мнѣ пріятно всегда, когда слышу похвалу вамъ или Каролинѣ Богдановнѣ.

— Вѣдь, я думаю, половину вы выдумали дорогой, какъ сюда шли? скептически спросилъ Михайла Мироновичъ.

Трудно было нанести болѣе горькую обиду преданной интересамъ ближняго душѣ Аграфены Ивановны. Она чуть не плакала, оправдываясь и увѣряя Михайла Мироновича, что въ рассказѣ своемъ она слова не прибавила лживаго.

— Вѣрю, вѣрю, успокоилъ ее наконецъ Михайла Мироновичъ, хотя и остался при своемъ убѣжденіи, что Аграфена

Ивановна соврала если не на половину, такъ по-крайней-мѣрѣ на четверть.

Тѣмъ не менѣе, однакожь, онъ ощущалъ большую пріятность въ душѣ отъ словъ почтенной вѣстовщицы. Такъ ужъ устроенъ человѣкъ: изъ какихъ устъ ни исходи похвала, она все-таки сладко щекочетъ сердце.

При первомъ же случаѣ Михайлъ Мироновичъ сказалъ Каролинѣ Богдановнѣ:

— Чтò, маменька, послать завтра экипажъ за Шавровыми? Вы вѣдь никуда не собираетесь.

Каролина Богдановна точно не собиралась никуда, и экипажъ послали.

Флоринскій предупредилъ объ этомъ Василья Петровича, проходя мимо его стола въ присутствіе.

Пашенька вздумала было отказываться и просить брата, чтобы онъ ѣхалъ одинъ; но Василій Петровичъ такъ разсердился, началъ съ такою горечью упрекать сестру, что она для него не хочетъ сдѣлать шагу, чтò Пашенька должна была согласиться.

На этотъ разъ она была еще, что называется, авантажнѣе, чѣмъ въ первый визитъ свой къ Флоринскимъ: синее шелковое платье съ кружевнымъ воротничкомъ и съ кружевными рукавами такъ шло къ ней, размолвка съ братомъ придала такое привлекательно-грустное выраженіе ея лицу, что сердце Михаила Мироновича было окончательно покорено.

Аграфена Ивановна забѣгала въ это утро къ Флоринскимъ, и узнала о томъ, что Шавровы будутъ у нихъ обѣдать. Каролина Богдановна оставляла и ее, но Аграфена Ивановна отказалась отъ этого приглашенія, сказавши, что она уже дала слово обѣдать гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

Аграфена Ивановна соврала: она просто боялась, чтобы въ этотъ разъ какъ-нибудь не обличилось ея вчерашнее вранье. По видимому, бояться этого было нечего: случай былъ бы не первый и конечно не послѣдній въ жизни и дѣятельности Аграфены Ивановны; но такъ ужъ проявлялся обыкновенно въ ней остатокъ совѣсти.

Послѣ обѣда Пашеньку опять упросили сѣсть за форте-

пьяно: братъ заставилъ ее взять съ собой нѣсколько тетрадей нотъ, и отговариваться было уже нечѣмъ.

— Позвольте мнѣ сѣсть поближе! сказалъ Михаилъ Мироновичъ, ставя себѣ стулъ около стула Пашеньки.

— Пожалуйста, сказала Пашенька.

— Мой Мишель такой страстный любитель музыки, замѣтила Каролина Богдановна. — А мы съ вами сядемте въ гостиную, обратилась она къ Василью Петровичу: — я больше люблю слушать музыку издали.

Пашенька заиграла; Михаилъ Мироновичъ пожалѣлъ вслухъ, что не знаетъ на столько музыки, чтобы перевертывать страницы нотъ передъ Пашенькой, и сѣлъ; Каролина Богдановна и Шавровъ ушли въ гостиную, и помѣстились тамъ на маленькомъ диванчикѣ.

Каролина Богдановна любила слушать издали музыку, но вѣроятно еще болѣе любила болтать. Она завела очень оживленную бесѣду съ Василю Петровичемъ, и онъ не могъ на этотъ разъ пожаловаться, что съ нимъ были холодны.

По видимому, Каролина Богдановна принимала самое горячее участіе въ его судьбѣ: она спрашивала его обо всемъ — о его воспитаніи, о прежней жизни, о роднѣ. Особенно интересовали ее свѣдѣнія о Дубровскихъ, объ ихъ состояніи, объ отношеніяхъ ихъ къ Пашенькѣ и къ самому Василью Петровичу.

Это не помѣшало ей однакожъ, когда Пашенька окончила пьесу, зааплодировать и закричать изъ гостиной въ залу:

— Charmant! charmant! Съиграйте пожалуйста еще что-нибудь.

Михаилъ Мироновичъ съ своей стороны тоже обратился къ Пашенькѣ такую просьбу.

Между прочимъ онъ сказалъ, что Пашенька играетъ такъ хорошо, что во все время ея игры онъ чувствовалъ желаніе расцаловать ея прелестные пальчики. При этомъ на лицѣ его изображалась такая сладкая улыбка, что, еслибъ Пашенька взглянула на него, ей навѣрное стало бы противно. Къ счастью она не посмотрѣла, не сказала ни слова, и только быстро покраснѣла.

Краску эту Михаилъ Мироновичъ не преминулъ объяснить въ свою пользу.

— Пожалуйста, Полина Александровна, еще что-нибудь, повторилъ онъ.

Пашенька развернула ноты и опять заиграла.

Она играла для себя, а не для Михаила Мироновича. Могъ ли онъ понимать хоть одну ноту въ большомъ полонезѣ Шопена? Пашенькѣ хотѣлось, чтобы Флоринскій хоть изъ вѣжливости молчалъ — такъ надобѣли ей его плоскія фразы, которыя, послѣ словъ Аграфены Ивановны, даже какъ-то пугали ее. Но она ошибалась, думая, что музыка помѣшаетъ Михаилу Мироновичу говорить любезности. Напротивъ Михаилъ Мироновичъ считалъ своею обязанностью разсыпаться въ похвалахъ тому, чего не понималъ, и въ комплиментахъ Пашенькѣ.

Она никакъ не могла отдѣлаться отъ него, когда и кончила, и принуждена была дать ему поцаловать свою руку — такъ онъ умолялъ ее доставить ему это счастье. Чрезвычайно нѣжный поцалуй Михаила Мироновича былъ такъ же непріятенъ Пашенькѣ, какъ укушеніе какого-нибудь нечистаго насѣкомаго. Щеки ея запылали отъ досады; но Михаилъ Мироновичъ, разумѣется, опять объяснилъ этотъ густой и внезапный румянецъ въ свою пользу.

Окончивъ игру, Пашенька поспѣшила въ гостинную. Каролина Богдановна осыпала ее такими же похвалами, спросила, чтò Пашенька играла, и сказала, что она безъ ума отъ музыки Шопена, а подъ конецъ посоветовала ей непремѣнно достать Арабскую польку Кажинскаго и сыграть ее...

— Это прелесть чтò за пьеса!

На этотъ разъ Пашенька, при всемъ желаніи своемъ, не сдумѣла сократить свой визитъ.

Когда она поднялась съ мѣста и стала прощаться, Каролина Богдановна рѣшительно объявила, что не пуститъ ее.

— Пейте у насъ чай, Полина Александровна. Вечеромъ у насъ кое-кто будетъ. А дома чтò вы будете дѣлать?

Пашенькѣ было уже неловко отзываться мнимой головной болью, другой отговорки она не могла найти, и потому, скрѣпя сердце, осталась.

Василью Петровичу хотѣлось соснуть послѣ сыгнаго обѣда, и отговорку онъ нашель, сказавши, что у него взято на домъ казенное дѣло.

Его впрочемъ и не удерживали, хотя и Каролина Богдановна и Михаилъ Мироновичъ сказали ему, что ждутъ его вечеромъ. Пашенька была очень недовольна уходомъ брата: не смотря на его страдательную роль, она чувствовала при немъ какъ-то больше увѣренности въ себѣ; ей были даже какъ будто менѣе несносны праздныя рѣчи и маменьки и сына.

Безконечнымъ показалось Пашенькѣ время до чая; безконечнымъ послѣ чая. Приѣхали двѣ какія-то барыни съ мужьями, а одна кромѣ того и съ сестрой, дѣвой гдѣтъ тридцати, которая тотчасъ же овладѣла Пашенькой, начала разспрашивать о петербургскихъ удовольствіяхъ и рассказывать мѣстные слетни. Приѣхало еще нѣсколько мушницъ. Наконецъ пришелъ и Василій Петровичъ.

Пашенька стала надѣяться, что хоть теперь ей можно будетъ поскорѣе возвратиться домой; но братъ ея усѣлся за карты съ дамами, и опять она не видѣла конца вечеру.

Раза два приставали къ ней, чтобы она сыграла что-нибудь на фортепіано; Пашенька, разумѣется, соглашалась, но играла такъ плохо, какъ, кажется, никогда еще не играла. Въ ней все увеличивалось какое-то лихорадочное раздраженіе, и по временамъ ей хотѣлось заплакать.

Наконецъ братъ окончилъ игру и Пашенька подошла къ нему и стала звать его домой.

— Да куда же торопиться? Сейчасъ ужинъ, отвѣчалъ Василій Петровичъ.

— Миѣ нездоровится, я не могу, пожалуйста пойдемъ! просила Пашенька.

— Глупости какія! сердито проговорилъ братъ, и взялся за шляпу.

Дѣло не обошлось, конечно, безъ возгласовъ со стороны хозяевъ: «Да кудажь вы? Посидите? Сейчасъ ужинъ».

Но на этотъ разъ Пашенька настояла на своемъ, и Михаилъ Мироновичъ распорядился, чтобы заложилъ поскорѣе лошадь отвезти гостей.

Онъ проводилъ Пашеньку въ прихожую, самъ помогъ ей надѣть шубу, и прощаясь пожалъ ей руку.

Пашенька вздохнула свободно, выйдя на воздухъ. **Василій Петровичъ** былъ, напротивъ, не въ духѣ. Всю дорогу говорилъ онъ :

— Ну, чего мчимася домой? Чего тамъ не видали? Кабы зналъ, ни за что бы не пошелъ вечеромъ. Только на ужинъ и рассчитывалъ, думалъ, что поужинаю какъ слѣдуетъ. А то проигралъ лишь полтора цѣлковыхъ. Никогда этого не будетъ, чтобы я поѣхалъ съ тобой куда-нибудь. Точно маленький ребенокъ: домой да домой! Чтò это, въ Петербургѣ у васъ такая мода, чтò ли?

Пашенька возразила было, что онъ могъ бы остаться, а ее отпустить домой одну; но **Василій Петровичъ** еще больше разсердился на это замѣчаніе. Онъ началъ говорить еще крупнѣе. Со стороны можно было подумать, что **Шавровъ** умираетъ съ голоду: такъ дорого цѣнилъ онъ ужинъ, отъ котораго уѣхалъ.

Пашенька пріѣхала домой съ красными отъ слезъ глазами.

Василій Петровичъ сердито хлопнулъ дверью и легъ спать, не простившись съ сестрой.

VII.

Съ этого вечера Пашенька почувствовала, какъ печально становится ея положеніе. Скоро убѣдилась она въ этомъ и на дѣлѣ.

Совершенное разногласіе съ братомъ въ образѣ мыслей съ каждымъ днемъ становилось для Пашеньки все тяжеле и тяжеле, потому-что **Василій Петровичъ** хотѣлъ, чтобы сестра поступала, какъ хочется ему. Онъ и не думалъ скрывать, что у него на первомъ планѣ своя выгода. Не разъ заводилъ онъ рѣчь о томъ, какъ было бы хорошо, еслибъ Пашенька вышла замужъ за **Михаила Мироновича**. Если же она возражала ему, онъ сердился, упрекалъ ее въ недостаткѣ любви къ брату и даже въ какой-то неблагодарности. Онъ, по видимому, считалъ себя уже благодѣтелемъ сестры, за то,

что приютить ее и держать у себя почти по неволѣ. Пашенька много разъ со слезами на глазахъ просила отпустить ее въ монастырь; но братъ отвѣчалъ обыкновенно на эти просьбы такимъ гнѣвомъ, что ей становилось страшно. Онъ говорилъ деспотически, что она не смѣетъ и думать объ этомъ, что онъ съумѣетъ поставить на своемъ, и ни на кого не посмотреть.

Онъ началъ такъ говорить особенно съ того времени, какъ замѣтилъ, что ухаживанья Михаила Мироновича принимаютъ серьезный характеръ, что онъ имѣетъ видимое намѣреніе жениться на Пашенькѣ.

Пашенька плакала по ночамъ и замѣтно худѣла; но бороться съ братомъ въ ней не было силы. При томъ на свои обязанности къ брату она смотрѣла съ какой-то суевѣрной сентиментальностью, и ей казалось грѣхомъ идти упорно на перекоръ ему. Въ ней не угасала надежда, что постоянствомъ своимъ она побѣдитъ-таки современемъ сопротивленія брата, и разстанется съ нимъ безъ враждебнаго чувства. Пашенька видѣла, что братъ по всему ей чужой, но ей было больно остановиться на этой мысли, и она все ждала какъ-будто, что въ немъ проявится что-нибудь родственное съ ней. Впечатлѣнія дѣтства были въ ней живы.

Каролина Богдановна говорила не на вѣтеръ, предлагая свои услуги, чтобы ввести Пашеньку въ губернское общество. Въ первое же воскресенье заѣхала она за Пашенькой чтобы отправиться вмѣстѣ къ губернаторшѣ. Пашенька не могла отдѣлаться отказомъ отъ неотступныхъ настояній Флоринской и брата, и поѣхала. Михаилъ Мироновичъ со своей стороны представилъ и Василья Петровича, и съ этихъ поръ и его и сестру стали часто приглашать на вечера. У Пашеньки была очень основательная причина отказываться отъ этихъ приглашеній: выѣзды требовали расходовъ, а денегъ у нея не было. Но и тутъ братъ возсталъ противъ ея домогательства, и сказалъ, что если нужны деньги, такъ онъ найдетъ. И точно находилъ.

Пашенька танцевала на этихъ вечерахъ и скучала. Молодые люди на перерывъ ухаживали за ней, потому-что не было въ городѣ дѣвушки красивѣе и граціознѣе; но, при

всемъ стараніи своимъ находить удовольствіе въ этихъ выѣздахъ и въ этихъ ухаживаньяхъ, Пашенька не могла отдѣлаться отъ своего сердечнаго горя, и находила молодыхъ людей скучными, а вечера тяжелыми и несносными.

Нечего и говорить, что еще скучнѣе и несноснѣе было для нея вниманіе Михаила Мироновича. А онъ просто преслѣдовалъ ее этимъ вниманіемъ. Интересъ, который Пашенька возбуждала во всей молодежи, кажется еще болѣе разжигалъ его. Можно было повѣрить теперь Аграфенѣ Ивановнѣ, что Михайлъ Мироновичъ влюбленъ—совершенно влюбленъ въ Пашеньку.

Чтобы избѣжать самыхъ печальныхъ, самыхъ непріятныхъ сценъ съ братомъ, Пашенька принуждена была бывать у Флоринскихъ часто, чуть не каждый день. Дни, когда экипажъ съ приглашеніемъ Каролины Богдановны не останавливался у воротъ квартиры Шавровыхъ, казались Пашенькѣ праздниками. Она радовалась и тому, если какое-нибудь нездоровье позволяло ей остаться въ постели.

Впрочемъ рѣдко не грозила ей тогда другая непріятность. Того и гляди явится Аграфена Ивановна и въ разговорѣ ея черезъ каждыя десять словъ будетъ упоминаться или Михайлъ Мироновичъ или его маменька.

Пашенька рѣшительно объявила Аграфенѣ Ивановнѣ, что она не станетъ говорить о любви Михаила Мироновича. Аграфена Ивановна о любви его точно старалась умалчивать; но могла ли она умолчать о несравненныхъ достоинствахъ Флоринскаго?

Къ чести Аграфены Ивановны слѣдуетъ впрочемъ сказать, что она дѣйствовала тутъ безкорыстно: вѣдь не могла же она рассчитывать, что Пашенька, выйдя замужъ за Флоринскаго, будетъ въ знакъ признательности понтъ ее кофеемъ и кормить обѣдами?

Наконецъ въ одно изъ посѣщеній Пашеньки, Михайлъ Мироновичъ подсѣлъ къ ней и—ни больше, ни меньше признался ей въ своей любви. Онъ сказалъ въ довольно гладкихъ, отборныхъ фразахъ, что съ перваго раза, какъ встрѣтилъ ее, возгорѣлся желаніемъ узнать ее поближе, что никто еще во всю его жизнь не нравился ему такъ съ пер-

ваго раза, какъ Пашенька, что, наконецъ, узнавши ее, онъ только объ одномъ и думаетъ, какъ бы понравиться ей. При этомъ онъ разумѣется спросилъ Пашеньку, одѣлалъ ли въ этомъ отношеніи какія-нибудь успѣхи.

Пашенька не могла произнести ни слова: сердце у нея кипѣло досадою, смѣшанной съ какой-то грустью, щеки горѣли, а къ глазамъ какъ-будто приливали слезы, и она ничего не могла сказать.

— Не молчите такъ, Полина Петровна, скажите хоть одно словечко, началъ опять умоляющимъ тономъ Михаилъ Мироновичъ, у котораго щеки тоже покраснѣли отъ нѣкотораго напряженія при довольно новомъ для него любовномъ признаніи.

Пашенька придумывала, чтобы сказать Михаилу Мироновичу, чтобы не обидѣть его, чтобы не выказать вполне своихъ чувствъ, которыя разумѣется не порадовали бы его.

— Скажите одно словечко, повторялъ Михаилъ Мироновичъ: — не убивайте во мнѣ надежды. Повѣрьте я готовъ на все для вашего счастья.

Въ головѣ Пашеньки вдругъ мелькнула мысль, которая показалась ей спасеніемъ въ ея положеніи; она собралась съ духомъ и отвѣчала Михаилу Мироновичу на сколько могла спокойно:

— Ваши слова такъ для меня неожиданны; я такъ удивлена ими...

Но Михаилъ Мироновичъ не далъ ей продолжать.

— Неужели вы не замѣчали моихъ чувствъ, Полина Петровна? воскликнулъ онъ почти съ увлеченіемъ. — Мнѣ кажется, ихъ можно было замѣтить изъ всѣхъ моихъ поступковъ, изъ всѣхъ моихъ....

— Не станемте говорить объ этомъ, перебила его Пашенька. — Позвольте отвѣчать вамъ не теперь, а не много спустя. Ваши слова, я вамъ говорю, такъ для меня неожиданны....

— Ахъ, все, что вы хотите! покорно отвѣчалъ Михаилъ Мироновичъ: — только не убивайте во мнѣ надежды.

— Я ничего не скажу вамъ теперь, отвѣчала Пашенька.

Разговоръ этотъ происходилъ вскорѣ послѣ обѣда. Па-

шенька была такъ встревожена, что Флоринскіе не могли удерживать ее и отпустили домой.

Василій Петровичъ обѣдалъ въ этотъ разъ дома, и сестра застала его спящимъ.

Она тотчасъ же сѣла къ столу, и стала что-то быстро писать.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ комнату вошла Катерина. Она подошла на цыпочкахъ къ Пашенькѣ, взяла ее за плечо, и сказала:

— Пашенька, скажи: слава Богу!

Пашенька испугалась не много и подняла глаза на свою старую пяньку.

— Да ты плакала никакъ, Пашенька! воскликнула встревоженная нянька: — что это глазки-то у тебя красные?

Пашенька провела рукой по глазамъ и сказала:

— Нѣтъ, это такъ, съ вѣтру. Ты пришла сказать мнѣ что-то?

— Скажи: славу Богу! повторила Катерина.

— Ну, славу Богу!

— Я Андреяна сейчасъ видѣла.

— Какого Андреяна?

— А что у Николая-то Иваныча служилъ, у Темникова.

У Пашеньки вся кровь бросилась въ лицо, сердце какъ-то замерло, и она затаивъ дыханіе стала ждать, что скажетъ Катерина; спрашивать она была не въ силахъ.

— Вѣдь это наврали все — сказали, будто женился Николай Иванычъ. И не думалъ, сказывается Андреянъ-то. Живетъ, говоритъ, домоѣдомъ такимъ, нигдѣ и въ домахъ-то такихъ не бываетъ, гдѣ есть невѣсты.

— За чѣмъ же Андреянъ пріѣхалъ сюда? спросила наконецъ Пашенька.

— А онъ съ знакомымъ однимъ сюда пріѣзжалъ съ Николаемъ Иванычевымъ. Да такая-то право досада — вотъ ужъ цѣлую недѣлю они здѣсь живутъ, а я и не повстречалась ни разу съ Андреяномъ. Сегодня только увидалась, да и то на одну минуточку. Нынче вечеромъ они ѣдутъ, такъ онъ торопился: некогда, сказалъ.

— А куда-жъ они ѣдутъ? быстро спросила Пашенька.

— Да опять туда же, къ Николай Ивановичу. Андреянъ-то сказывалъ: баринъ, говорить, собирается въ Петербургъ. Какъ, говорить, я ворочусь, такъ и поѣдемъ съ нимъ.

— Ты не спросила, гдѣ они остановились?

— На площади, сказывалъ онъ — гостинница-то что большая.

— Послушай, няня! я напишу сейчасъ маленькое письмо, а ты снеси его Андреяну, пусть отвезетъ.

— Къ Николаю Ивановичу?

— Да. Можетъ-быть я и успѣю.

— Онъ говорилъ, черезъ часъ ѣдутъ; ну, да авось еще застаю. Пиши, Пашенька, пиши, а я покажѣсть одѣнусь пойду. Да поскорѣе, много-то не пиши.

Пашенька поспѣшно взялась за перо и стала писать.

Вотъ что написала она:

«Не удивляйтесь письму моему, Николай Ивановичъ. Вѣсть о васъ застала меня въ такую горькую минуту, что я какъ за послѣднее утѣшеніе ухватила за мысль написать къ вамъ эти строки. Пишу къ вамъ не для того, чтобы напоминать о прошедшемъ или жаловаться на настоящее. Мнѣ хотѣлось только еще разъ навсегда проститься съ вами. Я твердо рѣшилась вступитъ въ монастырь, и когда вы получите это письмо, я вѣрно буду уже на дорогѣ туда. Знать, что вы счастливы, останется моимъ единственнымъ счастьемъ, и я буду молиться Богу, чтобы онъ хранилъ и благословилъ вашу жизнь. П. Ш.»

Пашенька на-скоро запечатала письмо облаткой, надписала адресъ и отдала его Катеринѣ, уже надѣвшей свой служебный салопъ.

— Пожалуйста, поскорѣе, няня, просила Пашенька: — я все боюсь, что они ужъ уѣхали.

— Кто ихъ знаетъ! можетъ, и уѣхали. Да я мигомъ слетаю.

— Пожалуйста, няня. Да если они не уѣхали, распроси хорошенько у Андреяна объ Николаѣ Ивановичѣ, сказала Пашенька, провожая Катерину къ двери.

— Хорошо, хорошо, проговорила старуха, уходя.

Проводивъ ее, Пашенька не могла уже взяться за нача-

тый ею листъ, за которымъ застала ее Катерина со своимъ неожиданнымъ извѣстiемъ. Она оставила на столѣ перо и бумагу, подвинула стулъ къ окну, сѣла и стала смотрѣть на улицу. Сумерки быстро напыливали, вѣтеръ постукивалъ ставнями и отъ окна дуло; но Пашенькѣ не было до этого дѣла. Она смотрѣла не глядя въ глухой и пустой переулокъ, на которомъ не показывалось ни одной живой души, и думала.

Думы были безконечныя и невеселыя. Прежде всего пережила она въ воспоминанiи тѣ единственные свѣтлыя дни своей жизни, когда около нея былъ человекъ, къ которому она только-что написала прощальныя строки. Но эти ясныя картины безпрестанно застигала въ ея воображенiи холодный туманъ дальнѣйшихъ годовъ. Отъ воспоминанiй перешла она къ своему настоящему. Можетъ, къ этому возвратило ее тихое похрапыванье брата въ сосѣдней комнатѣ.

Она начала обдумывать свое рѣшенье, высказанное въ письмѣ къ Темникову. Читатель знаетъ уже, что рѣшенiе это было не ново; но всѣ колебанiя исчезли въ Пашенькѣ послѣ признанiя, обращеннаго къ ней въ этотъ день Михаиломъ Мионовичемъ. Она рѣшилась бороться съ братомъ до истощенiя силъ, и только ждала его пробужденiя, чтобы сказать ему все.

А Катерина все еще не возвращалась.

Отъ времени до времени Пашенька всматривалась въ сумракъ, совсѣмъ уже залившiй узкiй переулокъ, и прислушивалась, не стукнутъ-ли ворота, не заскрипятъ-ли шаги по снѣгу.

Нетерпѣнiе ея все росло, и превратилось наконецъ въ какой-то страстный трепеть ожиданiя. Она напрасно старалась успокоить себя мыслью, что письмо можно отпривить по почтѣ, если Андреянъ уже уѣхалъ; она вмѣстѣ-съ-тѣмъ надѣялась, не узнастъ-ли отъ него чего-нибудь Катерина, и начинала досадовать на себя, зачѣмъ не научила свою старую няньку, о чемъ именно спрашивать.

Наконецъ, Пашенькѣ показалось, что на улицѣ слышны шаги, она быстро встала и выбѣжала изъ комнаты на крыльцо. Вѣтеръ сильно шумѣлъ и обсыпалъ ей волосы и плечи снѣгомъ. Пашенька еще разъ прислушалась, и выбѣжала за

ворота, нисколько не заботясь о томъ, что ноги ея въ тонкихъ башмакахъ, чуть не по щиколку уходятъ въ снѣгъ.

Въ переулкѣ было пусто, но изъ-за угла, гдѣ падалъ на снѣгъ свѣтъ изъ оконъ, кто-то показался.

Вся дрожа отъ холода и отъ ожиданія, смотрѣла Пашенька вдоль по улицѣ; а вѣтеръ продолжалъ осыпать ее снѣгомъ.

— Пашенька! Сумасшедшая ты этакая! закричала Катерина, увидавъ ее: — что ты, простудиться захотѣла, что ли? Иди скорѣе въ горницу. Я, вонъ, и въ салопѣ тепломъ, да продрогла вся; а ты въ одномъ платьѣ выбѣжала.

— Что, уѣхали? спрашивала Пашенька, не обращая вниманія на слова старухи.

— Уѣхали, отвѣчала Катерина уже на крыльцѣ.

— А письмо?

— Письмо отдала, и проводила ихъ.

— А ничего не распросила? сказала Пашенька, останавливаясь въ сѣняхъ.

— Какія распросы? отвѣчала Катерина: — такую суету застала, что просто бѣда! И слова не удалось сказать. Да что ты стоишь-то тутъ, Пашенька? Иди въ горницу скорѣе. Распростудишься: холодъ этакой на дворѣ.

— Ничего.

— Какъ ничего? Иди! иди!

И она почти силой втокнула Пашеньку въ комнату.

Тутъ было уже свѣтло. Василій Пегровичъ проснулся, всталъ и зажегъ свѣчу.

Когда Пашенька, вся дрожа отъ холоду, переступила порогъ, братъ ея сидѣлъ у стола, за которымъ она писала полчаса тому назадъ, и держалъ въ рукѣ оставленную ею бумагу.

Извѣстіе, принесенное Катериной, письмо къ Темникову и посылка няньки въ гостинницу заставили Пашеньку совсѣмъ позабыть, что она писала до прихода въ комнату Катерины.

Братъ напомнилъ ей объ этомъ.

— Это что такое? спросилъ онъ нѣсколько хриплымъ отъ сна голосомъ, и подалъ ей бумагу.

Пашенька взглянула на бумагу, и тутъ только пришло

ей въ память все, что было до такъ взволновавшаго ее извѣстія.

Она и безъ того собиралась говорить обо всемъ съ братомъ въ этотъ вечеръ, но неожиданный вопросъ его очень смутилъ ее. Она знала, что будетъ съ его стороны сопротивленіе, и готовилась собрать всѣ свои силы, чтобы не уступить ему; но теперь она почувствовала, что вопросъ застаеъ ее въ распахъ и что она не сѣмѣетъ дѣйствовать съ такою увѣренностію, какъ-бы хотѣла.

Руки и ноги ея были все еще холодны какъ ледъ и непріятный ознобъ пробѣгалъ у нея по тѣлу. Ожиданіе очень щекотливой бесѣды не могло согрѣть ея, и только щеки у нея разгорѣлись.

Она сѣла, не выпуская изъ рукъ бумаги и не отвѣчая.

— Съ чего это пришло тебѣ въ голову писать письмо къ Флоринскому? спросилъ Василій Петровичъ.

— Надо-же кончить это когда-нибудь, проговорила Пашенька.

— Что такое кончить? спросилъ опять Василій Петровичъ.

— Какъ будто ты не знаешь?

— Не знаю, и прошу тебя рассказать.

Голосъ измѣняя Василью Петровичу: въ немъ была слышна его внутренняя дрожь.

— Я ужъ говорила тебѣ, братъ, и опять повторяю, что не останусь въ свѣтѣ, начала, собираясь съ духомъ Пашенька.

— Я тебя не объ этомъ спрашиваю, сказалъ братъ. — Развѣ говорилъ тебѣ что-нибудь Флоринскій?

— Да, онъ постоянно надоѣдаетъ мнѣ своими любезностями, а сегодня совсѣмъ вздумалъ объясняться мнѣ въ любви. Онъ спрашивалъ у меня, могу-ли я его любить. Я ничего не отвѣтила, но допишу это письмо и пошлю ему.

Пашенька проговорила все это съ величайшимъ напряженіемъ: руки ея все еще дрожали отъ холода и зубы едва сходились.

— Ты его не допишешь и не пошлешь, проговорилъ братъ, выхватилъ листъ бумаги изъ рукъ сестры и изорвалъ его на части.

Пашенька никакъ не ожидала такого рѣзкаго отвѣта и почти испугалась.

— Такъ я скажу ему все это на словахъ, сказала она.

— Не скажешь, проговорилъ опять братъ съ такимъ удареніемъ, какъ-будто хотѣлъ сказать, что заставитъ сестру дѣйствовать такъ, какъ ему будетъ угодно.

— Чего-же ты хочешь отъ меня? спросила черезъ силу Пашенька, и слезы побѣжали у нея по щекамъ.

— Хочу того, чего-бы хотѣлъ твой отецъ, еслибъ былъ еще живъ.

— Да чего-же? скажи, проговорила Пашенька въ отчаяніи.

— Хочу, чтобы ты вышла за-мужъ за Флоринскаго.

— Я не могу этого.

— Отчего?

— Я не люблю его.

— А надо любить?

Пашенька не отвѣчала.

Василій Петровичъ всталъ и началъ сердито ходить изъ угла въ уголь.

— Такъ ты хочешь, началъ онъ дрожащимъ голосомъ, останавливаясь передъ сестрой: — такъ ты хочешь, чтобы изъ-за твоего упрямства мнѣ пришлось поплатиться всею своею карьерой?

— Этого не можетъ быть, перебила его Пашенька: — Флоринскій не такой злой человѣкъ, чтобы сталъ вредить тебѣ, если я ему откажу. Я сама попрошу его....

— Очень ему нужны твои просьбы. Какъ-же! Такъ и растаетъ, не бойсь!

— Такъ что-же мнѣ дѣлать, братъ?

— Выйди за него.

— Я все никакъ не могу понять этого. Неужто тебѣ хотѣлось бы, чтобы на всю жизнь была несчастна?

— А я вотъ этихъ нѣжностей твоихъ понять не могу. Какого же тебѣ мужа еще надо? Или желаешь остаться у меня на плечахъ?

— Братъ! начала Пашенька едва удерживая рыданія: —

прошу тебя — чтобы ты отпустилъ меня отъ себя. Я вовсе не хочу выходить замужъ.

— Такъ зачѣмъ же ты меня въ расходы вводила? закричалъ братъ. — Выводилъ ее, сдѣлалъ ей платья — чортъ знаетъ для чего! нашла какого богача.

Пашенька совсѣмъ душили слезы.

— Развѣ не ты самъ принуждалъ меня? проговорила она едва внятно: — я постоянно отказывалась.

Но Василій Петровичъ не слушалъ; онъ сердито расхаживалъ по комнатѣ и говорилъ:

— Вотъ дѣлай послѣ этого добро! старайся! За все это кромѣ неприятностей ничего не дождешься. Ужь былъ бы живъ отецъ, онъ не позволилъ бы тебѣ артачиться. Изъ-за ея нѣжностей и сантиментальностей братъ хоть по міру иди! А тоже Богу молиться, прикидываться не знаю какой святой! Въ монастырь она поѣдетъ, схиму тамъ приметъ, откажется отъ міра. А нагадить ближнему своему, родному, брату — это что? Плевое дѣло!

Слова одно другаго жестче и непріятнѣе лились потокомъ съ языка Василья Петровича. Пашенька давно уже всхлипывала; но онъ не обращалъ вниманія на ея слезы, напротивъ, раздражался все болѣе и болѣе, и когда по временамъ останавливался передъ сестрой, сердце Пашеньки сжималось отъ страха.

Въ нѣкоторое оправданіе слѣдуетъ замѣтить, что Василій Петровичъ обѣдалъ въ этотъ день не одинъ. Къ нему зашелъ школьный товарищъ его Алеша Пирожковскій и они распили вдвоемъ графинчикъ водки и бутылку мадеры.

Вы скажете: хорошо оправданіе! Другаго не знаю.

— Да нѣтъ! закричалъ наконецъ Василій Петровичъ, останавливаясь передъ сестрой: — я заставлю тебя выйдти за него! заставлю!

Слезы остановились въ глазахъ Пашеньки; она черезъ силу приподнялась со стула и сказала, собравъ послѣдній остатокъ твердости:

— Ты не можешь меня заставить.

— Не могу? закричалъ братъ, схвативъ Пашеньку за плечи. — Я тебѣ покажу, что могу.

Пашенька глухо простонала, и Василий Петровичъ почувствовалъ, что она выскользаетъ изъ его рукъ. Онъ не успѣлъ еще договорить, какъ сестра вдругъ упала на полъ.

Тутъ только онъ опомнился, кинулся къ ней, началъ нѣжнѣе спрашивать, что съ ней, и видя, что Пашенька безъ чувствъ, поднялъ и положилъ ее на постель и побѣжалъ за Катериной.

Нянька, вопя и всплескивая руками, бросилась къ постели, Василий Петровичъ побѣжалъ за докторомъ.

Пашенька очнулась отъ обморока кажется для того только, чтобы тотчасъ же впасть въ бредъ. Съ ней сдѣлалась горячка, которую Катерина, не зная, что произошло безъ нея между братомъ и сестрой, приписывала исключительно простудѣ.

Для нея наступили теперь безсонныя ночи. Положеніе питомицы ея съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе. Были дни, что докторъ сомнѣвался, встанетъ ли она.

Двѣ недѣли продолжалось такое состояніе. Пашенька жила словно во снѣ: грезы перемѣшивались съ дѣйствительностью, прошедшее съ настоящимъ. Ей казалось по временамъ, что всѣ перебивали около ея постели, и Флоринскій, и маменька его, и Платонъ Николаевичъ, и Лидія Петровна съ мужемъ, и Темниковъ.

Наконецъ докторъ сталъ замѣчать перемѣну къ лучшему. Скоро она стала замѣтна и для окружающихъ. Когда Пашенька обращала къ Катеринѣ какой-нибудь вопросъ, старуха не просила уже ее молчать, чтобы не утомлять себя, и отвѣчала.

Василій Петровичъ, словно сознавая вину свою, рѣдко подходилъ къ постели больной, и то большею частію, когда она спитъ.

Ровно черезъ двѣ съ половиной недѣли послѣ несчастнаго дня когда Пашенька захворала, она проснулась особенно рано и тотчасъ же тихо позвала Катерину, которая чутко дремала на полу около самой кровати. Катерина быстро встала спросила Пашеньку хорошо ли она спала и какъ себя чувствуетъ, и не могла порадоваться, когда Пашенька отвѣчала ей, что спала прекрасно, спокойно, и что чувствуетъ себя гораздо лучше.

— Долго ли мнѣ еще лежать, няня? сказала Пашенька.—
Мнѣ бы хотѣлось ужь встать.

— Полно, голубушка, какъ это можно? отвѣчала Катерина: — какъ можно теперь вставать. Погоди денька два три, поукрѣпнисья нѣсколько. Ну, тогда другое дѣло.

— Тогда мы станемъ собираться, няня, и какъ только можно мнѣ будетъ, уѣдемъ.

— Куда, матушка?

— Въ монастырь.

— Да полно ты, Пашенька! пенадо будетъ и въ монастырь ѣхать. Все, Богъ дастъ, уладится.

Нѣтъ, ничего не можетъ уладится, грустно отвѣчала Пашенька.

— Какъ знать? возразила Катерина. — А у меня вотъ чуетъ сердце, что Николай Ивановичъ скоро сюда будетъ.

— Если и будетъ, такъ не для меня.

— Это отъ чего?

— Онъ давно забылъ обо мнѣ.

— А ужь я жь тебѣ скажу, что не забылъ.

— Да ты почѣму знаешь?

— Знаю.

Въ голосѣ Катерины была такая увѣренность, что Пашенька поспѣшно спросила:

— Послушай, няня, нѣтъ ли письма отъ него?

— Письма нѣтъ, а только я знаю, что онъ будетъ сюда, самъ будетъ и не для кого другаго, какъ для тебя.

— Ты нарочно говоришь все это, няня, только чтобы утѣшить меня.

— Хочешь, побожусь?

— Ахъ, нѣтъ пенадо; я вѣрю. Только отъ кого же ты узнала это?

— Сказывалъ одинъ человѣкъ оттуда приѣзжій.

— Вѣрно это не правда.

— Самый правдивый человѣкъ. Не сегодня — завтра Николай Ивановичъ будетъ здѣсь. Можетъ, вотъ, мы говоримъ теперь съ тобой, а онъ ужь и приѣхалъ и сюда собирается.

Пашенька не сказала ни слова, она пристально смотрѣла въ доброе лицо Катерины все дышавшее довольствомъ и ра-

достью и у нея въ душѣ пробуждалось какое-то неясное воспоминаніе. Ей начинало казаться, что не во снѣ видѣла Темникова у своей постели, что онъ въ самомъ дѣлѣ и стоялъ и сидѣлъ тутъ не разъ въ эти страшныя горячечныя ночи, которыя представлялись ей теперь какою-то, не то дикой грезой сказочной дѣйствительностью. Пашенька припоминала какъ будто тихій шопотъ около ея постели и въ этомъ шопотѣ она узнавала знакомый, милый давно не слышенный голосъ.

Катерина замѣтила странный, какъ-будто терявшійся въ далекой дали взглядъ своей больной питомцы, и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросила:

— Что ты такъ на меня смотришь, Пашенька? Пашенька словно проснулась.

— Онъ пріѣхалъ, няня, сказала она вдругъ: — онъ здѣсь. Я это знаю

— А развѣ ты видѣла его? спросила Катерина, неуспѣвши спохватится.

— Видѣла, видѣла, радостно воскликнула Пашенька. — Да гдѣ же онъ? Я хочу говорить съ нимъ? что говорилъ онъ съ тобой, няня?

— Мало ли что говорилъ! говорилъ по прежнему тебя любить, и только одного боялся, что ты позабыла объ немъ. Писемъ твоихъ изъ Петербурга онъ ни одного не получилъ. Да онъ все тебѣ самъ расскажетъ. Черезъ полчаса здѣсь будетъ. А ты успокойся, полно. Что это плакать-то вздумала?

— По щекамъ Пашеньки тихо скатывались слезинки.

— Я такъ рада, няня, такъ рада, проговорила она: — Мнѣ кажется, я вовсе и больна не была, такъ я хорошо чувствую теперь себя отъ радости.

— А плакать-то зачѣмъ?

— Тоже отъ радости, няня. Подойди ко мнѣ поближе, мнѣ такъ хочется обнять тебя.

— Ахъ ты бѣдняжка моя! истомилась ты у меня со-всѣмъ, сказала Катерина, обнимая Пашеньку и цалуя ее въ лобъ. — Ну, теперь заживемъ лучше.

— Няня, намочи мнѣ полотенце, и дай, я оботрусь, да достань мнѣ чистый чепецъ просила Пашенька. — Мнѣ ка-

жется, здѣсь такъ душно, такъ нехорошо. Какъ онъ сюда придетъ.

— Ужъ не въ первый разъ.

— Да когда онъ прѣхалъ?

— Съ нѣдѣлю ужъ.

— Что жъ ты мнѣ прежде не сказала, няня? Мнѣ кажется, я бы тотчасъ выздоровѣла, какъ только узнала что онъ здѣсь.

— А мы все боялись испугать тебя, думали, какъ бы хуже тебѣ не было.

— Пашенька только-что вытерла себѣ лицо, пригладила немного развѣсившіеся волосы и надѣла чепецъ, какъ по двору слышались шаги. Они слышались только для нея, Катерина ихъ не слыхала.

— Это онъ, онъ! вскричала Пашенька. — Бѣги скорѣй все и его сюда!

Катерина вышла въ сѣни и встрѣтилась тутъ съ Николаемъ Ивановичемъ.

— Ну, что? спросилъ онъ.

— Чего тутъ спрашивать? крикнула радостно Катерина. — Идите, что ли, за мной скорѣе; я ей сказала; она васъ ждетъ.

Темниковъ быстро сбросилъ съ себя шубу и шляпу въ передней, отворилъ дверь и подошелъ къ постели Пашеньки.

VIII.

Немого времени прошло съ выздоровленія Пашеньки — всего какихъ нибудь два три года, а сколько измѣненій произошло съ лицами, которые проходили по сценѣ этой драмы или комедіи, не знаю, право, какъ назвать правильнѣе.

Василій Петровичъ Шавровъ, какъ оказалось, очень ошибался, предполагая въ Михаилѣ Мионовичѣ Флоринскомъ недоброжелательное и мстительное сердце. Михаилъ Мионовичъ, разумѣется, пожалѣлъ, что Пашенька не захотѣла выйти за него замужъ; но и не подумалъ мстить за это Шаврову. Конечно, будь Василій Петровичъ зятемъ Флоринскаго, было бы лучше: служебная карьера его, о которой онъ начиналъ уже говорить съ такимъ же жаромъ, какъ нѣкогда Платонъ

Николаевичъ, была бы, навѣрное, видѣе и представляла бы, стало быть, больше всякихъ, нравственныхъ и общественныхъ выгодъ. Но какъ быть? Нельзя же вѣкъ прожить безъ небольшихъ неудачъ и безъ обманутыхъ надеждъ? Ни тѣ, ни другія не мѣшали Василю Петровичу идти по службѣ твердымъ шагомъ къ болѣе свѣтлой цѣли.

Каролина Богданова приняла отказъ Пашеньки ближе къ сердцу нежели самъ Михаилъ Мироновичъ. И всемірная, и естественная исторія достаточно говорятъ о материнскомъ чувствѣ, а потому, здѣсь распространяться объ немъ нечего. Надо сказать, однакожь, что госпожа Флоринская никакъ не могла понять, какъ можно промѣнять ея сына чортъ знаетъ на кого, потому-что всѣ, какъ-скоро становились на одну съ нимъ доску, были чортъ знаетъ кто.

Неразъ въ бесѣдахъ своихъ съ Аграфеной Ивановной, Катерина Богдановна называла Шаврова дуракомъ за то, что онъ не умѣлъ образумить сестру, и показать ея всю громадную разницу между Михаиломъ Мироновичемъ и Темниковымъ. Аграфена Ивановна, какъ водится, поддакивала; кромѣ того, она стала находить и въ Пашенькѣ множество недостатковъ, которыхъ прежде не замѣчала. Главный, по ея мнѣнію, былъ — неблагодарность и неумѣнье цѣнить вниманіе такихъ людей, какъ Михаилъ Мироновичъ и Каролина Богданова.

— Что сказала бы она, еслибъ узнала, какъ поступилъ со своимъ благодѣтелемъ Василій Петровичъ? Впрочемъ, она вѣроятно узнаетъ и побранитъ его порядкомъ.

А Василій Петровичъ вотъ какъ поступилъ.

Давно уже приглядывался онъ къ младшей дочкѣ вдовы Бакалѣевой и наконецъ рѣшился жениться на ней. Вдова была очень довольна предложеніемъ Шаврова и согласилась отдать за него дочь, дочь, вѣроятно, тоже была довольна и вышла за него.

Еще за нѣсколько недѣль до свадьбы, Бакалѣева объявила жильцу своему, Платону Николаевичу, который, какъ вы знаете, уже давно пересталъ быть аккуратнымъ плательщикомъ за квартиру, чтобы онъ съѣзжалъ.

Платонъ Николаевичъ очень ужъ обжился въ домѣ вдовы

и съѣзжать ему не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что приходилось уже панять квартиру подешевле и поменьше. Но дѣлать было нечего. Старуха Войлокова хоть и твердила: нѣтъ, нѣтъ! но ея не послушали, Платонъ Николаевич думалъ, что Василій Петровичъ, какъ женится, поселится въ домѣ. Этого однакожь не случилось: новобрачные остались жить во флигелѣ, и домъ опять стали отдавать въ наймы. Не велико было утѣшеніе Платону Николаевичу при каждомъ удобномъ случаѣ бранить благодѣтельствованнаго имъ сироту и называть его не иначе, какъ неблагодарнымъ подлецомъ Васькой.

Во время переѣзда съ квартиры Агаея Максимовна простудилась и ужь окончательно расклеялась. Сколько ни говорила она свое: «нѣтъ», смерть сказала да и положила этимъ конецъ спору.

Не лучше, чѣмъ съ Платономъ Николаевичемъ, поступилъ Шавровъ и съ Машей. Обобравъ черезъ нее Войлокова, онъ ничего не оставилъ посредницѣ, и когда выходитъ теперь изъ дому съ женой, почти боится съ нею встрѣтиться. Оно и понятно: Маша просто возненавидѣла его. Притомъ она получила большое пристрастіе къ мадерѣ, которую очень хорошо дѣлаетъ мѣстный виноторговецъ и продаетъ недорого, и очень можетъ надѣлать какихъ-нибудь непріятностей не только самому Шаврову, но и женѣ его.

Тѣмъ неменѣе, Василій Петровичъ, по его понятію, благоденствуетъ.

Пашенька уѣхала съ мужемъ въ Москву. Они живутъ не богато, но и не нуждаются. У нихъ уже двое дѣтей, и Пашенька усердно молится, чтобы Богъ не оставилъ ихъ сиротами, хотя Василій Петровичъ и не отказался бы въ этомъ случаѣ оказать имъ посильное благодѣяніе.

М. МИХАЙЛОВЪ.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АМУРА КЪ РОССИИ.

ПЕРИОДЪ III.

Возвращение Амура.

(1847 — 1858 г.)

Статья четвертая и послѣдняя.

Доведя рассказъ о дѣйствіяхъ Амурской экспедиціи до 1853 года, приходится обратиться къ экспедиціи подполковника Агте, занимавшейся въ это время изслѣдованіями, назначенными ей генералъ-губернаторомъ. Она кончила свои дѣйствія въ 1852 году и доставила достовѣрныя свѣдѣнія о странѣ къ сѣверу отъ Амура лежащей, хотя и не была на самой рѣкѣ, за исключеніемъ топографа экспедиціи, который спускался въ лодкѣ до устья р. Камары. Подполковникъ Агте нашелъ пограничныя знаки или *амвоны*, поставленные Китайцами, еще южнѣе тѣхъ пунктовъ, на которые указывалъ г. Миддендорфъ; но для общаго успѣха дѣла особенно важны были собранныя подполковникомъ Агте на мѣстѣ свѣдѣнія и мнѣнія мѣстныхъ жителей о независимости отъ Китая Восточнаго Приамурскаго края и о правахъ Россіи на эти страны. Подполковникъ Агте доставилъ точныя свѣдѣнія, что только верхняя часть Амура отъ Усть-Стрѣлки до рѣки Бурси считается принадлежностью Маньчжуріи, остальная затѣмъ считается жителями независимою, потому что по всѣмъ правамъ должна принадлежать Россіи.

Такимъ образомъ изслѣдованія г. Агте вполне подтвердили доводы капитана Невельскаго по этому же предмету, изложенные имъ въ своемъ донесеніи къ генераль-губернатору восточной Сибири въ іюнѣ 1852 года. Подполковникъ Агте возвратился въ С. Петербургъ въ 1853 году.

Таково было положеніе, въ которомъ находились дѣла наши на Амурѣ къ концу 1853 года. Для полноты разсказа слѣдуетъ здѣсь упомянуть о входѣ въ устьѣ Амура въ этомъ же году перваго военного судна, винтовой шкуны «Востокъ», посланной изъ Японской эскадры изъ Нагаксаки, вице-адмираломъ Путятинымъ *) съ бумагами къ генераль-губернатору и начальнику Амурской экспедиціи, а также и за свѣденіями о положеніи и средствахъ нашихъ на устьѣ Амура. Экспедиція и посольство въ Японію адмирала Путятина въ 1851—53 годахъ не имѣли до этого времени никакой связи съ событіями происходившими на Амурѣ, а потому они и не вошли въ составъ этого разсказа, и первое соприкосновеніе ихъ съ Амуромъ начинается съ плаванія шкуны «Востокъ» въ 1853 году. Командиръ шкуны капитанъ лейтенантъ Римскій-Корсаковъ, слѣдуя Татарскимъ проливомъ, описалъ западный берегъ острова Сахалина, между мысами *Дуй* и *Тыкъ*, и изслѣдовалъ встрѣчавшіеся ему мѣсторожденія и образчики каменнаго угля. Потомъ перейдя къ матерому берегу, онъ, руководствуясь картою капитана Невельскаго 1849 года и указаніями лейтенанта Чихачева **), прошелъ удачно въ Лиманъ Амура и слѣдуя южнымъ фарватеромъ, достигъ до южнаго сходнаго въ Амуръ мыса *Проме*. Такимъ образомъ 13 сентября 1853 года въ первый разъ русское военное судно бросило якорь въ рѣкѣ Амурѣ. Оставивъ здѣсь шкуну наливаться пресною водою и отправивъ лейтенанта Чихачева на гичкѣ въ Николаевскій постъ, самъ капитанъ Римскій-Корсаковъ отправился на барказѣ въ Петровское. Не найдя здѣсь капитана Невельскаго и поручика Орлова, отправившихся въ это время для занятія Сахалина,

*) Нынѣ адмиралъ графъ Евоній Васильевичъ Путятинъ.

***) Отправившагося въ 1852 году изъ Петровскаго чрезъ Аянъ и Якутскъ въ Иркутскъ и далѣе въ С. Петербургъ, оттуда кругомъ свѣта прибывшаго къ японской эскадрѣ вице-адмирала Путятина.

командиръ шкуны сдалъ бумаги штабсъ-лекарю Орлову, остававшемуся комендантомъ зимовья и на другой день отправился обратно на шкуну къ мысу Пронге. — Получивъ въ Петровскомъ свѣденія, что открыта Императорская гавань, что озеро Кызи и заливъ де-Кастра заняты нашими постами, капитанъ Римскій-Корсаковъ направился къ послѣднему пункту, надѣясь встрѣтиться тамъ съ капитаномъ Невельскимъ. Но найдя тамъ, въ Александровскомъ посту только бумаги и карты, адресованныя командиру русскаго военнаго судна, для передачи адмиралу, онъ отправился снова къ Сахалинскому берегу, изслѣдовалъ протоку *Viazny*, и нагружившись углемъ южнѣе мыса Дуй, оставилъ здѣсь для ломки и заготовленія его лейтенанта Чихачева, а самъ въ началѣ октября вторично пошелъ въ заливъ де-Кастри. На обратномъ пути шкуна «Востокъ», нагруживъ у Сахалинскаго берега наломанный лейтенантомъ Чихачевымъ уголь, заходила въ Императорскую гавань, и оттуда отправилась къ Нагасаки *). Плаваніе шкуны «Востокъ» въ устьѣ Амура было тѣмъ важно, что тогда только въ С. Петербургѣ повѣрили открытію капитана Невельскаго, подтвержденному донесеніями г. Римскаго-Корсакова, что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ, что на мѣстѣ означеннаго на картахъ Крузенштерна перешейка дѣйствительно существуетъ проливъ въ 5 саж. глубиною и что поэтому входъ въ Амуръ съ юга изъ Японскаго моря для морскихъ судовъ возможенъ.

Ожидаемый разрывъ съ Европой, понудилъ генералъ-губернатора въ началѣ 1853 года прибыть въ С. Петербургъ, для обсужденія различныхъ предположеній о защитѣ вѣтреннаго ему края, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій. 22 Апрѣля Государь Императоръ изволилъ принимать генерала Муравьева и благосклонно выслушать его донесенія о нашихъ дѣйствіяхъ въ низовьѣ Амура, будущія предположенія и доводы о правахъ Россіи на Амуръ, для чего изъ генеральнаго штаба были потребованы всѣ записки и карты подполковника Агте. Между прочимъ генералъ Муравьевъ представлялъ, что военныя обстоятельства вынужда-

---

*) М. Сб., г. XXXV.

ють мѣру не обыкновенную, — именно *сплавъ по Амуру* изъ Забайкалья до моря, и что безъ этого нельзя подкрѣпить Камчатку, нельзя сухопутьемъ послать туда большихъ орудій и много войска, и что самая доставка по Амуру обойдется несравненно дешевле сухопутной перевозки. Государь Императоръ изволилъ найти основательными доводы генерала Муравьева о нашихъ правахъ на Амуръ, повелѣлъ написать объ этомъ Китайцамъ, а предложеніе о сплавѣ по Амуру разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ. Въ слѣдствіе этого 16 іюня 1853 года былъ посланъ листъ Пекинскому трибуналу въ которомъ было сказано, что по существующимъ трактатамъ, границею отъ вершины р. Горбицы къ востоку положенъ хребетъ горъ, такимъ образомъ, что всѣ рѣки текущія на сѣверную сторону отъ сихъ горъ должны состоять во владѣніи Россійскаго государства, а рѣки текущія въ полуденную сторону, — во владѣніи Китайскаго государства. Но такъ какъ на этомъ пространствѣ граничные знаки не поставлены, то приглашаютъ китайское правительство прислать своихъ уполномоченныхъ для постановленія знаковъ и разграниченія пространства, прилегающаго къ морю, оставленнаго впредь до усмотрѣнія не разграниченымъ.

По прибытіи генерала Муравьева изъ заграницы, особый комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію его предложеній объ Амурѣ. Генераль-губернаторъ представилъ вышеизложенные доводы, почему намъ необходимо теперь воспользоваться удобнымъ водянымъ путемъ къ морю, и послѣ долгихъ и жаркихъ преній, настала наконецъ та рѣшительная минута, которую Россія ожидала болѣе 150 лѣтъ. Рѣшено было: *«плыть по Амуру.»*

Государь Императоръ, утвердивъ такое рѣшеніе изволилъ лично прибавить генералу Муравьеву: «но чтобы и не пахло пороховымъ дымомъ.» — Послѣ этого генераль-губернаторъ тотчасъ же отправилъ въ Иркутскъ подполковника Корсакова курьеромъ, съ порученіемъ ускорить распоряженія по амурскому сплаву, которыя всѣ уже были заранѣе подготовлены генераломъ Муравьевымъ, въ твердой увѣренности на непремѣнный успѣхъ своихъ стараній. Еще въ

1851 году назначенный для особыхъ порученій къ генераль-губернатору капитанъ-лейтенантъ Казакевичъ сдѣлалъ промѣръ и опись р. Шилки, съ цѣлю доказать возможность заведенія по ней пароходства. Проектъ этотъ былъ высочайше утвержденъ и въ слѣдствіе этого въ 1853 году въ Шилкинскомъ заводѣ былъ заложенъ 60 сильный пароходъ «Аргунь», строившійся подъ руководствомъ капитанъ-лейтенанта Казакевича и корабельнаго инженера Шарубина.

Вслѣдъ за отъѣздомъ подполковника Корсакова, самъ генераль-губернаторъ въ началѣ 1854 года выѣхалъ изъ С. Петербурга въ Иркутскъ, и еще по льду переѣхалъ Байкалъ и продолжалъ путь въ Забайкалье. Вся Сибирь встрепенулась при вѣсти объ открытіи плаванія по Амуру, котораго она дожидалась слишкомъ 150 лѣтъ. Николая Николаевича вездѣ встрѣчали съ восторгомъ давали въ честь его обѣды, сочиняли стихи и пѣсни *). По прибытіи его въ

---

*) Вотъ стихи, сказанные Николаю Николаевичу на обѣдѣ въ Кяхтѣ, 27 апрѣля 1854 года, однимъ изъ членовъ купечества, г. Ксенофонтомъ Кондинскимъ :

Пируя праздникъ возвращенья,
 Сподвигицкѣ царскій, твоего —
 Не можемъ чувства восхищенья
 Вполнѣ мы выразить всего.
 Отъѣздъ твой скорый предвѣщаетъ
 Сибири новую зарю,
 Онъ свѣжи лавры общаетъ
 И Руси, и Бѣлому Царю.
 Сибирь съ надеждой несомнѣнной
 Глядитъ на рдѣющій Востокъ
 И ждетъ, что трудъ свой вдохновенный
 Богатствамъ нашимъ дастъ истокъ.
 Амуромъ путь ты имъ проложишь,
 Движенье силамъ нашимъ дашь,
 Добра начало тѣмъ положишь
 И край счастливейъ будетъ нашъ.
 Быть можетъ, нашъ орелъ двуглавый,
 Пробудитъ дремлющій народъ,
 И, озарившись новой славой,
 Его онъ къ жизни призоветъ.
 Счастливей, кого судьба избрала
 Орудьемъ помысловъ благихъ,
 Счастливей, кому она сказала:
 Ступай впередъ!... Исполни ихъ!...

Шилкинскій заводъ, на водѣ уже красовался невиданный до сего времени въ Забайкальи пароходъ «Аргунь» и 75 номеровъ грузовыхъ барказовъ для экспедиціи. Горное вѣдомство сдѣлало въ честь торжества блестящую иллюминацію, въ которой на сосѣднихъ береговыхъ утесахъ красовались составленныя изъ плашекъ громадныя двуглавыя орлы, и вензеля Николая Николаевича; на транспортахъ были изображены аллегорическія картины, приличествующія событію. Наконецъ 14 мая экспедиція послѣ напутственнаго молебна передъ древней иконой Божіей Матери, вынесенной изъ Албазина и при салютаціи изъ древней Албазинской пушки, отвалила отъ берега и пустилась въ дальній путь по невѣдомой рѣкѣ. «Впереди всѣхъ понеслась лодка генерала» говоритъ очевидецъ событія *), «а за нею и всѣ прочія суда. «Запестрелись передъ нами берега Шилки, оглушаемые громкими криками ура съ берега и рѣки и плесками весель. «Великолѣпна была Шилка въ эту свѣтлую минуту; гордо «катились волны ея; ей, казалось, нравилась, полюбилась свѣжая флотилія, которая неслась передъ ея берегами къ свѣжему дѣлу. Заводская пушка привѣтствовала нашу флотилію; горныя пади вторили ей, и все населеніе Шилки кидало шапки на воздухъ при крикѣ ура. — Это было восторженное, единодушное радостное привѣтствіе, предзнаменованіе благаго исхода новаго пути!»

17 Мая вечеромъ экспедиція подошла къ усть-Стрѣлкѣ, при сляніи Шилки съ Аргунью, и 18 въ 2½ часа послѣ обѣда вступила въ воды Амура. «Трубачи играли *Боже царя храни!* всѣ встали на лодкахъ, сняли шапки и осѣнили крестнымъ знаменіемъ. Генералъ зачерпнулъ въ ста-

---

Свершить вѣковъ опредѣленье
Тебѣ назначено судьбой,
И Богъ свое благословенье
Пошлетъ на подвигъ трудный твой!
И вся Сибирь изъ рода въ родъ
Прославить смѣлый твой походъ!
И мы воскликнемъ всѣ тогда:
Ура, нашъ Муравьевъ! — Ура!..

*) Г. Свербеевъ въ своемъ описаніи плаванія по Амуру въ 1854 году.

«канъ воды амурской, поздравилъ всѣхъ съ началомъ плаванія по Амуру; раздалось ура! Торжественна была эта минута послѣ двухъ вѣковаго промежутка повторившаяся «для русскихъ на Амурѣ; весело было смотрѣть на суда, «которыя неслись по гладкой поверхности рѣки *).»

20 Мая экспедиція подошла къ бывшему Албазинскому острогу, слѣды котораго явственно сохранились до настоящаго времени. «Причаливая къ пустынному холму, священному по преданіямъ, музыка играла: *Коль славенъ нашъ Господь въ Сионъ*; по всѣмъ судамъ скомандовали на молитву, всѣ встали и сняли шапки. Въ этомъ молитвенномъ «приближеніи къ мѣсту древняго обиталища нашихъ соотечественниковъ, почившихъ уже давно, слышалось благоговѣйное почитаніе потомками историческаго пепелища, драгоцѣннаго русскому сердцу. За молитвой слѣдовалъ народный гимнъ, при звукахъ котораго мы вступили на албазинскую почву. Что-то родное сказалось сердцу, когда мы «вышли на долину, гдѣ жили русскіе люди, гдѣ они такъ «долго, храбро и упорно отстаивали права своего обладанія. «Первымъ движеніемъ каждаго было подняться на Албазинскій валъ и осмотрѣть его въ подробности; первымъ «шелъ генераль, за нимъ послѣдовали всѣ кому нечего было «дѣлать на лодкахъ *).»

Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ сплава по Амуру, изъ С. Петербурга былъ посланъ листъ Пекинскому Трибуналу Впѣшнихъ Сношеній, отъ 4 февраля 1854 года, въ которомъ извѣщалось, что отъ нынѣ повсѣмъ дѣламъ о разграниченіи земель, разрѣшено генераль-губернатору Восточной Сибири сноситься съ ними прямо отъ себя. Въ слѣдствіи этого для предупрежденія Китайскаго правительства о нашемъ сплавѣ по Амуру, генераль-губернаторъ послалъ въ Пекинъ первый свой листъ, отъ 14 апрѣля, съ половникомъ Заборинскимъ. Но поѣздка эта не состоялась по случаю не пропуска полковника Заборинскаго Ургинскими правителями, почему листъ этотъ изъ Кяхты былъ отправленъ въ Ургу и Пекинъ

*) Свербеевъ, описаніе плаванія по Амуру въ 1854 году.

***) Свербеевъ, описаніе плаванія по Амуру въ 1854 году.

обыкновеннымъ порядкомъ. Въ этомъ листѣ между прочимъ заключалось, что послучаю открывшихся у насъ военныхъ дѣйствій съ другими державами, генераль-губернаторъ, въ слѣдствіе полученнаго имъ приказанія, отправляется съ личнымъ числомъ чиновниковъ и войска на судахъ по р. Амуру, на подкрѣпленіе нашихъ приморскихъ владѣній, — и спрашиваетъ къ какому времени и куда будутъ высланы уполномоченные Дайцинскаго *) государства для опредѣленія границы.

28 Мая экспедиція подошла къ Маньчжурскому городу Сахалинь-ула-Хотонъ, или Аихунъ. Генераль-губернаторъ остановившись на ночлегъ при устьѣ Зси, послалъ впередъ на лодкѣ чиновниковъ Свербеева и Сычевскаго, которые передали исправляющему должность правителя города *Мейрени Джынгины-Хуцумбу* Маньчжурскую копию съ вышепомянутаго листа. Комендантъ города еще не получалъ отъ своего правительства извѣстія о намѣреніи русскихъ плыть по Амуру, и поэтому представлялъ невозможность пропуска Русской флотиліи мимо города. Въ то время, когда наши чиновники откланивались Мейрени-Джангину, къ нему вбѣжалъ старичекъ Хафанъ (чиновникъ), сталъ на колѣно и въ испугѣ донесъ Хуцумбу, что по Амуру, *словно шуга*, идутъ русскія суда, запрудившія всю рѣку, что у пристани остановились большое судно и нѣсколько лодокъ. Послѣ этого двое изъ Маньчжурскихъ чиновниковъ, принятыхъ генераломъ на пароходѣ «Аргунь», желали только, чтобы русскій отрядъ скорѣе миновалъ ихъ городъ. Генераль-губернаторъ имѣлъ съ правителемъ города торжественное свиданіе на берегу въ особо приготовленной палаткѣ, при чемъ былъ угощаемъ со своею свитою.

Продолжая путь далѣе къ устью Амура, экспедиція 30 мая достигла устья р. Бурей, 2-го іюня миновала устье р. Сунгари, а 5-го іюня устье Усури. Послѣ томительныхъ ожиданій окончанія путешествія по неизвѣстной рѣкѣ, которая была въ это время въ такомъ высокомъ разливѣ, что

---

*) Китайское государство въ настоящее время называется по имени царствующаго дома *Дайцинскимъ*.

баржи часто проплывали по верхушкамъ растущихъ на нихъ кустовъ, — задѣвавшихъ иногда за колеса парахода, — экспедиція 9-го іюня находилась въ окрестностяхъ деревни Май, — около 200 верстъ ниже устья р. Усури. За неимѣніемъ никакихъ картъ рѣки Амура, длину пути исчисляли по генеральной картѣ Азіи, и по этому полагали, что подходятъ къ озеру Кызи, тѣмъ болѣе что и самая мѣстность, по удостовѣренію бывшихъ тамъ, походила на окрестности Маринскаго поста. Въ этотъ день внезапно налетѣла буря и въ нѣсколько минутъ затопила суда, такъ что въ этотъ критическій моментъ экспедиція едва не потеряла весь свой грузъ. Два дня были употреблены на просушку провіанта у низменнаго острова, названнаго въ память святаго празднуемаго въ этотъ день, — островомъ *Св. Кирилла*. 10 іюня вечеромъ, замѣчена была на рѣкѣ лодка, идущая парусомъ противъ теченія, и въ ней морской офицеръ. Всѣ столпились на берегу кругомъ генерала, съ нетерпѣніемъ ожидая извѣстій. Еще лодка не успѣла подойти къ берегу, какъ генераль крикнулъ: «далеко ли до Маринскаго поста?» Офицеръ отвѣчалъ — 500 верстъ, — что неприятно разочаровало всѣхъ, ожидавшихъ близкаго конца своего плаванія. Офицеръ былъ мичманъ Разградскій, посланный отъ капитана Невельскаго на встрѣчу экспедиціи генераль-губернатора. — Онъ сообщилъ, что капитанъ Невельской самъ вмѣстѣ съ нимъ ожидалъ здѣсь генерала, — согласно полученнымъ отъ него распоряженіямъ, въ которыхъ генераль-губернаторъ увѣдомлялъ, что онъ будетъ въ Маринскій постъ 15-го мая, — но недождавшись, отправился обратно въ Кызи и заливъ де-Кастри, куда должны были прибыть транспортъ «Байкалъ» изъ Камчатки и суда эскадры графа Путятина изъ Японіи. — Мичманъ Разградскій вручилъ генералу письмо отъ капитана Невельскаго, въ которомъ онъ указывалъ на необходимость оставить на устьяхъ рѣкъ Хунгари и Усури — какъ въ странѣ по всѣмъ правамъ принадлежащей Россіи — небольшіе посты, которые служили бы опорными точками нашего соощенія по Амуру и мѣстами складовъ припасовъ.

До этого пункта экспедиція находила большую часть при-

брежныхъ деревень пустыми, потому что жители бѣжали отъ страха, но отсюда экспедиція вступила въ страну какъ-бы давно принадлежащую Россіи. — Начали встрѣчаться Гольды, съ любопытствомъ разсматривавшіе Русскихъ; изъ числа ихъ явились лодчана и проводники, приготовленные г. Невельскимъ, — которыхъ до того времени нельзя было достать нигдѣ, чрезъ что плаваніе по неизвѣстной рѣкѣ еще болѣе затруднялось и замедлялось. Приваливъ въ одной деревнѣ къ берегу для обѣда, генералъ по обыкновенію началъ раздавать жителямъ серебро и разныя бездѣлушки; — это ободрило Гольдовъ и они по очередно съ женами и дѣтьми подходили къ кресламъ въ которыхъ сидѣлъ генералъ, кланялись ему и получали или серьги, или слитокъ серебра и т. п. — Наконецъ прибѣжалъ бывший въ деревни Маньчжурской купецъ, бросился передъ генераломъ на колѣни, и показывая Маньчжурской листъ на право торговли, извинялся что онъ заѣхалъ въ эти мѣста безъ дозволенія Русскихъ, что онъ не зналъ до сихъ поръ что эта страна принадлежитъ Русскимъ, и въ заключеніе просилъ дозволенія на производство торговли въ низовьяхъ Амура, — которое было ему дано тутъ же. — Этотъ фактъ вполне подтверждалъ справедливость заключеній г. Невельскаго, что Приамурской край отъ устья Усури до моря долженъ по всѣмъ правамъ принадлежать Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказывалъ вліяніе, которое Амурская экспедиція успѣла приобрести надъ этою страню, — не смотря на то, что начальнику этой экспедиціи дано было право распространять это вліяніе только на страну прилегающую устью Амура.

Въ этомъ же году, послучая разрыва съ Англіей и Франціей, адмиралъ Путятинъ получилъ въ Японіи высочайшее повелѣніе отправиться съ судами своей эскадры къ берегамъ Амура. — По полученіи такового повелѣнія, адмиралъ Путятинъ отправилъ изъ своего отряда весною 1854 года корветъ «Оливуца» на подкрѣпленіе Петропавловскаго порта, приказавъ на пути зайти и дать знать о разрывѣ въ императорскую гавань. Прибывъ туда въ половинѣ апрѣля корветъ «Оливуца.» — Нашелъ экипажи зимовавшихъ тамъ корабля «Николай» и транспорта «Иртышъ» въ изнуренномъ положе-

ніи и цынгѣ, а потому вмѣстѣ съ вошедшимъ тудаже 4-го мая транспортомъ «Князь Меншиковъ,» снабдилъ ихъ свѣжею провизіею и улучшилъ по возможности положеніе больныхъ. — Отсюда транспорты «Иртышъ» и «Князь Меншиковъ», по распоряженію адмирала Путятина, отправились въ заливъ Аниву на островѣ Сахалинѣ, гдѣ соединились съ транспортомъ «Байкаль», идущимъ изъ Петропавловска въ заливъ де-Кастри съ провіантомъ, требуемымъ капитаномъ Невельскимъ въ концѣ 1853 года. — Начальствующій здѣсь майоръ Буссе, по совѣту вице-адмирала Путятина, — переданному ему пришедшими судами, — снялъ Муравьевскій постъ и посадивъ свою команду на транспорты «Иртышъ» и «Князь Меншиковъ» прибылъ вмѣстѣ съ нею въ императорскую гавань. Транспортъ же «Байкаль», согласно данному ему назначенію, направился изъ залива Анива прямо въ заливъ де-Кастри, куда и доставилъ провіантъ, за которымъ онъ былъ посланъ капитаномъ Невельскимъ изъ Петровскаго осенью 1853 года въ Петропавловскъ.

Между тѣмъ самъ адмиралъ Путятинъ на 52-хъ пушечномъ фрегатѣ «Паллада» въ сопровожденіи шкуны «Востокъ» прибылъ въ императорскую гавань 20-го мая. — Находя весьма удобнымъ защищаться здѣсь противъ непріятеля, онъ соединилъ всѣ свои суда въ Константиновской бухтѣ и усилившись прибывшею тогда на транспортахъ «Иртышъ» и «Князь Меншиковъ» командою Муравьевскаго поста, приступилъ къ укрѣпленію своей позиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ кромѣ корвета «Оливуца», ушедшаго уже тогда согласно приказанія въ Петропавловскій портъ, онъ отправилъ транспорты «Иртышъ,» «Двина» и шкуну «Востокъ» въ заливъ де-Кастри, пославъ на послѣдней увѣдомленія начальнику Амурской экспедиціи и генераль-губернатору о предпринимаемыхъ имъ мѣрахъ защиты въ императорской гавани и прося вмѣстѣ съ тѣмъ прислать для своей эскадры продовольствіе на посылаемомъ транспортѣ «Иртышъ». — Такимъ образомъ въ заливъ де-Кастри, вскорѣ по приходѣ туда транспорта «Байкаль» изъ Петропавловска, собрались транспорты, «Иртышъ,» «Двина» и шкуна «Востокъ».

Генераль-губернаторъ продолжая свое плаваніе по Аму-

ру, недоходя Маринскаго поста, отправилъ впередъ пароходъ «Аргунь», который и прибылъ туда 12-го іюня. — Находившійся тогда въ заливѣ де-Кастри капитанъ Невельской, получивъ объ этомъ извѣстіе, немедленно прибылъ въ Маринскій постъ, откуда отправился въ байдаркѣ на встрѣчу генераль-губернатора. — Въ 7-ми верстахъ отъ поста, онъ встрѣтилъ экспедицію и здѣсь донесъ генералу о благополучномъ состояніи нашихъ постовъ на Амурѣ и островѣ Сахалинѣ, о прибывшихъ въ заливъ де-Кастри судахъ — «Двина», «Иртышъ» «Байкаль» и «Востокъ», о соединеніи всѣхъ судовъ адмирала Путятина въ императорской гавани, и представилъ на выборъ генерала защищаться съ нашими судами или въ Петропавловскомъ портѣ, или въ императорской гавани, упоминая, что всѣ войска и припасы, назначаемыя въ Камчатку, возможно теперь же переправить изъ Маринскаго поста прямо въ заливъ де-Кастри, гдѣ посадивъ и погрузивъ на пришедшія суда, отправить къ избранному для обороны пункту.

Къ полудню 14-го іюня 1854 года экспедиція прибыла наконецъ въ Маринскій постъ, гдѣ всѣ барказы и лодки вошли въ заливъ (Курью) Амурской протоки, на берегу котораго стояли въ это время только двѣ избы, существующія и до настоящаго времени, — въ которыхъ помѣщались 5 человекъ содержавшихъ постъ, и сохранялись товары и продовольствіе, — Въ этотъ день за обѣдомъ у Николая Николаевича собрались всѣ его спутники и дружно и радостно поздравляли другъ друга съ успѣшнымъ окончаніемъ первой русской экспедиціи по рѣкѣ Амуру, совершенной подъ начальствомъ генераль-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева.

350 человекъ нижнихъ чиновъ, сплывшихъ по Амуру на укомплектованіе находящагося въ Камчатской флотиліи 47-го флотскаго экипажа, отправились изъ Маринскаго поста чрезъ озеро Кызи въ заливъ де-Кастри, и отсюда на транспортахъ «Иртышъ» и «Двина», — пришедшихъ кругомъ свѣта изъ Кронштадта въ Камчатку съ орудіями, — направились въ Петропавловскій портъ. — Сотня казаковъ, при двухъ гор-

ныхъ орудіяхъ, была оставлена въ Маріинскомъ посту, остальные пустились внизъ по Амуру въ Николаевскій постъ.

Отправленный адмираломъ Путятинымъ въ Петропавловскій портъ корветъ «Оливуца,» прибывъ туда, передалъ Камчатскому военному губернатору извѣстіе о разрывѣ съ Англійей и Франціей, и что по этому случаю онъ прислалъ на подкрѣпленіе Петропавловска, вмѣсто фрегата «Паллада,» оставленнаго адмираломъ Путятинымъ при себѣ. — Контръ-адмиралъ Завойко, получивъ эти извѣстія, тотчасъ же отправилъ корветъ «Оливуца» обратно въ заливъ де-Кастри, увѣдомляя, что онъ не въ состояніи продовольствовать вновь прибывшую команду, потому что у него всего провіанта для находящихся въ Петропавловскомъ портѣ жителей имѣется только до 1-го ноября. — Въ слѣдствіе этого распоряженія, корветъ «Оливуца» прибылъ въ заливъ де-Кастри уже послѣ ухода отсюда транспортовъ «Двина» и «Иртышъ,» которые успѣли прибыть въ Петропавловскій портъ и доставить туда подкрѣпленіе и провіантъ до непріятельскаго нападенія. — Корветъ «Оливуца», отправленный съ провіантомъ изъ залива де-Кастри вторично въ Петропавловскій портъ, не засталъ уже тамъ непріятельскихъ судовъ и остался здѣсь на зимовку.

Генераль-губернаторъ, получивъ высочайшее повелѣніе, чтобы суда наши находящіяся въ Японіи, были на время войны введены въ устье Амура, по прибытіи своемъ въ Маріинскій постъ, отправился вмѣстѣ съ капитаномъ Невельскимъ на пароходѣ «Аргунь» по озеру Кызи въ заливъ де-Кастри, и оттуда на шкунѣ «Востокъ» прибылъ въ императорскую гавань. — Здѣсь условившись съ адмираломъ Путятинымъ о вводѣ фрегата «Паллада» въ устье Амура, генераль-губернаторъ отправился на шкунѣ «Востокъ» обратно, въ заливъ де-Кастри и отсюда чрезъ лиманъ въ Петровское. — На этомъ пути генераль-губернаторъ осмотрѣлъ мысъ Лазарева, оставилъ на немъ нѣсколько матросовъ, для указанія имѣющему прибыть изъ императорской гавани фрегату «Паллада» мѣста для разгрузки, — и слѣдуя Сахалинскимъ каналомъ далѣе къ сѣверу, пробовалъ на пути открыть средній фарватеръ въ устье Амура, но эти отрывочныя изслѣдованія не повели ни къ какимъ результатамъ. —

Фарватеръ этотъ предполагался капитаномъ Невельскимъ на основаніи изслѣдованій поручика Воронина въ 1853 году, по которымъ только небольшой промежутокъ между Сахалинскимъ и промѣреннымъ г. Ворониннымъ среднимъ каналомъ, остался необслѣдованнымъ. По прибытіи въ Петровское большая часть штаба генераль-губернатора отправлена была на шкунѣ «Востокъ» въ Аянъ, а самъ генераль Муравьевъ съ капитанами Невельскимъ и Казакевичемъ, на оленяхъ сухопутьемъ доходилъ до Николаевского поста, для осмотра низовья рѣки Амура, и выбора мѣста для укрѣпленій. Въ это время въ Николаевскомъ посту существовали только три дома, о которыхъ было упомянуто выше, и компанейскій магазинъ.

Между-тѣмъ адмиралъ Путятинъ, исполняя Высочайшую волю, по соглашенію съ генераль-губернаторомъ, прекратилъ всѣ работы по укрѣпленію Императорской гавани, снялъ Константиновскій постъ и вышелъ со всѣми судами къ лиману Амура. — Прибывъ 15-го іюля къ мысу Лазарева, онъ приступилъ къ разгрузкѣ и снятію рангоута съ фрегата «Паллада», а между-тѣмъ этого-же числа вошелъ въ заливъ де-Кастри, — отправленный изъ Кронштадта въ 1853 году на смѣну фрегата «Паллада», — 52-хъ пушечный фрегатъ «Диана», который, согласно сдѣланнымъ распоряженіямъ, пошелъ отсюда къ мысу Лазарева, куда и прибылъ 20-го числа этого мѣсяца. Въ это время часть гребныхъ судовъ эскадры, въ свободное отъ работъ время, производила изслѣдованія и промѣры лимана, а вмѣстѣ съ тѣмъ адмиралъ Путятинъ съ генераль-губернаторомъ и капитанами Невельскимъ и Казакевичемъ ходили на пароходѣ «Аргунь» въ лиманъ для изслѣдованія средняго канала, но всѣ эти поиски оказались неудовлетворительными. Впрочемъ, всѣ эти изслѣдованія, вмѣстѣ съ промѣрами, произведенными въ августъ этого года поручиками Моисеевымъ и Воронинымъ на катерахъ фрегата «Паллада», подтвердили вѣрность карты пути по лиману въ устьѣ Амура, представленной въ 1853 году капитаномъ Невельскимъ генераль-губернатору, и показали что фрегатъ «Паллада», совершенно разоруженный и разгруженный, можетъ войти въ устьѣ Амура по сахалинскому и сѣ-

верному каналамъ, если только не будетъ упущено время высокихъ приливовъ до половины августа, и если проводка нустаго фрегата будетъ облегчена пароходами.

По возвращеніи шкуны «Востокъ» изъ Аяна въ Петровское, а отсюда въ Николаевскій постъ, генераль-губернаторъ съ остальною частію своего штаба, отправился на этомъ-же суднѣ въ Аянъ *). Отсюда онъ отправилъ нѣкоторыхъ изъ слѣдовавшихъ въ Камчатку чиновниковъ и часть почты на корабль Россійско-американской компаніи «Ситха» въ Большерѣцкъ, но корабль направился прямо въ Петропавловскій портъ и здѣсь, при входѣ въ Авачинскую губу, былъ взятъ въ плѣнъ непріятельскою эскадрою, возвращавшеюся послѣ дѣла подъ Петропавловскомъ. Шкуна-же «Востокъ», отправленная генераль-губернаторомъ также съ почтою въ Петропавловскъ, выйдя изъ Аяна 17-го августа, 26-го вошла въ Авачинскую губу и, встрѣтившись при входѣ съ ботомъ № 1, была предупреждена командиромъ онаго, боцманомъ Новограбленнымъ, о нахожденіи здѣсь непріятельскихъ судовъ, почему и повернула обратно. Починившись на одномъ изъ сѣверныхъ курильскихъ острововъ (Поромуширѣ), и передавъ почту на встрѣченный транспортъ «Байкалъ», который направился къ Большерѣцку, шкуна «Востокъ» прибыла туда-же 20-го сентября и чрезъ 8 дней отправилась обратно въ Петровское, куда и прибыла на зимовку 10-го октября **).

Отъѣзжая изъ Аяна въ Иркутскъ, генераль-губернаторъ оставилъ тамъ распоряженіе капитану Невельскому, продолжать постройки въ Николаевскомъ посту, имѣя въ виду, что туда соберется на зимовку до 800 человекъ, и снабдить этотъ постъ продвольствіемъ на гребныхъ судахъ изъ Петровскаго. По прибытіи-же шкуны «Востокъ» изъ Аяна (которой назначено было вернуться въ устье Амура, тотчасъ-же по доставленіи въ Аянъ генераль-губернатора), отправить ее

---

*) Это плаваніе шкуны «Востокъ» описано однимъ изъ участниковъ его, нашимъ извѣстнымъ литераторомъ И. А. Гончаровымъ, который, по прибытіи съ адмираломъ Путятинымъ на фрегатъ «Паллада» въ Императорскую гавань, отправился отсюда въ Петровское зимовье, а отсюда съ генераль-губернаторомъ продолжалъ плаваніе въ Аянъ.

***) Случаи и замѣтки на винтовой шкунѣ «Востокъ». М. Сб., т. XXXVIII.

въ распоряженіе адмирала Путятина, для содѣйствія при проводкѣ фрегата «Паллада» въ устье Амура. Командиру-же фрегата, капитану Унковскому, было предложено, по совершенной разгрузкѣ фрегата, стараться какъ-можно-скорѣе ввести его въ Амуръ, не упуская удобнаго для того времени; въ случаѣ-же, если-бы фрегатъ «Паллада» не вошелъ въ устье Амура, то поставить его на зимовку въ лиманъ, окруживъ отъ напора льда сваями. Фрегатъ «Паллада», разгрузившись и разоружившись у мыса Лазарева и оставивъ здѣсь свою артиллерию, сидѣлъ въ водѣ 18 футовъ 9 дюймовъ, и только 10-го августа тронулся отсюда въ путь по прибрежному фарватеру. 1-го сентября онъ вошелъ въ Сахалинскій каналъ, успѣлъ перейти баръ этого канала и достигнуть паралели мыса Табахъ, гдѣ, 6-го сентября, при штормѣ отъ NW, онъ потерялъ всѣ шлюпки. Другихъ средствъ къ дальнѣйшему его слѣдованію между-тѣмъ не было, потому-что винтовая шкуна «Востокъ», по доставленіи генералъ-губернатора въ Аянъ, не вернулась оттуда къ устью Амура, а была отправлена, (какъ было выше упомянуто), въ Камчатку; другое-же паровое судно, «Аргунь», требовало въ это время исправленій. Безъ паровыхъ-же судовъ и безъ шлюпокъ не представлялось никакой возможности успѣть въ такое позднее время года пройти съ фрегатомъ «Паллада» еще около 80 миль по фарватеру, чтобы ввести его въ устье Амура. вмѣстѣ съ тѣмъ оставить фрегатъ на зимовку въ Лиманѣ, окруживъ отъ напора льда сваями, адмиралу Путятину казалось ненадежнымъ, почему онъ, поставивъ на немъ фальшивое вооруженіе, вмѣстѣ съ фрегатомъ «Діана» отправился въ Императорскую гавань. Оставивъ здѣсь фрегатъ «Паллада» на зимовку, при караулѣ изъ 10-ти человекъ, съ боцманомъ Синицынымъ, самъ адмиралъ Путятинъ, на фрегатѣ «Діана», отправился въ Японію, имѣя намѣреніе возвратиться сюда раннею весною и взять съ собой фрегатъ «Паллада», для ввода его въ устье Амура.

Для полноты разсказа слѣдуетъ привести, что въ этомъ-же году, въ бытность генералъ-губернатора въ Николаевскомъ посту, онъ получилъ отвѣтъ на посланный имъ предъ

отправленіемъ по Амуру листъ Пекинскому трибуналу о разграниченіи земель. Отвѣтъ этотъ заключался въ присланномъ изъ Кызи 21-го іюля письмѣ отъ Цзиринскаго (Гиринскаго) Гусайды Фуянги, въ которомъ увѣдомлялось, что по указу богдыхана онъ назначенъ для осмотра и разграниченія мѣстъ, сопредѣльныхъ съ Россією, и что поэтому онъ изъ города Санъ-Сина отправился въ лодкахъ внизъ по Сунгари-ула, но узнавъ, что генераль проплылъ внизъ, онъ остановился въ деревнѣ *Мылки*, оттуда и отправляетъ чиновника Тэйхенъ, Бошховъ (капраловъ) Далинь и Сиченъ съ товарищами, для извѣщенія о такомъ указѣ богдыхана, а самъ, по прибытіи нашихъ чиновниковъ, отправится осматривать пограничныя мѣста.

1854 годъ составилъ важную эпоху среди событій, совершившихся на Амурѣ. Благодаря настойчивымъ стремленіямъ и энергической дѣятельности генерала Муравьева, одушевленныхъ величіемъ совершаемаго имъ подвига, образованный и ученый міръ впервые услышалъ о недоступнѣйшей, заповѣданной части азійскаго материка; промышленность и торговля впервые получили обстоятельныя свѣденія о судоходности Амура; политическія сношенія наши съ Китаемъ впервые приняли характеръ увѣренности. Плаваніе генераль-губернатора Николая Николаевича Муравьева по Амуру доставило обстоятельныя свѣденія о характерѣ береговъ, ихъ растительности, и удобствахъ для поселенія; разсѣяло прежніе смутные толки и слухи о небывалыхъ на Амурѣ непроходимыхъ порогахъ, о страшныхъ водоворотахъ и стремнинахъ, о китайскихъ крѣпостяхъ и гарнизонахъ, о сильной военной флотиліи, содержимой Китайцами на Амурѣ и о воинственномъ духѣ береговыхъ жителей. Оно показало китайскому правительству, что мы никогда не отказывались отъ своихъ правъ на Амуръ, и если не пользовались ими до сего времени, то вовсе не потому, что не имѣли на то позволенія Китайцевъ. Послѣ занятія устья Амура и открытія свободнаго пути изъ него въ океанъ, это былъ рѣшительный шагъ, поставившій твердо русскую власть на берегахъ Амура, утвердившій прочно русское вліяніе въ приамурскомъ краѣ и расшевелившій надолго обитателей

крайняго востока, погруженныхъ въ вѣковой сонъ съ своимъ одряхлѣвшимъ правительствомъ. Это былъ сильный рычагъ, подвинувшій китайское правительство къ скорѣйшему разрѣшенію вѣковаго вопроса объ Амурѣ; наконецъ, это было событіе до такой степени важное по своимъ послѣдствіямъ, что не далѣе какъ черезъ 4 года, оно выразилось окончательнымъ присоединеніемъ Амура къ Россійской имперіи.

Но дальновидныя соображенія генерала Муравьева при домогательствѣ разрѣшенія на сплавъ по Амуру, особенно вѣрно и блистательно оправдались въ томъ-же 1854 году. Войска и припасы, доставленные въ этомъ году по Амуру въ Камчатку, были причиною блистательнаго отраженія англо-французской эскадры отъ Петропавловска. Часть пушекъ для укрѣпленія этого порта, по настоянію Николая Николаевича, была доставлена изъ Кронштадта на транспортѣ «Двина», другой транспортъ, «Нѣманъ», шедшій также въ Камчатку съ орудіями и припасами, погибъ въ Категатѣ. Такимъ-образомъ, безъ плаванія по Амуру генерала Муравьева, въ 1854 году, и безъ его настоятельныхъ убѣжденій о снабженіи Камчатки орудіями кругомъ свѣта изъ Кронштадта, Петропавловскій портъ и находившаяся тамъ русская военная эскадра, были-бы обречены на несомнѣнную гибель, и русская военная исторія не записала-бы на своихъ страницахъ одного изъ блестящихъ подвиговъ мпнувшей войны.

Содержаніе амурской экспедиціи на счетъ Россійско-американской компаніи кончилось въ 1853 году. Съ 1854 года весь приамурскій край, съ островомъ Сахалиномъ, и амурская экспедиція поступили въ полное завѣдываніе правительства. При этомъ Россійско-американской компаніи были уплачены всѣ издержки, употребленныя ею на содержаніе амурской и сахалинской экспедицій. Съ экспедиціей генерал-губернатора прибыли въ составъ амурской экспедиціи рота 47-го флотскаго экипажа изъ 280 человекъ и сотня Казаковъ, кромѣ-того осенью прибыла на устье Амура команда фрегата «Паллада», изъ 380 человекъ. Отъ такого непредвидѣннаго скопленія людей, г. Невельской былъ поставленъ въ весьма-затруднительное положеніе. Избравъ главнымъ

пунктомъ управленія всѣмъ краемъ Николаевскъ, г. Невельской окончательно перешелъ сюда изъ Петровскаго съ своимъ семействомъ, 24-го августа, и не теряя времени, дѣятельно принялся за постройку помѣщеній. Одновременно съ этимъ нужно было перевезти въ Николаевскій постъ запасы и продовольствіе, прибывшіе 25-го августа изъ Аяна въ Петровское, нужно было доставить продовольствіе къ мысу Лазарева, на фрегатъ «Діана», отправляющійся въ Японію и всю эту перевозку надобно было производить на гребныхъ судахъ по лиману въ бурное осеннее время, и успѣть окончить до закрытія навигаціи. Команда фрегата «Паллада» прибыла въ Николаевскій постъ только 22-го сентября, и только съ этого времени начала принимать участіе во всѣхъ работахъ, а между-тѣмъ для нея надобно было заранѣе приготовить теплое помѣщеніе. Отправленный въ Императорскую гавань, фрегатъ «Паллада» выгрузилъ свои орудія на мысѣ Лазарева, гдѣ они и остались на зиму, за неимѣніемъ никакихъ средствъ доставить ихъ въ устье Амура. Поэтому зимою г. Невельской заложилъ въ Николаевскомъ посту первое русское на Амурѣ судно, шкуну «Лиманъ» *), чтобы имѣть возможность весною перевезти орудія съ мыса Лазарева въ Николаевскъ. Не смотря, однако, на ничтожность тогдашнихъ средствъ, на недостатокъ помѣщенія и на неожиданное прибытіе команды, г. Невельской успѣлъ выстроить казармы, дома для офицеровъ и всѣ зданія, сохранившіяся до настоящаго времени по обѣимъ сторонамъ главной улицы Николаевска, (Амурскаго проспекта) между сухарнымъ заводомъ и площадью. Въ порту, на кошкѣ Кузгда, было въ это время выстроено нѣсколько магазиновъ и сараевъ, а въ слободкѣ до 11-ти частныхъ домовъ. Прибытіе офицеровъ и команды съ фрегата «Паллада» оживила новыхъ жителей Николаевскаго поста, привыкшихъ къ пустынной жизни въ Петровскомъ. Устроилось общество, театръ и даже танцы, не смотря на то, что было только двѣ дамы:

---

*) Шкуна «Лиманъ», существующая до настоящаго времени, какъ первое на Амурѣ построенное судно, прозвана въ шутку моряками «Бабушка», потому-что «Дѣдушкой» считался боть, построенный капитаномъ Невельскимъ еще въ Петровскомъ.

г-жа Невельская и г-жа Бачманова, первыя русскія дамы на берегахъ Амура. Команда фрегата «Паллада», вмѣстѣ съ ротою 47-го флотскаго экипажа и прежними чинами Амурской экспедиціи, составила въ Николаевскѣ до 800 человекъ жителей, — сотня Казаковъ зимовала въ Маринскомъ посту, а шкуна «Востокъ» въ Петровскомъ зимовьѣ. Не смотря на недостаточность средствъ и помѣщенія, зимовка, при большомъ скопленіи народа, вообще прошла благополучно, такъ что въ Николаевскомъ посту изъ 800 жителей умерло въ эту зиму не болѣе 6-ти человекъ.

Въ теченіи этой-же зимы, съ 1854 на 1855 годъ, происходила переписка генераль-губернатора съ пекинскимъ трибуналомъ внѣшнихъ сношеній о непроездѣ ургинскими правителями нашего курьера, полковника Заборинскаго, въ Пекинъ, и о назначеніи мѣста для сѣзда уполномоченныхъ для разграниченія. Въ этихъ бумагахъ генераль-губернаторъ между прочимъ увѣдомлялъ китайское правительство, что весною онъ снова отправится съ войсками по Амуру къ морю для защиты его отъ Англичанъ, почему и просилъ извѣстить его о мѣстѣ, назначенномъ для сѣзда уполномоченныхъ, и отвѣтъ объ этомъ прислать въ Иркутскъ, или на Амуръ.

По полученіи въ С. Петербургѣ извѣстія объ отбитіи нападенія англо-французской эскадры на Петропавловскій портъ, общественное мнѣніе на западѣ сильно заговорило объ нанесенномъ имъ пораженіи, и требовало чтобы соединенныя эскадры въ Тихомъ Океанѣ на слѣдующій годъ шли опять къ Петропавловскому и уничтожили бы его. Генераль-губернаторъ, получивъ изъ С. Петербурга извѣстіе объ этихъ слухахъ, не дожидаясь приказанія, послалъ своего адъютанта Есаула Мартынова курьеромъ въ Камчатку, съ приказаніемъ военному губернатору Камчатской области контръ адмиралу Завойкѣ снять Петропавловскій портъ, погрузить все казенное имущество на суда эскадры и отправиться къ устью Амура. Есаулъ Мартыновъ, слѣдуя чрезъ Якутскъ и Охотскъ, и оттуда на собакахъ по дикому побережью Охотскаго моря, на которомъ разстояніи между жилыми пунктами иногда простираются до 400 верстъ, переѣзжая поперегъ широкихъ за-

лизовъ съ опасностію при случайномъ вѣтрѣ погибнуть отъ страшныхъ вьюгъ, или при разломѣ льда отъ морскихъ вѣтровъ быть унесеннымъ на льдинѣ вмѣстѣ съ собаками въ море,—совершилъ весь путь отъ Иркутска до Петропавловскаго порта около 8000 верстъ, неслыханно быстро а именно *въ три мѣсяца*. Скорость его слѣдованія, не смотря на претерпѣнные имъ опасности и лишеныя, — спасли Камчатку и Петропавловскій портъ! Военный губернаторъ контръ-адмиралъ Завойко обратился къ содѣйствию офицеровъ эскадры, и благодаря ихъ стараніямъ, а также усиліямъ и трудамъ прочихъ морскихъ чиновъ, работа по приѣздѣ Есаула Мартынова въ мартѣ мѣсяцѣ 1855 года закипѣла быстро. До расхода льда успѣли вооружить суда, погрузить на нихъ казенное имущество, посадить команды служащихъ, съ ихъ семействами и выплывшися изъ льда выдти въ море. Есаулъ Мартыновъ оставленъ былъ въ Петропавловскомъ портѣ начальникомъ Камчатки.

Во время описываемыхъ событій, контръ-адмиралъ Невельскій получивъ увѣдомленіе адмирала Путятина объ оставленномъ имъ въ Императорской гавани на зимовку фрегатѣ «Паллада», и о его намѣреніи зайти за этимъ фрегатомъ раннею весною на обратномъ пути изъ Японіи, отправилъ туда въ исходѣ марта 1855 года по льду на собакахъ чрезъ озеро Кызи, рѣки Яй (Ай), Хояль и Тумджинъ прапорщика корпуса штурмановъ Кузнецова. — Ему приказано было остаться въ Константиновскомъ посту, завѣдывать фрегатомъ «Паллада» и въ случаѣ если до прибытія туда адмирала Путятина неприятель взойдя въ заливъ будетъ имѣть намѣреніе овладѣть фрегатомъ, то взорвать его на воздухъ, всѣ строенія въ посту сжечь, а самому съ командою отступить на р. Амуръ чрезъ р. Хунгари.—

Весною 1855 года контръ-адмиралъ Невельской, получивъ въ Николаевскомъ посту въ началѣ апрѣля увѣдомленіе генералъ-губернатора, что съ открытіемъ навигаціи придутъ изъ Камчатки въ заливъ де Кастри транспорты съ семействами служащихъ въ Петропавловскомъ портѣ, озабочился управленіемъ въ заливъ де Кастри для этихъ семействъ сухарей, муки и проч.— Въ началѣ мая, г. Невельской получилъ

извѣстіе изъ Маринскаго поста что въ заливъ де Кастри прибылъ транспортъ «Двина», и что за нимъ слѣдуетъ вся Камчатская эскадра.—Фарватеръ Амура въ это время уже очистился, а заливъ Личъ-ду былъ еще покрытъ льдомъ, а потому г. Невельской перетащивъ черезъ ледъ пароходъ «Надежда» на фарватеръ, отправился на немъ въ Маринскій постъ для сдѣланія нужныхъ распоряженій.— На половинѣ дороги онъ получилъ извѣстіе изъ залива де-Кастри, что эскадра изъ Камчатки пришла и что за ней гонятся 10-ть неприятельскихъ судовъ, а нѣсколько позже другое извѣстіе, что неприятель вошелъ въ заливъ и атаковалъ наши суда.— Г. Невельской тотчасъ же съ дороги отправилъ приказаніе въ Николаевскъ окружить постъ засѣками, на мысахъ Кузгдѣ, Мсо и Чныррахѣ строить временныя 10-ти орудійныя батареи, слѣшить постройкою шкуны «Лиманъ» а капитанъ-лейтенанту Бужакову съ командою изъ 160 человекъ, взявъ съ собою на 10 дней сухарей и 200 пушечныхъ зарядовъ, выступить изъ Николаевска на гребныхъ судахъ въ лиманъ и слѣдовать до того мѣста, гдѣ встрѣтятъ льды. Тамъ высадиться на берегъ и слѣдовать имъ на мысъ Лазарева, гдѣ ожидать прибытія Камчатской эскадры, поднять орудія Фрегата «Паллада», и устроить изъ нихъ временную батарею, могущую удержать первый натискъ неприятеля.—Капитанъ-лейтенантъ Бужаковъ, съ лейтенантами Бирюлевымъ, Шварцемъ и мичманомъ Ивановымъ, согласно данному приказанію вышли на гребныхъ судахъ въ лиманъ; встрѣтивъ у мыса Уси льды, вытащили свои лодки на берегъ и пѣшкомъ по дикому побережью моря, съ командою, которая сверхъ 10-ти дневнаго продовольствія несла на плечахъ своихъ 200 боевыхъ зарядовъ для большихъ орудій,—достигли съ невообразимыми трудностями и лишеніями мыса Лазарева, гдѣ изъ мерзлой земли начали строить батарею, ожидая прибытія Камчатской эскадры.

Между тѣмъ разъ открытое уже сообщеніе по Амуру, удобство и дешевизна его, побуждали воспользоваться имъ, и на будущее время. Это еще болѣе вызывалось тогдашними военными обстоятельствами и необходимостью подкрѣпить устье Амура, гдѣ предположено было сосредоточить суда

наши находившіяся въ Японіи и Камчаткѣ. — По этому въ 1855 году произведенъ былъ 2-й амурской сплавъ, который былъ раздѣленъ на три рейса или отдѣленія. 1-е состояло изъ 26 баржъ подъ начальствомъ самаго генерала Муравьева, который въ этотъ разъ отправился по Амуру вмѣстѣ съ своею супругою; 2-е изъ 52 баржъ, подъ начальствомъ командира 15 линейнаго баталіона полковника Назимова и 3-е изъ 35 баржъ, вмѣстѣ съ купеческими, подъ начальствомъ полковника Карсакова. Съ этимъ сплавомъ прибыли на защиту приамурскаго края 15 линейный баталіонъ, 14 линейный полубаталіонъ и сводный казачій полубаталіонъ. — Дивизионъ линейной горной артиллеріи былъ сплавленъ сюда еще въ 1854 году. При третьемъ рейсѣ этого сплава находилась порвая ученая Амурская экспедиція, снаряженная Сибирскимъ отдѣломъ Императорскаго Русскаго географическаго общества, — на счетъ члена соревнователя отдѣла, почетнаго гражданина Степана Федоровича Соловьева, пожертвовавшаго на изслѣдованіе Амура полпуда золота. Экспедиція состояла изъ членовъ: натуралиста Маака, астронома Рожкова, маштра Герстфельда, прапорщика корпуса топографовъ Зондгагена и чиновника Кочетова. —

Съ этимъ же сплавомъ прибыли въ низовье Амура первые русскіе переселенцы, составленные изъ Иркутскихъ и Забайкальскихъ крестьянъ, изъявившихъ согласіе поселиться на Амурѣ. Они были поселены между Маріинскимъ и Николаевскимъ, и такимъ образомъ возникли нынѣ существующія селенія: *Иркутское*, *Богородское*, *Михайловское*, отъ котораго въ послѣдствіи отдѣлилась часть въ *Новомихайловское*, и *Сериевское*. — *Воскресенское* селеніе основалось въ послѣдствіи изъ крестьянъ переселившихся изъ Иркутскаго селенія. Эти первые переселенцы получили отъ казны пособія и освобождены на всегда отъ рекрутской, земской и подушной повинностей. Вмѣстѣ съ ними близъ Маріинскаго поста поселилась сотня конныхъ козаковъ, на возвышенномъ острову Амура и назвали свою станицу *Сучи*.

Въ концѣ апрѣля и въ первыхъ числахъ мая Камчатская эскадра подъ начальствомъ контръ-адмирала Завойко, прибыла въ заливъ де-Кастри, благополучно избѣжавъ встрѣчи

съ непріятельскими судами. На пути она заходила въ Императорскую гавань, чтобы, согласно приказанія генераль-губернатора, взять оттуда фрегатъ «Паллада», — но получивъ свѣдѣніе о скоромъ прибытіи въ Татарскій проливъ непріятельской эскадры, отказалась отъ этого намѣренія и поспѣшила въ заливъ де-Кастри. Здѣсь во время стоянки на якорѣ за островомъ Обсерваторіи, она была открыта непріятельскимъ пароходомъ и фрегатомъ, показавшимися у входа въ заливъ де-Кастри. 9 мая пароходъ сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по судамъ эскадры, и произведя рекогносцировку залива, вышелъ вмѣстѣ съ фрегатомъ въ море и отправился къ югу.—Контръ-адмиралъ Невельской прибывъ между тѣмъ 12 мая въ заливъ де-Кастри, предложилъ собрать изъ офицеровъ эскадры военный совѣтъ, который рѣшилъ ожидать здѣсь непріятели, драться съ нимъ до послѣдней крайности и въ случаѣ надобности зажечь и взорвать суда. Г. Невельской предложилъ свое мнѣніе, чтобы эскадра, не смотря на неразошедшіеся еще на сѣверѣ отъ залива де-Кастри льды, шла къ мысу Лазарева, гдѣ подъ прикрытіемъ батарей г. Бутакова могла бы разгрузиться и войти въ устье Амура. Это мнѣніе было принято и вслѣдствіе того 13 мая всѣ суда поставивъ паруса, нисколько не теряя времени, направились на сѣверъ къ лиману Амура и не встрѣтивъ льдовъ, 17 и 18 мая пришли къ мысу Лазарева.—Здѣсь большіе суда разгрузились и пройдя пустыми чрезъ баръ благополучно были введены въ устье Амура. Семейства же, прибывшія изъ Камчатки, всѣ были высажены на берегъ въ заливѣ де-Кастри, откуда пѣшкомъ по тропинкѣ пробрались на озеро Кызи и далѣе въ лодкахъ въ Маринскій постъ. Въ пособіе имъ при перетаскиваніи по глухой тропинкѣ ихъ имущества, были посланы изъ Маринскаго поста находившіяся тамъ казаки.

Непріятельская эскадра подошедшая послѣ того къ заливу де-Кастри не нашла тамъ ни одного изъ нашихъ судовъ и не встрѣтила никого изъ людей, потому что г. Невельской опасаясь, чтобы непріятель не захватилъ кого нибудь изъ нашихъ въ плѣнъ, и не свѣдалъ бы отъ нихъ, что наша эскадра пошла къ сѣверу, гдѣ у мыса Лазарева онъ могъ застать ее разоруженною и разгруженною и овладѣть какъ

легкою добычею, почти безъ боя,—счелъ за лучшее удалить изъ залива де-Кастри даже всѣхъ гиляковъ здѣшной деревни Нянгмаръ, а нашему посту приказать при приближеніи непріятеля отступать на соединеніе съ казаками, расположенными на тропинкѣ ведущей изъ залива де-Кастри на озеро Кызи. Англичане высаживались на берегъ, осмотрѣли нашъ домикъ построенный лейтенантомъ Бошнякомъ въ 1853 году разсыпали мѣшокъ муки и вернулись обратно на свои суда, которыя послѣ сего отправились въ море.—Командиръ Англійскаго парахода, посѣщавшаго заливъ де-Кастри во время стоянки тамъ нашей эскадры, оправдывалъ свой уходъ изъ залива къ югу тѣмъ, что на всѣхъ картахъ къ сѣверу отъ залива де-Кастри означены сплошные мели,—между матерымъ берегомъ и островомъ Сахалинымъ,—и потому проходъ чрезъ нихъ русской эскадры онъ считалъ невозможнымъ.

Послѣ входа Камчатской эскадры въ устье Амура, въ началѣ іюля, туда же вошла шкуна «Хеда» съ адмираломъ Путятинымъ изъ Японіи. Отправившійся съ нимъ отъ береговъ Амура фрегатъ «Діана», какъ извѣстно, — погибъ въ Симодѣ отъ землетрясенія, и потому адмиралъ Путятинъ выстроивъ въ Японіи шкуну «Хеда», отправился на ней къ Петропавловскому порту, но не найдя тамъ судовъ нашей эскадры, пошелъ къ устью Амура, заходилъ въ Императорскую и въ Татарскомъ проливѣ едва не былъ достигнутъ непріятельскими судами. Другая часть экипажа «Діаны», отправившаяся съ лейтенантомъ Мусинымъ-Пушкинымъ на купеческомъ американскомъ суднѣ въ Петропавловскъ, и оттуда возвращавшаяся къ устью Амура, около сѣверной оконечности острова Сахалина была взята въ плѣнъ непріателемъ.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ русскихъ военныхъ судовъ, находившихся въ 1855 году въ Восточномъ Океанѣ, одинъ только фрегатъ «Паллада», и то только по особымъ обстоятельствамъ, не былъ введенъ въ устье Амура; для всѣхъ же остальныхъ судовъ, рѣка эта послужила надежнымъ и безопаснымъ убѣжищемъ къ спасенію отъ сильнѣйшаго непріятеля. Въ 1855 году зимовали въ Амурѣ слѣдующія военныя

суда: фрегатъ «Аврора», корветъ «Оливуци», винтовая шкуна «Востокъ», шкуна «Хеда», транспорты: «Двина», «Иртышъ», и «Байкаль». Такимъ образомъ открытіе рѣки Амура, въ первые годы уже принесло величайшую пользу тѣмъ, что доставила убѣжище и защиту нашей военной эскадрѣ, безъ котораго она была бы поставлена въ критическое положеніе при встрѣчѣ съ сильнѣйшимъ непріателемъ. Суда наши нашли въ устьѣ Амура спокойный и надежный пріютъ, а команды ихъ провели зиму на родной почвѣ, среди русскаго населенія, со всѣми принадлежностями и особенностями русской жизни. Большое скопленіе въ 1855 году въ низовьѣ Амура судовъ, войскъ, и въ особенности семействъ Камчатскихъ жителей и служащихъ, происшедшее сверхъ всякаго ожиданія и приготовленія, естественно должно было породить многія лишенія, стѣсненія въ помѣщеніи, недостатокъ во многихъ предметахъ продовольствія и принадлежностяхъ порядочнаго быта. Въ Николаевскомъ посту, имѣвшемъ весною 1854 года помѣщеній только на 25 человекъ, — явилось осенью этого года до 800, а весною 1855 года до 5000 человекъ! Надобно было всѣхъ размѣстить и пріютить, доставить всѣмъ средства къ жизни, приготовить къ зимѣ для всѣхъ теплыя помѣщенія и все это производить въ сосѣдствѣ съ непріателемъ, при ежеминутной готовности къ отраженію его и одновременно съ постройкой и вооруженіемъ береговыхъ батарей. — По справедливости можно сказать, что еслибы въ Приамурскомъ краѣ не было такого изобилія рыбы, дичи и проч., то не только тамъ, но и во всякой другой мѣстности Россіи, при такомъ внезапномъ стеченіи народа и при подобныхъ обстоятельствахъ, явились бы лишенія и болѣзни не меньше тѣхъ, какія были зимою 1855 года на устьѣ Амура. — Поэтому всѣ эти неудобства и лишенія переносились большинствомъ безропотно, съ сознаниемъ, что во время войны и въ новомъ краѣ онѣ неизбѣжны, и тѣмъ болѣе, что онѣ хотя были велики, но все-таки ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которыя въ это же время переносились на другомъ концѣ материка ихъ собратіями, обливавшими своею кровью твердыни Севастополя. Но вмѣстѣ съ этимъ нашлись и такіе, которые не взвѣсивъ безпристрастнымъ

образомъ всё эти обстоятельства, смотрѣли на свою тогдашнюю жизнь въ Приамурѣ съ одной только эгоистической стороны переносимыхъ ими лишеній и неудобствъ, и этимъ опредѣляли значеніе занятія русскими рѣки Амура. — Дурныя вѣсти всегда охотнѣе распускаются и скорѣе распространяются чѣмъ хорошія; и потому вотъ причина преувеличенныхъ ужасовъ и страданій амурской жизни, которые съ этого времени распространились въ массѣ русской публики, и которыя до-сихъ-поръ невозможно искоренить никакими достовѣрными фактами и положительными событіями. Большинство публики воображаетъ, что до-сихъ-поръ въ низовьѣ Амура существуютъ такія же лишенія, какія были зимою съ 1855-го на 1856-й годъ, и въ доказательство указываетъ на появившіяся въ послѣднѣе время статьи морскихъ офицеровъ въ «Морскомъ Сборникѣ», не справляясь, что всё эти событія относятся къ первымъ временамъ занятія Амура, между которыми и настоящимъ, существуетъ неизмѣримая разница. Нѣкоторыя изъ подобныхъ статей, повидимому, стараются выставить тогдашнее положеніе и жизнь на Амурѣ въ особенно дурномъ и непріязненномъ видѣ (*), забывая что эта же самая зимовка на Амурѣ, можетъ быть спасла русскій военный флагъ отъ позора быть спущеннымъ передъ непріятелемъ, а ихъ самихъ можетъ быть отъ плѣна, отъ смерти, или отъ горькой обязанности затопить свои суда, какъ то выпало на долю ихъ черноморскихъ товарищей.

Генералъ-губернаторъ, спускаясь въ этомъ 1855-мъ году внизъ по Амуру, близъ устья р. Камары встрѣтилъ 12 мая 4 маньчжурскія джонки съ чиновниками изъ Гирина и Сахалянъ-ула, отправленными китайскимъ правительствомъ чрезъ Маньчжурію по р. Сунгари въ Горбицу, для совѣщанія о разграниченіи. Генералъ-губернаторъ предложилъ имъ вернуться въ Маринскій постъ, гдѣ при переговорахъ предложилъ имъ признать обоюдную границу р. Амуръ. Китайскій уполномоченный уклонялся отъ этого, и въ подтвержденіе своихъ доводовъ представилъ листъ нашего сената, посланный въ Пекинъ въ іюнѣ 1853 года, въ которомъ призна-

---

*) Отрывки изъ писемъ морскаго офицера. М. Сб., т. XXIX.

валась границею р. Горбица и отъ вершины ея хребты горъ. Генераль губернаторъ настаивалъ на своемъ предложеніи, утверждая, что онъ имѣеть на это повелѣніе своего Государя, послѣдовавшее послѣ отправки листа Сената въ Пекинъ. Посольство отправилось безъ всякаго результата, но у Китайцевъ явилось убѣжденіе, что генераль Муравьевъ дѣйствуетъ на Амурѣ самовольно, безъ согласія своего Правительства, что въ послѣдствіи выражалось въ ихъ официальныхъ бумагахъ и было замѣчено иностранными газетами.

Въ этомъ же году вошелъ въ устье Амура первый иностранный корабль, бригъ «Пальметто», купленный и присланный изъ Соединенныхъ Штатовъ капитаномъ Казакевичемъ, который отправился туда чрезъ С. Петербургъ въ концѣ 1854 года, для разныхъ заказовъ по морской части, назначенныхъ на Амуръ. На этомъ суднѣ, пришедшемъ подъ Американскимъ флагомъ, доставлены были разные продовольственные припасы и др., въ которыхъ при большомъ скопленіи войскъ оказывался недостатокъ въ низовьѣ Амура. По выгрузкѣ его въ Николаевскѣ, генераль-губернаторъ съ своею супругою и штабомъ отправился на немъ въ Аянъ, избѣжавъ благополучно встрѣчи съ крейсировавшими въ это время около сѣверной части лимана непріятельскими судами. Другой Американскій корабль, брикъ «Берингъ» вошелъ въ этомъ году въ заливъ де-Кастри и тамъ выгружался въ присутствіи непріятельской эскадры.

1855 годъ еще замѣчателенъ первымъ произведеннымъ въ теченіи его опытомъ пароваго сообщенія по Амуру береговъ Восточнаго Океана съ Сибирью. Возвратившійся на шкунѣ «Хеда» изъ Японіи вице-адмиралъ Путятинъ, поднялся на винтовомъ пароходѣ «Надежда» отъ устья Амура до его верховья. Первое плаваніе это было весьма медленно, какъ потому, что маленькій пароходъ былъ несоразмѣрно загруженъ и что ему привелось буксировать большой грузовой барказъ или баржу, такъ и потому, что этой весною вода въ Амурѣ была необыкновенно мелка, — между тѣмъ пароходъ имѣлъ машину всего въ 16 силъ и сидѣлъ въ водѣ 4½ фута.

Поэтому не доходя 300 верстъ до Усть-Стрѣлки, онъ, за

межководіемъ, былъ оставленъ на зимовку близъ утеса Малой Надежды. Адмиралъ Путятинъ достигъ Усть-Стрѣлки въ буксирномъ барказѣ. — Осенью этого же года построенный въ Шилкинскомъ заводѣ, — второй послѣ «Аргуни» Сибирской пароходъ, — «Шилка», спускаясь внизъ по Амуру, сталъ на мель близъ устья р. Кутоманды, выше Албазина, что послужило основаніемъ Кутомандскаго поста.

Между тѣмъ соединенная Англо-Французская эскадра, какъ бы желая отмстить за свое неудавшееся въ прошломъ году покушеніе на Петропавловскій портъ, весною 1855 года вошла въ Авачинскую губу, и не найдя здѣсь ни судовъ, ни командъ, кромѣ есаула Мартынова съ нѣсколькими жителями, сожгла казенные магазны и направилась въ Татарскій проливъ. Здѣсь не найдя Камчатской эскадры, ускользнувшей почти въ глазахъ непріятеля изъ залива де-Кастри, англо-Французская эскадра, въ октябрѣ 1855 года вошла въ этотъ заливъ, бомбардировала берегъ и сожгла ничтожныя юрты беззащитныхъ Гиляковъ, — жителей бывшей въ заливѣ деревни Нягмаръ. Войска наши, прикрытые густымъ лѣсомъ не потерпѣли никакого вреда отъ жестокаго огня непріятеля, снаряды котораго срывали только верхушки деревьевъ, и безуспѣшно зажигали деревянную казарму, которая была въ одну ночь разобрана и переставлена на другое мѣсто. Предпринятая же непріятелемъ, вскорѣ послѣ его прихода, попытка къ высадкѣ на берегъ залива де-Кастри, была остановлена и отражена огнемъ расположенныхъ на берегу 120 казаковъ подъ командой есаула Пузино и 2-хъ горныхъ орудій подъ командой мичмана Ельчанинова, а послѣ него штабсъ-капитана Кузменко.

4-го декабря 1855 года, камчатскій военный губернаторъ контръ-адмиралъ Завойко, оставшійся главнымъ начальникомъ въ низовѣ Амура, вмѣсто контръ-адмирала Невельскаго *)

*) Контръ-адмиралъ Невельской, по прибытіи генераль-губернатора въ низовье Амура, былъ назначенъ исправлять должность начальника штаба сухопутныхъ и морскихъ войскъ, въ Приамурскомъ краѣ сосредоточенныхъ, а послѣ 25-го сентября, за невозможностію возвратиться вмѣстѣ съ генераль-губернаторомъ въ Аянъ и за неимѣніемъ другихъ средствъ къ выѣзду, остался зимовать въ Кызы и отправился съ своимъ семействомъ въ Иркутскъ и С. Петербургъ чрезъ Аянъ только въ навигацію 1856 года.

отправилъ мичмана Разградскаго въ Императорскую гавань, для уничтоженія фрегата «Паллада» и снятія находившейся тамъ команды. Контръ-адмиралъ Невельской, получивъ въ это время въ Кызи чрезъ инородцевъ донесеніе г. Кузнецова отъ 3-го ноября, что команда вся здорова, фрегатъ цѣлъ и непріятели во все лѣто и осень не было, — задержалъ на время мичмана Разградскаго, и препроводивъ донесеніе г. Кузнецова контръ-адмиралу Завойкѣ, писалъ ему, что къ уничтоженію фрегата еще не настаетъ никакой крайности, тѣмъ болѣе, что до вскрытія Императорской гавани отъ льда въ маѣ мѣсяцѣ, можетъ еще послѣдовать перемиріе, — а что нужно только доставить туда продовольствіе, что удобно сдѣлать чрезъ рѣку Фунгари, и подтвердить г. Кузнецову дѣйствовать согласно даннымъ ему инструкціямъ. Но это предложеніе контръ-адмираломъ Завойко принято не было; въ слѣдствіе чего, въ исходѣ декабря мичманъ Разградскій отправился въ Константиновскій постъ чрезъ рѣку Хунгари, куда прибылъ 17-го января 1856 года, въ 16 дней затопилъ фрегатъ «Паллада» и забравъ бывшую при немъ команду, 23-го марта возвратился тѣмъ же путемъ въ Маринскій постъ. Такимъ образомъ нашъ постъ въ Императорской гавани существовалъ съ 1-го августа 1853 по 4-е февраля 1856 года.

Въ началѣ 1856 года генераль-губернаторъ прибылъ въ С.-Петербургъ, куда въ это время Дзянь-Дзюны Гиринской и Сахалянской съ Ургинскимъ Ваномъ Вейдзы прислали отъ себя листъ нашему сенату. Въ немъ они изъясняли, что генераль-губернаторъ сдѣлалъ имъ такія предложенія (въ Маринскѣ), которыя они не смѣютъ показать своему правительству, а между тѣмъ Русскіе плаваютъ по ихъ рѣкамъ, строятъ города (Маринскъ) и пр. Листъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе особаго комитета, который положилъ предоставить генераль-губернатору послать Дзянь-Дзюнамъ отвѣтъ отъ себя. Въ слѣдствіе этого генераль Муравьевъ написалъ имъ, что онъ имѣя право распечатывать листы къ сенату, прочелъ ихъ объясненіе и въ свою очередь тоже не рѣшается показать его сенату. Это еще болѣе утвердило

Китайцевъ въ мнѣніи, что генералъ Муравьевъ дѣйствуетъ на Амурѣ самовольно, безъ согласія своего правительства.

Весною 1856 года, полковникъ Карсаковъ съ открытіемъ навигаціи спустился по Шилкѣ въ Амуръ и взявъ зимовавшій въ 300 верстахъ ниже Усть-Стрѣлки пароходъ «Надежда», слѣдовалъ на немъ далѣе въ Айхунь, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Амбанемъ или правителемъ города. Полковникъ Карсаковъ предупреждалъ его, что нынѣшней навигаціей мы снова поплывемъ по Амуру, и что кромѣ того по берегамъ его будутъ поставлены наши посты, для облегченія возвращенія нашихъ войскъ съ низовья Амура, но что Маньчжуры этимъ тревожиться не должны, потому что это не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго и не измѣнитъ ихъ положенія и порядка на Амурѣ. Полковникъ Карсаковъ возвратился на пароходѣ «Надежда» тою же весною обратно, и несмотря на большую осадку этого парохода въ водѣ, — именно $4\frac{1}{2}$ футовъ, — успѣлъ, поднятъ на немъ по Шилкѣ до *Срвтенска*, откуда начинается сухопутная дорога. Въ слѣдствіе этого, въ этомъ же году, поставлены были по Амуру русскіе посты *Камарскій* (противъ устья рѣки Камари), *Зейскій* (близъ устья рѣки Зей) и *Химанскій* (при входѣ въ щели Малаго Хингана). Въ этомъ же году спустился по Амуру 3-й амурскій рейсъ, подъ начальствомъ подполковника Буссе, состоящій изъ 110 баржъ и плотовъ.

Весною 1856 года возвратившійся изъ Соединенныхъ Штатовъ капитанъ 1-го ранга Казакевичъ, былъ назначенъ исправляющимъ должность камчатскаго военнаго губернатора, и на пароходѣ «Надежда» спустился въ Николаевскій постъ. Тогда же отпавились обратно въ Кронштадтъ зимовавшіе въ устьѣ Амура: фрегатъ «Аврора», корветъ «Оливуца» и транспортъ «Двина». Въ этомъ же году Англійскій фрегатъ «*Rique*», подъ командою капитана Никольсона, который въ прошлое лѣто ограблялъ и раззорилъ наше компанейское селеніе на островѣ Урупѣ, въ Курильской грядѣ, послѣ уже заключенія перемирія вошелъ въ Императорскую гавань и не найдя затопленнаго фрегата «Палады», сжегъ зданія Константиновскаго поста, а самую гавань (Императорскую), называлъ заливомъ «*Барракута*». Другое французское судно за-

шло въ заливъ *Цосета*, открытый и описанный адмираломъ Путятинимъ въ 1854 году и назвалъ его *рейдомъ «Наполеона»*.

Въ концѣ 1856 года была Высочайше утверждена приморская область Восточной Сибири, въ составъ которой вошла прежняя Камчатская область, Удской край и Приамурскій край. Мѣстопробываніемъ военнаго губернатора назначенъ Николаевскій постъ, на устьѣ Амура, имя котораго поэтому случаю въ первый разъ было объявлено печатно въ официальныхъ актахъ. вмѣсто же прежней Камчатской флотилии была Высочайше учреждена Сибирская флотилія на Восточномъ океанѣ. Исправлявшій должность камчатскаго военнаго губернатора, капитанъ 1-го ранга Казакевичъ, былъ вмѣстѣ съ этимъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Приморской области Восточной Сибири, и командиромъ Сибирской флотилии и портовъ Восточнаго океана. Такимъ образомъ, учрежденіемъ новой области явно, признавалась зависимость устья Амура отъ Россіи и Приамурскій край съ этого времени официально присоединился къ Русскимъ владѣніямъ въ Азіи.

Въ навигацію этого года прибыли къ устью Амура изъ Соединенныхъ Штатовъ военный пароходъ — корветъ «Америка», заказанный тамъ г. Казакевичемъ, и два купеческихъ судна: баркъ «Берингъ» съ грузомъ товаровъ и корабль «Европа», доставившій заказанные капитаномъ Казакевичемъ въ Соединенныхъ Штатахъ механическое заведеніе и рѣчные желѣзные пароходы, названные «Сунгоры» и «Усури», а въ С.-Петербургѣ переименованные въ «Амуръ» и «Лена». Осенью 1856 года между Маріинскомъ и Николаевскомъ были построены станціи, на каждую было поставлено по 4 лошади, — казаковъ и крестьянъ, — и зимою открыто было первое по Амуру почтовое сообщеніе на лошадяхъ, — тройками и въ кибиткахъ. Въ эту же зиму совершенно было г. Паргачевскимъ первое путешествіе по льду Амура на собакахъ и лошадяхъ изъ Николаевска въ Забайкальскую область.

Въ это время возникла переписка съ китайскимъ правительствомъ о назначеніи въ Пекинъ новой миссіи, и въ отвѣтахъ Китайцевъ иногда проявлялись замѣтки объ Амурѣ. Такимъ образомъ до этого времени сношенія наши съ Ки-

таемъ ограничивались маловажною перепискою о разграниченіи и сожженіи нашей факторіи въ Чугучакѣ, — но при всемъ этомъ смыслъ листа нашего Сената, посланнаго въ 1853 году, о томъ, что разграниченіе поручено генералъ-губернатору Восточной Сибири, — оставался неизмѣннымъ. Но въ концѣ 1856 года послѣ отъѣзда генерала Муравьева изъ С.-Петербурга въ Сибирь, былъ назначенъ посланникомъ въ Китай графъ Путятинъ, по случаю особенныхъ обстоятельствъ, возникшихъ между Россією и Китаемъ, какъ было сказано въ извѣщеніи объ этомъ пекинскому трибуналу. Графъ Путятинъ въ началѣ 1857 года прибылъ въ Кяхту, отсюда послалъ ноту китайскому правительству, требуя пропуска въ Пекинъ, и увѣдомляя, что онъ будетъ ожидать отвѣта до такого то времени, послѣ чего отправится въ Китай Амуромъ и моремъ. Китайцы медлили отвѣтомъ до мая, и по отъѣздѣ графа Путятина изъ Кяхты, прислали ему въ Селенгинскъ увѣдомленіе, въ которомъ отзывались что у нихъ нѣтъ никакихъ особо-важныхъ дѣлъ съ Россією, для которыхъ стоило бы такой высокой особѣ, какъ Посланникъ, предпринимать трудный и далекій путь въ Пекинъ. Графъ Путятинъ отправивъ Китайцамъ соотвѣтствующій ихъ увѣдомленію отвѣтъ, продолжалъ путь по Забайкалью въ Шилкинскую заводь, откуда въ одно время съ генералъ-губернаторомъ поплылъ по Амуру. Въ Айхунѣ, принимая поздравленія Амбана съ пріѣздомъ, графъ Путятинъ спросилъ его не получены-ли на имя его какія-либо бумаги изъ Пекина и узнавъ что нѣтъ, продолжалъ путь далѣе къ устью Амура. Генералъ-губернаторъ изъ Айхуня возвратился въ Зейскій постъ и здѣсь остался ожидать прихода войскъ и переселенцевъ назначенныхъ на Амуръ. Въ началѣ этого года было Высочайше утверждено заселеніе лѣваго берега Амура, и потому весною переселенцы Амурскаго коннаго казачьяго полка были двинуты внизъ по Амуру и подъ личнымъ распоряженіемъ генералъ-губернатора заняли лѣвый берегъ отъ Усть-Стрѣлки до щекъ Малаго Хинганя. Кромѣ того при устьѣ Зей стали лагеремъ 14-й Линейный баталіонъ и дивизіонъ Линейной легкой батареи. Въ этомъ же году доставка казенныхъ грузовъ на устьѣ Амура производилась въ первый

разъ съ подряда Иркутскими купцами Серебренниковымъ и Зминымъ, и только часть ихъ слѣдовала съ казеннымъ рейсомъ подъ начальствомъ полковника Ушакова. Съ этимъ рейсомъ же прибыли на поселеніе въ Маринскъ и Николаевскъ 60 женщинъ изъ ссыльно-каторжныхъ. Въ устье Амура въ этомъ году вошло 7 иностранныхъ кораблей: баркъ «Берингъ» и «Messenger Bird» изъ Бостона, шкуна «Люизъ-Перро» и «Камчадалъ» изъ Сан-Франциско, баркъ «Vigraham» и шкуна «General Purse» изъ Хон-Конга и баркъ «Оскаръ» изъ Гамбурга, и въ первый разъ на пароходахъ «Амуръ» и «Лена» было доставлено по Амуру въ Сибирь не большое количество иностранныхъ товаровъ.

Не доходя устья Амура, графъ Путятинъ близъ селенія Михайловскаго, былъ встрѣченъ адмираломъ Казакевичемъ на пароходѣ «Надежда», и вмѣстѣ съ нимъ продолжалъ плаваніе до Николаевска. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней въ ожиданіи парохода — корвета «Америка», отводившаго транспортъ «Байкалъ» въ заливъ де Кастри, и транспортъ «Иртышъ» въ Императорскую гавань для возобновленія Константиновскаго поста, — графъ Путятинъ на этомъ пароходѣ, въ сопровожденіи тендера «Камчадалъ», направился къ берегамъ Китая, открывъ на пути заливы *Св. Владимира* (13-го іюля) и *Св. Ольги* (14-го іюля). Отправивъ изъ перваго залива тендеръ «Камчадалъ» съ лейтенантомъ Рудановскимъ на островъ Сахалинъ, графъ Путятинъ слѣдовалъ далѣе въ Корейскій портъ Гамильтонъ, куда и прибылъ 20-го іюля. Тендеръ «Камчадалъ», подойдя къ самой узкой части острова Сахалина, (въ широтѣ 48° N) высадилъ здѣсь на шлюпкѣ лейтенанта Рудановскаго съ 15-ю челоѣками команды, и отправился далѣе въ заливъ де Кастри. Лейтенантъ Рудановскій возобновилъ бывший при устьѣ рѣкѣ Кусунай Ильинскій постъ, выстроилъ здѣсь три дома, перевалилъ сухопутьемъ на другой (восточный) берегъ озера и здѣсь у устья рѣки Мануэ, въ растояніи около 35 верстъ отъ Кусунайскаго поста, поставилъ русскій крестъ. Осенью лейтенантъ Рудановскій на шлюпкѣ, слѣдуя вдоль берега Сахалина, возвратился съ командою въ Николаевскъ.

Между тѣмъ графъ Путятинъ изъ порта Гамильтонъ на-

правился въ заливъ Печели и прибывъ 24-го іюля къ устью рѣки Пей-хо (Хай-хэ), вошелъ здѣсь въ сношенія съ китайскими начальниками, которыя послѣ различныхъ отговорокъ и уклоненій только 12-го августа приняли пакетъ, съ условіемъ доставить отвѣтъ въ Печели. Послѣ этого пароходъ «Америка» отправился въ Шанхай за бумагами ожидаемыми изъ Россіи и оттуда снова прибылъ въ Печели, гдѣ 4-го сентября получилъ подобный же первому неудовлетворительный отвѣтъ китайскаго правительства. Между тѣмъ изъ Пекина былъ посланъ листъ нашему Сенату, въ которомъ Китайцы жаловались, что графъ Путятинъ, не смотря на дружескія отношенія ихъ къ Россіи, рѣшился въ противность трактатамъ проникнуть въ портъ, закрытый для Европейцевъ, именно въ Печели, гдѣ для встрѣчи его были высланы чиновники, но что онъ передавъ свои требованія, отправился въ Шанхай, ожидая туда присылки отвѣта. Между тѣмъ для нашихъ переговоровъ есть Кяхта, и разсматривать вопросы объ Амурѣ въ Шанхаѣ неудобно, ибо для окончанія его у нихъ есть на Амурѣ особый уполномоченный главнокомандующій (Дзянь-Дзюнь), къ которому и слѣдуетъ обратиться для переговоровъ по сему предмету, а потому они и просятъ отозвать графа Путятина изъ Шанхая. Листъ этотъ, вмѣстѣ съ донесеніями графа Путятина о неудавшейся его попыткѣ проникнуть въ Пекинъ чрезъ Печели и объ открытіи переговоровъ въ Шанхаѣ, былъ полученъ въ С.-Петербургѣ въ концѣ 1857 года, во время пріѣзда туда изъ Сибири генералъ-губернатора Муравьева.

Всѣ эти обстоятельства заставили принять новыя мѣры для успѣха переговоровъ. Въ слѣдствіе того было рѣшено предоставить графу Путятину, не касаясь вопроса объ Амурѣ, домогаться отъ Китайцевъ только тѣхъ преимуществъ для Россіи, какія получаютъ другія націи, подкрѣпивъ его для этого эскадрою изъ 7-ми винтовыхъ судовъ, назначавшихся на службу въ сибирскую флотилію. Это распоряженіе было послано къ графу Путятину чрезъ Суэцъ въ Шанхай съ особымъ курьеромъ, адъютантомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, подполковникомъ Мартыновымъ. Переговоры-же о разграниченіи Приамурскаго края снова воз-

ложить на генерала Муравьева, и уведомить объ этомъ Китайцевъ. По этому случаю былъ посланъ листъ пекинскому трибуналу виѣшнихъ сношеній, въ которомъ упоминалось, что всѣ дѣйствія русскихъ на Амурѣ производятся съ утвержденія высшаго правительства, и что самъ генераль-губернаторъ былъ вызванъ Государемъ Императоромъ въ С. Петербургъ, и получаетъ лично отъ него приказанія; по этому, если Китайцы желаютъ кончить дѣла на Амурѣ, то могутъ обратиться къ генераль-губернатору Муравьеву.

Въ это-же время, въ бытность генераль-губернатора въ С. Петербургѣ, былъ утвержденъ уставъ амурской компаніи, составленный для торговли въ приамурскомъ краѣ, гг. Бенардаки и Рукавишниковымъ.

Китайское правительство, встревоженное появленіемъ на Амурѣ русскихъ военныхъ поселеній, въ то время, какъ западныя державы начали свои дѣйствія противъ Кантона, сдѣлало распоряженіе о сборѣ на Амурѣ мѣстныхъ маньчжурскихъ войскъ и по донесенію архимандрита Палладія изъ Пекина доставило туда три тысячи пудовъ пороха. Но получивъ успокоительный листъ изъ С. Петербурга, поспѣшило отвѣчать нашему Сенату, что оно послало уже своего комиссара въ Кантонскую губернію для изслѣдованія безпорядковъ, произведенныхъ тамъ Англо-Французами *), о которыхъ предупреждалъ ихъ посланникъ Соединенныхъ штатовъ. вмѣстѣ-съ-тѣмъ китайское правительство присоединяло, что изъ возникшихъ недоразумѣній намъ не приходится разрывать двухсотлѣтней дружбы, тѣмъ болѣе, что вопросъ о разграниченіи на Амурѣ, рѣшить въ Шанхаѣ неудобно, что для этого у нихъ на Амурѣ есть особый уполномоченный главнокомандующій (дзянь-дзюнь), а для окончанія Чугучакскаго дѣла, есть другой уполномоченный главнокомандующій въ Илл. Между-тѣмъ генераль Муравьевъ, во время своей поѣздки за границу, осмотрѣвъ въ Шербургѣ суда эскадры, отправлявшейся изъ Кронштадта къ устью Амура, въ началѣ февраля 1858 года возвратился въ Иркутскъ. Отсюда онъ послалъ въ Ургу пограничнаго кяхтинскаго комиссара,

*) Въ это время Англичане и Французы взяли Кантонъ.

для подробнѣйшихъ объясненій съ тамошними правителями, въ духѣ листа сената, и что для этого нужно послать къ нему одного изъ членовъ нашей пекинской миссіи. Въ отношеніи-же заселеній на Амурѣ велѣно было предупредить ургинскихъ правителей, что оныя будутъ продолжаться, и въ нынѣшнемъ году будутъ заселять различныя мѣста по Амуру и Усури, на основаніи данныхъ генераль-губернатору Высочайшихъ повелѣній; но что дѣйствія эти ничего враждебнаго къ Китаю въ себѣ не заключаютъ, а напротивъ клонятся къ общимъ пользамъ обоехъ государствъ. Въ то же время генераль-губернаторъ, отправляя изъ Иркутска коллежскаго ассесора Карчевскаго на устье Зеи, поручилъ ему между прочимъ, когда будетъ въ Айхунѣ, на вопросѣ Амбая объ немъ, отвѣчать что генераль Муравьевъ будетъ на Амурѣ тотчасъ по вскрытіи навигаціи, но что не можетъ медлить въ верховьяхъ рѣки, а долженъ спѣшить къ устью, и что если они желаютъ съ нимъ переговариваться, то это удобнѣе будетъ сдѣлать на его возвратномъ пути въ устья Амура. Предупрежденіе это генераль Муравьевъ сдѣлалъ во первыхъ, въ надеждѣ получить на устьѣ Амура извѣстія отъ графа Путятина, и во вторыхъ, чтобы показать Китайцамъ, что съ его стороны нѣтъ особаго стремленія съ ними переговариваться.

Результатъ показалъ, что и то и другое объясненія въ Ургѣ и Айхунѣ достигли своей цѣли. Генераль-губернаторъ, переѣхавъ озеро Байкаль, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, еще по льду, продолжалъ дальнѣйшій путь на колесахъ до Срѣтенска. Отсюда, въ сопровожденіи преосвященнаго архіепископа камчатскаго, Иннокентія, онъ 26-го апрѣля, вмѣстѣ со льдомъ, поплылъ на Амуръ. Пароходъ «Лена», зимовавшій въ Шилкинскомъ заводѣ, стоялъ еще во льду, задержанномъ молою, ограждавшею пароходъ. Не доходя устья Зеи, въ станицѣ *Нарасунской* (нынѣ *Вибикова*), генераль-губернаторъ былъ встрѣченъ чиновникомъ изъ Айхуна, который просилъ его подождать нѣкоторое время приѣзда дзянь-дзюня (главнокомандующаго) Цицигарскаго, назначеннаго уполномоченнымъ при переговорахъ. 5-го мая генераль Муравьевъ прибылъ въ Усть-зейскую станицу, гдѣ на другой день къ ему при-

Ъхалъ айхунскій Амбанъ Дзираминга, онъ сообщилъ, что дзянъ-дзюнь прибылъ уже въ Айхунъ, и просить генерала, хотя на нѣсколько дней отсрочить свое дальнѣйшее плаваніе, чтобы имѣть возможность переговорить съ нимъ о разграниченіи; такъ-какъ дѣло это крайне заботитъ ихъ правительство и пограничные люди ихъ находятся въ тревогѣ и оторваны отъ сельскихъ занятій. При этомъ Амбанъ намекнулъ генераль-губернатору, что онъ во всемъ успѣетъ и все сдѣлаетъ; спросилъ есть-ли у него дѣти, и узнавъ, что нѣтъ,—сожалѣлъ, говоря, что послѣ великаго дѣла хорошо-бы было оставить славу въ потомствѣ. Въ заключеніи Амбанъ просилъ назначить мѣстомъ для переговоровъ г. Айхунъ, и звалъ туда къ себѣ обѣдать. Генераль-губернаторъ согласился какъ на то, такъ и на другое, тѣмъ-болѣе, что Амбанъ посѣщалъ его уже два раза.

Обстоятельства, сопровождавшіе заключеніе послѣдняго трактата, такъ интересны и современны, что здѣсь опыта излагаются со всѣми подробностями.

9-го мая въ Устьзейской станицѣ заложенъ былъ архіепископомъ Иннокентіемъ храмъ во имя Благовѣщенія, а самая станица переименована въ городъ Благовѣщенскъ. На другой день генераль-губернаторъ на своемъ катерѣ въ сопровожденіи двухъ, такъ называемыхъ канонерскихъ, лодокъ, отправился въ Айхунъ на обѣдъ къ Амбану. Маньчжуры заранѣе еще просили позволенія генерала принять его съ почестями и пушечными выстрѣлами, на что онъ изъявилъ свое согласіе. Поэтому при выступленіи его на берегъ показался въ сторонѣ дымъ и послышался слабый трескъ нѣсколько разъ: пушекъ не было видно, но судя по звуку можно было судить что это были небольшія мортирки подобно какъ въ Маймачинѣ. Наши канонерскія лодки отвѣчали имъ 3-мя выстрѣлами изъ полевыхъ орудій, громкій звукъ которыхъ озадачилъ, и, какъ въ послѣдствіи оказалось, не понравился Маньчжурамъ. Генераль-губернатора посадили вмѣстѣ съ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ въ парадную одноколку Амбана, свитѣ его предложили приготовленныхъ на берегу верховыхъ лошадей, и такимъ порядкомъ всѣ въ па-

радной формѣ слѣдовали чрезъ городъ и крѣпость при большомъ стеченіи народа. Амбанъ встрѣтилъ генераль-губернатора какъ почетнаго гостя у однихъ изъ наружныхъ воротъ, ведущихъ во внутренніе дворы его дома. Введя въ комнату, онъ указалъ ему на сидѣвшаго тутъ Дзянь-Дзюня (главнокомандующаго) Амурскими силами князя И—Шань, родственника Богдыхана. Генераль-губернатора посадили въ той же комнатѣ вмѣстѣ съ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ, оберъ-квартирмейстеромъ подполковникомъ Будогоскимъ, переводчикомъ Маньчжурскаго языка Шишмаревымъ, и завѣдывающимъ путевою канцеляріей Карповымъ. Съ ними помѣстились Дзянь-Дзюнь И-Шань, и Амбанъ Дзыраминга. Секретарь Маньчжуровъ, ротный командиръ Айжиндай, стоялъ за столомъ. Остальные члены свиты генераль-губернатора (*) помѣстились въ другой комнатѣ, служившей сѣнями въ двѣ половины дома, и были угощаемы сидѣвшими вмѣстѣ съ ними Маньчжурскими штабсъ-офицерами съ синими прозрачными шариками на шапкахъ. Началось угощеніе, состоявшее изъ чая и разныхъ сухихъ сластей, поставленныхъ на столѣ въ нѣсколькихъ блюдечкахъ, потомъ подавали жареную баранину, жаренаго поросенка, нарѣзанныхъ мелкими кусочками, которые приходилось класть въ ротъ по Маньчжурски двумя палочками, и въ заключеніе подобіе супа съ клещевиннымъ масломъ. Во время обѣда неоднократно подавали теплую рисовую водку (мангалу) въ крошечныхъ чашечкахъ, — фарфоровыхъ, а генералу въ серебрянной, съ соблюденіемъ строгаго чиновочитанія, т. е. начиная всегда съ генерала, потомъ поднося г. Перовскому и тѣмъ которые или по своей тучности, или по своей презентабельности ка-

---

*) Въ этотъ разъ вмѣстѣ съ генераль-губернаторомъ были: приставъ духовной миссіи нашей въ Пекинѣ, статскій совѣтникъ Петръ Николаевичъ Перовскій, оберъ-квартирмейстеръ генеральнаго штаба подполковникъ Константинъ Фадѣевичъ Будогоскій, секретарь по дипломатической части, титулярный совѣтникъ Евгенийъ Карловичъ Бюцовъ, переводчикъ маньчжурскаго языка, губерискій секретарь Яковъ Парфентьевичъ Шишмаревъ, чиновники особыхъ порученій: коллежскій ассессоръ Дмитрій Николаевичъ Гурьевъ, коллежскій ассессоръ Петръ Викентьевичъ Карчевскій, коллежскій секретарь Василій Дмитріевичъ Карповъ и артиллеріи поручикъ Михаилъ Ивановичъ Катлубовскій.

зались имъ старше другихъ. Обѣдъ прошелъ весьма весело; говорили любезности, сообщали другъ другу новости, но о главномъ дѣлѣ не упоминали ни слова. Послѣ обѣда Дзянь-Дзюнь предложилъ генераль-губернатору переговорить о дѣлѣ, но Николай Николаевичъ отклонилъ это, говоря что сегодня будемъ пировать, а всѣ дѣла отложимъ до завтра. Этимъ генераль Муравьевъ между прочимъ хотѣлъ показать Маньчжурамъ, что онъ не слишкомъ дорожить и вовсе не торопится переговорамъ съ ними. Обѣдъ кончился въ седьмомъ часу вечера, послѣ чего генераль-губернаторъ и его свита отправились въ свои катера и вмѣстѣ съ канонерскими лодками перешли къ противоположному берегу, гдѣ стали на якорь у песчаного острова.

На другой день, 11 мая, генераль-губернаторъ съ своимъ штабомъ въ парадной формѣ, перешелъ въ катерѣ къ противоположному берегу. Та же одноколка и верховыя лошади ожидали ихъ въ Айхунѣ, но на этотъ разъ генераль-губернаторъ отправился верхомъ съ своею свитою, въ домъ Амбана, гдѣ Дзянь-Дзюнь ожидалъ его къ 10 часамъ утра. Предварительно условлено было, чтобы при переговорахъ присутствовали съ обѣихъ сторонъ только необходимыя лица: съ Китайской стороны Дзянь-Дзюнь, Амбанъ и Айжиндай, съ нашей генераль-губернаторъ, статскій совѣтникъ Перовскій и переводчикъ Шпшмаревъ; но въ первое же засѣданіе потребовали съ картами оберъ-квартирмейстера Будогоскаго. Всѣ эти лица помѣстились въ той же комнатѣ, въ которой наканунѣ обѣдали, такимъ образомъ что на лѣво отъ входа на широкихъ нарахъ сидѣли по обѣимъ сторонамъ стола Дзянь-Дзюнь и на право отъ него Амбанъ; на право отъ входа на такихъ же нарахъ сидѣлъ за столомъ генераль-губернаторъ, сирава отъ него статскій совѣтникъ Перовскій, а слѣва подполковникъ Будогоскій когда его потребовали. Переводчикъ Шпшмаревъ и секретарь Айжиндай стояли по бокамъ, каждый у стола своей стороны. Сначала генераль-губернаторъ изложилъ съ историческою послѣдовательностію наши дѣйствія на Амурѣ, причины и цѣль этихъ дѣйствій, клонящіяся къ пользѣ обонхъ Государствъ, для чего необходимо опредѣлить границу по Амuru и Усури, — состав-

ляющую удобнѣйшую естественную черту между обоими Государствами.

По окончаніи всего изложенія генераль-губернаторъ представилъ Китайскому уполномоченному заблаговременно написанный на бумагѣ проэктъ граничной черты по Амуру, Усури и верхнія притоки ея на притоки рѣки Тумень-ула, и по теченію послѣдней до моря. Но чтобы еще болѣе объяснить Маньчжурамъ направленіе этой черты, онъ потребовалъ изъ другой комнаты оберъ-квартирмейстера Будого-скаго, который указалъ эту черту на картѣ Маньчжуріи.

Затѣмъ генераль-губернаторъ предъявилъ свое попомощіе написанное на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, которыми объявлялось, что ему, генераль-губернатору Восточной Сибири, поручено отъ Русскаго Правительства вести переговоры съ Китаемъ, какъ о разграниченіи, такъ равно и о всѣхъ дѣлахъ, которыя по его мнѣнію могутъ кланяться ко взаимнымъ пользамъ обонхъ государствъ.

Генераль-губернаторъ предложивъ обсудить всѣ его предположенія о границахъ, обѣщавъ прислать на бумагѣ проэктъ договора и сказалъ, что вѣроятно Дзянь-Дзюнь утомленъ продолжительнымъ прешіемъ, (ибо былъ уже 3 часъ послѣ полудня) и можетъ быть привыкъ въ это время обѣдать. Потомъ просилъ посѣтить его и для этого назначилъ часъ. Условились, что Дзянь-Дзюнь прибудетъ на катеръ въ 4 часа по полудни.

Такъ кончилось первое засѣданіе. Всѣ переговоры велись на Маньчжурскомъ языкѣ; но не смотря на то, что Дзянь-Дзюнь былъ родственникъ Богдыхана, слѣдовательно истый Маньчжуръ, — онъ повидимому лучше зналъ придворный, — китайскій языкъ, — нежели свой родной маньчжурскій. Рѣчь генераль-губернатора къ Дзянь-Дзюню Шшмаревъ переводилъ Амбаню по Маньчжурски и тотъ передавалъ ее Дзянь-Дзюню по китайски. Когда же генераль-губернаторъ адресовался къ Амбаню, то слова Шшмарева на маньчжурскомъ языкѣ передавались Амбаню особымъ переводчикомъ по китайски.

Около половины 4 часа стали подтягиваться къ катеру генераль-губернатора двѣ огромныя джонки, назначившіяся

по словамъ маньчжурскихъ чиновниковъ для переѣзда Дзянь-Дзюня на катеръ. Ихъ поставили по сторонамъ катера, но Николай Николаевичъ послалъ г. Шишмарева просить Дзянь-Дзюня переѣхать къ нему на вельботъ. Ровно въ 4 часа показалось изъ города шествіе Дзянь-Дзюня съ огромною свитою, предшествуемое двумя оруженосцами впереди. На катеръ генераль-губернатора были впущены: Дзянь-Дзюнь, Амбань, Айжиндай, личный секретарь Дзянь-Дзюня, его прислужникъ съ трубкою и два оруженосца. Угощеніе состояло изъ чая, сластей, мадеры, шампанскаго и наконецъ ликера. Хоръ трубачей иркутскаго коннаго полка игралъ на берегу въ близкомъ разстояніи отъ катера. Музыка какъ видно очень нравилась Дзянь-Дзюню, въ особенности веселые мотивы русскихъ плясовыхъ пѣсень, которые по его желанію повторялись нѣсколько разъ. Такимъ образомъ время шло незамѣтно между веселымъ разговоромъ и изобильнымъ угощеніемъ. Наконецъ Дзянь-Дзюнь, согрѣтый виномъ, снялъ даже свою курму (родъ кофты съ широкими рукавами) и пожелалъ выйти на чистый воздухъ, чтобы нѣсколько освѣжиться, послѣ чего уѣхалъ на берегъ къ себѣ домой.—

На слѣдующій день 12 мая генераль-губернаторъ, сказавшись больнымъ, отправилъ съ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ и переводчикомъ Шишмаревымъ проектъ договора состоящій изъ 5 пунктовъ. *Въ первомъ* опредѣлялась точная граничная черта между Россією и Маньчжурією отъ слиянія р. Шилка съ Аргунью по Амуру до устья Усури, далѣе вверхъ по Усури и по верхнимъ ея притокамъ до водораздѣльнаго хребта, чрезъ который переваливала на лѣвыя притоки рѣки Тушень-Ула, и по сей послѣдней до моря; *во второмъ* назначалось свободное плаваніе по всѣмъ рѣкамъ составляющимъ границу; *въ третьемъ* дозволялось свободное переселеніе жителей обоихъ государствъ съ земель отошедшихъ во владѣніе другаго государства въ теченіе одного года; *въ четвертомъ* учреждалась взаимная торговля по Амуру и Усури для жителей обоихъ береговъ этихъ рѣкъ и *въ пятомъ* назначался пересмотръ прежнихъ трактатовъ относительно торговыхъ сношеній, сообщеній съ Пекиномъ, отправленіе миссій, пословъ, курьеровъ и прочаго, могущаго до-

ставить пользу и славу двумъ дружественнымъ государствамъ. По предъявленіи этого проекта договора, Маньчжуры снова возобновили передъ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ свои односторонніе доводы и опроверженія всѣхъ пунктовъ, а о послѣднемъ рѣшительно отказались разсуждать, говоря что Дзянь-Дзюнь не имѣеть на это полномочія и что ему поручено только о здѣшнихъ дѣлахъ на Амурѣ, а если мы желаемъ сверхъ того коснуться нашей торговли съ Китаемъ то должны беемъ начать отдѣльные переговоры, совершенно особо отъ настоящихъ. О словѣ «граница», употребленномъ въ нашемъ договорѣ, Маньчжуры не хотѣли и слышать, ссылаясь на то, что граница Россіи съ Китаемъ уже утверждена прежними трактатами. Айжиндай указалъ на то мѣсто договора, гдѣ было сказано: «ради большей славы и пользы обоихъ государствъ», говоря что зачѣмъ тутъ упомянуто слово «слава»; наше государство и безъ того такъ славно, что большей славы ему желать нельзя. По его желанію это выраженіе было замѣнено: ради большей, вѣчной, взаимной дружбы двухъ государствъ, для пользы ихъ подданныхъ и проч. Засѣданіе кончилось безъ всякаго результата.

Вечеромъ въ этотъ же день пріѣхалъ Айжиндай для подробнѣйшихъ объясненій съ г. Шишмаревымъ и привезъ свой проектъ договора, утверждая что Дзянь-Дзюнь и Амбань никакъ не согласятся измѣнить его, такъ что если генералъ не согласится уступить и измѣнить своего проекта, то они должны будутъ разойтись.

Всѣ эти разсужденія съ Айжиндаемъ производились на этотъ разъ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ и г. Шишмаревымъ въ каютѣ катера. Въ другой каютѣ, отдѣленной отъ первой тонкой перегородкой находился генералъ-губернаторъ, слѣдившій за ходомъ переговоровъ и когда нужно было — то и принимавшій въ нихъ участіе или посредствомъ записокъ, передаваемыхъ Перовскому, или посредствомъ громкаго разговора, заставляя подполковника Будогоскаго говорить громко, какъ бы въ разговорѣ съ нимъ, ту мысль, или то выраженіе, которыя нужно было чтобы слышали въ другой каютѣ гг. Перовскій и Шишмаревъ.

13-го Мая утромъ г. Шишмаревъ отправился въ Айхунь

и предложилъ измѣненный проектъ договора на разсмотрѣніе Дзянь-Дзюня и Амбана. Прежнія доказательства и опроверженія снова возобновились съ ихъ стороны, такъ что г. Шишмаревъ, послѣ продолжительныхъ споровъ, успѣлъ только согласить Амбана на допущеніе обоюдной торговли по Амуру, но съ тѣмъ, чтобы мы измѣнили 1-й пунктъ договора. Послѣ этого прибылъ Айжиндай, который согласно новымъ условіямъ, вмѣстѣ съ г. Шишмаревымъ составилъ новый проектъ договора и повезъ его въ Айгунь. Но вечеромъ Айжиндай снова прибылъ на катерѣ и съ отчаяніемъ увѣрялъ, что онъ не досмотрѣлъ первую статью договора о земляхъ отъ Усури до моря и при чтеніи не выкинулъ въ смыслъ этой статьи, а потомъ уже, по приѣздѣ въ Айгунь, вмѣстѣ съ Амбанемъ рассмотрѣлъ ее. При этомъ Айжиндай со слезами умолялъ г. Шишмарева измѣнить эту статью, утверждая, что его ожидаетъ тяжкое наказаніе за этотъ недосмотръ, такъ что если не согласится измѣнить этотъ параграфъ, то онъ сей-часъ же въ виду ихъ утопится въ Амурѣ. Г. Шишмаревъ упрекнулъ его говоря, что нельзя непрерывно измѣнять одно и тоже; на это Айжиндай отвѣчалъ г. Шишмареву, что хорошо вамъ такъ разсуждать, когда вы хотите отъ насъ брать, тогда какъ нашему Дзянь-Дзюню приходится уступать; вотъ если бы вашъ Дзянь-Дзюнь уступалъ что нибудь, то вѣроятно онъ разсуждалъ бы на переговорахъ иначе. Г. Шишмаревъ повелъ Айжиндая къ генераль-губернатору, предъ которымъ онъ снова возобновилъ свои просьбы о томъ, чтобы выраженіе о земляхъ отъ Усури до моря было вовсе исключено изъ договора. Генераль вмѣсто этого пункта приказалъ зачеркнуть, слова о которыхъ говорилъ Айжиндай и написать что «объ этомъ генераль и Дзянь-Дзюнь завтра будутъ разсуждать.»

Убѣдившись безуспѣшнымъ ходомъ переговоровъ, проводившихъ только время, что обыкновеннымъ путемъ нельзя добиться отъ Маньчжуровъ никакого толка, генераль-губернаторъ рѣшился, по совѣту Перовскаго, измѣнить характеръ переговоровъ. — Для этого 14-го мая онъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Будогоскимъ и г. Шишмаревымъ прибылъ въ Айгунь и предложилъ окончательный проектъ договора.

Маньчжуры снова начали приводить свои одностороннія и шаткія доказательства на право владѣнія этими странами, собираемый ими ясакъ съ жителей, и проч. Главное затрудненіе предстояло въ уступкѣ Прусурійской страны, пренія о которой теперь уже болѣе не отклонялись Маньчжурами, подъ предлогомъ что они не имѣютъ на это права. Кромѣ прежнихъ доказательствъ, что у нихъ по берегу моря вездѣ есть свои караулы, Маньчжуры приводили, что на югѣ Прусурійской страны находится родина ихъ императорской фамилии, и что по этому уступка этой страны была бы съ ихъ стороны государственною измѣною. На это имъ возражали, что родина ихъ царствующей династїи есть Индѣнь, что въ Прусурійскомъ краѣ у нихъ нѣтъ ни какихъ учреждений, что они объ этой странѣ, — какъ и сами сознались, — не имѣютъ никакихъ свѣдѣній и что тамъ живутъ только одни бѣглецы, отъ которыхъ Китайцы не имѣютъ ни какой пользы. Вместе съ тѣмъ приводили Маньчжурамъ, что все что Россія непредпринимала въ Приамурскомъ краѣ съ 1854 года — все это клонилось къ пользамъ ихъ имперїи, что употребивъ уже на осуществленіе подобной цѣли столько трудовъ и издержекъ, Россія не можетъ отказаться отъ своихъ благодѣтельныхъ для Китая намѣреній, не приведя ихъ къ окончательному результату и т. п. — Дзянь-Дзюнь возражалъ, что онъ не сомнѣвается въ высокой цѣли русскихъ, но въ случаѣ если бы для подобной цѣли пришли Китайцы въ Нерчинскій край, то дозволило ли бы имъ Русское правительство перейти чрезъ Аргунь и прогнать варваровъ? Время шло въ подобныхъ отклоняющихся отъ цѣли разговорахъ; Маньчжуры не убѣждались ни какими доводами, и тянули только время, несмотря на то, что генералъ-губернаторъ предупреждалъ ихъ, что онъ не можетъ оставаться долго у Айхуна и спѣшить на устье Амура *) Наконецъ когда всѣ убѣжденія на соглашеніе Дзянь-Дзюна оказались тщетными, генералъ-губернаторъ всталъ изъ-за стола, взялъ за руки Дзянь-Дзюна и Амбаня и обратился съ сердитымъ видомъ къ

*) Въ это время ожидали прихода въ Николаевскъ англійскихъ и французскихъ судовъ изъ китайской эскадры, намѣревавшихся производить въ этихъ моряхъ опись береговъ.

г. Шишмареву поручилъ ему передать имъ, что онъ лично съ Дзянь-Дзюномъ останется друзьями, но что такъ переговариваться нельзя, — что онъ имъ сказалъ все, что отъ него зависѣло, и теперъ ихъ дѣло обсудить это и согласиться на его предложенія, для чего онъ даетъ имъ сроку до завтра. Не дождавшись пока г. Шишмаревъ успѣлъ перевести это, генералъ быстро вышелъ изъ комнаты, у воротъ сѣлъ на коня, и въ сопровожденіи подполковника Будогоскаго и г. Шишмарева поѣхалъ къ пристани, — гнѣвно поглядывая на собравшіяся толпы народа. — Вскорѣ генерала догналъ Айжиндай съ мрачной физиономіей и подѣхавъ къ г. Шишмареву спрашивалъ его куда генералъ такъ спѣшить; теперъ поднялся такой сильный вѣтеръ и на рѣкѣ волненіе, что Дзянь-Дзюнь говоритъ, что лучше бы немного обождать. Но Шишмаревъ слѣдовалъ молча за генералъ-губернаторомъ, который подѣхавъ къ берегу, быстро соскочилъ съ коня, бросилъ въ сторону нагайку, сѣлъ въ катеръ, въ которомъ оставалась вся его свита и приказавъ поставить парусъ, при сильномъ низовомъ вѣтрѣ быстро пошелъ вверхъ по рѣкѣ къ противоположному берегу. Толпы собравшихся на берегу Маньчжуровъ выпучили глаза отъ удивленія, привыкнувъ видѣть генерала всегда привѣтливо поглядывающаго на толпящійся по улицамъ Айхуна народъ, а теперъ увидя его нахмуреннымъ, разсерженнымъ и уходящимъ прочь отъ Айхуна *). Отойдя вверхъ по рѣкѣ до 7 верстъ, генералъ остановился у Маньчжурской деревни лѣваго берега, обѣдалъ здѣсь съ своею свитою и къ вечеру возвратился въ своемъ катерѣ къ канонирскимъ лодкамъ, стоявшимъ по прежнему напротивъ Айхуна, у противоположнаго берега. Вскорѣ сюда прибыли чиновники отъ Дзянь-Дзюна спросить о здоровьѣ генерала и о причинѣ его гнѣва, а вмѣстѣ съ тѣмъ просили извинить ихъ, утверждая, что впредь они будутъ себя вести такъ, чтобы генералъ не сердился.

Въ слѣдствіе этого на другой день, 15-го мая, прибылъ

---

*) Во время этого проѣзда по улицамъ Айхуна, генералъ потерялъ брилліантовую звѣзду ордена Св. Александра Невскаго, которая и послѣ не отыскалась.

на катеръ генерала Гусайда (батальонный командиръ) Маншанъ съ Айжиндаемъ, для окончательнаго соглашенія всѣхъ договорныхъ статей. Слово «*граница*», которое Маньчжуры никакъ несоглашались употребить въ договорѣ, — было вычеркнуто и замѣнено выраженіемъ, что лѣвый берегъ рѣки Амура отъ рѣки Аргуни до морскаго устья да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства, а правый до р. Усури — Дайцинскаго государства. Земли отъ р. Усури до моря положено оставить въ общемъ владѣніи, къ чему Айжиндай предложилъ прибавить фразу: «какъ и нынѣ,» что и было сдѣлано. Право обоюднаго плаванія по пограничнымъ рѣкамъ Амуру и Усури, въ Маньчжурскомъ текстѣ вышло по рр. Сахалянъ-ула, Сунгари-ула и Усури-ула *). Айжиндай возразилъ, что стало бытъ въ слѣдствіе этого пункта русскіе могутъ плавать по рѣкѣ Сунгари внутрь Маньчжуріи, и торговать въ лежащихъ по берегамъ этой рѣки городахъ? Ему отвѣчали на это утвердительно и доказывали всю пользу этого, какъ для самихъ Маньчжуровъ, такъ и для всей ихъ страны, — съ чѣмъ онъ и согласился.

Въ заключеніе генералъ выразилъ, что такъ какъ теперь они уже окончательно согласились во всѣхъ пунктахъ, то онъ намѣренъ подойти съ канонерскими лодками ближе къ городу и салютовать въ честь заключенія трактата. Айжиндай предлагая подойти къ ихъ берегу, если генералу это угодно, просилъ только не стрѣлять, прибавивъ, что мы, чиновники, не боимся, а наши военные люди не любятъ выстрѣловъ. Это желаніе Маньчжуровъ было исполнено, и затѣмъ ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій никакихъ выстрѣловъ произведено не было. Для окончанія различныхъ мелкихъ недоразумѣній г. Шинмареву приходилось еще два раза ѣздить въ Айхунь къ Амбаню.

Наконецъ наступилъ и достопамятный день 16-го мая. Трактатъ назначено было подписывать въ 12 часовъ, но за перепискою бѣловыхъ экземпляровъ на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, время протянулось до вечера. — Въ

---

*) Рѣка Амуръ у Маньчжуровъ и Китайцевъ раздѣляется на двѣ части: верхняя называется Сахалянъ-ула, а нижняя Сунгари-ула.

6 часовъ генераль-губернаторъ съ своею свитою, въ парадной формѣ, вышли на берегъ Айхуна и пѣшкомъ отправились къ Дзянь-Дзюню, гдѣ тотчасъ же началось подчиванье чаемъ и сластями. Послѣ краткаго привѣтствія, генераль Муравьевъ сказалъ Дзянь-Дзюню, что онъ очень радъ, что наконецъ они согласились во всѣхъ пунктахъ и кончили дѣло, продолжавшееся болѣе полутора столѣтій и давно заботившее ихъ Правительство, послѣ чего приступили къ чтенію и повѣркѣ текста на Маньчжурскомъ языкѣ. За тѣмъ началось подписываніе трактата на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ — генераль-губернаторомъ, Дзянь-Дзюномъ, Перовскимъ, Амбанемъ, Шишмаревымъ и Айжиндаемъ (*). Послѣ подписи генераль-губернаторъ и Дзянь-Дзюнь взяли каждый въ одну руку по два подписанныхъ экземпляра на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, въ одно время обмѣнялись ими и передали другъ другу со взаимнымъ поздравленіемъ.

Окончивъ весь церемоніаль заключенія трактата, генераль Муравьевъ вскорѣ оставилъ Дзянь-Дзюна, поцаловавшись съ нимъ на прощаньи, и отправился на своемъ катерѣ въ обратный путь къ Благовѣщенску. По прибытіи на катеръ, спутники Николая Николаевича, по русскому обычаю съ шампанскимъ въ рукахъ, поздравили его съ совершившимся великимъ событіемъ, доставившимъ Россіи болѣе милліона кв. верстъ богатой территоріи, открывшемъ Сибири удобный водяной путь къ Океану, оправдавшимъ блестящимъ образомъ дальновидныя соображенія и предположенія генерала Муравьева и увѣнчавшимъ достойнымъ образомъ его многолѣтніе труды и усилія.

Для полноты рассказа слѣдуетъ здѣсь прибавить подробности дальнѣйшаго плаванія генераль-губернатора по Амуру. 17-го мая ночью генераль Муравьевъ возвратился изъ Айхуна въ Благовѣщенскъ, гдѣ на другой день, въ Воскресенье 18-го мая, было совершено Преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ благодарственное Господу Богу молебствіе о совер-

---

*) Перо, которымъ Николай Николаевичъ Муравьевъ подписалъ возвращеніе Амура, взялъ къ себѣ на сохраненіе оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Будогоскій.

шившемся радостномъ и великомъ событіи, и всѣ чины бывшіе въ Благовѣщенскѣмъ обѣдали у Николая Николаевича. Въ тотъ же день при церковномъ парадѣ генераль-губернаторъ отдалъ по войскамъ слѣдующій законическій приказъ:

«Товарищи! Поздравляю Васъ! Не тщетно трудились мы: Амуръ сдѣлался достояніемъ Россіи. — Св. церковь молитса за насъ, Россія благодаритъ. Да здравствуетъ Императоръ Александръ и процвѣтаетъ, подъ кровомъ Его, вновь приобрѣтенная страна. Ура!»

20-го мая генераль-губернаторъ отправилъ подлинный трактатъ при своемъ донесеніи къ Государю Императору съ секретаремъ по дипломатической части Бюцовымъ. Такимъ образомъ первое извѣстіе, посланное въ С. Петербургъ изъ вновь основаннаго за 10-ть дней передъ симъ города *Благовѣщенска*, была *благая вѣсть* о присоединеніи Амура къ русскимъ владѣніямъ. — 21-го числа генераль-губернаторъ вмѣстѣ съ своимъ штабомъ отплылъ въ дальнѣйшій путь къ устью Амура. Во время этого плаванія, оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Будогосскій избиралъ мѣста для поселеній Амурскаго пѣшаго баталіона, который въ этомъ году занялъ своими станціями лѣвый берегъ Амура отъ начала хребта Малаго Хингана, до устья Усури. При впаденіи этой послѣдней рѣки въ Амуръ, было основано поселеніе 13-го Линейнаго баталіона, названное *Хабаровскимъ*. Отъ этого населенія, дальнѣйшій путь свой генераль-губернаторъ продолжалъ на ожидавшемъ его здѣсь пароходѣ «Амуръ», въ сопровожденіи прибывшаго сюда на встрѣчу военнаго губернатора Приморской области г. Казакевича. Прибывъ 8-го іюня въ Маріинскій постъ, генераль посвятилъ этотъ день обзору казармъ, церкви и другихъ зданій, выстроенныхъ здѣсь въ теченіи 2-хъ лѣтъ, послѣ его отсутствія, и 10 числа прибылъ въ Николаевскъ, при солотаціи береговыхъ батарей. Послѣ 1855 года, въ которомъ генераль-губернаторъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ, Николаевскъ изъ нѣсколькихъ существовавшихъ тогда домиковъ, протянулся на 1½ версты по берегу Амура, и въ немъ теперь однихъ частныхъ домовъ считалось уже до двухъ сотъ номеровъ. Генераль остался здѣсь на нѣсколько дней, въ ожиданіи при-

хода судна изъ эскадры графа Путятина съ извѣстіями отъ него о ходѣ переговоровъ въ Китаѣ.

15-го іюня въ госпитальной церкви Николаевска было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе о заключеніи договора. При этомъ преосвященнѣйшій Иннокентій произнесъ краткое, приличествующее торжеству, слово, въ которомъ, между прочимъ, упомянулъ, что онъ радуется, видя себя среди дѣятелей этого края въ такую минуту, когда труды ихъ вознаграждены возвращеніемъ Амура къ Россіи. Въ заключеніе молебствія было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему дому, вѣчная память Императору Николаю I, многолѣтіе генералъ-губернатору, Николаю Николаевичу, вѣчная память всѣмъ положившимъ животь свой за Амурскій край, и многолѣтіе всѣмъ подвизавшимся и подвизающимся въ здѣшнемъ краѣ дѣятелямъ. При провозглашеніи многолѣтія Императорской фамиліи, съ береговыхъ батарей былъ произведенъ салютъ.

Отправившись изъ Николаевска на пароходѣ «Амуръ» въ обратный путь вверхъ по Амуру, 19-го іюня, генералъ-губернаторъ 21-го прибылъ въ Маринскій постъ, гдѣ на другой день, въ воскресенье 22-го іюня, въ его присутствіи былъ освященъ преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ первый на берегахъ Амура православный храмъ. Остальныя церкви, строящіяся въ Николаевскѣ и селеніи Михайловскомъ, еще не были окончены. Выйдя 24-го числа изъ Маринска, въ сопровожденіи парохода «Шилка», генералъ остановился у мыса Джай (въ 35-ти верстахъ выше Маринска), гдѣ въ присутствіи его, на избранномъ здѣсь пунктѣ для поселенія, преосвященнѣйшій Иннокентій заложилъ храмъ во имя св. Софіи (премудрости Божіей) и тѣмъ положилъ основаніе будущему *городу Софійску*. Отсюда архіепископъ Иннокентій, съ военнымъ губернаторомъ г. Казакевичемъ, отправились на пароходѣ «Шилка» обратно въ Николаевскъ, а генералъ-губернаторъ, продолжая плаваніе на пароходѣ «Амуръ», 28-го прибылъ въ Хабаровское, а 2-го іюля подошелъ къ устью р. Сунгари. Здѣсь, взявъ изъ Маньчжурскаго поста начальника съ его свитою, генералъ-губернаторъ вошелъ съ пароходомъ въ устье этой рѣки и поднялся по ней до 20-ти верстъ.

Такимъ-образомъ пароходъ «Амуръ» былъ первый, конечно, отъ сотворенія міра, пароходъ, который показался на рѣкѣ Сунгари, и положилъ 2-го іюля 1858 года, первое начало русскому судоходству и пароходству по этой рѣкѣ, на основаніи предоставленнаго Айхунскимъ трактатомъ права. Обозрѣвъ пройденную часть рѣки и ея низменные берега, привѣдя въ изумленіе жителей двухъ деревень, видѣяныхъ на берегу, пароходъ вернулся обратно въ Амуръ, открывъ при устьѣ р. Сунгари баръ съ наименьшею глубиною 15-ти футь.

Продолжая путь далѣе вверхъ по Амуру, 8-го іюля генералъ-губернаторъ прибылъ въ Айхунь. Начиная съ устья Усури, ежедневно встрѣчали цѣлыми десятками баржи и плоты, спускавшіеся внизъ по рѣкѣ, съ провіантомъ, съ переселенцами, различными тяжестями, съ рогатыми скотомъ, лошадьми и проч., такъ-что рѣка, не смотря на свои пустынные берега, представляла въ это время довольно-оживленное зрѣлище. Въ Айхунѣ генералъ съ своею свитою отправился пѣшкомъ въ домъ Амбаня, находящійся въ крѣпости, гдѣ хозяинъ принялъ его съ распростертыми объятіями у наружныхъ дверей. Послѣ краткихъ привѣтствій и распросовъ о здоровьи, Амбань, по приглашенію генерала, отправился пѣшкомъ, вмѣстѣ съ нимъ, на пароходъ, на которомъ его прокатили съ музыкой вверхъ и внизъ по рѣкѣ. По прибытіи генералъ-губернатора, 9-го іюля, въ Благовѣщенскъ, 12-го числа туда-же прибылъ, на трехъ большихъ джонкахъ, Амбань, съ огромною свитою. Его джонка, съ каютою на верху, подошла къ самой пристани; для встрѣчи его были посланы на нижнюю площадку пристани нѣкоторые лица изъ штаба генералъ-губернатора и при его выходѣ музыка, стоявшая у балкона дома, заиграла маршъ. Шествіе открывали по лѣстницѣ пристани 6 ноіоновъ (офицеровъ) съ бѣлыми шариками и навальными перьями на шапкахъ (за храбрость); за ними слѣдовалъ церемоніймейстеръ съ голубымъ шарикомъ, и сзади его Амбань, остальная свита котораго слѣдовала въ безпорядкѣ. Поднявшись по лѣстницѣ на верхъ берега и подойдя къ балкону, шедшіе впереди разступились, стали по обѣимъ сторонамъ дороги и пропустили впередъ церемоніймейстера и Амбаня, котораго на порогѣ

балкона встрѣтилъ генераль-губернаторъ. Войдя въ гостиную, Амбана усадили на диванѣ за столомъ, слѣва отъ него помѣстился генераль Муравьевъ, справа генераль Карсаковъ, съ боку стола въ креслахъ комендантъ г. Айхуна и еще два Гусайды (штабъ-офицера) съ голубыми шариками на шапкахъ. Прочая свита Амбана стояла въ комнатѣ, а секретарь его вмѣстѣ съ г. Шиншаревымъ помѣстились у стола. Подали угощеніе, состоящее изъ чая варенья, разныхъ сластей, орѣховъ, шампанскаго, наливкоу, папиросъ и сигаръ. Маньчжуры вообще не церемонились и не заставляли себя долго просить: Амбанъ горстями раздавалъ своимъ приближеннымъ бѣлые сухари и хлѣбъ, поданные къ чаю, свита его горстями же забирала поданныя сигары и папиросы и прятала по карманамъ. Цѣль приѣзда Амбана состояла въ представленіи генераль-губернатору составленнаго Дзянь-Дзюномъ объясненія статей трактата, въ которомъ между прочимъ заключалась правла для обоюдной между Русскими и Маньчжурами торговли на Амурѣ. Это объясненіе состояло изъ 14 пунктовъ, заключающихъ въ себѣ большею частію мелочныя и стѣснительныя обряды трусливой Китайской администраціи, относительно жителей лѣваго берега и торговли по Амуру. Между прочимъ въ нихъ упоминалось о необходимости назначенія особыхъ сборныхъ пунктовъ для взаимной торговли, подъ тѣмъ предлогомъ, что торговля должна быть подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ, которые будутъ слѣдить за правильностью ея и устанавливать обоюдныя цѣны. Генераль не принялъ этихъ правилъ, доказывая Маньчжурамъ, что торговля тогда только можетъ развиваться и быть выгодною для обѣихъ странъ, когда она производится свободно безъ всякихъ стѣсненій и надзора, и въ числѣ своихъ возраженій упомянулъ, что за чѣмъ чиновниковъ утруждать частными дѣламъ. На это Маньчжуры, желая какимъ бы то ни было доводомъ отавить на своемъ, отвѣчали, что это не составитъ препятствія, потому что у нихъ столько чиновниковъ, что они не знаютъ что съ ними дѣлать! Всѣ ихъ доводы и убѣжденія явно клонились къ тому, чтобы поставить торговлю въ зависимость отъ чиновниковъ, чтобы дать послѣднимъ возмож-

ность наживаться на счетъ мѣстныхъ жителей, производящихъ торговлю.

Генераль-губернаторъ вмѣстѣ съ этимъ не соглашался на предложеніе Маньчжуровъ, чтобы на всемъ протяженіи Амура былъ назначенъ только одинъ пунктъ для торговли, а требовалъ, чтобы жители обоихъ береговъ производили свободно взаимную торговлю гдѣ пожелаютъ, безъ всякаго стѣсненія и надзора чиновниковъ. Наконецъ послѣ долгихъ преній постановили что на первое время, чрезъ каждые восемь дней, будетъ открываться семидневная ярмарка по очередно въ Благовѣщенскѣ и въ Айхунѣ, а жители обоихъ береговъ могутъ производить между собою свободную торговлю на всемъ протяженіи рѣки. На остальные пункты объясненія Дзянь-Дзюна генераль-губернаторъ обѣщалъ прислать свой отвѣтъ въ Айхунъ, послѣ чего Амбанъ со свитою, получивъ богатые подарки и отдаривъ съ своей стороны кусками простой шерстяной съ шелкомъ матеріи, грубыми вѣрами, трубками, связками простаго табаку (махорки), китайскими сухими сладкими и проч., тѣмъ же порядкомъ вернулся съ своей свитою обратно на джонкахъ въ Айхунъ.

На другой день былъ посланъ отвѣтъ генераль-губернатора на статьи Дзянь-Дзюня, въ которомъ было сказано, что такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ статей противорѣчатъ смыслу, трактата, то объясненіе на нихъ придется изъ Иркутска. Чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ комендантъ изъ Айхуна просить, чтобы это объясненіе было прислано теперь для отправки къ Дзянь-Дзюню, но такъ какъ генерала не было дома, то онъ оставивъ къ нему письмо на красной бумагѣ, прибылъ за отвѣтомъ на другой день. Въ этотъ разъ онъ съ своими спутниками былъ принятъ генераломъ, который въ продолжительной бесѣдѣ съ нимъ, развивалъ выгоды, которыя произойдутъ для нихъ отъ болѣе тѣснаго сближенія съ русскими, толковалъ о нашей долгой дружбѣ съ Китаемъ и о пользѣ сохраненія ся для Китая, о своемъ расположеніи къ Дзянь-Дзюню и проч. Получивъ отъ генерала письмо къ Дзянь-Дзюню, въ которомъ онъ обѣщалъ прислать объясненіе на предложенные имъ пункты изъ Иркутска, комендантъ отправился обратно въ Айхунъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ генераль-

губернаторъ, отправивъ 20 іюля пароходъ «Амуръ» обратно въ Николаевскъ, самъ на пришедшемъ изъ Усть-Стрѣжки пароходѣ «Лена» отправился въ дальнѣйшій путь вверхъ по Амуру. —

Между тѣмъ графъ Путятинъ, соединившись съ Англійскимъ, Французскимъ и Американскимъ уполномоченными, вмѣстѣ съ ихъ эскадрами прибыли въ Печенійскій заливъ. Союзники взяли форты при устьѣ рѣки Пей-хо, ведущей къ Пекину и заняли городъ Тянь-Цзинь. Устрашенный Пекинскій дворъ выслалъ сюда своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ иностранцами, и графъ Путятинъ успѣлъ первый заключить съ ними трактатъ $\frac{1}{13}$ іюня. Нѣсколько дней послѣ его Китайцы заключили договоръ съ Американскимъ посланникомъ, $\frac{14}{26}$ іюня съ Англійскимъ, а $\frac{15}{2}$ съ Французскимъ. Заключая трактатъ съ графомъ Путятинымъ, Китайцы уже получили отъ Дзянь-Дяюня Цицигарскаго князя И-Шань извѣстіе о заключенномъ имъ въ Айхунѣ 16 мая съ генераломъ Муравьевымъ трактатѣ, по которому Амуръ уступленъ Россіи, но не сообщили этого графу Путятину. По этому въ статьѣ 9 заключеннаго графомъ съ Китайцами договора постановлялось, что неопредѣленные части границъ между Китаемъ и Россією, будутъ безъ отлагательства исследованы на мѣстахъ довѣренными лицами отъ обихъ правительствъ и заключенное ими условіе о граничной чертѣ *составитъ дополнительную статью къ настоящему трактату.* Но чрезъ три дня послѣ заключенія Тянь-цзинскаго договора, Китайскіе уполномоченные, по повелѣнію Богдыхана, извѣстили графа Путятина о заключенномъ главнокомандующимъ въ Амурской области княземъ И-Шань съ генераломъ Муравьевымъ договорѣ, и о томъ, что Богдыханъ утвердилъ этотъ договоръ, по которому *границею между двумя государствами назначена рѣка Усури до морскихъ портовъ и открыта торговля на Амурѣ.* Такимъ образомъ при переговорахъ съ генераломъ Муравьевымъ въ Айхунѣ, Маньчжуры избѣгали слова *граница*, и положительно отказывались назначить границу по Усури опредѣленною чертою, вѣроятно опасаясь отвѣтственности передъ Пекинскимъ дворомъ, а теперь самъ Богдыханъ утвердилъ границею между обоими го-

сударствами *рѣку Усури до морскихъ портовъ*, и тѣмъ самымъ окончательно признавъ принадлежность Прусурійской стороны къ Россіи.

Графъ Путятинъ, по окончаніи своихъ переговоровъ въ Тянь-Цзинѣ, отправилъ подлинный договоръ *) съ командиромъ пароходъ-корвета «Америка», капитанъ-лейтенантомъ Чихачевымъ, 7-го іюня чрезъ Суэць и Триестъ въ С.-Петербургъ, а чрезъ 8 дней послѣ этого, а именно 15-го іюня, отсылая прибывшаго къ нему изъ С.-Петербурга чрезъ Суэць курьеромъ, Аdjутанта генераль-губернатора Восточной Сибири подполковника Мартынова обратно въ Иркутскъ чрезъ Калганъ и Гобійскую степь, — графъ Путятинъ послалъ съ нимъ письмо къ генералу Муравьеву и при немъ копію съ заключеннаго въ Тянь-Цзинѣ договора. Подполковникъ Мартыновъ, слѣдуя по Гобійской степи верхомъ, успѣлъ чрезъ 25 дней прибыть въ Сибирь и за отбытіемъ генерала Муравьева на Амуръ, сдалъ бумаги въ Иркутскѣ предсѣдательствующему въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири военному губернатору Венцелю. Генералъ Венцель найдя въ этихъ бумагахъ копію съ заключеннаго графомъ Путятиннымъ договора и узнавъ отъ подполковника Мартынова, что курьеръ графа Путятина капитанъ Чихачевъ везетъ въ С.-Петербургъ только подлинный русскій договоръ и ничего не знаетъ о заключенныхъ послѣ его отъѣзда договорахъ Китайцевъ съ Англичанами и Французами, счелъ весьма нужнымъ отправить съ этимъ извѣстіемъ въ С.-Петербургъ очевидца событія — подполковника Мартынова, поручивъ ему же доставить туда копію заключеннаго графомъ Путятиннымъ договора. Такимъ образомъ адъютантъ генераль-губернатора Восточной Сибири г. Мартыновъ, не успѣвъ еще оправиться отъ своего путешествія по Монголіи, долженъ былъ снова скакать въ перекладной съ извѣстіями, которыхъ съ нетерпѣніемъ ждала вся Европа. Доѣхавъ до Перми онъ окончательно ослабѣлъ отъ дурной осенней дороги и потому дальнѣйшій путь продолжалъ на пароходѣ до Твери. Это замѣдлало его слѣдованіе, такъ что онъ прибылъ въ С.-Петер-

---

*) См. Приложение.

бургъ только 7-го августа, — чрезъ 50 дней послѣ отбытія изъ Тянь-Цзина. Въ тотъ же день подполковникъ Мартыновъ имѣлъ счастье представляться въ С.-Петербургѣ Государю Императору и въ тотъ же день дана было знать по телеграфу въ Лондонъ, Парижъ и другія столицы о заключенныхъ Французами и Англичанами договорахъ съ Китаемъ. Такимъ образомъ по распоряженію генераль-лейтенанта Венцеля *) въ С.-Петербургѣ получили съ подполковникомъ Мартыновымъ копию заключеннаго графомъ Путятинымъ въ Тянь-Цзинѣ договора гораздо ранѣе подлинника, посланнаго 8-ю днями впередъ чрезъ Суэць съ капитанъ-лейтенантомъ Чихачевымъ, а Европа — *въ первый разъ чрезъ Сибирь* — узнала о заключеніи своихъ договоровъ еще ранѣе полученія извѣстія отъ своихъ уполномоченныхъ.

Генераль-лейтенантъ Венцель, отправляя подполковника Мартынова въ С.-Петербургъ, въ то же время послалъ 11-го іюля къ генералу Муравьеву на Амуръ другого курьера съ письмомъ отъ графа Путятина и съ копіей заключеннаго имъ договора. Генераль Муравьевъ встрѣтилъ этого курьера 22-го іюля у станицы Карсакова, идя вверхъ на пароходѣ «Лена». Команда была вызвана на верхъ, ей объявили о заключенномъ графомъ Путятинымъ договорѣ, дали по чаркѣ водки, и всѣ бывшіе на пароходѣ поздравили генераль-губернатора и другъ друга съ окончаніемъ китайскаго вопроса. Пароходъ «Лена» 1-го августа прибылъ въ Усть-Стрѣлку и въ тотъ же день вышелъ въ Шилку, 5-го августа достигъ Горбицы а 7-го Шилкинскаго завода. Генераль-губернаторъ продолжалъ свое плаваніе еще далѣе и 12-го достигъ Срѣтенска, гдѣ пароходъ «Лена» и остался на зимовку. Отсюда генераль-губернаторъ отправился сухопутьемъ въ дальнѣйшій путь къ Иркутску. По всей дорогѣ во всѣхъ деревняхъ его встрѣчали съ колокольнымъ звономъ, — толпы крестьянъ

---

*) Въ извѣстіи объ этомъ въ русскихъ газетахъ адъютантъ генераль-губернатора Восточной Сибири, подполковникъ Мартыновъ, совершенно несправедливо названъ курьеромъ, присланнымъ отъ графа Путятина. Курьеръ графа Путятина изъ Тянь-Цзина былъ капитанъ-лейтенантъ Чихачевъ, а подполковникъ Мартыновъ былъ посланъ изъ Иркутска въ С. Петербургъ курьеромъ по распоряженію генераль-лейтенанта Венцеля. С. Петерб. Вѣд., № 173, 1858 г.

и казаковъ вездѣ привѣтствовали его криками «ура», въ городахъ являлись депутаціи разныхъ сословій съ поздравленіями, давали обѣды, дѣлали денежныя пожертвованія на пользу новаго края, — словомъ всякій хотѣлъ принять какое-нибудь участіе въ общей радости всей Сибири, чѣмъ-нибудь выразить свою признательность Николаю Николаевичу Муравьеву за совершенный имъ великій подвигъ, — и свое сочувствіе къ Амурскому краю, такъ неожиданно и блистательно возвращенному имъ снова въ составъ областей Сибири. По прибытіи въ Иркутскъ, 20-го августа, въ первомъ часу пополудни, генераль-губернаторъ отправился прямо въ Богоявленскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ Преосвященнѣйшимъ Евсеіемъ, совершившимъ въ присутствіи всѣхъ начальниковъ войскъ и высшихъ должностныхъ лицъ губерніи благодарственное Господу Богу молебствіе за благополучно совершенное путешествіе и счастливое окончаніе великаго дѣла, которое въ русской исторіи останется навсегда соединеннымъ съ памятью объ управленіи Восточною Сибирью Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ. По окончаніи молебствія Преосвященнѣйшій Евсеій благословилъ генерала иконою Спасителя и сказалъ ему нѣсколько приличныхъ событію словъ. Собравшіяся кругомъ собора толпы народа, по выходѣ генерала на крыльце, привѣтствовали его криками «ура», сопровождавшими его до самаго дома *). Затѣмъ начался рядъ праздниковъ, заключавшихся въ роскошныхъ обѣдахъ, блестящей иллюминаціи, великолѣпномъ фейерверкѣ, парадномъ спектаклѣ и проч., которыми городъ Иркутскъ желалъ выразить свое сочувствіе своему правителю и великому совершенному имъ дѣлу.

Такъ кончилось путешествіе по Амуру генераль-губернатора Восточной Сибири, Николая Николаевича Муравьева въ 1858 году. Это было *третье* его плаваніе къ устью рѣки Амура, изъ которыхъ каждое имѣло много знаменательное значеніе для совершившихся на Амурѣ событій. *Въ первое* свое плаваніе въ 1854 году Николай Николаевичъ *открылъ Амуръ*, — *во второе* въ 1855 году *защитилъ его отъ враговъ*, —

*) Иркутскіе Губ. Вѣдом., № 34, 1858 г.

и въ *третье* въ 1858 году — *возвратилъ Амуръ Россіи*. Не слабому перу этого разсказа судить о заслугѣ Николая Николаевича, а въ заключеніе всего приличіе будетъ привести подлинныя слова Высочайшаго Рескрипта, которымъ благополучно царствующій Императоръ Александръ Николаевичъ соизволилъ почтить многолѣтнія старанія, труды и подвиги генерала Муравьева:

Графъ Николай Николаевичъ! Примѣрно ревностное и полезное служеніе ваше, неоднократно ознаменованное военными подвигами и особыми отличіями на поприщѣ гражданскаго управленія, обратили на себя вниманіе въ Божѣ почившаго Родителя Моего. Справедливо оцѣняя ваши достоинства, Онъ вѣрилъ начальствованію вашему обширный край въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ Имперіи. Вы вполнѣ оправдали довѣріе Наше одиннадцатилѣтними неутомимыми трудами на пользу и благоустройство вѣреннаго управленію вашему Восточной Сибири. Просвѣщеннымъ дѣйствіямъ вашимъ обязанъ этотъ край началамъ своего гражданскаго возрожденія; благоразумными и настойчивыми мѣрами, вами принятыми, упрочены наши мирныя сношенія съ сосѣднимъ Китаемъ, и заключеннымъ вами трактатомъ дарованъ Сибири новый торговый путь по рѣкѣ Амуру, служащій залогомъ промышленному развитію Государства. Столь счастливое для Россіи событіе даетъ вамъ справедливое право на искреннюю Мою признательность. — Въ воздаяніе за таковыя заслуги ваши, Я возвелъ васъ указомъ сего числа Правительствующему Сенату даннымъ, въ Графское Россійской Имперіи достоинство, съ присоединеніемъ къ имени вашему названія Амурскаго, въ память о томъ краѣ, которому въ особенности посвящены были, въ послѣдніе годы, настоятельные труды ваши и постоянная заботливость. Пребывая къ вамъ неизмѣнно благосклоннымъ и на всегда доброжелательнымъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскою рукою написано:

«Александръ».

Въ Москвѣ, августа 26 дня 1858 года.

Д. РОМАНОВЪ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Трактатъ, заключенный 1-го іюня 1858 года въ Тянь-цзинѣ, между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и Его Величествомъ Богдыханомъ Китайскимъ.

Его Величество Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и Его Величество Богдыханъ Дайцинской имперіи, признавая необходимымъ опредѣлить вновь взаимныя отношенія между Китаемъ и Россією и утвердить новыя постановленія для пользы обохъ государствъ, назначили для сего полномочными: Его Величество Императоръ Всероссійскій, императорскаго комиссара въ Китаѣ начальствующаго морскими силами въ Восточномъ Океанѣ, своего генераль-адыютанта вице-адмирала, графа Евиміа Путятина; а его величество Богдыханъ Дайцинскій своего государства Восточнаго отдѣленія Да-сіо-ши (государственный мужъ), главноуправляющаго дѣлами уголовной палаты, высокаго сановника Гуйяна и своего государства предсѣдателя, инспектора палаты, дивизионнаго начальника тяжелаго войска голубаго знамени съ каймою, высокаго сановника Хуашана.

Означенные полномочные, на основаніи данной имъ власти отъ своихъ правительствъ, согласились и постановили слѣдующія статьи:

Статья 1-я. Настоящимъ трактатомъ подтверждаются миръ и дружба, съ давнихъ временъ существовавшія между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и Его Величествомъ Богдыханомъ Дайцинскимъ и ихъ поданными.

Личная безопасность и неприкосновенность собственности русскихъ въ Китаѣ и Китайцевъ, въ Россіи, будутъ всегда состоять подъ покровительствомъ и защитою правительствъ обѣихъ имперій.

Статья 2-я. Прежнее право Россіи отправлять посланниковъ въ Пекинъ всякій разъ, когда Россійское правительство признаетъ это нужнымъ, теперь вновь подтверждается.

Сношенія высшаго Россійскаго правительства съ высшимъ китайскимъ, будутъ производиться не чрезъ сенатъ и Ли-фань-юань, какъ было прежде, но чрезъ Россійскаго

министра иностранных дѣлъ и старшаго члена верховнаго государственнаго совѣта (Цзюнь-цзи-чу), или главнаго министра, на основаніи совершеннаго равенства между ними.

Обыкновенная переписка между означенными выше лицами будетъ пресылаться чрезъ пограничныхъ начальниковъ. Когда же встрѣтится надобность отправить бумагу о весьма важномъ дѣлѣ, то для отвоза ея въ столицу, и для личныхъ по дѣлу объясненій съ членами Государственнаго Совѣта, или главнымъ министромъ, будетъ назначаться особый чиновникъ. По прибытіи своемъ, онъ передаетъ бумагу чрезъ президента палаты церемоній (Ли-бу).

Совершенное равенство будетъ также соблюдаться въ перепискахъ и при свиданіяхъ російскихъ посланниковъ или полномочныхъ министровъ съ членами государственнаго совѣта, съ министрами пекинскаго двора и съ генералъ-губернаторами пограничныхъ и приморскихъ областей. На томъ же основаніи будутъ происходить всѣ сношенія между пограничными генералъ-губернаторами и прочими начальниками смежныхъ мѣстъ обоихъ государствъ.

Если бы російское правительство нашло нужнымъ назначить полномочнаго министра для жительства въ одномъ изъ открытыхъ портовъ, то въ личныхъ и письменныхъ своихъ сношеніяхъ съ высшими мѣстными властями и съ министрами въ Пекинѣ, онъ будетъ руководствоваться общими правилами теперь постановленными для всѣхъ иностранныхъ государствъ.

Російскіе посланники могутъ слѣдовать въ Пекинъ или изъ Кяхты чрезъ Ургу, или изъ Дагу, при устьѣ рѣки Хай-хэ (Peiho), или инымъ путемъ изъ другихъ открытыхъ городовъ или портовъ Китая. По предварительномъ извѣщеніи, китайское правительство обязывается немедленно сдѣлать надлежащія распоряженія какъ для скорого и удобнаго слѣдованія посланника и сопровождающихъ его лицъ, такъ и относительно приѣма ихъ въ столицѣ съ должнымъ почетомъ, отвода имъ хорошихъ помѣщеній и снабженія всѣмъ нужнымъ.

Денежные по всѣмъ этимъ статьямъ расходы относятся на счетъ російскаго государства, а отнюдь не китайскаго.

Статья 3-я. Торговля Россіи съ Китаемъ отнынѣ можетъ производиться не только сухимъ путемъ въ прежнихъ

пограничныхъ мѣстахъ, но и моремъ. Русскія купеческія суда могутъ приходить для торговли въ слѣдующіе порты: Шанхай (Schanghai), Нин-бо (Ningpo), Фучжоу-фу (Foo-chow-foo), Ся-мынь (Amoy), Гуандунъ (Canton), Тайвань-фу (Taiwan foo) на островѣ Формозѣ, Цюн-чжоу (Kiungchow) на островѣ Хайнанѣ, и въ другія открытыя мѣста для иностранной торговли.

Статья 4-я. Въ торговлѣ сухопутной впередъ не должно быть никакихъ ограниченій относительно числа лицъ въ ней участвующихъ, количества привозимыхъ товаровъ, или употребляемаго капитала.

Въ торговлѣ морской и во всѣхъ подробностяхъ ея производства, какъ то: представленіи объявленій о привезенныхъ товарахъ, уплатѣ якорныхъ денегъ, пошлинъ, по дѣйствующему тарифу и т. п., русскія купеческія суда будутъ соображаться съ общими постановленіями объ иностранной торговлѣ въ портахъ Китая.

За контрабандную торговлю, Русскіе подвергаются конфискаціи свезенныхъ товаровъ.

Статья 5-я. Во всѣ означенные порты руссійское правительство имѣетъ право по своему желанію назначать консуловъ.

Для наблюденія за порядкомъ со стороны русскихъ подданныхъ пребывающихъ въ открытыхъ портахъ Китая и для поддержанія власти консуловъ, оно можетъ посылать въ нихъ свои военныя суда.

Порядокъ сношеній между консулами и мѣстными властями, отведеніе удобной земли для постройки церквей, домовъ и складочныхъ магазиновъ, покупка земли Русскими и Китайцевъ по взаимному соглашенію, и другіе подобнаго рода предметы, касающіеся обязанностей консуловъ, будутъ производиться на основаніи общихъ правилъ, принятыхъ китайскимъ правительствомъ въ разсужденій иностранцевъ.

Статья 6-я. Еслибы русское военное или купеческое судно подверглось крушенію у береговъ Китая, то мѣстныя власти обязаны немедленно распорядиться о спасеніи погибающихъ, имущества, товаровъ и самаго судна. Они также должны принимать всѣ мѣры, чтобы спасенные люди, имущество ихъ

и товары были доставлены въ ближайшій изъ открытыхъ портовъ, гдѣ находится русскій консулъ, или агентъ какой либо націи дружественной Россіи, или наконецъ на границу, если это будетъ удобнѣе сдѣлать. Издержки, употребленныя на спасеніе людей и товаровъ, будутъ уплачены впослѣдствіи по распоряженію русскаго правительства.

Въ случаѣ, если русскимъ купеческимъ или военнымъ судамъ встрѣтится надобность во время ихъ плаванія у береговъ китайскихъ исправить поврежденія, запастись водою или свѣжею провизіею, то они могутъ заходить для этого и въ не открытые для торговли порты Китая и преобрѣтать все нужное по добровольно условленнымъ цѣнамъ, и безъ всякихъ препятствій со стороны мѣстнаго начальства.

Статья 7-я. Разбирательство всякаго дѣла между русскими и китайскими подданными въ мѣстахъ открытыхъ для торговли, иначе должно производиться китайскимъ начальствомъ какъ сообща съ русскимъ консуломъ, или лицомъ, представляющимъ власть російскаго правительства въ томъ мѣстѣ. Въ случаѣ обвиненія Русскихъ въ какомъ либо проступкѣ, или преступленіи, виновные судятся по русскимъ законамъ. Равно и китайскіе подданные за всякую вину или покушеніе на жизнь или собственность Русскихъ, будутъ судиться и наказываться по постановленіямъ своего государства.

Русскіе подданные, проникнувшіе внутрь Китая и учинившіе тамъ какой либо проступокъ или преступленіе, должны быть препровождены для сужденія ихъ и наказанія по русскимъ законамъ на границу или въ тотъ изъ открытыхъ портовъ, въ которомъ есть русскій консулъ.

Статья 8-я. Китайское правительство, признавая, что христіанское ученіе способствуетъ водворенію порядка и согласія между людьми, обязуется не только не преслѣдовать своихъ подданныхъ за исполненіе обязанностей христіанской вѣры, но и покровительствовать имъ на равнѣ съ тѣми, которые слѣдуютъ другимъ, допущеннымъ въ государствѣ вѣрованіямъ.

Считая христіанскихъ миссіонеровъ за добрыхъ людей, не ищущихъ собственныхъ выгодъ, китайское правительство позволяетъ имъ распространять христіанство между своими

подданными, и не будетъ препятствовать имъ проникать изъ всѣхъ открытыхъ мѣстъ внутрь имперіи, для чего определенное число миссіонеровъ будетъ снабжено свидѣтельствами отъ русскихъ конуловъ или пограничныхъ властей.

Статья 9-я. Неопределенныя части границъ между Китаемъ и Россіей будутъ безъ отлагательства изслѣдованы на мѣстахъ довѣренными лицами отъ обоихъ правительствъ, и заключенное ими условіе о граничной чертѣ составитъ дополнительную статью къ настоящему трактату. По назначеніи границъ сдѣланны будутъ подробныя описанія и карты смежныхъ пространствъ, которыя и послужатъ обоимъ правительствамъ на будущее время безспорными документами о границахъ.

Статья 10-я. Въмѣсто пребыванія въ Пекинѣ членовъ русской духовной миссіи, по прежнему обычаю въ теченіе определеннаго сорока, каждый изъ нихъ можетъ по усмотрѣнію высшаго начальства возвращаться въ Россію чрезъ Кяхту или инымъ путемъ во всякое время, и на мѣсто выбывающихъ могутъ назначаться въ Пекинъ другія лица.

Всѣ издержки на содержаніе миссіи съ настоящаго времени будутъ отношиться на счетъ російскаго правительства, а китайское правительство вовсе освобождается отъ расходовъ, доселѣ имъ производившихся въ ея пользу.

Издержки проѣзда членовъ миссіи, курьеровъ и другихъ лицъ, отправленныхъ русскимъ правительствомъ изъ Кяхты или открытыхъ портовъ Китая въ Пекинъ и обратно, будутъ уплачиваться имъ самимъ; китайскія же мѣстныя власти обязаны содѣйствовать съ своей стороны всѣми мѣрами къ удобному и скорому слѣдованію всѣхъ выше упомянутыхъ лицъ къ мѣстамъ своего назначенія.

Статья 11-я. Для правильныхъ сношеній между російскимъ и китайскимъ правительствами, равно какъ и для потребностей Пекинской духовной миссіи учреждается ежемѣсячное легкое почтовое сообщеніе между Кяхтою и Пекиномъ. Китайскій курьеръ будетъ отправляться въ определенное число каждаго мѣсяца изъ Пекина и изъ Кяхты и долженъ не болѣе какъ чрезъ пятнадцать дней доставлять посланныя съ нимъ бумаги и письма въ одно изъ означенныхъ мѣстъ.

Сверхъ того чрезъ каждыя три мѣсяца или четыре раза въ годъ будетъ отправляться тяжелая почта съ посылками и вещами, какъ изъ Кяхты въ Пекинъ, такъ и обратно, и для слѣдованія оной опредѣляется мѣсячный срокъ.

Всѣ издержки по отправленію какъ легкихъ, такъ и тяжелыхъ почтъ будетъ поровну уплачиваться русскимъ и китайскимъ правительствами.

Статья 12-я. Всѣ права и преимущества политическія, торговыя и другаго рода, какія впослѣдствіи могутъ пріобрѣсть государства наиболѣе благопріятствуемыя китайскимъ правительствомъ, распространяются въ тоже время и на Россію, безъ дальнѣйшихъ съ ея стороны по симъ предметамъ переговоровъ.

Трактатъ сей утверждается нынѣ же его Величествомъ Богдыханомъ Дайцинскимъ и по утверженію онаго Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ, размѣнъ ратификаціи дослѣдуетъ въ Пекинѣ, чрезъ годъ или ранѣе, если обстоятельства позволяютъ. Теперъ же размѣниваются копии трактата на русскомъ, маньжурскомъ и китайскомъ языкахъ за подписью и печатями полномочныхъ обоихъ государствъ, и маньжурскій текстъ будетъ принимаемъ за основаніе при толкованіи смысла всѣхъ статей.

Всѣ постановленія сего трактата будутъ храниться на будущія времена обѣими договаривающимися сторонами вѣрно и ненарушимо.

Заключенъ и подписанъ въ городѣ Тянь-цзинѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ осьмое, іюня въ первый (тринадцатый) день, царствованія же Государя Императора Александра Второго въ четвертый годъ.

Подписали:

(М. П.) Графъ Евѣмій Путятинъ.

(М. П.) Гуй-лянъ. Хуашана.

Того ради Наше Императорское Величество, по довольномъ разсмотрѣніи вышепрописаннаго трактата, подтвердили и ратификовали оный, яко же симъ за благо пріемлемъ, подтверждаемъ и ратификуемъ во всемъ его содержаніи, обѣщая Императорскимъ Нашимъ словомъ, за насъ и наслѣдниковъ нашихъ, что все въ ономъ трактатѣ постановленное, на-

блюдаемо и исполняемо нами будетъ ненарушимо. Во увѣреніе чего мы сію нашу ратификацію подписавъ своеручно повелѣли утвердить государственною нашею печатью. Дано въ Москвѣ, лѣта отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ осьмага, августа дня, государствованія Нашего въ четвертое лѣто.

На подлинномъ, Собственною Его Императорскаго Величества рукою, написано:

«Александръ».

Контросигнировалъ министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

(12-й советъ Мицкевича.)

Несчастливъ любящій — взаимно не любимый,
Еще несчастнѣй тотъ, въ комъ силы нѣтъ любить;
Изъ всѣхъ же мукъ земныхъ — нѣтъ мукъ невыносимѣй,
Когда бывшій любви не можетъ кто забыть.

Бывшее гаситъ въ немъ всю жажду наслажденья,
При встрѣчѣ съ наглостью предательскихъ очей;
А къ чистой красотѣ и чувствуетъ онъ влеченье,
Но съ дряблымъ сердцемъ пасть не смѣетъ въ ноги къ ней.

Не хочетъ знать людей, подъ часъ себя винить,
Минуетъ смертную, уступить путь богинѣ,
И въ слѣдъ же имъ прости! надеждѣ говорить....

И сердце у него — рупна той святыни,
Гдѣ пролетѣлъ вѣковъ и грозъ могучій рядъ,
Гдѣ мы не смѣемъ жить, а боги — не хотятъ.

ВЪ ***.

(13-й советъ Мицкевича.)

Ты смотришь мнѣ въ глаза! Вздыхаешь! О незнанье!...
Страшись! Опасенъ ядъ коварныхъ глазъ змѣи!
Бѣги! чтобъ не проникъ въ составъ твой ядъ дыханья,
Чтобъ ты не предала проклятью дни свои!

Я искрененъ и прямъ; прійми-жь мое признание:
 Знай, что преступный пылъ зажгла ты мнѣ въ крови;
 Зачѣмъ же я въ концѣ существованья
 Сгублю изъ прихоти младае дни твои?

Я гордъ, чтобъ обольщать изъ страсти къ наслажденью...
 Вѣдь ты еще дитя, — я съ горя одряхлѣлъ:
 Жизнь свѣтская — твое прямое назначенье;

Могилы прошлаго, кладбище — мой удѣлъ.
 О! вейся-жь, юный плющъ, вокругъ тополи зеленой,
 А тернье пусть живетъ съ надгробною колонной!

НИКОЛАЙ ЛУГОВСКОЙ.

ФОРТУНА.

(Изъ Беранже.)

Стукъ! стукъ! Ужь не моя-ль брונетка?
 Стукъ! стукъ! Кто въ дверь стучится тамъ?
 Стукъ! стукъ! Фортуна въ гости къ вамъ!
 Стукъ! стукъ! Не отворю, сосѣдка!

Друзья, пируя, орошаютъ
 Мое убѣжище виномъ, —
 Одну лишь Лизу поджидаютъ:
 Ступай же прочь своимъ путемъ!
 Стукъ! стукъ! Ужь не моя-ль брונетка?
 Стукъ! стукъ! и проч. и проч.

Она толкуетъ намъ, что злато
 На свѣтѣ чудеса творить:
 Но мы виномъ еще богаты, —
 И въ погребу открыть кредитъ.
 Стукъ! стукъ! и проч. и проч.

Она сулитъ жемчугъ, топазы
 И платья съ дорогимъ шитьемъ:

На что намъ пурпуръ и алмазы?...
Раздѣвшись, веселѣй мы пьемъ!
Стукъ! стукъ! и проч. и проч.

Она, считая за мальчишекъ,
Насъ славой, геніемъ манить:
Увы! запасъ земныхъ страстишекъ
У лавровъ отнялъ весь кредитъ!
Стукъ! стукъ! и проч. и проч.

Признаться, мы не тароваты
За ней мчатся къ облакамъ:
Пускай летятъ аэростаты,
Съ земли полетъ ихъ виденъ намъ.
Стукъ! стукъ! и проч. и проч.

Толпа сосѣдей въ общей сходкѣ
Фальшивыхъ проситъ ласкъ у ней:
Друзья! обманъ любой красотки
Для насъ гораздо веселѣй!
Стукъ! стукъ! и проч. и проч.

Н. ЛУГОВСКОЙ.

ГОРЕ ОТЪ БЛИЖНИХЪ.

— Пора тебѣ одѣваться, сказалъ князь Льговъ молодой женѣ своей: — восемь часовъ, — въ десять начнутъ съѣзжаться.

Княгинѣ Ольгѣ не хотѣлось перемѣнить своего положенія, она такъ картинно помѣстилась на мягкомъ диванѣ; полулежа, напѣвала она что-то въ полголоса, чтобы увѣрить мужа въ своемъ присутствіи, тогда какъ мысленно....

Въ княгинѣ кокетство сдѣлалось искусствомъ, къ которому она такъ привыкла, что оно проявлялось въ ней само собой, безъ всякихъ усилій съ ея стороны; кокетствомъ пріобрѣла она вліяніе надъ мужемъ и кокетствомъ же выхлопотала себѣ позволеніе дать балъ. Маленькая ножка, выказывая всю свою прелесть, шалила на коврѣ; голова ея, нѣсколько откинута назадъ, опиралась на руку, которая давно ужъ рисовалась на бархатной подушкѣ; глаза были обращены на мужа, который сидѣлъ къ ней бокомъ и потягивался предъ огонькомъ своего камина, безпрестанно оборачиваясь къ женѣ, чтобы вызвать ее изъ спокойнаго ея положенія: «Ольга, Ольга, пора одѣваться, пора!»

— Пора, сказала Ольга протяжнымъ голосомъ и вслѣдъ за этимъ зѣвнула такъ музыкально, что изъ другой комнаты можно было бы отгадать присутствіе хорошенькой женщины; не-хотя разставшись съ турецкимъ диваномъ, подошла она къ мужу.

— Будешь ли ты готова къ десяти часамъ? спросилъ князь.

— За туалетнымъ занятіемъ время идетъ такъ незамѣтно, что трудно опредѣлить его! — она проговорила голосомъ соннаго ребенка, наклонилась къ мужу, чтобъ поцѣловать его, и въ то же время опять зѣвнула, но на этотъ разъ такъ протянула послѣднюю потку, что собака, лежавшая у ногъ князя, встрепенулась и начала лаять. Что-то злое выразилось на лицѣ княгини. — Александръ, вели выбросить твою собаку, она меня все пугаетъ.

— Молчать, жужу, молчать! Ну, поди-же, душа моя, одѣваться.

Медленными шагами пошла княгиня къ двери, потомъ вернулась назадъ: ей нужно было сдѣлать одинъ вопросъ, но она не прискакала ему еще формы. Она подошла къ письменному столу, окинула взглядомъ разбросанныя бумаги своего мужа, начала обзоръ съ праваго конца стола, — тамъ попалась ей на глаза табатерка мужа, съ видимымъ отвращеніемъ отвернулась она и прильнула взглядомъ къ визитной карточкѣ, которой кончикъ едва выглядывалъ изъ-подъ бумагъ. — Княгиня схватила карточку, поднесла къ лампѣ и, задыхаясь отъ волненія, прочла: Сергѣй Львовичъ Краховскій. — Когда это Краховскій былъ у васъ? спросила она нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

— Сегодня утромъ. А ты еще не ушла?

— Чтожъ вы его не пригласили? Она всегда прибѣгала къ почтительной формѣ въ важныхъ случаяхъ.

— Пригласить-то пригласилъ, да что толку въ немъ? Не танцуетъ, въ карты не играетъ, мало говоритъ; не люблю я такихъ.... Ольга не дала ему кончить и судорожно позвонила; вошелъ камердинеръ князя.

Не переминая положенія, стоя у стола, быстро проговорила она: «Велѣть зажечь въ моей туалетной кандеябры, позвать ко мнѣ Маргариту, сказать официантамъ, чтобъ въ половникъ десятаго былъ вездѣ огонь, чтобъ теперь же вездѣ курились духи и живые цвѣты были вездѣ разставлены.

— Слушаю-съ, сказалъ камердинеръ; но едва собрался онъ выйти, она опять позвонила.

— Какой отвѣтъ отъ Горскихъ? спросила она, не поворачивая головы и не сходя съ мѣста.

— Постараются быть.

— Постараются, какъ это глупо. Какъ будто онѣ этииъ дѣлаютъ намъ особенную честь или удовольствіе! А у Забѣльскихъ былъ?

— Былъ-съ.

— Чтожъ?

— Племянница ихъ были не такъ здоровы; на той недѣлѣ, впрочемъ, и они обѣщали постараться.

— Comme votre domestique est sot, mon ami, сказала она съ досадою и скоро пошла къ дверямъ.

Александръ Павловичъ Льговъ привстагъ со стула, заглянулъ въ дверь, увѣрился въ отсутствіи своей жены, опустился опять въ кресло, вздохнулъ такъ неосторожно, что разбудилъ свою собаку; только на этотъ разъ она не залаяла, а встала, встряхнулась, вытянула заднія лапки, оперлась на переднія, пошевелила хвостомъ, посмотрѣла въ лицо своему хозяину, обошла разъ около мѣста, гдѣ лежала и опять заняла его, успокоившись. Лакей все еще стоялъ у двери кабинета, въ полномъ нарядѣ, заложивши руки за спину, князь забылъ объ его присутствіи.

— Больше ничего не будетъ-съ? робко проговорилъ камердинеръ.

— Зачѣмъ ты, братецъ, все глупости говоришь?

— Слушаю-съ.

— Барыня еще молодая, надобно стараться угождать, продолжалъ жалобнымъ голосомъ Александръ Павловичъ.

— Барыня приказала вамъ доложить, что парикмахеръ дожидается денегъ, проговорила живо вошедшая горничная; лакей воспользовался этимъ появленіемъ и ускользнулъ.

— Надобно стараться угождать, повторялъ князь, самъ того не замѣчая: — надобно стараться угождать, и съ этими словами вынулъ портфель и заплатилъ что слѣдовало за женскія прихоти.

Туалетъ княгини былъ конченъ, она приподнялась на цыпочки, два раза повернулась предъ трюмо, на третьемъ поворотѣ замѣтила она какую-то складку не кстати и неудовольствіе выразилось на ея прекрасномъ, но капризномъ лицѣ.

— Что это за складка, Маргарита, никакого нѣтъ старанія.

Маргарита робко подошла къ своей барынѣ, взяла съ туалета булавку, съ намѣреніемъ, помѣстить ее поискуснѣе, булавка слегка коснулась княжеской спинки и румянецъ негодования заигралъ на щекахъ княгини; гроза готова была разразиться, но въ эту минуту вошелъ князь и поставилъ на туалетъ маленькій футляръ. Ольга, избалованная подобными сюрпризами, поняла въ чемъ дѣло, и черезъ минуту бриллантовой браслетъ красовался на рукѣ ея, очаровательная улыбка разсѣяла собравшуюся тучку и поцѣлуй счастливыхъ супруговъ раздался въ комнатѣ.

Ольга предъ зеркаломъ натянула свои перчатки, лѣвой рукой сдѣлала нѣсколько граціозныхъ движеній, чтобъ полюбоваться новымъ своимъ браслетомъ, потомъ очень-близко подошла къ зеркалу, такъ близко, что почти лицомъ коснулась стекла, посмотрѣла себѣ прямо въ глаза, смѣнила двѣ, три улыбки, отступила на нѣсколько шаговъ и, дѣлая па польки, опять добралась до зеркала.

— Впрочемъ, я сегодня не танцую, отвѣтила она на какую-то свою мысль.

— Отчего не танцуешь? спросилъ Александръ Павловичъ.

— Я сегодня въ нарядѣ неприличномъ для танцевъ, сказала княгиня, и обвившись рукой около руки своего мужа, повлекла его за собой въ пріемныя комнаты. Тутъ все возвѣщало прелесть бала, аромат живыхъ цвѣтовъ и появленіе Ольги имѣли въ себѣ что-то общее. Всѣ комнаты были уже освѣщены, множество зеркалъ отражало красоту и изящество наряда молодой княгини, черное бархатное платье обрисовывало ея гибкій станъ, марабу съ бриллантами составляли ея головной уборъ, на платьѣ въ разныхъ мѣстахъ были видны брилланты. Черные глаза Ольги не пропустили ни одного зеркала, чтобъ не поискать въ нихъ своего отраженія, и такъ дошла она съ мужемъ до танцевальнаго зала, тутъ оставила она руку князя и начала скользить ножкой по паркету, чтобъ увѣриться въ ловкости для танцевъ, осталась довольна, запѣла какой-то вальсикъ и только что задумалась надъ позой, которую ей выбрать для пріема гостей, какъ дверь

отворилась и вошла мадамъ Горская съ тремя дочерьми, едва выпущенными изъ Смольнаго Монастыря.

— Bonjour, chère princesse; сама себѣ не вѣрю, что у васъ то — то, то — другое; на силу собралась, пу, comment celà va-t-il?

Ольга усадила ихъ по мѣстамъ, бросила имъ двѣ, три фразы, и ея нерасположеніе къ нимъ за то, что онѣ какъ-то неловко отвѣтили на ея приглашеніе, осталось незамѣтымъ для нихъ. Въ обращеніи свѣтской женщины есть какая-то особенная прелесть, которой нечѣмъ выразить и которая даже замѣняетъ то, что мы привыкли называть любезностью, потому и неудивительно, что неудовольствіе княгини ускользнуло отъ Горскихъ.

Дверь передней безпрестанно отворялась отъ множества входящихъ лицъ и наконецъ уже совсѣмъ осталась открытою; въ залѣ пестрѣлись платья всѣхъ цвѣтовъ; дѣвицы, сплетясь руками, ходили изъ конца въ конецъ. Ольга съ свойственной ей ловкостью привѣтствовала каждого, тутъ кланялась, тамъ протягивала руку и, прибѣгая къ короткимъ выраженіямъ, всѣмъ и каждому улыбалась. Къ ней безпрестанно подходили рекомендовать кавалеровъ, приглашенныхъ во имя бала, на ихъ долю доставалось по лишнему слову — такова форма новаго знакомства.

У дверей гостинной составила маленькая толпа изъ франтовъ въ палевыхъ перчаткахъ. «Какова хозяйка, прелесть, прелесть!» повторяло нѣсколько голосовъ. «Какъ хороша, какъ любезна!» подхватилъ вмѣшавшійся въ толпу студентъ втораго курса. Ольга въ это время проходила мимо, на лету поймала она восторженные слова студента и сказала, лукаво улыбувшись: «берегите ваше сердце, молодой человекъ», и въ ту же минуту была на другомъ концѣ залы, доказывая одному гвардейскому офицеру, что красота женщины всегда выражаетъ ея душу. — Pardon, madame, pardon, madame, возражалъ офицеръ.

Оцѣнивши опытность своего собесѣдника, княгиня подошла къ кружку дѣвиць, сказала каждой по комплименту, увѣрила, что къ каждой идетъ цвѣтъ, въ который она нарядилась и, сама нисколько не участвуя въ этомъ разговорѣ,

вдругъ вспомнила, что не осмотрѣла туалета своего мужа и бросилась искать его въ толпѣ.

О ужасъ! разсѣянность князя, составлявшая одну изъ отличительныхъ его чертъ, перешла теперь предѣлы возможнаго: онъ переѣнилъ только халатъ на фракъ и съ спокойной совѣстью представился гостямъ. Ольга подошла къ нему, сказала что-то въ полголоса и онъ торопливо пошелъ за ней; едва вошли они въ кабинетъ Александра Павловича, какъ гнѣвъ жены его разразился вполнѣ.

— Вы, князь, хуже всякаго ребенка; вы не уважаете ни свѣта, ни приличій, или лучше сказать, не понимаете ни того, ни другаго! Громко позвонила она, вошелъ камердинеръ; князь радъ былъ найти существо слабѣе себя и надѣялся этимъ искупить свое личное достоинство.

— Какъ ты, братецъ, одѣлъ меня! сказалъ онъ лакею, стараясь разсердиться.

— Вы, сударь, сами велѣли подать вамъ одинъ фракъ, я не смѣлъ....

Боясь, что новое обвиненіе падетъ на него, Александръ Павловичъ перебилъ опасную рѣчь и началъ увѣрять своего камердинера, что онъ просто глупъ; Ольги ужъ давно не было въ комнатѣ.

— Теперь совсѣмъ — сказалъ слуга, охорашивая своего барина; но едва князь хотѣлъ уйти, онъ закричалъ ему: — Нѣтъ еще, нѣтъ еще, волосы извольте поравить! Терпѣніе князя истощилось, онъ не хотѣлъ и оглянуться, торопился только уйти, но все-таки собралъ волосы лѣвой рукой въ одно мѣсто, концы ихъ сошлись на серединѣ лба и завились кольцомъ. Едва вошелъ князь въ залу, какъ напалъ на какого-то своего сослуживца и между ними завязался разговоръ; камердинеръ нашелъ его и тутъ и, наклонившись надъ ухомъ, сказалъ: — княгиня велѣла вамъ сказать, что вы забыли звѣзду надѣть!

— Хорошо, братецъ, хорошо. Такъ какъ же вы изволите говорить? спросилъ онъ у своего собесѣдника.

— Княгиня говорятъ, что онѣ изъ залы уйдутъ, если вы не надѣнете звѣзды, проговорилъ лакей, не переводя духа.

— Иду, иду! Извините меня, любезнѣйшій. Наконецъ

появился князь въ залѣ въ полномъ сіяніи, тѣмъ и кончилась семейная сцена.

Зала стала еще полнѣе, толпа не представляла ничего, кромѣ пестроты, ничто еще не отдѣлилось отъ нее рѣзкой чертою. Мущинамъ надоѣло прогуливаться вмѣстѣ, одни стояли у дверей со шляпой въ рукахъ, въ ожиданіи сигнальнаго смычка, другіе помѣстились возлѣ дамъ и кто сядя, кто стоя, каждый старался что-то выразить, мѣряя все на свой аршинъ. — Въ томъ числѣ и одинъ гусарь: долго не находилъ онъ точки опоры въ этомъ незнакомомъ для него обществѣ, наконецъ пристроился и даже очень удачно, около дѣвицы въ пунсовомъ платьѣ; разговоръ переходилъ изъ тона въ тонъ, но когда напали они на непостоянство, то не сошлись въ мнѣніяхъ и Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончился споръ, еслибъ одинъ его пріятель, едва надѣвшій эпалеты, не повисъ у него на рукѣ, которую онъ держалъ крючкомъ.

— На два слова. — Сей часъ, сей часъ. — Очень нужно.

Около дѣвицы въ красномъ платьѣ открылась вакансія, молодые люди удалились.

— Не стыдно ли тебѣ, братецъ, прійдти и все разстроить.

— Да что разстроить?

— Интересный разговоръ объ чувствахъ.

— Еще успѣешь дочувствовать, а вотъ скажи-ка мнѣ лучше, какъ зовутъ хозяйку дома?

— И ты за этимъ только меня звалъ?

— За этимъ. Бездѣлица! она подойдетъ ко мнѣ, а я и не знаю, какъ назвать ее.

— Madame la princesse, проговорилъ скоро гусарь, стараясь высвободить руку отъ своего докучливаго товарища.

— Да что ты, влюбленъ, что-ли, въ это красное платье?

— Влюбленъ, не влюбленъ, а не могу не оцѣнить того, что вижу: какъ знаетъ свѣтъ, людей! какъ насъ, братецъ, понимаетъ!

— Развѣ тебя, а я не имѣю чести...

— Все равно, и тебя понимаетъ.

— Ну что, развѣ она тебѣ сказала, что ты въ нее влюбленъ, что она тебя такъ разгадала. Скажи-ка лучше, можно ли видѣть княгиню и не восхищаться ею? Что за улыбка!

продолжалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ. — Ея улыбка длится цѣлыя десять минутъ; ты смотришь на нее: она улыбается, все улыбается; ты думаешь, она начала новую улыбку, нѣтъ, братецъ, все та-же, все та-же!

Послѣднія его слова потерялись въ воздухѣ, не дошли до его товарища: едва дѣло дошло до улыбки, какъ онъ понялъ, что это минута рѣшительная, что надобно ею пользоваться и однимъ скачкомъ переселился на мѣсто очарованья.

Стулъ его былъ занятъ студентомъ втораго курса, ему пришлось стоять. Разговоръ опять завязался; дѣвица въ красномъ платьѣ въ смущеніи играла концемъ своего шарфа, офицеръ до тѣхъ поръ отъ нее не отошелъ, пока она не дала слова, на двѣ кадрили и на мазурку. Студентъ имѣлъ то же намѣреніе, но говорятъ, во второмъ курсѣ нѣтъ полного счастья; нашъ студентъ сдѣлалъ все, что могъ, забралъ всѣ остальные кадрили такъ, что другимъ ничего не осталось.

— Будь моимъ vis-à-vis на цѣлый вечеръ, сказалъ одинъ молодой человѣкъ другому, остановивши его за руку. — *Воп, топ шер, воп.* А съ кѣмъ ты танцуешь первую кадрили?

— Лучше не спрашивай! Хорошенькое личико привлекло меня, я и пригласилъ, а теперь не знаю, что и дѣлать съ такой будущностью. — Да что жъ такое?

— Не ужели ты не понимаешь? Ни на одномъ изъ человѣческихъ языковъ порядочно не говорить; я вздумалъ было познакомиться съ нею до кадрили, да и не радъ этой опытности. А ты, вѣрно, и теперь, какъ всегда, счастливѣе меня.

— Я доволенъ тѣмъ, что имѣю, и не ищу новаго; впрочемъ, чтобъ вознаградить тебя за неудачу, я представлю тебя моей дамѣ, и увѣряю, что ты не соскучишься. Говорить она обо всемъ, въ одну кадрили разгадаетъ тебя всего, опишетъ тебѣ твой характеръ, твои свойства.

— Право? это интересно!

У входа въ залу съ лѣвой стороны сидѣло нѣсколько дѣвицъ, какъ будто забытыхъ всѣми; по временамъ дѣлали онѣ другъ другу вопросы: Ты ангажирована, *ша сѣге*? — Нѣтъ!

А ты? — Нѣтъ еще. Спроси у дѣвицы, которая возлѣ тебя, приглашена ли она на первую кадрили?

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвица: да если меня и пригласятъ, такъ я откажу; что здѣсь за кавалеры!

Въ это время офицеръ, едва надѣвшій эполеты, получивши отказъ отъ *madame la princesse* на всѣ возможные танцы, остановился по среди залы, окинулъ взглядомъ все общество и направилъ свой путь къ лѣвой сторонѣ залы, къ знакомымъ намъ дѣвицамъ, но еще неизвѣстно было, къ которой именно. Не знаю, блись ли у нихъ сердца въ это время, но глаза у всѣхъ были опущены въ землю, чтобъ не показать молодому офицеру, что дѣйствія его замѣчены. Выборъ его палъ на ту изъ дѣвицъ, которой не нравились всѣ кавалеры въ этомъ обществѣ.

— На первую кадрили. — Извольте.

— Вѣдь вы хотѣли отказывать всѣмъ кавалерамъ, сказала возлѣ сидѣвшая дѣвица.

— Ну, да этотъ еще лучше другихъ.

Звуки польки раздались въ залѣ. — *Mademoiselle, un tour de polka, un tour de polka*, слышно было со всѣхъ сторонъ и на середину залы выступили любители и любительницы польки.

Польку нельзя научиться танцовать, для польки надобно родиться. Вы смѣтаетесь, господа, а я вамъ скажу, что всѣ танцуютъ польку, и право, худо дѣлаютъ; взгляните по-пристальнѣе на истинно-способнаго человѣка въ этомъ отноше- нии: на немъ особый отпечатокъ, онъ въ душѣ полькеръ, стоя, сидя, онъ всегда полькируетъ; даже на Невскомъ вы отличите такого человѣка, онъ пробѣдетъ мимо васъ на дрожкахъ и способность его выразится.

Полька смѣнилась кадрилию. Вотъ и кадрили кончилась. Офиціанты по всѣмъ концамъ залы разносили чай. У входа въ залу показалась *m-me Zabѣльская* съ мужемъ и съ племянницею. — *Mademoiselle Zabelsky!* шептали въ залѣ: — про нее такъ много говорятъ.

— Она недурна, сказала дѣвица въ голубомъ платьѣ, блондину, который неумоимо воспѣвалъ на ней все до послѣдняго бантика.

— Я знаю только, что она не успеет отвлечь мое вниманіе отъ того, что меня въ эту минуту занимаетъ, и, боясь что его великолѣпная фраза останется не понята, онъ заключилъ ее протяжнымъ вздохомъ.

— Вамъ это такъ кажется, продолжало голубое платице, вы взгляните только на нее и послѣ, право, будете меня благодарить.

— Нельзя же двумя вещами восхищаться вдругъ, тѣмъ болѣе... Но вы сами знаете, сказалъ онъ, чтобы выпутаться изъ своего положенія.

Хозяйка была въ эту минуту въ гостиной и, чтобъ дойти до нее, Забѣльскіе должны были пройти всю залу. Взоры всѣхъ гостей были обращены на Лидію Забѣльскую; она не прошла, а пронеслась по залѣ, такъ легка и воздушна была она! Она была вся въ бѣломъ, въ рукахъ держала букетъ изъ бѣлыхъ комедій и къ нему казался прикованъ ея взглядъ; она имѣла привычку держать голову нѣсколько внизъ, это придавало ея темно-голубымъ глазамъ, когда они обращались на кого нибудь, особенное какое-то выраженіе; каштановые волосы густыми локонами отгѣняли ея прекрасную головку.

Покуда она шла отъ залы до гостиной, она должна была раздать всѣ свои кадрили и даже мазурку, но кому? она и сама не знала, потому что всѣ эти приглашенія касались только ея слуха и она отвѣчала на нихъ еще большимъ наклоненіемъ головы.

Ольга, облокотившись на спинку своего кресла, говорила съ кѣмъ-то съ большой живостью.

— Стало-быть вы никогда не любите?

— Никогда такъ, какъ бы я хотѣлъ, проговорилъ мужской голосъ.

Лидіи понравился отвѣтъ, она взглянула на говорящаго; это былъ мужчина лѣтъ тридцати, большаго роста, съ смуглымъ выразительнымъ лицомъ. При видѣ приближившихся дамъ, онъ отошелъ съ ловкостью свѣтскаго человѣка и занялъ мѣсто у дверей залы.

Ольга осыпала Лидію любезностями и отвела ее наконецъ въ залу, гдѣ всѣ съ нетерпѣніемъ ее ожидали. Лидія исполняла свои танцевальныя обязанности не такъ легко, какъ

другія: въ ней замѣтно было какое-то страданіе и, хотя иногда улыбка оживляла ея блѣдное лицо, но эта улыбка была какъ-то неуловима, въ нее нельзя было всмотрѣться, ее едва-едва можно было замѣтить; говорила она очень тихо, такъ что слова ея едва касались слуха, разговоръ ея былъ выраженіемъ ея ума и глубокаго чувства, и потому, возбуждая участіе, сообщала какую-то тихую грусть. Она умѣла вызывать чужую мысль и чувство, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляла опытомъ, не свойственнымъ ея лѣтомъ, и ясностью, съ которой она все видѣла; передъ ней вещь распадалась на части; она не была разочарована, потому что еще не очаровывались, каждую вещь называла своимъ именемъ, воображеніе ея не было испорчено чтеніемъ пустыхъ романовъ и она брала чувство прямо изъ сердца, а не изъ головы. Она много страдала и за себя и за другихъ, боролась съ жизнію, которая съ трудомъ давалась ей и каждый день въ ея существованіи былъ новый трудъ для нее.

Одинъ изъ молодыхъ людей, имѣвшихъ счастье танцовать съ царицей бала, Лидіей, отошелъ въ самый отдаленный уголъ залы. Это обстоятельство не скрылось отъ нашего наблюдателя, занявшаго мѣсто у дверей въ то время, какъ пріѣздъ Забѣльскихъ прервалъ его разговоръ съ Ольгой: въ одну минуту очутился онъ около молодаго Мельхова, отчаянно занявшаго мѣсто въ углу.

— Что съ тобой, Мельховъ, ты подъ впечатлѣніемъ?

— Волна все съ собой уносить, Сергѣй Львовичъ, придетъ завтра и сегодня не будетъ.

— Учись у меня, Мельховъ, — меня ничто не сдвинетъ съ мѣста; за то я цѣль и не вредимъ.

— Ты понялъ меня, Краховскій, ты человекъ съ душой и душа твоя пробивается сквозь ледяную кору разсудка; сядь возлѣ меня, я подѣлюсь съ тобой всѣмъ, что вынесъ новаго изъ этой кадрили. Слыхалъ ли ты Эолову арфу? спросилъ Мельховъ Краховскаго и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: — она потрясаетъ душу и дѣйствуетъ на всѣ нервы; голосъ Лидіи Забѣльской имѣетъ то же самое дѣйствіе и я въ четверть часа сдѣлался совершенно боленъ. Я вижу ее сегодня не въ первый разъ, и вліяніе ея испытываю

не въ первый и не во второй разъ; она какъ будто заглядываетъ вамъ въ сердце и душу, крадетъ у васъ мысль и васъ же ею встрѣчаетъ, отдаетъ ее вамъ, какъ вашу собственность, или мѣняетъ ее на свою. Въ ней такъ много чего-то, что нужно каждому и чего никто изъ насъ не находитъ ни въ одной изъ женщинъ, которыхъ мы встрѣчаемъ. Проницательность ея васъ не пугаетъ, вы сами готовы ей все высказать, все отдать; попробуйте съ ней обмѣняться мыслью и вамъ покажется, что вы давно, давно ее знаете: такую женщину можно полюбить въ одну минуту! Теперь, когда встрѣтилъ я умъ въ такой формѣ, теперь вѣрю я, что умъ есть искра Божества. Нѣтъ, эта умная женщина не испугаетъ васъ, вы не убѣжите отъ нее, какъ отъ того вреднаго женскаго ума, который дается имъ на счетъ сердца. Нѣтъ, тутъ вы не отдѣлите сердца отъ ума, тутъ ненарушимая гармонія.

Мельховъ замолчалъ, Краховскій задумался; къ нимъ подошла княгиня.

— Что вы не танцуете, Мг Мельховъ?

— Я только что кончилъ.

— А вы, Мг Краховскій?

— А я еще не начиналъ.

— Начнете ли вы, Мг Краховскій, и будете ли вы продолжать? сказала она, обращаясь къ Мельхову.

— Съ насъ и этого довольно, сказали они почти въ одинъ голосъ.

— Вѣрно вы подѣлились вашею кадрилию съ Мг. Краховскимъ, что вы оба довольны.

— Да, мы танцовали пополамъ; Мельховъ раздѣлилъ со мной свое богатство.

— И вы взяли половину чужаго наслажденія тогда, какъ вамъ нечѣмъ заплатить за это, вы ни чѣмъ не запаслись въ теченіи вечера.

— Я выслушалъ Мельхова, сказалъ Краховскій съ особеннымъ выраженіемъ, — и мы довольны другъ другомъ.

— Развѣ слушать есть особенная способность, что вы выбираете ее наградой за щедрость Мг. Мельхова?

— Мы всѣ, кажется, слышимъ, что намъ говорятъ; но

рѣдкій изъ насъ умѣетъ такъ слушать, чтобъ молчаніе его выражало глубокое сочувствіе; такое молчаніе овладѣваетъ чужимъ интересомъ; между тѣмъ, кто говоритъ, и тѣмъ, кто слушаетъ, нѣтъ ничего отдѣльно принадлежавшаго одному изъ нихъ, между ними все общее. Да, слушать есть конечно способность; и для этого мало ума, нужно еще и сердце, а его труднѣе всего доискаться, особенно въ женщинахъ: вотъ почему женщины менѣе всего умѣютъ слушать.

— За то онѣ часто не замѣчаютъ, когда и ихъ не слушаютъ, подхватилъ Мельховъ.

Досада Ольги стразилась въ ея большихъ черныхъ глазахъ, они зажглись какимъ-то особеннымъ огнемъ.

— Сколько полезнаго въ вашей бесѣдѣ, messieurs! Кстати о пользѣ: пойду спрошу m-lle Lydie всегда ли полезное пріятно?

— Какого вздору я ей наговорилъ, сказалъ Краховскій: — мнѣ такъ жаль было разстаться съ нашимъ разговоромъ, такъ досадно было перейти отъ идеальной дѣвушки, отъ эстетически нравственнаго существа къ отъявленной кокеткѣ; въ эту минуту ея красота замѣнилась какимъ-то безобразіемъ въ моихъ глазахъ.

— Знаешь, Краховскій, ты ушелъ дальше меня, ты сей часъ такъ описалъ Лидію Забѣльскую, какъ будто зналъ и ея нравственную сторону, ты забылся; вѣдь это я съ ней говорилъ, а не ты; я тебѣ ее описывалъ, а не ты мнѣ. Да, Краховскій, ты хорошо умѣешь слушать. И съ этимъ словомъ они разстались; Мельхову видимо досадно было, что Краховскій такъ скоро понялъ и оцѣнилъ Лидію, а отчего — онъ и самъ этого не понималъ.

Настала пора ужина.

— Ведите вашу даму къ ужину, сказалъ Александръ Павловичъ Краховскому, попавшемуся ему на встрѣчу.

— Я одинъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, любезнѣйшій; пойдите-ка, я самъ вамъ выберу даму, и онъ подвелъ его къ m-lle Забѣльской. — Позвольте этому молодому человѣку имѣть честь быть вашимъ кавалеромъ за ужиномъ, за его любезность я ручаюсь.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ въ вашей любезности найти

точное опредѣленіе этого слова, сказалъ Краховскій Лидіи подавая ей руку: — признаюсь что при всемъ моемъ желаніи, я не съумѣлъ бы оправдать рекомендацію князя, тѣмъ болѣе, что я хорошенько не понимаю, что такое любезность; смыслъ этого слова всегда какъ-то ускользалъ отъ меня.

— На свѣтскомъ языкѣ вамъ и мнѣ одинаково знакомо это слово; а въ моемъ словарѣ оно имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, оно опредѣляетъ поэтическую сторону человѣка; а такая любезность не дается воспитаніемъ, этимъ надѣляетъ природа, и потому это врожденное свойство. Французы, продолжала Лидія: — прискакали этому слову еще одно значеніе; въ ихъ молитвѣ вы часто встрѣчаете: *mon aimable Seigneur*; этимъ они указываютъ на божественную сторону той доброты, которой начало находимъ мы въ Спасителѣ, какъ источникъ всѣхъ благъ.

Съ этими словами дошли они до стола и помѣстились рядомъ; Мельховъ видимо былъ раздасадованъ и сѣлъ напротивъ. Ольга усаживала гостей и не прискакала себѣ мѣста; замѣтивши Краховскаго возлѣ Лидіи, она подошла къ нимъ.

— Какъ я рада, что нахожу васъ подлѣ *m-lle Забѣльской*; я вижу, Краховскій, что вы такъ хорошо слушали вашего пріятеля, что даже отказались отъ роли наблюдателя, чтобъ имѣть правъ въ свою очередь подѣлиться. *m-lle Lydie*, заставьте вашего кавалера отыскать въ своей груди сердце, сказала Ольга, слегка краснѣя: — а я не буду ужинать и чтобъ мѣсто Сергѣя Львовича не оставалось празднымъ, возьму на себя роль наблюдателя.

— Я бы повторилъ эту просьбу, еслибъ имѣлъ на это право.

— Не ищите ничего, сказала тихимъ голосомъ Лидія: — довѣрьтесь жизни и заговорить въ васъ сердце.

— Да что такое жизнь, чтобъ довѣриться ей?

— Для каждого изъ насъ жизнь имѣетъ свое значеніе; для нравственнаго существа это вѣчный трудъ, основаніе такой жизни есть чувство, смыслъ ея не въ головѣ, а въ сердцѣ человѣка.

— Я принимаю вашъ совѣтъ за приглашеніе на трудъ.

— Да потрудитесь, такъ, хоть для новости, предоставьте

чувствамъ ту свободу, которая дана имъ отъ природы; бросьте свѣтскую форму и не лишайте сердца простоты, какъ самого лучшаго его выраженія.

— Отдавая всю жизнь сердцу, какое занятіе приищете вы для ума?

— У человѣка со смысломъ чувство такъ связано съ умомъ, что одно безъ другого теряетъ свою силу. Умъ опредѣляетъ, приводитъ въ ясность, показываетъ всѣ стороны предмета; чувство, опираясь на него, дѣйствуетъ разумно, достойно человѣка. Едва же чувство пересиливаетъ умъ, человѣкъ начинаетъ страдать и тутъ увеличивается тотъ трудъ, который я называю жизнію, и на этотъ-то трудъ пригласила я васъ, только потому, что видѣла ваше желаніе сблизиться съ вашимъ сердцемъ.

— Вы слишкомъ правы, сказавши, что умъ вызываетъ чувство, и вотъ почему во мнѣ все молчитъ, кругомъ все смѣшно у пусто; мнѣ дѣлается какъ-то жаль и себя и людей и какое-то болѣзненное настроеніе мѣшаетъ моей силѣ развиться, и я лишена тѣхъ наслажденій, которые даны въ удѣлъ человѣку.

— Придетъ вашъ часъ, умъ вашъ найдетъ, сердце оцѣнитъ, сказала Лидія пророческимъ голосомъ и задумалась надъ своимъ букетомъ.

Мельхову было какъ то неловко, до него долетали одни несвязныя слова, онъ удерживалъ ихъ, игралъ ими страдальчески, прискивалъ имъ смыслъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣянно всѣ разговоръ съ своей домой. Минутно возмущался противъ своего положенія и, желая отдѣлаться тяжелаго впечатлѣнія, совсѣмъ не кстати начиналъ хохотать, оживлялся принужденно, брался за веселый разговоръ, но ему какъ-то все не удавалось: посреди анекдота онъ задумывался и опять ему дѣлалось и неловко и досадно; снова дѣлалъ онъ усилія и послѣ минутнаго успѣха впадалъ опять въ какія-то размышленія.

Между Краховскимъ и Лидіей водарилось маленькое молчаніе: Лидія слегка наклонилась падъ своимъ букетомъ, какъ будто договаривая цвѣтку все, что осталось недосказаннымъ; Краховскій не оправился еще отъ впечатлѣнія, которое на

него произвелъ разговоръ Лидіи и, желая повѣрить слова ея, устремилъ на нее взоръ и задумался надъ ней. — Лидія первая вышла изъ этого молчанія, она какъ будто оторвалась отъ своего букета, съ живостью приподняла голову, взглянула на своего собесѣдника, встрѣтила его глаза, смутилась, румянецъ стыдливости заигралъ на ея щекахъ и скоро смѣнился обычной блѣдностью — лицо ея выразило минутное страданіе. Краховскій слѣдилъ за всѣми ея движеніями и наконецъ рѣшился выразить ей то, что яркой чертой отдѣляло ее отъ всего общества.

— Сегодня въ первый разъ встрѣчаю васъ, сказалъ онъ Лидіи: — и потому не знаю сегодня или всегда выключительно принадлежите вашему букету; вы какъ будто съ трудомъ отрываетесь отъ него и тогда только, когда вамъ нужно прогнать какую-то мысль, отъ которой вы какъ будто бѣжите и которая васъ вездѣ находитъ: мысль эту открыло страданіе, которое по временамъ высказывается на вашемъ лицѣ, желаніе ваше бѣжать отъ этой мысли выражается въ вашихъ движеніяхъ; съ вашимъ же букетомъ вы больше бесѣдуете чѣмъ со всѣмъ, окружающимъ васъ, онъ какъ будто служитъ дополненіемъ вашей особы и мнѣ кажется, что думая о васъ, трудно отдѣлать одно отъ другаго.

Лидія была испугана этимъ открытіемъ, она понимала свѣтъ, берегла отъ него свои страданія, сердце ея сжалось отъ словъ Краховскаго; положеніе это было ново для нее, она была разгадана; она не находила словъ, изумленная смотрѣла она на своего кавалера, онъ продолжалъ:

— Я наблюдаю за вами въ продолженіи цѣлаго вечера, вы часто прибѣгали къ улыбкѣ, чтобъ затанъ мысль; мнѣ казалось, что я въ маскарадѣ и вижу предъ собой женщину, которая въ торопяхъ надѣла чужую маску; а еслибъ эта женщина была совсѣмъ безъ маски, можетъ быть труднѣе было бы узнать ее.

Въ это время зашумѣли стульями, всѣ встали и Краховской опять подаль руку своей дамѣ, довелъ ее до гостинной, гдѣ расклапавшись готовъ былъ отойти, но остановленъ былъ вопросомъ Лидіи.

— Можно ли наблюдать и наслаждаться, учиться жить и жить въ то же время?

— Отыскали ли вы ваше сердце? сказала Ольга, подойдя къ Краховскому и помѣшала ему отвѣчать на предложенный вопросъ. Въмѣсто отвѣта, онъ поклонился Ольгѣ въ знакъ прощанья и пошелъ къ дверямъ залы.

— *Voilà ce qui est aimable!* сказала княгиня внѣ себя отъ досады:— что сдѣлали вы съ вашимъ кавалеромъ, *m-lle Lydie*?

Вмѣсто словъ Лидія улыбулась и подошла къ своей старушкѣ теткѣ, приглашая ее уѣхать.

Мельховъ вышелъ изъ залы вмѣстѣ съ Забѣльскими, подалъ дамамъ салоны, усадилъ ихъ въ карету, получилъ приглашеніе посѣщать ихъ, бросился въ свои сани и закричалъ кучеру какимъ то дикимъ голосомъ: — Тебѣ говорить, пошелъ!

Скоро княжеская зала совсѣмъ опустѣла, вездѣ погашенъ былъ огонь, вездѣ воцарилась тишина, кромѣ кабинета князя, гдѣ все еще раздавался голосъ Ольги, доказывавшей своему мужу, что онъ не знаетъ ни свѣта, ни приличій.

Вошедшій камердинеръ, какъ всегда, спасъ барина и погубилъ себя: князь излилъ на него всю желчь; тѣмъ бы и кончился вечеръ, еслибъ не нашлась еще одна жертва въ домѣ — Маргарита. Она едва успѣвала подбирать съ полу туалетныя принадлежности, которыя не снимала съ себя, а сбрасывала съ какой-то досадою Ольга, сопровождая каждое движеніе такими словами, отъ которыхъ у бѣдной Маргариты павертывались слезы и которыя конечно не были созданы для устъ хорошенькой, благовоспитанной женщины.

Было четыре часа ночи. Опустѣла набережная передъ княжескимъ домомъ, но не всѣ еще добрались до покоя; въ разныхъ направленіяхъ по улицамъ Петербурга ѣхали еще гости извѣстнаго намъ бала. И не удивительно: на извозничьихъ лошадахъ, да еще по таксѣ, не скоро будешь дома; а кто и въ своемъ экипажѣ, такъ гололедица такая, что приходится шагомъ тащиться; инымъ, хоть напимѣръ, тому блондину, что расточалъ такія любезности голубому платицу, совсѣмъ пришлось идти пѣшкомъ, ни одного извозника не встрѣтилъ, да и къ лучшему — прогулка эта легла прохладительнымъ

пластыремъ на грудь, уставшую отъ искусственныхъ вздоховъ. Онъ жилъ на Невскомъ противъ самой церкви Знаменія, и едва занесъ онъ ногу на первую ступень своего крыльца, какъ ударили въ колокъ къ заутрени; ударъ этотъ попалъ ему прямо въ сердце. — А я-то, подумалъ онъ, дѣлный вечеръ служилъ лукавому, все лгалъ, безсовѣстно лгалъ. — И съ этимъ торопливо поднялся онъ на верхъ, дернулъ колокольчикъ, показалась сильная свѣчка и чьи-то заспанная глаза; черезъ минуту ключъ сдѣлалъ два смѣлыхъ поворота въ замкѣ и на лѣстницѣ ужъ никого не было: блондинъ нашъ скрылся за дверью, да и Богъ съ нимъ, не развозить же намъ всѣхъ гостей по домамъ, довольно если мы проводимъ Забѣльскихъ на Васильевскій Островъ въ 15-ю линію.

Карета ихъ едва движется, въ каретѣ царствуетъ тишина, нарушаемая изрѣдка крикомъ Анны Егоровны, проходящей въ отчаяніе отъ каждаго ухаба, въ слѣдствіе чего Федоръ Андреевичъ высовывался изъ окна и кричалъ кучеру: «Тише, тише, куда ты такъ гонишь! Говорятъ тебѣ, тише!»

Оттого-то все тише и тише катилась карета Забѣльскихъ. Лидія забила въ самый уголъ и молчала; мысль ея, вызванная разговоромъ съ Краховскимъ, долго ее не оставляла, мягкое, любящее сердце Лидіи сдѣлало ее такою впечатлительною, что это ей обращалось въ страданіе; неприятное еще сильнѣе пріятнаго врѣзывалось въ ея памяти и съ трудомъ стирался слѣдъ прошедшей бѣды. Дѣятельность ума Лидіи была такъ велика, что разъ вызванная мысль пробуждала остальные, пересоздавалась, проходила всѣ степени возможнаго и доводила Лидію до результата иногда знакомаго, иногда совершенно свѣжаго.

Лидія забила еще болѣе въ уголъ кареты и закрыла глаза, какъ будто желая избавиться отъ пестрой толпы, которая все еще кружилась въ ея воображеніи и мѣшала ей погрузиться въ свои думы. Мало по малу воображеніе уступило мышленію, Краховскій какъ бальная принадлежность исчезъ, осталась только мысль и не объ немъ, а объ томъ чему нѣтъ ни формы, ни имени въ женскомъ словарѣ.

Такъ доѣхала она до дому, порхнула въ свою комнату и

въ первый разъ прежде всего съ любопытствомъ подошла къ зеркалу; ей хотѣлось всмотрѣться въ то страданіе, которое противъ воли выразилось сегодня на ея лицѣ. Въ комнатѣ горѣла лампада; слабый ея свѣтъ такъ усилилъ блѣдность лица Лидіи, что она невольно вспомнила объ смерти; со страхомъ отошла она отъ зеркала и начала звать Машу.

Горничная ея, дѣвушка 22 лѣтъ, снала такъ крѣпко, что имя ея, повторенное нѣсколько разъ съ трудомъ ее разбудило. «Маша, Маша!» раздалось опять въ комнатѣ и тутъ ужъ Маша торопливо встала, съ помощью сѣрной свички зажгла свѣчу и, протирая рукой глаза, вошла въ комнату.

Поставивши подсвѣчникъ на туалетъ, Маша принялась раздѣвать свою барышню, Лидія же все еще не разставалась съ своимъ букетомъ и думала надъ нимъ. Сонъ мало по малу разсѣялся и словоохотливость горничной къ ней возвратилась.

— Ну что, барышня, много было и хорошо были одѣты?

Вмѣсто отвѣта Лидія вынула изъ платка конфекту и дала ей.

— Благодарствуйте, благодарствуйте красавица; никогда меня не забываете. Говорила Маша, подавая ей кофту и чепецъ.

Лидія одѣлась на ночь, но спать какъ кажется не собиралась, и помѣстилась на своемъ мягкомъ креслѣ возлѣ письменнаго столика и задумалась. Сильныя несчастія, испытанныя ею въ дѣтствѣ, такъ развили ея чувствительность, что весь ея умъ, опытъ, вся жизнь были въ ея сердцѣ; рассудокъ указывалъ ей часто на себя, руководилъ ея поступками, чувствовала же она такъ, какъ сердце говорило.

Маша вывела наконецъ свою барышню изъ задумчивости; Лидія оставила кресло, помолилась Богу и скрылась за занавѣскою своей почти дѣтской кровати.

Шесть часовъ вечера. Все семейство Забѣльскихъ въ гостинной: старикъ сидитъ развалившись въ креслахъ, старушка спитъ крѣпкимъ сномъ на диванѣ, а Лидія, по приказанію дяди, читаетъ ему вслухъ полицейскую газету. Тя-

жело у ней на сердцѣ, по временамъ голосъ ея дрожить, слезы навертываются на глазахъ и мѣшаютъ слѣдить за печатью; она останавливается, переводитъ духъ и снова принимается за чтеніе. Внутренняя ея борьба ни кѣмъ не замѣчена, она одна на свѣтѣ — живетъ она потому что страдаетъ и страдаетъ потому что живетъ.

Въ рукахъ у ней газеты, передъ глазами два сонныхъ существа, кругомъ — пустота, въ душѣ — холодъ.

Въ борьбѣ съ жизнью выросла и окрѣпла нравственная сила Лидіи; сила эта лишена была всякаго проявленія и Лидія вадала, изнемогая подъ своимъ собственнымъ оружіемъ. Сила причиняла ея безсиліе и заставляла ее страдать, невыразимо страдать.

Вниманіе Лидіи было обращено, конечно, не на газету, мысль ея носилась надъ жизнью, молила всѣхъ объ участіи и потомъ камнемъ ложилась на сердце.

Къ чему приложить мнѣ свои способности, какъ израсходовать эту силу, это могущество — создать счастье другаго, связать цѣлую семью, цѣлый міръ своимъ чувствомъ? Что такое мой умъ? — вредный даръ, который довелъ меня до пагубнаго пониманья и поссорилъ съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей; онъ истребилъ во мнѣ привитые съ дѣтства предразсудки, указалъ путь къ истинѣ, надѣляя энергіей, далъ огромныя средства къ жизни, а жизни — не далъ.

Мысли эти съ быстротою молніи смѣнялись въ умѣ Лидіи; вотъ отчего голосъ ея дрожалъ и слеза за слезой катилась по блѣднымъ щекамъ.

Чтеніе ея убаюкивало старика, но едва она понижала голосъ, какъ Федоръ Андреевичъ просыпался и говорилъ:

— Ну, что тамъ еще, Лидинька? пли: — Пропусти это, мой другъ, это все глуности.

Чтеніе опять возобновлялось, но скоро громкое храпѣніе старика возвѣстило молодой читательницѣ глубокой его сонъ. Она опустила газету на колѣни, но не смѣла переимѣнить своего положенія; облокотясь на руку, смотрѣла она на своихъ старичковъ и ждала ихъ пробужденія.

Неужели это жизнь? думала она; въ этихъ мѣдяхъ сонъ не уснокоеніе, а какая-то апатія (Федоръ Андреевичъ свазъ

все свободное время отъ условій службы, а иногда и свѣта). Эти люди не спрашиваютъ отчета у жизни, у нихъ нѣтъ чувства пользы; со всѣмъ тѣмъ они счастливы, а я?

Исполняя свои обязанности съ какимъ-то фанатизмомъ, Лидія стерегла сонъ своихъ стариковъ, погасила свѣчу и заняла опять прежнее мѣсто.

Темнота навѣяла на нее новыя думы, она сравнивала себя съ другими дѣвицами и нашла, что всѣ счастливѣе ея, всѣ умѣютъ пользоваться тѣмъ, что находятъ: ей-же мало того, что удовлетворяетъ другихъ; ей жалко тамъ, гдѣ другимъ смѣшно; что другихъ восхищаетъ, то находятъ она обыкновеннымъ; передъ простою вещью останавливается она; благоговѣетъ передъ тѣмъ, чего другіе даже не замѣчаютъ. Одна съ собой она менѣе одинока, тогда-какъ другіе, чтобъ уйти отъ одиночества, бѣгутъ къ людямъ, ищутъ общества.

Отъ сравненія себя съ другими сжалось ея сердце, она начала себя въ чемъ-то упрекать и заключила тѣмъ, что она — что-то неконченное, недосозданное, однимъ словомъ: нравственный уродъ. Въ комъ искать участія, къ кому обратиться, всѣ родные, близкіе, давно въ землѣ — и она залилась слезами.

Обязанности Лидіи, въ отношеніи ея родственниковъ, брали почти все ея время, но не занимали ея ума и сердца, то и другое оставались праздно. То хозяйничала она, то должна была усыпить Ѳедора Андреевича чтеніемъ, то разбудить его, то слѣдить за пасьянсомъ Анны Егоровны или выслушивать и растолковывать ей ея сны. Анна Егоровна до того была напята предрассудками, что всѣ явленія жизни, все существующее внѣ ея дѣлила на хорошій и дурной знакъ. Самое лучшее время для Лидіи былъ часъ успокоенія дяди и тетки, тутъ она углублялась въ самое себя, разлагала свои страданія и доходила до сознанія своего безсилія и той невозможности, въ которой находится женщина, переменить свое положеніе или силой воли выйти изъ тѣхъ трудностей, которыя ей портятъ жизнь.

Четвергъ былъ у Забѣльскихъ день, назначенный для пріема гостей; Лидія была душой этихъ собраній, она была центромъ всѣхъ удовольствій и затѣй въ этомъ кругу; она

была не веселаго, но живаго характера, живость свою сообщала она всему обществу, всё стремились знакомиться съ Забѣльскими и четверги ихъ становились все полнѣе и полнѣе.

Анна Егоровна не разъ начинала роптать на это:

— Что это, Федоръ Андреевичъ, нельзя отбиться отъ гостей, просто разоренье. То-ли дѣло прежде, когда племянницы не было въ домѣ, столикъ бостончика въ углу, да двѣ-три старушки; а теперь что у тебя за народъ собирается: едва намъ старикамъ кивнуть головой, а тамъ въ цѣлый вечеръ и дѣла нѣтъ. Право, хотъ-бы Лидію-то скорѣе съ рукъ сбить. На этомъ основаніи Анна Егоровна, хотя и роптала, а сама приглашала каждаго изъ молодыхъ людей, который успѣвалъ ей чѣмъ-нибудь прислужиться.

Вотъ и семь часовъ било. Лидія отерла слезы, позвонила, приказала освѣтить комнаты и принялась будить тетку:

— Тетенька, тетенька, проснитесь!

— А? ч-т-о?

— Тетенька, Горскіе всегда рано пріѣзжаютъ и заста-нутъ, что вы спите; Тетенька, сегодня четвергъ, вамъ надобно еще пріодѣться.

— Ну, да замолчи, Лидія, какая ты тараторка! Ну, что-жъ такое, что четвергъ? Я вѣдь не ты, мнѣ прыгать не хочется.

Лидія тяжело вздохнула за спинкой дивана: никто, можетъ быть, не страдалъ столько, сколько она, отъ общества и въ обществѣ. Въ упрекъ тетки было столько несправедливаго, что Лидія не хотѣла даже оправдываться, въ душѣ же ей было больно и обидно. Она постоянно жертвовала собой людямъ; не имѣя въ сердцѣ радости, брала на себя видъ счастья; сообщала его другимъ, увлекала всѣхъ веселостью, которую умѣла создавать изъ любви къ ближнимъ; сама-же вдвое страдала отъ принужденнаго своего состоянія и отъ противорѣчія, которое она находила въ томъ, что она была, и чѣмъ должна была казаться.

— Поди-ка, лучше разбуди дядю, сказала Анна Егоровна: — успѣешь еще напрыгаться. Лидія подошла къ дядѣ и слегка дотронулась его руки: искуганный этимъ прикосновеніемъ, онъ вскопчилъ.

— Что, что такое? бормоталъ онъ, съ трудомъ отбиваясь отъ сна.

— Охъ, матушка, какъ ты меня испугала.

Сцена эта повторялась каждый день: всегда и все племянница дѣлала не въ попадѣ; всего же болѣе доставалось ей, когда не умѣла затантъ чувства оскорбленнаго достоинства. — Видишь какая нѣжная! — говорила Анна Егоровна мужу въ присутствіи племянницы, не удостоявая ее ни словомъ, ни взглядомъ. — А все оттого, что романовъ читалась.

Старикъ Забѣльскій былъ нѣсколько добрѣ своей жены — вотъ все что можно было сказать про эти два бездушныя существа: некого было любить Лидіи, однако она все такъ любила и тетку, и дядю, и всѣхъ и каждого, ее же любила только одна ея горничная Маша; не смотря на разность состояній, между ними была симпатія душъ, призывныхъ на добро.

Впрочемъ каждое семейство имѣетъ свои тайны, — тайны, которыя оно больше всего бережетъ отъ гостей, вотъ почему черезъ часъ, когда всѣ собрались, не осталось на лицахъ Забѣльскихъ ни малѣйшаго слѣда домашняго междоусобія.

Лидія всѣмъ ужъ примаскала занятіе: однахъ усадила за карты, другихъ свела для разговора, а сама сѣла за фортепиано и заиграла кадрили для тѣхъ, которые оставались праздными. Лидія разнообразила, сколько могла, занятія гостей, сама же по временамъ исчезала изъ залы и запиралась на нѣсколько минутъ въ своей комнатѣ, чтобъ вдохнуть на свободѣ и съ новыми силами вернуться къ людямъ. Все что ее окружало, такъ мало подходило къ ея понятіямъ, разговоръ былъ такъ мелокъ, такъ безцвѣтенъ, что умъ ея совершенно бы заглохъ, еслибъ она не научила себя жить съ собою, вопрошать и отвѣчать себѣ на все, что свѣтъ оставляетъ безъ отчета и вниманія.

Вотъ ужъ во второй разъ Лидія убѣжала отъ гостей въ свою комнату гдѣ горѣла одна знакомая мамъ лампада; Лидія заперла на замокъ дверь и бросилась на свой маленький, мягкій диванъ, сложила руки крестомъ и задумалась —

ей было такъ свободно, такъ легко дышать въ своей комнатѣ, и это выразилось на ея лицѣ.

Въ эту минуту вошла Маша въ дверь, которая оставалась не запертою и вела въ дѣвичью; Маша пришла за какимъ-то дѣломъ и никакъ не ожидала найти тутъ барышню.

— Что это вы, мой ангелъ, ушли отъ гостей въ свою комнату, а тамъ такъ весело шумятъ.

— Мнѣ здѣсь веселѣе, Маша!

— Что это вы, красавица; молодая барышня, чѣмъ бы съ кавалерами заниматься да танцовать, а вамъ бы вотъ только сидѣть въ своей комнатѣ, да книгу читать. Нехорошо, красавица, право, нехорошо; посмотрите другія дѣвицы, нарядныя какія, веселыя.

— Развѣ я въ залѣ не была веселая? сказала Лидія, не выходя изъ задумчивости.

— Ну да веселы-то, вы веселы; да какъ одѣлись? ни на что не похоже, а еще сегодня у насъ въ первый разъ какъ его, какъ его... скажите же, мой ангелъ.

— Что Маша?

— А вы и не слышали ничего! Какъ зовутъ этого, что сегодня въ первый разъ?

— Мельховъ, Мельховъ, торопливо сказала Лидія, желая на этотъ разъ отдѣлаться отъ словоохотливой горничной.

Маша попробовала повторить фамилию, но не сумѣла и сказала: — И имя то какое важное и самъ какой красивый! А знаете, матушка, что мы съ Авдотьей замѣтили? тутъ она понизила голосъ и сказала на ухо Лидіи: — мы замѣтили, что онъ все на васъ смотритъ; вы изъ одной комнаты въ другую, и опъ, да все на противъ становится; а вы, мой ангелъ, будьте поласковѣе съ нимъ, да другой разъ не надѣвайте чернаго платья. Что онъ подумаетъ? Молодая дѣвица, да въ черномъ; совсѣмъ не прилично, а все оттого, что маленьки ибѣтъ, сиротская доля!

— Маша не говори такъ, ради Бога, не говори! — и слезы навернулись у Лидіи на глазахъ: повѣрь, что я всегда помню, что я сирота.

— Вотъ сейчасъ — и сирота! сказала разжалобленная Маша,

я говорю вамъ только, чтобъ вы шли въ гостинную, а то вѣдь замѣтятъ, нехорошо!

— Иду, иду, Маша. — И Лидія встала съ дивана и остановилась посреди комнаты.

— Идите, идите, красавица, говорила горничная, окорашивая барышню заботливой рукой.

— Ну подиже, Маша, а я сей часъ явлюсь.

— Придете?

— Да, да!

— А не то, я опять вернусь надоѣдать вамъ, говорила Маша, скрываясь за дверью.

Лидія проводила ее глазѣми и подошла къ образу; мысль объ матери навела на нее грусть, ей захотѣлось помолиться; она стала на колѣни и взывила къ Богу, Отцу сиротъ. Въ цѣломъ мірѣ одна Маша думала объ ней; она не была виновата, если не могла возвыситься до того, чтобъ понять свою барышню, но за то она любила ее; мысль эта предавала еще болѣе теплоты молитвѣ Лидіи. Она забыла и гостей и весь міръ; въ умилениі стояла она передъ иконою Божіей Матери и сознавая свое горькое, одинокое существованіе, благодарила небо за Машу — безъ Машки она была бы еще несчастнѣе!

Въ это время послышался стукъ у двери и оторвалъ ее отъ бесѣды съ Богомъ; со вздохомъ подошла она въ дверямъ и спросила, кто тутъ?

— Лидія, ты здѣсь? Кричала ей меньшая Горская.

— Здѣсь.

Дверь отворилась.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросила Лиза Горская и, не дожидаясь отвѣта, продолжала:

— Скажи, ма сѣде, какимъ чудомъ очутился у васъ Мельховъ?

— Право, не знаю, сказала Лидія и сдѣлала шагъ впередъ, чтобъ выйти изъ комнаты.

— Постой, душенька, не уходи; сядемъ здѣсь на диванѣ, проговорила Лиза умоляющимъ голосомъ.

— Я очень рада поболтать съ тобой, но боюсь что тамъ замѣтятъ мое отсутствіе.

— Ничего, ничего, и молодыя дѣвушки усѣлись на диванѣ.

— Какъ тебѣ нравится Мельховъ? лукаво спросила Лиза.

— Я его со всѣмъ не знаю.

— Не знаешь, а всегда такъ много съ нимъ танцуешь, такъ много и долго говоришь съ нимъ.

— И все таки не знаю его.

— Право, я тебя не понимаю, Лидія; ты какая-то странная. Неужели ты не знаешь, что такое значить нравиться? Ну какъ ты находишь его ростъ, лицо, ловкость?

— Для меня виѣшность не существуетъ; впрочемъ если ты хочешь, я сего дня займусь Мельховымъ и скажу тебѣ потомъ, восколько я оцѣню его красоту. Послушай, Лиза, продолжала Лидія:— мнѣ нужно идти къ гостямъ, не будемъ терять время; дѣло вотъ въ чемъ: ты влюблена въ Мельхова и ревнуешь, а теперь пришла кой-что поразвѣдать и я очень рада, что могу успокоить тебя. Любить ли меня Мельховъ, ты это спроси у него, потому что я никакихъ доказательствъ на это ни имѣю; я же Мельхова нисколько не отдѣляю отъ толпы и кромѣ человѣческаго чувства, которое я раздаю всѣмъ людямъ вообще, ничего исключительнаго къ нему не чувствую. Теперь пойдѣмъ!

— Еслибъ я тебя не любила, я бы тебя боялась, сказала Лиза Лидіи, входя въ залу:— отъ тебя нельзя спрятать никакой мысли.

— Да и зачѣмъ? вотъ я и не прячу своихъ мыслей, да никто въ нихъ не заглядываетъ.

— Ты такая неприступная, холодная!

— Право! оттого что не умѣю влюбиться?

— Конечно, можно ли дожить до двадцати лѣтъ и ни разу не влюбиться?

— Да если я не умѣю; поучи меня, Лиза! — Говорила Лидія, подходя къ фортепіано.

— Чему хотите вы учиться? спросилъ Мельховъ, поймавши послѣднія слова разговора двухъ дѣвицъ.

— Любить — отвѣчала Горская.

— Не любить, а влюбиться, сказала Лидія съ маленькимъ упрекомъ. Лиза покрасѣла.

— Кто васъ видѣлъ разъ, сказалъ съ жаромъ Мельховъ тотъ пойметъ конечно, что на днѣ вашего сердца есть сила, которую не всякому дано вызвать и обратить на себя. Блаженъ тотъ, кто возбудитъ любящую способность вашего сердца! Теперь остается вопросъ: когда и кто?

Влюбленная Лиза не ошиблась, ревность и досада выразились на лицѣ ея.

— Вѣроятно это будетъ какой нибудь житель неба, сказала она иронически улыбаясь и покрасѣла до ушей.

Лидія взяла два — три акорда и перешла къ вальсу; всѣ засуетились и вихрь вальса умчалъ съ собой и Лизу, и любовь ея, и неразлучную съ ней ревность.

Вальсъ еще не кончился, а ужъ Лидія простила Лизѣ обиду, которую за минуту до того такъ живо почувствовала; съ быстротой, свойственной ея уму, она рассудила, что это говорила не Лиза, а ревность ея; кончила тѣмъ, что обвинила себя въ томъ, что возбудила непріятныя чувства въ душѣ влюбленной дѣвушки и дала себѣ слово не только набѣгать, но даже постараться внушить Мельхову дурное мнѣніе объ себѣ.

Дѣвицы Горскія были, подобно другимъ, немножко хороши, немножко умны, и на столько же добры: меньшая изъ нихъ, Лиза, была самая добрая, она очень скоро почувствовала свою вину и робко подошла къ Лидіи; но каково было ея удивленіе, когда Лидія обвила ее рукой около ея талии и дружески ее поцѣловала.

— Ты просто ангелъ, сказала тронутая Лиза, а я извертъ! или ибѣтъ, хуже.... но хуже слова не нашлось, и ангелъ съ извергомъ остались довольны другъ другомъ.

Мельховъ слѣдилъ за Лидіей, понялъ ея поступокъ, оцѣнилъ его и любовь его сдѣлала два три шага впередъ.

Съ какой то лихорадочностью переходила Лидія отъ одного къ другому, нетерпѣливо ожидая конца своей пытки; пришелъ и желанный часъ: гости разъѣхались, Лидія не только ужъ въ своей комнатѣ, но даже и въ постелѣ.

— Ну что, мой ангелъ, говорила ей Маша, подвѣртывая одѣяло подъ ноги и спину: вѣдь весело было?

— Кому, Маша?

— Да вамъ, красавица.

— Мнѣ не бываетъ весело, Маша.

— Вотъ, Богъ дастъ, найдется женишокъ, выйдете замужъ и будетъ весело... а ужъ этотъ новичекъ очень на васъ поглядываетъ.

— Прощай, прощай, Маша, говорила Лидія, желая избѣгнуть разговора о женихахъ: — прощай, Маша.

— Прощайте, красавица, Христось съ вами; почивайте съ Богомъ.

Долго, долго не могла еще заснуть Лидія, она думала объ своей участи, искала выхода изъ своего положенія. Она жила не въ своей сферѣ и, подобно растенію, лишеному воздуха и свѣта, видимо истреблялась, худѣла, исчезала; стремленіе ея къ добру, къ пользѣ — не приносило никакого плода; это былъ талантъ, зарытый въ землю; она упрекала себя въ этомъ и каждую свободную минуту употребляла на то, чтобы разсмотрѣть и себя и обстоятельства, старалась переселить препятствія, отдавала людямъ и себя, и свои способности и опять возвращалась къ сущности, не пріискавши цѣли тому, что не могла не сознать въ себѣ и что въ своихъ страданіяхъ называла она напраснымъ даромъ.

Желая употребить себя хоть гдѣ нибудь съ пользою, она создавала себѣ обязанности и была счастлива по своему въ тотъ день, когда ей удавалось хорошо ихъ исполнить. Лидія охотно бы промѣняла жизнь на смерть, еслибъ въ ней не было упованія на будущее: не можетъ быть, думала она, чтобъ не открылся смыслъ моего существованія. Эта надежда мирила ее съ жизнью и она ждала, ждала нетерпѣливо, страдальчески, начинала ужъ нѣсколько уставать, но все еще ждала....

Въ Лидіи многіе имѣли друга, у ней же друга не было. Для Лидіи всѣ знакомыя ей женщины, были похожи одна на другую; ни въ одной изъ нихъ не нашла она прямого взгляда на жизнь; ни одна изъ нихъ не страдала подобно ей отъ законовъ, созданныхъ свѣтомъ; ни одна изъ нихъ не рассу-

ждала. Всѣ онѣ существовали по одной мѣркѣ, по одному образцу: издавали себѣ романъ, вздыхали надъ нимъ, выходили за-мужъ, или за героя своего романа или за когонибудь другаго, не заботясь объ счастиі ни того, ни другаго.

Частые выѣзды ничѣмъ не наполняли сердце Лидіи, ничего новаго не представляли ея уму, но помогли ей изучить свѣтъ: мужчины жили въ немъ, сберегая себя, и дѣлали тысячи жертвъ; отъ женщинъ требовалась красота, французскій языкъ, а главное — хорошее приданое. Если женщина находила покровительство своему богатству, партія считалась прекрасною: мужчина и женщина были равно довольны, равно достигали своей цѣли.

Забѣльскіе очень любили домъ княгини Льговой, и раза по два въ недѣлю тамъ бывали; тутъ Лидія встрѣчала каждый разъ Краховскаго: онъ очень переѣмнился съ тѣхъ поръ, какъ она видѣла его въ первый разъ, онъ сдѣлался гораздо живѣе, очень былъ занятъ княгиней, танцевалъ когда танцевали всѣ; танцевалъ со всѣми, кромѣ Лидіи; едва же подходилъ къ ней, едва разговоръ ихъ дѣлался интереснымъ, какъ законъ общества разлучалъ ихъ и оставалось что-то недосказанное, тяжелое для обоихъ. Лидіи казалось, что она что-то нашла и опять потеряла, какое-то безпокойное чувство поселялось у ней въ сердцѣ, ей все хотѣлось какъ будто что-то припомнить, хотѣлось уловить и приискать форму чувству, совершенно новому для нея, но оно ускользало отъ нея и съ той же пустотой въ душѣ возвращалась она домой.

Очень много говорилъ въ свѣтѣ объ новой побѣдѣ Ольги, и отнынѣ Краховскій казался прикованнымъ къ княжеской колесницѣ. Ольга наружно торжествовала, конетство и веселость ея съ каждымъ днемъ дѣлались живѣе, но совсѣмъ тѣмъ внутренней голосъ, или лучше сказать тотъ инстинктъ, которымъ природа замѣнила умъ женскій, мѣшалъ ей вполне довернуться новому поклоннику, и равно не вѣрила она ни вниманію, которое онъ ей оказывалъ, ни равнодушію его къ Лидіи. Ольга безперестанно ѣздила къ Забѣльскимъ, желая напасть на слѣдъ истины, поведеніе молодыхъ людей, было все то же и то же.

Княгиня могла бы радоваться, но радости ей не давалась; ей все что-то мѣшало.

Ольга вздумала разъ посвятить цѣлый вечеръ наблюдению, и она поѣхала къ Забѣльскимъ, уговорила стариковъ отпустить Лидію провести съ нею вечеръ en tête-à-tête. Старики согласились, Лидіи не хотѣлось, но она не позволила себѣ противорѣчить и поѣхала. Черезъ часъ явился и Краховскій.

Княгиня почти одна поддерживала разговоръ, остроуміе ея, подобно фейерверку, ослѣпляло взоръ, но ничего не оставляло въ памяти; время проходило, подали чай, Ольга нашла предлогъ уйти изъ гостиной, а сама остановилась за дверью и вся превратилась въ слухъ.

Молодые люди остались въ двоимъ, никто не рѣшался, или просто не хотѣлъ нарушить молчаніе. Ольга блѣднѣла и краснѣла за дверью.

— Что вы думаете новаго объ жизни? Спросилъ наконецъ Краховскій Лидію.

— Въ моей жизни такое единство, что съ той минуты какъ я поняла ее, я не мѣняла объ ней своего мнѣнія.

— Для васъ стало быть ничто не перемѣнилось? сказалъ Сергѣй Львовичъ голосомъ, въ которомъ выразилось чувство.

— Нѣтъ, а для васъ? спросила Лидія едва внятно: — не сбылось еще мое пророчество?

Краховскій молчалъ, Лидія не смѣла повторить вопроса и безотчетно задумалась.

Теперь для Ольги ужъ не было болѣе тайны, въ досадѣ изгрызла она себѣ всѣ ногти за дверью, мщеніе загорѣлось въ душѣ и она рѣшилась продать отсутствіе, чтобъ вѣрнѣе поразить свою жертву.

Молодые люди были чѣмъ-то заняты, каждый думалъ объ чемъ то и не замѣчалъ общаго молчанія; обязанность говорить, непремѣнно говорить, была ими забыта; между ними было что-то общее въ эту минуту, имъ было пріятно вѣстѣ, пріятно какъ еще не бывало.

Съ большимъ искусствомъ владѣла Ольга собою и теперь, желая нарушить нѣмой разговоръ Краховскаго и Лидіи, во-

шла она все также кокетливо, замѣтила молодымъ людямъ, что ни одного изъ нихъ нельзя упрекнуть въ любезности.

— Это значитъ, что мы сходимся въ понятіяхъ объ любезности, сказалъ Краховскій самымъ равнодушнымъ тономъ:

— Можетъ быть это значитъ и больше, подхватила Ольга и тотчасъ перемѣнила разговоръ.

— M-me Zabielsky, я обѣщала доставить васъ лично; Mr Краховскій вѣрно не откажется насъ проводить, я велю положить четверомѣстныя сани; мы покатаемся au clair de la lune и я съ благодарностью представлю васъ вашимъ старичкамъ.

Черезъ часъ послѣ того прогулка была совершена и сани остановились у подъѣзда Забѣльскихъ.

Княгиня и Лидія вышли, Краховскій не рѣшился и остался въ саняхъ; Лидія не имѣла права пригласить и молчала.

Княгиня торопливо прошла всѣ комнаты, представила Аннѣ Егоровнѣ ея племянницу и на просьбу посидѣть у нихъ, отвѣтила, что она не одна, что въ саняхъ ждетъ другъ ихъ дома Краховскій, что она боится ѣздить вечеромъ одна, что князя не было дома, потому она и пригласила молодаго челоуѣка сопутствовать имъ.

— Да попросите его войти сказали въ одинъ голосъ дядя и тетка, и нанали на Лидію за то, что она сама не догадалась этого сдѣлать.

— Что подумаютъ теперь объ насъ, говорила Анна Егоровна: — что мы и людей не умѣемъ принимать! Эй, Осдоръ? Осдоръ вошелъ.

— Пошолъ, бѣги скорѣй, проси барина, что сидитъ въ саняхъ, Краховскаго, сдѣлать намъ честь войти.

Краховскій вошелъ. Съ Лидіей сдѣлалось что-то странное, сейчасъ хотѣлось ей плакать отъ мысли, что ей никогда не удастся угодить своимъ старичкамъ, а теперь ей вдругъ сдѣлалось весело. Черезъ четверть часа гости поднялись ѣхать, Краховскій получилъ приглашеніе посѣщать домъ Забѣльскихъ.

Лидія простилась съ дядей и теткой и побѣжала съ своєю комнату.

— Маша, Маша! Кричала она веселымъ голосомъ. Маша вошла.

— Что вамъ, мой Ангелъ?

— Какая ты смѣшная, Маша, и Лидія начала хохотать. Маша никогда не видала свою барышню веселою и потому не обрадовалась, а скорѣе испугалась ея смѣху.

— Да что это съ вами, красавица? Христось въ вами! Лидія еще болѣе начала хохотать.

— Ахъ-ты Господи, да что это такое, этого еще никогда не бывало! Успокойся!, успокойся, мой ангелъ, говорила Маша, усаживая свою барышню на диванъ.

Испуганный видъ Маши все болѣе и болѣе смѣшилъ Лидію, она хохотала до слезъ, слезы эти обратились наконецъ въ настоящія слезы — Лидія рыдала; Маша чуть сама не плакала.

— Ангелъ вы мой, красавица моя, бѣдная вы сирота, ужъ подлинно сирота, некому пригрѣть и приласкать.

Лидія махнула рукой Машѣ, чтобъ та перестала говорить а сама рыдала такъ жалобно, что у Маши сердце разрывалось на части; молча помѣстившись она за спинкой дивана и въ душѣ молила Бога о помощи.

Мало по малу слезы унялись, Лидія улыбнулась, а съ ней вмѣстѣ и горничная ея ожила.

— Маша! проговорила наконецъ Лидія тихимъ голосомъ.

— Я здѣсь; что лучше вамъ, красавица?

— Да, лучше; дай мнѣ воды.

— Что это съ вами было? сказала Маша, подавая воду.

— Я и сама не знаю; въ продолженіи вечера мнѣ было то весело, то грустно, что-то душило меня, что-то со мной сдѣлалось такое, чего я и сама не понимаю. Когда я вошла въ свою комнату и начала звать тебя мнѣ было весело; когда же я услышала свой смѣхъ, мнѣ сдѣлалось грустно, или вѣтъ, мнѣ было страшно, что я такъ смѣюсь, а какъ я плакать начала и сама того не знаю. Теперь я тоже себя не понимаю, мнѣ весело и вмѣстѣ страшно, какъ будто предчувствіе бѣды легло на душу.

Послѣдняго Маша не поняла, а только покачала головой; вдругъ вспомнила она что-то, подошла къ письменному столу, взяла съ него запечатанное письмо, и подала его барышнѣ.

— Отъ кого? спросила Лидія, утирая слезы.

— Не знаю-съ, съ городской почты, отвѣтила Маша и поднесла свѣчку къ своей красавицѣ, чтобъ не заставить ее встать съ мѣста. Лидія читала:

«Завтра мои именины, *tres chère Lydie*; маменька позволила мнѣ созвать всѣхъ моихъ друзей, а сама общала «уѣхать, чтобъ дать намъ полную волю умничать и хозяйничать. Если ты не приѣдешь, ты меня очень разсердишь и «огорчишь. Приѣзжай же, душа моя; сестры тебя цѣлуютъ. «*Ainsi au revoir*».

Твоя павѣки

Лиза Горская.

«P. S. Мнѣ обо многомъ нужно съ тобой переговорить. «Еслибъ ты знала, *ma chère*, какъ мнѣ грустно! Ты одна можешь спасти меня; ты не женщина, а какая-то волшебница».

«Можетъ быть ты завтра приѣдешь, и меня не будетъ на «свѣтѣ или я съума сойду, такъ велико мое горе! Ахъ, я и «забыла тебѣ сказать, мнѣ *matante* подарила прехорошенькую «шляпку, бѣлую, съ розаномъ на боку и съ преинтереснымъ «бантомъ на другой сторонѣ — впрочемъ, приѣдешь завтра и «сама увидишь. Папа подарилъ мнѣ прелестное платье, а «завтра жду отъ него и отъ татан еще какого нибудь сюрприза. — Чуть-чуть не забыла сказать тебѣ еще новость: «съ нами познакомился одинъ гусаръ, очень *comme il faut*, «любезный такой, такъ умно говоритъ!.. Напримѣръ вчера «сравнилъ меня съ «лорой, ты вѣрно про нее слышала, ты «все знаешь».

«Прощай еще разъ. Не видала ли ты его... день и ночь «объ немъ думаю. Прощай, помолись за свою несчастную «Лизу».

Записка эта не сдѣлала на Лидію никакого впечатлѣнія, даже не вывела ее изъ задумчивости, и, можетъ быть, долго еще просидѣла бы она на своемъ диванѣ, еслибъ Маша почти силой не заставила ее лечь.

Лидія такъ привыкла повѣрять себя во всемъ, что не могла уснуть, не разъяснивши себѣ причину своей радости, и своего страха; состояніе это было для нее ново: какъ

будто мелькнула надежда... на чтожь она надѣялась и чего боялась?...

Знакомство съ Краховскимъ пріятно мнѣ — но и только, сказала она себѣ: — чего же я боюсь и чему радуюсь? просто нервный припадокъ, — рѣшила она и закрыла глаза, чтобы бѣжать отъ тревоги душевной и заснуть, во что бы то ни стало.

Утромъ, на другой день, Лидія проснулась не такъ, какъ обыкновенно: день не испугалъ ее своимъ началомъ, она встала съ постели съ упованіемъ на что-то бессознательное, одѣлась особенно скоро, и съ веселымъ лицомъ вошла въ гостиную. Никто не замѣтилъ въ ней перемѣны; одна Маша, одѣвая свою барышню, не узнавала ее и не знала радоваться ли ей или пугаться, такъ сильно подѣйствовалъ на нее переходъ отъ смѣха къ рыданіямъ.

На одномъ концѣ дивана въ гостиной, сидѣла Анна Егоровна и гадала въ карты; на другомъ Федоръ Андреевичъ васмулъ отъ нечего дѣлать; Лидія рисовала у окна.

Утро прошло незамѣтно, было ужъ два часа, а ей казалось что день едва начинается.

Она держала въ рукахъ карандашъ и не столько рисовала, сколько собиралась рисовать, и наконецъ, вмѣсто рисовальнаго штриха, на бумагѣ показались какіе-то три слова, Лидія раздѣлила ихъ запятыми; нашла, что не въ томъ порядкѣ ихъ помѣстила, и только что собралась первое сдѣлать послѣднимъ или послѣднее первымъ, какъ вошелъ лакей, и громко сказалъ: — «г. Краховскій. Прикажете принять?»

Лидія поблѣднѣла, легкая дрожь пробѣжала по всемъ ея жиламъ.

— Проси, проси, торопилась проговорить Анна Егоровна, направляя на головѣ чепчикъ, и охарашиваясь одной рукой, другой старалась она разтолкать Федора Андреевича.

— Передъ чѣмъ это вы такъ спите, Федоръ Андреевичъ? Да проснитесь, ради Бога, ну что про васъ люди скажутъ? Женихомъ были, все спали, и до старости дожили тоже дѣлаете. Да встаньте же, — говорятъ, Краховскій пріѣхалъ.

— Ахъ, очень радъ, очень радъ, говорилъ Федоръ Андреевичъ въ полуснѣ, приподнимаясь съ дивана, и протягивая руку Краховскому, котораго еще не было въ комнатѣ.

— А все-жь, Лидія виновата, говорила Анна Егоровна въ то время, когда дядя ея привѣтствовалъ не вошедшаго еще гостя:— все ты! Чѣмъ бы развлекать дядю, усѣлась за свое пачканье. Ужь эти мнѣ романы, романы!

Краховскій вошелъ и декорація перемѣнилась: Анна Егоровна ласково улыбалась; Федоръ Андреевичъ, обманувшійся въ своемъ ожиданіи, опять заснулъ; Лидія углубилась въ рисованье.

— Очень пріятно, прошу садиться, говорила Забѣльская, ну, что, какъ вчера доѣхали? Морозъ, говорятъ, сегодня? Вотъ мой, продолжала она, указывая на мужа: — гулялъ цѣлый часъ по набережной, такъ прозябъ, что вотъ и вадремнулъ; извините, батюшка, старика.

— А? что? проговорилъ Федоръ Андреевичъ, пробужденный громкимъ говоромъ.

— Сергѣй Львовичъ здѣсь, шептала ему жена.

— Сергѣй Львовичъ! Ну, что, любезнѣйшій, какъ можете?

— Благодарю васъ и прошу извиненія, если я васъ обезпокоилъ; вы, кажется, отдыхали.

— Какоо отдыхалъ! совсѣмъ сна нѣтъ, почтеннѣйшій!

Аннѣ Егоровнѣ разговоръ, видимо, не нравился, она кашляла, поправляла на себѣ платокъ, ворочалась на стулѣ и кончила тѣмъ, что сдѣлала вопросъ объ холерѣ, получила на него приличный отвѣтъ и бросила косвенный взглядъ на мужа, который съ минутой тому назадъ опять заснулъ. Чтобъ скрыть свой стыдъ и досаду, она встала со стула, поручила гостя Лидіи, а сама общалась черезъ минуту воротиться.

— Займи-же, Лидиенька, займи Сергѣя Львовича, а я, вотъ, сейчасъ.

Краховскій подошелъ къ рисовальному столу и сѣлъ возлѣ Лидіи.

— Давно желалъ я знакомства съ вашимъ домою, сказалъ онъ почтительнымъ голосомъ: — но уважая вашъ отвѣтъ, ничего не искать, а довѣриться жизни, я поручилъ себя случаю; случай мнѣ благопріятствовалъ, и я теперь пріѣхалъ благодарить за наставленіе, которое ручается за вѣрность всего вами сказаннаго.

— Я принимаю вашу благодарность только потому, что

хотѣла-бы права на награду; за свой совѣтъ требую тоже совѣта: укажите мнѣ порядокъ этихъ словъ, сказала она, указывая на три слова, написанные внизу слегка набросаннаго ландшафта.

«Учись, мысли и люби», прочелъ Краховскій. — Любовь, какъ связь, должна быть и прежде и послѣ и потомъ, а остальные два слова могутъ оставаться на прежнемъ мѣстѣ. Любовь связываетъ все; вездѣ, гдѣ человѣкъ не одинъ, тамъ нужна любовь. Между вами и жизнью пускай не будетъ любви и вы не будете жить; между собой и людьми оставьте пустое мѣсто и передъ вами будетъ не человѣкъ, а простая машина; полюбите, и вы не отдѣлите человѣка отъ себя. Хотите насладиться наукой, полюбите ее, иначе она не откроетъ вамъ своего тайнаго смысла; попробуйте не согрѣть вашей мысли чувствомъ, любовью ко всему изящному, мысль эта оледѣнитъ ваше сердце и помѣшаетъ вашему эстетическому развитію.

Лидіи поразилъ успѣхи ея ученика; теперь ужъ пенадо было спрашивать его объ сердцѣ, — оно сказывалось въ каждомъ словѣ; отвѣтъ его такъ былъ проникнутъ чувствомъ, что не могъ не вызвать симпатіи, и на чувство нельзя было не отвѣтить чувствомъ. Лидія вполне раздѣляла мнѣніе Краховскаго, но ей хотѣлось заставить его говорить, и она сдѣлала ему вопросъ о томъ, что ужъ давно было рѣшено для нее.

— Стало-быть, вы принимаете любовь за основаніе цѣлой жизни?

— Да, сказалъ Краховскій рѣшительнымъ тономъ и продолжалъ съ одушевленіемъ: — любовь и жизнь почти синонимы по моимъ понятіямъ: жить, значитъ удовлетворять своимъ страстямъ; любовь есть страсть, какъ чувство, но преимуществу, исключительное, а такъ какъ мы всѣ любимъ или себя или другихъ, то удовлетвореніе этого чувства и есть жизнь. Любимъ-же мы непременно; чувства наши вызываются рано, еще въ дѣтствѣ, когда умъ не стоитъ на сторожѣ и не противится законамъ природы; разъ вызванная сила требуетъ дѣятельности: отсюда проистекаетъ необходимость любить, которую испытываетъ каждый болѣе

или менѣе. Этимъ объясняется и страданіе человѣка въ томъ возрастѣ, когда онъ любитъ съ отчетомъ; тутъ жизнь его часто останавливается....

Анна Егоровна вошла и помѣшала ему договорить.

— Хорошо-ли Лидія рисуетъ, спросила она Краховскаго.

— Я хочу просить позволенія привести свои рисунки, и тогда мы обмѣняемся мнѣніями на счетъ нашей рисовки.

— Хорошо, батюшка, хорошо; пріѣзжайте когда угодно, и утромъ и вечеромъ, мы всегда дома; захотите потанцовать, такъ въ четвергъ; а не то, такъ, когда вздумается; жаль только, что Федоръ Андреевичъ-то мой сегодня такъ....

— Я непременно воспользуюсь вашей любезностью, надѣмъ вамъ своими посѣщеніями, сказалъ Краховскій и раскланялся съ хозяйкой дома; Лидіи-же онъ поклонился какъ-то особенно, больше глазами, пежели головой, взоръ его краснорѣчиво досказалъ неконченную фразу о любви.

Разговоръ съ Краховскимъ придалъ дѣятельности уму Лидіи: одна мысль вызывала другую, на сердцѣ у ней было легко, какъ-будто она подѣлилась чѣмъ-то; она молчала, онъ одинъ говорилъ, но ей казалось, что и она высказывалась. Глубокій вздохъ вырвался изъ сердца, за нимъ и сердце просилось на свободу: Лидія-же не сказала еще себѣ, что она любитъ, ей было только хорошо, ловко, пріятно съ Краховскимъ, она наслаждалась его бесѣдой — и только.

Вечеромъ Лидія поѣхала къ Горскимъ. Едва услышали стукъ ея экипажа, какъ всѣ дѣвицы выбѣжали къ ней на встрѣчу въ переднюю.

— *Bon soir, bon soir, Lydie!* кричали ей всѣ въ одинъ голосъ.

— *Lydie*, мнѣ нужно съ тобой поговорить, говорила одна.

— *Lydie*, ты пойдешь со мной послѣ походить, я должна открыть тебѣ тайну.

— Знаешь, *Lydie*, мы упросили маменьку уѣхать, сказали всѣ три Горскія въ одинъ голосъ:— и теперь свободны дѣлать что хотимъ; пойдѣмъ-же въ наше отдѣленіе.

И Горскія утащили Лидію въ свою комнату, гдѣ составила тѣсный кружокъ. Одна изъ дѣвиць отдѣлилась, усѣ-

лась у окна и, не сводя глазъ съ неба, вела тайную бесѣду съ избранной звѣздочкой; Лидію посадили на середину дивана.

— Ну что, mesdames, сказала она, обращаясь ко всѣмъ: — довольны ли вы, веселы ли, счастливы ли?

— Я счастлива, сказала Зоя, живая, веселая дѣвушка.

— Я нѣтъ, — я тоже нѣтъ, — я была счастлива только два дня, говорили дѣвицы, перебивая одна другую.

— Какое счастье можетъ быть на землѣ, сказала мечтательница сидѣвшая у окна.

— На землѣ есть счастье, только земное, сказала Лидія: — оно можетъ быть и не далеко отъ тебя, да ты не замѣчаешь его; ты отвернулась отъ цѣлаго міра, не видишь ни себя, ни другихъ.

— Другихъ? перебила Зенаида: — я не хочу думать о другихъ; я ненавижу людей, я бѣгу отъ нихъ.... Надѣну черную мантию, завернусь въ черный флеръ и умру въ какомъ нибудь отдаленномъ монастырѣ.

— Нарядъ тебѣ будетъ очень къ лицу, я въ этомъ не спору, но въ монастырѣ запрещено зеркало; положеніе твое будетъ сносно до тѣхъ поръ, пока оно будетъ интересно въ твоихъ глазахъ, на это довольно трехъ дней. Послѣ трехъ дней ты выйдешь изъ монастыря, тѣмъ болѣе, что за эти три дня ты не умрешь, какъ думаешь.

— Не разбивай моей мечты, не отнимай у меня послѣдняго утѣшенія, Лидія!

— Напротивъ, я хочу отнять у тебя послѣднее, чтобъ обратить твое вниманіе, на все, что есть перваго въ обязанностяхъ женщины; только для этого ты должна спуститься къ намъ на землю, и одна, безъ твоей звѣздочки. Или, говоря простымъ языкомъ, брось твой идеалъ, такихъ людей нѣтъ на свѣтѣ, да и слава Богу что нѣтъ; праздное воображеніе создаетъ ихъ, чего же ожидать отъ нихъ? — Повѣрь, что они никогда не принесли бы пользы ни себѣ, ни другимъ.

— Да ты, кажется, помѣшана на пользѣ, Лидія.

— Да, и если я несчастлива, такъ только потому, что жизнь моя не приноситъ пользы ни мнѣ, ни другимъ.

— Давно ли ты, Зинаида, видѣла Б.? спросила живо одна изъ дѣвицъ.

— Давно, отвѣтила Зинаида и вздохнула такъ протяжно, что всѣ дѣвицы на нее оглянулись.

— Ага, сказала Зоя, лукаво улыбаясь: — то-то тебѣ и въ монастырь захотѣлось, но туда вѣдь вдвоемъ не пустятъ; а лучше подожди еще два дня, ты увидишь Б. у насъ на балѣ. Вчера онъ воротился изъ полка и сегодня былъ съ визитомъ.

Зинаида вспыхнула отъ удовольствія, встала съ своего мѣста и присоединилась къ кружку.

— Зоя, ты обманываешь меня!

— Увѣряю тебя что нѣтъ; ты знаешь, я въ сердечныхъ дѣлахъ очень осторожна; я везла сюда эту новость и собиралась этимъ воротить тебя съ того свѣта.

— Какъ же ты мнѣ прежде не сказала, что у васъ будетъ балъ; теперь я не успѣю приготовиться, у меня нѣтъ туалета! Розоваго моего платья я не люблю,—въ немъ я кажусь красна; въ голубомъ меня видѣли въ благородномъ собраніи.

— Ничего, сказала Зоя, надѣнь голубое: во первыхъ — это цвѣтъ твоего любимаго неба, во вторыхъ — это очень идетъ къ твоимъ глазамъ. А объ балѣ я не говорила тебѣ прежде, потому что ты собиралась въ монастырь и заказала себѣ монашеское платье, а въ немъ ты бы испугала маменьку; это будетъ день ея рожденія.

Зинаидой такъ овладѣла забота объ нарядѣ, что она не слыхала послѣднихъ словъ Зои.

— Если надѣть голубое платье, тогда что же на голову? думала она вслухъ:—у меня есть хорошенькій цвѣтокъ, только онъ не идетъ къ моимъ волосамъ.

Всѣ дѣвицы, кромѣ Лидіи, подхватили послѣднія слова Зинаиды, приняли участіе въ ея положеніи; разговоръ оживился, всѣ говорили въ одинъ голосъ, каждая высказывала свое мнѣніе: голубое съ бѣлымъ хорошо, съ палевымъ еще лучше!—Нѣтъ, еслибъ Зинаида была брюнетка, къ ней бы шелъ палевый, а къ блондинкѣ — фи!

— За то къ платью идетъ. — Лицо важнѣе платья. —

Такъ по твоему что надѣтъ на голову? — Чтонибудь темное. — *Quelle idée*, темное! развѣ она старуха?

И между дѣвицами завязался горячій споръ.

— Вотъ Лидія рѣшитъ, какой цвѣтъ приличнѣе, сказали они наконецъ.

— *Mesdames*, нельзя ли рѣшить безъ меня; право, я въ этомъ ничего не понимаю, для меня существуетъ только два цвѣта: бѣлый и черный; бѣлый есть сочетаніе всѣхъ цвѣтовъ, черный отсутствіе всякаго цвѣта; а выбрала я эти два цвѣта можетъ быть оттого, что между ними нѣтъ никакого сходства; въ одномъ все, въ другомъ ничего.

Въ дамскомъ обществѣ разговоръ объ нарядахъ есгь плодovitая тема; нѣкоторыя дѣвицы вскочили съ своихъ мѣстъ, доказывали, спорили, суетились.

Лиза Горская воспользовась всеобщимъ одушевленіемъ, чтобъ отвлечь Лидію.

— Пойдемъ въ залу, Лидія, я должна открыть тебѣ свою душу.

Едва вошли онѣ въ залу, какъ Лиза упала передъ Лидіей на колѣни.

— Лидія, возьми всѣхъ, отдай мнѣ только его; онъ тебя любитъ, а меня ненавидитъ!

— Встань Лиза, ради Бога встань, ты меня ставишь въ неприятное положеніе; я готова тебѣ отдать все, только не требуй отъ меня того, чего у меня нѣтъ. Меня никто не любитъ; по крайней мѣрѣ, я не имѣю на это никакихъ доказательствъ.

Лидія говорила чистосердечно, она была такъ самолюбива, что не умѣла перетолковать вещей въ свою пользу.

— Мельховъ тебя не только любитъ, — онъ тебя обожаетъ! Онъ друженъ съ моимъ братомъ и признался, что ты внушаешь ему страсть, какой онъ до сихъ поръ не испытывалъ и что онъ употребитъ все, чтобъ заставить тебя полюбить его, а въ противномъ случаѣ онъ не ручается за свою жизнь.

Грусть выразилась на лицѣ Лидіи; ей больно было выслушивать Лизу, она страдала отъ слишкомъ сильнаго желанія добра и пользы: любила всѣхъ, хотѣла всѣхъ сблизить,

соединить, а вмѣсто того раздѣляла два существа и каждого осуждала на страданіе.

— Чтожъ мнѣ дѣлать, Лиза, что мнѣ дѣлать? научи, скажи! Я этого не хотѣла, не искала, говорила Лидія, помогая Лизѣ встать и дружески, сжимая ея руки въ своихъ. Приказывай, Лиза, я сдѣлаю все, что ты хочешь!

— Ты умнѣ меня, Лидія, ты найдешь средство оттолкнуть его отъ себя и обратиться ко мнѣ. До знакомства съ тобою, онъ былъ мой, даже разъ мазурку со мной танцовалъ, нашелъ, что ко мнѣ очень идетъ зеленый цвѣтъ. Въ другой разъ подарилъ мнѣ цвѣтокъ... по всего не перескажешь, а теперь... и слезы показались на ея глазахъ.

Изъ послѣднихъ словъ Лидія заключила, что Лизу можно легко вылечить и сдѣлала маленькій опытъ.

— Успокойся же, Лиза, и будь увѣрена что тотъ умъ, который ты во мнѣ предполагаешь, будетъ весь употребленъ на то, чтобъ угодить тебѣ; теперь скажи, какъ ты полюбила Мельхова и что тебѣ въ немъ понравилось?

— Что понравилось? До все—ростъ, фигура; онъ блондинъ, я брюнетка, насъ была бы пора. Какъ я его полюбила? Изволь: на балѣ у Зои увидѣла я его въ первый разъ; едва я вошла въ залу, какъ замѣтила его, онъ мнѣ понравился; въ первой кадрили я не столько слушала его, сколько разсматривала; потомъ танцовалъ онъ со мной еще и еще; за ужинномъ сидѣлъ возлѣ меня. Въ каретѣ я ужъ думала объ немъ, пріѣхала домой и хотѣла сѣсть писать журналъ; маменька велѣла лечь, я легла. Тутъ я не знала, какъ отбиться отъ сна, и такъ это было досадно, думать хотѣлось и спать тоже, — я уснула и во снѣ видѣла его, это услило мою любовь; я проснулась въ шесть часовъ, вставать было рано, я и принялась думать... Полюбила же я его почти съ той минуты, какъ увидѣла.

— Ты любишь въ первый разъ, Лиза?

— Да.

— А тотъ студентъ, которымъ ты такъ восхищалась?

— То была не любовь, та *chère*! Можно ли сравнивать этихъ двухъ людей?

— А гдѣ тотъ молодой человекъ, высокой, очень высо-

кой, поминишь, Лиза, ты называла его своей первой любовью, тебѣ въ немъ нравилось многое, между прочимъ и налезья его перчатки, — гдѣ онъ теперь?

— Фи, ма сѣте, не вспоминай объ немъ, такой шауцаиэ геиге; неужели ты думаешь, что я его любила — никогда! Мнѣ казалось, будто я его люблю, но какая разница съ тѣмъ чувствомъ, которое я теперь испытываю: напомнить мнѣ объ этомъ чувствѣ все равно, что взрослому человѣку упрекать въ любви къ деревянной лошаdkѣ, въ младенчествѣ.

— Я не хотѣла упрекать тебя, Лиза, а пересчитывала твои привязанности для того, чтобы сказать тебѣ въ собственное твое утѣшеніе, что если ты любишь не въ первой, и не во второй разъ, такъ любишь и не въ послѣдній. Всего же больше будешь ты любить своего жениха, и это будетъ не Мелховъ, а какой нибудь уланъ или гусаръ и даже, если хочешь, у меня есть предчувствіе на твой счетъ.

— Неужели! какъ это странно, а съ нами именно и познакомился гусаръ; да я тебѣ ужъ писала объ немъ, какъ же ты объ немъ думаешь?

— Я? я ничего не думаю; ты забываешь даже, что я его никогда не видала.

— Это все равно, ты можешь оставить себѣ объ немъ понятіе изъ того, что я тебѣ объ немъ говорила, на примѣръ что онъ сказалъ мнѣ, поминишь на счетъ флоры.

— Это доказываетъ только то, что у каждого свой взглядъ; онъ нашелъ сходство между тобой и флорой, царицей цвѣтовъ, я бы прискала для тебя, можетъ быть, другое сравненіе, — каждый свое, но дѣлю не въ томъ; это еще нисколько не обрисовываетъ твоего гусара, но я желаю ему всѣхъ возможныхъ достоинствъ и полного успѣха вамъ обоимъ.

Въ эту минуту дверь отворилась и дѣвочки съ шумомъ вбѣжали въ залу.

— Что это, mesdames, сказали они цѣлый часъ секретничали, а объ насъ забыли.

— Потанцуйте, mesdames. — И Лидія подошла къ фортепiano и заиграла имъ польку; полька образовалась въ нѣ-

сколько паръ. Зоя, танцуя за кавалера, передразнивала каждаго изъ знакомыхъ, хохотъ былъ всеобщій.

Полька кончилась и Лидія уступила мѣсто Зинаидѣ, пѣніе которое имѣло большой успѣхъ между дѣвицами. Всѣ окружили ее.

— Спой «Любимъ я твоимъ глаза». — Нѣтъ, Зинаида, лучше мѣсяць ясный.

— Нѣтъ, mesdames, сказала Лидія—пускай Зинаида сама выберетъ.

«Malheur à toi» запѣла Зинаида. Всѣ призадумались, прослушали Зинаиду, осыпали ее комплиментами; тѣ, кому было о чемъ помечтать и которые помечтали подъ ея пѣнье, въ особенности благодарили.

Лидія взглянула на часы, было десять часовъ; она начала прощаться со всѣми.

— Погоди еще, Лидія, говорили ей всѣ.

— Нельзя, нельзя. Тетенька не любитъ, когда я поздно возвращаюсь; къ тому же въ одиннадцать часовъ надо послать экипажъ за дядей, онъ сегодня въ клубъ.

— Какой у васъ хорошенькій экипажъ, сказала Зоя Лидіи:—всегда когда встрѣчаю тебя на Невскомъ завидую тебѣ: сидишь ты такой grande dame; лакей пренарядный, экипажъ шегольской; тебѣ же какъ будто все равно, равнодушіе твое даже сердитъ.

— Стоить намъ только помѣняться мѣстами, чтобъ быть счастливыми, неправда ли Зоя? Тебѣ хочется въ мои сани, а я охотнѣе пошла бы пѣшкомъ; можетъ быть одна скорѣй бы я дошла до какой нибудь цѣли; теперь мы обѣ недостойны зависти: ты идешь, я ѣду и обѣ недовольны своей участью.

— Ты какъ то странно всегда говоришь, перебила ее Зоя:—не даромъ тебя въ свѣтѣ зовутъ идеалисткой.

Лидія горько улыбнулась и крѣпко поцѣловала своего судью. Молодые дѣвушки разстались друзьями.

Этимъ бы день и кончился, еслибъ тетка, узнавши объ возвращеніи Лидіи, не потребовала ее къ себѣ.

— Княгиня Ольга Борисовна была у меня сказала она:—просидѣла со мной, старухой, цѣлый вечеръ, а то бы я съ тоски пропала одна одинешенька. И какъ она насъ любитъ,

какое участіе въ тебѣ, сирота, принимаетъ; а вотъ вы, молодые люди, ничего цѣнить не умѣете, все вѣнецъ въ головѣ!

Это только прелюдія, думала Лидія, что будетъ дальше? и сердце ее сильно билось.

— Ольга Борисовна пріѣзжала предупредить насъ, чтобъ мы были осторожны съ этимъ, что недавно познакомился съ нами, какъ бишь его? и, не вспомнивши его имени, продолжала:— онъ страшный волокита, всѣмъ головы кружить, а свою бережетъ.

— Да, Ольгѣ Борисовнѣ нельзя въ этомъ не повѣрить, проговорила Лидія съ негодованіемъ:— она это знаетъ по опыту. За меня же будьте покойны, я сама свою голову умѣю беречь.

— Больно спѣсива, сказала тетка, а прошу слушать старыхъ людей, у нихъ головы не на проволокахъ, какъ ваши. Теперь ступайте спать, сударыня.

Лидія вышла и странно — эта сцена мало растроила ее; она не боялась знакомства съ Краховскимъ, она не собиралась ни сама въ него влюбиться, ни влюбить его въ себя; она рада была ему, какъ пріятному собесѣднику; ей легче жилось съ тѣхъ поръ, какъ нашелся человекъ, который ее слушалъ. Словами же тетки она хоть и огорчалась, но скоро забывала и прощала ихъ: она знала, что старуха все таки любитъ ее, хоть и совсѣмъ на особенный ладъ.

Краховскій же дѣйствительно умѣлъ пользоваться позволеніемъ ѣздить въ домъ: все чаще и чаще показывался онъ у Забѣльскихъ. Лидія не считала нужнымъ скрывать, что ему рада, даже сама тетка забыла свои опасенія и такъ скоро привыкла къ нему, что подчасъ ждала его съ нетерпѣніемъ, чтобъ передать ему видѣнный сонъ и спросить его что онъ значитъ. Наконецъ всѣ такъ привыкли къ нему, что не считали ужъ нужнымъ будить для него Федора Андреевича, да и Анна Егоровна встрѣчала его часто безъ чепца.

Забѣльскіе были люди стараго вѣка, чрезвычайно гостепріимные, потому и не удивительно, что на частаго гостя смотрѣли они, какъ на роднаго. Это не мѣшало однако же Аннѣ Егоровнѣ поворчать иногда на то, что Краховскій часто

ѣздить; рядомъ съ этимъ заказывала она два лишнихъ блюда и сладкій пирогъ на его счетъ.

Спустя недѣль пять послѣ перваго появленія Краховскаго въ семействѣ Забѣльскихъ, на моховой, въ домѣ Максимова, въ 10 часовъ утра, раздался звонокъ, у входа въ квартиру N 24. Дверь отворилась, вошелъ знакомый намъ Мельховъ, безъ доклада добрался до кабинета и занялъ первый попавшійся ему стулъ; хозяинъ квартиры изучилъ комфортъ до тонкости, такъ все въ этой комнатѣ манило къ покою, такъ все было обдуманно, хорошо, столько вкусу во всемъ, что и женскій глазъ не окрылъ бы никакой ошибкой.

Хозяинъ не показывался, Мельховъ началъ волноваться; наконецъ вошелъ Краховскій въ изящномъ неглиже, дружески протягивая руку.

— А, Мельховъ! Очень радъ. Давно мы не видались; это не похоже на друзей. Что новаго? и отчего такъ рано?

— Новаго только то, отвѣтилъ Мельховъ, не вставая со стула и не подавая руки, что я страшно поглупѣлъ и въ своихъ глазахъ и въ глазахъ цѣлаго міра. Что за чушь гѣродилъ я на балѣ у князя Льгова!... А у васъ не достало великодушія остановить меня.

Краховскій, какъ свѣтскій человѣкъ, умѣлъ казаться покойнымъ, хотя давно понималъ, что дѣло принимаетъ скверный оборотъ.

— Послушай, Мельховъ, ты просто ребячишься и что тебѣ за охота гоняться за какимъ нибудь словомъ, сказаннымъ хорошему пріятелю въ мшуту увлеченія. Ты влюбленъ, вотъ и все — и прекрасно: предметъ твоей страсти вполне достоинъ твоихъ восторговъ.

— Прошу васъ однако, возразилъ Мельховъ, говорить осторожнѣе обо мнѣ — и при мнѣ. Къ тому же кто далъ вамъ право рыться въ моихъ тайнахъ, какъ въ кучѣ сора ни къ чему не годной? Что касается до предмета моихъ восторговъ, какъ вы говорите, то это ни честно, чтобъ не сказать безчестно, играть чужимъ пменемъ.

— Безчестно... честь, проговорилъ Краховскій сквозь зубы.

— Я этимъ хотѣлъ сказать, продолжалъ Мельховъ, что

честь есть что-то весьма относительное. Увести чужую жену — ничего, а взять гривенникъ съ чужаго стола — скажутъ воръ. Заставить человѣка высказать противъ воли то, чего бы онъ не хотѣлъ, или говоря иначе, украсть изъ чужой души лучшую ея часть — это не воровство! Воровство, это вещь осязательная, когда у васъ и кошелекъ толще и карманъ туже.

Мельховъ замолчалъ; Краховскій скорыми шагами ходилъ по комнатѣ и тоже молчалъ. Наконецъ Мельховъ взялъ шляпу и торопливо пошелъ къ двери, не прощаясь съ хозяиномъ. Краховскій удержалъ его за руку.

— Нѣтъ, Мельховъ, вы такъ не уйдете, вы говорили слишкомъ крупно, чтобъ уйти, не размѣнявши вашу монету на мелочь. Присядьте, ради Бога!

Но Мельховъ не сѣлъ, а началъ шагать отъ одного конца комнаты къ другому съ той же лихорадочностью, съ которой пріѣхалъ изъ дому.

— У меня нѣтъ мелочи, а можетъ быть у васъ, Краховскій, найдется сдача, я былъ бы очень радъ.

— Чтожъ это вызовъ?

— Да....

Не смотря на то, что Краховскій отлично владѣлъ собою, кровь давно прихлынула къ его сердцу, дыханіе сдѣлалось неровно, и голосъ по временамъ измѣнялъ ему.

— Я тогда только приму вашъ вызовъ, когда вы успокоитесь и повторите мнѣ его.

— Благодарю за участіе, покойнѣе этого я ужъ не буду; я самъ разчитывалъ на время и потому не показывался вамъ до сихъ поръ.

— Повѣрите ли, Мельховъ, не смотря на все что я слышу и вижу, я не успѣлъ еще оскорбиться; а мнѣ жаль, душевно жаль....

— Поберегите вашу жалость для себя, перебилъ его Мельховъ задыхающимся голосомъ, пріятельскій вашъ поступокъ давно меня душитъ, давно люблюсь я вашимъ волокитствомъ за книжной и почтительными посѣщеніями дома Забѣльскихъ. Сдѣлайте, если можете, счастливой Лидію Николавну и идите къ этой цѣли прямой дорогой, а вы пробуете

въ одно и тоже время играть одной рукой тему, а другой вариацин. Женитесь на Забѣльской, заставьте свѣтъ молчать; а теперь ваше имя приклеиваютъ то къ дому княгини, то къ Лиди Николаевѣ. Это невыносимо!

— Позвольте мнѣ теперь въ свою очередь спросить васъ: кто далъ вамъ право читать мнѣ наставленія и прописывать рецепты? Въ первую минуту я отказался донкиходствовать съ вами, потому что наше порядочное разстояніе лѣтъ; у васъ душа на ладонкѣ, а моя прлчется отъ людей; вамъ жизнь еще не давала уроковъ, а меня учила и кой чему выучила. Теперь прощайте. И, повернувшись на каблукахъ, скрылся онъ за спущенной портьерой.

Съ опущенной головой, со шляпой въ рукахъ простоялъ съ минуту Мельховъ, потомъ какъ будто опомнившись, бросился вонъ. Человѣкъ долженъ былъ бѣжать за нимъ по лѣстницѣ, чтобъ накинуть на его плечи шинель; на колоши же онъ не обратилъ никакого вниманія и оставилъ ихъ въ рукахъ изумленнаго лакея.

Краховскій и Мельховъ оба воспитаны были въ лицѣѣ, оба были умны, говорили однимъ языкомъ: у одного кровь была горячимъ ключомъ, у другаго ровно текла по жиламъ. Они часто помогали другъ другу; Мельховъ бѣжалъ къ своему пріятелю, когда ему нужно было прохладить себя; тотъ какъ будто обновлялся новыми силами въ бесѣдѣ съ пылкимъ молодымъ человѣкомъ, любовался его юношескимъ жаромъ, который Мельховъ такъ искусно умѣлъ ему сообщать. Одному было тридцать, другому двадцать пять лѣтъ.

Тотчасъ послѣ ухода своего гостя, Краховскій велѣлъ подать себѣ одѣться и вышелъ изъ дому, самъ не зная въ какую сторону поворотить ему.

— Досадно и глупо, думалъ онъ, въ мои лѣта не умѣть угомонить себя. Жениться! жениться! легко сказать, а трудно исполнить.

До сихъ поръ каждый изъ его ромашовъ начинался послѣ брака, онъ вздыхалъ надъ замужними женщинами, въ первый разъ встрѣтилъ онъ дѣвушку, которая такъ сильно задѣла его умъ, что заставила говорить я сердце. Но теперь на-

добно избѣгать ее, думалъ онъ, на несчастнѣ ближняго неблагородно строить свое счастье и я на это не способенъ.

Безсознательно шелъ Краховскій и самъ не помнилъ, какъ очутился на Николаевскомъ мосту. — Вотъ и Васильевскій островъ, тихій, спокойный! мирный ангелъ всегда стережетъ его! И какое однообразіе въ его разнообразіи: тутъ есть линія студентовъ, линія военныхъ, линія старухъ въ шляпахъ съ огромными полями и узенькихъ солопахъ, линія духовенства, линія мальчишекъ, линія покойниковъ, линія учителей и наконецъ большой проспектъ, гдѣ есть все что вамъ угодно. Едва линія пересѣкаетъ проспектъ, она на минуту теряетъ свой характеръ, но это не надолго; потомъ опять старухи, такъ старухи; мальчишки, такъ мальчишки.

Хоть набережная и принадлежитъ исключительно англійскимъ ножкамъ, однако тутъ та же смѣсь, которую находимъ мы на большомъ проспектѣ и рядомъ съ представителемъ третьей линіи вамъ попадетъ предводительствующій девятнадцатой или двадцать первой, и если правду сказать, то и насъ петербуржцевъ довольно, потому что многіе изъ насъ очень любятъ Васильевскій островъ.

Вотъ, напримѣръ, если вы теперь выйдете погулять, вы встрѣтите Краховскаго; онъ съ мосту поворотилъ на лѣво и какъ кажется идетъ ужъ не безсознательно, замѣтно что онъ на что-то рѣшился.

У Забѣльскихъ въ послѣднее время всѣ такъ привыкли видѣть Краховскаго, что ни кто не удивился его появленію; какъ всегда нашелъ онъ Лидію въ гостинной за работой, но въ первый разъ одну.

— А гдѣ ваши? спросилъ онъ раскланиваясь.

— Поѣхали отдать визитъ одной пріѣзжей дамѣ, скоро будутъ. Садитесь.

— Я пришелъ съ вами проститься, я завтра ѣду.

— Куда? какъ? зачѣмъ?

— Въ Москву къ отцу, хочу провести съ нимъ праздникъ.

— А я думала мы вмѣстѣ встрѣтимъ новый годъ.

— Мы его и встрѣтимъ вмѣстѣ, хоть и въ разлукѣ, вы меня вѣдь не забудете? вырвалось у него. Желая выкупить

это неосторожное слово, онъ прибавилъ: — Вы пожалѣете меня. Еще хуже, подумалъ онъ и внутренно покраснѣлъ.

— Мое жаль негодится для васъ. Когда мнѣ кого жаль, такъ я не сплю, не ѣмъ, страдаю столько же, а иногда и больше чѣмъ тотъ, кто вызываетъ мою жалость. Вы же не только не внушаете мнѣ этого чувства, а напротивъ; вамъ такъ хорошо на свѣтѣ, что еслибъ я умѣла, я бы завидовала.

До сихъ поръ между ними былъ только обмѣнъ ума, но не было обмѣна тѣхъ задушевныхъ чувствъ, которыми опредѣляются отношенія между людьми; они не безотчетно искали другъ друга, имъ было хорошо, очень хорошо вмѣстѣ; но они еще не сказали себѣ, что не могутъ жить одинъ безъ другого. Такъ иногда солнышко изъ-за тучки грѣетъ насъ, а мы и не знаемъ отчего намъ тепло; вотъ выльветъ оно изъ-за облака, начнетъ жечь насъ, тогда мы догадаемся, что и прежде грѣло оно, и теперь жжетъ оно же. Правду говоритъ Жанъ Поль, что любовь, какъ картофель, можно приготовить на тысячу и одинъ ладъ; если она ужъ разъ вызвана, такъ ее можно приправить всѣмъ, чѣмъ угодно, и равнодушіемъ, и большимъ пыломъ, и разлукой, и частыми свиданіями, и умомъ, и глупостью, и тѣмъ и другимъ.

— Неужели вы находите меня достойнымъ зависти, возразилъ Краховскій. — Вы, которые такъ хорошо читаете въ чужой душѣ, вы не хотите даже догадаться, что въ эту минуту мнѣ тяжело, очень тяжело.

Защемило сердце Лидіи, поняла она, что любить всѣми способностями души и сердца. Все было давно готово для вспышки между ними, не доставало только одного слова — но теперь и сего ненадобно. Какъ громомъ пораженная сидѣла Лидія, она не оправилась еще отъ всѣхъ нечаянностей, которыя сыпались на нее, въ смущеніи молчала она, онъ одинъ говорилъ:

— У меня есть до васъ просьба, не откажите ради Бога; помогите пережить разлуку, уясните мнѣ то, чего я не понимаю. Откуда это огромное развитіе чувства, какое не встрѣчалъ я ни въ одной женщинѣ, тѣмъ менѣе въ дѣвушкѣ? И какъ все это уживается и мирится съ умомъ вашимъ и съ

самою жизнью. Вамъ это легко будетъ сдѣлать, потому что, какъ вы сами говорили, вы всегда вели свои записки.

— Вы хотите знать, сказала она съ глубокимъ вздохомъ, — отчего я такой уродъ и отчего я такъ мало похожа на другихъ? Извольте. Жизнь свою дѣлю я на три періода: въ первомъ я такъ страдала за другихъ, что не сознавала себя; во второмъ страдала опять за другихъ и много за себя; въ третьемъ больше страдаю за себя, чѣмъ за другихъ. Съ первымъ періодомъ моей жизни готова я познакомить каждаго нравственнаго человѣка; второй періодъ берегу для кого-нибудь одного, а третьимъ живу въ настоящее время.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ Краховскій: — я приму ваше согласіе на мою просьбу за большое одолженіе и буду съ нетерпѣніемъ ожидать вашей рукописи. Завтра я буду въ двѣнадцать часовъ.

Въ это время старики Забѣльскіе подѣхали къ крыльцу, но не скоро еще явились въ гостинной. Молодые люди молчали въ ожиданіи ихъ, и молчаніе это въ первый разъ тяготило ихъ; дорого бы дали они за какой-нибудь легкой, пустой разговоръ, но ни одно подобное слово не пришло ихъ выручить. Наконецъ показалась въ дверяхъ одна Анна Егоровна и кивнула по своему головой, Краховскій поклонился, Лидія подошла къ ней, поцѣловала ея руку и сказала едва внятно:

— Сергѣй Львовичъ завтра уѣзжаетъ и пріѣхаетъ проститься.

— Что вы это, батюшка мой, уѣзжать вздумали? говорила она, помѣщаясь на диванѣ. — Что это за вздоръ! прибавила она, почти сердясь.

Лидія была какъ на иголкахъ, она знала свою тетку.

— У меня есть въ Москвѣ старикъ-отецъ, я хочу съ нимъ встрѣтить и провести праздникъ.

— Онъ самъ могъ бы сюда пріѣхать и мы бы съ нимъ познакомились. Къ тому же въ Петербургѣ веселѣе, чѣмъ въ Москвѣ.

— Вы очень любезны и добры, Анна Егоровна; отецъ же мой такъ старъ, что легче мнѣ двигаться, чѣмъ ему.

— Нехорошо, батюшка, нехорошо; а я вотъ за это

время васъ даже полюбила. Пойду, огорчу Федора Андреевича этимъ извѣстіемъ.

— Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ за доброе ко мнѣ вниманіе, сказалъ Сергѣй Львовичъ, останавливая ее у дверей и почтительно цѣлуя ея руку. Я прощаюсь съ вами въ полной увѣренности, что вы встрѣтите меня такимъ же дружескимъ словомъ, съ какимъ отпускаете.

— Неприятно, да чтожъ дѣлать; вѣдь силой тебя не удержишь. — Она и сама не замѣтила какъ перешла къ фамильярности, такъ взбудоражилъ ее неожиданный отъѣздъ.

Молодые люди простились безъ словъ.

Краховскій не шелъ, а летѣлъ домой, онъ вполнѣ былъ доволенъ собою: ему казалось, что онъ поступилъ благородно, что онъ принесъ жертву дружбѣ, уѣзжалъ самъ и предоставлялъ свои права другому. Теперь онъ очистилъ свою совѣсть, печально только подвинулъ свою сердечную статью, но чтожъ дѣлать? Этого вѣдь онъ и самъ не хотѣлъ.

— Придя домой, написалъ онъ Мельхову записку.

«Я завтра уѣзжаю, довольны ли вы? Разуміе этого я ничего не могъ придумать. Протягиваю вамъ не одну, а обѣ руки, чтобъ доказать, какъ я дорожу вашей дружбой.

«Весь вашъ. С. Краховскій.»

На другой день уѣхалъ онъ Москву и увезъ съ собой рукопись, которая была ему прислана еще на канунѣ поздно вечеромъ.

— Ну что, сударыня, сказала Анна Егоровна Лиди, когда та вошла утромъ въ гостинную и поздоровалась съ теткой: вотъ и упустила жениха, а все оттого что не умѣла себя вести, романы начиталась. Я нарочно прислушивалась къ вашимъ разговорамъ: симпатія, да симпатія какая-то; въ старину этого не бывало, такъ и въ дѣвкахъ не слѣдило. Нарочно бывало уйду изъ гостинной, сама за дверью останавлиюсь послушать: молчать, молчать да и только, ушамъ своимъ не вѣрю, плюну да и отойду. Въ гостинной ли на диванѣ сижу: сочувствіе, симпатія — ничего не понимаю. А мы то, старые дураки, собирай эту голь, корми ее, а кончится плчѣмъ.

Вошелъ Федоръ Андреевичъ и спасъ Лидію отъ дѣйствительнѣйшихъ упрековъ.

— Брось это, другъ мой, сказалъ онъ обращаясь къ женѣ: это все глупости; а ты, Лидія, сядька возлѣ меня, да разгони мою скуку; гдѣ сегодняшняя газета?

Газета была уже въ рукахъ Лидіи, она впилась глазами въ нее, желая хоть этимъ спастись отъ ничѣмъ неудержимаго потока словъ тетки.

— Ну-да, потакай больше, продолжала еще ворчать Анна Егоровна и вышла изъ комнаты.

Въ этотъ день пришлось Лидіи испытать еще одну попытку. ее повезли на цѣлый вечеръ къ княгинѣ Льговой — хуже этого трудно было чтонибудь придумать. Никого посторонняго не было. Анна Егоровна, не скрывая своего гнѣва, усѣлась на княжескомъ диванѣ съ душой на распашку и начала свою жалобу.

— Представьте себѣ, княгиня, вѣдь молодець-то уѣхалъ. Ужь правду ты, матушка, сказала, что вертопрахъ; повидно-билось видишь ты въ Москву, къ отцу будто бы, а вѣрно все вздоръ: знаемъ какая въ наше время честь старикамъ.

— Я васъ не понимаю, сказала Ольга, блѣднѣе отъ неожиданнаго извѣстія: — кто уѣхалъ и куда?

— Да какъ-его, все забываю; такое премудрое названіе. Лидія, какъ его? Вѣдь тебѣ надо знать; вѣдь ты съ нимъ все шушу да шушу...

Анна Егоровна могла долго еще говорить, ни которая изъ дамъ не была въ состояніи ей отвѣчать.

Княгиня молчала и сама не замѣчая, отгрызала себѣ ноготь за ногтемъ, красными пятнами выступала досада на ея лицѣ. Уѣхалъ, не простившись, думала она; онъ хочетъ, играя мной, заслонить отъ свѣта свою тайну; но его знакомство со мной еще не кончилось, я тоже съумѣю врѣзаться въ памяти такъ, что онъ долго меня не забудетъ.

Боже мой, думала Лидія, какъ безчеловѣчно распоряжаются мной, какъ съ какойнибудь негодной вещью; не довольствуются выбросить, но прежде стараются измять, изкомкать хорошенько и потомъ ужъ вышвырнуть. Одна мысль

тяжеле другой волновала Лидію, больше она не могла владѣть собой, съ рыданіями бросилась она къ теткѣ на шею; но вдругъ, опомнившись, отскочила отъ нее и ужъ безъ слезъ, но умоляющимъ голосомъ сказала:

— Пощадите меня, не касайтесь моихъ нѣжныхъ струнъ; вы всѣ ихъ сегодня перервали. Не задѣвайте моей чести, вы причиняете мнѣ невыносимое страданіе; я готова жертвовать всѣмъ; но не отдамъ одного — своего достоинства, своей чести. Это мой щитъ, это моя вѣра, это мое все; это что-то, чего я не умѣю опредѣлить словами, но я это чувствую, этимъ живу, это течетъ въ моихъ жилахъ и заставляетъ биться сердце. — Снимите же съ себя подобнаго рода заботу обо мнѣ; у меня есть честь, она бережетъ меня, а я ее. — И гордо вышла она изъ гостиной.

Анна Егоровна такъ поражена была проявленіемъ смѣлости, которой и не подозрѣвала, что тряслась всѣмъ тѣломъ отъ гнѣва еще болѣе, чѣмъ отъ удивленія.

— Слышали ли вы что нибудь подобное, княгиня, еще молоко на губахъ не обсохла, а смѣетъ ужъ учить. Вотъ какова нынче благодарность за то, что сиротой въ домѣ приняли, и старуха силсилась заплакать.

Княгиня молча что-то обдумывала, разговоръ не клеился; къ счастью, вошелъ Александръ Павловичъ въ полномъ порядѣ, со звѣздой на фракѣ.

— Здравствуйте, ваше сіятельство, сказала Анна Егоровна, приподнимаясь на минуту съ своего мѣста и отирая не выступившія еще слезы. — Моя племянница надѣлала тутъ такой суматохи, что мы съ Ольгой Борисовной сидимъ точно безъ головы.

— Моя Ольга дѣйствительно что-то завяла за это время. — И съ этими словами нагнулся онъ къ женѣ, чтобъ поцѣловать ее въ лобъ.

— Что это вамъ вздумалось? проговорила Ольга съ неудовольствіемъ и отшатнулась къ спинкѣ кресла. — Вамъ пора ѣхать, сани васъ давно ждутъ.

— Уѣду, уѣду, душа моя. Вотъ каково, матушка Анна Егоровна, говоритъ князь, направляясь къ двери передней.

Старуха боялась вымолвить слово и только махнула рукой въ знакъ согласія.

Гдѣ же Лидія? Она убѣжала къ дѣтямъ княгини, которыя помѣщались въ нижнемъ этажѣ съ своей гувернанткой. Неудивительно, что мы забыли объ ихъ упомянуть; посѣщая домъ княгини, нельзя было и догадаться о ихъ существованіи; они рѣдко показывались на верху и то только тогда, когда кто нибудь, открывши случайно ихъ присутствіе въ домѣ, въ видѣ милости получалъ позволеніе ихъ привести на верхъ. Отецъ по своему любилъ ихъ, но не смѣлъ ничего перемѣнить въ ихъ участи; мать иногда спускалась къ нимъ внизъ; а случалось, что проходила цѣлая недѣля и они не видали матери, только изъ окна кивали ей курчавыми головками, когда она садилась въ ихъ глазахъ въ карету и убѣжала. Но за то объ здоровьи ихъ присылала узнавать каждый день.

Видъ дѣтей отрадно подѣйствовалъ на душу Лидіи, она застала ихъ играющими, веселыми. Двѣ старшія дѣвочки одна шести, другая пяти лѣтъ, нарядились въ какія-то яркія лоскутья, воткнули себѣ, въ волосы по бумажному розану; братишку своего, четырехлѣтняго Жоржа, одѣли въ красную чалму и хохотали безъ умолку. Когда Лидія, вошла, они всѣ съ радостнымъ крикомъ бросились къ ней на шею и, едва она сѣла, какъ всѣ ужъ повскокали къ ней на колѣни.

Самые лучшіе люди на свѣтѣ, это дѣти, думала Лидія, и съ умиленіемъ смотрѣла на нихъ; и въ самомъ дѣлѣ они были чрезвычайно милы: никто не восхищался ими, изъ равнодушія къ нимъ, не выводили ихъ къ гостямъ на показъ и они остались вѣрны своей природѣ, были чрезвычайно просты и правды.

— Лидія, возьмите насъ съ собою на верхъ, просила старшая Ольга.

— Когда вы ѣдите на дрожкахъ, ваши ноги стоятъ или висятъ? перебилъ Жоржъ сестру и рученками своими повертилъ лицо Лидіи въ свою сторону, чтобъ она слушала его одного.

— Какое у васъ было сегодня кушанье? спросила Вѣра въ свою очередь: — пирожное было?

Лидія не знала кому отвѣчать, дѣловала каждого по однопочкѣ и всѣхъ разомъ, наконецъ уговорила мамзель Луизу идти съ дѣтьми наверхъ.

Никогда дѣти не были еще такъ кстати, какъ въ этотъ вечеръ, даже княгиня была имъ рада. Съ какой-то дикой живостью пустились они бѣгать по всему дому и забыли даже подойти къ матери; гувернантка должна была сама бѣжать за ними, чтобы собрать ихъ въ кучу и подвести къ княгинѣ.

— Вотъ отчего не позволяю я имъ ходить на верхъ, говорила Ольга Борисовна своей гостьѣ:—они у меня какіе-то дикія, необузданныя; этого дурачка я еще люблю, продолжала она, протягивая руку Жоржу и сажая его себѣ на колѣни, все таки мальчикъ, на что нибудь да пригодится.

Стоять смирно было совершенно невозможно этимъ дѣтямъ, они переминались съ ноги на ногу, лукаво посматривали другъ на друга и продолжали изподтишка смѣяться своему собственному смѣху, съ которымъ они прибѣжали и который начался два часа тому назадъ. Едва имъ показалось, что старшіе заговорились и забыли объ нихъ, Жоржъ быстро вырвался изъ рукъ матери и пустился бѣжать, дѣвочки послѣдовали его примѣру.

— Это нестерпимо; мамзель Луиза, мамзель Луиза! кричала княгиня, закрывая уши руками:—уведите, ради Бога, вашу команду; никакого терпѣнья не достанетъ переносить эту суматоху. — Вотъ какъ свѣтской рукой отталкиваются семейныя радости.

— И намъ пора; Лидія, поѣдемъ; прощайте, княгиня, не забывайте лихомъ.

Дорогой старухѣ очень хотѣлось развеvelить свою племянницу, но та упорно молчала. Анна Егоровна, кажется, почувствовала свою ошибку, ей было даже жаль Лидію, но она никогда бы не призналась въ этомъ. Такъ ведется у людей! Одному не совѣстно поступить дурно, другому совѣстно поступить хорошо.

Навязавши себѣ сыновнюю нѣжность по необходимости, Краховскій умиралъ со скуки въ Москвѣ; родные его въ продолженіи двухъ недѣль, не давали ему ни отдыха, ни сроку, возили его съ утра до вечера; показали его вездѣ, гдѣ слѣдуетъ и гдѣ требовалось; дальше ни онъ не зналъ, что дѣлать, ни они, что съ нимъ дѣлать. Къ чтенію рукописи, которую онъ привезъ изъ Москвы, онъ не приступалъ еще; ему хотѣлось испытать себя, и опредѣлить отношенія свои къ Лидіи: все еще не рѣшался онъ признаться себѣ, что любитъ ее, и больше всего боялся онъ того, что поведутъ его въ церковь и обручальнымъ кольцомъ закують двѣ руки въ одну.

Но сердце не камень и вотъ онъ заперся въ отведенной ему комнатѣ и принялся читать:

«Вамъ понадобился рассказъ мой; извольте, онъ взятъ прямо изъ жизни, и потому въ немъ больше горя, чѣмъ радости.

«Родилась я не на великолѣпной кровати, но въ погребѣ, между разными соленьями и вареньями: мать моя отправилась туда похозяйничать, поскользнулась на грязной лѣстницѣ и въ слѣдствіе этаго суждено мнѣ было прежде всего увидѣть погребъ. Жизнь свою начала я крикомъ и слезами, подобно всѣмъ вызваннымъ противъ воли изъ ничтожества.

«Мѣсто рожденія моего Черниговъ, но я его почти не видала; отецъ мой былъ военный и жизнь вели мы бивачную. Переѣзжая съ мѣста на мѣсто, мѣняли каждый мѣсяцъ моихъ кормилицъ, одна попадалась хуже другой; наконецъ отъ послѣдней отлучилъ меня шестимѣсячную деньщикъ отца моего, который въ отсутствіи моихъ родителей хватилъ меня, и послѣ многихъ неуспѣшныхъ поисковъ, нашелъ меня въ кабацѣ: я сидѣла на столѣ, кормилица моя на скамьѣ возлѣ стола, одна ея рука была въ рукѣ ея сосѣда, толстаго мужика, другой подносила она къ моимъ губамъ стаканчикъ простой водки. Въ ужасѣ схватилъ меня деньщикъ нашъ, запретилъ кормилицѣ показываться на барскомъ дворѣ, а самъ завернулъ меня въ полу своего сюртука, и понесъ домой. Дорогой я уснула послѣ чарочки, которою меня уго-

стии. Когда возвратилась мать моя, она нашла меня на рукахъ дѣвочки.

— Гдѣ же кормилица? спросила она.

— Я не велѣлъ ей показываться на глаза, и самъ буду нянчить свою барышню.

И въ самомъ дѣлѣ онъ вскормилъ меня на рожкѣ, и о трехъ лѣтъ я не имѣла другой няньки.

«Мы продолжали нашу кочевую жизнь, иногда была у насъ порядочная квартира, иногда просто изба; иногда показывалась на нашемъ дворѣ хорошая коляска, но безъ лошадей; въ другое время были лошади, а коляски не было. Все это приводили, приносили къ намъ и потомъ опять относили, отвозили — куда и почему не знаю.

«Переѣзжая съ мѣста на мѣсто, добрался мы до Саратова, отецъ мой вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву искать гражданской службы: мать осталась одна со мной, и двумя братьями моими, гораздо старше меня. Мнѣ минуло три года, и съ этихъ лѣтъ я ужъ сама все помню. Помню степь, въ которой мы жили: ни деревца, ни зеленаго листка въ глазахъ; помню, какъ ураганъ съ дороги поднималъ пыль и какъ она врывалась къ намъ въ окна, если не успѣвали ихъ запереть, и покрывала наши столы и стулья пескомъ съ камнями: мы жили тогда на краю города. Помню слезы матери, когда она распечатывала и читала письма отца моего. Скоро и на мою долю начался посылки: почти съ каждой почтой, приносили заколоченный ящикъ, нетерпѣливо вертѣлись мы около него, и вскорѣ выходила оттуда кукла, съ меня ростомъ. Сначала это меня восхищало, но скоро я перестала радоваться подобнымъ посылкамъ: мою куклу продавали, и на эти деньги мы часто обѣдали. Въ послѣдствіи я такъ привыкла къ этому порядку вещей, что всякую присланную мнѣ игрушку встрѣчала неприязненно, и нисколько не удивлялась, когда она на другой день исчезала.

«Изъ жизни нашей въ Саратовѣ, помню я еще одинъ случай: одинъ изъ братьевъ взялъ меня за руку, завелъ въ одну изъ комнатъ, гдѣ никто не жилъ и стояли одни сундуки, и по праву сальнаго высѣкъ меня: оправдывался онъ тѣмъ,

что его такъ часто сѣкутъ, что и ему захотѣлось когонибудь высѣчь. Тотчасъ послѣ этой операціи, онъ дѣловалъ, обнималъ меня, просилъ прощенія, и все-таки извнисялся тѣмъ, что кромѣ меня, ему некого было высѣчь. Я обѣщала не жаловаться и сдержала слово; съ этихъ поръ началось уваженіе братьевъ ко мнѣ, и я всегда была повѣренная всѣхъ ихъ тайнъ.

«Мать моя была еще тогда молодая, красивая женщина, и когда она принимала гостей, или сама ѣхала въ гости, я не узнавала ее, — такъ мѣнялось выраженіе ея лица.

«Наконецъ пришло такое письмо съ почты, что мать не только не заплакала, а напротивъ, даже видимо радовалась: ненавистныхъ куколъ на этотъ разъ не было прислано. Мать собрала всѣхъ насъ во кругъ себя, и объявила намъ скорый переѣздъ въ Москву. Братья на радостяхъ подрались, я раздарила всѣ тряпочки и бумажки, которыя составляли мое достояніе; мы столько болтали въ этотъ день, что няня чтобъ уговорить меня, начала пугать муромскимъ лѣсомъ. — «Погодите, погодите, вы уже поѣдете муромскимъ лѣсомъ, тамъ пзъ каждаго куста по разбойнику».

«Черезъ недѣлю мы очутились въ самомъ дѣлѣ въ муромскомъ лѣсу; вспомнила я рассказы няни, страшно было мнѣ: все время сидѣла я съ раскрытыми глазами и дрожала всѣмъ тѣломъ. Едва тащилась туго набитая наша кибитка по песчаному грунту; никто не повѣритъ сколько насъ помѣщалось тутъ: мать моя съ тремя дѣтьми; пѣмецъ, гувернеръ братьевъ, который все время сидѣлъ на облучкѣ и болталъ ногамъ, не имѣя точки опоры; крѣпостная наша женщина съ тремя ребятишками и наконецъ ямщикъ на козлахъ. Хотя это не совсѣмъ понятно, но совершенно справедливо. Доѣхали мы наконецъ и до начлега.

Двигаясь очень тихо отъ одного ночлега до другаго, добрались мы наконецъ до послѣней станціи подъ Москвой: тутъ нашу радость и описать трудно, мы буквально ходили на головахъ. На другой день, часовъ въ двѣнадцать, въѣхали мы въ Москву и остановились у большаго каменнаго дома, въ покровской части. Тутъ началась наша выгрузка изъ кибитки: первый прыгнулъ съ облучка Францъ Францовичъ и

началъ вытаскивать насъ по одиначкѣ и ставить на мостовую, послѣдняя вышла мать моя; черезъ минуту очутились мы въ прекрасномъ, большомъ залѣ; тутъ начались обниманіе, цѣлованіе.

«Отцу моему было въ то время подь сорокъ лѣтъ, онъ былъ еще очень красивъ и свѣжъ. Возлѣ него стоялъ молодой человѣкъ, очень высокій, тонкій, съ суровымъ взлядомъ, смотрѣлъ онъ на все изъподлобья; кажется не радъ былъ онъ намъ. Меня подвели къ нему, онъ протянулъ мнѣ руку; мнѣ сказали, что это сынъ какой то моей тетки, мой двоюродный братъ; я поднялась на цыпочки, чтобъ поцѣловать его, онъ ко мнѣ не нагнулся; тѣмъ и кончилось первое наше знакомство.

«Домъ нашъ былъ какъ полная чаша: прислуги много, въ комнатахъ великолѣпіе, экипажи отличные, на этотъ разъ съ лошадьми; увеличилось и число нашихъ гувернеровъ, прибывъ французъ съ женою, да еще молодая нѣмочка въ pendant къ Францу Францовичу. Веселой толпой приходили мы всѣ къ обѣденному столу; я выпросила себѣ позволеніе садиться около двоюроднаго брата, безпрестанно засматривала ему въ лицо, надоѣдала ему то тѣмъ, то другимъ, желая заставить его говорить: онъ сердился и что-то ворчалъ сквозь зубы, я не отставала.

«Одинъ изъ такихъ обѣдовъ врѣзался на вѣки въ мою память. Отворилась дверь передней и вошелъ полицейскій чиновникъ; отецъ торопливо всталъ къ нему на встрѣчу, оба они-ноговорили тихо и оба вышли. Говоръ за столомъ прекратился, всѣ чего то ждали; мать безпрестанно оборачивалась въ ту сторону, откуда долженъ былъ выйти отецъ; даже Сережа, двоюродный мой братъ, и тотъ по временамъ подымалъ голову и смотрѣлъ на дверь. Наконецъ воротился отецъ, молча занялъ свое мѣсто за столомъ, черезъ минуту окннулъ насъ всѣхъ взглядомъ и сдѣлалъ рукой знакъ, чтобъ мы удались. Загремѣли стульями и ушли всѣ, кромѣ меня: въ общей суматохѣ меня и забыли, я спряталась подь столъ и помѣстилась у ногъ матери.

«Отецъ и мать говорили такъ тихо, что я ничего не могла разслышать; да еслибъ и слышала, мало бы поняла; но когда

послѣ какихъ-то словъ, сказанныхъ почти на ухо, мать моя разрыдалась, я не вытерпѣла и однимъ скачкомъ переселась на ея колѣни.

— Зачѣмъ ты здѣсь, дитя мое? сказала она и прижала меня такъ крѣпко, что я сама инстинктивно начала рыдать. Перестань плакать, душа моя, посмотри я ужъ не плачу, надо молиться Богу, мы теперь будемъ очень бѣдны. И въ самомъ дѣлѣ въ тотъ же день къ вечеру великолѣпія и слѣда не осталось: все было продано за безцѣнокъ, одна бѣда осталась при насъ.

«Безъ денегъ, безъ всякой надежды на будущее, переѣхали мы на маленькую квартиру, которую нечѣмъ было ни освѣтить, ни стопить. Съ этой поры каждый день нашей жизни была жалкая драма.

«Я всегда спала на постелѣ съ матерью; не спитъ она — не сплю и я. Въ два-три часа ночи входилъ отецъ. — Что? ничего, ни копейки не привезъ — мать продолжала не спать, не спала и я; иногда получали мы другой отвѣтъ, но рѣдко засыпали прежде возвращенія отца. Случалось однакожъ, что онъ радостно кидалъ золотые на нашу постель и на другой день все забывалось: не было разнощика, который бы даромъ прошелъ мимо нашихъ оконъ, вечеромъ собиравлись гости и мы походили на всѣхъ людей. На слѣдующій день опять мы безъ хлѣба, опять намъ холодно и опять сидимъ въ потмахъ.

«Много хлопотъ стоило наше устройство; съ ранняго утра отпраивлялась мать изъ дому и брала меня съ собою. «Одна я не въ состояніи, вдвоемъ намъ будетъ легче». Мать забывала во мнѣ ребенка и это такъ двигало меня впередъ, что я всегда была старше своихъ лѣтъ. Долго шли мы разными улицами, мать шла скоро; уцѣпившись за ея платье, бѣжала я въ припрыжку. Въ передней сильныхъ міра сего есть конечно время отдохнуть, не одинъ часъ пройдетъ въ напрасномъ ожиданіи, и чтожъ послѣ? придеши домой съ той же ношей на плечахъ.

«Кажется весь городъ исходили мы пѣшкомъ, много слезъ много страданій разсѣяли по воздуху; но наконецъ послали

намъ Богъ помощь: ходатайствомъ нѣкоторыхъ лицъ, братья мои и я были приняты безденежно въ два лучшіе пансіона.

«Мать такъ приучила меня жить одной съ ней жизнью, что я и не понимала жизни безъ нея, къ тому же семья наша была такъ несчастна, что привязанность моя къ дому была болѣзненная и трудно было перескитить ее.

«Мнѣ было восемь лѣтъ, когда меня отвезли въ пансіонъ и это былъ день моего перваго, персональнаго горя: я страдала прямо за себя; вотъ почему я и теперь не могу думать равнодушно о тѣхъ несчастныхъ дѣтяхъ, которыхъ часто безъ всякой нужды выталкиваютъ преждевременно изъ родительскаго гнѣзда и заключаютъ на нѣсколько лѣтъ подъ замокъ, потомъ показываютъ этимъ же родителямъ этихъ самыхъ дѣтей, какъ животныхъ въ звѣринцѣ, сквозь рѣшотку раззолоченной клѣтки.

«Возненавидѣла я огромныя комнаты моей тюрьмы; холодно, непріютно было мнѣ тутъ; даже дѣти моихъ лѣтъ не грѣли меня, или, говоря правду, дѣтей моихъ лѣтъ не было — я была старуха между ними и тутъ впервые сердце мое сжалось отъ этого сознанія. Весело, легко было у нихъ на душѣ: однѣ бѣгали, рѣзвились въ рекреационномъ залѣ, другія усѣвшись кружкомъ въ какомъ-нибудь углу дѣлили какой-нибудь пряникъ, я же ходила одна по залѣ и слезы противъ воли текли по щекамъ. Мнѣ нужна была моя мать и ея грустный видъ, нуженъ былъ нашъ голодъ и нашъ холодъ. Теперь, когда я не дѣлила нужду моей семьи, я не могла забыть ее ни на минуту, теперь мнѣ все представлялось сильнѣе и ужаснѣе.

«Скоро раздался звонокъ и насъ повели въ классъ, я заняла послѣднее мѣсто въ числѣ восьмидесяти воспитанницъ, очень почувствовала это и обѣщала себѣ скорымъ шагомъ обогнать многихъ и въ самомъ дѣлѣ взялась горячо за дѣло.

«Вечеромъ, когда насъ повели спать, представила я себѣ мать одну, на колѣняхъ передъ кіотомъ, и сама бросилась на колѣни передъ маленькимъ образомъ, ея благословеніемъ, и такъ разрыдалась, что привлекла цѣлую толпу вокругъ себя. Однѣ смѣялись надо мной, другія утѣшали, но я такъ разшумѣлась, что сама содержательница пансіона

пришла уговорить меня. Я сказала, что привыкла спать съ матерью, что не умѣю заснуть безъ ея креста и что я непремѣнно хочу домой, потому что мнѣ невыносимо. Она выслушала меня очень милостиво и обѣщала исполнить мое желаніе и отправить меня завтра домой. До половины ночи не спалось мнѣ, все казалось что вотъ сей часъ войдетъ отецъ и скажетъ привезъ ли денегъ или нѣтъ; не дождавшись однакожь отца, глаза мои, уставшіе отъ слезъ, закрылись и я уснула.

«Спала я не долго, но крѣпко, и проснулась уже не тѣмъ, чѣмъ была вчера: я поняла мои новыя обязанности и покорилаь изъ необходимости. Въ теченіе слѣдующаго дня вела себя прилично, научилась прежде всего скрывать все, что чувствовала; вотъ отчего въ теченіе восьмилѣтняго моего пребыванія въ пансіонѣ не могла я привыкнуть къ моему заключенію, не могла не считать тюрьмой мѣста, которое сковывало мою свободу и заставляло меня казаться не тѣмъ, чѣмъ я была.

«Спасите, спасите вашихъ дѣтей, вы которые столько можете! Не налагайте преждевременныхъ оковъ, не насилуйте природы, дайте ребенку пожить простотой его сердца. онъ самъ вылетитъ изъ своего гнѣзда, когда оперится, и можетъ-быть даже угадаетъ, въ какую сторону летѣть.

«Право, и у дѣтей есть свои страданія!

«Въ первый день пансіонной моей жизни много роптала я на родителей; мнѣ казалось несправедливо и жестоко оторвать свое дитя отъ роднаго крова и бросить въ среду чужихъ, такъ мало на меня похожихъ. На другой день я ужъ думала иначе, я поняла необходимость такой мѣры, поняла многое и молчала, не съ кѣмъ было подѣлиться мнѣ.

«Послѣ обѣда во время рекреациі многія дѣвцы явились ко мнѣ съ предложеніемъ дружбы:

— Будь моимъ другомъ.

— Какъ это? спросила я.

— Рассказывай мнѣ свои секреты и отдавай половину всякаго лакомства.

— Лакомства у меня нѣтъ, а что такое секретъ я не знаю.

«И въ самомъ дѣлѣ многое сказалося мнѣ въ жизни скишкою рано, секретъ же не попадался еще, — въ родительскомъ домѣ нѣтъ въ немъ пужды.

«Дѣвѣнцы со смѣхомъ отскочили отъ меня; это продолжалось не долго, скоро приобрѣла я тотъ тактъ, безъ котораго нельзя жать съ людьми; меня полюбили, дѣлились со мной впечатлѣніями. Еще разъ поняла я разницу между собой и другими, поняла эту разницу сердцемъ и молчала, только слушала другихъ, объ себѣ же говорить не только не чувствовала надобности, но старалась все глубже и глубже уйти въ себя. И могла ли я говорить объ себѣ, когда вездѣ я была не одна, я вся переселилась въ свою семью, жила ея страхомъ, ея волненіями, жила-бы и надеждами, еслибы онѣ были.

«Въ субботу, день отпуска, въ 3 часа вѣбжала одна изъ дѣвѣнцъ другаго класса и сказала во всеуслышаніе:

— За вами, Лидія, пришла какая-то старуха въ лохмотьяхъ.

«Все расхохотались, кромѣ меня; многія бросились смотрѣть старуху. Я поняла, что прислали за мной Домну, кухарку, крѣпостную нашу женщину. Собравши свои тетрадки, я простилась съ кѣмъ слѣдовало, и не пошла, но побѣжала домой. Старуха моя едва дышала, догения меня. Хоть мнѣ и казалось дорогой, что я теперь самая счастливая въ мірѣ, однако увидавши мать, я бросилась къ ней на шею съ горькими слезами, передала ей все, что чувствовала и что думала въ теченіе недѣли. Мать то улыбалась, то хмурила брови.

«Братья были счастливѣе меня; они каждый вечеръ возвращались домой, это не мѣшало имъ радоваться свиданію со мной и не легко было уложить насъ спать въ этотъ день, мы готовы были болтать всю ночь.

«Но вотъ прошла суббота, прошло и воскресенье; въ понедѣльникъ утромъ опять та же старуха повела меня въ пансіонъ. Я шла тихо, уныло и считала себя самою несчастною въ мірѣ: я завидовала каждому мужику, онъ свободенъ, онъ идетъ куда хочетъ, а я въ продолженіе цѣлой недѣли

должна дѣлать то, чего хотятъ другіе. Тяжело, страшно тяжело было мнѣ въ пансіонѣ, хотя онъ былъ изъ первыхъ въ Москвѣ; для меня это была тюрьма, безъ воздуха и жизни, и я не виновата если она меня давила.

«Перестали наконецъ смѣяться надъ моей старухой въ лохмотьяхъ, помирилась и я съ своей участью; такъ прошелъ годъ, мнѣ минуло девять лѣтъ.

«Разъ, возвратившись изъ пансіона, нашла я свою мать очень больною, она лежала въ постелѣ въ сильномъ жару; тогда послала я въ пансіонъ записку съ просьбой объ отпускѣ на все время болѣзни матери, у которой открылась нервная горячка. Изъ прислуги была у насъ только старуха Домна, которая готовила кушать въ тѣ дни, когда было что ѣсть, и жила въ кухнѣ въ отдѣльномъ флигелѣ. Сыновья, ея, два рыжихъ мальчика — Дмитрій и Матвѣй, были въ бѣгахъ: одинъ занимался воровствомъ и возвращался домой только тогда, когда ему нужно было сдать свою добычу въ руки матери; другой хотъ и босикомъ, но бѣгалъ цѣлый день по улицамъ собирая милостыню и игралъ въ бабки, за то ночи всегда проводилъ дома. Братья мои были въ пансіонѣ, я оставалась одна, буквально одна при такой опасно-больной, спала съ ней вмѣстѣ, за недостаткомъ тепла въ комнатѣ обертывала ея бѣлье вокругъ себя, чтобъ согрѣть его передъ тѣмъ, какъ надѣть на нее.

«Всю ночь бредила она, иногда душила меня своими руками, иногда заставляла смотрѣть въ темный уголъ, указывая на то, что ей тамъ чудилось: но такова сила любви, я забывала бояться.

«Одинъ старикъ докторъ посѣщалъ насъ и вмѣсто того, чтобъ брать съ насъ деньги, всегда, вмѣстѣ съ рецептомъ, оставлялъ ассигнацію; онъ понималъ, что мы изъ тѣхъ бѣдныхъ, которые не протягиваютъ руки за милостынею. Разъ, когда припадокъ лихорадки былъ такъ силенъ, что больную подбрасывало на постелѣ, я не знала какъ согрѣть ее и разсудила положить ей бутылки съ кипяткомъ въ ноги: сбѣгала черезъ дворъ въ кухню и въ одну минуту привела въ исполненіе задуманное, бутылки эти тотчасъ же лопнули и обварили мать мою кипяткомъ; больная выскочила изъ по-

стели и въ одной рубашкѣ начала бѣгать по комнатамъ. Отчаяніе мое было не описано, я то бѣгала за ней, стараясь ее поймать, то бросаюсь на колѣни передъ образомъ, прося Бога о помощи и, видя безчувственное состояніе матери, ломала свои маленькія ручки. Но какъ всему есть копецъ, то больная моя подошла сама къ постели и, почти падая отъ изнеможенія, легла съ моей помощью; уложивши мать и понимая очень хорошо, что подобная продѣлка не можетъ не имѣть послѣдствій, надѣла свой коротенькій салопъ и полинялую шляпку и отправилась за докторомъ, сама не зная куда идти за нимъ. Богъ и тутъ выручилъ меня; я съ лѣстницы, докторъ на встрѣчу: куда вы? Тутъ я съ отчаяніемъ открыла ему свое преступленіе; молча выслушалъ онъ меня и сѣлъ возлѣ больной, которая спала и такъ тяжело дышала, что докторъ, глядя на нее, качалъ головою, и не смотря на то, что я терзалась около него, упорно молчалъ.

«Молитесь Богу, вы дитя еще, Богъ проститъ вамъ проговорилъ онъ наконецъ: — теперь совершается кризисъ, можетъ кончиться худо, можетъ быть и хорошо. Предупредите вашего отца, что больной очень тяжело.

— Съ этимъ докторъ ушелъ и я осталась одна у постели умирающей. Умрала мать и еще отъ моей руки! Предоставляю каждому вообразить себѣ мой ужасъ, мое отчаяніе, я даже плакать не могла. Не сводя съ нея глазъ, на колѣняхъ стояла я у постели, и тутъ-то научилась я молиться, тутъ поняла я ту высокую молитву, которая дается тѣмъ, кто умѣетъ любить, безпредѣльно любить; много струнъ порвалась у меня въ эту минуту и съ тѣхъ поръ началось неровное біеніе моего сердца. Къ вечеру положеніе мое стало сносно: семья была въ сборѣ, я не одна была у постели; пріѣхалъ докторъ, взялъ больную за руку, она проснулась. Онъ поздравилъ насъ: мать была спасена.

«Бѣда миновала, но я не воскресла — убито было во мнѣ дитя: никакая забава, никакая розовая шляпка не заставила бы меня забыть то, что я почувствовала въ теченіе дня.

«Годъ спустя послѣ этого происшествія я, отравила мою мать, дала ей въ торопяхъ восемьдесятъ капель опиума вмѣсто лекарства отъ спазмовъ: Богъ и тутъ спасъ... но чего

мнѣ это стоило? Тутъ узнала я, что отъ горя не всегда умирають, пережила я и эти минуты, только еще серьезнѣе стала смотрѣть на жизнь: во мнѣ поселился какой-то страхъ, ожиданіе какой-то бѣды, и это болѣзненное настроеніе почти не оставляло меня.

«Очень часто, возвращаясь изъ пансіона, находила я свою семью на новой квартирѣ.

«Какъ хозяйева дома замѣчали, что мы не всегда обѣдаемъ, что мы денегъ не платимъ, да и не можемъ платить, насъ заставляли очистить квартиру и за долги удерживали часть скуднаго имущества. Иногда послѣ тѣсной съ низенькими потолками квартиры, переѣзжали мы въ великолѣпную, богато меблированную, на томъ основаніи, что все ровно не платить что тутъ, что тамъ.

«Въ шестнадцать лѣтъ взялъ меня совѣтъ домой; на женскій ладъ я кой чему выучилась, многому учила меня жизнь; во мнѣ развилась ужь дѣвушка: воздухъ, цвѣтокъ, какое нибудь облачко на небѣ сказывалось мнѣ поэзіей; душа жаждала чего то лучшаго. Любовь въ природѣ была для меня источникомъ большаго наслажденія, я вела съ ней тайную бесѣду и она всегда умѣла утѣшать меня, но съ приближеніемъ зимы и она измѣняла мнѣ, спѣжная ея пелена падала чѣмъ-то на сердце и мнѣ становилось опять и холодно и страшно.

«Въ это время средства наши къ жизни совѣтъ прекратились, отецъ мой ужь давно не игралъ въ карты, онъ много работалъ головой, но въ то время мало цѣнили подобный трудъ; мать и я мы также работали, но всего этого было слишкомъ мало. — Бывали дни, когда Сережа, который продолжалъ жить съ нами, зазывалъ меня на верхъ въ свою комнату и покупалъ на мѣдный пятакъ тарелку крыжовнику; боясь оскорбить его отказомъ и желая сохранить дружбу, которою я давно ужь пользовалась, я на тощій желудокъ глотала эти ягоды. Такъ какъ подобное угощеніе предлагалось мнѣ рано утромъ, то нерѣдко, сойдя внизъ, находила я самоваръ на столѣ: паръ его подымался до потолка нашихъ низенькихъ комнатъ, но чаю не было и самоваръ уно-

СИЛИ въ кухню; подавали же его на столъ каждый день утромъ и вечеромъ въ извѣстный часъ.

«Бывали дни, въ которые собирались мы всѣ за кускомъ чернаго хлѣба и этимъ обѣдали, скрывая одинъ отъ другаго, что думалось въ подобныя минуты. Нерѣдко въ такой день приходило къ вечеру приглашеніе на какой-нибудь балъ, на меня надѣвали платье сшитое на послѣднюю трудовую копѣйку и везли меня на балъ. Можно себѣ представить какъ дико смотрѣла я на чужую веселость, какъ мало понимала я, что дѣлалось вокругъ меня. За чужимъ ужиномъ забывали мы однакожь объ своемъ обѣдѣ, и только на другой день боль въ желудкѣ напоминала безпорядокъ вчерашняго дня.

«Скоро захворала мать своей послѣдней болѣзнію, у ней открылась водяная и чахотка вмѣстѣ, — она слегла. На мнѣ одной лежала тогда забота объ семьѣ, я работала день и ночь, дѣлала между прочимъ цѣпочки изъ бисера, которыя брали у меня знакомые; больше другихъ помогалъ мнѣ молодой докторъ, который лечилъ мать: онъ не только не требовалъ денегъ за свои визиты, но еще покупалъ мои цѣпочки до тѣхъ поръ, пока ему это было возможно. Тогда я рѣшительно не знала, что мнѣ дѣлать: — отецъ слегъ тоже отъ горя, одинъ изъ братьевъ захворалъ горячкой; мужчины лежали на верху, я одна была съ матерью внизу и перебѣгала безпрестанно отъ одного больнаго къ другому; мои мысли до того путались, что мнѣ иногда казалось, что я схожу съ ума.

«Наконецъ пришлось признаться доктору, что не на что покупать лекарства; онъ сказалъ, что больше ничего не остается, какъ отвезти мать въ больницу, — что безъ помощи медицинской она и трехъ дней не проживетъ. Я дослала къ знакомымъ просить кареты; карета приѣхала; сестра моей матери была тогда у насъ...

«Что было дальше не знаю, спльнѣ этого я никогда не чувствовала: помню только что я надѣла салопъ и шляпу, чтобъ ѣхать съ матерью, но какъ ее увезли и какъ я очутилась на полу, безъ всякаго чувства, — не знаю... Когда я пришла въ себя и могла встать, нашла я всѣ двери настежь и

кровать матери пустою; тишина была мертвая, казалось, что ангелъ смерти еще леталъ по комнатамъ, мнѣ сдѣлалось страшно и невыразимо грустно, я начала не только рыдать, но просто кричала; ни кто не отзывался на мой крикъ...

«Теперь довольно, хоть далеко не все. Передаю вамъ кой-что, одиѣ верхушки того, что дѣйствовало на мое развитіе. Какъ видите — жизнь не прятали отъ меня; это была всегда раскрытая для меня книга, никто мнѣ не говорилъ — читай это, не читай того.

«Въ первый разъ встрѣтила я васъ въ обществѣ, — мѣсто, гдѣ всѣ мы теряемъ общее намъ значеніе людей, гдѣ человѣкъ подъ буквой М знаетъ, что онъ стоитъ передъ буквой Р, иначе онъ и говорить съ нимъ не будетъ: насъ же забыли представить другъ другу и мы сошлись просто, по человѣчески, также просто посылаю я вамъ и рукопись свою.»

Дитя природы и горя, думалъ Краховскій, дочитавъ все до послѣдняго слова: — много правды въ твоемъ голосѣ; не обманешь ты сердце, которое выберешь; но кто изъ насъ съумѣетъ безъ обмана отвѣтить на твой вызовъ? кто сказавши, что любить, поручится что не разлюбить? Мушцины и женщины такъ различны въ основаніи, такъ неодинаково смотрять на семейную жизнь и на обязанности свѣта, что трудно имъ гармонировать вмѣстѣ. Да и самый бракъ не равняетъ ихъ: мушцину отодвигаетъ онъ назадъ или заставляетъ стоять на мѣстѣ, — однимъ словомъ, это могла мужескаго развитія; тогда какъ женщина тутъ только достигаетъ полнаго своего выраженія и каждый день, развиваясь, идетъ впередъ — ясно что мужъ и жена не могутъ идти рядомъ.

Все это думалъ Краховскій, дочитавши рукопись Лидіи, и съ этими мыслями воротился онъ въ Петербургъ; каждый вечеръ говорилъ онъ себѣ, что завтра поѣдетъ къ Забѣльскимъ; приходило завтра и намѣреніе откладывалось до другаго дня. Но любовь не стоитъ на мѣстѣ, хотя онъ любилъ не пылко, не бѣшено; даже еслибъ его спросили какого цвѣта глаза у той, которую онъ любилъ, онъ сказалъ бы можетъ быть сѣрые, тогда какъ они голубые. Онъ любилъ тихо, безъ порывовъ, съ анализомъ; онъ могъ себѣ сказать — за что онъ

любить и почему? Любовь съ отчетомъ не любовь, скажите вы — Краховскій съ вами не согласится.

Такъ проходили дни, прошелъ и мѣсяць: Краховскій не переставалъ думать объ Лидіи, сердце его рвалось къ ней, но разумъ удерживалъ, онъ не довѣрялъ себѣ, онъ понималъ, что теперь довольно одного слова, чтобъ связать себя на вѣкъ. Слухъ объ его возвращеніи носился по городу, всѣ знали, что ужъ мѣсяць прошелъ, какъ онъ въ Петербургѣ, но никто не могъ сказать, чтобъ онъ былъ у кого изъ нихъ, а каждый, говоря о немъ, прибавлялъ: — я встрѣтилъ его на англійской набережной, или на Невскомъ или въ книжномъ магазинѣ. Нашлись услужливые люди, которые сказали о его возвращеніи Лидіи.

Горько ей было встрѣтить противорѣчіе въ поведеніи человѣка, котораго полюбила она такъ просто, непринужденно, однимъ сердцемъ, безъ помощи воображенія; — человѣка, къ которому чувствовала глубокую симпатію и котораго не сдумѣла-бы замѣнить другимъ. Неужели это была только игра въ любовь, думала она, неужели я не такъ прочла въ душѣ его? Неужели довольно одного намека на чувство, на любовь, чтобъ завладѣть женскимъ сердцемъ? Гдѣ-же наша гордость?

Но — ни гордость, ни разумъ, ничто не могло ее успокоить, тысяча разныхъ предположеній волновали ее и она не знала, какъ дожить до дня, въ который все объяснится. Тетка вела себя прилично, она тоже знала о возвращеніи Краховскаго, но молчала; даже когда при ней заходила рѣчь объ немъ, она дѣлала видъ, что ничего не слышитъ, и только украдкой поглядывала на племянницу, чтобъ увѣриться въ томъ, какъ все это на нее дѣйствуетъ. Но такова глубина души человѣческой, что безъ воли его не вылезется оттуда ни одна капля горечи, ни одна черта въ лицѣ не откроетъ душевнаго страданія; иначе вы привлечете толпу, она потребуетъ отъ васъ эффектовъ, безъ которыхъ она не признаетъ вашего горя, не приметъ въ васъ участія. Смирненіе Анны Егоровны было только наружное, въ душѣ она проклинала Краховскаго, и едва Лидія уходила изъ комнаты,

какъ не жалѣла старуха — ни словъ, ни выражений, ни красокъ для нашего героя.

Сказавши себѣ въ тридцать первый разъ, что пора показаться людямъ, Краховскій вышелъ утромъ погулять и, вернувшись домой, нашелъ у себя на столѣ три запечатанныхъ конверта. Въ одномъ было приглашеніе на свадьбу Лизы Горской съ гусаромъ Бѣльцынымъ; въ другомъ похоропный билетъ, въ которомъ княгиня Льгова извѣщала съ душевнымъ прискорбіемъ о скоропостижной кончинѣ своего мужа, послѣдовавшей сего апрѣля девятаго числа; третья была записка отъ Мельхова.

Смерть князя такъ поразила Краховскаго, что онъ забылъ все остальное. Вотъ жизнь наша, думалъ онъ: — не спишь, все думаешь объ ней, какъ-бы по-больше мудрости вложить въ нее, какъ-бы по-умнѣе устроить и себя и обстоятельства; не замѣчаешь даже въ этихъ хлопотахъ счастья, которое представляется можетъ-быть и не разъ въ жизни, но которыми мы не умѣемъ пользоваться, потому-что гонимся за тѣмъ, что далеко, и не замѣчаемъ того, что близко, что въ нашемъ кругу.

Онъ закурилъ сигару и началъ ходить по комнатѣ, продолжая размышлять: да, не подобаетъ человѣку быть одному, сказалъ онъ себѣ, тяжело становится это произвольное заключеніе, не даромъ же говорится, что на людяхъ и смерть красна.

Въ шесть часовъ вечера отправился онъ на панхиду: князь покоился съ большой помпой, — не только люди въ домѣ, но даже комнаты были въ траурѣ. Княгиня такъ умѣла драпироваться своимъ новымъ положеніемъ, что любители сильныхъ ощущеній рѣшили, что она не перенесетъ этого удара, такъ велика была ея скорбь.

Дѣти ея, которыхъ никто не видалъ въ дни радости и блеска, были теперь тутъ, они стояли смиренно, смутно понимая, что происходитъ что-то ужасное, и готовы были плакать, не зная хорошенько, отчего. Но скоро положеніе ихъ перемѣнилось, имъ дали въ руки по зажженной свѣчкѣ: это показалось имъ такъ занимательно и такъ ново, что

расположеніе духа переменилось и съ тѣмъ вмѣстѣ произошло поворотъ къ шалостямъ. Жоржъ живо задулъ свою и меньшей сестры свѣчу, чтобъ имѣть удовольствіе, вновь ее зажечь и опять погасить, этимъ надѣялся онъ сократить время и рассчитывалъ на помощь Ольги, у которой свѣча еще горѣла: но вотъ и у нее погасъ огонь; дѣти не на шутку испугались, они надѣялись своими средствами поддержать игру въ огонь, а теперь пришлось дамѣ, которая стояла сзади ихъ, зажечь имъ свѣчи, что она и сдѣлала, общая ихъ всѣхъ разиѣститъ по угламъ, если они не будутъ стоять смирно. Дѣти присмирѣли.

Панихида была ужъ въ половинѣ, когда вошли Забѣльскіе, имъ тоже подали свѣчи; Лидія искала гдѣ зажечь свою, когда Краховскій протянулъ ей руку съ горѣвшей ужъ свѣчей. Она такъ вздрогнула отъ нечаянной встрѣчи съ нимъ, что свѣча, которую она собиралась зажечь, выпала у ней изъ рукъ и съ шумомъ покатила по паркету. Это ее очень сконфузило, тѣмъ болѣе, что всѣ головы повернулись въ ея сторону, даже княгиня отвела платокъ отъ глазъ и пристально посмотрѣла на молодыхъ людей, которые стояли какъ преступники съ опущенными головами.

Какое глупое мое положеніе, думалъ Краховскій, точно школьникъ, котораго поймали въ чужомъ саду, въ кустахъ малины или крыжовника.

Что со мной, говорила себѣ Лидія, я вся дрожу, чуть не падаю.

Когда кончилась панихида, двѣ пожилыя дамы подхватили княгиню подъ руки, и повели въ гостинную, гдѣ, усадивши ее на диванъ, сами сѣли по сторонамъ и, наперерывъ заботясь объ ней, подносили ей — то спиртъ къ носу, то засмазгивали ей въ глаза, чтобъ прочесть въ нихъ ея волю.

По немногу ушли всѣ изъ залы: одни совсѣмъ уѣхали, другіе усѣлись во кругъ стѣнъ въ гостинной, и въ молчаніи смотрѣли на княгиню, которая какъ казалось не замѣчала того, что вокругъ нее дѣлалось.

— Вотъ какъ суждено было намъ встрѣтиться съ вами, сказала Лидія Краховскому, который провожалъ ихъ до кареты.

— Да, я очень виноватъ передъ вами, отвѣтилъ онъ, обращаясь болѣе къ теткѣ, нежели къ племянницѣ.

— Да, батюшка, странно вы поступаете, забыли нашу хлѣбъ-соль, говорила Анна Егоровна:—нынѣ молодежь не то, что въ старину.... А какъ жаль князя! торопилась она перемѣнить разговоръ — въ нѣсколько часовъ отъ холеры... страшная болѣзнь, не даромъ я такъ ее боюсь.

— Къ намъ милости просимъ, не удержалась она прибавить, когда дверца захлопнулась, и Краховскій нѣсколько отошелъ.

— Завтра, если позволите, кричалъ онъ имъ вслѣдъ.

На другой день схоронили князя. Долго шла княгиня за гробомъ, опираясь на руку Краховскаго, котораго просила она не оставлять ее въ эти трудныя минуты; въ каретѣ на возвратномъ пути, пригласила она его сѣсть рядомъ съ собой; прощаясь, она такъ протянула ему руку, что онъ не могъ не поцѣловать ее.

— Я всегда считала васъ лучшимъ другомъ нашего дома, надѣюсь вы не забудете меня и теперь въ горѣ. Пришлось еще разъ поцѣловать ея ручку, что Краховскій и слѣлалъ.

Вечеромъ того же дня, отправился онъ на васильевскій островъ. Лидія встрѣтила его такъ просто, такъ искренно была ему раду, такъ скоро простила ему то, чѣмъ такъ сильно огорчалась нѣсколько дней тому назадъ; говоря правду и всѣ были ему рады, у старухи даже щеки разгорѣлись отъ удовольствія.

— Вотъ вѣдь ты какой негодный, говорила она, а мы все-таки тебя любимъ; признавайся, Сергѣй Львовичъ, отчего ты столько времени глазъ не показывалъ?

— Да, руку на сердце, признайтесь-ка, Краховскій, прибавила Лидія:—отчего вы не хотѣли раньше вспомнить насъ?

— А, почтеннѣйшій, гдѣ вы это пропадали? говорилъ Федоръ Андреевичъ, приподнимаясь съ дивана, и протягивая ему руку.

Все это высказали Забѣльскіе такъ весело, такъ дружески, что и его расположили къ откровенности.

— Виноватъ, очень виноватъ передъ вами, только не въ

томъ, что будто бы забылъ васъ, а въ томъ, что давно воротился изъ Москвы, и до-сихъ-поръ не показался вамъ.

— Не забылъ, а не былъ. Извини, батюшка, я этого ужъ по старости не понимаю.

— Поди-ка, Лидочка, вели приготовить чайный столъ въ гостинной, и напои насъ чаемъ.

Краховскому казалось, что онъ самъ принадлежитъ къ этой семьѣ, такъ всѣ жили за одно въ этотъ вечеръ. Не разъ упрекалъ онъ себя тайкомъ, что отодвигалъ отъ себя счастье, и умничалъ тамъ, гдѣ надобно пить наслаждение изъ полной чаши, давно приготовленной для него руками Лиди.

Развѣ эта дѣвушка похожа на другихъ, что я казнию ее тѣмъ недовѣриемъ, съ которымъ смотрю на всякую другую; развѣ другая дѣйствовала бы такъ просто, такъ открыто?

И въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ только поръ пряталась въ ней любовь, пока она сама не знала, что любить; съ той минуты какъ она призналась себѣ въ этомъ, она стала высоко въ своихъ глазахъ, и могла это громко сказать цѣлому міру; теперь менѣе чѣмъ когда-нибудь боялась она людей и приговора свѣта. Она любить, она счастлива! Въ этомъ чувствѣ столько силы, что все остальное блѣднѣетъ передъ нимъ. Удивительно ли послѣ этого, что Лидія такъ свободно выражала Краховскому удовольствіе видѣть его.

Послѣ чаю, молодые люди ушли въ залу походить, старикъ остался въ гостинной на диванѣ.

— Какъ провели вы время въ Москвѣ? спросила Лидія своего кавалера.

— Въ борьбѣ съ собою, отвѣчалъ онъ.

— Я этого не понимаю, не понимаю, чтобъ можно было употребить на это такъ много времени, сказала Лидія съ жаромъ. — Миѣ кажется довольно одного такого дня для того, чтобъ рѣшить кто выше, или сильнѣе — человѣкъ или обстоятельства?

— Да, это возможно, когда сердце за-одно съ разсудкомъ.

— Неужели они у васъ въ разладѣ?

— Человѣкъ, который любить, не можетъ быть въ ладу

съ разсудкомъ, потому что онъ часто самъ не знаетъ, чего хочетъ.

— Неужели можно любить, и не знать чего хочешь? Я знаю, чего я хочу: я хочу идти рядомъ съ человѣкомъ, котораго люблю; хочу возвыситься, дорости до него, чтобъ онъ могъ иногда опереться на меня такъ, какъ и мнѣ нужна будетъ его опора. Хочу создать ему счастье, — счастье каждый день новое, которое такъ легко будетъ разнообразить, когда въ душѣ много поэзін, и когда цѣль тотъ идеалъ, который бережешь и хранишь отъ людей, на днѣ сердца, какъ великую драгоценность.

— И какое счастье должно быть для мужчины, перебила ее Краховскій, вывести такую думу на просторъ и осуществить съ ней вмѣстѣ тотъ идеалъ жизни, который у обоихъ лежалъ на сердцѣ камнемъ и мѣшалъ имъ создавать себѣ мелкія радости, съ которыми тѣмъ труднѣе было мириться, что сердце понимало другое наслажденіе, другую радость: взаимную любовь, согласіе душъ и сердець и вѣчную связь между ними.

Они сѣли. Лидія была сильно взволнована, въ Краховскомъ все кипѣло, онъ продолжалъ:

— Въ первый день нашего знакомства и до-сихъ-поръ вы поражали меня правдой, пускай же и теперь правда будетъ между нами. Я люблю васъ такъ, какъ не любилъ еще ни одну изъ женщинъ, я не только люблю васъ, но уповаю, вѣрую въ васъ, готовъ вамъ отдать все, даже свою свободу.

— Не говорите этого, — перебила его Лидія — свободы своей нельзя отдать никому, я не возьму ее отъ васъ и не отдамъ вамъ своей, такъ какъ не отдамъ своихъ убѣжденій, ни своей вѣры: это мой костыль, на него опираясь шла я до-сихъ-поръ и не выпущу его даже въ минуты счастья.

— Развѣ бракъ не есть лишеніе свободы? спросила ее Краховскій отрывисто.

— Бракъ по моему есть позволеніе дѣвушкамъ дѣлать вашу жизнь открыто; она любя и безъ вѣнца пошла бы за вами, но мужчины не поставили себя такъ высоко, чтобъ не стыдиться положенія, которое они создаютъ и себѣ и женщинамъ.

Женщина, если рѣшается на подобную жизнь, меньше краснѣетъ и можетъ быть больше наслаждается, у ней нѣтъ мысли о перемѣнѣ, она считаетъ вѣчнымъ то, что мужчина выбираетъ на время. Вотъ отчего бракъ такъ страшенъ мужчинамъ.

— Вы поняли меня, Лидія Николаевна, вы отвѣтили на всѣ мои сомнѣнiя; рѣшитесь же теперь довѣрить мнѣ самую жизнь вашу.

— Возьмите ее, сказала Лидія, со слезами на глазахъ и употребите ее на пользу себѣ и ближнимъ; только не забывайте во мнѣ женщину, принимая это слово въ широкомъ его значенiи. Я такъ люблю свое назначенiе, женскiя обязанности такъ хороши, что я никогда бы не утѣшилась елибъ мнѣ пришлось сложить съ себя свое достоинство и быть въ глазахъ мужа только женой, какъ это бываетъ въ русскихъ бракахъ, когда женщина переходитъ въ руки мужа, какъ его собственность, когда она становится вещью. Такое замужество считаю я крѣпостнымъ состоянiемъ: русская женщина безъ боязни его принимаетъ и считаетъ его своей нормой, невозмущаясь становится она рабой, а мужъ ея повѣлителемъ. Но такова ли должна быть участь развитыхъ людей? — конечно нѣтъ! И вотъ моя рука — она горяча, горячо и мое сердце.

Краховскiй взялъ обѣ ея руки и поцѣловалъ ихъ съ какимъ-то благоговѣнiемъ. Оба они плакали, только не отъ горя.

— Мнѣ бы хотѣлось нѣкоторое время побережь нашу тайну отъ людей — сказала Лидія съ чувствомъ.

— Лидія, вы слишкомъ совершенны — это пугаетъ меня; укажите мнѣ на вашу слабую сторону.

— Я ее и не скрываю: чрезмѣрность во всемъ, даже и въ любви.

— Тѣмъ для меня лучше.

Съ этими словами вошли они въ гостинную, лица ихъ приняли выраженiе той шутки, которую придумали они, чтобъ скрыть отъ свидѣтелей тайну, которая была теперь между ними.

Краховскій подсѣлъ къ Аннѣ Егоровнѣ, пристально смотрѣлъ въ ея карты и такъ усердно хлопоталъ о пиковомъ тузѣ, доказывая что безъ него пасьянсъ не выйдетъ, что Анна Егоровна готова была ему душу отдать.

— Знать не бывать тому, что я задумала.

— А что вы задумали, Анна Егоровна?

— Много будешь знать, скоро состарѣешься; а вотъ достань-ка лучше пиковаго туза.

Въ эту минуту Федоръ Андреевичъ такъ громко всхрипнулъ, что невольно всѣ на него оглянулись; Краховскій посмотрѣлъ на часы.

— Двѣнадцать, сказалъ онъ. Какъ я засидѣлся! Надѣюсь, что добрая Анна Егоровна проститъ мнѣ за это — старые грѣхи.

— Богъ съ тобой, батюшка, будь впередъ умнѣе.

— Аминь, проговорилъ Краховскій и вышелъ, почти тельно раскланиваясь.

Блаженъ, кто вѣруеть, тепло ему на свѣтѣ, думалъ Краховскій, возвращаясь домой. И какъ не увѣрывать, когда принимаешь истину изъ устъ самого ангела, когда этотъ ангелъ самъ знакомитъ васъ со всѣми чарами жизни; и какъ сама жизнь хороша и легка, когда вѣрится!

Но когда же бываетъ нехорошо тому, кто любитъ и кто любимъ? И какъ въ подобныя минуты человекъ добръ, какъ снисходителецъ и какъ довѣрчивъ.

Надобно навѣстить бѣдную княгиню, говоритъ себѣ Краховскій, она совершенно убита своей потерей.

За недѣлю до сегодняшняго вечера, онъ бы сказалъ иначе; вотъ истинная кокетка, рѣшилъ бы онъ, даже у гроба мужа не забываетъ своихъ маневровъ.

Съ серьезнымъ лицомъ вошелъ на другой день Краховскій къ княгинѣ, которая принимала посѣтителей въ кабинетѣ мужа. Здѣсь она обманывала себя; ей все казалось, что, вотъ, онъ сейчасъ войдетъ; это повторяла она каждому, кто къ ней прїѣзжалъ.

Съ искреннимъ участіемъ подошелъ къ ней Краховскій, взялъ ея руку и, не выпуская ее изъ своей, пристально смотрѣлъ ей въ глаза; съ большой заботливостью распра-

шивалъ онъ ее объ здоровьи, о томъ, какъ провела она ночь и не поѣдетъ-ли сегодня прокатиться, чтобъ подкрѣпить себя воздухомъ.

— За чѣмъ такъ хлопотать объ себѣ, сказала Ольга, приваливаясь къ стѣнкѣ кресла: — я довольно жила; къ тому-же, что за жизнь безъ мужа. И она глубоко вздохнула.

— Вы еще такъ молоды, такъ хороши, что вамъ грѣхъ ссориться съ жизнью. Хоть вашъ мужъ былъ прекрасный человѣкъ, но онъ былъ старъ для васъ; онъ не могъ васъ понимать своей отжившей душою.

— Да; но онъ любилъ меня.

— Развѣ любить васъ такъ трудно, что вы ставите ему это въ заслугу; позвольте только, такъ у ногъ вашихъ явится много искателей счастья, а вамъ останется только выбрать одного изъ всѣхъ.

Глаза Ольги загорѣлись, траурное выраженіе лица пропало, надежда зашевелилась въ душѣ: любовь Краховскаго ей-бы очень польстила, а теперь истолковала она все въ свою пользу. Такъ ошибаемся мы часто, когда сходимся въ свѣтѣ: нота ужъ давно взята, а струна дрожитъ еще, но не отъ нашего прикосновенія, а отъ другой, неизвѣстной намъ руки.

— Да, мнѣ очень тяжело; я чувствую, что я теперь одна. Но вы не поймете меня, Краховскій, вы никогда не чувствовали необходимости, чтобъ кто-нибудь подумалъ объ васъ, кто-нибудь одинъ....

Краховскій былъ такъ настроенъ на любовь, что онъ любилъ даже и Ольгу въ эту минуту, любилъ ее за то, что и она женщина, а въ лицѣ Лидіи полюбилъ онъ всѣхъ.

— Жалкій бы я былъ мужчина, еслибъ не счумѣлъ до-вольствоваться собой; да и кто взялъ бы на себя трудъ думать за меня и обо мнѣ. Вы же, княгиня, несправедливы къ своей долѣ, кругомъ все васъ обожаютъ: оставя въ сторонѣ преклоненіе мужскихъ головъ передъ вами, вы пользуетесь дружбой многихъ достойныхъ женщинъ, и сколько я могъ судить по наружности, Забѣльскіе принимаютъ въ васъ живое участіе.

— Забѣльскіе! живо перебила его Ольга, и на лицѣ ея выступила краска: — я не хотѣла-бы съ ними и встрѣчаться, не только искать въ нихъ утѣшеніе, продолжала она. — Въ послѣдніе два мѣсяца эти люди вполне выразились: старуха нестерпимо-глупа и груба и такъ хлопочетъ выдать за-мужь свою племянницу, что готова и на другихъ навалить эту заботу. Надобно было ее видѣть, когда вы уѣхали въ Москву; какъ бѣшено, какъ неистово жаловалась она всѣмъ и каждому на вашъ, по ея понятіямъ, неблагородный поступокъ: вскружилъ голову дѣвушкѣ, обнадежилъ ее и уѣхалъ, негодяй этакой, вѣтряный мальчишка. А Лидія Николаевна — это пустая резонерка, вѣчно на ходуляхъ; изъ книгъ набралась она той мудрости, которою щеголяетъ, мужчины же такъ легковѣрны. Женщина женщину видитъ издалека, и тамъ, гдѣ мужчина предполагаетъ глубину чувства, она видитъ одну сухость сердца, одно желаніе выйти изъ своего положенія и занять какое-нибудь выгодное мѣсто въ свѣтѣ. Это и доказала Лидія Николаевна въ вашемъ отсутствіи; стрѣлы ея были направлены на Мельхова, но онъ скоро понялъ, что обратилъ на себя вниманіе *faute de mieux*, и совершенно вымечился отъ своей страсти.

— Простите меня, княгиня, за дерзость выраженія; но вы жестоко клеветаете, сказалъ Краховскій, вскочивъ со стула. — Не беру на себя роль защитника Лидіи Николаевны, она не имѣетъ въ этомъ нужды: она стоитъ такъ высоко, что никакое жало....

Сильный шумъ, хохоть и топотъ бѣгущихъ дѣтей помѣшалъ Краховскому докончить. Жоржъ первый вбѣжалъ въ комнату съ пылающими щеками, съ визгомъ и смѣхомъ вскочилъ на диванъ и спрятался у матери за спиною; съ такимъ же крикомъ бѣжала за нимъ маленькая Вѣра и бросилась подъ первый попавшійся стулъ, закрывши лицо руками; за ними показалась Ольга, въ роли волка. У-у-у, слышалась прокричать малютка, желая придать своему голосу страшное выраженіе, но вмѣсто того что-то пресмѣшное выходило изъ ея личика, которое выставляла она впередъ, въ видѣ мордочки. Но, Боже, какая злоба выразилась на

лицѣ матери, какъ жестоко вытолкнула она маленькаго Жоржа изъ его засады!

— Негодный мальчишка, проговорила она. — Какое наказаніе эти дѣти! и кто позволилъ вамъ прійти на верхъ.

Въ одну минуту исчезъ дѣтскій смѣхъ; повѣся головки, стояли они теперь, ожидая своего приговора.

— Аннушка, Аннушка! продолжала кричать княгиня.

Показалась и Аннушка въ дверяхъ. Ее представили къ дѣтямъ со вчерашняго дня; гувернантка отказалась въ самый день смерти Александра Павловича; она поняла, что ее теперь могло ожидать и дня не хотѣла провести въ прямой зависимости отъ княгини.

— Какъ ты худо за ними смотришь, Анна.

— Да они меня, сударыня, не слушаютъ; говорятъ: ты не гувернантка; внизу шалать еще больше, прыгаютъ по столамъ, по стульямъ; такія проказы придумываютъ, что иной разъ глядя на нихъ, не вытерпишь да и расхохочешся.

— Только бы я этого ничего не видала. Уведи ихъ внизъ и привяжи къ стульямъ, если они не будутъ слушаться.

Какъ гадка было теперь княгиня въ глазахъ Краховскаго, онъ готовъ былъ смѣшать ее съ грязью, готовъ былъ раздавить ее, какъ какого-нибудь гада, котораго безъ отвращенія нельзя почувствовать и подъ ногой. Ольга, проигравши сраженіе противъ Краховскаго, была вѣрна себѣ въ сценѣ, которой онъ былъ нѣмымъ свидѣтелемъ; она очень хорошо поняла, что своей собственной рукой сорвала съ себя маску и сама легла на мѣстѣ, которое готовила для своей жертвы.

Все кончено, думала Ольга, не воротить мнѣ его. Теперь, когда ясно представилась ей невозможность приковать его къ своей колесницѣ, онъ потерялъ весь интересъ въ ея глазахъ; за часъ до этого ей еще казалось, что она любитъ и отличаетъ его отъ другихъ: теперь онъ былъ простымъ человѣкомъ въ ея глазахъ, не только не доставлялъ ей удовольствія своимъ присутствіемъ, но тяготилъ ее.

— *Le dernier mot est dit entre nous*, проговорила Ольга. Краховскій взялся за шляпу; но кто-то показался въ дверяхъ и помѣшалъ хозяйкѣ выпроводить непріятнаго гостя.

— А, Петръ, это ты; что тебѣ надо? сказала она, своему управляющему, крѣпостному человѣку, который былъ почестиѣе другихъ и притомъ грамотный, оттого и поручилъ ему князь управление домою на Литейной.

— Я пришелъ доложить вашему сіятельству, что жилецъ изъ флигеля собирается завтра съѣхать, не заплативши по контракту. Я ходилъ въ полицію, да тамъ на меня и смотрѣть не хотятъ, надо бы чтобъ ваше сіятельство потрудились....

— Теперь не время и не мѣсто, сказала княгиня.

— Прикажете, такъ я велю завтра ворота запереть, чтобъ помѣшать ему съѣхать.

— Ахъ, Боже мой, по чемъ я знаю, что тамъ за жилецъ и по какому контракту онъ не заплатилъ. Дѣлай, что хочешь, и оставь меня въ покоѣ.

— Прощайте, княгиня, рѣшился наконецъ сказать Краховскій. — Я теперь кажется лишній — и съ этимъ онъ вышла торопливо изъ комнаты.

— Еще осмѣлюсь доложить вамъ, что квартиры въ верхнемъ этажѣ требуется отдѣлать за-ново; никто не хочетъ въѣзжать, всѣ говорятъ, что грязно. Я было принаивалъ маляровъ, и шпалеры смотрѣлъ, да денегъ требуется; покойный князь обѣщали дать на это тысячу рублей, такъ вотъ за этимъ-то я больше и пришелъ, не будетъ ли ваша милость?

— Ты съ ума сошелъ, Петръ, говорила княгиня, не скрывая ужъ нѣсколько ни гнѣва, ни досады. Гдѣ я возьму денегъ на твои пустяки и что мнѣ за дѣло до твоихъ квартиръ.

— А доходъ-то съ чего собирать будемъ, а жить-то чѣмъ будемъ, а малые сироты, что ѣсть-то будутъ?

— Это ужасно, это не стерпимо, всякій мужикъ смѣетъ теперь со мною разговаривать какъ съ равной, говорила Ольга. Не смѣй больше показываться на глаза, не смѣй, говорю я тебѣ, беспокоить меня такимъ вздоромъ; ступай и помни, что ты крѣпостной и что на тебя есть расправа.

— Богъ съ вами, пойду — мнѣ что, коли вамъ ничего.

Жаль только сиротъ сердечныхъ. И грусто, повѣся голову, ушелъ онъ.

Теперь только, когда Ольга очутилась лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, поняла она, что положеніе ея менѣе интересно, чѣмъ несчастно. При жизни мужа не засыпала она никогда, не придумавши для завтрашняго дня новой радости, новаго удовольствія; всѣ затѣи ея осуществляли, всѣ прихоти ея, хотъ имъ не было ни мѣры, ни конца, приводились въ исполненіе какой-то волшебной рукой. Ей не говорили объ деньгахъ, она знала, что онѣ есть, но не понимала, что ихъ можетъ и не быть. Она не принимала участія въ дѣлахъ мужа, да онъ признаться и самъ былъ тѣхъ понятій, что это дѣло не женское; къ тому же когда ей было и заняться этимъ: утромъ визиты, вечеромъ балъ; довольно того, что она знала что у нихъ есть домъ на Литейной, маленькая деревня въ Курской губерніи, да еще не-большой капиталъ, а сколько именно — ей было неизвѣстно.

Послѣ смерти мужа нашла она въ письменномъ его столѣ совсѣмъ засвидѣтельствованное духовное завѣщаніе, написанное годъ тому назадъ; прочитавъ его она не поинтересовалась: все оставлялъ князь дѣтямъ, а ее назначалъ опекуншей, она этого еще не знала. У ней было въ рукахъ четыре тысячи, которыя нашла она въ другомъ ящикѣ стола въ день смерти, и считала себя обезпеченною на всю жизнь. Теперь, когда управляющій явился съ требованіемъ денегъ на поддержку дома, рѣшилась она заглянуть въ портфель и съ ужасомъ увидѣла, что въ нѣсколько дней потеряла она больше половины: полторы тысячи стояли похороны, куда же дѣвались остальные?

Тутъ узнала она цѣну деньгамъ и пришла въ отчаяніе отъ мысли о своемъ будущемъ.

Краховскій воротился отъ княгини сильно разстроенный, разговоръ съ нею напомнилъ ему, что онъ не только не прочелъ записки, полученной отъ Мельхова въ одно время съ приглашеніемъ на похороны и на свадьбу, но даже забылъ объ ней до того, что не зналъ теперь, гдѣ и искать ее.

Давно не сидѣлъ я на своемъ фатеръ-штулѣ, сказалъ онъ

себѣ и, надѣвши длинный спокойный сертукъ, помѣстился въ креслахъ, вытягивая ноги еле возможно.

Какъ хорошо дома, думалъ онъ, приходя мало-по-малу въ себя и мѣняя безперестанно покойныя позы; для полнаго наслажденія закурилъ онъ сигару. Глазъ его бѣгалъ по всѣмъ предметамъ, отыскивая записку Мельхова. А, вотъ и она! На письменномъ столѣ изъ подъ чернильницы выглядываетъ ея кончикъ. Онъ позвонилъ, вошелъ лакей.

— Подай-ка ты мнѣ, братецъ, вонъ ту записку, что попала подъ чернилицу.— Да не то, братецъ. Изъ подъ чернилицы, говорятъ тебѣ, а ты берешься за шандаль; опять не то. Экой ты олухъ, ступай, я самъ достану. И онъ потянулся за запиской.

Давно бы такъ, скажете вы; да за чѣмъ же ему вставать съ кресла, когда этого не хочется и когда есть люди, нарочно созданные для того, чтобъ дѣлать не то, чего имъ хочется: вотъ когда такихъ людей не будетъ, когда нельзя будетъ ихъ достать ни за какія деньги, тогда другое дѣло — Краховскій будетъ самъ все дѣлать и не станетъ на это роптать.

«Благодарю васъ, Краховскій,— писалъ Мельховъ,— за то что вы не наказали меня за неумѣстную горячность и дали мнѣ время подумать. Теперь я не тотъ, что было два мѣсяца тому назадъ, но для дружбы я все тотъ же. При всемъ моемъ желаніи тотчасъ отвѣчать на вашу записку, я не могъ этого сдѣлать: васъ не было въ Петербургѣ. Едва узналъ я о вашемъ возвращеніи, какъ тороплюсь увѣрить васъ въ моемъ уваженіи и въ дружбѣ, которую очень радъ сохранить. Весь вашъ. А. Мельховъ.»

Княгиня права, онъ въ самомъ дѣдѣ простылъ; но не права она въ остальномъ, думалъ Краховскій, дочитавши записку. Отчего же мнѣ такъ тяжело, отчего слова ея такъ врѣзались въ мою память и отчего не могу снять съ себя этого впечатлѣнія. Вотъ она, твердость мужская! одного убѣжденія не стаетъ на сутки! Вечеромъ думалъ такъ, а утромъ ужъ иначе. Увижу Лидію, все забуду. Непадо мѣшкать, сейчасъ же ѣду.

— Эй, человекъ! Скорѣй, одѣваться.

Черезъ четверть часа на крыльяхъ любви неся онъ на василевскій островъ. Лидія, увидавши его изъ окна, выбѣжала къ нему на встрѣчу въ залу и, протягивая ему руку, сказала:

— Какъ я ждала васъ, какъ я рада вамъ. Теперь и у меня есть что-то родное, мать моя какъ будто ожила, нѣтъ ужъ того сиротства въ душѣ.

— Отрадны ваши слова, Лидія, и еслибъ вы знали, какъ они мнѣ нужны сегодня.

— Отчего сегодня?

— Оттого, что я сегодня много думалъ объ себѣ, и очень недоволенъ собою.

Они вошли въ гостинную и заняли обыкновенныя свои мѣста: Лидія у окна возлѣ рабочаго столика, онъ рядомъ.

— А я вамъ довольна, вы пріѣхали раньше чѣмъ я васъ ожидала. Достоинства ваши я знаю, а объ недостаткахъ не хлопочу.

— Отчего же я такъ боюсь встрѣтиться съ вашими недостатками: вы такъ совершенны въ моихъ глазахъ, что я не знаю, какъ бы я простилъ вамъ малѣйшую погрѣшность.

— Вы пугаете меня. За чѣмъ ставить меня безъ моего согласія на какія-то подмости, на которыхъ мнѣ трудно будетъ удержаться. Представьте себѣ мое положеніе, когда все это обрушится и когда я на обломкахъ своего величія разобьюсь на части въ вашихъ глазахъ.

Чѣмъ выше ставите вы меня, тѣмъ опаснѣе будетъ мое паденіе потомъ.

— Что мы за дѣти, сказалъ Краховскій:—зачѣмъ намъ говорить о томъ, чего никогда не будетъ; развѣ мы теперь не счастливы?

Онъ взялъ ея руку, но не поцѣловалъ, какъ бы сдѣлалъ еслибъ былъ женихомъ другой дѣвушки, которая бы дѣйствовала на него своею красотой, не занимая ни головы его, ни сердца. Все легче и легче становилось у него на душѣ: утреннее впечатлѣніе на время забылось.

Тихая, теплая бесѣда продержала бы ихъ долго на одномъ мѣстѣ, еслибъ Лидія не вспомнила своихъ стариковъ.

— Тетинька сегодня не так здорова и не выходитъ изъ своей комнаты; я пойду сказать ей, что вы здѣсь.

Краховскій чувствовалъ себя виноватымъ передъ Лидіей, онъ хотѣлъ сказать ей еще разъ, что отдастъ ей себя, хотѣлъ связать себя съ ней новымъ словомъ.

— Пойдемте вмѣстѣ къ тетинькѣ, попросите ее благословить насъ. Я такъ горжусь тѣмъ, что принадлежу вамъ, что хотѣлъ бы сказать это цѣлому міру; счастье это такъ велико, что можетъ быть для того, чтобъ я ему больше вѣрилъ, мнѣ нужно, чтобъ и другіе мнѣ объ немъ говорили.

На самомъ же дѣлѣ Краховскій боялся, чтобъ новое сомнѣніе не набѣжало ему на душу, чтобъ не нашелся еще какой-нибудь охотникъ до чужаго счастья.

Лидія пошла предупредить тетку объ желаніи Краховскаго войти къ ней.

— Сергѣй Львовичъ проситъ позволенія видѣть васъ, тетенька.

— На что это я ему понадобилась? Пожалуй, коли такая охота, пусть войдетъ.

Краховскій вошелъ, поцѣловалъ почтительно ея руку и, безъ предисловія, безъ лишнѣхъ словъ, просилъ ея согласія на соединеніе съ Лидіей. Хоть Анна Егоровна и готова была на это, но не вдругъ оправилась отъ давно желаннаго удара, радость ея была такъ велика, что трудно было ее скрыть.

— По мнѣ, Богъ съ вами, живите счастливо, говорила она прерывающимся отъ волненія голосомъ:—да вотъ надобно узнать, что думаетъ объ этомъ Федоръ Андреевичъ.

Радость Анны Егоровны не поправилась Краховскому; онъ вспомнилъ слова княгини; ему досадно было что такъ скоро согласились. Хоть бы Федоръ Андреевичъ поупрямился, думалъ онъ. Ему хотѣлось завоевать свое счастье, а теперь оно само падало ему въ руки и теряло цѣну въ его глазахъ. А все княгиня, таковъ ядъ женскаго слова.

Анна Егоровна забыла и головную боль, хлопотала, суетилась, надѣла даже чепчикъ для такого торжества; нѣжность не была въ ея характерѣ, а то бы она давно подошла къ Краховскому и обвѣяла его и Лидію, на долю которой

въ первый разъ выпала бы ласка, но за то и въ первый разъ удалось ей угодить теткѣ.

Когда они всё вернулись въ гостинную, то нашли Федора Андреевича спящимъ на диванѣ.

— Полно спать, Федоръ Андреевичъ; встаньте благословить Лидію: Сергѣй Львовичъ просить ея руки.

— А, что?

— Сергѣй Львовичъ просить руки Лидіи.

— Очень, очень радъ, проговорилъ онъ сквозь сонъ: — онъ кажется хорошій человекъ, и, повернувшись на другой бокъ, продолжалъ спать.

— Да очнитесь совсѣмъ, говорила жена, толкая его въ бокъ: — что про васъ люди скажутъ; надобно благословить племянницу, а вы спите какъ передъ бѣдой какой, какъ спали передъ собственной своей свадьбой.

— Очень, очень радъ, продолжалъ Федоръ Андреевичъ, поднимаясь съ дивана и протягивая руку: — благодарю за честь, любезнѣйшій; славную дѣвочку выбрали себѣ. Кто-то будетъ теперь читать мнѣ газету; придется Анну Егоровну засодить.

И расхохотался старикъ своимъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Что ты, что ты, батюшка, стану я на старости такія глупости дѣлать.

Принесли образъ, благословили.

Теперь кончено, думалъ Краховскій, нельзя назадъ; — и онъ сдѣлался покойнѣе, онъ какъ будто оправдался въ собственныхъ глазахъ.

Кончено, кончено, повторялъ онъ, нельзя назадъ. Проклятое сегодняшнее утро.

Всѣ усѣлись кругомъ стола въ гостинной, всѣ были веселы, кромѣ Краховскаго, но не кому было читать въ его душѣ: Лидія была погружена въ мечты о будущемъ, она простила жизни всѣ ея обиды, всѣ утраты; она начинала новую жизнь, которая отрѣзывала ее отъ всего прошлаго.

Федоръ Андреевичъ рѣшился больше не спать и, сидя на диванѣ, смѣшалъ всѣхъ разсказами о волокитствѣ своемъ за Анной Егоровной и о томъ, какъ онъ чуть не проспалъ часъ самой свадьбы.

— Ну объ этихъ вещахъ разсказывать-то не слѣдовало бы, сказала Анна Егоровна:—а коли ужъшло на правду, дѣло прошлое, а я тебя батюшка Сергѣй Львовичъ очень бранила за то, что ты уѣзжалъ въ Москву; право совсѣмъ было не кстатя, тогда бы все кончили и теперь бы ужъ катался по Невскому съ женой. Ну, да это дѣло прошлое, а поѣдемъ-ка завтра въ собраніе на балъ.

Лицо Краховскаго судорожно искажилось; къ счастью Лидіи въ это время не было въ комнатѣ, она ушла за рисункомъ, который кончила утромъ и собиралась отдать на судъ жениха. До сихъ поръ всѣ слова княгини оправдывались, неужели была она права и въ остальномъ? задавалъ себѣ по тихоньку вопросъ Краховскій и не слышалъ того, что говорилось дальше.

— Вотъ ужъ настоящій женихъ, говорила Анна Егоровна, не слышитъ, что ему говорятъ — поѣдьте-ка завтра на балъ въ дворянское собраніе.

— Виноватъ, тетинька, что не тотчасъ отвѣтилъ; Лидія Николаевна ушла, а за ней и я. На балъ завтра я готовъ, я вѣдь теперъ въ полномъ вашемъ распоряженіи.

И онъ снхлся улыбнуться и придать своему разговору легкой тонъ.

Вошла Лидія съ рисункамъ въ рукахъ.

— Слышала, Лидія, сказала ей тетка, мы ѣдемъ завтра на балъ въ дворянское собраніе, тамъ встрѣтимъ многихъ знакомыхъ и объявимъ васъ женихомъ и невѣстой; потомъ поужинаемъ, выпьемъ шампанскаго, а дня черезъ два или три повеземъ Сергѣя Львовича ко всѣмъ нашимъ хорошимъ знакомымъ.

— Вѣдь вы съ нами ѣдете—сказала Лидія Краховскому.

— Какъ же это можетъ быть иначе? позвольте только взглянуть на вашъ рисунокъ и до завтра; я буду ожидать васъ въ собраніи.

— Теперъ я не позволяю развертывать рисунокъ, увезите его домой, онъ вашъ и—когда будете одни—посмотрите на него.

На этотъ разъ Краховскому въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось весело; онъ предчувствовалъ, что этотъ свертокъ, вышедшій

изъ рукъ Лидіи, вымечить его отъ всѣхъ сомнѣній и будетъ служить противоядіемъ отравѣ сегоднешняго утра. Нѣжно поцѣловалъ онъ ея руку, почтительно простился съ новой родней, и нетерпѣливо направился къ дому.

Какъ велико было его удивленіе, когда онъ раскрылъ свертокъ и поднесъ его къ свѣчкѣ, чтобы рассмотреть: картина представляла гостинную Забѣльскихъ, на столикѣ, за которымъ Лидія обыкновенно работала, горѣла лампа съ абажуромъ; Краховскій сидѣлъ на креслахъ, передъ нимъ лежала раскрытая книга, — онъ читалъ; Лидія сидѣла возлѣ, работа лежала на ея колѣнахъ, но она забыла работать, она вся превратилась въ слухъ; облокотясь на руку, не сводила она глазъ съ Краховскаго, и сколько любви, сколько отрады было въ этихъ глазахъ.

И эта дѣвушка не умѣетъ любить! это страшная клевета, а я ей такъ легко повѣрилъ!

Долго сидѣлъ Краховскій не выпуская картины изъ рукъ. Боже, какое сходство, какая кисть, я и не подозрѣвалъ такого таланта; сколько совершенствъ — и все это достается мнѣ, чѣмъ же я лучше другихъ? И счастье его выросло теперь въ его глазахъ; еслибъ онъ теперь встрѣтилъ Лидію, какъ бы онъ благодарилъ ее; онъ бы испугалъ ее своею страстію, избыткомъ своей силы; такъ онъ никогда еще не любилъ.

Всю ночь не спалъ онъ; чѣмъ болѣе всматривался онъ въ картину, тѣмъ сильнѣе терзало его раскаяніе, онъ плакалъ надъ ней какъ ребенокъ; онъ то свертывалъ, то развертывалъ ее; глаза Лидіи продолжали такъ живо смотрѣть на него, что ему дѣлалось то холодно, то жарко и все не могъ онъ отдѣлаться отъ магнетическаго вліянія этихъ глазъ, которые безъ словъ говорили ему объ любви, и зажигали всю его кровь.

Голова его страшно болѣла; на дворѣ ужъ начинало свѣтать. Довольно, сказалъ онъ, и силой оторвался отъ чарующаго листка, свернулъ его опять въ трубку, и унесъ съ собою въ спальню. Совершенно больной легъ онъ въ постель. Незнаю, что будетъ со мной завтра, а теперь скверно; хотъ за докторомъ посылать.

Измученный ощущеніями дня, онъ заснулъ противъ ожиданія. Сонъ успокоилъ его, кровь перестала бушевать; картина была опять въ его рукахъ, подобно весеннему вѣтерку она теперь не раздражала, а сладко убаюкивала его; онъ часто закрывалъ глаза, и уносился за своими мечтами, которыми предавался теперь, какъ дѣвушка въ 16 лѣтъ.

По временамъ взглядывалъ онъ на часы, и считалъ время. Было два часа. Далеко еще до вечера, говорилъ онъ, потягиваясь передъ своимъ каминомъ. Досадно, что мы должны встрѣтиться сегодня въ публикѣ, такъ много бы хотѣлось сказать ей; я готовъ бы упасть къ ея ногамъ, и встать только тогда, когда она скажетъ, что я не совсѣмъ недостоинъ ея. А то на балѣ, какъ на выставкѣ, особенно съ такой тетушкой, какъ наша.

Въ десять часовъ вечера показалась Лидія на ступенькахъ, ведущихъ въ залъ собранія, тихо спускалась она по знакомой всѣмъ лесенкѣ, и искала глазами далеко въ толпѣ того, кто уже стоялъ около нее: легкое прикосновеніе къ ея рукѣ заставило ее оглянуться и найти его; крѣпко и радостно пожали они другъ другу руку.

— Вы тутъ, а я ищу васъ далеко; такъ бываетъ и съ счастьемъ,—оно у насъ подъ руками, а мы бѣжимъ за тысячу верстъ отыскивать его.

— Лидія, я полонъ огня и чувства въ эту минуту, я готовъ броситься къ вашимъ ногамъ, и благодарить васъ за тотъ избытокъ счастья, которымъ живу теперь.

— Лидія Николаевна, не откажите на первую кадрили—сказалъ гвардейскій полковникъ, старый знакомый Забѣльскихъ, и подалъ руку молодой дѣвушкѣ.

Лидія въ счастіи была неузнаваема; живая, веселая, блестяла она теперь въ залѣ. Но не по себѣ было Краховскому, досадно было ему: не на танцевальный ладъ и не на балный тонъ была настроена его душа. Онъ усадилъ будущую свою родню на первый, попавшійся бархатный диванчикъ, а самъ, прислонясь къ колонѣ, кипѣлъ злостью и досадою.

Лидія иногда возвращалась къ нимъ, но очень не на долго; новое приглашеніе на кадрили, на вальсъ или польку, уно-

сплы ея въ даль; вротанцовавши съ однимъ, съ другимъ, она не считала себя въ правѣ отказывать остальнымъ знакомымъ.

Сегодня Лидія не та, думалъ Краховскій, которую ношу я въ своемъ сердцѣ; сегодня она такая же свѣтская дѣвушка, какъ многія подобныя ей; даже выраженіе лица ея какое-то краденое, искусственное — а можетъ быть, оно-то и есть истинное. Сегодня она та Лидія, объ которой говорила мнѣ княгиня; стрѣлы ея, говоря словами Ольги Борисовны, летятъ въ разныя стороны; всѣхъ привлекаетъ своимъ блескомъ, своей живостью; всѣ курятъ ей онямъ, и въ чаду своего торжества, забыла она, что ужъ не принадлежитъ себѣ. Впрочемъ теперь, когда нѣтъ вопроса объ будущемъ, съ большимъ спокойствіемъ можетъ она порхать и блестятъ; вотъ онѣ женщины! и это еще лучшая изъ нихъ.

Страдалъ нашъ бѣдный Краховскій у своей колонны, только Анна Егоровна по временамъ обрывала нить горькихъ его размышленій, чтобъ представлять его, какъ жениха, то тому, то другому.

Вотъ глупая-то вещь женихъ, сказалъ самъ себѣ Краховскій, возвращаясь десятый разъ къ своей колоннѣ: парадный шутъ на показъ такимъ же шутамъ, только менѣ параднымъ.

Настала наконецъ пауза танцевъ, воротилась Лидія.

— Какъ давно я васъ не видала, сказала она Краховскому, сядясь возлѣ теткл и дѣлая ему знакъ рукою, чтобъ онъ помѣстился около нея. Какъ жаль, Serge, что вы не танцуете, какъ бы мнѣ весело было танцовать именно съ вами.

— Благодарю васъ, я не танцоръ; къ тому же и безъ меня много.

— Пожалуй вы и правы, сегодня я готова танцовать со всѣми, даже и одна готова вертѣться — такъ мнѣ весело; я такъ счастлива, что еслибъ пришла въ общество, гдѣ всѣ бы прыгали, скакали, бѣгали, я начала бы дѣлать тоже. *L'amour est un enfant, il fait du bruit* — прибавила она.

— Въ первый разъ мы съ вами не сходимся, Лидія Николаевна, — отвѣтилъ онъ грустно: — вы ищете шумнаго проявленія своему счастью, мое же слишкомъ серьезно и не

годится для бала; оттого-то можеть быть я и не нахожу себѣ компаньсу и вы извините меня, если я сей часъ же уѣду.

— Serge, вы обижаете меня; вамъ не нравится моя веселость, вы не увидите ее больше.

— Вамъ, какъ женщи́нѣ, это возможно, вы умѣете взять на себя тотъ видъ, который считаете необходимымъ, мушкетрѣ труднѣе сладить съ собою; мы изъ грубой коры и не обладаемъ той эластичностью, которою надѣленъ женскій умъ и можеть быть женское сердце. Прощайте, Лидія Николаевна.

— Нѣтъ, Serge, вы не уѣдите, я просто заплачу.

— Я и этому не удивлюсь, сегодня я на все готовъ.

— Боже мой, что съ вами? сказала Лидія испуганнымъ голосомъ: — а моя картина? — вы мнѣ еще не сказали за нее ни слова.

— Картина ваша! Если ей вѣрить, такъ можно съ ума сойти отъ восторга и счастья, которое такими живыми красками изобразили вы на бумагѣ.

— А вы не вѣрите ей? Стало быть не вѣрите и мнѣ?

— Сегодня нѣтъ; не знаю что скажу я завтра.

— Уѣзжайте же, Сергѣй Львовичъ; теперъ я васъ больше не удерживаю. Не отдамъ я моей жизни тому, кто отнял у меня сердце и потомъ бросилъ его съ насмѣшкой мнѣ же подъ ноги; картину возвратите мнѣ такъ, какъ я вамъ возвращаю ваше слово.

— Туръ польки, сказалъ подскочившій лейбъ гренадеръ.

Молча положила Лидія руку на его плечо, щеки ея пылали, грудь тяжело подымалась, слезы душили ее. Не сдѣлавши полнаго круга, она остановилась, поклонилась своему кавалеру, живо пошла впередъ, потомъ опять остановилась, не понимая куда ей идти и что дѣлать. Мушкетры и женщины слились для нее въ одно, она не могла отдѣлать ни одного лица и пошла по теченію, ноги ея подгибались, она чуть не падала, все было смутно и въ памяти и въ глазахъ: — одно понимала она, что она одна и что надобно найти тетку.

Въ толпѣ наткнулась она на Мельхова, онъ пораженъ былъ ея видомъ: нѣсколько разъ брала она себя за голову, чтобы припомнить гдѣ она и что съ ней; рукой сбила она всѣ волосы, розанъ приволастый съ боку косы, вырвался изъ

своего мѣста и держался больше на воздухѣ, чѣмъ на головѣ; ко всему этому присоединилась страшная блѣдность лица и глаза безъ всякаго смысла.

— Боже, что съ вами? сказалъ Мельховъ съ чувствомъ глубокаго участя:— вы сейчасъ упадете, облокотитесь на мою руку, я доведу васъ до мѣста.

На все это не получилъ онъ отвѣта и почти силой увлекъ ее за собой. Но никакъ не могъ онъ отыскать Забѣльскихъ: они были удивлены внезапнымъ отъѣздомъ Краховскаго; хотъ онъ сослался на головную боль и не совсѣмъ лгалъ, говоря это, но старикки не вполнѣ ему повѣрили и встали съ своего мѣста, чтобы не много подвигаться и разогнать сомнѣнiя.

— Господи, въ какомъ ты видѣ? вскрикнула Анна Егоровна, встрѣтивши племянницу съ Мельховымъ:— что все это значить? Вся прическа на боку.

— Довольно, перебилъ ее Мельховъ: — развѣ вы не видите, что она страшно больна. Пойдемте, я провожу васъ до кареты.

На подъѣздѣ Лидiя опустилась какъ мертвая на стулъ, который ей подали и даже закрыла глаза; Анна Егоровна терзалась тѣмъ, что всѣ это видятъ; Лидiя же едва ли сознавала, что толпа любопытныхъ ее окружила; впрочемъ, еслибъ она это и знала, такъ теперь было ей все равно.

На рукахъ внесли ее въ карету.

— Вотъ начали свадьбой, говорила Анна Егоровна, а свели на упокой. И чтобы все это значило, ужъ не ссора ли?

Федоръ Андреевичъ молчалъ, замолчала и Анна Егоровна; такъ доѣхали они до дому. Тутъ опять вынесли Лидiю на рукахъ изъ кареты и положили прямо въ постель. Послали за докторомъ; спать никто не ложился.

Лидiя не открывала глазъ и казалось не дышала, по временамъ движенiе бровей выражало физическое страданiе и было единственнымъ признакомъ жизни; Маша надрывалась отъ слезъ у ея изголовья; Федоръ Андреевичъ сидѣлъ на диванчикѣ и противъ обыкновенiя не спалъ.

Черезъ часъ прiѣхалъ докторъ; Анна Егоровна подвела

его къ постели больной; долго сидѣлъ онъ молча, иногда брагъ больную за руку и слушалъ пульсъ.

— Нехорошо, сказалъ онъ наконецъ: — у нее воспаление въ головѣ, раньше двухъ сутокъ трудно рѣшить вопросъ объ ея жизни, продолжалъ докторъ. — Голову надобно обрить и прикладывать ледъ къ темени, изъ руки открыть кровь, внутрь ничего нельзя дать, зубы такъ сжаты, что и капли въ ротъ не вольешь. Не скоро подастъ она признаки жизни; поторопитесь исполнить все, что предписано; утромъ часовъ въ десять я буду опять.

Анна Егоровна, уставшая отъ бала, сконфуженная неудачей, порядочно поворчала, но исполнила въ точности приказанія доктора; Маша же такъ рыдала и отчаявалась, что была плохая ей помощница. Пришлось послать за сестрой милосердія; докторъ потребовалъ этого, когда пріѣхавши утромъ, нашелъ больную одну, онъ понялъ, что нѣтъ горячаго сердца около нея.

На третьи сутки больная начала метаться, часто бралась за голову — это былъ несомнѣнный признакъ возвращенія къ жизни. На четвертый день она открыла глаза и прежде всего взялась за голову; нашла ее безъ волосъ и не выразила никакого удивленія.

Маша, которая была въ это время около нее, чуть не закричала отъ радости, когда открыла глаза ея барышня; сестра милосердія, предвидя ея пробужденіе, по ходу болѣзни, отошла въ сторону, чтобъ не испугать больной своимъ присутствіемъ.

— Обрѣй и ты себѣ голову, Маша, сказала Лидія такъ серьезно, что отняла у той всю охоту радоваться.

— Какой сегодня день? спросила она погодя немного.

— Вторникъ, отвѣчала Маша.

— Не можетъ быть, — и Лидія взялась за голову, долго не отнимала рукъ, стараясь что-то припомнить и вдругъ зарыдала; блѣдная, безжизненная рука ея упала на одѣяло.

Вошла тетка; хоть она и всегда любила племянницу, но, къ несчастью, любила ее по своему; въ теченіи же этихъ трехъ сутокъ научилась она цѣнить ее. — Безъ нее пропали

бы мы старики со скуки и тоски, рѣшила она и начала смотрѣть на нее иначе.

— Успокойся, Лидія, никто какъ Богъ, говорила старуха: — все перемелется — мука будетъ.

— Все кончено, все кончено, повторяла Лидія, отчаянно рыдая.

Хоть Аниѣ Егоровнѣ очень хотѣлось узнать какъ и почему кончено, но она боялась спрашивать, чтобъ не разстроить больную.

— Сейчасъ поѣду я ко Всѣмъ Скорбящимъ помолиться за тебя и отслужу молебенъ Царицѣ небесной.

Лидія не отвѣчала ни слова и опять закрыла глаза. Потихоньку вышла отъ нее Анна Егоровна, надѣла шляпу и салонъ, и поѣхала къ воскресенскому мосту въ коляскѣ, которая давно ждала ее у подъѣзда.

— Помолитесь, батюшка, о изцѣленіи болящей, сказала она священнику, войдя въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ, сама стала на колѣни передъ образомъ и усердно клала поклоны.

— На петербургскую сторону, закричала она кучеру, садясь опять въ коляску по окончаніи молебна. Кучеръ долженъ былъ самъ догадаться объ остальномъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ зналъ, куда ѣхать и гдѣ остановиться. Долго возилъ онъ свою барыню по грязнымъ улицамъ, подъѣхалъ наконецъ къ покосившемуся забору и остановился у калитки.

Барыня вышла изъ коляски и по грязному двору добралась до крыльца деревяннаго домика о трехъ окнахъ; ступени этого крыльца давно сгнили, ихъ замѣняла доска, которая однимъ концомъ упиралась въ порогъ, а другимъ въ землю; страшно было на нее ступить, такъ круто она лежала, но Анна Егоровна прошла по ней привычной ногой и также свободно пролезла въ щель низенькой полуразтворенной двери. Никто не вышелъ къ ней на встрѣчу.

Въ одномъ углу комнаты, въ которую она попала, стояла кровать съ грязной постелью, на ней сидѣла такая же грязная старуха съ большимъ чернымъ котомъ на колѣняхъ, остальные углы были пусты; кой гдѣ по стѣнамъ торчали стулья съ ободранными спинками и продавленными сидѣньями,

у одной стѣны стоялъ вмѣсто дивана большой окованный желѣзомъ сундукъ, на которомъ валялись разные тряпки, мельница и черный, какъ уголь, кофейникъ.

Прядьми висѣли волосы старухи изъ подъ бумажнаго платка и заслоняли ея глаза; передъ нею стоялъ столъ, покрытый грязной вѣтошкой, и на немъ прямо противъ носа старухи, суповая миска съ водою, возлѣ лежали карты и какая-то книга, которую, казалось, читала теперь съ большими вниманiемъ старуха.

— Опустн рублевикъ въ воду, сказала она, не поднимая глазъ на вошедшую, и сама начала пристально смотрѣть въ миску и дуть на воду. Анна Егоровна опустила туда цѣлковый.

— Вьется коршунъ въ высотѣ, носится онъ надъ голубкой, а она, бѣдняжка, грѣтся на солнышкѣ да клюетъ свою пшеничку, не чувствуетъ бѣды надъ головой, говорила гробовымъ голосомъ старая мегера. — Охъ, какъ темно стало въ водѣ, ничего не вижу, положи-ка еще рублевикъ. Новый рублевикъ былъ отправленъ въ воду и, опускаясь на дно, стукнулся въ мѣдный крестъ, который лежалъ въ мискѣ.

— Досталъ таки коршунъ голубку, вцѣпился онъ въ сердечную когтями, да и поднялся съ нею въ высь; только одно черное пятно видитъ глазъ вмѣсто коршуна, такъ высоко онъ забрался. Вотъ выпустилъ онъ бѣдняжку изъ своихъ когтей, упала она бездыханна на землю, и изъ подъ лѣваго крыла....

— Полно, полно, бабушка, сердце сжалось отъ твоихъ словъ. Погадай лучше на картахъ.

— Не я говорю, судьба говоритъ. Положи еще рублевикъ на карты.

Еще рублевикъ выложенъ былъ на столъ; ворожея разложила карты и начала:

— Просватали бѣдняжку за милаго, за богатаго, да и черезъ золото слезы льются, и то, что было мило, сдѣлалось ностыло....

— И тугъ не легче, сказала Анна Егоровна, и пошла къ двери, не прощаясь съ хозяйкой.

— Погоди, графиня, сказала старуха, не поднимая на нее глазъ: — вотъ, на тебѣ ладонку, отвези твоей сердечной, да не давай ей въ руки, а сунь ей подъ подушку, и подала Аннѣ Егоровнѣ тряпку, сшитую по концамъ толстой, сѣрой ниткой.

Анна Егоровна взяла эту тряпку и не поблагодарила; вѣрно таковъ былъ обычай въ этомъ углу вселенной. Препринимъ порядкомъ вышла она изъ комнаты, дошла до своей коляски и очень не веселая вернулась домой.

Больной съ каждымъ днемъ становилось лучше, конечно, не оттого, что ладонка лежала у ней подъ подушкой, а оттого, что женщина та-же кошка: судьба бросить ее съ крыши на мостовую, она вскочить, и опять побѣжить на крышу. Бѣдная наша Лидія была еще не совсѣмъ кошка, она хоть и встала черезъ недѣлю съ постели, но не вернулась еще къ жизни. Она упорно молчала, была равнодушна ко всему, что ее окружало; докторъ называлъ это состояніе апатичнымъ и находилъ его не безопаснымъ.

Много горевала Анна Егоровна, глядя на Лидію, много сердилась и не мало ворчала она. Нѣтъ, это такъ не кончится, говорила она сама себѣ, не отвертится отъ меня этотъ голубчикъ.

Дней черезъ десять послѣ бала въ дворянскомъ собраніи, Анна Егоровна послала за Иваномъ Никифоровичемъ Мионовымъ, служившимъ при ней по особымъ порученіямъ. Вечеромъ, когда онъ явился, она увела его въ свою комнату и заперлась тамъ на ключъ.

Они говорили не долго, но такъ таинственно, что никто въ домѣ не могъ догадаться, какое-бы это могло быть дѣло, требовавшее такой неприличности.

Когда дверь отворилась, можно было разсмотрѣть маленькаго человѣчка, сухощаваго, сутуловатаго, съ кислой фязіономіей и нѣсколько лакейскимъ выраженіемъ лица.

— Непремѣнно, непремѣнно, говорилъ онъ, расшаркиваясь хозяйкѣ: — завтра-же, непремѣнно; будьте безъ сумленія.

— Завтра непременно, часовъ въ восемь, повторяла ему Забѣльская, провожая его за дверь своей комнаты.

— Не дамъ и глазъ открыть, самъ разбужу.

Это были послѣднія слова чиновника особыхъ порученій.

На другой день, въ половинѣ восьмага, раздался такой судорожный звонокъ въ знакомой намъ квартирѣ № 24, на Моховой, въ домѣ Максимова, что дверь тотчасъ отворилась; лакей ждалъ чего-то необыкновеннаго и, въ самый дѣлъ, пораженъ былъ видомъ посѣтителя; съ любопытствомъ разсматривалъ онъ его, держа въ одной рукѣ щетку, тогда какъ другая была въ сапогѣ, который онъ собрался чистить.

— Что-жъ ты, болванъ, не снимешь шинели. Всѣмъ извѣстна заносчивость маленькихъ людей.

— Да сюда-ли вы пришли-то? не ошиблись-ли? у насъ такихъ не бываетъ.

— Грубиянъ, закричалъ на него недоросшій до другихъ людей человекъ, сбросилъ съ своихъ плечъ шинель на стулъ и мелкимъ, но скорымъ шагомъ пошелъ въ комнаты.

— Экой заноза, проворчалъ лакей, куда ты лѣзешь? Баринъ спитъ еще и не велитъ такъ рано себя беспокоить.

— Убирайся, говорятъ тебѣ; у меня есть дѣло и я знаю, что дѣлаю.

Говоря это, онъ продолжалъ заглядывать въ каждую дверь и наконецъ открылъ спальню Краховскаго; въ одну минуту очутился онъ у его кровати.

— Проснитесь, господинъ, проснитесь, закричалъ онъ ему на ухо: — такъ не дѣлаютъ, говорятъ вамъ, такъ не дѣлаютъ; это безсовѣстно, совершенно безчестно....

Краховскій въ испугѣ вскочилъ на постели, торопливо теръ себѣ глаза, брался за голову, смотрѣлъ какъ безумный на чиновника, не понимая ни его грозной рѣчи, ни его явленія; съ трудомъ могъ онъ прійти въ себя.

— Однако, что все это значить? Откуда вы, что вы за человекъ, а главное, откуда такая дерзость?

— Меня прислала къ вамъ Анна Егоровна; вы убили ея племянницу, говоритъ она, ѣздили въ домъ, кружили голову молодой дѣвушкѣ, а теперь, когда всему свѣту извѣстно это дѣло, бросили ее. Это безчестно. Анна Егоровна будутъ

жаловаться, сами поѣдутъ къ царю и вамъ велѣно будетъ загладить вашъ поступокъ.

— Кланяйтесь отъ меня Аннѣ Егоровнѣ, говорилъ взбѣшенный Краховскій: — и скажите ей, что я ей совѣтую не откладывая ѣхать къ царю, потому-что ужь теперь я никакъ не женюсь; а вы убирайтесь, пока цѣлы, не то.... я за себя не ручаюсь.

— Помилуйте, да какой-же отвѣтъ я привезу; опомнитесь немного, господинъ, раскайтесь, я и свезу это госпожѣ Забѣльской.

— Ахъ ты, этакая бестія, продажная душа, закричалъ Краховскій, вѣ себя отъ досады и, не удерживая болѣе своего гнѣва, всталъ съ постели, схватилъ посланника Анны Егоровны за плечи и выбросилъ, какъ тряпку, въ другую комнату.

— Человѣкъ, человѣкъ, кричалъ онъ въ то-же время: — вышвырнуть эту тварь на улицу и не впускать ко мнѣ ничего подобнаго.

У бѣднаго Миронова въ глазахъ потемнѣло, съ трудомъ устоялъ онъ на ногахъ, повернулся, бросился въ переднюю, схватилъ шинель и какъ сумашедшій выбѣжалъ на улицу; тутъ только набросилъ онъ шинель на плечи, сѣлъ на извожника и боялся оглянуться, чтобъ не увидѣть бѣгущаго за нимъ Краховскаго. Только переѣхавши симоновскій мостъ, задалъ онъ себѣ вопросъ: прямо-ли ему ѣхать съ отвѣтомъ къ Аннѣ Егоровнѣ или завернуть прежде домой? Сцена эта такъ его перевернула, что онъ разсудилъ лучше проѣхать теперь домой, а отвѣтъ Аннѣ Егоровнѣ отложить до завтра.

Много перечувствовалъ Краховскій за это время; онъ тоже былъ боленъ, его лечилъ тотъ самый докторъ, котораго мы видѣли у Забѣльскихъ. Черезъ него зналъ Краховскій, что Лидіа лучше и что она встала съ постели.

Сколько разъ, въ порывѣ любви, готовъ онъ былъ бѣжать къ Лидіи и у ногъ ея вымолить себѣ прощеніе; его, конечно, простила-бы Лидія, но сердце ея не вернулось-бы къ нему, онъ это понималъ, и иногда часами плакалъ надъ картиной счастья, съ которой не имѣлъ еще силъ разстаться.

А все это несчастное утро у княгини — однако, не оправдались-ли всё слова ея? Сама Лидія въ день бала не была-ли живымъ подтвержденіемъ всего сказаннаго на ея счетъ?

Посѣщеніе Миронова положило конецъ всѣмъ сомнѣніямъ Краховскаго, онъ боялся и оглянуться на свое прошедшее, какъ на пропасть, въ которую-бы онъ свалился, еслибъ княгиня не протянула ему руки.

На другой день вечеромъ, но еще до свѣчей, Ѳеодоръ Андреевичъ по обыкновенію дремалъ на диванѣ, положивши ноги на кресло; на другомъ концѣ дивана сидѣла Анна Егоровна съ картами въ рукахъ, но не гадала теперь, а внимательно слушала Миронова, который стоя передъ нею спяно размахивалъ руками и что то рассказывалъ съ большимъ жаромъ; легкой тѣнью носилась Лидія по комнатамъ, никѣмъ незамѣченная вошла она въ гостинную и сѣла на кресло у окна, гдѣ имѣла обыкновеніе принимать Краховскаго. Скоро рассказъ Миронова такъ овладѣлъ ея вниманіемъ, что ни одно его слово не ускользнуло отъ ея слуха.

— Совершенный разбойникъ, говорилъ Мироновъ: — только и твердить: не хочу жениться, пусть ѣдутъ къ царю. Я ему и то, и то, Анна Егоровна, говорю, очень изволятъ гнѣваться, прислали вамъ сказать, что имъ было бы очень желательно, еслибъ загладили вашъ поступокъ, еслибъ вы, говорю, какъ благородный человѣкъ извинились; Лидія Николаевна убивается, онъ такія чувствительныя, нѣжнаго сложенія, Анна Егоровна говоритъ, что вы погубили ея племянницу, ѣздили въ домъ, сватались. Онъ не слушаетъ, только и кричить, что уберите...

Лакей принесъ лампу въ гостинную и при свѣтѣ ея Анна Егоровна увидѣла Лидію блѣдную, въ креслахъ съ опрокинутой назадъ головой. Испуганная ея присутствіемъ, сдѣзала она Миронову знакъ рукой, чтобъ тотъ замолчалъ, подошла къ Лидіи и вскрикнула, та была безъ чувствъ.

— И какъ это она вошла? говорила встревоженная Анна Егоровна: — что мы то съ тобой, батюшка, ничего не видали и не слышали, да и что это у тебя, Иванъ Никитичъ, за странная манера кричать на весь домъ.

— Промилуйте, Анна Егоровна, я тутъ ни въ чемъ не виноватъ, сами изволили приказать...

— Ну, ну, хорошо; замолчи батюшка, хоть теперь; да позови людей перенести больную на постель, а самъ поѣзжай за докторомъ поскорѣе. Надѣлалъ ты мнѣ опять хлопотъ.

Мионовъ бѣгомъ бросился за людьми, привелъ Машу и Авдотью, которые снесли Лидію въ ея комнату и положили въ постель.

Горе не на шутку овладѣло Анной Егоровной; съѣздить развѣ къ Матрешѣ на Петербургскую, а то страмъ людямъ показаться.

Докторъ пріѣхалъ, посмотрѣлъ больную, сказалъ что это нервный припадокъ отъ сильнаго душевнаго потрясенія, что это пройдетъ, надобно только оставить ее въ покоѣ. Въ самомъ дѣлѣ Лидія скоро очнулась, но не ѣла, не пила, почти не шевелилась въ теченіи двухъ сутокъ, только иногда открывала глаза и стремительно глядѣла на какой нибудь предметъ, потомъ опять опускала вѣки и тогда ничто не выражало въ ней жизни.

Анна Егоровна ожидала упрековъ, но ни однимъ словомъ Лидія не выразила своего страданія. Черезъ два дня она встала грустная, молчаливая, но твердая. Въ ней были силы, еще неизвѣданныя, были способности еще невызванные — ими собиралась она жить.

Что же случилось съ нею; спросите вы? — Предоставляю вамъ, господа, пріискать положеніе для такой дѣвушки, какъ Лидія.

Въ домѣ тетки она никакъ не останется послѣ такого оскорбленія; не пробуйте выдавать ее замужъ, она отказала Мельхову, который черезъ полгода послѣ описаннаго нами происшествія, дѣлалъ ей письменное предложеніе; не посылайте ее и въ гувернантки, этимъ вы поставите прежде временный крестъ на могилѣ, которая еще не раскрылась.

Гдѣ же конецъ, скажете вы еще разъ? Право, я и сама не знаю, гдѣ конецъ. Если бы мы даже положили Лидію въ гробъ и опустили въ землю, такъ могли ли бы мы и тогда сказать съ увѣренностью — теперь конецъ; могли ли бы поручиться, что въ гробу нѣтъ жизни?

Если кого интересуеъ княгиня, тотъ можетъ обратиться къ Краховскому, который посѣщаетъ ее теперь усердѣе прежняго.

Картина, нарисованная Лидіей, возвращена была въ домъ Забѣльскихъ; довольно долго валялся свертокъ, ни кѣмъ не замѣченный; иногда стирая пыль со стола, лакей перекладывалъ его на рояль, съ рояля попадалъ онъ на стулъ; какъ то затасили его въ кухню, а что дальше — право не знаю, какъ и многого другаго.

СОФЬЯ АНДРЕЕВА.

Гроза.

Пятая недѣля нѣтъ дождя ни капли:
Высохло болото, отлетѣли цапли;

Голову понуря, истомленный зноемъ,
Скотъ и звѣрь далеко въ лѣсъ уходятъ съ воємъ.

На небѣ ни тучки, но кой-гдѣ, порою,
Дымъ лѣсныхъ пожаровъ всходитъ полою;

Въ воздухѣ палящемъ слышенъ запахъ гари;
Душно человѣку, душно всякой твари!

Нивы пересохи, парить что изъ печи;
Тужить людъ крещенный, ставить въ церкви свѣчи,

Вкругъ носѣвовъ топчихъ ходитъ крестнымъ ходомъ, —
Ну, и Богъ услышалъ, сжалясь надъ народомъ.

Вотъ и потянуло будто къ переменѣ:
Вечеромъ, въ ту пору, какъ ложились тѣни

И склоняться началъ солнца обликъ жгучій,
Съ юга потянулись вереницей тучи,

Небо голубое сдѣлалось свинцовымъ,
Солнце закатилось въ заревѣ багровомъ.

Съ крикомъ надъ полями вьется галокъ стая,
Вотъ и ночь упала, душная такая!

Воздухъ неподвиженъ; но порой по нивамъ
Вѣтеръ вдругъ прорвется бѣшеннымъ порывомъ,

Пролетитъ, промчится, слѣдомъ землю роетъ.
Пыль клубить столбамъ, и визжитъ, и воетъ;

Съ свистомъ, какъ разбойникъ, въ старый боръ ворвется —
Заскрыпитъ дремучій, дрогнетъ, пошатнется,

Ропотно листьями зашумитъ дубова,
Жалобно и глухо, и замолкнетъ снова.

Мѣсяцъ мѣдно-красный въ темной тучѣ тонетъ,
Озеро лѣсное мечется и стонетъ.

Видно, какъ собираетъ силы непогода.
Въ тягостной истомѣ бури ждетъ природа.

Страшно! Что-то будетъ? Много бѣдъ лихая
Порчи да изъяну натворитъ для края, —

Лѣсъ переломаетъ, выбьетъ яровое.
Вотъ минуло горе, такъ пришло другое!

Нѣтъ, не бойся бури: буря пронесется,
Но за то въ природѣ все вдругъ встрепенется.

Если же бы часомъ что она сломила,
Такъ вѣдь сломитъ то лишь, что старо да гнило;

Что же уцѣлѣетъ, задрѣтетъ нынѣ.
Нѣтъ, не бойся бури — засуха вреднѣе!

РОЗЕНГЕЙМЪ.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

1741 — 1742.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Посвящается Александру Ивановичу Семевскому.)

Статья вторая и послѣдняя.

X.

Пріѣздъ въ Петербургъ герцога голштинскаго, Карла Петра Ульриха. — День его рожденія: празднество по сему случаю. — Отъѣздъ на коронацію въ Москву. — Мѣры къ образованію наследника престола. — Дѣло Святѣйшаго Синода. — Проповѣди. — Волеиія гвардейцевъ. — Коронація: празднества, милости и награды по сему случаю. — Празднованіе дня коронаціи въ С. Петербургѣ:

«Прошло уже тое желѣзное время, въ немъ же неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла!»

Свѣченое (слово 1742 г., іюля 8-го, стр. 12).

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Елизаветы было утвержденіе порядка въ наследованіи престола; еще въ декабрѣ 1741 г., императрица поручила генераль-маіору барону Н. А. Корфу отправиться въ Голштинію за роднымъ ея племянникомъ, герцогомъ голштейнъ-готторнскимъ, Карломъ Петромъ Ульрихомъ (род. февраля 10-го 1728 г.).

1-го февраля 1742 года будущій наследникъ престола пріѣхалъ въ Либаву. Онъ остановился, по словамъ вѣдомостей, въ домѣ придворнаго фактора Фойхста. Во вторникъ Петръ принималъ поздравленія городскихъ чиновъ; а когда на другой день выѣзжалъ изъ города, его провожали «полки мѣщанъ съ своими знаменами и молодые солдаты на лошадяхъ съ ихъ штандартомъ.»

Въ Ригѣ герцога встрѣтили съ почетомъ: отъ Двины до квартиры его высочества въ парадѣ, стояли армейскіе и гарнизонныя полки, также *Браншвейгскій* кирасирскій полкъ и два городскихъ эскадрона. Съ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ. Тѣ же встрѣчи и проводы были въ Нарвѣ, 4-го февраля. Наконецъ, на другой день, въ пятницу, герцогъ «къ великому удовольствію ея величества» прибылъ въ С.-Петербургъ. Онъ «принятъ былъ Елизаветой съ матернею любовью. Въ тотъ же день получилъ звѣзду Андрея Первозваннаго съ брилліантами.»

Вечеромъ императрица вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ открыла балъ. М. Л. Воронцовъ и А. Г. Разумовскій получили изъ рукъ великаго князя ордена св. Анны. Баронъ фонъ-Корфъ назначенъ дѣйствительнымъ камергеромъ (103).

Особый придворный штатъ, дворцы, богатая помѣстья, и между прочимъ Ораніенбаумъ, великолѣпный загородный дворецъ на берегу Финскаго залива, назначены принцу. Архіепископъ Слмеонъ Тодорскій представленъ къ нему для представленія въ православномъ законѣ (103). Преподавателемъ русскаго языка былъ назначенъ Иванъ Павловичъ Веселовскій, исполнявшій въ царствованіе Петра I-го разныя секретныя порученія, а при Елизаветѣ дослужившійся до тайнаго совѣтника. Профессору Штелину поручено преподавать исторію и математику.

Педагогическая дѣятельность наставниковъ не начиналась, а уже 10-го февраля, въ первые, съ полнѣйшимъ торжествомъ праздновали день рожденія герцога. Во дворцѣ послѣ принятія поздравленій, обѣди и молебна, герцогъ былъ возведенъ въ званіе подполковника Преображенскаго полка, въ полдень былъ торжественный обѣдъ; государыня съ племянникомъ обѣдали, сидя на тронѣ, при звукахъ италіанской

музыки, пушечной пальбы и криковъ гвардейцевъ, выстроенныхъ у дворца. Въ 7 часовъ начался балъ, въ 8 зажжена преизрядная иллюминація (104), она изображала: увеселительный садъ съ цвѣтниками, посреди которыхъ находился бассейнъ, вокругъ 14 горшковъ съ молодыми цвѣтущими деревьями. По сторонамъ пальмовыя аллеи, надъ сводами ихъ герцогскія короны, въ перспективѣ дворецъ, къ дверямъ его ведутъ 14 ступеней; двѣ статуи — *любовь* и *достоинство* видны по бокамъ, на фронтонѣ вензель герцога. Фейерверкъ изображалъ Россію въ видѣ «ведичесвенной и бодрой жены,» въ одной рукѣ ея щитъ съ вензелемъ императрицы, другую — указываетъ на пальмовое дерево съ надписью: «Возрастай.»

Въ этотъ же день Михайло Васильевичъ Ломоносовъ (105), поднесъ оду. Этотъ первый опытъ панигириста новой государыни былъ написанъ по случаю прибытія изъ Голстиніи и дня рожденія Петра Ѳедоровича и состоялъ изъ 140 стиховъ; вотъ нѣкоторые:

Дивится нынѣ вся вселенна
Премудрымъ вышняго судьбамъ,
Что отъ напастей злыхъ спасенна,
Россія зреть конецъ бѣдамъ. —
И что уже Елизавета
Златя въ ону вводитъ лѣта,
Избавивъ отъ насильныхъ рукъ.
Красуются Петровы стѣны,
Что къ нимъ его приходитъ внукъ,
Прекрасной Анной днесъ рожденный.

Въ сіе благопріятно время,
Когда всещедрый нашъ Творецъ
Возставилъ намъ Петрово племя,
И нашей скорби далъ конецъ;
Ужъ съ радостью любовь согласно
Вездѣ ликуютъ безопасно:
Всего народа весель шумъ,
Какъ гласъ водъ многихъ въ верхъ восходитъ,
И мой отрады полный умъ,
Восхитивъ тѣмъ, въ восторгъ приводитъ.....

Петрополь по тебѣ (Петрѣ) терзался,
 Когда съ тобою разлучался,
 Еще въ зачатіи твоёмъ (106) и т. п.

Послѣдующіе дни Петрѣ знакомился съ достопримѣчательностями Петербурга; его, между прочимъ, возили 15-го февраля въ академію наукъ, гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ онъ разныя работы художниковъ, также кувсткамеру и медальный кабинетъ.

На слѣдующій день императрица, вмѣстѣ съ герцогомъ, дѣлали смотръ на льду Невы украинской ландмилиціи, состоявшей изъ 6000 *иждныхъ* людей.

Забываясь о здоровьѣ племянника, государыня послѣшила указомъ, отъ 11-го февраля, строжайше воспретить всѣмъ, у кого въ домѣ окажется оспа, отнюдь не пріѣзжать ко двору, какъ во время болѣзни, такъ спустя шесть недѣль послѣ ея окончанія; тѣмъ же людямъ, которымъ надо быть при дворѣ, не ѣздить въ дома, гдѣ есть таковыя больныя.

Станнымъ покажется, что въ это время, когда столь много людей, самаго низкаго происхожденія, или небольшихъ чиновъ, нерѣдко за заслуги сомнительныя, или по протекціи временщиковъ, получали весьма важныя чины, почетнѣйшія должности и первѣйшіе ордена, въ сенатѣ состоялся, 15-го февраля, именной указъ о повышеніи *чинами по старшинству и заслугамъ*. «Буде кто того недостойнъ, хотя и имѣетъ старшинство о томъ приказывалось доносить съ объясненіемъ, а не по старшинству никого не производить.» Этотъ указъ остался безъ послѣдствій и примѣненій (107).

Еще въ первый день 1742 года было объявлено о томъ, что коронованіе ея величества имѣетъ быть въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (107). При чемъ «требовалось, чтобы подданные молили Бога о здоровьи государыни.» Въ половинѣ февраля Елизавета стала собираться въ дорогу. Въ московскихъ окрестностяхъ все было приготовлено для царской охоты (107); дорога въ Москву исправлена. Сановники, долженствовавшіе принимать участіе въ церемоніалѣ, сдали свои дѣла помощникамъ (107).

Наконецъ во *вторникъ* (107), 23-го февраля, послѣ *короткаго* обѣда, въ исходѣ 2-го часа, государыня, въ сопровож-

деніи громадной свиты, при громѣ пушечной пальбы, отправилась въ Царское село, откуда въ 1-мъ часу ночи вышла дальше.

Около этого же времени на горизонтѣ показалась комета. Въ вѣдомостяхъ, по этому случаю, было сказано: «комета въ такое время на небѣ явилась, которое, по справедливости, за достопамятнѣйшее въ нынѣшній вѣкъ должно быть почтено (107).»

Государыня ѣхала довольно скоро. По словамъ тѣхъ же вѣдомостей: начальники городовъ и деревень всячески *содѣйствовали* жителямъ изъявлять свою любовь къ новой государынѣ: «улицы въ городахъ и деревняхъ, чрезъ которыя ѣхала императрица, были уставлены ёлками на подобіе аллей.» У каждой станціи дѣлались эти аллеи, бесѣдки и ворота изъ ёлокъ. По вечерамъ и ночью зажигались иллюминаціи, пылали смоляныя бочки. Градоначальники въ Новгородѣ, Торжкѣ, Валдаѣ, Твери, Клину ставили народъ такимъ образомъ, чтобъ мужской полъ былъ непременно на правой, а женской полъ на лѣвой сторонѣ. Толпы падали ницъ при приближеніи экипажей и провожали ихъ *радостными восклицаніями*. 26-го февраля, сопровождаемая придворнымъ штатомъ, государыня прибыла въ село Всесвятское, отстоящее отъ Москвы въ семи верстахъ; туда пріѣхало множество знатныхъ особъ обоого пола, также и отъ синода духовенство для поздравленія императрицы съ благополучнымъ прибытіемъ. 28-го февраля происходилъ торжественный и весьма пышный вѣздъ въ Москву. Для сего случая было выстроено нѣсколько триумфальныхъ воротъ: первыя на Тверской улицѣ у землянаго города отъ Московской губерніи; вторыя въ Китай-городѣ у гостиннаго двора отъ синода, третья отъ купечества, на Мясницкой улицѣ, четвертыя на Яузѣ, у дворца ея величества.

28-го февраля девятью выстрѣлами изъ пушекъ, поставленныхъ на красной площади, поданъ былъ сигналъ къ началю церемоніи; вслѣдъ за колоколомъ Ивана-великаго загудѣли всѣ московскіе колокола. По всему протяженію пути вытянуты были шпалерами полки Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій (они приведены были изъ С.-Петербурга

не въ полномъ составѣ). Также полки ландмилицкіе и армейскіе.

Въ Кремлѣ, по всему протяженію пути, отъ рѣшетки къ соборамъ были устроены помосты съ балюстрадами; все это было покрыто дорогами коврами и сукнами. Кромѣ того, всѣ дома были убраны разными украшеніями, изъ оконъ съ балконовъ вывѣшены персидскіе и турецкіе ковры, и разныя богатыя матеріи.

Отсюда — со стѣнъ, съ заборовъ, съ крышъ, съ балконовъ, съ особо-устроенныхъ помостовъ, видны были несмѣтныя толпы любопытныхъ.

Въ 10 часовъ процессія тронулась: порядкомъ поѣзда распоряжался оберъ-прокуроръ сената. Въ современномъ описаніи подробно изложенъ составъ поѣзда, названы всѣ придворныя и знатныя персоны обоого пола; всѣ онѣ ѣхали въ богатѣйшихъ экипажахъ цугомъ, окруженные лакеями, гренадерами, ѣздовыми и скороходами. Государыня сидѣла въ великолѣпной каретѣ, запряженной 8-ю *презрѣдыми* неполитанскими лошадьми; ее непосредственно окружали лейб-компанцы, за ними тянулись вереницы камергеровъ, камеръ-юнкеровъ, конюшенныхъ служителей и гайдуковъ. За поѣздомъ государыни ѣхалъ наследникъ, за нимъ вытягивался его придворный штатъ. За экипажами штатсъ-дамъ, фрейлинъ и другихъ дамъ шли почталыоны, за ними везли «поекоевыя, дорожныя сани ея величества и его высочества, и другихъ знатныхъ персонъ.»

Роскошный поѣздъ рѣзко выдѣлялся; тутъ же, подлѣ улицъ, украшенныхъ ради церемоніи, были видны слѣды бѣдственнаго Троицкаго, 1737 года, пожара. Еще много было пепелищъ, пустырей незастроенныхъ; казенныхъ зданій и частныхъ домовъ въ развалинахъ. Многія церкви стояли безъ кровель, главъ, крестовъ, другія извнѣ обгорѣлыя, треснувшія отъ жара... На улицахъ Китай-города между великолѣпными и огромными строеніями лѣпились мазанки съ завалинками, шалаши, покрытыя лубьемъ и рогожами; между каменными рядами кабаки, харчевни и выносные очаги (108).

У первыхъ воротъ процессія была встрѣчена губернаторомъ московскимъ, графомъ Салтыковымъ, также прези-

дентами и вице-президентами всѣхъ московскихъ коллегій, конторъ и канцелярій. У кремлевской рѣшетки государыню встрѣтили архіереи и архимандриты съ крестами. «Воспойте людіе болюбно въ Сіонѣ и молитву воздадите Христу во Іерусалимѣ,» гласилъ хоръ пѣвчихъ, «самъ грядеть во славу со областію... осанна благословенъ еси грядый.» Звонкіе голоса зампрали въ оглушительномъ колокольномъ звонѣ, пушечной пальбѣ изъ 85 орудій и ружейныхъ залповъ. Приложась къ иконамъ и мощамъ государыня стала на парадное мѣсто.

Хоръ умолкъ, среди всеобщаго безмолвія, раздалось слово Амвросія.

«Приде о Россія, говорилъ архіепископъ, твердое, непоколебимое основаніе твоего благополучія: приде крайнее частыхъ и весьма вредительныхъ перемѣнъ твоихъ окончаніе и разореніе; приде тишина твоя, благосостоянія и прочихъ желаній твоихъ неизмѣнная надежда, приде едина твоя радость, здравіе, цѣлость, долгоденствіе и отъ всѣхъ противностей оборона и спасеніе, приде злымъ и безсовѣстнымъ страхъ и побѣжденіе, приде сушая мать отечества, которая не столько дней и мѣсяцевъ на престолѣ посидѣла, сколько добра, радости, пользы, счастья и безопасности Россіи сотворила.... Всѣ отъ мала до велика духомъ внутрь движимы желаютъ аки елень на источники водные лице государыни своей видѣти: духовенство торжествуетъ, яко своего благополучія крѣпкую получило защиту. Горятъ пламенемъ любви все воинство, яко праведную обиду своихъ въ произведеніи ранговъ отмстительницу и въ освобожденіи Россіи отъ внутреннихъ разореній героиню пріобрѣсти сподобилось. Радуются и гражданскіе статы, что уже отвынѣ не по страстямъ и посуламъ, но по достоинству и заслугамъ въ чины своя чаютъ произведенія... Наказалъ тебя о Россія — Богъ за грѣхи и беззаконія твоя самымъ большимъ наказаніемъ: коль много, по кончинѣ Петра втораго, ты претерпѣла бѣдъ, перемѣнъ, страховъ, пожаровъ, ужасныхъ войнъ, тяжкихъ и многотрудныхъ гладовъ, напрасныхъ смертей и прочихъ безчисленныхъ бѣдствій! Буди же впредъ осторожна, храни, аки зеницу своего ока, здоровье ея величества и его высочества; трепещи о Россія крѣпкихъ и неиз-

бѣжныхъ рукъ Божиихъ; перестань беззаконствовать, обманывать, насильствовать, пьянствовать, блудствовать, похищать, обижать, прелюбодѣйствовать...

«Православную вѣру и благочестіе поддержала и возстновила ты государыня: лишь вступила на престолъ, не медля объявила Синоду свое намѣреніе: надобно намъ начинать съ Богомъ и отъ Бога, и какъ мы угаеніемъ сего отъ премудрыхъ и разумныхъ, и откровеніемъ младенцемъ честь и власть императорскую отъ него получили, такъ во первыхъ его-жь божественную честь и славу хранить, защищать и распространять одоужаемся.»

«Такимъ образомъ, книгу камень вѣры, въ тѣмѣ невѣденія заключенную, на свѣтъ произвести и освободить повелѣла, а эта книга, какъ всякому искусному майстеру инструментъ, такъ и она намъ потребна. Враги наши домашніе, внутренніе какую стратагему сочинили, чтобъ вѣру православную поколебать: готовыя книги духовныя въ тѣмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили. Не токмо учителей, но и ученія, и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли, и уже къ тому приходило, что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей уста отворить было опасно: тотчасъ бѣды и гоненія надѣйся.»

«Нынѣ же радуется Христось, возрадовались ангелы, небеса восторжествовали, всѣ святые радостную пѣснь поютъ, россияне восклицаютъ: нынѣ бысть спасеніе и сила, и царство Бога, и облагодь Христа, яко низложенъ бысть сатана (не Остерманъ ли?), и вси ангелы его съ нимъ. Самъ Христось ударилъ въ нихъ камнемъ вѣры, въ прахъ разсыпалъ, зубы ихъ сокрушилъ, и яко дымъ съ вѣтромъ разсѣялъ. И все сіе сдѣлалъ Господь чрезъ одушевленный инструментъ свой — Елизавету Петровну (108).»

Послѣ проповѣди, молебна, хожденій по церквамъ кремлевскимъ, церемоніальное шествіе въ дворецъ продолжалось прежнимъ порядкомъ. У синодальныхъ воротъ Елизавета была встрѣчена хоромъ студентовъ Славяно-греко-латинской академіи: одѣтыя въ бѣлыя платья въ вѣнцахъ, съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ, они пропѣли сложенную для этого случая пѣсню :

Пристѣ день краснѣй
 Милость Россіи
 Давно желанну.

Не одно, ни два
 Все дождь проливалъ,
 Такажъ пучна.

Возсіало ведро,
 Небеса прещедро,
 Зрѣти показали,
 Прочь всѣ печали! —

Но многая лѣта
 И не было свѣта,
 И слезъ бѣ безмѣстна.
 Богу извѣстна. и т. д.

Московское купечество у своихъ воротъ встрѣтило государыню и герцога знатными *презентами*, которые и были приняты.

Во дворцѣ съ хлѣбомъ и солью встрѣтилъ ихъ оберъ-гофмейстеръ, графъ Салтыковъ, при громѣ выстрѣловъ изъ 101 пушки, поставленныхъ у Кремля, и 90 — предъ императорскимъ домомъ.

День заключился баломъ. Три дня сряду не умолкалъ колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ (до 500), и каждый вечеръ въ эти дни, Москва освѣщалась пюлюминаціями. Елизавета съ герцогомъ ежедневно катались въ саняхъ (морозы стояли большіе) и любовались потѣшными огнями (108).

Но съ самаго начала великаго поста всѣ празднества, весь шумъ торжествъ утихъ. «Ея величество, какъ было сказано въ вѣдомостяхъ, «по *своему обыкновенію* съ самаго начала поста ежедневно въ молитвѣ упражняться изволила».

Государыней приняты были нѣкоторыя мѣры, указывающія на заботы ея о городѣ и его жителяхъ: такъ запрещено было на улицахъ, близъ строеній разводить огни, раскладывать костры (109). Запрещено было въ городѣ ѣздить на рѣзвыхъ лошадяхъ, мчаться сломя голову: давить и побивать такимъ образомъ проходящихъ. «Буде же у кого такія рѣзвыя лошади сыщутся, тѣ отводить въ конюшни ея величества (109).»

Если вѣрить Штеллину, въ это время государыня обратила большое вниманіе «на нужное обученіе герцога-наслѣдника, воспитаніе котораго до селѣ было совершенно забыто въ его прежнемъ отечествѣ. Я, нишетъ Штеллигъ, предложилъ прежде всего обучать его русской исторіи, географіи, статистики и точному познанію земли, какъ русской, такъ и

согласительныхъ государствъ. Государыня пришла мой совѣтъ и два дня спустя представила меня герцогу въ присутствіи Безстужева, Воронцова, Брюмера и Беркгольца. «Я замѣтила, что тебѣ часто бываетъ скучно, сказала императрица, обращаясь къ племяннику, то чтобъ сократить время, провести его и полезно, и пріятно, рекомендую тебѣ Штелина, онъ разсѣетъ твою скуку.»

Первое время Елизавета довольно часто приходила къ герцогу въ учебные часы, предъ полуднемъ, оставалась у него иногда по полчаса, по увѣренію Штелина, препровождала время въ разговорахъ, исполненныхъ прекраснаго нравоченія. «Съ удовольствіемъ слушала наши бесѣды о дѣяніяхъ Петра, съ удовольствіемъ сама вспоминала о немъ. Разсказывала государыня между прочимъ о томъ, какъ ея отецъ за частую приходилъ то по утрамъ, то послѣ обѣда къ своимъ дочерямъ Аннѣ и Елизаветѣ, чтобы видѣть, какъ онѣ препровождали время. За частую спрашивалъ у нихъ чему они выучились, что читали, буде въ чемъ успѣвали хвалиль, цѣловалъ ихъ, а не рѣдко за прилежаніе присылалъ подарки.

Однажды къ вечеру, когда при дворѣ нечего было дѣлать, разсказываетъ Штелинъ, и герцогъ съ учителемъ одни были въ учебной комнатѣ, нечаянно вошла Елизавета. Великій князь, подъ руководствомъ наставника, снималъ планъ кегорновой крѣпости. Ея величество просила продолжать занятія, любовалась почти съ часъ, приказала объяснить ей всѣ части крѣпости и разные образцы (?) фортификаціи, которую очень полюбилъ великій князь, и потомъ ему сказала: «Видишь, какъ пріятно проводить время, когда чему-нибудь выучишься. Я очень хорошо помню, какъ отецъ мой частенько выказывалъ сожалѣніе о томъ, что его въ молодости не побуждали учиться; всякій день видѣлъ онъ, чего ему не доставало, и чему необходимо было выучиться (109)».

Въ постѣ, молитвахъ, въ исполненіи церковныхъ обрядовъ проводила это время Елизавета: оно разнообразилось аудіенціями — такъ, напр. пріемомъ персидскаго посла (109), — смотрами войскъ, что вообще было довольно-рѣдко, надзоромъ за приготовленіями къ предстоящей коронаціи. Въ

вѣдомостяхъ было сказано: «Здѣсь, въ Москвѣ, со всякимъ прилежаніемъ строить великолѣпный, оперный домъ — онъ будетъ готовъ въ апрѣлѣ. Въ зимнемъ домѣ императрицы строить большую маскарадную залу; вообще идутъ большія приготовления къ цѣлому ряду торжествъ».

Дѣлами государыня занималась мало, для нихъ не любила отвлекаться отъ церковныхъ службъ.

Елизавета продолжала съ большимъ усердіемъ посѣщать храмы Господни, гдѣ святѣйшія архипастыри не переставали гремѣть обличительными словами. Особенно замѣчательно было слово, сказанное въ это время въ придворной церкви архимандритомъ Свѣжскаго Богородицкаго монастыря Дмитріемъ Сѣченовымъ. «Будемъ благодарны, говорить между прочимъ ораторъ, благодарны Богу за восшествіе на престолъ Елизаветы, нынѣ день спасенія, отложимъ убо дѣла темныя, облечемся въ оружіе свѣта! Не стыдно ли коликое попеченіе о тѣлеси нашемъ имѣемъ, которое нынѣ красно, а утро гной, смрадъ, черви будетъ; тѣло и бранными тучными и винами веселимъ, лѣкарствами подкрѣпляемъ, всѣ труды наша, все житіе въ единомъ тѣлоугодіи, а о душѣ несть ни единого попеченія, вся скверна, окаянна, болѣзненна, и не думаемъ, поносимъ праотца нашего, что за яблоко душу продалъ, а мы за чарку винца, за ласкательство, за честишку (?), за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копѣйку, въ постъ святой за курочку душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку винца, поласкай, пощечи на ухо: я тебя не оставлю, возьми и душу, готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть..... Нѣтъ у насъ ни любви, ни богомыслия, ни правды, ни милости, да о нихъ и не заботимся!.....» (110).

Не такъ рѣзко слово Маркелла епископа корельскаго и ладожскаго, сказанное пмъ три дня спустя послѣ Сѣченова. Превознося Елизавету превыше облакъ ходячихъ, архипастырь много говоритъ самыхъ выспренныхъ похвалъ императрицѣ по поводу слѣдующаго событія. «Въ день своего рожденія, 18 декабря, лишь только Елизавета подъ балдахномъ готовилась сѣсть на тронъ обѣдать, какъ увидѣла Богодухновеннымъ (111), православнымъ, внутреннимъ и виѣш-

нимъ окомъ, что нѣтъ надъ трономъ иконы. Удержась на время отъ *сльднїя*, приказала принести и поставить подлѣ икону Богоматери съ младенцемъ на рукахъ и, не смотря на иностранныя обыкновенїя, призвала архїереевъ, приказала благословить трапезу, осѣнила себя крестнымъ знаменїемъ и нача постныя вкушати снѣди! И се православное дѣло, восклицаетъ Маркеллъ, се чудо во днѣхъ нашихъ бывшее и т. п.» Проповѣдникъ много говоритъ о необходимости сгравжайшаго соблюденїя постовъ и образцомъ истиннаго благочестїя приводитъ императрицу.

Высчитывая великія дѣянїя новой государыни, архипастырь указывалъ на образованїе лейбъ-компанской роты, на щедрыя награжденїя преображенцевъ и вообще гвардейскихъ солдатъ. Но именно въ это время поведенїе героевъ 25-го ноября было далеко не безукоризненно.

Лишь только дворъ оставилъ Петербургъ, гвардейцы воспользовались слабымъ за ними надзоромъ и уже ободренные примѣрами лейбъ-компанцевъ позволяли себѣ всевозможные безпорядки. Пьянство, разгулъ, развратъ, драки, ссоры не прекращались, батожье, сѣченье не останавливало, напротивъ возбуждало негодованїе солдатъ противъ иноземныхъ офицеровъ. Солдаты толпами врывались въ дома именитѣйшихъ сановниковъ, съ угрозами требовали у нихъ денегъ, безъ церемонїй брали все, что имъ казалось лучшаго. Всегда прїученные къ палкѣ и кнуту, говоритъ Манштейнъ, ни вновь произведенные офицеры, ни солдаты освобожденные на время отъ палокъ, не могли привыкнуть къ жизни тихой, трезвой, хорошей. — Безобразїе жизни лейбъ-компанцевъ дошло до того, что Елизавета принуждена была многихъ выключить изъ этой роты и опредѣлить офицерами въ другїе полки, на вакансныя мѣста: «это лучшее средство, замѣчаетъ Манштейнъ, *имѣть хорошихъ* офицеровъ въ армія.»

Гвардейцы, и въ особенности лейбъ-компанцы, пишетъ современникъ Библиковъ, пьянствуютъ, развратничаютъ, таскаются по трактирамъ, составляютъ картежныя общества, вовлекають въ свою среду молодежь, нещадно колотятъ тѣхъ, кто имъ противится (112).

Безъ дѣятельныхъ мѣръ, принятыхъ фельдмаршаломъ Лас-

си, буйства гвардейцевъ имѣли бы пагубныя слѣдствія для жителей столицы. Къ концу великаго поста безпорядки эти приняли большіе размѣры: въ день Свѣтлаго праздника одинъ гвардейскій солдатъ поссорился на улицѣ съ армейскимъ гренадеромъ, отъ спора произошла у нихъ драка; во время оной одинъ офицеръ, изъ пѣмцевъ, того полка, въ которомъ служилъ гренадеръ, проходя мимо, почелъ обязанностію ихъ развести, и оттолкнулъ гвардейскаго солдата; сей послѣдній началъ кричать и звать на помощь товарищей, находившихся въ сосѣдствѣ. Въ ту же минуту явилась толпа буйныхъ солдатъ, офицеръ не могъ одинъ противостоятъ имъ и ушелъ въ сосѣдній домъ, въ которомъ находились другіе офицеры изъ иностранцевъ. Толпа мятежниковъ пошла за нимъ и разломала двери, которые успѣли на скоро заложить; мятежники напали на офицеровъ; эти, будучи въ меньшемъ числѣ, отступали изъ комнаты въ комнату, до чердака; но солдаты и туда дошли. Нѣкоторые офицеры спаслись по кровлямъ, другіе были схвачены и почти до смерти избиты: Сотронъ, адъютантъ фельдмаршала Ласси, и капитанъ Броунъ были изувечены до полусмерти. Мятежъ укрощенъ посланными пикетами, зачинщики взяты подъ стражу. Ласси сдѣлалъ донесеніе ко двору и мятежники были наказаны, но слишкомъ легко, отъ чего своеволіе гвардейцевъ увеличилось. Ласси приказалъ по всѣмъ улицамъ поставить пикеты армейскихъ солдатъ, которые ходили по городу днемъ и ночью. Не смотря на это, жители Петербурга были въ большомъ страхѣ: многіе оставили свои дома, всѣ ворота были заперты (112).

Между тѣмъ, какъ въ Петербургѣ буйствовали солдаты, — въ Москвѣ было тихо и спокойно: Свѣтло Христова Воскресенья государыня съ придворнымъ штатомъ встрѣтила въ любимомъ своемъ селѣ Покровскомъ, въ церкви, выстроенной, по ея указу, въ шесть недѣль. По случаю наступившихъ празднествъ всѣ дѣла государственныя были отложены: съ 17-го апрѣля по 3-е мая не вышло ни одного указа, между тѣмъ какъ въ остальное время они выходили почти ежедневно.

Распорядителями торжествъ были назначены: верховнымъ маршаломъ князь Н. Ю. Трубецкой, верховнымъ церемоніймейстеромъ баронъ Люберасъ, оберъ-церемоніймейстерами

князь Черкасской и Лопухинъ (президентъ канцеляріи конфискацій).

23-го апрѣля съ надлежащею церемоніею было объявлено о времени коронованія герцогу, иностраннымъ министрамъ; герольды *со всею помлоу*, возвѣстили жителей столицы. Въ тотъ же день, государыня съ придворнымъ штатомъ изъ зимняго дома, переѣхала въ кремлевскій императорскій домъ, и *резидовала* въ покояхъ потѣшнаго дома, который по сему случаю, былъ пребогато убранъ.

Еще съ большею роскошью, приготовлены были въ Успенскомъ соборѣ мѣста для императрицы, герцога, министровъ, именитаго духовенства и галлерей — для высоко-чиновныхъ особъ обоего пола.

Въ 5-ть часовъ утра, 25-го числа, данъ сигналъ изъ двадцати одной пушки, для сбора войскъ и участвовавшихъ въ процессіи: лейбъ-компанцы вытянулись шеренгами отъ внутреннихъ покоевъ государыни, по красному крыльцу, до церковныхъ дверей. Въ 6-ть часовъ стали съѣзжаться савонники, посланники, дамы и дѣвицы *знатнѣйшаго шляхетства*, убранныя въ пребогатыхъ *робахъ*, всѣ они становились въ дворцовыхъ покояхъ, сѣняхъ, на лѣстницѣ, на помостѣ, въ церкви, противъ номеровъ, наканунѣ назначенныхъ имъ отъ комиссіи. Въ церковь впускались не иначе какъ по билетамъ. Въ 8-мъ часу императорскія *регалии* церемониально перенесены изъ мастерской палаты въ аудіенцъ-камеру. Въ то же время заблаговѣстили, и по первому удару колокола, въ соборъ съѣхалось знатное духовенство; отслуживъ задравный молебенъ и часы, оно ожидало императрицу. Вслѣдъ за его высочествомъ, и его придворнымъ штатомъ, явилась государыня: надъ нею несли великолѣпнѣйшій балдахинъ, шлейфъ несли двѣнадцать человекъ по парно на довольномъ разстояніи другъ отъ друга, впереди по бокамъ и сзади, въ строгомъ порядкѣ шли придворные, депутаты и представители разныхъ областей, городовъ, сословій и правительственныхъ учреждений. Любопытно, что тутъ были тридцать шесть представителей русскіхъ, древнѣйшихъ фамилій. Лишь только началась процессія, усилились колокольный звонъ, пушечная пальба, войско взяло на караулъ, зна-

мена преклонились, архіепископъ Амвросій и епископъ псковской Стефанъ — кадили фиміамъ, кропили священою водою.

Обрядъ коронованія производился по общепринятому порядку (*), тѣмъ не менѣе въ современномъ описаніи помѣщены всѣ подробности сего обряда, приведены псалмы, молитвы, мѣста изъ священнаго писанія, символъ вѣры.... Амвросіемъ сказано было выпренное поздравленіе.

«Кое жъ большое можетъ быть великодушіе, восклицаетъ между прочимъ витія, какъ сіе: забыть деликатность своего пола, пойти въ малой компаніи на очевидное здравіе своего спасенія, не жалѣть за цѣлость вѣры и отечества послѣдней капли крови, быть вождемъ воинства, собирать вѣрное солдатство, заводить шеренги, идти грудью противъ непріятелей, и сѣдящихъ въ гнѣздѣ орла Россійскаго, ночныхъ совѣ и нетопырей, мыслящихъ злое государству, прочь выпужать, коварныхъ разорителей отечества связать, побѣдить, и наслѣдіе Петра I изъ рукъ чужихъ вырвать, и сыновъ русскихъ изъ неволи высвободить.... За это освобожденіе, уже не одну, но тысячу коронъ на тебя возложить долженствуетъ, Ты попрала смерть, разорила адъ, связала дьявола, и всѣмъ узникамъ, сѣдящимъ въ тьмѣ и сѣни смертной, вѣчное даровала освобожденіе» и т. д.

По окончаніи обряда коронованія, при шествіи въ разные кремлевскіе соборы, — въ народъ кидали золотые и серебряные жетоны. По возвращеніи во дворецъ, въ ожиданіи обѣда, ея величество наградила слѣдующихъ лицъ:

Принцъ *Гессенъ-голбургскій* генераль-фельдцейхмейстеръ произведенъ въ генераль-фельдмаршалы.

Орденъ св. Андрея получили: В. *Доморуконъ*, В. *Салтыковъ*, А. *Разумовскій*, М. *Безстужевъ-Рюминъ*, Н. *Трубецкой*, А. *Нарышкинъ* и *Бриммеръ*.

Въ полные генералы произведены: А. *Бутурлинъ*, фонъ-*Люберасъ*, Д. *Шепелевъ*. — М. *Хрущовъ* получилъ прежній чинъ генераль-лейтенанта. (?)

Въ генераль-лейтенанты: — А. *Елатинъ*.

---

*) См. «Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершилось коронованіе Елизаветы», 1742 г., въ листъ, славянскими буквами.

Въ тайные совѣтники: — баронъ А. *Строгоновъ*.

Орденъ св. Александра Невскаго получили: *Берггольцъ*, М. *Воронцовъ*, А. и П. *Шуваловы*, А. *Татищевъ* и Е. *Рагузинскій*.

Въ генераль-маіоры — В. *Салтыковъ*, всего пять человекъ.

Дѣйствительными камергерами въ отставку: князя А. *Вяземскій*, В. *Хаванскій*, М. *Голыцынъ*, гофъ-юнкеръ В. *Мошковъ*.

Дѣйств. стат. совѣтникомъ Н. *Строгоновъ*.

Графскимъ титуломъ пожалованы: А. и И. *Гендриковы*, также сестры ихъ фрейлины *Марья* и *Марѳа Гендриковы*, И. и А. *Ефимовскіе*, также Г. *Чернышевъ*, П. *Безстужевъ-Рюминъ*.

Баронскій титулъ получилъ И. *Черкасовъ*.

Въ дворяне пожалованъ лейбъ-кучеръ *Гаврила Скорняковъ*.

Въ статсъ-дамы фрейлина Мавра *Шувалова*, графиня *Марья Гендрикова*, Анна *Воронцова*.

Въ бригадиры, между другими произведенъ полковникъ О. *Вишневскій*, виновникъ счастія кавалера Андрея Первозваннаго А. Г. *Разумовскаго*.

Въ полковники произведены двое.

Въ подполковники — одинъ.

Въ капитаны — одинъ.

Въ Преображенскомъ полку въ капитаны, произведено восемь человекъ, между ними князь *Константинъ Кантемиръ*.

Затѣмъ въ остальные чины въ томъ же полку произведено 70 человекъ.

Въ Семеновскомъ полку, въ подполковники произведенъ С. *Апраксинъ*; въ остальные чины 43 человека.

Въ поручики, между другими, изъ камеръ-пажей произведенъ Иванъ *Шубинъ*, вѣроятно родственникъ А. Я. *Шубина*.

Въ Измайловскомъ полку, производство было столь же велико: пожаловано разными чинами, отъ капитанскаго до прапорщичьяго 68 человекъ.

Въ лейбъ-гвардіи конномъ полку — 56 человекъ.

Деревнями пожалованы: *Ласси* четыремя мызами въ Лифляндіи.

Кейтъ — тамъ же 23 гаками.

Левендалъ — тремя мызами.

Вслѣдъ за объявленіями о тѣхъ наградахъ и производствахъ Василій Тредіаковскій *раболюбно* поднесъ государынѣ *усерднѣйшею* привѣтственную оду (117), изъ 120 стиховъ.

Народъ, восклицаетъ между прочимъ поэтъ, вспоминая прежнее время :

Народъ тогда колико бѣдный
 Лишь теплыхъ къ вышнему молитвъ,
 Да взыдетъ та на тронъ наслѣдный,
 Хоть былъ ему страхъ отъ ловитвъ!
 О! Вы толь храбрые солдаты,
 Монархини ея коль краты
 Сердцежь желали въ глубинѣ?
 Вы, о! стѣна Россіи тверда,
 Ужь видите, что милосерда
 Верховнѣйшея въ сей странѣ!
 Поставлены ужь сѣти были;
 Ямъ оказалась глубина;
 Бѣды и скорби насъ губили,
 И ненависть воружена:
 Блевала злость змѣннымъ ядомъ,
 Со дна всѣмъ подымалась Адомъ.
 Россіи горькій токмо стонъ.
 Всѣ безъ защиты отъ навѣта!
 Но ты зря, о! Елизавета,
 Какъ будто сихъ не зрѣла спонъ.
 Особа жь ли твоя дражайша
 Тогда пребыть могла безъ бѣдъ?
 Вездѣ обиды, всюду страхи;
 Уже и самые всѣ прахи
 Любезну гнали небесамъ. ---
 Нынѣ же:
 Нѣтъ мѣста у Роса фортуны съ коломъ
 Вѣнецъ твой щить намъ отъ всего и. т. д.

Прочтя произведеніе придворнаго поэта, государыня въ процессіи придворныхъ отправилась обѣдать въ грановитую палату. Лейбъ-компанцы окружали Елизавету. «Потомъ, когда ея величество, сидя на тронѣ, изволила спросить кушать, выпила и прикушала, тогда всѣ особы знатныя, отдавъ поклонъ, сѣли за столы, были трактованы пребогатымъ обѣ-

домъ... «Кушанье приносили знатнѣйшіе сановники и подавали императрицѣ съ колѣноприклоненіемъ.»

Во время стола играли *презрѣдныя* концерты два хора итальянской музыки. По окончаніи обѣда, изъ окна грановитой палаты Елизавета Петровна бросала жетоны: народъ съ воплями, съ шумомъ и ссорами подхватывалъ золотые и серебрянные кружки (113).

«Торжество коронаціи, по словамъ описанія, продолжалось съ радостными забавами цѣлую недѣлю: во всѣ дни звонъ колоколовъ не умолкалъ, а по вечерамъ зажигались въ Москвѣ презрѣдныя и весьма великія иллюминаціи (114).»

26-го Апрѣля въ аудіенцъ-камерѣ, что на потѣшномъ дворѣ *), государыня, сидя на тронѣ *со всею помпою* принимала поздравленія особъ первыхъ четырехъ классовъ, они опускались на колѣни и цѣловали ся руку. Въ 4 часа, послѣ обѣда, принимала поздравленія отъ всего духовенства иностранныхъ министровъ, женъ и дочерей особъ пятого и шестаго классовъ, лицъ гражданскаго и военнаго вѣдомства отъ бригадировъ до майоровъ включительно, наконецъ депутатовъ Эстляндіи и Лифляндіи; послѣдніе говорили поздравительныя рѣчи.

Между тѣмъ предъ грановитой палатой на двухъ высокихъ *рундукахъ* поставлены были жареные быки, начиненные разнаго рода жареными птицами, тутъ же устроены были фонтаны краснаго и бѣлаго вина. По данному знаку императрицей народъ стремглавъ разхваталъ яства, ловя при этомъ жетоны, бросаемые изъ оконъ дворца.

27-го Апрѣля въ собраніи всѣхъ чиновъ, представлялся съ поздравленіемъ персидскій полномочный посолъ Магометъ-Гусейнъ-Ханъ съ своею свитою (116).

На послѣ-обѣденной аудіенціи представлялись между другими члены академіи наукъ и медицинскаго факультета. Привѣтственную рѣчь говорилъ профессоръ аллегоріи Штелинь.

28-го числа были допущены на аудіенцію придворныя чины и лейбъ-компанцы, съ ихъ офицерами. Въ этотъ же

*) Бывшій домъ *И. Д. Милославскаго*. Онъ удержалъ за собой названіе дворца потѣшнаго съ-тѣхъ-портъ, какъ въ царствованіе Алексѣя представляли здѣсь комедіи и духовныя мистеріи. *Спец. Арх.* 1822. № 21.

день народу вновь были выставлены жареные быки, птицы, и фонтаны винъ. День кончился баломъ въ грановитой палатѣ.

29-го Апрѣля, въ 10 часовъ утра, государыня и герцогъ церемоніально-предшествуемые и послѣдуемые всѣмъ своимъ штатомъ, въ дорогихъ экипажахъ отправились въ лузкій дворець, провожаемые колокольнымъ звономъ, пушечной и ружейной пальбой, криками солдатъ, музыкой своихъ всѣхъ полковыхъ хоровъ. Улицы были обставлены частымъ ельникомъ. Послѣ торжественнаго обѣда, вечеръ заключился баломъ.

Публичные обѣды и балы для особъ первыхъ пяти классовъ были 3-го, 4-го и 7-го мая. Съ этого же времени во дворець допускались всѣ желающіе видѣть императорскіе регалии: корону, скипетръ, державу, мантию, ордена и проч. Но «подлыхъ людей» приказано было не пускать (115).

Съ 8-го мая начались при дворѣ маскарады. Въ продолженіи ихъ государыня и герцогъ были въ маскарадномъ платьѣ; всѣ присутствующіе угощаемы были пребогатыми обѣдами, при чемъ кушали безъ масокъ. Купечество угощали въ особомъ залѣ, за особыми столами. Билетовъ для входа въ маскарадъ было выдано не болѣе 900.

29-го мая при дворѣ шла итальянская опера, зрители были въ маскарадныхъ платьяхъ.

Поставили на сцену: «Милосердіе Тита» слова *Метастазія*, музыка славнаго *Гассе*, съ музыкальнымъ прологомъ сочпненнымъ *Доменико-Даллолю*, подъ названіемъ: «Россія, опечаленная и угѣшенная» текстъ пролога былъ написанъ Штелинымъ. Въ этомъ прологѣ, такъ рассказываетъ современникъ, была одна арія, которую пѣла олицетворенная Россія: «*Atto miei figli*» и которую Елизавета Петровна выслушала со слезами.

Для представленія оперы построили въ Москвѣ, противъ императорскаго дворца, на обширной площади, театральную залу въ новѣйшемъ вкусѣ, въ которой помѣщалось до 5000 зрителей. Главные роли были играны г-ею Жіоржи и ея мужемъ, двумя пѣвцами: Розиною Бонъ и Екатериною Массони и теноромъ Кричи. Хоры исполнялись огромною массою

голосовъ, при чемъ впервые были употреблены гнѣчие императорской капеллы.

Если вѣрить Штелину, то желаніе московской публики видѣть эту первую оперу было столь сильно, что множество зрителей обоого пола собралось въ залу за шесть часовъ до начала представленія, для того чтобы занять мѣста (118).

31-го мая балъ и маскарадъ повторенъ, а 3-го іюня во время великолѣпнаго бала, маскарада и ужина сожгли громадный фейерверкъ.

6-го числа снова былъ балъ, маскарадъ, и шла опера италіанская.

Празднества заключены были 7-го іюня великолѣпнѣйшей иллюминаціей во всей Москвѣ (115).

День коронаванія Елизаветы Петровны былъ отпразднованъ въ С.-Петербургѣ съ большимъ торжествомъ: обѣдами, балами, фейерверками и иллюминаціями. (119) Утромъ сего дня въ собраніи членовъ академіи, многихъ генераловъ и постороннихъ особъ, Крафтъ, профессоръ физики, читалъ рѣчь о изобрѣтенныхъ недавно во Франціи клавикордахъ глаза веселящихъ, «и при томъ старался, по словамъ вѣдомостей, по физическимъ основаніямъ разрѣшить сей вопросъ: *могутъ ли органы, при извѣстномъ расположеніи, въ глазахъ глухаго человека такое-жъ увеселеніе произвести, какое мы чувствуемъ ушами отъ музыкальныхъ звуковъ?*» На это отвѣчалъ отъ лица академіи докторъ Вейтбрехтъ, профессоръ физиологій. Проповѣдь, сказанная въ этотъ день протопопомъ Петропавловскаго собора Петромъ Гребневскимъ (120) есть повтореніе сказаннаго Амвросіемъ, Маркелломъ и друг.» О несмысленныя галоти, — говоритъ ораторъ крѣпостнаго собора, выступая съ новыми проклятіями надъ изгнанниками Березовскимъ и Пелымскимъ, — кто васъ прельстилъ не покаяться истиннѣ? О гробы повапленные, како отъ внѣ являлися красны, внутрь же исполнены были змиевъ ядовитыхъ! О яблоки содомскія; како добры вѣдѣнію человѣческому являлися, внутрь же сокрывали пепель, червіе и жупель? О лисы прехитрыя; взоромъ смиреніе показывающіи, внутрь же ухищренни и козней діавольскихъ исполнены были! О

ковчегн позлащенныя, не манну, но обману и квась фарисейскій въ себѣ содержащія!»

XI.

Перемиріе. — Приготовленія къ возобновенію кампаніи. — Состояніе шведской арміи. — Манифестъ 18-го марта. — Бунтъ гвардейцевъ. — Занятіе Мендолакскаго дефиле и Фридрихсгама. — Бѣгство Левенгаупта. — Дѣйствія на морѣ. — Письмо офицера въ Стокгольмъ. — Занятіе Нейшлота, Тавасгуста и Кексгольма. — Присоединеніе уѣздовъ борговскаго, нюланскаго и тавасгустскаго. — Обходное движеніе русской арміи. — Арестъ шведскихъ военачальниковъ. — Капитуляція 24-го августа. — Покореніе Финляндіи (121).

«Милосердый Господи! Истреби шведовъ бурею твоею, смути ихъ гнѣвомъ твоимъ, исполни лица ихъ безчестія, да постыдятся и смятутся въ вѣкъ вѣка, да посрамятся и исчезнутъ, и да погибнутъ нечестивіи: пмя же твое, премилосердый Боже, да прославится въ насъ, прилѣжно молимся, услыши и помилуй!»

(О побѣдѣ на суностаты. М. 1742, стр. 16).

Начиная кампанію 1741 года, шведы объявили, что они хотятъ возвести на престолъ дочь Петра I и освободить Россію отъ иноземнаго ига. Но Елизавета взошла на престолъ безъ помощи шведскихъ пушекъ; главнѣйшій поводъ къ войнѣ самъ собою уничтожился, война по видимому должна была прекратиться, но не такъ вышло. Шведамъ въ сущности все было равно: Анна или Елизавета занимаютъ русскій престолъ, Остерманъ или Бестужевъ править Россіей: имъ нужны были области, отнятыя у нихъ Петромъ.

Какъ бы то ни было, но 25-го ноября новая государыня освободила плѣннаго капитана Дидрона и отправила его къ военачальнику шведской арміи съ извѣстіемъ о переворотѣ и письмомъ Шетарди. Послѣдній именемъ Елизаветы предлагалъ заключить перемиріе. 27-го числа Левенгауптъ принялъ предложеніе, послѣ чего до марта мѣсяца уполномоченные обѣихъ сторонъ вели безплодные переговоры о мирѣ. — Шведы, разбитые на всѣхъ пунктахъ, тѣмъ не менѣе, съ странною самоувѣренностью и настойчивостью требовали всей Финляндіи съ городомъ Выборгомъ. Петербургское правительство рѣшительно объявило, что оно не намѣрено дѣлать

уступки петровскихъ завоеваній, но готово деньгами вознаграждать военные издержки. Стокгольмскій кабинетъ отказался.

Тогда начались съ нашей стороны приготовления къ войнѣ, собирались войска, свозили хлѣбъ, овесъ, ячмень, *пызо* и прочіе запасы (122). Въ концѣ марта большую часть войска переправили черезъ Неву и стали стягивать къ Выборгу. Туда двинулись полки конной и пѣшей гвардіи (не въ полномъ составѣ), 15 драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ. Въ самомъ скорѣйшемъ времени, объявляли вѣдомости, близъ Выборга, подъ начальствомъ «фельдмаршала Ласси соберется армія изъ 70,000 регулярнаго, 12,000 иррегулярнаго войска, (не считая гарнизоновъ); да въ Лифляндіи и Эстляндіи 15000. Кронштадтскій флотъ, по тѣмъ же официальнымъ извѣстіямъ, состоялъ изъ *великаго числа* военныхъ и транспортных судовъ; на нихъ кромѣ матросовъ, было помѣщено 5000 пѣхоты, вооружалось 70 галеръ, для 15-ти тысячнаго отряда.— Генераль-инспекторы доносили, что полки обмундированы, вооружены и снабжены запасами; конница *удовольствована* весьма добрыми лошадьми и т. д. (122).»

Но газеты увеличивали число нашего войска. Достоверно извѣстно, что вся наша дѣйствующая армія въ Финляндіи состояла изъ 35,000 человекъ, въ томъ числѣ 10,000 на судахъ. Флотъ *вѣренный* вице-адмиралу Мишукову, не превышалъ 12-ти линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ и мелкихъ судовъ.

Среди приготовленій къ войнѣ, государыня, по словамъ иностранцевъ, созвала на совѣтъ отрядныхъ начальниковъ; между прочимъ явился и донской атаманъ, маститый старецъ (123), закаленный въ бояхъ. «Государыня,— началъ онъ, обращаясь къ Елизаветѣ,— еслибы вашъ государь батюшка послушался меня, такъ шведы бы теперь не посмѣли и пикнуть. Забравшись къ нимъ, въ ихнюю сторонку, стоило только перерѣзать побольше этихъ бусурмановъ и дѣло было бы кончено!»

Но непріятельская армія и безъ пособія ножей и пикъ казацкихъ приведена была въ самое жалкое состояніе. Въ лагерѣ ихъ у Фридрихсгама отъ дурной пищи, тѣснаго по-

мѣщенія, скверной погоды распространились заразные болѣзни. Солдаты укрывались отъ дождя, снѣга и слякоти въ землянкахъ: но въ нихъ было такъ сыро, что платье плеснѣло на платьѣ. Въ день умирало по нѣсколькимъ сотнямъ людей; землянки стали замѣнять могилы, ихъ наполняли трупами, сбрасывали крышу и засыпали землей. Трупы хоронились безъ церковныхъ обрядовъ, нагіе, нерѣдко истерзанные голодными собаками.

Въ Швеціи, между тѣмъ, не довѣряли искренности Россіи относительно мира, и король еще 7-го декабря 1741 года писалъ Левенгауту: «Елизавета успокоиваетъ насъ обѣщаніями: правительство ея утвердится, мы упустили благоприятное время, не мѣшчайте, идите къ Петербургу». — Но до 19-го марта шведскій военачальникъ не трогался съ мѣста, доносилъ что непріятеля не видать, и, обманутый письмами Шетарди, вполне вѣровалъ въ успѣшное окончаніе мирныхъ переговоровъ. Вдругъ 25-го февраля прискакалъ курьеръ изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что перемиріе прекращено. Въ арміи разнесся слухъ, что 50-ти тысячный отрядъ двигается къ Фридрихсгаму; поднялась страшная суматоха, полки форсированными маршами шли къ этому городу, валы и бастионы его были укрѣплены и вооружены, наконецъ, по порученію главнокомандующаго, полковникъ Лагеркранцъ отправленъ въ Москву съ предложеніемъ перемирія и даже мира. Старанія полковника не увѣнчались успѣхомъ; 18-го марта русское правительство обнародовало манифестъ (124): «Мы употребляли всезависящія отъ насъ средства, — объявляла Елизавета, — чтобы прекратить богопротивныя распри: остановили военныя дѣйствія, въ минуту самыхъ блестящихъ успѣховъ нашего оружія; въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ ждали мы мирныхъ предложеній со стороны Швеціи (?), оказывали ей поданнымъ всевозможныя услуги; но мы узнали только одно, что настоящая война начата не съ общаго согласія государственныхъ чиновъ Швеціи; напротивъ немногіе, ради себялюбивыхъ замысловъ, пожертвовали общимъ счастьемъ отчизны: вотъ почему жители Финляндіи желаютъ мира: ихъ страна и имущества подвержены бѣдствіямъ войны. Не желая дѣлать новыя завоеванія, мы принимаемъ въ финлянд-

цахъ самое живѣйшее участіе и обѣщаемъ имъ твердо, нерушимо: если они не примуть ни малѣйшаго участія въ настоящей войнѣ, то никому изъ нихъ не будетъ причинено ни малѣйшаго вреда; каждый финляндецъ будетъ пользоваться нашимъ покровительствомъ и защитой, наконецъ мы поможемъ княжеству Финляндскому освободиться отъ владычества шведовъ, сдѣлаться государствомъ независимымъ, съ собственнымъ правленіемъ, съ своими законами, правами и привилегіями. Финляндія сдѣлается такимъ образомъ посредницею между Швеціей и Россіей, чрезъ что и уничтожатся всѣ безпокойства и распри между двумя государствами. Мы готовы завѣрить финляндцевъ, что наше обѣщаніе будетъ свято исполнено. Буде же, вопреки ожиданіямъ, наше благое предложеніе не будетъ принято и финляндцы, изъ неумѣстнаго упрямства, примуть участіе въ войнѣ противъ насъ, то мы повелимъ разорить всю страну огнемъ и мечемъ.

Финляндія, занятая шведскими войсками, выжженная и разоренная, не имѣющая поводовъ довѣряться призывамъ русской самодержицы къ *свободѣ*, не отвѣчала на эти призывы. Что же касается до шведскаго короля, то онъ не замедлил обнародовать декларацію, выставляя въ ней Россію единственною виновницею войны. Между тѣмъ въ Фридрихсгамѣ умирало такъ много, что гарнизонъ смѣнялся каждыя двѣ недѣли. Неудовольствія въ арміи возрастали; уваженіе къ начальству исчезло; офицеры веселились въ трактирѣ и подгулявъ, позволяли самыя дерзкіе поступки. Однажды отправили они депутацію къ главнокомандующему съ извѣстіемъ, что пьютъ за здоровье короля Карла XIII-го, такъ называли они племянника Елизаветы, внука Карла XII-го.

Въ концѣ апрѣля русская армія собралась у Выборга. Ласси, по словамъ Манштейна, хотѣлъ воспользоваться жестокостью зимы, чтобы овладѣть Фридрихсгамомъ. Часть войска должна была, перейдя по льду Финскій заливъ, атаковать крѣпость со стороны моря, чего непріятель не могъ предвидѣть, остальное же войско должно было идти по Выборгской дорогѣ. Наступившая оттепель разрушила планъ. Ласси ограничился мелкими стычками; въ этой *партизанской*

войнѣ казаки выжигали деревни, топтали поля, уничтожали сады, угоняли скотъ, грабили бѣдныхъ поселянъ, дѣлали всякаго рода неистовства, по понятіямъ того времени, считавшіеся важными подвигами (125). Эти подвиги не прекращались до мая мѣсяца. Отрядные начальники въ донесеніяхъ къ Ласси безстыдно лгали: увеличивали непріятельскія потери, уменьшали свои, увеличивали число сожженныхъ деревень и т. д. Петербургскія Вѣдомости спѣшили опубликовать эти извѣстія, не обращая вниманія на то, что если бы онѣ были справедливы, то въ Финляндіи не осталось бы ни одной избушки, ни одной коровы.

Въ то время, когда отдѣльныя команды отличались въ грабежахъ и убійствахъ, въ самой средѣ русской арміи бушевали герои 25-го ноября, гвардейскіе солдаты. Слѣдующее обстоятельство послужило поводомъ къ рѣшительному бунту. Изъ непріятельскаго стана прибылъ унтеръ-офицеръ съ барабанщикомъ для врученія писемъ къ фельдмаршалу Ласси. Дежурный генералъ-маіоръ Ливенъ встрѣтилъ посланныхъ на аванпостахъ, привелъ ихъ въ свою палатку, а письма повезъ къ главнокомандующему въ Выборгъ. Нѣсколько гвардейцевъ видѣли Ливена, проходящаго съ шведами, сказали товарищамъ, и въ полкахъ быстро пронеслась молва, что иноземцы умышляютъ заговоръ противъ государства, что они принимаютъ гонцевъ и письма непріятельскія, что пора перебить измѣнниковъ генераловъ. Сбѣжалось около 400 солдатъ, преимущественно преображенцевъ и семеновцевъ: они устремились къ палаткѣ Ливена. Не найдя его тамъ гвардейцы бросились въ канцелярію: избили до полусмерти шведовъ, ливенова адъютанта, слугъ, караульныхъ солдатъ... Тщетно старались остановить мятежъ—сбѣжавшіеся офицеры. «Смерть нѣмцамъ! ревелъ толпа, не хотимъ иныхъ начальниковъ, кромѣ русскихъ!» Неизвѣстно, къ какимъ послѣдствіямъ привелъ бы мятежъ, къ счастью на мѣсто драки явился генералъ Кейтъ. Силѣ бросился онъ въ толпу, схватилъ одного изъ зачинщиковъ и велѣлъ священнику приготовить его къ смерти. Адъютанты и ординарцы схватили еще нѣсколько мятежниковъ. Громкій спокойный голосъ генерала, его энергическія распоряженія навели на толпу панпческій

страхъ: солдаты бросались въ разныя стороны. Конная гвардія и армейскіе полки не принимали участія въ безпорядкахъ: имъ было приказано охранять лагерь. Зачинщики были арестованы и преданы суду; главнѣйшему изъ нихъ, унтеръ-офицеру Преображенскаго полка, по приговору комиссіи и ея предсѣдателя А. И. Румянцова, отсѣчена правая рука. Остальныхъ нещадно выпороли кнутомъ и сослали въ Сибирь (126).

«Замѣтно, что не Минихъ предводительствуетъ войсками, сказалъ нѣсколько дней спустя Кейтъ въ обществѣ офицеровъ; явись славный фельдмаршалъ хоть на нѣсколько дней и все бы приняло другой видъ» (127). Если посвидѣтельству генерала состояніе русской арміи было далеко неудовлетворительно, за то съ наступленіемъ весны положеніе шведовъ значительно улучшилось. Каждый день приходили суда съ провіантомъ и войскомъ, и къ концу мая, Левенгауптъ снова имѣлъ 15,000 свѣжаго войска, сосредоточеннаго въ Фридрихсгамѣ. Близъ этого города, сильно укрѣпленнаго, находилось Мендылакское дефиле. Въ слѣдствіе своего выгоднаго положенія и небольшихъ укрѣпленій, оно было несравненно сильнѣе Фридрихсгама, такъ что 2,000 отрядъ могъ легко отразить 10,000 войска. Защита столь важнаго поста была поручена полковнику Фребергу, человѣку трусливому и бездарному. Этотъ витязь до того растерялся, при одной вѣсти о движеніи русскихъ войскъ, что вопреки всѣмъ приказаніямъ, бѣжалъ съ своимъ отрядомъ, наставляя на необходимости заковать и бросить пушки, чего впрочемъ не сдѣлалъ начальникъ артиллеріи.

Нельзя сказать, чтобы движенія русскаго войска были быстры и рѣшительны: только 16-го іюня передовой отрядъ козаковъ въ располхъ напалъ на мѣстечко, сосѣднее Фридрихсгаму, изрубилъ фуражировъ, и захватилъ генераль-квартирмейстера Норденкрейца. Козаки предали его ужаснымъ пыткамъ, требовали выдачи казенныхъ денегъ, на копецъ ничего не добившись, безжалостно его умертвили. При вѣсти о нападеніи козаковъ въ непріятельскомъ лагерѣ, поднялась суматоха. Въ два часа ночи козаки съ гикомъ устремились къ лагерю, и если бы маіоры Крабе и Дельвигъ

не успѣли отразить атакующихъ, то козаки ворвались бы въ лагерь.

Рѣшительныя схватки русскаго авангарда, занятіе недоступнаго доселѣ Мендолакса—все это поразило шведовъ. «Гдѣ же наконецъ и защищаться, если Мендолаксъ оставленъ?» говорилъ смущенный непріятель. Трусость Фреберга была рѣшительно непостижима. Позиція была столь сильна, что при малѣйшемъ отпорѣ русскіе потеряли бы значительную часть своей пѣхоты. Изъ любопытства, говоритъ Манштейнъ, мы послали нѣсколько гренадеровъ: прошло болѣе часа, прежде нежели они могли взойти на рентрашементы съ фронта. Легко себѣ представить какихъ бы усилій стояло взойти этимъ же путемъ при пушечной и ружейной пальбѣ?» (128)

Шведы могли поправить дѣло обороною Фридрихсгама; это тѣмъ легко было сдѣлать, что обширныя его укрѣпленія примыкали къ морю и озеру, въ тылу стояла вся армія, а впереди была каменистая почва, весьма неудобная для веденія траншей. Но страхъ уже сталъ мутить головы шведскихъ военачальниковъ и въ тотъ же день, когда пришла вѣсть о бѣгствѣ Фреберга, на военномъ совѣтѣ почти единогласно рѣшено оставить Фридрихсгамъ, укрѣпленія котораго стояли много времени, людей и средствъ. 26-го іюня подошли русскіе; Ласси готовился приступить къ продолжительнымъ осаднымъ работамъ, а 28-го числа непріятель тянулся къ рѣкѣ Кюмени. Съ наступленіемъ сумерекъ предъ изумленными русскими запылали дома, хлѣбныя магазины; пороховые погреба одинъ за другимъ взлетѣли на воздухъ, наконецъ весь городъ исчезъ въ облакахъ дыма и столбахъ пламени: бомбы и гранаты съ трескомъ лопались въ цейхгаузахъ, на валахъ разрывало пушки, все падало и рушилось. Русскіе сначала думали, что непріятель уничтожаетъ предметы, никому и въ голову не приходило, что крѣпость брошена безъ боя: 1,000 пудовъ пороха, множество снарядовъ, 10 мѣдныхъ и 120 чугуныхъ пушекъ достались въ добычу русской арміи. Шведы не отступали, а бѣжали: бросали многихъ больныхъ, забыли полковое знамя; въ почтамтѣ русскіе захватили кучу не отправленныхъ писемъ, изъ нихъ Ласси получилъ много свѣдѣній о непріятельской арміи (129).

Оставивъ Фридрихсгамъ Левенгауптъ сдѣлать большую ошибку; главный магазинъ находился въ этомъ городѣ, отступающая армія имѣла продовольствія только на десять дней, распоряженія о доставкѣ провіанта не были сдѣланы, весь край до Гельсингфорса переходилъ къ русской арміи. Странно, что самъ Левенгауптъ за десять дней до ретирады говорилъ, что съ оставленіемъ Фридрихсгама, пропадетъ всякая надежда на заключеніе славнаго и выгоднаго мира! Что было причиною подобнаго противурѣчія? Неизвѣстно (130).

Въ непостижимомъ припадкѣ паническаго страха генералы шведскіе истребляли на пути своего бѣгства обывательскіе дома, амбары, всякаго рода запасы, все это безъ жалости и безъ надобности предавалось пламени: потери простирались на нѣсколько милліоновъ рублей. Армія останавливалась, но не для отпора, а для новыхъ совѣщаній трусливыхъ генераловъ, они продолжали почти единогласно говорить: «что вступать въ бой съ русскими, дѣло слишкомъ рискованное, а ради безопасности отчизны необходимо сохранить армію и флотъ». Напрасно посылали изъ Стокгольма строжайшія повелѣнія Левенгаупту: защищать Финляндію, отстаивая каждый шагъ у непріятели; главнокомандующій продолжать отступать, окруженный генералами трусливыми и неспособными. Остановись они хоть разъ и сдѣлай видъ, что готовы дать отпоръ, дѣло приняло бы другой оборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, 2-го іюля Ласси получилъ приказъ непременно окончить военныя дѣйствія, лишь только Шведы будутъ отброшены за рѣку Кюмень; въ день полученія приказа русскіе сами стояли по той сторонѣ рѣки. На военномъ совѣтѣ русскіе генералы предложили буквально выполнить приказъ; генералы изъ иностранцевъ настаивали на необходимости продолжать преслѣдованіе и только взятіемъ Гельсингфорса заключить кампанію. Последнее мнѣніе восторжествовало.

«Странная война: начальники обѣихъ армій поступали вопреки приказаніямъ своихъ правительствъ. Одному приказывали сражаться, и онъ не сражался; другому прекратить военныя дѣйствія, а онъ продолжалъ сражаться. Одинъ хотѣлъ противъ приказанія *сохранить* армію и съ нею собственную жизнь: погубилъ армію и не платился за то жизнью;

другой — рисковалъ арміею и собственною головою: сберегъ то и другое, и завоевалъ цѣлую страну!»

У малаго Абборфорса непріятель остановился: спокойно простоялъ онъ здѣсь цѣлую недѣлю; Ласеи, связанный повелѣніемъ двора своего, боялся тратить людей и не тревожилъ непріятеля (131).

Во всю кампанію этого года дѣйствія на морѣ были весьма не важны: на обонхъ флотахъ свирѣпствовали повальные болѣзни; шведскіе корабли стѣснены были тѣмъ, что служили прикрытіемъ сухопутному войску, хотя при рѣшительномъ движеніи на Кронштадтъ или Ригу, они дали бы другой ходъ своей кампаніи. Что касается до нашего флота, то начальникъ — Мишуковъ больше былъ занятъ своей распріей съ графомъ Головинымъ, президентомъ адмиралтейской коллегіи, нежели непріятельскими кораблями. Всѣ подвиги вице-адмирала ограничились взятіемъ нѣсколькихъ торговыхъ судовъ. Темныя ночи и сильныя вѣтры мѣшали ему сняться съ якоря и вступить въ бой, такъ доносилъ Мишуковъ ко двору.

Между тѣмъ 12-го іюля непріятель снова началъ ретирату: всѣ дѣла ограничивались небольшими стычками, съ переменнымъ успѣхомъ.

Въ рядахъ отступающей арміи съ каждымъ днемъ усиливался ропотъ, негодованіе; наконецъ презрѣніе къ Левенгаупту. Солдаты толпами оставляли знамена. Армія упала духомъ; храбрость, бодрость, увѣренность въ свои силы — все это исчезло.

«Я увѣренъ, — писалъ одинъ офицеръ въ Стокгольмъ, — что слухъ о нашихъ славныхъ подвигахъ не только достигъ Швеціи, но облетѣлъ и весь свѣтъ. Мы въ виду непріятеля сожгли Фридрихсгамъ, и не потеряли при этомъ подвигѣ ни одного человѣка. Можно себѣ представить, какъ поражены были русскіе, когда увидѣли, съ какою смѣлостью сожгли мы нѣсколько тысячъ пудовъ пороха, прекрасный цейхгаузъ, провіантскій магазинъ и т. п. Что за великолѣпная была иллюминація, когда между двумя арміями лопались тысячи бомбъ и гранатъ, разрывало пушки, рушились укрѣпленія. По окончаніи иллюминаціи, мы въ порядкѣ пробѣжали до Кю-

мени. Было свѣтло; мы неутомимо жгли мельницы, амбары, мосты, все — до собачьей будки. Бѣдные русскіе съ трудомъ успѣвали насъ преслѣдовать. Не нахвалился нашими генералами: всѣ свои подвиги они совершили безъ малѣйшей капли крови, а неблагодарные солдаты были взбѣшены, проклинали трусость командировъ, плакали съ отчаянья, что имъ не позволяли драться. Если наше бѣгство продолжится съ прежнимъ успѣхомъ, то я надѣюсь такъ скоро увидѣться съ стокгольмскими друзьями, что они врядъ ли успѣютъ окончить триумфальныя ворота къ нашему прибытію.»

Авторъ письма имѣлъ полное право, съ такимъ злымъ сарказмомъ, отзываться о своихъ начальникахъ: въ бѣдственномъ исходѣ кампаніи нельзя уже было сомнѣваться. Ласси уже доносилъ Елизаветѣ, что толпы жителей спѣшать къ нему съ изъявленіемъ покорности, что Нейшлотъ, Тавастгустъ и Кексгольмъ безъ труда заняты нашими отрядами, что наконецъ депутаты отъ уѣздовъ борговскаго, шюландскаго и др. явились къ нему съ униженными просьбами принять ихъ въ русское подданство (132).

29-го іюля, уничтоживъ мостъ у Борго, шведы ретировались на новую позицію къ Гельсинггальму, по прежнему выгодную, крѣпкую, но для нихъ бесполезную. Левенгауптъ не думалъ сражаться: опасеніе проиграть сраженіе заставляло забывать, что его собственная честь и честь шведскаго оружія страдаютъ отъ его постыднаго бѣгства.

Вечеромъ 9-го числа, пишетъ современникъ Тибурціусъ, Левенгауптъ предпринялъ самое странное, болѣе того, безумное передвиженіе: мы занимали весьма выгодную позицію; но кто-то увѣрилъ главнокомандующаго, что гораздо удобнѣе для отпора низменные луга у Домарбю. Армія въ нѣтъмахъ, въ страшномъ безпорядкѣ перешла рѣку по лозучему мосту. Солдаты не знали куда идти, гдѣ остановиться, каждый легъ на землю тамъ, гдѣ стоялъ и ждалъ разсвѣта. Съ солнечнымъ восходомъ всѣ увидѣли, что стоятъ въ ямѣ, со всѣхъ сторонъ открытой для нападенія. Гибель арміи была бы неизбѣжна, если бы русскіе не сдѣлали оплошность и не дали бы время неприятелю перейти на прежнюю позицію. Когда я вечеромъ въ тотъ день, — продолжаетъ наторъ

Тибурціусъ, — читалъ молитву для гвардейцевъ, то замѣтилъ, что офицеры, стоявшіе на колѣняхъ у своихъ барабановъ, постоянно поглядываютъ на гору, находившуюся по ту сторону рѣки въ трехъ-стахъ верстахъ отъ насъ. Лишь только солдаты, по окончаніи молитвы, занѣли псаломъ, я оглянулся и увидѣлъ на горѣ весь русскій генералитетъ, стоявшій съ обнаженными головами и молившійся вмѣстѣ съ нами; воздухъ былъ тихъ и каждое слово молитвы долетало къ русскимъ.»

На другой день, при дальнѣйшемъ отступленіи къ Гельсингфорсу, завязалась самая жаркая перестрѣлка. Левенгауптъ, въ бѣломъ плащѣ, на конѣ, являлся въ опаснѣйшихъ мѣстахъ. Убитый неудачами, онъ видимо искалъ смерти въ бою, но ни пуля, ни ядро не коснулись злополучнаго фельд-маршала.

11-го августа армія добралась до Гельсингфорса, прошла его, сожгла за собой мостъ и расположилась укрѣпленнымъ лагеремъ на мѣстѣ нынѣшняго кладбища. Русскіе не замедлили явиться. Финскій мужикъ донесъ Ласси о намѣреніи непріятеля отступить къ Або, о возможности обойти его дорогой, проложенной еще во время петровскихъ войнъ. Къ разсвѣту дорога была осмотрѣна, очищена и въ шесть часовъ утра русская армія отрѣзала шведамъ сообщеніе съ Або сухимъ путемъ; сообщенія моремъ уже не было: шведскій флотъ, потерявъ отъ болѣзней большую часть матросовъ, ушелъ въ Карлскрону.

Среди переговоровъ, начавшихся между двумя арміями, 19-го августа королевскіе посланные арестовали графа Левенгаупта и помощника его, генералъ-лейтенанта Буденброка. Тотъ и другой были потребованы въ Стокгольмъ съ отчетами о ихъ дѣйствіяхъ (133). Начальство надъ арміей принялъ генералъ-маіоръ Бускетъ. Послѣ неудачной попытки затѣять бой, онъ заключилъ 24-го августа капитуляцію на слѣдующихъ условіяхъ:

«Вся шведская пѣхота, офицеры и солдаты, также находящіеся при арміи гражданскіе чиновники, со всѣмъ оружіемъ, аммуниціей, багажемъ, знаменами, штандартами и проч. будутъ посажены на суда въ Гельсингфорскъ и от-

правлены въ Швецію. Кавалерія пойдетъ въ Торнео, чтобъ возвратиться сухимъ путемъ, или къ Або, чтобъ сѣсть тамъ на суда. Имущество и личная безопасность каждаго будутъ ограждены.

«Провіантъ и припасы, находящіеся на судахъ при заключеніи капитуляціи, будутъ оставлены шведамъ. Вся-же полевая артиллерія и артиллерійскіе снаряды, также крѣпостныя пушки и городскіе запасы должны быть сданы русскимъ. На проѣздъ шведы могутъ взять изъ магазиновъ необходимое число запасовъ.

Финскимъ полкамъ (всѣхъ десять) предоставляется на произволъ: сдавъ обозъ, лошадей и знамена, идти-ли въ Швецію, либо разойтись по домамъ»

Финны предпочли послѣднее и сдавъ оружіе, печально разошлись по домамъ. Всѣ условія капитуляціи были строго исполнены. Но бѣдствія шведовъ не кончились; во время переѣзда ихъ въ отчизну буря потопила множество судовъ; между солдатами, отъ тѣсноты помѣщенія, скверной пищи и сырости начались болѣзни: отъ нихъ пало множество жертвъ. Незначительныя остатки, и въ самомъ жалкомъ видѣ, высадились на берега Швеціи. Кавалерія понесла не меньшія потери: отъ безкормицы, дальности пути и болѣзней. Русскіе были крайне изумлены удачнымъ заключеніемъ капитуляціи. Шведская армія состояла въ это время изъ 17,000 человекъ; русская, ослабленная отдѣленіемъ гарнизоновъ для занятія крѣпостей, превышала ее не болѣе, какъ пятью сотнями. «Можно было держать пари два на одного, — говоритъ Манштейнъ, — что если-бы шведы не согласились на эту постыдную капитуляцію, а атаковали-бы русскихъ, то одержали-бы верхъ: позиція ихъ была чрезвычайно выгодная и хорошо укрѣплена. Но дѣйствія непріятеля были такъ странны, до того противорѣчили здравому смыслу, что потомство не повѣритъ имъ.»

А между тѣмъ, прямымъ слѣдствіемъ этого — было покореніе всей Финляндіи (134)! По удаленіи шведской арміи, генералъ Кейтъ назначенъ главнымъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ побѣжденной странѣ. Онъ занялъ Або, тогдашнюю столицу Финляндіи. Для охраненія береговъ остав-

лено въ Гельсингфорсъ 16 галеръ и двѣ прамы, да пять галеръ въ Фридрихсгамѣ. Войска отвезены на зимнія квартиры; Ласси уѣхалъ въ Петербургъ.

«Величайшимъ счастиемъ для Финляндіи, — пишетъ Топеліусъ, — было то, что начальство надъ оставшимся войскомъ вѣрено было Кейту, человѣку въ высшей степени достойному и великодушному. Жители, трепетавшіе отъ ужасовъ войны, нашли въ немъ отца и покровителя; онъ держалъ войско въ строжайшемъ порядкѣ: ни одна жалоба не была имъ оставлена безъ вниманія, ни одинъ нуждающійся въ помощи и защитѣ не былъ имъ отвергнутъ. Съ другой стороны недвояльные его строгостью, были, однако, вполне преданы своему начальнику; онъ заботился о ихъ нуждахъ и строго наказывалъ офицеровъ за злоупотребленія ихъ властью».

ХІІ.

Жизнь Елизаветы въ Москвѣ. — Прѣдики. — Троицкой походъ. — Трофеи взятые у непріятеля. — Герцогъ голштинскій принимаетъ православье, объявленіе его наследникомъ русскаго престола. — Разсказъ Екатерины II о малолѣтствѣ и воспитаніи Петра III. — Годовщина 25 ноября 1741 года; раздача 14,000 душъ крестьянъ преображенскимъ гренадерамъ. — Возвращеніе Елизаветы въ С. Петербургъ; ода Ломоносова въ 440 стиховъ. —

Характеристика государыни, сдѣланная дяколомъ крѣпостнаго собора.

Въ то время, когда на берегахъ Финнскаго залива Левенгауптъ и Ласси не воевали, а вѣрнѣе сказать, играли въ кошки и мышки, государыня, съ своимъ дворомъ, проводила время по-прежнему — въ потѣшныхъ зрѣлищахъ, молитвахъ, въ постройкѣ церквей, хожденіяхъ по монастырямъ и проч. Во всѣхъ храмахъ возсылались усердныя моленія «о низпосланіи побѣды на супостаты христоименитому воинству (135).»

«О еже студа и безчестія лица противящихся намъ исполнити, сердце-же ихъ страха и ужаса, и ангель Господень да будетъ погоняй и поражай ихъ, Господу помолимся!

«Оружіе супостатъ нашихъ и казни, и сокруши, и мечь ихъ скоро сотвори внести въ сердца ихъ, и послѣ стрѣлы твои, Господи, блести молніи, соразженни, и смяти враговъ нашихъ и истреби ихъ отъ земли, и изши насъ, и избави имени твоего ради: Господи, помолимся!» и т. д.

Отъ этого-же времени сохранилось нѣсколько проповѣдей (136), говоренныхъ въ разные дни, на разные случаи, въ присутствіи любительницы ихъ Елизаветы. Таковы слова: архим. *Малиновскаго* (20-го іюня), іеремон. *Кословича* (26-го ч.), митр. *Арсенія* (29-го ч.), свящ. *Могилянскаго* (11-го іюля), арх. *Флоринскаго* (15-го ч.), свящ. *Комаровскаго* (18-го ч.), *Красильникова* (25-го ч.), арх. *Петрункевича* (6-го авг.), іерея *Мартиніанова* (16-го ч.) и многіе другіе; всѣ они наполнены длинными, скучными, схоластическими разсужденіями на разные тексты, но въ нихъ ничего нѣтъ по поводу современной войны (137). Это обстоятельство дѣлается понятнымъ, если мы вспомнимъ, что тѣ же проповѣдники такъ недавно восхваляли миролюбіе императрицы: война возобновлепа по ея желанію и ораторы до времени не задѣвали этого щекотливаго предмета. За то нѣкоторые изъ нихъ (впрочемъ, весьма немногіе), довольно-смѣло и рѣзко говорили о порокахъ и общественныхъ недостаткахъ.

«Многіе-ли, — вопрошаетъ (4-го іюля) придворный проповѣдникъ *Савицкій*, — многіе-ли хоть копѣйку потратили на обученію православію? Весьма немногіе. А многія тысячи брошены на обученіе отъ пеленъ танцамъ, верховой ѣздѣ, играмъ, разнымъ языкамъ, да на странствія по чужимъ землямъ. А чтобъ *научиться* Бога знать, о томъ не подумали, въ томъ у нихъ нѣтъ манеру! Не такъ поступаетъ наша государыня: она не только о временномъ, но и о вѣчномъ добрѣ неусыпно промышляетъ; по ея волѣ, ни одного воскресенья безъ того не пройдетъ, чтобы не было сказано проповѣди.... Мы же сколько скучаемъ, ропщемъ, что проповѣдь долга, сказать трудно; одинъ часикъ послушать о своемъ спасеніи тлостно, а сколько часовъ проводимъ безъ скуки, въ разговорахъ о деньгахъ, о высокихъ рангахъ, о годовыхъ доходахъ.... О тьма со воистину страшная, тьма мукъ достойная! А отъ нея происходитъ то, что подымемя-ли мы, какъ паръ водяной, въ верхъ: получимъ-ли чинъ, богатство или ную мнлость, дѣлаемъ столь страшными и неприступными, что кажемся не отъ земли, а отъ небесъ рожденными: не людьми, но великолѣпными и неприкосновенными божками себя почитаемъ; немплосерды къ ближнему, лучше собаку,

лучше скота великаго любимъ и милуемъ, нежели брата своего бѣднаго!»

Еще любопытнѣе по бойкости и рѣзости выраженій слово архимандрита *Съченова*, сказанное 8-го іюля (139). Съченовъ сдѣлался въ послѣдствіи весьма извѣстнымъ проповѣдникомъ, и уже это слово заявило его, какъ человѣка, далеко выдвигающагося впередъ изъ толпы. «Какъ мы любимъ Христа?— спрашиваетъ Съченовъ, послѣ разсужденія о достоинствахъ православія относительно другихъ вѣрованій. — Люблю Христа словомъ: у меня въ различныхъ селахъ каменные палаты, прекрасныя покои, бани, поварни, а церкви въ тѣхъ же селахъ безъ крышъ погнили. У меня запонки, пряжки, табакерки золотыя, чайники и рукомойники серебряныя, а въ церкви свинцовыя сосуды. У меня златотканныя одѣялы, завѣсы, а тайны Христовы крашениною покрыты. вмѣсто кваса пью шампанское и венгерское, а въ церковь волоскаго галенка не посылаю. Искать чиновъ, богатства, путешествовать, суетловить, хвастать, веселиться, забавляться день и ночь легко, не скучно, а въ церкви постоять нѣкогда. Другу, патрону или сроднику за его просьбу или дары говорю: надѣйся, дѣло твое готово, сегодня приговоръ закрѣпимъ, а завтра указъ получишь. А бѣдный копійствъ напрасно проситъ: «сотвори Бога ради милость!» Смотрѣть не хочу, и съ гнѣвомъ отвѣчаю: не шуми, теперь не до тебя, много дѣлъ государственныхъ. Свои именины какъ безъ торжества пропустить: три дня и три ночи веселюсь, пьянствую, а придетъ праздникъ Рождества или Христова Воскресенья: за уборами, развозами по домамъ ласкательныхъ поклоновъ, поздравленій и въ церкви не былъ: рано заблаговѣстили! На словахъ: да будетъ воля твоя Господи, а на дѣлѣ всего желаемаго достигаемъ чрезъ патроновъ, стряпчихъ, ябедниковъ, чрезъ деньги, ласкательства и другіе коварныя способы. Противникамъ нашимъ грозимъ не Божьимъ именемъ, а именемъ своего благодѣтеля кокого-нибудь президента, губернатора, воеводы, секретаря. А того не знаемъ, что утромъ патрона чести лишать! Мы православныя христіане, а за кабаками, торгомъ, обѣдами, работою, не причыщаемся, Отче нашъ прочитать не умѣемъ, другаго писанія и не спрашивай! У всякаго вмѣсто

писанія хула, клеветное сквернословіе, на языкѣ обманъ, въ очахъ зависть, руки связаны грабежомъ, ноги заняты скормороществомъ! Вся любовь наша къ ближнему въ коварной политикѣ: какъ ласково встрѣтить, проводить, пріятныя письма, сладкія словца, низкіе поклоны, частое блаженство. «Здравствуй, здравствуй!» а сердцемъ хотя бы и на свѣтъ не было!... Правосудіе-ль тамъ вижу? Въ передней избѣ часовъ пять постои, да завтра приди, больше не жди. Милости-ли сыскать хочешь? Съ ногъ до головы обдерутъ: не срачицу, но и кожу снять готовы, а когда станешь правду искать, то и въ Сибири мѣста не сыщешь! Мы православные христіяне, а сколько межъ насъ лихоимцевъ, ябедниковъ, словолюбцевъ, ласкателей, *раскольниковъ*, *прелюбодѣевъ*, *волшебниковъ*, *костоводовъ*, гордыхъ, немилостивыхъ, еретиковъ таковыхъ довольно будетъ въ геенской безднѣ, въ тартарскихъ мѣстахъ! Но я все расточаю слова. Если Христу, и апостоламъ его не вѣрятъ, то мнѣ послѣдней спицѣ въ колесницѣ, а не проповѣднику, кто повѣритъ? Лучше молчать: кто меньше правды говоритъ, милѣе живетъ (139).»

Подъ вліяніемъ духовныхъ ораторовъ и по влеченію религіознаго настроенія — Елизавета отправилась пѣшкомъ на богомолье въ Троицко-Сергіевскую лавру. Отправившись изъ анненгофскаго дворца 31-го іюля въ 12 часовъ, государыня, какъ видно изъ камерфурьерскаго журнала (140), не утруждала себя большими переходами; чрезъ каждыя два часа отдыхала въ роскошныхъ ставкахъ, «вкушала обѣденныя кушанья», затѣмъ продолжала шествіе въ сопровожденіи племянника, двора и лейбъ-компанской роты. 4-го августа, государыня слушала въ монастырѣ обѣдню. Нарожницкій, намѣстникъ лавры, не преминулъ сказать проповѣдь, въ которой называлъ государыню *умудренною Юдифью*, *Остермана гордымъ*, *окояннымъ Олоферномъ*; находилъ *добродѣтель*, *благочестивое житіе и христоподрожательное смиреніе въ странническомъ пѣшеходеніи* Елизаветы; увѣрялъ, что нѣтъ въ свѣтъ ей подобной *за превосходствомъ многихъ ея добродѣтелей и прерогативъ* (141).

5-го Августа императрица возвратилась въ Москву.

Каждое благоприятное извѣстіе, приходившее съ театра войны, сопровождалось молебнами и щедрыми награжденіями

вѣстниковъ. Вѣстниками обыкновенно являлись сродники именитыхъ вельможъ: флигель-адъютантъ *Лестокъ*, генераль-адъютантъ *Безстужевъ*; съ реляціей о взятіи Фридрихсгама прискакалъ родственникъ Куракина, П. И. Панинъ, молодой человекъ, едва начинавшій служебную карьеру, онъ былъ пожалованъ капитаномъ гвардіи (142).

Редакція вѣдомостей, выполняя желанія своихъ читателей, заинтересованныхъ военными событіями, спѣшила объявить, что она не станетъ стѣсняться изданіемъ двухъ листовъ въ недѣлю, какъ то было прежде, но будетъ печатать немедленно всѣ донесенія, получаемыя съ театра войны (134). Такъ, по словамъ вѣдомостей, 19-го сентября въ Москвѣ происходило особое торжество (144), чрезъ весь городъ церемоніально пронесли во дворецъ финляндскіе трофеи (145), процессія шла въ слѣдующемъ порядкѣ (146): маіоръ на лошади, 50 гренадеровъ, рота мушкатеровъ, послѣдній изъ *радостныхъ* вѣстниковъ, молодой Безстужевъ, шведскія литавры на лошади, которую вели два солдата; пятьдесятъ шесть рядовыхъ: они волокли по землѣ непріятельскія знамена и штандарты; процессія замыкалась мушкатерскою ротою.

Занятая подобными церемоніями, богослуженіями, увеселеніями, охотою, — императрица съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удалялась отъ дѣлъ, и съ каждымъ днемъ увеличивалась власть А. П. Безстужева-Рюмина: онъ дѣлался полнымъ властелиномъ Россіи. «Императрица чрезвычайно пристрастилась къ охотѣ, — писалъ англійскій резидентъ Wich, въ депешѣ 9-го октября; — министры рѣдко находятъ случай представлять ей какія-нибудь серьезныя дѣла (147).»

Важнѣйшимъ событіемъ сего времени было принятіе герцогомъ голштинскимъ православной вѣры. 7-го ноября 1742 года, въ девять часовъ утра, все именитое духовенство съ архіепископомъ новгородскимъ Амвросіемъ, сенатъ, генералитетъ и придворные чины — собрались въ дворцовой церкви на торжественный обрядъ (148). Въ десять часовъ вошла императрица, въ сопровожденіи своего племянника. Сенатскій секретарь прочелъ манифестъ, объявлявшій *Петра Федоровича* наследникомъ всероссійскаго престола. Послѣ чего великій князь, ставъ на колѣна «россійскимъ языкомъ учинилъ съ ве-

ликимъ усердіемъ и желаніемъ обыкновенное отъ противныхъ православной церкви и отверженныхъ отъ нея всѣхъ еретичныхъ мудрованій отрицаніе.» Послѣ чего наслѣдникъ прочелъ символъ вѣры: всѣ догматы новой вѣры, по словамъ современника, принялъ, а противныя и несогласныя нашей церкви отметить и анаемѣ предать соизволилъ.

Послѣ прочтенія молитвъ Амвросій помазалъ его высокочество мѣромъ, а епископъ Стефанъ вымазанныя мѣста отеръ губкой. Во время обѣдни Петръ Ѳедоровичъ прикладывался къ иконамъ, причастился святыхъ тайнъ и принялъ послѣ литургіи троекратное поздравленіе сената, синода и всего генералитета. Высочоторжественный день отпразднованъ былъ пышнымъ обѣдомъ, вечеромъ иллюминаціей, фейерверкомъ, а во дворцѣ — концертомъ итальянскихъ артистовъ.

Празднества не прекращались въ теченіи трехъ дней. Москва оглашалась колокольнымъ звономъ, въ церквахъ служили молебны, приводили всѣ чины къ присягѣ наслѣднику престола, во дворцѣ подходили къ его рукѣ и приносили поздравленія. На лицевой сторонѣ медали, выбитой по сему случаю Vestner-омъ, была изображена Elisabetha, d. g. imperatrix rvssovum. На оборотѣ бюстъ Петра III-го на пьедесталѣ съ подписью: Petro Fedorowiz natal. dvce Nolsat. (Петръ Ѳедор. урожд. герц. Голштин.) По сторонамъ два другихъ пьедестала: на одномъ крестъ и евангеліе: religio. На другомъ: корона, скипетръ и мечъ: Potentia (могущество). Вверху лента: firmamenta imperii russici (твердь росс. импер.). Въ обрѣзѣ: magno principe russ. et futuro successore declarato, 1742 an, 18 Nov (149).

Такимъ образомъ Елизавета, въ цвѣтѣ красоты и здоровья обезпечила наслѣдіе престола назначеніемъ преемникомъ своимъ тринадцатилѣтняго племянника. Она не хотѣла вступать въ бракъ, предпочитая, по словамъ Фридриха II, свободу супружескимъ законамъ, по ея мнѣнію, слишкомъ неспособнымъ и тягостнымъ.

Между тѣмъ, въ ноябрѣ 1742 года, въ Москву прибыли депутаты отъ стокгольмскаго сейма съ предложеніемъ великому князю шведской короны. Петръ благодарилъ ихъ на

аудиенціи, но какъ наслѣдникъ русскаго престола, не принялъ шведскаго.

25-го ноября 1742-го года прошелъ годъ со времени восшествія на престолъ Елизаветы: этотъ день былъ отпразднованъ въ обѣихъ столицахъ съ особымъ торжествомъ, т. е. обѣдами, балами, фейерверками, иллюминаціями, проповѣдями... Дьяконъ Неруновичъ толковалъ о могуществѣ сѣмянъ Петра и Елизаветы, въ Петропавловскомъ соборѣ, епископъ Стефанъ въ выпрenneй рѣчи увѣрялъ: «что до Петра мы и ѣсть, и пить не умѣли», а въ его *великой дочери* находилъ: *природное остроуміе*, въ слѣдствіе котораго она умѣетъ отличить бѣлое отъ чернаго, кривое отъ прямого. *Безприкладную милость*, равняющую ее съ солнцемъ. *Любомудріе*, подобное любомудрію Александра Македонскаго: *правосудіе, благость, милость, кротость, великодушіе*, наконецъ *благочестіе*, но не то, которое въ тѣмъ состоитъ, чтобъ предъ людьми чаще вздыхать, головою кивать, лбомъ объ полъ стучать, глаза вперять въ потолокъ, либо въ землю потуплять, руки на воздухъ поднимать, но благочестіе истинное, состоящее въ полнѣйшей вѣрѣ въ Бога и его святое Откровеніе. Въ моей скудоумной бесѣдѣ, сознается ораторъ, я не могу перечислить всѣ добродѣтели Елизаветы.»

Годовщина восшествия на престолъ Елизаветы, была ознаменована пожалованіемъ преображенскихъ гренадеръ людьми и землями, въ вѣчное потомственное владѣніе. Эти подарки дѣлались изъ конфискованныхъ имѣній главныхъ савинниковъ: М. Г. Головкина и друг. Адъютанту *Грюнштейну* подарено 1000 человекъ муж. пола; прапорщику *Зотову* — 682 чел.; сержанту *Сурину* 500 душ.; *Журавлеву* 543 души; *Улчкису* 537 душ.; *Охлестышеву* 469 душ.; *Игнатьеву, Савину, Семенову* подарено каждому по пяти сотъ человекъ. Шесть вице-сержантовъ получили по 500 чел., два подпрапорщика 90 душъ, двѣнадцать капраловъ раздѣляли межъ собой 480 мужиковъ; двѣнадцать вице-капраловъ получили на брата по 35 дупъ; двѣсти пятьдесятъ восемь рядовыхъ преображенцевъ, герои 25-го ноября, должны были довольствоваться каждый 29-ю душами. Земли отдѣлялось каждому соотвѣтственно числу подаренныхъ крестьянъ. Такимъ обра-

зомъ, благодаря щедротамъ любомудрой, великодушной и остроумной монархини, прибавилось 300 новыхъ помѣщиковъ (изъ числа гренадеровъ преображенскихъ, только немногіе были прежде пожалованія помѣщиками), и 14000 крестьянъ, православныхъ русскихъ душъ мужскаго пола съ ихъ семьями, по мелочамъ, по штучно, раздарены въ вѣчное владѣніе новымъ помѣщикамъ, столбовымъ дворянамъ (150). Такъ отпразднована была годовщина 25-го ноября!

Съ начала декабря въ Петербургъ ждали императрицу. «Молимъ тебя и просимъ, — взывалъ къ отсутствующей государынѣ, дьяконъ Петропавловскаго собора, — молимъ ты матеръ всесладчайшая, приде во градъ Петровъ, красная въ женахъ, красная тѣломъ, краснѣйшая душею. Приде утѣха Россіянъ! Приде, сего желаетъ духовенство, сего жарко ожидаетъ воинство и все гражданство, которое не такъ огни веселые сожигаютъ, какъ сердца свои, горящія пламенною любовью, вашему величеству приуготовляютъ!»

11-го декабря императрица имѣла торжественный вѣздъ въ С. Петербургъ. Весь Невскій проспектъ былъ разукрашенъ по сему случаю, на немъ возвышались двое триумфальныхъ арокъ: у *Амичкова* и *Зеленаго* (съ 1797 года Полицейскаго) мостовъ (151). Ломоносовъ, молчавшій съ 10 февраля, ради настоящаго торжества, снова «ударилъ по струнамъ своей лиры», и привѣтствовалъ Елизавету одой въ 440 стиховъ, между которыми Д. Н. Бантышъ-Каменскій находилъ множество стиховъ, вылившихся прямо изъ души поэта. Вотъ немногія строфы этой оды (изд. 1751 г: с. 49 — 72), неизвѣстно почему не вошедшей въ изданіе Смирдина:

Какой пріятный зефиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ,
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу дщери зримъ Петровой
Зарей торжествъ свѣташу новой.
Чѣмъ ближе та сіяетъ къ намъ,
Мрачнѣе ночь грозитъ врагамъ,
Брега Невы руками плещуть,
Брега Балтійскихъ водъ трепещуть.

.....

Холмы и древа скачите,
 Лякуйте множество озеръ,
 Руками рѣки восплещайте,
 Петрополь буди вамъ примѣръ:
 Елизавета къ вамъ приходитъ!

.....
 Я слышу стихотворцевъ шумъ,
 Которыхъ жаръ не погасится,
 И будетъ чтущихъ двинетъ умъ;
 Завпстно на меня взирая,
 И съ жалостію воздыхая,
 Ко мнѣ возносятъ скорбный гласъ:
 О коль ты счастливѣе насъ!
 Нашъ слогъ исполненъ басней лживыхъ,
 Твой сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ.
 Но чтобы вымышлять намъ можно
 Безъ вещи имена однѣ,
 Когда бы было намъ возможно,
 Рожденнымъ въ Росской быть странѣ,
 Въ сіе благословенно время,
 Въ которое Петрово сѣмя,
 Всѣхъ женъ хвала Елизаветъ.
 Сладчайшій музамъ вѣкъ даетъ.

.....
 Красуйся духъ мой восхищенный,
 И не завидуй тѣмъ творцамъ,
 Что носятъ лавръ похвалъ зеленый,
 Доволенъ будь собою самъ:
 Твою усерднѣйшею ревность,
 Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность,
 Въ забвеніи не могутъ скрыть.
 Котору будутъ вѣкъ хранить,
 Дѣла Петровой дщери громки.
 Что стануть позны честь потомки.

Съ приѣздомъ Елизаветы петербургскія празднества оживились: именитые сановники едва успѣвали отдыхать между придворными балами, торжественными обѣдами, молебнами, орденскими приздниками и проч.

18-го декабря, всѣ вельможи *возчужествовали великое удовольствіе* (152) при слушаніи проповѣди дьякона Флорова (152).

Все слово оратора, какъ самъ онъ сознается, направлено на православленіе тѣлесной и душевной красоты, нашей августы Елизаветы. «Одно лицезрѣніе ея красоты, по словамъ дьякона, просвѣтляетъ потемненное сердце! «За краткостью времени», ораторъ не беретъ исчислить всѣ добродѣтели августы, но указываетъ на *любовь* ея къ Богу, на слезное *моленіе* Господа, на *охоту*... къ слушанію проповѣдей, *ревность* къ православію, *терпѣніе*, крѣпкое на Бога *упованіе*, *смирненіе*, *милость*, *правосудіе*, *любовь къ ближнему*, но легче звѣзды на небѣ исчислить, заключаетъ восторженный дьяконъ петропавловскаго собора, нежели перечестъ добродѣтели нашей Августы — Елизаветы!»

XIII.

Общая замѣчанія о первомъ годѣ царствованія Елизаветы. — Занятія академикомъ. — Публичныя лекціи. — Книги и рукописи сего времени. — Музыка, театр, опера, балетъ. — Постройка и возобновленіе дворцовъ и церквей. — Содержаніе и разборъ важнѣйшихъ указовъ, обнародованныхъ съ 25-го ноября 1741 года по 1-е января 1743 года.

Какъ ни часты были празднества, въ первый годъ царствованія Елизаветы, какъ ни завалены были *ученые* сего времени, составленіемъ плановъ и изъясненій пълкомпанцій, сочиненіемъ одъ, панигириковъ, подносовъ, посвященій, изъясненій аллегорическихъ картинъ, но они находили время и для чтенія *публичныхъ лекцій*. Объ этомъ любопытномъ фактѣ свидѣлствуютъ нѣсколько объявленій въ вѣдомостяхъ 1748 года:

Феврали 12-го. Профессоръ Крафтъ, въ залахъ академіи по прежнему будетъ читать публичныя, экспериментальныя лекціи по средамъ и субботамъ отъ 10-ти до 12 ч. утра (153).

Марта 11-го. Профессоръ Гензюсъ, снова начнетъ лекціи изъ геометріи по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверкамъ и пятницамъ, отъ 12-ти до 1-го часа.

Юля 8-го. Въ рисовальной палатѣ академіи наукъ, по вторникамъ, средамъ и четверкамъ будутъ учиться рисовать съ живого человѣка. Желаютіе могутъ приходиться заниматься отъ 4-хъ до 6-ти часовъ вечера» (153).

Кто были посѣтителями этихъ *публичныхъ лекцій*, и въ

какой степени интересовали онъ современную публику? вотъ вопросъ, разрѣшеніе котораго было бы тѣмъ интереснѣе, что, по свидѣтельству конференцъ-секретаря Д. В. Волкова, важнѣйшія лица того времени были лишены самыхъ элементарныхъ познаній. Такъ особы, высоко поставленныя въ порядкѣ государственнаго управленія, не знали, что Великобританія есть островъ....» (154).

Ни число, ни содержаніе книгъ, явившіяся въ это время, отнюдь не замѣчательно. Волчковъ (155) былъ плодовитѣйшій переводчикъ; но и переводить дозволялось не иначе, какъ съ большою осторожностью; басни Эзопа, выдержавшія въ разное время множество русскихъ переводовъ, были предаваемы чуть-чуть не анаѳемѣ, со стороны духовныхъ ораторовъ. Даже *ректоръ* Законоспаской академіи назвалъ въ своей проповѣди (156) «Эзопа — кощуномъ, плетущимъ басни и увеселяющимъ нечестивыхъ!»

Интереснѣйшимъ изданіемъ былъ переводъ Волčkova: «Граціанъ придворный человекъ» 4 д. 1742 г. Выходъ книги о *придворномъ* человекѣ, въ годъ дворцовыхъ переворотовъ, ознаменованныхъ возвышеніемъ однихъ сановниковъ и паденіемъ другихъ, было дѣломъ случайнымъ, тѣмъ не менѣе, не лишенымъ интереса. Читая книгу, современники легко могли примѣнять *регулы* Граціана къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, къ тѣмъ или другимъ лицамъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой книги: *Регула 3-я*: не открывайся никому. Нѣтъ ни пользы, ни забавы играя, игру свою всѣмъ показывать. (Лестокъ не выполнялъ этого правила.) Тайность приноситъ почитаніе. Что важное кому говоришь, всячески старайся говорить не ясно. (Остерманъ постоянно выполнялъ эту *регулу*.) *Ремарка на 3-ю регулу*: простакъ можетъ обмануть лучшаго мудреца своимъ молчаніемъ, покрываясь кожею несмысленнаго вида: молчаливый всегда слыветъ умнымъ человекомъ. (Смотри въ VII-й главѣ характеристику А. М. Черкаскаго.) *Регула 5-я*: взявши власть надъ самодержцемъ, надо быть крайнѣ осторожнымъ, и не давать имъ замѣчать своего вліянія на ихъ умъ и дѣйствія. (Минихъ, не исполнявшій сего правила, въ 1741 году, потерялъ при правительствѣ всякое значеніе. А. П. Безстужевъ-Рюминъ поплатился

за это ссылкою при Елизаветѣ.) Вотъ какого рода правила предлагалъ Граціанъ въ переводѣ Волчкова для придворныхъ сановниковъ; и нельзя не согласится, что многіе изъ нихъ поступали по писанному, какъ по сказанному: «Удерживайся отъ свободнаго мнѣнія. Узнавай слабости сильныхъ и пользуйся ими. Счастливымъ льсти, несчастныхъ убѣгай. Имѣй высокія манеры. Примѣняйся къ случаямъ, къ времени, къ друзьямъ. Оставляй дѣла, пусть они идутъ какъ нибудь, въ особенности, когда море волнуется. Если ты фаворитъ, имѣй голову твердую, способную вынести все промахи и ошибки своего властелина, все они падаютъ на фаворита. О павшемъ передворцѣ отнюдь не сожалѣй. Не будь безобразенъ... Намѣшки сноси, но самъ не смѣйся и проч. въ этомъ родѣ.

Въ примѣчаніяхъ къ вѣдомостямъ сего года между изъясненіями фейерверковъ, реляцій Ласси, журналовъ военныхъ дѣйствій и придворныхъ праздниковъ, помѣщены были довольно разнообразныя ученые статьи (много ли онѣ имѣли читателей?) Таковы: ученіе Пифагора. — О произведеніи огня изъ тѣлъ (ст. Крафта). — О машинахъ (начало этихъ статей въ вѣдомостяхъ 1739 года). — О явившейся кометѣ. — О составленіи ландкартъ и извѣстія о сѣверномъ морскомъ ходѣ россіяны изъ устьей рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, для провѣдыванія восточныхъ странъ. — Последняя статья особенно интересна и важна, какъ историческій матеріалъ.

Календари на 1742-й годъ ни чѣмъ не отличались отъ мѣсяцеслововъ прежнихъ лѣтъ: въ нихъ между прочимъ напечатаны были росписанія дней, въ которые весьма благопріятно можно принимать лѣкарства, пускать кровь, пускать кровь рожечную, волосы стричь, дѣтей отъ груди отнимать и проч. (157).

«Чинъ како пріимати отъ раскольниковъ и отступниковъ къ православнои вѣрѣ входящихъ. Въ листъ церков. печат. 1742 г.» Москва (158). Книга важна въ томъ отношеніи, что она характеризуетъ релігіозное настроеніе, фанатизмъ своего времени. Вотъ образецъ содержанія этой книги: «...Архіерей говоритъ кающемуся, чтобы тотъ проклялъ ереси, отступничества, злохуленія и расколы, начавшіеся въ Россіи отъ Авакума протопопа съ братьею». Кающійся прокл-

наеть и ихъ, и ихъ послѣдователей: прокликаетъ всѣхъ зовущихъ трехперстное знаменіе печатью антихриста, слагающихъ два перста для креста, а не три; порицающихъ троекратное глаголеніе аллилуія, писаніе имя *Исусъ*; зовущихъ четвероконечный крестъ «идоломъ, кумиромъ, мерзостью запустѣнья на мѣстѣ святомъ». Нарицающихъ молитву: Господи, Исусе, Христе Боже нашъ помилуй насъ — новою еретическою молитвою. «Какъ сквернѣйшихъ еретиковъ проклидало всѣхъ блядословящихъ, книги церковныя новоисправленными, растлѣнными и весьма еретическими. Не вѣрующихъ въ евхаристію, семь тайнъ и прочія церковныя дѣйствія, совершаемыя въ православной церкви — яко хульниковъ предаю анаѣмѣ. Равно и тѣхъ, которые увѣряють, что съ 7166-го года повредилось православіе, а Никона и прочихъ патріарховъ, архіереевъ еретикама клеветующихъ, и яко антихристъ уже пришелъ, а чувственно не придетъ; и похищающихъ власть духовную и измѣняющихъ православію и совершающихъ разные священнодѣйствія безъ рукоположенія и всѣхъ таковыхъ безчинныхъ и дерзостныхъ святотателей осуждаю и анаѣмѣ предаю, равно и тѣхъ, которые протопопа Авакума, попа Никиту (пустосвята), Лазаря и Федора не проклинаятъ, а мучениками и страдальцами исповѣдуютъ. Разные толки: поповщину, безпоповщину, перекрещенцевъ, неперекрещенцовъ, опуфрїевщинцовъ, андреевщинцовъ, стариковщинцевъ, діаконовщинцевъ, лысеновщину, кадильниковъ, и прочихъ сущихъ за рubeжемъ, у Поморья, въ Польшѣ (159), на Вяткѣ, на Корженцѣ проклинаяю, и отъ старцевъ ихъ, лживыхъ поповъ, учителей отрицаюсь. Если же все это говорю лицомъ рно, или когда-нибудь бѣсовскимъ навожденіемъ впаду въ прежнее заблужденіе, «аки песь на своя блевотины возвращуся» да возвратятся тогда на мою голову всѣ клятвы и анаѣмы; да подлежу всѣмъ казнямъ и суду ея величества. За тѣмъ преклоня колѣна кающійся, *по чину*, долженъ стоять съ сердечнымъ сокрушеніемъ, должно же тогда и слезамъ быть (160).»

Если первый годъ царствованія Елизаветы не ознаменовался изданіемъ болѣе или менѣ замѣчательныхъ сочиненій, за то уже въ это время стали замѣчаться успѣхи свѣтскаго

вкуса. Уже дворъ нашъ, говоритъ Карамзинъ, блисталъ великолѣпнѣе и, нѣсколько лѣтъ говоря по нѣмецки, началъ употреблять языкъ французскій. Въ одеждахъ, экипажахъ, въ прислугѣ — вельможи наши мѣрялись съ Парижемъ, Лондономъ, Вѣною.»

Итальянскій театръ въ Петербургѣ приведенъ былъ въ лучшее состояніе. Осенью 1742 года Аража возвратился изъ Италіи съ славнымъ пѣвцомъ Салетти превосходнымъ сопрано. Между артистами, явившимися по приглашенію Аража, замѣчательны еще были: гобонистъ Стацци, скрипачи Тито, Верокаи; придворнымъ поетомъ для либрето итальянскихъ оперъ былъ Боггачи, изъ Флоренціи; декораціи ставилъ Валеріани, изъ Рима; при чемъ искусствомъ своимъ поражалъ зрителей, до такой степени, увѣряетъ Штеллингъ, что картины имъ поставленныя подражали природѣ. Для балета былъ выписанъ знаменитый, по своему времени, Фузано съ женою своею Антониною (162).

По пріѣздѣ двора въ Петербургъ опера «Титово Милосердіе» было неоднократно играна на придворномъ театрѣ, возобновленномъ и украшенномъ. Либрето переведено было на русскій языкъ (163). Вотъ прологъ, при слуханіи котораго государыня постоянно «проливала токи слезныя.» Содержаніе пролога даетъ понятіе о томъ, какъ ставились въ то время оперы, какъ роскошны были сценическія представленія:

«Россія по нечаянъ паки обрадованная.

Персоны, дѣйствующія въ прологѣ: Астрея — *Г-жа Джорджи*. Рувенети — *Г-жа Роза*. Персоны безъ рѣчей, участвующія въ балетѣ: пять главныхъ свойствъ, добродѣтелей, сія величества Елизаветы: справедливость, храбрость, чело-вѣколюбіе, великодушіе, милость. Пять главныхъ свойствъ ея подданныхъ: любовь, вѣрность, сердечная искренность, надежда, радость. Персоны, составляющія хоръ: европейцы, азіатцы, африканцы и американцы. На сценѣ, во мракѣ, страна запустѣлая, мѣстами поросшая дикимъ лѣсомъ; тамъ и сямъ полуразвалившіяся или недостроенныя зданія. Рутенія съ дѣтьми сидятъ подъ горой и сѣтуетъ о томъ, что земля ея снова покрывается мракомъ, веселыя роицы заросли, поля раззорены и запустѣли. Воспомяетъ благополучныя вре-

мена Петра I. Дѣти плачутъ, мать утѣшаетъ ихъ.... узаконеньями Петра и Екатерины; обнадеживаетъ ихъ тѣмъ, что Петръ еще живъ, въ лицѣ своей дщери, и что скоро возвратитъ Россіи прежнюю ея славу. Рутенія поэтъ:

Сжальтесь, сжальтесь небеса, милосерды боги!
Зря на мать, и на дѣтей, и на муки многи.
Стражду въ горестной любви, духъ изнемогаетъ,
Ревность скорби въ естествѣ вышній силъ рождаетъ.

(На горизонтѣ занимается заря утренняя)

Ежели образомъ боговъ долженъ быть царь свѣта,
Кто достойнѣе владѣть, какъ Елизавета.
Сей доброты изрещи, нельзя и помыслить;
Развѣ прежде въ небесахъ звѣзды всѣ изчислить.

Свѣтъ увеличивается. Рутенія утѣшаетъ дѣтей, дѣлается веселѣе. Слышны музыка и пѣсни. Рутенія удивляется, радуется, сомнѣвается. На горизонтѣ свѣтло восходящее солнце; въ растворенномъ небѣ показывается Астрея. Она опускается на свѣтломъ облакѣ, съ щитомъ. Астрея окружена хоромъ добродѣтелей Елизаветы и ея подданныхъ. Изъ угловъ театра выходятъ четыре части свѣта, каждая съ свитами. Дикіе лѣса смѣняются лавровыми и кедровыми рощами. Запустѣлыя поля обращаются въ цвѣтушіе сады. Астрея поднимаетъ и утѣшаетъ колѣнопреклоненную Рутенію. «Я не безъ причины, — говоритъ богиня, — падѣлила ея величество высокими свойствами и *царскими* добродѣтелями. Великость ихъ, неоспоримыя права государыни на престолъ, жалобы, желанія и надежды Россіи, я давно признала. Я украшу Елизавету императорскою короною, и Россія возстановится, просвѣтится и сдѣлается благополучною:

Видитъ свѣтъ, и я сама въ ней добротъ причины:
Идетъ по слѣдамъ Петра и Екатерины.

Астрея ведетъ Рутенію въ паки цвѣтущую страну. Народы удивляются сему приключенію и *въ радости* поютъ:

Милость и храбрость царю лавры соплетала,
Титова когда рука Римской скипетръ держала:
Образъ коего и мы зримъ на тронѣ нынѣ,
И того днесъ похвалы соплетемъ богинѣ.

«Добродѣтели и свойства Елизаветы Петровны, заканчи-

вають прологъ *балетомъ*. Затѣмъ слѣдуетъ самая опера. Достоинно замѣчанія, что роль императора Тита Веспасіана — исполняла *госпожа Жоржи*: видимое желаніе весь ходъ оперы примѣнить къ обстоятельствамъ ноябрской экспедиціи.

Балетъ вообще выполнялся въ это время особенно хорошо. Елизавета по прежнему страстно любила танцы, съ прежнимъ пыломъ, ловкостью и отчетливостью выполняла труднѣйшіе па. Балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ не танцовали менуэта съ большею выразительностью и приличіемъ, какъ при дворѣ Елизаветы (164).

Героиня танцевъ — государыня, судя по современнымъ портретамъ, была еще очень хороша, хотя ей уже шелъ 34-й годъ. Впрочемъ, сама государыня очень огорчалась, что ни одинъ живописецъ, по ея мнѣнію, не можетъ написать сходно ея портрета. Рассказывая объ этомъ Сильвестру Кулябкѣ, Елизавета показала ему однажды нѣсколько своихъ портретовъ. *Предметъ огорченія вашего величества*, сказалъ тогда Сильвестръ, *составляетъ предметъ радости нашей?* — Почему? — *Красота ваша неотисанна!* (165).

Кромѣ исполненія церковныхъ обрядовъ, устройства маскарадовъ, баловъ, театральныхъ зрѣлищъ и проч., государыня, по свидѣтельству современниковъ, любила заниматься постройкою и передѣлкою церквей и соборовъ.

Такъ на мѣстѣ стѣзжей избы преображенскаго полка, у литейнаго проспекта, въ память ночнаго дѣла 25 ноября, Елизавета заложила здѣсь соборъ *Спаса Преображенія*: «по древнему, россійскому манеру, о пяти позлащенныхъ главахъ» (166). До сорока церквей въ разное время и въ разныхъ концахъ Петербурга заложены, или стали передѣлываться, по приказу Елизаветы (167). Императрица, собственными руками, утверждала первыя камни въ фундаментахъ храмовъ, постоянно присутствовала при ихъ освященіи; находила время, для важныхъ религіозныхъ подвиговъ: вышивала воздуха, пелены, ризы на образа, тесьмы на лампы и проч. Сама переписывала молитвы, дѣлала большіе церковные вклады, и т. п. Что касается до дворцовъ, то въ 1742-мъ году, начато строить нѣсколько: одинъ на мѣстѣ нынѣшняго михайловскаго замка; другой на Фонтанкѣ про-

тивъ лѣтняго петровскаго дома. Дворецъ ея на красной (садовой) улицѣ, поступившій въ ея владѣніе съ 1732 года, былъ поправленъ и подаренъ А. Г. Разумовскому.

Въ заключеніе нашего разсказа о первомъ годѣ царствованія Елизаветы, намъ остается разсмотрѣть важнѣйшіе изъ 222-хъ указовъ, обнародованныхъ съ 25-го ноября 1741 года по 1-е января 1743 года (168). Въ своемъ мѣстѣ мы уже говорили о нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Извѣстно, на какомъ основаніи, и въ какомъ составѣ былъ возстановленъ Правительствующій Сенатъ 12-го декабря 1741 года. Послѣдующими указами (мар. 16-го, 17-го, 22-го, апр. 7-го, 10-го, іюня 17-го), былъ возобновленъ петровскій порядокъ въ производствѣ дѣлъ, въ порядкѣ подписей, въ веденіи протоколовъ; сенатъ освобожденъ отъ рѣшенія дѣлъ не столь важныхъ, переданныхъ въ нисшія инстанціи, для рѣшенія же дѣлъ государственныхъ, назначалось полное собраніе сенаторовъ, по пятницамъ въ 7 часовъ по полуночи (іюня 23-го). Власть сената нѣсколько расширена: *не утруждая* докладами государыню, онъ могъ выдавать жалованье разнымъ чинамъ, вдовамъ дозволять, при малолѣтнихъ дѣтяхъ, продавать имѣнья покойныхъ мужей, для удовлетворенія кредиторовъ (окт. 15-го); могъ распоряжаться суммами штатной конторы, составлявшейся изъ вычетовъ жалованій всѣхъ служащихъ (дек. 11-го). Губернаторы и воеводы не смѣли (мая 3-го) ни отрѣшати, ни опредѣлять секретарей, безъ сенатскаго указа; не смѣли опредѣлять на службу всякаго рода недорослей (дек. 11-го). Двѣнадцатилѣтніе недоросли представлялись въ сенатъ, здѣсь назначались они по желанію, во всѣ роды службы; до совершеннолѣтія «для обученія въ наукахъ, и чтобы душевредительнаго гулянья, и другихъ непотребствъ не было»; недоросли посылались въ школы, или отправлялись на время къ родителямъ. Скрывшій лѣта, и неявившійся въ сенатъ—опредѣлялся до совершеннолѣтія матросомъ, съ 20-ти лѣтъ въ солдаты безъ выслуги, не годные къ службѣ, ссылались въ Оренбургъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что это распоряженіе пришлось не по сердцу помѣщикамъ, облѣнившимся, и въ тайнѣ надѣявшимся, что Елизавета не потревожитъ ихъ праздною жизнью (169).

Составлено было новое положеніе о числѣ членовъ, присутствующихъ въ разныхъ коллегіяхъ и конторахъ (сент. 17-го), въ слѣдствіе чего, многіе чиновники остались запатными. Для уменьшенія числа дѣлъ, подтвержденъ былъ (сент. 30-го) указъ 7194 г. — взыскивать истцамъ проѣсты и волокиты съ виновныхъ отвѣтчиковъ. Съ другой стороны, въ видахъ облегченія дворянъ, имѣющихъ дѣла въ вотчинной коллегіи, отъ путевыхъ издержекъ въ Петербургъ, Коллегія переведена (ноябр. 26-го) въ Москву, и только одна контора вотчинныхъ дѣлъ оставлена въ С. Петербургѣ.

Относительно купеческаго сословія, торговли, промышленности и мануфактуръ, не было сдѣлано никакихъ болѣе или менѣе важныхъ распоряженій, имѣвшихъ благотворныя послѣдствія; въ инструкціи, выданной тремъ купеческимъ гильдіямъ, подтверждалось все, что уже было постановлено Петромъ I, относительно сего сословія; обращено было вниманіе на акуратность въ сборѣ подушныхъ съ купечества денегъ. Пошлины таможенныя взымались со всѣхъ товаровъ (февр. 12-го, апр. 6-го). Неявленные товары, гдѣ бы они не были найдены, кромѣ домовъ иноземныхъ пословъ, подлежали конфискаціи. Подтверждены петровскіе указы (дек. 21-го, апр. 7-го) объ отсылкѣ изъ всѣхъ присугственныхъ мѣстъ, негодной бумаги въ камерецъ-коллегію, о покупкѣ на мѣсто той бумаги хорошей, у русскихъ фабрикантовъ — этимъ распоряженіемъ, обезпечивался сбытъ ихъ фабрикъ. На счетъ выдѣлки бумаги, приказано дѣлать ее для книгъ тоньше, а то «книжки въ величинѣ чрезвычайно наполняются переплетомъ, по толстотѣ скоро вредны, а книги должны выходить субтильнѣе». — Бергъ-директоріумъ былъ уничтоженъ (апр. 7), а возобновлены съ отдѣльными вѣдомствами, Бергъ- и Мануфактуръ коллегіи; президенты и члены коллегій должны были осматривать фабрики, слѣдить за тщательнымъ выполненіемъ заказовъ, заботиться о улучшеніи фабрикъ и проч. Впрочемъ не видно, чтобъ возобновленіе этихъ двухъ коллегій, замѣнявшихся Бергъ-директоріумомъ, было бы особенно полезно для улучшенія фабричной производительности: перемѣнились названія учреждений, а дѣло осталось въ прежнемъ, довольно печальномъ состояніи.

Армянину Шербанову съ комп. выдана привилегія (іюн. 15-го) на заведеніе шелководства въ Астрахани и въ Кизлярѣ, на сѣяніе сорочинскаго пшена, хлопчатой бумаги, на устройство фабрики шелковыхъ, полушелковыхъ и бумажныхъ парчей. — Обращено было вниманіе на выдѣлку суконъ, для обмундированія войска. Предметъ этотъ вызвалъ въ свое время нѣсколько распоряженій Петра I, и нынѣ тѣ указы были подтверждены. Фабрикантамъ выданы высочайше-утвержденные образцы, сукна должны были выдѣлываться не только одного достоинства съ шимъ, но съ теченіемъ времени должны были ихъ превзойти (11-го дек.). О продажѣ и производствѣ вина состоялось нѣсколько указовъ: зачитать сборщикамъ, у которыхъ противъ окладовъ явится приборъ вина на сто ведеръ по два съ половиною, а на тысячу по 25 ведеръ въ годъ и о взысканіи за излишнюю усышку и утечку денегъ по продажнымъ цѣнамъ (дек. 17-го). За каждый не клейменный кубъ и казанъ на винокурешныхъ заводахъ приказано (мар. 11-го) взыскивать отъ 25 до 100 рублей штрафа (окт. 20-го). Но въ особенности, отягощенъ былъ народъ отдачею (окт. 20-го) сборовъ на откупъ и въ компаніи. Въ обезпеченіе казна брала съ откупщиковъ, впредь одну треть годовыхъ доходовъ. У поставочнаго за домовымъ расходомъ и принятаго въ розну вина постановлено (ноябр. 3-го) вычитать вмѣсто прежнихъ полкопѣшныхъ пошлинъ съ хлѣба, хмѣлю и дровъ по 3 копѣйки съ ведра.

Въ то время, когда куреніе и продажа вина стѣснялась въ ущербъ нравственности народа, онъ страдалъ отъ недостатка хлѣба. Въ Петербургѣ дороговизна дошла до такой степени, что правительство приказало продавать хлѣбъ по утвержденной таксѣ и цѣны не возвышать (январ. 19) Изъ остзейскихъ губерній подъ тягчайшимъ штрафомъ воспрещенъ вывозъ хлѣба (іюля 7-го). Перекупщикамъ хлѣба, скота, живности, рыбы, капусты и прочихъ съѣстныхъ принасовъ, также сѣна и дровъ, запрещено перекупать у продавцевъ явившихся въ столицу и никакнхъ «визокъ» собрався компаніями не чинить», согласія съ продавцами къ повышенію цѣнъ не имѣть. Впрочемъ *посль полудня*, изъ опасенія, чтобъ продавцамъ не было лишняго проста на рынкахъ, дозволялось

порекупщикамъ брать у нихъ ихъ товаръ. Ослушники указа лишались товара: половина его шла на госпиталь, половина доносчику; *иногда же* виновные подвергались штрафованію *морскими кошками*. Прямими слѣдствіями столь страннаго распоряженія — были безпорядки, всякаго рода злоупотребленія, фальшивые доносы, взятки, напрасныя *съкуци кошками* и презрѣніе къ закону (окт. 11-го).

Одною изъ причинъ дороговизны припасовъ въ С. Петербургѣ была трудность ихъ доставки: обратили вниманіе на исправленіе вышневолоцкихъ шлюзовъ и каналовъ. Сердюковъ, взявшій на себя сборъ узаконенныхъ пошлинъ съ барокъ и плотовъ, вѣдавшій и содержавшій шлюзы вышневолоцкіе, со времени царствованія Петра 1, доносилъ (въ 1742 г.), что истратилъ болѣе 40,000 руб. на починку шлюзовъ, и при всемъ томъ сообщеніе представляло невѣроятныя затрудненія: такъ напр. рѣка Тверца до того была крика, мелка, каменста, что для поднятія барки на ея порогахъ впрягалось до 50 лошадей; суда громадными караванами выжидали по недѣлямъ очистки пути. Хозяевамъ обходилась перевозка съ Вышняго-Волочка, на разстояніи 20-ти какихъ-нибудь верстъ такъ дорого, что цѣны возрастали болѣе нежели вдвое. Сердюковъ обѣщамъ фарватеръ въ мелкихъ мѣстахъ углубить, каменные шлюзы выстроить, каменныя мѣста очистить, но за то выпросилъ разрѣшеніе, вмѣсто прежнихъ 5 копѣекъ, брать съ сажени 10-ть. Но обѣщанія остались обѣщаніями, а сообщеніе по вышневолоцкому пути было сопряжено съ прежними затрудненіями.

Распоряженія о улучшеніи сухонутныхъ путей сообщенія простирались только на дорогу изъ Петербурга въ Москву, или къ мѣсту военныхъ дѣйствій Выборгу. (Дек. 9-го, 23-го, фев. 19-го, іюля 9-го Авг. 17-го). Облегчена выдача и происка подорожныхъ, отсылаемыхъ прежде изъ ямской канцеляріи въ сенатъ и коллегіи. Увеличены вообще прогоны (фев. 17-го Мар. 19-го, Окт. 15-го), съ обязательствомъ: платитъ ихъ каждому, ѣхалъ ли бы онъ по своей или казенной надобности. «Ѣздить по прешпективной дорогѣ силою (какъ то дѣлалось прежде) запрещено было принуждать (нояб. 12-го).»

По случаю войны обращено было вниманіе на улучшеніе

флота и арміи. Въ Кронштадтѣ для починки кораблей (фев. 15-го) заложенъ большой эллингъ съ двумя воротами и шлюзами; обдѣланъ большой каналъ морскихъ доковъ (окт. 15-го). Для сокращенія издержекъ прекращена (февр. 17-го) выдача денегъ на угощеніе офицеровъ кронштадтскихъ въ *викторіальныя* дни, что постоянно дѣлалось до 1737 года. Для этого же адмиральтейскими сборами поручено вѣдать губернаторамъ, а не особымъ офицерамъ (апр. 6-го). Во избѣжаніе недостатка офицеровъ во флотѣ воспрещенъ имъ переходъ на службу въ другія вѣдомства.

Для лучшаго надзора за выдѣлкой ружей, оружейная контора, также тульскіе и острорѣцкіе заводы подчинены непосредственно военной коллегіи (дек. 28-го и янв. 15-го). При сенатѣ для карауловъ и разсылокъ учреждена рота солдатъ съ полнымъ числомъ оберъ- и унтеръ-офицеровъ. Изъ чиновниковъ военной коллегіи составлены конторы комиссаріатская и цальмейстерская, къ первой присоединена мундирная контора (янв. 25-го). Инженерный *корпусъ* и фортификаціонная контора соединены въ одно вѣдомство (фев. 15-го). Малороссійской пороховой заводъ соединенъ съ московскимъ (окт. 15-го). Къ придворнымъ конюшнямъ приписаны 572 души мужескаго пола (въ зачетъ рекрутской повинности) съ тѣмъ, чтобы они изъ рода въ родъ были конюхами (авг. 27-го). Строго было подтверждено офицеровъ отнюдь не увольнять въ отставку, а негодныхъ къ службѣ, больныхъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ отсылать въ дальніе гарнизоны (авг. 27-го), или на поселеніе за Каму рѣку (сен. 27-го). Всѣмъ членамъ военнымъ и статскимъ стражайше воспрещалось (сент. 17-го) употреблять солдатъ на собственныя работы и услуги. Шведскихъ артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ дозволялось (окт. 15-го, Ноября 26-го) принимать на службу не иначе, какъ съ опредѣленіемъ ихъ въ дальніе гарнизоны. По случаю прекращенія кампаніи 1742 г. третья часть штабъ и оберъ-офицеровъ арміи (окт. 18-го) были распущены въ отпускъ, но приготовленія къ новой кампаніи начались объявленіемъ новаго рекрутскаго набора. 31-го декабря было приказано представить въ сенатъ изъ всѣхъ коллегій и конторъ вѣдомости о числѣ нижнихъ чиновъ, о необходимомъ числѣ новыхъ для

укомплектованія всѣхъ командъ. За тѣмъ по примѣру 1741 года приказано приступить къ рекрутскому набору со всѣхъ посаженныхъ въ подушной окладъ «не обходя никакого и не чиня зачетовъ (170).»

Сборъ податей, сборовъ и всякаго рода пошлинъ вызвалъ рядъ самыхъ энергическихъ распоряженій, наполнившихъ указы Бирона. Губернаторы, воеводы и офицеры-сборщики неоднократно были *понуждаемы* къ сбору недоимокъ. За неисполненіе приказано (авг. 31-го) губернаторовъ съ ихъ товарищами сажать подъ арестъ, воеводу п офицеровъ заковывать въ желѣза; для скорѣйшей высылки податей и недоимокъ разосланы по городамъ гвардейскіе солдаты. Для пресѣченія беспорядковъ въ платежѣ подушныхъ денегъ (17-го сентября) объявлена новая ревизія, съ тѣмъ, чтобы она возобновлялась черезъ каждыя 15 лѣтъ. Для составленія переписи назначались отставные генералы, штабъ-офицеры и статскіе чиновники; по указу—они должны были быть люди способные и надежные.»

Въ общую генеральную перепись внесли *людей и крестьянъ* (?), находившихся на казенныхъ работахъ по паспортамъ, безъ отсылки таковыхъ работниковъ къ мѣстамъ ихъ жительства. Безпаспортнымъ дозволялось оставаться при работахъ, но впредь таковыхъ принимать запрещалось (нояб. 1-го). Недостатокъ денегъ въ государственномъ казначействѣ, за издержками на празднества, коронацію, и войну — былъ до того великъ, что правительство неоднократно приказывало (11-го декабря и проч.) взыскивать во всемъ государствѣ подати безъ увеличенія переписки и въ непродолжительномъ времени. Государыня находила, что подданные, освобожденные ею отъ многихъ недоимокъ, за два года получившіе облегченіе въ податяхъ (10 коп. вмѣсто 17-ти съ души) не позаботились изъ благодарности очистить прежніе недочеты. Виновики того, по словамъ указа, были помѣщики, а имъ нарочья, губернаторы и воеводы. Того ради *взыскивать безъ послабленія* чинить *праведъ*, отписывать на государыню деревню *безповертно*, крестьянскихъ отговорокъ, что они только за себя могутъ выплатить подати, а за убогихъ, умершихъ, бѣглыхъ взятыхъ въ солдаты платить не могутъ и тѣ отговорки не

принимать, а доправлять съ нихъ за всѣхъ. Сборщикамъ запрещалось брать взятки, впрочемъ ради только того, что отъ этого «государынѣ чинится ущербъ, а слѣдственно и народное раззореніе вознослѣдуетъ».

И такъ, хотя доимочная канцелярія, въ слѣдствіи страшныхъ злоупотребленій была закрыта, но народъ снова страдалъ отъ рекрутскихъ поборовъ, злоупотребленій, съ которыми сопровождалась *генеральная перепись*, производившаяся людьми неспособными, порочными, привыкшими къ мѣрамъ свирѣпой жестокости въ десятилѣтнее владычество Бирона. Угрожаемые съ одной стороны штрафовапіемъ *кандалами*, съ другой — увлекаемые жаждою корысти, они какъ баскаки татарской орды налетѣли и на *людей* (помѣщиковъ?) и на *крестьянъ* (?).

Монетное дѣло было усилено. (Марта 26-го, мая 13-го, 24-го, ноября 19-го, декабря 11-го.) Государыня повелѣла вычеканить 10,000 червонныхъ съ ея портретомъ (Іюня 20-го.). Ради дешевизны въ наймѣ рабочихъ и доставкѣ матеріаловъ — монетному двору приказано (іюня 25-го) изъ Петербурга перебраться въ Москву, а мѣсяць спустя (іюля 20-го) указъ отмѣненъ (171).

Для улучшенія построекъ въ С. Петербургѣ, Москвѣ, селѣ Покровскомъ — Елизавета (апрѣля 17-го) запретила строить дома безъ разрѣшенія главной полиціи; при чемъ (мая 22-го) дома должны были строиться по планамъ, улицы проводились шириною въ восемь, переулки въ четыре сажени. Вся Москва обнесена была землянымъ рвомъ (іюня 10-го). Въ Петербургѣ обращено было вниманіе на обстройку васьильевского острова (іюля 30-го). Въ обѣихъ столицахъ улицы предъ казенными и *конфискованными* домами были тщательно вымощены (авг. 7-го). Въ предохраненіе отъ пожаровъ, полицейская канцелярія должна была (авг. 24-го, сент. 2-го) надзирать за лучшею кладкою печей и проводкѣ трубъ въ домахъ. Набережныя обнесены перилою, запрещено кабаки и харчевни заводить на главныхъ улицахъ, ходы въ погреба дѣлать со двора.

Изъ другихъ городовъ обращено было вниманіе на Оренбургъ. Основанный въ 1734-мъ году на бухарской сторонѣ,

при рѣкѣ Яикѣ, онъ перенесенъ, по донесенію Неплюева (окт. 15-го), нѣсколько верстъ далѣе отъ прежняго мѣста. Для заселенія сего города переселено туда (сент. 17-го) болѣе 1,000 семействъ малороссіявъ, молдованъ, волоховъ и грузинъ (172). Жителямъ Лифляндіи, Эстляндіи, Эзеля, городовъ: Риги, Ревеля, Нарвы, Дерпта, Пернова, Выборга и Нѣжина выданы жалованныя грамоты съ подтвержденіемъ всѣхъ ихъ прежнихъ правъ и преимуществъ (ноября 3-го, юня 25-го, сент. 17-го, окт. 27-го.).

Внѣшнія дѣла, заправляемая Безстужевымъ (ноябр. 12-го, декабря 10-го), для начала были очень-хороши: вскорѣ по возвращеніи двора въ Петербургъ, получено было извѣстіе, что дагестанскіе князья съ войскомъ, состоявшимъ болѣе 60,000 человекъ, вошли съ просьбою къ начальствовавшему въ Кизлярѣ генералу Тараканову о принятіи ихъ въ подданство Россіи, на что Елизавета изъявила согласіе. Съ Англіей заключенъ былъ (дек. 11-го) оборонительный союзъ на 15 лѣтъ, съ обезпеченіемъ взаимной цѣлости и спокойствія, особенно на сѣверѣ, и съ обязательствомъ, въ случаѣ нужды, снабжать вспомогательнымъ войскомъ. Англія только теперь признала за русскими государями императорскій титулъ.

«Мнѣ стоило большихъ хлопотъ, заключить этотъ договоръ», пишетъ англійскій резидентъ 15-го декабря. «Лестоукъ и Безстужевъ, имѣя сильное вліяніе на дѣла, враждуютъ другъ съ другомъ. Съ трудомъ удалось мнѣ примирить ихъ, разумѣется, на время. Я предложилъ первому отъ имени короля великобританскаго 600 ливровъ годоваго дохода; онъ былъ очень доволенъ, надавалъ тысячу обѣщаній, но на нихъ нельзя много полагаться, ибо Лестоукъ состоитъ на жалованьи отъ двора французскаго».

Послѣ капитуляціи 24-го августа съ Швеціей, дѣла были на время спокойны, и депутаты стокгольмскаго сейма признали Петра III (декабря 28-го) наследникомъ русскаго престола, съ титуломъ императорскаго высочества. Съ оттоманскою портою миръ 1739 былъ подтвержденъ и по конвенціи (12-го окт. 1742) уполномоченныхъ обѣихъ державъ опредѣлена была граница: главнымъ рубежомъ назначена

линія со стороны Днѣпра, отъ вершины рѣки Конскихъ Водъ до рѣки Берды.

Достоинъ замѣчанія, что во все это время, наравнѣ съ съ указомъ довольно важнымъ, выходили постановленія, имѣвшіе смыслъ по отношенію къ забавамъ двора, прихотямъ двора и проч. Почти въ одинъ день съ возстановленіемъ сената, строгойше воспрещено (дек. 1-го, 19-го) ловить и стрѣлять птицъ и звѣрей около Петербурга и Москвы: право это удерживала за собой государыня съ своимъ дворомъ. Изъ всѣхъ указовъ и учрежденій правительницы Анны, немедленно уничтоженныхъ, подтвержденъ былъ указъ о содержаніи *Ядъ-Штата* (февр. 18-го): онъ получалъ только новый видъ съ учрежденіемъ (окт. 30-го) оберъ-егермейстерской канцеляріи, управляемой А. Разумовскимъ.

Нѣкоторые указы уничтожились только потому, что они вышли въ правленіе Анны: такъ въ отмѣну прежнему постановленію, Елизавета дозволила (дек. 15-го) 1741 г., своимъ сановникамъ впрягать лошадей и содержать ихъ сколько кому угодно. По уже 18-го октября 1742 г. запрещалось ѣздить цугами и четвернями ради того, объявляла государыня, что даже и посредственные люди изъ тицеславія стали ѣздить цугами. Быстро развившаяся роскошь при дворѣ повидному вызывала мѣры, имѣвшіе цѣлю ея уменьшить: золотыя и серебряныя матеріи (особенно любимыя Елизаветой) воспрещалось продавать безъ ея дозволенія и выбора (мар. 11-го). Ко двору тѣмъ не менѣе съ большими издержками доставляли цѣлые обозы фруктовъ южной Россіи (авг. 13-го). Для приготовления къ коронаціи драгоцѣннѣйшихъ вещей и уборовъ учреждена была (апр. 15-го) цѣлая комиссія. Купецъ Стегельманъ гофъ-факторъ двора (28-го авг.), едва успѣвалъ выписывать изъ за-границы всякаго рода драгоцѣнныя ткани и проч. Между тѣмъ, по указу 11-го дек. 1742 г., никто кромѣ военно-служащихъ и иностранцевъ не смѣлъ носить богатаго платья; лица *не мильюціа ранговъ* не смѣли носить даже шелковыя подкладки въ платьяхъ; первымъ пяти кассамъ предоставлялось право носить кружева. На русскихъ фабрикахъ воспрещено было дѣлать серебряныя и золотыя парчи; а позументы въ необходимомъ числѣ для церковныхъ ризъ, облаченій и т. п.

Слѣдующій, довольно оригинальный указъ заключилъ первый годъ царствованія Елизаветы: «государыня замѣтила (дек. 31-го), что въ петербургскомъ гостинномъ дворѣ продають желѣзные табакерки, крытыя лакомъ, съ нарисованными на нихъ *пасквилями*: пять персонъ мужескихъ и одна женская въ одной рубашкѣ, а половина оной нагая, въ коронѣ, съ подписью на англійскомъ языкѣ тѣхъ персонъ неприличныхъ разговоровъ; а понеже такіе и подобные тому пасквили здѣсь весьма ненавистны суть, того ради,» Сенатъ долженъ былъ принять мѣры къ воспрещенію таковыхъ вещей къ продажѣ.

По докладу князя Трубецкаго, Елизавета нашла, что Петербургскія вѣдомости печатають *многія несправедливости*, какъ напр. ошибочно объявили (26-го февр. N-17), что Михайло Безстужева награжденъ орденомъ Андрея Превозваннаго. Академіи приказано (март. 18-го) отвѣчать въ этомъ сенату, а впредь печатать вѣдомости не иначе, какъ *съ дозволенія* сенатской конторы. Этотъ указъ былъ единственный въ первый годъ новаго царствованія, относившійся къ *дѣлу книжному, къ дѣлу народнаго образованія*: о немъ нѣтъ ни слова въ 222 указахъ сего времени.

За то множество относится къ увеличенію правъ духовенства, къ распространенію православія, уничтоженію *еретиковъ* и т. п. Не даромъ, не бесплодно гремѣли духовные проповѣдники! Предки пожинали обильные плоды. Сама государыня по своему личному влеченію къ духовенству и религіозному настроенію приказала (декабр. 15-го 1741 г.) иновѣрцевъ, сдѣлавшихъ важное преступленіе и только въ бѣзъизни казни обратившихся къ православію *казнить смертью* (январ. 16-го), армянскія церкѣви *закрѣть* и впредь не позволять строить (январ. 22-го), церковно служителямъ, посланнымъ въ Камчатку для распространенія православія увеличить жалованье и назначить пособія (март. 30-го). Вдовымъ священнослужителямъ принятымъ въ монастыри, до постриженія ихъ въ монахи позволять священнодѣйствовать, полковымъ священникамъ предоставить всѣ средства (апр. 6-го) обращать въ православіе калмыкъ, татаръ, черемисъ, мордву, чувашъ и другихъ иновѣрцевъ, находящихся на службѣ. Всѣхъ священниковъ освободить отъ присылки въ синодъ (мая 17-го) вѣдо-

мостей о исповѣдовавшихся и неисповѣдовавшихся. Въ пользу церквей и церковныхъ служителей взимать (мая 31-го, іюля 15-го), штрафъ съ человѣка по рублю за несоблюденіе тишины во время службы, за разговоры *о свѣтскихъ дѣлахъ*, за *неблагоучинное* стояніе, за громкое лобзаніе иконъ во время пѣнія и т. п. Престарѣлыхъ и въ умѣ поврежденныхъ *колодниковъ* препровождать изъ тайной канцеляріи *для исправленія* въ монастыри (іюля 23-го), судебнымъ свѣтскимъ мѣстамъ запретить безъ архіерейскаго разрѣшенія задерживать духовныхъ лицъ, за исключеніемъ тяжкихъ, государственныхъ преступленій (іюл. 7-го), для *утвержденія православія*, для иновѣрческихъ дѣтей казанской губерніи завести школы. Всѣхъ турецкихъ плѣнныхъ, оставшихся въ Россіи еще съ 1739 года, отпустить въ отечество, но принявшихъ христіанство возвратить на жительство въ Россію, (23-го сент.), ставленническія дѣла священниковъ вести не на гербовой, а на простой бумагѣ (апр. 7-го), дома и дворы церковнослужителей освободить отъ постола. Духовныхъ сказавшихъ *слово и дѣло* отсылать не въ свѣтскіе суды, а въ синодъ. Помѣщиковъ, имѣющихъ у себя церкви, обязывать снабжать служащихъ въ тѣхъ церквахъ всѣмъ необходимымъ: землею, покосами и проч. (окт. 9-го).

Гоненія на раскольниковъ открылись съ перваго же года новаго царствованія: раскольническая контора, потерявшая свое значеніе со смерти Петра I, снова открыта (окт. 18-го) Она обложила «раскольниковъ и бородачей двойнымъ окладомъ» и поспѣшила устроить за ними «*духовный, папкрѣпчайшій надзоръ.*» Духовные приставники *безъ послабленій* раскольниковъ къ святой церкви побуждали, а бородачей отъ упрямства отгоняли (ноябр. 22-го).

Мечети приказано закрыть (ноябр. 19-го), за новоокрещенными слѣдить, да не обратятся они въ ересь, а таковыхъ *розыскивать*. Буде чуваша и иные *еретики* не пожелаютъ креститься таковыхъ штрафовать по указамъ. Но самымъ страннымъ распоряженіемъ, съ трудомъ извиняемымъ временемъ, было преслѣдованіе въ предѣлахъ російской имперіи всѣхъ жидовъ. Государыня въ указѣ 2-го декабря 1742 объявила, что отъ этихъ ненавистниковъ имени Христа надо

ожидать крайняго вреда всѣмъ нашимъ подданнымъ, «почему и повелѣваемъ немедленно всѣхъ жидовъ и жидовокъ всякаго званія и достоинства выслать изъ нашихъ владѣній и впредь оныхъ ни подь какимъ видомъ въ Россію не впускать. При высылкѣ жидовъ тщательно наблюдать, чтобъ при нихъ не было золота, серебра и иностранныхъ ефимковъ, все это обмѣнять имъ на мѣдные пятикопѣешники и копѣйки. Ослушники указа подвергнуться подь высочайшій гнѣвъ нашъ и будутъ преданы жесточайшимъ и тягчайшимъ истязаніямъ (173).»

Самое замѣчательное и гуманное распоряженіе было сдѣлано 21-го мая: приказано было малороссіянь отнюдь никому не укрѣплять въ холопство, не принуждать ихъ вступать въ бракъ съ *крѣпостными дѣвками* и женщинами. Женившихся же добровольно немедленно съ женами отпускать на волю. Всѣ крѣпости и письма на холопство малороссіянь отнынѣ считать недѣйствительными. Съ ослушниками указа, съ барами, *холопившими* малороссовъ и неотпущавшими ихъ на волю приказано (іюля 3-го) поступать какъ съ явными преступниками и ослушниками императорской воли «безъ всякаго милосердія.» По указу 9-ги іюня свободные козаки имѣли право вездѣ *шныковать* безъ запрету, продавать вино ведрами, кучами и квартами.

Недовольствуясь этимъ, государыня (август. 18-го) облегчила малороссіянь отъ разныхъ повинностей: денежныхъ, лошадьми, отводомъ квартиръ, доставки припасовъ и проч. Подь страхомъ жестокаго наказанія воспрещено препятствовать свободнымъ малороссіянамъ переходить съ мѣста на мѣсто.

Въ царствованіе Екатерины II малороссы были тысячами розданы придворнымъ сановникамъ, но въ 1742 году они были обязаны своей свободой ходатайству и заступничеству А. Г. Разумовскаго, крестьянина черниговской губерніи, да преставленіямъ А. Б. Бутурлина, управлявшаго въ то время Малороссіей. Такимъ образомъ цѣлая страна обязана своими правами двумъ придворнымъ, пользовавшимся въ разное время особымъ расположеніемъ императрицы... Если такъ много было сдѣлано для малороссіянь, то какія же льготы

получили великороссіане? Они видѣли освобожденіе своихъ сосѣдей, прислушивались къ восторженнымъ похваламъ императрицы монаховъ и священниковъ, слышали о щедрыхъ наградахъ русскихъ людей, предпочтительно предъ иноземцами, о набожности, кротости Елизаветы и молва облетѣла крѣпостную Русь: свобода, свобода, воля приходитъ, говорили мужички. Надежды, волновавшіе крестьянъ въ началѣ каждаго почти царствованія, на этотъ разъ заглохли съ слѣдующимъ указомъ, 2-го іюня.» Узнали мы въ прошломъ мѣсяцѣ,—объявляла государыня,—что многіе помѣщичьи крестьяне оставляютъ своихъ господъ, самовольно затѣваютъ будто всѣмъ крѣпостнымъ дана будетъ воля. Многіе стали проситься въ военную службу для освобожденія отъ помѣщиковъ; и о томъ просили насъ самихъ. Другіе, не подавая никакихъ челобитень, отъ господъ своихъ бѣжали и ждали указа объ освобожденіи, а за такіе ими вымышленныя и противозаконныя дерзновенія, по собственноручному нашему указу, учинено имъ на площади *предъ публичкою* жестокое наказаніе: тѣ, которые подавали просьбы толпами, биты кнутомъ, зачинщики сосланы за тѣмъ въ Сибирь, въ каторжную работу, вѣчно, а подававшіе челобитныя порознь, по матернему милосердію нашему, биты плетьюми, прочіе батогами; а по наказаніи, всѣ, кромѣ каторжныхъ, возвращены помѣщикамъ въ *услуженіе* по прежнему. И такъ, на крѣпко запрещаемъ крѣпостнымъ людямъ отъ помѣщиковъ не бѣгать, въ военную службу самовольно не просится, а ослушники какъ *наказанные изъ братья* будутъ и впредь нещадно биты кнутомъ и сосланы въ каторжную вѣчную работу.»

Крестьяне увидѣли чего можно ждать, чего надѣяться и стали бѣгать толпами отъ помѣщиковъ въ привольную Малороссію. Изъ одного муромскаго уѣзда бѣжало болѣе 1000 семействъ крестьянскихъ; многіе вотчины лишились совершенно жителей (ук. авг. 2-го). Пойманныхъ пороли плетьюми, батогами, били кнутомъ, и нерѣдко головой отдавали помѣщикамъ (174)... И такъ, «болѣзненно работающій земледѣлецъ (примѣняемъ слова дьякона Савицкаго изъ проповѣди его 10-го октября 1742 г. стр. 4), многотрудящійся крестьянинъ, ради своего (и помѣщичьяго) пропитанія, исто-

шающійся въ страшныхъ усиляхъ, не отеръ кроваваго пота съ лица своего. Надежда его перемѣнилась въ отчаяніе, день и ночь ожидаемое благополучіе возрасло въ несравненный плачь и скорбь лютую!»....

У насъ вообще принято думать, что въ концѣ первой половины XVIII-го вѣка настала тишина, водворилось спокойствіе, прекратились пытки, казни — чуть-чуть не насталъ вѣкъ золотого счастья. На сколько справедливо это странное мнѣніе, утвержденное всѣми учебниками, многими монографіями, трудами Н. А. Полеваго, А. И. Вейдемейера и друг. можно видѣть изъ нашихъ очерковъ.... Добавимъ въ заключеніе, что уже въ 1742 г. вышло пѣсколько указовъ по поводу казней и пытокъ: *перебѣщиковъ за границу шведскую казнить смертію безъ упущенія* (мар. 13-го); при губернскихъ канцеляріяхъ опредѣлить по два палача или заплочныхъ мастеровъ, а въ провинціальныхъ по одному для *розысковъ и экзекуцій* (іюня 10-го). За ложное сказаніе *слова и дѣла* приказано боярскихъ и посадскихъ людей *бить плетми нещадно; помѣщичьихъ людей и крестьянъ*, ежели владѣльцы обратно взять не пожелаютъ, *сѣчь плетми, а кнутомъ не бить.... дабы не попортить и въ службу негоднымъ не сдѣлать* (іюня 25-го). Малолѣтнихъ преступниковъ важныхъ (менѣе 17-ти лѣтъ) отъ пытки и *смертной казни* освободить (значитъ взрослые не были освобождены), а въ замѣнъ, государыня всемилостивѣйше соизволила приказать сѣчь ихъ батогами, сѣчь плетми и ссылатъ для *исправленія* въ монастыри (августа 23-го). Во избѣжаніе споровъ, показанія подсудимыхъ, говоренныя съ *виски, дыбы, огня, жельза, воды, утки* и другихъ пытокъ (176), приказано было (сент. 1-го) записывать тутъ же въ застѣнкахъ, въ особый черновой журналъ и подписывать его судьямъ, не выходя изъ застѣнка или казамата, гдѣ производился *розыскъ* (175). Такимъ образомъ, говоритъ Н. М. Карамзинъ: грозы самодержавія еще пугали воображеніе людей: осматриваясь произносили имя кроткой Елизаветы или министра сильнаго; пытки и тайная канцелярія существовали: потоки крови лились, въ застѣнкахъ раздавались вопли терзаемыхъ!... (176).

ПРИМЪЧАНІЯ.

(103) *Вѣд.* 1742, 85, 92—94. *Полсваю.* Стол. Россіи. 1845. ч. 1, стр. 58. *Манштейнъ*, стр. 451, ошибочно говоритъ, что герцогъ пріѣхалъ въ Спб. въ январѣ. *Беркгольцъ* (авторъ любопытнаго дневника), пробылъ въ Россіи до 1746 г. Кромѣ него прибыли изъ Голштиніи съ герцогомъ оберъ-гофмаршалъ *Брюммеръ* и камергеръ *Дукеръ*. Штатъ герцога умноженъ слѣдующими лицами: гофмаршалъ князь А. А. Черкасской; камергеры: графъ Г. И. Головкинъ, князь С. Гагаринъ, Лиленфельдъ и П. С. Сумароковъ; кammerъ-юнкера: Лнигардтъ, Н. И. Панинъ, Воронцовъ, Вожжливскій и Сиверсъ. Приказано камеръ-юнкеровъ считать въ числѣ бригадировъ, а дѣйствительныхъ камергеровъ генералъ-майорами (№ 8510). О призваніи въ Россію Петра III-го, смотр. рукопись Академ. Библіот. въ листъ, 650 стр. 1801 г.: «Дипломатическія сношенія между Россіей и Голштиніей. Сост. А. Матиновскій.

(104) *Вѣд.* 101, 109—111. *Примѣч.* 48—55. *Изъясняя* фейерверкъ, Штелинь увѣряетъ, что все *веселіище* императрицу, должно приводить въ восторгъ ея рабовъ. Онъ-же обращаетъ вниманіе на 14-ти лѣтній возрастъ наслѣдника; по Пифагорову ученію, «кто священное седмричное число лѣтъ дважды здраво, бодро и счастливо уже препроводилъ, тотъ многіе степенные годы проведетъ въ здравіи и счастіи». Смотр. также «Зерцало російскихъ государей», Спб. 1794. *Малыгина*, стр. 527. Описаніе праздника 10-го февраля было напечатано въ 1742 г. и на франц. языкѣ. Празднованъ сей день въ Глуховѣ, Ригѣ и Нарвѣ. *Вѣд.* 127, 150, 182.

(105) Студентъ Ломоносовъ получилъ званіе адъюнкта 28-го января 1742 г., вмѣстѣ съ семинаристомъ г. Тепловымъ.

(106) Карлъ Голштинскій уѣхалъ въ Киль *въ юль 1727 г.*; Анна Петровна родила *10-го февраля 1728 г.*; такимъ-образомъ, по увѣренію Ломоносова, Петрополь терзался объ отъѣздѣ Петра III, когда онъ еще былъ въ материнской утробѣ. Собраніе сочиненій *Ломоносова* 1751 г., 8-я д., стр. 130—138. Первое собраніе его сочиненій, оно украшено его портретомъ. Книга нынѣ рѣдка.

(107) П. С. З. 8495, 8516, 8520, 8521. *Вѣд.* 117, 134, 143. Здѣсь ошибочно сказано, что Елизавета выѣхала *въ понедѣльникъ*, достовѣрно извѣстно, что она выѣхала *во вторникъ*. Достойно замѣчанія, государыня ничего не начинала *въ несчастный день понедѣльникъ*.

(108) Проповѣдь и дальнѣйшія подробности заимствуемъ изъ роскошнаго, по своему времени, изданія: «Обстоятельное описаніе вшествія въ Москву и коронованія Елизаветы». Спб. 1744, въ листъ, стр. 1—168, съ 60-ю рисунками, планами и чертежами. На приложенномъ портретѣ государыня изображена въ ростъ, стоитъ подъ балдахиномъ, въ Успенскомъ соборѣ. На головѣ корона, въ лѣвой рукѣ держава, въ правой скипетръ, на плечахъ порфира. Елизавета одѣта декольте, узкій корсетъ стягиваетъ таллю, платье съ фижмами. Черные волосы густыми локонами падаютъ на плечи, обрамляя полное, круглое, улыбающееся лице. Глаза велики, ротъ малъ, подбородокъ очень полонъ — вообще лицо довольное, спокойное, безъ думы и особаго выраженія. На первой страницѣ виньетка. Москва въ 1742 году изъ-за рѣки. Рисунки 1—9 изображаютъ триумфальныя ворота, аллегорическія на нихъ картины, далѣе картина въѣзда въ Москву и проч. Объясненія картинъ такого рода: «Орелъ прогоняетъ сова и мотылей» и т. п. Картины сочинены Штелинымъ и архіепископомъ Амвросіемъ. Ворота строились подъ руководствомъ искуснаго зодчаго, князя Ухтомскаго. Смотри «Старина» А. Мартынова, 1848 и 1853 г., ч. 1 и 4, стр. 23—26. Памятники Москвы, 1842 г. Ситникова, стр. 88—89. Описаніе Москвы, Рубана, 1782. Планъ Москвы 1739 г., Мицурина. О пожарѣ московскомъ 1737 г. въ «Чтеніяхъ исторіи» 1858 г., кн. 3. «Исторія московской академіи» Смирнова. М. 1855. Подносный экземпляръ описанія коронаціи 1742 г. хранится въ академіи въ богатомъ «утлярѣ», съ расширенными чертежами и рисунками.

(109) П. С. З. 8523, 8530. Штелина: Сказанія о Петрѣ I-мъ. 1787, стр. 292. Описаніе двухъ аудіенцій персидскаго посла въ Москвѣ. 1742, въ 4-ю д.

(110) Спичкова, «Слово», церкви. печати. М. въ 4-ю д. Гражд. печати. Спб. 1742, стр. 1—20.

(111) Маркела, на 28-е марта, церк. печати въ Москвѣ и гражд. въ Спб. 1742 г. Флоринскій, въ словѣ 11-го апрѣля, превозноситъ на 40-ка страницахъ кротость Елизаветы, Крайскій, 17-го апр., хвалитъ за призывъ Петра III-го. Вовсе не замѣчательны проповѣди Топольскаго, 30-го мая, Григоровича, 23-го, Хотунцевича, 26-го, Кулябки, 16-го. Въ нихъ попадаютъ, однако, такого рода воззванія: «Государыня, затвори гортани хульниковъ церкви, уста хульныя — глиною заключи, а и снать нечестивые языки не худо, яко-же всѣ благочестивые цари творили такъ» и т. п. Маркела, 23-го іюня, Лещицаго, 8-го августа, Змилевскаго, 16-го ок-

тября, *Лестюкаго*, 25-го, *Антонскаго*, 31-го, *Горленко*, 28-го ноября и проч.

(112) «Записки о жизни и службѣ», *А. И. Бибикова*, 1817, стр. 12. *Manstein*, стр. 458. *Даниловъ*, стр. 34—35. Слѣдственные дѣла за этотъ годъ во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ составляютъ толстѣйшіе томы, преступленія были самыя разнообразныя. Напримѣръ въ Измайловскомъ полку за 1742-й годъ: «№ 5, дѣло о дракахъ, ссорахъ и злыхъ поступкахъ солдатъ съ посторонними. № 3, опредѣленіе солдатъ за продерзости въ армейскіе полки. № 6, о вышибленіи у солдата Леонтьева праваго глаза.... № 9, дѣло солдата Соколова въ порубленіи шпагою извощика. № 10, о дракѣ солдатъ съ корабельною командою. № 11, о обидѣ рядовымъ Аммосовымъ иноземца Гана. № 12, дѣло гренадера Кременева съ товарищами въ продажѣ корчемнаго вина. № 16, о продерзостяхъ солдатъ. № 23, бой сержанта Колобова съ капраломъ Загоскинымъ. № 24, о покраденыхъ изъ дворца вещахъ солдатомъ Федоровымъ, въ бытность его тамъ на караулѣ. № 29, дѣло о убіеніи гренадера Федѣева рядовымъ Пикинымъ. № 35, о солдатѣ Артамомѣ Блудовѣ въ смѣшеніи блуда съ коровою и т. п. Объемъ нашего очерка не позволяетъ намъ остановиться на этихъ дѣлахъ, но уже перечень ихъ довольно выразительно говоритъ о состояніи полковъ того времени. По случаю беспорядковъ, какъ видно изъ подлинныхъ бумагъ, многіе иностранцы офицеры посмѣшили выйти въ отставку.

(113) «Описаніе коронаціи» 1742 г. На поляхъ моего экземпляра рукою современника сдѣланы разныя поправки. Одинъ изъ рисунковъ изображаетъ маскарадъ-балъ въ яузскомъ дворцѣ.

(114) Описаніе иллюминаціи 25-го апр. 1742 г. М. 4-я д. Современнаго изданія оды *Тредьяковскаго*, 4-я д., 1742 г., мы нигдѣ не могли сыскать.

(115) Изображенія регалій въ *Обстоят. описан.* 1744 г. Любопытныхъ, явившихся ихъ осматривать, съ 7-го по 19-е мая, было 136,258 человекъ. На иллюминированномъ щитѣ въ уста *Россіи* вложена была надпись:

Надежда съ правомъ нынѣ довольны,
Желаніе съ вѣрностью спокойны.
Того Россія токмо ждетъ:
Да въ вѣкъ живетъ Елизаветъ.

Любопытны изображенія иллюминацій, бывшихъ предъ золотомъ рѣшеткою. Такъ, напримѣръ, представлено шесть сердецъ пирамидкою, на ней корона, подпись: *на силъ подпорахъ безопасна.*

На столѣ стоитъ свѣчка въ подсвѣчникѣ: *егда свѣтъ естъ просвѣщаются*. На скалѣ крѣпость, въ воздухѣ кнутъ: *ничего не ищю кромѣ правости*. Столбъ увѣнчанъ короной: *перемѣны не бойся* и т. д. Въ *Влд.*: «Экстрактъ изъ журнала о придворныхъ церемоніяхъ». Въ *примѣч.* (стр. 185—196) помѣщено было объявленіе такого рода: «По случаю коронаціи изданы разныя похвальные стихи, рѣчи и тому подобныя сочиненія, которыя, можетъ быть, не во всѣхъ еще рукахъ находятся. Желая оказать нашимъ читателямъ наиблаготѣвительнѣйшую услугу, мы будемъ ихъ печатать въ *Вѣдомостяхъ* и *Примѣчаніяхъ*». Но обѣщаніе осуществилось на напечатаніи стиховъ кеншгсбергскаго адвоката *Лестока, I. A.* (?), столь-же высокопарныхъ, сколько и негѣпыхъ. На медалѣ, выбитой по случаю коронаціи, изображено на лицевой сторонѣ: «Б. м. елисаветъ: императ. і самодер. всеросс.» поясное изображеніе государыни. На оборотѣ: «промыслъ божій чрезъ вѣрныхъ подданныхъ». Елизавета въ порфирѣ, ее вѣнчаетъ геній, слетающій съ облаковъ; у ногъ Россія со щитомъ, сзади двѣ колонны съ вензелями Петра и Екатерины. Въ обрѣзѣ: «коронована в москвѣ 1742 год.» Работа неизвѣстнаго художника, есть снимки. Собр. русск. медал. 1840, № 125. На жетонахъ золотыхъ и серебрянныхъ (мы имѣемъ серебрянный величиною съ четвертакъ) на лицевой сторонѣ: «елисаветъ императрица всероссійская коронована в Москвѣ 1742 г.» на оборотѣ «отъ вышнего благодать», корона въ лучахъ. Ода *Юнкера*, 29-го апр. 1742 г напечатанная въ листъ, на нѣмецкомъ языкѣ, была тогда переведена *Ломоносовымъ*. (Изд. *Смирдина*, 1847, т. 1, стр. 189—204.

(116) Персидскому послу дано деньгами 29,969 рубл., подаркамъ на 44,315 рубл.

(117) Соч. *Тредьяковскаго*, изд. *Смирдина*, 1849, т. 1, стр. 291—304. День коронаванія, говоритъ авторъ въ посвященіи, расширивъ чувствительнѣйшимъ веселіемъ мое сердце, не попускаетъ и мнѣ при всемірныхъ восклицаніяхъ быть безгласну.» Голосъ бывшаго пѣвца Анны Ивановны раздается въ 280 стихахъ оды *благодарственной* и 80 *привѣтственной*, та и другая Елизаветѣ. Впрочемъ пѣническаій угаръ Василя Кирилловича остылъ, покрайней мѣрѣ въ 1730-мъ году онъ съ большимъ чувствомъ восклицалъ привѣтствуя Анну Ивановну:

Веселіемъ у насъ всѣ плещутъ рѣкъ потоки!

Погибли въ безднѣ тьмы премежкіе пороки:

Ужъ обстоятъ кругомъ:

Честь, правда, богу пѣра,

Усердность безъ приѣбра,
И милость предъ судьбою.....

Послѣднее не было отличительною чертою Анны и ея соправителя Бирона.

(118) Исторія музыки со временъ Петра I-го, *Штеллина*. Худ. Газ. 1840. № 21.

(119) *Вѣд.* 278. 281. Курьезныя рѣчи обоихъ ученыхъ напечатаны 1742. д. 4. О празднованіи дня коронаціи въ Ревелѣ, Нарвѣ, Выборгѣ, Кронштатѣ, Архангельскѣ, Берлинѣ у П. Г. Чернышева, въ Дрезденѣ у Кейзерлинга, въ Парижѣ у А. Д. Кантемира смотр. *Вѣд.* 289. 295. 338. 410. 502. Описаніе иллюминаціи въ рижской на нѣмец. языкѣ, въ листѣ. 1742 г.

(120) *Гребневскій*, въ послѣдствіи епископъ Владимірскій. Слово его гражд. печати, Спб. 1742. д. 4.

(121) Объемъ нашего разсказа, и безъ того уже принявшаго большіе размѣры, не позволяетъ намъ при описаніи военныхъ дѣйствій вдаваться въ мелкія подробности; мы остановимся на важнѣйшихъ фактахъ. О причинахъ видны 1741-1743, о ходѣ компаніи 1741 г. смотр. въ запискахъ *Манштейна*, обзорѣ *Вейдемейра*, наконецъ въ сочиненіи, недавно изданномъ *госпожею Шпилевскою*: Описаніе войны между Россіей и Швеціей въ Финляндіи въ 1741-1743 г. Спб. 8 до стр. 273 съ тремя планами 1858 г.» Трудъ госпожи Шпилевской подробно разобранъ нами въ 3 книжкѣ журн. Министер. народ. просвѣщ. 1859 г. О немъ же смотр. въ От. зап. 1859 № 4, въ Военномъ Сборникѣ № 3. и друг. журналахъ. При неизбѣжныхъ недостаткахъ книга госпожи Шпилевскій имѣетъ неоспоримыя достоинства: она освобождаетъ отъ труда рыться въ отдѣльныхъ брошюрахъ, Вѣдомостяхъ и проч. Большая часть извѣстій, многіе съ мельчайшими подробностями, сведены въ ея описаніи болѣе нежели изъ двадцати русскихъ и иностранныхъ источниковъ. Въ этомъ отношеніи почтенный трудъ составительницы заслуживаетъ полнѣйшій признательности. Смотр. также въ Финск. Вѣстникѣ 1845 т. 1. Очеркъ войны въ Финляндіи 1741-1742 г. «упущенный изъ виду авторомъ описанія- Мор. Сборн. 1856 г.» Отрывокъ изъ исторіи шведскихъ, морскихъ войнъ «*Гилленжанта*». Зап. Гидрогр. Общества 1847, т. 5. Морскіе походы противъ Шведовъ 1741-1743 г. *Соколова*.

(122) *Вѣд.* 175, 8. 79 и проч. П. С. З. № 8552. 8554. Въ Акад. библиотекѣ есть гравированная карта Ингерманландіи, Кореліи и часто Финляндіи 1740 г.

(123) *Léonque. Hist. de Russ. V. p. 252. Lesur: Histoire des Cosaques. Paris 1814 т. 2. с. 176.* Первое издание этой рѣдкой книги была напечатана въ числѣ 30 экземпляровъ смотр. Отчетъ Публич. биб. 1856 г.

(124). Онъ былъ напечатанъ: на нѣмецкомъ, шведскомъ и финскомъ языкахъ, нынѣ почти неизвѣстенъ; Шпилевская въ первые перевела и напечатала его на русскомъ языкѣ.

(125) *Примъч. с. 117.* «Журналъ о происхожденіяхъ побѣдоноснаго русскаго оружія противъ вѣроломнаго шведа».

(126) *Manstein 464.* Въ полковыхъ приказахъ по усмиреніи мятежа строжайше было подтверждено о нечиненіи буйства и всякаго рода мятежей. *Рукоп. Измайл. полка.*

(127) От. зап. 1825. ч. 22 с. 59 записки *И. А. Остермана.* Кейтъ такой генералъ, котораго поступки и поведеніе одушевлены вѣрностью престолу, храбростью и благородствомъ, нельзя ни въ чемъ попрекнуть его характера». Донесеніе *Мимиха* 1737 г. Сѣв. Арх. 1822 № 3 с. 207. *Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de Russie. 1764 г.* Оно переведено съ значительными выпусками въ *Рус. Вѣстн.* 1842. № 1 Во второмъ номерѣ помѣщены отрывки изъ записокъ *Вильбоа.*

(128) *Вѣд. № 60.* Планъ мѣстности у Фридрихсгама смотр. описаніе *Шпилевской.*

(129) *Прим. с. 263.* Экстрактъ изъ Шведскихъ писемъ, заваленныхъ русскими».

(130) Донесеніе «Левенгаупта въ *Relation exact et circonstance de la guerre entre la Moscovie et la Suède. т. II с. 86.* Донесеніе Ласси *Вѣд. № 60, 61.*

(131). *Шпилевская 98-160. Manstein 450-480. Примъч. 237-257 Кашенскій 1847. ч. 2. с. 430-437.*

(132) *Шпилевская 161-232. Примъч. 277-297. 310-335, Manstein 482-485.*

(133) Буденброкъ потерялъ голову на плахѣ 18 іюля 1743 г. 22-го числа казненъ Левенгауптъ.

(134) *Примъч. 337.*

(135) Изд. 1742. М. 16 д. стр. 20. іюня 19-го,

(136) Церковн. печати. 4. д. 1742. Москва.

(137) Неправедныхъ судей, говоритъ Арсеній, хищниковъ и грабителей вымышленное правило: «знай насъ, не забывай насъ, дѣлись съ нами, будешь у кѣста: когда дашь — будешь князь, не дашь — будешь грязь». Митрополитъ рѣзко осуждаетъ корыстолюбіе и страсть къ земнымъ, столь тѣннымъ благамъ: Въ цар-

ствование Екатерины II тотъ же Арсеній писалъ въ защиту монастырскихъ имѣній, былъ разстриженъ и бѣдственно кончилъ жизнь въ казematѣ. Портретъ его въ Пантеонѣ *Бекетова* 1801 г. Сочиненія въ рукописи находятся въ Публич. библиот. біографія въ соч. Каменскаго, Евгенія, и Новикова. О мѣстѣ погребенія, если не ошибаюсь, въ началѣ любопытной запискѣ о Сибири *Штейншля*.

(138) По свидѣтельству Савицкаго многое множество раскольниковъ 1742 году сами себя и жгли и различными смертями предали, избѣгая православія. «А кудажь они пошли послѣ этого, вопрошаетъ придворный проповѣдникъ, да узнаеть всякъ — пошли во тьму кромѣшную.» Фанатическіе возгласы подобныхъ проповѣдниковъ имѣли немаюважное вліяніе на Елизавету: многіе ея указы противъ раскольниковъ, жидовъ и разныхъ иновѣрцовъ, которые преслѣдовались въ это время съ особымъ ожесточеніемъ имѣютъ большую связь съ проповѣдями сего времени.

(139) М. 4. д. церк. печати. Проповѣдь заканчивается панегирикомъ Елизаветѣ.

(140) Каммер-фурберскаго журнала за 1142 г. сохранилось три листика. Онѣ напечатаны въ 1858 году съ соблюденіемъ всѣхъ грубѣйшихъ ошибокъ подлинника подъ заглавіемъ: «Журналъ Троицкаго похода» Спб. 8 д., 1—5.

(141) Москва. 4 д. пер. печати.

(142) Мы видѣли подлинный указъ о пожалованіи Панина капитаномъ гвардіи: онъ написанъ безъ знаковъ препинанія, на толстой бумагѣ, собственноручная подпись: *Елисавета іюля въ 10 день въ Москвѣ*. Въ сѣверномъ архивѣ 1823 г. т. V, между другими помѣщена подпись Елисаветы. «Любителю исторіи, замѣчаетъ редакторъ архива, пріятно взглянуть на подпись руки, отъ мгновенія которой зависѣла участь многихъ тысячъ семействъ.»

П. И. Панинъ на четырнадцатомъ году отъ роду (въ 1736 г.) стоялъ на часахъ во дворцѣ, какъ солдатъ Измайловскаго полка. При отданіи чести Аннѣ Ивановнѣ на лицѣ молодаго человѣка показалось судорожное движеніе: это сочли за умышенное кривлянье. Едва избѣгъ онъ Сибири, но отправленъ въ Крымскую армію.

(143) *Примлч.* 277.

(144) Слово *Крайскаю* М. 4-я д. 1742 г. авг. 26. *Топольскій* въ словѣ на 30 августа «что дщерь Петра, яко Соломонъ, разорвала челюсти свейскаго льва и оттуда подала намъ миръ и

благотипіе.» Слова *Петрункевича* на 19 сент. *Арсенія* на 16 октября. О празднованіи сего дня въ *Вѣд.* 757.

(145) Москва 4-я д. церк. печати. О празднованіи сего дня въ Ригѣ, Выборгѣ, Ревелѣ смот. *Вѣд.* 602, 626, 632. Въ Петербургскомъ крѣпостномъ соборѣ *Барановичъ* сказалъ проповѣдь: «человѣкъ нѣкій бѣ домовать, иже насади виноградъ.» По незначительности содержанія рѣчь, кажется, не была напечатана.

(146) *Вѣд.* 693; 716. На возвратномъ пути изъ Финляндіи Ласси; сынъ его генералъ и весь остальной генералитетъ встрѣченъ съ торжествомъ въ Ревелѣ, Ригѣ, Перновѣ и Спб.

(147) *La Cour de la Russie* 109.

(158) Описаніе дѣйствія..... объявленія Петра Фодоровичемъ наслѣдникомъ престола и муропомазанія его.» Сын. Отеч. 1839, т. 9, отд. VI, стр. 1 — 5. Рукопись сего описанія въ Акад. библиотекѣ.

(149) *Собраніе медалей* Спб. 1840 г. *Вѣд.* 748, 779, 780, 789, 795, 803. *Вѣд.* 34 *Manstém* 483. Проповѣдь 8 ноября говоритъ *Амеросій*. Не важно слово 14 ноября *Скабовскаго*. М. 4-я д. церк. печати. *П. С. З.* № 8671.

(150) *П. С. З.* т. XI № 8666. Въ этомъ указѣ подробный списокъ всѣхъ гренадеровъ, сподвижниковъ Елисаветы, № 8639, 8641, 8648. Странно, что при всеобщемъ истребленіи всего носившаго имя Іоанна, переднія ворота, ведущія въ Петропавловскую крѣпость со стороны Троицкаго моста носятъ названіе и надпись: *Іоанновскія ворота 1740 года*. О гербахъ преображенцевъ въ *Общ. гербовн.* 1797. 4 тома.

(151) *П. С. З.* 8612, 8672. Невскій проспектъ еще въ 1721 г. привлекалъ вниманіе пріѣзжихъ. «Это длинная и широкая аллея, говоритъ Беркгольцъ, вымощенная камнемъ и посправедливости, названа проспектомъ, конца ея почти не видно. Она проложена исключительно руками Шведовъ въ 1713 г. Деревья еще не велики, но улица необыкновенно красива по своей длинѣ и чистотѣ, такого проспекта я нигдѣ не встрѣчалъ (ч. 1, стр. 45 — 46). *Лушкаревъ* стр. 79. Описаніе обѣихъ триумфальныхъ воротъ издана декабря 22, въ 1742 г. въ листѣ 18 стр. Около этого же времени, если не ошибаюсь, поднесена императрицѣ, илюминированная большая карта Спб. (экземп. въ Акад. Наукъ). Елизавета въ золотомъ платьѣ изображена въ углу карты на великолѣпномъ пьедесталѣ, слава съ вѣнцомъ и знаменемъ витаетъ надъ ней, далѣе монументъ Петру I, музы, 12-ть коллегій.... Въ правомъ углу барабаны; пики, литавры, глобусы, книги и между

ними мертвая голова съ исковерканными чертами лица, подлѣ сѣкира палача. (?)

(152) *Вид.* 836, 843. Проп. гражд. печати Спб. 4-я д. 1—15.

(153) *Вид.* 103, 167, 444.

(154) О порчѣ нравовъ стр. 54—55. «Сія государыня, говоритъ современникъ о Елизаветѣ, изъ женскаго полу въ молодости своей была отиѣнной красоты, набожна, милосерда, сострадательна и щедра, отъ природы одарена довольнымъ разумомъ, но о просвѣщеніи ея нельзя сказать многого.... Съ природы веселаго нрава, жадноищущая удовольствій, чувствовала свою красоту и страстно украшаться разными украшеніями старалась, лѣнива и недокучлева къ всякому требующему нѣкоего прилежанія дѣлу; такимъ образомъ внутреннія дѣла государственныйя многія иногда лѣта безъ подписанія ея лежали, но даже и виѣшнія государственныйя дѣла, яко трактаты, по нѣскольку мѣсяцевъ за неохотою подписать свое имя у нея лежали. Роскошна, любострастна, дающая многую повѣренность своимъ фаворитамъ, но однако такова, что всегда надъ ними власть монаршу сохраняла.

(155) Волчковъ въ послѣдствіи перевелъ и издалъ довольно много книгъ. У насъ подъ рукою: «Езоповы басни съ примѣчаніями Летранжа. Спб. 1747 г. Разговоры о разныхъ до наукъ и до любопытства касающихся весьма курьезныхъ вещахъ. Тавернье 1597 г. перев. 1757 г. Спб. 4-я д. и др.

(156) Слово 11 апрѣля 1742 г. 10.

(157) Третье изданіе Граціана въ 1760 году. Изъ книгъ 1742 г. мы не нашли: «Желаніе подданныхъ, изъясненныя Елизаветѣ въ день восшествія ея на престолъ. Спб. въ листѣ *Сониюевъ* ч. 3. N° 3924.

(158) Эта книга была выправлена и приготовлена къ изданію митрополитомъ *Арсеніемъ*.

(159) О этихъ толкахъ смотр. въ Исторіи Раскола *Іоанна* въ 1858 г. О выходѣ новаго изданія Камня Вѣры соч. *Яворскаго* было объявлено въ *Вид.* 1742 г. января 29. Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ о раскольническихъ сектахъ *учителя* и раскольническія *апостолы* страннымъ образомъ толкуютъ о Елизаветѣ, ея мнимомъ сынѣ Петрѣ III, о приверженности послѣдняго къ сектѣ хлыщей и т. п.

(160) Въ 1742 году въ Амстердамѣ напечатана Histoire de Pierre I, surnommé le grand, empereur de toutes les Russies, roi de Siberie, de Casan, d'Astracan, grand duc de Moscovie et enrichi de plans, de batailles et de medailles. 8-я д. 4 т. Исторія

составлена довольно отчетливо и обстоятельно, авторъ между прочимъ цитуетъ дневникъ Корба, матеріалъ чрезвычайно драгоценный; (1698 — 1699 г.) изд. 1700 г. Странно, что во всемъ сочиненіи нѣтъ ни слова о Елизаветѣ.

(161) Печатаемая его въ Русскомъ Вѣстникѣ. 1842 г. № 4 стр. 1 — 16, Н. А. Полевой замѣчаетъ это любопытное, современное сочиненіе, гдѣ воцареніе Елизаветы излагается въ видѣ легенды, «имя автора неизвѣстно.» Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ былъ духовнаго званія. Мы не нашли рукописи сей легенды.

(162) Худ. Газета 1840. № 21. Многія подробности о театрѣ того времени собраны въ превосходной статьѣ г. В. Стоюнина «А. П. Сумароковъ» въ Музык. и Театр. Вѣстникъ 1856 года.

(163) Милосердіе Титово «1742 г. 4-я д, Ланде ставилъ балетъ, Бонъ декорация, Меркурьевъ перевелъ либрето.» Этотъ же сюжетъ въ послѣдствіи взятъ: Я. Б. Кляшнинимъ для его трагедіи: Милосердіе Тита. Собр. его соч. 1787 г. т. I стр. 78 — 168.

(164) Карилловичъ Р. Старина. 1824 г. стр. 121. О русскомъ театрѣ изъ бумагъ А. П. Сумарокова Отеч. Записк. 1822 года № 33. Записки А. М. о театрѣ: Сѣв. Арх., ч. 4. № 21.

(165) Пантеонъ русскихъ авторовъ 1801 г. Словарь духовныхъ писателей *Евгенія*, ч. 2, стр. 579.

(166) Соборъ имѣетъ два придѣла: Сергія Родонежскаго и Климента Римскаго (празд. 25-го ноября) планы и фасады разсматривалъ архитекторъ *Зайцовъ*, строилъ соборъ *Трезинъ*, кончилъ *Растрелли*. Въ соборѣ мало достопримѣчательностей: Полковой образъ, корсунскій крестъ, евангелія временъ Петра и Анны, сосуды того же времени, крестъ и евангеліе Елизаветы; евангеліе, крестъ, лампы и сосуды Запорожской сѣчи, мундиры императора Николая и проч. Записка о соборѣ, доставленная намъ протопопомъ П. В. Воиновымъ; соч. *Боданова* стр. 304. *Пушкарева*, письмо *Трубецкаго* 7-го сентября 1742 г. *Салтыкову*. Приказъ по Преображенскому полку 7-го дек. 1741 г.; *Исторія* Спб. *Реймера* 1805 г. ч. 1, *Георги* 1794 г. стр. 184.

(167) О нихъ смотр. въ соч. *Рубана* о Спб. стр. 163 — 197. Вообще это дорогой историческій матеріалъ и въ немъ много разсѣяно любопытныхъ извѣстій. Напр.: «изображеніе келейнаго житія монаховъ Александро-Невской лавры:.....» Аще кто не покорится уставу, таковой да облежится узами и нещадно будетъ изтязанъ наказаніемъ на тѣлѣ. Аще кто дастъ брату удареніе да будетъ изтязанъ. Аще намѣстникъ вознерадитъ въ чемъ изтяжится соборнѣ и проч. въ этомъ родѣ.

(168) П. С. З. суд. Слб. 1830 года т. XI, № 8473 — 8683 стр. 537 — 753.

(169) Въ небольшой книжечкѣ, неизмѣющейся въ продажѣ и напечатанной не для публкии: «Родословіе Головиныхъ соч. Казанскаго, М. 1847 г. разсѣяно довольно много самыхъ интересныхъ подробностей о нравѣ того времени (стр. 56-73.) Въ 1721-мъ году Матвей Алексѣевичъ Головинъ за то что не хотѣлъ ядаться на святкахъ и мараться сажею, раздѣтъ былъ до нога и, наряженный демономъ, долженъ былъ прогуливаться по льду Невы, среди веселящагося народа. Головинъ жизнью расплатился за невольную потѣху. Другой Головинъ Василій Васильевичъ по дѣлу Мона въ 1724-мъ году посаженный въ тюрьму на два года, былъ преданъ пыткѣ. Въ 1736-мъ году неизвѣстно за что онъ, по приказу Бирона, снова брошенъ въ казематъ. Василій Васильевичъ былъ подвергаемъ невыразимымъ мукамъ: его подымали на палы, вывертывали ему лопатки, гладили по спинѣ горячимъ утюгомъ, кололи подъ ногти разожженными иглами, били кнутомъ и наконецъ истерзаннаго, не задолго до смерти Анны Ивановны, возвратили его семейству послѣ бывшаго выкупа, даннаго женою. Въ послѣдствіи Головинъ отмѣчалъ въ своихъ календаряхъ: «токого-то числа подчищали ногти у меня бѣднаго и ихъ нрядно изуродовали». Несчастный подъ пытками надавалъ множество обѣщаній, состоявшихъ въ служеніи обѣдней и молебновъ. Головинъ исполнялъ ихъ потомъ по особой запискѣ. Елизавета заботилась о поправленіи здоровья невиннаго страдальца», впрочемъ Казанскій не пишетъ въ чемъ состояли эти заботы, а благодарный Головинъ въ табельные дни постоянно служилъ молебны за здравіе государыни. Какъ видно здоровья онъ былъ атлетическаго, ибо умеръ на 86-мъ году отъ рожденія. Изъ оставленныхъ записокъ Василя Васильевича видно, какъ проводилъ время этотъ богатой помѣщикъ; нѣтъ сомнѣнія, что такъ или почти такъ, жили всѣ столбовые, дворяне-помѣщики, зажиточные люди того времени:

Головинъ вставалъ до восхода солнечнаго, прочитывалъ съ дьячкомъ полунощницу и утреню. То и другое смѣнялось бесѣдою дворецкимъ, ключникомъ, выборнымъ и старостою. Они входили и выходили по командѣ горничной дѣвушки. «Здравствуйте, привѣтствовалъ ихъ баринъ, здравствуйте друзья немученные, необычные и не наказанные». Друзья можетъ быть немученные, но не разъ наказанные, рапортовали каждый о своемъ вѣдомствѣ въ однихъ и тѣхъ же, разъ принятыхъ вы-

раженіяхъ». Ночью на землѣ трясенія не слыжалъ, говорилъ между прочимъ староста, небеснаго явленія не видалъ; вотъ Ванька, сосланный вашею боярскою милостію въ деревню за съѣденную рыбу, и кошка Зажигалка-проживаютъ, и по приказу вашему господскому невѣйку ежемесячно получаютъ, о преступленіи своемъ ежедневно воздыхаютъ, и васъ государь слезно умоляютъ, чтобы вы гнѣвъ боярскій на милость положили, и ихъ бы виновныхъ рабовъ своихъ простили». — Откушавъ чаю, государь бояринъ соизволясь подняться для выслушанія въ храмѣ божьемъ службы, стоялъ на парадномъ мѣстѣ и уходилъ церемониально, въ свитѣ челядницевъ, поддерживаемый лакеями. Затѣмъ завтракъ и обѣдъ въ присутствіи священника и въ полномъ собраніи всѣхъ членовъ семейства. Обѣдъ занималъ болѣе трехъ часовъ времени. Кушанье въ считалось семь, но число блюдъ доходило до пятидесяти. На кушанье былъ особый поваръ, разноска блюдъ производилась двѣнадцатію офиціантами, крѣпостными, по установленному церемониалу. Въ 6-мъ часу государь бояринъ упитанный и насыщенный ложился въ постель, по прочтеніи молитвы во всемъ домѣ затворяли ставни. Староста, дворецкой и ключница, дѣвица, пользовавшаяся особою боярскою милостію, отдавали приказъ охранять спокойствіе, сонъ и здоровье государское. Близъ спальни боярина было семь кошекъ; днемъ они ходили свободно, на ночь привязывались къ семиноженному столу. Семь крѣпостныхъ фрейленъ двора государя-боярина должны были наблюдать за ихъ поведеніемъ. Если случилось, что кошка срыпалась и тѣмъ безпокоила боярина, то и гувернантка дѣвка, и воспитанница кошка подвергались нещадной сѣкуціи. Въ безсонныя ночи бояринъ читаетъ единственную книгу жизнь Александра Македонскаго Квинта Курція въ русскомъ переводѣ (мы имѣемъ изданье 1759-го года). Или качаясь въ креслахъ закидывалъ бѣсовъ и перебиралъ четки.... Боярскіе выѣзды производились съ большимъ торжествомъ: ѣхало болѣе двадцати экипажей, шло подъ нихъ семьдесятъ лошадей; въ раззолоченной каретѣ везли икону и придворнаго боярскаго священника, въ остальныхъ везли боярскую фамилію, его самого и штабъ придворныхъ. Верховые охраняли затѣйливый поѣздъ.....»

За исключеніемъ нѣкоторыхъ странностей, принадлежавшихъ собственно Головину, жизнь его въ остальномъ была обща всей тогдашней помѣщичьей богатой Россіи. Тотъ же деспотизмъ, въ высшей степени произволь, капризъ, тщеславіе, бездѣлье, хан-

женство, пустосвятство, жестокость съ подчиненными и униженіе предъ тѣмъ, которые ради своего удовольствія гладили помянныи спины горячимъ утюгомъ, подчищали ногти и выправляли имъ лошади!

(170) Съ 1727 г. взято въ рекруты 202,000 человекъ. Бѣжало отъ рекрутчины 197,876 чел. Сослано въ каторгу 2,494 чел. Съ 1736 по 1741 годъ взято въ военную службу 147,530 чел. Въ 1741-мъ году взято 28,935 чел. Да въ ноябрѣ 1742-го года 30,000 чел. П. С. З. № 8619.

(171) Съ 1738 по 1741 г. на Петербургскомъ дворѣ вычеканено 5345 пудовъ серебра, на Московскомъ 3721 пудъ.

(172) Между другими рукописями мы владѣемъ слѣдующимъ манускриптомъ: «Топографія или описаніе Оренбургской губерніи ко изъясненію сочиненныхъ ландкартъ, на которыхъ она губернія съ подчиненными ей мѣстами и народами представляется съ краткими изъясненіемъ, объ оныхъ мѣстахъ и народахъ и проч. 1754 г. Въ листъ 473 стр. Отрывки изъ этого сочиненія печатались въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ *Миллера*. С. п. б. 1755-1759. Наша рукопись имѣетъ предисловіе Михаила *Антоновскаго*.» Рукопись досталась мнѣ, пишетъ Антоновскій, случайно въ 1783-мъ году: бывшая при ней карта Оренбургскаго края 1754 года истлѣла. Боясь, чтобъ и рукопись не подверглась той же участи или съѣденію мышей и молл, а наче, по смерти моей, приближеніе которой весьма чувствую, рѣшился я нынѣ ее издать 1809 г. ноябрь. Подпись цензора Ив. Тимковскаго. С. п. б. апрѣля 30, 1810 г. На цензорскомъ просмотрѣ, кажется, изданіе остановилось. Рукопись найдена нами у г. Т., конецъ ея сгнилъ. —

(173) Если вѣрить Штетлину, а вѣрить ему надо съ осторожностью, то и Петръ 1-й раздѣлялъ предразсудки своихъ предковъ противъ умнаго, даровитаго, промышленнаго народа Еврейскаго. Высланные изъ Россіи еще Іоанномъ 1V-мъ евреи, просили чрезъ Амстердамскихъ своихъ собратій, а они черезъ бургомистра Вицена, у Петра 1-го дозволенія селиться имъ въ Россіи. «Другъ мой Вицентъ, сказалъ Петръ съ усмѣшкою выслушавъ отъ него просьбу, знаешь ты жидовъ и образъ мыслей моихъ подданныхъ: и я знаю: и тѣхъ, и другихъ. Относительно моего народа, не время еще жидамъ дозволять приѣзжать и жить въ моемъ государствѣ. Скажи имъ отъ моего имени: благодарю ихъ за предложеніе своихъ услугъ, но принять ихъ не могу въ Россію; хотя и почитаются они, что весьма искусно

умѣютъ обманывать весь свѣтъ, однакожъ я думаю, что немного у моихъ русаковъ выторгуютъ. (Сказанія 1787 г. с. 37-41.)

(174) Въ Временникѣ 1852 г. 12-й книж. стр. 12-32 напечатаны экономическіе до деревни слѣдующія записки «составленныя въ 1742-мъ году Астраханскимъ губернаторомъ В. Н. Татищевымъ, человѣкомъ по словамъ Щербатова радушнымъ и предпринчивымъ. — Вся записка его проникнута сознаниемъ помѣщичьей власти и презрѣніемъ къ крестьянамъ, которые, по понятіямъ Татищева, ничего не должны дѣлать безъ воли барина. Староста долженъ обращаться съ крестьянами съ весьма строгою прилежностью». Работу дѣлать сперва помѣщичью, а потомъ *принуждать* ихъ свою дѣлать, а не давать имъ то на волю. «Имъ опредѣлена дань съ крестьянъ жлвностью и деньгамъ. По мнѣнію автора записки, помѣщикъ, имѣющій 1000 душъ долженъ имѣть не менѣе двухъ камердинеровъ, трехъ поваровъ, кучера, фореитора, двухъ лакеевъ, истопника, работника, горничную, прачку и работницу. —

(175) Интересно приказаніе 7-го апр. 1742 г. не отсылать писцовъ и рукоприкладчиковъ для розыску въ тайную канцелярію, какъ то дѣлалось прежде, за неумышленные описки въ титулъ ея величества». Но только въ царствованіе Екатерины II-й Державинъ могъ сказать: (соч. его. 1808 г. ч. 1 с. 44-45.)

Теперь можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Тамъ съ именемъ Екатерины можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить.....

(176) Въ чемъ состояли и какъ производились пытки въ Россіи, въ первой половинѣ XVIII вѣка мы подробно говоримъ въ біографическомъ очеркѣ: Аедотья Ѳедоровна Лопухина 1669-1731, «который вскорѣ думаемъ напечатать». Объ этомъ же смотри: въ примѣчаніяхъ на Лекзерка *Болтика* 1788 г, т. 1 стр. 558-552. Русскіе въ своихъ пословицахъ *Снетрева* 1832 г, книж. 3-я стр. 173-177. Записки *Горюшкина*. Россійское уголовное право *Гуллева* 1826 г, Москва стр. 3-26. Описаніе С. п. б. *Рубана* 1779 г, стр. 35. Историческій взглядъ на правези въ Россіи *Васильева* (Труды общества исторіи 1826 г, ч. 3.) *Voyage en Siberie Шанна* 1769 г. и друг.

МИХАИЛЪ СЕМЕВСКІЙ.

Спб. 1-го іюня 1859 г.

Es ist eine alte Geschichte.

MEINE.

I.

Въ домикѣ укромномъ, трепетнымъ сіяньемъ,
Свѣтъ въ окнѣ блестить.
У одра умершей, съ сдавленнымъ страданьемъ,
Тамъ старикъ сидитъ.

Освѣщаетъ пламя тусклое огарка,
Бѣдность безъ конца.
И борьба съ судьбою выступаетъ ярко
На лицѣ отца.

Страшенъ этотъ образъ, и нѣмой и хилый,
Смятый злой нуждой.
Тупо какъ-то смотритъ въ очи дочка милой
Старичокъ сѣдой.

Шевелитъ въ немъ память прожитыя муки, —
Съ горемъ впереди.
Чу! струна порвалась, задрожали звуки
Изъ больной груди.

«Ахъ ты Маша, Маша, ты моя красотка,
Горя не снесла.
Разцвѣла цвѣточкомъ ты, моя лебедка,
Да и умерла.

Что-же дѣлать, Маша, — Богу то извѣстно,
Какъ я могъ любить.
Да, дптя, ошибся, думалъ, хлѣбъ нашъ честно
Службой заслужить.

Не одну провелъ я за трудами вочку,
Не смыкавъ очей.

Отд. I.

Думалъ, вотъ поправлюсь, Богъ послалъ мнѣ дочку,
Все оставлю ей.

Ужъ ослю-жь нужду и Машурку эту
Въ бархатъ наряжу.
Самъ тебя, голубку, я, на диво свѣту,
Людямъ покажу.

Шли деньки за днями, горемыка хилый
Въ нуждѣ изнемогъ.
И ничѣмъ потѣшить я голубки милой
Никогда не могъ.

Ахъ, идешь, бывало, улицею шумной,
Сердце такъ и жметъ.
Все кареты мчатся, смотришь, какъ безумный,
На большихъ господъ.

Думаешь, вѣдь есть-же, Господи, счастливыцы!
Такъ-ли, нль не такъ,
Всѣ разбогатѣли, вотъ и сослуживцы,
Я-же все бѣднякъ.

Куколками дочки, ленты ввиты въ коски,
Бархатъ да атласъ.
Хоть-бы подарилъ кто Машинькѣ обноски,
Думалъ я не разъ.

Что-же это Марea? гдѣ запропастилась?
Экій, вѣдь, народъ.
Да и то быть можетъ, — толку не добилась,
Чтець-то, знать, нейдетъ.

Видно, денегъ просить, — охъ, глаза плохіе,
Я-бъ не хлопотагъ.
Самъ-бы надъ тобою я псалмы святыя
Ночки всѣ читагъ.

Подожду, директоръ... онъ мое прошенье
Принягъ не сердясь.
Малую толику дастъ на погребенье
Завтра добрый князь.

А какой ужъ гробикъ, бархатный, пунцовый,
 Машѣ закажу!
 Всю увью цвѣтами, и въ одеждѣ новѣй
 Въ гробикъ положу.

Можетъ, ты и слышишь, — не рядилась прежде, —
 Думаешь, на что-жъ?
 Нѣтъ, по-крайней-мѣрѣ въ чистенькой одеждѣ
 Къ Богу подойдешь.

Памятникъ поставлю я на томъ погостѣ,
 Гдѣ почишь ты.
 Буду къ дочкѣ милой приходитъ я въ гости,
 Приносить цвѣты.

Больше не осталось никакой отрады
 Въ жизни бѣдняку.
 Можетъ-же, въ могилкѣ будешь ты и рада,
 Маша, старику.»

И отецъ склонился надъ ея подушкой,
 Лепеча слова.
 Ужъ часы въ простѣвникѣ, старые съ кукушкой,
 Прокричали *два*.

Ужъ вернулась Марѳа, хоть и безуспѣшно.
 (Бѣдный угадалъ.)
 Вотъ и утро скоро, а онъ неутѣшно
 Все еще рыдалъ.

II.

Не въ духѣ сегодня, съ богатаго ложа,
 Кряхтя и зѣвая поднялся вельможа,
 Не въ духѣ облекся въ восточный халатъ,
 Не въ духѣ сѣлъ въ кресла и слушалъ докладъ.
 Смущенный стоялъ секретарь сердобольный,
 Покуда вельможа, рукой недовольной

Царапалъ замѣтки и ставилъ кресты,
И рвалъ докладные, бросая, листы.

Когда-жъ о *пособьи* дошелъ до бумаги,
Исполненъ какой-то чиновной отваги,

Нахмураясь, на креслахъ Зевесомъ привстагъ.
«Казна не для нищихъ сундукъ», закричалъ
И вышелъ.

III.

Межъ-тѣмъ на Пескахъ, тамъ, въ укромномъ пріютѣ,
Едва-ли не вѣчность томленья въ минутѣ

Вмѣщалася каждой. О, если-бъ ты зналъ,
Какъ горе горюеть порой, генералъ! —

Но зналъ-ли онъ, нѣтъ-ли, — а гордый, что рокомъ
Поставленъ былъ въ томъ положенн высокомъ,

Что могъ иногда, оглянувъ съ высока,
Прижать ни за что червяка — бѣдняка,

По загѣ ходилъ онъ въ какомъ-то азартѣ,
Потомъ просвисталъ, да сыгралъ на бильярдѣ;

Потомъ разъ пятнадцать къ трюмо подходилъ,
Глядѣлъ все языкъ свой, да печень бранилъ;

Послалъ медицинѣ эпитегъ нескромный,
Пока доложили, что докторъ въ пріемной.

Въ ту самую пору несчастный старикъ
Ждалъ тихо участья, считалъ каждый мигъ.

И всю возлагая надежду на Бога,
Отъ жизни теперь онъ не требовалъ много.

Какъ кто-то къ воротамъ примчался въ карьеръ,
И въ дверь постучался съ извѣстьемъ курьеръ.

IV.

Вылъ вѣтеръ; сѣръ былъ день и хмурилась природа.
 Сердито валъ въ рѣкѣ вздымала непогода.
 Двѣ клячи тощія, въ то время, черезъ мостъ
 Тащили чей-то гробъ, на охтенскій погостъ.
 Не слѣдовалъ за нимъ ни рядъ каретъ богатыхъ,
 Ни пѣвчихъ, ни поповъ, ни нищихъ провожатыхъ;
 Одѣтъ въ дырявый плащъ, возница скорбныхъ дорогъ
 Стегалъ усталыхъ клячъ и вдоль и поперегъ.
 Да съ горсточкой кутьи, завернутой тряпицей,
 Старуха съ образомъ плелась за колесницей.
 И только. Той порой я мимо проходилъ.
 «А чей, старушка, гробъ?» я женщину спросилъ,
 И рядомъ съ ней пошелъ.

— Охъ, родненькій, Спаситель

Пошли ей царствіе небесное; — родитель
 Ея Степанъ Ильичъ, чинovníкъ, можетъ, зналъ?
 «Нѣтъ, бабушка. Гдѣ-жъ онъ?»

— Охъ, родненькій, пропасть.

Пропасть, кормилецъ мой, куда, намъ неизвѣстно.
 И матушки-то нѣтъ; — охъ, въ царствіе небесно
 Пятнадцатый годокъ ужъ взялъ ся Творецъ.
 Сиротка мой родной, сиротка мой отецъ.
 Прости ты, Господи, всѣ наши согрѣшенья.
 Вотъ жизнь-то, батюшка! А я-то въ услуженьи,
 Кормилецъ мой, жила; — при мнѣ, вѣдь, хоронилъ
 И матушку-то самъ. А какъ ужъ онъ любилъ
 Голубчикъ, барышню; — да все въ Господней власти.
 Сегодня утре-тко, кормилецъ, вспомнить страсти.
 «А что-же, бабушка?»

— Ахти, родной ты мой,

Не вспомню отродясь okazji такой.
 Ужъ подлинно скажу, живу шестой десятокъ.
 Не приведи Господь нажать тому ребятокъ,
 Кому богачества Творецъ не даровалъ.
 Да, батюшка, любилъ и какъ ужъ баловалъ
 Ея Степанъ Ильичъ; — да и была красотка.
 Охъ, нужда лютый червь; — изгрызла, вишь, чахотка.
 А тутъ, какъ умерла, хотъ шаромъ покати; —
 Въ дому ни грошика; — вотъ и пришлось идти
 Отд. I.

Ему, родимый мой, просить начальство, значить.
 Одѣлся въ *вицъ-мундиръ*, пошелъ, да какъ заплачетъ,
 Такъ ижно грѣшную меня морозъ подрагъ.
 Ну, а начальникъ, вишь, тамъ важный генералъ.
 Вѣстимо, что-жъ ему до всякаго за дѣло?
 Не такъ-ли, родненькій? Пришлось, хоть выбрось тѣло.
 Да охъ, кормилецъ мой, вѣдь свѣтъ не безъ людей.
 Сосѣди собрали до тридцати рублей.
 А тамъ священникъ нашъ, — когда узнать, какъ варомъ
 Окаченъ словно былъ; — отпѣлъ, спасибо, даромъ.
 Спаси его Господь. — Да утре, вотъ, напасть, —
 Какъ въ гробъ покойницу пришлось, кормилецъ, класть,
 Степанъ Ильичъ-то къ ней съ прощаніемъ нагнулся.
 Да охти, мой Господь....

«Что-жъ бабушка?»

— Рехнулся.

Рехнулся, батюшка, рехнулся, мой родной.
 Не приведи Господь напасти зрѣть такой.
 А впрочемъ, родненькій, въ десницѣ все Всевышней.
 Ахъ, что-то станется со мною, горемычной.
 Стара ужъ, батюшка, стара, не чую ногъ.
 Ишь, кони какъ бѣгутъ, что не догонишь дрогъ.
 «Ну, бабушка, прости, — возьми, вотъ, на поминки.
 — Спаси тебя Господь, молитвой сиротинки —
 Старуха молвила и осѣнясь крестомъ,
 Пустилась догонять по лужамъ гробъ бѣгомъ.
 «Что лѣзешь, раздавлю!» — вдругъ крикъ раздался ярый.
 Арабскихъ лошадей заложная парой,
 Коляска мимо насъ стрѣлою пронеслась.
 На мягкомъ бархатѣ роскошно развалясь,
 Усталая, спѣша съ полуночныхъ веселій,
 Одна изъ тысячи промчалась камелій.
 Ни чуть не странныя двѣ встрѣчи. Отчего-жъ
 Кольнуло что-то въ грудь, поверотась какъ ножъ
 И на глазахъ слеза застывшая повисла?
 Нѣтъ, жизнь, подумалъ я, не шутка ты, безъ смысла,
 Иначе горе-бъ намъ. — И грѣшная рука
 Моя сложила крестъ за дочь и старика.

НИКОЛАЙ КРОЛЬ.

К Р И Т И К А.

И. С. Тургеневъ и его дѣятельность по поводу романа:
«Дворянское гнѣздо» (Современникъ, 1859 г. № 1).

Письма къ Г. Г. А. К. Б.

Статья четвертая и послѣдняя.

XXI.

Разсмотрѣвши одну сторону характера Лаврецкаго — многозначительную по ея исторической задачѣ, я заключилъ свои сужденія указаніемъ на черты, которыя дѣлають его нашимъ общимъ представителемъ, на его жизненную сторону, на его глубокую фізіологическую связь съ почвою, съ преданіями, съ жизнію родной стороны.

Высокое значеніе этого лица, не смотря на всю неполноту его изображенія, на всю робость приѣмовъ автора при этомъ изображеніи, на всю болѣзненную неопредѣленность отношеній къ нему автора — прежде всего въ томъ, что это лицо, не сухой логическій выводъ, не итогъ, подведенный искусственно подъ извѣстными данными, а живорожденное, выношенное въ душѣ созданіе поэта, что онъ — лицо художественное.... По общему и непреложному закону, чѣмъ лицо художественнѣе, т. е. чѣмъ зачатіе его въ душѣ поэта и рожденіе на свѣтъ совершаются свободнѣе, тѣмъ болѣе отражаетъ оно въ себѣ результаты жизни, тѣмъ болѣе оразумливаетъ оно высшимъ смысломъ пѣлыя группы явленій — тѣмъ болѣе раскрываетъ оно міросозерцаніе современной ему эпохи. Ни Обломовъ Гончарова, этотъ отвлеченный математическій итогъ недостатковъ или дефицитовъ того, что авторъ романа называетъ Обломовкой, — ни Калиновичъ

Отд. II.

Писемскаго — эта программа — изъ всѣхъ другихъ программъ самая прочемъ, живая — отвлеченной дѣятельности, не говорятъ собою и въ соую долю того, что говорить неполный, неопредѣленный образъ Лаврецкаго.

А между-тѣмъ, Лаврецкій не хочетъ ничего сказать собою. Онъ родился, а не сочинился — и Тургеневъ нисколько не вновать въ его рожденіи.

Творчество — я принужденъ напоминать и повторять для ясности дѣла принципы и положенія уже не разъ мной высказанныя — творчество, каково-бы оно ни было, субъективное или объективное, все равно, — есть результатъ внутренняго побужденія творить, т. е. выражать въ образахъ прирожденных стремленія или благопріобрѣтенныя созерцанія своего внутренняго міра — и даже границы между творчествомъ субъективнымъ и творчествомъ объективнымъ, не могутъ быть рѣзко установлены: наблюденіями біографовъ и изслѣдованіями критиковъ-психологовъ доказана связь многихъ видимо объективнѣйшихъ созданій съ личною жизнію ихъ творцевъ, да оно иначе и быть не можетъ: чтобъ ни выражалъ человекъ, онъ выражаетъ только самаго себя. Большая степень способности, сообщать свои личныя впечатлѣнія и свои душевные опыты, отвлекая ихъ отъ частныхъ явленій и перенося ихъ на однородныя же, но другія явленія, есть объективность: меньшая степень такой способности — субъективность. Дѣло въ томъ только, что субъективнѣйшіе-ли изъ призраковъ Байрона, объективнѣйшіе-ли изъ вѣчныхъ типовъ Шекспира — равно не хотятъ собою что-либо намѣренно сказать, а если и говорятъ, такъ вотъ что: «Берите насъ, каковы мы родились, берите насъ, какъ примете вы орла, любящаго вершины горъ и утесы, какъ примете вы голубой василекъ въ широкомъ, желтоводномъ морѣ калыкающей ржи: мы васъ ничему не учимъ и ни въ чемъ не вноваты; мы — дѣти любви нашихъ творцовъ, плоть отъ плоти ихъ, кровь отъ крови; насъ какъ мать выносила въ себѣ ихъ натура и мы рождены, какъ рождены вы сами, а не сдѣланы, какъ сдѣланы предметы вашей роскоши или вашего испорченнаго вкуса. Примите насъ — если мы родились даже не совсѣмъ доношенныя, примите насъ, если мы родились даже съ какими-либо органическими недостатками, примите насъ потому, что и такімъ-то насъ вамъ не сдѣлать, потому-что есть великая тайна въ нашемъ рожденіи тайна, которой вы не услѣдите и не объясните. Мы не то что сама жизнь, ибо мы не скопимъ съ нея: жизнь

сама-по-себѣ, а мы сами-по-себѣ — но мы такъ-же самостоятельны и необходимы и живы, какъ самостоятельны и необходимы и живы ея явленія. Вы насъ не встрѣчали нигдѣ — и между-тѣмъ — мы ваши старые знакомцы, вы насъ знаете — таково свойство нашего таинственнаго происхожденія — вслѣдствіе котораго мы существуемъ, не существуя, существуемъ явно, видимо, безспорно». Вотъ что сказали-бы созданія искусства и что говорятъ они любящимъ ихъ, съ которыми бесѣдуютъ они такъ, какъ, иногда-же, равнодушная природа съ своими жрецами, съ тѣми, которые слышатъ

И горній ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дальней лозы прозябанье.

Но не говоря ничего намѣренно, произведенія искусства связаны тѣмъ не менѣе органически съ жизнью творцевъ ихъ и посредствомъ этого съ жизнью эпохи; какъ живыя порожденія, они выражаютъ собою то, что есть живаго въ эпохѣ, часто какъ-бы предугадываютъ вдалѣ, разъясняютъ или опредѣляютъ смутные вопросы, сами нисколько, однако, не поставляя себѣ такого разъясненія задачею. Все *новое* вносится въ жизнь только искусствомъ: оно одно воплощаетъ въ созданіяхъ своихъ то, что невидимо присутствуетъ въ воздухѣ эпохи. Больше еще: искусство часто заранѣе чувствуетъ приближающееся будущее, какъ птицы заранѣе чувствуютъ ведро или ненастье: трагическая черта въ величавыхъ ликахъ олимпійскихъ изваяній, глубоко-подмѣченная Гегелемъ — или что все-равно, таинственныя и грозныя для Олимпійцевъ провѣщанія эсхилловскаго Промнеея — одно изъ речительствъ за непосредственную прозорливость искусства, за его истинно-божественное происхожденіе. Великій поэтъ-философъ призналъ его по этому за единственный истинный органъ даже своей трансцендентальной философіи. «Искусство», говоритъ Шеллингъ, «отверзаетъ святилище, въ которомъ горитъ единымъ огнемъ, сливаясь въ первобытное и вѣчное единство — то что раздѣлено въ природѣ и въ исторіи, что постоянно расходится въ жизни и въ интеллигенціи. Для художника, равно какъ и для философа, природа является ничѣмъ инымъ, какъ идеальнымъ міромъ безконечно проявляющимся въ конечныхъ формахъ, отраженіемъ міра имѣющаго только въ мысли полную реальность».... Искусство, связанное съ жизнью — видитъ, однако, дальше, нежели жизнь сама видитъ — а то что уже есть въ жизни, то, что носится въ воздухѣ эпохи, — постоянное или

преходящее — оно отразитъ какъ фокусъ и отразитъ такъ, что всякій почувствуетъ правду отраженія, что всякій готовъ дивиться, какъ ему самому эта высшая правда жизни не представляла прежде столь-же ярко. Искусство уловляетъ вѣчно-текущую, вѣчно-несущуюся впередъ жизнь, отливая моменты ея въ вѣковѣчныя формы, связывая ихъ процессомъ — опять-таки таинственнымъ съ общемою идеею души человѣческой...

Я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ этимъ общимъ положеніямъ, къ этому философско-эстетическому profession de foi — по крайней необходимости. Все, что нѣкогда блистательно было высказано по этому поводу Бѣлинскимъ, въ наше время какъ будто забыто. Отъ великаго учителя нашего мы какъ будто наследовали только его вражды и симпатіи, вовсе забывши ихъ источники. Но неволь приходится повторять и повторяться, когда положенія, высказанныя разъ — да и высказанныя могущественнымъ борцемъ, положенія, долженствовавшія стать навѣки нерушимыми, на время позабыты, заслонены вопросами минуты. Дурно ли хорошо ли — я продолжаю въ этомъ отношеніи дѣло Бѣлинскаго и и горжусь этимъ смѣреннымъ назначеніемъ — не отвѣчая ни на циническія выходки невѣжества, ни даже на минутныя требованія современности, предоставляя будущему разсудить что право: вѣрованіе ли въ жизнь и искусство или вѣрованіе въ теорію и вопросы минуты?

Возвращаясь опять на почву фактовъ, я снова позволяю себѣ спросить: что многозначительнѣе по своему содержанію, глубже по своему взгляду и даже выше по общественному, социальному значенію — неокончанныя ли и неполно высказанныя задачи «Дворянскаго гнѣзда» или итоги Обломовки и программа «Тысячи душъ»? Въ чемъ больше истиннаго пониманія окружающей насъ жизни и менѣе спорнаго — гдѣ вопросы поставлены проще и общѣе — въ этомъ ли художественномъ недоноскѣ или во множествѣ умно и гладко составленныхъ произведеній?

И прежде всего, позволяю себѣ сопоставить художественную идею «Дворянскаго гнѣзда» съ идеею Обломова, произведенія уже успѣвшаго надѣлать много шума, произведенія огромнаго но чисто внѣшняго художественнаго дарованія. Весь Обломовъ построенъ на азбучномъ правилѣ: «возлюби трудъ и избѣгай праздности и лѣности — иначе владыцъ въ Обломовщину и кончишь какъ Захаръ и его баринъ.» Не спорю, что это — правило очень хорошее, не спорю что и напоминать его весьма полезно намъ, ибо насъ, къ сожалѣнію, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ на-

шего тупаго сна слѣдуетъ обучать даже такимъ простымъ истинамъ, что воровать не хорошо и что лѣниться скверно. Понимаю такъ же и то, что люди живущіе исключительно вопросами минуты, люди честные и благородные, но не дальновидные должны были обрадоваться этой темѣ, какъ публичность Современника, и съ яростію накинуться вмѣстѣ съ авторомъ Обломова—и даже больше чѣмъ самъ авторъ — на Обломовку и Обломовщину. Не обвиняя ихъ и въ увлеченіяхъ, заставившихъ ихъ въ ряды Обломовцевъ включить и Онегина и Печорина и Бельтова и Рудина — приписываю этимъ невольнымъ увлеченіямъ самые лучшіе самые благородные источники — и знаю насколько обусловлена современными обстоятельствами отрицательная сторона этихъ увлеченій т. е. сторона вражды къ Обломовкѣ и Обломовщинѣ. Но вѣдь азбучное правило, за которое они такъ ратоборствуютъ и которому пожертвовалъ романистъ даже граціознѣйшимъ созданиемъ — Ольгою, справедливо только отвлеченно взятое. Какъ только вы имъ, этимъ достойнымъ впрочемъ всякой похвалы правиломъ, станете какъ анатомическимъ ножомъ разсѣкать то что вы называете Обломовкой и Обломовщиной, бѣдная обиженная Обломовка заговоритъ въ васъ самихъ, если только вы живой человекъ, органическій продуктъ почвы и народности. Пусть она погубила Захара и его барина — но вѣдь передъ ней же склоняется въ смиреніи Лаврецкій, въ ней же обрѣтаетъ онъ новыя силы любить, жить и мыслить. Онъ долго сблизался съ нею, шпаясь охотникомъ по полямъ, по трясинамъ и болотамъ, онъ съ болью сердца (да простится мнѣ, что я начинаю уже смѣшивать самого поэта съ героемъ его послѣдняго произведенія) видѣлъ и видитъ ея больныя мѣста, ея запущенныя язвы—но онъ видитъ и то, что она неотдѣлима органически отъ его собственнаго бытія, что только на ея почвѣ можетъ онъ жить неискусственною, негалльваническою жизнію, и полный такого искренняго сознанія, готовъ скорѣе идти въ крайность положительнаго смиренія передъ нею, чѣмъ въ противоположную крайность азбучнаго правила.

А все отъ того, что Лаврецкій живое, съ муками и болью выношенное въ душѣ поэта лице, а не холодное отвлеченіе различныхъ однородныхъ свойствъ и качествъ въ пользу теоріи.

Я оговаривался не разъ и оговарюсь еще теперь, что разсужденія о Тургеневѣ и его романѣ увлекаютъ меня неминуемо почти во всѣ вопросы современности и во множество отступленій къ прошедшимъ эпохамъ.... Какъ прикажете напримѣръ изъ

бѣгнуть вопроса о романѣ Гончарова, когда это послѣднее произведение, своимъ мірозерцаніемъ представляетъ явный контрастъ произведеніямъ Тургенева вообще и послѣднему его произведенію въ особенности? Отношеніе къ почвѣ, къ жизни, къ вопросамъ жизни стоитъ на первомъ планѣ какъ къ дѣятельности Гончарова, такъ и въ дѣятельности Тургенева и необходимость параллели вытекаетъ изъ самой сущности дѣла, съ тѣмъ только различіемъ что говоря о Тургеневѣ, необходимо говорить о многомъ другомъ, кромѣ Гончарова, а говоря о Гончаровѣ, можно удовлетвориться только сопоставленіемъ съ нимъ Тургенева.

XXII.

Яркія достоинства таланта г. Гончарова признаны были безъ исключенія всѣми при появленіи его перваго романа: «Обыкновенной исторіи». Разсказъ его «Иванъ Савичъ Поджабринъ», — написанный какъ говорятъ прежде, но и печатанный послѣ «Обыкновенной исторіи» многимъ показанъ недостойнымъ писателя, такъ блестяще выступившаго на литературное поприще — хотя признаюсь откровенно, я никогда не раздѣлялъ этого мнѣнія. Въ «Поджабринѣ» точно также какъ и въ «Обыкновенной исторіи» обнаруживались почти одинаково всѣ данныя таланта г. Гончарова — и какъ то, такъ и другое произведение страдали равными, хотя и противоположными недостатками. Въ «Обыкновенной исторіи» голый скелетъ психологической задачи слишкомъ рѣзко выдается изъ за подробностей: въ «Поджабринѣ» частныя, внѣшнія подробности совершенно поглощаютъ и безъ того уже небогатое содержаніе, оттого-то оба эти произведенія — собственно не художественныя созданія, а этюды, хотя правда этюды блестящіе яркимъ жизненнымъ колоритомъ, выказывающіе несомнѣнный талантъ высокаго художника, но художника, у котораго анализъ, и при томъ очень дешевый и поверхностный анализъ подѣлъ всѣ основы, всѣ корни дѣятельности; сухой догматизмъ постройки «Обыкновенной исторіи» кидается въ глаза всякому. Достоинство «Обыкновенной исторіи», заключается въ отдѣльныхъ художественно обработанныхъ частностяхъ, а не въ цѣломъ, которое всякому, даже самому пристрастному читателю представляется какимъ то натянутымъ развитіемъ напередъ заданной темы. Кому не явно, что Петръ Ивановичъ, съ его безпощаднымъ практическимъ взглядомъ, не лице дѣйствительно-существующее,

а олицетвореніе извѣстнаго взгляда на вещи, нѣчто въ родѣ Стародумовъ, Здравомысловъ и Правосудовыхъ старинныхъ комедій — съ тѣмъ только различіемъ, что Стародумы, Здравомыслы и Правосудовы, при всей нелѣпости ихъ, были представителями убѣжденій гораздо болѣе благородныхъ и гуманныхъ, нежели узкая практическая теорія Петра Ивановича Адуева? Что съ другой стороны Александръ Адуевъ слишкомъ намѣренно выставленъ авторомъ и слабѣе и мельче своего дядюшки — что на днѣ всего лежитъ такая антипоэтическая тема, такая пошлая мысль, которыхъ не выкупаютъ блестящія подробности... Замѣчательно въ высшей степени, что «Обыкновенная исторія» понравилась даже отжившему поколѣнію, даже старичкамъ, даже помнится... Сѣверной пчелѣ (съ позволенія сказать); это свидѣтельствовало не объ особенномъ ея художественномъ достоинствѣ, а просто о томъ, что воззрѣніе, подъ вліяніемъ котораго она написана, было не выше обычнаго уровня.

Та же самая антипоэтичность мысли оказывается и въ «Снѣ Обломова», этомъ зернѣ, изъ котораго родился весь Обломовъ, этомъ фокусѣ, къ которому онъ весь приводится, для котораго чуть ли не весь онъ написанъ... Антипоэтичность азбучно-практической темы тѣмъ непріятнѣе подѣйствовала на безпристрастныхъ читателей — что внѣшнія силы таланта выступили тутъ съ необычайною яркостью. Вы помните, что прежде чѣмъ авторъ переноситъ васъ въ «райскій уголокъ зелени», созданный сномъ Обломова, онъ, нѣсколькими штрихами мастерскаго карандаша рисуетъ иной край, иную жизнь, совершенно противоположные тѣмъ, въ которыя переноситъ насъ сонъ героя... Вы чувствуете въ манерѣ изложенія присутствіе того искомаго, спокойнаго творчества, которое по волѣ своей переноситъ васъ въ тотъ или другой міръ и каждому сочувствуетъ съ равною любовью... И потомъ, передъ вами, до мелкихъ оттѣнковъ создается знакомый вамъ съ дѣтства бытъ, міръ тишины и невозмутимаго спокойствія во всей его непосредственности. Авторъ становится истиннымъ поэтомъ — и, какъ поэтъ умѣетъ стоять въ уравень съ создаваемымъ имъ міромъ, бытъ комически наивнымъ въ рассказѣ о чудовищѣ, найденномъ въ оврагѣ обитателями Обломовки, и глубоко трогательнымъ въ созданіи матери Обломова, и истиннымъ психологомъ въ исторіи съ письмомъ, которое такъ страшно было распечатать мирнымъ жителямъ «райскаго уголка зелени», и наконецъ эпически-объективнымъ художникомъ въ изображеніи того послѣ обѣденнаго сна, который объемлетъ всю

Обломовку? Помните еще мѣсто о сказкахъ, которыя повѣствовались Ильѣ Ильичу и конечно всѣмъ намъ болѣе или менѣе, которыхъ пеструю и широко-фантастическую канву поэтъ развертываетъ съ такою силою фантазіи? Помните еще остальные подробности: семейный разговоръ въ сумерки, негодованіе жены Ильи Ивановича на его безпамятство въ отношеніи къ разнымъ примѣтамъ, сборы его отвѣчать на письмо, составлявшее нѣсколько времени предметъ тревожнаго страха.... Все это полный, художнически созданный міръ, влекущій васъ неодолимо въ свой очарованный кругъ....

И для чего же *шбель сія бысть*? Для чего же поднять весь этотъ міръ, для чего объективно изображенъ онъ съ его настоящимъ и съ его преданіями? Для того, чтобъ наругаться надъ нимъ во имя практическіи-азбучнаго правила, во имя китайскихъ воззрѣній Петра Ивановича Адуева или во имя татарско-нѣмецкаго воззрѣнія Штольца— ибо Штолецъ все-таки татаринъ, хоть и нѣмецъ, татаринъ по душѣ и по дѣлу въ своей раздѣлкѣ съ кредиторомъ Ильи Ильича.... Для чего въ самомъ «Снѣ» — неприятно — рѣзкая струя прони въ отношеніи къ тому, что все-таки выше Штольцовщины и Адуевщины?

Странныя задачи представляютъ произведенія нашего времени. Какъ, читая произведенія г. Гончарова не скажешь, что талантъ ихъ автора неизмѣримо выше воззрѣній ихъ породившихъ! Но все имѣетъ свои историческія причины.

Отношеніе къ дѣйствительности Гоголя, выразившееся по преимуществу въ юморѣ— этотъ горькій смѣхъ, карающій какъ Немезида, потому что въ немъ слышится стонъ по идеалѣ, смѣхъ, полный любви и симпатіи, смѣхъ возвышающій моральное существо человека, — такое отношеніе могло явиться правымъ и цѣломудреннымъ только въ цѣльной натурѣ истиннаго художника. Не всѣ даже уразумѣли тогда вполне эту любовь, дѣйствующую посредствомъ смѣха, это горячее стремленіе къ идеалу. Для многихъ, даже для большей части понятна была только форма произведеній Гоголя; очевидно было только то, что новая руда открыта великимъ поэтомъ, руда анализа повседневной, обычной дѣйствительности; и на то самое, на что Гоголь смотрѣлъ съ любовью къ неперемѣнной правдѣ, къ идеалу, — на то другіе, даже весьма даровитые люди, взглянули только съ личнымъ убѣжденіемъ или съ предубѣжденіемъ. Отсюда ведутъ свое начало разныя сатирическіе очерки и безконечное множество повѣстей сороковыхъ годовъ литературы, кончавшихся вѣчнымъ припѣвомъ:

«И вотъ что можетъ сдѣлаться изъ человѣка! —» повѣстей, въ которыхъ по волѣ и прихоти ихъ авторовъ, съ героями и героинями, задыхавшимися въ *грязной дѣйствительности*, совершались самыя удивительныя *превращенія*, въ которыхъ все, окружавшее героя или героиню намѣренно изображалось каррикатурно. Произведенія съ такимъ направленіемъ писались въ былую пору въ безчисленномъ количествѣ: ложь ихъ заключалась преимущественно въ томъ, что они залутовали читателя подробностями, взятыми повидному изъ простой повседневной дѣйствительности, доказывавшими въ авторахъ ихъ несомнѣнный талантъ наблюдательности и вводили людей псевдѣдущихъ, незнакомыхъ съ бытомъ въ заблужденіе. Безспорно, что была и хорошая сторона и своего рода заслуга въ этой чисто отрицательной манерѣ — но односторонность и ложь ея скоро обнаружались весьма явно. Забавнѣе всего было то, что никогда такъ сильно не бранили романтизма, какъ въ эту эпоху самыхъ романтическихъ отношеній авторовъ къ дѣйствительности.

Такое отношеніе къ дѣйствительности не могло быть продолжительно по самымъ основнымъ своимъ началамъ. Примиреніе т. е. ясное разумѣніе дѣйствительности необходимо челоувѣческой душѣ — и искать его приходилось по неволѣ въ той же самой дѣйствительности — тѣмъ болѣе, что находилось много людей, которые съ сомнѣніемъ качали головою, читая разныя каррикатурныя изображенія дѣйствительности и дерзали думать, что слишкомъ мрачныя или слишкомъ грубыя краски употреблялись на картинѣ, что живописцы видимо находятся въ припадкѣ *меланхоліи*, что *родственники* разныхъ барышенъ вовсе не такіе звѣри, какими они кажутся писателямъ, что даже и особенно грязны являются они только потому, что какому-нибудь *меланхолическому* автору хотѣлось въ видѣ особенной добродѣтели выставить *чистоплотность* какой нибудь Наташи... Усомнились однимъ словомъ въ томъ, чтобы дѣйствительность была такъ грязна и черна, а романтическая личность такъ права въ своихъ требованіяхъ, какъ угодно было ту и другую показывать повѣствователямъ. Русскій человѣкъ отличается какъ извѣстно, особенною смѣтливостію: онъ готовъ признать всѣ свои дѣйствительныя недостатки — но не станетъ ихъ преувеличивать и не впадетъ поэтому въ мрачное мистическое отчаяніе.

Въ общемъ убѣжденіи образовался протестъ противъ исключительныхъ требованій романтической личности — за дѣйствительность.

— Но за какую действительность?

Вѣдь у насъ ихъ, действительностей, видимымъ образомъ — двѣ. Одна на показъ, оффиціальная — другая подъ спудомъ, бытовая.... Разъяснять этой мысли здѣсь нѣтъ необходимости. Протестъ поднимался тогда еще смутно, самъ для себя неясный — на первый разъ даже болѣе за внѣшнюю, показную действительность.

Въ отвѣтъ на этотъ смутный, неопредѣленный протестъ, явилось примѣчательно яркое — но чисто внѣшнѣе дарованіе, безъ глубокаго содержанія, безъ стремленія къ идеалу — дарованіе г. Гончарова. На требованіе оно отвѣтило какъ могло и какъ умѣло «Обыкновенной исторіей», этой эпопеей чиновническаго воззрѣнія и азбучной мудрости, стоявшей совершенно въ уровень съ первыми, поверхностными началами протеста за действительность противъ романтической личности. Дарованіе г. Гончарова не пошло по новой дорогѣ: оно вышло цѣлкомъ изъ той же самой категоріи произведеній и было только ея цвѣтомъ. Примиреніе выразилось въ «Обыкновенной исторіи» ироніею какагото отчаянія, смѣхомъ надъ протестомъ личности съ одной стороны и апотеозомъ торжества сухой, безжизненной безъосновной практичности. Все было тутъ принесено въ жертву этой ироніи. Авторъ вывелъ двѣ фигуры: — одну жиденькую, худенькую, слабенькую съ ярлыкомъ на лбу: «Романтизмъ quasi-молодаго поколѣнія — и другую крѣпкую, спокойную и опредѣленную какъ математика съ ярлыкомъ на лбу: «практическій умъ»; сей послѣдній разумѣется торжествовалъ въ своихъ расчетахъ, какъ добродѣтельная любовь въ старинныхъ романахъ и комедіяхъ. Такова была мысль произведенія г. Гончарова, мысль ни мало не скрытая, а на противъ просившаяся наружу, кричавшая въ каждой фигурѣ романа. Много нужно было таланта для того, чтобы читатели забывали явно искусственную постройку произведенія, — но, кромѣ силы таланта, мысль отвѣтила на требованіе большинства, т. е. моральнаго и общественнаго мѣщанства. Романъ — повторяю я — понравился всѣмъ такъ называемымъ практическимъ людямъ, которые всегда любятъ когда бранятъ молодое поколѣніе за разныя несообразныя и неподобныя стремленія, понравился даже тѣмъ господамъ, которые косо посматривали на «Мертвыя души» или издѣвались надъ ними. Въ наивной радости своей — протестъ за внѣшнюю, показную действительность не замѣчалъ, что иронія романа пропадала задаромъ, что романтическое стремленіе не признавало, не признаётъ и не при-

знатъ въ жиденкомъ Александрѣ Адуевѣ своего питомца.

Прошло много времени, пока протестъ за дѣйствительность выросъ и окрѣпъ до сознанія. Въ теченіе всего этого времени — талантъ г. Гончарова напомнилъ о себѣ только кругосвѣтнымъ путешествіемъ на фрегатѣ Паллада — и въ этой книгѣ остался вѣренъ самому себѣ или лучше сказать тому низменному уровню до котораго онъ себя умалилъ. Поразительно яркія описанія природы, мастерство отдѣлки мелочныхъ подробностей, наблюдательность остроумная и мѣткая, и положительное отсутствіе идеала во взглядѣ, — вотъ что явилось въ этой книгѣ, которую опять таки съ жадностью прочла вся публика — она вѣдь у насъ нѣсколько охотница до Японскихъ воззрѣній, особенно, если этимъ воззрѣніямъ обрекъ себя на служеніе талантъ безспорно-сильный.

Явился наконецъ давно жданный Обломовъ. Прежде всего, онъ не сказалъ ничего новаго. Все его новое высказано было гораздо прежде въ «Снѣ Обломова» — я разумью все существенно новое, такое, что возбуждаетъ толки, возбуждаетъ вражды и симпатіи. Успѣхъ «Обломова» — что ни говорите, былъ уже спорный, вовсе не то, что успѣхъ «Обыкновенной исторіи». Да оно такъ и должно было быть. Эпоха другая — сознаніе выросло «Обыкновенная исторія» польстила требованію минуты, требованію большинства, чиновничества, моральнаго мѣщанства. «Обломовъ» ничему не польстилъ — и опоздалъ, по крайней мѣрѣ, пятью или шестью годами.... Въ «Обломовѣ» Гончаровъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ «Обыкновенной исторіи» — и построенъ его «Обломовъ» по такимъ же сухимъ догматическимъ темамъ, какъ «Обыкновенная исторія» — въ подробностяхъ своихъ онъ, если хотите еще выше обыкновенной исторіи, психологическимъ анализомъ еще глубже..., но наше сознаніе, сознаніе эпохи шло впередъ а сознаніе автора «Обыкновенной исторіи» застряло въ Японіи. Польстилъ Обломовъ только весьма не большому кружку людей, которые вѣрятъ еще тому, что врагъ нашъ въ дѣлѣ развитія — наша собственная натура, наши существенно бытовые черты и что все спасеніе для насъ заключается въ выдѣлкѣ себя по какой-то узенькой теоріи.... Воззрѣнія этого небольшого кружка тоже далеко отстало отъ вопросовъ эпохи *).

*) Какъ одно изъ доказательствъ, что далеко не всѣ раздѣляютъ антипатію нѣкоторыхъ нашихъ критиковъ-публицистовъ къ характеру Обломова и симпатію ихъ къ Штольцу, я позволяю себѣ выписать оригинально-прекрасный взглядъ на характеръ Обломова изъ присланной въ редакцію

Герои нашей эпохи — не Штольцъ Гончарова и не его Петръ Ивановичъ Адуевъ, — да и героиня нашей эпохи тоже — не его Ольга, изъ которой подъ старость, если она точно такова, какою, вопреки многимъ граціознымъ сторонамъ ея натуры, показываетъ намъ авторъ — выйдетъ преотвратительная барыня съ вѣчною и безцѣльною нервною тревожностью, истинная мучительница всего окружающаго, одна изъ жертвъ Богъ знаетъ чего-то. Я почти увѣренъ, что она будетъ умирать какъ барыня въ «Трехъ смертяхъ» Толстаго... Ужъ если между женскими лицами г. Гончарова придется выбрать непременно героиню — безпристрастный и не потемнѣнный теоріями умъ выберетъ, какъ выбралъ Обломовъ, Агаѳью Федосеевну, не потому только

статьи о романѣ «Обломовъ» г. де-Пуле, — статьи, которую журналъ не печатаетъ всю только потому, что уже дважды высказалъ о произведеніи г. Гончарова свое мнѣніе. «Что же за личность Обломова?» спрашиваетъ критикъ. «Обломовъ», отвѣчаетъ онъ, «благородная, любящая, частая, поэтическая натура. Послушаемъ, что говорить о немъ Штольцъ. Вотъ мнѣніе его объ Обломовѣ, высказанное пріятелю-литератору: «А былъ не глупѣе другихъ, душа чиста и ясна какъ стекло; благороденъ, вѣженъ» (Отеч. Зап. 1859 г., № 4, стр. 390). Вотъ мнѣніе Штольца объ Обломовѣ, высказанное женою: «въ немъ есть и ума не меньше другихъ, только зарытъ, задавленъ онъ всякою дрянью и заснулъ въ праздности. Хочешь, я скажу тебѣ, отчего онъ тебѣ дорогъ, за что ты еще любишь его? за то, что въ немъ дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото; онъ невредимо пронесетъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольстить его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ наизуворотъ, — никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; они рѣдки; это жерлы въ толпѣ! Его сердце не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться. Многихъ людей я зналъ съ высокими качествами, но никогда не встрѣчалъ сердца чище, свѣтлѣе и проще; многихъ любилъ я, но никого такъ прочно и горячо, какъ Обломова» (Ibid., стр. 365).

Теперь послушаемъ, что говорить самъ авторъ объ Обломовѣ, т. е. о внутреннемъ мірѣ его души: «Освободясь отъ дѣловыхъ заботъ (Илья Ильичъ служилъ гдѣ-то въ Петербургѣ), Обломовъ любилъ уходить въ себя и жить въ созданномъ имъ мірѣ. Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіемъ человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія, и гостилъ, стремленія куда-то вдалѣ, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекать

что у нея локти соблазнительны и что она хорошо готовить пироги — а потому что она гораздо богѣ женщина чѣмъ Олъга.

Дѣло въ томъ, что у самаго автора «Обломова», какъ у таланта все таки огромнаго, стало быть живаго — сердце лежитъ гораздо больше къ Обломову и къ Агаевѣ, чѣмъ къ Штольцу и къ Олъгѣ. За надгробное слово Обломову и его хорошимъ сторонамъ — его чуть что не упрекнули ярые гонители Обломовщины, которымъ онъ польстилъ и которые, *plus royalistes que le roi* — яростно накинулись не только на Обломова, но по побуду его — на Оиѣгина, Печорина, Бельтова и Рудина во имя Штольца и самаго Штольца принесли въ очистительную жертву Олъгѣ. Въ послѣднемъ нельзя съ ними не согласиться: Олъга точно

его, бывало, Штольць.... Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его. Случается и то, что онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать челоуѣку на его лзвы, и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ вырастаютъ въ намѣренія, преобразуются въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ... Вотъ, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... и тогда, Господи! какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣдствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія!... Но смотришь, промелькнетъ утро, день уже клонится къ вечеру, а съ нимъ клонятся къ покою и утомленнымъ силы Обломова: бури и волненія смирлются въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно садящееся за чей-то четырехъ-этажный домъ. И сколько, сколько разъ онъ провожалъ такъ солнечный закатъ! — На утро опитъ жизнь, опять волненія, мечты! Онъ любитъ вообразить себя иногда какимъ-нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, передъ которымъ не только Наполеонъ, но и Ерусланъ Лазаревичъ ничего не значить; выдумаетъ войну и причину ея: у него хлынуть, напримѣръ, народы изъ Африки въ Европу, или устроить онъ новые крестовые походы, и воюетъ, рѣшаетъ участь народовъ, разоряетъ города, падитъ, казнитъ, оказываетъ подвиги добра и великодушія. Или изберетъ онъ арепу мыслителя, великаго художника: всѣ поклоняются ему; онъ пожинаетъ лавры; толпа гоняется за нимъ, восклицая: «Посмотрите, посмотрите, вотъ идетъ Обломовъ, нашъ знаменитый Ильа Ильичъ!» Въ горькія минуты онъ страдаетъ отъ заботъ, перевертывается съ боку на бокъ, ляжетъ лицомъ внизъ, иногда даже совсѣмъ потеряется, тогда онъ встанетъ съ постели на колѣни, и начнетъ молиться жарко, усердно, умолая небо отвратить какъ-нибудь угрожающую бурю. Потомъ, сдавъ попеченіе о своей участи небесамъ, дѣлается повоенъ и равнодушень ко всему на свѣтѣ, а буря тамъ какъ себѣ хочетъ. — Такъ пускалъ онъ въ

умнѣ Штольца: онъ ей съ одной стороны надоѣсть, а съ другой понадесть къ ней подъ башмакъ и дѣйствительно будетъ жертвою того духа нервнаго *самоуверенія*, которое эффектно въ ней только пока еще она молодая, а подъ старость обратится на мелочи и станетъ однимъ изъ обычныхъ физиологическихъ отклоненій.

XXIII.

Инымъ путемъ шелъ Тургеневъ: — его произведенія, какъ я уже сказалъ — представляютъ собой развитие всей нашей эпохи. Съ нею вмѣстѣ, онъ любилъ, вѣрилъ, сомнѣвался, проклиналъ, вновь надѣялся и вновь вѣрилъ — не боясь никакихъ

ходъ свои нравственныя силы, такъ волновался часто по цѣлымъ днямъ, и только тогда развѣ очнется, съ глубокимъ вздохомъ, отъ обаятельной мечты, или отъ мучительной заботы, когда день склонится къ вечеру и солнце огромнымъ шаромъ станетъ опускаться за четырехъ-этажный докъ. Тогда онъ опять проводитъ его задумчивымъ взглядомъ и печальной улыбкой и мирно опочить отъ волненій» (Отеч. Зап. 1859, январь, стр. 60—61).

И такъ, кто же Обломовъ? Душа чистая, прозрачная, какъ хрусталь, поэтъ и поэтъ народный. — Слова автора, высказанныя имъ самимъ и вложенныя въ уста Штольца, какъ нельзя лучше оправдываются цѣлою жизнью Обломова, представленною въ романѣ. Что душа его была чиста, сердце честно и непорочно, — въ этомъ вы убѣждаетесь при всякомъ его поступкѣ, при всякомъ его разсужденіи. Припомните цѣлую печальную повесть любви его къ Ольгѣ; припомните его благоговѣніе къ непорочному существу дѣвушки, благоговѣніе, доходившее до обожанія, безъ всякой прихвѣси сентиментальности. Припомните, напримѣръ, эту превосходную сцену, когда Ольга (въ концѣ II-ой части), не уstraшенная представленными низъ ужасами, которые ожидаютъ женщину, идущую къ счастью по пути *меланіи*, отвергнувшая необходимость этого пути, быстро отбрасываетъ въ сторону зонтикъ, обвиваетъ его шею руками, и когда онъ, пораженный избыткомъ счастья, испускаетъ радостный вопль и упадаетъ къ ея ногамъ. Припомните, какое горько-отрадное чувство пробуждалось всякій разъ въ душѣ Обломова во время посѣщеній Штольца, когда послѣдній напоминалъ ему о своей женѣ. — Окончательно приросшіи большимъ жѣстою къ своему выборгскому болоту, уже мужъ Агаеи Матвѣевны, уже отецъ, уже безнадежно погибнувшій, Обломовъ, при одномъ имени Ольги, выходитъ изъ своего умственнаго оцѣпенія. — Что значить этотъ ужасъ, эти слова, когда, при послѣднемъ свиданіи съ Штольцомъ, онъ узнаетъ, что Ольга ожидаетъ его у воротъ: — Ради Бога, не допускай ее сюда, уѣзжай. — Прощай, прощай, ради Бога! (Отеч. Зап., апрѣль, стр. 880). — Что значить ужасъ, который испытывалъ *Вальсингамъ* въ «*Пиръ во время чумы*» Пушкина, потрясенный среди бѣшеной, отчаянной оргіи увѣщаніями свеще-

крайнихъ граней мысли или лучше сказать увлекаясь самъ мыслию до крайнихъ ея граней и беззавѣтно отдаваясь всѣмъ увлеченіямъ. Отъ этого, читая его послѣднее произведеніе, — вы что ни шагъ — повѣряете процессъ, который совершался въ цѣлой эпохѣ, что ни шагъ — сталкиваетесь съ образами возродившимися пожалуй въ новыхъ и лучшихъ формахъ, но которыхъ сѣмена и даже зародыши коренятся въ далекомъ прошломъ. Вы поднимаете слой за слоемъ — и болѣе всего поражаетесь органическою связью словъ между собою...

Доказательствомъ этой органической связи служить въ особенностяхъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» исторія отца и дѣда Лаврецькаго, мѣсто, которое одному критику, въ числѣ многихъ другихъ мѣстъ показалося, какъ онъ выразился, ретроспектив-

ника, приведшаго ему на память образъ недавно умершей жены, Матильды ?

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
Увядшей, блѣдною рукою, оставить
Въ гробу на-вѣкъ умолкнувшее имя!
О, еслибъ отъ очей ея безсмертныхъ
Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
И знала рай въ объятіяхъ моихъ....
Гдѣ я?... Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не достигнетъ уже....

.....
..... Отецъ мой, ради Бога,
Оставь меня!

(Соч. Пущк., изд. Анненкова, т. IV, стр. 422.)

Такъ ужасаться можетъ только богато надѣленная, хотя и глубоко-падшая натура. Хотя причины паденія Обломова и Вальсингама не однѣ и тѣ же, но характеръ ужаса одинаковъ. Обломовъ, мы сказали, былъ поэтъ и притомъ народный. И это такъ, хотя онъ не написалъ ни одного сонета. Обломовъ жилъ фантазіей, въ мирѣ идей, жилъ фантазіей самой роскошной, воспитанной на чисто-народной почвѣ. Фантазія, въ слѣдствіе огромнаго преобладанія ея надъ другими душевными способностями, и погубила его. Припомните тѣ роскошныя картины, которыя создавало его воображеніе, картины семейнаго счастья, который онъ рисовалъ Штольцу; даже разсудительный, практическій Андрей Ивановичъ воскликнулъ: — Да, ты поэтъ, Илья! — Да! (сказавъ Обломовъ), поэтъ въ жизни, потому-что жизнь есть поэзія. Вольно людямъ искажать ее (Отеч. Зап. 1859 г., февраль, стр. 280). — Но эта превосходная поэтическая натура все-таки погибла отъ нравственной болѣзни и погрузилась въ лѣнь и апатію. Гибель эта была бы не возможна, если бы натура Обломова была иного свойства, если бы онъ не былъ поэтомъ.»

нымъ. Критикъ, сильно хлопочущій объ освобожденіи искусства отъ порабощенія, въ увлеченіи своемъ исключительно-эстетическимъ взглядомъ — не замѣтилъ того весьма явнаго и существеннаго недостатка «Дворянскаго гнѣзда», о которомъ я говорилъ въ началѣ предшествовавшей статьи. Только слѣпому развѣ не видно того, что на огромномъ холстѣ натянутомъ для огромной исторической картины, нарисовался одинъ центръ драмы, да по мѣстамъ отдѣланы эпизоды, да остались тоже по мѣстамъ очерки.

Типъ, котораго послѣднимъ выраженіемъ у Тургенева является Лаврецкій создавался долгимъ процессомъ, долженъ былъ воплотить въ себѣ весь этотъ процессъ, процессъ нашей, послѣ-пушкинской эпохи. Но между тѣмъ, что должно было быть и тѣмъ что есть, что намъ дано — значительная разница. Судить о типѣ по тому какъ онъ явился въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» и на этомъ только основаніи заключать о художественности или не художественности его выполненія и дѣлаго произведенія, въ которомъ онъ является — значитъ положительно не понять дѣла по отношенію къ Тургеневу, не понять задачъ, внутренняго смысла его поэтической дѣятельности.

Что главнымъ образомъ *сказалось* въ Дворянскомъ гнѣздѣ?

Знаете ли, что отвѣчать на этотъ вопросъ — *потрудитесь*, чѣмъ отвѣчать на вопросъ что *сказалось* въ Обломовѣ? Никакимъ нравственнымъ правиломъ, никакою сентенціей — вы на этотъ вопросъ не отвѣтите. Что *сказалось*! да мало ли что тутъ *сказалось*? Вся эпоха отъ смерти Пушкина до нашихъ дней тутъ *сказалась*: весь Пушкинскій процессъ, который я называю нашимъ душевнымъ Иваномъ Петровичемъ Бѣлкинымъ — тутъ *сказался* — ибо весь этотъ процессъ долженъ былъ повториться въ Тургеневѣ, для того чтобы худо ли, хорошо ли — но создавался новый, живой типъ, уже не отрицательный только, а положительный; загнанный, смиренный, простой человѣкъ, доселѣ только позволявшій себѣ изрѣдка критическое или комическое отношеніе къ блестящему, хищному человѣку, и большею частію то подбравшій чужую любовь, да и то не впадѣть, то смѣявшійся судорожнымъ смѣхомъ Гамлета Цыгровскаго уѣзда надъ своимъ безспіемъ, то плакавшій горькимъ плачемъ «Лишняго человѣка» — переходитъ въ живой, положительный образъ.

Что *сказалось* «Дворянскимъ гнѣздомъ»? Вся умственная жизнь послѣ-пушкинской эпохи отъ туманныхъ еще началъ ея въ кружкѣ Станкевича, до рѣзкаго постановленія вопросовъ Бѣ-

линскимъ, и отъ рѣзкости Бѣлинскаго до уступокъ, весьма значительныхъ — сдѣланныхъ мыслию жизни и почвѣ... Борьба славянофильства и западничества, и борьба жизни съ теоріею — славянофильскою или западною все равно — завершается въ поэтическихъ задачахъ тургеневскаго типа побѣдою жизни надъ теоріями...

Опять повторяю: Лаврецкій пріѣхалъ не умирать, а жить на свою родную почву — и родная жизнь встрѣчаетъ его съ разу своимъ міромъ — и этотъ міръ — его же собственный міръ, съ которымъ ему нельзя да и незачѣмъ раздѣляться.

«Образы прошедшаго, по прежнему, не спѣша, поднимались, всплывали въ его душѣ, мѣшаясь и путаясь съ другими представлениями. Лаврецкій, Богъ знаетъ почему, сталъ думать о Робертѣ Пилѣ... о французской исторіи ... о томъ, какъ бы онъ выигралъ сраженіе, еслибы онъ былъ генераломъ; ему чудились выстрѣлы и крики... Голова его скользила на бокъ, онъ открывалъ глаза... Тѣже поля, тѣже степные виды; стертые подковы пристяжныхъ попеременно свѣркаютъ сквозь волнистую пыль; рубаха ямщика, желтая, съ красными ластовицами, надувается отъ вѣтра... «Хорошо возвращаюсь я на родину» — промелькнуло у Лаврецкаго въ головѣ; и онъ закричалъ: «пошелъ!» запахнулся въ шинель и плотнѣе прижался къ подушкѣ. Тарантасъ толкнуло: Лаврецкій выпрямился и широко раскрылъ глаза. Передъ нимъ на пригоркѣ тянулась небольшая деревенька; немного вправо виднѣлся ветхій господскій домикъ, съ закрытыми ставнями и кривымъ крыльцомъ; по широкому двору, отъ самыхъ воротъ росла крапива, зеленая и густая, какъ конопля; тутъ же стоялъ дубовый, еще крѣпкій анбарчикъ. Это было Васильевское.

«Ямщикъ повернулъ къ воротамъ, остановилъ лошадей; лакей Лаврецкаго приподнялся на козлахъ и, какъ бы готовясь соскочить, закричалъ: гей! Раздался сиплый, глухой лай, но даже собаки не показались; лакей снова приготовился соскочить и закричалъ: гей! Повторился дряхлый лай и спустя мгновенье на дворъ, неизвѣстно откуда, выбѣжалъ человекъ въ нанковомъ кафтанѣ, съ бѣлой, какъ снѣгъ, головой; онъ посмотрѣлъ, защипая глаза отъ солнца, на тарантасъ, ударилъ себя вдругъ обѣими руками по ляжкамъ, сперва немного заметался на мѣстѣ, потомъ бросился открывать ворота. Тарантасъ вѣхалъ на дворъ, шурша колесами по крапивѣ, и остановился передъ крыльцомъ, Бѣлоголовый человекъ, весьма повидимому юркій, уже стоялъ, широко и криво разставивъ ноги на послѣдней ступенькѣ, отстегнулъ передокъ, судорожно дернувъ къ верху кожу, и помогая барину спуститься на землю, поцаловалъ у него руку.

«— Здравствуй, здравствуй, братъ, проговорилъ Лаврецкій:— тебя, кажется, Антономъ зовутъ? Ты живъ еще?»

«Старикъ молча поклонился и побѣжалъ за ключами. Пока онъ

бѣгалъ, ямщикъ сидѣлъ неподвижно, сбочась и поглядывая на запертую дверь; а лакей Лаврецкаго, какъ срыгнувъ, такъ и остался въ живописной позѣ, закинувъ одну руку на козлы. Старикъ принесъ ключи и, безо всякой нужды изгибаясь какъ змѣя и высоко поднимая локти, отперъ дверь, посторонился и опять поклонился въ поясъ.

«— Вотъ я и дома, вотъ я и вернулся, подумалъ Лавецкій, входя въ крошечную переднюю, между тѣмъ какъ ставни со стукомъ и визгомъ отворялись одинъ за другимъ и дневной свѣтъ проникалъ въ опустѣлые покои.»

Онъ дома — онъ вернулся и, по слову поэта

Минувшее меня объемлетъ живо,

И кажется вчера еще бродилъ

Я въ этихъ рощахъ... Вотъ смиренный домикъ, и т. д.

Связи его съ этимъ міромъ — родныя, коренныя кровныя.

«Небольшой домикъ, куда пріѣхалъ Лавецкій и гдѣ два года тому назадъ скончалась Глафира Петровна, былъ выстроенъ въ прошломъ столѣтіи, изъ прочнаго соснового лѣсу; онъ на видъ казался ветхимъ, но могъ простоять еще лѣтъ пятьдесятъ или болѣе. Лавецкій обошелъ всѣ комнаты и, къ великому безпокойству старыхъ, вялыхъ мухъ съ бѣлою пылью на спинѣ, неподвижно сидѣвшихъ подъ притолками, велѣлъ всюду открыть окна: съ самой смерти Глафиры Петровны никто не отпиралъ ихъ. Все въ домѣ осталось, какъ было: тонконогіе бѣлые диванчики въ гостиной, обитые глянцовитымъ сѣрымъ штофомъ, протертые и продавленные, живо напоминали Екатериненскія времена; въ гостиной же стояло любимое кресло хозяйки, съ высокой и прямой спинкой, къ которой она и въ старости не прислонялась, на главной стѣнѣ висѣлъ старинный портретъ Федорова прадѣда, Андрея Лаврецкаго; темное, жолчное лицо едва отдѣлялось отъ почернѣвшаго и покоробленнаго фона; небольшие злые глаза угрюмо глядѣли изъ подъ нависшихъ, словно опухшихъ вѣкъ; черные волосы безъ пудры щоткой вздымались надъ тяжелымъ, изрытымъ лбомъ. На углѣ портрета висѣлъ вѣнокъ изъ запыленныхъ иммортелей: «Сами Глафира Петровна изволили плести», доложилъ Антонъ. Въ спальнѣ возвышалась узкая кровать подл. пологомъ изъ стародавней, весьма добротной полосатой матеріи; горка полныхъ подушекъ и стеганное жидкое одѣяльце лежали на кровати, а у изголовья висѣлъ образъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, тотъ самый образъ, къ которому старая дѣвица, умирая одна и всѣми забытая, въ послѣдній разъ приложила уже хладѣющими губами. Туалетный столикъ изъ штучнаго дерева, съ мѣдными бляхами и кривымъ зеркальцемъ, съ почернѣлой позолотой, стоялъ у окна. Рядомъ съ спальней находилась образная, маленькая комнатка, съ голыми стѣнами и тяжелымъ кіотомъ въ углу; на полу лежалъ пестертый и закапанный воскомъ коверчикъ; Глафира Петровна кляла на немъ

земные поклоны. Антонъ отиралился съ лаксемъ Лаврецкаго отпирать конюшню и сарай; на мѣсто его явилась старушка, чуть ли не ровесница ему, повязанная платкомъ по самыя брови; голова ея тряслась и глаза глядѣли туно, но выражали усердіе, давнишнюю привычку служить безотвѣтно, и въ тоже время—какое-то почтительное сожалѣніе. Она подошла къ ручкѣ Лаврецкаго и остановилась у двери, въ ожиданіи приказаній. Онъ рѣшительно не помнилъ, какъ ее звали, не помнилъ даже, видѣлъ ли ее когда нибудь; оказалося, что ее звали Апраксѣей, лѣтъ сорокъ тому назадъ, таже Глафира Петровна сослала ее съ барскаго двора и велѣла ей быть птичницей; впрочемъ она говорила мало,—словно изъ ума выжила,—а глядѣла подобострастно. Кромѣ этихъ двухъ стариковъ да трехъ пузатыхъ ребятншекъ въ длинныхъ рубашонкахъ, Антоновыхъ правнуковъ, жилъ еще на барскомъ дворѣ однорукій безтягольный мужичонка; онъ бормоталъ, какъ тетеревъ, и не былъ способенъ ни на что; не многимъ полезнае его была дряхлая собака, привѣтствовавшая заемъ возвращеніе Лаврецкаго: она уже лѣтъ десять сидѣла на тяжелой цѣпи, купленной по распоряженію Глафиры Петровны. Осмотрѣвъ домъ, Лаврецкій вышелъ въ садъ и остался имъ доволенъ. Онъ весь заросъ бурьяномъ, лопухами, крыжовникомъ и малиной; но въ немъ было много старыхъ липъ, которыя поражали свою грамадностью и страннымъ расположеніемъ сучьевъ: онѣ были слишкомъ тѣсно посажены и когда-то — лѣтъ сто тому назадъ — стрижены. Садъ оканчивался небольшимъ свѣтлымъ прудомъ съ каймою изъ высокаго красноватаго тростника. Слѣды человѣческой жизни гложуть очень скоро: усадьба Глафиры Петровны не успѣла одичать, но уже казалась погруженной въ ту тихую дрему, которой дремлетъ все на землѣ, гдѣ только нѣтъ людской, безпокойной заразы. Федоръ Ивановичъ пропелся также по деревнѣ; бабы глядѣли на него съ порогу своихъ избъ, подпирая щеку рукою; мужики издали кланялись, дѣти бѣжали прочь, собаки равнодушно лаяли. Ему наконецъ захотѣлось ѣсть; но онъ ожидалъ свою прислугу и повара только къ вечеру; обозъ съ провизіей изъ Лавриковъ еще не прибывалъ,—пришлось обратиться къ Антону. Антонъ сейчасъ распорядился: поймалъ, зарѣзалъ и ощипалъ старую курицу; Апраксѣя долго терла и мыла ее, какъ бѣлье, прежде чѣмъ положила ее въ кастрюлю; когда она наконецъ сварилась, Антонъ накрылъ и убралъ столъ, поставилъ передъ приборомъ почернившую солонку аплике о трехъ ножкахъ и граненый графинчикъ съ круглой стеклянной пробкой и узкимъ горлышкомъ; потомъ доложилъ Лаврецкому пѣвучимъ голосомъ, что кушанье готово,—и самъ сталъ за его стуломъ, обернувъ правый кулакъ салфеткой и распространяя какой-то крѣпкій, древній запахъ, подобный запаху кипарисоваго дерева. Лаврецкій отвѣдалъ сушу и досталъ курицу; кожа ея была вся покрыта крупными пупырушками; толстая жила шла по каждой погѣ, мясо отзывалось древесной и щолокомъ. По-

обѣдавъ, Лаврецкій сказалъ, что выпить бы чаю, если... «Сею минутою-съ подамъ-съ», перебилъ его старикъ, — и сдержалъ свое обѣщаніе. Сыскалась щепотка чаю, завернутая въ клочокъ красной бумажки; сыскался небольшой, но прерьяный и шумливый самоварчикъ, сыскался и сахаръ въ очень маленькыхъ, словно обтаявшихъ кускахъ. Лаврецкій напился чаю изъ большой чашки; онъ еще съ дѣтства помнилъ эту чашку: игорныя карты были изображены на ней, изъ нея пили только гости,—и онъ пилъ изъ нея, словно гость. Къ вечеру прибыла прислуга;—Лаврецкому не захотѣлось лечь въ теткиной кровати; онъ велѣлъ постлать себѣ постель въ столовой. Погасивъ свѣчку, онъ долго глядѣлъ вокругъ себя и думалъ невеселую думу; онъ испытывалъ чувство, знакомое каждому человѣку, которому приходится въ первый разъ ночевать въ давно необитаемомъ мѣстѣ; ему казалось, что обступившая его со всѣхъ сторонъ темнота не могла привыкнуть къ новому жильцу, что самыя стѣны дома недоумѣваютъ. Наконецъ онъ вздохнулъ, натянулъ на себя одѣяло и заснулъ. Антонъ дольше всѣхъ остался на ногахъ; онъ много шептался съ Апраксѣей, охалъ въ полъ-голоса, раза два перекрестился; они оба не ожидали, чтобы баринъ поселился у нихъ въ Васильевскомъ, когда у него подъ-бокомъ было такое славное имѣнье съ отлично-устроенной усадьбой; они и не подозрѣвали, что самая эта усадьба была противна Лаврецкому: она возбуждала въ немъ тягостныя воспоминанія. Нашептавшись вдоволь, Антонъ взялъ палку, поколотилъ по всячей, давно безмолвной доскѣ у анбара и тутъ же прикорнулъ на дворѣ, ничѣмъ не прикрывъ свою бѣлую голову. Майская ночь была тиха и заскова, — и сладко спалось старику.»

Пусть противна Лаврецкому эта усадьба, возбуждающая въ немъ тягостныя воспоминанія. Въ воспоминаніяхъ виновата не она, эта усадьба—виноватъ онъ самъ. Отъ воспоминаній этихъ еще прежде, еще возвращаясь только домой, онъ невольно прищурился, какъ щурится человѣкъ отъ мгновенной внутренней боли и встряхнулъ головой... Не съ чувствомъ гордости или вражды вступаетъ онъ снова въ старыя, съ дѣтства знакомыя мѣста:

«Въ теченіи двухъ недѣль Федоръ Ивановичъ привелъ домикъ Глафиры Петровны въ порядокъ; разчистилъ дворъ, садъ; изъ Лавриковъ привезли ему удобную мебель, изъ города вино, книги, журналы; на конюшнѣ появились лошади; словомъ, Федоръ Ивановичъ обзавелся всѣмъ нужнымъ и началъ жить — не то помещикомъ, не то ошельникомъ. Дни его проходили однообразно; но онъ не скучалъ, хотя никого не видѣлъ; онъ прилежно и внимательно занимался хозяйствомъ, ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ, читалъ. Впрочемъ онъ читалъ мало: ему пріятнѣе было слушать рассказы старика Антона. Обыкновенно Лаврецкій садился съ трубкой табаку и чашкой холоднаго чаю къ окну;

Антонъ становился у двери, заложивъ назадъ руки, — и начиналъ свои неторопливые рассказы о стародавнихъ временахъ, о тѣхъ баснословныхъ временахъ, когда овесъ и рожь продавались не мѣрками, а въ большихъ мѣшкахъ, по двѣ и потри копейки за мѣшокъ; когда во всѣ стороны даже подъ городомъ тянулись непроходимые гѣса, нетронутыя степи. «А теперь», жаловался старикъ которому уже стукнуло лѣтъ за восемьдесятъ, — «такъ все вырубили да распахали, что проѣхать негдѣ.» Также рассказывалъ Антонъ много о своей госпожѣ, Глафирѣ Петронѣ: какія онѣ были разсудительныя и бережливыя; какъ нѣкоторый господинъ, молодой сосѣдъ, поддѣлывался-было къ нимъ, часто сталъ наѣзжать, — и какъ онѣ для него изволили даже надѣвать свой праздничный чепецъ съ лентами какъ потомъ, разгнѣвавшись господина сосѣда за неприличный вопросъ: «что, молъ, долженъ быть у васъ, сударыня, капиталъ?» приказали ему отъ дому отказать, и какъ онѣ тогда же приказали, чтобъ все, послѣ ихъ кончины даже до самолагѣйшей тряпичицы, было предоставлено Ѳеодору Ивановичу, И точно: Лаврецкій нашелъ весь теткинъ скарбъ въ цѣлости, не выключая праздничнаго чепца съ лентами цвѣта массака и желтаго платья изъ трю — трю-левантина. Старинныхъ бумагъ любопытныхъ, документовъ, на которые рассчитывалъ Лаврецкій не оказалось никакихъ, кромѣ одной ветхой книжки, въ которую дѣдушка его Петръ Андрѣичъ, вписывалъ — то: «Празднованіе въ городѣ Санктпетербургѣ замиренія, заключеннаго съ Турецкой имперіей его сіятельствомъ княземъ Александръ Александровичемъ Прозоровскимъ»; то рецептъ груднаго декохта съ примѣчаніемъ: «Сіе наставленіе дано генеральшѣ Прасковѣ Ѳеодоровнѣ Салтыковой отъ прото-пресвитера церкви Живоначалъныя Троицы Ѳеодора Авксентіевича»: политическую новость слѣдующаго рода: «О тиграхъ французахъ что-то замолкло»; — и тутъ же рядомъ: «Въ Московскихъ вѣдомостяхъ показано, что скончался господинъ премьеръ-маіоръ Михаилъ Петровичъ Колычевъ. Не Петра ли Васильевича Колычева сынъ?» Лаврецкій нашелъ также нѣсколько старыхъ календарей и сонниковъ и таинственное сочиненіе г. Амбодика; воспоминанія возбудили въ немъ давно-забытыя, но знакомыя «Символы и Эмблемы.» Въ туалетномъ столикѣ Глафиры Петровны Лаврецкій нашелъ небольшой пакетъ, завязанный черной ленточкой, запечатанный чернымъ сургучомъ и засунутый въ самую глубь ящика. Въ пакетѣ лежали лицомъ къ лицу пастелевый портретъ его отца въ молодости, съ мягкими кудрями, рассыпанными по лбу, съ длинными томными глазами и полу-разкрытымъ ртомъ, — и почти стертый портретъ блѣдной женщины въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлымъ розаномъ въ рукѣ, — его матери. Съ самой себя Глафира Петровна никогда не позволила снять портрета. «Я, батюшка, Ѳеодоръ Ивановичъ», говаривалъ Лаврецкому Антонъ, — хоша и въ господскихъ хоромахъ тогда жительства не имѣлъ, а вашего прадѣдушку, Андрея Афанасьича помню — какъ же: мнѣ, когда они скончались, восемнадцатый

годочекъ пошелъ. Разъ я имъ въ саду встрѣлся, — такъ даже подожки затряслися; однако они ничего, только спреспли, какъ зовуть, — и въ свои покои за носовымъ платкомъ послали. *Баринъ былъ, что и говоритъ, — и старшаго надъ собой не зналъ. Потому была, доложу вамъ, у вашего прапѣдушки чудная такъ ладонка; съ Аѳонской горы имъ монахъ ту ладонку подарилъ. И сказалъ онъ ему этта монахъ-то: за твое, баринъ, радушиє сіє тебѣ дарю; носи — и суда не бойся.* Ну, да вѣдь, тогда, батюшка, извѣстно, какія были времена: что баринъ во-схотѣлъ, то и творилъ. Бывало, кто даже изъ господъ вздумаетъ имъ перечить, такъ они только посмотрятъ на него да скажутъ: мелко плаваешь; — самое это у нихъ было любимое слово. И жилъ онъ, вашъ блаженный памяти прапѣдушка, въ хоромахъ деревянныхъ малыхъ; а что добра послѣ себя оставилъ, серебра что, всякихъ запасовъ, — всѣ подпалы биткомъ на биты были. Хозяинъ былъ. Тотъ-то графинчикъ, что вы похвалить изволили, — пхъ былъ: изъ него водку кушали. *А вотъ дѣдушка вашъ Пестръ Андреечъ и палаты себѣ поставилъ каменные, а добра не нажилъ; все у нихъ пошло хиню; и жили они хуже папенькинаго, и удовольствій ни какихъ себѣ не производили, — а денежки всѣ порышилъ, и помянуть его нечѣмъ; ложки серебряной отъ нихъ не осталось, — и то еще спасибо, Глафиры Петровна порадыла.»*

«— А правда-ли, перебивалъ его Лаврецкій: — ее старой колотовкой звали?»

«— Да вѣдь кто звалъ! возражалъ съ неудовольствіемъ Антонъ....»

«— А что, батюшка, — рѣшился спросить однажды старикъ, — что наша барыня, гдѣ извозить свое пребываніе имѣтъ?»

«— Я развелся съ женою, проговорилъ съ усиліемъ Лаврецкій: — Пожайгуйста, не спрашивай о ней.

«— Слушаю-съ, печально, возразилъ старикъ.»

Какая огромная разница между этими мягкими отношеніями къ дѣйствительности, между этимъ симпатическимъ ея представленіемъ — и между отрицательною манерою литературы сороковыхъ годовъ, т. е. между первоначальными отношеніями самаго Тургенева къ дѣйствительности. Какъ много было ложнаго въ этихъ первоначальныхъ отношеніяхъ поэта къ жизни, къ дѣйствительному быту — ложнаго до комизма. Вѣдь было время, когда рпсовалъ онъ напрімѣръ такъ образъ помѣщика:

Онъ съ дѣтства не любилъ подтяжекъ,

Любилъ просторъ, любилъ покой

И льнъ: но страненъ былъ покроей

Его затѣйливыхъ фуражекъ;

Любилъ онъ жирные блины, и т. д.

Удивительная была вражда къ простору и главнымъ образомъ

къ здоровью въ былые годы литературы. Случалось ли автору (я беру всё примѣры изъ самаго Тургенева) попасть на провинціальный балъ, ему становилось неспосно видѣть здоровыя и простодушныя дѣвическія фізіогноміи:

Вотъ *чисто-русская* красотка,
Одѣта плохо, *тлжела* (?)
И *неговка*, но весела;
Добра, болтлива какъ трещотка.

Вѣдь собственно говоря, если бы наши яростные враги «Обломовщины» хотѣли и могли быть послѣдовательны, они должны бы были съ ужасомъ отворотиться отъ теперешняго Тургенева, въ пользу Тургенева прежняго. Вѣдь ни больше ни меньше какъ къ тому, что они называютъ Обломовкой и Обломовщиной — относится онъ теперь съ художническою симпатіею. — Вѣдь и Лаврецкій и его Лиза и неопцѣненная Марѳа Тимофеевна, все это Обломовщина, Обломовцы — да еще какіе, еще какъ тѣсно, фізіологически связанные не только съ настоящимъ и будущимъ, но съ далекимъ прошедшимъ Обломовки!

XXIV.

Наше время есть время всеобщихъ исповѣдей и такую искреннюю, полную исповѣдь болѣе всего представляютъ произведенія Тургенева вообще и «Дворянское гнѣздо» въ особенности.

Для того, чтобы понять послѣдніе результаты этой искренней исповѣди въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» — нужно было прослѣдить всю борьбу, высказывающуюся въ произведеніяхъ Тургенева. Только зная эту борьбу, можно понять все значеніе стиховъ, которые онъ влагааетъ въ уста Михалевичу и весь смыслъ того смиренія передъ народною правдою, которое проповѣдуетъ Лаврецкій въ разговорѣ съ Паншинымъ.

Изъ этого не слѣдуетъ заключать однако, чтобы Тургеневъ отъ одной теоріи перешелъ къ другой. Славянофильство съ восторгомъ привѣтствовало нѣкоторыя его произведенія, особенно «Хоря и Калиныча», «Муму» — но поэтъ способенъ столь-же мало поддаться и этому воззрѣнію, поколику оно только — воззрѣніе, какъ и другому, противоположному. Въ немъ повторился только бѣлкинскій процессъ пушкинской природы, съ расширенными сообразно требованіямъ эпохи требованіями. И какъ Пушкинъ — уходя въ свое отрицательное я, въ жизненные взгляды своего Ивана Петровича Бѣлкина, вовсе, однако, не отрекался,

какъ «отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его», отъ прежнихъ идеаловъ, отъ силъ своей природы, извѣдавшихъ уже *добрая* и *злая*, а только давалъ права и почвъ наравнѣ съ силами, — такъ, съ меньшимъ самообладаніемъ, Тургеневъ кончилъ анализъ натуры Рудина апотеозомъ его личности, дѣйствительно-поэтической и грандіозной. Чувство поэта ставитъ его въ разрѣзъ со всякою теоріею — и оно-то сообщаетъ его произведеніямъ такую неотразимую, обаятельную силу, не смотря на ихъ постоянную недодѣланность.

Лицо Лаврецаго, даже такъ какъ оно является въ видимо-недодѣланномъ «Дворянскомъ гнѣздѣ», представитель (хотя никакъ не преднамѣренный), сознанія нашей эпохи. Лаврецкій — уже не Рудинъ, отрѣшенный отъ всякой почвы, отъ всякой дѣйствительности — но съ другой стороны, уже и не Бѣлкинъ, стоящій съ дѣйствительностью въ уровень. Лаврецкій — живой человекъ, связанный съ жизнью, почвою, преданіями — но прошедшій бездны сомнѣнія, внутреннихъ страданій, совершившій нѣсколько моральныхъ скачковъ. Отсюда выходитъ весь его душевный процессъ, вся драма его отношеній.

Онъ представитель *нашей* эпохи, эпохи самой близкой къ намъ — и какъ такового, его надобно было отдѣлать, отгѣнить отъ представителей эпохъ предшествовавшихъ. Средство для такого отдѣленія Тургеневъ избралъ самое естественное — его родословную, образы его дѣда и отца.

Не смотря на то, что пріемъ этотъ не новъ, не смотря на то, что въ наше время въ особенности, послѣ романа: «Кто виновать?» — и послѣ «Семейной хроники» онъ повторяется довольно-часто — родословная Лаврецаго блещетъ такими яркими чертами — такъ мастерски схвачено въ ней существенное и типическое — что на нее можно смѣло указать какъ на *chef d'œuvre* въ своемъ родѣ...

«Богаче и замѣчательнѣе всѣхъ Лаврецкихъ былъ родной прадѣдъ Федора Ивановича, Андрей, человекъ жестокій, дерзкій, умный и лукавый. До нынѣшняго дня не умолкла молва объ его самоуправствѣ, о бѣшеномъ его нравѣ, безумной щедрости и алчности неутолимой. Онъ былъ очень толстъ и высокъ ростомъ, изъ лица смуглъ и безбородъ, картавилъ и казался сонливымъ; но чѣмъ онъ тише говорилъ, тѣмъ больше трепетали всѣ вокругъ него. Онъ и жену досталъ себѣ подѣ-стать. Пучеглазая, съ ястребинымъ носомъ, съ круглымъ желтымъ лицомъ, цыганка родомъ, вспыльчивая и мстительная, она ни въ чемъ не уступала мужу, который чуть не уморилъ ея и котораго она не пе-

режила, хотя вѣчно съ нимъ грызлась. Сынъ Андрея, Петръ, Ѳедоровъ дѣдъ, не походилъ на своего отца: это былъ простой, степной баринъ, довольно взбалмошный, крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хлѣбосоля и псовый охотникъ. Ему было за тридцать лѣтъ, когда наслѣдовалъ отъ отца двѣ тысячи душъ въ отличномъ порядкѣ; но онъ скоро распустилъ, частью продать свое имѣнье, дворню избаловалъ. Какъ тараканы сползались со всѣхъ сторонъ знакомые и незнакомые мелкіе людишки въ его обширныя, теплыя и неопрятныя хоромы; все это наѣдалось, чѣмъ попало, но досыта, напивалось до пьяна и тащило вонъ, что могло, прославляя и величая ласковаго хозяина; и хозяинъ, когда былъ не въ духѣ, тоже величалъ своихъ гостей — дармоѣдами и прохвостами, а безъ нихъ скучалъ. Жена Петра Андреича была смиренница; онъ взялъ ее изъ сосѣдняго семейства, по отцовскому выбору и приказанію; звали ее Анной Павловной. Она ни во что не вмѣшивалась, радушно принимала гостей и охотно сама выѣзжала, хотя пудриться, по ея словамъ, было для нея смертью. Поставятъ тебѣ, рассказывала она въ старости, войлочный шлыкъ на голову, волосы всѣ зачешутъ кверху, саломъ вымажутъ, мукой посыплютъ, желѣзныхъ булавокъ натыкаютъ, — не отмоешься потомъ; а въ гости безъ пудры нельзя, обидятся, — мука! — Она любила кататься на рысакахъ, въ карты готова была играть съ утра до вечера и всегда, бывало, закрывала рукой записанный на нее копеечный выигрышъ, когда мужъ подходилъ къ игорному столу; а все свое приданое, всѣ деньги отдала ему въ безотвѣтное распоряженіе. Она прижила съ нимъ двухъ дѣтей: сына Ивана, Ѳедорова отца, и дочь Глафиру. Иванъ воспитывался не дома, а у богатой, старой тетки, княжны Кубенской: она назначила его своимъ наслѣдникомъ (безъ этого отецъ былъ его не отпустилъ); одѣвала его какъ куклу, нанимала ему всякаго рода учителей, приставила къ нему гувернера, француза, бывшаго аббата, ученика Жанъ-Жака Руссо, нѣкоего *Mr Courtin de Vaucelles*, ловкаго и тонкаго проныру, — самую, какъ она выражалась, *fine fleur* эмиграціи, и кончила тѣмъ, что чуть не 70-ти лѣтъ вышла за мужъ за этого финъ-флѣра, перевела на его имя все свое состояніе и вскорѣ потомъ, разрумяненная, раздушенная амброй *à la Richelieu*, окруженная арапченками, тонконогими собачками и крикливыми попугаями, умерла на шелковомъ кривомъ диванчикѣ временъ Людовика XV, съ эмалевой табакеркой работы Петито въ рукахъ, — и умерла, оставленная мужемъ: вкрадчивый господинъ Куртенъ предпочелъ удалиться въ Парижъ съ ея деньгами. Ивану пошелъ всего двадцатый годъ, когда этотъ неожиданный ударъ надъ нимъ разразился; онъ не захотѣлъ остаться въ теткинномъ домѣ, гдѣ онъ изъ богатаго наслѣдника внезапно превратился въ приживальщика, — въ Петербургѣ, гдѣ общество, въ которомъ онъ выросъ, передъ нимъ закрылось; къ службѣ съ низкихъ чиновъ, трудной и темной, онъ чувствовалъ отвращеніе (все это происходило въ самомъ

началъ царствованія Императора Александра), — пришлось ему, по неволѣ вернуться въ деревню къ отцу. Грязно, бѣдно, дрянно показалось ему его родное гнѣздо; глушь и копотъ степнаго житья-бытья на каждомъ шагу его оскорбляли; скука его грызла; за то и на него всѣ въ домѣ, кромѣ матери, недружелюбно глядѣли. Отцу не нравились его столичные привычки, его фракы, жабо, книги, его флейта, его опрятность, въ которой не даромъ чуялась ему гадливость; онъ, то и дѣло, жаловался и ворчалъ на сына. — Все здѣсь не по немъ, говаривалъ онъ, — за столомъ привередничаетъ, не ѣстъ, людскаго запаху, духоты переносить не можетъ, видъ пьяныхъ его разстроиваетъ, драться при немъ тоже не смѣй, служить не захочетъ, слабъ, вишь, здоровьемъ; фу ты, нѣженка эдакой! А все оттого, что Вольтеръ въ головѣ сидитъ. Старикъ особенно не жаловалъ Вольтера да еще «изувѣра» Дидерота, хотя ни одной строки изъ ихъ сочиненій не прочелъ: читать было не по его части. — Петръ Андреевъ не ошибался; точно — и Дидеротъ и Вольтеръ сидѣли въ головѣ его сына, и не она одни — и Руссо, и Рейналь, и Гельвецій и много другихъ подобныхъ имъ сочинителей сидѣли въ его головѣ, — но въ одной только головѣ. Бывшій наставникъ Ивана Петровича, отставной аббатъ и энциклопедистъ удовольствовался тѣмъ, что влилъ цѣликомъ въ своего воспитанника всю премудрость 18-го вѣка, — и онъ такъ и ходилъ, наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смышавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись крыжмъ убѣжденьемъ.... Да и возможно ли было требовать убѣжденій отъ молодого малаго 50 лѣтъ тому назадъ, когда мы еще и теперь не доросли до нихъ? Посѣтителей отцовскаго дома Иванъ Петровичъ тоже стѣснялъ; онъ ими гнушался, они его боялись, — а съ сестрой Глафирой, которая была двѣнадцатью годами старше его, онъ не сошелся вовсе. Эта Глафира была странное существо: некрасивая, горбатая, худая, съ широко-раскрытыми, строгими глазами и сжатымъ тонкимъ ртомъ, она лицомъ, голосомъ, угловатыми, быстрыми движеніями, напоминала свою бабу, цыганку, жену Андрея. Настоячивая, властолюбивая, она и слышать не хотѣла о замужествѣ. Возвращеніе Ивана Петровича ей пришлось не по нутру; пока княжна Кубенская держала его у себя, она надѣялась получить по крайней мѣрѣ половину отцовскаго имѣнія: она и по скупости вышла въ бабу. Сверхъ того Глафира завидовала брату; онъ такъ былъ образованъ, такъ хорошо говорилъ по-французски, съ парижскимъ выговоромъ, а она едва умѣла сказать: бонжуръ, да команъ ву порте ву? Правда, родители ея по-французски вовсе не разумѣли, — да отъ этого ей не было легче. — Иванъ Петровичъ не зналъ куда дѣться отъ тоски и скуки; невступно годъ провелъ онъ въ деревнѣ, да и тотъ показался ему за десять лѣтъ. Только съ матерью своею онъ и отводилъ душу, и по цѣлымъ часамъ саживалъ въ ея низкихъ покояхъ, слушая незатѣйливую болтовню доброй женщины и наѣдаясь вареньемъ».

На сколько этотъ типъ изъ предшествовавшего поколѣнія необходимъ для освѣщенія фигуры Федора Лаврецькаго — очевидно. Здѣсь сопоставлены двѣ эпохи въ ихъ существенныхъ отличіяхъ: развитія чисто-внѣшняго и развитія внутренняго.

Особенно-замѣчательно еще то, что типъ Ивана Петровича напоминаетъ типъ Василья Лучинова — но уже отношеніе автора къ этому типу совершенно измѣнилось. Изъ трагическаго оно перешло почти-что въ комическое.

Когда Иванъ Петровичъ связался съ дѣвкой Маланьей, вѣсть объ этомъ скоро дошла до Петра Андреича.

«Въ другое время онъ, вѣроятно, не обратилъ бы вниманія на такое маловажное дѣло; но онъ давно злился на сына и обрадовался случаю пристыдить петербургскаго мудреца и франта. Поднялся гвалтъ, крикъ и гамъ; Маланью заперли въ чуланъ; Ивана Петровича потребовали къ родителю. Анна Павловна тоже прибѣжала на шумъ. Она попыталась было укротить мужа, но Петръ Андреичъ уже ничего не слушалъ. Ястребомъ напустился онъ на сына, упрекалъ его въ безнравственности, въ безбожїи, въ притворствѣ; кстати выместилъ на немъ всю накопившую досаду противъ княжны Кубенской, осыпалъ его обидными словами. Сначала Иванъ Петровичъ молчалъ и крѣпился, но когда отецъ вздумалъ грозить ему постыднымъ наказаньемъ, онъ не вытерпѣлъ. «Изувѣръ Дидеротъ опять на сценѣ, — подумалъ онъ, — такъ пушу же я его въ дѣло, постойте; я васъ всѣхъ удивлю». И тутъ-же спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, хоть съ внутренней дрожью во всѣхъ членахъ, Иванъ Петровичъ объявилъ отцу, что онъ напрасно укорялъ его въ безнравственности; что хотя онъ не намѣренъ оправдывать свою вину, но готовъ ее исправить, и тѣмъ охотнѣе, что чувствуетъ себя выше всякихъ предразсудковъ, а именно — готовъ жениться на Маланьѣ. Прозвнеся эти слова, Иванъ Петровичъ, безспорно, достигъ своей цѣли; онъ до того изумилъ Петра Андреича, что тотъ глаза вытаращилъ и онѣмѣлъ на мгновенье; но тотчасъ же опомнился, и какъ былъ въ тулупчикѣ на бѣличьемъ мѣху и въ башмакахъ на босу ногу, такъ и бросился съ кулаками на Ивана Петровича, который какъ нарочно въ тотъ день причесался *à la Titus* и надѣлъ новый англійскій синій фракъ, сапоги съ кисточками и щегольскіе лосиные панталоны въ обтяжку. Анна Павловна закричала благимъ матомъ и закрыла лицо руками, а сынъ ея побѣжалъ, побѣжалъ черезъ весь домъ, выскочилъ на дворъ, бросился въ огородъ, въ садъ, черезъ садъ вылетѣлъ на дорогу, и все бѣжалъ безъ оглядки, пока наконецъ пересталъ слышать за собою тяжелый топотъ отцовскихъ шаговъ и его усиленные, прерывистые крики. Стой мошенникъ! вопилъ онъ, — стой! прокляну! — Иванъ Петровичъ сирятался у сосѣдняго однодворца, а Петръ Андреичъ вернулся домой весь изнеможен-

ный, въ поту, объявилъ едва переводя дыханіе, что лишаетъ сына благословенія, *приказалъ сжечь все его дурацкія книги*, а дѣвку Маланью немедленно сослать въ дальнюю деревню».

Если вы хорошо помните сцену съ отцемъ Василя Лучинова — эту великолѣпную, до трагизма возвышающуюся сцену — вы, вѣроятно, соглашаетесь со мною и въ великомъ сходствѣ этихъ двухъ сценъ и въ различіи отношенія къ нимъ Тургенева. Но — на новую манеру изображенія вовсе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на покаяніе поэта въ прежней. «Изувѣръ Дидеротъ», *англише* подѣйствовавшій на Ивана Петровича, — вѣлся въ Василя Лучинова до мозга костей, потому-что природа послѣдняго — исключительнѣе и богаче — вотъ и вся разница. Иванъ Петровичъ и Василій Лучиновъ — двѣ разныя стороны одного и того-же типа, какъ Чацкій и Репетиловъ, напримѣръ, въ отношеніи къ людямъ эпохи двадцатыхъ годовъ — двѣ разныя стороны типа. Ни больше, ни меньше. Какъ въ «Трехъ портретахъ» — манера изображенія — истинная, — такъ и въ вышеприведенномъ мѣизъ «Дворянскаго гнѣзда» манера изображенія истинная, а вовсе не покаятельная.

XXIV.

Федоръ Лаврецкій — герой «Дворянскаго гнѣзда» — и отецъ его, Иванъ Петровичъ оба разрознились, раздѣлились съ окружавшею ихъ дѣйствительностью — но огромная бездна лежитъ между ними. Иванъ Петровичъ, усвоившій себѣ внѣшнимъ образомъ ученіе «изувѣра Дидерота» такъ и остается на цѣлую жизнь холоднымъ, отрѣшившимся отъ связи съ жизнью — да отрѣшившимся не въ слѣдствіе какого либо убѣжденія, а по привычкѣ и по эгоистической прихоти методистомъ.

Анализъ жизни этого типичскаго лица по истинѣ глубоко у Тургенева. Поразительная правдивость анализа высказывается въ особенности въ двухъ мѣстахъ. Когда послѣ ссоры съ отцемъ и послѣ брака своего съ Маланьей, Иванъ Петровичъ уѣхалъ въ Петербургъ, онъ, по словамъ автора «отправился съ легкимъ сердцемъ. Неизвѣстная будущность его ожидала; бѣдность быть можетъ, грозила ему, *но онъ разстался съ ненавистной ему жизнию*, а главное — не выдалъ своихъ наставниковъ, дѣйствительно пустилъ въ ходъ и оправдалъ на дѣлѣ Руссо, Дидерота «*La Declaration des droits de l'homme. Чувство совершеннаго долга, торжество, чувство гордости наполняло его душу...*»

Замѣтка истинно — художническая, безпристрастіе истиннаго поэта!... Вѣдь онъ тоже не совсѣмъ изъ дюжинныхъ, этотъ Иванъ Петровичъ: кряжевая, крѣпкая натура отца и дѣда въ немъ такъ сидитъ, только она обернулась въ другую сторону... Съ другой стороны, — двѣнадцатый годъ вызываетъ его изъ за границы — черта, исторически вѣрная въ отношеніи къ людямъ той эпохи...» Увидавшись въ первый разъ послѣ шестилѣтней эпохи, отецъ съ сыномъ обнялись и даже словомъ не помлнули о прежнихъ раздорахъ «не до того было тогда: вся Россія поднималась на врага — и оба они почувствовали, что Русская кровь течетъ въ ихъ жилахъ...» Это въ высочайшей степени вѣрно исторически и правдиво художественно. Личность у насъ всегда и во всѣ эпохи удивительно способна расти съ событіями — хотя къ сожалѣнію такъ же легко и сокрушается подъ гнетомъ событий — и разъ сокрушившись, начинаетъ идти съ горы — да какъ еще: — не успѣешь оглянуться — она уже на крайней степени паденія... Такъ было по крайней мѣрѣ до конца той эпохи, которой типически обыкновеннымъ представителемъ является отецъ Федора Лаврецаго. Я говорю типически обыкновеннымъ — ибо за что же обижать верхи всякой эпохи? Василий Лучиновъ, разбитый параличемъ, но умирающій сурово и гордо, Владиміръ Дубровскій повершающій трагически, — старикъ Алексѣй Ивановичъ, братъ сенатора, до конца выдерживающій по убѣжденію свой холодный методизмъ — вотъ верхи эпохи, души въ которыя ученіе «изувѣра Дидерота» или Бентама проникало глубоко — да за то вѣдь и дѣтьми ихъ, если таковыя у нихъ были, — были не Лаврецкіе, а Печорины и Бельтовы... Иванъ же Петровичъ непременно долженъ былъ кончить такъ, какъ кончаетъ онъ у Тургенева и мастерски ведетъ его авторъ къ этому обычному концу.

«Иванъ Петровичъ, говоритъ онъ, вернулся въ Россію англomanомъ. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртукъ съ множествомъ воротничковъ, кислое выраженіе лица, что-то рѣзкое и вмѣстѣ равнодушное въ обращеніи, произношеніе сквозь зубы, деревянный внезапный хохотъ, отсутствіе улыбки, исключительно политическій и политико-экономическій разговоръ, страсть къ кровавымъ ростбифамъ и портвейну — все въ немъ такъ и вѣяло Великобританіей, — весь онъ казался пропитанъ ея духомъ. Но — чудное дѣло! превратившись въ англomана, Иванъ Петровичъ сталъ въ то же время патріотомъ, — по крайней мѣрѣ онъ называлъ себя патріотомъ, хотя Россію зналъ плохо, не придерживался ни

одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно: въ обыкновенной бесѣдѣ рѣчь его, неповоротливая и вялая, вся пестрѣла галлицизмами; *но чуть разговоръ касался предметовъ важныхъ, — у Ивана Петровича тотчасъ являлись выраженія въ родѣ: «оказать новые опыты самоусердія»; «сіе не согласуется съ самою натурою обстоятельства».* Иванъ Петровичъ привезъ съ собою нѣсколько рукописныхъ плановъ, касавшихся до устройства и улучшения государства; онъ очень былъ недоволенъ всѣмъ, что видѣлъ, — отсутствіе системы въ особенности возбуждало его жолчь. При свиданіи съ сестрою онъ съ первыхъ же словъ объявилъ ей, что онъ намѣренъ ввести коренныя преобразованія, что впредь у него все будетъ идти по новой системѣ. Глафира Петровна ничего не отвѣчала Ивану Петровичу, только зубы стиснула и подумала: «Куда же я-то дѣнусь?» — Впрочемъ, пріѣхавши въ деревню вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, она скоро успокоилась. — *Въ домъ точно произошли нѣкоторыя перемѣны: приживальщички и тунеядцы подосерлись немедленному изгнанію; въ числѣ ихъ пострадали двѣ старухи, одна — слѣпая, другая — разбитая параличемъ, да еще дряхлый маторъ очаковскихъ временъ, котораго, по причинѣ его дѣйствительно-замычательной жадности, кормили однимъ чернымъ хлѣбомъ да чечевицей.* Также вышелъ приказъ не принимать прежнихъ гостей: всѣхъ ихъ замѣнилъ дальній сосѣдъ, какой-то бѣлокурый золотушный баронъ, очень хорошо воспитанный и очень глупый человекъ. Появились новыя мѣбели изъ Москвы; завѣли плевальницы, колокольчики, умывальныя столики; завтракъ сталъ иначе подаваться; иностранныя вина изгнали водки и наливки; людямъ пошили новыя лифвы; къ фамильному гербу прибавилась подпись: «in recto virtus»... Въ сущности же власть Глафиры нисколько не уменьшилась; всѣ выдачи, покупки по прежнему отъ нея зависѣли; вывезенный изъ-за границы камердинеръ изъ эльзасцевъ попытался-было съ нею потягаться, — и лишился мѣста, несмотря на то, что баринъ ему покровительствовалъ. Что же касается до хозяйства, до управленія имѣніями (Глафира Петровна входила и въ эти дѣла) то, несмотря на неоднократно выраженное Иваномъ Петровичемъ намѣреніе: вдохнуть новую жизнь въ этотъ хаосъ, — все осталось по старому, — *только оброкъ кой-идь прибавился; да барщина стала потяжельнѣе, да мужикамъ запретили обращаться прямо къ Ивану Петровичу.* Патріотъ очень ужъ презиралъ своихъ согражданъ. Система Ивана Петровича въ полной силѣ своей примѣнена была только къ Федѣ: воспитаніе его дѣйствительно подверглось «коренному преобразованію», — отецъ исключительно занялся имъ».

Такова реформаторская дѣятельность Ивана Петровича. Пропуская, какъ эта реформаторская дѣятельность обращается на воспитаніе Федѣ, я переношусь прямо къ перелому совершающемуся въ этой натурѣ. «Насталъ, говоритъ авторъ, 1825 годъ и «много принесъ съ собою горя. Иванъ Петровичъ успѣшилъ

«удалиться въ деревню и заперся въ своемъ домѣ. Прошелъ «еще годъ и Иванъ Петровичъ вдругъ захлѣлъ, ослабѣлъ опустился: здоровье ему измѣнилось. Вольнодумецъ началъ ходить «въ церковь и заказывать молебны; европейецъ сталъ париться «въ банѣ, обѣдать въ два часа, ложиться въ девять, засыпать «подъ болтовню стараго дворецкаго; государственный человѣкъ «сжегъ всѣ свои планы, всю переписку, трепеталъ передъ губернаторомъ и егосилъ передъ исправникомъ; человѣкъ съ закаленной волей хныкалъ и жаловался, когда у него вскакивалъ «вередь, когда ему подавали тарелку холоднаго супа...»

Увы! это не повѣсть съ подробностями, нарочно придуманными для того, чтобы въ концѣ ея можно было воскликнуть: «И вотъ что можетъ дѣлаться изъ человѣка!» — это нагая, безпощадная, да вдобавокъ еще историческая правда. Вспомните, какъ умиралъ одинъ изъ передовыхъ людей своей эпохи Фонт-Визинъ, какъ умирали многіе изъ такъ называемыхъ вольнодумцевъ и учениковъ «изувѣра Дидерота.»

Смерть Ивана Петровича — такая же типическая, въ смыслѣ типически-обыкновеннаго какъ и вся жизнь его, какъ и переломъ съ нимъ совершившійся, — именно съ нимъ, а не въ немъ, ибо въ немъ собственно ничего не совершалось.

«Не довѣряя искусству русскихъ врачей, онъ сталъ хлопотать о позволеніи отправиться за границу. Ему отказали. Тогда онъ взялъ съ собою сына и цѣлыхъ три года проскитался по Россіи отъ одного доктора къ другому, безпрестанно переѣзжая, изъ города въ городъ и приводя въ отчаянье врачей, сына, прислугу своимъ малодушіемъ и нетерпѣніемъ. Совершенною тряпкой, плаксивымъ и капризнымъ ребенкомъ воротился онъ въ Лаврики. Наступили горькіе денѣчки, натерпѣлись отъ него всѣ. Иванъ Петровичъ утихалъ только, пока обѣдалъ; никогда онъ такъ жадно и такъ много не ѣлъ; все остальное время онъ ни себѣ, ни кому не давалъ покоя. Онъ молился, ропталъ на судьбу, бранилъ себя, бранилъ политику, свою систему, бранилъ все, чѣмъ хвастался и кичился, все, что ставилъ нѣкогда сыну въ образецъ; твердилъ, что ни во что не вѣрить, — и молился снова; не выносилъ ни одного мгновенья одиночества и требовалъ отъ своихъ домашнихъ, чтобы они постоянно, днемъ и ночью сидѣли возлѣ его креселъ и занимали его разказами, которые онъ то и дѣло прерывалъ восклицаніями: вы все врете, — экая чепуха!»

«Особенно доставалось Глафирѣ Петровнѣ; онъ рѣшительно не могъ обойтись безъ нея; и она до конца исполняла всѣ прихоти больнаго, хотя иногда не тотчасъ рѣшалась отвѣчать ему, чтобы звукомъ голоса не выдать душившей ее злобы. Такъ про-

скригѣлъ онъ еще два года и умеръ, въ первыхъ числахъ мая, вынесенный на балконъ, на солнце. «Глаша, Глашка! бульонцу бульонцу, старая дур...» пролетала его коснѣющей язякъ и, не договоривъ послѣдняго слова умолкъ навѣки. Глафира Петровна, которая только-что выхватила чашку бульону изъ рукъ дворецкаго, остановилась, посмотрѣла брату въ лицо, медленно, широко перекрестилась и удалилась молча; а тутъ же находившійся сынъ тоже ничего не сказалъ, оперся на перила балкона и долго глядѣлъ въ садъ, весь благовонный и зеленый, весь блестящій въ лучахъ золотого весеняго солнца, ему было двадцать-три года; какъ страшно, какъ не замѣтно скоро пронеслись эти двадцать-три года!... Жизнь открывалась передъ нимъ.»

Таковъ — отецъ Лаврецаго, представитель обыкновенныхъ образованныхъ людей, предшествовавшей двадцатымъ годамъ эпохи XIX вѣка, эпохи которой корни не въ XIX а въ XVIII вѣкѣ.

Равнодушіе, если не озлобленіе, должны были мы всѣ, дѣти XIX вѣка, чувствовать первоначально къ XVIII-му вѣку, являвшемуся намъ, всѣмъ болѣе или менѣе, въ подобныхъ представителяхъ.... Хорошо художнику и его читателямъ, относиться къ подобнымъ личностямъ какъ къ типамъ, — но кто, какъ Федоръ Лаврецкій, вынесъ на себѣ всю тяжесть зависимости, отъ подобнаго типа въ жизни, — тотъ по освобожденіи изъ-подъ гнета, законно могъ почувствовать, что жизнь передъ нимъ открывается.

Вѣдь это типъ не простой, а типъ реформаторскій. Вѣдь онъ ломаетъ жизнь по своему личному капризу, гдѣ только можетъ, — вѣдь онъ своимъ, безтолковыми реформаторскими замашками, и оскорбляетъ и, — когда эти реформаторскія замашки оказываются мыльными пузырями, — возбуждаетъ къ себѣ невольное презрѣніе. Вѣдь когда переломъ совершился съ Иваномъ Петровичемъ — «сыну его уже пошелъ девятнадцатый годъ, и онъ начиналъ размышлять и высвободиться изъ-подъ гнета давившей его руки; онъ и прежде замѣчалъ разладицу между словами и дѣлами отца, между его широкими либеральными теоріями, и чорствымъ, мелкимъ деспотизмомъ; но онъ не ожидалъ такого крутаго перелома. Застарѣлый эгоистъ, вдругъ выказался весь»...

Естественно, что въ душѣ его глубоко должна была залечь любовь къ тому именно, что ломалъ, или пускался ломать его отецъ — естественно, что онъ, человѣкъ страстный, впечатлительный и вмѣстѣ мягкій останется на всю жизнь романтикомъ т. е. человѣкомъ волненія, сумерекъ, переходной эпохи.

Когда Иванъ Петровичъ принялся за его воспитаніе, онъ

уже не былъ то, что называется *et tabula rasa* — онъ уже напился воздухомъ, окружавшаго его быта подь деспотическимъ, но все-таки менѣе дающимъ вліяніемъ «колотовки» Глафиры Петровны.

«Въ обществѣ этой наставницы, тетки, да старой сѣнной дѣвушки, Васильевны, провелъ Федя цѣлыхъ четыре года. *Бывало, сидитъ онъ въ уюлку съ своими «Эмблемами» — сидитъ, сидитъ; въ низкой комнатѣ пахнетъ гераніумомъ, тускло горитъ одна сальная свѣча, сверлокъ трещитъ однообразно, словно сучаетъ, маленькіе стѣнные часы торопливо чикаютъ на стѣнѣ, мышь украдкой скребется и прызаетъ за обоями, — а три старыя дѣвы, словно Парки, молча и быстро шевелятъ спицами, тѣни отъ рукъ ихъ то бѣгаютъ, то странно дрожатъ въ полутьмѣ, — и странныя, также полутемныя мысли роятся въ головѣ ребенка. Никто бы не назвалъ Федю интереснымъ дитятей; онъ былъ довольно блѣденъ, но толстъ, нескладно сложенъ и неловокъ, — настоящій мужикъ, по выраженію Глафиры Петровны; блѣдность скоро бы исчезла съ его лица, еслибъ его почаще выпускали на воздухъ. Учился онъ порядочно, хотя часто лѣнился; онъ никогда не плакалъ; за то по временамъ находило на него дикое упрямство; тогда уже никто не могъ съ нимъ сладить. Федя не любилъ никого изъ окружавшихъ его... Горе сердцу не любившему съ молоду!»*

Когда уже есть подобныя заложенія въ натурѣ, — то никакая система воспитанія, не истребитъ ихъ. А система воспитанія приложена была притомъ совсѣмъ противоположная натурѣ ребенка:

«Такимъ-то нашелъ его Иванъ Петровичъ и, не теряя времени, принялся примѣнять къ нему свою систему. — Я изъ него хочу сдѣлать человѣка прежде всего, *un homme*, сказалъ онъ Глафирѣ Петровнѣ, — и не только человѣка, но спартанца. — Исполненіе своего намѣренія Иванъ Петровичъ началъ съ того, что одѣлъ сына по-шотландски; двѣнадцатилѣтній мальишъ сталъ ходить съ обнаженными икрами и съ пѣтушьимъ перомъ на складномъ картузѣ; шведку замѣнилъ молодой швейцарецъ, изучившій всѣ тонкости гимнастики; музыку, какъ занятіе недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совѣту Жанъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ, — вотъ чѣмъ долженъ былъ заниматься будущій «человѣкъ»; его будили въ четыре часа утра, тотчасъ оканивали холодной водой и заставляли бѣгать вокругъ столба на веревкѣ; бѣлъ онъ разъ въ день, по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета, при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія; а Иванъ Петровичъ со своей стороны писалъ ему на-

ставленія по французски, въ которыхъ онъ называлъ его *mon fils* и говорилъ ему *vous*. По-русски Одея говорилъ отцу: ты, но въ его присутствіи не смѣлъ садиться. «Система» сбита съ толку мальчика, поселила путаницу въ его голову, притиснула ее; но за то на его здоровье новый образъ жизни благотѣтельно подействовалъ: сначала онъ схватилъ горячку, но вскорѣ справился и сталъ молодцомъ. Отецъ гордился имъ и называлъ его на своемъ странномъ нарѣчьи: сынъ природы, произведеніе мое. Когда Оедѣ минулъ шестнадцатый годъ, Иванъ Петровичъ почелъ за долгъ заблаговременно поселить въ него презрѣніе къ женскому полу, — и молодой спартанецъ, съ робостью на душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силъ и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ.»

Результатовъ система чисто внѣшняя могла добиться только внѣшнихъ, да и то на время... Въ гнетѣ «колотовки», была своего рода поэзія, въ гнетѣ Ивана Петровича никакой, — и когда умираетъ Иванъ Петровичъ, *жизнь открывается впервые передъ Лаврецькимъ!*

XXV.

Спартанская система воспитанія, какъ всякая теорія нисколько не приготовила Лаврецькаго къ жизни... Лучшее, что дала ему жизнь, было сознаніе недостатковъ воспитанія. Превосходно характеризуетъ Тургеневъ умственное, и нравственное состояніе своего героя, въ эту эпоху его развитія. «Въ послѣднія пять лѣтъ,» — говоритъ онъ о Лаврецькомъ, «онъ много прочелъ и кое-что увидѣлъ; много мыслей перебродило въ его головѣ; любой профессоръ позавидовалъ бы нѣкоторымъ его познаніямъ, но въ то же время, онъ не зналъ *многого*, что каждому гимназисту давнымъ давно извѣстно. Лаврецькій сознавалъ, что онъ не свободенъ, онъ втайнѣ сознавалъ себя чудакомъ.» Опять вѣрная, художественно и въ высочайшей степени, вѣрная же исторически черта, характеризующая множество людей, послѣ Пушкинской эпохи. Это уже не та эпоха, когда

... учились по немногу,
Чему нибудь и какъ нибудь.

Нѣтъ — это эпоха серьезныхъ знаній съ огромными пробѣлами, знаній приобретенныхъ большею частію саморазвитіемъ, самомышленіемъ — эпоха Бѣлинскихъ, Кольцовыхъ и многихъ, весьма многихъ изъ насъ, если не всѣхъ поголовно...

Особенность Лаврецькаго въ томъ еще, что надъ нимъ тяготѣетъ совершенно уродливое воспитаніе.

«Недобрую шутку сыгралъ англоманъ съ своимъ сыномъ; капризное воспитаніе, принесло свои плоды. Долгіе годы онъ безотчетно смирялся передъ отцемъ своимъ; когда же наконецъ онъ разгадавъ его, дѣло уже было сдѣлано, привычка вкоренилась; онъ не умѣлъ сходиться съ людьми двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, съ неукротимой жаждой любви въ пристыженномъ сердцѣ, онъ еще ни одной женщинѣ не смѣлъ взглянуть въ глаза. При его умѣ ясномъ и здоровомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его склонности къ *упрямству, созерцанію и лжи*, ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искусственномъ уединеніи»...

Не одна теоретически-спартанская система воспитанія можетъ произвести подобный результатъ... Всякій гнетъ, всякій деспотизмъ произвелъ бы подобный же, съ другими можетъ быть отѣнками — но подобный же. Я разумью впрочемъ гнетъ деспотизма домашняго, а не общественнаго воспитанія: послѣдній производитъ другіе, столь же горькіе, но совершенно другіе результаты.

Дѣло въ томъ только, что Лаврецкій вступая въ жизнь съ жаждою жить, лишень всякаго пониманія жизни, всякихъ средствъ прямаго сближенія съ жизнью; и что онъ долженъ непремѣнно разбиться при столкновеніи съ жизнью.

Съ поразительною логичностью, — вовсе не имѣя въ виду заданной напередъ темы, ведетъ художникъ создаваемый имъ характеръ...

Жажда любви томитъ Лаврецкаго, — но дѣло въ томъ, — чего къ сожалѣнію не развитъ и не досказалъ Тургеневъ, — дѣло въ томъ, что самая жажда любви носитъ у Лаврецкаго характеръ любви той эпохи, къ которой онъ принадлежитъ. Предметъ любви Тургеневъ указалъ своему Лаврецкому совершенно вѣрно, но мало остановился на причинахъ любви. Лаврецкій *долженъ* былъ необходимо влюбиться въ Варвару Павловну, о которой энтузіастъ — Михалевичъ выражается такъ. «Это, братъ ты мой — эта дѣвушка изумительное, гениальное существо, артистка въ настоящемъ смыслѣ слова, и притомъ предобрая»... Но *почему* — жажда любви у него устремилась не на первую хорошенькую женщину, хоть бы она была горничная, а непремѣнно на исключительную, по крайней мѣрѣ, на кажущуюся исключительною женскую личность, и личность только развитую, — почему первое чувство любви есть у Лаврецкаго нѣкоторымъ образомъ *сдѣланное*, искусственное, подготовленное мечтами объ идеалѣ — не показано —

хотя изъ намека, что появленіе Михалевича подгѣ этой женщины показалось Лаврецкому «знаменательно и странно»; пзъ этого намека очевидно, что передъ авторомъ носилась *типическая* любовь людей эпохи, которой Лаврецкій является представителемъ...

Вообще вся эпоха саморазвитія Лаврецкаго очерчена только вѣрно въ своихъ основахъ, но не художественно-полно, набросана, видимо, нѣ-скоро. Самыя главы, въ которыхъ разсказывается эта эпоха и завязывается трагическій узелъ, судьба Лаврецкаго, странно коротки въ сравненіи съ другими главами.

Самое лице Варвары Павловны, глубоко понятое, и по возвращеніи ея изъ заграницы, очерченное рельефно—здѣсь только набросано. Вслѣдствія такой наброски въ ея личности есть явныя противорѣчія.

Вспомните, какою она является на первый разъ:

«Ноги подкашивались у спартанца, когда Михалевичь ввелъ его въ довольно плохо убранную гостинную Коробиныхъ и представилъ хозяевамъ. Но овладѣвшее имъ чувство робости скоро исчезло: въ генералѣ врожденное всѣмъ русскимъ добродушіе еще усугублялось тою особеннаго рода привѣтливостью, которая свойственна всѣмъ, немного замараннымъ людямъ; генеральша какъ-то скоро стушеввалось; — что же касается до Варвары Павловны, то она была такъ спокойна и самоувѣренно-ласкова, что всякій въ ея присутствіи тотчасъ чувствовалъ себя какъ бы дома; притомъ отъ всего ея плѣнительнаго тѣла, отъ улыбающихся глазъ, отъ невинно-покатыхъ плечей и блѣдно-розовыхъ рукъ, отъ легкой и въ тоже время какъ бы усталой походки, отъ самаго звука ея голоса, замедленнаго, сладкаго, — вѣяло неувимой, какъ тонкій запахъ — вкрадчивой, прелестью, мягкой, пока еще стыдливой, нѣгой, чѣмъ-то такимъ, что словами передать трудно, но что трогало и возбуждало, — и уже, конечно, возбуждало не робость. *Лаврецкій навелъ рѣчь на театръ, на вчерашнее представленіе; она тотчасъ сама заговорила о Мюцкловъ и не ограничилась одними восклицаніями и вздохами, но произнесла нѣсколько вѣрныхъ и женски-проницательныхъ замчаній на счетъ его игры.* Михалевичь у помянулъ о музыкѣ; она, не чинясь, сѣла за фортепьяно и отчетливо съиграла нѣсколько шопеновскихъ мазурокъ, тогда только что входившихъ въ моду.

Сличите это съ изображеніемъ Варвары Павловны по возвращеніи ея изъ заграницы... Въ бесѣдѣ съ Паншиннымъ: «Варвара Павловна показала себя большой философкой — на все у нея являлся готовый отвѣтъ; она ни надъ чѣмъ не колебалась, не сомнѣвалась ни въ чемъ; замѣтно было, что она много и часто бесѣдовала съ умными людьми разныхъ разборовъ. Всѣ ея мысли, чувства вращались около Парижа. Паншинъ повелъ

разговоръ на литературу, — оказалось, что она также какъ и онъ читала однь французскія книжки: Жоржъ-Сандъ приводилъ ея въ неодованіе, Бальзака она уважала, хотя онъ ея утомлялъ, въ Сю и Скрибль видѣла великихъ сердцеядовъ, обожала Дюма и Февалля; въ душѣ она имъ всѣмъ предпочитала Поль-де-Кока, хотя даже имени его не упоминала.»

Тутъ очевидное противорѣчіе съ прежній Варварой Павловной, сочувствующей Мочалову, артисткой по натурѣ.

Вообще изображеніе Варвары Павловны страдаетъ тѣми же недостатками противъ художественной правды, какъ изображеніе Паншина. Какъ къ Паншину больше бы шло внѣшнее пониманіе Бетховена, такъ къ Варварѣ Павловнѣ внѣшнее пониманіе Ж. Санда. Образъ вышелъ бы менѣе рѣзкій, но за то несравненно болѣе правдивый.

XXVI.

Рѣзкость или лучше сказать недодѣланность художественнаго представленія типа Варвары Павловны, есть впрочемъ рѣзкость только по отношенію къ Тургеневу, ибо, сравните Варвару Павловну хоть напримѣръ съ барыней, выведенной въ повѣсти г. Крестовскаго: «Фразы» — Варвара Павловна выиграетъ на сто процентовъ относительной мягкостью изображенія.

Дѣло только въ томъ, что Варвара Павловна какъ и Паншинъ — лица не центральныя, даже не самостоятельныя, не картины, а отгѣняющія: одинъ Лаврецкаго, другая Ольгу. Дѣло все въ Лаврецкомъ и въ Ольгѣ — узелъ драмы въ ихъ отношеніяхъ. Смыслъ этихъ отношеній слишкомъ ясенъ, чтобы о немъ надобно было толковать долго. Человѣкъ жившій долго мечтательными, сдѣланными идеалами, разбившійся на этихъ идеалахъ, встрѣчаетъ, но поздно, въ своей бытовой дѣйствительности простую, цѣльную, цѣломудренною женскую натуру, всю изъ покорности долгу, изъ глубокихъ сердечныхъ вѣрованій, женской преданности, изъ самопожертвованія, простирающагося до всего кромѣ забвенія долга.... Женщина съ мечтательнымъ, сосредоточеннымъ и затаенно-страстнымъ характеромъ встрѣчаетъ человѣка простаго и цѣломудреннаго по натурѣ, но пережившаго много; пугающаго ея пережитою имъ жизнію, въ которой сокрушилось у него множество вѣрованій и влекущаго ее къ себѣ неотразимо. Влечетъ ее къ нему и сожалѣніе къ нему и непосредственно простое пониманіе его простаго благородства.... Драма ихъ ведена

съ такимъ высокимъ художническимъ искусствомъ, съ такою глубиною анализа, съ такою сердечностью — какимъ до сихъ поръ не было примѣра... Слѣдить за этою драмою во всѣхъ ея явленіяхъ значило бы рассказывать содержаніе «Дворянскаго гнѣзда», всѣмъ давно извѣстное, всѣми чувствующими людьми давно перечувствованное — да было бы и въ моей задачи — задачи истолкованія типовъ, являющихся вообще въ дѣятельности Тургенева и въ послѣднемъ произведеніи его въ особенности.

Кончаю поэтому мои длинныя рапсодіи по поводу Тургенева и «Дворянскаго гнѣзда» анализомъ типа Лизы. Въ отношеніи къ самой драмѣ выскажу только два замѣчанія, 1) относительно Лемма уже мной высказанное: что Леммъ видимо придѣланъ къ драмѣ для того только, чтобы выразалось поэтически лирическое настроеніе Лаврецкаго въ пныя минуты и 2) высказанное мною самому поэту тотчасъ же по прочтеніи «Дворянскаго гнѣзда»: это-то, что онъ слишкомъ поторопился ложнымъ извѣстіемъ о смерти жены Лаврецкаго — недостаточно затянулъ, завлекъ Лаврецкаго и Лизу въ психически-безвыходное положеніе. Недостатокъ силы, энергій въ манерѣ — результатъ женственно мягкой впечатлительности Тургеневскаго творчества сказался и здѣсь, какъ повсюду.

Обращаясь къ типу Лизы, я прежде всего скажу о важности и значеніи этого типа въ нашей современной жизни.

Русскій идеалъ женщины до сихъ поръ, увы! выразился вполне только въ Татьянѣ, да кажется дальше этихъ граней пока и не пойдетъ.

Прежде всего, гдѣ и у кого, кромѣ Пушкина явилась русская женщина, т. е. руская-идеальная женщина?... Положительно нигдѣ. Княгиня Мери Лермонтова — экзотическое растеніе; прелестный образъ мелькающій у него въ сказкѣ для дѣтей — эта «маленькая Нина» — съ одной стороны высокопоэтическій капризъ, съ другой выраженіе трагическаго протеста: — женщина которая

ускользнетъ какъ змѣя,

Вспорхнетъ и умчится какъ птичка

столь ясная въ лирическомъ стихотвореніи его — тоже капризъ великой поэтической личности, а не идеалъ общій, объективный.

Гоголь не создалъ ни одного женскаго идеала, а принялся было создавать — вышла чудовищная Улинька. Островскій тоньше и глубже всѣхъ подмѣтилъ нѣкоторыя особенности русскаго идеала женщины и въ своей Любви Гардѣвичъ и въ своей Грушѣ — но это только черты, намеки мастерскіе, тонкіе, прелест-

ные, но все таки намеки и очерки. Въ самомъ полномъ женскомъ лицѣ своемъ въ Марьѣ Андреевнѣ — типъ высококомъ по поэтической задачѣ, оригинально задуманномъ и оригинально поставленномъ, но не выразившемся живыми чертами, живою рѣчью — отразилась опять образъ Татьяны. Передъ Толстымъ, въ его «Двухъ гусарахъ» — во второй половинѣ этого этюда, мелькаетъ прелестный, самобытный, объективно-идеальный женскій образъ, да такъ и промелькнудъ этюдой, ничего не сказавши собою. Самые лирики наши въ этомъ отношеніи то причудливо капризничаютъ, какъ Фетъ въ своемъ идеалѣ, созданномъ изъ игры лунныхъ лучей или изъ блестящей пыли снѣговъ, то какъ Полонскій — туманно любятъ «ложь въ видѣ женщины милой», то какъ Майковъ — рисуютъ по какой-то обязанности идеалы пластическіе и классическіе, нося искренно въ душѣ совершенно иные, то какъ Некрасовъ, всю силу таланта и всю накинѣвшую горечь души употребляютъ на то, чтобы повторять Лермонтовскую «Сосѣдку.»

А требованіе идеала, требованіе женщины, русской женщины слышно отовсюду. Первое, что заговорили о послѣднемъ романѣ Гончарова его жаркіе поклонники было то, что здѣсь въ этомъ романѣ *первое* послѣ Татьяны является русскій идеалъ женщины. Этому *первое* — нечего удивляться — особенно мнѣ, провозглашавшему нѣкогда о новомъ словѣ по поводу Марьи Андреевны Островскаго. Наши различныя провозглашенія, не смотря на свои смѣшныя стороны — имѣютъ и стороны очень серьезныя. Мы ждемъ отъ нашихъ художниковъ разрѣшенія волнующихъ насъ вопросовъ и исканій: мы жадно хватаемся за всякую попытку художественнаго разрѣшенія — и до сихъ поръ, всѣ разрѣшенія, кромѣ Татьяны, Марьи Андреевны да тургеневской Лизы — оказываются болѣе или менѣе несостоятельными передъ судомъ общаго сознанія.

Гончаровская Ольга... Да сохранить Господь Богъ отъ гончаровской Ольги въ ея зрѣлыхъ, а тѣмъ болѣе почтенныхъ лѣтахъ, самыхъ жаркихъ ея поклонниковъ — вотъ вѣдь все, что скажетъ русскій человѣкъ объ этомъ хитро, умно и граціозно нарисованномъ женскомъ образѣ. Съ одной стороны — она чуть что не Улинька, *подымающая* падшаго Тентенишкова, съ другой холодная и расчетливая разонерка, будущая чиновница — директорша департамента или по крайней мѣрѣ начальница отдѣленія, отъ которой «убѣгомъ уйдешь — въ Сибирь Тобольскій», не то что на Выборскую сторону, гдѣ спасся отъ нея Обломовъ.

У русскаго человѣка есть непобѣдимое отвращеніе къ *подымающимъ* его до вершины своего развитія женщинамъ — да и вообще замѣчено, что таковыхъ любятъ только мальчики, едва скинувшія курточки. Отъ такого идеала непосредственное чувство дѣйствительно прямо повлечетъ къ Агаѣѣ Федосѣевнѣ, которая далеко не идеаль, но въ которой есть нѣсколько чертъ, свойственныхъ нашему идеалу — и явилось бы болѣе, если бы авторъ «Обыкновенной исторіи Обломова» былъ побольше поэтъ, вѣрилъ бы больше своимъ душевнымъ сочувствіямъ, а не сочинялъ бы себѣ изъ этихъ сочувствій какого-то пугала, которое надобно преслѣдовать.

Кого же еще прикажете вспомнить изъ нашихъ женщинъ? Любовь Александровну Круциферскую? Опять не идеаль, а исключительно трагическое положеніе.

Остается положительно только Татьяна Пушкинская съ ея отраженіями. Отраженіями и задачу Марьи Андреевны и художественно-созданный образъ Лизы, называю я конечно не въ смыслѣ копій. На сколько оригинальны и дѣйствительны положенія, въ которыя поставлена Марья Андреевна, и которыя борются за нее гораздо лучше, чѣмъ она сама говоритъ, насколько оригинально лице Лизы — всѣ знаютъ. Но ни Марья Андреевна, ни Лиза нейдутъ дальше того идеала, который самъ поэтъ называлъ:

Татьяны милый идеаль... -

въ который положилъ онъ всѣ сочувствія своей великой души, умѣвшей на все отзываться жарко — и на пластическіе образы и на ту красоту, передъ которой

Ты остановишься неволью,
Благоговѣя богомольно
Передъ спятыней красоты...

и на трагически капризные существованія, которыя совершаютъ свой путь,

Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ...

Дальше его мы пока не пошли, и словомъ о немъ заключаю я разсужденія о поэтѣ нашей эпохи, въ которомъ съ наибольшою полнотою, хотя въ иныхъ, соотвѣтственныхъ нашей эпохѣ формахъ, повторился почти всесторонне его нравственный процессъ.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Московское Обзорѣніе. Книга I — 239 и 34 стран. Книга II — 268 и 35 стран., in 8°. Москва 1859. Въ типографіи Лазар. Инст. Вост. яз.

Мы рѣшаемся говорить объ этомъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательномъ изданіи, въ отдѣлѣ бібліографіи, потому что оно занимаетъ средину, между журналами и книгами, не стѣсняясь срокомъ выхода, и представляя въ каждой книжкѣ своей — судя по двумъ, доселѣ вышедшимъ — отдѣльное цѣлое, связанное съ другимъ цѣлымъ только тѣмъ, что представляетъ одинаково статьи критическія, по разнымъ отраслямъ, да еще — общимъ духомъ или направленіемъ статей.

Прежде всего — мы назвали это изданіе во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ, хотя должны засвидѣтельствовать вмѣстѣ съ тѣмъ фактъ, повидимому говорящій противъ такой значительности. Всѣмъ извѣстно, что Московское обзорѣніе встрѣтило въ публикѣ столь же мало сочувствія, (если еще не меньше), чѣмъ журналъ Атеней.

Не входя до времени въ изслѣдованіе причинъ, по которымъ совершенно палъ Атеней, мы не можемъ, засвидѣтельствовавши фактъ малаго сочувствія публики къ Московскому обзорѣнію, не коснуться, по нашему крайнему разумѣнію, причинъ этого факта.

Содержаніе вышедшихъ доселѣ двухъ книжекъ «Обзорѣнія» не обѣщавшаго и быть ничѣмъ инымъ, какъ критическимъ — такъ разнообразно въ своей спеціальности, что удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ.

Въ первой книжкѣ заключаются слѣдующія статьи: 1) Современное состояніе Русской исторіи, какъ науки. 2) Главнѣйшіе экономическіе вопросы въ русскихъ журналахъ, прошлаго года. 3) Стихотворенія Аполлона Майкова. 4) Aus dem Tagebuche eines Jägers, von Turghenew, 5) Le demon, poëme par Lermontoff, traduit par Jelan d'Angers, 6) Исторія русской словесности Ст. Швырева 7) Исторія искусства въ 1858 г. 8.) Geschichte der Deutschen Kaiserzeit, von Gieselbrecht. 9) Чтеніе въ Московскомъ обществѣ Исторіи и древностей. 10) Исторія царствованія Петра Великаго Устрялова. 11) Die arbeitenden Klassen und das Associations-Wesen in Deutschland, von Schulze-Delitsch. 12) Руководство къ качественному химическому анализу Р. Фрезаниуса, переводъ М. Е. Терехова.

Содержаніе второй книжки не менѣе интересно и современно. 1) О необходимости новаго метода въ наукахъ государственныхъ. 2) Римъ и Іудея. 3) Лирическая поэзія послѣдователей Пушкина: 4) Описательная анатомія Докт. Платонова. 5) Handbuch der systematischen Anatomie des Menschen von Dr. J. Henle. 6) Traité de Physiologie, par J. Lonzet и Lehrbuch der Physiologie von Otto Funke. 7) Тысяча душъ, романъ Писемскаго. 8) Альфредъ де Мюссе. 9) Очеркъ исторіи нѣмецкой литературы О. Шталя. 10) Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, von Peschel. 11) Чтенія, издаваемые Обществомъ исторіи и древностей, т. 3 и 4 за 1858 годъ. 12) Дополнительная замѣтка къ статьѣ о романѣ «Тысяча душъ».

Изъ этого оглавленія двухъ томовъ изданія, которое мы написали съ дипломатическою точностію для очевидности дѣла, можно усмотрѣть, что 1) наше критическое Review, напоминающее или по-крайней-мѣрѣ имѣющее притязаніе напоминать Эдинбургское даже форматомъ и шрифтомъ, старается сколько можетъ слѣдить за литературой художественной и ученой, и притомъ какъ той, такъ и другой отечественной и иностранной, съ явнымъ впрочемъ перевѣсомъ ученой литературы надъ художественной и съ явнымъ же перевѣсомъ литературы иностранной надъ отечественной; 2) что оно, по примѣру Эдинбургскаго обозрѣнія и другихъ критическихъ изданій, старается дѣлать статьи сводныя, разбирающія нѣсколько сочиненій по одному и тому же предмету. 3) Что оно въ первомъ отдѣлѣ своемъ даетъ по возможности и статьи руководящія, разрѣшающія, на основаніи многихъ сочиненій, нѣкоторые общіе вопросы науки, искусства и даже жизни, каковы напримѣръ въ особенности статьи: Совре-

женное состояніе русской исторіи какъ науки, — Главнѣйшіе экономическіе вопросы, въ русскихъ журналахъ 1858 года, — О необходимости новаго метода въ наукахъ государственныхъ — (эта статья въ особенности, принадлежитъ къ числу собственно руководящихъ).

Прибавьте къ этому, что всѣ статьи оригинальныя, а не переводныя, составленныя явнымъ образомъ специалистами, изучавшими вопросы, или знакомыми хорошо съ отдѣлами литературы, къ которымъ принадлежатъ разбираемыя сочиненія. Другой вопросъ правильно ли и самостоятельно ли порѣшаются вопросы и достаточно ли для пониманія предмета, знакомство съ его литературою. Мы беремъ дѣло только съ внѣшней стороны и находимъ ее въ высшей степени удовлетворительною.

Прибавьте еще къ этому, что въ каждой книжкѣ, кромѣ поминovanýchъ статей, находится еще библиографическій указатель, котораго идею и цѣль нельзя не назвать и счастливыми и въ высшей степени полезными. Это — указатель систематическій и возможно полный всего новаго въ наукѣ и литературѣ иностранной; именно: нѣмецкой, французской, англійской, славянской вообще, и русской въ особенности. «Всякому извѣстно, справедливо говоритъ редація, въ своемъ подстрочномъ примѣчаніи къ этому отдѣлу въ первомъ томѣ, «до какой степени въ настоящее время затруднительно слѣдить за постояннымъ и быстрымъ развитіемъ различныхъ отраслей литературы. При мѣстной производительности литературъ иностранныхъ, при отсутствіи у насъ библиографическихъ изданій имъ специально посвященныхъ, многія важныя явленія, не только проходятъ незамѣченными, но даже остаются совершенно неизвѣстными, не только массѣ публики, но даже и людямъ, специально занимающимся наукой. «Еслибы Московское обозрѣніе ограничивалось только двумя первыми своими отдѣлами, то оно, по убѣжденію редакціи, далеко не выполнило бы своего назначенія: оно было бы не въ силахъ «дѣлать отчетъ о всемъ важномъ»... Всѣ требованія и въ этомъ «библиографическомъ указателѣ» выполнены внѣшнимъ образомъ въ высшей степени удовлетворительно; мы встрѣчаемъ не только заглавія, но и отзывы, болѣе или менѣе сжатые, сообразно самому назначенію библиографическаго указателя обо всемъ выходящемъ въ современной ученой, художественной, и даже беллетристической литературѣ...

Невольно поэтому спрашивается себя съ недоумѣніемъ, кто виноватъ въ маломъ успѣхѣ изданія, — само изданіе, или публика,

т. е. публика ли наша читающая не доросла до того, чтобы иметь потребность въ чисто-спеціально-критическомъ изданіи, безъ повѣстей и романовъ, или критическое изданіе не поняло потребностей нашей публики?

Вопросъ очень немаловажный, но чтобы разрѣшить его съ возможной добросовѣстностью, мы должны разсмотрѣть въ подробности двѣ книжки «Обозрѣнія», и потомъ уже приступить къ выводамъ, — что мы и сдѣлаемъ.

Первая изъ руководящихъ и, такъ сказать, свободныхъ статей, которою открывается изданіе, называется «Современное состояніе Русской исторіи» Соловьева. Она составлена съ полнымъ знаніемъ литературы предмета — и, что важнѣе еще, съ опредѣленнымъ, яснымъ и довольно глубокимъ понятіемъ о предметѣ. Статья начинается взглядомъ на современное состояніе науки исторіи вообще. Мы позволимъ себѣ выписать замѣчательное мѣсто, составляющее *profession de foi* статьи, мѣсто, смыслу котораго мы вполне сочувствуемъ:

«Суровый ходъ событій, внимательное изученіе памятниковъ и болѣе широкое развитіе философской мысли дали иное направленіе исторіи. Не будемъ останавливаться на постепенностяхъ перехода, ибо имѣемъ въ виду представить только общую характеристику двухъ различныхъ взглядовъ на изложеніе исторіи. Вотъ почему приступимъ къ современнымъ требованіямъ отъ историка. Первое требованіе отъ него состоитъ въ томъ, чтобы онъ проникся духомъ того народа, исторію котораго онъ пишетъ, показалъ намъ существенныя элементы народнаго характера, и изъ памятниковъ старины, провѣренныхъ современностью, возстановилъ бы живой образъ народа — задача не легкая, мы согласны въ томъ; но, только исполнивъ эту задачу или приближаясь къ ея исполненію, историкъ въ правѣ требовать, чтобы его признавали представителемъ народнаго самопознанія. Изученіе исторіи не есть дѣло простаго любопытства, это дѣло настоятельной потребности; только зная тѣ условія, при которыхъ развивался народъ, въ которыя онъ поставленъ, можно судить о будущемъ этого народа, можно знать, какъ посреди его дѣйствовать. Такое познаніе пріобрѣтается не иначе, какъ долгимъ и внимательнымъ изученіемъ прошедшаго въ связи съ настоящимъ. Макколей сравниваетъ историка, изучившаго только внѣшнюю сторону событій, съ знатнымъ путешественникомъ, видѣвшимъ въ странѣ только общественныя зданія, официальныхъ людей и публичныя церемоніи. Въ одномъ старомъ романѣ читали мы, какъ чванливый баринъ, дѣлавшій все для выставки, велѣлъ построятъ для мужиковъ парадныя пэбы, выдававъ имъ парадныя платья и т. п., а мужики жили гдѣ-то позади двора въ грязныхъ и скверныхъ домахъ. Чтобы мы сказали о путешест-

венникъ, который отсюда заключилъ бы о благодушнѣ помѣщика и благосостояніи крестьянъ. Не толи же самое сужденіе придется произнести объ историкѣ, за великолѣпіемъ декораціи невидящемъ, что она подмалевана, и восхищающемся напр. вѣкомъ Лудовика XIV или блистательными побѣдами Наполеона I. Историкъ истинный идетъ глубже, онъ принимаетъ въ соображеніе всѣ стороны быта, онъ объясняетъ ихъ одну другую и при томъ никогда не теряетъ изъ виду связи каждаго явленія съ явленіями временъ предшествующихъ и послѣдующихъ, ибо корень явленія чаще глубже, чѣмъ предполагаютъ вообще. Многіе ли наприм. до выхода книги Токвиля думали о томъ, что пресловутая французская централизація, которую такъ недавно еще гордились французы, не плодъ великаго переворота конца XVIII вѣка, какъ до сихъ поръ полагали, а созданіе стараго порядка вещей. Такъ глубоко коренятся явленія въ жизни народной, такъ трудно отдѣлаться отъ слѣдствій того, что кажется сметено съ лица земли какимъ-нибудь переворотомъ, но что между тѣмъ придаетъ цвѣтъ и самому перевороту. Вся исторія Франціи послѣдняго времени легко объясняется изъ одного начала, и пока это начало не будетъ устранено, трудно думать о какомъ-нибудь дѣйствительно существенномъ измѣненіи. Но объясняя поворотные пункты въ исторіи какаго-нибудь народа, явленія, если не навсегда, то на долго окрашивающія жизнь его, историкъ обязанъ не упускать изъ виду и тѣхъ явленій, тѣхъ условій, которыя при первомъ появленіи въ жизни народа элементовъ восторжествовавшихъ, встрѣтили ихъ сопротивленіемъ. Быть можетъ въ этихъ явленіяхъ, въ этихъ условіяхъ, побѣжденныхъ и часто задавленныхъ, хранились зачатки иного и, кто знаетъ, худшаго ли будущаго. Нѣтъ ничего хуже историческихъ гаданій, предположеній о томъ, чего не было, но что могло быть. Но справедливое отвращеніе отъ этихъ маниловскихъ мечтаній не даетъ историку права стать въ открыто, или даже и скрыто враждебное отношеніе ко всему, что пало. Воскличаніе: Горе побѣжденнымъ! прилично дикому вождю галловъ, но странно звучитъ въ устахъ историка, хотя бы и облеченное въ болѣе благообразную форму. Уваженіе къ падшему должно насъ заставить съ большимъ вниманіемъ остановиться надъ причинами его гибели, и кто знаетъ, быть можетъ то, что мы считали умершимъ, окажется по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени способнымъ къ жизни. Вообще ученіе о томъ, что всякая побѣда есть право, остатокъ древнихъ *судовъ Божіихъ*, весьма спокойно для человѣка: оно подставляетъ готовое рѣшеніе на задачи, неотвязно требующія отъ насъ разрѣшенія; но согласно ли оно съ величіемъ науки, призванной къ безпристрастному разбору дѣла, это другой вопросъ. Каждое общество вполне достойно того устройства, которое въ немъ существуетъ. Положеніе это считается аксіомою и оно дѣйствительно справедливо въ данный моментъ времени, но можно ли поручиться, что завтра не понадобятся пменно тѣ общественные элементы, которые вчера сданы

за негодностию въ архивъ. Обязанность историка указывать эти элементы, преслѣдовать судьбу ихъ до тѣхъ поръ, пока неизчезаютъ ихъ послѣдніе слѣды. Если слѣды эти теряются только въ настоящемъ, то историкъ никакъ не можетъ зачислить явленіе погибшимъ, извѣстный общественный элементъ переставшимъ существовать. У насъ господствуетъ наприм. мнѣніе, что провинціализма нѣтъ въ Россіи, что Московское государство все сгладило. Это справедливо только до нѣкоторой степени: не говорю уже объ языкѣ, хотя и это признакъ важный, укажу на юмористическія присловія, которыми такъ щедро надѣляетъ жителя одной мѣстности жителя другой, присловія, которыхъ довольно много собрано у г. Сахарова, на существованіе территориальныхъ округовъ, совершенно независимыхъ отъ округовъ административныхъ, округовъ, отличающихся нравами жителей, языкомъ, промыслами и т. д. Такъ Поветлужье Нижегородской губерніи ближе по характеру народонаселенія къ сосѣднему округу Костромской, чѣмъ къ остальной части Макарьевского уѣзда; также части уѣздовъ Горбатовскаго и Муромскаго составляютъ одно цѣлое, жители котораго, отличающіеся нѣскольکو особеннымъ характеромъ, носятъ названіе стародубовъ. А что сказать о Малороссіи, Бѣлороссіи, Сибири. Когда будетъ сдѣлано болѣе полное описаніе Россіи, эти этнографическія особенности, которыхъ конечно много по лицу Русской земли, выскажутся еще рѣзче. Нѣтъ сомнѣнія, что будущій историкъ Россіи обратитъ на нихъ полное вниманіе и много объяснитъ ему аналогія настоящаго съ прошедшимъ. Близкое и подробное знаніе настоящаго для исторіи, такой же важный матеріалъ, какъ и изученіе лѣтописей и грамотъ. Для Грановскаго, «также важенъ, также драгоцененъ былъ листокъ газеты, какъ и листокъ лѣтописи». Тамъ, гдѣ жизнь развилась широко, тамъ же вяжутся и величайшіе историки: въ стѣнахъ банкирскаго конторы воспитывается Джоржъ Гротъ, на скамьяхъ парламента и въ тревогахъ журналистики вырастаетъ величайшій историкъ нашего времени — Макколей. Чѣмъ ближе историкъ къ дѣйствительной жизни, чѣмъ знакомѣе ему ея тревоженія, тѣмъ менѣе онъ способенъ жить въ однихъ отвлеченностяхъ, видѣть въ исторіи только одну игру міровыхъ законовъ, тѣмъ яснѣе сознаетъ онъ значеніе личности. Вспомнимъ благородныя слова Грановскаго въ предисловіи къ его характеристикамъ, о значеніи личности: «Еще недавно поднимались голоса, отрицавшіе необходимость великихъ людей въ исторіи, утверждавшіе, что роль ихъ кончена, что народы сами безъ ихъ посредства, могутъ исполнить свое историческое назначеніе. Все равно сказать бы, что одна изъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ утратила свое значеніе, что одинъ изъ органовъ чловѣческаго тѣла теперь сталъ не нуженъ. Такое возрѣніе на исторію возможно только при легкомъ и поверхностномъ на нее взглядѣ.» «Великіе люди, продолжаетъ Грановскій, облекаютъ въ живое слово то, что до нихъ таилось въ народной думѣ и обращаютъ въ видный подвигъ неясныя стремленія и

желанія своихъ своихъ соотечественниковъ и современниковъ.» Всякое абсолютное построеніе исторіи, не обращающее вниманія на народный духъ, ни на дѣятельность великихъ людей, болѣе или менѣе произвольно. Грановскій былъ правъ, когда онъ признавалъ за философіей исторіи только одну главу въ феноменологіи человѣческаго духа, ибо до сихъ поръ роковой ходъ исторіи ясенъ для насъ въ однихъ только общихъ чертахъ и долго, а быть можетъ никогда не придется намъ осмыслить всѣхъ случайностей. Еще Аристотель видѣлъ разницу между поэзіей и исторіей въ томъ, что поэзія представляетъ возможное (то-есть въ философскомъ смыслѣ единое истинное), а исторія дѣйствительное (то-есть болѣе и менѣе случайное). Желаніе все вывести изъ однихъ непреложныхъ, строго логическихъ законовъ заставляетъ насъ часто не признавать истиннаго значенія великихъ событій, которыя мѣшаютъ нашему возрѣнію развиваться въ полной чистотѣ.»

Пониманіе вполне здравое, чуждое всякой фаталистической теоріи. Такъ же здраво, основательно и превосходно изложены современныя требованія историческаго изложенія:

«Исторія не должна быть заключена въ тѣсномъ кружкѣ ученыхъ, нѣтъ, она должна быть знакома, если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ большинству, и потому историкъ долженъ быть художникомъ. Это условіе, собственно говоря, самое трудное для исполненія: не всякому, какъ Макколею суждено соединить глубокія свѣдѣнія, практическую ясность ума и громадный талантъ. По этому большинство историческихъ сочиненій пишется только для немногихъ, но тѣмъ не менѣе такого рода произведеніямъ суждено далеко не имѣть того вліянія и того значенія, которыя можетъ имѣть историкъ-художникъ. Говоря о художественномъ значеніи исторіи, мы конечно не имѣемъ въ виду ни вымысленныхъ рѣчей, какими богаты историческія творенія древнихъ, ни риторическаго разсказа, отличающаго историковъ XVIII в. Художественность въ историкѣ состоитъ въ умѣннн представить эпоху живо и образно, что, какъ мы уже замѣтили выше, столько же условливается глубокимъ и всестороннимъ изученіемъ матеріала, сколько и природнымъ талантомъ. Говоря о художественной сторонѣ исторіи, мы невольно припомнимъ слѣдующія слова Макколея: «Истинно великій историкъ даетъ миниатюрный очеркъ характера и направленія вѣка, не рассказываетъ факта, не приписываетъ ни одной черты характерамъ, которыхъ достоверность не основана на достаточномъ свидѣтельствѣ. Его разсказъ точенъ и строгъ; нѣкоторыя событія выдаются рельефнѣе, другіе остаются въ тѣни; но размѣры ихъ увеличиваются или уменьшаются, смотря потому, въ какой мѣрѣ они уясняютъ условія общества и природу человѣка. Онъ знакомитъ насъ съ состояніемъ двора, арміи, сената, но не забываетъ и народа.» Таковъ идеаль, начертанный рукою мастера: кто усомнится въ

возможности примѣненія этого идеала къ дѣлу, тому стоитъ только прочесть «Исторію Англій съ вступленія на престолъ Якова II, соч. Т. Б. Макколея.» Итакъ требованія художественности состоятъ въ полнотѣ картны и въ равномѣрномъ распредѣленіи по ней свѣта и тѣни. Картинность, по мнѣнію многихъ, состоитъ въ употребленіи лѣтописныхъ выраженій, которыми думаютъ придать изложенію колоритъ эпохи, но одними архаизмами нельзя сдѣлаться художникомъ; для этой цѣли надо прежде всего проникнуть въ духъ и направленіи эпохи, обладать творческимъ талантомъ какого-нибудь Вальтеръ Скотта, а то не мудрено впасть въ ошибку сочинителей русскихъ историческихъ романовъ, считавшихъ достаточнымъ помѣстить списки старыхъ оружій, одеждъ, кушаній и т. п. Есть еще другое заблужденіе, вредное для художественнаго значенія исторіи: многіе полагаютъ, что слѣдуетъ строго и точно отдѣлать внутреннюю исторію отъ внѣшней. Конечно, самое подробное изложеніе фактовъ внутренней жизни значительная заслуга передъ лицомъ науки: но этимъ еще не все сдѣлано: та и другая сторона жизни должны быть тѣсно слиты, только тогда понятно будетъ ихъ взаимодѣйствіе. Конечно есть явленія, общія цѣлой эпохи, которыя слѣдуетъ поставить во главѣ изложенія, но такимъ явленіямъ необходимо придать общій характеръ, сдѣлать ихъ такъ сказать фономъ, по которому вышивается историческій узоръ; но можно ли дробить одно и тоже событіе на двѣ части: упомянуть о самомъ событіи (напр. посольствѣ) въ главѣ, посвященной внѣшней исторіи, а объ его обстановкѣ (напр. пріемъ посланника) въ главѣ, посвященной быту. Можетъ ли читатель при такой раздробленности съ интересомъ слѣдить за вашимъ изложеніемъ. Конечно, явленія общія: памятники законодательства, литературныя произведенія, обычай частной жизни, то, что вообще можно назвать фономъ, должны быть излагаемы отдѣльно. Но и въ такомъ изложеніи чрезвычайно важно умѣть группировать, выбирать и соединять между собою факты; а главное представлять читателю сущность предмета: для него любопытенъ не перечень главъ законодательнаго памятника, и не языкъ литературнаго произведенія, а духъ времени, выразившійся въ извѣстныхъ произведеніяхъ. Съ нимъ-то и знакомьте вашихъ читателей; а то главы, посвященныя внутреннему быту у многихъ историковъ, невольно напоминаютъ каталоги библіотекъ и описанія музеевъ: книга или вещь поставлены подъ №, обозначены извѣстнымъ ярлыкомъ, а что въ книгѣ, къ чему служила вещь, добирайтесь сами. Окаячивая наши бѣглыя замѣчанія о художественномъ изложеніи, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ выборѣ фактовъ: исторія не лѣтопись, историкъ не можетъ передать всѣхъ мелкихъ событій, онъ долженъ останавливаться только на самыхъ характеристичныхъ. Юліанъ Шмитъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ: «Читатель до нѣкоторой степени восполняетъ недостатокъ искусства въ историкѣ, пропуская то, что ему надоѣдаетъ; но очевидно, что самъ историкъ, которому пред-

меть знакомъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ состояніи сдѣлать лучшій выборъ.»

За общими разсужденіями о современныхъ требованіяхъ отъ исторіи какъ науки слѣдуютъ характеристики нашихъ историковъ и ихъ трудовъ. Положимъ, что много уже сдѣлано по этой части — но тѣмъ не менѣе нельзя не быть благодарнымъ неизвѣстному автору статьи за его превосходныя оцѣнки Татищева, Щербатова и даже Карамзина. Оцѣнка послѣдняго равно чужда какъ безусловнаго поклоненія, такъ и теоретической дерзости въ приговорахъ. Прослѣдивши взглядъ Карамзина на развитіе самодержавія, неизвѣстный авторъ замѣчаетъ:

«Пораженный вѣншимъ блескомъ правленія Иоаннова, освобожденіемъ Россіи отъ ига, сношеніями съ иностранцами, заведеніемъ двора и т. п. Карамзинъ слишкомъ превознесъ Иоанна III и даже поставилъ его выше Петра В. Это неумѣренное восхваленіе встрѣтило противодѣйствіе въ г. Соловьевѣ, который, какъ увидимъ ниже, въ свою очередь сильно перегнулъ дугу въ другую сторону, ибо желая выставить рельефнѣе родовыя стремленія московскихъ князей, онъ стеръ всѣ личныя черты характера Иоанна III. Извѣстно также изображеніе характера Иоанна IV, который въ «Исторіи Государства Россійскаго» какъ-то двоится. Причина въ томъ, что Карамзинъ въ IX т. слишкомъ увлекся сказаніями Курбскаго, Таубе и Крузе и т. д. о послѣднихъ годахъ царствованія Иоанна; а въ VIII-мъ слишкомъ прельщенъ блескомъ завоеванія Казани. Потому онъ не взглянулъ на характеръ во всей его цѣлости, а слишкомъ легкомысленно объяснилъ первую половину царствованія хорошимъ, а вторую дурнымъ вліаніемъ. Впрочемъ и винить Карамзина нечего: внутренняя исторія тогда еще слишкомъ мало была разработана, да и вопросы, которыми она занимается, не возбуждали еще ничего вниманія; потому не мудрено, что не понимая среды, въ которой дѣйствовалъ Иоаннъ, онъ видѣлъ въ немъ только кроваваго тирана. Не будемъ останавливаться на дальнѣйшемъ ходѣ русской исторіи, но Карамзину, потому 1) что послѣдніе томы его исторіи болѣе извѣстны, 2) что съ Иоанна III онъ болѣе занимается, собственно разсказомъ, ибо цѣль достигнута: московское государство сложилось.»

Взгляду этому мы не только сочувствуемъ, но, по крайнему разумѣнію, считаемъ его единственно справедливымъ. «Карамзинъ, говоритъ авторъ въ заключенія своего взгляда на исторію Карамзина, «обозначилъ тѣ рамки, которыя наполняли послѣдующіе историки...»

«Въ частностяхъ историкъ нашего времени во многомъ несогласенъ со своимъ великимъ предшественникомъ, но въ общемъ ихъ взглядъ одинъ и тотъ же: торжество московской центра-

лизаціи — цѣль и вѣнецъ нашей древней исторіи, а стало быть исходная точка новой. Объ этомъ вопросѣ мы подробнѣе поговоримъ далѣе; здѣсь же считали нужнымъ остановиться на немъ, чтобы уяснить читателю причину длинныхъ выписокъ, которыя мы дѣлали изъ «Исторіи Государства Россійскаго».

«Въ послѣднее время не разъ случалось намъ слышать мнѣніе, что Карамзинъ чисто-литераторъ, то-есть въ переводѣ риторъ. Дѣйствительно Карамзинъ часто увлекается литературными приѣмами своего времени, но изъ-за этого нельзя забывать тѣхъ необъятныхъ трудовъ, которымъ онъ посвятилъ себя въ теченіи 23 лѣтъ, не надо забывать того, что не смотря на устарѣлыя приемы, не смотря на то, что наука послѣ него далеко ушла впередъ, мы обязаны признать въ немъ великаго художника и не можемъ забыть того, что онъ первый познакомилъ съ русскою исторіею большинство людей читающихъ, былъ «Колумбомъ древней Россіи», по счастливому выраженію Пушкина.

«До какой степени Карамзинъ стоялъ выше своихъ современниковъ, видно изъ того, что долго на исторію его писали только мелочныя отрывочныя замѣчанія. Только въ 1829 году раздалось почтительное, но твердое слово Полеваго, сказавшаго, что Карамзинъ историкъ въ смыслѣ XVIII в. и что онъ не удовлетворяетъ высшимъ требованіямъ, внесеннымъ трудами историковъ начала XIX в. Всѣ помнятъ какимъ крикомъ, намеками, эпиграммами, бранью встрѣчена была эта умная и смѣлая статья. «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».»

Но все это болѣе или менѣе извѣстно, болѣе или менѣе, хотя не съ такой ясностью и сжатостью высказано, — болѣе или менѣе признано.

Дѣло доходить до исторіи Полеваго, этаго «камня претыканія и соблазна» для многихъ даже въ нашу эпоху. Въ оцѣнкѣ труда Полеваго — авторъ выказываетъ далеко не должную самостоятельность мнѣнія, и самая оцѣнка есть уже заслуга. Полная и всесторонняя справедливость воздана наконецъ всему, что было новаго и существенно важнаго въ исторіи Полеваго — воздана въ первый разъ, смѣло и честно.... Мы не можемъ выписывать мѣстъ особенно важныхъ — ибо это значило бы перепечатать всю оцѣнку исторіи Полеваго. Покончивши дѣло съ нею, авторъ говоритъ скромно: «нашъ разборъ конечно коснулся только общаго характера и значенія книги Полеваго. Мы будемъ очень счастливы, если онъ обратитъ вниманіе людей, занимающихся русской исторіею на это несправедливо забытое сочиненіе и вызоветъ болѣе полное и основательное изученіе его. При настоящей усердной работѣ на этомъ поприщѣ, надо знать, что думали и сдѣлали наши предшественники, чтобы воспользоваться, гдѣ нужно, ихъ трудами и избѣжать, гдѣ возможно, ихъ ошибокъ»....

Тоже самое достоинство тона и безпристрастие является въ оцѣнкѣ дѣятельности скептиковъ. За тѣмъ авторъ переходитъ къ дѣятельности антагониста Полевого, врага и побѣдителя скептиковъ — М. П. Погодина.

«Врагомъ скептиковъ явился г. Погодинъ. Этотъ ученый принадлежитъ къ числу нашихъ ученѣйшихъ и даровитѣйшихъ изслѣдователей: *математическій методъ* его послѣднихъ годовъ, на который особенно упрются критики сочиненій г. Погодина, не долженъ заслонять отъ насъ услугъ, оказанныхъ имъ русской исторіи. Конечно, въ увлеченіяхъ полемики нельзя не сказать подъ часъ жесткаго слова, но тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что часто за увлеченіемъ мы не видимъ дѣйствительнаго значенія факта. Замѣтимъ, что есть критики, которые умѣряютъ свои увлеченія: статья объ «Изслѣдованіяхъ» г. Погодина въ Отеч. Зап. 1848 г. служить въ этомъ отношеніи образцомъ. Обратимся къ г. Погодину. Вызванный на бой скептиками, г. Погодинъ вышелъ во всеоружіи и успѣлъ разбить слабое въ фактическомъ отношеніи зданіе скептиковъ: онъ доказалъ подлинность Несторовой лѣтописи и т. п., подвергъ всѣ источники перваго періода тщательному и подробному изслѣдованію. Хотя конечно онъ придалъ слишкомъ большое значеніе норманскому элементу, но тѣмъ не менѣе изслѣдованія его послужили прочнымъ фундаментомъ будущему изложенію событій этого періода, и историкъ не можетъ теперь уже миновать мнѣнія г. Погодина, не опровергнувъ ихъ, если онъ не согласенъ съ ними. Но изъ полемической борьбы г. Погодинъ вышелъ не вполне тѣмъ, какимъ онъ вступилъ въ нее: ратуя противъ преждевременныхъ выводовъ, противъ философскаго построенія исторіи, онъ вынесъ довѣріе только къ факту и нерасположеніе ко всякому разумному объясненію всего хода народнаго развитія; мало того, онъ еще крѣпче привязался къ старому воззрѣнію о могуществѣ государства въ первый періодъ и потому результаты изслѣдованій г. Погодина должны имѣть только частное значеніе. Послѣднимъ фазисомъ его развитія былъ математическій методъ; ясно, что идя этимъ путемъ, онъ не могъ дойти ни до чего другаго. Но мы не даромъ сказали, что г. Погодинъ при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы пойти другимъ путемъ: кто не помнитъ, что онъ въ своемъ разсужденіи о старшинствѣ между князьями былъ близокъ къ истинному рѣшенію вопроса. Также должно сказать и объ изслѣдованіяхъ о мѣстничествѣ; даже во многихъ мелкихъ статьяхъ его разсыпано столько умныхъ и дѣльныхъ замѣтокъ. Такъ напр. мы не можемъ не припомнить здѣсь статьи о такъ называвшейся Беровой лѣтописи, помѣщенной въ Телескопѣ 1832 года, гдѣ находимъ между прочимъ замѣчаніе о томъ, что бояре не терпѣли въ Борисѣ бывшаго боярина. Такихъ свѣтлыхъ, хотя и отрывочныхъ, мыслей не мало въ сочиненіяхъ г. Погодина. Вообще, какъ въ изложеніи г. Погодина, такъ и въ самомъ характерѣ его ученыхъ трудовъ замѣчаемъ что-то афористическое,

неодобренное, хотя часто умное и оригинальное. Замѣтимъ еще, что даже послѣдніе труды г. Погодина не лишены относительной важности: такъ напр. статья о древней русской географіи (хотя многія замѣчанія въ нихъ принадлежатъ Неволину и Надеждину), перечни годовъ военныхъ и мирныхъ, краткія біографіи князей, замѣчанія о лѣтописяхъ — все это далеко не лишено интереса для справокъ и соображеній.»

Не смотря на все видимое безпристрастіе взгляда — здѣсь нельзя не замѣтить измѣненія тона и скрытой, но тѣмъ не менѣе существующей враждебности ученаго отношенія, выражающейся 1) и въ оправдательномъ приемѣ указанія заслугъ М. П. Погодина и 2) въ умолчаніи о многомъ, имъ сдѣланномъ по отношенію къ Русской исторіи.

Какъ будто нарочно, начиная съ выше приведеннаго мѣста, статья о современномъ состояніи русской исторіи, какъ науки, теряетъ свое безусловное, объективное значеніе. Нужды нѣтъ, что она высказываетъ самостоятельное, неподчиненное мнѣніе объ исторіи г. Соловьева, нужды нѣтъ что она хранитъ такую же неподчиненность въ отношеніи къ воззрѣніямъ г. Кавелина, доселѣ высказавшимся и проч. — въ ней уже преобладаетъ условный тонъ, тонъ кружка. Въ ней уже являются такія умолчанія, которыя ничѣмъ, кромѣ антипатій кружка не объясняются.

Ясно до очевидности, что подобныя статьи, какъ бы умно ни были написаны, предлагаются не вообще для читающей массы, а для массы, подчиненной воззрѣніямъ одного ученаго кружка, раздѣляющей его, кружковыя, а не общія, симпатіи и антипатіи. Что достигающая этого часть массы весьма не велика — доказывается паденіемъ Атенея и паденіемъ Московскаго Обзоренія, предпріятій равно добросовѣстно начатыхъ, равно добросовѣстно выполнявшихся, равно богатыхъ нравственными и учеными силами — и равно мрачныхъ, т. е. темныхъ, непонятныхъ для публики.

Что подумала таже масса о статьѣ во второмъ томѣ Московскаго Обзоренія, называющейся: Лирическая поэзія послѣдователей Пушкина, разбирающей стихотворенія Языкова съ какими-то непонятными и неестественными злобой и ожесточеніемъ. Вѣдь все, что можно было сказать о дѣйствительной скудости содержанія поэзіи Языкова, давно было сказано Бѣлинскимъ. Новаго читатели ничего въ статьѣ не встрѣтили, кромѣ ожесточенія и злобы, да недобросовѣстныхъ выписокъ изъ стихотвореній, съ умолчаніемъ о лучшихъ, да замѣчаній на счетъ языка, показывающихъ незнаніе языка — по поводу стихотворенія «Землетрясеніе.»

Что подумала опять таже масса о краткихъ замѣткахъ Библиографическаго Указателя въ родѣ слѣдующей, объ изданіи сочиненій Островскаго.

«Великолѣпное, роскошное изданіе, дѣлающее честь издателю. Въ первомъ томѣ помѣщены, кромѣ главнаго произведенія автора, которое даровало и упрочило ему его извѣстность (т. е. «Свои люди — сочтемся!»), еще и слѣдующія пьесы: «Семейная картина», «Утро молодаго человѣка», «Бѣдная невѣста» и «Не въ свои сани не садись». Два послѣднія произведенія доказываютъ собою, что и г. Островскому, равно какъ и г. Писемскому, не слѣдуетъ гоняться за идеей въ своихъ произведеніяхъ; она убиваетъ, или, по-крайней-мѣрѣ, ослабляетъ ихъ художественность. Въ *Бѣдной невѣстѣ*, напримѣръ, читателя и зрителя поражаетъ дикое желаніе героини исправить отчаяннаго взяточника и пьяницу — будущаго мужа своего; въ *Санлхъ* образованный людъ сопоставляется съ необразованнымъ, и послѣднему какъ бы отдается преимущество. Отъ такого безобразія идеи рождается — мѣстами — и безобразіе вѣшной, художественной стороны этихъ комедій. Во второмъ томѣ находимъ: комедію «Бѣдность не пороку», гдѣ никакъ ужъ недопущенъ идея, — *псевдо-народную драму* «Не такъ живи какъ хочется», бозобразнѣйшее изъ всѣхъ произведеній г. Островскаго, — комедію «Въ чужомъ пиру похмѣлье», гдѣ видна попытка автора выйти на другую, болѣе современную дорогу, — и, въ заключеніе, два слегка набросанныхъ сценическихъ очерка, «Праздничный сонъ — до обѣда» и «Не сошлись характерами». Жаль, что въ это собраніе не вошло лучшее изъ произведеній г. Островскаго въ послѣднее время — «Воспитанница», комедія, помѣщенная въ 1 № «Библіотеки для чтенія» за нынѣшній годъ.»

Вѣдь это таже *мрачная* статья г. Н. Некрасова (не поэта нашего Н. А. Некрасова, а г. Некрасова московскаго) послѣдней книжки Атея, встрѣченная такимъ общимъ и единодушнымъ со стороны *всѣхъ* направленій смѣхомъ — только въ сжатомъ видѣ.

Или вотъ еще столь же *многозначительно-краткій* отзывъ о книгѣ Мишле L'amour, въ которой кромѣ странностей есть кажется и много такого, что стоитъ по суду всѣхъ просвѣщенныхъ людей серьезнаго разбора:

«Странная, очень странная книга, прямо напоминающая собою изрѣченіе безсмертнаго Крылова: «Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ!» Любовь — бесспорно вещь отличная: ей посвящались, посвящаются и будутъ посвящаться цѣлые трактаты. Но и любовь можно опозлить и втоптать въ грязь — если только неумѣючи за нее взяться. И боги да охранять васъ, читатель, отъ любви по рецепту извѣст-

наго и даровитаго историка французскаго, Мишле! — читайте его исторію, наслаждайтесь его иногда парадоксальными, и всегда смѣлыми, самобытными, оригинальными выводами: но отъ его Амура, отъ *Любви* его да отвратятъ васъ благіе боги! Во первыхъ, любовь по г-ну Мишле, ограничена и бѣдна содержаніемъ: это чистая чувственность, лишенная всякаго освѣжающаго, духовнаго начала и — въ тоже время — требующая полнаго самопожертвованія со стороны мужа, который долженъ бросить всё свои дѣла, и заботы, и мысли, и стремленія, и порывы — иногда для того только, чтобъ держаться за руку жены своей, во время одного изъ ея періодическихъ болѣзненныхъ припадковъ, что бываетъ, впрочемъ, каждый мѣсяць по три съ половиною медальми! Во вторыхъ, не смотря на все это самопожертвованіе, любовь г. Мишле есть любовь самая деспотическая: жена нигуда не выѣзжаетъ безъ мужа, жена сама ничего не читаетъ (все, что нужно — сообщить ей мужъ), женѣ не съ кѣмъ даже слова перемолвить (въ отсутствіи мужа единственной прислужницѣ дома — больше одной не должно быть — не допускается войти во внутреннія комнаты), женѣ не нужно ни развитіе, ни развлеченіе, не нуженъ ни духовникъ, ни даже докторъ — все это замѣняетъ ей мужъ, опутывающій ее тонкою сѣтью шпионства, іезуитизма, коварной казуистики и приторными, безконечными нѣжностями; въ лицѣ мужа сосредоточивается для жены вся природа — *toute la nature!* Въ третьихъ... но говорить ли, читатель, что въ третьихъ?... въ третьихъ... это ужасно!... въ третьихъ, любовь г. Мишле пахнетъ — Домостроемъ и... березовымъ вѣнникомъ, этимъ стимуломъ въ русскихъ баняхъ и неизбѣжнымъ пногда, по г-ну Мишле, средствомъ уврачеванія совратившейся, или только еще совращающейся съ пути — жены вашей!... Въ книгѣ, сверхъ того, очень много нескромныхъ картинъ, слишкомъ смѣлыхъ описаній и сильно возбуждающихъ страницъ. Право, не вѣрится даже, что это писалъ серьезный мыслитель, авторъ *Французской Исторіи*....»

Мудрено ли, опять повторяемъ, что публика не оказала чувствія къ изданію, отличающемуся и въ руководящихъ статьяхъ и въ бѣглыхъ замѣткахъ такимъ и доктринальнымъ и доктринерскимъ тономъ, что множество прекраснѣйшихъ статей спеціальныхъ пропало въ общемъ ученomъ мракѣ изданія, что столько дѣйствительныхъ и добросовѣстно работавшихъ силъ не устранило отъ изданія неминуемой гибели. Эта гибель ждетъ въ наше время все, что стремится обособиться не во имя направленія, ясно и твердо сознанаго какъ одно изъ общественныхъ, а во имя кружковаго іерейства. Паденіе Атенея и Московскаго Обзорнія — прочное и блестящее существованіе Русскаго Вѣстника, — уроки весьма назидательные въ наше время.

Весна. Литературный Сборникъ на 1859 годъ. С.-П.-бургъ. 1859. 347 стран. in 8°.

Вотъ этотъ сборникъ представляетъ собою совершенно другаго рода явленіе, нежели разобранное нами «Московское Обозрѣніе». Происхожденіе этого изданія не имѣетъ источниковъ ни въ особомъ ученіи какого либо кружка, или — тѣмъ болѣе еще въ какомъ либо особомъ въ жизни существующемъ направленіи. Происхожденіе тутъ — чисто случайное. Самы издатели не сознаютъ за собою никакого особаго направленія. «Въ литературѣ, — говорятъ они въ «Предисловіи» — существуетъ обычай, по которому всякое собирательное изданіе, выходя изъ печати, спѣшитъ прежде всего стать подъ знамя какой нибудь партіи и сдѣлаться представителемъ какого нибудь извѣстнаго, исключительнаго направленія. Обычай этотъ приистекаетъ изъ очень обыкновеннаго желанія, отличить себя отъ другихъ, не только однимъ содержаніемъ, характеръ котораго бываетъ не вдругъ доступенъ на взглядъ, а вмѣстѣ и явною, для всѣхъ удобопонятною истинною, съ духомъ предвозвѣщаемаго ей содержанія совершенно согласною. Въ какой мѣрѣ и какъ часто это желаніе достигаетъ до своей цѣли, безъ помощи громкихъ фразъ, — это до насъ не касается, *потому что мы его не имѣемъ.* Весна является подъ общимъ знаменемъ русской литературы, и цвѣтъ этого знамени довольно ясно опредѣляетъ, чтобы избавить нашъ Сборникъ отъ скучной формальности: выставлятъ надъ собою особую вывѣску.» Все это прекрасно — но

бываютъ времена
Совсѣмъ особеннаго свойства,

къ каковымъ принадлежитъ въ особенности наше время — времена, когда всякое явленіе, для того, чтобы имѣть права гражданства, должно носить какой либо цвѣтъ, или по крайней мѣрѣ какой либо отливъ цвѣта; безъ чего явленіе занимаетъ только лишнее мѣсто. Эклектизмъ совершенно невозможенъ въ эпохи, въ которыя вопросы ставятся рѣзко жизни, да и вообще эклектизмъ являлся всегда только въ тѣ эпохи, когда жизнь истощилась въ своихъ силахъ. А главное, — что это и не искренне, со стороны предисловія къ изданію... Сборникъ, по крайней мѣрѣ, въ критическихъ статьяхъ своихъ, имѣетъ свои положенія: другой вопросъ — каковы эти положенія, но они есть.

Весна заключаетъ въ себѣ статьи беллетристическаго содержанія; повѣсти и стихотворенія, одну статью содержанія научнаго, и три статьи содержанія критическаго. Стихи, принадлежа-

щіе г. Вл. Ахшарумову, гладки и звучны, но въ нихъ положи- тельно нѣтъ ничего такого, что въ наше время, нѣсколько раз- очарованное, въ этомъ отношеніи, оправдываетъ появленіе ста- ховъ въ печати, т. е. ни присутствія особеннаго, тяжелаго за- паса данныхъ жизнию мыслей о жизни, ни особеннаго отлива въ ощущеніяхъ необходимаго для того, чтобы ощущенія или заин- тересовали своей оригинальностью или отдались въ душѣ чита- теля какъ объективное, яркое выраженіе прочувствованнаго имъ самимъ и многими. Вотъ наприимѣръ:

Въ утро ясное лѣтняго дня,
Въ лѣсъ вхожу я, гдѣ сосны шумятъ,
Ихъ смолистый, живой аромать
Обдаетъ и свѣжаетъ меня ;
По землѣ тамъ, въ жилища свои,
Тянутъ соръ и песокъ муравьи,
Но межъ ихъ городовъ, безъ хлопотъ,
Я на землю ложусь, подъ сосной.
Птица звонкія пѣсни поетъ,
Векша прыгаетъ тамъ надо мной.
Славно тамъ! Но какъ выпадетъ снѣгъ,
Стану вновь я лечиться, больной ;
Стану въ городѣ дымномъ скучать,
И, зарывшись въ снѣга какъ медвѣдь,
На грядущее мрачно глядѣть,
И *прошедшаго лапу сосать.*

Вѣдь нельзя сказать, чтобы это стихотвореніе было плохо — нѣтъ, въ немъ все обстоитъ благополучно, кромѣ искусственно- оригинальной «лапы прошедшаго» — но рука не подымется напи- сать, что это хорошо. Это — такъ себѣ. И таковы всѣ стихо- творенія г. В. Ахшарумова, кромѣ переводовъ литовскихъ пѣ- сенъ. Эти послѣднія — т. е. пѣсни, какъ пѣсни всякаго народа свѣжи и прекрасны... но въ переводѣ ихъ нѣтъ нисколько *на- роднаго* тона, разумѣя подъ таковымъ не нашъ особенный на- родный тонъ, а вообще народный, хорошо слышный часто въ превосходныхъ переводахъ Берга. Бремъ опять на удачу:

Лошадку *имъль* я ;
Мала, но красива,
Меня молодого
Въ *нарядахъ* носила ;
Шла на гору рысью,
Подъ-гѣру *) галопомъ :
Ручей перескочить
И моремъ плыветь.

*) По-русски говорится «подъ гору».

Дѣвицу я встрѣтилъ,
 Работать не знала,
 Ни тонкую пряжу,
 Ни плотную ткань *).
 Мой бичъ ловко срѣзанъ,
 И крѣпко шлёпъ былъ:
 Онъ выучилъ *прясть*,
 Онъ выучилъ ткать.

Это мертвая книжная — да и книжная-то не совсѣмъ свободная рѣчь, а не рѣчь народная. Кромѣ стихотвореній — въ беллетристическомъ отдѣлѣ *Весны*, двѣ повѣсти, одна «Петербургскія ночи» принадлежитъ г. Ю. Жуковскому — другая «Свадьба» г. Юрьеву. Обѣ онѣ, явнымъ образомъ, не плодъ таланта, а

плѣнной мысли раздраженье,

хотя г. Ю. Жуковский — видимо умный и глубокочувствующій человекъ. Онъ имѣлъ только несчастье быть подъ вліяніемъ Бальзака и общественныя язвы парижской жизни считать за наши — и на этомъ основаніи относиться къ случайному съ такого рода пафосомъ, который нуженъ даже не на все необходимое. Авторъ «Свадьбы» — поетъ пѣсню изъ крестьянскаго быта на извѣстный вѣзмъ ладъ.

Что касается до критическихъ статей г. Н. Ахшарумова — то мы не намѣрены говорить много ни о теоріи ихъ автора, хлопчущаго объ освобожденіи искусства отъ порабощенія его жизни — ибо нѣсколько разъ уже высказывали нашъ взглядъ на эти мечты объ искусствѣ отрѣшенномъ отъ жизни, — ни замѣчать его странныхъ промаховъ, замѣченныхъ уже другимъ, преимущественно остроумнымъ рецензентомъ Современника.

Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII. Опытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола А. Щапова. Казань. 1859. in-8°, 547 стр.

Читатели наши вѣроятно упрекали насъ за молчаніе о явленіи столь достопримѣчательномъ и въ короткое время получившемъ такую блистательную извѣстность, какъ книга г. Щапова. Даже и въ настоящемъ случаѣ, они не должны ожидать отъ насъ настоящей библиографической статьи объ этомъ сочиненіи, во первыхъ потому, что намъ обѣщана знатоками дѣла большая

*) Работать — особенно въ народной рѣчи, въ соединеніи съ «умомъ» (а не знаньемъ), требуетъ *чего*, а не *что*.

критическая статья по этому предмету, а во вторых потому, что библиографическую статью, голословно излагающую одно только содержаніе ученаго труда — если этотъ трудъ, какъ трудъ г. Щапова, раскрываетъ въ предметѣ совершенно новыя стороны — мы считаемъ бесполезною формальностью.

А именно новыя, доселѣ никѣмъ не высказанныя стороны предмета раскрылъ г. Щаповъ и раскрылъ съ умомъ и талантомъ, которые въ соединеніи съ обширною ученостью придали его труду значеніе, гораздо высшее, чѣмъ значеніе предшествовавшихъ трудовъ по этой части. Какъ ученый съ умомъ и талантомъ, онъ взялъ живую струю дѣла, струю, которую смутно чувствовали многіе, если не все именно, и которой отсутствіе въ другихъ сочиненіяхъ по этой части было причиною нѣкотораго — если можно такъ выразиться — недовѣрія къ нимъ.

Г. Щаповъ первый высказалъ и фактически доказалъ своей книгой слѣдующія положенія о расколѣ — положенія, которыя доселѣ только подозрѣвались:

1) Расколъ есть явленіе столько же, если не болѣе, политическое явленіе, какъ и церковное.

2) Въ немъ сохранился, такъ сказать окаменѣлый отсадокъ древней Россіи, выразилась русская народность XVII вѣка, въ ея отрѣшенности отъ иноземныхъ элементовъ реформы Петра, своеобразная историческая жизнь массы народа.

3) Церковно-гражданскій демократизмъ раскола есть протестъ прежнихъ реформъ и ея административныхъ послѣдствій; плодъ 1) съ одной стороны недовольства низшихъ классовъ народа и раздраженнаго состоянія духа народнаго, съ другой 2) административныхъ недостатковъ въ государствѣ и церкви въ эпоху появленія расколовъ.

4) Темныя нравственныя стороны раскольниковскихъ ученій, плодъ и выраженіе крайней недостаточности нравственнаго вліянія духовенства на народъ и отсутствіе народнаго просвѣщенія и воспитанія.

Читая книгу г. Щапова, читатель знакомится съ міромъ, доселѣ ему невѣдомымъ — видитъ *въ-очью* такія дружныя, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія; книга г. Щапова требуетъ большой и ученой критической оцѣнки съ точки зрѣнія различныхъ направленій нашихъ. Въ ожиданіи одной изъ таковыхъ, мы ограничиваемся краткимъ указаніемъ особенныхъ и отличительныхъ свойствъ замѣчательнаго труда.

С М Ъ С Ъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ПИСЬМА.

I. ОТЬ ОДЕССЫ ДО БАЗІАША.

Базіашъ. 11 (23) мая 1859 г.

Первое дѣло, которое представляется каждому, кто осужденъ на нѣсколько продолжительное плаваніе на пароходѣ, заключается въ болѣе или менѣе недовѣрчивой оцѣнкѣ пассажировъ, съ которыми приходится ѣхать. Весьма естественно, потому что отъ нихъ зависитъ количество скуки или удовольствія, которое ожидаетъ васъ на пароходѣ. Результаты выведенные мною изъ перваго взгляда на моихъ *colens volens* товарищей, когда всѣ церемоніи съ таможенными чиновниками и начальствомъ порта были окончены, сцены нѣжнаго прощанія прекратились и «Меттернихъ» осторожно сталъ выпутываться изъ клубка судовъ, якорей, лодокъ и проч., составляющаго неотъемлимую принадлежность тѣсной одесской гавани — эти результаты, говорю я, оказались весьма утѣшительны. На задней части палубы, когда собрался всѣ, чтобы поглядѣть на Одессу съ моря, народу оказалось весьма не много. Слѣдовательно нечего было опасаться тѣсноты въ каютахъ и той несносной необходимости, что въ полъ-аршинѣ надъ вашимъ носомъ устроивается спальня совершенно чужаго вамъ человѣка. Число пассажировъ перваго класса на «Меттернихъ» было таково, что во второмъ этажѣ каютныхъ коекъ не оказалось надобности, и даже въ первомъ этажѣ болѣе большая часть ихъ осталась не занятою. Количество, какъ видно, удовлетворительное; что же касается качества, то о немъ судить было еще рано. Общество, по видимому, составилось довольно разнообразное. Старый, украшенный сѣдинами и Владиміромъ на шеѣ ге-

Отд. III.

нераль, съ добродушнымъ выраженіемъ лица, его жена и двое дѣтей съ ихъ педагогическою принадлежностью, еще генераль, только молодой и безъ усовъ, — слѣдовательно штатскій, — безрукій нѣмецъ неизвѣстнаго званія, молодой еврей, только что окончившій, какъ оказалось въ послѣдствіи, курсъ на медицинскомъ факультетѣ и отправлявшійся въ Парижъ для совершенствованія, старая, очевидно не богатая, но разбогатѣвшая жидовка, съ молодою довольно хорошенькою дочерью, которая выбивалась изъ силъ, чтобы казаться порядочною, и моя особа; вотъ и вся какоть-компанія.

Между тѣмъ солнце склонилось къ горизонту и превратило въ массу расплавленнаго золота поверхность хаджи-бейскаго лимана. Еще двѣ минуты — и эта масса остыла и превратилась въ серебряное зеркало. Извѣстно, что въ степяхъ Южной Россіи процессъ восхожденія и захожденія солнца совершается хотя съ невыразимымъ великолѣпіемъ, но весьма быстро. Это игра чуднаго калейдоскопа въ громадныхъ размѣрахъ съ безпрестанною пережѣною въ декораціяхъ. Тутъ нѣтъ той безконечной зари, тѣхъ медленныхъ переливовъ, которые въ лѣтніе вечера наводятъ скуку на посѣтителей западной оконечности елагинскаго парка — по-крайней-мѣрѣ наводили бы, еслибъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ не было другихъ предметовъ для развлечения.

Начинаю темнѣть. Въ салонѣ парохода засвѣтились свѣчи, застучали чашки, дѣлались проготовленія къ вечернему чаю. На палубѣ не оставалось никого, кромѣ молодого еврея, да меня грѣшнаго. Я никакъ не могъ оторваться отъ раскинутой предо мною картины — гладкаго какъ зеркало моря и чистаго небосклона, на восточной сторонѣ котораго уже зажигалось зарево восходящаго мѣсяца. Впрочемъ я напрасно говорю тутъ о картинѣ. Ея, если угодно, не было. Глазъ съ трудомъ отличалъ уже контуры утопающихъ во мракѣ береговъ; о существованіи ихъ напоминали еще огоньки въ хуторахъ, которые тянутся версть на 12 къ югу отъ Одессы, и тихій свѣтъ маяка, блиставшій неподвижно какъ звѣзда далеко отъ насъ направо. Органъ зрѣнія, собственно говоря, находилъ мало пищи во всемъ, что окружало корабль. Но тѣмъ не менѣе, состояніе, въ которое погружается человекъ въ подобныя минуты, болѣе всего подходитъ къ зрѣнію и созерцанію; только видитъ онъ не одними глазами, а всѣмъ — слухомъ, осязаніемъ, чѣмъ хотите. Это какъ будто своего рода ясновидѣніе. Отдѣльныхъ предметовъ не различаешь болѣе; контуры ихъ сливаются и теряютъ свою опредѣленность.

Но за то мнится, что видишь ихъ и, право, воображеніе богаче надѣляетъ насъ въ такія минуты впечатлѣніями, чѣмъ самая дѣйствительность. Чего не передумаешь и не перечувствуешь въ такое время полуснота и полумрака, когда и самое близкое кажется завѣтною далью и сердце рвется вонъ съ двойною силою, чтобы перенестись въ нее. И больно, и грустно, и тяжело, и опять невыразимо легко и сладостно при этой бѣготѣ мыслей и представлений, когда дѣйствительность не фиксируетъ ихъ, а только безпрестанно вызываетъ!

Понятная вещь, что подобная настроенность мало располагаетъ къ общительности. Я рѣшительно не былъ способенъ принять участіе въ разговорѣ, который шумѣлъ въ салонѣ, когда наконецъ оставилъ палубу и принялся за чай. Притомъ я порядкомъ усталъ отъ возни, которая неизбежно, хотя въ значительной мѣрѣ совершенно бесполезно, предшествуетъ всякому отправленію въ долгій путь; выпивши чашку скверно приготовленнаго настоя изъ черешневыхъ листьевъ, который на австрійскихъ пароходахъ именуется чаемъ, я поэтому отправился внизъ и улегся въ своей койкѣ. Я сдѣлалъ это съ твердымъ намѣреніемъ проснуться никакъ не позже часа пополудни, чтобы быть свидѣтелемъ нашего вступленія въ Дунай. Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Когда я проснулся, лучи солнца уже проникали въ маленькое окошечко каюты и, вышедши на палубу, я увидѣлъ по сторонамъ парохода уже не свободный горизонтъ открытаго моря, а зеленую равнину камышей, которую вдали опоясывали синіе холмы Молдавіи и Добруджи; подъ колесами «Меттернихъ» пѣнилась уже не чистая влага благодатнаго Понта, а желтая мутная вода Сулинскаго гирла.

Признаюсь, мнѣ было очень досадно на мой крѣпкій сонъ, потому что я прозѣвалъ весьма интересное зрѣлище — такъ называемое кладбище кораблей. Это — мѣсто въ устьѣ Дуная, гдѣ ежегодно гибнетъ множество судовъ, которыя не сумѣли удержаться въ безпрестанно мѣняющемся фарватерѣ и завязли въ песокъ и илѣ, наносимыхъ рѣкою. Извѣстно, что въ началѣ восточной войны всѣ газеты и журналы Европы обвиняли наше правительство въ томъ, что оно нарочно не принимало мѣръ для регуляризаціи ея теченія, чтобы обезпечить черноморскую хлѣбную торговлю отъ конкуренціи придунайскихъ земель; теперь, когда присмотръ Россіи за Дунаемъ смѣнился покровительствомъ всѣхъ великихъ и нѣсколькихъ малыхъ державъ Европы, обме-
леніе его устьевъ идетъ въ такой ужасающей прогрессіи, что

въ очень непродолжительное время Суминское гирло засорится также какъ засорены Килийское и св. Георгія. Судостроенію на Дунаю отъ этого впрочемъ едва ли пострадаетъ, потому что устроенная желѣзная дорога изъ Гирсовы въ Кюстенджи послужитъ еще лучшимъ посредникомъ между ними и моремъ, чѣмъ нынѣшнее естественное сообщеніе. Перезгрузки товаровъ, необходимой въ такомъ случаѣ, корабли не избѣгутъ и теперь, потому что только весьма рѣдко удастся выйдти изъ Галаца въ открытое море съ полнымъ грузомъ. А между тѣмъ разстояніе отъ Гирсовы до Кюстенджи сухимъ путемъ по крайней мѣрѣ въ пять разъ короче пути по извилистому Дунаю.

Берега нижняго теченія его ни мало не живописны: крокъ безконечныхъ камышей и появляющихся во временахъ будки молдавской пограничной стражи — ничего не видны. Будки эти устроены на сваяхъ и издали похожи на наши вѣвскія тони. Обновленно гарнизонъ ихъ состоитъ изъ четырехъ человѣкъ, которые при появленіи парохода считаютъ долгомъ выстроиться въ рядъ и сдѣлать на караулъ. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе зрѣлища этой почести. Невольно вспоминаешь, глядя на этихъ зашпиковъ отечества, о гвардіи экс-инвератора Фаустина I и ея незабываемыхъ мундирахъ. Мудрено назвать солдатами босыхъ сорванцевъ, въ панталъ и фуражкахъ самого различнаго покроя, вооруженіе которыхъ ограничивается старыми кремневыми ружьями, болѣе опасными для стрѣляющаго, чѣмъ для того, въ кого цѣлятся. На турецкой сторонѣ карауловъ нѣтъ. Османъ справедливо полагаютъ, что лишне охранять мѣста, гдѣ вѣтъ взять, и не хлопотать объ устройствѣ кордоновъ, которымъ единственное назначеніе, во видимому, отдавать честь проходящимъ мимо австрійскимъ пароходамъ.

Въ Тульчѣ пароходъ остановился для пріема почты и новыхъ пассажировъ. На пристани меня поразило разнообразіе лицъ и костюмовъ, хотя красоты или живописности не представляли ни тѣ, ни другія. Турки, греки, армяны, молдаване, евреи, цыгане, болгаре толпились въ нестройнѣмъ безпорядкѣ. Между ними по временамъ мелькали шитые мундиры, европейскаго покроя, агентовъ и чиновниковъ австрійскаго пароходнаго общества. Пріятный контрастъ съ рѣзкими, выразительными чертами этихъ людскихъ лицъ составляли физиогноміи русскихъ, которыхъ я въ Тульчѣ напелъ довольно. Это большею частью бѣглые крестьяне, выходящіе въ турецкихъ владѣніяхъ пріютъ и средства къ существованію. Ихъ берутъ очень охотно въ услуженіе и взимаютъ дѣ

сельскихъ работъ, потому что способностью и склонностью къ труду они далеко превосходятъ изнѣженныхъ и лѣнивыхъ обывателей юга. Въ Тульчѣ я только и видѣлъ русскихъ, что работали, таскали грузъ на пароходъ, развозили на лодкахъ невода и сѣти и косили сѣно. Турки сидѣли или стояли, погруженные въ созерцаніе дыма, который пускали изъ длинныхъ чубуковъ своихъ; а вся остальная сволочь, хотя и суетилась, бѣгала, кричала, но дѣла никакого не дѣлала. Болѣе всего, разумѣется, толпилась она (и едва ли съ самыми чистыми намереніями относительно пассажирской собственности) на пристани парохода, гдѣ гордо развивался торговый флагъ австрійской имперіи. Въ разсужденіи этого флага, берега Дуная представляютъ истинную роскошь: куда не пойдешь — красуются цвѣта его, такъ что передъ ними даже исчезаютъ красно-синія эмблемы соединенныхъ румынскихъ княжествъ. Объ убывающей лунѣ османовъ и говорить нечего: я ее видѣлъ всего можетъ быть не болѣе четырехъ разъ на всемъ протяженіи отъ Тульчи до Виддина.

Часама къ двѣнадцати мы прибыли наконецъ къ ближайшей дѣли нашего плаванія, къ Галацу, оставивъ въ сторонѣ Измаилъ и поклонившись только издали ренійской колокольнѣ. Въ Галацѣ мы расстались съ «Меттернихомъ» и перешли на громадный рѣчной пароходъ, «Эрцгерцогъ Альбрехтъ», на палубѣ котораго уже дѣлая толпа пассажировъ съ нетерпѣніемъ выжидала нашего прибытія, чтобы въ свою очередь пересѣсть на «Меттернихъ» и отправиться въ Одессу. При этомъ у насъ отобрали паспорта и отправили ихъ къ капитану порта, вѣроятно въ доказательство того, что и румынское правительство знаетъ европейскіе порядки и считаетъ себя цивилизованнымъ. Другой дѣли я по крайней мѣрѣ не могъ найти въ этой церемоніи, потому что изъ пассажировъ рѣшительно ни одинъ не хотѣлъ ѣхать въ Молдавію или Валахію. А между тѣмъ эта церемонія оказалась вовсе не пріятною, потому что всѣмъ намъ пришлось лично явиться въ канцелярію капитана порта, небольшую, грязную комнату, пропитанную запахомъ чеснока и водки, и провести съ часъ времени въ этой гнусной атмосферѣ, чтобы получить обратно бумаги, украшенные молдаво-валахскою печатью. Впрочемъ дѣло обошлось безъ бакшиша, къ которому я уже было приготовился при видѣ неопратнаго присутствія и засаленныхъ подъячихъ; къ небольшому удовольствію моему, чиновникъ, возвратившій мнѣ паспортъ, изъяснялся очень не дурно по русски.

Въ Галацѣ сходятся двѣ линіи пароходныхъ сообщеній — одес-

ская и константинопольская. Такъ какъ пароходъ Лойда, шедшій изъ Царьграда, не прибылъ еще, то намъ пришлось дожидаться его, и это ожиданіе — увы — продлилось не менѣе полутора сутокъ. Скучнѣе ихъ я едва ли проводилъ когда-нибудь время. Сначала мнѣ улыбулась перспектива на прогулку по Галацу, но только что я сунулся въ грязныя и пыльныя улицы внутренняго города, какъ уже отъ души раскаялся, что покинулъ относительно чистый воздухъ набережной, у которой стоялъ пароходъ. Тамъ можно было душу отвести хоть надъ пустынною дѣвственною зеленою болгарскаго берега и синими холмами начинающейся верстахъ въ 20 отъ берега сплошной возвышенности Добруджи; тутъ ничего, кромѣ узкихъ улицъ, высокихъ и старыхъ, но отнюдь не красивыхъ, зданій, да вонючихъ жидовскихъ лавокъ. Почти вся торговля тутъ въ рукахъ жидовъ; что, вѣроятно, и было причиною преслѣдованій, которымъ они подверглись со стороны христіанскаго населенія, на вербой недѣлѣ поста, и которыя, къ сожалѣнію, потомъ отозвались и въ нашей Одессѣ. Должно быть жутко пришлось имъ тогда, потому что когда я мѣняя деньги въ лавкѣ, сталъ спрашивать жиды объ этой исторіи, онъ съ подобострастіемъ оглянулся и замѣтилъ мнѣ тихонько, что не слѣдуетъ говорить объ этомъ. Такъ я никакимъ подробностей объ интересовавшемъ меня событіи и не услышалъ и только въ послѣдствіи узналъ на пароходѣ, что жидамъ еще болѣе досталось отъ правосудія молдавскихъ властей, чѣмъ отъ фанатизма ихъ согражданъ. Разумѣется, послѣ смятенія началось слѣдствіе, и такъ какъ съ бунтовавшей черни взяты были гладки, то ромунскіе слѣдователи принялись за жертвы ея. Еще въ мою бытность, слѣдовательно недѣль шесть спустя послѣ событія, содержалось подъ арестомъ до 50 евреевъ, неуспѣвшихъ еще внести за себя приличный выкупъ, хотя конечно никто не обвинилъ ихъ въ томъ, что они были виновниками беспорядковъ, надъ ними самими же обрушившихся. Изъ настоящихъ же зачинщиковъ, въ главѣ которыхъ стояли греческіе и іонійскіе матросы, наказанію не подвергся ни одинъ.

Итакъ прогулка по Галацу не удовлетворила меня. На военные корабли подъ русскимъ, англійскимъ, французскимъ и австрійскимъ флагомъ, стоявшіе, въ силу парижакаго трактата, у набережной, я также посмотрѣлся. Отъ посѣщенія театра, гдѣ давалась молдавская драма «Катакомбы» меня удержало предостереженіе офицеровъ парохода, что улицы ночью не освѣщаются и что при возвращеніи очень легко можно наткнуться на какого-

нибудь охотника на чужіе карманы. Слѣдовательно оставалось одно: скучать, да скучать. Хорошо было еще то, что кухня на дунайскомъ пароходѣ оказалась отличною и что вообще комфортабельность была доведена до совершенства. Съ этой стороны по-крайней-мѣрѣ ничего не напоминало состоянія человѣка ѣдущаго по частной подорожной и не застающаго лошадей на почтовой станціи въ глубинѣ нашей матушки Россіи.

Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ; кончилось наконецъ и наше ожиданье, которое я напрасно силіся сократить разговорами о политикѣ съ почтеннымъ генераломъ, о литературѣ съ претендовавшею на порядочность молодою жидовкою; отъ послѣдней меня удалило, впрочемъ, весьма-быстро сдѣланное ею замѣчаніе, что ничего не можетъ быть выше романовъ Шекспира. Это своего рода *saive qui peut*. Къ вечеру другаго дня нашего пребыванія въ Галацѣ, прибылъ и давно желанный пароходъ изъ Константинополя. Пора, потому-что ужь съ обѣда стала мѣняться погода и большую часть времени пришлось проводить подъ палубой. Когда стемнѣло, салоны «Альбрехта» значительно оживились. Къ малочисленной дружинѣ одесскихъ пассажировъ примкнуло довольно-много съ царьградскаго парохода, такъ-какъ сообщеніе съ Триестомъ уже прекратилось и кто не хотѣлъ ѣхать на Марсель, долженъ былъ слѣдовать по дунайскому тракту. Кромѣ-того прибыло еще довольно изъ самаго Галаца, такъ-что, не смотря на несравненно-большіе размѣры «Альбрехта», уже никакъ нельзя было разсчитывать на то, что второй этажъ коекъ опять останется вакантнымъ. Впрочемъ, надо мною, къ счастью, не помѣстился никто.

Чувство уютности, неразрывно присущее всякому удобному помещенію, если на дворѣ непогода, быстро сблизило старыхъ и новыхъ пассажировъ «Альбрехта». Въ то время, какъ стучали объ палубы и окна крупныя капли проливнаго дождя и вѣтеръ неистово свистѣлъ въ снастяхъ парохода, за чаемъ закипѣла живая бесѣда, въ которой, по обыкновенію, не принимало участія только возвращавшееся изъ Каира семейство англичанъ. Вѣрное привычкамъ своего племени, оно сидѣло въ углу и молча пересматривало свои кипсеки и неизбѣжный *handbook for travellers*. Разумѣется, что остальное общество имъ не стѣснялось: говоръ не умолкалъ до глубокой ночи и былъ тѣмъ живѣе, что тутъ находились представители почти всѣхъ народностей Европы. Число мужчинъ, какъ водится, далеко преобладало. Изъ дамъ поражала красотою дочь одного валлахскаго князя, Судзо. Отецъ

ея отправлялся, въ качествѣ депутата, въ Бухарестъ, чтобы участвовать въ тамошнемъ національномъ собраніи. Я рѣдко видѣлъ болѣе-выразительное и благородное лицо, чѣмъ у этого старика. Every a gentleman, какъ говорятъ англичане. Разговоръ съ такимъ лицомъ, конечно, долженъ былъ коснуться политики. Князь нисколько не скрываетъ своихъ строго-консервативныхъ убѣжденій, со всею рѣшительностью независимаго чело-вѣка бра-нилъ соединеніе княжествъ и притомъ румынскихъ либераловъ, и — надобно сказать — во многомъ былъ правъ, хотя отсту-палъ отъ тѣхъ мнѣній, которыя теперь въ ходу на счетъ ду-найскихъ княжествъ. Самымъ благотворнымъ проявленіемъ для нихъ считалъ онъ просвѣщенный деспотизмъ, власть неограни-ченную, но благонамѣренную. Конституцію, дарованную имъ па-рижскимъ конгрессомъ, онъ называлъ политическою утопіею и далеко предпочиталъ ей органической статутъ Киселева. «Намъ «нужна желѣзная воля какого-нибудь Петра Великаго или Фри-«дриха II», говорилъ онъ, «а не родившееся недоноскомъ уло-«женіе, которое мѣшаетъ добру и ни мало не останавливаетъ «злонамѣренность. Что за свобода тамъ, гдѣ еще чаянія не «имѣють о законности, гдѣ нѣтъ судей независимыхъ и слѣдо-«вательно безпристрастныхъ, гдѣ самые суды лишены автори-«тета и даже собственность обезпечена только весьма-слабыми «гарантиями. Наша молодежь, учившаяся въ Парижѣ и нахватав-«шаяся идей, которыя и самимъ французамъ не въ пору еще, «возвратившись къ намъ, беретса за всевозможные эксперименты, «не зная вовсе почвы, на которой суждено имъ осуществиться. «Мудрено-ли, что кромѣ крику у насъ ничего и не выходитъ. «Вотъ связали Валахію и Молдавію», продолжалъ все болѣе го-«рячась старикъ, «ничего не подготовивъ для этого соединенія. «Оно хорошо, безспорно; но только какъ цѣль, достижимая въ «еще очень не близкой будущности, какъ результатъ многихъ и «многихъ трудовъ, а не какъ нѣчто висящее на воздухѣ, вслѣд-«ствіе какой-то слѣпой игры случая. И законы, и обычаи, и пре-«данія, и администрація совершенно-различны въ Валахіи и «Молдавіи; и одно, что ихъ связываетъ, — сознаніе племеннаго «единства, — далеко не такъ живо еще и распространено въ массѣ «народа, чтобы служить для нихъ надежнымъ цементомъ. По-«вѣрьте, что если посторонняя сила не сдержитъ нашей уніи, «то она столь-же быстро и неожиданно распадется, какъ вз-«никла. Одного жаль только, нашего нынѣшняго господаря. Онъ «человѣкъ благонамѣренный и всячески старается стать выше

«шартій; но что-же онъ можетъ сдѣлать? — Власть его самая ничтожная и со всѣхъ сторонъ окружають его завистники и недоброжелатели».

«— Такъ по-вашему, князь, свобода страны должна быть результатомъ административныхъ улучшеній и усовершенствованій? Но, смотрите, не принимаете-ли вы плодъ за корень? Не свѣрите-ли противный путь и не лучше-ли ожидать отъ свободы «благосостоянія народа?»»

Старикъ былъ, видимо, озадаченъ моимъ возраженіемъ. Но послѣ минутнаго раздумья онъ сказалъ: «Вы, можетъ-быть, правы, если говорите о первоклассной могущественной державѣ, которая вполнѣ обезпечена въ своей независимости отъ сосѣдей; дѣло другое въ нашихъ княжествахъ, на которыя точатъ зубы три могущественныхъ сосѣда: для насъ въ настоящее время сильная эзекутива совершенная необходимость».

Въ это время подошла къ намъ дочь князя и разговоръ принялъ другое направленіе.

Узнавъ взглядъ стараго консерватора, я захотѣлъ познакомиться и съ противоположными, либеральными мнѣніями о нынѣшнемъ порядкѣ вещей въ Валахіи, и началъ отыскивать между пассажирами собесѣдника, который-бы удовлетворилъ мое любопытство. Въ углу салона сидѣли три молодыхъ человека и шумно разговаривали между собою на валахскомъ языкѣ. Я подошелъ къ нимъ и черезъ пять минутъ мы уже, какъ говорится, снюхались. Оказалось, что это были студенты, только-что окончившіе курсъ — двое въ букарестскомъ, одинъ въ яскомъ лицеехъ. Всѣ они были на юридическомъ факультетѣ и отпраплялись теперь въ Парижъ для продолженія своихъ занятій. Чего же лучше? Я безъ обиняковъ приступилъ къ дѣлу моего разговора.

Но я былъ горько разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ. Первый вопросъ мой о томъ, какъ живетъ въ княжествахъ, вызвалъ горячія жалобы на то, что тамъ вовсе жить невозможно, что театры скверные, базаръ, кромѣ главныхъ городовъ, не бываетъ, что всѣ цивилизованныя удовольствія страшно дороги и т. д. въ этомъ родѣ. Всѣ мечтали о Парижѣ, какъ о земномъ раѣ, и на перерывъ разрисовывали себѣ прелести тамошней студентской жизни. Ждать отъ нихъ какихъ-нибудь здравыхъ сужденій о ихъ отечествѣ, было напрасно, хотя всѣ называли себя либералами и довольно-презрительно отзывались о старикѣ Судэо, какъ о человекѣ отсталомъ.

Въ послѣдствіи, когда мы уже сошли съ парохода и собира-

лись на пестскую желѣзную дорогу, одинъ изъ этихъ либераловъ, хотя я съ нимъ, кромѣ разговора о парижскихъ удовольствіяхъ, не говорилъ ни слова и не зналъ даже его фамиліи, попросилъ у меня въ займы 10 гульденовъ. Не смотря на его любезную откровенность и довѣрчивость, я, грѣшный человѣкъ, долженъ признаться, отказалъ его просьбѣ.

Когда я проснулся утромъ, въ третій день послѣ отплытія изъ Одессы, я замѣтилъ, по равномернымъ содраганіямъ парохода, что машина была въ дѣйствии и что мы наконецъ разстались съ Галацомъ. Я выкупался въ отличной, теплой ваннѣ, которая устроена на пароходѣ, и при этомъ имѣлъ случай вполнѣ убѣдиться въ мутности дунайской воды. Если погрузить въ нее руки на четверть аршина, то ихъ уже не видно. Послѣ купавы я вышелъ пить чай на палубѣ. Утреннее солнце блестяло, отражаясь въ гладкой бороздѣ, которую оставлялъ за собою киль судна. Но свѣтъ его былъ блѣдный, ненадежный и вмѣстѣ съ черною стѣною тучъ, разостлавшихся на западѣ, предвѣщалъ дождикъ. Предвѣщаніе, дѣйствительно, сбылось скоро; только до завтрака, на небольшіе промежутки, опять устанавливалась хорошая погода, а потомъ ливень не переставалъ до другаго дня.

Въ одинъ изъ такихъ промежутковъ, я опять сошелся съ княземъ на палубѣ. Зрѣлище, окружавшее насъ, было восхитительное: слѣва берегъ возвышался круто и высоко, обнажая мѣстами свою скалистую подпочву; тамъ, гдѣ онъ болѣе открывался взорамъ, вдали можно было различить синѣющія возвышенности — отпрыски Балкановъ; справа, напротивъ, перспектива ограничивалась только горизонтомъ; зеленые, сочныя поля, необработанныя однакожь — цѣлыя табуны пасущихся коней, изрѣдка валлахскій мужикъ въ мохнатой чумацкой шапкѣ, скачущій на лошади, стада воловъ и коровъ, стерегомыя большими собаками. Въ иныхъ мѣстахъ эта картина прерывалась ивнякомъ и другими кустарниками, которые примыкали къ большимъ, тянувшимся вокругъ страны лѣсамъ изъ дубовъ и береста. Особенно же хорошо было, если пароходъ проходилъ между островами, почти всегда покрытыми лѣсомъ, и на каждомъ шагу представлявшими новые виды à la Ruysdael или Claude Lorrain.

«Что за край, наша Валахія!» сказалъ князь, указывая рукой на окружавшую насъ роскошь дѣвственной природы: — установите тутъ твердый порядокъ, дайте силы закону, и увѣряю васъ, что даже Соединенные Штаты не представятъ вамъ примѣра такого прогресса, какой бы вы здѣсь увидѣли.»

«Не спору, земля ваша богата всѣми дарами природы; но главнаго недостаетъ въ ней — труда и дѣятельности: румуны, сколько я познакомился съ ними въ Бессарабін, безпечны и лѣнны.»

«Народъ нашъ лѣнивъ! Отчасти вы правы. Но за то онъ умѣренъ, расчетливъ и бережливъ, какъ ни одинъ народъ быть можетъ во всей Европѣ. То, что вы называете лѣнностью, въ большей части случаевъ есть ничто иное, какъ умѣренность. На что ему трудиться, когда все, чего онъ желаетъ, находится у него подъ руками. Дайте ему новыя потребности и вы увидите, какъ онъ станетъ работать.»

«Румуны бережливы? Я считалъ вашихъ бояровъ и куколъ самыми расточительными людьми въ свѣтѣ.»

«Я говорю про народъ, т. е. про массу, и вѣрите, что я правъ. Сколько знаю я простыхъ мужиковъ, которые владѣютъ десятками тысячъ пиастровъ и держатъ ихъ въ горшкахъ на печкѣ или въ какомъ-нибудь углу хатъ своихъ.»

«Такъ, по вашему, на аристократію нечего разсчитывать для возрожденія румынскаго народа? будущность его лежитъ въ простолюдинахъ?»

«Ктѣ безъ грѣха! Валахскую аристократію во многомъ обвиняютъ и она дѣйствительно во многомъ виновата; но не мало и заслугъ за нею. Кому княжества обязаны своею относительною независимостью, какъ не искусству нашихъ бояровъ. Основаніемъ этого искусства служилъ эгоизмъ, скажете вы. Не всегда. Въ немъ принимала участіе и значительная доза патриотическаго чувства.»

Съ этимъ я не могъ въ душѣ согласиться, потому-что вся исторія румынскаго племени доказываетъ, что княжества уцѣлили въ смыслѣ полусамостоятельныхъ областей не вслѣдствіе стараній своихъ бояровъ, а вопреки имъ. Но я не хотѣлъ оскорбить стараго князя противурѣчіемъ, которое болѣе или менѣе должно было показаться личностью. Я перебилъ тему разговора и началъ распространяться о пользѣ, которую княжества могли бы извлечь изъ правильно организованной эмиграціи. Если Соединенные Штаты, Новая Голландія, Мысъ Доброй Надежды, Аргентинская республика, даже вовсе не приспособленный для европейскаго организма климатъ Бразиліи привлекаютъ ежегодно сотни тысячъ переселенцевъ, то, конечно, еще легче было бы привлечь ихъ къ дѣвственнымъ полямъ Валахіи. Князь съ нетерпѣніемъ прервалъ меня:

«Охъ, ужъ не говорите мнѣ про этихъ иностранцевъ, которые только объѣдаютъ насъ и ничего хорошаго не приносятъ съ собою.» Онъ махнулъ рукою и подошедшій къ намъ гессендинъ прервалъ разговоръ, который послѣ того уже не возобновлялся. Въ Журжѣ онъ оставилъ пароходъ, чтобы поѣхать въ Бухарестъ на засѣданія сейма. Но я не думаю, чтобы убѣжденія и доводы его оказали такое же вліяніе на либеральную молодежь національнаго собранія, какъ влажные черные глаза его дочери, которую онъ вѣрно не даромъ везъ съ собою.

Разговоръ мой съ Судзо о положеніи дѣлъ въ княжествахъ остановился на весьма интересномъ мѣстѣ и я очень жалѣлъ, что не могъ получить болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о роли, которую тамъ играютъ иностранцы. Къ счастью я на томъ же пароходѣ столкнулся съ другимъ человѣкомъ, который нѣсколькими характеристическими чертами дополнилъ набросанную княземъ картину румунскаго общества.

Это былъ нѣмецъ, родомъ изъ Берлина, возвращавшійся изъ Яссы на родину. Въ красной фескѣ, съ длинною окладистою бородою, онъ имѣлъ совершенно видъ жителя Востока. Въ Яссы попалъ онъ въ качествѣ директора банка, который тамъ хотѣло основать какое-то нѣмецкое акціонерное общество. Предпріятіе не удалось вслѣдствіе интригъ англійскаго посольства, которое склонило Порту къ отказу въ фирманѣ, и онъ потерялъ значительные убытки. Весьма естественно, что онъ о румунахъ отзывался совершенно противоположнымъ образомъ, чѣмъ старый князь Судзо. *Corruption, depravation*, вотъ почти единственные слова, которые онъ употреблялъ для характеристики ихъ общественнаго быта. Семейной жизни, по его рассказамъ, не существуетъ. «*Les femmes sont venales. Payez la somme voulue et vous les avez toutes depuis la princesse jusqu'à la simple paysanne.* Искать правосудія въ судахъ напрасно.» Въ подтвержденіе этого онъ рассказалъ слѣдующій случай: одинъ изъ молдавскихъ бояровъ, бывший нѣкоторое время даже министромъ, заключилъ контрактъ съ евреемъ на поставку изъ своего имѣнія значительнаго количества водки. Условія договора были таковы, что еврей долженъ былъ заплатить ему 1500 червонцевъ и по полученіи извѣстнаго количества вина черезъ полгода еще 3000 за доставку остальнаго. Получивъ деньги, бояръ не думалъ объ исполненіи обязательства, а сбылъ вино свое другому покупщику. Еврей подалъ ко взысканію, а бояръ къ своей очереди жало-

вался, что еврей не хочетъ платить ему остальныхъ 8000 червонцевъ, хотя по контракту нхъ слѣдовало получить только по окончательной доставкѣ проданнаго товара. Бояръ утверждаетъ, что еврей долженъ заплатить, не смотря на отсутствіе послѣдннго, и что за тѣмъ, пожалуй, можетъ искать за недоставленіе водки. И что же? судъ дѣйствительно согласился на неслыханное въ гѣтонисяхъ гражданскаго судопроизводства дробленіе одного и того же дѣла на двое и рѣшилъ въ его пользу. Еврею пришлось заплатить и начать потомъ новое дѣло за неустойку, окончаніе котораго бояръ, конечно, нгнлъ всѣ средства растянуть на неопредѣленно долгое время.

Впрочемъ и берлинецъ долженъ былъ сознаться, что большая часть европейцевъ появившихся въ княжествахъ, составляетъ нетинную язву для страны. На одного честнаго труженника приходится десять авантюристовъ, которые готовы рискнуть всѣмъ, потому что ничего не имѣютъ, завлекаютъ туземныхъ капиталистовъ въ разныя предпріятія, втираются въ администрацію, овладѣваютъ выгодными мѣстами по различнымъ специальнымъ отраслямъ (хотя большею частью вовсе не имѣютъ необходимыхъ для того специальныхъ свѣдѣній) и всячески набиваютъ свои карманы. Самъ онъ разсказалъ любопытный фактъ, служащій тому свидѣтельствомъ. Бывшій президентъ медицинскаго совѣта въ Букарестѣ — совѣта, на которомъ, между прочимъ, съ недавняго времени лежитъ обязанность экзаменовать ищущихъ права практики иностранныхъ медиковъ — былъ первоначально пасторомъ въ Трансильванской Саксоніи. Проповѣдь надоѣла ему; онъ бросилъ рясу, нрѣхалъ въ Яссы и сталъ лечить больныхъ, хотя медициной нпкогда не занимался. Какъ видно изъ занимаемаго имъ оффиціального положенія дѣло пошло на задъ и онъ жилъ въ чести и пзбыткѣ до самой смерти, воспослѣдовавшей отъ запоя.

Разсказы о злоупотребленіяхъ въ княжествахъ вызвали таковыя же со стороны другихъ пассажировъ, возвращавшихся съ Востока. Одинъ изъ нихъ, въ pendant къ президенту букарестскаго медицинскаго совѣта, сообщилъ, что главный медикъ силестрійскаго гарнизона во время послѣдней осады былъ бѣглый французскій парикмахеръ, который безъ зазрѣнія совѣсти не только лечилъ, но даже ампутировалъ своихъ паціентовъ.

А между тѣмъ пароходъ нашъ, пыхтя и фыркая, шель неутомно впередъ, преодолевая и быстрое противное теченіе Ду-

ная и порывы сильного западнаго вѣтра, заслонившаго небо густыми тучами. Иневъ не прекращался ни на секунду и дѣлалъ рѣшительно невозможнымъ наслаждаться видами, которые мелькали мимо насъ, какъ будто одѣтые толстымъ, сѣрымъ покрываломъ. Такъ пролетѣли мы мимо Гирсовы, Рассовы, Силестри и Ольтеницы, напрасно сляся получить ясное представленіе объ этихъ именахъ, прославленныхъ послѣднею войною. Все сплывалось въ сѣромъ туманѣ и мы могли только удивляться зоркости капитана, который открывалъ цѣлые города и селенія тамъ, гдѣ мы при величайшемъ напряженіи глазъ могли замѣтить развѣ только неопредѣленные контуры минарета или одинокую мачту съ промокшимъ флагомъ. Иногда, если фарватеръ рѣки приближался къ турецкому берегу, виднѣлись еще слѣды военныхъ дѣйствій, насыпи и батареи съ заросшими травою амбразурами. Доѣхавши до Журжи, которой мы достигли уже поздно вечеромъ, мы остановились, потому что капитанъ не рѣшался въ страшную темноту идти дальше. Въ слѣдующій день опять дождь, какъ будто солнце совершенно забыло про существованіе Дуны и не хотѣло больше смотрѣть на него. Непогода обнаружилась свое дѣйствіе и на пассажировъ; разговоръ шелъ какъ то вяло и часто совершенно умолкалъ. Составлялись партіи для преферанса, пикета, домино, но все не надолго; игра не клеилась. Дамы принимались за работу, мушны за книги, чтобы черезъ пять минутъ опять бросить, пожаловаться сосѣду на отвратительную погоду и производимую ею страшную скуку, потомъ услышать ту же жалобу отъ другаго сосѣда, зѣвнуть въ отвѣтъ ему или же закурить молча сигару. Трудно представить себѣ какими несносными кажутся въ такія минуты другъ другу пассажиры, какъ явственно на лицѣ каждаго можно прочесть любезное желаніе, какъ можно скорѣе разстаться со всѣмъ обществомъ.

Наконецъ къ обѣду третьяго дня послѣ отплытія отъ Галацъ дождь сталъ рѣдѣть и на восточномъ небосклонѣ показалась маленькое пятнышко чистаго голубаго неба. Въ первый разъ во все время нашего плаванія оказалось возможнымъ напитокъ послѣобѣденнаго кофе на палубѣ. вмѣсто немногихъ отважныхъ, которые до-сихъ-поръ рѣшались гулять на ней, не взирая на дождь и вѣтеръ, появилось теперь на ней многочисленное общество. Лица снова повеселѣли, разговоры потекли живѣе. Благодарительный сѣверо-восточный вѣтеръ — мы русскіе на пароходѣ съ гордостью называли его землякомъ — быстро очищалъ небо и разгонялъ тучи, такъ что часамъ къ семи оставалось только да-

леко на юго-западѣ свѣтло-лазуревая стѣна изъ облаковъ. Да и та, когда мы разсмотрѣли хорошенько рѣзкія угловатыя очертанія и неподвижность ея, оказалась не облаками, а горами. Это были Балканы.

Зрѣлище теперь становилось все лучше и лучше. Вѣчный ивнякъ валахскаго берега исчезъ или смѣнился стройными дубовыми рощами. Кое гдѣ глазъ могъ даже отдохнуть уже на обработанныхъ поляхъ, на деревушкѣ съ бѣлою кожолънею, на господскомъ домѣ окруженномъ садами. На противоположной сторонѣ берегъ подымался круто и высоко, не давая простора глазу. Но за то, гдѣ онъ вдругъ спускался къ уровню воды или гдѣ сквозь него пролегало русло ручья или рѣки, взоръ блуждалъ по восхитительнымъ мѣстностямъ. Солнце уже готовилось къ закату, какъ мы обогнули мысокъ, за которымъ лежитъ спрятанный какъ дорогая игрушка отъ рѣзвыхъ дѣтей, турецкій городокъ Ломъ-Паланка. Онъ вдругъ очутился передъ нами совершенно неожиданно и поразилъ насъ своею прелестью. Съ двухъ сторонъ окруженный горами, къ сѣверо-востоку отклоненный отъ рѣки упомянутымъ мысомъ, онъ къ сѣверо-западу спускается къ ней по отлогому скату и съ этой стороны весь разомъ представляется удивленному взору — одна масса густой зелени и маленькихъ бѣлыхъ строеній; два, три стройныхъ минарета, высоко поднимаются изъ нея, а при одномъ изъ нихъ роща изъ итальянскихъ тополей — турецкое кладбище. Если прибавить къ этому освѣщеніе заходящаго солнца и ничѣмъ не возмущаемую вечернюю тишину, то можно согласиться что было отъ чего разчувствоваться. Сколько пошлости при такомъ настроеніи заключало въ себѣ замѣчаніе рыжаго австрійскаго интенданта, который увѣрялъ, что Ломъ-Паланка самый дрянной городишко въ свѣтѣ и не представляетъ, по его выраженію никакихъ «ресурсовъ» порядочному человѣку!

Мимо Виддина и пропитанныхъ кровью полей Калафата мы прошли ночью и хотя останавливались въ первомъ для приѣма и сдачи почты, но ничего не видали. Въ слѣдующее утро уже въ шесть часовъ все пароходное общество было опять на палубѣ, чтобы восхищаться видами, которые становились съ каждымъ шагомъ величественнѣе. Снѣвшія вечеромъ еще вдали высоты Балкановъ, теперь приблизились къ самой рѣкѣ и въ грозномъ безмолвіи омывались ея волнами. Почти перпендикулярно возвышается берегъ футовъ на 500 надъ водою, и не смотря на страшную крутизну почти вездѣ холодный колоритъ и угловатыя формы

скала прикрыты густою пушистою зеленью жюль, деревъ и старниковъ. Въ то же время начинаютъ показываться горы и справа на валахской сторонѣ, постоянно все ближе и ближе придвигаясь къ берегу, который тутъ уже не пустъ и безлюден, какъ ниже Журжи, а вездѣ показываетъ слѣды человѣческой дѣятельности. Деревни мелькаютъ за деревней, селеніе за селеніемъ, тогда какъ на сербской сторонѣ (мы уже миновали границу Турціи) по прежнему возвышается неприступная крутизна, безмолвіе которой прерывается только шумомъ низвергающихся водопадовъ и крикомъ хищной птицы. Наконецъ мы подходимъ къ Турну-Северину, гдѣ красуется развалина — остатокъ укрѣпленій построенныхъ здѣсь римскимъ императоромъ Сентиміемъ Северомъ. Здѣсь Карпаты уже совершенно придвинулись къ Дунаю и протягиваютъ какъ будто руку къ братьямъ Балканамъ. Рѣка гнѣится и шумитъ, недовоальная тѣснымъ объѣтомъ, которымъ хотятъ задушить ее. Мы приближаемся къ знаменитымъ Желѣзнымъ воротамъ. Отсюда плаваніе наше теряетъ для зрителя съ палубы характеръ рѣчнаго плаванія. Справа, слѣва, среди, сзади скалы и горы, которыя насъ совершенно отрѣзали. Мы ѣдемъ сами не зная куда, того и гляди что носомъ ударимся объ взгроможденную передъ нами каменную стѣну, но вдуръ въ ней открѣвается трещина, — проходъ; мы вступаемъ въ новую котловину, гдѣ опять не видимъ выхода, а отверстіе, въ которое мы вошли, дѣлосъ, Богъ знаетъ куда. Опять со всѣхъ сторонъ горы, опять страхъ беретъ за душу, пока, утомленный безпрестанно мѣняющеюся декорациею не отведенъ ее надъ хорошей сигарою; за нее беремся здѣсь съ особымъ остервенѣніемъ, чтобъ не дать ей погнѣнуть въ когтяхъ австрійской таможи. Не даромъ говорится, что все дурное легло на поминѣ. Вотъ она уже и есть. Передъ нами Старая-Орсова. А Дунай, какъ будто еще пуще сердится, что люди вздумали нарушить величественную красоту и гармонію береговъ его своими жгтарствами, клопочетъ, словно въ котлѣ, крутится и пѣнится. Съ трудомъ колеса парохода, какъ глубоко онѣ ни захватываютъ въ зыбкую влагу, какъ мощно ни крутятъ ихъ поршни цилиндровъ, двигаютъ его впередъ. Мы теперь въ Желѣзныхъ воротахъ; это видно по неистовому движенію сжатой въ тѣсное русло рѣки, хотя половодіе и прикрыло скалы, которыя въ другое время года образуютъ пороги. Но Дунай напрасно сердится и рветъ назадъ: добрый пароходъ умоситъ насъ впередъ, неудержимо впередъ. Но не къ добру приносить онъ насъ, а къ австрійской таможи.

Мы пристали къ берегу и пропала, вдругъ вся поэзія природы, исчезли всё вальдохѣнные эффе́кты пейзажа передъ глазами медочной дѣйствительности. Интендантъ парохода отбираетъ наши паспорта и вручаетъ ихъ какому-то господину въ синемъ мундирѣ, который вдругъ очутился между нами. Потомъ являются носильщики — трегеры — загорѣлыя, грязныя лица, мадьярскаго, кرواتскаго, цыганскаго, валахскаго, всякаго племени, но все такія, что не хотѣлось бы съ ними встрѣтиться въ потемкахъ. Они овладѣваютъ чемоданами и сантъ-войсками, тащутъ ихъ въ присутствіе таможни, а пассажиры идутъ за ними, вытаскивая ключи изъ кармановъ и готовясь къ самому пытливому досмотру.

Печальную подробностей этой процедуры я описывать не стану; достаточно сказать, что экзамень, которому подвергся мой несчастный чемоданишко, не заключавшій ничего кромѣ дюжины бѣлья, да одной перемѣны платья, длился не менѣе десять минутъ. За то я, по крайней мѣрѣ, не заплатилъ пошлины и безпрепятственно перенесъ на императорско-королевскую почву нѣсколько десятковъ сигаръ, которыя разамѣстилъ по своимъ карманамъ. Другіе не отдѣлались такъ дешево. Бѣжавшій съ нами изъ Одессы дѣйствительный статскій совѣтникъ, за тысячу Одесскихъ папирсовъ, долженъ былъ заплатить 11 гульденовъ; съ другаго русскаго, возвращавшагося изъ Іерусалима и везшаго оттуда четки, кресты, иконы и другія произведенія тамошней набожной промышленности, ваяли семь полуимперіаловъ. Чрезвычайно забавно было слушать брань его, когда онъ съ таможеннаго двора возвращался на судно. Всю дорогу, безъ умолка, онъ вполголоса отводилъ душу надъ разными крѣпкими словцами русской рѣчи, примѣняя ихъ къ его австрійскаго величества таможеннымъ чиновникамъ.

Не смотря на то, что мы къ Орсовѣ пристали въ началѣ 9 часа, пароходъ «Елизавета», на который мы пересѣли съ «Альбрехта», тронулся не раньше половины втораго. И какъ будто судьба на сегодняшний день сберегла для насъ всё несчастія — небо опять заволочлось тучами и грянулъ дождь, къ счастью не на долго. Часама къ тремъ опять стало ясно и мы опять могли наслаждаться видами, которые здѣсь еще болѣе разнообразны, потому что мѣста стеновятся населеніемъ. На австрійской сторонѣ, начиная отъ Орсовы тянутся военныя полненія — часть ихъ Militärgrenze — связанныя между собою отличнo содержаннымъ шоссе. Это шоссе, увѣковѣчившее имя построившаго его

венгерскаго графа Сешенаго, проведено у самой воды, перѣдко подъ естественными сводами нависшихъ надъ нимъ скалъ, сквозь которыя дорога проложена помощью минныхъ работъ. По всей длинѣ ея виднѣются телеграфные столбы — первый признакъ страны цивилизованной. На сербской сторонѣ, по прежнему, все дико и пустынно, но что тутъ не всегда было такъ, доказывается многочисленными отверстіями въ отвѣсныхъ скалахъ, очевидно сдѣланныхъ человѣческими руками. Это слѣды другой дороги, проведенной нѣкогда на правомъ берегу Дуная императоромъ Траяномъ.

Но чѣмъ далѣе, тѣмъ равнодушнѣе становишься къ этимъ чудесамъ природы и искусства, потому что тѣмъ болѣе одолеваетъ нетерпѣніе. Вѣдь сегодня мы, т. е. я и еще нѣкоторые пассажиры должны достигнуть конечной цѣли нашего плаванія, послѣдней станціи юговосточной австрійской желѣзной дороги—Базіаша. Капитанъ общалъ, что мы уже къ 6 часамъ будемъ на мѣстѣ и мы съ жадностью высматриваемъ каждую деревушку, каждое зданіе, безпрестанно спрашивая, не это ли Базіашъ. Нетерпѣніе наше понятно, потому что въ восемь часовъ отходить курьерскій поѣздъ въ Пестъ и намъ не должно прозѣвать его. Въ этомъ ожиданіи мы равнодушно смотримъ на Емельницу, гдѣ былъ какой-то цѣлебный источникъ и гдѣ выстроена часовня на мѣстѣ будто бы тамъ найденной венгерской короны (венгерцы не вѣрятъ этой находкѣ и говорятъ что находящаяся въ Вѣнѣ корона Св. Стефана есть поддѣльная, а настоящая у Кошута); на Вѣтронскую пещеру, гдѣ лѣтъ полтора назадъ какой-то австрійскій полковникъ выдержалъ съ 500 человѣкъ восьмидневную осаду цѣлаго турецкаго корпуса; на турецкую крѣпощенку Бильничу, выстроенную на берегу у подножія скалы; на прославленные въ легендахъ сербскаго народа развалины Голубача. А между тѣмъ время бѣжитъ; часовая стрѣлка приближается къ семи, и Базіаша все нѣтъ, какъ нѣтъ. Капитанъ уже болѣе не отвѣчаетъ на распросы, а только улыбается. За то интендантъ вступаетъ въ разговоръ съ пассажирами, взявшими билеты только до Базіаша, говоритъ, что курьерскаго поѣзда мы больше не застанемъ, что, оставя пароходъ, придется ждать до слѣдующаго вечера и что лучше всего продолжать плаваніе до самаго Песта. Дѣло ясное: агентъ пароходнаго общества хочетъ приобрѣсти силою нѣсколько лишнихъ пассажировъ и заставилъ капитана вопреки даннаго обѣщанія нарочно опоздать приѣздомъ къ Базіашу. Уловка удалась, потому

что нѣкоторые пассажиры, повѣривъ, что дѣйствительно до слѣдующаго вечера не будетъ поѣзда, остались на пароходѣ. Къ счастью я не принадлежалъ къ числу ихъ.

Но вотъ заблестѣлъ огонекъ. Наконецъ то! Я взглянулъ на часы: безъ пяти минутъ восемь, слѣдовательно не поспѣемъ больше. Дѣйствительно, пока пароходъ приближался къ берегу, раздался хриплый свистъ пароваго сигнала и потомъ мы увидѣли какъ тронулась длинная вереница вагоновъ, на подобіе огромной змѣи съ сверкающими глазами, однимъ краснымъ, другимъ зеленымъ. Сопедши на берегъ, я узналъ, что въ двѣнадцать часовъ опять пойдетъ поѣздъ и велѣлъ перенести чемоданъ свой въ залу для ожидающихъ пассажировъ. Помѣщеніе незавидное—большая комната, съ весьма простою мебелью, но за то въ ней почти никого не было, не было слѣдовательно и той толкотни, той пыли и табачнаго дыма, которые дѣлаютъ такъ несноснымъ ожиданіе на главныхъ станціяхъ. Я потребовалъ чаю и принялся за свою записную книжку.

Р. ОРБИНСКІЙ.

Голосъ изъ югозападной Руси.

По державному слову нашего человѣколюбиваго Монарха, въ скоромъ времени должна наступить у насъ благотворная перемѣна въ положеніи многочисленнаго крестьянскаго сословія. Много высказано уже полезныхъ мыслей объ устройствѣ ихъ будущаго положенія, которое и имъ послужило бы во благо, и было бы въ гармоніи съ нарядомъ цѣлой земли русской.

Позвольте и мнѣ присовокупить нѣсколько словъ касательно крестьянъ нашей южной, или точнѣе, югозападной Руси. Спѣшу, впрочемъ, оговориться, что я намѣренъ высказать мои мысли не объ устройствѣ ихъ матеріальнаго быта, не объ отношеніяхъ ихъ къ землевладѣльцамъ; но о предметѣ, касающемся ихъ нравственнаго состоянія, ихъ нравственнаго и религіознаго воспитанія. Поставленное въ особенныя мѣстныя отношенія, православное, южно-русское племя въ юго-западной Руси невольно должно вызвать живое участіе каждаго члена великой семьи русской. Не подлежитъ сомнѣнію, что состояніе крестьянъ въ юго-западной Руси будетъ постепенно улучшаться, по мѣрѣ того, какъ они станутъ правильно пользоваться своимъ новымъ положеніемъ. Ча-

стію это улучшение ихъ быта, а частію возможность болѣе свободнаго употребленія своихъ силъ, будутъ вызывать въ нихъ мало-по-малу и стремленіе къ нѣкоторому образованію. Положимъ, что это стремленіе не будетъ простирается за предѣлы церковной и гражданской грамоты; но никакъ нельзя отрицать, что по крайней мѣрѣ у зажиточнѣйшихъ поселянъ пробудится охота къ обученію своихъ дѣтей грамотѣ. Таковъ законъ всего живаго, что стремленіе къ развитію начинается, какъ только сняты препятствія къ нему. Но чѣмъ ниже степень развитія народа, тѣмъ труднѣе ему, при открывающейся возможности образованія, правильно понять пригодныя къ тому средства. Это самое можетъ случиться преимущественно съ многочисленнымъ южно-русскимъ народонаселеніемъ въ югозападной Руси. По всей неразвитости, по неопытности и простотѣ, оно готово будетъ принимать средства обученія тамъ, гдѣ можетъ найти ихъ скорѣе и легче, не думая много о томъ, кто предлагаетъ имъ эти средства и для чего?—Возможность подобныхъ послѣдствій должна остановить вниманіе каждаго, кто сочувствуетъ его благу. Желая съ своей стороны способствовать улучшенію нравственнаго быта южно-русскаго народонаселенія въ югозападной Руси, улучшенію, которое соотвѣтствовало бы ему, какъ отрасли одного православнаго русскаго народа, рѣшаемся предложить здѣсь нѣсколько мыслей, которые не будутъ бесполезны по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что, быть можетъ, возбудятъ вниманіе къ этому вопросу, далеко не такъ маловажному, какъ онъ покажется на первый разъ. Полагаемъ, что на первый разъ необходимо было бы: 1) составить какіе нибудь простонародныя руководства, или грамотки, буквари—назовите ихъ какъ угодно, все равно, лишь бы они были составлены по обдуманному плану и съ содержаніемъ, соотвѣтственнымъ православному, южнорусскому народу; 2) другая мѣра, также не менѣе важная, состоитъ въ томъ, чтобы подобныя руководства, или грамотки были, какъ можно доступнѣе народу. А для того необходимо ихъ какъ можно распространить, чтобы поселянинъ не имѣлъ нужды ѣхать въ далекій городъ для покупки какаго нибудь десятикопеечнаго букваря. Всего лучше, еслибы при каждой церкви было небольшое количество книгъ, потребныхъ для народа. Еще лучше было бы, если бы, по крайней мѣрѣ на первый разъ, каждое селеніе могло получить нѣсколько экземпляровъ такихъ букварей даромъ. Самый алфавитъ въ такой народной грамоткѣ можетъ быть допущенъ не лной, какъ церковнославянскій для молитвъ и нѣкто-

рыхъ статей религіознаго содержанія и гражданскій русскій для другихъ статей.

Чтожь тутъ новаго скажутъ?—Кто не знаетъ, что обученіе, примѣненное къ потребностямъ народа, было бы для него полезно?—Кто станетъ сомнѣваться и въ томъ, что для молитвъ православному русскому народу, всего приличнѣе употреблять алфавитъ церковнославянскій, что, наконецъ, смѣшно было бы даже думать о какомъ нибудь другомъ алфавитѣ, кромѣ общаго всѣмъ, обыкновеннаго русскаго алфавита. Стоило ли объ этомъ даже писать, какъ о чемъ-то требующемъ вниманія?—Такъ и мы думаемъ, съ тобою, читатель. Но почему же мы знаемъ, что всѣ также сочувствуютъ южно-русскому человѣку, и сходно съ нами станутъ думать, какъ о средствахъ и направленіи обученія его, такъ и о самомъ алфавитѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы вы сказали, если бы кто нибудь захотѣлъ ввести между православнымъ южно-русскимъ народомъ букварь съ латинскимъ алфавитомъ?—Представьте, напримѣръ, что этотъ букварь начинается тройкою азбукою: *украинскою, московскою и польскою*, что подъ именемъ какой-то *украинской* азбуки выдаютъ для южно-русскаго языка просто латинскую, кромѣ трехъ буквъ: х, ш, щ, которыя должны остаться въ обыкновенномъ начертаніи русской азбуки, а *московскою* называють обыкновенную гражданскую русскую азбуку, что за азбукою слѣдуютъ склады, а за тѣмъ, статьи общаго нравственнаго содержанія на южно-русскомъ нарѣчій, вышеупомянутымъ украинскимъ алфавитомъ. Мы увѣрены, что самая идея такого букваря покажется вамъ очень странною; и мы такъ думаемъ; мы даже считаемъ ее просто несбыточною мечтою. Тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ иногда и мечту подвергнуть изслѣдованію, хотя бы для того, чтобы доказать, что мечта есть мечта, и дѣйствительностію быть не можетъ. Развѣ не случается иногда, что мечта овладѣваетъ людьми до такой степени, что они готовы принять ее за дѣйствительность?—Что же сказать объ этой мечтѣ букваря и алфавита quasi-украинскаго?

Во первыхъ, никогда не существовало особеннаго украинскаго алфавита для южно-русскаго языка, да и никто изъ русскихъ, понимающихъ дѣло, не назоветъ латинской азбуки ни украинскою ни вообще русскою, какъ бы ни прикрывали эту выдуманную азбуку видоизмѣненіемъ нѣсколькихъ буквъ; потому что, не смотря на замѣну трехъ или четырехъ латинскихъ буквъ русскими, или славянскими, все таки она остается латинскою. Что бы мы ни понимали подъ именемъ Украины — всю ли южную Русь, начи-

ная съ лѣвой стороны Днѣпра, до Карпатскихъ горъ, или только двѣ большіе полосы ея, прилегающія къ правому и лѣвому берегу Днѣпра; въ томъ и другомъ случаѣ названіе украинскаго алфавита вовсе не соотвѣтствуетъ существу дѣла. Въ томъ и другомъ смыслѣ Украина населена южно-русскимъ племенемъ, у котораго языкъ одинъ съ небольшими мѣстными отгѣнками и алфавитъ у нихъ всегда былъ одинъ или церковный, или обыкновенный русскій, видоизмѣнявшійся только по мѣрѣ усовершенствованія самага рукописанія. Какъ все это народонаселеніе всегда носило названіе Руси (даже у польскихъ историковъ), такъ и письмо ихъ всегда называлось общимъ именемъ русскаго. Такимъ образомъ мы никакъ не можемъ придумывать какой-нибудь другой алфавитъ для южно-русскаго языка и давать ему названіе украинскаго; оно будетъ только доказывать, что мы или сами обманываемся, или обманываемъ другихъ. Для юноруссовъ, для ихъ южно-русскаго языка не можетъ быть какаго-либо другаго алфавита, кромѣ церковнославянскаго и общаго русскаго. Мы не латины и не поляки; къ чему же навязывать намъ то, чего мы всегда чуждались и что можетъ вызвать только ожесточеніе?

Для чего же придумываютъ намъ эту мечту латино-украинскаго алфавита? Мы рѣшительно не понимаемъ,—да и кто знаетъ сердце человѣческое?—Мы думаемъ только, что съ допущеніемъ подобнаго распредѣленія азбукъ, произойдетъ какой-то хаосъ даже въ распредѣленіи видовъ русскаго народа, и можетъ только спутать незнающаго,—а такимъ по преимуществу бываетъ каждый начинающій учиться. Изъ этнографіи славянскихъ племенъ и исторіи русскаго народа извѣстно, что южная и сѣверная Русь (къ нимъ относится и бѣлая Русь, какъ третій видъ) составляютъ два нераздѣльные вида одного рода, а фантастическій латиноукраинскій букварь желалъ бы поставить ихъ въ такое же отношеніе, въ какомъ оба они вмѣстѣ находятся къ какому-нибудь другому славянскому роду, напримѣръ, къ польскому, или, пожалуй, чешскому *). Это все равно, что раздѣлить животныхъ на лошадей, коровъ и плотоядныхъ. Не этого ли именно смѣшенія и ждали бы достигнуть изобрѣтатели букваря своею преду-

*) По окончаніи этой статьи, авторъ былъ пораженъ, прочитавши въ № 82 Спб. Вѣдомостей, въ статьѣ *Галиція*, что тамъ запрещено изученіе русскаго языка, приказано показывать различіе малорусскаго языка отъ русскаго и сходство съ польскимъ и чешскимъ, а правительственные указы издаваемые на малороссійскомъ, начали печатать латинскими буквами.

предительную услугу? Не желательно ли пмъ оторвать южно-русскій языкъ отъ великорусскаго и дать ему другой центръ-притяженія? Но къ чему же итти на переکورъ нашимъ праоте-ческимъ преданіямъ, напереکورъ этнографіи, наконецъ напере-کورъ единству этихъ видовъ одного русскаго народа въ лонѣ Вѣры и Церкви?

Вотъ почему отдѣленіе украинскаго алфавита по названію и начертанію представляется намъ своевольнымъ козяйничаньемъ въ области русской народности и письменности. Не говоримъ уже о томъ, что устраненіе церковнословянскаго алфавита изъ народнаго букваря было бы посягательствомъ на самую святыню русскаго народа. Если нѣкоторыя славянскія племена пользуются латинскими письменами, а не славянскими, — пусть; но за чѣмъ же втягивать въ этотъ кругъ русское племя, всегда его чуждав-шееся и теперь не имѣющее въ немъ никакой нужды. Если бы это племя жило на какихъ-нибудь отдаленныхъ островахъ и не имѣло никакихъ письменъ, то въ такомъ случаѣ введеніе у него латинскаго алфавита быть можетъ было бы благодѣніемъ; но подобную попытку среди племени, уже имѣющаго издревле свою азбуку, тѣсно связанную съ его вѣрою и преданіями, и поль-зующагося, кромѣ своего нарѣчія, образованнѣйшимъ, велико-русскимъ для книжнаго употребленія языкомъ, очень трудно вы-дать за дѣло челоуѣколюбивой заботливости.

Наконецъ, попытка, о которой идетъ рѣчь, можетъ имѣть вредныя послѣдствія. Каждый знаетъ, что духъ народа тѣсно сопряженъ съ его вѣрою, и охраняется, какъ языкомъ его, такъ и другими виѣшними отпечатками его внутренней жизни. Такимъ охранительнымъ виѣшнимъ отпечаткомъ духа всего русскаго на-рода, служатъ, между-прочимъ, его церковнославянскія и русскія письмена. А потому, вводить среди православнаго южнорусскаго народа латинскую азбуку, значитъ желать ему только отдѣленія отъ общей семьи православнаго русскаго народа и приближенія къ латинству. Мы очень-хорошо знаемъ, какія были послѣд-ствія введенія латинскаго алфавита для западныхъ сербовъ, знаемъ, что даже галицкіе русины понимаютъ важность церковно-славянскаго и русскаго алфавита, и не смотря на усилія своихъ противниковъ, не хотятъ допустить у себя алфавита латинскаго.

Скажите-же, ради Бога, на какомъ основаніи южно-русское народонаселеніе, простирающееся почти до пяти милліоновъ (разумѣемъ въ губерніяхъ: кievской, вольнской и подольской), должно учиться истинамъ вѣры и русскому языку, читать свою

исторію по вашей латинской азбукѣ, а не по своей церковно-славянской, или русской? Неужели южнорусскій народъ, чуждавшійся подобнаго алфавита во дни невгодъ и раздѣленій, долженъ допустить его среди себя теперь, во дни мира, условіи и воссоединенія всей Руси подъ державною рукою царей русских?

Быть можетъ, скажутъ, что подобный алфавитъ былъ-бы гуманнѣе средствомъ для сближенія огромнаго православнаго южнорусскаго народонаселенія съ тѣмъ меньшинствомъ его, которое приняло латинство. Но если для сближенія однихъ съ другими нуженъ именно общій алфавитъ, то почему-бы три или четыре тысячи не принять алфавита пяти тысячъ и при томъ въ русскомъ царствѣ, на древнерусской территоріи? Кажется, такой способъ сближенія былъ-бы естественнѣе. При томъ-же, если такъ гуманно назначеніе латиноукраинскаго алфавита, то рождается вопросъ: для которой изъ двухъ сторонъ предназначаютъ его? Если для стариннаго православно-русскаго народонаселенія южной Руси, то мы уже показали, до какой степени нелѣпо придумывать для него новый латинскій алфавитъ, когда мы въ немъ вовсе не нуждаемся. Если-же букварь съ новымъ алфавитомъ назначается для того, чтобы меньшинство народонаселенія южной Руси, принявшее латинство, могло когда-нибудь читать произведенія южнорусской письменности, то не страшно также, изучивши уже языкъ и возмужавъ его, чуждаться предмета гораздо-легчайшаго, а именно его алфавита, и при томъ гдѣ-же? въ предѣлахъ земли русской? Словомъ, съ какой-бы стороны мы ни расширявали этотъ алфавитъ съ букваремъ, онъ не имѣетъ добраго смысла и ничего не принесетъ, кромѣ вреда.

Такова наша мысль о латиноукраинскомъ букварѣ среди православнаго южнорусскаго народа. Послѣ того ясно, почему мы не желаемъ ему подобнаго букварей. Нѣтъ, не такіе буквари ему нужны. Приготовляемый къ выходу изъ крестьянскаго состоянія, онъ въ настоящее время, болѣе, нежели когда-либо, нуждается въ средствахъ первоначальнаго обученія, въплоть соотвѣствующихъ его православно-южнорусской народности. Таковъ-же долженъ быть и предназначаемый для него букварь. Окончательныя наши примѣчанія о немъ, начатыя нами выше.

Букварь, предлагаемый для южнорусскаго народа, какъ и для великорусскаго, долженъ заключать въ себѣ два алфавита: церковно-славянской и русской, изъ которыхъ одинъ служилъ-бы для статей религіознаго содержанія, или, по-крайней-мѣрѣ, для молитвъ, а другой для остальныхъ статей. Составъ буквара ю-

жетъ быть слѣдующій: въ самомъ началѣ, разумѣется, будутъ помѣщены азбуки церковнославянская и гражданская русская и склады по обѣимъ азбукамъ. За азбукою и складами должны слѣдовать молитвы церковнославянскимъ алфавитомъ. Далѣе можно помѣстить статьи религіознаго содержанія, одни церковнославянскими, а другія гражданскимъ алфавитомъ. За этими статьями необходимо помѣстить простое и краткое изложеніе исторіи Руси *). Въ этомъ изложеніи нужно объяснить, (какъ можно короче), что южная Русь издревле составляла одно цѣлое съ сѣвѣрною, съ которою и теперь она составляетъ одну имперію русскую. (Въ среднемъ періодѣ русской исторіи нужно кратко объяснить, что значительная часть южной Руси была соединена съ рѣчью-посполитою польскою, какъ равное съ равными (utī parī parī); но что въ слѣдствіе нарушенія этого условія, гоненіями противъ православія, по поводу уніи, тотчасъ возникли войны южноруссовъ (въ лицѣ казаковъ) съ рѣчью-посполитою, которыя кончились наконецъ тѣмъ, что при Богданѣ Хмельницкомъ южная Русь снова соединилась съ православною сѣвѣрною Русью. Хотя, наконецъ, этотъ актъ соединенія съ прутскаго Петрова похода былъ вѣскольکو измѣненъ, но снова и окончательно осуществился при императрицѣ Екаторинѣ II **). За краткою русскою исторіею

*) См. для примѣра *Русскую азбуку*, изд. Греча, Спб. 1846 г., стр. 79.

**) Случается иногда слышать, что войны южноруссовъ съ польскою рѣчью-посполитою, извѣстныя подъ именемъ казацкихъ, были только возстаніемъ черни противъ дворянства, демоса противъ аристократіи. Этотъ взглядъ ложень. Войны, извѣстныя подъ именемъ казацкихъ, возникли вслѣдствіе чрезвычайныхъ угнетеній со стороны польской шляхты, особенно вслѣдствіе уніи, которой не хотѣлъ принимать южнорусскій народъ. Если-же въ этихъ войнахъ не принимали участія значительнѣйшіе южнорусскіе роды и были ненавидимы народомъ русскимъ, какъ, на примѣръ, Вишневецкій, то это потому, что они поддались напору латинопольскаго элемента. По этой-же причинѣ и войны эти на первый взглядъ покажутся возстаніемъ демоса противъ аристократіи; но въ сущности это было возстаніе южнорусской народности противъ латинопольской. Кому-же оставалось вступить за южную Русь, какъ не людямъ средняго и низшаго класса, когда высше представители ея или отступились отъ нея, или двоедушничали? При томъ-же несправедливо, что въ этихъ войнахъ, со стороны южноруссовъ, принимала участіе только чернь. Разумѣется; масса ратныхъ людей, какъ и всегда бываетъ, состояла изъ простаго народа, но между ними было очень много и шляхетныхъ людей. Если православный южнорусскій народъ не любилъ даже своихъ православныхъ вельможъ, напримѣръ, Киселя, то совсѣмъ не потому, что онъ былъ вельможа, но именно потому, что онъ былъ двоедушень, и что, по выраженію современниковъ, кости у него были русскія, но обросли чужимъ мясомъ. Даже въ позднѣйшихъ набѣгахъ казац-

можно помѣстить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ отечественной географіи и естественной исторіи *), а въ заключеніе можно-бы прибавить нравственныя статьи, или объясненія избранныхъ правоучительныхъ текстовъ на южнорусскомъ нарѣчій **). Въ началѣ, или въ концѣ грамматики непрѣменно нужно присовокупить краткую статейку о значеніи для всѣхъ русскихъ церковнославянскаго и русскаго алфавита. Но пока будутъ приготовлены подобныя буквари, можно употребить въ дѣло теперь-же церковно-славянскіе буквари, издаваемые Кіевопечерскою лаврою, которые были-бы постояннымъ для народа напоминаніемъ о связи его съ древнѣйшею святынею въ южной Руси. Кромѣ-того, необходимо позаботиться о распространеніи въ достаточномъ количествѣ, какъ нужнѣйшихъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ русскихъ книгъ, примѣненныхъ къ его быту.

Но ни буквари, ни другія народныя книги сами собою не принесутъ еще пользы православному южно-русскому народу. Необходимо обратить усиленное вниманіе и на другія, не менѣе важныя мѣры; они будутъ зависѣть уже отъ заботливости пастырей церкви: церковь должна быть первымъ началомъ, скрѣпляющимъ единство всего русскаго народа. Хорошо было бы, еслибы православному духовенству вмѣнено было въ обязанность обученіе дѣтей какъ молитвамъ, такъ и грамотѣ церковной и русскаго. Къ сожалѣнію должно признаться, что этотъ предметъ, не смотря на чрезвычайную важность его, въ здѣшней части Руси, встрѣтитъ много препятствій, между прочимъ даже со стороны сельскаго духовенства. Трудно понять, отчего наше православное духовенство признаетъ своею обязанностію только исполненіе требъ, а обученіе народа церковной грамотѣ, или по крайней мѣрѣ молитвамъ, символу вѣры и десятословію не относитъ къ числу своихъ обязанностей. Между тѣмъ какъ именно въ югозападной Руси подобное обученіе составляетъ теперь самую настоятельную потребность. Кромѣ того, священнослужители же должны принять на себя обязанность обучать желающихъ и русскаго грамотѣ; разумѣется, тѣмъ лучше было бы, еслибы всѣ обучались и послѣдней. Мы принадлежимъ къ старинному южно-русскому народонаселенію въ югозападной Руси, и всегда должны быть въ неразрывномъ единствѣ съ народами

кихъ, значительно утратившихъ свой прежній характеръ, все-таки ясно проглядываетъ это первоначальное, основное начало вражды.

*) См. *азбуку* Греча, стр. 58 и 70.

**) См. для примѣра граматку *Кулиша*, стр. 129.

великорусскимъ; а потому и языкъ еѳ, какъ самый образованный изъ трехъ отраслей русскаго языка долженъ быть для всѣхъ отраслей русскаго народа тѣмъ же, чѣмъ былъ некогда аттическій діалектъ для всѣхъ грековъ. Въ югозападной руси (мы разумѣемъ преимущественно кievскую, волинскую и подольскую губерніи) священно- и церковно-служители тѣмъ охотнѣе должны бы принять на себя эту святую обязанность, потому что здѣсь они получаютъ жалованье отъ правительства. Впрочемъ отъ зажиточныхъ поселянъ, желающихъ обучать своихъ дѣтей грамотѣ, они могли бы получать нѣкоторое вознагражденіе, лишь бы не превышающее скудныхъ средствъ земледѣльца.

Чтобы съ подобнымъ обученіемъ народа, столь необходимымъ въ этомъ краѣ, сельское духовенство свыклось, какъ съ непремѣнною своею обязанностію, хорошо было бы, во-первыхъ, еще въ семинаріяхъ объявлять ученикамъ при выпускѣ, что на этомъ только условіи они могутъ быть допущены къ званію священно-служителей, и предъ поступленіемъ въ это званіе требовать отъ нихъ подписки въ исполненіи наставнической обязанности; во-вторыхъ, нѣтъ никакой нужды ограничиваться только лицами духовнаго званія при замѣщеніи причетническихъ должностей. Многіе изъ нынѣшнихъ причетниковъ именно потому и бывають небрежны въ исполненіи своихъ обязанностей, что знаютъ, что исключеніе изъ духовнаго званія, какъ наказаніе, бываетъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Между тѣмъ какъ честные грамотные мѣщане, или крестьяне, выбранные въ причетническое званіе, по общему голосу прихожанъ, гораздо болѣе дорожили бы своимъ званіемъ и гораздо лучше исполняли бы свои обязанности. Быть можетъ, по этой же причинѣ, лучше было бы облегчить и лицамъ другихъ званій доступъ въ семинаріи и къ священническому сану.

Наконецъ, весьма хорошо было бы, если бы и здѣшніе православные монастыри своими посильными трудами содѣйствовали приходскому духовенству на этомъ новомъ поприщѣ; они могли бы открыть у себя небольшія школы для дѣтей крестьянъ по крайней мѣрѣ близъ-лежащихъ селеній. Въ особенностѣ много добраго могла бы сдѣлать въ этомъ отношеніи Кіевопечерская Лавра не только полезными книгами (даже церковными букварями) для народа, но и заведеніемъ небольшого количества сельскихъ школъ въ каждой изъ трехъ югозападныхъ губерній и обученіемъ въ нихъ посредствомъ нарочно-высылаемыхъ для этой цѣли примѣрныхъ инокъ.

Впрочемъ, каковы бы ни были разногласія касательно предложенныхъ нами мѣръ первоначальнаго народнаго обученія, одно не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что начала новой жизни православныхъ южно-русскихъ крестьянъ въ югозападной Руси требуетъ теперь же самой неусыпной заботливости о немъ со стороны Церкви и Правительства.

X.

СТАРЧЕСТВО.

(Съ педагогической точки зрѣнiя.)

«Мертвые никогда не могутъ быть слишкомъ стары» сказалъ однажды въ шутку Беранже — и въ этомъ, конечно, большое преимущество мертвыхъ передъ живыми, которые часто старѣютъ до того, что наконецъ теряютъ совершенно всякiй органъ къ впечатлѣнiямъ вѣчно-юной, вѣчно-измѣняющейся жизни. Старость многихъ поколѣнiй копится на потомкахъ, и въ этомъ отношенiи, мертвые иногда въ самомъ дѣлѣ моложе. За сто слишкомъ лѣтъ назадъ Кантемиръ говорилъ:

«Еслибъ я, увидѣвъ, что кто нибудь не выпускаетъ изъ рукъ часовника и по пяти разъ въ день побываетъ въ церкви, постоитъ, ставитъ свѣчи и не спитъ съ женою, хотя пускаетъ голымъ бѣдняка, отнявъ послѣднюю у него рубашку, — еслибъ я увидѣвъ такого человѣка, сказалъ ему: «Дружокъ! ты заблуждаешься: этимъ путемъ въ рай не войдешь, а если заботишься о спасенiи души, то возврати неправедно присвоенное» — онъ, воспылавъ гнѣвомъ, вѣроятно, отвѣтитъ мнѣ: «Напрасно, жоло-косось, суешься съ совѣтомъ». И точно: мнѣ не минуло еще и тридцати лѣтъ, еще не посѣдѣлъ ни одинъ черный волосъ на головѣ моей. Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ исправлять сѣдыя старцевъ, которые читаютъ съ очками и едва три зуба успѣли сберечь за губами».

Кантемиръ, писавшiй это въ 1739 году, былъ очень молодъ: такимъ онъ остается для насъ и до нынѣ, а мы, принужденные черезъ сто двадцать лѣтъ повторять подобное, не правда ли, очень стары?

Любопытно однако посмотрѣть, какъ измѣнился вѣкъ съ того времени. Мы уже всѣми силами воспримчивой русской души придвинулись къ западу, который, не смотря на свою дряхлость, все еще полонъ для насъ плодовъ и цвѣту; Петровское окошко

стало намъ широкою дверью, — видѣтъ съ тѣмъ измѣнился во многомъ и характеръ нашего старчества.

Не одни только герои о трехъ зубахъ (этого, собственно говоря, и не бываетъ, потому что искусство вставлять зубы достигло нынѣ высшаго совершенства) являются его представителями; но и люди зрѣлаго мужества, и на видъ цвѣтущіе юноши, и порою даже младенцы. Чтобъ читателямъ не показалось преувеличеннымъ, такое утвержденіе, рассмотримъ отличительныя черты старчества съ педагогической точки зрѣнія. Педагогика, какъ наука, имѣющая дѣло съ развитіемъ всѣхъ способностей въ человѣкѣ, укажетъ намъ также, въ чемъ несомнѣнный характеръ застоя. Мы очень много читали статей, въ которыхъ объясняется, что должно дѣлать съ дѣтьми для возбужденія въ нихъ охоты къ ученью; намъ также полезно знать, съ какими дѣтьми порою имѣемъ мы дѣло, и на сколько способны мы сами быть воспитателями общества. Если въ нашей статьѣ встрѣтятся нѣкоторыя повторенія уже давно знакомаго, то просимъ извинить. Не думая никого исправлять, мы только слѣдуемъ примѣру педагога, который, сказываютъ, тѣмъ и увѣщевалъ своихъ слушателей, что безпрестанно повторялъ каждому изъ нихъ: «Ты, братецъ, спасалъ Римъ съ гусями». Слова эти вошли въ поговорку, и воспитанники часто употребляли ее между собою, говоря товарищу, сдѣлавшему какую нибудь глупость: «Экъ, спасъ Римъ!» Каждый изъ нихъ наконецъ, ничего такъ не боялся, какъ «спасти Римъ».

Старчество выражается:

- a) Совершеннымъ притупленіемъ жизненныхъ органовъ.
- b) Стремленіемъ человѣческой души ко сну и къ покою.
- c) Лихорадочной дѣятельностью, подобной тому, когда больной мечется на смертной постелѣ.

Тамъ, гдѣ вѣкъ и общество требуютъ отъ каждаго живой, неутомимой дѣятельности, счастливѣе многихъ здоровыхъ людей глухіе, слѣпые, параличные и другаго рода убогіе люди. Заслуживая наше состраданіе, они ни въ чемъ не заслуживаютъ упрека. Способность вѣчно жить въ заколдованномъ кругу мечты, забывая насущную боль и скуку, послужила бы для нихъ скорѣе предметомъ похвалы, чѣмъ осужденія. «Бѣдный человѣкъ!» скажутъ про нихъ «лишенъ всего, что даетъ наслажденіе слуху и отраду взору; а между тѣмъ посмотрите: вѣдь нашелъ себѣ утѣщеніе!».

Пиндаръ такъ описываетъ островъ блаженныхъ: «Тамъ не

нужно бороздить силою рукъ ни земли, ни морской пучины; сладкіе вѣтерки и тамъ легѣютъ златыя плоды (безъ золота, какъ видите, нигдѣ не обойдешься) и все кругомъ обвито пышными гирляндами цвѣтовъ». Такова по истинѣ жизнь людей убогихъ! Чувствуютъ ли однако и они свое горе? Конечно. Но кромѣ недуга болѣзни есть недугъ здоровья, еще болѣе горькій и чувствительный. Жажда видѣть и слышать, жажда вѣчнаго движенія порою истомляютъ хуже лихорадки. Глухота и слѣпота избавятъ, какъ отъ этихъ бѣдъ, такъ и отъ другихъ напастей, проникающихъ чрезъ слухъ и зрѣніе въ сердце человѣка. Кромѣ такихъ людей, живущихъ поневогѣ призраками сна, встрѣчаются старцы (какого бы они ни были возраста), которые, по дѣйствию окружающаго ихъ воздуха, или ужъ по природному миролюбію, никогда не чувствовали потребности быть молодыми, хотя имѣютъ въ цѣлости всѣ потребныя къ тому органы. Тайныя тревоги сердца, недовольство собою, страстное увлеченіе души, способность высоко уноситься по воздуху и спотыкаться на твердомъ пути, восторгъ и отвращеніе, пламя гнѣва и неистовый жаръ любви — весь этотъ кипучій водоворотъ юношества для нихъ застывшая лава. Безпечная веселость вѣчно сияетъ въ ихъ взорахъ, и про нихъ обыкновенно говорятъ: «Добрый человѣкъ! Славный малый!» И они, дѣйствительно, также добры, какъ старый, расплывшійся пестъ, который по особенному расположенію кухарки, Агафьи, спитъ, растянувшись у печки, не охотно просыпаясь даже, чтобъ ѣсть, и никогда ни на кого не заетъ. Нельзя сказать, чтобъ они спали постоянно: напротивъ, въ ихъ движеніяхъ иногда замѣтна даже рѣзвость кота, бѣгающаго весною по крышамъ; но, кромѣ этого, исключительнаго признака жизни, всѣ органы ихъ такъ странно устроены, что предметы, волнующіе обыкновенныхъ людей, ихъ нисколько не тревожатъ. Они поѣдутъ на похороны, также какъ на свадьбу, имѣя и въ первомъ и во второмъ случаѣ одну заботу: оцѣнить достойнымъ образомъ искусство повара. Васъ чаруетъ до безумія кокетливый Рейнгъ среди его мрачныхъ скалъ и замковъ, веселыхъ сияющихъ городковъ и узоровъ винограда; васъ плѣняетъ зелень миртъ, лавровъ и померанцевъ подъ лазоревыхъ небомъ Италіи; вамъ вѣчно памятна шумная, неугомонная, блестящая жизнь Парижа. И они, пожалуй, объѣдутъ всю Европу, и вотъ въ ихъ записной книжкѣ прочтете:

«Майнцъ, 13-го мая. Отвратительныя котлетки!.. сорвали въ три дорога!.. Прислуживала нѣмка — совершенный габер-супъ.

Интерлакенъ, 5 іюня. Порядочные однако подлецы швейцарцы! Наставили по шкапамъ деревянныхъ игрушекъ.... смотришь: 5 франковъ, 20 франковъ... А вѣдь, чортъ, соблазнишься, купишь! Ну, какъ не привезти домой дѣтямъ? Дескать, изъ-за границы.... А у насъ ярославскій мужикъ не хуже сдѣлаетъ!

Парижъ 6-го августа... Роза! Роза! эхъ, лакомый кусочикъ, за то сто франковъ.... вѣдь не шутка!»

Штетинъ 1-е сентября. Ну, слава Богу!.. домой! Какъ приѣду въ Петербургъ, такъ тотчасъ дамъ знать по телеграфу въ Москву, чтобъ приготовили стерляжьей ухи и самой крутой каши... Просто, одолѣла эта нѣмецкая кухня!»

Можетъ быть, подумаютъ, что это люди нѣсколько раздражены противъ общественнаго зла Европы или заражены скупостью? Нисколько! Они ни разу въ жизни ни на что не сердились. Въ ихъ, на видъ непріязненныхъ, возгласахъ, все таже *bonhomie*, привѣтливость и любезность. Взявъ съ улицы перваго попавшагося нѣмца, они напоятъ его шампанскимъ, и потомъ скажутъ: «Вишь, бестія! любить погулять на чужой счетъ»... Но это не помѣшаетъ имъ вновь напоить его и вновь надъ нимъ посмѣяться. Какъ поступали бы они тамъ, гдѣ обстоятельства принудили бы ихъ не на шутку съ кѣмъ нибудь ссориться? Странно, что такихъ обстоятельствъ съ ними никогда не бывало! Еще въ школѣ они терпѣли единицы, заключеніе въ карцеръ, толчки товарищей съ невозмутимымъ равнодушіемъ. Учитель, напримѣръ, разбранить, выгнать изъ класса, запишетъ въ штрафную книгу. Юноша, обыкновенно довольно рослый, встрѣчая его послѣ этого, раскланивается, какъ будто ни въ чемъ не бывало, и говоритъ, усмѣхаясь: «А я сидѣлъ изъ за васъ здѣсь на воскресеньѣ!»— Чтожъ, пріятно?— спрашиваетъ учитель— «Ничего. Мы цѣлый день играли въ бирюльки».— Ну, смотрите же! впередъ не лѣниться!— «Какъ можно! Не буду....»

Эти лица, считавшіяся въ школѣ ни къ чему неспособными и выключаемыя съ позоромъ, не окончивъ курса, какими-то чудомъ являются въ свѣтѣ довольно видными людьми и часто служатъ не безъ успѣха. Ихъ любятъ и дамы, которымъ бываютъ они самыми искренними лакеями. Они приняты съ отверстыми объятіями, какъ въ дружескихъ кружкахъ, такъ и въ модныхъ собраніяхъ. Услужливость открываетъ имъ доступъ въ сердце каждаго, и здѣсь тайна ихъ успѣха. Они, какъ сказалъ я, совершенно чужды злобы. Встрѣтятся съ тѣмъ же учителемъ, настойчивость котораго, можетъ, болѣе всего содѣйствовала къ

ихъ исключенію изъ училища, они говорятъ: «Сергій Петровичъ! здравствуйте... Что? какъ теперь у васъ учатся? А помните, я-то, я-то сколько имѣлъ у васъ нулей! Ха, ха, ха! Знаете, приходите комнѣ... угощу такимъ шампанскимъ, что нѣкъ не забудете!» Какъ не назвать ихъ послѣ этого добрыми мальчи? Къ какой бы партіи имъ принадлежалъ, какого мнѣнія ни держался бы человѣкъ, они со всякимъ сойдутся, потому что въ сущности всѣ партіи соединяются въ стремленіе хорошо поѣсть и пображничать. Затѣмъ ли споръ о томъ, полезно или вредно было для Россіи бритье бороды, они будутъ утверждать, что необходимо носить ее и въ тоже время уничтожить.

«Какія надежды! какой блестящій успѣхъ на поприщѣ гражданственности готовится нашему отечеству! Свободный трудъ наконецъ получаетъ свое значеніе въ Россіи!» говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ, только что кончившій курсъ въ университетѣ. «Удивительно! Удивительно!» отвѣчаетъ Петръ Ильичъ. «Я вамъ скажу: это эпоха! Мы дѣлаемъ прогрессъ... прогрессъ— вотъ что важно.»

«Послушайте однако», вмѣшивается другой: — «Зачѣмъ такъ увлекаться? Нужно, чтобъ это сдѣлалось само собою, постепенно.... А то посмотрите, какъ наша молодежь необразована! Скажи ему, что онъ вольный... онъ, пожалуй, не будетъ и оброку платить.»

«Да, да, ужасно!» отвѣчаетъ Петръ Ильичъ «не будетъ платить, и basta!»

Намъ, можетъ быть, возразятъ, что эта услужливость и сговорчивость собственно не есть признакъ старчества, что старцы напротивъ того бываютъ упрямы, необщительны и брюзгливы. Но мы разумѣемъ здѣсь однихъ добрыхъ, незлобныхъ старцевъ, мы беремъ наконецъ растение въ корнѣ, а не въ цвѣткахъ. Цвѣтки оказываются рано или поздно. Мы видимъ, какъ изъ юношеской лиричности и вялости возникаетъ совершенная неспособность къ какому нибудь труду; отъ неспособности является желаніе устроить жизнь безъ борьбы миролюбивымъ образомъ; наконецъ приходитъ пора отдохнуть на лаврахъ: человѣкъ женится, тодствуетъ, и ограничиваетъ всѣ свои желанія сытнымъ обѣдомъ и крѣпкимъ смомъ послѣ онаго. Нужно ли говорить, что онъ былъ когда нибудь молодъ? Онъ въ сущности ни въ чемъ не измѣнился отъ начала до конца жизни.

Если бы педагогика хотѣла обратить вниманіе на этотъ родъ старчества, то должна бы въ значительной мѣрѣ воспользо-

заться помощью медицины. Вялость и неспособность дѣтей является то какъ наслѣдственный порокъ, то какъ слѣдствіе дурнаго ухода въ младенчествѣ. Посмотрите на этого ребенка: онъ едва дышется, онъ до семи лѣтъ не приобрѣлъ способности говорить, и сосетъ одинъ леденцы, отказываясь отъ всякой здоровой пищи. «Больной!» говорятъ родители. «Не слѣдуетъ бѣдняжку принуждать.... Слава Богу, что спитъ спокойно.» И дѣйствительно, золотуха, оспа, чесотка попеременно доказываютъ въ немъ не малую испорченность крови. Больной и вялый, въ десять лѣтъ онъ по прежнему остается тупъ и неподвиженъ. Развѣивайте его, если у васъ достанетъ на то умѣнья. Напрасное безпокойство! Бабушка, Федосья Кириловна, разовѣетъ прежде. «Голубчикъ мой! скажетъ она:—замучили тебя этимъ проклятымъ ученьемъ. Говорила отцу, чтобъ берегъ, такъ нѣтъ! посылаетъ въ школу. Поди сюда, мой ангелочекъ! Бишь, и глазки то со всѣмъ распухли отъ книгъ.... Поди сюда.... На, вотъ, покушай пряничка, да посиди со мною.» А отецъ тутъ же при случаѣ прибавитъ. «Ничего! не робѣй, Ваня! Не всѣмъ хватать съ неба звѣзды. Вотъ, есть куда какіе умники, да гуляютъ по городу безъ мѣста... А ты, дружокъ, потерпи, да умѣй всякому услужить, такъ и тебя никто не обидитъ. Пусть не бойкаго ума, да скажутъ: доброе сердце!»

Разстанемся наконецъ съ этими добросердечными старцами и перейдемъ къ другимъ, у которыхъ стремленіе къ сну и неподвижности происходитъ вовсе не отъ тупости органовъ, а есть какъ будто сознательное, неутомимое преслѣдованіе избранной идеи. Тутъ представляются намъ особенныя трудности въ опредѣленіи типовъ, потому что типы эти разнообразны до безконечности. Мы избираемъ только немногіе.

Вотъ господинъ на видѣ угрюмой, сердитой наружности: изъ подъ сморщенныхъ, низкихъ бровей глядятъ тупо холоднымъ стекляннимъ взоромъ глаза; сжатые губы, выдавшійся подбородокъ и стянутыя къ низу морщины лица свидѣтельствуютъ о затаенной ненависти противъ свѣта. Да! господинъ этотъ имѣетъ право быть недовольнымъ: онъ обойденъ мѣстомъ, для достиженія котораго пять лѣтъ на роскошныхъ обѣдахъ воздерживался отъ вина и мяса, чтобъ заслужить одобреніе своего начальника.

Какъ это случилось, неспѣшно; но мѣсто получилъ одинъ молодой человекъ, вольнодумецъ, сумазбродъ, запретившій даже чиновникамъ приходить къ нему съ поздравленіемъ въ празд-

никъ. Это тѣмъ обидѣе господину: самъ готовясь быть отчаяннымъ вольнодумцемъ по случаю своей неудачи, онъ вскипѣлъ непримиримой враждою противъ всего молодаго поколѣнія. Безсильная ненависть затвердѣла, окаменѣла въ его сердцѣ, превратившись въ какой-то родъ помѣшательства. «Развратъ! развратъ! говоритъ онъ, и одинаково бранить старину и новый вѣкъ.

Вотъ другое лицо не очень важнаго чина, но очень солидное. Имѣя съ младенчества исключительную любовь къ порядку и охраненію своей собственности, Сергѣй Семеновичъ превратился, такъ сказать, въ олицетворенный порядокъ. Подобно фраку или вицмундиру, и душа его застегнута на всѣ пуговицы отъ верху до низу. Онъ держится прямо, говоритъ медленно и точно, не дозволить ни себѣ ни другимъ малѣйшаго въ чемъ либо излишка. Когда чиновникъ, однажды изъ усердія окончивъ ранѣе обыкновеннаго дѣло принесть для доклада, Сергѣй Семеновичъ съ неудовольствіемъ вскрикнулъ: «кто васъ просилъ! вы вовсе не знаете порядку....»

Однажды рассказывалъ онъ пріятелю о предстоящей поѣздкѣ своей сестры за границу и чертилъ пальцемъ на столѣ карту, обозначая съ точностью каждое мѣсто, куда сестра его поѣдетъ. Разсказъ шелъ такъ чинно и такъ долго тянулся, что гость началъ уже засыпать. Сергѣй Семеновичъ все еще продолжалъ: «Отсюда.... отсюда пароходъ идетъ на прямой линіи къ толбухинскому маяку.... Толбухинскій маякъ находится вотъ здѣсь.... Такимъ образомъ пароходъ идетъ сюда къ толбухинскому маяку. Потомъ слѣдуетъ черта, проведенная.... проведенная въ направленіи къ острову, который.... къ этому скалисту острову....» Сергѣй Семеновичъ приложилъ палецъ ко лбу.

Сынъ его, очень бойкій мальчикъ, всегда внимательно слушавшій, что говорятъ старшіе, не удержался, чтобъ не воскликнуть: «Папа! Голландъ....»

«Проведенная въ направленіи къ скалисту острову, Голланду» продолжалъ Сергѣй Семеновичъ, и потомъ, обращаясь къ сыну съ гнѣвнымъ лицомъ, протяжно сказалъ: «Кто тебя спрашивалъ? Долженъ молчать, молчать, когда говорятъ другіе. Ступай сейчасъ въ уголь и тамъ у меня стой, пока не позволю сойти съ мѣста.»

На счетъ нравственности Сергѣй Семеновичъ также очень строгъ; онъ готовъ видѣть ея нарушеніе въ томъ, что во время обѣда кто нибудь скатаетъ шарикъ и кинетъ, — что кто-нибудь

громко заговорить и разсѣется. Современная наука ведетъ, по его мнѣнію, только къ невѣрію и непокорству; но онъ не скажетъ этого прямо, а изъяснится такимъ образомъ: «Не понимаю, за чѣмъ молодымъ людямъ столько учиться, когда въ настоящее время главная цѣль создать полезныхъ отечеству гражданъ! Слѣдовательно, не знаніе, а, такъ сказать, сознаніе.... сознаніе своего долга должно руководить ихъ шагами при вступленіи на службу....»

Однако современная жажда къ преобразованіямъ такъ сильна, что она коснулась и Сергѣя Семеновича. Онъ предложилъ сдѣлать нѣкоторыя улучшения по канцеляріи, въ которой служилъ:

1) Подобно входящимъ и выходящимъ бумагамъ, записывать каждаго чиновника, обозначая съ точностью время его прихода и ухода.

2) Для распространенія гласности завести у каждой двери звонокъ.

3) Натирать полы особенно рода мастикой для приданія ббльшаго блеску.

4) Устроить изъ учебныхъ заведеній подобіе маленькихъ департаментовъ и завести между ними переписку для обученія служебному порядку.

Вы вѣроятно, знаете Фридриха Карловича? Если не знаете, то я васъ познакомлю. Тридцать лѣтъ тому назадъ онъ пилъ пиво и распѣвалъ пѣсни со студентами разныхъ германскихъ университетовъ. Написавъ диссертацию «о значеніи стрекозы въ древней мѣологіи,» онъ возвратился въ Россію, гдѣ и дѣйствовалъ постоянно по учебному вѣдомству. Нельзя не любить Фридриха Карловича за то, что онъ питаетъ глубокое уваженіе къ наукѣ, хотя и полагаетъ, что современная наука движется не впередъ, а все назадъ, или лучше сказать, изъ прежняго, исполненнаго глубины, мыслителя становится какой-то разряженной барыней сомнительнаго поведенія. Защищая исключительно специальность, онъ до сихъ еще поръ продолжаетъ свое изслѣдованіе о стрекозѣ и уже началъ доказывать, что во многихъ преданіяхъ среднихъ вѣковъ, какъ, напримѣръ, о Карлѣ Великомъ, стрекоза въ видѣ различныхъ символовъ играла непослѣднее значеніе. Такъ приближается онъ постепенно къ нашему времени. Когда у насъ явилась любовь къ филологическимъ изслѣдованіямъ, и Фридрихъ Карловичъ началъ вникать, нельзяли еще извлечь чего нибудь изъ стрекозы. Онъ безъ труда открылъ, что это слово явно раздѣляется на двѣ части: *стре* и

коза. Обратившись къ нашей миеологiи, онъ также безъ труда нашелъ, что первый слогъ: *стре* или *стри* есть сокращенное «Стрибогъ,» богъ стриженiя козъ. Такимъ образомъ явилась у него мысль для новаго разсужденiя: «о Стрибогѣ и о козѣ.» Наконецъ, при современномъ движенiи умовъ, и Фридрихъ Карловичъ не хотѣлъ остаться бездѣйственнымъ. Онъ предполагаетъ составить новую науку подъ названiемъ: «Стрекозологiя» и по возможности открыть особенныя публичныя чтенiя объ этомъ предметѣ.

Наружность старца, какъ мы замѣтили, иногда бываетъ очень обманчива. Вы встрѣтите господина въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, который на видъ кажется довольно дѣятеленъ, говоритъ важно о пользѣ науки, упрекаетъ молодое поколѣнiе въ лѣности и общество въ эгоизмѣ; а въ сущности онъ первый, какъ рогатый волъ, упрется противъ какого нибудь преобразованiя, служащаго залогомъ общественнаго успѣха.

Вы вдругъ находите самый сильный отпоръ тамъ, гдѣ его вовсе не ожидали. Покамѣсть общество спокойно, неподвижно, эти лица считаются чуть ли не первыми двигателями; едва начинается малѣйшее движенiе впередъ, открывается вся сила энергiи, заключенная въ ихъ натурѣ.

«Какой успѣхъ!» говорятъ они «обрадовались успѣху! Ну, такъ, если угодно, ступайте себѣ жить въ хижину между аркадскими постушками, а я вамъ слуга покорный! Отъ идей сытъ не будешь. Да и вовсе не наше дѣло мѣшаться во всю эту исторiю: что прикажутъ, то и будете дѣлать. А я вамъ скажу, что жвѣ этаго все-таки ничего не выйдетъ. Что за нелѣпная мысль измѣнять все на новый ладъ, какъ будто бы вамъ за это давали, Богъ вѣсть, какiя деньги! Ну, хотите показать ваше безкорыстiе, такъ пожертвуйте своимъ жалованьемъ для пользы общей, и ступайте мостить мостовую на улицу. А нѣтъ, такъ нечего и разглагольствовать объ успѣхахъ, нечего соваться вездѣ со своимъ носомъ! Вы только по пустыкамъ мутите воду!»

Есть также старцы сатирическаго направленiя, которые, не мѣшая и не противорѣча никому, мирно плывутъ на своей ветхой баркѣ по общему теченiю жизни, заботливо пща мелководiя, чтобъ не быть увлечену потокомъ. Быстрота вообще для нихъ не здорова. Но наблюдая издали смѣлый ходъ другихъ лодокъ и лодочекъ, дерзающихъ идти по самой глубинѣ, они выражаютъ несказанную радость, когда эти лодки, въ соревнованiи опередить одна другую, какъ нибудь столкнутся и перекувырнутся.

Они рады бы и сами содѣйствовать этому; но ветхость дней и боязнь за свою утлую барку не позволяютъ имъ пускаться далеко отъ берега.

«Что взяли!» восклицаютъ они. «Шибко шелъ, да остался по зади.... Эка штука! не трудно сломать голову. Нѣтъ! ты сѣумѣй потихоньку, потихоньку, пробраться.... А то побѣгу впередъ, обгоню.... вотъ, и обогналъ! Я, дескать, легокъ на ходу.... мнѣ все ни почемъ. Я, дескать, укажу еще другимъ дорогу.... Указалъ! Вотъ, и сиди на днѣ съ рыбами, и кушай уху.... небось, вкусно!» Такъ восклицаютъ они, и продолжаютъ барахтаться въ болотной травѣ со своею баркою.

Есть еще нравственные старцы.... Но нравственность, какъ извѣстно, у старцевъ совершенно особеннаго рода: она у нихъ подобна цвѣтамъ, которые производятъ на окнахъ морозное, зимнее солнце. Нравственные старцы постоянно жалуются на грубый матеріализмъ современнаго общества, на отрицательный духъ вѣка, на эгонстичное направленіе умовъ, жаждущихъ злата, и потому совѣтуютъ возвратится къ благочестивой старинѣ, къ могиламъ предковъ. Что касается эгонзма и матеріальнаго направленія общества въ нѣкоторыхъ, частныхъ его явленіяхъ, то, конечно, этому нельзя сочувствовать; но общее, цѣлое все-таки говорить въ пользу вѣка. Нравственные старцы не хотятъ понять, что ни въ одинъ вѣкъ не было столько доблестныхъ примѣровъ безкорыстнаго самопожертвованія для идеи, никогда наука не рѣшала столько вопросовъ, касающихся нравственнаго развитія человѣчества. Если же личный интересъ повсюду связанъ съ общественнымъ, то можетъ ли быть въ этомъ вредъ, когда побѣда остается за нравственными началами? Но этимъ людямъ нужна собственно не нравственность, а мягкая подушка для ихъ больной головы, которую можетъ повредить малѣйшій камешекъ сомнѣнья. Они обыкновенно хвастаютъ своею добротою; но доброта эта ограничивается тѣмъ, что они оказываютъ помощь родственникамъ и близкимъ знакомымъ, ничего не дѣлая для пользы общей.

Но изъ всѣхъ старцевъ, которыхъ гдѣ-либо найдете, всего милѣе и любопытнѣе для изслѣдованія разнообразныя старцы. Мы ихъ называли такъ потому, что они дѣйствительно, подобно прозрачному камню, отражающему всѣ семь цвѣтовъ радуги, безпрестанно мѣняютъ свой видъ. Какъ въ камнѣ, и у нихъ это происходитъ не вслѣдствіе какой-либо внутренней, разнообразно дѣйствующей силы, а только чрезъ отраженіе. Внутри вы нахо-

дите совершенно безцвѣтную, прозрачную и твердую среду, чистѣйшій кристалъ, на которомъ однако ничто не пуститъ корня. Отчегожь все-таки не полюбоваться игрою краскъ? Вы смотрите и удивляетесь. Вотъ, голубой цвѣтъ, совершеннѣйшій цвѣтъ невинности! Но старецъ повернулся — и лице его озарено розовымъ сіяньемъ! Еще минута — и самый темный, мутный цвѣтъ, какъ будто солнце зашло за тучу.

Люди, ищущіе во всемъ глубокой причины, часто совершенно теряются въ сомнѣніи, не зная, какъ объяснить эти перемѣны. Но такіе люди должны бы наконецъ успокоиться, потому что описанные нами старцы на каждомъ шагу встрѣчаются въ обществѣ. Кириллъ Оадѣичъ еще недавно объяснял, какой страшный вредъ происходитъ отъ ученья, какъ рождаетъ оно самоувѣренность въ молодыхъ умахъ и ведетъ къ нарушенію общественнаго порядка. Кирилла Оадѣича всѣ сочли человѣкомъ отсталымъ; молодые люди отшатнулись отъ него подальше. Оказалось, что Кириллъ Оадѣичъ хочетъ издавать журналъ съ цѣлю проводить современные идеи въ общество. Тотчасъ же собралась около него кучка довѣрчивыхъ юношей: многіе даже ужаснулись его вольнодумства. Но не прошло году, и Кириллъ Оадѣичъ, получивъ новое мѣсто, жесточайшимъ образомъ распекъ молодежь въ присутствіи одного важнаго начальника, за то, что не всѣ тотчасъ стали на вытяжку. Даже самъ псѣтителъ попросилъ его умѣрнить усердіе, говоря, что вовсе не требуетъ такого строгаго исполненія формы. Но едва начальникъ ушелъ, какъ Кириллъ Оадѣичъ замѣтилъ, обращаясь къ той же молодежи: «Ну, братцы, избавились.... Какъ гора съ плечъ... Вѣдь вотъ, стой на вытяжку, какъ пень; а дѣла не спросятъ».

Въ тотъ же день вечеромъ, бывши въ собраніи, онъ такъ распространялся о современной порчѣ нравовъ: «Не будетъ, не будетъ у насъ успѣха, пока не искоренятъ эту двуличность, это лицемеріе, съ которымъ человѣкъ говоритъ вамъ въ глаза одно, а за глазами другое».

Иногда высказывается въ немъ въ отношеніяхъ къ кому-нибудь необыкновенная нѣжность. Онъ васъ обниметъ, поцалуетъ въ щеку, глаза засіяютъ слезами отъ избытка чувства. Тогда берегитесь. Это вѣрный признакъ, что Кириллъ Оадѣичъ или собирается вамъ нагадить или, уже нагадилъ съ избыткомъ. Кириллъ Оадѣичъ необыкновенно уступчивъ въ мнѣніяхъ и свободно дозволяетъ каждому подавать свой голосъ; но какъ-то всегда бываетъ, что никто не подаетъ его, и все дѣлается по

его желанью, а желанье его состоитъ въ томъ, чтобъ ничего не дѣлалось.

«У молодыхъ людей, говорятъ онъ, нынѣ нѣтъ никакихъ убѣжденій. Грустно смотрѣть, какъ живутъ они совершенно по волѣ случая, по волѣ своей мимолетной страсти, которая ежеминутно увлекаетъ ихъ къ новымъ предметамъ. Нѣтъ! по моему, если ты защитникъ прогресса, то первый докажи это собственнымъ примѣромъ: стой твердо на пути истины, иди трезво и бодро впередъ, а главное заботься о томъ, чтобъ сберечь энергію для благотворной дѣятельности, сберечь чистымъ и непорочнымъ свое чувство и просвѣтитъ умъ основательной наукою». Но случись, что кто-нибудь съ нѣкоторымъ упорствомъ будетъ защищать свои убѣжденія, и Кирилль Ѡадеичъ скажетъ:

«Вотъ, каковы нынѣ молодые люди! Едва молоко обсохло на губахъ, ужъ каждый суется со своимъ мнѣніемъ; ужъ воображаетъ, что онъ мудрецъ, политикъ, преобразователь! И какія тутъ убѣжденія! Не въ убѣжденіяхъ дѣло, а слѣдуетъ слушать того, кто по опытиѣ, да по старше.»

Разумѣется, и то и другое будетъ сказано въ приличномъ случаѣ и при различныхъ обстоятельствахъ. Если же и случится кому-нибудь словить Кирилла Ѡадеича въ противорѣчій, то онъ всегда найдетъ средство вывернуться, потому что въ каждомъ предметѣ есть сторона лицевая и изнанка. Какъ искусный фокусникъ, онъ вдругъ покажетъ вамъ птицу, тогда какъ вы думали видѣть яйцо, а при случаѣ готово доказательство, что птица изъ яйца же выходитъ. Самое сомнѣніе на счетъ своей искренности Кирилль Ѡадеичъ сумѣетъ обратить себѣ въ пользу, доказавъ, что всякій мыслящій человѣкъ, чтобъ узнать вѣрнѣе людей, долженъ испытывать и ту и другую сторону, что ему не слѣдуетъ увлекаться пристрастіемъ къ какой-нибудь партіи, а во всемъ сохранять умѣренность, осторожность, благоразуміе. Изъ предъидущаго уже видно, что Кирилль Ѡадеичъ обладаетъ необыкновеннымъ даромъ слова. И дѣйствительно, какъ древніе схоластики, онъ способенъ говорить экстрактомъ длинную рѣчь на какую угодно тему, защищать любую тезу. Это особенно и пѣнняетъ слушателей: «А молодецъ, чортъ возьми!» говорятъ они, «откуда что у него родится... Ораторъ! совершенный ораторъ!» Люди ужъ такъ устроены, что любятъ всякій обманъ, ловко задуманный и исполненный. «Ну, Кирилль Ѡадеичъ!... размазали дѣло... Славно! славно! да вамъ только и быть дипломатомъ!» Кирилль Ѡадеичъ не прочь отъ этой похвалы, какъ видно изъ

его самодовольной улыбки; но сводить тотчасъ рѣчь въ сторону на какой-нибудь нравственный вопросъ, чтобъ новымъ впечатлѣнiемъ загладить первое, все-таки не совсѣмъ для себя выгодное. При этомъ ораторствуетъ онъ такъ краснорѣчиво, что у слушателей выступаютъ на глазахъ слезы умиленья. Бываютъ однако случаи, когда нужно лицомъ къ лицу во всей прямотѣ души стать предъ судомъ общественнымъ, и, снявъ маску, сказать опредѣленно, что ты за человѣкъ и къ чему направлена твоя воля. Судъ общественный! развѣ возможенъ онъ въ тѣхъ разединенныхъ кружкахъ, гдѣ все происходитъ домашнимъ, келейнымъ образомъ, основываясь на первобытныхъ началахъ семейства и патроната; гдѣ самая пестрота и шаткость въ мнѣнiяхъ раздробляютъ до безконечности голоса и интересъ общественный всегда молкнетъ передъ мелкимъ, личнымъ интересомъ. «Мы собрались въ дружную семью» — вотъ первое и послѣднее слово такихъ обществъ. Это значитъ: «Мы будемъ защищать другъ друга, какъ родственники. Какъ родственникамъ, намъ принадлежать и всѣ права по наслѣдству. Всякій, принятый въ нашу семью, во всемъ правъ и достоинъ уваженья, а до прочихъ намъ нѣтъ дѣла. Мы ужъ за своего стоимъ. Ну, какъ не порады родному человѣчку!» Слѣдовательно, во имя нѣжныхъ узъ родства тутъ терпима всякая посредственность и плохость: шелудивому сыну тѣмъ болѣе любви и ласки. Если бы кто вздумалъ въ такомъ обществѣ сказать безпристрастное слово въ пользу успѣха, то каждый счелъ бы это оскорбленiемъ собственной личности и воскликнулъ: «Ты насъ выдаешь! ты измѣнникъ!»

Такимъ образомъ немудрено за стѣнкою семейныхъ отношенiй, въ которыхъ многіе являются истинными патриархами, всегда обезопасить себя отъ нападенiй крикливой толпы, не берущей въ расчетъ никакаго чувства. Если бы человѣкъ, подобный Кириллу Фадѣичу, и попалъ въ затруднительныя обстоятельства: «сдѣлать прямой выборъ», то онъ сдумѣетъ затереть, запутать, затянуть все дѣло такъ, что никакой ни юристъ, ни судья, ни критикъ не возмется рѣшить, справедливо ли было избрать ту, а не другую дорогу.

Я замѣтилъ въ началѣ моего очерка, что старчество хуже смерти. И дѣйствительно, смерть, по естественному закону, совершенно разлагая тѣла, служитъ къ оплодотворенiю юной почвы; старчество же, подобно медленному и скрытому червю, постепенно изѣдаетъ всѣ молодые побѣги. Физическій законъ примѣнимъ отчасти и къ нравственному міру. Ненужно, кажется,

объяснять читателю, что мы разумѣемъ одно нравственное старчество, и, болѣе даже Кантемира, готовы питать уваженіе къ сѣдымъ волосомъ. Мы знаемъ изъ многихъ примѣровъ, какая живая и юная душа можетъ скрываться подъ наружную ветхою оболочкой. Такихъ старцевъ мы любимъ и уважаемъ вдвойнѣ, и если бы захотѣли приводить доказательства на безсмертіе души, то избрали бы ихъ жизнь и дѣятельность. Мы должны поневолѣ ограничиться нравственнымъ старчествомъ, потому что смерть въ физическомъ смыслѣ слова, не представляетъ намъ никакой точной аналогіи. Нѣтъ сомнѣнія, что иногда она была бы очень желательна, по точному смыслу Божественнаго изреченія: «Лучше повѣсить на шею жерновъ и утонуть въ морѣ, чѣмъ соблазнить *единого отъ малыхъ*.» Но къ сожалѣнію, вы не встрѣтите совершенно *умершихъ душою* старцевъ. Они все таки дѣйствуютъ и дѣятельность ихъ подобна дѣйствию смраднаго дыма, проникающаго во всѣ поры и отверзтія. Какая то мертвящая атмосфера разлита вокругъ нихъ: все дремлетъ или спитъ, или сидитъ неподвижно въ толстомъ коконѣ. Если же и появится жизнь, то это жизнь инфузоріевъ, мошекъ, червей въ болотной влагѣ, надъ падающею, во всѣхъ предметахъ, подвергшихся разложенію.

Посмотримъ теперь на юношей, на младенцевъ: не скрыты ли въ нѣкоторыхъ изъ нихъ признаки будущаго старчества?

Вотъ Петенька, милый мальчикъ, бойкостью котораго не могутъ нахвалиться родители. Онъ своимъ маленькимъ кулакомъ очень энергически колотилъ слугъ и нянекъ. Онъ недавно стянулъ деньги изъ стола у отца и разстратилъ ихъ на гостинцы. Когда его стали уличать, то, нисколько не смущаясь, онъ вынулъ изъ кармана оставшуюся мелочь и швырнулъ въ глаза своему педогогу. Отецъ не удержался, чтобъ не сказать: «Энергическій характеръ!» однако погрозилъ розгою. Петенька наморщилъ лобъ, вздулъ губы и неподвижно просидѣлъ нѣсколько часовъ на одномъ мѣстѣ. Вскорѣ его начали учить граматѣ. После нѣсколькихъ уроковъ произошла самая трагическая исторія. Учитель, довольно строгій, объяснялъ склады и требовалъ безусловнаго вниманія. Петя уже нѣсколько разъ зѣвалъ, мотая головою; наконецъ взялъ карандашъ и началъ преспокойно чертить имъ по книгѣ. Учитель вырвалъ изъ рукъ карандашъ и ударилъ слегка по пальцамъ: «Вниманіе!» возгласилъ онъ. «Ты дратья не смѣешь!» крикнулъ Петя, и, изорвавъ книгу, прибавилъ: «Вотъ тебѣ, собака!»—«А! если такъ, голубчикъ» сказалъ учитель «то я научу тебя, какъ обращаться со старшими.» И съ

этими словами, взявъ мальчика довольно крѣпко за руку, потащилъ къ отцу. Петя, разумѣется, не уступалъ, колотя и руками и ногами педогога. На крикъ его прибѣжала мать. «Вы хотите убить ребенка» завопила она. «Вонъ, злодѣй, изъ моего дому!» и бросилась, согнувъ клещами пальцы, на злодѣя, съ явной опасностью для его волосъ, завитыхъ довольно густыми кудрями. Педогогъ поспѣшно обратился въ бѣгство.

Мы, конечно, не думаемъ выставить здѣсь искусства педогога въ дѣлѣ обученія, однако желали бы спросить: что будетъ съ Петей, если онъ останется такимъ же, какъ прежде? Угадать не трудно. Преданный одному обжорству, Петя потолстѣлъ, обрюзгъ, поглупѣлъ совершенно. Лицо его, съ наморщенными вѣчно бровями, приняло тупое, дикое выраженье — и вотъ онъ, будущій дѣятель на поприщѣ гражданственности!

Нѣтъ однако сомнѣнія, что изъ Пети дѣйствительно могъ бы выйти «энергическій характеръ», еслибъ его развивали съ умѣньемъ. Но на это слишкомъ мало надежды: Петя уже привыкъ ко лжи, къ той нахальной, безстыдной лжи, которая свидѣтельствуется о крайней степени испорченности. Въ школѣ силою наказаній его отъучили грубить наставникамъ; но врядъ ли исправили. По крайней мѣрѣ одинъ случай даетъ поводъ сильно въ этомъ сомнѣваться. Случилось, что онъ утащилъ у товарища сочиненіе и выдалъ за свое. По своей лѣности, онъ не позаботился даже переписать его, а вырвалъ только заглавный листъ, да измаралъ тетрадь. Обманъ безъ труда былъ открытъ, и Петью уличили. Утомясь наказывать, учитель хотѣлъ испытать ласку. Онъ слегка пристыдилъ его предъ товарищами, и потомъ долго уѣщевалъ, умолялъ говорить правду, обѣщаясь извинить во всемъ, въ чемъ искренно признается. Не прошло недѣли, какъ Петя солгалъ вновь, и еще нахальнѣе прежняго. «Это ложь, безстыдная ложь» сказалъ съ негодованіемъ педогогъ. «Самъ ты врешь!» отвѣчалъ Петя въ рифму.

Но оставимъ этого буяна, достойнаго быть городовымъ въ какомъ-нибудь людномъ кварталѣ. Передъ нами другіе образцы. Сашенька всегда заслуживалъ похвалу за отличное поведеніе. Онъ сидитъ прямо, не моргнуть глазомъ, не облокотится рукою: въ старину непремѣнно посадили-бы его на первой скамейкѣ, и притомъ съ краю, къ дверямъ, чтобы посѣтитель увидѣлъ тотчасъ примѣръ благонаравія. Сердце наставника замираетъ отъ радости при видѣ такого внимательнаго юноши (Сашенька отличается также высокимъ ростомъ). Но увы! скоро слѣдуетъ

разочарованье. Юноша отвѣчаетъ урокъ, и на вопросъ: «Чѣмъ особенно прославились греки?» говоритъ: «Древніе обитатели Греціи были Пелазги; послѣ нихъ населяли Эллины.... Эллины.... населяли Эллины....» Сашенька вообще не любитъ никакихъ разсужденій, и, гдѣ ихъ требуютъ, обыкновенно про себя замѣчаетъ: «Чепуха! Чортъ знаетъ, какъ тутъ отвѣчать? Не поймешь и вопроса!»

Однако, всѣ тетради его въ отличномъ порядкѣ. На каждой каллиграфически выведена заглавная надпись: «Сія тетрадь принадлежитъ и проч.» Нѣтъ ни рисованныхъ фигурокъ, ни клясовъ; страницы заложены ленточкой. Сашенька обладаетъ большимъ искусствомъ письма: выводитъ ровно, четко строки, и также ровно отличаетъ поля. Онъ почти для цѣлаго класса переписываетъ лекціи, за что и товарищи оказываютъ ему взаимную помощь: кто сдѣлаетъ сочиненіе, кто — арифметическую задачу, кто — переводъ. Онъ въ своемъ дѣлѣ уже очень развитъ, и говоритъ, повторяя слова папеньки: «На службѣ будь только аккуратень, а эти всѣ географіи да словесности ни къ чорту не послужатъ».

Другой юноша, Степанъ Игнатьичъ, былъ сначала очень-лѣнивъ и тупъ, хотя и отличался способностью заучивать на память. Кромѣ этой способности онъ имѣлъ большую склонность къ логикѣ, которую представлялъ въ лицахъ. Такъ, накрывъ платкомъ одного изъ товарищей, онъ спрашивалъ у другаго: «Знаешь ты этого человѣка?» — «Кто это? не знаю», обыкновенно отвѣчалъ тотъ. — «Ага! Ага! ты не знаешь Иванова, а онъ сидитъ подлѣ тебя, на одной лавкѣ!» Такъ говорилъ Степанъ Игнатьичъ, и, сдерживая платокъ, отъ души смѣялся. Скоро, однако, онъ получилъ страсть къ болѣе-серьезнымъ занятіямъ. Долгое время бился онъ, отыскивая въ сочиненіяхъ Пушкина всѣ тропы и фигуры, названныя въ риторикѣ; но этотъ трудъ оказался ему не по силамъ. Тогда, избравъ предметомъ занятій греческій языкъ, онъ сталъ составлять изъ Геродота лексиконъ іоническихъ словъ. Что-жь? всякій трудъ полезенъ, или крайней-мѣрѣ безвреденъ. Но бѣда въ томъ, что Степанъ Игнатьичъ, рассказывая всѣмъ о своихъ занятіяхъ, кстати и некстати, утверждаетъ уже, что онъ пробиваетъ новую стезю въ Россіи, и, гордо подымая голову, смотритъ съ презрѣніемъ на молодежь, которая кричитъ объ идеяхъ, а между-тѣмъ не читаетъ Геродота. Вамъ, вѣроятно, знакомы юноши *практическаго* направленія? Ихъ такъ много, что можете выбрать любой обра-

зецъ. Какъ успѣли они развиться, установиться такъ рано въ своихъ понятіяхъ, почти необъяснимо; но эти понятія насѣмъ уже твердою корою на юный цвѣтъ души — корою, сквозь которую не пробьется ни одинъ молодой стебель. Подъ словомъ: «ювоша» мы привыкли понимать синонимъ словъ: страсть, душа, порывъ — кипятокъ жизни, и во всѣхъ увлеченіяхъ чистѣйшее безкорыстіе сердца. Мы вовсе не думаемъ защищать идеальный бредъ, ту старинную болѣзнь, въ которой испарялись душевныя силы, какъ въ чахоточномъ недугѣ; но посмотрите на современныхъ практическихъ младенцевъ. «Ужъ ты вѣчно зубришь!» скажутъ они товарищу, выразившему нѣкоторую любовь къ труду. «Только и знаешь, что книгу.... Нечего сказать, нашелъ себѣ утѣшеніе! Сиди, сиди.... авось дадутъ похвальный листъ — есть, по-крайней-мѣрѣ, что показать маменькѣ: купить тебѣ конька съ сусальнымъ золотомъ.... А мы, вотъ, ничего не дѣлаемъ, да лучше еще твоего отличимся на экзаменѣ: такую разыграемъ штуку, что любо, дорого! Что экзаменъ? Только-бы какъ-нибудь свалить съ плечъ, да перейти въ другой классъ, а тамъ опять поѣхалъ, какъ по маслу!»

Одинъ изъ подобныхъ птенцовъ, нѣсколько по-старше, говорить: «Скоро-ли, наконецъ, избавишься отъ этой каторги? Съ утра до вечера ломай себѣ голову, а къ чему все это поведетъ, не доберешься никакого толку! Вонъ, братъ Николай только и твердитъ: магистромъ, магистромъ хочу! и корпится себѣ цѣлую ночь надъ диссертацией. Велика радость! Хорошее мѣсто можно получить и безъ магистра. Что мнѣ, въ учителя что-ли готовиться? Нѣтъ! ужъ стара штука: философией меня не заманишь. Какъ только выйду изъ училища, сожгу всѣ тетради!»

Въ разговорахъ между собою эти младенцы обыкновенно не пропускаютъ случая похвастать хорошимъ дѣломъ. «А я, братъ, такъ разоспался въ классѣ, что даже голова заболѣла... хочу идти въ больницу», или: «А я, знаешь, списалъ съ прошлогодней тетради — и подалъ: вотъ какъ по-нашему!»

Если бы кто изъ нихъ случайно и приготовилъ, какъ слѣдуетъ, урокъ, то считаетъ обязанностью оговориться: «Я только разъ пробѣжалъ съ Короткинымъ: у меня даже нѣтъ своей тетради; а ты слышалъ, какъ отвѣчалъ: просто чудо!» Когда начнутъ имъ дѣлать выговоръ за небрежное ученье, то у нихъ всегда готово оправданье: «Это потому, что я торопился,» или: «Я вѣдь это отвѣчалъ, даже ни разу не прочитавши.» Но случись, что наставникъ не допускаетъ подобной откровенности, то

они будутъ увѣрять, что страшно работали; только не могли никакъ понять и усвоить. Въ послѣднемъ случаѣ они иногда были бы и правы, если бы дѣйствительно ихъ наклонность къ труду была чѣмъ-нибудь доказана. Многіе изъ нихъ на урокѣ математики скажутъ, что не способны къ этому предмету и посвятили себя преимущественно словесности, а на урокѣ словесности — что занимаются исключительно исторіей; но исторія идетъ изъ рукъ вонъ плохо, и они говорятъ: «Это вовсе не мой предметъ... то-ли дѣло словесность!»

Какіе же, однако, предметы наиболѣе возбуждаютъ ихъ сочувствіе? Различныя практическія искусства и науки.

1) Искусства. Они не могутъ спокойно высидѣть въ классѣ, вспоминая, какъ одна актриса вертѣла ножкою въ баетѣ. Они уже мечтаютъ о чудныхъ похожденіяхъ маскарада среди упительнаго блеску люстръ и нарядовъ; о глазкахъ мадемуазель Аннетъ, которые выше всякихъ описаній Пушкина и Лермонтова. Они съ сожалѣніемъ думаютъ о томъ, что напрасно тратятъ время въ училищѣ, тогда какъ могли бы усвоить всѣ тайны бала и модъ, взучить всевозможныя польки и редовы, а равномѣрно ѣзду верхомъ, стрѣляніе въ цѣль, игру въ преферансъ, искусство завивать и приглаживать волосы, и т. д. Въ послѣднемъ, однако, они уже довольно усердно упражняются въ училщѣ, и ножницы цырюльника, призываемаго начальствомъ, для нихъ ужаснѣе ножницъ Парокъ, обрѣзывавшихъ жизнь человѣка: въ этомъ, въ одномъ этомъ готовы они видѣть несовершенство и отсталость.

2) Науки. Сюда прежде всего относится гастрономія, составляющая постепенный, довольно обширный курсъ, начиная отъ булки и папироски, тайкомъ сохраняемыхъ въ классѣ, до несравненной бутылки клико, для которой, конечно, можно пожертвовать всякой ученостью. Жизнь, жизнь — вотъ первая наука! А гдѣ же и узнать жизнь, какъ не на гуляньяхъ, не въ трактирахъ и другихъ тому подобныхъ заведеніяхъ? Къ наукамъ принадлежитъ также знаменитое: *ars nadvandi*.

И такъ, говоря вообще, все ихъ стараніе состоитъ въ томъ, чтобы прослыть опытными, разочарованными во всемъ, знающими свѣтъ и всѣ его продѣлки. Уже въ школѣ нерѣдко приобрѣтаютъ они ту положительность солиднаго человѣка, съ которою потомъ въ обществѣ, живописно развалиясь въ креслахъ, трактуютъ о политикѣ, о правилахъ жизни, о вредѣ какихъ бы

то ни было увлеченій: о томъ же самоѣ и почти тѣми же сю-
вами они будутъ толковать до конца жизни.

Знакомы ли вамъ юноши дипломаты? Они такъ умны, и безны, услужливы! Представьте, что къ начальнику хоть какого-нибудь пансіона подходитъ съ милою улыбкою одинъ изъ питомцевъ, отличающійся прекрасными манерами, опрятностью, скромностью, и говоритъ: «Позвольте мнѣ, Александръ Николаевичъ, переписать для васъ упражненія, которыя вы составили: у папеньки есть отличный писарь.... Я велю выбрать самой токой веленовой бумаги и сдѣлать бархатный переплетъ съ золотою виньеткой.» — «Да зачѣмъ это? Не безпокойтесь,» отвѣчаетъ начальникъ: «писарю, вѣроятно, и безъ того есть дѣло.» — «Нѣтъ, право! папенька не любитъ, что они гуляютъ цѣлыя вечеръ и на другой день приходятъ такими сонливыми. Право, Александръ Николаевичъ! ваша доброта, ваши ласки, которыхъ мы не знаемъ, какъ заслужить.... ужъ позвольте: это и папенькѣ будетъ очень пріятно.» — «Хорошо, хорошо. Благодарю васъ,» отвѣчаетъ начальникъ. «А что? какъ поживаетъ вашъ папенька?» — «Слава Богу!» говоритъ юноша. «Только вотъ одно... нѣтъ! ужъ не скажу: мнѣ совѣстно.... вы и безъ того такъ добры, что.... что, право, не знаю....» и юноша прикладываетъ руку къ сердцу. — «Скажите же, что такое? Будьте, пожалуйста, со мной откровенны.» — «Вотъ видите, Александръ Николаевичъ! къ намъ пріѣхала тетенька изъ Москвы: всего на два дня.... Папенька хотѣлъ меня ей представить и сказалъ: «Ну, просись самъ, если хочешь видѣть тетку. Я бы очень, очень желалъ, чтобы ты пришелъ домой хоть на нѣсколько часовъ вечеромъ; но ужъ не могу и не смѣю утруждать добраго Александра Николаевича. Просись самъ: если отпустить, такъ ладно.» Вотъ, и мнѣ хотѣлось бы угодить папенькѣ: только я знаю самъ, что вѣдь этимъ нарушается порядокъ.» — «Да,» отвѣчаетъ протяжно начальникъ, болѣе всего, конечно, пекущійся о строгомъ соблюденіи порядка; но вмѣстѣ довольный покорностью юноши. «Однако, напрасно папенька самъ не пріѣхалъ попросить, если это такъ нужно.» — «Да вѣдь онъ, Александръ Николаевичъ, очень занятъ: притомъ, право, не смѣлъ утруждать васъ.» — «А у васъ завтра какіе уроки?» — «Чистописаніе, рисованіе, географія.... изъ географіи задано повторять: я знаю отлично.» — «Полно, такъ ли?» — «Александръ Николаевичъ,» говорятъ, нѣсколько обиженный, юноша: — развѣ я осмѣлился бы когда-нибудь васъ обманывать? Угодно вамъ спросить? Я готовъ отвѣчать

сію минуту.» — «Хорошо. Такъ и быть: ступайте... только къ девяти часамъ возвратиться непременно.» Юноша низко раскланывается, и въ восторгѣ убѣгаетъ одѣваться.

Онъ возвращается въ училище очень поздно, и когда дежурный спрашиваетъ: «Что это, батюшка, загулял?» — Говоритъ: «самъ Александръ Николаевичъ отпустилъ меня.» — На другой день онъ отказывается отъ всѣхъ уроковъ, между которыми были самые трудные, какъ то: математика, физика, нѣмецкій языкъ. Когда преподаватели допытываются, отчего онъ не приготовился, юноша отвѣчаетъ: «Я былъ дома. Спросите Александра Николаевича: онъ самъ отпустилъ меня.»

Наконецъ, однажды встрѣтившись съ отцемъ, начальникъ узнаетъ, что ни тетеньки никакой не приѣзжало, ни юноша не являлся дома. Онъ призываетъ виновнаго на расправу и энергически говоритъ ему: «Ну скажите, съ чѣмъ сравнить вашу поступокъ? съ чѣмъ? Даже послѣдній звѣрь, и тотъ не жетъ! даже собака, птица, рыба, и тѣ чувствуютъ благодарность; а вы? скажите, можно ли къ вамъ послѣ этого имѣть хоть какое нибудь довѣріе?» Юноша стоитъ смиренно, опустивъ глаза; на рѣсницахъ даже выступили слезы, и онъ говоритъ плачевно: «Я не стою, Александръ Николаевичъ, не стою, чтобы со мной обходились такъ ласково... я хуже самаго послѣдняго звѣря, потому-что звѣрь не жетъ.... Я сознаюсь въ этомъ, Александръ Николаевичъ!... вы говорите, что звѣрь не жетъ, и я понимаю, цѣню слова ваши...»

«Богъ съ нимъ!» думаетъ про себя начальникъ. «Маленькая шалость не бѣда: у него при всемъ томъ доброе сердце, да и родители просили не слишкомъ строго разыскивать.»

Мы привели здѣсь примѣръ, нѣсколько идеальный; но если бы захотѣли въ подробности пересказывать всѣ маленькія школьныя плутни, то исписали бы нѣсколько печатныхъ листовъ. Плутни эти, составляя сами по себѣ иногда простительную дѣтскую шалость, въ массѣ обращаются часто въ какое то особенное направленіе, котораго идея находить своихъ сознавательныхъ послѣдователей. Вы иногда услышите, какъ одинъ изъ наиболѣе способныхъ юношей скажетъ: «Хлопочуть о развитіи!... вѣтъ ничего проще — пусть только дозволятъ надувать; въ надуваньи-то умъ болѣе всего и развивается.» Другой въ свою очередь будетъ доказывать, что надувать во всякомъ случаѣ полезно, когда и тотъ, кого надули, остается вполне доволенъ,

и тотъ, кто надуль, избѣгаетъ большихъ неприятностей. Третій увѣритъ васъ, что безъ надуванья никогда ничего не выиграешь.

Слѣдовательно идея (или искусство) надуванья, какъ идея полного развитія, уже вытѣсняетъ собою всякія другія идеи, а съ ними и возможность какого либо новаго усовершенствованія: неподвижность, одинъ изъ главныхъ признаковъ старчества, въ какой бы разнообразной формѣ она же являлась, всегда застагаетъ человѣка тамъ, гдѣ онъ думаетъ, что разъ навсегда разрѣшилъ всѣ задачи жизни.

Случалось ли вамъ встрѣчать старичковъ, которые вѣчно чего-то ищутъ, вѣчно бѣгаютъ хлопотливо то туда, то сюда, путая всякое дѣло? Они строятъ, чинятъ, ломаютъ по двадцати разъ одно и тоже. Вотъ, нужно бы сдѣлать новые обои въ комнату: старичокъ самъ бѣжитъ въ рынокъ, обходитъ всѣ лавки, пересматриваетъ всевозможные образчики; по часу толкуетъ съ каждымъ купцемъ, важно взвѣсивая всѣ его замѣчанія и мучая безконечными распросами: къ великой досадѣ купца оставляетъ лавку, ничего не купивъ; потомъ призываетъ на домъ обойщиковъ, бесѣдуетъ съ каждымъ по цѣлымъ утрамъ и отсылаетъ ихъ, говоря: «Еще подумаю». И онъ начинаетъ думать о томъ, какъ бы славно было передѣлать всѣ замки въ дверяхъ, всѣ ящики въ комодахъ. Происходятъ новыя совѣщанія со слесарями; но уже всѣ ремесленники въ околodкѣ знаютъ нашего старичка, и никто не идетъ на зовъ его. Посмотрите, какъ бѣгаетъ онъ у себя дома, какъ ломаетъ голову, отыскивая ключа, который спряталъ къ себѣ въ карманъ, чтобы потомъ найти легче. Но ключъ найденъ-и тогда новая забота: «Эй, Иванъ, подика купи мнѣ гвоздиковъ»—«Да зачѣмъ вамъ, баринъ, гвоздики?»—«А вотъ, хочу приколотить эти картинки: посмотрѣть, какъ выглядятъ.» И онъ бѣтется цѣлыхъ три часа, приколавывая къ стѣнѣ картинки; потомъ велитъ снять ихъ, и вновь укладываетъ въ портфель.

Такъ дѣятельны эти старички; но ясно, что дѣятельность ихъ ни къ чему не служитъ. Они какъ будто чувствуютъ близость смерти и на зло природѣ хотятъ доказать, что еще неу-молимо бодры и молоды. Подобно безнадежно-больному, они ежеминутно мѣняютъ свою прихоть, истощая послѣднія силы на то, чтобы увѣриться хотя въ маломъ остаткѣ жизни, въ нитъ догорающей. Но нѣтъ сомнѣнія, что жизнь, беспорядочно расточаемая, тратится тѣмъ скорѣе.

Молодость! молодость! неужели и на тебѣ должна лежать

эта печать возмущенія? Или избытокъ силъ вызываетъ эту потребность вѣчныхъ перемѣнъ, вѣчнаго движенія? Да! не склонимъ въ безсиліи чела; но въ самую тяжкую минуту поднимаемъ его бодро: будемъ жить такъ, чтобъ при самой двери гроба еще мечтать и сохранять надежду на его исполненіе! Пускай опущенный занавѣсъ прекратитъ драму еще въ полномъ разгарѣ. Нѣтъ! мы не думаемъ осуждать подвижность души, какъ neodъенный признакъ ея свѣжести и силы. Но увы! молодость наша такой цвѣтъ, который, выростая слишкомъ быстро, истощаетъ весь корень: вѣтви тянутся, блѣднѣютъ; листья мельчаютъ и вянутъ. Долгая зима изнуряетъ ихъ, а весна губить.

Страшная участь постигала многихъ изъ нашихъ дѣятелей: ихъ молодость была послѣ мгновеннаго блеску и шуму улетѣвшая струйка дыма! Вотъ, съ полною отвагою вступаетъ юноша въ свѣтъ: сколько идей кипитъ въ немъ!—и онъ дѣйствуетъ. «Трудъ! трудъ и наука!» прежде всего говоритъ онъ. «Но съ чего начать? Электромagnetизмъ, Платонъ или Эстетика Гегеля— все равно: все одна и таже наука!» Юноша читаетъ двѣ, три глубокомысленныхъ нѣмецкихъ страницы, потомъ закрываетъ книгу и думаетъ: «Какъ однако трудно понять! но на первый разъ и этого довольно. Дай лучше напишу статью о значеніи германской философіи: къ нашему стыду мы такъ мало ее изучали.» И онъ пишетъ заглавіе: «О значеніи германской философіи.—» потомъ начинаетъ ходить и обдумывать: «Трезоръ! ici!...» восклицаетъ онъ, обращаясь къ собакѣ, мирно лежавшей подъ столомъ. «Трезоръ!» Трезоръ со вниманіемъ уставилъ глаза; но не двгается съ мѣста. «Гулять! Хочешь, дуракъ, гулять, а?» Трезоръ приподнялъ уши. «Однако нужно немного пройтись» продолжаетъ юноша: «еще успѣю заняться... Трезоръ! Viens»— и прежде, чѣмъ баринъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, собака уже скреблась о двери, возвращалась, и прыгала на него, заступая дорогу.

Юноша отправился гулять на Невскій, гдѣ, тихонько подускивая Трезора на нѣкоторыхъ, на видъ не слишкомъ горделивыхъ, дамъ, очень тѣшился тѣмъ, какъ собака ихъ пугала. Онъ зашелъ мимоходомъ къ мадемуазель Эрнестинѣ, которая жила одна со своею маменькой и занималась рукодѣльемъ. Онъ уже встрѣтилъ тамъ товарища, повѣреннаго всѣхъ своихъ тайнъ и такого же ревнителя въ дѣлѣ науки. Товарищъ тотчасъ предложилъ ему воставить на общій счетъ бутылку шампанскаго.

«Только это будетъ очень долго», отвѣчалъ юноша. «Мнѣ, право, некогда: я теперь читаю Гегеля.» — «Ну тебя... съ Гегелемъ!» восклицаетъ товарищъ: — «Повѣрь мнѣ: мудрость на днѣ стакана!» — и юноша по неволѣ остается. Друзья пьютъ и между шутками бесѣдуютъ о своихъ планахъ. «Знаешь, Федя!» говоритъ пріятель: — «Мы съ тобою на вѣрно прославимся. Ты будешь ученымъ и поэтомъ, а я сочиню романъ въ прозѣ. Слышишь, не смѣй писать романовъ: мадемуазель Эрнестина поручила мнѣ изобразить ея жизнь отъ самаго рожденія и до первой нашей встрѣчи на обуховскомъ проспектѣ. Она столько страдала, столько страдала. Видишь, къ ней даже сватался какой то гусарь; но въ самый день свадьбы она какъ-то объ этомъ забыла, уѣхавъ гулять съ однимъ студентомъ.» — «Послушайте», отвѣчаетъ дѣвица: — «Вы слишкомъ много себѣ позволяете: я не изъ такихъ, чтобъ мнѣ можно говорить всякій вздоръ.»

Проведши очень весело часть, другой времени, юноша возвращается домой, обѣдать. Тутъ вновь припадаетъ у него ревность къ занятіямъ. Но чѣмъ заниматься послѣ обѣда? Оединька (пусть такъ зовутъ нашего юношу) беретъ одинъ изъ журналовъ, и, пропуская ученыя статьи, начинаетъ читать повѣсть. Тотчасъ же является у него самая мысль для повѣсти въ современномъ вкусѣ: молодой человѣкъ, одаренный пыломъ страстей и энергіею воли, ищетъ дѣятельности; но свѣтъ по всюду его отталкиваетъ и онъ углубляется въ самаго себя въ дикомъ одиночествѣ — вотъ содержаніе. Оединька тотчасъ-же исписываетъ безъ отдыха цѣлый почтовый листъ — ну! день не пропалъ даромъ. Хотя повѣсти никогда не суждено окончиться; но уже и за доброе начало можно присудить себѣ награду. Оединька кладетъ перо и предается мечтаніямъ. «Ахъ!» думаетъ онъ «если бы найти женщину съ могучею, пламенной душою, женщину, которая готова была бы бѣжать съ вами хоть на край свѣта! Стоило бы только сказать — и она явится, и вотъ тутъ сядетъ со мной на диванѣ... Я вотъ такъ лежу, а она наклонится ко мнѣ, и глядитъ такимъ страстнымъ, умпленнымъ взоромъ, между тѣмъ какъ я рассказываю о поэзіи, читаю стихи, или такъ чтонибудь сочиняю.»

Питая эти думы, онъ выкурилъ до десяти папиросокъ, и наконецъ вспомнилъ, что давно не посѣщалъ одного семейства, гдѣ процвѣтала Наденька, бывшая нѣкоторое время его идеаломъ. Уже давно написаны были имъ стихи, назначенныя ей въ

альбомъ. Теперь отыскалъ онъ ихъ, и вновь перечелъ съ восторгомъ. «Надежда! какое прекрасное имя!» сказалъ онъ «Нѣтъ! я пересоздалъ эту дѣвушку, я заставлю понимать себя.» И нашъ герой тотчасъ отправился пересоздавать Наденьку. Наденька встрѣтила его своимъ обыкновеннымъ, неизмѣнновеселымъ и равнодушнымъ взглядомъ. «Что это вы совсѣмъ пропали?» сказала она. «Ужъ не влюблены ли?»—«Нѣтъ!» отвѣчалъ Оединька. «А у васъ все любовь на устахъ, только нѣтъ ея въ сердце.»—«У меня сердце сдѣлано изъ гранита,» отвѣчала со смѣхомъ дѣвушка: — ничѣмъ не примешь. Отчегожъ, скажите, вы такъ долго не были?» — «Я все занятъ, просто даже голова идетъ кругомъ: теперь читаю Гегеля.»

— «Ну, ужъ вы вѣчно съ вашей физикой!» замѣтила Наденька.

— «Гегель былъ знаменитый германскій философъ, и не писалъ никакой физики», отвѣчалъ вѣсело Оединька. — «Вотъ ужъ теперь философія! отъ часу не легче. А сами прежде говорили, что занимаетесь физикой!» — «Философія важная наука», началъ Оединька, и сталъ доказывать, какъ глубока и многозначителенъ Гегель. Онъ тутъ кстати распространился и о томъ, что женщинѣ предоставлена высокая цѣль въ жизни, что она не понимаетъ своего назначенія, когда думаетъ только о нарядахъ да о хозяйствѣ. — «Благодарю васъ покорно,» сказала Наденька. «По вашему, женщина должна корпѣть надъ книгой... Куда какъ весело! Читать философію... ха! ха! воображать физику.. чудесно! чудесно! Еще нѣтъ ли тамъ какойнибудь науки!»—«Женщина еще лучше мужчины моглабы проводить идеи въ общество».

— «Идеи?» отвѣчала Наденька. «Ну, ужъ съ идеями-то не примутъ ни въ какомъ порядочномъ обществѣ. Вонъ, Катя Строева вѣчно съ идеями: то пришилить какойнибудь необыкновенный бантъ, то пойдетъ гулять и забудетъ взять перчатки: такъ надъ нею всѣ и смѣются!»

Этотъ маленькій споръ не нарушилъ нисколько дружелюбныхъ отношеній между противниками: глазки Наденьки такъ мило играли, что нельзя было не простить ей нѣкотораго равнодушія къ идеямъ. Въ разговоръ скоро вмѣшалась и ея маменька, которая, услышавъ споръ, пришла посмотреть, не поссорились-ли молодые люди. «Да! да!» сказала она, «Надя права. Наша молодежь ужъ ни въ чемъ не знаетъ умѣренности. Вотъ и мой пле-

мянникъ.... ходитъ такой блѣдный, изнуренный, потерявъ инстинктъ, — а все отъ науки! Хотятъ все хватать съ неба зѣбанды, а лучше подумали бы о томъ, какъ устроить жизнь: побережь себя, да прикопнись на черный день конейку.»

Стихи, написанные въ альбомъ, Наденька прочла съ умнѣніемъ; но по складамъ и такимъ безчувственно-холоднымъ тономъ, какъ-будто дѣло шло о счетѣ магазинщицы. Впрочемъ, мы ошиблись: счетъ магазинщицы, вѣроятно, былъ-бы прочтенъ съ изъявленіемъ сильнаго чувства. Все-таки она сказала бѣдинкѣ: «Вы поэтъ! васъ надо увѣнчать лаврами!» и это нѣсколько успокоило его самолюбіе. Онъ возвратился уже поздно домой и, засыпая, думалъ: «День все-таки не пропалъ даромъ!»

Такова вся дѣятельность нѣкоторыхъ изъ юношей: признавали въ ней старчества, или молодыхъ еще неустановившихся силъ, мы рѣшать не беремся. Паралель, проведенная нами между старцами хлопотунами и этими юношами, не совсѣмъ вѣрна; но есть сходство въ томъ, что и тамъ и тутъ видна совершенная бесплодность труда, и тамъ и тутъ есть желаніе наполнить чѣмъ-нибудь жизнь, которая уплываетъ, подобно водѣ, собираемой въ рѣшето; и тамъ и тутъ, не смотря на внѣшній видъ движенія, господствуетъ явная неподвижность, которую можно-бы сравнить съ грезами лихорадочнаго сна, когда человѣкъ, лежа на постелѣ, воображаетъ, что ходитъ, бѣгаетъ, летаетъ!

Мы могли-бы привести еще безконечное множество примѣровъ на всѣ виды старчества; но уже довольно и этихъ. «Довольно», говоритъ читатель, «довольно! Видимъ, что вы не любите старцевъ; но скажите, что сами вы за птица? Нельзя-ли изъ той-же самой сатиры Кантемира примѣнить къ вамъ сказаннаго о ракѣ? Мать стыдила молодого рака, что ходитъ криво. «Поди, матушка, сама прямо», отвѣчалъ онъ: «тогда я поучусь у тебя».

Добрый читатель! И вы, и молодой ракъ совершенно справедливы въ своемъ требованіи. Но дѣло общее не можетъ быть частнымъ; прежде чѣмъ наставлять другихъ, всѣмъ-бы намъ нужно спросить: ходитъ-ли всегда прямо?

В. ВОДОВОЗОВЪ.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ (ЭЛЕМЕНТАРНОМЪ) ОБУЧЕНІИ, КАКЪ ИСХОДНОМЪ МОМЕНТѢ ОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(Посвящается матерямъ и отцамъ семействъ.)

Статья вторая и послѣдняя.

Послѣ грамматики и статей, назначаемыхъ для диктовки, въ книгѣ г-жи Тастю помѣщена географія. Въ практическомъ воспитаніи, географія очень часто предшествуетъ грамматикѣ, а иногда и преподается рядомъ съ нею по времени. Но обще у практическихъ воспитательницъ съ г-жею Тастю совершенное отсутствіе сознанія: дѣйствительно ли и для чего нужна ребенку эта наука? Удовлетворяетъ ли она какой-нибудь потребности его, или только пригодна для развитія извѣстной способности? Правда, во введеніи къ упражненіямъ памяти, г-жа Тастю, говоря, что заучиванье стиховъ и басенъ имѣетъ цѣлью развитіе словесную память, намекаетъ на то, что память бываетъ нѣсколькихъ родовъ и обѣщаетъ указать способъ упражненія фактической памяти. Изъ этого можно заключить, что уроки географіи могутъ имѣть цѣлью развитіе мѣстной памяти. Но большая часть матерей семейства и практическихъ воспитательницъ считаетъ память такою же всецѣлою способностью, какъ и умъ или воображеніе, и думаютъ, что стоитъ только развитіе памяти вообще, чтобы она была пригодна для удержанія всего, что захотятъ ввѣрить ей. Съ какою же цѣлью эти воспитательницы, не зная, что словесная память можетъ быть очень сильно развита, между тѣмъ какъ мѣстная будетъ оставаться совершенно не развитою и тупою, для чего, говорю, онѣ-то продолжаютъ преподавать географію въ первомъ возрастѣ? Это, вѣроятно, тайна и для самихъ нихъ.

Но если г-жа Тастю и подобныя ей, менѣе невѣжественныя, воспитательницы, дѣйствительно съ вышесказанною цѣлью занимаютъ географіею дѣтей, 6, 7 и 8 лѣтъ отъ роду, то можно ли оправдать взглядъ на первоначальную науку, какъ на средство для развитія извѣстной способности, независимо отъ того, какое мѣсто содержаніе ея займетъ въ циклѣ знаній ребенка. По нашему мнѣнію, мѣсто каждой наукѣ въ курсѣ должно быть опредѣлено положительною потребностью дѣтяти въ извѣстномъ родѣ познаній и сущностью самой науки. А степень споспѣшествованія гармоническому развитію дѣтскихъ способностей всѣмъ курсомъ, рационально составленнымъ для извѣстнаго возраста,

будетъ зависѣть отъ метода практическаго преподаванія. Можно по любой книжкѣ, взятой на удачу, научить ребенка мыслить, развить его память и словесную, и мѣстную, и фактическую. Но какъ подѣйствуетъ на общую нравственную экономію ученика содержаніе книги: будутъ ли приобрѣтенныя изъ нея познанія полезны или вредны нравственности его, могутъ ли они служить основаніемъ и побужденіемъ для дальнѣйшихъ занятій его наукою? Вотъ, что должно склонить насъ къ принятію въ руководство извѣстной книги или къ устраненію ея.

Тоже самое относится и къ наукамъ входящимъ въ курсъ первоначальнаго обученія. По поводу преподаванія грамматики и упражненій словесной памяти мы уже имѣли случай распространиться объ этомъ предметѣ; и потому здѣсь только укажемъ на то, какъ наше правило приложимо къ преподаванію географіи дѣтямъ перваго возраста.

Географія разсматриваетъ землю: 1., какъ небесное тѣло, 2, какъ отдѣльное физическое тѣло и 3, какъ театръ политической жизни народовъ.

Взглядъ на землю, какъ на небесное тѣло, какъ на планету, занимающую во вселенной извѣстный уголокъ, предполагаетъ въ насъ способность совершенно отдалиться въ воображеніи отъ предмета нашего изслѣдованія, противопоставить его себѣ въ пространствѣ. Разсматривающій землю въ этомъ отношеніи долженъ вообразить себѣ, что самъ стоитъ внѣ земли, на какомъ-нибудь пунктѣ вселенной. Мало того: пунктъ этотъ долженъ быть на такомъ огромномъ разстояніи отъ земли, чтобы передъ взоромъ наблюдателя исчезли всѣ неровности земной поверхности, всѣ особенности ея очертанія, чтобы, однимъ словомъ, земля представилась ему только астрономической единицей. Спрашивается: можетъ ли у дитяти 4 — 9-ти лѣтъ родиться потребность въ такомъ взглядѣ на землю? Не только не можетъ, но дитя почти ни когда вполне и не усвоиваетъ его себѣ. Умѣнье показать на глобусѣ или на картѣ относительное положеніе земли на небѣ, рассказать процессъ суточного и годоваго движенія ея и зависящихъ отъ того перемѣнъ дня и ночи и временъ года, заученіе на память разстояній и размѣровъ земли сравнительно съ другими небесными тѣлами — ровно ничего не доказываетъ, кромѣ того, что дитя очень легко привыкаетъ повторять на-слово вещи, которыхъ не въ состояніи понять. Повторяемъ сказанное по поводу преподаванія грамматики: взглядъ дитяти крайне непосредственъ; одно конкретное вполне доступно ему. А въ мате-

матической географіи, земля разсматривается съ одними численными признаками своими, слѣдовательно только какъ астрономическій абстрактъ. Притомъ въ ней есть частности, о которыхъ ребенокъ или составляетъ себѣ ложное представленіе или не составляетъ ни какого и не понявъ заучиваетъ наизусть, потому, что эти подробности предполагаютъ такую силу воображенія, которымъ не обладаетъ дитя. Таково напр. суточное движеніе земли, вслѣдствіе котораго мы, относительно вселенной, принимаемъ самыя разнообразныя положенія, а между тѣмъ остаемся все въ одинаковомъ положеніи, относительно земной поверхности.

По моему мнѣнію, въ возрастѣ, о которомъ здѣсь рѣчь, и нѣтъ ни какой надобности пускаться въ такія тонкости. Если дитя требуетъ, чтобы ему объяснили какъ происходятъ перемѣны дня и ночи, зимы и лѣта, то гораздо проще объяснить все это восхожденіемъ и захожденіемъ солнца и болѣе или менѣе прямыми лучами, которые оно бросаетъ на землю, оставляя дальнѣйшее разрѣшеніе вопроса до позднѣйшаго возраста. Рѣдкій ребенокъ не удовлетворится этимъ объясненіемъ на первый разъ. Если иногда такая неясность подастъ поводъ къ тому, что нянюшка расскажетъ вашему питомцу о золотыхъ чертогахъ солнышка и изумрудныхъ воротахъ, въ которыя оно входитъ и выходитъ, то бѣда еще невелика, потому что эти неглѣпости въ первую же минуту холоднаго размышленія дитяти сами собою разрушатся.

Что касается физической и политической географіи, то я ихъ устранилъ бы изъ курса первоначальнаго обученія, въ томъ видѣ, въ которомъ они обыкновенно излагаются и въ которомъ представляетъ ихъ г-жа Тастю, вѣрная своей задачѣ—дагерротипировать рутину.

Правда, потребность въ физической и политической географіи можетъ явиться гораздо ранѣе, нежели въ математической. Физическую географію окружающей ребенка мѣстности, онъ даже въ состояніи вполне уразумѣть въ пяти, шести-лѣтнемъ возрастѣ; но только именно такое непосредственное, наглядное понятіе о ней можетъ принести ему пользу.

Потребность въ физической и политической географіи можетъ родиться въ дитяти тройнымъ образомъ; отъ этого и ходъ преподаванія географіи можетъ быть тройкъ. 1) Ребенокъ можетъ пожелать знать землю или непосредственно какъ театръ нашей жизни и почву естественныхъ произведеній; въ такомъ случаѣ

Физическая географія, въ смыслѣ сравнительной географіи Карла Риттера, должна предшествовать политической. Это самый естественный ходъ, хотя не самый доступный дѣтяти. Земля разсматривается, какъ естественное цѣлое, живущее во всѣхъ частяхъ своихъ сообразно свойствамъ и условіямъ этихъ частей. Такимъ образомъ мы знакомимся сначала съ организмомъ всей планеты, въ настоящемъ моментѣ ея существованія, говоримъ о климатахъ, поясахъ, распредѣленіи земель относительно воды и т. д. Читатель видитъ, что при этомъ нѣтъ ни какой возможности избѣжать нѣкоторыхъ понятій о картографической проекціи, о глубсѣ, о движеніи земли. По этому-то, здѣсь, по необходимости, мы впали-бы въ ту ошибку, которой хотѣли избѣжать, начиная преподаваніе географіи съ физической географіи. А между тѣмъ, такой планъ крайне увлекателенъ, ибо даетъ возможность систематически группировать весь первоначальный курсъ наукъ вокругъ физической географіи. А именно, во мѣрѣ прохожденія географіи по этому способу, могутъ быть преподамы всѣ естественныя науки, конечно въ объемѣ, доступномъ дѣтскому возрасту.

Такимъ образомъ, дѣтя довольно подробно знакомилось бы съ земною природою и съ этнографіею, къ которой примыкаетъ со временемъ исторія народовъ и рядомъ съ нею политическая географія, сначала древняя, а потомъ, по мѣрѣ прохожденія исторіи, и новая.

2) Но какъ ни систематично было бы такое преподаваніе географіи, оно грѣшило бы противъ начала сближенія науки съ жизнью, поясненія жизни наукою, начала, по нашему мнѣнію, едва ли не самаго существеннаго изъ всего кодекса основательнаго образованія. Земля слишкомъ громадный организмъ, чтобы быть непосредственно доступнымъ дѣтскому воображенію. Потребность познать ее какъ организмъ, какъ цѣлое, не можетъ непосредственно явиться въ этомъ возрастѣ. А искусственно возбуждать ее, значитъ насиловать естественный ходъ дѣтскаго развитія. Что бы дать точку опоры первоначальной наукѣ дѣтяти, довольно той мѣстности, на которой дѣтя живетъ. И если вы сами не поторопитесь, то ознакомленіе съ этой мѣстностью совершенно наполнить всѣ первые годы домашняго воспитанія.

По моему мнѣнію, именно возрастъ отъ 4 до 9-ти лѣтъ имѣеть, въ системѣ основательнаго образованія, совершенно специальное назначеніе ввести науку, какъ новый элементъ, въ жизнь дѣтяти, выводя потребности ея изъ самыхъ жизненныхъ элемен-

товъ. Ребенокъ непосредственно окруженъ множествомъ предметовъ естественныхъ и искусственныхъ, которыхъ сущность, причина существованія, свойства и условія бытія должны быть объяснены ему въ этомъ возрастѣ. Подробное познаніе въ физическомъ отношеніи мѣстности, служащей театромъ его дѣтской жизни, весьма естественно составитъ какъбы средоточную науку, на которой будутъ опираться всѣ остальные. Для оточненія этой первоначальной науки и перехода къ систематическому курсу географіи, можно въ концѣ первоначальнаго обученія научить ребенка рисованію карты данной мѣстности. Разовьется ли при этомъ мѣстная память, въ той мѣрѣ, какъ предполагають развить ее рутиннымъ преподаваніемъ географіи, не берусь рѣшить, но думаю, что нѣтъ никакой причины утверждать и противное. За то, повторяю, несомнѣнно, что указанная нами метода въ сильной степени разовьетъ чувство связи науки съ жизнью; а это главное.

Одно, что можно, съ нѣкоторою справедливостію, возразить на наши указанія, это то, что по нимъ нѣтъ ни какой возможности составить руководство, ибо исходною точкою преподаванія географіи становятся условія мѣстности и быта питомца и преподавательницы, и даже совершенно случайныя обстоятельства, въ которыхъ они оба бываютъ.

Обученіе перваго возраста такъ непосредственно и тѣсно соединено съ жизнью питомца, что должно имѣть свою точку исхода именно въ случайностяхъ самой жизни, въ которыхъ наука должна открывать дитяти струю необходимаго, вѣчнаго.

Для устраненія этого неудобства, проистекающаго именно изъ жизненнаго элемента, который мы считаемъ необходимымъ-внести въ первоначальную науку, мы предлагаемъ составить алфавитную или систематическую энциклопедію всѣхъ научныхъ предметовъ, входящихъ въ первоначальный курсъ. Преподавательница брала бы изъ нея то, что нужно для разъясненія питомцу извѣстнаго момента въ его существованіи, а, впоследствии, когда ребенокъ узналъ бы опредѣленія и системы различныхъ наукъ, тогда уже пріобрѣтенныя познанія сгруппировались бы въ его умѣ, въ надлежащемъ порядкѣ.

3) Наконецъ, еслибы послѣдователи рутинныя не признали вѣрнымъ и удобопримѣнимымъ ни перваго, ни втораго способа преподаванія географіи, то, во всякомъ случаѣ, могли бы избрать путь послѣдовательнѣйшей нежели тотъ, которымъ они нынѣ

идуть. А именно: послѣдователи рутины считают почти въ одной степени внутренне-необходимыми, важными и безусловными свѣдѣнія, сообщаемыя физическою и политическою географіею. Поэтому имъ должно быть равнодушно: начать преподаваніе географіи съ той или другой отрасли ея. А такъ какъ они почитаютъ необходимымъ предметомъ первоначальнаго преподаванія священную ветхо-завѣтную и даже древнюю всеобщую исторію, то почемубы не избрать этотъ предметъ исходною точкою для преподаванія географіи. Правда, въ такомъ случаѣ, географія отчасти утратила бы свою самостоятельность, за то общій планъ обученія сталъ бы систематичнѣе и связнѣе.—

Здѣсь точкою отправленія былабы мѣстность, служившая театромъ передаваемыхъ дитяти историческихъ событій, напр. Палестина, Египеть. Описавъ эту мѣстность въ физическомъ и политическомъ отношеніи, преподавательница такимъ же образомъ, по мѣрѣ того, какъ говорила бы о событіяхъ другихъ народовъ древности, сначала излагала бы мѣстныя условія, обитаемыхъ ими странъ. Такимъ образомъ ребенокъ, по мѣрѣ знакомства съ древнею исторіею, узналъбы всю древнюю географію. Конечно всего этого нельзя бы сдѣлать въ теченіе курса первоначальнаго обученія, но позднѣйшее школьное обученіе моглобы, и даже должно бы, въ такомъ случаѣ, быть продолженіемъ перваго. Оно взяло бы ученика на той точкѣ, на которой, по взаимному соглашенію съ нимъ, остановилось домашнее преподаваніе географіи въ зависимости отъ исторіи и окончивъ изложеніе географіи древняго міра, въ заключеніе изложило бы начала птолемеевой системы міра, о которой ученикъ, при нынѣшнемъ преподаваніи, узнаетъ какъ-то случайно, ни къ селу, ни къ городу. Въ позднѣйшемъ обученіи по этому плану, средневѣковая исторія подавала бы поводъ къ географіи средневѣковыхъ Государствъ, и къ изложенію системы Тихо-де-Браге, а новая исторія къ географіи новыхъ и новѣйшихъ Государствъ и къ изложенію коперниковой системы. При этомъ описаніе мѣстностей въ физическомъ отношеніи могло бы каждый разъ предшествовать описанію ихъ въ отношеніи политическомъ. Когда такимъ образомъ вся географія была бы пройдена въ соединеніи съ исторіею, тогда можно бы сдѣлать сводъ ей, привести всѣ пріобрѣтенныя свѣдѣнія въ систему и уточнить понятія о математической географіи. Конечно противъ этого плана можетъ быть сдѣлано не одно возраженіе; но во всякомъ случаѣ, онъ гораздо логичнѣе, нежели механически-пзвнѣ брошенный планъ преподаванія географіи

по общепринятой методѣ. Намъ извѣстно, что и въ такомъ планѣ, утрачивается вся наглядность первоначальныхъ географическихъ понятій, сообщаемыхъ ребенку, потому что ученикъ переносится на мѣстность, которой никогда не видавъ, въ обстоятельства, еще долго долженствующія остаться незнакомыми ему. Особенно понятія о физическомъ устройствѣ земли доходятъ до него постепенно и по мѣрѣ того, какъ представляется случай къ упоминовенію о нихъ; изъ этихъ понятій одни не могутъ быть повѣрены на дѣлѣ самимъ ребенкомъ, потому что принадлежатъ мѣстностямъ, имѣющимъ мало общаго съ окружающею ученика природою; другія, болѣе доступныя ему, относящіяся къ этой природѣ, доходятъ до него слишкомъ поздно. Притомъ, утративъ, на все время первоначальнаго обученія, свою самостоятельность, преподаваніе науки о землѣ становится въ совершенную зависимость отъ успѣховъ, дѣлаемыхъ ученикомъ въ исторіи, и только въ гораздо позднѣйшемъ возрастѣ представитъ ему обзоръ всей земли въ систематическомъ видѣ. Всѣ эти недостатки, конечно, весьма существенны и должны побудить насъ, поборниковъ основательнаго образованія, совершенно отвергнуть подобный планъ преподаванія географіи, планъ который, кромѣ того, основанъ на обычаѣ включать въ первоначальный курсъ обученія преподаваніе исторіи священной ветхозавѣтной или всеобщей древней.

Здѣсь кстати поговорить объ этомъ послѣднемъ обычаѣ, который безмолвно признанъ г-жею Тастю непогрѣшительнымъ. Въ осьмой книгѣ ея сочиненія помѣщена, какъ видно, съ цѣлью развитія фактической памяти и образованія сердца нравственными примѣрами, краткая священная исторія ветхяго завѣта.—

Въ нашемъ взглядѣ на подлежащей предметъ, мы оставимъ въ сторонѣ частное содержаніе исторіи того или другаго народа, а прямо постараемся опредѣлить: какъ преподаваніе исторіи дѣйствуетъ на развитіе у дитяти той способности, которую развить стараются съ помощью его? какое вліяніе оно оказываетъ на общую нравственную экономію дитяти? Можетъ ли у дитяти сама собою родиться потребность знать историческіе факты, или она должна быть возбуждена въ немъ искусственнымъ образомъ? Какое мѣсто въ циклѣ дѣтскихъ познаній займутъ факты исторіи и насколько они вообще расширятъ кругъ познаній дитяти?

Мы не будемъ повторять того, что сказали по поводу преподаванія географіи объ одностороннемъ взглядѣ на науку, какъ на средство для развитія извѣстной способности. Изойдемъ отъ сущности содержанія исторіи вообще, для того, чтобы отвѣчать на

выше поставленные вопросы, впрочемъ не стѣсняя себя порядкомъ, въ которомъ мы изложили ихъ.

Исторія есть наука, изслѣдующая судьбы человѣческаго рода или отдѣльныхъ народовъ въ стремленіи ихъ къ улучшенію своего матеріальнаго быта и къ нравственному преуспѣванію своему. Какъ предметъ первоначальнаго обученія, она, по необходимости, должна стать нагляднымъ изображеніемъ главныхъ событій изъ жизни народовъ или цѣлаго человѣчества, событій, ставшихъ причиною существенныхъ измѣненій въ бытѣ отдѣльныхъ народовъ или всего человѣчества. Какъ изображеніе она болѣе должна обращаться къ воображенію дитяти, болѣе должна быть воспринята памятью нежели умомъ.

И такъ воображеніе дитяти должно перенести его на поприще дѣятельности древнихъ историческихъ народовъ, во времена давно прошедшія, въ обстановку, которой не осталось уже нигдѣ слѣдовъ, въ среду людей съ своеобразными очертаніями лица, носящихъ костюмы, о которыхъ мы можемъ имѣть только весьма темныя понятія по муміямъ и изображеніямъ на памятникахъ, людей, ведшихъ патріархальный образъ жизни, имѣвшихъ нравы и обычаи, о которыхъ очень мало извѣстно намъ. Далѣе: исторія представляетъ воображенію дитяти событія, въ которыхъ массы народовъ считаются единицами, дѣйствующими самобытно или подъ вліяніемъ историческихъ лицъ. Моисей выводитъ Евреевъ изъ Египта. Моисей здѣсь голова, воля, умъ, которому повинуются громадное туловище — Еврейскій народъ. Народъ возопіетъ къ Богу и идетъ за Моисеемъ въ пустыню, осуждая себя на странствованіе по ней въ землю обѣтованную... Народъ заблуждается, впадаетъ въ грѣхи, испытываетъ гнѣвъ Божій, снова раскаивается, возопіетъ къ Богу, приноситъ жертвы и получаетъ прощеніе. Потомъ снова идетъ!.. Какова картина! Вдумайтесь въ нее! — не ощутите ли вы нѣкотораго благоговѣйнаго ужаса передъ этою личностью Моисея, который покорилъ себѣ строптивое, непостоянное туловище, состоящее изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ недѣлимыхъ, изъ которыхъ каждое имѣло свой характеръ, свой умъ, свои интересы? Не остановится ли, не оцѣпенѣетъ ли ваше воображеніе, передъ картиною этой необъятной массы людей, идущихъ по пустынѣ, въ которой она является ничтожнымъ, едва замѣтнымъ комомъ насѣкомыхъ, переселяющимся муравейникомъ, который сорокъ лѣтъ можетъ странствовать по ней, не встрѣчая конца ея... Чувствуете ли вы, какъ эта пустыня становится въ вашемъ воображеніи все безпредѣльнѣе, и

наконецъ, какъ и ваше воображеніе не въ состояніи болѣе распирить рамокъ своихъ, и, усталое, опускаетъ крылья!..

Эту и подобныя картины должна изобразить исторія доступнымъ для воображенія ребенка образомъ. Должна? Легко сказать, а выполнить совершенно невозможно. Вспомните, что вы ощущали, читая исторію въ дѣтствѣ? Какъ вообразили вы себѣ народъ, войско, сраженіе, построеніе города, переселеніе племенъ? Да и воображали ли вы все это, или просто заучивали слова? Это послѣднее гораздо вѣроятнѣе. Такъ обыкновенно и случается. Кажется, практическіе преподаватели думаютъ, что иначе и быть не можетъ, ибо нисколько не стараются объяснить ребенку: что такое народъ? почему эта масса отдѣльныхъ личностей составляетъ цѣлое, которое называется народомъ? Что общаго между всѣми этими личностями и чѣмъ одинъ народъ отличается отъ другаго? Господа практическіе преподаватели можетъ быть, и точно очень хорошо дѣлаютъ, прямо приступаютъ къ изложенію историческихъ фактовъ, потому что объясненія ихъ не могли бы занять ребенка, не могли бы быть поняты имъ.— Всѣ они не повели бы ни къ чему, кромѣ только того, что бѣдный малютка долженъ былъ бы выучить наизусть нѣсколько лишнихъ страницъ о физиологическихъ и физиономическихъ отличіяхъ національностей. Вы стали бы ему толковать о типахъ, о характерахъ, о степени образованія, ему, который едва различаетъ черты своихъ знакомыхъ, у котораго самаго еще нѣтъ характера, который самъ стоитъ на степени необразованности. Вы стали бы ему говорить о миліонахъ людей, тогда какъ онъ едва можетъ объять взоромъ собраніе, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, собравшихся съ цѣлью повеселиться. Пусть ужъ лучше твердить наизусть всѣ эти недоступныя ему факты. Авось, хоть память укрѣпится этимъ упражненіемъ.

Но укрѣпится ли полно такимъ упражненіемъ фактическая память дитяти? Я уже имѣлъ случай высказать свой взглядъ на предѣлы изощренія памяти и на мѣру наполненія ея научными матерьялами. Здѣсь остается мнѣ только упомянуть о мнемоникѣ, какъ наукѣ развитія памяти и о мнемоникѣ, въ смыслѣ шарлатанскаго запоминанія.

Tantum scimus, quantum memoria tenemus, говорили древніе, и потому приписывали мнемоникѣ, какъ искусству, огромную важность. Изъ нихъ писали о мнемоникѣ: Цицеронъ, Квинтиліанъ, Симонидъ и др. Авзоній, бывший цезарскимъ воспитателемъ при Валентиніанѣ и Граціанѣ и преторомъ Галліи, Британніи и Ис-

паніи, написавъ, мнемоническимъ образомъ, исторію 12-ти Цезарей и астрологію четверостишіями. Изъ этого слѣдуетъ, что мнемоника, какъ искусство, вовсе не такая новинка, какую хотять сдѣлать изъ нея новѣйшіе практическіе мнемонисты, Жабото, Язвинскіе и др. И въ среднихъ вѣкахъ *Ars lullistica*, ведшая свое начало отъ извѣстнаго учителя, Раймунда Лулла, достигала удивительныхъ результатовъ. Учителя Порърояля также съ пользою употребляли, при преподаваніи, мнемоническіе приемы. Въ концѣ прошедшаго столѣтія Готье (Gaultier), мнемоническимъ образомъ, изложилъ всѣ элементарныя науки: чтеніе, письмо, счисленіе, языки, хронологію, стихосложеніе, даже мораль. Въ 1786 году онъ издалъ: *Methode d'histoire*, сочиненіе, въ которомъ, для преподаванія исторіи, онъ употребляетъ все, способное дѣйствовать на воображеніе дѣтей, какъ то: картинки, карты и всякаго рода игры.

Мнемоника, какъ наука, изслѣдующая законы памяти, изъ которыхъ выводитъ правила дѣйствованія на эту способность, только въ нынѣшнемъ столѣтіи стала дѣятельнѣе разрабатываться учеными педагогами и физиологами *). Несмотря на то, она уже дошла до выводовъ, которыхъ несомнѣнность ежедневно подтверждается опытомъ. Мы почерпнемъ изъ нея только не многіе результаты, нужные намъ для опроверженія мнѣнія, что преподаваніе исторіи непремѣнно, независимо отъ метода учителя, изоощряетъ фактическую память.

Память, какъ и всѣ нисшія познавательныя способности, находится въ такой явной зависимости отъ физическихъ причинъ, что несомнѣнно подчинена законамъ тѣлесной природы. По этому законъ физической природы: что «чрезъ употребленіе расходуются органы,» долженъ имѣть силу и относительно памяти. Изъ этого слѣдуетъ, что трудъ приобрѣтенія ненужныхъ научныхъ подробностей вообще неблагоприятенъ, ибо бесполезно истощаетъ силы памяти и наполняетъ ее научнымъ хламомъ, слѣдовательно засоряетъ въ ней мѣсто, которое нужно для другихъ познаній. Всякій нервъ и мускулъ упражненіемъ можетъ быть доведенъ до извѣстной степени сосредоточеннаго и усиленнаго дѣйствованія, но только съ ущербомъ продолжительности его дѣятельности. Люди, въ молодости много занимавшіеся съ луною и иш-

*) Изъ популярныхъ сочиненій о мнемоникѣ, какъ наукѣ, весьма удовлетворительно: *Dégérando: Des signes et de l'art de penser, considérés dans leurs rapports mutuels.* 4 vol.

кроскопомъ, обыкновенно въ старости страдаютъ слабостью зрѣнія и часто совершенно теряютъ его. Люди, много трудящіеся физически, рано старѣются и ослабѣваютъ. Такимъ же образомъ люди въ дѣтствѣ много *механически* упражнявшіе память, чувствуютъ впоследствии ослабленіе ея.

Я съ намѣреніемъ употребилъ здѣсь слово: «механически»; такъ называю я упражненіе памяти мнемоническими способами, приспособленными къ преподаванію различныхъ наукъ Язвнскимъ, Барбо, Шантро, Прево и др., которые прикрѣпляютъ къ памяти факты, слова или числа посредствомъ внѣшнихъ знаковъ или отношеній, имѣющихъ очень мало, или даже ничего общаго съ самими фактами, словами или числами и ихъ отношеніями между собою и къ другимъ фактамъ. Но не могу не отнести къ механическому же способу упражненія памяти *всякое* запоминаніе непонятыхъ дитятею предметовъ, фактовъ или словъ. Въ этихъ словахъ моихъ заключается намекъ на другой законъ, дознанный наукою мнемоники, а именно: что память, только въ отрѣшенности отъ другихъ интеллектуальныхъ способностей, подчинена законамъ физической природы; но когда дѣйствуетъ въ совокупности съ умомъ и воображеніемъ, то интеллектуализируется (одухотворяется), приобрѣтаетъ свойства и подчиняется законамъ высшихъ познавательныхъ способностей. То, что заняло умъ или воображеніе дитяти, то отнюдь не истощаетъ и не отягощаетъ памяти, а напротивъ служитъ ей полезнымъ упражненіемъ и полезною пищею. Такіе факты надолго, если не навсегда, останутся въ памяти. Причина понятна: они удовлетворили нравственную потребность, хотя, можетъ быть, недостигшую яснаго, положительнаго сознанія, и потому стали моментомъ развитія всего нравственнаго міра.

Изъ этого слѣдуетъ, что только такой предметъ можетъ служить для развитія фактической памяти, который займетъ умъ или воображеніе дитяти, потому что дастъ ему отвѣтъ на возникшіе въ его умѣ вопросы, или, ясностью, доступностью и привлекательностью своихъ образовъ, поразитъ дѣтскую фантазію.

Думаю, что вышеизложенныя причины достаточны для того, чтобы не считать исторіи, въ томъ видѣ, какъ она преподается въ дѣтствѣ, предметомъ, могущимъ выполнить эти условія. Напротивъ, по видимому, практическіе преподаватели именно думаютъ, что чѣмъ предметъ суше и безцвѣтнѣе, тѣмъ болѣе онъ упражняетъ память, и потому часто заставляютъ дитя учить

оторванные хронологическія данныя безъ связи и содержанія. Это доказываетъ, до чего можетъ довести невѣжественный опытъ. Еслибы эти господа, по крайней мѣрѣ, запаслись свѣдѣніями объ успѣхахъ мнемоники, какъ искусства, то и тогда уже нашлись бы у практическаго мнемониста Жакото правило, поставленное непремѣннымъ условіемъ для успѣха въ преподаваніи по его методѣ; а именно: «обучая частностямъ, не должно упускать изъ вида цѣлаго» *), говоритъ глава мнемоническихъ «куликовъ», который почитаетъ нужнымъ изученіе въ каждой наукѣ только такихъ подробностей, въ которыя отражается общая мысль ея. Жакото далѣе предписываетъ «не сообщать ученикамъ ничего такого до чего они не могутъ дойти собственными силами» (*Le maître n'explique rien*). Не грѣшитъ ли преподаваніе исторіи въ первомъ возрастѣ противъ этихъ правилъ практической мнемоники? Общаямысль исторіи—стремленіе народовъ къ развитію своего матерьяльнаго благосостоянія и достиженію нравственной высоты—вовсе недоступна ребенку 4—9 лѣтняго возраста, слѣдовательно и значеніе фактовъ, въ которыхъ эта мысль проявляется будетъ непонятна ему, равно какъ и связь между этими фактами. А если связь между фактами непонятна ему, то какъ же бы онъ самъ донесъ до разрѣшенія историческихъ вопросовъ?

Не ясно ли изъ этого, что преподаваніе исторіи не способно развити в той способности, для развитія которой собственно и почти исключительно предпринимается.

Теперь разсмотримъ вліяніе исторіи на общую нравственную экономію дитяти. Мы уже сказали, что основная мысль исторіи, ея идея недоступна дитяти. Мало того; непосредственныя побужденія большей части историческихъ дѣяній непонятны ему. Нравственная точка зрѣнія народовъ, критеріумъ поступковъ безпрестанно мѣняется въ исторіи, смотря потому—на какой точкѣ цивилизаціи извѣстный народъ, какой характеръ имѣютъ его религіозныя вѣрованія и т. д. Алжирскій пиратъ въ нашихъ глазахъ—разбойникъ, а во мнѣніи своихъ соотечественниковъ герой. Гуманная точка зрѣнія древняго Грека останавливается тамъ, гдѣ начиналось невольничество. Какъ объясните вы дитяти всѣ эти побужденія? Какъ, съ христіанской точки зрѣнія, объясните вы ему героизмъ воинскаго подвига, справедливость

*) Метода Жакото изложена Деларошемъ въ сочиненіи, носящемъ заглавіе: *L'enseignement universel en présence de l'enseignement universitaire.*

войны, въ которой за опрометчиво сказанное слово, будто бы оскорбляющее національную честь, ведутся тысячи и десятки тысячъ на гибель, прелесть побѣды, купленной кровью отцовъ, братьевъ и мужей многочисленныхъ семействъ. Или какъ розоваго малютку, еще не успѣвшаго составить себѣ своего собственного нравственнаго масштаба, не успѣвшаго осмотрѣться во внѣшнемъ мірѣ, вы захотите поставить на точку зрѣнія Ромула, убивающаго своего брата для сохраненія единства государственнаго, Регула, идущаго во главѣ враждебнаго войска отицать отечеству, спартанцевъ поющихъ псалтырь, чтобы показывать дѣтямъ примѣръ уничтоженія, въ которое впадаетъ человѣкъ вслѣдствіе пьянства, спартанцевъ, обучающихъ дѣтей своихъ воровать пищу и хладнокровно истязавшихъ ихъ для того, чтобы приучить къ боли.

Впрочемъ вы не будете и хлопотать объяснять всѣ факты. Но въ такомъ случаѣ, излагая факты, которыхъ оправданіе заключается въ однихъ побужденіяхъ, зависящихъ отъ нравственной точки зрѣнія народовъ и отдѣльныхъ лицъ, излагая эти факты ребенку, который еще не составилъ своей собственной точки зрѣнія, не имѣетъ своего нравственнаго критеріума, въ какой хаосъ приводите вы непосредственное нравственное чувство его, и какъ, изъ этого лабиринта фактовъ, совершившихся по самымъ противурѣчивымъ побужденіямъ, со временемъ выведете для него нравственный кодексъ. А кажется, что могло бы быть логичнѣе, какъ основать нравственный кодексъ дитяти на примѣрахъ исторіи, которыхъ знаніе такимъ образомъ замѣнило бы для дитяти собственный жизненный опытъ. Но эти-то самые примѣры именно и сбиваютъ съ толку дитя, которое хотятъ наставлять въ правилахъ христіанской морали. Любовь къ ближнимъ, забвеніе обидъ, безкорыстіе дѣйствій, повиновеніе родителямъ ради любви къ Богу, истинность, безхитрость, чистоту нравовъ проповѣдуете вы ему, а у него въ памяти сохранились однѣ сцены братоубійства, мщенія, корыстолюбія, ненасытнаго честолюбія, неповиновенія непосредственно самому Богу, лживости, коварства, сладострастія и безнравственности. Не оттого ли вся ваша мораль осѣвется для ребенка мертвою буквою или красивымъ щитомъ, за который маленький язычникъ спрыскивается со своею моралью, извлеченной изъ фактовъ исторіи. Что въ томъ, что вы къ изложенію каждаго историческаго факта прибавляете рассужденіе, что этого не должно дѣлать, что это дѣлалось только потому, что времена были темныя и вѣж-

ственные, что потому-то Богъ и покаралъ за это и т. д. Вашъ маленькій слушатель себѣ на умѣ! Благо вы навели его на мысль, а ужъ хорошо ли, дурно ли такъ дѣлать? — это другой вопросъ. Главное: такимъ путемъ можно достигнуть своей цѣли, а достигать своей цѣли всегда пріятно. Накажетъ ли Богъ или нѣтъ, еще это неизвѣстно, ибо и не такія вещи сходили съ рукъ Царю Давиду и Царю Соломону, которыхъ Богъ однако не только не наказывалъ, а даже осыпалъ неисчислимыми милостями. Правда, они каялись: но отчего же и мы послѣ не покаяться? думаетъ малютка и возрастаетъ — съ языческою философіею въ сердцѣ и съ христіанскою моралью на языкѣ.

Чѣмъ долѣе человѣкъ остается въ блаженномъ невѣдѣніи зла, конечно, если при этомъ можетъ быть предохраненъ отъ всѣхъ неудобствъ невѣдѣнія, тѣмъ лучше. При томъ же, нѣтъ никакой необходимости смущать ясное небо дѣтскихъ фантазій картинами убійствъ и человѣческихъ страстей. Напротивъ, я считаю необходимымъ, чтобы дитя прежде создало свое собственное міровоззрѣніе и свой собственный нравственный кодексъ, свободный отъ всего условнаго, подъ влияніемъ одного званія природы, и подъ наитіемъ своего чистаго непосредственнаго чувства, которому старались дать направленіе къ добру. Только тогда можно надѣяться что нашъ ученикъ, ставъ взрослымъ человѣкомъ, сумѣетъ выстоять противъ напора разочаровывающей дѣйствительности, являющейся какъ въ исторіи, такъ и въ обыденной жизни. Ибо горе человѣку, необладающему въ сознаніи идеаломъ человѣческой высоты.

Но, возражать мыѣ, нельзя отрицать въ дитяти потребности къ повѣствованіямъ всякаго рода. Если не преподавать ему исторіи, то онъ будетъ искать удовлетворенія своей потребности въ сказкахъ и сплетняхъ или въ пошлыхъ разсказахъ дѣтскихъ книжонкокъ, издѣлій нашей книжной промышленности.

Согласенъ, и считаю потребность дитяти къ разсказамъ, которыхъ интересъ заключается въ картинности фактовъ и привлекательности ихъ для воображенія, столь же законною, и удовлетвореніе ея столь же благотворнымъ для общаго развитія дитяти, какъ и всѣ другія нравственныя потребности и ихъ удовлетвореніе. Но, во первыхъ, исторія, въ томъ видѣ, какъ преподается дѣтямъ и какъ священная исторія ветхаго заветъа разсказана г-жою Тастю, не въ состояніи удовлетворить этой потребности, потому что почти не представляетъ занимательности для дѣтской фантазій, которой картинны ея еще недо-

ступны. А во вторыхъ, если и есть въ исторіи эпизоды, могущіе завлечь дѣтское воображеніе, то они въ первоначальномъ курсѣ не могутъ быть такъ подробно изложены, чтобы завлечь воображеніе дитяти и удовлетворить его потребности. Въ третьихъ, только нѣкоторые изъ этихъ эпизодовъ, будучи рассказаны подробно, удовлетворили бы потребность дѣтской фантазіи, не нанося вреда сердцу его.—

По этому, я и предложилъ бы, вмѣсто преподаванія исторіи, составленіе, для дѣтей перваго возраста, дѣтскаго пизутарха, въ которомъ черты безотносительной нравственности, разбѣяныя по всей исторіи, были бы рассказаны безъ всякой претензіи на историческій колоритъ и на описанія исторической обстановки лицъ. Въ этихъ картинахъ одни имена отличали бы героевъ одного отъ другаго, до тѣхъ поръ, пока идея національности еще недоступна ему. Позже, когда ребенокъ познакомится съ этнографіею мѣстности, въ которой живетъ, можно сказать ему, что Сократъ, прощавшій своимъ врагамъ въ ту минуту, какъ они отравляли его, принадлежалъ къ той же націи, къ которой принадлежитъ и купецъ, котораго дитя ежедневно встрѣчаетъ на улицѣ. Спѣшу оговориться: читатель возразитъ мнѣ, что и здѣсь ребенокъ будетъ знакомиться со зломъ, существующимъ въ человѣческомъ обществѣ. Да! Но здѣсь зло будетъ играть роль тѣней на картинахъ. На первомъ планѣ всегда будетъ прекрасная личность героя рассказа, или благородный поступокъ, и потому зло будетъ являться дитяти въ видѣ чудовищной случайности, способствующей торжеству добра.

Выгода избранія историческихъ лицъ и фактовъ для такого рода рассказовъ состоитъ въ томъ, что они, впоследствии, при подробномъ изученіи исторіи, останутся въ памяти ребенка, какъ живое непрерывное зеркало, которое и въ самыя варварскія эпохи, посреди заблужденій и пороковъ массъ, отражаетъ идеалъ въ его лучезарной красотѣ. Въ дитяти же 4 — 9 лѣтъ, нѣтъ, и быть не можетъ собственно-исторической потребности, т. е. потребности знать: кто до него жилъ на этой землѣ?, какъ назывались народы? какіе были у нихъ нравы обычаи, языкъ, образъ правленія, религія? какимъ путемъ человѣчество достигло настоящей точки цивилизаціи? И это очень естественно: въ первомъ возрастѣ понятія о времени не идутъ далѣе вчерашняго дня, много-прошедшей рождественской елки; понятіе о національности, своей и чужой, вовсе недоступно, нравы и обычаи, даже роднаго народа, почти еще вовсе не знакомы; языки усваиваются

памятью и не могут проникнуть въ сознание, не смотря на насильственное преподаваніе грамматики, образъ правленія... впрочемъ объѣтомъ и говорить нечего; религія возможна одна—религія сердца, и всякій догматизмъ вреденъ, слѣдовательно знакомство съ чуждыми религіозными вѣрованіями и догматами чужихъ официальныхъ религій—нелѣзность. Настоящій моментъ цивилизаціи еще не могъ проникнуть въ сознание, потому что ребенокъ, еще только отчасти, принадлежитъ ему, слѣдовательно и потребность—знать предшествующіе моменты не можетъ родиться. И до такой степени не возможна эта потребность въ дитяти, что самая ловкія ухищренія педагоговъ не въ состояніи возбудить ее, между тѣмъ какъ въ позднѣйшемъ возрастѣ она сама собою совершенно органически рождается изъ разсмотрѣванія фактовъ современной жизни народовъ.

Спрашивается: къ чему же служить это искусственное возбужденіе потребности, которая позже должна естественно возникнуть? Къ чему преподаваніе исторіи въ томъ возрастѣ, которому она не доступна и въ которомъ не отвѣчаетъ нравственнымъ потребностямъ?

Но можетъ быть, преподаваніе исторіи расширяетъ кругъ познаній дитяти? хороши познанія, которыхъ дитя не познаетъ. Да, и какія же это познанія? Очень нужно ребенку знать, что Филиппъ былъ основателемъ Македонскаго Государства, котораго уже нѣтъ, что сынъ его Александръ покорилъ народы, которыхъ потомки также похожи на своихъ предковъ, какъ нынѣшняя еврейская нація на палестинскихъ іудеевъ, что римляне покорили своему оружію весь извѣстный въ древности міръ, въ которомъ нынѣшняя англійская крѣпость Гибралтаръ была геркулесовыми столбами; въ которомъ Англія сама была янтарнымъ островомъ и болѣе ни чѣмъ; въ которомъ германцы, предки нынѣшнихъ многоученыхъ и великоумныхъ гегелтеровъ, были какими то полузвѣрями.

Мудрено ли, что, запасшись такими свѣдѣніями, какъ всѣ тѣ, которыя сообщаются книгою 1-жи Части и большею частью практическихъ воспитателей и воспитательницъ, 4—9-лѣтній ребенокъ и не заподозритъ, чтобы наука должна была имѣть непосредственное примѣненіе къ жизни, чтобы она была раскрытіемъ тайнъ бытія? Мудрено ли, что наука и жизнь становятся для него враждебными другъ другу полюсами, что тамъ, гдѣ для него кончается одна, тамъ начинается другая. Нахируясь идти онъ въ классъ и нетерпѣливо выснаживаетъ несносный урокъ.

которому кажется конца не будетъ. Радостно бѣжитъ онъ, по окончаніи урока, въ садъ, и такъ же какъ, только по принужденію, оставляя забавы для книгъ, такъ же теперь, по внутреннему побужденію, забываетъ, совершенно забываетъ о существованіи книгъ, для того, чтобы предаться веселью. Неужели г-жѣ Тастю и подобнымъ ей чадолюбивымъ учительницамъ никогда ни приходило въ голову спросить: чтожь это за наука, которая съ перваго шага расходится съ жизнью, съ потребностями, съ пользою дитяти? Что это за наука, которая даетъ ребенку то, чего онъ не состояніи ни желать знать, ни усвоить своимъ умомъ, и не даетъ ему того, что свойственно его потребностямъ и заняю бы его, связавъ ученье съ жизнью?

Начавъ учебныя занятія съ наукъ неприложимыхъ къ жизни, недоступныхъ пониманію дитяти и не отвѣчающихъ его потребностямъ, практическія воспитательницы приучаютъ его смотрѣть на науку какъ на тягостный фактъ, причину существованія котораго онъ и не старается проникнуть, потому что чувствуетъ, что это не удастся ему. — И потому онъ объясняетъ себѣ этотъ фактъ произволомъ воспитателей, которые, какъ какая-то наружная неумолимая судьба, находятъ удовольствіе въ разрушеніи его дѣтскаго, беззаботнаго счастья. Слѣдствіемъ такого взгляда, конечно, не можетъ быть ни особенная любовь къ наукѣ, ни особенное уваженіе къ воспитателямъ.

А между тѣмъ ребенокъ любитъ свѣтъ и радостно стремится къ знанію. Посмотрите, какъ онъ внимательно прислушивается ко всему, что дѣйствительно расширяетъ горизонтъ его познаній, какимъ восторгомъ заблестятъ его глаза каждый разъ, когда вы поможете ему глубже проникнуть въ тайны окружающаго его, какъ онъ счастливъ когда истина явится его взору изъ-за скрывавшаго ее, переходящаго факта! Замѣьте, какъ глубоко разовьется его любознательность, если, по окончаніи извѣстнаго періода, онъ убѣдится, что наука стала для него откровеніемъ истины, лежащей въ нѣкоторой части той дѣйствительности, которая прежде окружала его, какъ мертвый агрегатъ, лишенный смысла.

Итакъ, первоначальное обученіе для того, чтобы быть исходнымъ моментомъ основательнаго образованія должно:

1-е) Отвѣчать на непосредственно (spontanément) рождающіеся въ дѣтскомъ умѣ вопросы.

Вопросы эти, большею частью, будутъ относиться къ предметамъ непосредственно окружающимъ ребенка. Предметы, окру-

жающіе ребенка, принадлежатъ къ двумъ категоріямъ: къ естественнымъ произведеніямъ и къ продуктамъ промышленности. Къ первымъ причисляемъ мы какъ естественныя условія мѣстности, въ которой протекають первые годы жизни дитяти, и ея естественныя произведенія, такъ и садовую и комнатную флору, въ той мѣрѣ, какъ она состоитъ или изъ однихъ мѣстныхъ растений, или изъ растений акклиматизированныхъ. Къ продуктамъ промышленности относятся всѣ произведенія ремесла, фабричной производительности, искусствъ и даже художествъ, въ той мѣрѣ, какъ они служатъ только для удобствъ жизни и украшенія предметовъ ежедневнаго употребленія. Также мѣстныя строенія, памятники, музеумы, библіотеки и т. д. Однимъ словомъ всѣмъ челоуѣкъ обязанъ своему уму и труду. По вышевысказанному мною убѣжденію, задача первоначальной науки въ основательномъ образованіи, состоитъ въ томъ, чтобы а), родить въ ребенкѣ чувство связи между наукою вообще, какъ выраженіемъ современной истины, и жизнью, и б) удовлетворить это чувство въ возможной полнотѣ. По этому я требую, чтобы, въ теченіи всего возраста, продолжающагося отъ 4 до 8 или 9 лѣтъ, слѣдовательно въ теченіи всего курса домашняго обученія, ребенокъ знакомился только съ истинною, лежащею въ основаніи предметовъ, окружающихъ его. А такъ какъ предметы, окружающіе дитя, двоякаго рода, то ребенокъ, узнавая объективную истину лежащую въ основаніи ихъ существованія, усвоитъ себѣ понятія относящіяся, съ одной стороны, къ естеству, съ другой, къ современной цивилизаціи. Но и въ продуктахъ промышленности основаніемъ, большею частію, суть естественныя произведенія: столъ сдѣланъ изъ дерева, которое прежде было на корню; домъ выстроенъ изъ кирпича, кирпичъ сдѣланъ изъ глинны, которая прежде составляла часть почвы и т. д. По этому

2-е) Первоначальная наука должна начаться съ ознакомленія ребенка съ объективною истинною лежащею въ основаніи естественныхъ произведеній, окружающихъ его и служившихъ матерьяломъ для продуктовъ промышленности, которые ему попадаютъ на глаза. Такимъ образомъ ребенокъ узнаетъ прежде всего названія, свойства и жизненныя отправления произведеній трехъ царствъ природы, которыя у него передъ глазами, подробно знакомятся съ окружающею мѣстностью, ея особенностями, климатомъ, физическими явленіями, которыя должны быть объясняемы ему по слѣднимъ результатамъ науки, съ доступною ему подробностью, и научною точностью. Если ребенокъ, прежде нежели обратитъ

вниманіе на естественныя произведенія, захочетъ узнать о продуктѣ промышленности, то воспитательница должна стараться незамѣтно привести его къ естественному матерьялу, изъ котораго продуктъ сдѣланъ. Такимъ образомъ первый циклъ познаній дитяти будетъ вполне заключенъ въ самомъ себѣ, ибо обниметъ все естествознаніе въ обширномъ смыслѣ (и географію мѣстности и физику), въ той мѣрѣ, какъ оно будетъ служить для раскрытія объективной истины, лежащей въ основаніи окружающей ребенка природы и ея явленій. Отрывочности и поверхностности тутъ никакой не можетъ быть, ибо по какой бы ни было мѣстности можно изучить естественныя науки во всей ихъ полнотѣ, хотя не со всѣми подробностями, которыя впрочемъ и не составляютъ непремѣннаго условія основательнаго знанія.

Я назначаю въ первомъ циклѣ мѣсто естественнымъ наукамъ, потому что, какъ природа есть основа всего существующаго, такъ и наука о природѣ, по своей глубокой занимательности, по точности сообщаемыхъ ею знаній и по благотворному вліянію на всѣ способности духа, пригоднѣе всѣхъ другихъ наукъ къ тому, чтобы служить основаніемъ первоначальнаго обученія. Съ чего бы ни начали мы первоначальную науку, если только мы захотимъ приучить умъ ребенка къ основательности въ изслѣдованіи, то всегда будемъ принуждены раскрыть истину, лежащую въ основаніи естественнаго произведенія; ибо вездѣ, съ какой бы точки ни пустились мы въ путь, будемъ приведены къ естественнымъ произведеніямъ. Съ другой стороны, раскрытіе вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ, по которымъ дѣйствуетъ природа и которые вполне совпадаютъ съ законами нашего мышленія, совершенно естественно должно быть предметомъ первоначальной науки, отъ которой будетъ зависѣть точность и правильность развитія ума дитяти. Но кромѣ развитія ума, первоначальная наука должна имѣть въ виду и другія способности дитяти, всю нравственную экономію его. Ничто не дѣйствуетъ на эту послѣднюю столь благотворно, какъ предметы природы: жизнь травки, изъ едва замѣтнаго зародыша развивающей корешокъ и первоначальный листокъ, изъ котораго потомъ вырастаетъ стебель, выглядываетъ изъ земли, покрывается листьями, украшается чашечкой съ радужнымъ вѣнчикомъ, эта жизнь такъ чудесна, что дѣятельная фантазія дитяти жадно ухватится за нее, особенно если въ разсказѣ сохранена будетъ живость и увлекательность, къ которой способны однѣ описанія природы. Наконецъ, что можетъ благотворнѣе дѣйствовать на сердце ди-

тяти, какъ это обращеніе съ предметами природы, въ которомъ, вслѣдствіе его, дитя научится видѣть своихъ младшихъ братьевъ, свою семью. Такимъ образомъ, какъ въ отношеніи сообщенныя свѣдѣнія, такъ и въ отношеніи вліянія на развитіе способностей дитяти, естественныя науки исполнѣ свойственныя ставъ предметомъ первоначальнаго обученія.

3-е) На основаніи правила: что отнюдь не должно навязывать ребенку знанія, въ которомъ онъ еще не имѣетъ потребности, что, слѣдовательно, начинать учить дитя чему-нибудь-надо, и выждавъ, чтобы онъ самъ попросилъ объ этомъ, или искусственными приемами родивъ въ немъ къ тому желаніе, на основаніи этого правила, обученіе чтенію и письму можетъ начаться и не въ самомъ началѣ перваго цикла обученія. Первые пробныя возбужденной любознательности не необходимо должны влечь за собою обученіе чтенію и письму, ибо потребность читать и писать можетъ явиться гораздо позже. Но удовлетворять эту любознательность непрежѣнно надо; а потому, надо и не ухлясающу читать дитяти отвѣчать на дѣлаемые имъ вопросы. Мы ждали бы только, чтобы отвѣты дѣлались не изустно; а чтобы учительница каждый разъ указывала на книгу, изъ которой почерпаетъ сообщаемыя свѣдѣнія и даже прочитывала во ней о занимающемъ дитя предметѣ. Но чтенія ея должны быть каждый разъ вызваны желаніемъ ребенка знать о какомъ-нибудь изъ окружающихъ его предметовъ. Поэтому въ нихъ не можетъ и не должно быть никакой системы, которая искутала бы розоваго малютку своею сухостью и отвлеченностью. Наука сначала будетъ доставаться дитятѣ шутя, играючи, но незамѣтно такъ увлечетъ его, что онъ захочетъ серьезно заниматься ея. Въ началѣ достаточно будетъ если воспитательница, на вопросъ ребенка о какомъ-нибудь предметѣ, назоветъ его какъ родовымъ, такъ и видовымъ названіемъ, и сонхлется на то, что когда-нибудь прочтеть дитяти объ этомъ предметѣ все что интересно знать о немъ. Такія ссылки обратятъ вниманіе дитяти на книгу, какъ на сокровищницу знаній, а когда еще воспитательница исполнитъ свое обѣщаніе, и страницы, которые она прочтеть займутъ ребенка, тогда можно надѣяться что онъ скоро и самъ пожелаетъ умѣть читать.

Весьма полезно будетъ, читая, указывать на самый предметъ и, такимъ образомъ наглядно, объяснять прочтенное. Такъ если ребенокъ желаетъ знать, какъ живетъ растеніе, то можно, и цвѣткѣ, который стоитъ на окнѣ, показать части растенія и

отправленія этихъ органовъ. Для разнообразія можно иногда прочесть о предметѣ поэтическую страничку; напр. овсяный кисель Жуковского, когда рѣчь о растеніяхъ; червячокъ, когда рѣчь о кольчатыхъ животныхъ, или другую статейку, относящуюся къ предмету, изъ Звѣздочки, въ которой разсѣяно столько прекрасныхъ страничекъ, касающихся естественной исторіи. Мало но малу книга сдѣлается любимцею дитяти, преимущественно даже передъ игрушками. Но для того, чтобы ребенокъ не привыкъ къ тому, что другіе читаютъ ему, надо часто давать ему чувствовать неудобства, проистекающія изъ неумѣнья читать. Для этого, когда уже любознательность малютки возбуждена, когда знаніе стало для него насущною потребностью, необходимо и тогда не тотчасъ исполнять желаніе его послушать чтеніе. Иногда также, когда ребенокъ приходитъ съ книгою и проситъ прочесть ему о томъ или другомъ предметѣ, надо предложить ему, чтобы онъ самъ прочелъ первое слово или заглавіе статьи. Читая очень интересную по содержанію статью, можно также, при случаѣ, когда представится необходимость заняться другимъ дѣломъ, прервать чтеніе на самомъ занимательномъ мѣстѣ, ссылаясь на то, что дитя само должно учиться читать, если хочетъ дочитывать занимательныя статейки. Такимъ образомъ возбужденная и разжигаемая любознательность дитяти, придастъ волѣ его ту степень упругости, которая необходима для того, чтобы одолѣть сухую азбуку и склады.

4) Какъ азбукѣ такъ и складамъ надо учить ребенка по тойже книгѣ и тѣмъ же статьямъ, въ которыхъ заключаются отвѣты на мгновенно возникающіе въ его головѣ вопросы, а отнюдь не по собственно такъ называемымъ азбукамъ и книгамъ для упражненія въ чтеніи. А такъ какъ вопросы дитяти будутъ относиться къ предметамъ непосредственно окружающимъ его, или, по крайней мѣрѣ, мѣстнымъ, то и должно читая безпрестанно указывать дитяти на самые предметы, для того, чтобы утвердить его въ томъ мнѣніи, что книга есть ключъ къ раскрытію сущности, лежащей въ основаніи дѣйствительности. Пусть вмѣсто того, чтобы складывать нравственныя сентенціи или даже слова, безъ связи и смысла, дитя, вчера или сегодня спрашивавшее васъ о резедѣ, сложитъ строку или болѣе изъ статейки, въ которой говорится о резедѣ. При этомъ укажите ему на живую резеду и подтвердите на ней слова, прочтенныя дитягею. Тогда упражненіе въ плавномъ чтеніи, въ тоже время, будетъ продолжать злокочивать ребенка къ чтенію, какъ сред-

ству ознакомленія съ окружающею дѣйствительностью. Такъ какъ уроки чтенія будутъ приуготовленіями къ первому циклу наукъ, то предметы, о которыхъ дитя будетъ читать для упражненія, должны относиться исключительно къ естественнымъ произведеніямъ. По этому книга или книги, избираемыя для первоначальнаго чтенія должны содержать въ себѣ ясно, удобопонятно изложенныя, точныя и возможно полныя, понятія объ устройствѣ земной поверхности, о свойствахъ почвъ, климатѣ, о различныхъ особахъ трехъ царствъ природы, о видахъ, къ которымъ они принадлежать, о жизни животныхъ и растений и т. д., однимъ словомъ, краткую энциклопедію естествознанія. Но воспитательница отнюдь не должна давать дитяти читать эту книгу или книги подъ рядъ. Повторяю: каждый урокъ чтенія долженъ заключать въ себѣ отвѣтъ, на возникшій въ головѣ дитяти вопросъ. Механическое любопытство дитяти знать, что далѣе еще заключается въ той книгѣ, изъ которой онъ прочелъ одну или нѣсколько статей, не только не должно быть развиваемо, на противъ еще должно быть подавляемо, ибо не имѣетъ ничего общаго съ любознательностью, т. е. органическою потребностью ума отдавать себѣ отчетъ въ существѣ предметовъ и причинахъ явленій.

5) По заключеніи перваго цикла обученія дитяти, т. е. по ознакомленіи его съ объективною сущностью всѣхъ естественныхъ произведеній, окружающихъ его и съ естественною физиономіею мѣстности, въ которой онъ живетъ, первоначальная наука вводитъ ребенка въ міръ современной цивилизаціи, находящейся передъ его глазами. Здѣсь она объясняетъ и, если можно, показываетъ ему, какъ и изъ чего дѣлаются предметы первой потребности, какъ мокаютъ свѣчи, дѣлаютъ столы, ткутъ платья, вазяютъ войлоки и т. д. При этомъ случаѣ, воспитательница для разнообразія и для удовлетворенія потребности ребенка къ рассказамъ занимающимъ воображеніе, можетъ рассказать ему біографію изобрѣтателей машинъ, или способъ, которыми дошли до нѣкоторыхъ изобрѣтеній и т. д. Но эти рассказы отнюдь не должны имѣть претензіи — на то, чтобы стать исторіею изобрѣтеній, или рядомъ біографій всѣхъ изобрѣтателей, а должны быть порождены случайнымъ расположеніемъ дитяти, или потребностью его въ обновленіи силъ, вслѣдствіе усталости отъ занятій, или интересомъ самой біографіи. Второю циклу первоначальнаго обученія будетъ такимъ образомъ заключать въ себѣ технологію, въ той мѣрѣ, какъ она нужна

для объясненія ребенку окружающихъ его продуктовъ промышленности; знакомство съ роднымъ городомъ, что касается его зданій, памятниковъ музеумовъ, библиотекъ, галлерей, фабрикъ, заводовъ и т. д. При этомъ можно начать уроки рисованія и черченія съ натуры, для нагляднѣйшаго объясненія архитектурныхъ и скульптурныхъ произведеній роднаго города.

б) Третій циклъ будетъ заключать въ себѣ мѣстную этнографію и общія понятія о физиологій человѣка. Уроки мѣстной этнографіи будутъ состоять въ обращеніи вниманія дитяти на черты лица, костюмы, нравы, обычаи представителей разныхъ народностей, которые живутъ въ городѣ. При этомъ можно требовать, чтобы ребенокъ, съ натуры или на память, рисовалъ типы ихъ въ надлежащихъ костюмахъ. Далѣе: можно прямо перейти къ объясненію дитяти: почему и какъ люди одноплеменные живутъ вмѣстѣ, дать ему общія главныя понятія о государственныхъ законахъ, имѣющихъ силу въ данной мѣстности, объ образѣ правленія и т. д. Читатель видитъ, что ребенокъ такимъ образомъ, не отвлекаясь отъ мѣстности, въ которой живетъ, мало по малу составляетъ себѣ полное понятіе о народѣ, какъ организмѣ, имѣющемъ въ самомъ себѣ причину своего существованія. Понятіе о государствѣ, какъ болѣе условное и сложнѣйшее, должно быть сообщено дитяти не ранѣе какъ по мѣрѣ ознакомленія съ исторіею, которое, какъ я уже намекнулъ, должно начаться гораздо позже этого возраста.

Какъ преподаваніе мѣстной этнографіи будетъ удовлетвореніемъ потребности знать причину названій, даваемыхъ нѣкоторымъ лицамъ по народностямъ, къ которымъ они принадлежатъ, такъ и описаніе городского устройства, различныхъ отраслей промышленности, законовъ, образа правленія и т. д. должно вослѣдовать только тогда, когда случай или преподавательница наведетъ на всѣ эти вопросы, и дитя дѣйствительно сдѣлаетъ ихъ.

Съ другой стороны преподаваніе въ первомъ и повтореніе во второмъ циклѣ зоологій часто будетъ требовать ознакомленія дитяти съ внутреннимъ строеніемъ животнаго организма. При этомъ преподавательницѣ очень легко будетъ родить въ ребенкѣ потребность знать внутреннее строеніе и отправленія органовъ человѣческаго организма. Въ большой части случаевъ эта потребность даже сама собою родится у дитяти, и я почитаю удовлетвореніе ея крайне необходимымъ въ этомъ циклѣ обученія, потому что ознакомленіе съ физиологіей человѣка, какъ са-

мою сложною и трудною изъ естественныхъ наукъ, совершенно правильнымъ образомъ завершаетъ домашнее воспитаніе. Въ первомъ циклѣ дитя знакомилось съ простѣйшими естественными организмами, ихъ отравленіями и отчасти классификацію, — во второмъ оно познакомилось съ отдѣльными отраслями окружающаго его общественнаго быта, наконецъ въ третьемъ циклѣ оно, съ одной стороны, усвоить уже болѣе широкія черты окружающаго цивилизованнаго быта (законовѣдѣніе, торговлю, промышленность), съ другой — знакомится съ наукою о человѣкѣ, какъ отраслью естествознанія (этнографія и физиологія).

Преподаваніе физиологіи человѣка, конечно, должно а) ограничиваться объясненіемъ однихъ отравленій необходимыхъ для жизни индивидуума; б) быть кратко, удобопонятно, и по возможности наглядно. Для приданія урокамъ физиологіи наглядности, безъ сомнѣнія, лучше всего было бы показывать взаимное расположеніе органовъ и ихъ устройство на препаратахъ, сдѣланныхъ изъ паше-маше, но такъ какъ приобрѣтеніе ихъ доступно не всѣмъ родителямъ, то можно замѣнять ихъ п рисунками. А какъ физиологія человѣка и даже животныхъ считалась до сихъ поръ предметомъ вовсе неудобнымъ для преподаванія дѣтямъ, изложеніе же всѣхъ доводовъ за и ~~противъ~~ этого необходимаго, по моему мнѣнію, нововведенія въ первоначальномъ преподаваніи, расширило бы нашу статью до размѣровъ несомнѣстныхъ съ ея назначеніемъ, то я и намѣренъ представить читателямъ своимъ особую статью подъ заглавіемъ: *О преподаваніи физиологіи въ курсъ первоначальнаго обученія.*

7-е) Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о преподаваніи арифметики и о практическомъ приложеніи познаній о физикѣ и химіи, приобрѣтенныхъ дитятею въ теченіи всего курса. Арифметика какъ совершенно формальная наука, не можетъ составить отдѣльнаго цикла преподаванія и не занимаетъ, ни въ одномъ изъ нихъ, исключительнаго мѣста, а преподается ребенку съ той минуты, въ которую онъ ощутитъ въ ней потребность, въ теченіи всего послѣдующаго за тѣмъ курса. Для избѣжанія повтореній, просимъ читателя вспомнить сказанное о преподаваніи ея въ критикѣ рутиннаго обученія.

Въ первомъ циклѣ нашего курса ребенокъ узнаетъ составъ воздуха, значеніе температуры, климата и т. д., во второмъ же циклѣ необходимо объяснить ему устройство самыхъ простыхъ инструментовъ, съ помощью которыхъ наука достигаетъ своихъ результатовъ. Съ этимъ, по моему мнѣнію, весьма удобно будетъ

соединить указаніе ребенку: какъ дѣлаются наблюденія и какъ изъ этихъ наблюденій потомъ извлекаются научныя результаты. Я даже совѣтовалъ бы убѣдить ребенка, чтобы онъ ежедневно, въ извѣстные часы, дѣлалъ наблюденія надъ термометромъ и если онъ уже достаточно развитъ и сѣдунецъ, то и надъ барометромъ и гигрометромъ. Съ одной стороны, такія постоянныя занятія упражняли бы наблюдательность дитяти, съ другой, записывая каждый разъ свои наблюденія и еженедѣльно и ежемесячно выводя изъ нихъ среднія числа, ребенокъ привыкъ бы къ аккуратности и имѣлъ бы менѣе совершенно праздыхъ минутъ; съ третьей, постоянно имѣя извѣстныя обязанности, которыхъ исполненіе онъ, чрезъ нѣсколько времени, сталъ бы считать даже нѣкоторымъ point d'honneur, имъ, ребенкомъ, приобрѣлъ бы ту упругость воли, которой не достааетъ нашимъ слабымъ поколѣніямъ; наконецъ съ четвертой, занятія такого рода еще болѣе сближали бы для дитяти науку съ жизнью.

Если намъ скажутъ, что такія наблюденія будутъ утомлять ребенка и скоро наскучатъ ему, то мы возражимъ, что утомляетъ дѣтей только однообразіе занятій и даже игра, а наскучаютъ только предметы лишеныя жизни.

Ф. ТОЛДЬ.

Томскъ. 1855 годъ.

Письмо изъ Парижа.

Парижъ, 26 іюня (8 июля) 1850.

Въ прошломъ письмѣ, любезный Ап....., я конечно писалъ тебѣ о современномъ движеніи умовъ въ Пруссіи. Я съ искреннимъ сожалѣніемъ оставилъ Берлинъ, гдѣ такъ безобидно, добродушно разсуждаютъ и о честолюбивой политикѣ принца регента, и о необходимости военной инициативы, гдѣ открыто перещипаютъ мобилизацію и въ тоже время гремятъ угрозами противъ Франціи, показывая достохвальныи прихѣръ храбрости, и предлагая здоровую опору прочимъ нѣмцамъ, которые все еще думаютъ удержаться на гнилыхъ подмосткахъ Австріи. Дѣло въ томъ, что какъ бы ни были воинственны желанія прусскаго правительства, Пруссія не уйдетъ далеко въ борьбѣ со статутомъ франкфуртскаго сейма и съ мелкимъ себялюбіемъ Виртемберга и Баварин; отъ того и здѣсь, въ Парижѣ, особенно послѣ послѣднихъ побѣдъ, на угрозы Германіи смотрятъ безъ малѣйшихъ

опасеній. И такъ, я оставилъ Берлинъ, который, какъ политическая книга, раскрытая на занимательной страницѣ, дозволяетъ читать себя и дѣлать надъ собою комментаріи. Дѣло другое — Парижъ. Столица Франціи — сцена. Любуйтесь великолѣпнымъ зрѣлищемъ; но не суйте носу слишкомъ далеко за балюстраду. Плачьте пожалуй, подобно институткѣ, при представленіи страшной трагедіи; но не обижайтесь, если во время самыхъ чувствительныхъ вашихъ слезъ стоящая подлѣ мадамъ вдругъ скажетъ: *Tenez vous droit...* «*Nous sommes l'ordre et nous resterons toujours l'ordre* (мы — порядокъ и останемся вѣчно порядкомъ)» говорить одна изъ самыхъ патриотическихъ здѣшнихъ газетъ *Paix* — и эти слова не пустая фраза. Они страннымъ образомъ льстятъ французу, надѣлавшему довольно кровавыхъ проказъ въ своей жизни. Что за бѣда, если болѣе нельзя пѣть по улицамъ пѣсенъ Беранже, если нельзя и молвить лишняго слова о политикѣ безъ опасенія явиться передъ трибуналомъ? *La surêté publique* (общественная безопасность) выше всего, и этимъ словомъ оправдываются самыя стѣснительныя мѣры. Еще остается свобода гулять по красиво-обстриженнымъ аллеямъ, плясать умѣренный канканъ (подъ надзоромъ общественной стражи), пить лучшія въ мірѣ вина, восхищаться грандіозностью новыхъ построекъ. А Тюльери со своими густыми каштанами все тотъ же; Елисейскія поля заботливо усаженныя тощими вязами, все также множествомъ кофеснѣ, каждый вечеръ манять огромныя толпы народа; магазины все также ослѣпляютъ блескомъ и разнообразіемъ — вѣчный праздникъ! вѣчная сумятица! Но того французскаго народа, о которомъ вы составили понятіе по его исторіи, врядъ ли скоро найдете.

Я приѣхалъ въ Парижъ въ девять часовъ вечера, въ самый тотъ день, когда пришло извѣстіе о побѣдѣ при Каврианѣ (при Сольферинѣ). Еще на дорогѣ, на каждой станціи, разноязыки афишъ оглушали криками: *grande bataille, grande victoire!* и проч. Можешь себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ порывался я видѣть знаменитый городъ, и безъ настоящаго торжества столь богатый всѣми приманками на свѣтѣ. Народный праздникъ, ликующія клики толпы посреди залитыхъ огнемъ улицъ — вотъ о чемъ мечталъ я. Чего же лучше? Разомъ увидѣть весь Парижъ, разомъ окунуться въ этотъ неумолкающій водоворотъ, сразу добраться до самаго пульса народной жизни. Судя по газетамъ, можно было ожидать всего этого. Вотъ, делижансъ живо покатылъ отъ дебаркадера. Гдѣ же Парижъ? Темныя, тѣсныя

улицы, однообразно-освѣщенные мутными газовыми фонарями; тонкій удушливый смрадъ, смѣсь всевозможныхъ пряныхъ запаховъ, мрачныя стѣны; между ними, какъ ущелья, черныя проулки, и нигдѣ ни души. Но внезапный свѣтъ ослѣпилъ глаза, и въ немъ, какъ муравейникъ, вращалась пестрая масса народа. Сквозь тѣсоту экипажей пробрались мы около Итальянскаго бульвара и опять вѣхали въ довольно тихія улицы. Разъ только съ крикомъ и смѣхомъ пробѣжала мимо толпа дѣтей и опять слышался одинъ далекій гулъ.

Не смотря на дорожную усталость, оставивъ въ отелѣ свои вещи, я тотчасъ же поспѣшилъ на Итальянскій бульваръ, одно изъ самыхъ людныхъ мѣстъ въ Парижѣ.... Гдѣ же радостныя манифестаціи? Гдѣ эта кипучая жизнь, полная обаяній? Или ужъ я избалованъ Петербургомъ? Или не туда попалъ? Или искалъ не того, что слѣдовало? Непрерывный рядъ блестящихъ кофеенъ и магазиновъ дѣйствительно великолѣпенъ; народу столько, что достанетъ для любого праздника. Однако иллюминація довольно умѣренная: нѣсколько гирляндовъ разноцвѣтныхъ фонарей — и только. Надъ окнами въ разныхъ мѣстахъ развѣшены знамена— и вотъ, ходитъ взадъ и впередъ эта разнообразная толпа, ходитъ плавно, чинно, безъ суеты и безъ шума. Васъ поражаетъ только стукъ громадныхъ омнибусовъ, снующихъ по всѣмъ направленіямъ, да порою хриплый голосъ несчастныхъ продавцевъ бюллетеней, совѣмъ изнемогшихъ послѣ дневнаго крику. «Давайте же мнѣ французовъ, настоящихъ французовъ» твердилъ я самъ про себя. А это что? Это я увижу всякій день въ три часа и на Невскомъ проспектѣ. Вотъ, однако столпилась кучка народу. Я съ любопытствомъ протѣснился впередъ. Какая-то лоретка въ огромнѣйшемъ кримолинѣ сидитъ, небрежно развалилась въ креслахъ, на самомъ краю бульвара и громко, что называется, съ шикомъ, о чемъ-то толкуетъ своему кавалеру. Дерзкій вызывающій взглядъ, неумѣренно поднятая ножка, самая поза, полная комической важности — все это заняло праздную толпу. Кто ни проходилъ мимо, останавливался, дѣлалъ свои наблюденія и замѣчанія прямо передъ носомъ сидѣвшей, и, вдоволь насмотрѣвшись, шелъ далѣе. Шутки и остроты сыпались со всѣхъ сторонъ. Толпа все росла. Дама, нисколько не смущаясь, въ свою очередь разглядывала всѣхъ, къ ней подходившихъ, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ продолжала свою бѣседу съ кавалеромъ. Наконецъ сержантъ полиціи явился также въ числѣ зрителей. При видѣ его дама поднялась, и сѣла на извозчика. Толпа также

начала рѣдѣть, но нѣсколько гулякъ все еще заглядывали въ карету, гдѣ повѣстившись нашла герония, до тѣхъ поръ, пока она не уѣхала. Правду сказать, что нѣтъ народа, болѣе жаднаго до какихъ бы то ни было зрѣлищъ. Барку ли тинуть на рѣкѣ, вывѣсять ли картину въ магазинѣ или какойнибудь особенный «фонарь», уже на узкомъ тротуарѣ почти нѣтъ проходу; но гдѣ соберутся два, три человѣка, тамъ и полицейскій посреди ихъ. Бдительность здѣшней охранной стражи изумительна. Нельзя пройти ни одного перекрестка, не встрѣтивъ нѣсколькихъ изъ этихъ господъ съ острыми бородками и въ треуголкахъ или каскахъ загнутыхъ на бекрень. На гуляньяхъ вездѣ ихъ несчѣтное множество. Однажды я поздно возвращался домой и спросилъ одного изъ нихъ о дорогѣ. Полицейскій, обыкновенно очень учтивый, особенно въ отношеніи къ чужеземцамъ, на этотъ разъ только махнулъ рукой не сказать ни слова: онъ, казалось, сильно къ чему то прислушивался. Улицы были совершенно пусты. Но едва завернулъ я, когда увидѣлъ за угломъ двухъ человѣкъ, которые между собою разговаривали въ полголоса. Когда я съ любопытствомъ взглянулъ на нихъ, они быстро отошли въ сторону. Я удивлялся этому огромному числу опекуновъ, (межъ ними много передѣтыхъ), слѣдящихъ, такъ сказать, за каждымъ дыханіемъ народа. Но сами французы довольно простоудушно говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ: «Вы не знаете, что за головы эти французы: чуть кто между ними поссорится, такъ сейчасъ и готовъ вырнуть ножомъ. Французъ не можетъ жить спокойно: не будь, напримѣръ, войны, онъ пожалуй опять сдѣлаетъ революцію.» — Милыя дѣти! думалъ я. Развѣ еще мало вамъ старыхъ ошибокъ? Такъ когда же вы на столько вырастете, что вамъ болѣе не нужно будетъ нянекъ? Да и вырастете ли вы когданибудь такимъ образомъ? Извѣстно, что и въ порядочной школѣ воспитанники лучше всего ведутъ себя тамъ, гдѣ на видъ менѣе всего присматриваютъ. — Точно также разсуждаютъ здѣсь о смертной казни, называя гильотину человѣколюбивымъ изобрѣтеніемъ. Оно, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ человѣколюбиво въ сравненіи съ другими способами лишать жизни. Во Франціи не существуетъ, напримѣръ, тѣлесныхъ наказаній, всегда унижающихъ достоинство человѣка. Но при зрѣлище смертной казни тѣмъ не менѣе грубѣетъ всякое чувство. Не отъ того ли во Франціи еще такъ много закоренѣлыхъ преступниковъ, которые на судахъ открыто говорятъ: «Я убилъ бы моего врага, если бы не боялся приговора.» Объявлять это публично на судѣ, не

значить ли выражать прямо презрѣніе къ закону, дѣйствующему однимъ страхомъ? Впрочемъ французы теперь очень умѣренны и осторожны въ разговорахъ и когда имъ что нибудь не по сердцу, то всегда стараются объяснить общественной необходимостью: la sûreté publique все-таки не препятствуетъ имъ предаваться всѣмъ утонченностямъ разврата. Извѣстна пѣлому міру строгость здѣшней цензуры. Когда я дѣлалъ на счетъ этого вопросы Парижанамъ, то опять слышалъ давно знакомый мнѣ отвѣтъ: «Французъ легкомысленъ, Французъ слишкомъ легко увлекается однимъ словомъ. Какая нибудь вольная статья могла бы надѣлать много шума и нарушить общественную безопасность.» Однако мнѣ не разъ случилось подмѣтить настоящія чувства. Во французскомъ театрѣ (Théâtre français) играли комедію Бомарше: Свадьба Фигаро. Слѣдующее мѣсто встрѣчено было громкими рукопашесканіями: que les sottises imprimées n'ont d'importance qu'aux lieux où l'on en gêne le cours; que sans la liberté de blâmer, il n'est point d'éloge flatteur; et qu'il n'y a que les petits hommes qui redoutent les petits écrits.» (Печатаемая глупости производятъ много шума только тамъ, гдѣ ихъ запрещаютъ; безъ свободы хвалить не существуетъ и лестной похвалы, и только маленькіе люди боятся маленькихъ сочиненій). Но вслѣдъ за тѣмъ публика тотчасъ же опомнилась и дальнѣйшая, еще болѣе сильная рѣчь Фигаро сопровождалась только сдержаннымъ смѣхомъ, да рѣдкимъ шопотомъ. Дѣло въ томъ, что французы волею-неволею поддаются вліянію той славы, которою ихъ окружаютъ и во имя этой славы готовы прощать многое. Если и можно нѣсколько разочароваться на счетъ ожидаемыхъ восторговъ, за то будешь вознагражденъ сторицею зрѣлищемъ воинственнаго настроенія. На другой день съ утра продавали медальки въ память побѣды при Кавріанѣ. Въ послѣдствіи она оказалась побѣдою при Сольферино; но ничего не значило надѣлать новыхъ медалекъ. Я видѣлъ, какъ бѣдная женщина, изъ простаго класса, покупала себѣ одну изъ нихъ за су, и со слезою на рѣсницѣ долго задумчиво, ее разсматривала: можетъ быть, сынъ ся участникъ тѣхъ подвиговъ, которыми столь прославилась великодушная храбрость французовъ. Я зашелъ въ сосѣднюю церковь: кругомъ пусто и тихо. Но въ разныхъ углахъ по капелламъ все тѣже женщины въ бѣдныхъ одеждахъ стоятъ неподвижно на колѣняхъ, уныло опустивъ голову. Идешь по улицѣ и видишь, какъ толпа блуждниковъ жадно читаетъ приклѣнные къ стѣнѣ листки Монитера. Тутъ громкое объявленіе о побѣдѣ: Grande bataille, grande vic-

toire! (великая битва, великая побѣда), а подлѣ предложеніе префекта о присылкѣ корпій, о вспомоствованіи въ пользу раненыхъ. Въ характерѣ француза много благородной чести онъ отдастъ послѣднюю рубашку своимъ изувѣченнымъ воннамъ, какъ это недавно и случилось въ одной деревишкѣ. Но могъ ли бы народъ побѣждать, какъ онъ побѣждаетъ нынѣ, безъ этого сознанія добраго дѣла? Вопиственное чувство поддерживается до сихъ поръ и статьяи Монтера, и кантатами, какія поются въ театрахъ, гдѣ постоянно встрѣтишь солдатъ на сценѣ. Но нельзя не замѣтить какого-то оффиціального оттѣнка въ этомъ чувствѣ. Что сказать, напримѣръ, про такія брошюрки: *La Franciade, l'épopée à 20 chants. Reveil de l'Italie, 50 cent.* (Франціада, эпопея въ 20 пѣсняхъ. Пробужденіе Италиі, 50 сантим.)? Нѣкто Мери зарядилъ себя воспѣвать Итальянскій походъ, и вотъ, по мѣрѣ побѣдъ французской арміи, выходитъ пятая книжка на прекрасной веленовой бумагѣ: *Napoléon en Italie, V, Milan* (Наполеонъ въ Италиі, пѣснь V, Миланъ). Невольно спросишь: неужели великая борьба не найдетъ себѣ другаго отголоска, кромѣ этой дѣланной поэзіи, составленной изъ риторическихъ фигуръ? Болѣе нравятся мнѣ простыя, юмористическія пѣсни въ поющихъ кофейняхъ (*Café chantant*), гдѣ французъ, выходящій на эстраду, послѣ разныхъ куплетовъ, съ отчаянными ужимками повторяетъ припѣвъ, который всегда вызываетъ шумныя крики восторга: «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! чортъ возьми, нѣтъ болѣе Австрійцевъ!» При этомъ онъ и махнетъ выразительно головой, и подшлепнетъ ногою, и разведетъ руками, какъ будто бы выкидывалъ вонъ самую скверную вещь на свѣтѣ. Хороши также нѣкоторые изъ каррикатуръ, которыми увѣшаны окна книжныхъ лавокъ. Всѣ австрійцы изображены на нихъ съ лавровыми вѣнками: Гулай одно изъ самыхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Тамъ австрійскій генералъ учитъ солдатъ, говоря: «Друзья! вы одержали побѣду при Кастеджіо, при Палестрино, при Маджента, при Сольферино: есть надежда, что продолжая такимъ образомъ, мы скоро будемъ въ Вѣнѣ.» Тамъ австрійцы стрѣляютъ изъ за дверей и изъ оконъ, а зуавъ залѣзъ на трубу и мѣтитъ имъ въ тылъ. Въ другомъ мѣстѣ бѣгущая армія гонитъ впереди себя штыками женщинъ и дѣтей, чтобы указывали дорогу, а внизу подписано: «Столь же великодушны, сколько храбры.» и т. д. Наконецъ я дождался воскресенья 21-го іюня (3 іюля), когда назначено было торжественное молебствіе въ *Notre-Dame*. Съ ранняго утра барабаны трещали подъ окнами. Отъ войскъ

на улицѣ Риволи почти не было прохода. Я наконецъ увидѣлъ образчикъ этой могучей арміи, которой, вѣроятно, крѣпко завидуетъ не одинъ нѣмецкій принцъ, жаждущій парадовъ. Солдаты шли вольно, развязно: ни на одномъ не было замѣтно, чтобы, по нашему выраженію, проглотилъ палку. На непривычный взглядъ, пожалуй, покажется, что слишкомъ мало порядку въ этомъ молодцоватомъ войскѣ. Дула ружей чрезвычайно сентиментально украшены были свѣжими цвѣтами; но, конечно, не пастушки Аркадіи стояли въ этомъ безконечномъ строю: многія худыя, загорѣлыя лица, казалось, были выкованы изъ желѣза. Народъ огромными массами толпился по тротуарамъ. На лицахъ было написано самое обыкновенное, праздное любопытство. У Notre-Dame, на тѣсной площади началась давка не хуже нашей. Дамы, тщетно старались выпутать свои кринолины. «Прочь зонтики! прочь зонтики!» раздавалось въ задней толпѣ, и зонтики складывались, не смотря на удушливый жаръ въ 30 градусовъ Реомюра. Отирая градомъ катившійся потъ, всякій порывался впередъ, чтобы видѣть раззолоченныя кареты. «Вотъ, кажется императрица», слышалось съзади меня. «Какой!» отвѣчалъ другой голосъ: — «императрица давно уже въ церкви». — «Неправда», замѣтилъ третій — «еще не собрался весь придворный штатъ.» Одна изъ зрительницъ, стоявшихъ на краю возвышеннаго тротуара, облокотилась на плечи солдата. — «Мадамъ», «сказалъ онъ: — «возьмите-ка мое ружье, и безъ того нѣтъ мочи отъ жару.» Церемонія однако кончилась довольно скоро. Когда на возвратномъ пути императрица съ наслѣдникомъ проѣзжала мимо народа, я имѣлъ случай тамъ и сямъ слышать нѣсколько привѣтственныхъ криковъ. Но умчалась уже послѣдняя придворная карета, уже ушли всѣ войска, а толпа все еще тѣснилась около собора, разукрашеннаго знаменами, какъ будто недовольная видѣннымъ зрѣлищемъ и выжидая новыхъ представленій. Наконецъ сержантъ сталъ слегка погонять народъ, говоря: «Passez, passez! la comédie est finie, il n'y a plus rien à voir» (ступайте, ступайте: комедія кончена, больше нечего видѣть).

Не буду много распространяться о событіяхъ, которыя уже во всей подробности извѣстны вамъ изъ журналовъ. Говорятъ, событія эти гораздо больше производятъ движенія на провинціи, чѣмъ здѣсь. Впрочемъ общественное мнѣніе изъ французскихъ газетъ узнать довольно трудно. Монитеръ ограничивается бюллетенями, сенатскими и полицейскими объявленіями, да замѣчаніями не о томъ, какъ слѣдуетъ думать о событіяхъ, а что о

событіяхъ совсѣмъ ничего не слѣдуетъ думать: иногда читаешь предостереженія противъ какихъ-то faux bruits obstinés (упорныхъ ложныхъ слуховъ), о которыхъ, конечно, знаетъ одна полиція. Министерство внутреннихъ дѣлъ безпрестанно дѣлаетъ выговоры (communiqué) то каждой газетѣ въ отдѣльности, то разомъ всѣмъ вмѣстѣ. Я съ величайшимъ вниманіемъ перечиталъ почти всѣ здѣшніе органы гласности и не нашелъ ничего, похожаго на смѣлую выходку, на самостоятельное сужденіе. Вездѣ восхваляются подвиги французскаго оружія, особенно этотъ élan français (французскій стремительный порывъ), передъ которымъ ничто устоять не въ силахъ. Наибогѣ читаемая изъ газетъ: Pays, Patrie, Siècle, Presse, La gazette de France, Audience заимствуютъ свои извѣстія изъ Монитера, изъ Пиемонской и Вѣнской газетъ, имѣютъ и своихъ корреспондентовъ, большею частью солдатъ, рассказывающихъ то о своемъ восторгѣ при полученіи ордена, то о неутомимости и хладнокровной храбрости вождя императора, то о дружелюбныхъ манифестаціяхъ итальянцевъ. Patrie сообщаетъ болѣе подробные рассказы о битвахъ, Siècle, Presse и Audience нѣсколько болѣе разнообразятъ извѣстія. Siècle, рассказы объ энтузіазмѣ, произведенномъ прибытіемъ французовъ въ Вольгѣ и Валледжіо, упоминаетъ и о томъ, что въ другихъ деревняхъ ни одинъ изъ жителей не показанъ изъ дому. Бѣдники не различали французовъ отъ австрійцевъ: по ихъ понятію, войско, какоебы ни было, всегда вело страну къ раззоренію. Вотъ крайняя степень смѣлости, которую дозволила себѣ эта газета. Что касается англійскихъ газетъ, то встрѣчаешь выписки изъ Morning Post, изъ Morning Herald и очень рѣдко изъ Times. Судя по этимъ выпискамъ можно заключить, что Англія больше ни о чемъ не заботится, какъ о союзѣ съ Франціею. Patrie недавно сдѣлала длинную цитату изъ Times, содержащую съ себѣ хвалы умѣренности Наполеона по случаю заключеннаго перемирія. «Еслибы Times, прибавляетъ Patrie, всегда была столь *благоразумна*, то, конечно, сталабы первою газетою не въ одной Англіи.»

Корреспонденты согласны въ томъ, что никто лучше Наполеона III не умѣетъ заставить трепетать французское сердце и съ восторгомъ повторяютъ слова его приказа: «признательное отечество моими устами благодаритъ васъ за столько твердости и мужества; но оно плачетъ вмѣстѣ со мною о тѣхъ, которые умерли на полѣ чести. Мы взяли три знамени, 30 пушекъ и 6000 плѣнныхъ.» По другимъ извѣстіямъ, послѣ битвы при Сольфе-

рино... рѣдкое явленіе! Улыбка въ первый разъ показала на строгомъ лицѣ императора. Австрійскій бюллетень, какъ вамъ извѣстно, объяснялъ пораженіе поднявшимся ураганомъ. *Patrie* замѣчаетъ, что то былъ дѣйствительно ураганъ, только ураганъ французской арміи. Что касается этой стремительности, вотъ любопытныя слова изъ письма одного солдата (*Siècle*). «Верона, кажется, очень жесткій кусокъ, который не легко проглотить; но такъ какъ аппетитъ у насъ очень сильный, то можете быть увѣрены, что проглотимъ.» Безъ сомнѣнія, для француза настоящая война есть прекрасное поприще славы, на которомъ онъ, какъ нельзя лучше, можетъ удовлетворить своей неугомонной жаднѣ дѣятельности, сдержанной на другихъ поприщахъ. Для итальянца, по словамъ Пиемонтской газеты, это святая война за независимость, это есть религіозное вдохновеніе силы, низпосланной свыше. Отъ того и жертвуетъ онъ съ такимъ безрасчетнымъ самопожертвованіемъ своею кровью. Императорскій бюллетень говорить, что сардинцы въ сраженіи при Сольферино *оказались достойными* сражаться рядомъ съ французами. Если взять во вниманіе сравнительную малочисленность сардинскаго войска, и то, что сардинцы были всегда впереди противъ непріятельской арміи, во много разъ сильнѣйшей; то чуть ли отчаянная храбрость ихъ не превзойдетъ еще храбрость французовъ. Чѣмъ кончится эта борьба? Со стороны австрійцевъ не можетъ быть препятствій. Согласятся они или нѣтъ на освобожденіе Италіи, ихъ все равно къ этому принудятъ. Пускай Аугсбургская газета говорить, что Австрія еще дремлетъ, а одно слово возвратившагося въ Вѣну императора достаточно будетъ, чтобы разбудить ее, и тогда она развернетъ свои силы. Здѣсь справедливо замѣчаютъ, что врядъ ли разбудитъ одно слово, если пушки Мадженты и Сольферино не разбудили. По достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ изъ Германіи (Кельнская и Фосская газета), война непопулярна ни въ Виртенбергѣ, ни въ ГанOVERѣ, ни даже въ самой Вѣнѣ. Французы перешли Минчіо и Пруссія не объявила войны Наполеону. На либерализмъ австрійскаго императора что-то мало надежды. Въ 1809 году Австрія обѣщала дать Италіи независимость; въ 1848 году случилось тоже самое; а потомъ Шварценбергъ говорилъ: «Австрія удивитъ свѣтъ своею неблагодарностью.» Новая политика, доказанная дѣломъ (хоть на примѣръ дарованіемъ правъ Венгріи), конечно, могла бы мгновенно возвысить это государство въ общественномъ мнѣніи, и какъ знать, можетъ быть, дала бы ему нѣкоторую силу въ самой Италіи, гдѣ

еще много скрыто матеріалу для борьбы. Но слова: «Либеральная Австрія» звучатъ какъ то странно и дико. Остается ждать рѣшенія дѣль отъ того великаго политика и стратега, который до сихъ поръ былъ главнѣйшимъ ихъ рѣшителемъ. Общее мнѣніе таково, что войны французскія всегда приносили величайшую пользу Европѣ, хотя бы сами французы того и не желали. Какъ будто предъугадывая настоящее дѣло перемирія, Times говорила: «Мы надѣемся на ту умѣренность въ побѣдѣ, которая окончательно утвердитъ счастье самаго счастливаго изъ смертныхъ.» Никто и не сомнѣвается, что Наполеонъ сдержитъ свое слово. Но самыя патриотическія изъ здѣшнихъ газетъ страннымъ образомъ возбуждаютъ сомнѣнія на счетъ либеральной политики французовъ. *Reus*, напримѣръ, замѣчаетъ по случаю волненій въ папской области: «Мѣ надѣемся, что Италия пребудетъ въ чувствахъ, предписанныхъ ей миланской прокламаціей.» Послѣ этого невольно повторишь вмѣстѣ съ папою: «Горе тому, чрезъ кого соблазнъ входитъ въ міръ.» Также умѣстны во многихъ газетахъ, подъ рубрикой эфемеридъ, воспоминанія о старыхъ побѣдахъ Наполеона I, будто бы совпадающихъ съ современнымъ освобожденіемъ Италии напр. 1797 годъ, Бонапартомъ провозглашена въ Миланѣ свобода Италии; 1799 годъ, наборъ 200,000 рекрутъ; 1809 годъ, Наполеонъ переходитъ Дунай; сраженіе при Ваграмѣ и проч. Между тѣмъ, какъ французы съ истинно рыцарскимъ великодушіемъ проливаютъ кровь свою за благородное дѣло, Мониторъ старается оправдать въ убійствахъ Перуджіи готтентотское варварство папскаго генерала Шмидта, потому что находясь нѣкогда во французской службѣ, генералъ этотъ получилъ орденъ (а été décoré par J. M. Empereur des Français) Газетѣ *Siècle* данъ строгій выговоръ отъ министерства за то, что, славя изъ всѣхъ силъ подвиги французской арміи, она осудила папскую политику, ведущую только къ безпорядкамъ. Въ то время, какъ въ Перуджіи рѣзали женъ и дѣтей, святой отецъ смиренно возносилъ очи къ небу, говоря: «Кто съѣтъ во слезахъ, тотъ пожнетъ въ радости.» Эти слова папа, конечно, относили къ себѣ; но ихъ можно примѣнить только къ его подданнымъ, и есть надежда, что тутъ они сбудутся. Если во Франціи не будутъ препятствовать секуляризаціи папскихъ владѣній, то къ этому приведетъ самый порядокъ вещей. Въ своемъ окружномъ письмѣ папа говорилъ, что свѣтская власть ему необходима для исполненія священныхъ обязанностей. *Patrie* по этому случаю замѣчаетъ: «Власть папы будетъ спасена, не смотря на ошибки

его министровъ, особенно Антонелли: но спасутъ его реформы, которыя теперь отвергаетъ она, какъ горькую чашу.» Ограничится ли все дѣло одною переменною нѣсколькихъ лицъ? Викторъ Эмануэль сжалился въ настоящее время надъ бѣдными жителями Болоньи и нѣкоторыхъ другихъ римскихъ городовъ и согласился временно принять надъ ними военную диктатуру. Къ этому понудило его крайнее ожесточеніе противъ папскаго правительства, имѣющаго гражданъ, съ которыми вѣчно должно сражаться, и наемниковъ, чтобы губить гражданъ. Но пусть волненія будутъ усмирены. Неужели жители папской области, жертвующіе собою дѣлу итальянской независимости, одни останутся безъ правъ, какъ новая жертва къ успокоенію не Италіи, а задорныхъ приверженцевъ какой нибудь жалкой партіи газеты *l'Univers*, которая болѣе заслуживаетъ выгоровъ, потому что своими статьями только волнуешь робкую совѣсть народа. Такъ еще недавно въ одномъ городкѣ Франціи (*Condé-sur-Noireau*) католическій священникъ не согласился допустить въ церковную процессію національнаго знамени, которое народъ, получивъ извѣстіе о побѣдѣ при Сольферино, хотѣлъ въ избыткѣ религіознаго чувства нести рядомъ со святыми дарамъ. И не мудрено, когда папа всѣмъ, кто осмѣлится оспаривать свѣтскую власть его возвѣщаетъ «проклятіе перваго разряда, и другія наказанія, и приговоры, установленныя соборными правилами, постановленіями апостольскими и особенно соборомъ Тридцати». Непонятно, въ чемъ же должна состоять умѣренность, возвѣщаемая, французскою политикою въ отношеніи всѣхъ римскихъ вопросовъ? Извѣстно старое замѣчаніе: «кто хочетъ угодить всѣмъ, тотъ подъ конецъ не угодитъ никому.» Покрайней мѣрѣ до сихъ поръ реформы въ Римѣ походили на реформы въ Неаполѣ, гдѣ всѣ усовершенствованія ограничились переменною эполетъ.

Но ужъ довольно толковать о политикѣ: все и гораздо подробнѣе вы узнаете изъ газетъ. Не пеняй на меня, если я до сихъ-поръ описывалъ тебѣ Парижъ, какъ мертвый городъ. Здѣсь политика дѣйствительно спитъ, хотя и несмѣтное число газетъ продается по улицамъ. Настоящая жизнь Парижа все-таки сосредоточивается въ кофейняхъ, въ магазинахъ и на публичныхъ балахъ. Тутъ допускаются и вольности, запрещаемыя въ другихъ случаяхъ. Прославленный *Val Mabile* по прежнему манитъ болѣе всего чужеземцевъ. Иллюминаціи, устроенныя здѣсь разнообразными гирляндами, свѣтящимися павильонами ослѣпляютъ на первый разъ зрѣніе; но удушливый запахъ газа, тѣснота помѣще-

нiя составляютъ важное неудобство. Около круглой площадки, назначенной для танцевъ, съ трудомъ движется пестрая масса народа. Здѣсь видѣлъ я необъятныя кринолины, превосходящiя всякую гиперболу; шлейфы двухъ-аршинной длины поражали самихъ французовъ. Страшно взглянуть на дамскiя лица: все это потерто, поношено, подмазано до того, что даже ночь не скрываетъ прорѣхъ ветхой декорацiи. Тутъ самый непривлекательный осадокъ Парижа. Есть однако отличныя танцовки: когда, подобравъ подолъ, онѣ наклоняютъ голову и начинаютъ выдѣлывать ножками свои па, какихъ не увидишь въ самомъ разгульномъ балетѣ, то исчезаютъ всѣ части тѣла въ этомъ странномъ подобii крутящагося шара. Канканъ очень оригиналенъ и обыкновененъ здѣсь до того, что нерѣдко дѣвочки шести лѣтъ, гудая съ нянею, его вытанцовываютъ. Разумѣется, онѣ всетаки не принадлежатъ къ танцамъ такъ называемаго хорошаго тона. Нумѣренная мимика, которую изрѣдка дозволяютъ себѣ танцующiе, сильно вредитъ его репутацiи. Вообще, я жестоко разочаровался на счетъ красоты парижскихъ женщинъ: живость, бойкость, *étourderie* (не знаю, какъ перевести) — вотъ ихъ единственныя качества. Изрѣдка встрѣтишь хорошенькихъ съ тонкою бровью, карими глазками, и той шловидностью, которая напоминаетъ самый нѣжный узоръ въ кружевной ткани: не могу приискать лучше сравненiя. Но эти типы большею частiю выродились въ блѣднощекихъ, носатыхъ дѣвъ, съ толстыми подбородками. Замѣчу еще: исключая *Bal Mabille*, который можно назвать выставкою во всѣхъ отношенiяхъ, ни гдѣ, можетъ быть, такъ мало не модничаютъ, не одѣваются такъ просто, какъ въ Парижѣ. Если бы какая-нибудь изъ нашихъ дамъ, въ своемъ обыкновенномъ нарядѣ, назначенномъ для утренней прогулки по Невскому проспекту, явилась здѣсь на гуляньи, то возбудила бы всеобщее вниманiе. Что касается до вкуса, то его можно замѣтить здѣсь и въ простомъ капотѣ служанки; но скромность одежды удивительная: ни пестроты, ни богатыхъ матерiй; даже кринолины возможно меньшаго размѣра: по большому кринолину здѣсь сейчасъ можно узнать даму того общества, которое собственно не принадлежитъ ни къ какому обществу. Я почти убѣдился, что всѣ такъ называемыя парижскiя моды, модистки выдумываютъ исключительно для иностранцевъ.

Несравненно больше, чѣмъ *Bal Mabille* занялъ меня народныя увеселенiя на Монмартрѣ и особенно близъ Люксембургскаго сада, въ заведенiи *la Closerie des Lilas*, посѣщаемомъ исклучи-

тельно студентами. Здѣсь Парижъ не поддѣльный, не нарумяненный. Та же тѣснота и духота, но по-крайней-мѣрѣ веселье на распаху, — не для того, чтобъ выказать разныя, часто вовсе не привлекательныя прелести, а для того, чтобы просто веселиться. Дамы все миловидныя, бойкія гризетки, сильно напоминающія Лизетъ Беранже. Въ нихъ есть по-крайней-мѣрѣ свѣжесть молодости, и недостатокъ искусства замѣняется самою задушевною веселостью, какую только можетъ создать городъ, обращающій каждый день будень въ праздникъ. Сколько смѣху, сколько болтовни, сколько азарту, особенно, когда оркестръ приударитъ кадрили съ пушечными залпами, извѣстную подъ названіемъ: Маджента! И эта толпа суетится, бѣгаетъ, прыгаетъ, какъ будто осталось послѣдній день въ жизни повеселиться. Я и нашъ общій пріятель С..... имѣли случай сойтись со здѣшними студентами. Обыкновенно про Парижанъ говорятъ, что они любятъ угощаться на счетъ иностранцевъ; съ нами какъ-то случилось совершенно противное: до-сихъ-поръ мы не знаемъ, какъ отплатить безконечному гостепрѣимству нашихъ знакомцевъ. Что за милый народъ эти студенты! Предупредительность до самоотверженія и самая дружелюбная ласка.... И зашѣть: никакихъ буйныхъ выходовъ, столь рѣзко отличающихъ германскихъ студентовъ; при самомъ простомъ обращеніи какой-то чрезвычайно благородный тонъ, который какъ-будто дается самой природой; при самомъ безцеремонномъ весельи, какое-то приличіе, состоящее вовсе не въ принятыхъ правилахъ этикета, а въ особенной мягкости характера, свойственной доброму французу. Разставаясь съ Парижемъ, конечно, ничего столько не буду жалѣть я, какъ этого знакомства.

В. ВОДОВОЗОВЪ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Трогательное стихотвореніе и обѣщаніе «Сѣверной Пчелы» по поводу скверной погоды. — Легенда о Полюстровской башнѣ и героѣ тиволійскомъ. — Глазь вопіющаго въ пустылѣ. — Рѣдкія монеты. — Общество петербургскихъ водопроводовъ. — Прогрессъ и гласность. — Прелестный постушокъ г. Балашевича. — Актъ Педагогическаго Института. — Училище г. Видеманна. — Новости художественныя. — Новости военныя. — Пожаръ на Невѣ. — Будущее.

На липкахъ, въ аллеяхъ Адмиралтейскаго бульвара, начинаютъ желтѣть листья. Едва ли это не предвѣстіе скорой осени и изобилія разной дичи, но утѣшимся мыслью,

*Вянетъ природа только на краткое время,
Все оживится весною*

Это не я говорю, я такъ говорить не умѣю. Трогательныя строки эти принадлежать одной остроумнѣйшей газетѣ. Какъ скоро газета названа остроумнѣйшею, каждый порядочный человѣкъ пойметъ, что дѣло идетъ о «Сѣверной Пчелѣ». Изъ строкъ, напечатанныхъ курсивомъ, ясно, что погода въ Петербургѣ стоитъ скверная, до того скверная, что на липкахъ листья начинаютъ желтѣть, а Сѣверная Пчела общается изобиліе разной дичи. Честъ имѣю поздравить всѣхъ, до кого это касается! Все что живетъ въ Петербургѣ и его прелестныхъ окрестностяхъ, все скучаетъ и жалуется на скверную погоду. Да какъ въ самомъ дѣлѣ на нее и не жаловаться. Изъ комнаты носа нельзя высунуть — грязь и дождь, дождь и грязь; да въ придачу обыкновенная повальная болѣзнь Петербурга — скука. Есть, впрочемъ, счастливыя, которые не скучаютъ и въ Петербургѣ, не скучаютъ даже на здѣшнихъ общественныхъ гуляньяхъ. Не много такихъ, но тѣмъ они счастливѣе, тѣмъ завиднѣе ихъ доля.

Заговоривъ о счастливыхъ, я невольно припомнилъ одного изъ нихъ — зовутъ его *герою тиволийскимъ*. Чтобы познакомить съ нимъ читателя, я долженъ углубиться нѣсколько во времена счастливаго прошлаго и рассказать небольшую, но довольно романтическую легенду о *Полюстровской башнѣ*. Полюстровскою башнею называются красивыя развалины въ саду графа Купелева-Безбородко, у входа на такъ называемый островъ Тиволи. Извольте прислушаться.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія въ Петербургѣ являлся богатый, польскій магнатъ Стокревскій; явился, какъ говорили въ то время, для того, чтобы отпраздновать здѣсь свадьбу своей единственной дочери, которую выдавалъ онъ за одного изъ русскихъ вельможъ. Дочь эта, панна Марина, была дѣвушка красоты поражающей; все мужское населеніе Петербурга было безъ ума отъ очаровательной польки. Когда она являлась на балъ, въ итальянскую оперу или на гулянье, всѣ, старики и молодые, холостые и женатые, не сводили глазъ съ чудной красавицы. Женщины сходили съ ума отъ зависти. Панъ Стокревскій гордо подымалъ голову. Панна Марина была холодна и равнодушна не только ко всѣмъ своимъ поклонникамъ, но даже и къ избранному жениху. Она шла за него по волѣ своего суроваго деспота родителя, но сердце ея не принадлежало никому. Свадьба подъ разными предлогами, стараніями Ма-

рины, откладываясь со дня на день. Прекрасная панна гуляла, танцовала, кружила головы и смѣялась надъ влюбленными...

Но, чему посмѣешься, говоритъ русская пословица, тому и послужишь. Въ одно прекрасное утро гордой красавицѣ суждено было преклонить голову передъ всемогущимъ божкомъ. Говоря проще: панна Марьяна влюбилась и влюбилась, о! ужась! просто на-просто, въ сенатскаго кописта. Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Въ непродолжительномъ времени, по Петербургу, съ быстротою электрическаго телеграфа, разнеслась скандальная исторія о любовныхъ отношеніяхъ неприступной красавицы къ скромному кописту. Дамы кричали объ этомъ вовсе горло и рассказывали такія ужасныя подробности, что сами же ахали и качали головой, не довѣряя собственнымъ словамъ. Скандальная исторія, всполошивъ весь Петербургъ, дошла, наконецъ, до слуха родительскаго. Легко представить себѣ ужась и злобу гордаго магната, когда онъ узналъ, что нѣжно любимая имъ дочь унизилась до любви къ кописту. Цѣлый адъ проклятій посыпался на безстыдницу, опозорившую отца. На главу дерзкаго кописта долженъ былъ пасть громъ мщенія — въ этомъ панъ Стокревскій поклялся всѣми своими знаменитыми предками до Казимира Великаго и вотъ какъ сдержалъ свою клятву:

Въ одну темную и бурную ночь, въ обѣдную и грязную лагучу несчастнаго кописта явилось четверо молодцовъ, на которыхъ взглянуть страшно. Копистъ не успѣлъ пикнуть, какъ незванные гости выкололи ему глаза, отрѣзали языкъ, носъ и уши и вытащили его на улицу. Здѣсь положили его въ карету и донесли до Невы; черезъ Неву молодцы переѣхали съ своимъ плѣнникомъ въ лодкѣ и потащили его въ лѣсъ, въ тотъ самый лѣсъ, который потомъ, по волѣ канцлера Безбородко, превращенъ въ прекраснѣйшій садъ. Въ лѣсу уже стояла башня, выстроенная въ нѣсколько дней по заказу пана Стокревскаго. Въ эту-то башню былъ посаженъ и замурованъ несчастный копистъ.

— Пусть эта дерзкая собака — сказалъ панъ Стокревскій — издыхаетъ голодною смертью!...

Распорядившись такимъ образомъ, панъ Стокревскій скрылся съ дочерью неизвѣстно куда. Никто точно также не зналъ и того, куда дѣвался копистъ; нѣкоторые предполагали, что онъ уѣхалъ съ паномъ Стокревскимъ.

На этомъ кончается первая половина полюстровской легенды; за тѣмъ начинается вторая половина, нѣсколько фантастическая.

Несчастный копистъ, повсей вѣроятности, истекъ кровью

или умеръ съ голоду или же, наконецъ, былъ съѣденъ змѣями какъ извѣстный Регнаръ Лодброкъ, словомъ такъ или иначе — смерть его несомнѣнна. Послѣдній родъ смерти предполагается болѣе для эффекта. Въ извѣстное время брѣнное тѣло страдальца распалось прахомъ; такимъ образомъ копѣиста не стало; но душа его привыкла къ темницѣ, полюбила башню и рѣшилась остаться въ ней, хотя имѣла право летѣть куда хочетъ. Оставаясь въ башнѣ, нужно же было ей заняться чѣмъ нибудь и вотъ она придумала такую штуку: зиму и осень она проводитъ въ башнѣ и не разъ въ ночную пору сторожа Полюстровскаго сада слышали вой, плачь и крики; не разъ блѣднѣлъ, дрожалъ и крестился добрый человѣкъ, которому приходилось въ глухую пору пройти мимо страшной Полюстровской башни, у одного вдругъ срывало шапку, другому что то подкашивало ноги, третьему хлестало въ лицо—это, изволите видѣть, невнятные шутки копѣистой души.

Лѣтомъ.... вотъ лѣтомъ-то и начинается самая замѣчательная дѣятельность этого безплотнаго обитателя Полюстровской башни; онъ покидаетъ башню и живетъ среди полюстровскихъ дачниковъ, гуляетъ съ ними, даже... Но позвольте, я прямо объясню въ чемъ дѣло: душа копѣиста каждое лѣто избираетъ бѣднаго изъ полюстровскихъ дачниковъ, вселяется въ него и избранный, хочешь не хочешь, становится *героємъ тиволийскимъ*. Подвиги его преимущественно донжуанскаго свойства. Повинуясь самому ему непонятной силѣ, т. е. засѣвшей въ него душѣ копѣиста, герой тиволийскій чувствуетъ постоянное безпокойство и волненіе; онъ не можетъ видѣть равнодушно женщину. Изъ самаго смиреннаго смертнаго онъ становится отчаяннымъ волоконю и горе женщинѣ, повѣрившей его обольстительнымъ увѣреніямъ. Герой тиволийскій не можетъ любить.

Онъ, словно рѣзвый, весной, мотылекъ,
Быстро порхаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ.

И ни на одномъ не сидитъ долго. Съ утра и до поздней ночи онъ на службѣ; душа копѣиста не даетъ ему покоя ни на минуту; она толкаетъ его во всѣ стороны и онъ, мученикъ, становится невольнo мучителемъ. Хорошо еще, что лѣто у насъ не продолжительно; хорошо, что многія изъ женщинъ горюютъ не долго. Старожилы полюстровскіе помнятъ многихъ героевъ; спросите у любаго, онъ безъ запинки перечтетъ вамъ: въ 1854 году героемъ тиволийскимъ былъ *такой-то*, въ 1855 — *такой-то* и т. д. Я рѣшился спросить:

— А кто же герой нынѣшняго лѣта?

— Неужели вы не знаете?

— Не имѣю удовольствія.

— Странно, его знаютъ всѣ. Онъ студентъ. Вы можетъ-быть не разъ видѣли его: брюнетъ, носить длинные волосы, нафабреныя усики и клочокъ волосъ подъ нижней губой; съ нососципомъ, всегда почти въ бѣломъ жилетѣ и съ толстой палкой въ рукахъ. Ходить онъ распушено и нѣсколько подпрыгивая. Говорять онъ стиха сочиняетъ.

— А!...

На этомъ мѣстѣ я долженъ остановиться; теперь вы знаете легенду о полюстровской башнѣ и героѣ тиволийскомъ. На сколько во всемъ этомъ правды — предоставляется каждому рѣшать по своему. Бросая все фантастическое, обратимся теперь къ существовавшему.

Самое существенное — жалобы на домовладѣльцевъ, если не на всѣхъ, по-крайней-мѣрѣ на многихъ. Кому приходится отыскивать квартиру, тотъ конечно послалъ не мало проклятій человѣческой алчности поживиться на счетъ ближняго, чаще всего, бѣднѣйшаго. Квартиры до того вздорожали, что рѣшительно нѣтъ къ нимъ приступа. И хоть бы были квартиры удобны и хороши, ничуть небывало; кажется, будто при постройкѣ дома архитекторъ за то именно и взялъ деньги, чтобы какъ можно болѣе нагадить будущимъ жильцамъ. Съ легкой руки одного афериста, накупившаго себѣ безчисленное множество домовъ и набавившаго вдругъ цѣны на квартиры, пошли набивать и другіе домовладѣльцы. Надо сознаться, что зачинщикъ такого безнаказаннаго грабительства стоитъ общей признательности и похвальнаго слова; хороши и подражатели. Грабительство это тѣмъ ужаснѣе, что вся тяжесть его падаетъ на классъ бѣднѣйшій и что трудно истребить его. Конечно если бы нашлось нѣсколько добросовѣстныхъ домовладѣльцевъ и согласилось понизить цѣны, не обижая, впрочемъ, себя; еслибъ, наконецъ, правительство признало не лишнимъ подумать о бѣднякахъ и защитить ихъ отъ наспія; тогда, можетъ быть, общими силами и удалось бы облегчить положеніе бѣднѣйшихъ. Но глазъ мой — глазъ воиющаго въ пустынь....

Надо сознаться, что и чистая невская вода составляетъ во многихъ мѣстахъ Петербурга тоже рѣдкость. Но тутъ есть по-крайней-мѣрѣ утѣшительная надежда. Общество петербургскихъ водопроводовъ, наконецъ, принялось за дѣло; работы идутъ бы-

стро, когда-нибудь да кончатся и петербуржцы запьютъ чистую воду. Подождемъ, подождемъ, намъ къ этому не привыкать стать. Можно надѣяться даже, что лѣтъ черезъ двадцать у насъ, пожалуй, будетъ и хорошая мостовая.

Въ настоящемъ уже кое-что измѣнилось къ лучшему; такъ полиція, напримѣръ, становится замѣтно вѣжливѣе и деликатнѣе. Она какъ-будто побаивается общественнаго мнѣнія и старается прикрыть старые грѣшки новою, болѣе пріятною, наружностью. Солдаты не сталкиваютъ съ тротуаровъ мирныхъ гражданъ, какъ это нерѣдко случалось прежде. Гласность, нѣсколько темная еще и робкая, бредеть, пошатываясь отъ времени до времени, какъ пошатывается ребенокъ, начинающій ходить къ удовольствію папашы и мамашы. Да и голосокъ-то у ребенка еще слабовать, не всѣ его слышать, а нѣкоторые и не слушаютъ; но опять-таки и тутъ есть пріятная надежда — ребенокъ подрастетъ, пойдеть бодрѣе, заговорить громче и заставитъ себя и слушать и слышать.

Впрочемъ и въ настоящее время милый ребенокъ оказываетъ иногда видимую пользу. Недавно, напримѣръ, онъ помогъ вывести на свѣжую воду весьма недобросовѣстную штуку редактора одного темнаго журнала, съ громкимъ названіемъ. Чтобы пояснить читателю это дѣло, я привожу здѣсь письмо нашего знаменитаго кавказскаго героя Алексѣя Петровича Ермолова. Письмо это было напечатано въ № 10 «Русскаго Вѣстника», вотъ оно:

«Въ объявленіи объ изданіи журнала *Орель*, я прочелъ, къ удивленію моему, что въ журналѣ этомъ будутъ напечатаны записки мои о Персіи и Кавказѣ. Записокъ о Кавказѣ я никогда не составлялъ. Во время же моего пребыванія въ Персіи, для нѣкоторыхъ друзей моихъ, я писалъ путевыя замѣтки, которыя для публики не могутъ имѣть интереса. Сообщивъ объ этомъ г. Балашевичу, редактору упомянутаго журнала, я просилъ его не издавать записокъ, которыхъ онъ отъ меня не получалъ, не сомнѣваясь, что онъ, съ своей стороны, незамедлитъ дать этому дѣлу надлежащую гласность. На письмо мое, я получилъ отъ г. редактора въ отвѣтъ только то, что онъ не будетъ печатать помянутыхъ записокъ, пріобрѣтенныхъ имъ отъ неизвѣстнаго мнѣ г. Акинѣева, что вынудило меня уже прямо просить его не только не печатать ихъ, но и объявить о томъ въ его періодическомъ изданіи. Г. Балашевичъ отвѣчалъ: «въ настоящее время я извиниться гласно не могу, потому что 1-й номеръ на-

печатанъ, но во 2-мъ, я постараюсь исполнить желаніе ваше.» Теперь, когда вышелъ въ свѣтъ № 2-й, не видя въ немъ объявленія, на которое я имѣлъ право рассчитывать, я обращаюсь къ вамъ, м. г., съ покорнѣйшею просьбою представить на судъ публики образъ дѣйствія г. редактора журнала *Орель*, давъ мѣсто этому письму на страницахъ «Русскаго Вѣстника.»

Ребенокъ говоритъ, что порядочные люди не поступаютъ такъ, какъ поступилъ означенный г. Балашевичъ.

Главный Педагогическій Институтъ, основанный 30 сентября 1828 года, кончившій свое существованіе 31 октября 1858 года, праздновалъ свой *послѣдній* торжественный актъ 12 іюня. На этомъ актѣ было прочтено «краткое историческое обзорніе дѣйствій Педагогическаго Института отъ 1828 до 1858 г.», вышедшее отдѣльною книжкою.

Педагогическіе классы, открываемые при каждомъ университетѣ съ наступающимъ 1859 — 60 академическимъ годомъ, вознаграждать для общества закрытіе Педагогическаго Института, тѣмъ болѣе, что только люди, окончившіе курсъ университетскаго образованія, будутъ зачисляемы въ студенты педагогическаго курса. Обстоятельство важное и утѣшительное. Окончившіе курсъ университета — люди болѣе или менѣе съ убѣжденіями, слѣдовательно каждый изъ нихъ, приступая къ слушанію педагогическаго курса, будетъ дѣлать это сознательно, по призванію.

Другая педагогическая новость не менѣе утѣшительная — открытіе съ 10-го Августа новаго училища на Васильевскомъ островѣ, въ 6-ой линіи, съ цѣлію соединить элементарное гимназическое образованіе съ образованіемъ коммерческихъ училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образовывать спеціалистовъ или по ученой или по коммерческой части.

Г. Видеманнъ, содержатель этого училища, достигаетъ этой цѣли слѣдующимъ образомъ: его училище будетъ состоять изъ пяти классовъ, изъ которыхъ два нисшіе класса будутъ общіе, остальные три спеціальныя. Далѣе въ своей программѣ г. Видеманнъ обѣщаетъ обратить преимущественное вниманіе на изученіе новѣйшихъ языковъ, на которые въ нашихъ гимназіяхъ, особливо въ провинціальныхъ, обращается такъ мало вниманія, со стороны г.г. преподавателей. О воспитанникахъ и говорить нечего. Желаемъ успѣха г. Видеманну.

Отъ новостей педагогическихъ переходимъ теперь къ новостямъ художественнымъ. Постоянная выставка художественныхъ произведеній приобрѣла пять картинъ художниковъ дюссель-

дорфской школы. Изъ нихъ картина Ахелбаха, изображающая похороны дѣвушки во время праздника, произвела почти на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Остальныя четыре картины замѣчательны по художественности исполненія, но не по содержанию.

Другая новость художественная — это первый выпускъ изданія *Trésors de l'art de la Russie ancienne et moderne*, предпринятаго замѣчательнымъ французскимъ фотографомъ г. Ришбуромъ и Теофиломъ Готье. Всѣ 12 фотографіи перваго выпуска, исполненныя отчетливо, изображаютъ различныя части Исакиевскаго Собора. Текстъ, помѣщенный при изданіи, принадлежитъ дароватому писателю Франціи, Теофилу Готье.

Кромѣ г. Ришбура, въ Петербургѣ находится теперь немнѣе замѣчательный французскій-же фотографъ, Лоранъ, съ своею женою, отличной миниатюристкой. Супруга художника намѣрена открыть фотографическое заведеніе. Скоро, кажется, въ каждомъ домѣ въ Петербургѣ будетъ по фотографическому заведенію.

11-го іюля, на кронштадтскомъ рейдѣ, при многочисленномъ собраніи публики, былъ произведенъ Высочайшій смотръ русскимъ паровымъ судамъ. Изъ нихъ своею громадностью и красотою новый фрегатъ «Генераль-Адмиралъ» привлекалъ общее вниманіе.

«Генераль-Адмиралъ» построенъ въ Нью-Йоркѣ знаменитымъ кораблестроителемъ Веббомъ, и стоитъ нашему правительству 1,250,000 долларомъ. Длина его 325 футовъ, ширина 55, сидитъ онъ въ водѣ, при полномъ грузѣ, на 25 футовъ. Вместимость его 6,000 тоннъ. Экипажъ состоитъ изъ 800 человекъ.

Какъ внѣшняя, такъ и внутренняя отдѣлка фрегата — вершъ совершенства. Онъ весь построенъ изъ дуба и оббитъ мѣдью. Лафеты для 92-хъ пушекъ большого калибра изъ краснаго дерева, мебель и перегородки офицерскихъ каютъ также изъ краснаго или изъ розоваго дерева.

«Генераль-Адмиралъ» въ первыхъ числахъ августа отправляется въ Англію.

24 іюля у Калашниковой пристани загорѣлась барка, огонь быстро перешелъ съ одной барки на другую, съ другой на третью и т. д. и въ какіе нибудь полчаса на Невѣ между Охтою и новымъ арсеналомъ образовался цѣлый адъ плавающихъ барокъ. Подвижной адъ этотъ двигался теченіемъ и захватывалъ безпрестанно новыя жертвы. Правый берегъ Невы, на который наибольшимъ вѣтромъ наносило плающую флотилію, покрылся

густыми толпами народа. Суда незагорѣвшіяся слѣшили спастись бѣгствомъ, бѣгствомъ, впрочемъ очень медленнымъ. Крики: «Навались, ребята!» — «Не зѣвай, черти!» — «Смотри, смотри какъ полымя-то жарить!» — «Берегись, зашибетъ» и т. д. сливались съ трескомъ огня. Нѣсколько охотниковъ посуетиться бѣгали по берегу неизвѣстно зачѣмъ; какой-то флотскій офицеръ, маленький и вертлявый, выбивался изъ силъ, отпихивая палочкой огромнѣйшую барку; вѣмецъ съ азартомъ увѣрялъ всѣхъ, что на водѣ пожаръ не опасенъ; какая-то молоденькая дамочка, съ испуганнымъ лицомъ укоряла разнощика въ безсердечіи.

— Не стыдно ли тебѣ, — говорила она съ волненіемъ — тутъ люди гибнутъ, а ты продаешь сливы...

— У меня и крыжовникъ есть — отвѣчалъ хладнокровно разнощикъ.

Какая то старушка совѣтовала развести литейный мостъ.

— Да ты какъ его теперича разведешь-то? подхватилъ фабричный. Его теперича развести ужъ очень трудно, по той причинѣ.....

— Ночью-то разводять, замѣтила старушка.

— Ну, ночью разведутъ, а теперича этого невозможно, продолжалъ фабричный.

— Молчи, коли не понимаешь ничего.

— Мы очень хорошо понимаемъ, а что этого нельзя. Коли ежели мостъ этотъ самый разведутъ... ну и значить... Петрушка, пойдемъ домой.

Видимо, фабричный имѣлъ какое-нибудь основаніе думать, что нельзя развести моста, но не могъ опредѣленно выразиться.

— Ну вотъ, говорила старушка: — помяните мое слово, Петербургъ загорится, загорится — я вамъ говорю.

Мастеровой или фабричный, Богъ его знаетъ, сѣщилъ булку у торговки. Гдѣ то на видномъ мѣстѣ, рисуясь, стоялъ и знакомый уже вамъ герой тиволийскій, стараясь выказать спокойствіе и равнодушіе. Фабричные качали воду и изъ рукава пожарной трубы билъ высокій фонтанъ въ Неву къ неопisanному восторгу ребятишекъ. Вообще суматоха была страшная; всѣ кричали, всѣ суетились; спокойнѣе всѣхъ была пожарная команда. Пожаръ, начавшійся передъ обѣдомъ, длился весь день, захвативъ и часть ночи. Ночью Нева представляла картину весьма эффектную, хотя и грустную. О количествѣ убытка положительныхъ свѣдѣній еще не имѣется.

Отд. III.

1/47

Въ Петербургъ прѣѣхала на дняхъ французская танцовщица г-жа Флери. Я еще не имѣлъ удовольствія видѣть это новое хореографическое свѣтило; по рассказамъ оно довольно темно и было встрѣчено у насъ шиканьемъ. Ой, ой! Первый блинъ — комомъ.

Въ заключеніе вотъ письмо парижскаго корреспондента «Journal de St. Petersburg»:

«Вы положительно не услышите Марию въ нынѣшнемъ сезонѣ. Вашъ искусный директоръ надѣялся пополнить свою труппу этимъ пѣвцомъ, котораго нѣкогда такъ базовала ваша публика; но г. Сабурову пришлось отступить передъ неисполнимыми требованіями (120,000 франковъ за пять мѣсяцевъ) и въ числѣ которыхъ было непремѣнное желаніе навязать вамъ Джулію Гризи. Конечно въ этой пѣвицѣ остались еще проблески дарованія, которое такъ долго держало ее на первомъ мѣстѣ итальянской сцены; но ея послѣднія неудачи въ Парижѣ кажется должны бы убѣдить ее, что послѣдній часъ для нея пробилъ, не смотря на рукоплесканія, которыми отъ времени до времени осыпаетъ ее англійская публика, дѣлая это болѣе по привычкѣ, чѣмъ по убѣжденію. Впрочемъ поѣздка г. Сабурова въ Англію была не безплодна. Къ числу ангажированныхъ артистовъ онъ присоединилъ имя Брамбиллы, которая съ большимъ успѣхомъ поетъ на Дрюриленскомъ театрѣ. Поговариваютъ даже о переговорахъ, начатыхъ съ г-жею Пикколомини, которая недавно возвратилась изъ Америки, гдѣ она имѣла значительный успѣхъ. Въ Петербургѣ ее хотятъ ангажировать исключительно для роли Травиаты, роли, которая составила славу этой артистки. Наканунѣ отъѣзда г. Сабурова, въ оперномъ театрѣ нарочно для него давали балетъ «Жовиту», въ которомъ главную роль удивительно исполняетъ Розати. Перро, вашъ балетмейстеръ, былъ на этомъ представленіи и записывалъ свои наблюденія, чтобы воспользоваться ими, при постановкѣ въ Петербургѣ этого балета, въ которомъ должна дебютировать знаменитая танцовщица.

И такъ впереди много прекраснаго: преступленіе будетъ наказано, добродѣтель восторжествуетъ; тѣ, которые больны и поѣхали лѣчиться за границу, возвратятся, можетъ быть, здоровыми, а тѣ изъ здоровыхъ, которые заболѣютъ — поѣдутъ лѣчиться за границу,

Е. МОЛМЕРЪ.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 8.

Затруднительное положеніе шахматнаго фельетониста. — О нормальномъ (Французскомъ) и сициліанскомъ дебютѣ. — Шесть партій сициліанскаго дебюта. — Партія Гг. Колиша и Мандольфо. — Erratum июльскаго Листка. — Руководство къ изученію шахматной игры соч. кн. Урусова (ст. 6*). — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

Лѣто — самый неблагопріятный сезонъ для шахматной игры, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Правда и зимою жители нашей столицы не много посвящаютъ времени благороднымъ шахматнымъ упражненіямъ, предпочитая имъ вообще прелести ерозана и табельки, но все же въ длинные декабрскіе вечера можно иной разъ залучить къ себѣ какаго нибудь любителя и углубиться съ нимъ на нѣсколько часовъ въ комбинаціи смѣлаго гамбита или стройнаго giuoco piano. Иногда даже наши петербургскіе шахматные кружки, не смотря на свою микроскопичность, такъ оживляются, что составляютъ турниры, матчи, начинаютъ заниматься теоріей; при этомъ во мнѣ всегда пробуждается надежда, что вотъ теперь-то царственная игра войдетъ у насъ наконецъ въ моду, пуститъ глубокіе корни въ холодной петербургской почвѣ и, можетъ быть, получить такое же значеніе какое имѣетъ въ Германіи, Англіи, Америкѣ. Но съ наступленіемъ лѣта, всякій разъ приходится отказаться отъ сладостныхъ надеждъ; отъ мая до сентября шахматная жизнь совершенно замираетъ въ Петербургѣ и самый страстный любитель едва ли найдетъ случай сыграть три-четыре партіи въ мѣсяцъ. Пожалуй намъ скажутъ, что это довольно естественно, что при краткости петербургскаго лѣта, грѣхъ было бы посвящать рѣдкія минуты хорошей погоды шахматнымъ упражненіямъ; тутъ надо гулять, ѣздить верхомъ, наслаждаться вполнѣ дачною жизнью. Но если это такъ, то почему же игра карточ-

ная процвѣтаетъ лѣтомъ, точно также какъ и зимою? Почему ваши *дачники*, претендующіе на пламенную любовь къ природѣ, не забываютъ никогда увезти съ собой на дачу два-три ломберныхъ столика и козыряютъ въ канікулярные жары съ неменьшимъ рвеніемъ какъ и въ крещенскіе морозы? Отчего же въ Берлинѣ, гдѣ лѣто длится не многимъ дольше нашего, жары не убиваютъ шахматной дѣятельности; берлинскій клубъ, съ наступленіемъ лѣта, переселяется за потсдамкіе ворота, въ Carlsbad Garten и тамъ, in's Grüne, продолжаетъ заниматься шахматными партіями и анализами также методично и усердно какъ въ зимней своей резиденціи, въ café Beyer, на Friedrichsstrasse; даже еще усерднѣе: зимою клубъ собирается три раза въ недѣлю (по понедѣльникамъ, середамъ и четвергамъ), а лѣтомъ ежедневно. Нѣтъ, что ни говорите, а періодическое охлажденіе петербургскихъ жителей къ шахматамъ по мѣрѣ возвышенія температуры, происходитъ не отъ любви къ природѣ и идиллическимъ дачнымъ наслажденіямъ, а просто на просто отъ того, что вкусъ къ благородной игрѣ еще не довольно развитъ у насъ, число ея адептовъ слишкомъ незначительно.

Впрочемъ дѣло не въ причинѣ, а въ самомъ фактѣ: Петербургъ мало играющій въ шахматы зимою, лѣтомъ вовсе ихъ покидаетъ. Если это прискорбно немногимъ искреннимъ любителямъ, то для шахматнаго фельетониста это просто несчастіе. Отъ него, безъ различія временъ года, требуютъ шахматныхъ рассказовъ, партій, задачъ; а что рассказывать при совершенномъ затихнѣніи шахматной жизни? какія партіи печатать, когда никто не играетъ? Какъ нарочно послѣдніе нумера иностранныхъ журналовъ тоже не заключаютъ ничего, что могло бы интересовать русскихъ читателей. При такихъ обстоятельствахъ необходимо было рѣшить вопросъ: чѣмъ наполнять Листокъ, въ тѣ несчастные мѣсяцы, когда современность не представляетъ ничего замѣчательнаго? Обдумавъ его хорошенько, я рѣшился печатать въ этихъ случаяхъ небольшія собранія партій, относящихся къ какому нибудь опредѣленному дебюту, обращая при выборѣ этихъ партій вниманіе не на современность ихъ, не на драматичность сопровождавшихъ ихъ обстоятельствъ, ни даже на знаменитость игравшихъ ихъ шахматистовъ, а единственно на ихъ значеніе теоретическое. Всякая партія, хотя бы даже не безошибочная, но могущая служить уясненіемъ характера и значенія дебюта — достойна найти мѣсто въ этомъ собраніи. Подъ вліяніемъ этой мысли напечатаны были въ іюльскомъ Листкѣ шесть партій

нормальнаго дебюта, съ подробными къ нимъ примѣчаніями. Но, русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ, и мнѣ только теперь пришло на мысль, что эти партіи едва ли принесутъ дѣйствительную пользу мало-опытнымъ любителямъ, безъ нѣсколькихъ пояснительныхъ словъ о самомъ дебютѣ, а такъ какъ лучше поздно чѣмъ никогда, то я и предлагаю здѣсь небольшое разсужденіе о значеніи нормальнаго дебюта. При этомъ я вовсе не имѣю претензій сообщать какія либо новыя открытія, а хочу только изложить, какъ можно короче и яснѣе, состояніе вопроса о томъ или другомъ дебютѣ, въ томъ видѣ какъ онъ выработался изслѣдованіями извѣстнѣйшихъ писателей и практикою сильнѣйшихъ игроковъ.

Нормальный или французскій дебютъ $(1) \frac{e2-e4}{e7-e6}^*$) встрѣчается уже у старинныхъ италіанскихъ писателей, но они разбирали его весьма поверхностно, единогласно признавали *неправильнымъ* и конечно не подозрѣвали какую важность суждено было ему приобрести со временемъ. Никому изъ нихъ, — не выключая даже Лолли и Понціани, труды которыхъ относятся уже ко второй половинѣ минувшаго столѣтія, — не пришло на мысль, что послѣ хода 1) $\frac{e7-e6}$ необходимо играть 2) $\frac{d7-d5}$ и что только этимъ способомъ защищающійся можетъ скоро развернуть свои силы, сохраняя въ тоже время твердое оборонительное положеніе; напротивъ того помянутые писатели совѣтывали играть на второмъ ходѣ 2) $\frac{d7-d6}$, что порождаетъ игру въ высшей степени стѣсненную, крайне невыгодную для черныхъ. Этотъ вариантъ французскаго дебюта по справедливости можетъ быть названъ не только *неправильнымъ*, но даже просто совершенно ошибочнымъ, ибо ходъ 2) $\frac{d7-d6}$ безъ всякой надобности запираетъ королевскаго слона, ведетъ къ потери времени, даетъ начинавшему партію возможность распорядиться игрою совершенно свободно и, главное, не имѣетъ рѣшительно никакой цѣли. Филлдоръ ничего не прибавилъ къ анализу этого дебюта и вовсе не помѣстилъ его въ свой учеб-

---

*) Французскимъ этотъ дебютъ называется потому что часто былъ употребляемъ французскими любителями, названіе же нормальнаго присвоено ему г. Ланге въ его *Kritik der Eröffnungen*; основаніе послѣдняго наименованія очевидно изъ предлагаемаго здѣсь анализа.

никъ. Только въ нынѣшнемъ столѣтїи встрѣчаемъ мы, въ сочиненїяхъ Уокера и Лабурдоне, болѣе совершенный вариантъ, а именно:

1) e2—e4	e7—e6
2) d2—d4	d7—d5
3) e4—e5	

Первые два хода съ обѣихъ сторонъ — наилучшіе возможные, но третій ходъ бѣлыхъ нехорошъ, послѣдствїемъ его будетъ:

3)	c7—c5
4) c2—c3	b8—c6
5) g1—f3	d8—b6
6) f1—d3	c8—d7
7) d3—c2	c5—d4°
8) c3—d4°	f7—f6

Этимъ ходомъ черные необходимо приобрѣтаютъ превосходство положенїя напимѣрь:

9) 0—0	f6—e5°
10) d4—e5°	f8—c5

Черные имѣютъ пройденную пѣшку и силы ихъ лучше развернуты, если же

9) e5—f6°, то	g8—f6°
10) 0—0	f8—d6

а за тѣмъ черные рокируютъ и партїя ихъ очень хороша. Уже Лабурдоне усмотрѣлъ что ходъ 3) $\frac{e4-e5}{e7-e6}$ не совсѣмъ хорошъ, но

не представилъ тому никакихъ доказательствъ, а ограничился простымъ замѣчанїемъ, что братъ ферзеву пѣшку было бы лучше. Выше приведенные десять ходовъ открыты не Лабурдоне и не Уокеромъ, а г. Янишемъ*), который первый подвергъ настоящій дебютъ точному анализу и пришелъ къ убѣжденїю, что ходъ

1) $\frac{e4-e5}{e7-e6}$, не только не заключаетъ въ себѣ ничего неправильнаго, какъ думали прежде, но напротивъ того, составляетъ самую вѣрную защиту и имѣетъ послѣдствїемъ совершенное ра-

---

*) Само собою разумѣется, что въ своемъ сочиненїи онъ не ограничивается, для доказательства ошибочности хода 3) $\frac{e4-e5}{e7-e6}$, выписанными нами ходами, а разбираетъ и разныя другїя варианты, которые всѣ приводятъ къ заключенїю, что, какъ бы ни играли бѣлые послѣ 3) $\frac{e4-e5}{e7-e6}$, черные всегда могутъ получить превосходство положенїя (см. Anal. nouv. T. 1 p 46 — 50.)

венство положеній съ обѣихъ сторонъ. Позднѣйшія изслѣдованія разныхъ писателей вполне подтвердили мнѣніе нашего соотечественника и дебютъ, такъ долго признававшійся неправильнымъ, не заслуживавшій почти никакого вниманія писателей, не удостоившійся даже чести попасть въ пресловутую книгу Филидора, провозглашенъ теперь единогласно самымъ правильнымъ, самымъ лучшимъ и получивъ, подъ перомъ г. Ланге, названіе *нормальною*. Вотъ какіе перевороты бывають иногда въ шахматной теоріи!

Излагать здѣсь въ подробности доводы современныхъ писателей въ пользу нормальнаго дебюта повело бы слишкомъ далеко; представимъ тольکو главные моменты его совершенствованія. Доказавъ, какъ сказано было выше, ошибочность хода 3) $e4-e5$, К.

А. Янишъ предложилъ, въ первомъ томѣ своего Анализа (1842г) слѣдующіе ходы какъ наилучшіе:

1) e2—e4	e7—e6
2) d2—d4	d7—d5
3) e4—d5°	e6—d5°
4) c2—c4	g8—f6
5) b1—c3	f8—e7
6) g1—f3	0—0
7) f1—e2	d5—c4°
8) e2—c4°	c8—g4
9) 0—0	b8—c6
10) c1—e3	игра равна.

Нѣсколько времени спустя одинъ берлинскій любитель замѣтилъ, что на 4) $c2-c4$, черные могутъ отвѣтить посредствомъ

4) $f8-b4+$ послѣдствіемъ чего будетъ

5) b1—c3	g8—e7
6) g1—f3	0—0
7) f1—e2	d5—c4°
8) e2—c4°	c8—g4,

а потомъ черные идутъ e7—f5 и начинавшій партію теряетъ всѣ выгоды первенства хода. Г. Янишъ вполне оцѣнилъ справедливость этого замѣчанія и во второмъ томѣ своего сочиненія составилъ новый варіантъ слѣдующаго вида

1) e2—e4	e7—e6
2) d2—d4	d7—d5
3) e4—d5°	e6—d5°

4) g1—f3	g8—f6
5) f1—d3	c7—c5
6) 0—0	c5—d4°

Но неутомимый нашъ аналитикъ не ограничилъ этимъ свѣдѣнїемъ изслѣдованїй и вскорѣ напечаталъ въ Паламедѣ статью, доказывающую что ходъ 5) $\overline{c7-c5}$ не вполне удовлетворителенъ; дѣйствительно вмѣсто его основательнѣе играть 5) $\overline{f8-d6}$ послѣ чего самое лучше будетъ

6) 0—0	0—0

Въ настоящемъ положенїи партїя совершенно равна; на точнѣйшїй анализъ едва ли можетъ открытъ хотя малѣйшее преимущество съ той или другой стороны. Бѣлые конечно могутъ предложить ферзева гамбита (7) $\overline{c2-c4}$, но во первыхъ, принятїе его не представляетъ теперь уже никакой опасности, а во вторыхъ, черные имѣютъ нѣсколько совершенно вѣрныхъ способовъ отказать его. Г. Ланге, много занимавшїйся нормальнымъ дебютомъ, полагаетъ даже, что на 7) $\overline{c2-c4}$ можно отвѣчать посредствомъ 7) $\overline{c7-c5}$ (Lehrbuch des Schachspiels § 209). Если же вмѣсто гамбита, бѣлые станутъ выводить офицеровъ лѣваго фланга, то и это нисколько не нарушитъ равновѣсія обѣихъ сторонъ, напр.

7) c1—e3	c8—e6
8) b1—c3	b8—c6
9) d1—d2	d8—d7
10) a1—e1	a8—e8

или:

7) c1—e3	c8—e6
8) c2—c3	b8—c6
9) b1—d2	d8—e7
10) d1—c2	a8—e8

и въ обоихъ случаяхъ игра совершенно равна.

Теперь перейдемъ къ дебюту сициланскому, партїи котораго составляютъ главный предметъ настоящаго Листка. Англїйскїй писатель Сарраттъ въ дополненїяхъ къ своимъ переводамъ сочиненїй Даміано, Лопеца и Сальвіо (The works of Damiano, Roy Lopez and Salvio. London. 1813.) приводитъ нѣсколько игоръ, въ которыхъ начинающїй открываетъ партїю посредствомъ: королевская пѣшка два хода, а его противникъ отвѣчаетъ такимъ

же движеніемъ пѣшки ферзева слона т. е. 1) $\frac{e7-e5}{c7-c5}$. При томъ

Сарраттъ объясняетъ, что партіи эти почерпнуты имъ изъ одного стариннаго италіянскаго манускрипта, въ которомъ обозначены названіемъ *il giuoco siciliano*; это же имя встрѣчается и въ рукописяхъ знаменитаго Джіоакино Греко. Отсюда названіе — дебютъ сициліанскій. Во время Филидора дебютъ этотъ былъ въ большой модѣ и игрался обыкновенно слѣдующимъ образомъ

1) $\frac{e2-e4}{c7-c5}$ 2) $\frac{f2-f4}$, а за тѣмъ подвигали королевскую пѣшку на

e5 и старались всѣми силами поддержать ее. Г. Янишъ (Anal. nouv. Т. 1. р. 55—59) доказалъ, что эта система атаки не хороша; защищающійся всегда успѣетъ разстроить слишкомъ выдвинутыя пѣшки противника и игра приведется къ одному изъ вариантовъ нормальнаго дебюта, невыгодному для начинающаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Янишъ предложилъ 2) $\frac{g1-f3}$, какъ лучшей второй ходъ для начинающаго. Вскорѣ потомъ появилась въ англійскомъ журналѣ *Chessplayer's Chronicle* статья, предлагавшая новое сочетаніе, а именно 1) $\frac{e2-e4}{c7-c5}$, 2) $\frac{d2-d4}$;

г. Янишъ разсмотрѣлъ его во второмъ томѣ своего *Анализа* (стр. 254—256) и пришелъ къ убѣжденію что ходъ 2) $\frac{d2-d4}$ не только очень хорошъ, но даже имѣетъ преимущество передъ 2) $\frac{g1-f3}$.

Наконецъ въ настоящее время не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что въ сициліанскомъ дебютѣ начинающій имѣетъ только двѣ совершенно правильныя и вѣрныя системы атаки это 2) $\frac{g1-f3}$ и $\frac{d2-d4}$. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

I.

1) e2—e4	c7—c5
2) g1—f3	e7—e6
3) b1—c3	b8—c6
4) f1—b5	d7—d5
5) e4—d5°	e6—d5°
6) d2—d4	

силы бѣлыхъ лучше развернуты, (см. Lange. Lehrbuch des Schachspiels. 1856 стр. 172).

II.

1) e2—e4	c7—c5
2) g1—f3	b8—c6

3) d2—d4	c5—d4°
4) f3—d4°	e7—e6
5) d4—b5	

ходъ d4—b5 принадлежит Левентаю и даетъ несомнѣнное превосходство начинающему (см. Шахматный Листокъ № 3 стр. 56 и 57, а также Paul Morphy, Skizze aus der Schachwelt T. I стр. 180 и Т. II. стр. 68). Если черные съиграютъ 5) $\overline{d7-d6}$, то

6) f1—c4	e6—e5

Бѣлые имѣютъ сильную и вѣрную атаку. Если же 5) $\overline{a7-a6}$, тогда

6) b5—d6 †	f8—d6°
7) d1—d6°	d8—e7
8) d6—g3	

и бѣлые имѣютъ очевидно превосходство положенія.

III.

1) e2—e4	c7—c5
2) d2—d4	c5—d4°
3) g1—f3	

Этимъ игра приводится къ особаго рода центральному гамбиту, едва ли выгодному для начинающаго, какъ можно заключать изъ многихъ партій игранныхъ въ послѣднее время между сильными игроками, по этому лучше, кажется, брать непосредственно пѣшку ферземъ, тогда получимъ напр.

3) d1—d4°	b8—c6
4) d4—d1	

Бѣлые потеряли одинъ темпъ, но за то у нихъ открыта линия ферзя и они могутъ, въ продолженіи нѣсколькихъ ходовъ, препятствовать движенію ферзевой пѣшки противника.

Вообще о сицилійскомъ дебютѣ можно сказать, что, представляя защиту вѣрную и даже энергичскую, — какъ препятствующій образованію центральныхъ пѣшекъ, — онъ даетъ однако возможность начинающему выиграть время (см. варианты I и II) а потому долженъ быть признанъ менѣе выгоднымъ для обороны чѣмъ дебютъ нормальный. Прилагаемыя партіи послужатъ поясненіемъ сказанному.

№ 52.

СИЦИЛИАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

М. ЛАНГЕ. (Бѣлые.)	г. ЛАНГЕ. (Черные.)	16) g1—h2	d6—d5
1) e2—e4	c7—c5	17) e4—e5	f6—e4
2) g1—f3	e7—e6	18) f3—g5	f7—f5(4)
3) b1—c3	a7—a6(1)	19) g5—e4°	f5—e4°
4) d2—d4	c5—d4°	20) d3—b3	a7—f7
5) f3—d4°	f8—c5	21) e2—d4	c8—d7
6) c1—e3	c5—a7(2)	22) g2—g4	g7—g6
7) f1—d3	b8—c6	23) b3—g3	g8—h8
8) c3—e2	d7—d6	24) f4—f5	g6—f5°
9) 0—0	g8—f6	25) g4—f5°	e6—f5°
10) h2—h3	c6—e5	26) e5—e6(5)	f5—f4
11) f2—f4	e5—d3°	27) g3—g5(6)	f7—f6
12) d1—d3°	0—0	28) g5—d5°	f6—h4
13) d4—f3	b7—b5	29) d5—e5+	f8—f6
14) a1—d1	d8—c7	30) d4—f5	h4—g5
15) e3—a7°	c7—a7°+	31) e6—d7°	a8—g8
		32) f1—g1	черные сдаются.

Примѣчанія къ партии № 52.

(1) Съ тѣмъ, чтобъ помѣшать начинающему занять кѣтку b5 слономъ или конемъ. Этотъ ходъ,—часто встрѣчающійся въ сицилианскомъ дебютѣ, — имѣетъ послѣдствіемъ потерю времени, что подтверждаетъ сказанное выше т. е. что въ этомъ дебютѣ, даже при самой лучшей защитѣ, начинающій успѣетъ развить свои силы скорѣе противника.

(2) Съ цѣлю вывести потомъ коня b8; c5—d4° было бы не хорошо.

(3) Черные хотятъ помѣняться офицерами; это имъ необходимо, чтобъ хоть отчасти освободится изъ стѣсненнаго положенія.

(4) Этотъ ходъ необходимъ, но онъ очень ослабляетъ пунктъ e6.

(5) Рѣшительный ходъ, имѣющій послѣдствіемъ пріобрѣтеніе офицера; если черные сыграютъ 26) $\frac{g3-e5+}{d7-e6^\circ}$, то 27) $\frac{g3-e5+}{f7-f6}$

28) $\frac{e5-e6^\circ}{f6-e6^\circ}$ 29) $\frac{d4-c6^\circ}{f8-f6}$ 30) $\frac{e6-f4}{f6-e6^\circ}$ бѣлые имѣютъ лишняго офицера и необходимо выигрываютъ партію.

(6) Можно бы также 27) $\frac{g3-c3}{f6-e6^\circ}$ послѣдствіемъ чего, предполагая съ обѣихъ сторонъ лучшіе ходы, было бы 27) $\frac{b6-b4}{f6-e6^\circ}$ 28) $\frac{c3-c7}{d7-e6^\circ}$ 29) $\frac{c7-e5+}{f7-f8}$ 30) $\frac{e5-e6^\circ}{f6-e6^\circ}$ 31) $\frac{d4-e6^\circ}{f6-e6^\circ}$ и бѣлые непремѣнно выигрываютъ.

№ 53.

СИЦИЛІАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

М. Ланге. (Бѣлые.)	Максъ Беццель. (Черные.)	13) c1—b2	f8—d8
1) e2—e4	c7—c5	14) a1—d1	b7—b6(4)
2) g1—f3	e7—e6	15) b5—c6°	c7—c6°
3) b1—c3	b8—c6	16) e2—d4	f8—d4°
4) f1—b5	g8—e7	17) d2—d4°	e6—e5
5) 0—0	d8—c7(1)	18) f4—e5°	c8—g4
6) d2—d4	c5—d4°	19) e5—d6°(b)	g4—d1°
7) f3—d4°	e7—g6	20) c3—d5	f7—f6
8) d4—e2	f8—c5	21) d5—f6°+	g7—f6°
9) a2—a3	0—0	22) f1—f6°	d8—d7
10) b2—b4	c5—e7(2)	23) f6—g6°+	h7—g6°
11) f2—f4	e7—f6(3)	24) d4—h8+	g8—f7
12) d1—d2	d7—d6	25) h8—g7+	f7—e6
		26) g7—g6×	

Примѣчанія къ партіи № 53.

(1) Этотъ ходъ, имѣющій главною цѣлію избѣжать сдвоеніе пѣшекъ если бѣлые возьмутъ коня слонѣмъ. принадлежитъ вѣстному нѣмецкому любителю Маейту.

(2) Въ подобныхъ случаяхъ слонъ отводится обыкновенно на кѣтку b6, но въ настоящемъ положеніи c5—e7 лучше чѣмъ c5—b6 ибо 1) можетъ встрѣтиться надобность занять кѣтку b6 ферземъ, особенно послѣ того какъ бѣлые подвинутъ пѣшку f. 2) на b6 слонъ мѣшалъ бы подвиганію пѣшки b. 3) на e7 онъ защищаетъ важный пунктъ f6.

(3) Съ цѣлію побудить начинающаго сыграть немедленно e4—e5; тогда черные опять отведутъ слона на e7, а потомъ, посредствомъ f7—f6, откроютъ ладѣ лінію f и развернутъ

тѣмъ свою игру. Но г. Ланге слишкомъ сильный игрокъ, чтобъ попасться на такую ловушку и вмѣсто хода e4—e5, который съ перваго взгляда представляется хорошимъ, играть d1—d2, подкрѣпляя черезъ то пункты c3 и f4.

(4) Этотъ ходъ не хорошъ; но положеніе черныхъ такъ стѣснено, что какъ бы они не съиграли, имъ не удастся развернуть свои силы безъ потери.

(5) Очень хорошо; потеря ладьи d1 не представляетъ никакой опасности.

№ 54.

СИЦИЛИАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

М. Ланге.	Е. Шмидтъ.		
(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2—e4	c7—c5(1)	9) c3—b5	e7—d6°
2) g1—f3	e7—e6	10) b5—d6°+	e8—e7
3) b1—c3	g8—e7	11) d6—c4	b7—b6
4) d2—d4	c5—d4°	12) b2—b3	c8—b7
5) f3—d4°	e7—g6	13) c1—a3+	e7—f6
6) d4—b5(2)	b8—c6	14) 0—0—0	c6—e5
7) b5—d6+	f8—d6°	15) c4—e5°	g6—e5°
8) d1—d6°	d8—e7	16) f2—f4	e5—g4
		17) f1—d3	g4—f2(3)
		18) e4—e5×	

Примѣчанія къ партіи No. 54.

(1) Черные играютъ эту партію весьма слабо, однако она не лишена нѣкотораго интереса, такъ какъ г. Ланге очень хорошо воспользовался ошибками своего противника.

(2) Этотъ ходъ часто встрѣчается въ сицилианскомъ дебютѣ и не рѣдко даетъ начинающему рѣшительный перевѣсъ; для предупрежденія его необходимо играть какъ можно раньше a7—a6 (см. партію No. 52).

(3) Непостижимо какъ можно сдѣлать столь грубую ошибку; впрочемъ, игра черныхъ во всякомъ случаѣ была бы проиграна.

№ 55.

СИЦИЛЯНСКИЙ ДЕБЮТЪ.

М. ЛАНГЕ. (Бѣлые.)	ДЮФРЕНЪ. (Черные.)		
1) e2—e4	c7—c5	23) c2—c4	e7—c6
2) d2—d4(1)	c5—d4°	24) e1—e6(4)	f6—e6°
3) d1—d4°	b8—c6	25) d4—d5°	d6—e7
4) d4—d1	e7—e6	26) d5—d8°+	e7—d8°
5) f1—d3(2)	d7—d5	27) d2—d8°	c6—d8°
6) e4—d5°	e6—d5°	28) c4—c5	g8—f8
7) g1—e2	g8—f6	29) b3—e6°	d8—e6°
8) 0—0	f8—d6	30) c5—c6(5)	f8—e7
9) c1—f4	d6—f4°	31) b2—b3	e7—d6
10) e2—f4°	0—0	32) c6—c7(6)	e6—c7°
11) b1—c3	c8—e6	33) g1—f1	d6—c5
12) h2—h3	d8—d6	34) f1—e2	c5—d4
13) f4—h5	f6—h5°	35) g2—g3	f4—g3°
14) d1—h5°	f7—f5	36) f2—g3°	c7—d5
15) a1—d1	a8—d8	37) e2—d2	d5—f6
16) f1—e1	a7—a6	38) g3—g4	f6—e4+
17) d3—c4	c6—e7	39) d2—c2	g7—g5
18) h5—e2	f8—f6	40) c2—c1	e4—c3
19) d1—d4	b7—b5	41) d1—c3°	d4—c3°
20) c4—b3	b5—b4	42) c1—b1	c3—d2
21) c3—d1(3)	f5—f4	43) b1—b2	d2—e3
22) e2—d2	a6—a5	44) a2—a3	e3—f3

бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 55.

(1) Объ этомъ ходѣ съ достаточною подробностію сказано было выше.

(2) 5) $\frac{c1-e3}{d7-d5}$ было бы, кажется лучше, предполагая напр.

5) $\frac{e4-d5^\circ}{e6-d5^\circ}$ 6) $\frac{g1-f3}{f8-d6}$ 7) $\frac{f1-d3}{g8-f6}$ 8) $\frac{0-0}{0-0}$ 9) $\frac{c2-c4}{d5-c4^\circ}$ 10) $\frac{d3-c4^\circ}{c8-e6}$
 12) $\frac{c4-e6^\circ}{f7-e6^\circ}$ 13) $\frac{d1-b3}{d8-e7}$ 14) $\frac{b1-c3}{d8-e7}$ если же на десятомъ ходѣ чер-

ные не возьмутъ пѣшки, а съиграютъ то 10) $\frac{f3-d4^\circ}{d5-d4}$ то 11) $\frac{f3-d4^\circ}{c6-d4^\circ}$

12) $\frac{e8-d4^\circ}{d6-h2^\circ+}$ 13) $\frac{g1-h2^\circ}{d8-d4^\circ}$ 14) $\frac{d3-h7^\circ+}{d8-d4^\circ}$ и въ обонхъ случаяхъ игра бѣлыхъ хороша.

(3) Нехорошо; надо было играть с3—а4.

(4) Здѣсь представляется чрезвычайно красивый вариантъ, въ которомъ бѣлые теряютъ ферзя, но проводятъ пѣшку на восьмую линію и выигрываютъ партію, а именно 24) $\frac{c4-d5^\circ}{c6-d4^\circ}$ 25) $\frac{d5-e6^\circ}{d4-f3+}$ 26) $\frac{g2-f3^\circ}{d6-d2^\circ}$ 27) $\frac{e6-e7+}{g8-h8}$ 28) $\frac{e7-e8\phi.+}{f6-f8}$ (а если черные возьмутъ ново-созданнаго ферзя, то получаютъ матъ два хода) 29) $\frac{e8-e2}{}$. Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, чтобы г. Ланге сдѣлалъ ошибку сыгравъ 24) $\frac{e1-e6^\circ}{}$ а не 24) $\frac{c4-d5^\circ}{}$ ибо еслибъ онъ избралъ сей послѣдній ходъ, то чернымъ не нужно были бы завоевыватьъ ферзя, а играть слѣдующимъ образомъ 24) $\frac{c6-d4^\circ}{}$ 25) $\frac{d5-e6^\circ}{d4-b3^\circ}$ 26) $\frac{d2-d6^\circ}{d8-d6^\circ}$ 27) $\frac{a2-b3^\circ}{f6-e6^\circ}$ а если 27) $\frac{e6-e7}{}$ то 27) $\frac{f6-e6}{}$ 28) $\frac{e7-e8\phi.+}{e6-e8^\circ}$ 29) $\frac{e1-e8^\circ+}{g8-f7}$ 30) $\frac{e8-e1}{b3-c1}$ и черные въ обоихъ случаяхъ имѣютъ хорошую игру.

(5) Тутъ обнаруживается ошибочность двадцать перваго хода; еслибъ конь стоялъ на а4, побѣда, вѣроятно, осталась бы за бѣлыми, а теперь они должны проиграть партію.

(6) 32) $\frac{g1-f1}{}$ было бы лучше; по крайней мѣрѣ при этомъ была бы нѣкоторая надежда на розыгрышъ.

№ 56.

СИЦИЛИАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

Сенъ.*)	Андерсенъ.	12) c2—c3	c8—b7
(Бѣлые.)	(Черные.)	13) b1—d2	d8—c7
1) e2—e4	c7—c5	14) d3—d4	g6—f4
2) g1—f3	b8—c6	15) e2—d1	a8—f8
3) b1—c3	e7—e6	16) d4—c5°	b6—c5°
4) f1—c4(1)	a7—a6	17) e3—f4°	c7—f4°
5) a2—a4	g8—e7	18) f1—e1	c6—e5
6) d1—e2(2)	e7—g6	19) c4—e2	f5—g5
7) d2—d3(3)	f8—e7	20) g1—f1	e5—g4
8) c1—e3	0—0	21) h2—h4	f4—h2(4)
9) 0—0	f7—f5	22) e2—c4	h2—h1+
10) e4—f5°	f8—f5°	23) f1—e2	h1—g2°
11) c3—b1	b7—b6	24) f3—g5°(5)	e7—g5°

*) Сенъ (Szen) очень сильный венгерскій игрокъ.

25) h4—g5°	g2—f2°+	31) a1—d1°	f5—g5°
26) e2—d3	f2—f5+	32) c4—d3	f8—f2
27) d3—e2	f5—e5+	33) d2—e4	c5—c4+
28) e2—d3	g4—f2+	34) b3—a2	b7—e4°
29) d3—c2	e5—f5+	35) d3—e4°	g5—a5
30) c2—b3	f2—d1°	36) d1—a1	a5—c3

и бѣлымъ матъ не позже четвертаго хода.

Примѣчанія къ партіи No. 56.

(1) Вообще говоря, клѣтка с4 самое лучше мѣсто для слона въ началѣ партіи,*) но когда королевская пѣшка противника подвинута на одно мѣсто, занятіе помянутой клѣтки уже менѣе выгодно, ибо въ этомъ случаѣ слонъ не атакуеть слабого пункта f7 и къ тому же легко можетъ быть отрѣзанъ посредствомъ d7—d5.

(2) Послѣ этого черные не могутъ уже играть d7—d5; но, не смотря на то, они скоро и весьма красиво развертываютъ свою игру.

(3) Эту пѣшку слѣдовало подвигать еще раньше и не на одно, а на два мѣста (d2—d4)

(4) Очень красивый ходъ; если бѣлые возьмутъ ферзя, то получатъ матъ въ три хода.

(5) Атака черныхъ такъ сильна, что пожертвованіе ладьи не представляетъ никакой опасности.

№ 57.

СИЦИЛІАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

Фонъ-деръ-Лазз. Ганштейнъ.

(Бѣлые.)

(Черные.)

1) e2—e4	c7—c5	8) d1—b3	d8—d7
2) d2—d4	c5—d4°	9) f3—g5	g4—h5
3) f1—c4	e7—e5	10) f2—f4	h7—h6
4) g1—f3	d7—d6(1)	11) g5—h3	c6—a5(2)
5) c2—c3	d4—c3°	12) b3—b4	a5—c4°
6) b1—c3°	b8—c6	13) b4—c4°	a8—c8
7) 0—0	c8—g4	14) c4—d3	h5—g4
		15) h3—f2	g4—e6
		16) b2—b3	f7—f5

*) Разумѣется что мы говоримъ о бѣлыхъ пашкахъ, примѣняя тоже сужденіе къ чернымъ, получимъ, что для ихъ слона самое выгодное мѣсто—клѣтка с5; Это совершенно понятно или всякаго сколько нибудь ознакомившагося и съ алгебраической нотацией.

17) e4—f5°	e6—f5°	30) e5—d5°+	d8—e8
18) d3—e3	d7—c6	31) g2—g4	a5—b6+
19) c1—b2	c6—c5	32) g1—h1	f5—c2
20) e3—f3	c5—c6	33) b2—a3	f8—a3°
21) f3—e2	c6—c5	34) b5—a3°.	c6—b4
22) a1—c1	c5—a5	35) d5—f3	e8—d8
23) f4—e5°	d6—d5(3)	36) a3—c2°	b4—c2°
24) f2—d3	g7—g6	37) f4—d5	b6—e6°
25) d3—f4	g8—e7	38) f3—f8+	e6—e8
26) c3—b5	e8—d8	39) f8—e8°+	d8—e8°
27) e5—e6	h8—h7	40) d5—f6+	черные теряют ладью и проигрываютъ партію.
28) e2—e5	c8—c6(4)		
29) c1—c6°	e7—c6°		

Примѣчанія къ партіи No. 56.

(1) 4) $\frac{d8-c7}{d8-c7}$ было бы лучше.

(2) Можно бы также c6—d4, послѣдствіемъ чего было бы вѣроятно 12) $\frac{c4-b5}{d4-b3°}$ 13) $\frac{b5-d7°+}{e8-d7°}$ 14) $\frac{a2-b3°}{e8-d7°}$; игра бѣлыхъ все таки лучше.

(3) Если 23) $\frac{c3-e4}{a5-e5°}$ то 24) $\frac{c3-e4}{d6-e5°}$, а если 23) $\frac{c3-b5}{d6-e5°}$ то 24) $\frac{c3-b5}{d6-e5°}$ и въ обоихъ случаяхъ чернымъ плохо.

(4) Если вмѣсто этого черные возьмутъ коня ферземъ, то 29) $\frac{e5-d6+}{d8-e8}$ 30) $\frac{f4-d5}{d8-e8}$ и бѣлые выигрываютъ.

Въ то самое время какъ мы горевали о недостаткѣ матеріаловъ для настоящаго Листка, знаменитѣйшій изъ русскихъ шахматистовъ, А. Д. Петровъ, прислалъ намъ изъ Варшавы небольшую партію игранную недавно въ Парижѣ между гг. Колишемъ и Мандольфо. Колишь даетъ своему противнику ферзеву ладью впередъ, и тѣмъ не менѣе одерживаетъ самую блестящую, можно сказать гениальную побѣду. Начало партіи вовсе не замѣчательно, но за то конецъ, просто очарователенъ.

№ 58.

ЗАЩИТА КОНЕМЪ НА ВЫХОДЪ СЛОНА.

Г. Мондольфо. Г. Колишь
(Черные.) (Бѣлые.)

Бѣлые даютъ впередъ ладью d1.

1) e7—e5	e2—e4	10) d8—e7	c1—g5
2) f8—c5	g1—f3	11) 0—0	f1—c4
3) b8—c6	c2—c3	12) c8—g4	h2—h3
4) d7—d6	b2—b4	13) h7—h6	h3—h4
5) c5—b6	a2—a4	14) h6—g5°	h4—g5°
6) a7—a5	b4—b5	15) f6—e4°	c3—d5
7) c6—a7	d2—d4	16) e7—e8	f3—e5
8) e5—d4°	c3—d4°	17) g4—d1°	e5—g6
9) g8—f6	b1—c3		

За симъ черные сдаются и дѣйствительно, какъ бы они ни съиграли, имъ матъ не позже втораго хода а именно если 1) даютъ шахъ ферземъ, играя коня e4 на какую угодно клетку, то 18) $\frac{d5-e7+}{d5-e7+}$ 19) $\frac{e8-e7^{\circ}+}{g6-e7^{\circ}\times}$. 2) 18) $\frac{f7-g6^{\circ}}{d5-f6^{\circ}\times}$ *) матъ, да еще какой красивый, такъ называемый индѣйскій, т. е. съ двойнымъ шахомъ 3) при всякомъ другомъ ходѣ бѣлые даютъ матъ посредствомъ 18) $\frac{h1-h8}{h1-h8\times}$.

*) Или f7—f6 или f7—f5.

Въ прошломъ номерѣ Листка я сдѣлалъ непростительную и совершенно непостижимую ошибку, сказавъ на стр. 163 «основатель французской шахматной школы Мишель Даниканъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Филидора и проч». Это невѣрно: Филидора звали François-André, а имя Мишель принадлежитъ его отцу, дѣду и прадѣду.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 6-я)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе.)

8. Сила Ферзя.

Когда въ игрѣ одни только ферзи при пѣшкахъ, то игра почти всегда бываетъ ничья, хотя бы на сторонѣ одного изъ ферзей было бы двѣ-три пѣшки лишнія. Это потому, что ферзю трудно помѣшать давать вѣчный шахъ. Вообще, сила ферзя на доскѣ подходящей къ свободной столъ велика, что только развѣ три-четыре фигуры при пѣшкахъ могутъ его побороть.

Какъ исключеніе изъ общаго провила предлагаю 4 примѣра.

Діагр. LXVIII. Бѣл. выиграютъ только при своемъ ходѣ.

- 1) $\frac{g5-b5+}{e8-f7}$ 2) $\frac{b8-b7}{d6-e7}$ 3) $\frac{b5-d5+}{f7-g7}$ 4) $\frac{b7-c8}{g7-h6}$ 5) $\frac{c8-b8}{e7-b4+}$ 6) $\frac{d5-b7}{b4-f4}$
 7) $\frac{b8-a7}{b8-a7}$ бѣлые выигрываютъ; или: 4) $\frac{e7-b4+}{e7-b4}$ 5) $\frac{c8-d8}{b4-h4+}$ 6) $\frac{d8-e8}{h4-h8+}$
 7) $\frac{e8-d7}{h8-h3+}$ 8) $\frac{d5-e6}{h3-d3+}$ 9) $\frac{d7-e8}{d7-e8}$ бѣлые выигрываютъ; или:
 4) $\frac{e7-f8+}{e7-f8+}$ 5) $\frac{c8-d7}{c8-d7}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. LXIX. Если бѣлые начинаютъ, то игра рѣшается въ два хода: 1) $\frac{g8-g7}{a2-b2+}$ 2) $\frac{f3-f6+}{f3-f6+}$; или: 1) $\frac{g8-g7}{a2-a7}$ 2) $\frac{f3-f2+}{f3-f2+}$ но если черные начинаютъ, то ничья слѣдующимъ образомъ:

- $b6-c7$ 1) $\frac{g8-g7}{a2-a1+}$ 2) $\frac{f3-f6}{a1-g1+}$ 3) $\frac{g7-h7}{g1-h2+}$ 4) $\frac{h7-g8}{h2-g2+}$ 5) $\frac{f6-g7}{g2-d5}$
 ничья.

Діагр. LXX. 1) $\frac{h5-d1+}{a4-d1^o}$ 2) $\frac{d7-d8\phi+}{d7-d8\phi+}$ бѣлые выигрываютъ.

Отд. IV.

Діагр. LXXI. 1) $\frac{\quad}{a1-c3+}$ 2) $\frac{e7-c5}{\quad}$ бѣлые выигрываютъ;
 1) $\frac{\quad}{a1-a5+}$ 2) $\frac{c7-c6+}{\quad}$ бѣлые выигрываютъ; 1) $\frac{\quad}{a1-d4c}$ чернымъ въ
 3 хода матъ; 1) $\frac{\quad}{a1-a6}$ 2) $\frac{e7-c5+}{a7-a8}$ 3) $\frac{c5-c6+}{\quad}$ бѣлые выигрыва-
 ютъ; 1) $\frac{\quad}{a7-a6}$ 2) $\frac{e7-d6+}{a6-a5}$ 3) $\frac{d6-b4+}{a5-a4}$ 4) $\frac{b6-a6+}{\quad}$ бѣлые выигры-
 наютъ.

Если съ одной стороны ферзь, а съ другой пѣшки, общимъ правиломъ можно положить выигрышъ для ферзя; ибо, не говоря уже о вѣчномъ шахѣ и затрудненіи проводить пѣшки въ дамки, если иногда и удастся доводить пѣшки до 7^а линіи, первенство хода остается за ферземъ; а эта выгода въ этой игрѣ бываетъ обыкновенно столь велика, что не рѣдко равняется силѣ всѣхъ пѣшекъ взятыхъ вмѣстѣ.

Діагр. LXXII. 1) $\frac{b4-b5}{a7-a8\text{ф.}}$ 2) $\frac{d1-d7+}{b7-b8}$ 3) $\frac{b5-b6}{\quad}$ и въ 2 хода матъ.

Діагр. LXXIII. 1) $\frac{\quad}{d4-b4+}$ 2) $\frac{b7-a8}{b4-a5+}$ 3) $\frac{a8-b7}{a5-b5+}$ 4) $\frac{b7-a8}{b5-c6+}$
 5) $\frac{a8-b8}{c6-b6+}$ 6) $\frac{b8-a8}{\quad}$ ничья.

Діагр. LXXIV. 1) $\frac{\quad}{f2-c5+}$ 2) $\frac{c7-d7}{c5-b6}$ 3) $\frac{d7-c3}{b6-c6+}$ 4) $\frac{c8-b8}{c2-c3}$ 5) $\frac{b8-a7}{c6-c7}$
 6) $\frac{a7-a8}{c7-a5+}$ и т. д. Подобные примѣры разбираются во всѣхъ почти руководствахъ.

Для изученія игры ферзя противъ нѣсколькихъ оѣнцеровъ предлагаю примѣры.

Діагр. LXXV. 1) $\frac{f7-h5+}{g7-h6}$ 2) $\frac{e4-e5}{f6-f8}$ (если h7—g7, то 3) $\frac{h5-e8}{f6-f8}$
 4) $\frac{e8-c6}{\quad}$ и берутъ пѣшку; а если 2) f6—g6, то 3) $\frac{e5-f5}{g6-g7}$ 4) $\frac{h5-e8}{g7-g8}$
 5) $\frac{e8-f7+}{g8-g7}$ 6) $\frac{f7-e6}{\quad}$ и берутъ пѣшку) 3) $\frac{e5-e6}{f3-g8}$ 4) $\frac{h5-f7+}{g8-g7}$ 5) $\frac{f7-f5+}{h7-h8}$
 6) $\frac{f5-d8}{\quad}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. LXXVI. Для двухъ слоновъ возьмемъ то положеніе, которое обыкновенно разбирается. Авторы признаютъ его розыгрышнымъ, но я согласиться съ этимъ не могу.

1) $\frac{a4-d7+}{g7-g8}$ 2) $\frac{d7-e6+}{g8-g7}$ 3) $\frac{g4-f4}{g6-h7}$ 4) $\frac{e6-d7+}{g7-g6}$ здѣсь заставляютъ играть ферзя на e8, и тогда дѣйствительно розыгрышъ; но я полагаю, что если сыграть 5) $\frac{f4-f3}{\quad}$, то бѣлые выигрываютъ.
 Ибо: если 5) $\frac{\quad}{g6-h6}$, то d7—f7; если 5) $\frac{\quad}{f6-h8}$ или 5) $\frac{\quad}{f6-g7}$ то

d7—e8; если, наконецъ, 5) $\frac{\quad}{h7-g8}$, то: 6) $\frac{f3-e4}{g8-h7}$ 7) $\frac{d7-g4+}{g6-f7+}$ (если g6—h6, то e4—f4) 8) $\frac{e4-d5}{h7-g6}$ 9) $\frac{g4-d7+}{f7-g8}$ (если f6—e7, то d7—e6)
 10) $\frac{d5-e6}{f8-g7}$ 11) $\frac{d7-e7}{g2-h7}$ 12) $\frac{e7-h4+}{h7-g8}$ 13) $\frac{h4-g5}{g8-h7}$ 14) $\frac{e6-e7}{g7-h8}$ 15) $\frac{g5-h4+}{h7-g7}$
 16) $\frac{h4-h3}{g6-f7}$ 17) $\frac{h3-c3+}{g7-h7}$ 18) $\frac{c3-c7}{f7-g6}$ 19) $\frac{e7-f8+}{h7-h6}$ 20) $\frac{f2-g8}{\quad}$ бѣлые выигрываютъ.

Розыгрышъ можетъ быть только въ положеніяхъ подобныхъ діагр. LXXVII. гдѣ король бѣлыхъ запертъ на краю доски. И какъ подобныя положенія почти не встрѣчаются на практикѣ, то и розыгрышъ составляетъ исключеніе.

Діагр. LXXVIII. 1) $\frac{g2-g8+}{e6-f6}$ 2) $\frac{g8-h8+}{f6-e6}$ 3) $\frac{h8-e8+}{e6-f6}$ 4) $\frac{c6-d5}{e5-f4}$
 5) $\frac{e3-g8}{f4-g5}$ 6) $\frac{g8-f3+}{f6-g6}$ 7) $\frac{d5-e5}{f5-g4}$ 8) $\frac{f8-h8}{g4-h5}$ 9) $\frac{h8-g8+}{g6-h6}$ 10) $\frac{e5-f5}{\quad}$ бѣлые выигрываютъ.

Противъ коней выигрышъ труднѣе.

Діагр. LXXIX. 1) $\frac{\quad}{g4-e3}$ 2) $\frac{b8-f4+}{c5-e4}$ 3) $\frac{g7-f7}{e3-f5}$ 4) $\frac{f7-e6}{f5-e3}$ 5) $\frac{f4-h4}{e3-d5}$
 6) $\frac{e6-f5}{d5-b3}$ ничья.

Діагр. LXXX. 1) $\frac{e6-b3}{b4-a6}$ 2) $\frac{b3-d5}{a6-b4}$ 3) $\frac{d5-a8+}{b4-a6}$ 4) $\frac{d7-c6}{b5-c7}$ 5) $\frac{a3-b7}{a5-a4}$
 6) $\frac{b7-b2}{a4-a5}$ 7) $\frac{b2-a3}{\quad}$

Діагр. LXXXI. 1) $\frac{d4-e2}{h5-f5+}$ 2) $\frac{e5-f3}{e5-c5}$ 3) $\frac{f2-f1}{c5-c7}$ 4) $\frac{f1-f2}{c7-b6+}$
 5) $\frac{f2-f1}{b6-b1+}$ 6) $\frac{f1-f2}{\quad}$ ничья.

или: 1) $\frac{d4-e2}{h5-e5^{\circ}}$ 2) $\frac{e2-g3+}{h1-h2}$ 3) $\frac{g3-f1+}{h2-h1}$ 4) $\frac{f1-g3+}{e5-g3^{\circ}}$ 5) $\frac{f2-g3^{\circ}}{h3-h2}$
 6) $\frac{g3-f2}{\quad}$ ничья.

Діагр. LXXXII. 1) $\frac{c2-d3+}{c4-b4}$ 2) $\frac{e3-d4}{b4-b3}$ 3) $\frac{d3-a6}{c3-a2}$ 4) $\frac{a6-d3+}{e4-c3}$
 5) $\frac{d3-e3}{b3-c2}$ 6) $\frac{e3-f3}{c2-b3}$ 7) $\frac{f3-f2}{a2-b4}$ 8) $\frac{f2-d2}{b4-c2+}$ 9) $\frac{d4-d3}{c2-b4+}$ 10) $\frac{d3-e3}{b4-c2+}$
 11) $\frac{e3-f3}{d5-d4}$ 12) $\frac{f3-f4}{b3-b2}$ 13) $\frac{f4-e5}{c3-a2}$ 14) $\frac{e5-d5}{d4-d3}$ 15) $\frac{d5-c4}{a2-c1}$ 16) $\frac{d2-c3+}{b2-b1}$
 17) $\frac{c3-a5}{c2-e3+}$ 18) $\frac{c4-c3}{e3-d1+}$ 19) $\frac{c3-b4}{d3-d2}$ 20) $\frac{b4-a3}{d1-b2}$ 21) $\frac{a5-b4}{\quad}$ ничья.

Діагр. LXXXIII. 1) $\frac{d5-e7+}{c3-d3}$ 2) $\frac{e7-c6+}{d8-e8}$ 3) $\frac{d6-c7}{f7-f5}$ 4) $\frac{e5-e6}{f5-f4}$
 5) $\frac{h7-f6+}{e3-f8}$ 6) $\frac{e6-e7+}{f3-f7}$ 7) $\frac{e7-e8\phi+}{a8-e8^{\circ}}$ 8) $\frac{f6-e8^{\circ}}{f7-e5^{\circ}}$ 9) $\frac{c6-e5}{\quad}$ бѣлые выигрываютъ.;

или: 6) $\frac{f8-g7}{f8-g7}$ 7) $\frac{e7-e8\phi}{a8-e8^o}$ 8) $\frac{f6-e8^o}{f4-f3}$ 9) $\frac{c6-d4}{f3-f2}$ 10) $\frac{d4-f5}{g7-f5}$
 11) $\frac{f5-e3}{f5-e3}$ бѣлые выигрываютъ.

Ошибочно было бы въ 3^а ходѣ h7—f6 ибо: 3) $\frac{f6-d7+}{e3-f3}$ 4) $\frac{f6-d7+}{f3-g3}$
 5) $\frac{d7-b8}{d7-b8}$ ничья.

Діагр. LXXXIV. 1) $\frac{e3-e2}{g3-e7}$ 2) $\frac{e4-g6+}{g1-h1}$ 3) $\frac{g6-c6+}{g6-c6+}$ бѣлые выигрываютъ; или: 1) $\frac{e3-e2}{g3-f2}$ 2) $\frac{e4-g6+}{g3-f2}$ бѣлые выигрываютъ; или:
 1) $\frac{e3-e2}{g3-b3}$ 2) $\frac{e4-b1}{e4-b1}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. LXXXV. Это положеніе предложено въ «Handbuch» какъ розыгрышное; но по моему мнѣнію выигрышъ возможенъ.
 1) $\frac{c6-d5+}{f7-g6}$ 2) $\frac{d5-g3}{f6-g5}$ 3) $\frac{d7-d6}{g5-f6}$ 4) $\frac{d6-d5}{f6-g5}$ 5) $\frac{g3-f3}{g5-f6}$ 6) $\frac{d5-e4}{f6-g5}$ 7) $\frac{e4-e5}{g6-h7}$
 8) $\frac{f3-f7}{h7-h6}$ 9) $\frac{e5-e4}{h6-h7}$ 10) $\frac{e4-f3}{h7-h6}$ 11) $\frac{f3-g4}{g5-e3}$ 12) $\frac{f7-e7}{e3-c1}$ 13) $\frac{e7-c5}{e7-c5}$
 бѣлые выигрываютъ.

Противъ ладьи ферзь долженъ выиграть; бываютъ однакожъ исключенія, какъ напр. Діагр. LXXXVI. гдѣ при ходѣ черн. игра ничья.

Противъ ладьи при пѣшкахъ выигрышъ зависитъ отъ первенства хода, отъ силы пѣшекъ и отъ положенія короля и ладьи; большею частью бываетъ такъ, что всѣ выгоды на сторонѣ ферзя.

Самое выгодное положеніе для ферзя есть то, когда пѣшка на одинъ шагъ отъ своей кѣтки; тогда, какъ доказалъ Филидоръ, выигрышъ форсируется въ нѣсколько ходовъ.

Самое же не выгодное положеніе для ферзя есть то, когда пѣшка не сдвинута съ своей кѣтки; тогда выигрышъ бываетъ крайне затруднителенъ.

Чтобы показать до какой степени выигрышъ затруднителенъ, а иногда и невозможенъ, привожу два примѣра. Въ діагр. LXXXVII. ферзь выиграетъ, но въ діагр. LXXXVIII. ничья.

1) $\frac{g2-b7+}{d7-d8}$ 2) $\frac{b7-c6}{f5-d5+}$ 3) $\frac{d4-e4}{d8-e7}$ 4) $\frac{c6-c7+}{e7-e8}$ 5) $\frac{e4-f4}{d5-f5+}$ 6) $\frac{f4-g4}{d6-d5}$
 7) $\frac{c7-d6}{e3-f7}$ 8) $\frac{d6-d7+}{f7-f6}$ 9) $\frac{d7-e3}{f5-g5+}$ 10) $\frac{g4-h4}{g5-f5}$ 11) $\frac{e3-f3+}{f6-e5}$ 12) $\frac{f3-e7}{f5-f4+}$
 13) $\frac{h4-g5}{f4-e4}$ 14) $\frac{e7-c7+}{e5-d4}$ 15) $\frac{g5-f6}{d4-d3}$ 16) $\frac{f6-e7}{e6-e5}$ 17) $\frac{e7-d6}{d5-d4}$ 18) $\frac{c7-b7}{d3-c3}$

- 19) $\frac{d6-d5}{e4-g4}$ 20) $\frac{d5-e5^{\circ}}{g4-g5+}$ 21) $\frac{e5-f6}{g5-c5}$ 22) $\frac{h7-a7}{c5-c3}$ 23) $\frac{f6-e5}{c3-d3}$ 24) $\frac{a7-b7}{d3-d2}$
 25) $\frac{b7-e4+}{e8-f2}$ 26) $\frac{e5-f4}{d2-d1}$ 27) $\frac{e4-f3+}{f2-e1}$ 28) $\frac{f4-e4}{d1-d2}$ 29) $\frac{e4-d5}{d2-d1}$ 30) $\frac{d5-c4}{d1-d2}$
 31) $\frac{c4-b8}{d2-d1}$ 32) $\frac{b3-c2}{d4-d3+}$ 33) $\frac{c2-c3}{d1-c1+}$ 34) $\frac{c3-d4}{d3-d2}$ 35) $\frac{f3-e3+}{e1-d1}$ 36) $\frac{d4-d3}{}$

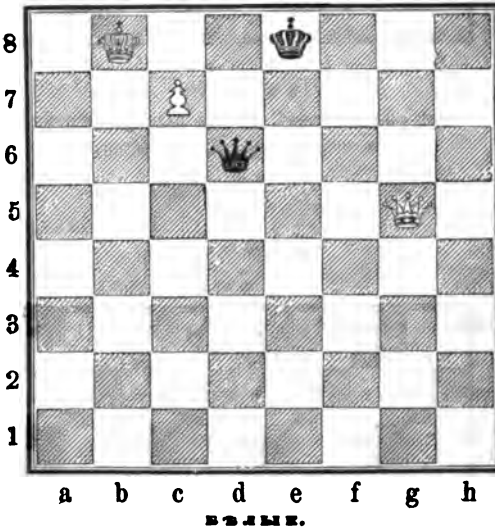
БѢЛЫЕ ВЫИГРѢВАЮТЪ.

Если бы въ 16^а ходъ d3d4, то c7g3, а если бы въ 13^а ходъ f4f5+, то 14) $\frac{g5-g6}{f6-f4}$ 15) $\frac{e7-c7+}{e5-e4}$ 16) $\frac{c7-c2+}{e4-e5}$ 17) $\frac{c2-h2}{e5-e4}$ 18) $\frac{h2-e2+}{}$

БѢЛЫЕ ВЫИГРЫВАЮТЪ.

LXVIII.

ЧЕРНЫЕ.

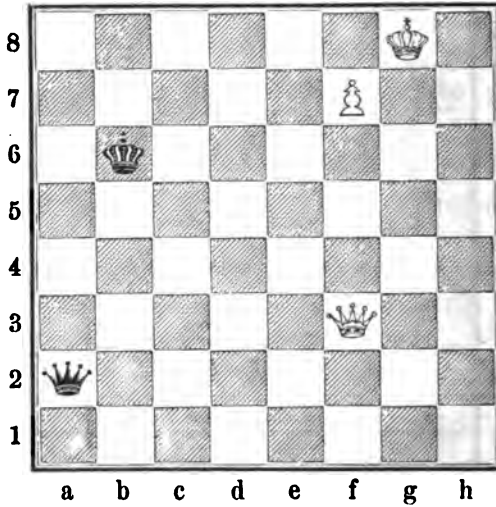
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ ПРИ СВОЕМЪ ХОДѢ ВЫИГРЫВАЮТЪ.

LXIX.

ЧЕРНЫЕ.

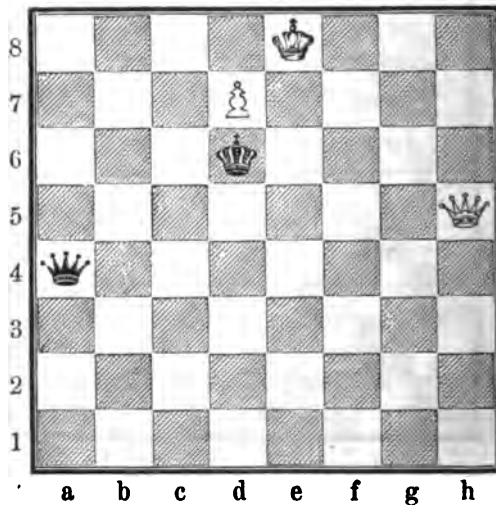

БѢЛЫЕ.

При своемъ ходѣ бѣлые выигрываютъ;
при ходѣ черныхъ — ничья.

LXX.

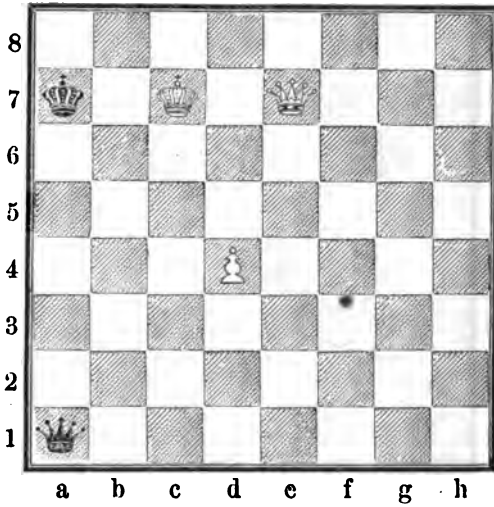
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

LXXI.

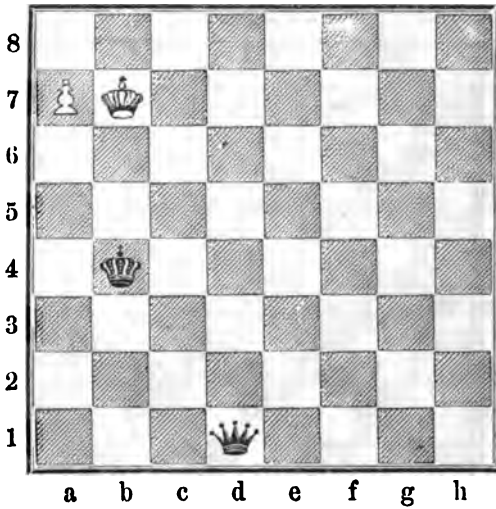
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

LXXII.

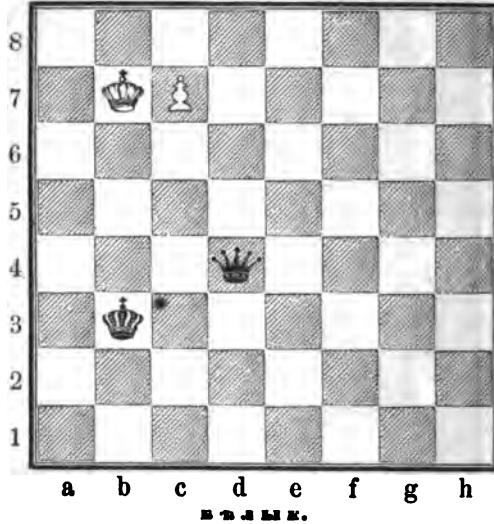
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

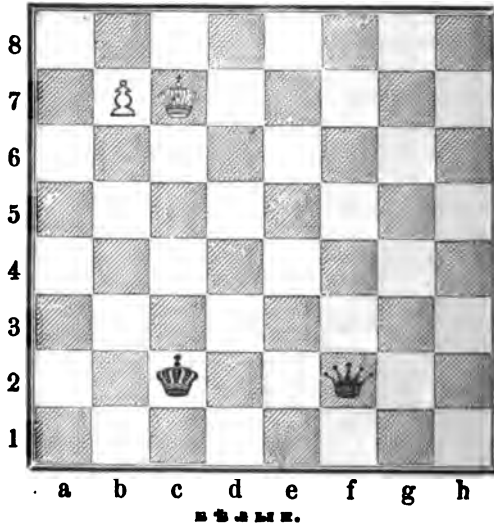
LXXIII.

ЧЕРНЫЕ.

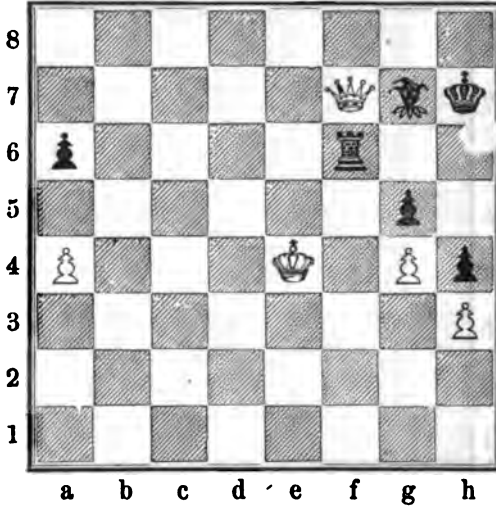
LXXIV.

ЧЕРНЫЕ.

LXXV.

ЧЕРНЫЕ.

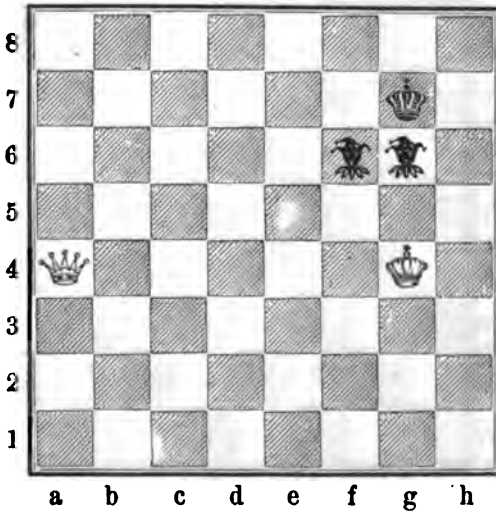

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и выигрываютъ.

LXXVI.

ЧЕРНЫЕ.

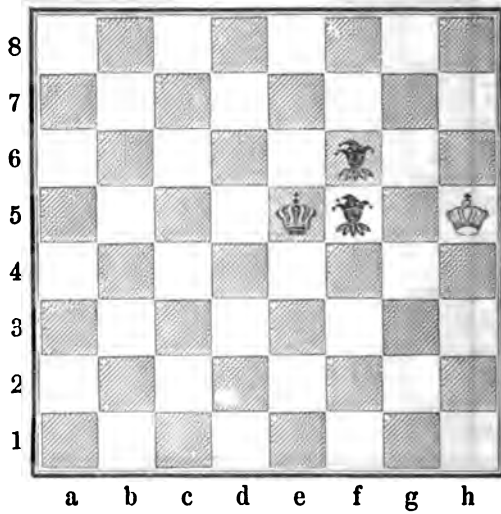

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и выигрываютъ.

LXXVII.

ЧЕРНЫЕ.

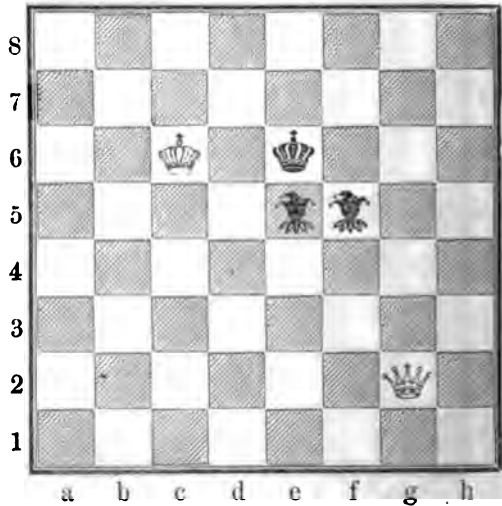

БЕЛЫЕ.

Куда бы ни поставить белого ферзя — игра ничья.

LXXVIII.

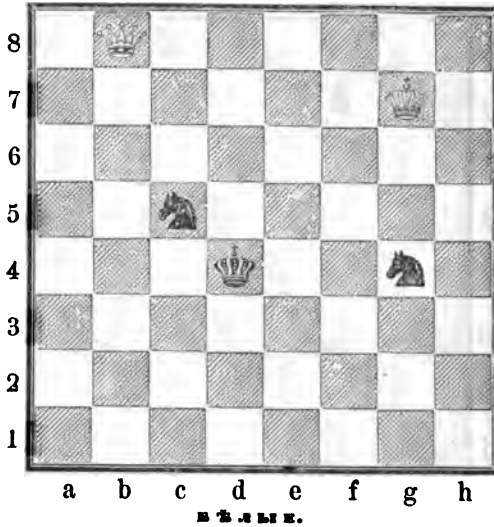
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

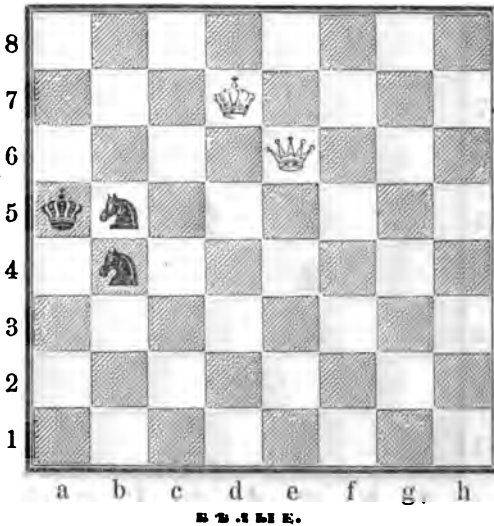
LXXIX.

ЧЕРНЫЕ.

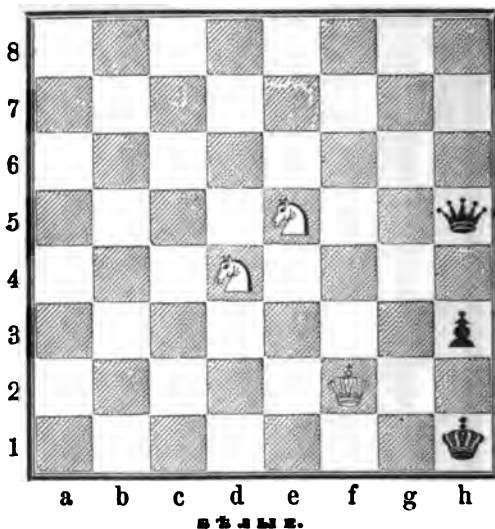
LXXX.

ЧЕРНЫЕ.

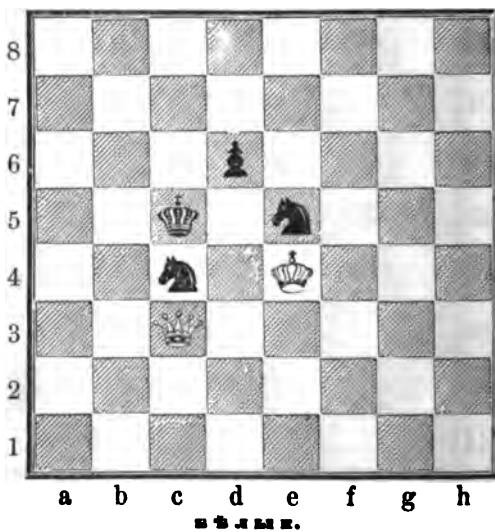
LXXXI.

ЧЕРНЫЕ.

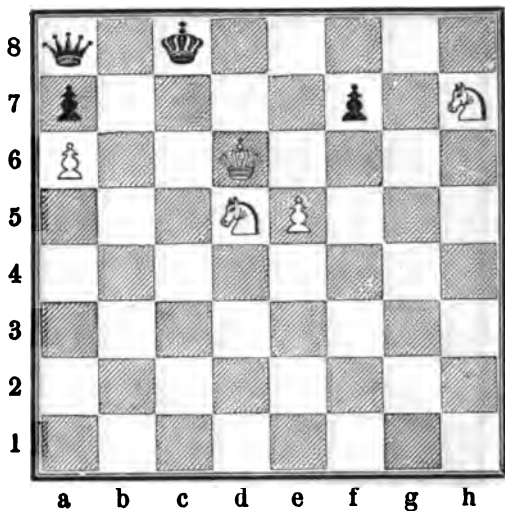
LXXXII.

ЧЕРНЫЕ.

LXXXIII.

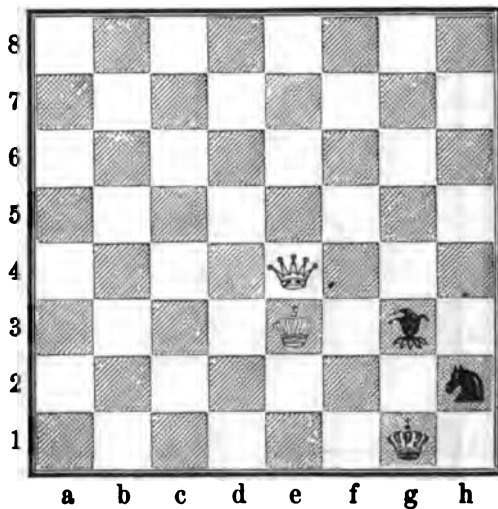
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

LXXXIV.

ЧЕРНЫЕ.

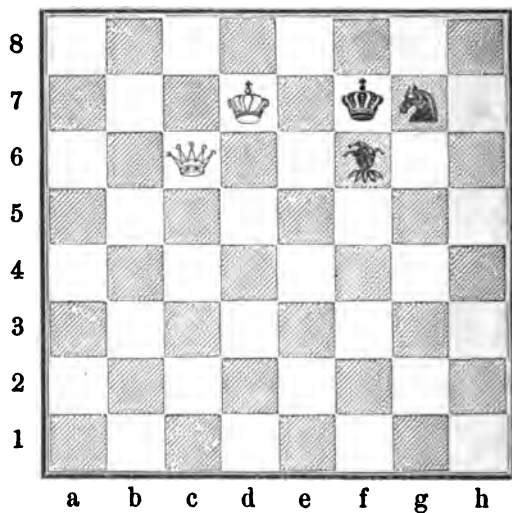

БЕЛЫЕ.

LXXXV.

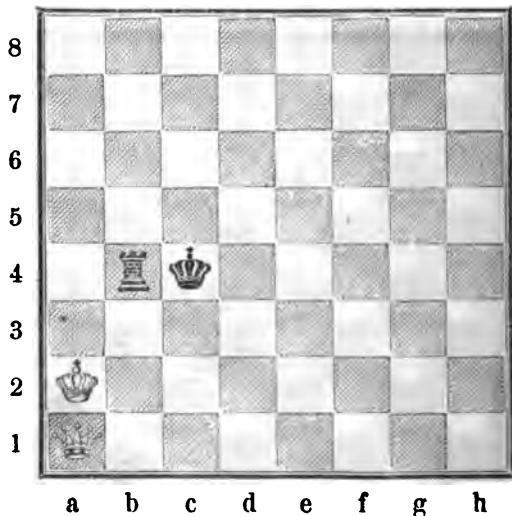
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

LXXXVI.

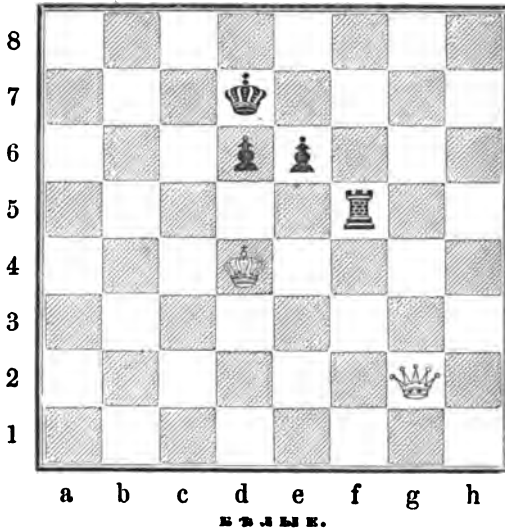
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

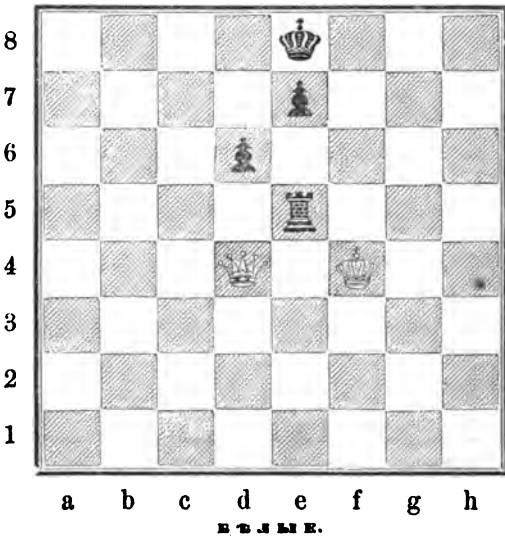
LXXXVII.

ЧЕРНЫЕ.

LXXXVIII.

ЧЕРНЫЕ.

РЪШЕНИЕ ЗАДАЧЪ.

№ 11.

1) f5—f7 . e6—f7° (A) (B)

2) e4—d5×

(A)

1) . . . . . f8—e7

2) f7—e7°×

(B)

При всякомъ другомъ ходѣ черныхъ бѣлые идутъ 2 d7—d8 дѣлаютъ коня и чернымъ матъ.

№ 12.

1) f4—c4+ e5—e6

2) f5—d6+ d5—f5

3) c4—c6+ d1—d5

4) h5—f4+ e6—e5

5) f4—d3+ e5—e6

6) c2—d1 a6—a5*)

7) d1—e1 a5—a4

8) d3—b2 a4—a3

9) b2—d1 h8—f7

10) d6—e4 f7—d6

11) e4—d2 e3—d2°×

*) Если вмѣсто этого хода черные пойдутъ конемъ, то d6—e4.

Что касается до кипергана А. Д. Петрова, посвященнаго г. Морфи, то мы, во вниманіе къ чрезвычайной сложности этой задачи, отлагаемъ ея рѣшеніе еще на нѣкоторое время.

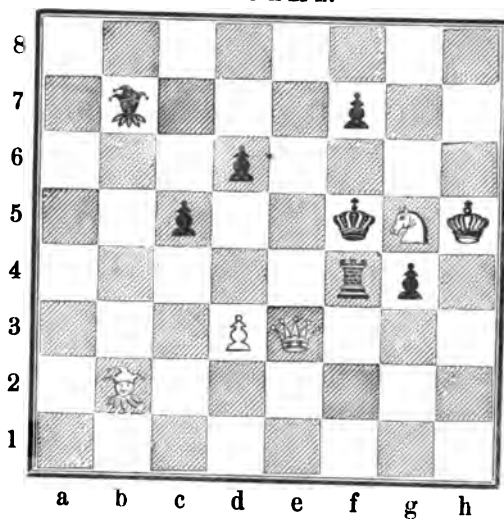
Корреспонденція. г. Г—ру (въ Кіевѣ) Доставленное вами рѣшеніе задачи г. Николаева — совершенно вѣрно.

Задачи.

№ 15.

Ф. Галея (въ Лондонѣ.)

ЧЕРНЫЕ.

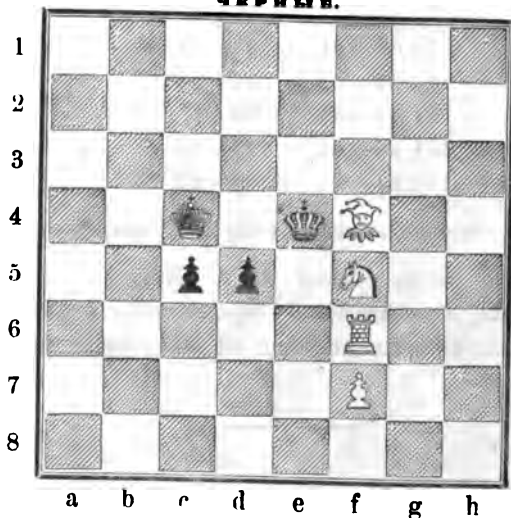
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 16.

Конрада Байера (въ Вѣнѣ.)

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

24

1925 1948

